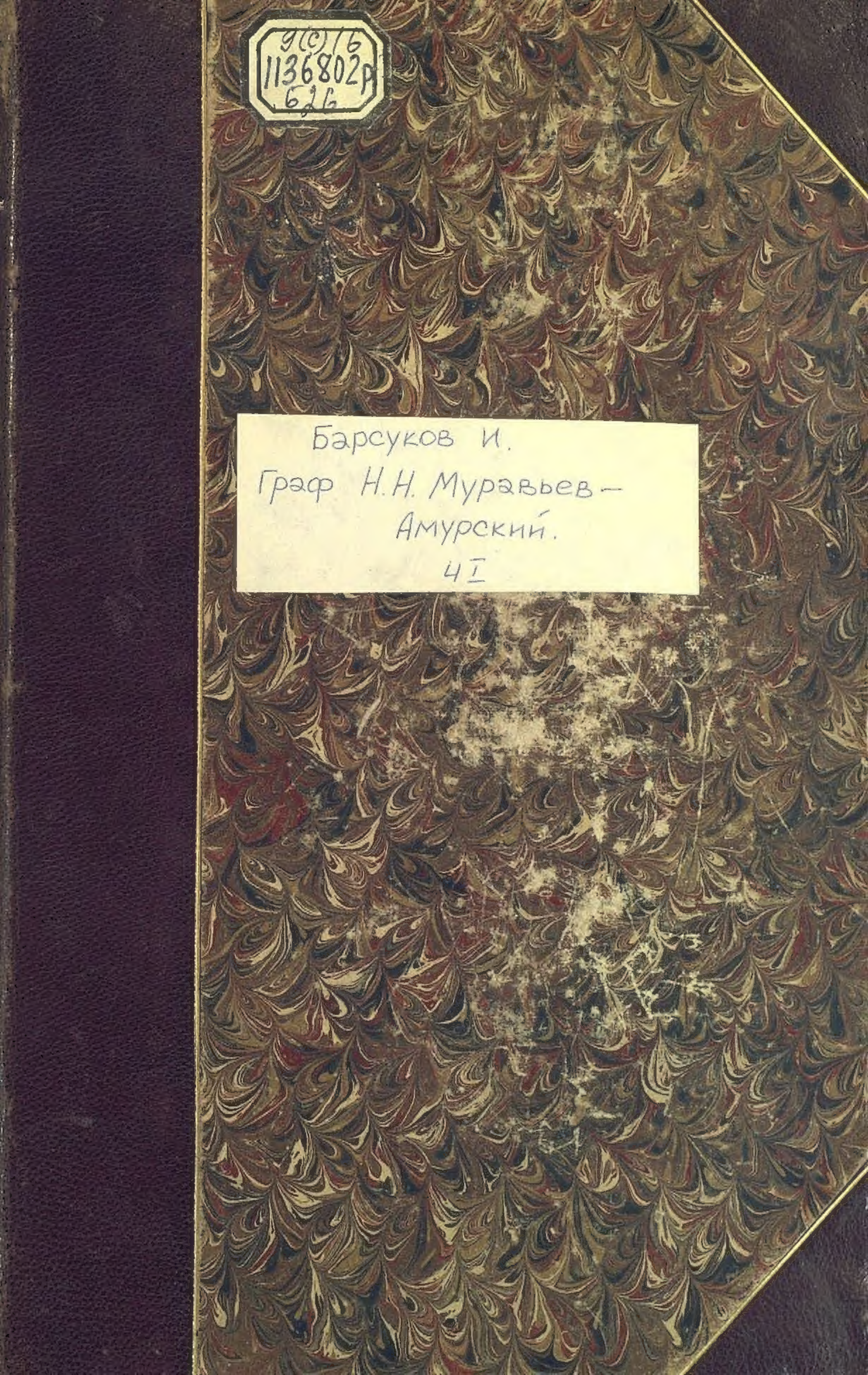

9(С)16
1136802Р
Б26
Барсуков И.
Граф Н.Н. Муравьев-
Амурский.
ч I

Олимпiадѣ Никаноровнѣ
Даниловой,
на добрую память,
отъ издателя.

Августъ, 1891 г.

Г. Муравьевъ Амурскій

Дозволено цензурою. СПб., 3 сентября 1890 г.   Фототипія Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ

по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ)

«. . . Еслибы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ: то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь.» *(Изъ рѣчи Иннокентія, митрополита Московскаго, къ графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому. См. Твор. Иннокентія, митр. Московск. и Коломенск. Кн. I, стр. 145. 1886 г.)*

Ивана Барсукова

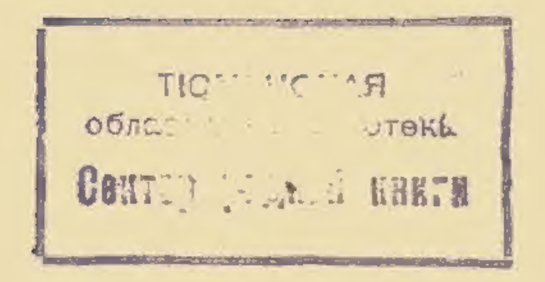
дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, и члена-корреспондента Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го августа 1890 года.

Десять лѣтъ прошло со дня кончины графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго. Съ его именемъ неразрывно связано одно изъ важнѣйшихъ событій начала царствованія Императора Александра II, именно присоединеніе къ Россіи обширнаго Пріамурскаго края, благодаря чему, нашимъ боевымъ, торговымъ и промышленнымъ силамъ открылся свободный доступъ къ Тихому океану. Доблестный воинъ, прошедшій строгую школу Николаевскаго времени, мудрый администраторъ и патріотъ, Муравьевъ является лицомъ выдающимся какъ своими заслугами, такъ и свойствами своего чисто русскаго самобытнаго характера. Неутомимый труженикъ, одаренный умомъ государственнымъ, необыкновенной энергіей и предпріимчивостью, онъ постоянно руководился мыслію быть полезнымъ Государю и отечеству. Глубоко вѣруя въ Промыслъ Божій, онъ былъ чрезвычайно твердъ въ борьбѣ съ обстоятельствами и невзгодами жизни, необыкновенно послѣдователенъ и настойчивъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Всегда и во всемъ оставаясь вѣренъ себѣ, Муравьевъ, несмотря на всѣ препятствія, неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Человѣкъ рѣшительный, часто вспыльчивый, онъ въ то же время былъ прямодушенъ, честенъ и справедливъ; безпощадно преслѣдовалъ ложь, лихоимство или нерадѣніе къ служебному долгу; но зато и умѣлъ отличать людей достойныхъ, былъ памятливъ къ заслугамъ и щедръ на награды. Въ своей домашней обстановкѣ Муравьевъ былъ простъ и доступенъ для всѣхъ; съ подчиненными былъ привѣтливъ, и своей добротой и сердечностью такъ умѣлъ привязывать ихъ къ себѣ, что они готовы были идти за него, какъ говорится, въ огонь и воду. Какъ администраторъ онъ непрестаннымъ попеченіемъ о мѣстныхъ нуждахъ, особенно же освобожденіемъ рабочихъ и крестьянъ Нерчинскихъ горныхъ заводовъ и инородцевъ отъ незаконнаго закрѣпощенія и грубаго произвола разныхъ промышленниковъ,— не только внушилъ къ себѣ преданность народа, но и навсегда оставилъ по себѣ благодарную память въ коренномъ населеніи Восточной Сибири. Его собственные недуги и столь частыя противодѣйствія его начинаніямъ развили въ немъ нервную

раздражительность; Муравьевъ, какъ увидимъ изъ его переписки, былъ часто рѣзокъ въ сужденіяхъ объ администраціи, но всегда и обо всемъ высказывался искренно. Онъ имѣлъ много недруговъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, но имѣлъ также и друзей, которые умѣли понимать и цѣнить его высокія качества. Само собой разумѣется, что такой государственный дѣятель заслуживаетъ полной біографіи, которая сохранила бы о немъ память «въ родъ и родъ». Сознавая это, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, лично служившій при Муравьевѣ и хорошо знавшій его, давно былъ озабоченъ мыслью о составленіи такой біографіи, и для этой цѣли исходатайствовалъ себѣ и Ф. А. Анненкову, тоже служившему при графѣ, Высочайшее соизволеніе нынѣ царствующаго Государя Императора на собраніе матеріаловъ въ архивахъ высшихъ государственныхъ учрежденій. Родственники и знакомые покойнаго графа, съ своей стороны, поспѣшили сообщить различныя о немъ данныя. При всемъ томъ, мысль князя не могла быть осуществлена во всей ея полнотѣ. Прежде всего, пожаръ, истребившій городъ Иркутскъ въ 1879 году и уничтожившій всѣ тамошніе архивы, лишилъ настоящій трудъ главнаго источника. Однако это бѣдствіе не остановило собиранія матеріаловъ: оно продолжалось съ 1882 по 1888 годъ, именно до того времени, когда князю Михаилу Сергѣевичу угодно было предложить намъ взять на себя трудъ составленія біографіи графа Николая Николаевича. Затѣмъ князь Михаилъ Сергѣевичъ передалъ намъ біографическій матеріалъ, собранный имъ самимъ и другими лицами по его порученію; но и тутъ, къ несчастью, оказалось, что прежде чѣмъ весь накопленный матеріалъ поступилъ въ распоряженіе князя, нѣкоторая его часть, содержавшая въ себѣ весьма важные документы, была утрачена.

Занимаясь долгое время жизнеописаніемъ Иннокентія митрополита Московскаго и Коломенскаго, мы имѣли случай отчасти познакомиться и съ дѣятельностію графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго: оба они связаны и временемъ и мѣстомъ служенія въ Сибири и любовію къ этому отдаленному краю. Они одновременно трудились тамъ, и каждый на своемъ поприщѣ стяжалъ себѣ славу великими заслугами отечеству.

Это обстоятельство позволило намъ принять лестное для насъ предложеніе князя Михаила Сергѣевича Волконскаго. Въ усердіи нашемъ недостатка не было: но насколько оправдали мы настоящимъ трудомъ оказанное намъ довѣріе,— судить, конечно, не намъ. При этомъ считаемъ долгомъ заявить, что, въ дополненіе къ архивному матеріалу, нашею задачею было собрать въ одно цѣлое то, что̀ до сихъ поръ извѣстно было о графѣ Николаѣ Николаевичѣ изъ печатныхъ изданій. Изъ рукописныхъ матеріаловъ самое важное значеніе для насъ имѣютъ письма его, которыя такъ ярко обрисовываютъ этого замѣчательнаго

государственнаго дѣятеля, и мы во многихъ главахъ нашей книги, особенно относящихся къ періоду Кавказской службы Муравьева, ведемъ повѣствованіе собственными его словами, по его письмамъ, или въ извлеченіяхъ, или въ полномъ ихъ видѣ. Главное достоинство подобнаго рода матеріаловъ заключается въ ихъ подлинности, въ непосредственномъ отраженіи прошедшаго: это, такъ сказать, фотографія извѣстныхъ моментовъ прожитого времени. Это лѣтописи частныя, личныя, драгоцѣнныя для художника и вполнѣ пригодныя историку для воспроизведенія подробностей общей картины.

Въ виду этого, мы только въ рѣдкихъ случаяхъ дозволяли себѣ дѣлать какіе-либо выводы или прибавлять къ письмамъ свои объясненія относительно характера Муравьева: пусть читатель самъ, непосредственно, вынесетъ изъ этихъ писемъ цѣльное впечатлѣніе и самъ придетъ къ тѣмъ или другимъ выводамъ. Что же касается оффиціальной переписки графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, то она, вмѣстѣ съ записками его по нѣкоторымъ вопросамъ, составляетъ отдѣльную вторую книгу изданія.

По изложеннымъ выше причинамъ, мы первые сознаемъ неполноту нашего труда, обнимающаго столь долгій періодъ времени и такое множество событій, сознаемъ, что, несмотря на все вниманіе, съ которымъ мы отнеслись къ фактамъ, документамъ и сообщеніямъ современниковъ,—въ нашемъ трудѣ могли оказаться пробѣлы и даже нѣкоторыя ошибки. Но въ виду того, что собираніе новыхъ данныхъ задержало бы выходъ книги на неопредѣленное время, мы рѣшаемся теперь же выпустить въ свѣтъ нашъ трудъ, хотя бы въ видѣ матеріаловъ для біографіи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Мы будемъ искренно признательны каждому, кто возьметъ на себя трудъ указать намъ замѣченные имъ въ нашей книгѣ пробѣлы или неточности. Эти указанія послужатъ намъ къ пополненію и исправленію слѣдующаго изданія, если первое удостоится вниманія читателей,—и мы покорнѣйше просимъ каждаго, кому дорога исторія Восточной Сибири и преимущественно Пріамурскаго края, адресовать свои замѣчанія въ Москву на имя Ивана Платоновича Барсукова, въ Страннопріимный Домъ графа Шереметева.

Въ заключеніе скажемъ, что, до передачи настоящаго дѣла намъ, собраніе рукописныхъ матеріаловъ и первыя попытки собирателей къ ихъ обработкѣ [1] потребовали значительныхъ издержекъ, въ которыхъ приняли участіе прежде всего вдова графа Муравьева, графиня Екатерина Николаевна, почитатель графа покойный Василій Никитичъ Рукавишниковъ и, наконецъ, князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій.

---

[1] Отъ которой, впрочемъ, до насъ не дошло и слѣда.

Во главѣ лицъ, сочувствовавшихъ и помогавшихъ осуществленію мысли составить біографію графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, безспорно стоитъ Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Его Императорское Высочество, какъ только узналъ о предполагаемой біографіи, прислалъ князю М. С. Волконскому, чрезъ посредство статсъ-секретаря Головнина, свою подлинную переписку съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ, предоставляя право предать ее гласности. [1]

Затѣмъ графинею Е. Н. Муравьевой-Амурской переданы намъ всѣ бумаги, оставшіяся послѣ смерти мужа; особенно же было полезно для нашей цѣли собраніе всей переписки М. С. Карсакова съ 1853 по 1868 года, столь обязательно сообщенной его вдовою Александрой Корнильевной. Кромѣ того въ настоящемъ дѣлѣ оказали намъ содѣйствіе покойный братъ графа Амурскаго — Александръ Николаевичъ Муравьевъ, покойная его сестра Екатерина Николаевна Моллеръ, зять его А. Е. Пашковъ, графъ Валеріанъ Валеріановичъ Муравьевъ-Амурскій, нынѣшній Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ, П. В. Шумахеръ, покойный А. Ф. Филиппеусъ, Е. М. Буссе, И. В. Ефимовъ, К. Б. Чаплеевскій, А. С. Савинскій, С. Н. Свербеевъ, П. Я. Шишмаревъ, Д. П. Лебедевъ (хранитель отдѣленія рукописей Румянцевскаго Музея), А. В. Андреевъ (преподаватель Московскаго Петропавловскаго училища) и, наконецъ, Московскій букинистъ А. А. Астаповъ. Всѣмъ этимъ лицамъ считаемъ долгомъ своимъ принести глубокую признательность за просвѣщенное сочувствіе ихъ нашему труду.

Иванъ Барсуковъ.

Село Кусково
Московскаго уѣзда.
5 іюня 1890 г.

---

[1] Она вошла въ первую книгу нашего труда.

I.

Генеалогическія свѣдѣнія о Муравьевыхъ съ біографическими примѣчаніями наиболѣе выдающихся ближайшихъ дѣятелей этой фамиліи.—Рожденіе графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго (1809 г.).—Его мать.—Переписка ея съ своимъ свекромъ Н. С. Муравьевымъ.—Ея смерть.—Воспитаніе Н. Н. Муравьева послѣ смерти матери и поступленіе его въ Пажескій Корпусъ.—Производство Муравьева въ камеръ-пажи и участіе его въ Коронаціи Императора Николая Павловича.—Выходъ Н. Н. Муравьева изъ Корпуса и поступленіе его въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ въ чинѣ прапорщика.—Назидательное письмо его отца къ нему.

1809[1]—1827 г.

Въ исторіи Россіи, среди дѣятелей на поприщѣ государственной службы, выдающееся мѣсто принадлежитъ многимъ представителямъ стариннаго дворянскаго рода Муравьевыхъ. Одни изъ нихъ подвизались на поприщѣ военномъ; другіе—прославились своею гражданскою дѣятельностію; третьи—оставили по себѣ память въ области науки и литературы.

Фамилія Муравьевыхъ[2] происходитъ отъ древняго, давно уже угаснаго дворянскаго рода Аляповскихъ. Изъ грамоты на дворянство, выданной Никитѣ Артамоновичу Муравьеву (одному изъ предковъ графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго въ боковой линіи) въ 1789 году, усматривается, что отъ двухъ сыновей Василія Аляповскаго, Ивана и Осипа, прозывавшихся, первый—Муравей, а второй—Пуща, произошли двѣ дворянскія и понынѣ существующія фамиліи Муравьевыхъ и Пущиныхъ. До 1500 года Муравьевы, какъ видно изъ той же грамоты, про-

[1] Годъ рожденія графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

[2] Д. А. Кропотовъ. С.-Пб. 1874 г., стр. 1—31.

живали въ великомъ княжествѣ Рязанскомъ; въ этомъ же году, вмѣстѣ съ другими дворянами и боярскими дѣтьми, они переселены были, по волѣ Великаго князя Іоанна III, на службу въ Новгородъ, причемъ переселившимся розданы были въ помѣстья земли. Въ родословной Муравьевыхъ значится, что родоначальникъ ихъ получилъ помѣстье въ Воцкой пятинѣ, въ Новгородскомъ уѣздѣ.

Наиболѣе выдающіеся ближайшіе дѣятели изъ фамиліи Муравьевыхъ произошли, по прямой линіи, отъ правнука Ивана Муравья, Ѳедора Максимовича, именно отъ двухъ его сыновей: Ѳеоктиста и Имена. Изъ рода Ѳеоктиста Ѳедоровича по прямой линіи были:

1) Николай Ерофеевичъ Муравьевъ († 1770 г.), принадлежалъ къ небольшому числу лицъ, которыя всегда по своимъ способностямъ и полезной дѣятельности выдѣляются изъ толпы современниковъ; былъ извѣстенъ, какъ авторъ замѣчательной книги, изданной имъ въ 1752 году, подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія математики*, которая, по мнѣнію извѣстнаго библіографа С. Д. Полторацкаго, содержитъ въ себѣ едва ли не первую алгебру на русскомъ языкѣ. Онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ знаменитымъ военнымъ писателемъ Монталамберомъ. Императрица Екатерина, обращавшая особенное вниманіе на улучшенія путей сообщенія, назначила его 21-го февраля 1764 года главнымъ директоромъ при строеніи государственныхъ дорогъ. Онъ былъ депутатомъ отъ Воцкой пятины въ знаменитой Коммиссіи 1767 года для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Императрица Екатерина называла умъ его математическимъ и, какъ гласитъ преданіе, питала такое довѣріе къ безкорыстію Муравьева, что однажды возвратила ему надорваннымъ представленный имъ отчетъ по какой-то постройкѣ, сказавъ притомъ, что, имѣя совершенное къ нему довѣріе, не желаетъ повѣрять его распоряженій. Послѣднее время своей жизни онъ былъ генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ.

2) Сынъ его Николай Николаевичъ (род. 1768 г. въ Ригѣ—† 1840 г. въ Москвѣ), извѣстный основатель въ селѣ Осташевѣ, Московской губерніи, Можайскаго уѣзда извѣстнаго учебнаго заведенія для колоповожатыхъ, первообразъ Россійскаго Генеральнаго штаба. Николай Николаевичъ постоянно самъ преподавалъ военныя науки. Вотъ что говоритъ одинъ изъ бывшихъ его воспитанниковъ: «Его пріятный даръ слова, ясность изложенія, искусство разнообразить и оживлять предметы остались, конечно,

памятны всѣмъ его слушателямъ. Уваженіе и любовь, которыя онъ умѣлъ внушать ученикамъ своимъ, усугубляли ихъ вниманіе и рвеніе къ наукѣ; поэтому успѣхи ихъ были такъ удовлетворительны, что свѣтлѣйшій князь П. М. Волконскій, въ то время начальникъ Главнаго штаба Его Величества, послѣ бытности на первомъ экзаменѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе Государя Императора производить воспитанниковъ по окончаніи курса прямо въ офицеры по квартирмейстерской части.» Николай Николаевичъ извѣстенъ также какъ основатель и усерднѣйшій членъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, которое обязано ему образованіемъ и первоначальнымъ устройствомъ своей земледѣльческой школы. Сыновья его:

1) Александръ Николаевичъ, старшій изъ всѣхъ, родился въ 1792 году, началъ службу въ Генеральномъ штабѣ, и на двадцать четвертомъ году отъ рожденія, былъ уже полковникомъ и увѣшанъ орденами русскими и иностранными. Пріятели предсказывали ему блистательную будущность съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ перспективѣ и въ шутку называли его: maréchal de Saxe, но въ концѣ 1818 года онъ вышелъ въ отставку. Ему принадлежитъ печальная слава основателя перваго по времени тайнаго политическаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ *«Союзъ спасенія»*, за что онъ былъ сосланъ по VII разряду въ Верхнеудинскъ; но отъ каторжной работы былъ однакоже освобожденъ. Спустя многое время онъ былъ прощенъ и причисленъ къ Военно-цензурному Комитету членомъ, и потомъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ. Во время занятія этой должности, онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и потомъ назначенъ присутствующимъ въ московскіе департаменты Правительствующаго Сената, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Шаховской. Потомства послѣ него не осталось.

2) Николай Николаевичъ (род. 1793 г.—† 1867 г.) исполнилъ въ теченіе своей жизни нѣсколько весьма важныхъ дипломатическихъ порученій на Востокѣ; подъ конецъ служебнаго своего поприща, съ 1854 года по 1856 годъ, являлся извѣстнымъ правителемъ Кавказа, а во время Восточной войны, въ 1855 г., прославился покореніемъ Карса. По многосторонности и разнообразію своихъ знаній, Николай Николаевичъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, о чемъ свидѣтельствуютъ его сочиненія; по строгости же нравственныхъ правилъ, непреклонной твердости характера и необыкновенной воздержности въ образѣ жизни, онъ представляетъ собою героя лучшей

эпохи древняго Рима. Въ отличіе отъ соименнаго ему родственника, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, его обыкновенно называютъ Карскимъ, хотя на это онъ и не получилъ оффиціальнаго права. Онъ былъ женатъ два раза: въ первый — на грузинкѣ Ахвердовой и во второй—на графинѣ Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Отъ первой жены имѣлъ дочь Софью, которая была въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Николаемъ Семеновичемъ Карсаковымъ, роднымъ братомъ Михаила Семеновича Карсакова, бывшаго генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири.

3) Михаилъ Николаевичъ[1] (род. 1796 г.—† 1866 г.), человѣкъ необыкновенной воли и незабвенныхъ государственныхъ заслугъ. Кандидатъ Московскаго Университета, впослѣдствіи графъ, сокрушилъ польскій мятежъ 1863 года: а въ 1866 году назначенъ былъ председателемъ слѣдственной Коммиссіи по случаю покушенія 4-го апрѣля на жизнь Императора Александра II. Его называютъ Виленскимъ, въ отличіе, по мѣсту главной дѣятельности, отъ современныхъ ему: брата Карскаго и родственника Амурскаго. Такія неоффиціально установившіяся прозванія Муравьевыхъ прямо указываютъ на вниманіе къ ихъ государственнымъ заслугамъ. Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ былъ женатъ на старшей дочери отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Василія Петровича Шереметева, Пелагеѣ Васильевнѣ.

4) Андрей Николаевичъ (род. 1805 г. —† 1874 г.) оставилъ по себѣ въ нашей литературѣ замѣтный слѣдъ своими сочиненіями, представляющими высокій религіозно-нравственный интересъ. Обладая основательнымъ классическимъ образованіемъ, онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію христіанскихъ древностей и, въ особенности, разсѣянныхъ по Россіи безчисленныхъ памятниковъ древняго благочестія нашихъ предковъ. Кромѣ обширнаго воспитательнаго значенія трудовъ его, великую также заслугу сочиненія его принесли и для противодѣйствія религіозному индифферентизму, распространившемуся въ нашемъ обществѣ съ конца прошлаго столѣтія.

5) Сергѣй Николаевичъ (род. 1809 г.—†). Начавъ свое поприще въ военной службѣ, онъ поступилъ потомъ въ Министерство Финансовъ и наконецъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. Рядъ жизненныхъ неудачъ и непреодолимая склонность къ кабинетнымъ занятіямъ науками помѣшали его служебному движенію. По отзыву М. И. Глинки, Сергѣй Николаевичъ питалъ особое пристрастіе къ философіи.

[1] Свѣдѣнія болѣе подробныя о немъ см. въ книгѣ Д. А. Кропотова. С.-Пб. 1874 г.

Изъ рода Пимена Өедоровича болѣе выдающіеся дѣятели были.

1) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ (род. 1757 г.—† 1807 г.), кураторъ и возобновитель Московскаго Университета и воспитатель Императора Александра I; онъ былъ покровителемъ Н. М. Карамзина, которому доставилъ званіе исторіографа, и К. Н. Батюшкова, котораго принялъ и воспиталъ въ своемъ семействѣ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Өедоровнѣ Колокольцовой.

2) Степанъ Воиновичъ Муравьевъ, флота лейтенантъ, первымъ русскимъ мореплавателемъ совершилъ въ 1734 году переходъ по Сѣверному океану отъ Архангельска къ Обской губѣ. Былъ женатъ на Акулинѣ Өедоровнѣ Неледивской.

3) Назарій Степановичъ, сынъ Степана Воиновича, родившійся въ 1737 году † 1799 году въ своемъ родовомъ имѣніи *Малые Теребони*, Новгородской губерніи. По выходѣ изъ военной службы въ отставку, на первыхъ дворянскихъ выборахъ въ Новгородской губерніи, былъ избранъ на гражданскую службу, а въ 1797 году былъ уже гражданскимъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Женатъ былъ на Марөѣ Казариновой.

Сынъ Назарія Степановича, Николай Назарьевичъ Муравьевъ [1] родился 14-го октября 1775 года въ окрестностяхъ Новгорода, въ родовой усадьбѣ Малыхъ Теребоняхъ, на рѣкѣ Лугѣ. Николай Назарьевичъ первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ приходскаго пономаря, а въ 1785 году поступилъ въ Горный Корпусъ, гдѣ и пробылъ до 1790 года. Произведенный въ офицеры, Муравьевъ, по желанію отца, отправился, въ походѣ 1790 года, на службу въ Нерчинскій горный баталіонъ, а въ концѣ 1791 года былъ командированъ оттуда въ Петербургъ, для доставленія выплавленнаго на заводахъ серебра, и уже не возвращался болѣе въ Нерчинскъ. Въ 1792 году онъ перешелъ во флотъ, въ которомъ и прослужилъ десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ провелъ семь лѣтъ въ Англіи, служилъ на англійскомъ военномъ кораблѣ, куда былъ также командированъ вмѣстѣ съ другими офицерами. По возвращеніи изъ Англіи въ 1802 году, онъ командовалъ русскимъ линейнымъ кораблемъ. Достигши до чина капитана 1-го ранга, Николай Назарьевичъ въ 1803 году перешелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и занялъ должность старшаго письмоводителя при Михаилѣ Никитичѣ Муравьевѣ, какъ попечителѣ Московскаго Университета, а по смерти его вышелъ въ отставку и поселился

[1] Соч. К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 628—630. С-Пб. 1886 г. Примѣч. къ письмамъ Л. Н. Майкова и В. И. Саитова.

въ своемъ Новгородскомъ имѣніи. Въ то время Новгородскимъ губернаторомъ былъ П. П. Сумароковъ, находившійся въ неприязненныхъ отношеніяхъ съ графомъ Аракчеевымъ. Муравьевъ, по ходатайству Сумарокова, былъ назначенъ въ 1813 году вице-губернаторомъ въ Новгородъ; здѣсь онъ сблизился съ Аракчеевымъ. Въ 1815 году Николай Назарьевичъ занялъ мѣсто Сумарокова.

Въ 1819 году онъ оставилъ губернаторство въ Новгородѣ, а впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, сенаторомъ и управлялъ собственною Его Величества канцеляріей. Женатъ былъ два раза: въ первомъ бракѣ на Екатеринѣ Николаевнѣ Мордвиновой, а во второмъ на Елизаветѣ Антоновнѣ Моллеръ.[1] Всѣхъ дѣтей у него было 17 человѣкъ: десять сыновей и семь дочерей, изъ которыхъ многіе умерли малолѣтними, такъ что въ 1840 году у него оставались въ живыхъ, отъ перваго брака только три сына — Николай, Валеріанъ, Александръ и три дочери, а отъ второго брака только три дочери.

Въ январѣ 1832 года, Муравьевъ оставилъ службу и поселился въ своемъ селѣ Покровскомъ, на лѣвомъ берегу Невы, по Шлиссельбургскому тракту, причисливщись къ Петербургскому дворянству. Здѣсь, въ деревнѣ, онъ дѣятельно занимался сельскимъ хозяйствомъ и, кромѣ того, устроилъ въ своемъ имѣніи сахарный заводъ, изобрѣтя особый способъ вываривать и рафинировать сахаръ. Умеръ Николай Назарьевичъ 4-го января 1845 года.

Онъ довольно много занимался литературой. Въ 1805 году онъ помѣстилъ въ «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» нѣсколько небольшихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей; затѣмъ напечаталъ нѣсколько сочиненій разнообразнаго содержанія отдѣльными книжками, а съ 1828 года началъ издавать въ Петербургѣ собраніе своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «*Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія*». Сборникъ этотъ состоитъ изъ 14 частей и посвященъ второй его женѣ Елизаветѣ Антоновнѣ, урожденной Моллеръ, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1823 году.[2]

Изъ сыновей Николая Назарьевича Муравьева, выдающеюся личностію является Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, лицо принадлежащее русской исторіи. Братья Николая Николаевича: 1. Валеріанъ Нико-

---

[1] Дочь адмирала Моллера, морскаго министра.

[2] Соч. К. Н. Батюшкова, т. III. С.-Пб. 1886 г., стр. 628—630. Примѣч. къ письмамъ Л. Н. Майкова и В. И. Саитова.

лаевичъ [1] (род. 1811 г.—† 1869 г.), тайный совѣтникъ, сенаторъ, бывшій одно время помощникомъ попечителя Московскаго Учебнаго Округа и затѣмъ нѣсколько лѣтъ Псковскимъ губернаторомъ. 2. Александръ Николаевичъ († 1885 г.). Окончивъ лицей 17 лѣтъ съ золотою медалью, онъ вскорѣ былъ назначенъ чиновникомъ къ статсъ-секретарю М. Н. Позену, въ собственную Его Величества Канцелярію, былъ тамъ въ лучшемъ счету и отличался примѣрнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Карьера ему предстояла, повидимому, блестящая, но онъ порвалъ ее, не задумавшись, чтобы прійдти на помощь своему престарѣлому отцу, который вызвалъ его къ себѣ на помощь, въ тяжелую минуту своей жизни. Николаю Назарьевичу угрожало большое бѣдствіе: его имѣнія должны были быть проданы съ публичнаго торга, до того ихъ разорили прикащики злоупотребленіями, или, лучше сказать, грабительствомъ. Приведя въ порядокъ семейныя дѣла, онъ поступилъ опять на службу въ Смоленскъ, предсѣдателемъ Казенной Палаты, гдѣ пріобрѣлъ репутацію человѣка умнаго и высокочестнаго. [2]

Изложивъ вкратцѣ родословіе Муравьевыхъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію жизни и дѣятельности старшаго сына Николая Назарьевича Муравьева — Николая Николаевича, наименованнаго впослѣдствіи Амурскимъ.

Николай Николаевичъ родился 11-го августа 1809 года въ С.-Петербургѣ. Его мать Екатерина Николаевна была, по словамъ Е. Ѳ. Брадке, «достойная женщина, весьма образованная, съ направленіемъ религіознымъ.» [3] Нѣжная, чуткая ко всему прекрасному, она любила природу, деревню, была любящею, заботливою матерью своимъ дѣтямъ и доброю дочерью для отца и матери своего мужа. Нижеслѣдующее письмо ея отъ 2-го мая 1812 года, изъ села Малыхъ Теребонь, живо рисуетъ намъ ея женственно-привлекательный образъ и очерчиваетъ ея сердечныя отношенія къ свекру и свекрови: «Любезные и нѣжные мои родители! Мы не можемъ надивиться, отчего вы нашихъ писемъ не получаете! Хотя разлитіе чрезвычайно было велико, однако мы все имѣли случай писать къ вамъ и ни одной почты не пропустили. Надѣюсь, что вы теперь хотя одно изъ нашихъ писемъ получили, изъ котораго могли видѣть по числу, что это происхо-

[1] Сыновья Валеріана Николаевича: Николай Валеріановичъ — нынѣ прокуроръ Московской Судебной Палаты,— и графъ Валеріанъ Валеріановичъ, капитанъ Генеральнаго штаба.

[2] Русск. Стар. 1890 г. Май, стр. 340—341.

[3] Русск. Арх. 1875 г., кн. I, стр. 35.

дитъ отъ неисправности почты. Какое настало благодатное время! по утру въ 7 часовъ уже 13 градусовъ тепла; какъ проснешься, такъ слышишь соловья, который и теперь поетъ, и такое пріятное чувство на сердце производитъ: все зеленѣетъ, все оживляется: кажется, и человѣкъ вмѣстѣ съ природою новую живость получаетъ. Сегодня по утру пролилъ тепленькій дождикъ, и теперь такой запахъ, что кажется бы все его глотала. Какъ бы я желала, чтобъ это уже послѣднее письмо мы писали къ вамъ въ Петербургъ, хотя и долго еще не буду имѣть удовольствія цѣловать ваши ручки послѣ пріѣзда вашего въ Петровщину; но, по крайней мѣрѣ, то для меня будетъ утѣшеніе, что я только въ 70 верстахъ отъ несравненныхъ моихъ родителей.

Дѣтушки наши оба гуляютъ въ саду. Николушка [1] роется лопаточкою и что-то садитъ, а Валерочку возятъ въ колясочкѣ. Они глупки приходятъ домой только покушать да спать, и примѣтно, какъ воздухъ имъ полезенъ. Валерочка говоритъ «мама» и «баба» и, страхъ какъ, брата своего любитъ, который его точно бережетъ и забавляетъ; я растаю всегда, когда вижу ихъ вмѣстѣ, et je ne puis vous exprimer, maman, ce qui se passe au fond de mon coeur. [2]

Всѣ эти дни занималась я сажаніемъ и сѣяніемъ въ саду, j'ai planté un petit bosquet de lilas et de sorbiers; [3] кажется, все, что было посажено, хорошо принялось, и даже спаржа, которую мы прошлаго года корешками садили; мы такъ обрадовались съ Николаемъ Назарьевичемъ, когда открыли кусточекъ и увидѣли, что онъ пустилъ уже нѣсколько ростковъ. Какъ пріятно теперь быть въ деревнѣ! видишь безпрестанно, какъ все получаетъ новую жизнь, и какъ все облекается въ зеленую прекрасную одежду. Вчера въ первый разъ ѣздили мы верхомъ съ Николаемъ Назарьевичемъ: привыкаемъ, чтобъ у васъ въ Петровщинѣ побольше поѣздить. Посылаю по тяжелой почтѣ батюшкѣ рубашку, которая давно готова, и я все поджидала случая; но теперь уже не будетъ, а можетъ быть вы, батюшка, имѣете въ оной нужду; желаю, чтобъ она была вамъ впору и подкрѣпляла бы ваше здоровье.

Объ отъѣздѣ Николая Семеновича Мордвинова очень сожалѣю, для васъ, любезная маменька, и любезныхъ сестеръ, равно и для себя, что не имѣла счастія пользоваться знакомствомъ такого

[1] Будущій графъ Муравьевъ-Амурскій.

[2] И сказать не могу, маменька, что тогда дѣлается съ моимъ сердцемъ.

[3] Я посадила нѣсколько кустовъ сирени и рябины.

почтеннаго семейства. par conséquent, maman, toute la famille se retire.[1] Поздравляю васъ, моихъ любезныхъ родителей, батюшку со днемъ его ангела, а васъ—съ именинникомъ, любезная маменька; прошу Бога, чтобъ съ симъ днемъ послалъ ему совершеннаго здоровья и всему вашему семейству. Радуюсь искренно, что Сонюшкѣ лучше. Цѣлую ваши ручки, обнимаю сестеръ и брата и остаюсь, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію, покорнѣйшая дочь ваша Катерина Муравьева.»

Къ большому горю семьи, Екатерина Николаевна скончалась очень рано, именно 24-го апрѣля 1819 года, когда Николаю Николаевичу Муравьеву шелъ всего десятый годъ.

Подъ вліяніемъ такой достойной, образованной и религіозной матери Николай Николаевичъ получилъ свое первоначальное образованіе. Вскорѣ послѣ смерти ея онъ былъ отданъ въ частный пансіонъ Годеніуса, для приготовленія къ поступленію въ Университетъ; но Императоръ Александръ I, по расположенію своему къ его отцу, приказалъ принять двухъ старшихъ сыновей статсъ-секретаря Муравьева, Николая и Валеріана, въ Пажескій Его Величества Корпусъ. Хорошо приготовленный основательнымъ домашнимъ и пансіонскимъ воспитаніемъ, Николай Муравьевъ былъ произведенъ, 14-ти лѣтъ, въ камеръ-пажи, а затѣмъ въ фельдфебеля и участвовалъ въ Москвѣ при Коронаціи Императора Николая Павловича, 22-го августа 1826 года. Въ это время всѣ бывшіе въ Москвѣ, 13 камеръ-пажей и 26 пажей, находились въ завѣдываніи Великаго Князя Михаила Павловича и получили, въ память Коронаціи, выбитыя по этому случаю серебряныя медали.[2]

Николай Муравьевъ окончилъ курсъ ученія первымъ, и имя его, какъ отличнѣйшаго воспитанника, вырѣзано на мраморной доскѣ; но, за малолѣтствомъ, онъ не могъ быть выпущенъ въ офицеры черезъ годъ по производствѣ его въ камеръ-пажи, какъ другіе, и вышелъ изъ Корпуса только въ 1827 году, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, и въ томъ же году, 25-го іюля, онъ поступилъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ.

Какъ извѣстно, въ печальный день 14-го декабря 1825 года, полкъ этотъ обратилъ на себя особенное вниманіе Императора Николая Павловича, который съ тѣхъ поръ постоянно старался пополнять его лучшими офицерами. Онъ прямо выражалъ желаніе видѣть пажей на службѣ въ этомъ полку, и вотъ почему,

[1] Итакъ, вся семья разбрелась.

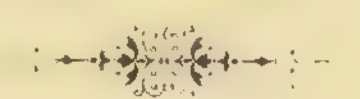
[2] Матеріалы для исторіи Пажескаго Корпуса. Кіевъ, 1876 г., стр. 53.

лучшій воспитанникъ Пажескаго Корпуса, Николай Николаевичъ Муравьевъ избралъ именно Финляндскій полкъ.

Незадолго передъ производствомъ Николая Николаевича въ офицеры, отецъ его, зная по опыту, сколько искушеній, уколовъ самолюбія предстоитъ молодому, но небогатому офицеру на его новомъ поприщѣ, шлетъ ему 14-го мая 1827 года письмо, исполненное любви, попеченій и разумныхъ наставленій: «Благодарю Бога, что ты здоровъ и веселъ. Хорошо, что съѣздилъ къ брату. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Александру Ѳедоровичу. Воспользуйся удобнымъ случаемъ то же сдѣлать и у своего генерала. Здѣсь посылаю тебѣ 100 рублей на штиблеты и въ запасъ. Но помни, милый другъ, пословицу: «береги деньгу на черный день», потому что ее никогда непоздно издержать. Но прошу никогда не останавливаться говорить намъ о твоихъ надобностяхъ, которыхъ, при упомянутой пословицѣ, никогда въ излишествѣ не будетъ. Ничего возможнаго не жалѣй на полезное, въ безполезномъ никому не слѣдуй, никому не стыдись отказать, не угодить. Нѣтъ болѣе укоризненнаго, какъ безполезное! Ибо оно родитъ и вредное. Не стыдись показаться недостаточнымъ въ карманѣ. Ничего нѣтъ возвышеннѣе, какъ сердцемъ быть богатѣе своего кармана! Любовь чистая, къ бытіямъ ощущающаяся, все вознаградитъ.

Мы часто говоримъ о тебѣ, о Валеріанѣ, и чаще того желаемъ видѣть васъ. У насъ все благополучно по милости Бога, Котораго прошу тебя помнить по моему толкованію, которое ты, конечно, разсмотрѣніемъ каждаго дня жизни своей, найдешь основательнымъ. Помни всегда писать рачительно и въ чистотѣ и въ слогѣ. Это неописанно нужно. На что и письмо, когда его не разберутъ: что̀ и въ письмѣ, когда, раскрывъ его, не найдутъ въ немъ удовольствія. Тотчасъ пожелаютъ оборотиться къ нему задомъ. Но это и во всѣхъ письменныхъ дѣлахъ. Мы всѣ тебя сердечно обнимаемъ, а я вѣчно твой отецъ и другъ. Н. Муравьевъ.»

Напутствуемый такими мудрыми назиданіями родителя, Муравьевъ вступилъ на служебное поприще и, не дальше какъ черезъ годъ послѣ выпуска, имѣлъ случай выказать свои воинскія дарованія.

II.

Объявленіе войны съ Турціею и приготовленіе къ ней. -Выходъ войскъ изъ С. Петербурга. -Высочайшій манифестъ объ открытіи войны.—Отъѣздъ Государя изъ Петербурга въ дѣйствующую армію.—Графъ Витгенштейнъ.—Дѣятельность Государя въ дѣйствующей арміи. Переходъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка черезъ Дунай и прибытіе его къ крѣпости Варнѣ.—Участіе прапорщика П. П. Муравьева при осадѣ этой крѣпости.—Варна и Шумла.—Покореніе крѣпости Варны и входъ въ нее Русскихъ войскъ.—Высочайшая признательность Муравьеву.—Возвращеніе лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка въ Россію.

1827—1828 г.

Въ концѣ 1827 года ясно обнаружилось намѣреніе Турецкаго Султана вступить въ упорную борьбу съ Россіею. Переговоры съ Портой, не взирая на всю уступчивость со стороны Россійскаго Двора, прямо клонились къ разрыву. У насъ начались приготовленія къ войнѣ. Въ февралѣ 1828 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное начальникомъ Главнаго штаба, командующему гвардейскимъ корпусомъ, Великому Князю Михаилу Павловичу о приготовленіи къ походу гвардейскаго корпуса, который началъ выступать изъ С.-Петербурга съ 1-го апрѣля. Полки выходили черезъ день одинъ послѣ другого. Передъ выступленіемъ каждаго полка, Государь Николай Павловичъ, въ сопровожденіи принца Оранскаго и принца Вильгельма Прусскаго, впослѣдствіи Императора Германскаго, осматривалъ его; затѣмъ, прощаясь, лично провожалъ за городъ.

3-го апрѣля выступилъ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, а съ нимъ вмѣстѣ и юный прапорщикъ Муравьевъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, а именно 14-го апрѣля состоялся Высочайшій манифестъ объ объявленіи войны съ Тур-

цією, который былъ оглашенъ всенародно митрополитомъ Серафимомъ по окончаніи божественной литургіи въ Казанскомъ соборѣ. Одновременно съ симъ манифестомъ объявленъ слѣдующій приказъ Государя войскамъ: «Миръ съ Персією, славный и полезный отечеству, не положилъ еще конца знаменитымъ подвигамъ Россійскаго воинства. Брань справедливая прекращена съ одной стороны, но съ другой предстоитъ намъ новая брань, столько же справедливая, для защиты чести нашей и правъ, купленныхъ цѣною крови Русской. Великодушное терпѣніе Благословеннаго Александра было уже истощено враждебными поступками Турецкаго правительства: нынѣ сіе правительство переполнило мѣру и явно сложило съ себя личину дружелюбія, едва утвердивъ миръ священнѣйшими клятвами. Мы идемъ пресѣчь смуты и убійства въ странахъ, намъ сопредѣльныхъ, и возстановить нарушенный миръ на прочныхъ основаніяхъ.

Воины! сражаясь съ народами просвѣщенными, искусными въ битвѣ, вы пріобрѣли славу неувядаемую, не одною храбростію побѣждая, но и благодушіемъ. Безотвѣтное повиновеніе начальникамъ, строгое соблюденіе порядка и милосердіе къ побѣжденнымъ были всегда отличительною чертою Русскихъ ратниковъ. Оттого мирные граждане вездѣ столь же радовались вашему пришествію, и вами побѣжденные именовали васъ избавителями. Вы сохраните и нынѣ сію драгоцѣнную славу: простирая дружелюбно руку къ единовѣрцамъ нашимъ, поражайте строптивыхъ, но щадите безоружныхъ и слабыхъ: щадите достояніе, домы и самые храмы враговъ, хотя и другую вѣру исповѣдающихъ. Такъ велитъ наша вѣра, святое ученіе Спасителя! Преклонившій къ себѣ кротостію и человѣколюбіемъ ожесточенныхъ, защитившій сироту и вдовицу,—наравнѣ съ храбрѣйшимъ въ боѣ, будетъ близокъ къ моему сердцу.

Воины Русскіе! Вы не обманете моихъ ожиданій. Съ нами Богъ, вѣнчающій побѣдами доблесть и правду!»

Вскорѣ послѣ этого воззванія, выѣхалъ изъ Петербурга и самъ Государь въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ, наравнѣ со всѣми, раздѣлялъ труды похода и неудобства помѣщеній въ палаткахъ. Всѣ переходы, отъ 20-ти до 25-ти верстъ и болѣе, онъ дѣлалъ верхомъ впереди войскъ, несмотря на солнечный зной, а иногда проливной дождь. Солдаты забывали свои нужды, свою усталость, и весело и бодро шли впередъ, глядя на Царя. [1]

[1] Лукъяновичъ. Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 гг., ч. I. С.-Пб. 1884 г., стр. 113.

27-го мая была совершена, въ присутствіи Николая Павловича, блистательная переправа черезъ Дунай при с. Сатуновѣ, вблизи Турецкой крѣпости Исакчи.

Нижній Дунай представлялъ всегда великія затрудненія къ переправѣ, по обширности болотистой его долины. Въ этотъ же годъ необыкновенное половодіе увеличило еще болѣе эти препятствія и требовало заблаговременно принятія дѣятельныхъ мѣръ для устроенія гати на пространствѣ болѣе 5 верстъ. Но всѣ трудности, которыя представляло столь отважное предпріятіе, преодолѣны терпѣніемъ, рѣшимостію и единодушіемъ нашихъ воиновъ и увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. На другой день переѣхалъ и самъ Государь въ запорожской лодкѣ на правый берегъ Дуная, гдѣ былъ встрѣченъ главнокомандующимъ всѣми войсками дѣйствующей арміи въ Европейской Турціи, генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Витгенштейномъ, и начальникомъ Главнаго штаба, генералъ-адъютантомъ П. Д. Киселевымъ.

Главнымъ театромъ войны были тѣ области, гдѣ происходили прежнія войны съ Турками, съ 1711 до 1812 года: Молдавія, Валахія и Болгарія.

Съ самаго пріѣзда Государя въ главную квартиру, имъ были приняты на себя обязанности главнокомандующаго: графъ Витгенштейнъ носилъ это названіе только номинально. Государь предсѣдательствовалъ въ военныхъ совѣтахъ: выслушавъ донесеніе, опредѣлялъ марши и этапы каждаго корпуса; утверждалъ всѣ отдаваемыя приказанія, входилъ во всѣ подробности полевой службы. [1]

27-го іюня лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ, переправясь черезъ Дунай близъ крѣпости Исакчи, вступилъ въ предѣлы Турціи. Далѣе, слѣдуя чрезъ г. Бабадахъ, берегомъ Чернаго моря, крѣпость Кюстенджи, города Мангаліо, Коварну, наконецъ достигъ до крѣпости Варны. Дорога къ Варнѣ была очень трудная. Безпрерывныя, весьма узкія дефиле и узкія лѣсныя дороги, заваленныя камнями, сильно затрудняли войска. Движеніе немало затруднялось и темными ночами, во время которыхъ приходилось идти, для избѣжанія дневныхъ жаровъ; и въ этомъ случаѣ, чтобы облегчить себѣ путь, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ двигался отъ Коварны съ зажженными фонарями. Варна была въ осадѣ, при которой прапорщикъ Муравьевъ и находился съ 26-го августа впредь до ея взятія, участвуя 16-го сентября въ «дѣйстви-

---

[1] А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. С.-Пб. 1882 г., стр. 286—287.

тельномъ» сраженіи на высотахъ южной стороны этой крѣпости, въ отрядѣ генералъ-адъютанта Бистрома, которому приходилось съ весьма слабыми силами защищать доступъ къ крѣпости противъ 25-титысячнаго Турецкаго корпуса, подъ начальствомъ извѣстнаго Турецкаго паши Омеръ-Вріоне.[1] Здѣсь первая граната, зловѣщее шипя, прилетѣла къ Муравьеву и другимъ Финляндцамъ вѣстницей жаркаго дѣла, разорвалась въ воздухѣ, но не причинила вреда. Турецкая кавалерія, гарцуя впереди, приблизилась на такое разстояніе, что невооруженный глазъ могъ отличить цвѣтъ одежды каждаго всадника. Ружья и орудія были наготовѣ, но никто не стрѣлялъ,—огонь былъ всецѣло въ рукахъ начальниковъ и генерала Бистрома во главѣ ихъ. Еще моментъ,—генералъ Бистромъ скомандовалъ: «Начинай, ребята-молодцы!» и все, что было огнестрѣльнаго, грохнуло. Пошла трескотня изъ ружей и гулъ орудій. Сраженіе продолжалось отъ 12-ти часовъ дня до 7-ми вечера, при 40 градусахъ жары: «отъ пороха и дыма языкъ пересохъ»,—говоритъ г. Еропкинъ.[2]

Этотъ памятный для Муравьева день кончился тѣмъ, что Омеръ-Вріоне, отбитый на всѣхъ пунктахъ, не прорвался въ крѣпость, которая со дня на день готова была сдаться. «Всѣ офицеры лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка»,—говоритъ Лукъяновичъ,—«покрыли себя при этомъ случаѣ вѣчною славою. Вселяя въ нижнихъ чинахъ презрѣніе къ опасностямъ, духъ смѣлости и неустрашимости, они внушили людямъ ту неопреодолимую твердость, которой всегда сопутствуетъ вѣрная побѣда.»

Крѣпости Варна и Шумла считались главными крѣпостями. Первая изъ нихъ, находясь на правой сторонѣ Турецкой позиціи, укрѣплена природою и искусствомъ. Многочисленный гарнизонъ, подъ начальствомъ Капуданъ-паши, любимца Султана, и Юсуфъ-паши Сересскаго, одного изъ первыхъ вельможъ Оттоманской имперіи, защищалъ Варну. Неприступная позиція Шумлы, гдѣ сосредоточены были главныя силы Турецкой арміи, подъ начальствомъ Гуссейнъ-аги-паши, сераскира или главнокомандующаго Турецкими войсками, дѣйствовавшими на сѣверной сторонѣ Балканъ, представляли еще болѣе препятствій. Варна и Шумла почитались у Турокъ вратами Царьграда, и Турки употребляли всѣ свои средства и усилія укрѣпить эти пункты.[3]

— —

[1] Портретная галлер. русск. дѣят. Изд. А. Мюнстера, т. I. С.-Пб. 1865 г., стр. 96.

[2] Русск. Арх. 1887 г., стр. 413.

[3] Лукъяновичъ. Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 гг., ч. I. С.-Пб. 1844 г., стр. 189—190.

Подвиги и труды Россійскаго войска подъ Варною увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Послѣ двухмѣсячной осады, эта важная крѣпость сдалась 29-го сентября безусловно, и Русскій флагъ развѣвался на первомъ бастіонѣ. Войска вошли въ Варну, подъ предводительствомъ Государя, черезъ проломы бастіоновъ и главныя ворота, съ распущенными знаменами, при звукахъ музыки: играли маршъ изъ «Dame Blanche», который раздавался въ улицахъ крѣпости, заваленной трупами людей и животныхъ; христіане бросались на колѣни передъ Государемъ и кричали намъ: «братья, братья!» [1]

За примѣрныя мужество и неустрашимость, оказанныя Н. Н. Муравьевымъ при осадѣ крѣпости Варны, онъ удостоился получить Высочайшую признательность.

Взятіемъ Варны окончилось участіе Финляндскаго полка въ Турецкой компаніи 1828 года. 10-го октября онъ выступилъ обратно въ Россію.

---

[1] Русск. Арх. 1877 г., стр. 413.

III.

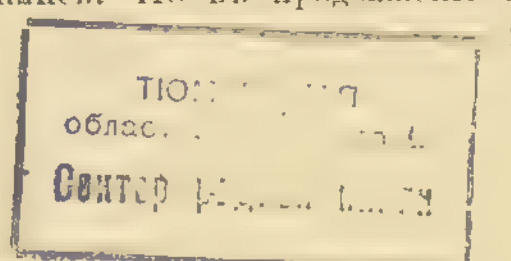
Пребываніе Н. Н. Муравьева вслѣдствіе болѣзни въ Варнѣ. - Поступленіе его адъютантомъ къ военному генералъ-губернатору крѣпости Варны Е. А. Головину.— Командировка Муравьева въ Бургасскій заливъ.— Участіе его при бомбардированіи городовъ Сизополя и Ахіола.— Свидѣтельство контръ-адмирала Кумани о сей командировкѣ.— Письмо Н. Н. Муравьева къ брату его Валеріану Николаевичу.— Дѣятельность Н. Н. Муравьева въ Варнѣ. - Открытіе военныхъ дѣйствій около крѣпости Шумлы.— Дѣйствія Н. Н. Муравьева тамъ.— Отзывъ о его дѣятельности генерала Рота. Возвращеніе Муравьева въ Варну и его болѣзнь.— Покореніе г. Адріанополя и заключеніе мира.— Письмо Н. Н. Муравьева къ брату. - Письмо отца Муравьева къ нему.— Пріѣздъ Н. Н. Муравьева въ С.-Петербургъ. - Награжденіе его за Турецкую войну.— Вниманіе Великой Княгини Елены Павловны къ Н. Н. Муравьеву.

1828—1830 г.

Н. Н. Муравьевъ, вслѣдствіе болѣзни, не могъ слѣдовать со своимъ полкомъ обратно въ Россію и остался въ Варнѣ; а, по выздоровленіи, ему не захотѣлось оставлять поля брани, такъ какъ предстояло еще брать Шумлу. Уже въ чинѣ подпоручика, онъ поступилъ адъютантомъ къ начальнику 19-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Головину, который назначенъ былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ только-что взятой крѣпости Варны. 11-го февраля 1829 года Н. Н. Муравьевъ былъ командированъ Головинымъ на эскадру, подъ начальствомъ командира 5-й Черноморской флотской бригады, контръ-адмирала Кумани, съ дессантными войсками въ Бургасскій заливъ, и присутствовалъ 15-го февраля при бомбардированіи города Сизополя, 16-го при занятіи нагорнаго редута, а равно и самаго города, затѣмъ при бомбардированіи г. Ахіола.

Объ этой командировкѣ Муравьева въ свидѣтельствѣ, выданномъ ему контръ-адмираломъ Кумани, сказано такъ: «Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка подпоручикъ Муравьевъ участвовалъ подъ начальствомъ моимъ, во время командованія Черноморскою эскадрою, въ экспедиціи противъ Бургасскаго залива февраля 15-го дня 1829 года и находился на кораблѣ «Пименѣ» при бомбардированіи города Сизополя, а 16-го числа того же мѣсяца былъ въ дессантѣ, при занятіи нагорнаго редута и самаго города. Послѣ того находился также на ввѣренной мнѣ эскадрѣ въ экспедиціи противъ города Ахіолло. Велъ себя благородно, поручаемыя ему должности выполнялъ съ усердіемъ и ревностію.»

Въ то время главное командованіе надъ войсками принялъ Дибичъ, и при немъ уже былъ взятъ Сизополь, о чемъ самъ Н. Н. Муравьевъ, бывшій при семъ взводнымъ командиромъ, въ письмѣ къ брату Валеріану Николаевичу изъ Варны, отъ 26-го марта, писалъ слѣдующее: «Наконецъ я опять въ Варнѣ и могу опять бесѣдовать съ милыми петербургскими родными: недѣлю тому назадъ я воротился изъ Сизополя и спѣшу тебѣ донести о покореніи сего знаменитаго города за Балканскими горами. Мы сѣли на корабли въ Варнѣ въ числѣ одного полка пѣхоты (800 челов.), роты піонеръ и двухъ орудій артиллеріи: черезъ четыре дня явились передъ Сизополемъ, пострѣляли съ кораблей по городу, а Турки немного въ насъ стрѣляли (конечно, изъ пушекъ). На другой день назначено было вмѣстѣ съ разсвѣтомъ десанту выйти на берегъ и аттаковать на горѣ Турецкое укрѣпленіе, защищаемое 1500 Албанцами, а паша остался въ городѣ и обѣщался сдаться, когда мы разобьемъ Албанцевъ. Мы вышли на берегъ, разсыпали стрѣлковую цѣпь, въ которой я командовалъ взводомъ, и получили приказаніе (т. е. цѣль): подошедши на ружейный выстрѣлъ къ непріятельскому укрѣпленію (которое отъ насъ скрыто было туманомъ), броситься въ амбразуры, по первому изъ оныхъ пушечному выстрѣлу. Но намѣренія наши не исполнились, ибо Албанцы всѣ разбѣжались и оставили въ укрѣпленіи пушку, заряженную картечью; спустились съ горы въ городъ, откуда паша со свитою уже сдался и поѣхалъ на корабль; а Греки, жители города, приняли насъ со крестами, съ пѣніемъ и съ отверстыми объятіями. Я остался жить въ городѣ и исполнялъ должность фронтоваго офицера при Камчатскомъ полкѣ; мы укрѣплялись, но положеніе наше было рѣшительное, ибо насъ было всего 1300 человѣкъ за Балканами и безъ всякаго отступленія; но Турки столько испугались, что въ продолженіе цѣлаго

мѣсяца и до сихъ поръ не показывались даже за 10 верстъ, и не мѣшали намъ укрѣпляться; такъ что теперь, съ прибавленными туда войсками, Сизополь есть совершенно безопасное мѣсто, и скоро, кажется, я опять туда отправлюсь, конечно съ генераломъ. Хотѣлъ драться, но не удалось; но за то былъ за Балканами, и формуляръ немного пополнится, а награды никакой не ожидаю, ибо сухопутнаго сраженія не было по трусости Албанцевъ. Въ Сизополѣ много хорошенькихъ гречанокъ, но чрезвычайно цѣломудренны; сестра моего хозяина, прелестная Смарагда, очень меня полюбила и звала непремѣнно пріѣхать опять назадъ, но между тѣмъ я не имѣлъ даже права брать ее за руку; разговаривалъ съ нею знаками и нѣсколько начиналъ учиться по-гречески и говорилъ ей: «*Агапò психи му Смарагди*», т. е. люблю тебя, душенька Смарагда. Она краснѣла и отвѣчала: «*Калòсъ*», т. е. хорошо; называла меня своимъ «*адельфòсъ*», т. е. братомъ, и говорила: «*калòсъ евхаристò*», т. е. очень тебѣ благодарна. Вотъ мои подвиги военные и домашніе; впрочемъ скоро, можетъ быть, опять услышу свистъ пуль, ибо ядеръ уже слышалъ нынѣшній годъ въ Сизополѣ. Съ Турками тоже немного говорю; впрочемъ я знаю еще много чего, но на сей разъ довольно.

Теперь въ Варнѣ не скучно, ибо весна все оживила: деревья нѣкоторыя распустились, а трава уже очень порядочная; бываетъ очень жарко, т. е. въ тѣни градусовъ до 20-ти, а на солнцѣ и гораздо больше. Купилъ лошадокъ, шью себѣ платье, конечно адъютантское, ибо я уже представленъ, и скоро выйдетъ; словомъ, снова собираюсь къ походу, ибо все, что было прежде, осталось большею частію при переходѣ черезъ Дунай.»

Проживая въ Варнѣ, Н. Н. Муравьевъ нѣкоторое время былъ ближайшимъ участникомъ въ дѣлѣ управленія Варною, что дало ему возможность впервые познакомиться съ канцелярскимъ дѣлопроизводствомъ; а разумное исполненіе возложенныхъ на него порученій снискало ему большое довѣріе Головина, который, какъ мы увидимъ, не упускалъ случая имѣть всегда его при себѣ или подъ своимъ начальствомъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ назначеніяхъ въ Польшѣ и на Кавказѣ.

При открытіи же военныхъ дѣйствій около крѣпости Шумлы, Николай Николаевичъ 22-го апрѣля былъ снова командированъ къ начальствовавшему дѣйствующими войсками, генералу отъ инфантеріи Роту, находившемуся по правую сторону Дуная, въ лагерѣ при разоренномъ м. Казлуджи. Какъ видно изъ формуляр-

наго его списка. онъ находился въ сраженіяхъ: мая 25-го подъ Праводами въ Невчинской долинѣ, 30-го въ генеральномъ сраженіи при деревнѣ Кулевчи, 31-го подъ крѣпостью Шумлою при занятіи приступомъ Турецкихъ редутовъ, при чемъ Николай Николаевичъ выказалъ свою неустрашимость.

Въ подтвержденіе сего приводимъ слѣдующій о немъ отзывъ генерала Рота: «Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Муравьевъ..... во время состоянія его адъютантомъ при военно-начальствовавшемъ въ крѣпости Варнѣ, генералъ-адъютантѣ Головинѣ, находился при немъ въ 1829 году съ 19-го мая по 12-е іюня и былъ въ сраженіяхъ: 25-го мая близъ Праводъ въ Невчинской долинѣ, 30-го мая при разбитіи подъ Кулевчею арміи верховнаго визиря, и 31-го мая подъ Шумлою, при взятіи штурмомъ трехъ редутовъ; при чемъ, во время взятія послѣдняго редута съ тремя пушками, онъ, Муравьевъ, былъ изъ числа первыхъ. бросившихся въ ровъ и взошедшихъ на валъ, за что, по представленію моему, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Сверхъ того всѣ порученія, какія ему отъ меня по военнымъ обстоятельствамъ были дѣлаемы, исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ и дѣятельностію, чѣмъ по справедливости заслужилъ полное одобреніе.»

Исполнивъ столь успѣшно свое порученіе, Н. Н. Муравьевъ 12-го іюля 1829 года возвратился въ Варну, гдѣ и находился при генералъ-лейтенантѣ Головинѣ во все время свирѣпствовавшей тамъ болѣзни—Валахской язвы, названной докторомъ Виттомъ «typhus Australis». Въ концѣ концовъ и самъ Муравьевъ заболѣлъ этою язвою, перешедшею вслѣдъ затѣмъ въ особую мѣстную лихорадку, которая, при всѣхъ медицинскихъ пособіяхъ, прекращалась только на короткое время и возвращалась всегда еще съ большею жестокостію; но не взирая на болѣзнь, которая часъ отъ часу все болѣе и болѣе усиливала изнеможеніе Николая Николаевича, онъ, въ свободные отъ пароксизмовъ дни, исполнялъ возлагаемыя на него порученія по крѣпости; лишь вслѣдствіе лихорадки лишенъ былъ возможности участвовать лично въ сраженіи подъ Адріанополемъ, окончательно сдавшимся 8-го августа. Паденіе Адріанополя произвело на Турокъ сильное впечатлѣніе. Порта, убѣдившись въ гибельныхъ послѣдствіяхъ дальнѣйшаго сопротивленія Русскимъ, принуждена была начать переговоры о мирѣ, каковой и былъ заключенъ въ Адріанополѣ 2-го сентября 1829 года. Такимъ образомъ у вратъ Константинополя положенъ конецъ войны 1829 года.

Этому событію безсмертный А. С. Пушкинъ посвятилъ слѣ-

дующія строки въ своемъ стихотвореніи «Олеговъ щитъ», гдѣ онъ, обращаясь къ вѣщему герою древности, говоритъ:

«....Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли;
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли,
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.» —

Здоровье же Н. Н. Муравьева все еще не поправлялось, что видно изъ письма его къ брату отъ 13-го октября 1829 года изъ г. Бургаеса, куда онъ переселился вслѣдствіе назначенія генералъ-лейтенанта Головина военнымъ губернаторомъ Румеліи: «Любезный братъ! всякій разъ съ нетерпѣніемъ ожидаю твоихъ писемъ, но не получаю: сдѣлай милость, шли мнѣ что-нибудь о себѣ, мнѣ весьма пріятно будетъ знать, гдѣ ты, что дѣлаешь и скоро ли будешь прикомандированъ къ гвардіи.

Если буду живъ, то еще не прежде какъ черезъ годъ имѣю надежду съ вами увидѣться, несмотря на то, что уже миръ заключенъ. Здѣсь остаемся мы до весны, потомъ потянемся въ Россію, а еще можетъ быть и нѣтъ; а если туда, такъ все отпуска не будутъ прежде сентября 1830 года.

Лихорадка меня удивительно какъ ослабила, и немудрено, ибо съ 12-го іюля до сего дня она почти не отставала; теперь опять начинаю поправляться, но не знаю надолго ли, ибо она уже не въ первый разъ меня обманываетъ. Черезъ лихорадку не былъ я въ Адріанополѣ, а войска наши оттуда черезъ двѣ недѣли выходятъ; безъ нихъ же туда ѣхать неловко,—и такъ, бывши оттуда за 140 верстъ, не могъ побывать. Въ Егерскомъ полку также много прапорщиковъ; теперь, кажется, выгоднѣе всего перейти въ Преображенскій или Семеновскій полкъ, ибо тамъ менѣе прочихъ полковъ офицеровъ, впрочемъ ты объ этомъ самъ лучше узнай въ Гвардейскомъ штабѣ.

Объ нашемъ здѣшнемъ житьѣ тебѣ нечего писать, кромѣ того что скучно быть больному, сидѣть одному дома и даже безъ книгъ,—вотъ мое теперешнее положеніе.»

Болѣзнь Николая Николаевича очень тревожила отца его, и вотъ Николай Назарьевичъ шлетъ сыну изъ С.-Петербурга цѣлый рядъ писемъ, преисполненныхъ любви и заботливости, вызывая больнаго сына къ себѣ для поправленія разстроеннаго здоровья:

«По прошедшей почтѣ писалъ я тебѣ, милый мой Николя», такъ начинаетъ Николай Назарьевичъ свое письмо отъ 29-го октября 1829 года,—«что если лихорадка твоя не унимается, то просись въ отпускъ для излѣченія оной, сначала въ Одессу, а потомъ и сюда. Во всякомъ случаѣ слѣдуй отеческому совѣту Евгенія Александровича [1] и собственному благоразумію, по ближайшему усмотрѣнію вашихъ обстоятельствъ.» Или въ письмѣ отъ 3-го декабря онъ пишетъ ему слѣдующее: «Мы были до глубины сердца всѣ обрадованы письмомъ нашего почтеннѣйшаго Евгенія Александровича, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ о пути вашемъ сюда чрезъ Одессу. Ты будешь, милый Николя, нашъ дорогой гость. Все для тебя готово, а больше всего наши чувства, чтобы ты у нихъ отдохнулъ и оправился. Я нетерпѣливо жду твоего письма изъ Одессы, зная, что вы тамъ должны пробыть въ карантинѣ 14 дней. Мы уже всѣ дни перечли и ожидаемъ васъ къ Рождеству. Для скорости времени перехвати у кого-нибудь денегъ, чтобы тебѣ запастись на дорогу тепломъ, о которомъ всемѣрно пекись, ибо оно болѣе всего тебѣ необходимо. По твоему письму я тотчасъ ихъ вышлю, куда назначишь. Засвидѣтельствуй мое сердечное почтеніе и преданность Евгенію Александровичу, а тебя я мысленно нѣжно и множество разъ обнимаю и остаюсь на вѣкъ твоимъ.»

Но надежды Николая Назарьевича не оправдались: служебныя обязанности и нездоровье не позволили его сыну пріѣхать къ Рождеству домой и тѣмъ утѣшить нѣжно любившаго его старика отца.

Наступилъ и 1830-й годъ, а Николай Николаевичъ все медлилъ пріѣздомъ, и только въ апрѣлѣ отецъ его могъ наконецъ обнять своего дорогого сына. Николай Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, генералъ-лейтенантомъ Головинымъ, который въ то время уже былъ назначенъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Несмотря на перемѣну климата, лихорадочные припадки не оставляли Николая Николаевича въ Петербургѣ, а напротивъ продолжали возвращаться къ нему, коль скоро онъ подвергался дѣйствію наружнаго воздуха въ сырую и холодную погоду; но не взирая однако на это онъ вновь вступилъ въ фронтъ того же Финляндскаго полка; но по нездоровью былъ освобожденъ начальствомъ отъ исполненія служебныхъ обязанностей впредь до выздоровленія.

---

[1] Головинъ,—генералъ-лейтенантъ.

Орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ и чинъ поручика были наградой Николаю Николаевичу за мужество, неустрашимость и отличное усердіе, оказанныя имъ во время Турецкой войны, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ.

Замѣтимъ, что въ періодъ пребыванія Николая Николаевича въ С.-Петербургѣ, онъ, какъ бывшій воспитанникъ Пажескаго Корпуса, продолжалъ пользоваться вниманіемъ Великой Княгини Елены Павловны, камеръ-пажемъ которой состоялъ въ бытность еще въ Корпусѣ. Ему неоднократно приходилось представляться ей по извѣщеніямъ такого рода: «Генералъ-лейтенантъ Альдинской имѣетъ честь извѣстить г. поручика Муравьева, чтобы, для представленія Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, пожаловалъ завтрашній день, т. е. въ воскресенье, въ 1 часъ пополудни.»

IV.

Жизнь Н. Н. Муравьева въ С.-Петербургѣ. Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ. Переписка Н. Н. Муравьева съ братомъ.

1830 г.

Жизнь Н. Н. Муравьева въ Петербургѣ изображена имъ самимъ въ искреннихъ письмахъ къ его брату Валеріану Николаевичу, съ которымъ онъ съ дѣтства былъ связанъ тѣсной дружбой. Валеріанъ Николаевичъ въ 1828 году былъ выпущенъ также изъ Пажескаго Корпуса прапорщикомъ въ Кексгольмскій гренадерскій Его Величества Императора Австрійскаго полкъ. Письма Николая Николаевича вводятъ насъ прямо въ кругъ его домашней обстановки и семейныхъ отношеній и всего лучше могутъ характеризовать положеніе его въ С.-Петербургѣ, почему мы объ этой порѣ жизни Николая Николаевича будемъ говорить его же собственными словами.

Извѣщая о своихъ домашнихъ дѣлахъ, онъ писалъ отъ 23-го мая 1830 года: «Во первыхъ, поздравляю тебя съ покупкою дачи, на которую маменька, сестра и я на будущей недѣлѣ переѣдемъ и начнемъ хозяйничать. Вчера ѣздили туда всѣ наши. Оттушка [1] и Василій Яковлевичъ [2] съ сестрою, тамъ завтракали и пили шампанское. Сахаръ еще не кончился въ выдѣлкѣ, но чрезъ недѣлю ожидаемъ имѣть готовыхъ до 50 пудовъ, которые еще при тебѣ были сварены. Письмо твое къ папенькѣ я читалъ и увѣренъ, что отъ встрѣтившихся пожаровъ тебѣ ничего

---

[1] А. А. Моллеръ, братъ мачихи Н. Н. Муравьева.

[2] Ханыковъ—камергеръ, другъ Николая Назарьевича.

дурнаго не выйдетъ, ибо я былъ свидѣтелемъ разрушенія городовъ и гибели народовъ, но еще со мною никакого особеннаго несчастія не случилось. Мы очень сожалѣемъ, что ты попалъ на столь строгую службу, но дѣлать нечего: *терпи казакъ—атаманъ будешь*. Я все еще боленъ и потому на службу не вступаю, но по выздоровленіи меня ожидаетъ участь подобная тебѣ. Папенька тебя обнимаетъ, ему писать теперь некогда, онъ занятъ и своими, и государственными дѣлами. Сестры и маменька тебя цѣлують, онѣ будутъ писать съ дачи, гдѣ имъ будетъ что̀ тебѣ описывать.»

Въ письмѣ отъ 29-го мая того же года Николай Николаевичъ продолжаетъ извѣщать о своихъ домашнихъ дѣлахъ: «Три дня тому назадъ, получилъ я письмо твое отъ 22-го мая и, не имѣвши самъ денегъ, сказалъ объ твоей надобности папенькѣ: и онъ приказалъ мнѣ написать тебѣ, чтобъ ты взялъ 100 рублей у Данилы, къ которому Василій Михайловичъ объ этомъ сегодня же напишетъ. Ты пишешь, что̀ теперь должны быть деньги, но напрасно безпокоишься, ибо такая бездѣлица разницы не дѣлаетъ, а тебѣ отсюда не посылаютъ для того, что гораздо ближе взять у Данилы. Арсеньеву я тотчасъ же отправилъ твое письмо и полагаю, что онъ уже больше ко мнѣ за деньгами не явится. Всѣ наши переѣхали на дачу, и папенька, по обыкновенію, всякій день туда ѣздитъ; я же остаюсь одинъ и, конечно, невесело, когда не позволяютъ даже на балконъ выходить. Лихорадки хотя и нѣтъ, но лѣвая щека очень распухла, такъ что даже глазъ сталъ гораздо меньше. Сахаръ все такъ же идетъ хорошо, да и денегъ много надо для 100 т. пудовъ, а гдѣ ихъ взять, развѣ фабриканты помогутъ, когда увидятъ, что имъ дурно придется.

Объ будущей твоей участи (такъ ты изъясняешься) не хлопочи, все будетъ какъ случится, а принуждать въ *отставку*, конечно не станутъ; я же такъ серьезно дожидаюсь только 27-го декабря, а тамъ штабсъ-капитаномъ увольняемся за болѣзнію, съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья: вотъ и дѣло въ шляпѣ, и прошу не шутить съ его высокоблагородіемъ.... Дача чрезвычайно выгодно куплена, и не далѣе какъ на будущій годъ дастъ до 30 т. руб. доходу. Не раньше какъ черезъ двѣ недѣли перевезутъ и меня на дачу, а то право одному скучно; не только маменька и сестры уѣхали, но и всѣ dames douairières.»

Изъ слѣдующаго письма Николая Николаевича къ брату, отъ 31-го мая 1830 года, видно, съ какою почтительностію и педантическою точностію относился онъ къ порученіямъ отца своего. «Поздравляю тебя съ праздникомъ, любезный Валеріанъ, вчера былъ ровно годъ Кулевчинскому сраженію, а сегодня на-

шему сраженію подъ Шумлою, за которое почтеннѣйшій братецъ твой сдѣлался кавалеромъ.

Папенька читалъ въ «Инвалидѣ», что Наслѣднаго Принца Прусскаго полка штабсъ-капитанъ Качинскій вышелъ въ отставку, а потому велѣлъ тебѣ написать, чтобы ты сказалъ Качинскому слѣдующія рѣчи: «Господинъ капитанъ! батюшка мой, увидѣвъ по «приказамъ, что вы уже вышли въ отставку, ожидаетъ васъ въ «С.-Петербургѣ и приказалъ мнѣ вамъ сказать, что вы можете «туда прямо пріѣхать съ семействомъ вашимъ на дачу на 8-й «верстѣ Шлиссельбургской дороги, нынѣ батюшкѣ моему при-«надлежащую, гдѣ вы и будете имѣть квартиру и, увидѣвшись «тамъ же съ батюшкою, обо всемъ съ нимъ условитесь. То есть, «просто скажи ему, чтобъ онъ, нимало не медля, ѣхалъ бы прямо «въ Петербургъ съ женою, чтобы совсѣмъ тамъ остаться, ибо «папенька считаетъ его уже у себя.» Исполни все сіе какъ можно скорѣе, т. е. не отлагая впередъ: а съ полученіемъ сего письма отыщи тотчасъ Качинскаго и скажи ему все, что я тебѣ пишу, и тотчасъ же мнѣ и папенькѣ напиши, на что Качинскій рѣшается. Болѣе тебѣ писать нечего, ибо въ послѣднемъ письмѣ я тебѣ описалъ уже мое скучное положеніе быть одному въ домѣ.»

До какой степени болѣзненно отзывалось на Николаѣ Николаевичѣ, привыкшемъ къ неустанной дѣятельности среди тревожной боевой жизни, его одиночество въ С.-Петербургѣ, и какъ сердечно и настойчиво убѣждаетъ онъ брата дѣлать все пріятное старику отцу,—объ этомъ можно судить изъ письма его отъ 28-го іюня 1830 года: «Виноватъ, любезный Валеріанъ, за различными хлопотами я не могъ тебѣ писать, и, ей Богу, не лѣность тому причиною. Послѣднія двѣ недѣли были для меня весьма тяжелыя во всѣхъ отношеніяхъ, и я совсѣмъ было приходилъ въ отчаяніе, но съ Божіею помощью дѣла на время обработались, и я немножко успокоился. Третьяго дня былъ у меня Т. К. Крыжановскій и отдалъ мнѣ твое письмо, за которое очень тебя и благодарю. Во первыхъ трудныя мои обстоятельства были причиною, что я не могъ узнать о Петрушевыхъ, но и теперь, повидимому, сего сдѣлать не буду въ состояніи; просто тебѣ сказать, что я желалъ бы лучше быть въ Варнѣ, въ чумѣ, чѣмъ здѣсь, и это безъ всякаго прибавленія: я никогда не ожидалъ, возвратившись изъ похода, быть въ такомъ горестномъ положеніи: не одинъ разъ приходила мнѣ мысль перейти въ тѣ полки, которые еще за Дунаемъ, и я полагаю, что наконецъ принужденъ буду это сдѣлать: суди самъ какъ хочешь, а когда увидимся, то разскажу все.

Деньги тебѣ за іюль мѣсяцъ будутъ присланы на той недѣлѣ; ты напрасно обдѣлываешь старую колясочку изъ Бору,[1] ибо тебѣ весьма недолго быть въ военныхъ поселеніяхъ. Намѣренія папенькины перемѣнились, и тебя сбираются перевести въ гвардію и скоро; молчи и не разсуждай, что̀ прикажутъ, то и будетъ. Сдѣлай милость, отпусти одну лошадь, а самъ останься только съ одною, это необходимо, и я тебѣ совѣтую какъ лучшій другъ; да пожалуйста, исполни сіе поскорѣе и напиши мнѣ въ первомъ письмѣ, что у тебя только одна лошадь, такъ чтобъ я могъ показать папенькѣ; ему это чрезвычайно будетъ пріятно; опять, повторяю, не разсуждай, а исполняй. Я увѣренъ, что ты послушаешь мой истинно братскій совѣтъ, я не даромъ это пишу. Сестры много тебя благодарятъ за воспоминаніе объ нихъ! И имъ не весело! Маменька и папенька тебя обнимаютъ. Пиши мнѣ такъ въ первый разъ послѣ сего, чтобы я могъ показать папенькѣ; онъ очень доволенъ, что ты занимаешься переводами и географическими картами.»

По поводу перемѣщенія Валеріана Николаевича въ гвардію и о занятіяхъ Николая Николаевича въ С.-Петербургѣ, вотъ что мы узнаемъ изъ подлиннаго письма послѣдняго отъ 16-го іюля 1830 года: «Виноватъ я передъ тобою, любезный братъ, но не столько, сколько ты думаешь, ибо хотя уже успѣлъ получить два твоихъ письма и ни на одно еще тебѣ не отвѣчалъ, но я на то имѣлъ причину: мнѣ хотѣлось увѣдомить тебя объ рѣшительномъ дѣйствіи папеньки на твой счетъ. Отсутствіе Государя на маневры тому помѣшало, но тотчасъ по его прибытіи сюда, что̀ будетъ не позже той недѣли, отправится къ нему письмо слѣдующаго содержанія: «Всемилостивѣйшій Государь! Два мои старшіе «сына уже находятся въ военной службѣ Вашего Императорскаго «Величества. Первый изъ нихъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскомъ «полку поручикомъ; второй въ Гренадерскомъ Его Величества «Императора Австрійскаго полку прапорщикомъ.

«Чувства отца и семейственныя надобности мои влекутъ «меня съ симъ къ стопамъ Вашего Величества, чтобъ, упавъ къ «нимъ, молить униженнѣйше о Всемилостивѣйшемъ переводѣ и «втораго сына моего изъ полка Императора Австрійскаго въ «лейбъ-гвардіи Вашего Императорскаго Величества, для совмѣстнаго со старшимъ братомъ его служенія и въ то же время удобства въ моемъ семейственномъ быту. Осмѣливаюсь ручаться за

[1] Имѣнье, принадлежащее Е. Н. Моллеръ, на р. Волховѣ, въ 60 верстахъ отъ Новгорода.

«хорошія его правила и рвеніе въ исполненіи должностей на слу-«женіе Вашему Величеству, что засвидѣтельствовать, надѣюсь, «и начальство его не откажетъ. Приближеніе второго сына мо-«его службою и жительствомъ къ моему семейству доставитъ мнѣ «новое облегченіе въ моихъ семейственныхъ заботахъ и одушe-«витъ меня новою силою той безпредѣльной преданности службѣ «Вашего Величества, съ которою имѣю счастіе пребыть на всю «жизнь мою. Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго «Величества вѣрноподданный Николай Муравьевъ.»

Папенька самъ привезъ мнѣ копію съ сего письма на дачу, и я надѣюсь, что ты будешь остороженъ и никому не покажешь, особенно до сихъ поръ, покуда оно еще не послано, а когда пошлется, и какой будетъ отвѣтъ, то я тебя увѣдомлю. Недѣлю тому назадъ меня опять посѣтила лихорадка, но къ счастію не сильная, а такъ какъ это было на дачѣ, то я здѣсь теперь совсѣмъ уже и остался. Здѣсь всѣ хозяйничаютъ и съ успѣхомъ: не говоря уже объ будущемъ, скажу, что у насъ теперь идетъ очень порядочно: сѣна почти на 8 т. рублей: фруктовъ до сихъ поръ продано только на 100 рублей, но это начало, а при худомъ нынѣшнемъ урожаѣ все-таки будетъ на 1000 руб.: другая половина деревяннаго дома отдается въ наймы за 600 рублей, и слѣдовательно за весь выходитъ 1800 руб., да, прибавивъ къ тому 1500 руб., которые слѣдовало заплатить за наемъ дачи, и 1200 руб. отъ огородниковъ,—выходитъ уже въ первый годъ 13500 руб. доходу. Роща въ продолженіе пяти лѣтъ дастъ до 100 т. рублей, будучи употреблена на ружейныя ложи и на различныя подѣлки, а уже не на дрова, какъ прежде полагали. Между тѣмъ огородники уже являются для наема земли; объ этомъ расчетѣ я уже тебѣ прежде писалъ. Кромѣ того на будущій годъ у насъ будутъ посажены на 5-ти десятинахъ различные фрукты, которые по меньшей мѣрѣ дадутъ 13 т. рублей въ годъ, а при хорошихъ урожаяхъ болѣе 20 т. Прибавивъ все сіе къ прежнему расчету объ огородахъ, выйдетъ недалѣе какъ черезъ пять лѣтъ по 100 т. годового дохода, кромѣ рощи и зимняго сада. Вотъ какъ съ Божіей помощью обработывались дѣла наши. Сахаръ выходитъ прекрасный, и уже 43 головы рафинаду, каждая по $1^1/_2$ пуда и болѣе, поставлены въ сушильню, а вскорѣ за симъ пойдутъ въ сушильню 50 головъ мелису, таковаго же вѣсу и вывареннаго изъ патоки, смѣшанной съ небольшимъ числомъ сахарнаго песку. Здѣсь дѣла наши недурны; теперь уже на опытѣ дознано, что самый меньшій барышъ есть 3 руб. 50 коп. съ пуда, а при высшей цѣнѣ сахара даже до 6 руб. съ пуда.

Мнѣ на дачѣ гораздо веселѣе, чѣмъ въ городѣ, хотя и не дозволяется много гулять по причинѣ посѣтившей лихорадки, за то я мараю бумагу, теперь покуда перомъ, а скоро быть можетъ и печатью, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ воспоминаній очевидца въ компаніяхъ противъ Турокъ 1828 и 1829 годовъ.» Дай Богъ, чтобы папенькино о тебѣ письмо имѣло успѣхъ, да и вѣроятно, что не будетъ отказу, тогда мы здѣсь вмѣстѣ лучше устроимся. Я въ отставку можетъ быть не выйду, разумѣется, если прекратится лихорадка, а съ нею мнѣ никакъ нельзя служить.»

Наконецъ изъ письма Николая Николаевича отъ 22-го сентября 1830 года мы видимъ, что онъ не перестаетъ дружески руководить любимаго брата своими наставленіями, стараясь заблаговременно исправить его недостатки: «Сію минуту получилъ я письмо твое, любезный Валеріанъ, отъ 19-го сентября, и только-что прочелъ, спѣшу въ ту же минуту отвѣчать, ибо одна весьма важная вещь меня крѣпко тревожитъ; много, много благодарю тебя за участіе въ моихъ финансахъ, но мнѣ хуже, чѣмъ ножъ въ горло, когда я прочелъ, что ты продолжаешь играть; брось карты; я пишу это не по чужимъ словамъ, а по опыту, и не изъ нравственности, а для сбереженія денегъ и, что̀ еще опаснѣе, чтобы опять не задолжать; пять, шесть дней выигрываешь по 50 руб., а потомъ вдругъ, въ одинъ часъ, спустишь цѣлую 1000 руб. Чтобъ выигрывать въ карты постоянно, должно быть или флегматикомъ, или плутомъ, а ты совершенный *контрастъ* и того и другого. Не заботься нисколько объ моемъ долгѣ и знай только, что ты только тогда можешь мнѣ помочь, когда не будешь играть, ибо весь твой теперешній счетъ я считаю за *ноль* до тѣхъ поръ, покуда колода въ твоихъ рукахъ, и я даже полагаю, что при полученіи сего письма, твои карманы будутъ пусты, и еще слава Богу, если отдѣлаешься наличными. Все, что̀ тебѣ пишу теперь, пишу по горестному опыту; ибо если бы я не игралъ, то имѣлъ бы теперь болѣе 6 т. рублей въ шкатулкѣ, и не занималъ бы съ огромными процентами, и не жался бы какъ нищій. Если ты съ полученіемъ сего письма, паче моего чаянія, еще будешь при тѣхъ же деньгахъ, какъ ты пишешь, то я съ удовольствіемъ буду просить тебя прислать мнѣ то, что̀ тебѣ будетъ лишнее за обыкновенными домашними расходами и за уплатою всѣхъ твоихъ долговъ; но прошу тебя присылать мнѣ только въ такомъ случаѣ, если послушаешь моего совѣта и перестанешь играть; если же будешь продолжать, то не присылай, ибо на другой же день тебѣ еще и больше понадобится. Сдѣлай дружбу, сдѣлай величайшее для меня одолженіе, послушай моего

совѣта и напиши мнѣ дружеское честное слово, что больше не играешь.

Объ переводѣ твоемъ нѣтъ ни словечка, а объ отставкѣ подожди еще до ноября; дѣло въ томъ, что меня лихорадка опять хватила, и потому я прошусь по арміи состоять капитаномъ: когда все это устроится,—конечно не позже ноября,—тогда тебѣ можно будетъ отправить прошеніе съ своей стороны: главное дѣло, чтобъ сохранить приличіе, таковы папенькины мысли на этотъ счетъ, и онъ велѣлъ тебѣ объ этомъ написать. Съ дачи переѣзжаемъ не ранѣе ноября, ибо здѣсь идетъ огромная работа и засадка ягодъ. Сахаръ подвигается, но, по недостатку формъ, идетъ медленно. Наши всѣ здоровы, и я только одинъ, за недѣлю тому назадъ, былъ опять въ пароксизмѣ. Маменька же, Варенька и Юленька совсѣмъ выздоровѣли. Папенька и маменька тебя обнимаютъ, а сестры сами пишутъ, при семъ и письмо ихъ посылаю.»

V.

Пріостановка отставокъ офицерамъ по случаю приготовленія къ войнѣ съ Польшею. — Личное объявленіе Императора Николая I о возстаніи въ г. Варшавѣ.— Назначеніе о выступленіи лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка изъ Петербурга.— Стремленіе Н. Н. Муравьева вновь стать въ ряды войскъ.— Письмо его къ брату по этому поводу. — Полковой праздникъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку.— Приготовленіе къ походу. — Письмо Н. Н. Муравьева къ брату.— Выступленіе лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка изъ С.-Петербурга.— Письма Н. Н. Муравьева къ брату изъ похода.— Вступленіе Н. Н. Муравьева съ полкомъ своимъ въ предѣлы Царства Польскаго.— Участіе его въ сраженіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ и назначеніе его адъютантомъ къ начальнику 26-й пѣхотной дивизіи Е. А. Головину.

1830—1831 г.

10-го ноября 1830 года получено было приказаніе о пріостановкѣ отставокъ офицерамъ впредь до особаго распоряженія; но это распоряженіе не было обычнымъ вѣстникомъ войны, ибо въ то время Россія находилась съ сосѣдними державами въ дружественныхъ отношеніяхъ, и съ этой стороны миръ былъ вполнѣ обезпеченъ. Всѣмъ извѣстно было, для какого дѣла готовятся войска. Въ нашихъ литовскихъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ уже созрѣло возстаніе, являлась необходимость подавить его съ возможною энергіею и быстротою.

30-го ноября, въ день св. Андрея Первозваннаго, Императоръ Николай I, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, лично объявилъ о возстаніи въ г. Варшавѣ. Тогда же послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приготовленіи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса къ выступленію въ Литву.[1] Дибичъ избранъ былъ главно-

[1] Ростковскій. Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, отдѣлъ I. С.-Пб. 1881 г., стр. 329.

командующимъ надъ войсками, назначенными для подавленія Польскаго возстанія.

Невыразимо было впечатлѣніе этого извѣстія о возстаніи, переданнаго самимъ Государемъ: оно произвело тягостное чувство на всѣхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и вообще во всей Россіи: крики негодованія, требованія наказанія и мщенія раздались отвсюду.[1]

Выступленіе лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка изъ Петербурга было назначено на второй день праздника Рождества Христова, т. е. 26-го декабря 1830 года. Это объявленіе о походѣ снова возжгло пылкое сердце Николая Николаевича Муравьева, и онъ уже былъ готовъ пожертвовать собою для борьбы съ Польскими мятежниками. Проживая въ это время въ Покровскомъ, онъ писалъ своему брату въ письмѣ отъ 9-го декабря 1830 года, извѣщая его о предположеніяхъ отца по случаю войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалъ ему, какъ бы съ радостію, о своемъ выступленіи съ полкомъ изъ С.-Петербурга: «Любезный Валеріанъ! Письмо твое получили мы сего же 9-го числа, и, слѣдовательно, къ большому моему сожалѣнію, желаніе твое исполнено быть уже не можетъ, ибо 7-го декабря папенька написалъ письмо къ Дибичу объ назначеніи меня къ нему адъютантомъ; впрочемъ, и сіе кажется безуспѣшно, потому что до сего дня нѣтъ никакого отвѣта, и слѣдовательно, не такъ, видно, удобоисполнимо, какъ ты думаешь. Ты очень удивишься такому началу письма, но вотъ и поясненіе: послѣ твоего отъѣзда получены были еще различныя извѣстія о движеніяхъ войскъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и желаніе мое участвовать въ оныхъ увеличилось; папенька, замѣтивъ сіе, присовѣтовалъ мнѣ попытаться возвратить мою отставку, что̀ я немедленно и исполнилъ безъ большихъ затрудненій, будучи весьма благопріятно принятъ нашимъ полковымъ командиромъ, и имѣю даже дозволеніе не являться на службу до самаго похода. Вдругъ, на другой день, папенькѣ въ разговорѣ о походѣ пришла мысль попросить обо мнѣ Дибича, тѣмъ болѣе, что онъ меня уже зналъ въ Турецкую войну, а также что я уже давно выслужилъ положенный для адъютантства трехгодичный срокъ. Подумано, сказано и написано, все не дальше какъ въ пять минутъ, я самъ отвезъ письмо, но отдалъ его дежурному адъютанту, а отвѣта еще нѣтъ съ 7-го числа до сего 9-го.

Мы выступаемъ съ полкомъ 26-го декабря, и я безъ дальнѣйшихъ приготовленій закладываю Гнѣдка въ кибитку, на Бѣло-

[1] Исторія Польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Ф. Смита. С.-Пб. 1863 г., ч. I, стр. 211. 303.

ногую верхомъ и на Рижскую дорогу. Теперь я живу еще на дачѣ и пишу сіе отсюда же, но завтра непремѣнно ѣду въ городъ и похлопочу объ твоемъ мундирѣ. Спѣшу отправить сіе письмо. дабы оно застало тебя въ Новгородѣ, но пришли мнѣ маршрутъ вашъ, дабы я могъ знать, куда послать тебѣ мундиръ и писать письма. Васенька [1] у меня на дачѣ, тебя обнимаетъ и желаетъ всѣхъ благъ на новомъ поприщѣ.»

Несмотря на приближеніе времени къ выступленію въ походъ, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ спокойно готовился къ ожидавшемуся Высочайшему параду, въ виду предстоявшаго полковаго праздника. Настало и 12-е декабря. Кончился церковный парадъ, и офицеры, въ томъ числѣ и поручикъ Муравьевъ, по обыкновенію, были удостоены приглашенія къ Высочайшему обѣденному столу. Здѣсь они встрѣтили назначеннаго главнокомандующаго дѣйствующею арміею графа Дибича-Забалканскаго. готовившагося отъѣхать на другой день въ свою главную квартиру. Это дало пищу разговорамъ о походѣ и выступленіи гвардіи, что̀ въ свою очередь заставило поскорѣе готовиться въ путь. Начались спѣшныя закупки разныхъ потребностей и сборы въ походъ; объявленъ былъ и маршрутъ, который Николай Николаевичъ на другой же день сообщаетъ брату въ слѣдующемъ письмѣ своемъ, отъ 14-го декабря 1830 года: «Вчера получили мы, любезный братъ, всѣ твои письма и маршрутъ, а сіе и мундиръ твой отправятся либо въ Боровичи, гдѣ карантинъ. либо въ Псковъ, если прямо можно. Намъ съ тобою, кажется, не вездѣ удачи: на послѣднее письмо папенькино обо мнѣ до сихъ поръ нѣтъ отвѣта,—вѣроятно, и не будетъ, слѣдовательно не такъ легко, какъ ты думалъ; въ отвѣтъ же на твое желаніе къ князю Шаховскому посылаю тебѣ «Инвалидъ», въ коемъ ты увидишь, что вакансія уже занята. Дѣлать нечего, любезный Валеріанъ, видно намъ суждено отличаться во фронтѣ, и съ Божьей помощію мы не ударимъ лицомъ въ грязь. Кажется, что вашъ корпусъ безъ дѣла не воротится, и свинцовая музыка вамъ будетъ знакома. Нашъ маршрутъ также вышелъ; мы выступаемъ первые изъ всего корпуса, яко послѣдній полкъ, 26-го декабря, т. е. 13 дней послѣ вашего полка; въ Ригѣ мы будемъ также 13 дней послѣ васъ, а въ Вильнѣ 17-го февраля, слѣдовательно 12 дней послѣ того, какъ вы придете въ Ковно; далѣе что̀ будетъ, не извѣстно; но нашъ полкъ едва ли далеко отстанетъ отъ вашего,

[1] Василій Ивановичъ Муравьевъ, двоюродный братъ Николая Николаевича, служившій во флотѣ.

ибо нашъ есть послѣдній въ гвардейскомъ корпусѣ, а вашъ первый въ гренадерскомъ: слѣдовательно мы рядомъ. Между прочимъ представляю тебѣ довольно странный объ себѣ расчетъ.

Предположительно, что если понадобится гвардейская пѣхота, то во 1-хъ будетъ употреблена 2-я, т. е. наша дивизія: если изъ дивизіи сей понадобится одна бригада, то употребятъ, конечно, нашу, т. е. 2-ю въ дивизіи; если изъ бригады понадобится одинъ полкъ, то употребятъ, конечно, нашъ, какъ второй въ бригадѣ: если изъ полка понадобится одинъ баталіонъ, то употребятъ, конечно, нашъ, какъ второй въ полку: если изъ баталіона понадобится одна рота, то употребятъ, конечно, нашу 9-ю, какъ послѣднюю въ баталіонѣ; если наконецъ изъ роты понадобится одинъ взводъ, то употребятъ, конечно, мой, т. е. второй въ ротѣ. *По сему ты видишь, что изъ всего гвардейскаго корпуса я имѣю наибольшую надежду быть въ дѣлѣ, а это не послѣднее мое желаніе.*

Я не знаю, будетъ ли тебѣ по дорогѣ заѣхать къ Глазенапу, но ты узнай объ этомъ въ Псковѣ, а тамъ, т. е. у Глазенапа, насъ всѣхъ ожидаютъ съ отверстыми объятіями, и я тамъ буду около половины января, вѣроятно, вмѣстѣ съ Оттушкой. *Желаніе мое быть въ походѣ и въ дѣлѣ весьма неограниченно; ты знаешь, чѣмъ я жертвую для войны, и можешь себѣ представить, сколько потечетъ слезъ,* но судьбы Божіи неисповѣдимы, и все дѣлается къ лучшему; между тѣмъ всѣ мои знакомые утверждаютъ, что я несравненно сталъ здоровѣе и веселѣе со дня возвращенія моей отставки. Едва ли мы съ тобою увидимся до дѣла: но если простоите вы въ *Ковнѣ*, то я изъ Вильны непремѣнно къ тебѣ пріѣду. Здѣсь всѣ наши здоровы, а на дачѣ идетъ своимъ порядкомъ, и безъ меня такъ же пойдетъ.

Прощай, любезный Валеріанъ, пиши теперь ко мнѣ въ *Нарву*, чрезъ двѣ недѣли—въ *Дерптъ*, черезъ мѣсяцъ—въ *Ригу*, а черезъ полтора мѣсяца—въ *Вильну*, вездѣ надписывай: *«оставить на почтѣ до прибытія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка»*. Я же къ тебѣ буду писать по твоему маршруту, а именно: въ г. *Вольмаръ*, въ г. *Ригу*, въ г. *Митаву* и въ г. *Ковно*.»

Между тѣмъ приближались и праздники, а вмѣстѣ съ ними и день выхода въ походъ. Пришло 21-е декабря—послана первая партія хлѣбопековъ; на другой день—пошла вторая, а на слѣдующій послѣ того день, т. е. 24-го декабря, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ представлялся на смотру своему Корпусному командиру, Великому Князю Михаилу Павловичу, пожелавшему добраго пути полку и удачъ въ дѣлахъ.

Въ 7 часовъ утра, въ первый день праздника, тронулись квартирьеры. День этотъ, какъ канунъ выхода, былъ, какъ всегда, особенно дѣятеленъ: все торопилось, все ожидало съ нетерпѣніемъ завтрашняго дня. Болѣе всего замѣтно было суеты въ нижнихъ этажахъ казармъ полка, гдѣ помѣщались семейные нижніе чины—ихъ было 282; каждая хозяйка хлопотала снабдить, чѣмъ могла, своего старика въ походъ: бѣлье, что-нибудь съѣдомое, нѣсколько грошей денегъ,—все становилось дорогимъ въ эту минуту

Наконецъ настало и 26-е декабря. Все зашевелилось. Шумъ, говоръ и различныя слова приказаній слышались все чаще и чаще. Извѣстно было, что Императоръ хотѣлъ проститься съ выступавшими, для чего и назначено было быть полку на Калинкинскомъ проспектѣ къ 10 часамъ утра. Такъ какъ морозъ былъ въ этотъ день очень сильный, то напутственный молебенъ отслуженъ былъ не на плацу или набережной, какъ это всегда бывало, а въ полковой церкви, куда собралось все, что̀ могло тамъ помѣститься.

На Калинкинскомъ проспектѣ, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ расположился въ развернутомъ фронтѣ, правымъ флангомъ къ малому Калинкину мосту, что̀ на Обводномъ каналѣ, лицомъ къ церкви св. великомученицы Екатерины; лѣвый флангъ упирался въ большой Калинкинъ мостъ. Сначала пріѣхалъ В. К. Михаилъ Павловичъ, а затѣмъ прибылъ ровно въ 10 часовъ Императоръ Николай. Государь, пропустивъ баталіоны церемоніальнымъ маршемъ, проводилъ полкъ до Тріумфальныхъ воротъ, гдѣ лично самъ скомандовалъ своимъ державнымъ звучнымъ голосомъ: «къ ногѣ», «отмыкай штыки» и «надѣвай полунагалицы». При этомъ, въ виду 30% мороза, Государь разрѣшилъ солдатамъ завязать лица платками и, пожелавъ добраго пути, отъѣхалъ во дворецъ.

Войска двигались двумя колоннами, по-бригадно. Лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ составлялъ первое отдѣленіе правой колонны и шелъ на Ямбургъ, Нарву, Дерптъ, Ригу, Бауснъ, Поневѣжъ, Ковно, Августово въ Ломжу. Дневки назначались не особенно часто, перехода черезъ три-четыре, а потому зимній походъ этотъ, въ самое холодное время, былъ неособенно легокъ. [1]

Вотъ что писалъ Николай Николаевичъ о своемъ походѣ со второй дневки къ брату своему, отъ 1-го января 1831 года, изъ Ополья, въ 120 верстахъ отъ Петербурга: «Ура! ура! ура!

---

[1] Ростковскій Ф. Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, отд. I. 1806—1831 гг. С.-Пб. 1881 г., стр. 330—334.

Съ новымъ годомъ и съ моимъ походомъ поздравляю тебя, любезный Валеріанъ; я на второй дневкѣ и послѣзавтра буду уже въ Нарвѣ. Но....но....но что-то сердце не на мѣстѣ и не такъ весело, какъ первыя мои строки; я все оставилъ въ Петербургѣ: родныхъ, друзей и милаго друга! *Неужели судьба будетъ столько несправедлива, что не вознаградитъ меня за сіи пожертвованія хотя двумя сраженіями? Господи, да будетъ воля Твоя! Но одинъ пороховой дымъ можетъ заглушить горькія чувства разлуки въ моемъ сердцѣ.* Февраля 14-го, любезный братъ, будемъ мы въ Вильнѣ, а ты 5-го въ Ковнѣ, чѣмъ чортъ не шутитъ, можетъ быть съѣдемся въ Стоклишкахъ. (Папенька написалъ Качинскому, чтобъ тебѣ тамъ дали 300 рублей; но если ты до тѣхъ поръ будешь нуждаться въ деньгахъ, то пиши немедля въ Петербургъ.) Мои дѣлишки недурны, и походъ на счетъ денегъ гораздо мнѣ благопріятнѣе, чѣмъ я воображалъ, ибо, получивъ изъ полка полугодовое и третное, т. е. до 600 руб., я заплатилъ оными часть моего долга Кафтыреву и прежними 200-ми проценты Нуду и другія бездѣлицы; часы твои продалъ за пять червонцевъ, и то пригодилось, а на походъ далъ мнѣ папенька; я же человѣкъ опытный, и у меня деньги сквозь пальцы не пойдутъ. Любезный Валеріанъ, это письмо застанетъ тебя въ Ригѣ, и ты тамъ же оставь письмо на мое имя на почтѣ, ибо я туда буду черезъ 9 дней послѣ тебя; если же можешь, то и самъ дождись меня: Полтининъ, вѣрно, не откажетъ тебѣ въ 10 дняхъ, а много что въ 15-ти, и ты всячески догонишь свой полкъ прежде *Ковно*. Прощай, любезный братъ, не стану тебѣ описывать походъ: онъ тебѣ слишкомъ сдѣлается извѣстнымъ до *Ковно*, и у васъ вѣрно тоже морозы и метели.»

Далѣе, въ письмѣ отъ 4-го января, Николай Николаевичъ шлетъ благодарность своему брату изъ Нарвы за письма и, между прочимъ, пишетъ ему: «Спасибо тебѣ, любезный Валеріанъ, за письма твои изъ *Сольцы* и изъ-за Пскова; я оба получилъ въ Нарвѣ; теперь же нарочно распечатываю уже приготовленное къ тебѣ письмо въ Ригу, дабы вложить сіе прибавленіе и адресовать уже не въ *Ригу*, а въ *Митаву*. На счетъ тепла я взялъ большія предосторожности во всѣхъ отношеніяхъ и, несмотря на ужасные морозы до 25 градусовъ, я на 7 переходахъ до *Нарвы* ни разу не прозябъ и совершенно здоровъ, кромѣ небольшаго насморка. Долго тебѣ описывать Нарву, и ты по возвращеніи прочтешь мои письма къ папенькѣ, а теперь пора за дѣло: во первыхъ Головинъ и жена его тебѣ кланяются; я у нихъ провожу цѣлую дневку и чрезвычайно пріятно. Александръ Өедоровичъ, у котораго я часто

провожу дневки, а также и здѣсь, тебя благодаритъ за почтеніе, кланяется и желаетъ всякаго благополучія. Объ деньгахъ есть уже въ томъ письмѣ, я нисколько не нуждаюсь, но мой совѣтъ тебѣ: береги лишнюю деньгу на черный день,—она обоимъ пригодится. Объ Сашѣ [1] также есть въ томъ письмѣ. Маршрутъ нашъ весь выписывать долго, но я напишу только города. Нарва 3 и 4-го января, Дерптъ—14 и 15-го, Рига—28 и 29-го (здѣсь ожидаю твоего письма), Баускъ—1 и 2-го февраля, Поневѣжъ—6 и 7-го, Вилькоміръ—10 и 11-го, Вильна—14-го и такъ далѣе. Прощай, любезный братъ, по новому вашему маршруту я едва ли тебя увижу въ Ригѣ, итакъ—до Стоклишекъ или до поля битвы.»

6-го февраля лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ прибылъ въ г. Поневѣжъ и послѣ остановки отправился далѣе къ г. Ковно; поручикъ же Муравьевъ былъ командированъ въ Вильну, а послѣ того отправился въ Стоклишки; и вотъ что сообщаетъ онъ оттуда брату письмомъ отъ 9-го февраля: «Сегодня я получилъ оба твои письма, любезный Валеріанъ, и, имѣя случай, спѣшу немедленно тебѣ отвѣчать черезъ Ковно. Изъ г. Поневѣжа полкъ нашъ пошелъ на Ковно, а я отправился на почтовыхъ въ Вильну за казенными бумагами, получивъ между тѣмъ дозволеніе остаться въ Стоклишкахъ до 20-го числа, ибо полкъ идетъ за границу только 24-го. Въ Вильнѣ пробылъ я менѣе сутокъ, исполнилъ свои порученія, издержалъ всѣ остальныя деньги и едва доѣхалъ до Стоклишекъ, куда прибылъ сегодня, въ 11 часовъ утра. Здѣсь встрѣтилъ любезнаго Михаила Антоновича [2] и его супругу; письмо твое отъ исправника привезла моя повозка, которая была отправлена изъ Поневѣжа прямо и съѣхалась со мною за двѣ мили до Стоклишекъ, а другое твое письмо получилъ уже отъ Михаила Антоновича. Много благодарю тебя за совѣтъ объ вьюкѣ, а между тѣмъ крѣпко браню тебя за то, что ты самъ меня не послушался; я былъ дуракомъ на *Дунаѣ* и уже не буду таковымъ на *Нѣманѣ;* насъ тогда перепугали за 20 верстъ до Турецкой границы такъ жестоко, какъ никого еще не пугали. Я струсилъ, бросилъ лошадей, повозку, вещи; а кто былъ поумнѣе, тотъ перешелъ Дунай со всѣмъ экипажемъ. За то теперь и я не трусъ, беру бричку у М. А. и иду за границу лучше, чѣмъ въ границѣ. Если тебѣ будутъ нужны еще деньги, то пиши къ Михаилу Антоновичу, я полагаю это въ томъ случаѣ, если ты будешь адъютантомъ. Прилагаю тебѣ при семъ письмо отъ сестеръ. Спѣшу

---

[1] Александръ Николаевичъ—братъ Николая Николаевича.

[2] Арендаторъ имѣнія Николая Назарьевича.

кончить, ибо жидъ Лейба спѣшитъ въ Ковно. Прощай, обнимая тебя отъ всего сердца, желаю во первыхъ подраться, а во вторыхъ остаться живымъ и нетяжело раненымъ.»

24-го февраля поручикъ Муравьевъ вмѣстѣ съ полкомъ своимъ переправился черезъ рѣку Нѣманъ въ г. Ковно и, вступивъ въ предѣлы Царства Польскаго, прослѣдовалъ до г. Остроленки; съ этого пункта, отъ 22-го марта, начинается его военная дѣятельность: онъ участвуетъ въ цѣломъ рядѣ экспедицій, предпринятыхъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома. Экспедиціи слѣдовали одна за другой въ такомъ порядкѣ: съ 22-го по 26-е марта отъ г. Остроленки до г. Пржетилъ для воспрепятствованія Польскимъ мятежникамъ переправиться черезъ р. Бугъ и Наревъ и для разогнанія ихъ партій; съ 28-го по 30-е того же мѣсяца отрядъ двинулся обратно отъ гор. Пржетила до г. Остроленки: съ 9-го по 12-е апрѣля къ м. Ванcево, 13-го въ м. Нуру, съ 20-го по 23-е обратно въ Остроленку; съ 30-го по 1-е мая въ г. Пржетилъ, откуда съ 4-го по 9-е число отрядъ отступилъ черезъ м. Тыкочина за р. Наревъ. Послѣ всѣхъ этихъ переходовъ взадъ и впередъ, утомлявшихъ лишь солдатъ и не давшихъ ничего въ результатѣ, поручикъ Муравьевъ участвовалъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ: 8-го при дер. Руткахъ, при преслѣдованіи польскихъ мятежниковъ отъ м. Тыкочина до гор. Остроленки, гдѣ 14-го мая генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій нанесъ Полякамъ рѣшительное пораженіе. Ихъ армія въ разстройствѣ отступила къ Варшавѣ. На другой день послѣ этого сраженія, Николай Николаевичъ Муравьевъ съ полкомъ своимъ оставался тамъ до 15-го мая и того же числа, по назначеніи своемъ адъютантомъ къ начальнику 26-ой пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Головину, отправился къ мѣсту новаго служенія. По его прибытіи туда, 22-го мая мы его видимъ уже снова въ сраженіи при очищеніи Бѣловѣжской пущи отъ Польскихъ мятежниковъ.

Все это живо рисуетъ намъ то неутомимо-дѣятельное участіе, какое принималъ поручикъ Муравьевъ въ борьбѣ съ Польскими мятежниками, причемъ невольно вспоминаются слѣдующія слова изъ письма его къ брату отъ 14-го декабря 1830 года: *«быть въ дѣлѣ не послѣднее мое желаніе»*.

VI.

Кончина главнокомандующаго графа Дибича-Забалканскаго. — Прибытіе новаго главнокомандующаго. — Расположеніе и силы сторонъ. — Командировка Н. Н. Муравьева. — Веденіе войны. — Силы авангарда, подъ начальствомъ Е. А. Головина. — Его дѣйствія. — Участіе Н. Н. Муравьева въ сраженіяхъ. — Контузія его. — Н. Н. Муравьевъ въ Мендзыржецѣ. — Штурмъ Варшавы. — Контузія графа Паскевича-Эриванскаго. — Графъ Толь. — Сдача Варшавы. — Нравственное состояніе Поляковъ. — Новое возстаніе Польскихъ мятежниковъ подъ предводительствомъ Ромарино. — Участіе Н. Н. Муравьева въ военныхъ дѣйствіяхъ. — Конецъ войны. — Благодарственный молебенъ и панихида. — Увольненіе Н. Н. Муравьева въ отпускъ въ Петербургъ. — Письмо его къ брату.

1831 г.

Казалось, война, уже три съ половиною мѣсяца веденная съ величайшими затрудненіями, должна была окончиться скорымъ и полнымъ торжествомъ Русскаго оружія, когда неожиданное обстоятельство разстроило всѣ расчеты наши, затянувъ ее еще на четыре мѣсяца. Въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій 29-го мая 1831 года скончался графъ Дибичъ-Забалканскій, и до прибытія новаго главнокомандующаго, фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго, веденіе военныхъ дѣйствій поручено было графу Толю.

13-го іюня, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ Остроленскаго сраженія, новый главнокомандующій прибылъ въ Пултускъ. Расположеніе и силы сторонъ къ этому времени были слѣдующія: наша главная армія занимала окрестности Пултуска и состояла изъ 52 т. человѣкъ. На ея усиленіе шелъ изъ Седльце генералъ-лейтенантъ Муравьевъ (Карскій) съ 14 т. человѣкъ. У Бреста стоялъ 6-й корпусъ барона Розена въ 18 т. человѣкъ, имѣя назначеніемъ прикрывать съ этой стороны границы Имперіи. Генералъ Ридигеръ

съ 11 т. человѣкъ занималъ Люблинское воеводство и прикрывалъ границы Волыни. Если прибавить сюда мелкіе отряды, а также части, ожидавшіяся изъ Литвы, то вся численность войскъ, подъ начальствомъ графа Паскевича, простиралась до 137 т. человѣкъ при 674 орудіяхъ.

Польская армія, подъ начальствомъ Скржинецкаго, успѣвшая къ этому времени пополниться, сосредоточилась у Варшавы на обоихъ берегахъ Вислы, и считала въ своихъ рядахъ до 40 т. человѣкъ при 100 орудіяхъ; всего же въ предѣлахъ Царства Польскаго было до 64 т. человѣкъ при 142 орудіяхъ.

Генералы Гелгудъ, Дембинскій и Хлаповскій съ 12 т. регулярныхъ войскъ старались зажечь возстаніе въ Литвѣ. Противъ нихъ дѣйствовала резервная армія графа Толстаго.

Фельдмаршалъ графъ Паскевичъ считалъ польскую армію значительно сильнѣе, нежели она была на самомъ дѣлѣ, и не рѣшался дѣйствовать, не выждавъ прибытія Муравьева (Карскаго): онъ отложилъ выступленіе до 22-го іюня. 13-го же Муравьевъ (Карскій) двинулся изъ Седльце къ Нуру, чтобы тамъ переправиться черезъ Бугъ, а его мѣсто долженъ былъ занять авангардъ 6-го корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Е. А. Головина.

Поручикъ Н. Н. Муравьевъ, по переходѣ своемъ адъютантомъ къ Е. А. Головину, до конца войны былъ постоянно въ командировкахъ, постоянно находился въ виду непріятеля и участвовалъ въ военныхъ стычкахъ. Такъ, по прибытіи Головина 14-го іюня въ Мендзыржецъ, онъ былъ немедленно командированъ съ партіею казаковъ по направленію къ Прагѣ, съ приказаніемъ открыть непріятеля. Вернувшись 17-го іюня изъ этой командировки, онъ донесъ Головину, что встрѣтилъ первый непріятельскій разъѣздъ у Минска, и что у селенія Бржезины, въ 25 верстахъ отъ Праги, Поляки занимаютъ укрѣпленную позицію. Одновременно съ посылкой поручика Муравьева, Головинъ вошелъ въ связь съ Ридигеромъ, занимавшимъ Люблинское воеводство.

«Вскорѣ послѣ этого баронъ Розенъ получилъ отъ графа Паскевича предписаніе относительно задачъ, возложенныхъ на 6-й корпусъ и, въ особенности, на авангардъ Головина: «Поелику армія выступаетъ изъ-подъ Пултуска къ нижней Вислѣ, то генералъ-лейтенантъ Головинъ имѣетъ слѣдовать съ отрядомъ своимъ впередъ по шоссе и занять 22-го іюня городъ Сѣдлецъ. Движеніемъ симъ онъ долженъ стараться притянуть силы мятежниковъ на правый берегъ Вислы; а если бы они совсѣмъ оставили этотъ берегъ, въ такомъ случаѣ онъ пойдетъ далѣе къ Минску и, сби-

вая слабые непріятельскіе посты, будетъ простирать поиски до самой Праги.» Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-лейтенанту Головину приказано было: «уклоняться отъ неравнаго боя, держась всегда отъ сильнѣйшаго числомъ непріятеля на разстояніи большаго перехода, но притомъ отнюдь не давая обмануть себя пустыми демонстраціями.» То же предписаніе обязывало Головина находиться по мѣрѣ возможности въ сношеніи съ генералами: Ридигеромъ за Вепржемъ и Муравьевымъ (Карскимъ) за Бугомъ, и притомъ закрывать Брестъ-Литовскъ, гдѣ находилась главная квартира 6-го корпуса.

Силы авангарда, подъ начальствомъ Головина, состояли изъ 10-ти баталіоновъ, 7 эскадроновъ, 5 сотенъ съ 14 орудіями, т. е. 5400 человѣкъ пѣхоты, 1300 кавалеріи, а всего около 7000 человѣкъ. Какъ видно изъ предписанія, Головину ставилась сложная и весьма нелегкая задача. Уже одно то обстоятельство, что ему съ 7 т. человѣкъ приходилось дѣйствовать на театрѣ, имѣвшемъ 140 верстъ по фронту и 160 въ глубину, показываетъ, насколько трудно было положеніе авангарда 6-го корпуса.

22-го іюня, какъ было приказано, Головинъ занялъ Седльце. Въ тотъ же день главная армія начала движеніе отъ Пултуска къ Осѣку, на нижней Вислѣ, гдѣ предполагалось переправиться на лѣвый берегъ.

Съ удаленіемъ арміи на сѣверо-западъ, положеніе Головина сдѣлалось еще затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что и отъ своего 6-го корпуса онъ былъ удаленъ на 100 верстъ. Приходилось смѣлостью и искусствомъ восполнить недостатокъ въ численности. Занявъ позицію на рѣкѣ Муховцѣ, впереди Седльце, Головинъ производилъ частыя рекогносцировки, которыя открыли, что противъ него находится дивизія Рыбинскаго. Скржинецкій, не рѣшаясь дѣйствовать энергически противъ самого графа Паскевича, предпочелъ обратиться противъ Головина. Главнымъ начальникомъ соединенныхъ для наступленія войскъ былъ назначенъ Хржановскій, который, имѣя 22 т. человѣкъ при 42 орудіяхъ, былъ втрое сильнѣе Головина. Искусныя дѣйствія Головина противъ Рыбинскаго, съ 22-го по 28-е іюня, заставили послѣдняго предполагать, что Русскіе гораздо сильнѣе, чѣмъ были въ дѣйствительности, и отступить къ Минску.

24-го іюня, съ цѣлію собранія свѣдѣній о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля, устремившагося къ сторонѣ Буга, а также для открытія связи съ генералъ-лейтенантомъ Муравьевымъ, Головинъ направилъ къ Бугу партію казаковъ. 28-го іюня она вернулась, и находившійся при ней адъютантъ Головина Н. Н. Му-

равьевъ донесъ: «Переправившись черезъ Бугъ подъ мѣстечкомъ Каменчикомъ, слѣдовалъ далѣе по дорогѣ къ Остроленкѣ до Говорова. Тамъ нашелъ генералъ-маiора Пиллера, отъ котораго узналъ уже съ достовѣрностью о движенiи нашей армiи къ нижней Вислѣ, а равно и о томъ, что значительная часть непрiятельскихъ силъ переправилась при Сѣроцкѣ на правый берегъ Нарева. Это извѣстiе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и робость, замѣчавшаяся въ польскихъ войскахъ, выступившихъ противъ Головина, побудили его предпринять въ тотъ же день поискъ къ Минску. Этотъ пунктъ занятъ нами 28-го iюня, и наши партiи заставили Поляковъ отступить на всѣхъ пунктахъ. Но уже 1-го iюля непрiятель, который значительно усилился прибывшими войсками Хржановскаго, заставилъ насъ очистить Минскъ и отступить къ Янову. Однако ничего достовѣрнаго не было извѣстно относительно намѣренiй и силъ Поляковъ, а потому, для раскрытiя тѣхъ и другихъ, Головинъ рѣшилъ 2-го iюля произвести усиленную рекогносцировку по направленiю къ Минску и Дембе-Вельке. Въ 5 часовъ утра наши войска атаковали Поляковъ, а когда непрiятель оказался повсюду сильнѣе насъ, то всѣ колонны начали отступать къ Муховцу, чтобы, прикрываясь этою рѣчкою, занять прежнее положенiе. Бой 2-го iюля продолжался 12 часовъ къ ряду, причемъ отступленiе на 60-ти верстахъ велось въ примѣрномъ порядкѣ, и бодрость отряда отнюдь не поколебалась, несмотря даже на громадный уронъ. Но и результаты рекогносцировки вполнѣ окупили наши потери: Головинъ узналъ, что имѣлъ дѣло съ 24 т. человѣкъ при 42 орудiяхъ, подъ начальствомъ Хржановскаго, и своимъ отступленiемъ оттянулъ всю эту массу отъ Праги въ тотъ самый день, когда наша армiя начала переправу черезъ Вислу.

Розенъ съ трудомъ повѣрилъ, что противъ него выставлена почти половина польской армiи. Въ главной же квартирѣ графа Паскевича, отдаленной отъ Головина на 230 верстъ, свѣдѣнiя о дѣлѣ 2-го iюля получены были сначала изъ польскихъ источниковъ въ весьма выгодномъ для мятежниковъ свѣтѣ, и только послѣдующiя событiя обнаружили истину.

Польскiй главнокомандующiй рѣшилъ отрѣзать Головину прямое отступленiе къ Бресту. Однако бдительность Головина на этотъ разъ разстроила планъ непрiятеля. Его разъѣзды сообщили ему о передвиженiи польскихъ войскъ къ югу отъ Седльце. Справедливо полагая, что Поляки замышляютъ обойти его съ лѣваго фланга, Головинъ въ ночь съ 7-го на 8-е число, когда началось движенiе польскихъ войскъ, самъ оставилъ Седльце и двинулся къ сѣверу отъ шоссе, на которомъ уже стоялъ Хржа-

повскій съ 8-ю баталіонами и 10-ю орудіями. Головинъ взялъ направленіе на Морды и Лосице и благополучно вышелъ изъ приготовленной для него ловушки. 9-го іюля Головинъ занялъ Бялу, а 11-го весь отрядъ перешелъ въ мѣстечко Мендзыржецъ. При выступленіи изъ Бялы, Головинъ отправилъ къ непріятельскимъ аванпостамъ своего адъютанта Муравьева съ письмами отъ плѣнныхъ офицеровъ. На другой день поручикъ Муравьевъ возвратился и донесъ, что накапунѣ два непріятельскихъ эскадрона еще находились въ Седльце, но что самый аррієргардъ корпуса онъ нашелъ уже въ Минскѣ, гдѣ и отдалъ письма самому Хржановскому, который при этомъ свиданіи сказалъ поручику Муравьеву, что армія наша 7-го и 8-го іюля безпрепятственно переправилась черезъ Вислу, у Осѣка. Тутъ же поручикъ Муравьевъ узналъ отъ жителей подробности покушенія Скржинецкаго на Седльце.

19-го того же мѣсяца Головинъ получилъ приказаніе отъ корпуснаго командира идти къ Дрогичину, чтобы отрѣзать путь отступленія въ Варшаву польскому генералу Дембинскому, который съ 5 т. отрядомъ поспѣшно уходилъ изъ Литвы, преслѣдуемый русскими войсками. Отрядъ Дембинскаго представлялъ остатки корпуса Гелгуда, пытавшагося поднять возстаніе на Литвѣ и къ этому времени уже положившаго оружіе въ предѣлахъ Пруссіи, куда былъ вытѣсненъ резервной арміей графа Толстаго. Головинъ быстро пошелъ изъ Мендзыржеца на Морды и Напротню, отправивъ къ Дрогичину адъютанта своего Муравьева: а штабсъ-капитана Цукалова съ летучимъ отрядомъ внизъ по Бугу, чтобы собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Оба достигли своего мѣстоназначенія 21-го и донесли, что уже наканунѣ непріятель перешелъ Бугъ, но не у Дрогичина, какъ полагалъ Розенъ, а у Нура, и отступаетъ къ Варшавѣ. Тогда Головинъ, изъ этихъ свѣдѣній усматривая, что Дембинскій упущенъ, перешелъ къ Седльце, а вслѣдъ Полякамъ направилъ Цукалова. 25-го іюля Головинъ перешелъ въ Колушинъ. Кавалерійскія партіи направлены къ сѣверу и югу отъ шоссе для разсѣянія польскихъ ополченій. 26-го іюля Муравьевъ, отправленный съ письмами отъ плѣнныхъ къ польскимъ аванпостамъ, донесъ, что до самой Праги онъ нигдѣ не встрѣчалъ непріятеля. До 3-го августа Головинъ оставался съ авангардомъ передъ Прагой, производя частые поиски кавалеріей по разнымъ направленіямъ, обезоруживая польскія ополченія и прерывая подвозы жизненныхъ припасовъ въ Варшаву изъ Подляхіи.»[1]

---

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго. Рукопись капитана Генеральнаго штаба графа В. В. Муравьева-Амурскаго.

Поручикъ Муравьевъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка, съ 27-го іюля по 8-е августа находился при форсированныхъ рекогносцировкахъ подъ Прагою; 16-го онъ участвовалъ въ сраженіи арріергарда 6-го пѣхотнаго корпуса при с. Крынкѣ и Жембрахъ съ цѣлымъ корпусомъ Польскихъ мятежниковъ, бывшимъ подъ начальствомъ Ромарино; 17-го послѣдовало генеральное сраженіе при м. Мендзыржецѣ, въ коемъ Н. Н. Муравьевъ, все время находившійся съ Головинымъ, былъ контуженъ въ правую ногу пулею. 6-й корпусъ отступилъ къ Бресту, выдвинулъ авангардъ Головина къ Тересполю, и Ромарино 22-го августа двинулся къ Варшавѣ, такъ какъ получилъ выговоръ за слишкомъ большое отдаленіе отъ столицы.

26-го августа Головинъ снова занялъ Бялу и послалъ поручика Муравьева парламентеромъ въ Мендзыржецъ къ Ромарино. Это былъ день втораго штурма Варшавы. 25-го августа Паскевичъ наконецъ рѣшился на приступъ, но не довелъ его до конца, хотя и достигъ въ этотъ день важныхъ результатовъ, а именно—взяты были укрѣпленія деревни Воля—предмѣстья столицы—считавшіяся главнѣйшими; тогда Поляки, сознавая безуспѣшность сопротивленія, а можетъ быть и желая протянуть время, вступили въ переговоры о пріостановкѣ штурма и сдачѣ города безъ боя. Фельдмаршалъ согласился ожидать до часа пополудни 26-го августа. Но такъ какъ уполномоченный отъ Поляковъ явился позже назначеннаго срока, то графъ Паскевичъ уже не согласился на продленіе перемирія и приказалъ возобновить штурмъ. Въ самомъ началѣ его графъ Паскевичъ былъ контуженъ и передалъ неограниченное командованіе графу Толю. Къ вечеру Варшава была взята, а польская армія отступила къ Плоцку, гдѣ, по условію, должна была ожидать повелѣній Государя.

При такомъ положеніи дѣлъ у Варшавы, поручикъ Муравьевъ прибылъ 26-го въ Мендзыржецъ. Ромарино имѣлъ свѣдѣнія только о первомъ нерѣшительномъ днѣ штурма. Онъ пригласилъ Муравьева къ завтраку, посадилъ его подлѣ себя, причемъ всѣ присутствовавшіе Поляки изъ вѣжливости говорили по-французски. Самъ Ромарино сообщилъ поручику Муравьеву о первомъ днѣ штурма Варшавы съ подробностями, говорившими не въ нашу пользу. Такимъ образомъ первое извѣстіе объ этомъ важномъ событіи получено въ 6-мъ корпусѣ отъ непріятеля. 27-го августа Ромарино пошелъ къ Варшавѣ, но уже въ Ополѣ узналъ о занятіи столицы Русскими и о движеніи польской арміи къ Модлину.

Казалось бы, что, со взятіемъ столицы Польши, бывшей центромъ возстанія, сопротивленіе мятежниковъ было уничтожено; графъ

Паскевичъ считалъ свою задачу оконченною и послалъ къ Государю флигель-адъютанта князя Суворова (внука покорителя Праги) съ краткимъ, но многозначущимъ донесеніемъ: «Варшава у ногъ Вашего Императорскаго Величества, и польская армія, по моему приказанію, отступаетъ къ Плоцку.» Однакожъ польская армія вовсе не направлялась въ Плоцкъ, она и не думала покоряться: все было одною комедіей, чтобы выиграть нѣсколько дней спокойствія и добиться соединенія съ Ромарино.[1]

Снова Поляки начали составлять свои военные совѣты, и разбитая армія разсуждала о новыхъ планахъ и средствахъ продлить борьбу; мечтали о новыхъ успѣхахъ: умы мало-по-малу оживились надеждою, всѣ горѣли желаніемъ непріятельскою кровью смыть пятно и поправить потерю Варшавы блестящими подвигами. Дерзко раздавалась въ рядахъ ихъ пѣсня: «Еще польска не сгинела!» Спорили о мѣрахъ, которыя нужно было принять, и составляли планы. Многіе одобряли движеніе на Модлинъ въ предположеніи, что армія переправится тамъ чрезъ Вислу и отрѣжетъ Русскимъ ихъ сообщенія, а Ромарино сдѣлаетъ то же самое съ другой стороны.[2]

Между тѣмъ графъ Паскевичъ, убѣдившись, что нечего и думать о мирномъ разрѣшеніи вопроса, дѣятельно и зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, и войска были въ полной готовности, и часть ихъ продолжала быть въ дѣйствіи. 1-го сентября мы видимъ поручика Муравьева участвующимъ при взятіи авангардомъ м. Кола; 3-го въ сраженіяхъ авангарда и при взятіи приступомъ м. Ополя, Врželовица и Юзефова; на всѣхъ сихъ пунктахъ Поляки были опрокинуты двумя дивизіями, состоявшими подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Головина. Затѣмъ 4-го сентября произошла новая битва и новая побѣда, при храбромъ участіи въ дѣлѣ поручика Муравьева, при м. Раховѣ, Комовѣ и Боравѣ, гдѣ корпусъ Польскихъ мятежниковъ, бывшій подъ начальствомъ авантюриста, польскаго предводителя Ромарино, былъ разбитъ и прогнанъ въ предѣлы Австрійской Имперіи. Послѣ сего поручикъ Муравьевъ, 17-го сентября, находился при блокированіи важной крѣпости Модлина, которая и сдалась 26-го сентября.

Таковъ былъ конецъ этой трудной восьмимѣсячной войны, которая до крайнихъ предѣловъ возвеличила славу графа Паске-

---

[1] Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. Ф. Смита. С.-Пб. 1864 г., стр. 579.

[2] Ф. Смитъ. Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг. С.-Пб. 1864 г., стр. 583—587.

вича. Онъ былъ пожалованъ титуломъ и званіемъ князя Варшавскаго.[1]

Достойно замѣчанія, что за всю компанію Поляки не имѣли съ собой ни одного знамени; когда же палъ Модлинъ, то подъ поломъ пороховаго погреба было найдено 28 совершенно новыхъ польскихъ знаменъ. При открытіи ихъ присутствовалъ и поручикъ Муравьевъ. Эта компанія была однимъ изъ лучшихъ воспоминаній Николая Николаевича.

Дѣйствительно, подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта Е. А. Головина, адъютантъ его—поручикъ Муравьевъ прошелъ превосходную боевую школу, школу малой войны, которая такъ полезна для развитія въ будущемъ военныхъ дарованій самостоятельнаго начальника. Можно утверждать, что разнообразныя порученія, даваемыя Муравьеву Головинымъ, при исполненіи которыхъ 22-хлѣтній поручикъ неоднократно имѣлъ дѣло со старыми польскими генералами,—во многомъ послужили, какъ мы увидимъ, къ развитію и его дипломатическихъ способностей.

4-го октября, на Вольской равнинѣ подъ Варшавою, собраны были всѣ войска; тутъ былъ, въ числѣ прочихъ, и лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ. Въ $10^1/_2$ часовъ утра отслуженъ былъ благодарственный молебенъ и послѣ него панихида по павшимъ воинамъ. Погода была прекрасная и такая теплая, что пѣхота была въ лѣтней формѣ. Площадь, на которой расположены были въ трехфасномъ каре войска, представлявшая мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ кровавое побоище, имѣла теперь совершенно иной видъ. Масса воиновъ съ обнаженными головами, преклонивъ колѣна, возносила свои молитвы къ Господу Силъ, по случаю окончанія военныхъ дѣйствій, и за души усопшихъ на полѣ брани своихъ боевыхъ товарищей. Когда же, во время провозглашенія благодарственной молитвы, артиллерія произвела 303 выстрѣла,—громкое «ура!» долго раздавалось по равнинѣ. Послѣ окончанія молебствія, генералъ-фельдмаршалъ пропустилъ передъ собой всѣ части церемоніальнымъ маршемъ.[2]

Несмотря на окончаніе войны, войска все еще оставались въ Царствѣ Польскомъ, и время ихъ выступленія было не опредѣлено. Поручикъ Муравьевъ пожелалъ воспользоваться симъ мирнымъ временемъ, подалъ прошеніе о четырехмѣсячномъ отпускѣ, о чемъ, между прочимъ, извѣщалъ своего брата Валеріана

---

[1] Русск. Арх. 1885 г., кн. I, стр. 494.

[2] Ростковскій Ф. Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, отд. II и III. С.-Пб. 1881 г., стр. 16.

Николаевича слѣдующимъ письмомъ, отъ 13-го декабря 1831 года, изъ Стоклишекъ: «Жаль, очень жаль, любезный братъ, что я не засталъ тебя здѣсь, пріѣхавши только 11-го числа; но надежда есть увидѣться въ Петербургѣ, куда я отпущенъ въ отпускъ на 4 мѣсяца, т. е. долженъ оттуда выѣхать 1-го апрѣля. До сихъ поръ я ничего не получалъ и ничего не ожидаю; а о продолженіи службы или объ оставленіи ея узнаю также въ столицѣ, ибо отставки разрѣшено подавать до 1-го февраля, и я всегда успѣю, если для семейства нашего то будетъ нужно. Изъ Плоцка выѣхалъ я 7-го декабря, въ Ковно пріѣхалъ 10-го, а сюда 11-го, ибо ожидалъ въ Жижморахъ лошадей отсюда. Во вторникъ, т. е. 15-го декабря, я выѣзжаю отсюда вмѣстѣ съ М. А. и А. Ант. въ ихъ коляскѣ, а лошади почтовыя пополамъ; здѣсь всего до Петербурга 800 верстъ, и мнѣ будетъ стоить 150 рублей, но въ Польшѣ ужасно было дорого на почтахъ, и мнѣ отъ Плоцка въ Ковно стоило болѣе 200 руб. асиг., хотя тамъ только 450 верстъ; словомъ сказать, весь сей проѣздъ со всѣми издержками и съ доставленіемъ лошадей и людей въ Стоклишки (они пришли сюда на другой день твоего отъѣзда, т. е. 7-го декабря)—стоитъ 500 руб. ассигнаціями,—дорого, дѣлать нечего, а домой хочется и надо.»

VII.

Нравственное состояніе Н. Н. Муравьева по прибытіи его въ Петербургъ. —Письмо его къ брату. —Высочайшія награды Н. Н. Муравьеву за Польскую войну. —Возвращеніе въ С.-Петербургъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка.—Отъѣздъ Н. Н. Муравьева въ Царство Польское.—Выходъ его въ отставку по болѣзни. —Письма къ нему Е. А. Головина.—Евгеній Александровичъ Головинъ.

1832—1833 г.

Вслѣдъ за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, мы видимъ поручика Муравьева въ крайне угнетенномъ состояніи духа. Ему казалось, что служба его недостаточно оцѣнена начальствомъ. По прибытіи въ Петербургъ въ четырехмѣсячный отпускъ, вотъ что писалъ Николай Николаевичъ брату своему Валеріану Николаевичу, отъ 5-го января 1832 года: «На третій день по пріѣздѣ сюда уже заготовлено было у меня письмо къ тебѣ, но по стеченію различныхъ незначущихъ обстоятельствъ, я остановился въ отправленіи онаго, и ты по пріѣздѣ сюда найдешь его у меня въ цѣлости, теперь же спѣшу тебя увѣдомить *во первыхъ*, что папенька, по прошенію его, совершенно уволенъ отъ службы съ пенсіономъ по 15 т. руб. въ годъ; указъ вчера только подписанъ, а потому ты это отъ меня перваго узнаешь; *второе*, что письмо твое здѣсь получено и всѣхъ очень обрадовало, а въ особенности папеньку, который скоро тебя сюда ожидаетъ и не пишетъ. Онъ весьма доволенъ, что ты не остановился въ подаціи прошенія, ибо его желаніе совершенно съ твоимъ сходно; *третье*, что я долженъ по всѣмъ соображеніямъ продолжать службу и потому пребываю здѣсь только до конца отпуска, т. е. до апрѣля.

На вопросъ твой о полученныхъ мною наградахъ отвѣчаю: что я до сихъ поръ за 6 серьезныхъ сраженій, за 4 мѣсяца безпрестанныхъ стычекъ съ непріятелемъ и самой трудной и дѣятельной службы ничего не получилъ, въ виду же имѣется за все одна награда, и то не чинъ, который бы мнѣ очень былъ кстати при продолженіи службы и къ которому я представленъ за 2-е іюля и всю службу до сего сраженія; т. е. какъ самое сраженіе, такъ и всѣ къ оному принадлежности были самыя трудныя, опасныя и жестокія; послѣдствія же сего сраженія едва ли не самыя знаменательныя во всей войнѣ, ибо вы, вслѣдствіе онаго, перешли Вислу безъ выстрѣла. Да, любезный Валеріанъ, меня отдѣлываютъ хуже твоего, но дѣлать нечего: служи, терпи, молчи,—вотъ мое назначеніе, и смотри съ почтеніемъ на тѣхъ, которые награждены безъ заслугъ и перескочили меня во всѣхъ отношеніяхъ. Знаю только то, что все рвеніе мое къ службѣ, особенно въ военное время, погаснетъ, и я, на ряду съ прочими, буду стараться какъ можно менѣе дѣлать и какъ можно менѣе подвергаться опасностямъ, коихъ прежде всегда самъ искалъ. Меня утѣшаютъ, говоря: впередъ все воротишь! Нѣтъ, это трудно и невозможно, и какое же будетъ мнѣ удовольствіе за новыя опасности и за новые труды получать тѣ же награжденія, къ коимъ я уже давно представленъ былъ и которыя, понетинѣ могу сказать, заслужилъ; въ мирное время надобно 10 лѣтъ, чтобъ все сіе возвратить, а въ военное надобно 10 разъ быть убитымъ, прежде чѣмъ имѣть случай все сіе получить, особенно если награждать будутъ по-нынѣшнему. Словомъ сказать, во всей арміи нѣтъ человѣка менѣе меня награжденнаго, ибо всегдашній товарищъ мой въ сраженіяхъ Рожановичъ все-таки получилъ чинъ, который былъ ему очень нуженъ, а всѣ прочіе въ забытомъ нашемъ авангардѣ менѣе меня служили.»

Но Н. Н. Муравьевъ ошибался. Труды его въ Польской компаніи оцѣнены были даже гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать: онъ заразъ получилъ въ мартѣ мѣсяцѣ три награды. Вотъ что читаемъ мы въ данной ему Высочайшей граматѣ: «Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ сраженіи противъ Польскихъ мятежниковъ сего 1831 года мая 8-го числа, гдѣ вы, командуя взводомъ, отличною храбростію подавали примѣръ неустрашимости нижнимъ чинамъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ Кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.» За участіе же въ разбитіи корпуса Польскихъ мятежниковъ 4-го сентября 1831 года при м. Раховѣ, Н. Н. Муравьевъ награжденъ золотою шпагою съ над-

писью: «за храбрость»; сверхъ того онъ получилъ польскій знакъ отличія (virtuti militari), за военныя достоинства, 4-й степени. [1]

13-го марта 1832 года лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ возвратился изъ Варшавы въ Петербургъ, и началась обычная мирная казарменная жизнь. А поручикъ Муравьевъ, по истеченіи срока отпуска, отправился къ мѣсту своего служенія въ Царство Польское, къ генералъ-лейтенанту Евгенію Александровичу Головину, при которомъ и продолжалъ состоять адъютантомъ. Въ этомъ же году онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а въ началѣ слѣдующаго года, т. е. 7-го февраля 1833 года, по болѣзни вышелъ въ отставку, къ глубокому огорченію своего начальника.

До какой степени Е. А. Головинъ цѣнилъ своего адъютанта, можно видѣть изъ переписки его съ нимъ послѣ выхода Муравьева въ отставку. Такъ, оканчивая письмо изъ Динабурга, отъ 15-го марта 1833 года, Головинъ между прочимъ пишетъ къ нему: «..... Не хочу задерживать твоего Лейбу, который торопится домой. Поручаю ему сказать тебѣ мой поклонъ и оканчиваю увѣреніемъ, что ты найдешь во мнѣ всегда того же себѣ доброжелателя, какимъ я былъ и прежде. Можетъ быть, судьба сведетъ насъ опять вмѣстѣ, и я радъ буду, если мнѣ удастся быть тебѣ въ чемъ-нибудь полезнымъ. Теперь пока желаю тебѣ здоровья и полнаго успѣха по хозяйству.» Въ другомъ письмѣ мы читаемъ: «Не зналъ я до полученія письма твоего, дошло ли уже до тебя извѣстіе, что смотръ корпусу будетъ не въ Вильнѣ, а здѣсь (Динабургѣ), что̀, впрочемъ, для меня во всѣхъ отношеніяхъ такъ выгодно, какъ нельзя больше. Но эта перемѣна, конечно, можетъ помѣшать мнѣ видѣться съ тобою, ибо ты будешь занятъ хозяйствомъ, а я, вѣроятно, заботами по службѣ. Впрочемъ предоставимъ свиданіе наше удобному случаю: а между тѣмъ считаю излишнимъ распространяться въ изъясненіяхъ о моемъ къ тебѣ расположеніи: ты знаешь оное хорошо, и то, что̀ ты мнѣ пишешь въ семъ отношеніи, я принимаю не за пустыя фразы. Поживи пока внѣ службы, похозяйничай; узнай изъ опыта, что и въ частномъ быту не всегда покоятся на розахъ, и что безгорестное состояніе не есть доля человѣка на земномъ его поприщѣ, въ какое бы платье онъ ни нарядился. Не нужно мнѣ увѣрять также, что я радъ буду опять сойтись съ тобою вмѣстѣ, если Богу угодно будетъ такъ устроить..... Затѣмъ остается мнѣ пожелать тебѣ полнаго и всесовершеннаго успѣха въ хозяйствѣ:

[1] Отчетъ по Госуд. Совѣту за 1881 г. С.-Пб. 1883 г., стр. 25—28.

но такъ какъ опытность весьма рѣдко пріобрѣтается даромъ, то желаю въ особенности, чтобы, предстоящіе тебѣ по хозяйству, уроки обошлись тебѣ сколько можно дешевле. Будь увѣренъ, что я всегда и вездѣ буду принимать во всемъ, до тебя касающемся, самое живое и искреннее въ пользу твою участіе. Всегда по чувствамъ къ тебѣ близкій Евгеній Головинъ.»

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ Е. А. Головинѣ, такъ какъ намъ еще неразъ придется упоминать его имя.

Евгеній Александровичъ Головинъ [1] родился въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (1782 г.), и слѣдовательно первыя впечатлѣнія своей юности вынесъ изъ великаго вѣка Великой Екатерины, хотя начало его служебнаго поприща относится уже ко времени военныхъ реформъ въ царствованіе Павла I. Этимъ объясняется сочетаніе въ Головинѣ, съ одной стороны, многосторонней и вполнѣ основательной образованности, которая была отличительнымъ свойствомъ офицеровъ Екатерининскихъ, съ другой—неумолимаго педантизма въ соблюденіи воинскихъ артикуловъ, изученіе коихъ считалось впослѣдствіи обязательнымъ для всѣхъ чиновъ военнаго сословія, начиная отъ солдата и до генерала.

Воспитаніе свое Головинъ получилъ сперва въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, а потомъ окончилъ его въ Университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1796 году, въ самый годъ смерти Екатерины Великой. Изъ Университета онъ поступилъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ; на закатѣ же дней своихъ, по выходѣ въ отставку, въ званіи генерала отъ инфантеріи, онъ поселился въ Петербургѣ. Жизнь Евгенія Александровича въ Петербургѣ отличалась, какъ и вся прежняя жизнь его, домовитостью, простотою, гостепріимствомъ. По старому русскому завѣту, собирая за своимъ воскреснымъ обѣдомъ своихъ родныхъ, своихъ близкихъ, онъ и его супруга Елизавета Павловна, урожденная фонъ-Визинъ, являлись привѣтливыми хозяевами. Строгое приличіе, не исключавшее веселой непринужденности и шутливости, было отличительнымъ условіемъ этихъ воскресныхъ трапезъ. Но особенно занимательны были послѣобѣденныя бесѣды почтеннаго хозяина, когда, въ опроверженіе или въ подтвержденіе разсужденій, высказываемыхъ собесѣдниками, большею частію служившими прежде подъ его начальствомъ, Евгенію Александровичу случалось излагать свое мнѣніе.

[1] Девятнадцатый вѣкъ. М. 1872 г., стр. 62—64, статья Ю. Толстаго.

Если при этомъ ему приходилось разсказывать что-либо изъ пройденнаго имъ жизненнаго опыта, особенно если рѣчь касалась подвиговъ боевой жизни, чести Русскаго оружія, стойкости Русскаго солдата,—тогда въ потускнѣвшихъ глазахъ его возгоралось пламя восторга, и рѣчь его, обыкновенно медленная, размѣренная, тихая, становилась быстра, громка, оживленна, и въ одряхлѣвшемъ, глухомъ, съ трудомъ передвигающемъ ногами Евгеніи Александровичѣ еще можно было признать прежняго удалаго полковаго командира.

VIII.

Пребываніе Н. Н. Муравьева въ казенномъ имѣніи «Стоклишкахъ».—Его образъ жизни тамъ.—Письма его оттуда къ брату.—Неудачи его по хозяйству. Прошеніе его о принятіи на службу къ Е. А. Головину.—Назначеніе къ нему Муравьева чиновникомъ особыхъ порученій.—Новое назначеніе Е. А. Головина.—Прошеніе Н. Н. Муравьева объ отставкѣ.

1837 г.

По выходѣ въ отставку, Николай Николаевичъ Муравьевъ провелъ четыре года въ казенномъ имѣніи «Стоклишкахъ», Виленской губерніи, пожалованномъ Государемъ его отцу въ пожизненное владѣніе. Здѣсь онъ, по настоянію отца своего и ради поправленія своего здоровья, занимался сельскимъ хозяйствомъ, стараясь привести въ надлежащій порядокъ чрезвычайно разстроенное имѣніе. О жизни его въ деревнѣ сохранились свѣдѣнія въ письмахъ его къ брату Валеріану Николаевичу за 1837 годъ, изъ которыхъ приводимъ нѣсколько выдержекъ. Вотъ что писалъ онъ 2-го мая: «Письмо твое отъ 31-го марта получилъ я предъ самымъ отъѣздомъ моимъ въ Вильно на контракты, т. е. 22-го числа прошлаго мѣсяца, и отвѣчаю, возвратившись уже изъ Вильно, ибо тамъ не было ни мѣста, ни достаточно свободы, чтобы отвѣчать тебѣ обширно. Прилагаю здѣсь письмо отца, которое я получилъ вмѣстѣ съ твоимъ, и подчеркнутыя строки покажутъ тебѣ, въ какомъ я недоумѣніи на счетъ дѣйствій, писаній и сужденій своего отца, находя совершенно противное въ твоемъ письмѣ. Контракты прошли для меня безполезно, я ничего не успѣлъ занять и нахожусь въ довольно затруднительномъ положеніи, но Богъ поможетъ расчитаться, и я не унываю. Еще

въ апрѣлѣ засѣялъ я весь овесъ и посѣялъ всѣ присланныя мнѣ сибирскія сѣмена, на разведеніе коихъ полагаю большія надежды и ожиданія, и если Богъ поможетъ завести эти сѣмена, то и овесъ и ячмень исключатся изъ списковъ стоклишскихъ, а, можетъ быть, если окажется возможнымъ, то уничтожатся и озимыя поля вообще; впрочемъ объ этомъ еще есть время пораздуматься и потолковать. Не могу ничего тебѣ сказать объ успѣхахъ моего хозяйства, которое нынче переполнено хлопотъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и издержекъ также, ибо въ семъ году строится новый амбаръ на каменномъ фундаментѣ съ погребомъ и съ досчатою крышею, и въ то же время на лугахъ около Муравьева фольварка огромный сарай для сѣна и корчма въ д. Герейкагизахъ.

Пахтъ [1] коровъ или въ аренду въ нынѣшнемъ году у меня никто не беретъ, по крайней дешевизнѣ масла и вообще всего молочнаго, масляннаго, сливочнаго, сливочной масляности и масляной сливочности! Но шутки въ сторону, а это мнѣ весьма непріятно, ибо сотни двѣ рублей серебромъ, конечно, въ расчетѣ не станетъ. На дняхъ сажу картофель, коего въ семъ году посадится на 26 моргахъ; [2] но молотьбы еще до сихъ поръ не кончилъ и при теперешнихъ весеннихъ работахъ и постройкахъ она потянется до іюня мѣсяца, хоть немного осталось. Ленъ нынче въ Ригѣ очень дешевъ, самый лучшій не дороже 43 руб. сер. за 500 фунтовъ, а потому тебѣ на сей разъ нечего объ немъ и думать: увидимъ, что̀ будетъ зимою передъ Рождествомъ.»

25-го іюля. «Собрался я наконецъ въ свободную минуту отвѣчать тебѣ на твое хозяйское письмо отъ 6—10-го іюля. Напрасно воображаютъ вообще, что травосѣяніе вездѣ и при всякомъ удобреніи или, лучше сказать, безъ удобренія удается, и ты впадаешь въ эту ошибку, а еще, что̀ хуже, подобно отцу, ты говоришь: «не скажу 500 съ десятины, а пусть только 200 пудъ», т. е. не скажу 500 т. съ Покровскаго, пусть только 200! Не сердись за это сравненіе: но оно на сей разъ, право, пришлось кстати: мнѣ случалось здѣсь видѣть во многихъ мѣстахъ сѣяную траву, и въ послѣдній разъ у Бѣлинскаго: это зерно весьма деликатное, и кромѣ хорошаго удобренія требуетъ выборной земли, т. е. ни слишкомъ высокой, ни слишкомъ низкой, ни песчаной, ни глинистой; словомъ сказать, тамъ только удачно травосѣяніе, гдѣ удается у васъ жито или ячмень по пашему, и при лучшемъ еще удобреніи, чѣмъ для жита. Что же касается

[1] Съ нѣмецкаго pacht (откупъ, аренда).

[2] Поземельная мѣра (1230 кв. саж.).

сбора оной, то при совершенно малой разницѣ въ землѣ или въ погодѣ ничего нѣтъ легче какъ въ 10 разъ болѣе или менѣе, а при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ можно легко и 20 пудъ не собрать съ десятины; выбравши же землю, обработавши оную и унавозивши, конечно, можно получить даже двѣ травы, и каждую въ 400 и 500 пудъ съ десятины! Основываясь на этомъ, ты сообрази, что̀ лучше сѣять на таковой выбранной, обработанной и унавоженной землѣ—овесъ или траву? Для полученія надлежащихъ выгодъ отъ травосѣянія, сѣютъ оную между рожью весною, и тогда нѣтъ потери, хоть бы трава и дурно удалась; сѣютъ траву также вмѣстѣ съ житомъ или ячменемъ, ибо сей послѣдній очень скоро поспѣваетъ, а сжавши его рано, можно позже скосить траву, а отъ тѣхъ же кореньевъ имѣть на другой годъ подъ паромъ хорошій сѣнокосъ или хорошее пастьбище, а послѣ засѣянное на такихъ мѣстахъ озимое бываетъ и безъ навозу хорошо. Но сѣять траву только для травы -невыгодно, или потому, что обработка, удобреніе и земля для оной употребленная слишкомъ дороги, или потому, что трава не родится! Поправлять луга посѣвомъ не только травяныхъ зеренъ, но даже потрухи, можно и удачно, но польза не окажется въ первомъ году, но во второмъ и даже въ третьемъ. Въ Стоклишкахъ, при существующихъ на хлѣбъ цѣнахъ, рѣшительно мнѣ дѣлать нечего, ибо вмѣстѣ съ рожью понижена цѣна и на ячмень и на овесъ.»

Кромѣ хозяйства, Николай Николаевичъ чрезвычайно занятъ былъ судьбою своего любимаго брата, который задумалъ жениться, но разныя семейныя обстоятельства, преимущественно денежныя, препятствовали осуществленію его желанія, что̀ очень тревожило Николая Николаевича; и онъ шлетъ ему свои душевные совѣты къ устройству сего намѣренія, какъ это видно изъ письма его отъ 8-го мая: «Письмо твое, любезный братъ, отъ 18-го апрѣля, я получилъ сегодня и поспѣшаю отвѣчать съ первымъ отправленіемъ въ Вильно и прямо въ Новгородъ. Поздравляю тебя не съ праздникомъ, ибо это мелочь, но съ добрымъ намѣреніемъ и находкою. Безъ всякаго сомнѣнія жениться тебѣ необходимо, и, если Богъ судилъ этому сбыться, то уже близкое родство М. Н. Завал. съ Петромъ Степановичемъ [1] даетъ объ ней доброе понятіе; но во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ ты приступишь къ чему-либо рѣшительному, тебѣ необходимо быть въ томъ домѣ, гдѣ она живетъ постоянно, и тамъ безпристрастнымъ взглядомъ обозрѣть *ихъ бытъ, ея отношенія съ братомъ, вникнуть въ духъ ихъ*

---

[1] Рыкачевъ.

дома, узнать, съ кѣмъ она въ связяхъ и короткомъ знакомствѣ! Всѣ эти обстоятельства долженъ ты открыть самъ своею особою, и изъ видѣннаго и слышаннаго извлечь собственное заключеніе *безпристрастное!* Если все это найдешь себѣ по сердцу, и въ то же время не будешь имѣть причины ожидать отказа, то сдѣлай предварительныя предложенія черезъ Петра Степановича и пиши въ Покровское. Но въ семъ послѣднемъ дѣйствіи я совершенно съ тобою не согласенъ, ибо ты хочешь тамъ требовать то, чего тамъ нѣтъ и взять негдѣ, а именно 20 т.; но всего хуже то, что ты, съ отказомъ сей суммы, думаешь разстроить все свое предпамѣренное благополучіе. Это неосновательно, и лучше ничего не начинай, ибо отказъ будетъ вѣрный, и впрочемъ на нѣтъ суда нѣтъ! Ты самъ знаешь, что въ Покровскомъ не только 20 т., но и 5 т. никогда не бываютъ свободны, а потому вообрази себѣ, каково покажется тамъ твое требованіе, тѣмъ болѣе, что онаго исполнить не будутъ въ силахъ, еслибъ и желали! А потому я полагаю такъ: когда ты во всемъ тамъ объяснишься и удостовѣришься, о чемъ я выше упомянулъ, и когда останется только получить благословеніе изъ Покровскаго, то пиши туда просто о женитьбѣ только. Проси согласія и благословенія, *не упоминая ничего о деньгахъ!* и объ этомъ предметѣ можешь писать сильно, упоминая часто объ отцовскихъ его чувствахъ и объ необходимости въ твоемъ положеніи деревенскомъ имѣть друга, о связи наконецъ этого обстоятельства съ твоимъ здоровьемъ и самою жизнію! Когда ты на это письмо получишь отвѣтъ, безъ сомнѣнія согласный, то приступи безъ всякаго вопроса къ отдѣлкѣ Ратчинскаго дома, сдѣлай помоловку, благодари Покровское за согласіе и увѣдомь о помоловкѣ! а свадьбу отложи до глубокой осени, т. е. до тѣхъ поръ, когда въ Покровскомъ начнутъ скопляться деньги. Наконецъ будь увѣренъ, что весь мой совѣтъ клонится только къ тому, чтобъ ты непремѣнно и навѣрно успѣлъ въ своемъ добромъ намѣреніи, и чтобъ мелочныя прихоти не разстроили благополучія твоего на всю жизнь. Посовѣтуйся о всемъ свадебномъ въ Черной, и я увѣренъ, что тебѣ тамъ скажутъ то же, что и я говорю. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что твоя будущая невѣста не будетъ имѣть претензіи на большой блескъ, который не сообразенъ ни съ твоимъ, ни съ ея состояніемъ; вспомни строфу изъ извѣстной тебѣ корпусной пѣсни:

«Устройся какъ возможно тише,
Чтобъ зависти не возбудить;
Безъ нужды не вздымайся выше,
Чтобъ послѣ шеи не сломить.»

Еслибъ тебѣ и удалось получить и издержать на свадьбу 20 т., то это не будетъ сообразно съ будущимъ твоимъ положеніемъ, ибо въ случаѣ самой кончины отца, ты самъ знаешь, много ли намъ останется дохода при нашемъ ходѣ дѣлъ, а, можетъ быть, придется остаться сестрамъ на мужниныхъ хлѣбахъ, тебѣ—на жениныхъ, Сашѣ—на жалованьѣ, а мнѣ—въ Америкѣ. Но и это предположеніе не должно останавливать твоего намѣренія жениться, ибо съ твоимъ хозяйствомъ ты всегда успѣешь устроить и женино, и будешь имѣть пріютъ, но только надо къ этому приготовиться и съ самаго начала не заноситься высоко; я даже такъ полагаю, что еслибъ въ добрую минуту и удалось выпросить у него 20 т. на свадьбу, то благоразуміе требуетъ издержать половину оныхъ, а другую половину тотчасъ пустить въ оборотъ и стараться, если не можно увеличить, по крайней мѣрѣ устроить имѣніе твоей будущей; по крайней мѣрѣ даю тебѣ мое слово, что я такъ бы сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ.»

Въ письмѣ отъ 26-го мая Николай Николаевичъ продолжаетъ настойчиво просить своего брата поспѣшить помолвкою изъ боязни, чтобы издержки не испугали отца, и чтобы онъ не сдѣлалъ какого-либо препятствія въ столь важномъ и пріятномъ для всѣхъ родныхъ дѣлѣ: «Ты, вѣроятно, уже получилъ мое письмо, любезный другъ Валеріанъ», — пишетъ онъ, — «въ отвѣтъ на твое первое о добромъ намѣреніи жениться, и, конечно, уже пересталъ обо мнѣ сомнѣваться; но вмѣстѣ съ твоимъ отъ 8-го мая получилъ я и батюшкино, гдѣ сказано о твоихъ намѣреніяхъ и о вызовѣ тебя въ Петербургъ для объясненія. Я пишу ему на это въ отвѣтъ длинное письмо, въ коемъ совершенно по чувствамъ доказываю: что, устроивши тебя, онъ вдругъ устроитъ насъ обоихъ, ибо въ твоемъ семействѣ я смѣло могу надѣяться найти пріютъ въ холостой моей старости, если суждено до оной дожить. А тебѣ спѣшу повторить, что если только М. Н. удовлетворяетъ своею особою всѣмъ твоимъ чувствамъ и понятіямъ, то не останавливайся въ своемъ предпріятіи никакими препятствіями, тѣмъ менѣе денежными. Наконецъ, если съ этой стороны все будетъ неудачно, то помни, что все настоящее въ этомъ отношеніи, худое или хорошее, есть только *временное*, а потому стѣснись, ускромься, сколько возможно, и будь философомъ въ этомъ отношеніи съ тѣмъ только, чтобъ не рушилось твое благое предпріятіе. Я чрезвычайно боюсь за успѣхъ всего дѣла, если ты его основываешь на приличныхъ денежныхъ отъ него ожиданіяхъ; онъ не откажетъ прямо (это еще было бы лучше) въ деньгахъ, дабы

не сказали, что разстройствомъ своего состоянія препятствуетъ благополучію дѣтей; но будетъ отказывать въ своемъ согласіи на женитьбу подъ различными предлогами,—это всего хуже. Ты близко знаешь наше денежное положеніе, слѣдовательно ты ни подъ какимъ видомъ не долженъ основывать своего важнаго предпріятія на настоящихъ расчетахъ. Если же онъ догадается, или кто-нибудь ему скажетъ, и онъ тебѣ намекнетъ отдать тебѣ что-нибудь недвижимое въ собственность,—за это хватайся, это основательное; но должно быть сдѣлано со всѣми законными предосторожностями отъ нападенія кредиторовъ. Я крѣпко безпокоюсь о твоихъ съ нимъ личныхъ переговорахъ, и если еще ничего не испорчено, сдѣлай дружбу, сдѣлай милость, прошу тебя со слезами, послѣдуй моему совѣту, не говори объ деньгахъ и объ содержаніи и спѣши всемѣрно съ помолвкою. Ничего тебѣ не пишу ни о себѣ, ни о жилищѣ, ни о чемъ, ибо дѣло твое слишкомъ меня интересуетъ.»

Но сколько ни хлопоталъ Николай Николаевичъ за своего брата предъ грознымъ отцомъ своимъ, ничто не помогло. Николай Назарьевичъ своими странными дѣйствіями подавалъ сильный поводъ къ неудовольствію, не дозволяя своимъ дѣтямъ никакихъ возраженій, требовалъ безусловнаго повиновенія, тѣмъ болѣе, когда дѣло касалось до денежныхъ расчетовъ. Такъ и въ данномъ случаѣ, женитьба Валеріана Николаевича разстроилась единственно изъ неимѣнія денегъ. По поводу этого, какъ бы въ утѣшеніе, вотъ что писалъ Николай Николаевичъ своему брату, отъ 1-го сентября: «Еслибъ я дѣйствительно лишенъ былъ чувствъ нѣжности и понятія о супружескомъ счастіи, то не имѣлъ бы права тебя утѣшать: но знай, вѣрь мнѣ и оставь для себя одного: что я не только вполнѣ постигаю сладость супружеской жизни, но и чувствую, что въ нашей жизни это состояніе есть самое блаженное; что только въ супружествѣ мы находимъ прибѣжище отъ всѣхъ бѣдствій и суетъ міра, и что супружеское счастіе превосходитъ счастіе героя, увѣнчаннаго лаврами за освобожденіе отечества! Такъ понимая и чувствуя, я имѣю право на твою довѣренность въ томъ положеніи, въ которомъ ты находишься. Слабый духомъ отчаявается и ни въ чемъ не находитъ утѣшенія! Менѣе слабый ищетъ утѣшенія въ религіи! Намъ же съ тобою не должно слѣдовать примѣру ни первыхъ, ни вторыхъ! Участь наша до сихъ поръ не была подобна ничьей участи, такъ будетъ и до конца! Мы должны твердостью все переломить и переносить хладно то, что̀ другихъ приводитъ въ отчаяніе, и нашъ девизъ долженъ

быть: *всякое добро и зло употребляй въ свою пользу.* Впрочемъ начну съ того, что въ 26 лѣтъ еще не потеряна надежда искать супружескаго счастія, и не одна М. Н. могла тебѣ его доставить. Но тѣмъ не менѣе да будетъ стыдно тѣмъ, которые были причиною разстройства этого дѣла! *Вотъ польза, которую должно извлечь изъ этого зла:* пусть раскаяваются тѣ, которые имѣютъ чувства, пусть удивляются и краснѣютъ тѣ, которые только умѣютъ расчитывать! Пусть знаютъ, что для общей пользы, для общаго хозяйства, ты пренебрегъ своимъ счастіемъ: ибо я увѣренъ, что еслибъ ты не грязъ въ болотахъ Ильменскихъ, то былъ бы женатъ; пусть чувствуютъ, что разстройство состоянія, заставивъ тебя заботиться и думать о средствахъ устроенія къ женитьбѣ, лишило тебя невѣсты! Повторяю: *вотъ польза, которую должно извлечь изъ этого зла.* Вотъ утѣшеніе, которое я уже чувствую, если ты меня поймешь и послѣдуешь моимъ словамъ.»

Личныя же дѣла Николая Николаевича вообще, и въ особенности по Стоклишскому имѣнію, были далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, вслѣдствіе неурожаевъ, обильныхъ дождей и безпрестанныхъ требованій изъ Покровскаго дохода съ имѣнія. Все это до такой степени раздражало и разстроило Николая Николаевича, что онъ даже сталъ помышлять оставить управленіе Стоклишками и вновь поступить на службу; поэтому онъ обратился съ просьбою къ бывшему своему начальнику Евгенію Александровичу Головину, который въ то время исправлялъ должность Варшавскаго военнаго губернатора. «Я начинаю удостовѣряться», — писалъ онъ къ брату Валеріану, — «что мнѣ долго церемониться и дорожиться нельзя, и придется вступить въ службу, ибо при такой безцѣнности продуктовъ, какъ нынѣ, я не составлю 10 т. арендныхъ въ годъ изъ Стоклишекъ и вынужденъ ежегодно мой долгъ увеличивать, и потому слѣдуетъ убраться честнымъ образомъ, а отказаться отъ своего слова и уменьшить арендную сумму я не въ состояніи. Сколь охотно я готовъ бы былъ бросить поганую Виленскую губернію.

Раздѣлавшись съ долгами и съ Стоклишками, я пущусь служить до конца жизни, или по крайней мѣрѣ до полнаго пенсіона изъ Варшавы, т. е. на 29 лѣтъ, а къ этому времени, съ Божіею помощію, я навѣрно буду получать 25 т. злотыхъ жалованья, слѣдовательно старость моя хорошо обезпечена и безъ потери здоровья, которое въ Стоклишкахъ подвергается жестокимъ ударамъ.» Въ другомъ письмѣ Муравьевъ пишетъ: «Недавно получилъ я отъ Головина приглашеніе вступить къ нему на служ-

бу на 10 т. злотыхъ жалованья и съ большими надеждами на будущность. Это приглашеніе я отправилъ подлинникомъ въ Покровское. Батюшка же довольно склоненъ на мое вступленіе въ службу съ тѣмъ, чтобы Стоклишки остались въ моемъ вѣдѣніи, и предлагаетъ мнѣ 2 т. изъ оныхъ, т. е. такъ, чтобы я высылалъ къ нему 8 т. рублей. Хотя я буду наблюдать за Стоклишками,—что для выгодъ нашего семейства необходимо.—но едва ли получать 8 т. безъ меня; но я ему послѣдняго не написалъ: онъ бы сталъ меня удерживать отъ Варшавы.» И наконецъ въ письмѣ къ брату же отъ 25-го августа онъ пишетъ: «Богъ знаетъ, къ чему меня ведетъ моя судьба, но если приведетъ и выведетъ благополучно, то я готовъ буду вѣрить, что все дѣлается къ лучшему, не только *общему*, но и *частному*. Всѣ мои дѣла. всѣ мои отношенія. всѣ мои обстоятельства. намѣренія, виды и расчеты такъ спутались, такъ затмились,—и все мнѣ на бѣду, все мнѣ на горе, на непріятныя хлопоты. что я начинаю терять и терпѣніе, и философію, и энергію.—что я потерялъ двухъ сестеръ. что ожидаю съ день на день ревизоровъ, пшеницы у меня почти нѣтъ, да и остальная на полѣ проростаетъ отъ дождей: что я еще не заплатилъ 1500 руб. арендной суммы. что у меня нѣтъ ни гроша на этотъ счетъ; а затѣмъ все домашнее хозяйство въ страшномъ безпорядкѣ, что въ теченіе шести недѣль мнѣ пришлось смѣнять двухъ писарей. признаюсь. что при такихъ обстоятельствахъ арендное хозяйство мнѣ опротивѣло. особенно въ казенномъ имѣніи; но въ то же время не могу не ужасаться мысли вступить въ службу: это будетъ рѣшительно противно и моимъ правиламъ, и моимъ понятіямъ. и моему честолюбію. которое. какъ ты знаешь, довольно обширно, къ сожалѣнію. Дѣла будетъ пропасть. непріятностей куча (съ моими понятіями), а толку мало: и сойду съ военнаго пути. который одинъ можетъ мнѣ обѣщать рано или поздно быстрое возвышеніе. замараюсь сослуженіемъ съ канальями. кои окружаютъ Головина. и унижу себя не только во мнѣніи общемъ. но и собственномъ. Впрочемъ дѣлать больше нечего,—надобно пуститься на все, чтобы раздѣлаться съ тѣмъ положеніемъ. въ которомъ я теперь нахожусь, и лучше прежде побывать въ Варшавѣ. чѣмъ хватиться лбомъ объ стѣну, а на послѣднее всегда будетъ время.

Самые сны мои свидѣтельствуютъ о разстройствѣ моего положенія: я часто вижу мертвыхъ въ гробахъ. и послѣдній разъ всѣ они на меня смотрѣли. будучи уже полусгнившими: вижу поля, засѣянныя сгнившею пшеницею; часто скитаюсь посреди незнакомыхъ, непріязненныхъ мнѣ людей; словомъ сказать, горюю

и на яву и во снѣ, чего прежде со мною не бывало, ибо въ самыхъ непріятныхъ положеніяхъ сны меня часто и даже всегда утѣшали. Бывало сказавши: «что̀ будетъ, то будетъ», я оставался спокоенъ: теперь этого нѣтъ; вездѣ я вижу и предвижу худое, и почти вездѣ такъ сбывается. Долго бы я тебѣ описывалъ всю тяжесть моего теперешняго положенія и мыслей, но это чистый эгоизмъ: ибо мнѣ маленькое облегченіе передъ тобою жаловаться на судьбу, а тебѣ вѣроятно большое неудовольствіе читать подобныя описанія. Между тѣмъ стоклишскія мои дѣла дурны и очень дурны, такъ что волею или неволею надобно будетъ прислониться къ Варшавѣ, откуда я уже имѣю повторительныя приглашенія.» Николай Николаевичъ былъ назначенъ въ гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ директорѣ, предсѣдательствующемъ въ Коммиссіи Внутреннихъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Царства Польскаго.

Между тѣмъ Головинъ 30-го ноября 1837 года получилъ новое назначеніе: онъ призванъ принять командованіе отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и главное управленіе гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказской областяхъ. И какъ скоро дошло это извѣстіе до Николая Николаевича, то онъ тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ варшавской службы. «Ибо я тамъ безъ Головина ни одного дня служить не намѣренъ»:—такъ писалъ онъ брату—«затѣмъ не знаю, что̀ будетъ со мною впередъ, а теперь я остаюсь по прежнему управляющій Стоклишками.»

IX.

Поступленіе Н. Н. Муравьева въ военную службу на Кавказъ.—Отзывъ Филипсона о Муравьевѣ.—Бѣглый взглядъ на военныя дѣйствія на Кавказѣ.—Боевая жизнь Муравьева тамъ.—Производство его въ подполковники. Движеніе войскъ по случаю готовившихся военныхъ дѣйствій въ сѣверномъ Дагестанѣ.—Успѣшное исполненіе Муравьевымъ различныхъ порученій къ горскимъ племенамъ.—Участіе его при открытіи и проложеніи сообщеній, подъ начальствомъ Граббе.—Старое и новое Ахульго. Блокада и осада Ахульго.—Цѣль осады.—Н. Н. Муравьевъ при штурмѣ и взятіи приступомъ знаменитой Сурхаевской башни.—Кровопролитный штурмъ новаго Ахульго.—Рана Муравьева.—Свидѣтельство докторовъ Герарди и Ильяшенко объ этой ранѣ.—Отъѣздъ Муравьева въ Тифлисъ.—Письма его къ брату.—Новое назначеніе Муравьева.—Отзывъ Филипсона о дѣятельности Муравьева въ Абхазіи. Производство Муравьева въ генералъ-маіоры.

—

1838—1840 г.

—

Н. Н. Муравьевъ, съ самаго выхода изъ Пажескаго Корпуса привыкшій къ дѣятельной боевой жизни, былъ уже не въ силахъ болѣе довольствоваться тѣми, какъ мы видѣли, далеко не мирными сельскими занятіями, какія лежали на немъ въ Стоклишкахъ. Онъ рвался по своей пылкой натурѣ въ военную службу и наконецъ въ началѣ 1838 года, именно 27-го апрѣля, рѣшился поступить на Кавказъ, гдѣ въ то время кипѣла на всемъ пространствѣ отъ Каспійскаго до Чернаго моря война съ горцами. Онъ опредѣленъ былъ съ чиномъ маіора, съ зачисленіемъ въ армію и съ назначеніемъ къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералу отъ инфантеріи Е. А. Головину для особыхъ порученій, къ тому самому Головину, который за пять лѣтъ предъ симъ, какъ бы предчувствуя, писалъ Муравьеву въ письмѣ отъ 15-го марта 1833 года изъ Динабурга: «Можетъ быть, судьба сведетъ насъ опять вмѣстѣ.»

«Н. Н. Муравьевъ была выдающаяся личность», какъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ старый кавказецъ Г. И. Филипсонъ.[1] — «онъ былъ искренно преданъ Головину и служилъ ему перомъ и головою. Онъ былъ малаго роста, съ чертами лица довольно тонкими и подвижными, съ глазами, въ которыхъ было много ума. На Головина онъ имѣлъ огромное вліяніе. Между товарищами онъ казался добрымъ малымъ, любилъ дружескую бесѣду за бутылкою вина; но, проведши такъ всю ночь, онъ могъ цѣлый день работать перомъ, а работалъ онъ скоро и хорошо. Образъ жизни его былъ простъ, но приличенъ.»

Прежде чѣмъ приступить къ описанію дѣятельности Николая Николаевича на новомъ его служебномъ поприщѣ, считаемъ нужнымъ бросить бѣглый взглядъ на военныя дѣйствія на Кавказѣ.

Начало Кавказской войны относится къ первымъ годамъ XIX столѣтія, когда Грузія вступила въ подданство Россіи, и Кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями. Сначала Русскіе ограничивались оборонительными дѣйствіями отъ разбойничьихъ набѣговъ горныхъ племенъ; съ назначеніемъ же генерала Ермолова главнокомандующимъ (1816 г.), наше владычество мало-по-малу стало проникать въ горы. Но успѣхи Русскихъ были остановлены появленіемъ новой мусульманской секты — *Мюридизма*, который въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ необыкновенною быстротою распространился въ кавказскихъ горахъ и мелкія, разъединенныя дотолѣ, племена соединилъ общимъ религіознымъ фанатизмомъ; изъ предводителей мюридовъ самымъ сильнымъ и опаснымъ для насъ явился Шамиль, принявшій высшій духовный титулъ имама. Вытѣсненные изъ многихъ пунктовъ, Русскіе должны были значительно увеличить свои силы и начать трудную, упорную борьбу съ грознымъ имамомъ. Тщетно время отъ времени войска совершали экспедиціи въ разныя горныя области, жгли и разоряли черкесскіе аулы; но усмиреніе племенъ медленно подвигалось впередъ, хотя войска съ истиннымъ мужествомъ и непоколебимою твердостію переносили всѣ тягости и лишенія трудныхъ экспедицій. О Кавказскомъ корпусѣ въ то время иначе не говорили, какъ о военныхъ труженикахъ, которые осуждены были на вѣчныя экспедиціи въ горы, — безъ ружья и кинжала не смѣли переступить порогъ своей землянки, безъ прикрытія казаковъ и безъ пушекъ не могли достать себѣ воды, чтобы напиться, нарубить дровъ, чтобы сварить щи, накосить сѣна, чтобы покормить лошадей. Между тѣмъ

[1] Русск. Арх. 1883 г., стр. 279—280.

Кавказъ имѣлъ свойство привлекать къ себѣ: вся лучшая молодежь—офицеры изъ гвардіи—стремились туда на службу.

При такомъ-то положеніи кавказскихъ военныхъ дѣлъ вступилъ на службу Н. Н. Муравьевъ; и онъ не унывалъ; пытливый умъ его жаждалъ дѣятельности. Кавказъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его боевымъ наклонностямъ.

По прибытіи къ мѣсту служенія, Муравьевъ въ теченіе всего 1838 года принималъ самое дѣятельное участіе въ слѣдующихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ на восточномъ берегу Чернаго моря: въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ участвовалъ въ почной экспедиціи на р. Сочѣ; 10-го іюля—при дессантѣ на Шапаро; сентября 11-го—находился въ Дагестанскомъ отрядѣ войскъ. За всѣ эти до высшей степени трудныя экспедиціи по непроходимымъ лѣсамъ, по скалистымъ и безплоднымъ горамъ, Муравьевъ награжденъ былъ чиномъ подполковника, съ оставленіемъ въ прежней должности. Съ 25-го по 29-е сентября Муравьевъ участвовалъ въ движеніи отряда подъ командою генералъ-лейтенанта Фези, вверхъ по Самуру для усмиренія возмутившихся горныхъ кубинскихъ магаловъ. 26-го сентября отрядъ прибылъ въ урочище Аджіахуру, у коего горцы были въ сборѣ. Когда отрядъ приближался къ этому мѣсту, Ага-бекъ съ 30-ью почетными старшинами явился съ повинной головою, изъявляя живѣйшее раскаяніе и умоляя о помилованіи. Тогда генералъ Фези поручилъ подполковнику Муравьеву, отъ имени генералъ-адъютанта Е. А. Головина, объявить старшинамъ требованія правительства. Н. Н. Муравьевъ изъяснилъ имъ, въ чемъ состоитъ долгъ вѣрноподданныхъ, каковыми они себя называли, а именно: исполнять всѣ приказанія мѣстнаго начальства; платить сполна подати и недоимки; не содержать у себя разбойниковъ, а выдавать оныхъ начальству: употреблять оружіе только по волѣ начальства, а въ случаѣ притѣсненій приносить жалобу, и не защищаться вооруженною рукою: принимать посылаемыхъ къ нимъ чиновниковъ и не воспрещать таковымъ проѣзда по ихъ магаламъ: немедленно выбрать 4-хъ депутатовъ и отправить въ Тифлисъ съ изъявленіемъ раскаянія и просьбою о пощадѣ. Всѣ старшины единогласно обѣщались исполнить эти приказанія.[1]

Послѣ сказанныхъ экспедицій не долго пришлось отдыхать Муравьеву. Весной 1839 года началось движеніе войскъ по случаю готовившихся военныхъ дѣйствій въ сѣверномъ Дагестанѣ.

[1] Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Тифлисъ. 1884 г., т. IX, стр. 220.

Согласно предположенію командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералъ-лейтенанта Головина, удостоенному Высочайшаго утвержденія Государя Императора, военныя дѣйствія въ этомъ году должны были производиться въ трехъ разныхъ частяхъ Кавказскаго края и тремя отдѣльными отрядами: Первый *десантный*, подъ командою генералъ-лейтенанта Раевскаго, назначенъ былъ для занятія трехъ новыхъ пунктовъ на восточномъ берегу Чернаго моря и для построенія тамъ укрѣпленій. Другой—*Дагестанскій*, подъ командою самого корпуснаго командира, генералъ-лейтенанта Головина, долженъ былъ окончательно покорить *верхнія Самурскія общества* и прочно утвердиться въ верховьяхъ Самура, построеніемъ укрѣпленія у селенія *Ахты*. Наконецъ третій, подъ названіемъ *Чеченскаго*, ввѣренъ генералъ-лейтенанту Граббе и назначенъ для дѣйствій противъ Шамиля въ сѣверномъ Дагестанѣ и Чечнѣ. Послѣднему отряду назначено было нанести пораженіе Шамилю въ самомъ Ахульго и разрушить это убѣжище, слывшее во мнѣніи горцевъ совершенно недоступнымъ. [1] Муравьевъ участвовалъ сперва въ движеніи Дагестанскаго отряда. Войска послѣдняго шли къ сборному пункту, къ селенію Хазры, гдѣ они должны были находиться до открытія военныхъ дѣйствій, т. е. до 28-го мая. Въ этотъ промежутокъ времени Головинымъ даваемы были Муравьеву различныя порученія къ горскимъ племенамъ, съ цѣлію внушить имъ довѣріе къ нашей силѣ, безъ употребленія оружія. Все это было исполняемо имъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ, за что въ награду отличнаго его усердія, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, оказаннаго въ исполненіи данныхъ ему порученій по сношенію съ кубинскими магалами и при введеніи въ права владѣтельницы ханства Казикумухскаго, Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-й степени. Мая 28-го Муравьевъ продолжалъ участвовать въ движеніи главныхъ силъ изъ лагеря при сел. Хазры къ селенію Цухулѣ и колоннъ генералъ-лейтенанта Фези къ деревнямъ Хасъ-Хумы и Верхнему-Калантуру, кромѣ того былъ при занятіи сихъ послѣднихъ; мая 29-го находился въ дѣлѣ при Цухулѣ и въ движеніи къ тѣснинѣ Аджіа-Хурѣ, участвуя при взятіи приступомъ главныхъ пунктовъ Аджіа-Хурской позиціи, которая считалась почти неприступною: она составляетъ отрогъ огромнѣйшаго утеса горы Шахъ-Дага. Обѣ оконечности этого отрога, коего гребень имѣетъ значитель-

[1] Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ сѣверномъ Дагестанѣ. Милютина. С.-Пб. 1850 г., стр. 21—22.

ный склонъ къ рѣкѣ Самурѣ, образуютъ почти отвѣсныя скалистыя крутизны; со стороны рѣки высѣчена тропа для пѣшеходовъ, съ трудомъ доступная и вьючнымъ лошадямъ. 31-го мая Муравьевъ былъ при овладѣніи всею позиціею, затѣмъ въ движеніи къ сел. Каракгори, при занятіи его; іюня 5-го находился въ движеніи всѣми силами къ сел. Ахты и при покореніи его; далѣе съ 6-го по 11-е іюня былъ при открытіи и проложеніи сообщенія подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе въ сѣверномъ Дагестанѣ.

Въ три недѣли, со времени выступленія изъ крѣпости Внезапной, отрядъ генерала Граббе прошелъ болѣе 80 верстъ по самой трудной мѣстности, разработалъ вновь дорогу на протяженіи болѣе 30 верстъ, нанесъ два рѣшительныхъ пораженія скопищу Шамиля, истребилъ 5 мятежныхъ Салатовскихъ и Гумбетовскихъ селеній и наконецъ подступилъ къ послѣднему убѣжищу Шамиля, Ахульго. Старое и новое Ахульго—это два огромные утеса, раздѣленные глубокимъ ущельемъ рѣчки Ашильты. Неприступные по самой природѣ своей, дикой и суровой, они были укрѣплены Шамилемъ еще искусственными средствами весьма хорошо и обдуманно. Съ 12-го іюня началась блокада и осада Ахульго. Существенной цѣлью осады было разрушеніе этого гнѣзда всѣхъ волненій и мятежей въ сѣверномъ Дагестанѣ. Съ 22-го по 24-е іюня Муравьевъ участвовалъ въ движеніи къ Сагритлогскому мосту для окончательнаго разсѣянія скопища Ахверды-Магома и былъ въ дѣлѣ при пораженіи непріятеля; съ 29-го іюня и по 4-е іюля участвовалъ при штурмѣ и взятіи приступомъ знаменитой Сурхаевской башни, которая затрудняла всѣ дѣйствія и самое расположеніе блокирующихъ войскъ, такъ какъ командовала надъ всею окружающею мѣстностію. Взятіе этой башни было важнымъ шагомъ въ ходѣ блокады; съ этого времени уже можно было обратить осадныя работы прямо противъ замка или *новаго Ахульго*, какъ главной части непріятельской позиціи. 16-го іюля генералъ Граббе рѣшился произвести штурмъ *новаго Ахульго*. Съ утра артиллерія со всѣхъ батарей открыла сильный огонь по передовымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Въ 2 часа пополудни войска начали движеніе къ сборнымъ пунктамъ, но всѣхъ нужныхъ приготовленій не успѣли сдѣлать прежде 5 часовъ пополудни; только тогда выставленъ былъ для сигнала бѣлый флагъ. Главная колонна смѣло начала спускаться съ нижняго гребня по лѣстницамъ подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ. Хотя войска должны были сходить по одиночкѣ, однакожъ онѣ исполнили это такъ стремительно, такъ смѣло, что въ нѣсколько минутъ были уже на днѣ

самаго рва и даже взобрались уже на передовое укрѣпленіе. Въ одно мгновеніе непріятель сбить штыками, и съ крикомъ «ура!» занята вся передняя площадка. Но тутъ встрѣчено препятствіе неожиданное: за площадкою былъ еще второй глубокій перекопъ, обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ изъ двухъ скрытыхъ блокгаузовъ или капонировъ. Всѣ покушенія нѣкоторыхъ храбрецовъ проникнуть далѣе остались безуспѣшными. Спереди была непреодолимая преграда; сзади узкій путь заваленъ множествомъ раненыхъ. Притомъ въ это время не оставалось уже въ колоннѣ *ни одного* офицера: иные были ранены или убиты, другіе сброшены въ кучу. Войска оставались такимъ образомъ до самой почи на передовой площадкѣ подъ самымъ жестокимъ огнемъ. Съ наступленіемъ темноты, главная колонна вмѣстѣ съ другими войсками возвратилась на сборные пункты. Неудача эта стоила весьма дорого.[1] Въ числѣ раненыхъ при этомъ кровопролитномъ штурмѣ былъ и Н. Н. Муравьевъ, которому ружейною пулею раздробило кость правой руки. За оказанную имъ храбрость Муравьевъ заразъ получилъ двѣ награды, именно Императорскія короны къ орденамъ св. Станислава и св. Анны 2-й степени, и кромѣ того объявлено ему было въ Высочайшемъ приказѣ Монаршее благоволеніе.

Относительно этой раны вотъ что читаемъ мы, между прочимъ, въ свидѣтельствѣ докторовъ гг. Герарди и Ильяшенко, отъ 9-го октября 1839 года: «Состоящій по особымъ порученіямъ при командирѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, арміи подполковникъ Николай Муравьевъ, 30 лѣтъ отъ роду, довольно слабаго тѣлосложенія отъ природы, раненъ былъ на приступѣ къ укрѣпленному замку Ахульго въ сѣверномъ Дагестанѣ 16-го іюля 1839 года ружейною пулею, которая, вошедъ въ правое предплечіе (Antibrachium) со стороны локтевой кости, около средины между локтевымъ сгибомъ и ручною кистію, пролетѣла сквозь онаго предплечія, и, сломивъ и раздробивъ среднюю часть локтевой кости (corpus ulnae), повредивъ лучевую кость (radius) и мышцы, сгибающія и разгибающія персты (musculi flexores et extensores digitorum), вышла съ противоположной стороны близъ лучевой кости. Рана, составляющая выходъ пули, нынѣ зажила, и на мѣстѣ оной видѣнъ круглый рубецъ (cicatrix); рана же,

[1] Оба Ахульго были взяты вторымъ штурмомъ послѣ почти безпрерывнаго полуторосуточнаго боя 22-го августа, причемъ Шамиль, раненый, съ небольшимъ числомъ людей, совершилъ отчаянное бѣгство, прорвавшись сквозь линію нашихъ постовъ, и укрылся въ лѣсистыхъ горахъ Салатау. (Милютинъ. Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ сѣверномъ Дагестанѣ. С.-Пб. 1850 г., стр. 101—103.)

составляющая входъ пули, и изъ которой въ продолженіе почти трехмѣсячнаго лѣченія нерѣдко выходили частицы раздробленной кости, пораженной нынѣ, судя по виду выходящихъ частицъ оной, костоѣдою, обратилась оттого въ свищъ (fistula). Трудное владѣніе ручной кисти, большого пальца и мизинца и совершенное невладѣніе трехъ среднихъ пальцевъ.»

Для излѣченія своей раны Н. Н. Муравьевъ долженъ былъ отправиться на нѣкоторое время въ Тифлисъ, и вотъ что писалъ онъ оттуда брату своему Валеріану Николаевичу въ письмѣ отъ $^{24}/_{30}$ ноября 1839 года, жалуясь на свое стѣснительное матеріальное положеніе и между прочимъ упоминая о своей болѣзни: «Сегодня, 24-го, получилъ я письмо твое изъ Ставрополя и заготовляю отвѣтъ къ слѣдующей экстра-почтѣ: о положеніи раны моей ты уже знаешь изъ писемъ моихъ къ батюшкѣ и Назарову; о положеніи кармана слѣдующее: 1) жалованья твоего я получить не могу, а между тѣмъ 2) почти со дня твоего отъѣзда Потуловъ боленъ и на строгой діэтѣ, такъ что я остаюсь одинъ хозяинъ всѣхъ расходовъ, которые велики до невѣроятія. Въ дорогу же мнѣ необходимо имѣть 1000 руб. ассигн., и придется занять 1200 руб. ассигн. Разумѣется, что при моихъ правилахъ и при необходимости обходиться безъ домашнихъ пособій, должно мнѣ быть очень *учетливымъ* въ моихъ приходахъ и расходахъ, какимъ я, къ сожалѣнію, въ теченіе 1838 и 1839 годовъ быть не могъ по различнымъ обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь здѣсь свести концы съ концами аккуратно и по всей справедливости, тѣмъ болѣе, что мнѣ должны здѣсь 110 червонцевъ, которые я, можетъ быть, и получу передъ отъѣздомъ. Я рѣшительно не получаю никакихъ вѣстей изъ Петербурга,— это мнѣ ничего добраго не предвѣщаетъ, а сомнительная продолжительная неизвѣстность гораздо хуже удара, одинъ разъ получаемаго!

Не знаю, что̀ будетъ съ моею рукою впослѣдствіи, но теперь она меня мало безпокоитъ, лихорадочныхъ припадковъ болѣе не бываетъ, а боли также, кромѣ дерганія въ кости при дурной погодѣ; насколько я могу судить, то операція для вынутія осколка будетъ необходима, а потому и поѣздка къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ, ибо въ Пятигорскѣ, если есть воды, то нѣтъ хирурговъ, а кромѣ того, при лѣченіи водами, надобно быть спокойнымъ духомъ, а могу ли я оставаться таковымъ въ Пятигорскѣ, гдѣ безпрестанные толки и слухи о дѣлахъ Кавказа, которые мнѣ все-таки очень близки къ сердцу. Впрочемъ, если мнѣ не дадутъ средствъ ѣхать за границу, то я поѣду въ Сток-

липики, ибо въ Петербургѣ не могу жить и лѣчиться оставленнымъ мнѣ внутреннимъ содержаніемъ; операцію могутъ хорошо сдѣлать въ Вильнѣ. а ужъ съ лѣченіемъ водами надобно проститься. Славно и легко разсуждать владѣющимъ обѣими руками о наградахъ и продолженіи службы, а я такъ готовъ отдать всѣ мои кресты за средства лѣчиться за границею, чтобы возвратить совершенное владѣніе рукою. Немудрено судить въ нѣгѣ и довольствіи о заслугахъ человѣка, котораго собачья жизнь безпрерывно полтора года подвергалась опасности: отъ кинжала, пули, въ быстрой рѣкѣ, подъ снѣжнымъ заваломъ и на днѣ каменистой пропасти. Впрочемъ, я совершенно всѣмъ доволенъ и за все очень благодаренъ по сравненію съ другими, а служить по моему, больше думая о пользѣ службы, чѣмъ о своей жизни, спокойствіи и довольствіи, вѣдь никто отъ меня не требовалъ и никто не ожидалъ; это вообще не водится, а потому и мнѣ надобно было бы лѣчиться отъ моихъ правилъ, какъ отъ болѣзни, и весьма опасной! однимъ словомъ il faut que je me calme, si je veux être utile à moi même; penser à autre chose—est une idée étrange, incompréhensible pour tous dans ce monde, c'est une idée de l'autre monde! Vive la logique de l'égoïsme, à bas la conscience! [1]

Обними за меня, Валеріанъ, всѣхъ, кого слѣдуетъ, по части служебной, а ты, Саша, по части родственной, а я надѣюсь васъ за это обнять недѣль черезъ шесть, если рука не взбунтуется. Я самъ удивляюсь моимъ быстрымъ успѣхамъ въ писаніи лѣвой рукою.»

Затѣмъ въ письмѣ отъ 14-го декабря 1839 года, изъ Тифлиса. Николай Николаевичъ пишетъ: «Письмо твое отъ 24-го п. м., любезный другъ Валеріанъ, изъ Богородицка, меня очень обрадовало; я поспѣшилъ сообщить и Елизаветѣ Павловнѣ [2] о проѣздѣ вашемъ чрезъ *Богородицкъ*, ибо она получила только извѣстія изъ Воронежа, а экстра-почта еще не пришла, по причинѣ завала въ горахъ. Братъ Василій Ивановичъ пишетъ и объ отъѣздѣ твоемъ отъ него и о томъ, что Деспмонъ проѣхалъ дней десять прежде васъ, а потому съ экстра-почтою я смѣло могу ожидать письма его изъ Петербурга отъ 28-го ноября, а на будущей недѣлѣ и твоего, отъ 5-го декабря! Горе тебѣ, если ты не писалъ! Рука моя ведетъ себя добропорядочно; на дняхъ я самъ вынулъ оттуда

---

[1] Для собственной своей пользы, мнѣ надо прежде всего успокоить самого себя, а думать о другихъ—здѣсь, на землѣ, считается страннымъ и непонятнымъ; эта идея съ того свѣта. Да здравствуетъ логика эгоизма и провались совѣсть!

[2] Жена Е. А. Головина.

большую кость, но, къ сожалѣнію, это все еще не послѣдняя, ибо тамъ ощупалъ еще новую, которой однакожъ я никакъ не буду дожидаться, а полагаю непремѣнно отсюда выѣхать между 20-мъ и 25-мъ сего мѣсяца. Мнѣ жестоко надоѣло здѣсь оставаться, во первыхъ совершенно празднымъ, а во вторыхъ въ томъ обществѣ, которое здѣсь осталось; кромѣ Потулова не съ кѣмъ и дѣльнаго слова сказать, а Лауница рѣдко вижу, ибо онъ крѣпко занятъ дѣломъ. На всякій случай, не переставай однакожъ ко мнѣ писать съ экстра-почтою; если я уѣду въ то время, какъ мнѣ хочется, то письма будутъ оставаться до твоего пріѣзда у Потулова. Обними за меня Назарова, Фрейтага и Десимона, но крѣпче всѣхъ брата Сашу.»

Поправившись нѣсколько здоровьемъ, Николай Николаевичъ назначенъ былъ въ 1840 году, 4-го апрѣля, исправляющимъ должность начальника 2-го (впослѣдствіи 3-го) отдѣленія Черноморской береговой линіи, съ производствомъ въ чинъ полковника. Въ составъ этого отдѣла входили: Абхазія, 9 крѣпостей и укрѣпленій, защищаемыхъ линейными баталіонами, такъ что здѣсь Муравьевъ могъ уже самостоятельно распоряжаться дѣйствующими отрядами.

Говоря о дѣятельности Н. Н. Муравьева въ Абхазіи, Г. И. Филипсонъ, повторяя прежній отзывъ о Муравьевѣ, дополняетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ [1] слѣдующими новыми чертами: «Господствующими страстями Н. Н. Муравьева были честолюбіе и самолюбіе. Для ихъ удовлетворенія онъ былъ не всегда разборчивъ на средства. Малаго роста, юркій и живой, съ чертами лица некрасивыми, но оригинальными, онъ имѣлъ бойкія умственныя способности, хорошо владѣлъ перомъ и былъ хорошо свѣтски образованъ. У него были какія-то кошачьи манеры, которыя быстро исчезали, когда нужно было показать когти. Подъ вліяніемъ огорченія онъ не умѣлъ сдерживать своего раздраженія и легко рѣшался на крайнія мѣры. Въ бесѣдѣ, особливо за бутылкой вина, онъ высказывалъ довольно рѣзко либеральныя убѣжденія, но на дѣлѣ легко отъ нихъ отступался. Онъ умѣлъ узнавать и выбирать людей, стоялъ за своихъ подчиненныхъ и особенно любилъ приближать къ себѣ молодежь, выдающуюся надъ невысокимъ уровнемъ общаго образованія. Со всѣми разжалованными онъ былъ очень ласковъ и внимателенъ; но, какъ самъ онъ говорилъ, это не помѣшало бы ему каждаго изъ нихъ повѣсить или разстрѣлять, еслибъ это было нужно. Вообще съ

[1] Русск. Арх. 1883 г., стр. 351—353.

своими подчиненными онъ былъ склоненъ къ крайнему деспотизму и нерѣдко ни во что ставилъ законъ и справедливость. Къ дѣламъ своего управленія онъ былъ очень усерденъ; работалъ скоро, хорошо и съ какой-то лихорадочною дѣятельностію. Онъ былъ хорошій администраторъ, особливо для края новаго, въ которомъ личныя качества начальника ничѣмъ незамѣнимы.»

По поводу этого отзыва позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе. Филипсонъ зналъ Муравьева только молодымъ человѣкомъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ службы, и легко могъ ошибаться въ своихъ сужденіяхъ о немъ, подъ вліяніемъ иногда временнаго раздраженія. Такъ напр., никакъ нельзя согласиться, чтобъ Муравьевъ все приносилъ въ жертву своему честолюбію, которое, по словамъ Филипсона, было у него господствующею страстью. Изо всѣхъ дѣйствій Муравьева, изъ его писемъ и донесеній мы убѣждаемся, что онъ дѣйствительно не былъ чуждъ этой страсти, какъ и всякій смертный, но не она, а польза службы всегда стояла для Муравьева на первомъ планѣ; однимъ словомъ, честолюбіе его всегда связывалось съ тѣмъ значеніемъ и властью, которыя онъ признавалъ необходимыми для достиженія своихъ государственныхъ цѣлей.

X.

Письма Н. Н. Муравьева къ брату о своей дѣятельности на Кавказѣ въ должности начальника 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.— Н. Н. Раевскій.— Донесеніе Е. А. Головина графу Чернышеву.— Письма Муравьева къ брату. Генералъ Анрепъ.— Второе донесеніе Головина о Муравьевѣ.

1840 г.

Дѣятельность свою въ должности начальника 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, равно какъ и свое нравственное состояніе, самъ Муравьевъ изображаетъ очень подробно въ письмахъ къ брату своему Валеріану Николаевичу, состоявшему въ то время адъютантомъ при Е. А. Головинѣ. Въ этихъ письмахъ, которыя мы приводимъ въ извлеченіяхъ, ярко обрисовываются именно тѣ неблагопріятныя условія, въ какія Муравьевъ былъ поставленъ, какъ дѣятель на новомъ поприщѣ. При своемъ свѣтломъ умѣ и благородныхъ порывахъ къ честному исполненію служебныхъ обязанностей, онъ долженъ былъ бороться со всевозможными неодолимыми препятствіями. Всего болѣе его возмущало равнодушіе къ положенію 2-го отдѣленія и къ его собственной дѣятельности, какое онъ встрѣчалъ со стороны его ближайшихъ начальниковъ, именно: Н. Н. Раевскаго—начальника Черноморской береговой линіи, а также и начальника корпуснаго штаба Коцебу. Эти письма Муравьева составятъ главное содержаніе послѣдующаго разсказа.

«Насилу добрался я сюда»,—такъ начинаетъ свою переписку Н. Н. Муравьевъ изъ укрѣпленія Бомборы, отъ 16-го іюня 1840 года,—«сегодня съѣхалъ я съ фрегата и поселился въ домѣ

моихъ предшественниковъ. но очень ненадолго, ибо завтра же отправляюсь на Азовской лодкѣ въ Сухумъ, откуда отправлю и это письмо къ тебѣ и письма къ Евгенію Александровичу. Дѣла Цебельдинскія очень не кстати тревожатъ меня въ началѣ моего управленія и особенно тогда, какъ мнѣ гораздо полезнѣе быть въ другой сторонѣ. Впрочемъ все дѣлается къ лучшему! Я ѣду въ Цебельду для того, чтобъ покороче узнать положеніе нашихъ тамъ дѣлъ; и если найду, что присутствіе мое тамъ не будетъ необходимо, то предоставлю Козловскому [1] окончить начатое, а самъ, взявши въ Сухумъ-Кале парусное судно, отправлюсь по всѣмъ моимъ укрѣпленіямъ, изъ которыхъ Головинское, Навагинское и Св. Духа безпрестанно угрожаются и безпрестанно отстрѣливаются. Еще въ Петербургѣ предсказывалъ я настоящее положеніе дѣлъ, если войска 3-го корпуса будутъ только заниматься постройкою укрѣпленій; и поискъ, который былъ сдѣланъ на Псезюапе, смѣху достоинъ и, безъ сомнѣнія, не измѣнилъ того невыгоднаго мнѣнія, которое имѣютъ горцы объ нашей смѣлости.

Въ Головинскомъ фортѣ я былъ мимоходомъ, услышавши тамъ пушечные выстрѣлы, но нашелъ все благополучно, гарнизонъ сильнымъ и здоровымъ и Назимова—молодцомъ. Съ Раевскимъ я еще не видался: но если дѣла Цебельды меня тамъ не задержатъ, то отправлюсь при осмотрѣ фортовъ и къ нему. Ни жаловаться, ни хвалить мое положеніе теперь не мѣсто и не время -обо всемъ этомъ впослѣдствіи; вмѣстѣ съ этимъ пишу я къ Евгенію Александровичу, къ Коцебу же буду писать изъ Цебельды. Вообще же скажу, что я нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, по неимѣнію средствъ сообщенія съ моимъ отдѣленіемъ, и, если это не измѣнится, то я не могу оставаться воинскимъ начальникомъ въ Бомборахъ, а какъ начальникъ отдѣленія, считаю моею обязанностію или защищать мои укрѣпленія, или взлетѣть съ однимъ изъ нихъ на воздухъ; но когда всѣ пароходы у Раевскаго, то я ни помочь ни которому, ни быть нигдѣ не могу.—и такимъ образомъ не имѣю никакого намѣренія подвергать своей репутаціи нареканію и съ первою возможностію оставлю службу; полагаю, что это вполнѣ обязательно для всякаго благонамѣреннаго человѣка, когда онъ видитъ, что ему не даютъ средствъ быть полезнымъ службѣ. Если же Раевскій полагаетъ замѣнять самъ начальниковъ отдѣленій, то они и вовсе ненужны, и это только лишняя, безполезная для казны издержка.»

---

[1] Подполковникъ Викентій Михайловичъ, командовавшій войсками въ Абхазіи.

Сухумъ-Кале, 23-го іюня. «Каковъ Раевскій! забралъ всѣ пароходы и ушелъ на южный берегъ Крыма. а у насъ хоть трава не расти и въ отрядахъ и въ отдѣленіяхъ, особенно въ моемъ несчастномъ. Впрочемъ, полно. Евгенію Александровичу можешь при случаѣ сказать, что если не приняты будутъ мѣры къ приведенію Раевскаго къ покорности присягѣ и не взяты будутъ у него аманаты, то я съ нимъ служить не могу.»

По поводу этого письма скажемъ нѣсколько словъ о Н. Н. Раевскомъ. Онъ былъ прежде адъютантомъ Дибича, а потомъ командовалъ Закавказскимъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ и воевалъ въ 1826, 1828, 1829 годахъ въ Персіи и Азіатской Турціи. Главнокомандующій Паскевичъ оказывалъ ему особенное расположеніе. Въ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ онъ не напускалъ на себя важности, и все дѣлалъ какъ будто шутя. Диктуя самую серьезную бумагу, онъ не могъ удержаться, чтобы не ввернуть какую-нибудь остроту, насмѣшку или намекъ. Его языка и пера очень боялись въ Ставрополѣ и въ Тифлисѣ. Онъ очень хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ, зналъ его литературу, много читалъ; подружившись съ А. С. Пушкинымъ и его кружкомъ, познакомился и съ русской литературой. Изъ естественныхъ наукъ онъ зналъ только ботанику, которая давала упражненіе его огромной памяти: но былъ страшно лѣнивъ и безпеченъ. Эти-то два послѣднія качества возмущали нетерпѣливую и горячую натуру Муравьева въ служебномъ исполненіи долга: конечно это и вызывало временное его раздраженіе. Неутомимому служакѣ, какимъ былъ Муравьевъ, желалось, чтобы и всѣ такъ же неустанно работали, какъ онъ самъ.

Бомборы, сентября 5-го. «Я все ожидалъ Раевскаго и не могъ дождаться, а вчера слышалъ пушечные выстрѣлы въ Сухумѣ и полагаю, что это пришелъ корабль за Прагскимъ баталіономъ; отправляюсь туда для разныхъ распоряженій по случаю перевода роты и перевала артиллеріи изъ Дрондъ въ Цебельду и по случаю отправленія этого баталіона. Формально ничего не знаю, что дѣлается на береговой линіи и съ Раевскимъ: бумаги къ нему, и весьма нужныя, всѣ скопились вмѣстѣ, и не имѣю средствъ ихъ отправить. Посылаю съ этою почтою къ Евгенію Александровичу мое предположеніе объ экспедиціи здѣсь будущаго года. Могутъ сказать, что я мѣшаюсь не въ свое дѣло, но я считаю это долгомъ моимъ по совѣсти и, отправляя бумагу партикулярнымъ письмомъ, даже не лишаю почту слѣдующихъ ей денегъ. Сдѣлай дружбу, напиши мнѣ мнѣніе объ этомъ предметѣ Евгенія Александровича. Рукѣ моей не только не становится лучше,

по день ото дня хуже: впрочемъ хоть бы она и отвалилась, но coûte qui coûte.[1] мнѣ придется здѣсь пробыть до разлива р. Бзыби въ маѣ мѣсяцѣ.

Повторяю, что дѣла береговой линіи со всѣхъ сторонъ въ такомъ видѣ, что человѣку заботливому и дорожащему своею репутаціею здѣсь служить нельзя. Вмѣсто 2-хъ баталіоновъ мнѣ дали 2 роты, укомплектованія я никогда не дождусь, парохода и транспортовъ также; но я припоминаю одну пословицу: «Богъ не захочетъ, свинья не съѣстъ», на все Божья воля, отъ людей ничего не дождешься. Вижу всѣ усилія Евгенія Александровича поддержать 2-е отдѣленіе, но противъ *всѣхъ* и *каждаго* онъ, хоть и начальникъ, но бороться не можетъ: на все найдутъ причины и препятствія, я же свою обязанность исполнилъ: ко всѣмъ писалъ и всѣмъ говорилъ. Писалъ сильно: Коцебу на меня, можетъ быть, и сердится; но это въ послѣдній разъ, больше не будетъ имѣть причины сердиться,—я буду молчаливъ, какъ рыба. Въ укрѣпленіяхъ будутъ драться какъ могутъ, подкрѣплять мнѣ ихъ нечѣмъ, да и сообщенія съ ними зимою почти имѣть не буду; въ Абхазіи буду держаться руками и зубами, а наконецъ, какъ Святославъ говорилъ: «мертвіи бо срама не имутъ», а пусть отвѣчаетъ кто хочетъ; я уже навѣрное и ни за что отвѣчать не буду. Здѣсь говорятъ флотскіе, что двѣ дивизіи 5-го корпуса, и именно 13-я и 14-я, отправились въ Константинополь, частью сухимъ путемъ, а большею частію моремъ; это новость для меня совершенно неожиданная, тѣмъ болѣе, что, кажется, отъ Египетскаго паши нечего было ожидать: онъ слишкомъ занятъ Сирійскимъ возмущеніемъ. Ожидаю отъ тебя опроверженія или подтвержденія этого слуха. Когда двѣ мингрельскія роты придутъ изъ Цебельды въ Абхазію, т. е. около 15-го октября, и если не оставленъ будетъ въ мое вѣдѣніе или для 2-го отдѣленія пароходъ, то мнѣ можно будетъ отлучиться недѣли на три или на четыре, покуда не осмотрятся горцы, что вновопришедшія войска составляютъ только 300 человѣкъ: а для укрѣпленій, съ которыми я могу имѣть сообщеніе только нечаянное, все равно, гдѣ бы я ни былъ. Это я говорю на тотъ конецъ, еслибъ предположеніе объ экспедиціи будущаго года обратило вниманіе Евгенія Александровича, и онъ бы пожелалъ лично отъ меня узнать различныя по сему предмету подробности. До того времени, можетъ быть, рана закроется, разумѣется, на весьма короткое время, такъ какъ это уже 10 мѣсяцевъ продолжается. Съ нетерпѣніемъ также ожидаю отъ тебя

[1] Будь, что будетъ.

вѣстей объ отпускѣ Раевскаго и о назначеніи на его мѣсто: я здѣсь въ такой глуши безъ пароходовъ, что рѣшительно ничего не знаю. Какъ ни тяжело имѣть сношенія съ штабомъ корпуснымъ, но для порядка вещей совершенно необходимо мнѣ, съ октября и по май, прямо въ Тифлисъ относиться: ибо штабъ береговой линіи для меня почти такъ же далекъ, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты, особенно зимою и когда въ распоряженіи моемъ нѣтъ ни парохода, ни даже угля для таковаго.»

Крѣпость Сухумъ-Кале, 10-го сентября. «Третій день какъ здѣсь Раевскій: кажется, въ послѣдній уже разъ. Переговоры ваши относительно положенія береговой линіи я впередъ угадалъ; это ты видѣлъ по предыдущему моему письму: но я уже съ моей стороны все кончилъ, всѣмъ и каждому сказано и написано, что̀ слѣдовало: всякъ и каждый могутъ понимать вещи по своему, но повторяю, что отвѣчать я не буду. Рапортъ мой Раевскому я подалъ и копію пришлю только для того въ Тифлисъ, что ты уже объ этомъ говорилъ, но ничего отъ этого не ожидаю. Спасибо и Евгенію Александровичу и тебѣ за доброе намѣреніе помочь мнѣ, въ случаѣ надобности, ротами изъ 11-го и 12-го баталіона, но это будетъ всегда поздно, ибо послѣ рапорта моего о требованіи оныхъ едва только черезъ мѣсяцъ могутъ онѣ прійдти въ Бомборы, а у насъ самое отчаянное положеніе не можетъ продолжаться двухъ недѣль (отъ первыхъ слуховъ и нападеній), т. е. или мы отстоимъ, или потеряемъ Абхазію; а если требовать эти роты при всякомъ сборищѣ черкесовъ на границахъ Абхазіи, то давно бы и нѣсколько разъ надо уже было это сдѣлать, а особенно теперь, когда сильная партія ихъ съ племянникомъ Хаджи-Берзека прошла уже въ наши горы, но, къ счастію, миновала Абхазію и напала на стада цебельдинскія, отбила 2 т. барановъ и дерется съ настигнувшими ее Цебельдинцами.

Письмо мое къ Коцебу, о которомъ я уже прежде тебѣ писалъ, заключало въ себѣ совершенно окончательныя мои соображенія лично о себѣ; и, хотя послѣ его отвѣта, я тотчасъ долженъ бы подать прошеніе объ увольненіи отъ службы, но экспедиція будущаго года столько меня интересуетъ, что я еще буду ожидать извѣстій отъ тебя или отъ Евгенія Александровича, какъ это принято, и приведутся ли мои предположенія въ исполненіе: если не приведутся, то мнѣ безполезно медлить, и я тотчасъ пошлю прошеніе по командѣ съ тѣмъ, чтобъ оно успѣло въ узаконенное время быть получено въ Тифлисѣ. Если нельзя мнѣ пріѣхать въ Тифлисъ по дѣламъ береговой линіи, то всего лучше потребовать Филипсона, съ которымъ, конечно, долженъ говорить

самъ Евгеній Александровичъ; но это не должно относиться къ настоящему управленію береговой линіи, а только къ тому, что̀ слѣдуетъ здѣсь предпринять на будущій годъ. Если Богу угодно будетъ спасти нашу честь здѣсь, то предположенія мои будутъ приняты: но въ такомъ случаѣ остается прибавить еще одно обстоятельство, а именно: чтобы Филипсонъ исправлялъ должность начальника штаба въ отрядѣ, которымъ самъ Евгеній Александровичъ долженъ командовать. Евгенію Александровичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и скажи, что, до послѣдней минуты моей бытности здѣсь, я буду распоряжаться во всю мѣру моихъ силъ и способностей; но горе 2-му отдѣленію, если не найдутъ замѣнить меня никѣмъ другимъ кромѣ Козловскаго! Не имѣю права назначать себѣ преемника, но считаю долгомъ предупредить, чтобы не попали *изъ огня да въ полымя*.»

Крѣпость Сухумъ-Кале, 12-го сентября. «Копію съ рапорта моего Раевскому я нахожу отправлять въ Тифлисъ ненужнымъ, писарей у меня мало, а пользы никакой нѣтъ и ожидать нельзя. Довольно я унижался, получая отказы на мои просьбы и представленія: могутъ не вѣрить; я не принимаю на себя убѣждать тѣхъ, которые въ Тифлисѣ за все ручаются. Жалѣю только, что отвѣтчикъ за все Евгеній Александровичъ, а не Коцебу: приличнѣе было бы и отвѣчать тому, кто ручается. Богъ милостивъ, найдемъ кусокъ хлѣба и въ другомъ мѣстѣ, если переживемъ эту зиму, а служить на Кавказѣ съ добрыми намѣреніями нельзя, особенно тому, кто не любитъ все обѣщать и ничего не сдѣлать: пусть служатъ Козловскіе, которые отдѣлываются одними словами, а на дѣлѣ оставляютъ Цебельду безъ казармъ. Таковыя и къ 15-му октября не поспѣютъ, какъ я слышу; къ несчастію, рука моя туда меня не пускаетъ. A propos de [1] рука: я взялъ здѣсь извѣстнаго азіатскаго лѣкаря, но онъ лѣчитъ меня дней 10 и только портитъ; приходится плохо, вышли мнѣ поскорѣе мази отъ старухи всѣхъ трехъ сортовъ, и особенно бѣлой побольше: буду самъ лѣчиться, а наши гг. медики ничего въ моей рукѣ не понимаютъ. Протянусь какъ-нибудь до отставки этими средствами, а тамъ уже примусь за настоящее лѣченіе. Скажи Евгенію Александровичу, что въ настоящемъ положеніи раны просто служить не могу au risque de perdre le bras; [2] а, право, не для чего этимъ рисковать. Завтра меня завозятъ на пароходѣ въ Бомборы, а на будущей недѣлѣ поѣду

[1] Кстати о рукѣ.

[2] Изъ страха потерять руку.

на Азовской лодкѣ во всѣ укрѣпленія смотрѣть баталіоны инспекторскимъ смотромъ; пароходовъ нѣтъ, а парусного судна для моей поѣздки адмиралъ не дастъ, хотя впрочемъ мы съ нимъ еще друзья. Мирныя сношенія нашего шефа во всемъ портятъ, какъ съ моряками, такъ и съ черкесами. Филипсонъ, котораго я и давно знаю съ наилучшей стороны, оказывается въ полномъ смыслѣ слова и основательнымъ, и благороднымъ, и самымъ усерднымъ на настоящую пользу службы человѣкомъ; онъ совершенно не согласенъ съ мнѣніями Раевскаго. Въ нашихъ мнѣніяхъ съ Филипсономъ о береговой линіи, мы совершенно согласны, съ тою только разницею, что онъ знаетъ ее ближе меня, а Раевскій какъ ни споритъ и какъ ни ссорится съ Тифлисомъ, а метода у нихъ оказывается одна, если не на словахъ, то на дѣлѣ; съ тою только разницею, что Раевскій хоть дастъ, чего у него просишь, кромѣ парохода и судовъ, и вѣритъ: а Тифлисъ такъ уменъ, что онъ самъ все знаетъ, ничему не вѣритъ и даетъ много предписаній пустыхъ; а на дѣлѣ за 4—1.»

Укрѣпленіе Бомборы, 19-го сентября. «Ты увѣдомляешь меня, что есть приказъ военнаго министра о томъ, чтобы начальникъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, съ октября по апрѣль мѣсяцъ, относился по дѣламъ службы прямо къ г. корпусному командиру или въ корпусный штабъ. Пришли, пожалуйста, поскорѣе мнѣ этотъ приказъ, котораго здѣсь въ полученіи по сихъ поръ не имѣется.»

Почти ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма, мы узнаемъ о дѣйствіяхъ Муравьева, изъ донесенія Е. А. Головина графу А. Ив. Чернышеву, [1] отъ 17-го октября, слѣдующее: «Начальникъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, полковникъ Муравьевъ донесъ мнѣ, что, въ исходѣ прошедшаго сентября мѣсяца, Убыхи, въ соединеніи съ другими горцами, собрались на Сочи въ числѣ около 7000 человѣкъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Хаджи-Берзека, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Абхазію и овладѣть однимъ изъ укрѣпленій нашихъ, въ томъ краѣ находящихся; но на пути своего слѣдованія остановились на р. Цандрипшѣ, для разоренія жилища преданнаго намъ князя Цанбеева. Въ то же время обнаружились опять волненія въ Цебельдѣ. Жители верхней Цебельды готовы были съ вторженіемъ Убыховъ въ Абхазію поднять оружіе противъ правительства и вторгнуться туда же съ другой стороны. Промедленіе черкесъ на Цандрипшѣ и колебаніе Цебельдинцевъ, не рѣшавшихся возстать

---

[1] Военный министръ.

противъ правительства до вторженія Убыховъ, дали время и возможность начальнику 2-го отдѣленія полковнику Муравьеву приготовиться къ встрѣчѣ неиріятеля съ малыми средствами, въ распоряженіи его находящимися. Оставивъ въ Цебельдинскомъ укрѣпленіи достаточный гарнизонъ, онъ взялъ оттуда 2 роты Мингрельскаго егерскаго полка и, присоединивъ къ нимъ 2 же роты Черноморскаго линейнаго № 9-й баталіона, приготовилъ въ Бомборахъ баталіонъ къ выступленію на Бзыбь, при 4-хъ орудіяхъ, а въ Самурзаканскомъ округѣ предписалъ собрать до 1000 человѣкъ милиціонеровъ и направилъ ихъ въ Абхазію. Вѣроятно, что извѣстіе о мѣрахъ, принятыхъ Муравьевымъ къ защитѣ Абхазіи, лишило черкесъ надежды на успѣхъ и побудило ихъ отказаться отъ своего предпріятія. Полковникъ Муравьевъ донесъ мнѣ, что сборище ихъ разошлось и изъ Цандрипша возвратилось въ свои дома.» [1]

Самъ же Муравьевъ въ письмѣ къ брату своему изъ укрѣпленія Бомборъ, отъ 22-го октября, продолжаетъ повѣрять ему свои мысли и планы. «Ты говоришь», пишетъ онъ, «объ опроверженіяхъ, сдѣланныхъ въ Тифлисѣ на мое предположеніе о дѣйствіяхъ противъ Джигетъ и Убыхъ; но нигдѣ не пишешь, въ чемъ оныя состоятъ, кромѣ боязни Евгенія Александровича за климатъ Абхазскій. Сомнѣваюсь, чтобы мои убѣжденія могли подѣйствовать, когда въ Тифлисѣ видятъ эту вещь совсѣмъ въ другомъ видѣ и, кажется, полагаютъ, что дѣйствіе противъ Убыхъ можетъ заключаться въ разореніи нѣсколькихъ деревень около Навагинскаго форта; такъ, по крайней мѣрѣ, заключать должно, по предположеніе ихъ -дѣйствовать однимъ дессантнымъ отрядомъ!

Движеніе главныхъ силъ и всѣхъ огромныхъ милицій, черезъ Абхазію и Гагры, одно уже можетъ покорить намъ Джигетовъ; а между тѣмъ полагаю, что почти будетъ необходимо послать отрядъ, и довольно сильный, горами черезъ Псху въ Ахчипсоу; съ покорностію Псхувцовъ это очень удобно и поведетъ къ покоренію Ахчипсоу; тогда Убыхамъ не останется никакой опоры въ тылу нашемъ, и мы одинаково будемъ угрожать имъ какъ съ вершины хребта, такъ и съ берегу моря. Покореніе Джигетовъ и Ахчипсоу, разработка дороги повозочной отъ Гагръ къ р. Мдзымтѣ и дороги вьючной черезъ Псху и Ахчипсоу есть столь важное дѣйствіе, что это одно уже стоитъ экспедиціи. Обстоятельства укажутъ, что̀ мы можемъ и успѣемъ сдѣлать послѣ этого собственно противъ Убыхъ; но никакъ не должно вообра-

---

[1] Акты, собран. Кавказ. Археограф. Ком., т. IX. Тифлисъ. 1884 г., стр. 449—450.

жать, что разореніе нѣсколькихъ ауловъ, въ 15—20 и хотя въ 30 верстахъ отъ моря, поведетъ ихъ къ покоренію или даже послужитъ имъ достаточнымъ наказаніемъ. Мы непремѣнно должны быть въ ихъ землѣ съ огромною конницею и множествомъ милиціи; должны быть съ такими средствами, чтобъ намъ легко было не только пройти, но и останавливаться, насколько нужно, за 50 и 60 верстъ отъ берега моря.

Постройки въ Гаграхъ и разработки дорогъ могутъ насъ занять апрѣль, май и часть іюня; движеніе и дѣйствія къ р. Мдзымтѣ верхомъ и низомъ съ разработкою также дорогъ, еслибъ продолжились іюль и августъ, то еще мы никакъ не опоздаемъ дѣйствовать весь сентябрь и часть октября противъ Убыховъ; но, по крайней мѣрѣ, экспедиція не будетъ безполезная; правда, что она будетъ первая въ этомъ родѣ съ этой стороны, но потому только и должно ожидать отъ нея успѣху; ибо всѣ прежнія, даже и Вельяминовскія, не принесли надлежащаго успѣха. Эта экспедиція вполнѣ заслуживаетъ быть подъ предводительствомъ Евгенія Александровича; но ему совершенно необходимо имѣть при себѣ владѣтеля Абхазіи и Филипсона главными дѣйствующими послѣ него лицами; первый, какъ начальникъ всѣхъ милицій; второй, какъ начальникъ штаба. Смѣло могу ручаться, что такимъ образомъ успѣхъ дѣла несомнѣненъ! Ты говоришь при этомъ случаѣ обо мнѣ, забывая, что мнѣ необходимо лѣчиться минеральными водами; напрасно ты испугался, когда увидѣлъ подпись мою лѣвою рукою; опухоль и жестокая боль въ правой лишили меня на нѣсколько дней владѣнія оною; но и не радуйся слишкомъ, что теперь я такъ хорошо и много ею пишу; это также временное; рана въ пятый разъ закрылась, но положеніе разбитой кости то же; ее грызетъ что-то невѣдомое, и глухая боль въ рукѣ, хотя очень сносная, тянетъ меня поневолѣ на воды въ то время, когда пройдетъ здѣсь всякая опасность, минуется тяжелое время и оставалось бы только пожинать лавры. Впрочемъ, это воля Божія, я ей покоряюсь, перенесу всю тяжесть осени, зимы и ранней весны; но, по крайней мѣрѣ, въ началѣ марта мнѣ необходимо отсюда уѣхать, чтобъ въ апрѣлѣ быть въ Петербургѣ и началѣ мая уѣхать за границу. Мнѣ нуженъ полный курсъ водъ; я поѣду туда не для забавы, а буду проситься на годъ, потому что зимою худо возвращаться съ водъ. Ты знаешь, что я намѣренъ былъ просить совершеннаго увольненія отъ службы; но до сихъ поръ я не имѣю объявленія о принятіи меня въ покровительство комитета; сверхъ того, и денежныя дѣла мои въ такомъ положеніи, что безъ полнаго содержанія по моему мѣсту я не въ

состоянiи ѣхать за границу. За двѣ прошедшiя трети я жалованья почти ничего не получилъ; мнѣ сочли по грузинскому окладу только съ 16-го iюля по 1-е сентября и, сверхъ того, вычли въ Тифлисѣ 805 руб. въ счетъ долгу (это справедливо, и я очень радъ), а здѣсь за чинъ. Столовыхъ Кобылецкiй не высылаетъ, и я здѣсь опять въ долгу, какъ въ шелку. По медленности, съ которою намъ достается здѣсь потомъ и кровью заслуженное содержанiе, я едва надѣюсь получить за сентябрьскую треть въ февралѣ! и этого только достаточно будетъ, чтобъ расплатиться со здѣшними долгами. Пансiону нѣтъ, годового жалованья не въ зачетъ также, а эти двѣ статьи составляли къ моимъ расчетамъ 800 руб. сер.; современемъ надѣюсь все это получить, но еслибъ вышелъ въ отставку, то не съ чѣмъ было бы ѣхать отсюда, а въ отпускъ дадутъ хоть прогоны взадъ и впередъ. Это меня поддержитъ; полное же содержанiе за границу составляетъ въ годъ то же, что здѣсь, т. е. 8500 руб. ассигнац. Этого будетъ достаточно, ибо за границей издержки, конечно, меньше, чѣмъ здѣсь.

Относительно экспедицiи будущаго года, я никому не поврежу моимъ отсутствiемъ, кромѣ какъ себѣ; много здѣсь будетъ штабъ-офицеровъ гораздо опытнѣе меня для дѣйствiя противъ горцевъ; особенно, если Филипсонъ будетъ исправлять должность начальника штаба, а *ободренный* владѣтель Абхазiи командовать всѣми милицiями, то все будетъ хорошо.

Въ мартѣ уже должны сюда двинуться войска; Козловскiй все-таки знаетъ край и обстоятельства; пусть ему поручатъ 3-е отдѣленiе [1] временно, когда выйдетъ мой отпускъ, покуда найдутъ другого; а если будутъ довольны Козловскимъ, то, съ производствомъ его въ полковники, могутъ и его назначить. Козловскiй же получаетъ свои 3 т. столовыхъ, а потому и безъ Высочайшаго назначенiя онъ можетъ безобидно долго здѣсь пробыть. При случаѣ доведи до свѣдѣнiя Евгенiя Александровича все содержанiе этого письма моего. Тебѣ, однакожъ, скажу откровенно, что послѣднее письмо брата Александра измѣнило мое намѣренiе объ отставкѣ; я вижу, что служить намъ необходимо, а потому, возвратившись изъ-за границы, пристроюсь гдѣ-нибудь въ Петербургѣ; но здѣсь совершенно невозможно, и это я говорю вполнѣ по убѣжденiю; ибо въ моемъ чинѣ я нигдѣ въ Россiи не найду мѣста соотвѣтственнаго настоящему, и по *значенiю*, и по *содержанiю*, а потому и долженъ бы имъ дорожить; но рѣши-

[1] Существующее 2-е отдѣленiе было переименовано въ 3-е отношенiемъ графа Чернышева 11-го сентября 1840 года.

тельно нѣтъ возможности оставаться между молоткомъ и наковальнею, безъ средствъ и власти, съ одною отвѣтственностію. Я охотно помѣнялся бы даже съ Опперманомъ[1] или съ Серебряковымъ,[2] а 3-е отдѣленіе съ двумя своими начальствами останется всегда въ дуракахъ или жертвою, а я ни тѣмъ, ни другимъ быть не хочу.»

Крѣпость Сухумъ-Кале. 2-го ноября. «Раевскій пріѣхалъ въ Сухумъ 21-го числа. Оканчивая письмо мое къ тебѣ отъ 22-го, я получилъ объ этомъ извѣстіе въ Бомборахъ и прискакалъ сюда. Здѣсь мы ожидали, и Раевскій и я, прибытія 420 человѣкъ на фрегатѣ Бургасѣ и обѣщанныхъ мнѣ изъ Тифлиса разрѣшеній: но, пользуясь бытностію здѣсь Николая Николаевича, я подалъ ему прошеніе въ годовой отпускъ за границу; а онъ представляетъ оный къ Евгенію Александровичу съ нарочнымъ, отсюда отправляемымъ. Онъ уговариваетъ меня возвратиться, еслибъ онъ самъ возвратился къ своему мѣсту (что̀ весьма вѣроятно); обѣщать этого я не могу, ибо мѣсто начальника 3-го отдѣленія *нестерпимо* во всѣхъ отношеніяхъ; я прошу довѣрія Евгенія Александровича хоть къ этому выраженію, на лицо я бы ему объяснилъ—почему! Отъ него зависитъ, чтобъ мой отпускъ вышелъ и скоро и хорошо, пусть только представятъ немедленно въ Петербургъ, и я увѣренъ, что въ декабрѣ будетъ приказъ, въ январѣ могу и я его получить; а если къ тому времени будетъ выславъ начальникъ 3-го отдѣленія, или временный командиръ онаго, то въ началѣ февраля я могу отправиться; это дастъ мнѣ возможность проѣхать зимнимъ путемъ по Россіи и пробыть мѣсяца два въ Петербургѣ до отъѣзда за границу. Ты знаешь, какъ это необходимо для домашнихъ нашихъ дѣлъ, а потому употреби всѣ усилія и хлопоты, чтобъ это такъ сдѣлалось; хотя я только и пишу къ Евгенію Александровичу, что мнѣ необходимо отправиться въ началѣ мая изъ Петербурга. Въ письмѣ къ нему я ссылаюсь на одну рану; разумѣется, что это первая и главная причина моего прошенія, но есть сотня другихъ, заставляющихъ меня проситься на годъ и за границу, а не на 4 мѣсяца и не къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Жалѣть меня имъ въ Тифлисѣ нечего, другого такого безпокойнаго начальника отдѣленія они имѣть не будутъ; избавиться отъ меня для нихъ случай

[1] Александръ Карловичъ — генералъ-маіоръ, начальникъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

[2] Лазарь Марковичъ — контръ-адмиралъ, начальникъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

прекрасный; но я увѣренъ, что по прежнему знакомству никто, и даже Коцебу, не захочетъ меня стѣснить въ моемъ удаленіи. Еслибъ, однакожъ, сдѣлано было затрудненіе на мое прошеніе и представленіе по оному Раевскаго, то проси убѣдительнѣйше Павла Евстафьевича[1] тотчасъ меня увѣдомить, дабы я успѣлъ подать въ отставку прежде 1-го января. Козловскій, возвратившись изъ Цебельды, пробудетъ въ Бомборахъ до половины декабря, если ему будетъ назначено исполнять мою обязанность; когда выйдетъ отпускъ, то только увѣдомь, и я его задержу здѣсь до февраля: а между тѣмъ, въ настоящемъ положеніи дѣлъ края и безъ парохода, онъ совершенно необходимъ; ибо путешествія мои по укрѣпленіямъ на парусномъ суднѣ могутъ продолжаться по три и по четыре недѣли, а въ это время необходимо, чтобъ кто-нибудь оставался въ Абхазіи для самаго теченія дѣлъ. Въ помощникѣ мнѣ отказали въ Тифлисѣ, но пусть на всякій случай предпишутъ Козловскому оставаться здѣсь временно для исправленія должности моей во время отсутствій по дѣламъ службы; повторяю, что это не требуетъ новыхъ издержекъ отъ казны, ибо Козловскій имѣетъ *личныя свои столовыя;* а когда выйдетъ мой отпускъ, то безъ хлопотъ могутъ ему приказать принять должность; а когда произведутъ его въ полковники, то представить и къ утвержденію. По закону же при годовомъ отпускѣ нѣтъ крайности тотчасъ представлять кого-нибудь къ утвержденію на мое мѣсто, и это требуется только въ случаѣ неограниченности отпуска, такъ что я могу отправиться отсюда съ моимъ титуломъ, а это очень и для меня полезно.»

Укрѣпленіе Бомборы, ноября 7-го. «На дняхъ ожидаю сюда Козловскаго, чтобы наконецъ отправиться по укрѣпленіямъ; ибо въ путешествіи на Азовскихъ лодкахъ въ настоящее время года можно пробыть въ одномъ пунктѣ двѣ недѣли и болѣе. Къ возвращенію ожидаю получить отъ тебя извѣстіе о моемъ отпускѣ и о многихъ другихъ предметахъ; съ моей же стороны ничего новаго тебѣ сообщить не имѣю, кромѣ проѣзда къ вамъ Бакунина,[2] который вчера поутру выѣхалъ отсюда въ Сухумъ; оттуда пойдетъ моремъ въ Редутъ-Кале и наконецъ въ Тифлисъ. Онъ осматривалъ всѣ мои укрѣпленія и опасается за Головинское, Навагинское и Св. Духа, за послѣднее въ особенности, по малому

[1] Коцебу.

[2] Иванъ Модестовичъ, артиллеріи генералъ-маіоръ, состоящій при генералъ-фельдцейхмейстерѣ,—командированный для приведенія крѣпостей Закавказскаго края въ оборонительное положеніе и осмотра артиллерійскихъ гарнизоновъ Кавказскаго и Грузинскаго округовъ.

числу гарнизона, который тамъ останется; на Гагры онъ болѣе надѣется, но я за нихъ больше боюсь. По всѣмъ свѣдѣніямъ черкесы приготовляются атаковать наши укрѣпленія черезъ мѣсяцъ и позже, т. е. въ глубокую зиму. Парохода не только мнѣ не даютъ, но и самъ Раевскій таковаго имѣть не будетъ, ибо три попорчены, а четвертый оставленъ въ Николаевѣ для г. Орлова.[1] Хороша же будетъ береговая линія зимою!

По всѣмъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ Раевскій не хочетъ оставлять своего мѣста и развѣ только на 28 дней съѣздитъ въ Петербургъ. Раевскій и владѣтель Абхазіи крѣпко уговариваютъ меня не оставлять моего мѣста; послѣднему я даже и не говорю, что я прошусь въ отпускъ на цѣлый годъ. Цехувцы, Джигеты и Абхазцы лично ко мнѣ въ самомъ лучшемъ расположеніи, и признаюсь, что при другихъ обстоятельствахъ это все поколебало бы мое намѣреніе, но съ нашими властями и безпорядкомъ нѣтъ возможности здѣсь оставаться. Во всякомъ однакожъ случаѣ, если на мое мѣсто не назначатъ кого-нибудь постоянно, то я, можетъ быть, еще и возвращусь при трехъ условіяхъ: 1-е, если рука совершенно вылѣчится; 2-е, если 3-е отдѣленіе будетъ имѣть одно которое-нибудь начальство, и 3-е, если будетъ данъ въ мое распоряженіе пароходъ или упрочено сухопутное сообщеніе съ фортомъ Навагинскимъ. Что касается экспедиціи, въ будущемъ году предполагаемой, то я предвижу пустяки; ибо не хотятъ вѣрить мѣстнымъ свѣдѣніямъ, умничаютъ издалека, и наѣдетъ множество распорядителей. Отлагаю въ сторону честолюбіе, когда надобно упрочить здоровье, и полагаю по совѣсти, что я отслужу за чинъ девятимѣсячнымъ здѣсь пребываніемъ въ настоящемъ положеніи. Спасибо Убыхамъ, что собираются на насъ зимою; по крайней мѣрѣ, къ февралю я совсѣмъ отдѣлаюсь, и не будетъ на совѣсти, что оставилъ край въ самое опасное время: но совѣтую принимать мѣры для движенія сюда войскъ въ мартѣ, какъ я писалъ въ запискѣ къ Евгенію Александровичу; а безъ этого опасность никогда не минуется. Впрочемъ Коцебу это лучше знаетъ, я напрасно надсѣдаюсь!»

Крѣпость Сухумъ-Кале, 6-го декабря. «Наконецъ генералъ Раевскій, доставляя ко мнѣ три роты Тенгинскаго полка, предписываетъ сдѣлать экспедицію въ Далъ, но, къ сожалѣнію, на томъ же фрегатѣ, который привезетъ сюда Тенгинцевъ, я долженъ отправить въ укрѣпленіе Св. Духа двѣ Мингрельскія роты, которыя,

---

[1] Иванъ Алексѣевичъ — генералъ-маіоръ, походный атаманъ Донскихъ казачьихъ полковъ, состоящихъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ.

по этому, въ экспедиціи участвовать не будутъ. Къ тремъ ротамъ Тенгинцевъ, составляющихъ 550 человѣкъ, я присоединю 450 линейныхъ и такимъ образомъ составлю 1000 человѣкъ пѣхоты, а милицій Самурзаканскихъ и Абхазскихъ возьму съ разныхъ сторонъ 1500. Полагая, что фрегатъ не замедлитъ прибыть изъ Туапсы, я полагаю, что движеніе мое отсюда начнется не позже 15-го и должно окончиться къ 25-му числу этого мѣсяца. Далъ бы Богъ со славою окончить это дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ поприще мое на береговой линіи.»

Укрѣпленіе Бомборы, 11-го декабря. «Путешествіе мое по укрѣпленіямъ совершилось во всѣхъ отношеніяхъ благополучно, хотя и приходилось двое сутокъ чинить пароходный котелъ въ Сухумѣ. Ты, вѣроятно, помнишь (хотя въ Тифлисѣ все забывается), что Убыхи начинали собираться и угрожать намъ на разныхъ пунктахъ; къ пріѣзду моему они были уже и собраны около Сочинской башни, а между тѣмъ располагали напасть или на укрѣпленіе Св. Духа, или на Навагинское; между тѣмъ негодная партія изъ с. Айбга спускалась по Гагринскому ущелью даже до башни и два дня скиталась по горамъ, чтобъ отбить скотъ. Безъ сомнѣнія, непріятель бы нигдѣ и ни въ чемъ не успѣлъ, но случилось еще лучше: во время сбора своего, Убыхи жестоко поссорились между собою, и при этомъ случаѣ убитъ нѣкто Амгуа Берзекъ, одинъ изъ почетнѣйшихъ Субошинскихъ жителей; въ содѣйствіи этому убійству подозрѣваютъ самого Хаджи-Берзека, такъ что завелась ссора не только между Убыхами, но даже въ самой фамиліи Берзековъ. Исполать имъ, добрые молодцы, пусть рѣжутся: это мнѣ даетъ возможность нѣсколько времени полѣчить свое бренное тѣло, которое не перестаетъ распадаться то лихорадкою, то зубною болью, то простудными горячками. Объ Анрепѣ нѣтъ никакихъ извѣстій и вообще изъ Керчи; впрочемъ, я въ нихъ и не нуждаюсь, а особенно въ его посѣщеніи, которое было бы для меня непріятно съ тѣхъ поръ, какъ я подозрѣваю его въ сумасшествіи.[1]

Послѣ почты я опять пущусь въ разъѣзды моремъ, но много не смѣю, ибо въ Сухумѣ угольевъ на одинъ только полный для

[1] Генералъ Анрепъ, предъ назначеніемъ на береговую линію, былъ начальникомъ Джаро-Бѣлоканской области и Лезгинской кордонной линіи. Тамъ онъ не удовольствовался охраненіемъ Грузіи отъ вторженія лезгинъ, но предпринялъ покореніе этихъ враждебныхъ обществъ не оружіемъ, а силою своего краснорѣчія. Вѣсть объ этомъ разнеслась по окрестности. Какой-то старикъ, вѣроятно, важный между туземцами человѣкъ, подъѣхалъ къ нему и вступилъ въ разговоръ, чтобы узнать, чего онъ хочетъ.—«Хочу сдѣлать васъ людьми, чтобы вѣровали въ Бога и не жили подобно волкамъ.»—«Что же, ты хочешь насъ сдѣлать христіанами?»—«Нѣтъ, оставайтесь магометанами, но только не по имени,

меня рейсъ; это все послѣдствія нѣмецкой экономіи. пароходъ-то дали, да угольевъ не даютъ: впрочемъ, Богъ съ ними. только бы мнѣ поскорѣе съ ними раздѣлаться. Подпоручикъ князь Созронъ Аридбеевъ, котораго ты, вѣроятно, помнишь, умеръ на дняхъ! Это очень жаль для нашихъ джигетскихъ дѣлъ. Джигетами вообще я доволенъ и не жалѣю для нихъ денегъ и подарковъ: они, кажется, забываютъ пребываніе здѣсь отряда и всѣ послѣдствія этой гадости, и попрежнему возвращаются ко мнѣ, какъ къ своему патрону.»

Дальская экспедиція, о которой упоминалъ Муравьевъ въ предыдущемъ письмѣ, дѣйствительно окончилась для него со славою, какъ онъ того желалъ. Изъ донесенія Е. А. Головина графу А. И. Чернышеву, [1] по поводу этой экспедиціи, читаемъ слѣдующее: «Спокойствіе не только Цебельды, но и самой Абхазіи, которой непрестанно угрожаютъ воинственные Убыхи своимъ вторженіемъ, требовало усмиренія Дала, и безнаказанность его могла подать весьма дурной примѣръ другимъ горскимъ племенамъ. Я положилъ двинуть туда войска, дабы наказать вѣроломныхъ, столько разъ измѣнявшихъ своей присягѣ, и привести ихъ къ совершенной покорности.

24-го числа прошедшаго декабря собранный отрядъ двинулся изъ крѣпости Сухумъ-Кале, въ составѣ 3-хъ ротъ 4-го баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка и 3-хъ ротъ Черноморскихъ линейныхъ баталіоновъ, при 2-хъ горныхъ единорогахъ и 2-хъ кегорновыхъ мортиркахъ. Назначавшіяся въ походъ милиціи: Абхазская, Самурзаканская и Цебельдинская должны были присоединиться къ отряду уже въ самой Цебельдѣ. Войсками начальствовалъ и. д. начальника 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, полковникъ Муравьевъ. Предпріятіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Въ двѣ недѣли Далъ совершенно покоренъ, опустошенъ и лишенъ своего населенія, и все это стоило 10-ти убитыхъ и 20-ти раненыхъ, въ томъ числѣ только 6-ти русскихъ солдатъ.

Съ своей стороны, отдавая полную справедливость усердію и храбрости всѣхъ войскъ отряда, обязываюсь доложить вашему сіятельству, что полнымъ успѣхомъ этого замѣчательнаго похода

а исполняйте ученіе вашей вѣры.» Послѣ довольно продолжительной бесѣды, горецъ всталъ съ бурки и сказалъ очень спокойно: «Ну, генералъ, ты сумасшедшій; съ тобою безполезно говорить.» Это-то убѣжденіе и спасло Анрепа и всѣхъ его спутниковъ отъ вѣрной погибели: горцы, какъ и всѣ дикари, имѣютъ религіозное уваженіе къ сумасшедшимъ. Они возвратились благополучно, хотя, конечно, безъ всякаго успѣха. (Русск. Арх. 1884 г., кн. I, стр. 200—201.)

[1] Акты, собр. Кавказ. Археограф. Коммиссіею, т. IX. Тифлисъ. 1884 г., стр. 497—498.

мы обязаны отлично благоразумнымъ и смѣлымъ распоряженіямъ полковника Муравьева, котораго дѣйствія, какъ въ семъ случаѣ, такъ и по управленію, хотя еще кратковременному, Высочайше ввѣреннымъ ему 3-мъ отдѣленіемъ Черноморской береговой линіи, оправдываютъ то хорошее мнѣніе, которое я всегда имѣлъ о надежныхъ его способностяхъ какъ военныхъ, такъ и по управленію ввѣренной ему частью. О чемъ имѣя честь донести вашему сіятельству, для доклада Государю Императору, пріемлю смѣлость повергнуть на Высочайшее воззрѣніе заслуги полковника Муравьева.»

XI.

Письма Муравьева къ брату Валеріану Николаевичу.—Враждебная предпріимчивость горскихъ племенъ.—Депессія Анрепа графу А. И. Чернышеву о дѣйствіяхъ Муравьева противъ Убыховъ.—Продолженіе писемъ Муравьева къ брату.

1841 г.

1841 годъ былъ наиболѣе дѣятельный въ кавказской боевой службѣ Николая Николаевича; но въ письмахъ его къ брату Валеріану Николаевичу за этотъ годъ не менѣе, чѣмъ прежде, сказывается его тяжелое положеніе, такъ какъ онъ еще болѣе продолжалъ встрѣчать противодѣйствіе со стороны начальственныхъ лицъ. Однимъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ этого противодѣйствія была именно зависть къ успѣхамъ Муравьева или опасеніе предъ восхищеніемъ славы, о которой мечтали другіе. «Сегодня, вѣроятно, Лауницъ [1] уже въ Тифлисѣ»,—пишетъ Муравьевъ изъ укрѣпленія Бомборъ отъ 18-го января,—«и привезъ рапортъ о томъ, что я остаюсь здѣсь. Но мнѣ остается только пожалѣть о томъ, что я такъ скоро рѣшился: изъ Тифлиса по дѣламъ меня только обижаютъ, а для устройства Гагръ и другихъ предпріятій войскъ не даютъ. Дѣлать нечего, надобно терпѣть до осени и потомъ подавать въ чистую отставку; это будетъ и вѣрнѣе и проще; еслибъ я сдѣлалъ то же въ нынѣшнемъ разѣ, то не было бы препятствія, и я бы избѣгнулъ всѣхъ непріятностей, которыя меня ожидаютъ, и отъ которыхъ всѣ сладкія рѣчи меня не спасаютъ. На дняхъ на бригѣ «Аргонавтъ» я отправляюсь по укрѣпленіямъ, гдѣ теперь ожидаются нападенія; не знаю, скоро ли возвращусь; но ты во всякомъ случаѣ пиши ко мнѣ по обыкновенію.

---

[1] Гвардіи капитанъ, адъютантъ Головина, бывшій адъютантъ графа Толя.

Не знаю, что̀ я буду дѣлать лѣтомъ; но если не дадутъ средствъ строить Гагры и разработывать дорогу въ Цебельдѣ, а также устроивать поселеніе въ Далѣ, то я скажусь больнымъ, уѣду въ Керчь или Ѳеодосію и въ сентябрѣ подамъ въ отставку.

Назначеніе Анрепа не обѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго, веселья тифлисскія также, выступленіе ваше 20-го марта также. Въ Далѣ я былъ бодръ духомъ и, получивши отзывъ о моемъ отпускѣ, только призадумался, но не упалъ; а возвратившись въ Бомборы и принявшись за бумаги, я совсѣмъ потерялся и для спасенія своего желалъ бы, чтобъ Хаджи-Берзекъ далъ мнѣ какое-нибудь развлеченіе. Вы разъѣзжаете по пикникамъ, а я въ это время гулялъ по Дальскому ущелью; кажется, служба не равна, а вниманія не только не обращаютъ, но гдѣ можно...... представленій никакихъ не уважаютъ и предположеній не утверждаютъ. Поневолѣ начинешь соглашаться съ Раевскимъ на счетъ Тифлиса. Одного только прошу, чтобъ поскорѣе назначили ко мнѣ Лауница помощникомъ, и тогда мнѣ свободно будетъ распорядиться собою лѣтомъ, если не будетъ работъ въ Гаграхъ и другихъ мѣстахъ. Удивительно! неужели въ Тифлисѣ совершенно забыли объ Убыхахъ, или полагаютъ, что они въ эту зиму всѣ вымерли или вымерзнутъ. Владѣтель Абхазіи мнѣ повторяетъ то же, что̀ говорилъ при тебѣ, если не примутъ съ будущею же весною серьезныхъ мѣръ противъ Убыхъ.

Владѣтель Абхазіи сверхъ того очень обиженъ, что Евгеній Александровичъ даже не поблагодарилъ его за лѣтнюю экспедицію, въ которой онъ командовалъ; *доложи объ этомъ*, есть время еще и теперь поправить, а именно поблагодарить его за Цебельдинскую экспедицію и вмѣстѣ съ тѣмъ за его содѣйствіе милиціями его владѣній экспедиціи Дальской, столь блистательно оконченной. Не понимаю, кто такъ сильно дѣйствуетъ въ Тифлисѣ противъ насъ всѣхъ здѣсь, а въ томъ числѣ и противъ владѣтеля Абхазіи. Труды, усердіе, храбрость войскъ и милицій, а въ особенности безпримѣрный успѣхъ Дальской экспедиціи, заставляютъ меня и даютъ мнѣ право сдѣлать огромное представленіе, особенно для милиціи: предупреди объ этомъ кого слѣдуетъ и скажи, что я держусь милиціями, а если представленія мои будутъ не уважены, то я за нихъ не могу ручаться. Въ Самурзаканѣ убиты и ранены лучшіе князья и дворяне, а Зазому Марганія никто мнѣ не замѣнитъ. Между тѣмъ смертельно раненый, прощаясь со мною и Лауницемъ, онъ говорилъ: «подлецъ Эспехо!» [1] Вотъ

[1] Яким Михайловичъ—генералъ-маіоръ, управляющій Имеретіей.

репутація, которую заслужилъ этотъ генералъ отъ храбрѣйшихъ и преданнѣйшихъ намъ туземцевъ. На Залому Моргання я полагалъ большія надежды и чистосердечно горюю объ его потерѣ. Братъ его—*Пошвала Морганія*—простреленъ во многихъ мѣстахъ въ платье; можетъ быть, онъ сравняется съ братомъ въ предпріимчивости: подобные люди мнѣ необходимы; но надобно награждать, не скупиться или давать вмѣсто нихъ регулярныя войска.»

Укрѣпленіе Бомборы, 23-го января. «До сего дня я еще не отправился въ укрѣпленіе, но бригъ готовъ, и черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ подъ парусами. Скажи во 1-хъ начальнику штаба, что я получилъ вчера извѣстіе о томъ, что подполковникъ Посыпкинъ [1] не умеръ, а выздоровѣлъ; слѣдовательно извѣстіе, отъ горцевъ полученное, было несправедливо; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я также свѣдѣніе, что Убыхи собираются въ значительныхъ силахъ на *Головинское* или *Навагинское*; черезъ нѣсколько дней я это повѣрю на мѣстѣ. Въ Навагинскомъ что осыпалось и валилось—исправлено уже, посмотрю самъ, прочно ли!

Я поставленъ теперь въ самое затруднительное положеніе относительно того, что у меня будетъ дѣлаться въ нынѣшнемъ году, и какія буду имѣть средства; никто мнѣ ничего не даетъ знать, а между тѣмъ я долженъ былъ бы, основываясь на этомъ, располагать и военными и мирными моими дѣйствіями и работами. Авось-либо къ возвращенію найду какія-нибудь свѣдѣнія изъ Тифлиса. Мои расчеты съ честолюбіемъ должны поневолѣ окончиться, если не вывезетъ Далъ, и не дадутъ сюда на этотъ годъ 4-хъ баталіоновъ; впрочемъ и Богъ съ ними: но здѣсь невозможно, рѣшительно невозможно! Кругъ дѣйствій такъ обширенъ, а довѣрія такъ мало и средствъ также, что неминуемо попадешься впросакъ передъ всякимъ, кто вздумаетъ только вредить. Не понимаю, отчего мнѣ до сихъ поръ не высылаютъ не въ зачетъ годового жалованья и не даютъ пансіона за рану; справься объ этомъ, пожалуйста, въ штабѣ и увѣдомь меня. Коцебу со мною попрежнему молчаливъ, это даже непристойно. Всѣ артиллерійскія лошади у меня опаршивѣли: это большая бѣда въ случаѣ движенія. Сюда непремѣнно нужно изъ Грузіи 4 баталіона съ ротою артиллеріи и подъемными лошадьми и не позже, какъ въ концѣ марта.»

Укрѣпленіе Бомборы, 27-го января. «Дѣла собственно моего отдѣленія идутъ весьма благополучно; я собирался ѣхать сегодня на пароходѣ, чтобы вмѣстѣ съ Кокумомъ осмотрѣть свои форты

[1] Командиръ Черноморскаго линейнаго № 6-й баталіона.

и собрать Джигетовъ, которые должны отправиться въ Петербургъ; но вчера получаю извѣстіе отъ графа Оппермана,[1] что въ фортахъ Вельяминовскомъ и Лазарева остается продовольствія только до завтра, т. е. до 28-го числа; вслѣдствіе этого погрузили въ Сухумѣ на эскадру 300 четвертей муки и крупъ, но парусныя суда туда такъ скоро не поспѣютъ, и для удовлетворенія первой необходимости я погружу сегодня же на пароходѣ 100 четвертей, которыя съ завтрашняго числа, съ Божіею помощію, въ обоихъ этихъ фортахъ будутъ выгружены. Между тѣмъ въ Сухумѣ у меня вовсе не остается угля, а транспортъ, посланный за углемъ въ Новороссійскъ, разбился на тамошнемъ рейдѣ отъ Бары; посему волею или неволею, а выгрузивши провіантъ въ вышесказанныхъ фортахъ, я пойду въ Геленжикъ, а иначе могу совсѣмъ остаться безъ угля среди моего объѣзда.

Удивляюсь, что̀ сдѣлалось со штабомъ береговой линіи: вотъ уже четыре укрѣпленія будутъ снабжены продовольствіемъ зимою и усиленными средствами; но еще моимъ двумъ поспѣло вовремя, и этимъ двумъ 2-го отдѣленія—неизвѣстно какъ поспѣетъ, если завтра сдѣлается прибой; оставить же Сухумъ безъ угля—преступленіе не менѣе важное; къ счастію, что Убыхи спокойны, и не требуется противъ нихъ особыхъ мѣръ и движеній. На дняхъ у меня было очень много изъ нихъ, а прежде всѣхъ Герендукъ Берзекъ, котораго я осыпалъ подарками и между прочимъ надѣлъ на него отъ имени Евгенія Александровича золотую медаль: вниманіе это его очень радуетъ, и я просилъ его увѣдомить Хаджи-Берзека, что отправляюсь въ Петербургъ, гдѣ буду имѣть счастіе говорить съ Государемъ; я бы желалъ видѣться передъ отъѣздомъ со старикомъ, чтобы сказать объ немъ Государю что-нибудь опредѣлительное. Герендукъ сдѣлалъ уже большой подвигъ, рѣшившись пріѣхать ко мнѣ въ Бомборы; но сдѣлаетъ еще бо̀льшій, если во все время моего отсутствія будетъ отклонять всякія сборища Убыхъ противъ фортовъ, что̀ онъ и обѣщаетъ. Тѣмъ не менѣе онъ подтверждаетъ, что еслибъ пять дней еще не отправляли кавалерію отъ Сочи, то Убыхи бы покорились; то же говорятъ и многіе другіе, и между прочими Пата Чизына; а что теперь опять нужно двинуть значительныя силы, чтобъ привести Убыхъ въ то же положеніе, какъ они были во время стоянки отряда на Сочѣ. Посмотримъ! но я безпрестанно сожалѣю, что не имѣю ни власти, ни средствъ дѣйствовать по моему. Видно Кавказу такъ суждено.»

[1] Александръ Карловичъ—генералъ-маіоръ, начальникъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи.

15-го февраля. «Я хлопочу съ моими сосѣдями, которые горами прорываются на Абхазію и Цебельду; о послѣднихъ я получилъ вчера весьма рѣшительное извѣстіе, но еще несовсѣмъ вѣрно, и только сдѣлалъ нѣкоторыя передвиженія войскъ и распоряженія около Сухума; а отсюда ничего еще не трогалъ, чтобъ напрасно не водить войска въ противную сторону, тогда какъ я собираюсь выступать къ Гаграмъ.

Раевскій представилъ меня къ повышенію чиномъ, хотя я его отъ этого и отговаривалъ; впрочемъ на милость образца нѣтъ, могутъ и произвести, но во всякомъ случаѣ въ концѣ нынѣшняго года я непремѣнно уберусь отсюда какимъ-нибудь путемъ. Мѣсто это по всѣмъ отношеніямъ для меня гибельное, и я готовъ куда угодно, только чтобъ здѣсь не оставаться. Не знаю, удобно ли мнѣ опять проситься въ отпускъ, но, разумѣется, я это сдѣлаю нынѣшнею осенью.»

Здѣсь позволяемъ сдѣлать нѣкоторый перерывъ письмамъ Н. Н. Муравьева и сказать нѣчто о выходѣ въ отставку Н. Н. Раевскаго, и о назначеніи на его мѣсто Анрепа. Еще въ январѣ 1841 года Раевскій подалъ рапортъ военному министру объ исходатайствованіи ему назначенія состоять по кавалеріи, съ увольненіемъ отъ своей должности, по разстроенному здоровью. «Конечно, въ этомъ рапортѣ»,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. И. Филипсонъ.[1]—«говорилось о положеніи Кавказа и особенно береговой линіи. О Кавказѣ сказано, что онъ похожъ на колесницу, которую три разныя упряжи тянутъ въ три разныя стороны: «хорошо, кому везетъ.» Въ мартѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ Высочайшій приказъ объ его увольненіи и о назначеніи на его мѣсто генералъ-маіора Анрепа. «Я спросилъ у Раевскаго», —продолжаетъ Г. И. Филипсонъ,—«знаетъ ли онъ Анрепа?»— Какъ же, мы вмѣстѣ были адъютантами у Дибича.» —«Quelle espèce d'homme est-ce?»—«Mon cher ami, c'est un mouton qui rêve.»[2]—Обращаемся снова къ перепискѣ Муравьева съ братомъ: «У меня въ Сухумѣ и Цебельдѣ страшная тревога»,—пишетъ Николай Николаевичъ отъ 20-го февраля,—«съ 13-го числа этого мѣсяца и продолжается до сихъ поръ; но совершенно фальшивая, и не могу унять. Начало сдѣлалъ князь Дмитрій Шервашидзе, и теперь другъ-друга пугаютъ приближеніемъ Черкесъ: Абхазскій округъ Цебельду, а Цебельда—Абхазскій округъ; да и наши мѣстныя начальства кое-гдѣ помогаютъ; а Черкесы давнымъ давно, пограбивши Аб-

[1] Русск. Арх. 1883 г., стр. 354.
[2] «Что это за человѣкъ?» — «Мой другъ, это баранъ-мечтатель.»

хазское селеніе, воротились восвояси черезъ горы. Еслибъ не было у меня бездны дѣла здѣсь, и особенно передъ выступленіемъ войскъ въ Пицунду и Гагры, то поѣхалъ бы самъ унимать пустые страхи въ Сухумѣ и Цебельдѣ; но отлучиться рѣшительно некогда, и я распекаю только на бумагѣ. Тревоги эти разстроиваютъ и меня въ движеніи къ Гаграмъ; но тѣмъ не менѣе все до сихъ поръ благополучно; поѣду послушать, что̀ скажутъ Азлерскіе князья, которые рѣшительно объясняются мнѣ въ любви. Одинъ изъ нихъ, и самый значительный, здѣсь. Спасибо, что изъ Тифлиса прислали мнѣ подарки, будетъ чѣмъ теперь ихъ за дружбу попотчивать. Увѣдомляютъ, что Черкесы приготовляютъ артиллерію собственно противъ форта Головинскаго. Когда начнутъ стрѣлять, то надобно будетъ опять тамъ побывать, если не пріѣдетъ наконецъ Опперманъ, къ которому фортъ этотъ отошелъ по новому раздѣленію береговой линіи.»

Укрѣпленіе Бомборы, 24-го февраля. «Какъ ни жмутъ меня со всѣхъ сторонъ, а я свое дѣло дѣлаю добросовѣстно и себя не жалѣю. Завтра я опять ѣду въ укрѣпленія на Азовскомъ баркасѣ. Убыхи собираются очень грозно со всѣми своими сосѣдями отъ Анапы. Посмотримъ, кто кого сможетъ. Развязка въ будущемъ мѣсяцѣ.»

Дѣйствительно, положеніе Муравьева въ началѣ 1841 года было крайне напряженное: ему пришлось неутомимо дѣйствовать и непрестанно быть насторожѣ, въ виду серьезной опасности, которая угрожала его укрѣпленіямъ со стороны горцевъ, а именно Убыховъ, какъ самаго храбраго и предпріимчиваго народа изъ племени Адехè. «Волненіе между горцами»,—пишетъ Г. И. Филипсонъ.[1] — «распространилось по всей линіи, и видно было, что возбужденіе враждебной предпріимчивости происходило изъ одного общаго источника. Убыхи сдѣлали вторженіе въ Абхазію, но успѣли только сжечь нѣсколько малыхъ ауловъ. Они проходили въ оба пути мимо укрѣпленія Гагръ, чрезъ ущелье р. Жоадзехъ, заросшее лѣсомъ. Переходъ этотъ очень труденъ и возможенъ только въ одномъ мѣстѣ, по которому крѣпостная артиллерія не можетъ дѣйствовать, а гарнизонъ такъ слабъ, что не можетъ и думать о вылазкѣ противъ партіи, въ которой около 1000 человѣкъ, хотя мѣсто переправы не болѣе двухъ верстъ отъ укрѣпленія.

Весною слабы гарнизоны и во всѣхъ укрѣпленіяхъ. Въ лѣтніе жары и осенью больныхъ лихорадкою очень много; но, по нуждѣ, больной можетъ стать съ ружьемъ на брустверѣ, въ случаѣ нападенія. Зимою болѣзни вообще ожесточаются, а весной имѣютъ

[1] Русск. Арх. 1884 г., стр. 203—205.

несчастный исходъ. Тогда можно надѣяться только на здоровыхъ, а ихъ ряды бываютъ очень разрѣжены. Успѣхъ горцевъ въ одномъ мѣстѣ могъ повлечь за собою послѣдствія какъ въ 1840 году, если не хуже.

Болѣе серьезное покушеніе сдѣлано было Убыхами противъ укрѣпленія Головинскаго. Ихъ партія до 2000 человѣкъ собралась скрытно въ балкѣ, отдѣляющейся отъ укрѣпленія небольшимъ возвышеніемъ къ с. в—ку. Горцы знали, что днемъ крѣпостныя ворота бываютъ отворены. Въ полдень десятка два конныхъ выскакали изъ-за возвышенія и во весь духъ бросились по берегу моря мимо одного изъ блокгаузовъ къ воротамъ. По счастливой случайности, воинскій начальникъ приказалъ только передъ этимъ запереть ворота; удальцы расчитывали, вскочивъ въ укрѣпленіе, произвести замѣшательство, а въ то время конная партія сдѣлаетъ открытое нападеніе. Видя неудачу, конные пустили лошадей во весь опоръ, съ гласиса заставили ихъ сдѣлать отчаянный скачекъ чрезъ ровъ, на днѣ котораго были заостренные палисады. Лошади, конечно, не могли перепрыгнуть и были ими проткнуты, а отчаянные горцы, въ то же мгновеніе, бросились на эскарпъ и вскочили на брустверъ. Все это было сдѣлано съ невѣроятною стремительностью, но гарнизонъ былъ уже готовъ: удальцы заколоты штыками на брустверѣ, а атака пѣшей партіи отражена безъ потери съ нашей стороны. Ихъ вражда къ намъ доходила до крайняго фанатизма и до сумасбродства, которыя возбуждали къ предпріимчивости и остальныхъ менѣе воинственныхъ горцевъ этого края.

Одновременно съ этимъ произошли безпорядки въ Цебельдѣ. Князья Шабамъ и Батавбей Маршани собрали шайку разнаго сброда, грабили въ Цебельдѣ и въ Абхазіи, гдѣ находили много сторонниковъ. Н. Н. Муравьевъ настоятельно просилъ обезпечить Абхазію отъ Убыховъ постройкою башни въ ущельѣ Жоадзехъ и дать ему средства для движенія въ Цебельду и Даль, для прекращенія безпорядковъ, что̀ было очевидно необходимо. Согласно съ этимъ, Анрепъ, сдѣлавъ, въ видѣ обозрѣнія, донесеніе обо всемъ имъ найденномъ по береговой линіи, просилъ разрѣшенія въ этомъ году удовольствоваться только довершеніемъ работъ въ Новороссійскѣ постройкою башни въ ущельѣ Жоадзехъ, гдѣ горцы могутъ переходить въ Абхазію, минуя Гагры; а осенью, когда спадутъ жары, собрать отрядъ въ укрѣпленіи Св. Духа и двинуться сухимъ путемъ чрезъ землю Убыховъ для наказанія этого народа и чтобы разрушить обаяніе, которымъ онъ пользовался для возбужденія другихъ горцевъ противъ насъ. Прибывъ въ

укрѣпленіе Навагинское, отрядъ долженъ былъ построить на горѣ каменную башню, которая бы болѣе открыла мѣстность и сдѣлала невозможнымъ возобновленіе бомбардированія этого укрѣпленія. Послѣднее предпріятіе было очень серьезное и требовало довольно значительнаго отряда, который предполагалось перевезти въ укрѣпленіе Св. Духа на судахъ Черноморскаго флота.

Высочайшее соизволеніе не замедлило, и тотчасъ принялись за приготовленія. Въ распоряженіе Н. Н. Муравьева назначены были два Черноморскихъ казачьихъ полка и 3-й баталіонъ Тенгинскаго полка, для постройки башни въ Гаграхъ. Анрепъ предоставилъ Муравьеву, въ случаѣ необходимости, употребить часть этихъ войскъ для движенія въ Цебельду. Эти войска были на пароходахъ и судахъ перевезены въ Гагры въ началѣ мая.»

О дѣйствіяхъ Муравьева въ этихъ экспедиціяхъ вотъ что сообщалъ генералъ Анрепъ [1] графу А. Ив. Чернышеву въ своихъ донесеніяхъ:

30-го мая. «Вчера получилъ я рапортъ начальника 3-го отдѣленія, полковника Муравьева, о происшествіяхъ въ землѣ Убыховъ и Джигетовъ.

Покорные Джигетскіе князья 20-го мая дали знать полковнику Муравьеву, что Убыхи, собравшись въ значительномъ числѣ, арестовали покорившихся князей Аубла-Ахмеда и Зураба-Хамыша и, сверхъ того, нѣсколько другихъ лицъ изъ Убыховъ, имѣвшихъ съ нами переговоры въ бытность мою въ укрѣпленіи Св. Духа. Между сими послѣдними были: Хаджи-Берзекъ, племянникъ его Керентукъ и Мурадъ, житель долины Вардане, извѣстный между Убыхами своею храбростію. Князья Аубла-Ахмедъ и Зурабъ-Хамышъ были вынуждены отречься отъ принесенной ими присяги и тогда только освобождены изъ-подъ стражи. Задержаніе Хаджи-Берзека продолжалось недолго, и онъ тотчасъ же началъ дѣлать распоряженія о сборѣ всѣхъ Убыховъ, для дѣйствія противъ покорившихся Джигетовъ.

Всѣ эти извѣстія были тотчасъ же сообщены полковнику Муравьеву, а между тѣмъ покорные Джигетскіе князья убѣдительно просили дать имъ помощь въ угрожающей имъ опасности. Видя съ одной стороны усердное ихъ желаніе остаться вѣрными принесенной ими присягѣ, а съ другой, будучи убѣжденъ, что отказъ въ помощи могъ бы заставить ихъ послѣдовать примѣру князей Аубла-Ахмеда и Зураба-Хамыша, полковникъ Муравьевъ

[1] Акты, собранн. Кавказск. Археографич. Коммисс. Тифлисъ. 1884 г., т. IX, стр. 505—506 и 508—509.

немедленно двинулся въ укрѣпленіе Св. Духа изъ Гагръ, гдѣ оставилъ гарнизономъ и для безостановочнаго продолженія работъ два полка Черноморскихъ казаковъ. Князьямъ Флигетскимъ полковникъ Муравьевъ приказалъ собраться поголовно для защиты своихъ жилищъ; а самъ въ 5 часовъ утра 22-го мая выступилъ изъ Гагръ съ 2-мя баталіонами Тенгинскаго полка, 2-мя ротами Гагринскаго гарнизона, командою саперъ (25 человѣкъ) и 50-ю пластунами 6-го и 7-го пѣшихъ казачьихъ полковъ.

Движеніе отряда по землѣ Джигетовъ было торжественнымъ шествіемъ: князья и старшины различныхъ обществъ встрѣчали его на пути съ величайшею радостью. 5 Азовскихъ ладей съ тяжестями войскъ и съ 2-мя горными единорогами сопутствовали отряду въ этомъ переходѣ.

Въ 6 часовъ пополудни, полковникъ Муравьевъ прибылъ съ отрядомъ въ долину р. Мдзымты и расположился лагеремъ впереди укрѣпленія Св. Духа. Чрезвычайная трудность дорогъ и переправы въ бродъ чрезъ три глубокія и быстрыя рѣки нисколько не изнурили войскъ; отсталыхъ не было: усталыхъ, по прибытіи на мѣсто, оказалось только 5 человѣкъ изъ всего отряда.

Такъ совершено первое движеніе войскъ нашихъ по берегу Чернаго моря отъ завѣтной границы Гагръ. Не говоря уже объ обстоятельствахъ, бывшихъ тому причиною, самое это движеніе произведетъ для насъ весьма выгодное вліяніе на племена еще непокорныя.

Полковникъ Муравьевъ доноситъ мнѣ, что въ укрѣпленіи Св. Духа онъ приведетъ къ присягѣ нѣкоторыхъ Цандрипшскихъ князей, еще не присягнувшихъ и изъявляющихъ къ тому полную готовность и желаніе; а, можетъ быть, долженъ будетъ заставить покориться силою оружія нѣкоторыя Джигетскія селенія, доселѣ еще не покорившіяся, о чемъ его просятъ убѣдительно князья Гечъ, Аридбаевы и Цанбаевы. Вчера написалъ полковнику Муравьеву, чтобы онъ не предпринималъ ничего важнаго противъ Убыховъ, потому что въ настоящее время всякая неудача можетъ имѣть дурное вліяніе на успѣхъ предполагаемой въ землю Убыховъ сильной сухопутной экспедиціи. Впрочемъ, вполнѣ хваля кипучую дѣятельность и распорядительность полковника Муравьева, я увѣренъ, что онъ не пустится необдуманно ни на какое предпріятіе, превышающее его способы.»

Въ другомъ своемъ донесеніи. отъ 18-го іюня, генералъ Анренъ сообщаетъ графу Чернышеву слѣдующее: «Возвратившійся пароходъ привезъ мнѣ донесеніе Муравьева, въ коемъ онъ излагаетъ важныя послѣдствія сего движенія. Съ прибытіемъ отряда въ

укрѣпленіе Св. Духа, дѣла Джигетовъ приняли самое выгодное для нихъ и для насъ направленіе. Убыхи стали опасаться, что угрозы, которыя они дѣлали Джигетамъ, могутъ обратиться на нихъ самихъ.

Вскорѣ послѣ прибытія отряда доставлены изъ Бомборъ въ укрѣпленіе Св. Духа сухимъ путемъ артиллерійскія лошади, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ донскихъ казаковъ; на рейдѣ укрѣпленія Св. Духа собралась значительная эскадра, и, наконецъ, владѣтель Абхазіи на 11-ти галерахъ прибылъ съ 500 своихъ милиціонеровъ; Джигеты собрались поголовно и ждали только приказанія двинуться на непріятеля.

Всѣ эти сборы и приготовленія заставили Убыховъ переводить семейства свои отъ береговъ моря въ горы и вмѣстѣ съ тѣмъ обратиться къ Джигетамъ съ предложеніями устранить возникшее между ними недоразумѣніе мирнымъ образомъ. Генералъ-маіоръ Муравьевъ [1] дозволилъ тремъ изъ почетнѣйшихъ Джигетовъ отправиться въ укрѣпленіе Навагинское, для свиданія вблизи онаго со старшинами Убыхскими, въ присутствіи посланнаго съ ними офицера и переводчика. Джигеты объявили тамъ Убыхамъ, что они безъ воли начальства ни въ какія сношенія и переговоры входить не могутъ, а потому приглашаютъ ихъ прислать черезъ трое сутокъ своихъ старшинъ на половину пути между Сочею и Адлеромъ, куда и они, испросивъ дозволенія и приказанія своего начальства, для свиданія съ ними прибудутъ.

Генералъ-маіоръ Муравьевъ дозволилъ Убыхскимъ старшинамъ прибыть на назначенное имъ Джигетами мѣсто и объявилъ имъ, что самъ туда отправится.

4-го іюня, въ день, назначенный для этого свиданія, генералъ-маіоръ Муравьевъ поѣхалъ на это мѣсто, лежащее на половинѣ разстоянія отъ Навагинскаго до укрѣпленія Св. Духа, съ офицерами своего штаба, шестью донскими казаками и со всѣми Джигетскими старшинами. Толпа Убыховъ ожидала въ назначенномъ мѣстѣ. По обычаямъ горцевъ, съ обѣихъ сторонъ высланы были переговорщики, а генералъ-маіоръ Муравьевъ приказалъ объявить Убыхамъ:

1) что назначаетъ имъ 3-хмѣсячный срокъ для принесенія добровольной покорности, подобно Джигетамъ;

2) что въ теченіе этого времени они не только не должны дѣйствовать силою противъ покорныхъ намъ Джигетовъ, но и не переходить черезъ ихъ землю для набѣговъ на Абхазію;

[1] 4-го іюня 1841 года Н. Н. Муравьевъ за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

3) что они должны немедленно возвратить Джигетамъ аманатовъ, издавна у нихъ находившихся;

4) что Джигеты не будутъ въ продолженіе этого времени дѣлать набѣги на землю Убыховъ и, наконецъ,

5) что условіе это должно быть утверждено, по народному обычаю, присягою между ними.

Если они не согласятся на вышесказанное, генералъ-маіоръ Муравьевъ грозилъ немедленно выступить для истребленія ихъ жилищъ, и, дабы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, онъ приказалъ пароходу и пяти Азовскимъ баркасамъ стать противъ мѣста переговоровъ, одному баталіону Тенгинскаго полка съ двумя горными орудіями выступить изъ лагеря версты на четыре впередъ, а всему отряду быть готовымъ къ движенію.

Полный успѣхъ увѣнчалъ всѣ эти распоряженія Муравьева. Убыхи присягнули во всемъ, что̀ отъ нихъ требовалось. Вечеромъ, возвратясь въ укрѣпленіе Св. Духа, Джигеты торжествовали заключеніе этого условія какъ побѣду. Ахамышскіе князья и дворяне, прибывъ на другой день, объявили генералъ-маіору Муравьеву, что хотя Убыхами и взятъ былъ съ нихъ штрафъ, но они принесенной ими правительству присягѣ не измѣнятъ и во всемъ будутъ исполнять распоряженія начальства. Сочинскій князь Аубла-Ахмедъ прислалъ сказать, что, при первомъ появленіи Русскихъ войскъ въ землѣ Убыховъ, онъ присоединится къ намъ со всѣми своими подвластными.

5-го числа генералъ-маіоръ Муравьевъ отправился съ отрядомъ обратно въ Гагры, а владѣтель со своими милиціями—въ Абхазію.» [1]

Несмотря однако на эти лестные отзывы генерала Анрепа, Муравьевъ съ трудомъ могъ мириться съ своимъ служебнымъ положеніемъ на Кавказѣ. Въ письмѣ къ брату Валеріану Николаевичу, онъ вновь высказываетъ желаніе покинуть этотъ край для другой болѣе спокойной дѣятельности. Такъ, въ письмѣ его изъ Бомборъ, отъ 19-го іюня, мы читаемъ: «Поздравляю тебя съ поѣздкою въ Питеръ и, полагая, что тебѣ тамъ дозволено остаться нѣсколько времени, я могу тебѣ позавидовать, не зная самъ, *когда и какимъ образомъ мнѣ* удастся вырваться отсюда. Судя по твоему письму, ты собираешься ѣхать въ сентябрѣ черезъ Одессу: конечно, ты уже знаешь, что въ сентябрѣ и мы собираемся отличаться, [2] а потому я бы совѣтовалъ тебѣ получить назначеніе

---

[1] Акты, собранные Кавказской Археографич. Коммисс. Тифлисъ. 1884 г., т. IX, стр. 505—506, 508—509.

[2] Противъ Убыхъ.

прямо изъ Петербурга поступить въ вѣдѣніе генерала Анрепа и въ такомъ случаѣ явиться къ нему въ Керчь въ концѣ августа.

Хотя отношенія мои съ Анрепомъ, по всѣмъ соображеніямъ, и *не могутъ измѣниться къ лучшему;* но ты совсѣмъ въ другомъ положеніи,—во первыхъ, какъ адъютантъ Евгенія Александровича, а во вторыхъ, какъ постороннее лицо, не угрожающее отнять у него славу; по всему этому тебѣ въ здѣшней экспедиціи дурно не будетъ, кромѣ развѣ какъ отъ пули или шашки Убыхской.

Достославные подвиги наши въ землѣ Джигетовъ тебѣ уже извѣстны: но сдѣлай милость, поспѣши меня увѣдомить, что тамъ думаютъ объ насъ. Представленіе за Далъ, какъ я вижу, кануло въ Лету; ибо ты мнѣ ни слова объ немъ не говоришь, а 6-ти-мѣсячный срокъ кончается. Не могу тебѣ сказать, чтобъ я очень хладнокровно принималъ всѣ эти неудачи, но меня поддерживаетъ всегдашняя моя философія: *была бы польза службѣ, а остальное можно исправить, возвратившись въ свою хату.* Напрасно говоришь ты о скоромъ и вѣрномъ повышеніи моемъ; если его не было за Далъ и не будетъ за Гагры и Джигетовъ, то мнѣ уже ничѣмъ не удастся его заслужить.

Лауницъ пріѣхалъ ко мнѣ съ недѣлю тому назадъ, и я ему поручилъ Сухумъ, Цебельду и Самурзаканъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю производства его въ полковники; это чрезвычайно устроитъ дѣла наши служебныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мои частныя; тогда тылъ у меня будетъ совершенно открытъ: и я могу тотчасъ отступить, когда увижу, что болѣе держаться нельзя. Лауницъ разсказывалъ мнѣ твои подвиги въ Тифлисѣ и за границею; я вижу, что ты настоящій Талейранъ и годишься прямо въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, но при свиданіи буду браниться: хорошо быть дипломатомъ, но не въ той степени, какъ ты таковымъ сдѣлался.

Теперь во время бытности твоей въ Петербургѣ, приготовьте мнѣ съ батюшкою и братомъ мѣстечко по моему вкусу, т. е. съ пользою для всѣхъ и съ полною независимостію для меня; а я готовъ поселиться и на Верхней, и на Невѣ, и на Метѣ, и на Волховѣ, и на Лугѣ; но не расчитывайте на прежнюю мою дѣятельность, ибо я становлюсь старъ не въ пору; 3-е отдѣленіе меня порядкомъ укатало и нравственно и физически.

Еслибъ, по соображенію вами всѣхъ обстоятельствъ, оказалось невозможнымъ удовлетворить таковому ревностному желанію моему, то придумайте приличное для меня назначеніе въ службѣ гражданской; но не найдется ли возможности, чтобъ меня переименовали въ дѣйствительные статскіе совѣтники, хоть бы за покореніе Дала или прочее. Здѣсь же я ничего не добьюсь, а только

истреблюсь. Еслибы можно было, то я бы просился въ начальники береговой линіи: это славное, *почетное* мѣсто: живешь себѣ въ Крыму, ведешь дипломатическія сношенія съ Петербургомъ, Тифлисомъ и Одессою; взглянешь иногда на линію, для прогулки на пароходѣ; начальники отдѣленій работаютъ, дерутся, строятъ, а начальникъ береговой линіи говоритъ, что они ему *помогаютъ;* даже и предполагать-то заставляютъ насъ же, потомъ исполнять, что мы предположили, поручаютъ намъ же, и потомъ говорятъ, что мы *хорошіе помощники.* Непріятель собирается, угрожаетъ нашимъ укрѣпленіямъ, мы хлопочемъ, двигаемъ войска: непріятель уходитъ: мы покоряемъ, мы проходимъ подъ ужасными скалами, мы беремъ все на себя; а начальникъ береговой линіи доноситъ изъ Керчи, что̀ ему угодно, и, пріѣхавши къ намъ, говоритъ, что все Богъ сдѣлалъ. Штабъ береговой линіи полагаетъ, что сношенія съ Симферопольскою Провіантскою коммиссіею и торги о строительныхъ матеріалахъ суть главное дѣло на береговой линіи! Какъ же не завидовать участи начальника береговой линіи! Если можно, то похлопочите, любезные братья, въ Петербургѣ, чтобъ мнѣ занять это мѣстечко. Вишь, тамъ 4 парохода, которыхъ береговая линія вовсе не видитъ; Раевскій, по крайней мѣрѣ, развозилъ на нихъ растенія изъ укрѣпленія въ укрѣпленіе, а нынче экономничаютъ угольемъ и вслѣдствіе сего не показываютъ намъ пароходовъ. Разумѣется, что тѣмъ, *ничьмъ больше,* какъ этою экономіею, начальникъ береговой линіи пріобрѣтаетъ себѣ заслугу; но я, право, сумѣю сдѣлать еще лучше;—я сдамъ всѣ наши пароходы въ вѣдомство Черноморскаго флота, который будетъ очень благодаренъ и, вѣрно, употребитъ ихъ съ пользою; вѣдь все же равно, какъ теперь нѣтъ, такъ и тогда не будетъ пароходовъ для береговой линіи. Правда, что я не въ состояніи буду тогда услуживать *землякамъ* и посылать пароходы за ихъ женами въ Редутъ-Кале, но мнѣ за большую экономію будетъ больше похвалъ; а что я умѣю экономничать, то оному Гагры свидѣтельствуютъ: для нихъ назначено 32 т. сер., а я ихъ построю за 5 т. сер., но не равняйте меня съ высшими: ибо Гагры строятся и построятся, а пароходы не ходятъ и ходить не будутъ. Полно!»

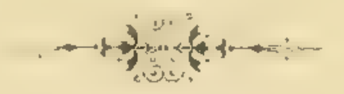
Безпорядки же въ Абхазіи и Цебельдѣ снова возобновились, что̀, безъ сомнѣнія, причиняло Муравьеву много хлопотъ и заботъ, притомъ же равнодушіе начальства къ его представленіямъ о наградахъ —«за труды, усердіе, храбрость войскъ милицій, а въ особенности за безпримѣрный успѣхъ Дальской экспедиціи»[1] —еще

[1] См. письмо Н. Н. Муравьева къ брату отъ 18-го января 1841 г.

болѣе усиливало его раздражительность и мрачное расположеніе духа. При такомъ-то настроеніи онъ совершенно неожиданно получаетъ изъ Петербурга отъ брата письмо, въ которомъ Валеріанъ Николаевичъ приводитъ отзывъ о немъ Государя. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы Муравьевъ позабылъ оказываемое ему до сихъ поръ равнодушіе со стороны его ближайшихъ начальниковъ, и снова понесъ всевозможныя тяготы, чтобы только оправдать отзывъ о себѣ Государя. Вотъ отвѣтное письмо его къ брату, отъ 2-го іюля: «Спасибо Царю! Спасибо Великому, что Онъ насъ, маленькихъ, не забываетъ»; писалъ Н. Н. Муравьевъ,— «явно, неотрицаемо, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ. Конечно, дороже генеральскаго чина мнѣніе Государя, которое Онъ обо мнѣ тебѣ изъяснилъ, а я воображаю, какъ радуется нашъ старикъ, батюшка, и я понимаю, что, кромѣ васъ двоихъ, онъ одинъ только и радуется искренно; но теперь легла на мнѣ тяжелая обязанность оправдать слова Государя; помоги Господи исполнить — вотъ моя вѣчная молитва; отъ Бога зависитъ дать мнѣ къ этому умъ и силу.

Я буду собирать нашу грозную армію въ Адлеръ, куда генералъ Анрепъ пріѣдетъ къ тому же времени для начальствованія надъ всею экспедиціею. Съ Божіею помощію дѣла пойдутъ хорошо, и ты не будешь раскаяваться, что подерешься въ одинъ годъ и съ Лезгинами и съ Убыхами. Зови къ намъ противъ Убыховъ побольше гостей, и если ты знакомъ съ флигель-адъютантомъ Бенкендорфомъ, [1] то приглашай его: намъ нужны здѣсь добросовѣстные и благородные свидѣтели изъ Питера.

Генералъ Анрепъ приглашаетъ тебя въ экспедицію противъ Убыхъ, и тебѣ остается только принять мѣры, чтобъ получить дозволеніе изъ Тифлиса, куда мы послѣ экспедиціи, вѣроятно, поѣдемъ вмѣстѣ, ибо я постараюсь съѣздить въ гости къ Евгенію Александровичу недѣли на двѣ или на три.»

[1] Графъ А. Х. Бенкендорфъ (впослѣдствіи шефъ жандармовъ).

XII.

Военныя экспедиціи Муравьева противъ горцевъ.—Письма его къ брату.

1841 г.

22-го іюля генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ получилъ отъ Джигетскихъ князей извѣстіе, что сборище Черкесъ въ окрестностяхъ Сочи безпрестанно увеличивается, и что они намѣрены, въ случаѣ неудачнаго бомбардированія укрѣпленія Навагинскаго, двинуться къ укрѣпленію Св. Духа, чтобы напасть на собранный тамъ отрядъ. Джигетскіе князья, не довѣряя, чтобъ при движеніи въ ихъ землю непріятель ограничился однимъ только нападеніемъ на войска наши, просили генералъ-маіора Муравьева двинуться съ отрядомъ впередъ по берегу Чернаго моря и стать въ 4-хъ верстахъ отъ укрѣпленія Св. Духа на р. Хоротѣ, гдѣ весьма удобно закрыть непріятелю лучшій путь въ долину р. Мдзымты, обѣщаясь сами не пропустить непріятеля лѣсными тропами. Генералъ-маіоръ Муравьевъ, желая исполнить просьбу Джигетскихъ князей, а вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ къ сторонѣ Убыховъ отвлечь сихъ послѣднихъ по возможности отъ укрѣпленія Навагинскаго, противъ коего черезъ два дня они должны были открыть дѣйствія,—23-го того же мѣсяца двинулъ всѣ 4 баталіона Тенгинскаго и 2 роты Мингрельскаго егерскаго полковъ, съ 6-ю горными единорогами, къ устью р. Хороты и расположился лагеремъ на мѣстѣ возвышенномъ и осѣненномъ большими деревьями.

Поутру 24-го числа сдѣлано были по цѣпи изъ-за р. Хороты нѣсколько выстрѣловъ, изъ коихъ двумя убитъ рядовой Тенгинскаго полка; это показало, что уже движеніе нашего отряда извѣстно на Сочѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ расчищать мѣсто, чтобы стать тамъ постояннымъ лагеремъ, но большое число вдругъ заболѣвшихъ въ отрядѣ, въ полторы сутокъ, нижнихъ чиновъ,

затрудненія безъ перевозочныхъ способовъ довольствовать отрядъ за 4 версты отъ магазина и извѣстіе, что горцы отложили до тридцатаго числа дѣйствіе противъ укрѣпленія Навагинскаго, заставили генерала Муравьева оставить это мѣсто и перевести отрядъ на возвышенную долину Мдзымты, гдѣ онъ расположился постояннымъ лагеремъ 25-го числа іюля. Число больныхъ въ отрядѣ, особенно лихорадками, значительно увеличилось послѣ 15-го числа іюля, но какъ, сравнительно съ Гаграми, больныхъ было гораздо менѣе, то генералъ Муравьевъ оставилъ тамъ два казачьихъ полка, которые продолжали исподволь крѣпостныя работы.

27-го іюля, получивъ свѣдѣніе о большомъ сборѣ горцевъ близъ укрѣпленія Навагинскаго, генералъ Анрепъ отправилъ пароходъ «*Могучій*» въ распоряженіе генералъ-маіора Муравьева на случай, если бы оказалось нужнымъ подкрѣпить гарнизонъ сего укрѣпленія. Посланный на пароходѣ донесъ генералу Муравьеву 28-го іюля, что на горѣ, командующей укрѣпленіемъ Навагинскимъ, горцы устроили нѣсколько амбразуръ, а по возвышенностямъ видны значительныя толпы; а поутру, 29-го іюля, услышана была сильная канонада въ укрѣпленіи Навагинскомъ. Видя, что пароходъ прошелъ къ отряду, непріятель началъ дѣйствіе двумя днями ранѣе, нежели было положено.

Генералъ Муравьевъ въ полдень 29-го іюля прибылъ на пароходѣ къ укрѣпленію Навагинскому и привезъ съ собою 150 Тенгинцевъ, которые вошли въ крѣпость подъ ядрами и гранатами, съ пѣсенниками и барабаннымъ боемъ. Воинскій начальникъ встрѣтилъ генерала Муравьева обыкновеннымъ порядкомъ, представилъ гарнизонъ въ щегольскомъ видѣ, почетный караулъ и ординарцевъ, а между тѣмъ крѣпостная артиллерія продолжала дѣйствовать и въ короткое время заставила замолчать одно изъ четырехъ непріятельскихъ орудій. Канонада открылась еще 28-го числа передъ вечеромъ, но горцы, вѣроятно, еще неготовые, сдѣлали въ тотъ день только одиннадцать выстрѣловъ; 29-го огонь ихъ былъ уже довольно силенъ. Ни одно ядро, ни одна граната не пролетали мимо крѣпости.

Генералъ-маіоръ Муравьевъ послалъ пароходъ въ укрѣпленіе Св. Духа и приказалъ привезти оттуда на пароходѣ и на купеческомъ суднѣ еще 600 человѣкъ. Это исполнено на разсвѣтѣ 30-го числа. Ожидавшагося приступа не было, но непріятель изъ трехъ орудій усилилъ огонь, большею частію гранатами. Верхъ передняго блокгауза взлетѣлъ на воздухъ отъ гранаты, лопнувшей въ самыхъ зарядныхъ ящикахъ бывшей тамъ артиллеріи, а вслѣдъ затѣмъ отъ другой гранаты загорѣлись покрытые рогожа-

ми провіантскіе склады. Двойной пожаръ, подъ усиленнымъ непріятельскимъ огнемъ и вблизи порохового погреба, былъ скоро потушенъ безъ малѣйшей суматохи и съ достойнымъ Русскихъ войскъ хладнокровіемъ. Радостные крики на горѣ прекратились вмѣстѣ съ прекращеніемъ пожара.

На горѣ, въ виду крѣпости, разрѣдѣли толпы непріятельскія, но пушечный огонь не умолкалъ; ядра и гранаты, пробивая зданія насквозь, вредили гарнизону повсюду: въ лазаретѣ былъ раненъ одинъ больной и контуженъ штабъ-лѣкарь Потоцкій. Мѣткимъ огнемъ нашей артиллеріи щеки непріятельскихъ амбразуръ были такъ повреждены, что съ полудня выстрѣлы стали рѣже и, наконецъ, умолкли: видно было, что непріятель поправляетъ амбразуры.

По всѣмъ соображеніямъ находившихся съ генераломъ Муравьевымъ въ фортѣ Джигетскихъ князей, совершенно знакомыхъ съ родомъ войны и обычаями горцевъ, должно было ожидать приступа передъ разсвѣтомъ съ 30-го на 31-е число; гарнизонъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Генералъ Муравьевъ приказалъ высадить на берегъ съ судовъ 250 человѣкъ, заготовить заряды, заложить бревнами пороховой погребъ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ извѣстія изъ укрѣпленія Св. Духа. Прибывшій оттуда корветъ далъ знать, что по донесеніямъ Джигетскихъ князей—подпоручика Созрона Аридбаева, прапорщика Асанъ-бея Геча и Мисоуста Геча, охранявшихъ съ своими подвластными берегъ моря и лѣсныя тропинки впереди укрѣпленія Св. Духа, въ ночь съ 30-го на 31-е іюля, тамъ ожидалось нападеніе Черкесъ. На разсвѣтѣ 31-го числа лазутчикъ далъ знать въ укрѣпленіе Навагинское, что сборище разошлось въ разныя стороны, свозя орудія въ глубокіе овраги, отдаленные отъ крѣпости.

Генералъ-маіоръ Муравьевъ, оставивъ въ укрѣпленіи Навагинскомъ 90 человѣкъ Мингрельскаго егерскаго полка, а на рейдѣ корветъ и тендеръ, посадилъ привезенныя войска обратно на суда и на пароходъ и возвратился послѣ полудня въ укрѣпленіе Св. Духа. Тамъ узналъ онъ, что Джигетскіе князья семейства свои отсылали въ Цандрипшъ, опасаясь непріятеля, коего сборище на Сочѣ, по словамъ ихъ, было такъ велико, какъ никогда еще прежде. Теперь они возвращаютъ домой свои семейства.

Во все время бомбардированія укрѣпленія Навагинскаго, мы потеряли 8 человѣкъ убитыми и 14 ранеными; сверхъ того нѣсколько офицеровъ контужено.

Въ донесеніи генерала Анрепа военному министру объ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ Муравьева, между прочимъ сказано: «Представляя вниманію вашего сіятельства заслуги и отличія лицъ,

выставляемыхъ генераломъ Муравьевымъ, я считаю самою пріятною обязанностію дополнить новымъ свидѣтельствомъ о главномъ виновникѣ сего новаго подвига. Я не боюсь оскорбить храбрыхъ защитниковъ укрѣпленія Навагинскаго, сказавъ, что съ такимъ начальникомъ, какъ генералъ Муравьевъ, всякое войско сдѣлаетъ то же самое.» [1]

Съ половины августа, въ укрѣпленіе Св. Духа, съ разныхъ сторонъ начали собираться войска, назначенныя дѣйствовать противъ Убыховъ. Приготовленія и сборы производились довольно медленно, и ими не особенно торопились, потому что ранѣе начала октября не предполагалось начать движеніе. Жары стояли тропическіе, и ни капли дождя. Несмотря на всѣ принятыя санитарныя мѣры, въ прибывающихъ войскахъ стали сильно развиваться перемежающіяся лихорадки съ весьма серьезными послѣдствіями. Хинной соли не жалѣли, но она только перерывала болѣзнь на нѣсколько дней. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по всему восточному берегу, горскія племена были въ волненіи. Натухайцы и Шапсуги собирались по частямъ, дѣлали набѣги въ окрестностяхъ всѣхъ укрѣпленій, большею частью ничтожные, но показывающіе особенное движеніе. Впрочемъ, чрезъ лазутчиковъ извѣстно было, что въ своихъ сборищахъ они положили ждать, чѣмъ дѣло кончится съ Убыхами. Убыхи, въ полной увѣренности, что Русскіе не проникнутъ въ ихъ землю, возбуждали другъ-друга, волновали другія племена и стращали Джигетовъ совершеннымъ разореніемъ по уходѣ отряда. Около лагеря бродили люди, старавшіеся дѣлать всякій вредъ, стрѣлять по высылаемымъ командамъ, прикрытіямъ, воровать лошадей и т. под.

Въ концѣ сентября, прибылъ въ составъ отряда Муравьевъ съ милиціею Абхазскою, Мингрельскою, Имеретинскою, Гурійскою и Сванетскою. Онъ прошелъ изъ Гагръ сухимъ путемъ по узкой полосѣ между моремъ и береговыми скалами. Покорность Джигетовъ и тихая погода сдѣлали возможнымъ это движеніе по непрерывному дефиле въ 30 верстъ, гдѣ, по преданію, погибло войско какого-то Грузинскаго царя. Въ то же время прибыли на пароходѣ владѣтели Абхазіи и Мингреліи. При первомъ появленіи милицій при отрядѣ, Убыхи начали переводить всѣ свои семейства и перевозить свое имущество въ дальнія горы, и сами собираться поголовно и укрѣплять береговую дорогу, ведущую изъ укрѣпленія Св. Духа въ долину р. Сочи. 5-го октября бивуакъ ихъ въ долинѣ Мыца имѣлъ 5 т. пѣшихъ и всадниковъ.

[1] Акты, собр. Кавказск. Археогр. Ком., т. IX. Тифлисъ. 1884 г., стр. 511—512.

Джигеты, безпрестанно угрожаемые вторженіемъ близкаго и сильнаго врага, явно вошли въ сношеніе съ Убыхами, которые объявили имъ, что разорятъ ихъ до конца, если хотя одинъ Джигетъ присоединится къ Русскимъ. Дерзость непріятеля возрастала ежеминутно. Въ такомъ положеніи нельзя было колебаться: отложить экспедицію до будущаго года—значило бы потерять невозвратно Джигетовъ, отодвинуться опять за р. Бзыбь, увѣрить всѣхъ въ нашемъ безсиліи и поднять всѣ племена къ восточному берегу Чернаго моря. Наконецъ 5-го октября прибыла эскадра Черноморскаго флота съ егерскою бригадою 13-й пѣхотной дивизіи, назначенной въ составъ отряда. Всѣ приготовленія кончены, и Анрепъ рѣшилъ выступленіе 8-го октября.

«По самымъ тщательнымъ разспросамъ»,—пишетъ Филипсонъ.[1]—«оказалось, что отъ устья р. Мдзымты къ устью р. Сочи, гдѣ укрѣпленіе Навагинское, существуютъ два пути: 1) по берегу моря и 2) по срединѣ земли Убыховъ большимъ обходомъ. Послѣдній путь удаляется отъ моря верстъ на 35, и онъ болѣе чѣмъ втрое длиннѣе перваго. Край, чрезъ который онъ проходитъ, довольно населенъ и имѣетъ общій характеръ горныхъ странъ. Горы покрыты густымъ лиственнымъ лѣсомъ. Самая дорога возможна для проѣзда туземныхъ арбъ, но, по трудности спусковъ и подъемовъ, горцы рѣдко ею пользуются: верховые же большею частію, при тихомъ морѣ, ѣздятъ по прибрежному пути. Внутренняя дорога поднимается верстъ 20 по берегу Мдзымты, потомъ идетъ по одному изъ ея притоковъ, переваливается черезъ водораздѣлъ и спускается по притоку Сочи къ тому мѣсту, гдѣ находится аулъ Хаджи-Берзека, главнаго лица у Убыховъ и нашего закоренѣлаго врага.

Это направленіе нашего движенія вполнѣ соотвѣтствовало цѣли экспедиціи, т. е. наказанію Убыховъ; но для этого нужно было имѣть твердые пункты для складовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога отходитъ отъ Мдзымты и гдѣ выходитъ къ р. Сочѣ. Для этого не было ни времени, ни средствъ. Береговой же путь имѣлъ для насъ большія выгоды. Разстояніе тутъ только 28 верстъ, и мы могли имѣть содѣйствіе нашей эскадры: больные и раненые могли быть отправляемы немедленно на суда и находить тамъ удобное помѣщеніе и медицинскую помощь. Это значительно облегчало наше движеніе и давало возможность имѣть въ бою части въ большемъ составѣ. Анрепъ рѣшилъ произвести движеніе войскъ по *береговому пути*.

---

[1] Русск. Арх. 1884 г., стр. 213—215.

7-го октября погода была тихая: море, какъ зеркало: днемъ легкій юго-восточный, а ночью береговой вѣтерокъ обѣщали постоянную погоду. Барометръ стоялъ очень высоко. Контръ-адмиралъ Станюковичъ, начальникъ эскадры, ручался за трое сутокъ хорошей погоды.»

«8-го октября, за два часа до свѣта, отрядъ выступилъ слѣдующимъ порядкомъ: авангардъ подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева: —первый баталіонъ Тенгинскаго полка, сводный линейный, 100 пластуновъ 6-го пѣшаго казачьяго полка, команда саперъ, два горныхъ четверть-пудовыхъ единорога, двѣ ручныхъ мортирки и пѣшія милиціи: Гурійская и Мингрельская.

Арьергардъ—состоящаго по арміи подполковника Данзаса: 2-й баталіонъ Тенгинскаго полка, 2-й баталіонъ Бѣлостокскаго полка, два горныхъ четверть-пудовыхъ единорога и пѣшая Абхазская милиція.

Въ колоннѣ, подъ начальствомъ Прагскаго полка подполковника Леонтьева, слѣдовали баталіоны: 4-й Тенгинскаго, 2-й Брестскаго и 2-й Виленскаго, 8 горныхъ трехфунтовыхъ единороговъ, 2 ручныхъ мортирки, 6-й и 7-й пѣшіе казачьи полки и вся конная милиція.

Правое прикрытіе отряда, подъ начальствомъ командира Тенгинскаго полка полковника Хлюпина, составили: 3-й баталіонъ Тенгинскаго, 2-й баталіонъ Литовскаго полка, сотня пластуновъ 7-го казачьяго пѣшаго полка и пѣшая Имеретинская милиція.

Вся эскадра снялась съ якоря вмѣстѣ съ отрядомъ; пароходы взяли на бокштовъ корабль *«Трехъ іерарховъ»*, и фрегатъ *«Агатополь»*, которые на ближній картечный выстрѣлъ отъ берега потянулись впереди авангарда; мелкія суда эскадры распредѣлены были при авангардѣ и сзади арьергарда. При выходѣ къ устью долины р. Агура, Муравьевъ сильно атаковалъ правый берегъ, занятый непріятелемъ, и, послѣ живой перестрѣлки, занялъ оный 1-мъ баталіономъ Тенгинскаго полка и пѣшими милиціями. Солнце сѣло, и отрядъ расположился на почлегъ. Большой переходъ 8-го числа утомилъ войска, и потому 9-го октября отрядъ двинулся въ часъ пополудни. Въ то же самое время непріятель, собравшись противъ праваго берега р. Агура, атаковалъ на высотахъ первый баталіонъ Тенгинскаго полка и двѣ роты сводного линейнаго баталіона; перестрѣлка усиливалась; толпы горцевъ стекались безпрестанно къ этому мѣсту. Однакожъ, непріятель былъ опрокинутъ, и милиціонеры преслѣдовали его по лѣсистому берегу р. Агура.

Утро 10-го октября началось сильною перестрѣлкою на всемъ протяженіи праваго прикрытія. Ночью непріятель имѣлъ время

скрытно собрать тутъ всѣ свои силы. Первыя усилія обращены были противъ 3-го и 4-го баталіоновъ Тенгинскаго полка, отдѣленныхъ глубокимъ оврагомъ. Въ помощь этимъ баталіонамъ посланъ тотчасъ же 6-й пѣшій казачій полкъ съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ, пока при движеніи отряда вытянутся чрезъ оврагъ остальныя войска праваго прикрытія. Скоро замѣтили, что горцы имѣютъ впереди завалъ, командующій нашею позиціею, и изъ-за него ведутъ перестрѣлку, въ коей вся выгода на ихъ сторонѣ. Барабанъ ударилъ, и храбрые Тенгинцы въ одну минуту выбросили горцевъ изъ ихъ убѣжища. Но непріятель отступилъ далѣе и, укрывшись за новымъ заваломъ, еще усилилъ стрѣльбу. Командующій 3-мъ баталіономъ Тенгинскаго полка, маіоръ Хромовъ, немедленно устремился туда, овладѣлъ заваломъ и расположился за нимъ, имѣя впереди себя довольно открытое мѣсто, на которомъ непріятель не могъ удержаться, а съ правой стороны—непроходимый оврагъ. Лѣвую сторону, болѣе открытую, прикрыли двѣ роты своднаго баталіона, высланныя на ближайшія къ морю возвышенности изъ авангарда, надъ коимъ начальство принялъ Н. Н. Муравьевъ, только что освободившійся отъ пароксизма лихорадки.

Между тѣмъ непріятель, въ огромныхъ массахъ, велъ отчаянную атаку на баталіоны Виленскій и Бѣлостокскій на мѣстности, удобной для движеній и составляющей довольно отлогую покатость. Вѣроятно, немногимъ на Кавказѣ удалось слышать такой батальный огонь горцевъ, какой Убыхи открыли по всей линіи, прежде чѣмъ бросились въ шашки. Виленцы и Бѣлостокцы приняли ихъ тѣмъ же, и вслѣдъ затѣмъ Виленскій баталіонъ, съ единодушнымъ «ура!» ударилъ въ штыки и опрокинулъ непріятеля. Но здѣсь горцы были, по крайней мѣрѣ, вчетверо сильнѣе насъ: ихъ велъ самъ Хаджи-Берзекъ, который отчаяннымъ усиліемъ хотѣлъ непремѣнно прорвать наше прикрытіе. Толпы горцевъ остановились и, продолжая усиленную перестрѣлку, собирались для новаго натиска.

Въ продолженіе этого времени, 3-й и 4-й баталіоны Тенгинскаго полка, составлявшіе голову праваго прикрытія, овладѣли двумя завалами. Это движеніе увлекло ихъ далеко впередъ отъ остальной линіи праваго прикрытія, такъ что они очутились совершенно неожиданно въ тылу непріятеля, готовившагося къ новой атакѣ противъ Виленскаго и Бѣлостокскаго баталіоновъ. Командующій 3-мъ баталіономъ Тенгинскаго полка, маіоръ Хромовъ, немедленно открылъ сильный батальный огонь по толпамъ горцевъ въ тылъ и во флангъ. Поражаемые съ трехъ сторонъ и не имѣя возмож-

пости броситься на Тенгинцевъ, отдѣленныхъ узкимъ, но глубокимъ оврагомъ. Убыхи дрогнули, смѣшались; Виленцы и Бѣлостокцы воспользовались мгновеніемъ и, съ громкимъ «ура!» ударили въ штыки. Убыхи обратились въ бѣгство, оставляя за собою множество своихъ убитыхъ; наши войска преслѣдовали ихъ съ полверсты и, остановясь на уступѣ горы, вошли въ линію съ Тенгинскими баталіонами.

Такъ разбился напоръ 5 т. Убыховъ, шедшихъ съ твердою увѣренностью въ успѣхѣ. Послѣ, чрезъ лазутчиковъ, узнали, что Хаджи-Берзекъ хотѣлъ еще разъ вести Убыховъ въ атаку, но его не допустили, и онъ, оставляя сборище, сказалъ: «теперь дерись кто хочетъ, а я ѣду домой.» [1]

«О серьезномъ же движеніи съ нашей стороны въ землю Убыховъ нельзя было и думать»,—пишетъ Г. И. Филипсонъ,[2]— «такъ какъ санитарное состояніе отряда было далеко неудовлетворительно; въ виду этого, начальникъ береговой линіи генералъ Анрепъ рѣшилъ завершить эту экспедицію постройкой башни въ Навагинскомъ укрѣпленіи, и когда все пришло въ порядокъ и нужно было выступить къ Навагинскому укрѣпленію—авангарда Н. Н. Муравьева не оказалось. Онъ ушелъ впередъ, несмотря на неоднократныя приказанія Анрепа остановиться. Поэтому былъ выставленъ новый авангардъ, и отрядъ двинулся; но не успѣлъ онъ пройти съ версту, какъ Н. Н. Муравьевъ пріѣхалъ одинъ на Азовскомъ баркасѣ.»—«Онъ успѣлъ уже съ своимъ авангардомъ прибыть въ укрѣпленіе Навагинское и съ своею обыкновенною быстротою устремился на гору, командующую укрѣпленіемъ. Движеніе Муравьева было такъ быстро, что непріятель не успѣлъ тамъ собраться; гора занята безъ выстрѣла.» [3] —«Когда Муравьевъ»,—продолжаетъ Г. И. Филипсонъ,—«вышелъ изъ баркаса съ обнаженной шашкой и съ парой пистолетовъ за поясомъ, очень нетвердымъ шагомъ и въ весьма возбужденномъ состояніи, то на вопросъ Анрепа, гдѣ его авангардъ и зачѣмъ онъ такъ удалился отъ отряда, отвѣтилъ, что онъ ходитъ не нѣмецкимъ, а муравьевскимъ шагомъ.

Наконецъ войска прибыли въ Навагинское укрѣпленіе, заняли свои мѣста, и отрядъ представилъ грозный лагерь по высотамъ и въ долинѣ р. Сочи. Громкія пѣсни во всемъ лагерѣ окончили этотъ замѣчательный трехдневный бой.

[1] Акты, собран. Кавказск. Археогр. Ком. Тифлисъ. 1844 г., т. IX, стр. 515—517.
[2] Русск. Арх. 1884 г., стр. 221—222.
[3] Акты, собран. Кавказск. Археограф. Коммиссіею, стр. 518.

Съ постройкой башни, Анрепъ отдалъ флоту приказъ, объявляющій, что 12-го ноября отрядъ будетъ готовъ къ посадкѣ на суда для перевоза въ Черноморіе и Севастополь. Но страшное затрудненіе предстояло въ перевозкѣ лошадей, которыхъ при отрядѣ было 2500 милиціонерскихъ, артиллерійскихъ, всякаго рода казенныхъ и офицерскихъ. Если бы даже перевозка эта потребовала огромнаго количества транспортныхъ судовъ, то едва ли могла быть сдѣлана въ такое позднее время года и на открытомъ рейдѣ. Муравьевъ предложилъ отправить всѣхъ лошадей ночью по берегу моря. Счастливое обстоятельство благопріятствовало этому болѣе чѣмъ смѣлому предпріятію. Въ началѣ ноября у горцевъ рамазанъ. Они ничего не ѣдятъ днемъ, но за то объѣдаются ночью. Всѣ распоряженія были сдѣланы въ возможной тайнѣ. По сигналу всѣ лошади выведены на берегъ моря 10-го ноября, часовъ въ 9 вечера, и генералъ Муравьевъ двинулся съ ними по берегу, сохраняя возможную тишину. Плескъ моря отъ небольшаго прибоя и темная ночь способствовали сокрытію этого движенія. Можно себѣ вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали извѣстія изъ укрѣпленія Св. Духа и изъ Гагръ. Десятка два-три горцевъ могли остановить и даже уничтожить эту беззащитную конницу. Къ счастію, у горцевъ не было даже карауловъ. Муравьевъ проѣхалъ рысью до укрѣпленія Св. Духа безъ выстрѣла, отдохнулъ тамъ полчаса и двинулся въ Гагры. Здѣсь, передъ разсвѣтомъ, говорятъ, было нѣсколько выстрѣловъ съ горъ, но безъ потери. Конная колонна благополучно пришла въ Абхазію. Это была большая услуга генерала Муравьева отряду, и такое предпріятіе было совершенно въ его характерѣ. 12-го ноября прибылъ флотъ, началась амбаркація, а 15-го эскадра снялась съ якоря, и экспедиція этого года была кончена.»[1] Всѣ предположенія болѣе или менѣе были выполнены, исключая движенія внутрь земли Убыховъ, на чемъ очень настаивалъ Муравьевъ, если припомнить строки изъ его письма къ брату, отъ 22-го октября 1840 года: «.... мы непремѣнно должны быть въ ихъ землѣ съ огромною конницею и множествомъ милиціи; должны быть съ такими средствами, чтобъ намъ легко было не только пройти, но и останавливаться, на сколько нужно, за 50 и 60 верстъ отъ берега моря.»

По окончаніи этой экспедиціи, Н. Н. Муравьевъ возвратился въ Бомборы, и отъ 15-го октября шлетъ оттуда письмо брату Валеріану Николаевичу, по поводу выраженнаго имъ неудовольствія на брата Александра Николаевича. «Я очень удивляюсь въ

[1] Русск. Арх. 1884 г., стр. 221—222.

письмѣ твоемъ недостатку философіи, которая была твоею постоянною принадлежностью; ты сердишься на брата Александра, разумѣется, за то, что онъ приписываетъ твое бездѣйствіе въ экспедиціи чувству самосохраненія: вспомни же только, что онъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о достоинствахъ военныхъ; ему кажется весьма умно и полезно отстраняться отъ опасности, и онъ чистосердечно радуется, полагая, что ты самъ отстранялся; напрасно ты воображаешь, что это мнѣніе его можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе на твою репутацію, а между тѣмъ я ему растолкую въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, какъ онъ ошибается. Что же касается слуховъ, дошедшихъ до него стороною, то развѣ только Вергинъ [1] могъ ему въ этомъ смыслѣ что-нибудь дать понять, но тогда уже, разумѣется, объ насъ обоихъ. Въ 1830 году батюшка меня увѣрялъ, что Николай Николаевичъ Муравьевъ показалъ себя въ Турецкую кампанію трусомъ! Послѣ этого возможно ли избѣгнуть злоязычія, хотя, впрочемъ, оно не дѣлаетъ и никакого вреда, ибо Николай Николаевичъ Муравьевъ былъ послѣ того, 37 лѣтъ, корпуснымъ командиромъ. Разумѣется, что я разувѣрю всѣхъ тѣхъ, кто бы о тебѣ былъ этого мнѣнія, но рѣшительно удивляюсь, какъ ты можешь эти пустяки принимать такъ близко къ сердцу. Здѣсь, однакожъ, мимоходомъ скажу тебѣ чистосердечно, что, по твоему суровому обхожденію и вообще по извѣстнымъ мнѣ правиламъ твоимъ въ этомъ отношеніи, конечно, найдется много людей, которые скажутъ о тебѣ скорѣе худо, чѣмъ хорошо, просто потому только, что ты не сумѣлъ ихъ расположить къ себѣ; не сердись, или я въ этомъ случаѣ сравню тебя нѣсколько съ дядею Александромъ Николаевичемъ, который, будучи честнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ, прослылъ взяточникомъ только изъ нерасположенія къ нему толпы: *нельзя пренебрегать и толпою, лучше имѣть ее въ пользу свою, чѣмъ противъ.*

Ты напрасно Кокума надоумилъ, чтобъ онъ просилъ у меня парохода; ты знаешь вѣдь мой недостатокъ въ углѣ, но сверхъ того я отправляюсь сегодня самъ на пароходѣ вторично въ укрѣпленія, гдѣ меня ожидаютъ переговоры съ самимъ Хаджи-Берзекомъ; а сверхъ того еще Кокуму надобно проѣхать сухимъ путемъ, чтобъ ознакомиться за однимъ разомъ со всею южною частію отдѣленія, куда я съ нимъ уже не поѣду.

Не думаю, чтобъ поѣздка Граббе въ Петербургъ могла имѣть вліяніе на мою туда поѣздку; плохой бы я былъ ему

[1] Адъютантъ князя Меньшикова.

тамъ супостатъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній о ходѣ дѣлъ на Кавказской линіи и не зная никакихъ мнѣній Евгенія Александровича. Впрочемъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемое письмо твое къ 20-му декабрю объяснитъ мнѣ всѣ обстоятельства: къ этому дню я возвращусь послѣ переговоровъ съ Берзекомъ, а послѣ 20-го декабря поѣду въ третій разъ по сѣвернымъ укрѣпленіямъ вмѣстѣ съ Кокумомъ, который до тѣхъ поръ пробудетъ въ Сухумѣ. Саша сообщаетъ мнѣ вѣсть, что вмѣсто Георгія дали мнѣ Владиміра 3-й степени. Я очень доволенъ, другой разъ не дадутъ..

Отъ 21-го же декабря Н. Н. Муравьевъ такъ увѣдомляетъ о выѣздѣ своемъ въ Тифлисъ: «Не смотря на всѣ тяжкіе недуги, меня удручающіе, я пускаюсь въ Тифлисъ съ величайшимъ удовольствіемъ, именно чтобъ видѣться съ Евгеніемъ Александровичемъ, и, надѣюсь, что поѣздка эта не сдѣлаетъ худого вліянія на мое здоровье, ибо отправляюсь въ веселомъ духѣ и съ большою охотою. Отсюда могу я выѣхать дни черезъ три или четыре, но никакъ не располагаю явиться въ Тифлисъ въ Новый годъ, развѣ вечеромъ; ибо хотя Евгеній Александровичъ по расположенію своему и проститъ, что у меня нѣтъ парадная мундира, но мнѣ не хочется отличаться этою неформенностію передъ другими при большомъ годовомъ выходѣ. Очень благодарю тебя за распоряженіе о коляскѣ; для меня это при грудной моей боли не только весьма полезно, но даже необходимо, путешествіе же мое я располагаю точно такъ, какъ ты пишешь, но не знаю, гдѣ ты достанешь для меня шляпу; на всякій случай я привезу свой генеральскій жгутикъ, а Циммермана, разумѣется, жаль таскать по горамъ и иногда по высокимъ.

Но въ письмѣ твоемъ ко мнѣ ты сдѣлалъ весьма важное упущеніе: ты не пишешь, получено ли въ Тифлисѣ мое прошеніе объ отпускѣ! Теперь, по случаю поѣздки моей въ Тифлисъ, отъѣздъ мой за море всячески замедлится, а потому, если получено мое прошеніе и до сихъ поръ еще не отправлено въ Петербургъ, то распорядись, пожалуйста, *чтобъ немедленно туда отправили, и я уже буду ожидать разрѣшенія изъ Петербурга.*

Со мною ѣдетъ дѣловой адъютантъ,—это необходимо, ибо я много привезу съ собою бумагъ; не знаю, могу ли я помѣститься въ Прибылевомъ домѣ; впрочемъ, мнѣ въ Тифлисѣ нельзя пробыть и 10 дней; слѣдовательно, на это короткое время вездѣ помѣститься можно. Я полагаю у васъ пробыть 2, 3, 4, 5, 6 и 7 января, а 8-го въ обратный путь, чтобы къ 15-му быть здѣсь обратно.»

XIII.

Отъѣздъ Н. Н. Муравьева въ отпускъ.—Письма его къ брату.

—

1842 г.

—

Утомленный боевой жизнью, Николай Николаевичъ Муравьевъ вынужденъ былъ просить объ увольненіи его въ четырехмѣсячный отпускъ въ Петербургъ для поправленія разстроеннаго здоровья, вслѣдствіе понесенныхъ имъ трудовъ и полученныхъ ранъ; въ ожиданіи же давно желаемаго отпуска, онъ, по своему нравственному складу, не переставалъ заботиться обо всемъ, что̀ касалось его служебныхъ обязанностей и семейныхъ дѣлъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его обычная переписка съ братомъ Валеріаномъ Николаевичемъ за 1842 годъ.

Кутаисъ, 15-го января. «Весьма благополучно доѣхалъ я сюда вчера вечеромъ, не смотря на проливной дождь, снѣгъ и прочія воздушныя перемѣны: но жестокій сѣверный вѣтеръ задержалъ меня здѣсь весь сегодняшній день, и я выѣзжаю далѣе завтра съ разсвѣтомъ. Слышу по дорогѣ и въ Кутаисѣ, что Кокумъ принялся пресерьезно за фрунтъ и намѣренъ *довести* линейные баталіоны; это выраженіе техническое, котораго ты, можетъ быть, и не знаешь, но Евгенію Александровичу оно знакомо. Въ мѣру не худо заняться и фронтомъ, но *доводить* опасно, а въ особенности жаль, если начальникъ 3-го отдѣленія только этимъ будетъ заниматься.

Трехнедѣльное мое настоящее отсутствіе изъ Бомборъ весьма полезно, ибо, возвратившись, я увижу хозяйскимъ глазомъ, какъ дѣйствуетъ Кокумъ; но если, паче чаянія, найду, что это управленіе не его мастерство, то сердись не сердись, а я собою пожертвую и готовъ отказаться отъ отпуска, чтобъ не оставить 3-го отдѣленія на съѣденіе, ибо спокойствіе этого края слишкомъ

тѣсно связано со спокойствіемъ всѣхъ нашихъ восточныхъ Закавказскихъ владѣній, чтобъ можно было оставить его въ рукахъ, умѣющихъ только дѣлать ружейные пріемы. Зная Кокума за человѣка смышленаго, я еще не теряю надежды, что, ознакомившись съ дѣломъ, онъ поумѣритъ свои предположенія; но признаюсь, что мнѣ уже очень не нравится, что онъ ѣхалъ въ 3-е отдѣленіе совершеннымъ преобразователемъ, такъ гласятъ по всей дорогѣ: заведеніе школъ, распространеніе христіанской вѣры, обложеніе податьми и доведеніе баталіоновъ—были у него постоянно на языкѣ. Всѣ эти вещи очень хорошія и благонамѣренныя; но бѣда за нихъ приниматься какъ за цѣль своего назначенія, и особенно бѣда дѣлать эту цѣль гласною.

Пожалуйста, письма моего никому не сообщай, кромѣ Евгенія Александровича, но если получишь отъ меня извѣстіе, что я остаюсь въ отдѣленіи и не ѣду въ отпускъ, то уже знай настоящую тому причину; а болѣе объ этомъ предметѣ ни къ тебѣ и ни къ кому писать не буду. Да будетъ надо мной воля Божія, а долгъ мой я исполню и дѣла своего не оставлю въ руки невѣдущія; напротивъ же, если я поѣду въ отпускъ, то Кокума надобно тотчасъ представить въ полковники за прежнюю его службу въ Нижегородскомъ полку, ибо это будетъ знакомъ, что онъ годенъ для 3-го отдѣленія, а безъ этого чина нельзя его и представлять къ назначенію на мое мѣсто, когда получатся извѣстія отъ меня изъ Петербурга.»

Укрѣпленіе Бомборы, 4-го февраля. «До сихъ поръ я отпускъ свой ожидаю. Всѣ преобразовательныя предположенія Кокума ограничиваются, кажется, улучшеніемъ фронтовой части въ баталіонахъ, и за это ему спасибо; это будетъ нелишнее, и объ умѣренности, и въ этомъ отношеніи, я его ежедневно предупреждаю; и потому я, кажется, могу уѣхать безопасно, тѣмъ болѣе, когда возьму съ собою человѣкъ 10 Джигетъ самыхъ значительныхъ и сдѣлаю уговоръ съ Берзеками, хотя тайный, но довольно вѣрный. У меня рождаются большія сомнѣнія относительно пріемовъ меня въ Петербургѣ, какъ въ домашнемъ, такъ и въ служебномъ отношеніи. Медленность моего отпуска добраго не возвѣщаетъ. Коцебу, я думаю, тоже не пожалѣлъ своихъ изворотливыхъ намековъ противъ меня. Впрочемъ, на все воля Божія, а я все-таки ожидаю отпуска съ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ твоего увѣдомленія, имѣется ли вѣрное свѣдѣніе о возвращеніи Коцебу, которому срокъ отпуска кончается съ февралемъ.

Къ Евгенію Александровичу передъ отъѣздомъ я пришлю нѣкоторыя предположенія мои относительно 3-го отдѣленія, если

онъ разрѣшитъ мнѣ говорить объ нихъ въ Петербургѣ; и если тамъ согласятся, то мнѣ уже лучше возвратиться сюда, чѣмъ ѣхать въ Дагестанъ; но обо всемъ этомъ мы увидимъ съ первыхъ пріемовъ въ Петербургѣ. Джигетовъ и другихъ народовъ собирается со мною довольно много, но боюсь встрѣтить препятствіе къ ихъ отправленію изъ Керчи, откуда я уже почти два мѣсяца никакихъ извѣстій не имѣю. На дняхъ былъ я въ Геленджикѣ за углемъ и видѣлъ тамъ графа Оппермана, который еще не дождался своего преемника и собирается уѣхать не прежде марта. Тамъ слышалъ я, что пароходъ Анрепа потерся около льда и для исправленія пошелъ въ Севастополь, а потому намъ здѣсь нѣтъ надежды скоро дождаться его превосходительства, и я, вѣроятно, увижусь съ нимъ въ Керчи, если отпускъ получится.»

Укрѣпленіе Бомборы, 11-го февраля. «Получивъ всѣ необходимыя бумаги, я выѣзжаю отсюда 15-го числа. Кокумъ познакомился съ нашимъ дѣломъ и, какъ человѣкъ смышленый, сумѣетъ управиться, въ особенности же у него будутъ въ исправности войска, а поднять ихъ будетъ нелишнее. Не знаю, чѣмъ окончится моя поѣздка, но она меня очень заботитъ, и на сердцѣ лежитъ камень, покуда не отправлюсь въ Петербургъ. Послѣднее письмо Евгенія Александровича также неутѣшительно, но если вся бѣда наша ограничится тѣмъ, чтобъ на Кавказъ не возвращаться, то это еще нестрашно.

Всѣ твои замѣчанія, при составленіи домашняго акта, я принялъ къ свѣдѣнію и надлежащему, гдѣ слѣдуетъ, руководству; но повторяю, что все-таки братъ Александръ долженъ быть во всемъ этомъ главнымъ медіатромъ; я скажу только мое мнѣніе, гдѣ потребуется, и изъявлю согласіе, гдѣ будетъ нужно и прилично. Недѣли черезъ двѣ пиши мнѣ, пожалуйста, въ Петербургъ, какъ о дѣлахъ собственно Тифлисскихъ, такъ и о ходѣ представленій Анрепа, надписывая адресъ къ Сашѣ.

Въ Петербургѣ, по всѣмъ расчетамъ, я надѣюсь быть 10—15 марта, отпускъ же мой начнется съ 1-го марта, и, слѣдовательно, четыре мѣсяца кончатся 1-го іюля; возвращаться же въ іюлѣ для здоровья очень невыгодно, а потому мнѣ придется во что бы то ни стало выпросить отсрочку хоть на $2^1/_2$ мѣсяца, т. е. по 15-е сентября съ тѣмъ, чтобъ выѣхать изъ Петербурга въ первыхъ онаго числахъ. Отсрочка эта мнѣ необходима во всѣхъ случаяхъ, т. е. и при всякомъ новомъ назначеніи. До конца сентября въ Дагестанѣ, вѣроятно, будетъ дѣйствовать Фези, и мнѣ, право, неудобно быть подъ его начальствомъ; послѣ же отбытія огромныхъ отрядовъ, я готовъ возиться съ Шамилемъ

собственными средствами и независимо ни отъ кого, иначе какъ отъ Евгенія Александровича. Въ случаѣ назначенія начальникомъ штаба, разумѣется, мнѣ пришлось бы пріѣхать въ Тифлисъ гораздо ранѣе, т. е., можетъ быть, и въ іюнѣ; но если есть возможность, не огорчая Евгенія Александровича, пріѣхать позже, то было бы лучше. Въ то же время я не покидаю мысли о командованіи гренадерскою бригадою, если она будетъ вакантною, и прошу тебя убѣдительно слѣдить за этимъ дѣломъ, особенно если Коцебу возвращается. Въ 3-е же отдѣленіе я могу охотно возвратиться только въ такомъ случаѣ, когда всѣ мои предположенія въ Петербургѣ будутъ приняты.»

14-го февраля. «Завтра я снимаюсь съ якоря и около 20-го буду въ Керчи, а въ Петербургѣ между 10—15 мартомъ, какъ выше сказано. Прощай, до свиданія, лѣчись какъ слѣдуетъ.»

Керчь, февраля 22-го. «Наконецъ я здѣсь и принятъ такъ дружески, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи пробыть нѣсколько дней. Субошинскіе Убыхи покоряются; ты узнаешь это подробно отъ Евгенія Александровича, и вотъ послѣдняя, но едва ли не лучшая, новость, которую я могу тебѣ сообщить изъ 3-го отдѣленія. Генералъ Анрепъ отправляется въ фортъ Головинскій съ подарками, приметъ ихъ присягу и аманатовъ, а я не могу терять времени и на дняхъ отъѣзжаю по прямой дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ непремѣнно долженъ быть въ половинѣ марта.

Джигетскіе депутаты слѣдуютъ за мною, но явятся въ Петербургъ не прежде конца марта. Представленія здѣшнія пошли въ Тифлисъ; ты, говорятъ, представленъ къ чину, съ чѣмъ и поздравляю, но сдѣлай дружбу, всеусердно похлопочи, чтобы не перемѣнили представленія о Колюбакинѣ [1] старшемъ, который также представленъ къ чину штабсъ-капитана. Имѣя полное право говорить объ нашемъ отрядѣ, ты рѣшительно приступай къ Евгенію Александровичу, если вздумаютъ дѣлать невыгодныя измѣненія: но въ особенности о Колюбакинѣ, который, кромѣ своихъ двухъ ранъ, имѣетъ полное право на производство въ слѣдующій чинъ и потому, что въ настоящемъ онъ имѣетъ почти трехлѣтнее старшинство. Если вашъ Колюбакинъ [2] недоволенъ своимъ представленіемъ къ золотой саблѣ, то можно перемѣнить; но я бы совѣтовалъ ему взять эту награду, ибо въ ней и деньги и орденъ. Филипсонъ отказывается отъ отпуска, не могу не уважать его благонамѣренности и признаюсь, что не въ силахъ слѣдовать этому примѣру, хотя, какъ ты знаешь, я нѣсколько разъ за это принимался.»

---

[1] Михаилъ Петровичъ, штабсъ-кап., адъютантъ начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

[2] Николай Петровичъ—прапорщикъ, адъютантъ генераловъ Анрепа и Будберга.

XIV.

Слухъ о прибытіи военнаго министра на Кавказъ.—Письма Н. Н. Муравьева къ брату.—Прошеніе его къ графу Клейнмихелю объ отсрочкѣ отпуска.—Высочайшее соизволеніе.—Письма Муравьева къ брату.

—

1842 г.

—

«Вскорѣ послѣ отъѣзда Николая Николаевича Муравьева въ Петербургъ, по Кавказу разнесся слухъ», пишетъ Г. И. Филиппсонъ, [1] «о грозномъ прибытіи военнаго министра. Говорили, будто, отпуская его, Государь сказалъ, что предоставляетъ ему полное право смѣнять или удалять всѣхъ, кого признаетъ нужнымъ, *безъ всякаго исключенія.*» Послѣднее относили къ главнымъ лицамъ, и особенно къ Граббе и Головину. И дѣйствительно, слухи эти вполнѣ подтвердились, что̀ мы видимъ изъ слѣдующаго письма Н. Н. Муравьева къ брату его Валеріану Николаевичу, изъ Петербурга отъ 3-го апрѣля: «Вчера выѣхалъ отсюда къ вамъ князь Чернышевъ. Дай Богъ ему счастливаго пути и скораго возвращенія: но ты не долженъ откладывать своего лѣченія на водахъ. Между тѣмъ, если штабъ нашъ будетъ благоразуменъ, то нимало не откладывая, отправь сюда Убыхскія представленія. которыя тогда и успѣютъ выйти къ 1-му іюлю. Ты, вѣроятно, объ нихъ худо справлялся, ибо онѣ изъ Керчи отправлены были въ Тифлисъ 12-го февраля, слѣдовательно, должны были быть у васъ получены не позже 25-го, а теперь могли бы уже прійти сюда; право, этою негодною медленностію все у насъ портятъ, а тебя весьма полезно было бы поздравить нынче капитаномъ, т. е. подполковникомъ. Полагать должно по всѣмъ соображеніямъ, что служба твоя на Кавказѣ съ нынѣшнимъ

[1] Русск. Арх. 1884 г., стр. 334.

годомъ кончится, хотя бы и не для домашнихъ дѣлъ; но чинъ тѣмъ болѣе необходимъ для всякаго случая. Братъ Александръ произведенъ уже въ надворные совѣтники и собирается въ предсѣдатели палаты.

Объ себѣ я также напишу тебѣ опредѣлительно недѣли черезъ двѣ, но если домашнія дѣла примутъ желаемый оборотъ, то я, во всякомъ случаѣ, испросивъ двухмѣсячную отсрочку, уѣду 15-го мая въ Стоклишки, а здѣсь жить не по силамъ: денегъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, что я привезъ съ собою изъ Бомборъ, т. е. жалованья и столовыхъ за январьскую треть; а за майскую я могу получить только въ сентябрѣ, по возвращеніи уже на Кавказъ. Къ Андрею Францовичу [1] я хотѣлъ писать особо; но все равно, сообщи ему нижеслѣдующее, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ и къ Евгенію Александровичу пишу. Вслѣдствіе письма Евгенія Александровича о Деспмонѣ къ Уварову, [2] я самъ ѣздилъ къ нему и просилъ его отъ имени Евгенія Александровича о назначеніи Андрея Францовича главнымъ инспекторомъ Закавказскихъ училищъ; Уваровъ сказалъ мнѣ, что онъ, во первыхъ, не приступитъ къ этому назначенію прежде объѣзда края княземъ Чернышевымъ; что, во вторыхъ, хотя онъ и получилъ здѣсь о Деспмонѣ самыя благопріятныя свѣдѣнія, но лично его не знаетъ, и наконецъ, въ третьихъ, что Государю было бы пріятнѣе, чтобъ это мѣсто было занято военнымъ. Уваровъ не скрываетъ, что хотя ему бы очень пріятно было назначить на это мѣсто человѣка близкаго къ главноуправляющему, но что неизвѣстно, останется ли таковымъ Евгеній Александровичъ, и я по всему вижу, что это сомнѣніе есть главная причина его отговорокъ: по всему этому, мнѣ кажется, Деспмону лучше всего обождать въ настоящемъ своемъ постѣ проѣзда князя Чернышева; неловко же и Евгенію Александровичу перемѣнять директора въ самое это время: а, можетъ быть, по обстоятельствамъ все измѣнится къ лучшему.

Съ министромъ ѣдетъ полковникъ баронъ Вревскій, [3] человѣкъ вполнѣ благонамѣренный, благородный и способный; познакомься съ нимъ по пріѣздѣ его въ Тифлисъ и, распросивъ объ нашей береговой линіи, напиши, какъ имъ тамъ понравилось, и что они предположатъ хорошаго для моего отдѣленія, которое не перестаетъ меня очень и очень интересовать. Наши всѣ здоровы; батюшка все пишетъ, пишетъ и пишетъ.»

---

[1] Деспмонъ, надв. с., чиновникъ особыхъ порученій при генералѣ Е. А. Головинѣ.

[2] Графъ Уваровъ—министръ народнаго просвѣщенія.

[3] Баронъ Ипполитъ Александровичъ—подполковникъ Генеральнаго штаба.

Рядъ другихъ писемъ Николая Николаевича Муравьева изъ Петербурга вводитъ насъ, такъ сказать, въ его внутреннюю жизнь и въ то же время знакомитъ, въ общихъ чертахъ, съ положеніемъ его семейныхъ дѣлъ; о послѣднихъ должно замѣтить, что онѣ были весьма запутаны, такъ какъ отецъ Николая Николаевича, Николай Назарьевичъ, по старости, не могъ самъ управиться съ разстроенными имѣніями и передалъ ихъ дѣтямъ, которыя уже сообща должны были заботиться о поддержаніи своихъ матеріальныхъ средствъ. Николай Николаевичъ, какъ старшій и болѣе опытный, конечно, не могъ оставить своими попеченіями и наставленіями другихъ членовъ семьи.

Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля къ Валеріану Николаевичу, онъ говоритъ: «Братъ Александръ уже сообщилъ тебѣ объ окончаніи семейныхъ расчетовъ; все совершилось безъ моего участія; онъ одинъ и началъ и докончилъ; но теперь надобно спѣшить съ составленіемъ оффиціальныхъ актовъ, и прошу ему не спорить и не прекословить: это дѣло даетъ всему семейству вѣрный кусокъ хлѣба.

Дѣла политическія, вѣроятно, тебя не интересуютъ; впрочемъ у васъ теперь болѣе новостей, чѣмъ у насъ здѣсь: я могу только сказать, что, на общую вашу бѣду, Коцебу выѣзжаетъ сегодня обратно на Кавказъ;—разумѣется, что я съ нимъ не видался потому, во первыхъ, что онъ не удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ, а во вторыхъ, что еслибъ онъ и рѣшился ко мнѣ взобраться, то я бы его не принялъ. Тѣмъ не менѣе эта поѣздка его будетъ имѣть вліяніе и на мою службу: *я нахожу невозможнымъ быть полезнымъ службѣ, если съ перемѣною корпуснаго командира Коцебу останется начальникомъ штаба:* мнѣ нечего тебѣ разсказывать причины; ты его знаешь очень хорошо и знаешь всѣ мои сношенія съ корпуснымъ штабомъ, въ которомъ я постоянно имѣлъ одну подпору и одного защитника Евгенія Александровича: худы ли, хороши ли были мои дѣйствія въ 3-мъ отдѣленіи, не мнѣ судить, но Государь былъ доволенъ, и мнѣ остается благодарить только мою подпору;—при добромъ нашемъ старикѣ я дѣйствовалъ рѣшительно, въ мѣру моихъ силъ и способностей, и, зная его ко мнѣ довѣріе, я не останавливался распоряжаться и свыше моей власти (впрочемъ во всемъ и весьма неопредѣленной), было бы только на пользу службы. Не сомнѣваюсь, что я бы пріобрѣлъ довѣріе и другого корпуснаго командира, но при Коцебу это невозможно. Удивляюсь, почему, сходно желанію Евгенія Александровича, не произвели Иванова [1] въ генералы и

---

[1] Начальникъ Каспійской области.

не назначили начальникомъ штаба, тогда какъ Коцебу и самъ не хотѣлъ возвращаться. Еще я не унываю, воля Божія надъ нами, но теперь боюсь показаться на глаза Государю, тогда какъ прежде этого горячо желалъ: боюсь, чтобъ онъ не заговорилъ о возвращеніи, и какъ я ему буду отвѣчать послѣ всѣхъ милостей, которыми онъ меня осыпалъ? Въ настоящемъ положеніи дѣлъ я готовъ ему служить лучше въ Камчаткѣ, въ Ситхѣ, наконецъ на Новой землѣ; лучше готовъ по его приказанію занять самое ничтожное мѣсто, чѣмъ возвратиться на Кавказъ подъ вліяніе Коцебу! Тутъ дѣло не объ личности, но о пользѣ службы: впрочемъ, да будетъ воля Его святая!

Не могу дождаться моихъ Джигетовъ и Абхазцевъ, которыхъ Государь приказалъ поручить мнѣ на время бытности ихъ въ Петербургѣ; представь себѣ, что мнѣ безъ нихъ становится скучно, и представь себѣ, каково мнѣ будетъ прощаться съ ними навсегда, когда они будутъ возвращаться на Кавказъ, а я вынужденнымъ нахожусь здѣсь оставаться! Нѣтъ, я понимаю, почему Кавказъ меня любитъ—потому, что я его люблю со всѣми его лихорадками и лишеніями; тамъ я только могъ развернуться; тамъ я въ своей тарелкѣ; тамъ я только могу быть полезенъ своему Государю, и полезенъ такъ именно, какъ ему хочется. *Онъ мнѣ Самъ это сказалъ*—и я вѣрю, потому что Онъ одинъ понимаетъ Кавказъ какъ слѣдуетъ! И я лишаюсь всякой надежды возвратиться на Кавказъ! Какое сплетеніе обстоятельствъ!

Кланяйся и обними за меня всѣхъ нашихъ; не знаю, гдѣ-то судьба опять сведетъ, но вѣрнѣе за маленькимъ участкомъ, который теперь, по милости домашняго переворота, и мнѣ достанется. Засвидѣтельствуй мое почтеніе Евгенію Александровичу и Елизаветѣ Павловнѣ; не смѣю безпокоить его теперь моими письмами; онъ вѣрно очень занятъ, а я ничего пріятнаго ему сообщить не имѣю.»

27-го апрѣля. «Изъ письма твоего къ Сашѣ и ко мнѣ, а равно изъ письма Десимона, я съ удовольствіемъ вижу, что лихорадка твоя ослабѣла; помни однакожъ хинную соль и чти ее. Въ письмѣ твоемъ я опять встрѣчаю сомнѣніе о поѣздкѣ на теплыя воды; развѣ онѣ тебѣ ненужны, что ты объ нихъ такъ мало заботишься? Если ты избавился отъ другихъ своихъ недуговъ и остался только съ лихорадкою, то, разумѣется, перемѣна климата тебѣ еще больше поможетъ, чѣмъ теплыя воды; но, во всякомъ случаѣ, тебѣ непремѣнно надобно выѣхать изъ Закавказья не позже какъ въ концѣ мая. Пріѣздъ твой сюда въ іюнѣ или въ іюлѣ совершенно необходимъ, и Евгеній Александровичъ можетъ тебя отпу-

ситить за болѣзнію въ отпускъ во всякое время. Разумѣется, что по общему порядку, нынѣ для всѣхъ принятому, если ты будешь произведенъ въ капитаны за Убыхскую экспедицію, то получишь старшинство съ 8-го октября 1841 года и можешь подавать въ тотъ же день въ отставку съ чиномъ полковника; но это едва ли нужно, а лучше всего быть переименованнымъ къ статскимъ дѣламъ и причисленнымъ къ какому-нибудь министерству,—тогда ты при хозяйственныхъ своихъ занятіяхъ, все-таки и безъ хлопотъ, будешь черезъ пять лѣтъ статскимъ совѣтникомъ, т. е. однимъ выстрѣломъ будешь стрѣлять двухъ птицъ. Надобно, чтобъ четырехмѣсячный отпускъ твой начался съ 1-го іюля, и тогда ты успѣешь здѣсь все сдѣлать во-время, но чѣмъ раньше ты сюда пріѣдешь, тѣмъ будетъ лучше. Намъ необходимо было бы здѣсь съ тобою встрѣтиться, и въ концѣ іюня или въ началѣ іюля это должно случиться; ибо я именно рѣшился теперь по послѣднему твоему письму не выѣзжать въ Стоклишки прежде іюля, чтобъ дождаться здѣсь тебя или рѣшительнаго письма твоего.

Актъ нашъ домашній долженъ совершиться на этой недѣлѣ; но дѣло, какъ ты знаешь, уже давно рѣшено между батюшкою и братомъ Александромъ; ты напрасно воображаешь, что можешь приступать къ хозяйственнымъ распоряженіямъ изъ Тифлиса: это было бы то же, что распоряжаться Кавказомъ изъ Петербурга,— а мы уже знаемъ, къ чему ведутъ отдаленныя распоряженія. Теперь наше домашнее положеніе сдѣлалось совершенно независимо, т. е. никто другъ отъ друга не зависитъ. Всякій избираетъ себѣ путь какой ему угодно и не стѣсняется общимъ ходомъ дѣлъ; а управляющій, дѣйствуя въ мѣру своихъ силъ и способностей, во ввѣренныхъ ему имѣніяхъ и угодьяхъ, принимаетъ на себя эту обязанность и исполняетъ ее съ извѣстными для себя выгодами до тѣхъ поръ, покуда ему угодно, и до тѣхъ поръ, разумѣется, покуда это сообразно съ его собственными выгодами. Въ этомъ состоитъ главное основаніе дѣла. Теперь будемъ говорить съ тобою въ частности: предполагалось, что тебѣ удобно принять на себя общее управленіе имѣніями и дѣлами, и я согласенъ съ этимъ, именно въ томъ случаѣ, если ты, переименовавшись къ статскимъ дѣламъ, не будешь ничего терять на службѣ. Братъ Александръ наши дѣла блистательно окончилъ и сдѣлалъ для семейства *безвозмездно* въ послѣдніе два года болѣе, чѣмъ мы съ тобою.

Кто возьметъ на себя званіе управляющаго, тотъ неминуемо долженъ за него взяться въ томъ положеніи, въ какомъ дѣла существуютъ, и дѣйствовать по совѣсти (но не изъ одолженія

кому-либо) къ улучшенію имѣній и увеличенію доходовъ: разумѣется, лучше и полезнѣе, чтобъ имѣніемъ управлялъ одинъ изъ членовъ семейства, т. е. одинъ изъ участниковъ этого имѣнія; но еслибъ никто изъ насъ не хотѣлъ за это взяться, то никто не можетъ и принуждать, и тогда общими силами придется отыскать посторонняго честнаго и способнаго человѣка. Между тѣмъ, однакожъ, при совершеніи акта и въ первое наше засѣданіе до пріѣзда твоего, или до другого назначенія, необходимо намъ просить брата Александра принять на себя общее завѣдываніе дѣлами не иначе однакожъ, какъ на тѣхъ основаніяхъ и съ тѣми выгодами, которыя для управляющаго установлены будутъ. Изъ этого ты уже видишь, что чѣмъ скорѣе ты сюда пріѣдешь, тѣмъ будетъ лучше, ибо это управленіе до пріѣзда твоего будетъ только *временное*, а черезъ это, разумѣется, для брата Александра стѣснительное. Управлять имѣніями приходится непремѣнно одному изъ насъ трехъ бездомныхъ, а двумъ остальнымъ искать существованія въ службѣ, по крайней мѣрѣ до 1845 года; и приняться за управленіе имѣніемъ приходится одному изъ насъ трехъ изъ личной необходимости на первые два или три года, кромѣ желанія устроить свою часть вмѣстѣ съ прочими на будущія времена!

Начнемъ же по старшинству. *Я, т. е. Николай*, съ моимъ чиномъ и нѣкоторою извѣстностію, а равно и умѣренностію, могу занять такое мѣсто въ службѣ, что жалованья мнѣ будетъ достаточно на содержаніе; и въ крайности могу даже возвратиться въ Абхазію. *Ты, т. е. Валеріанъ*, не имѣешь въ виду съ настоящимъ и даже будущимъ твоимъ чиномъ никакого мѣста, которое бы на первые два года обезпечило твое содержаніе. *Онъ, т. е. Александръ*, получилъ уже предложеніе въ предсѣдатели Казенной Палаты, но долженъ на это рѣшиться какъ можно скорѣе и, можетъ быть, отправиться къ новому мѣсту своему (которое, конечно, обезпечитъ его существованіе) лѣтомъ нынѣшняго года. Такимъ образомъ оказывается, что, для удовлетворенія своихъ первыхъ надобностей на два или на три года, *тебѣ* неминуемо приходится принять на себя управленіе имѣніями, а никому другому: ибо содержаніе, какъ управляющаго только, можетъ тебя достаточно обезпечить; а жалованьемъ по чину, какъ ты самъ знаешь, ты существовать не можешь. Имѣя всѣ эти обстоятельства въ виду, я и повторяю, что тебѣ надобно сюда пріѣхать скорѣе, чтобъ не стѣснить брата Александра въ его благопріятныхъ служебныхъ обстоятельствахъ; но еслибъ ты перемѣнилъ свое намѣреніе и по какому-либо соображенію находилъ для себя удобнѣе продолжать службу и существовать на оной нѣсколько

лѣтъ даже безъ всякаго содержанія изъ доходовъ имѣній, то поспѣши объ этомъ увѣдомить; но это одно только предположеніе, а я убѣжденъ по-прежнему, что ты насъ поспѣшишь порадовать пріѣздомъ сюда въ іюнѣ или іюлѣ.»

15-го мая. Къ сожалѣнію, ты уже вѣроятно получилъ извѣстіе объ неудачномъ послѣдствіи твоего *отдѣльнаго* представленія; сожалѣю объ этомъ тѣмъ болѣе, что оно разстроиваетъ всѣ твои предположенія о предсѣдательствѣ, въ послѣднемъ твоемъ письмѣ излагаемыя. Но съ другой стороны радуюсь, что ты перестанешь теперь думать о занятіи на Кавказѣ мѣста, для края неважнаго, т. е. Палаты Государственныхъ Имуществъ. Дальновидность вездѣ полезна, но на Кавказѣ и необходима, а потому первое мое желаніе для тебя состоитъ въ томъ, чтобъ ты съ нимъ навѣки распростился. Всѣ обстоятельства ведутъ къ этому результату, и, къ счастію, домашнія наши дѣла приняли такой оборотъ, что тебѣ это можно сдѣлать! Но ни въ какомъ случаѣ, любезный другъ, не должно увлекаться своими желаніями и мечтаніями. Мое настоящее положеніе служитъ лучшимъ доказательствомъ общаго нашего ничтожества, въ сравненіи съ прихотями высшихъ властей.

Согласно съ твоими обо мнѣ расчетами, я уже прежде распорядился, т. е. остаюсь здѣсь до іюля мѣсяца и буду просить отсрочки до 1-го октября; но если обстоятельства вынудили меня прожить въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ я предполагалъ, то не приписывай это однакожъ улучшенію моего карманнаго состоянія; оно въ прежнемъ сухомъ положеніи, и я въ большомъ затрудненіи относительно обратнаго отсюда отъѣзда. Содержаніе мое за майскую треть я могу получить только въ Бомборахъ; ибо, не имѣя еще отсрочки, боюсь требовать оттуда аттестата, чтобъ не разъѣхался со мною, да и при безпорядочномъ управленіи въ штабѣ береговой линіи не знаю, откуда и получать аттестатъ на столовыя. Здѣсь меня поддержалъ одинъ старый должокъ 200 руб. сер., которые и остаются единственною моею поддержкою на слѣдующіе два мѣсяца; ибо привезенныя изъ Бомборъ деньги на дняхъ кончились, при всей умѣренности моего существованія, т. е. должно сказать, при всей стѣснительности моихъ издержекъ; и ты напрасно полагаешь, что здѣсь занять легко: для меня это просто невозможно! Хожу я большею частію пѣшкомъ, ибо экипажи разорительны, въ спектакли и концерты не ѣзжу, потому что на этотъ предметъ особой суммы не имѣется, и побывалъ только одинъ разъ въ концертѣ знаменитаго Листа, чтобъ не прослыть совершеннымъ профаномъ, тѣмъ болѣе что Листъ сегодня и уѣзжаетъ отсюда, кажется, безвозвратно. Умѣренность въ пищѣ и

питьѣ играютъ также немалую роль въ моей здѣшней жизни, ибо квартиру надобно имѣть порядочную, и она съ мебелью и дровами стоитъ мнѣ около 200 руб. ассигн. въ мѣсяцъ. Кроновское пиво замѣняетъ у меня всякое вино, потому что вино здѣсь дорого. Такъ, всевозможно соблюдая приличіе, я жду у моря погоды, въ особенности извѣстій съ Кавказа, и, разумѣется, поправляюсь въ здоровьи, которому пѣшая ходьба и умѣренность очень полезны! Нѣтъ худа безъ добра! или «все къ лучшему!» — говорилъ Панглосъ.

Судя по послѣднему твоему письму, тебя солями лѣчатъ отъ лихорадки, что̀ противно всякому порядку: тебѣ дали 1000 глупостей, т. е. пилюль, а въ нихъ только 200 гранъ хинной соли; впрочемъ, я писалъ тебѣ обширно объ этомъ предметѣ и надѣюсь, что ты послѣдовалъ уже моему совѣту. Къ сожалѣнію, изъ твоихъ писемъ и по другимъ свѣдѣніямъ я убѣждаюсь, что вы въ Тифлисѣ увлекаетесь наружностію и реляціями. Къ сожалѣнію, изъ всего мною слышаннаго, вы въ Тифлисѣ теряетесь въ ошибочныхъ *соображеніяхъ, надеждахъ* и даже *личностяхъ* и, наконецъ, кажется, убѣдитесь, что гражданское управленіе полезно для Кавказа. Васъ пошло обманываютъ со всѣхъ сторонъ: Кавказъ у меня въ головѣ и памяти, Петербургъ передъ глазами, а потому я имѣю возможность судить прямо обо всей этой трагедіи и желалъ бы *всѣмъ близкимъ для меня людямъ* поскорѣе сойти со сцены, какъ для того, чтобъ предупредить свистъ зрителей, такъ еще болѣе, чтобъ кулисы не обрушились и не задавили актеровъ. Повторять моихъ совѣтовъ *другимъ близкимъ* я не смѣю, но тебѣ повторяю: ударь по лошадямъ при первой возможности и даже не увлекайся цѣлебностью минеральныхъ водъ. Но не удивляйся, если я въ то же время желаю и, можетъ быть, и возвращусь на Кавказъ; разумѣется, это не можетъ быть иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ. Сообщи, кому можно и нужно, содержаніе этого письма, которое ты получишь, вѣроятно, послѣ всѣхъ тревогъ и, надѣюсь, наканунѣ отъѣзда своего съ Кавказа безвозвратно.»

1-го іюля. «Письма твои отъ 10-го числа прошлаго мѣсяца мы съ братомъ Александромъ получили и очень сожалѣемъ, что ты постоянно и такъ много заботишься о домашнихъ нашихъ дѣлахъ и такъ мало пишешь о томъ, что̀ у васъ дѣлается въ Тифлисѣ. Домашнія наши дѣла теперь въ самыхъ дѣльныхъ рукахъ; братъ Александръ занимается ими исключительно, и слѣдовательно мы можемъ быть совершенно спокойны, такъ что я, будучи въ Петербургѣ, рѣшительно ни во что не вмѣшиваюсь; —

актъ еще не совершонъ, но на дняхъ дѣло это кончится въ Гражданской Палатѣ, а между тѣмъ братъ Александръ распоряжается по всѣмъ хозяйственнымъ направленіямъ и всѣ служебныя свои предпріятія отложилъ до сентября. Удивляюсь однакожъ твоему упорному желанію пріѣхать сюда не прежде 15-го сентября: для тебя нужны только теплыя ванны, т. е. сѣрныя и щелочныя, а мнѣ извѣстно, что пользованіе этими ваннами продолжается только до конца іюля; а Нарзанъ тебѣ вовсе ненуженъ, даже вреденъ, а потому я полагалъ бы, что 1-го августа ты можешь выѣхать съ водъ и, проѣхавъ даже двѣ недѣли до Москвы (отъ Пятигорска всего 1700 верстъ, въ хорошее время года) и оттуда три дня до Петербурга, легко прибыть сюда къ 20-му августа. Здѣсь идетъ дѣло объ томъ именно, чтобы мы всѣ съѣхались къ 1-му сентября въ Петербургъ, а всякое устраненіе твое на этомъ пути будетъ совершенно излишнее и можетъ только воспрепятствовать главному дѣлу. Къ тому же времени я возвращусь изъ Стоклишекъ, и 1-го сентября мы будемъ имѣть семейное наше засѣданіе, собственно объ избраніи главноуправляющаго и для врученія ему довѣренности. Нелишнимъ считаю здѣсь упомянуть, что всѣ наслѣдники уже давно предупреждены о 10-типроцентномъ жалованьи главноуправляющему и о томъ содержаніи или ординаріи, которыя тобою въ запискѣ къ брату Александру объяснены: это жалованье и справедливо и достаточно. Вѣсти изъ Тифлиса мы получаемъ здѣсь сторонними путями, гораздо вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ отъ тебя: удивляюсь, почему ты не пользуешься фельдъегерями, которые отправляются отъ васъ каждую недѣлю.»

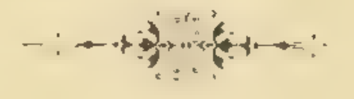
Между тѣмъ срокъ отпуска Николая Николаевича приближался къ концу. Хотя онъ и чувствовалъ себя здоровымъ, но пользовавшіе его врачи единогласно рѣшили удержать его до осени, вслѣдствіе чего Муравьевъ принужденъ былъ подать прошеніе управляющему военнымъ министерствомъ, генералъ-адъютанту графу Петру Андреевичу Клейнмихелю, объ отсрочкѣ своего отпуска еще на три мѣсяца, такого содержанія: «Получивъ увольненіе въ отпускъ для излѣченія болѣзни и раны въ С.-Петербургъ, срокомъ на четыре мѣсяца, съ сохраненіемъ получаемаго мною содержанія, я поспѣшилъ воспользоваться этою Высочайшею милостію въ первое для службы Его Императорскаго Величества удобное время, и срокъ моего отпуска, начинаясь съ 1-го числа марта, окончится 1-го іюля.

Перемѣна климата хотя и доставила мнѣ облегченіе въ болѣзни, но возвращеніе въ *Абхазію* лѣтомъ неминуемо подвергло

бы меня тяжкимъ, а можетъ быть и смертельнымъ лихорадочнымъ рецидивамъ, и, по совѣту опытныхъ медиковъ, можно мнѣ возвратиться туда только осенью. Это обстоятельство поставляетъ меня въ необходимость всепокорнѣйше просить ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ у Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей отсрочки на три мѣсяца, т. е. по 1-е октября сего года, съ сохраненіемъ получаемаго мною содержанія. безъ котораго я, по недостаточности состоянія и при постоянномъ пользованіи медицинскими пособіями, обойтись не могу. Долгомъ поставляю себѣ присовокупить, что, передъ отъѣздомъ изъ г. Керчи, я лично получилъ дозволеніе начальника береговой линіи, генералъ-маіора Анрепа, утруждать въ Петербургѣ высшее начальство просьбою о вышепомянутой отсрочкѣ, такъ какъ ему по опыту извѣстно, до какой степени климатъ Абхазіи въ лѣтнее время вреденъ, особенно для тѣхъ, кто уже страдалъ тамошними лихорадками.»

На это прошеніе Муравьева послѣдовало, безъ всякаго замедленія, Высочайшее соизволеніе отъ 10-го іюля продолжить отпускъ еще на три мѣсяца, съ сохраненіемъ получаемаго содержанія, о чемъ Николай Николаевичъ и извѣщаетъ своего брата письмомъ отъ 13-го іюля: «Окончивъ здѣсь мои хлопоты съ Джигетами, я получилъ отсрочку по 1-е октября и, отправляя ихъ завтра восвояси съ маіоромъ Званбаемъ, [1] выѣзжаю самъ на этой недѣлѣ въ Стоклишки. Вотъ тебѣ мои текущія вѣсти. и прошу не сердиться за мое долгое молчаніе. которое было послѣдствіемъ безпрестанныхъ моихъ разъѣздовъ съ Джигетами: въ Петергофъ, Кронштадтъ и Красное село.»

Этимъ письмомъ мы заканчиваемъ пребываніе Николая Николаевича въ Петербургѣ. Теперь послѣдуемъ за нимъ опять на Кавказъ.

---

[1] Штабсъ-капитанъ Черноморскаго линейнаго № 10 баталіона.

XV.

Послѣдствія посѣщенія Кавказа военнымъ министромъ.—Е. А. Головинъ покидаетъ Кавказъ.—Возвращеніе Н. Н. Муравьева изъ отпуска.—Болѣзнь его и опять прошеніе объ увольненіи въ отпускъ.—Боевая жизнь Муравьева на Кавказѣ до полученія отпуска.—Нравственное состояніе Муравьева.—Письма его къ брату Александру Николаевичу.

1842—1843 г.

Въ 3-мъ отдѣленіи Черноморской береговой линіи, въ отсутствіи Николая Николаевича все шло по-старому: расправлялись съ Убыхами, съ Цебельдинцами, Абреками и съ Абхазскими интригами. Послѣдствіемъ же посѣщенія Кавказа военнымъ министромъ была замѣна Головина Нейдгардтомъ, [1] а Граббе—Гуркою. [2] Но Кавказъ отъ этого не выигралъ. «Вновь назначенныя лица ѣхали поправлять дѣла въ краѣ»,—говоритъ Г. И. Филипсонъ, [3]—«котораго совсѣмъ не знали: учить другихъ,—сами не учившись. Оба были предубѣждены противъ всего, что до нихъ дѣлалось на Кавказѣ, и оба были совершенно не въ силахъ улучшить это положеніе дѣлъ.

Старикъ Головинъ очень скромно покинулъ Кавказъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ навѣстилъ его въ Москвѣ и потомъ разсказывалъ въ своемъ обществѣ: «Былъ у старика Головина. Онъ хорошо помѣстился въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ его предмѣстникъ баронъ Розенъ. Жаль только, что не могъ нанять больше, какъ на годъ: Нейдгардтъ далъ задатокъ».... Слова эти, конечно, стали всѣмъ извѣстны. Предсказаніе почти въ точности сбылось: Нейдгардтъ и двухъ лѣтъ не остался на Кавказѣ.»

[1] Александръ Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи.
[2] Владиміръ Осиповичъ, генералъ-лейтенантъ.
[3] Русск. Арх. 1884 г., стр. 355.

По возвращеніи же Николая Николаевича къ мѣсту своего служенія, онъ вскорѣ снова заболѣлъ Абхазскою лихорадкою, и при этомъ открылась его рана: все это до такой степени изнуряло его, что онъ принужденъ былъ опять проситься въ продолжительный отпускъ за границу къ Карлсбадскимъ и Теплицкимъ минеральнымъ водамъ. 5-го февраля 1843 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи; но, не взирая на свое болѣзненное состояніе, онъ неутомимо продолжалъ свою военную дѣятельность.

Сколько намъ извѣстно, первое дѣло, въ которомъ участвовалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, по возвращеніи изъ Петербурга, было 13-го апрѣля 1843 года, а именно при сборѣ отряда въ Цебельдѣ противъ появившихся тамъ Абрековъ; затѣмъ 18, 19, 20 и 21 чиселъ апрѣля—при сосредоточеніи войскъ въ укрѣпленіе Св. Духа для защиты Джигетъ, по случаю сбора Убыховъ; 25-го апрѣля—при рекогносцировкѣ со стороны р. Сочи: 27-го апрѣля—при занятіи позиціи на р. Хотера; 9-го и 10-го мая—въ перестрѣлкѣ и преслѣдованіи Абрековъ; 5-го іюня—въ дѣлѣ съ Абреками у подъема на гору Апіанча; 20-го іюня—въ движеніи отряда въ Цебельду; 21-го іюня—въ небольшой перестрѣлкѣ у горы Апіанча, гдѣ онъ расположился лагеремъ между горами Адою и Апіанча, для прикрытія Абхазіи; ночью съ 29-го на 30-е августа—въ дѣлѣ съ Абреками, напавшими на лагерь, въ отраженіи и преслѣдованіи ихъ, и наконецъ 15-го сентября находился въ движеніи къ Марамбинскому укрѣпленію и расположился тамъ на позиціи по 27-е сентября.

Между тѣмъ разрѣшеніе отпуска все еще не послѣдовало, что чрезвычайно волновало Муравьева, такъ какъ со времени подачи имъ прошенія прошло уже 8 мѣсяцевъ. Въ столь томительномъ, неизвѣстномъ ожиданіи исхода своему положенію, Муравьевъ велъ нижеслѣдующую переписку съ братомъ Александромъ Николаевичемъ, исполненную личнаго раздраженія, а также и недовольства административными и военными дѣлами на Кавказѣ. «Изъ письма твоего»,—писалъ Николай Николаевичъ изъ Сухумъ-Кале 5-го октября,—«я вижу, что тебѣ незнакомо настоящее положеніе дѣлъ на Кавказѣ вообще и мое въ особенности; распространяться же объ этомъ предметѣ я не полагаю здѣсь умѣстнымъ, но повторить, что со мною поступаютъ беззаконно и безчеловѣчно—я имѣю полное право. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, я подалъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи въ отпускъ и недавно получилъ извѣстіе, что прошеніе мое лежало въ штабѣ Кавказскаго корпуса безъ всякаго движенія! По этому извѣстію я обратился къ начальнику штаба съ оффиціаль-

нымъ вопросомъ объ участи моего прошенія и ожидаю на дняхъ отвѣта; но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ очень нуженъ былъ бы отвѣтъ и отъ Михаила Николаевича:[1] полагаю, что онъ уже возвратился изъ Москвы и буду ожидать вѣстей его въ концѣ этого мѣсяца. Здоровье мое плохо, и очень плохо; лихорадка изъ явной превратилась въ скрытую; для службы это полезнѣе: я могу быть на ногахъ; но меня постоянно точитъ жаръ, который иногда смѣняется потомъ; день ото дня я становлюсь слабѣе, худѣю неимовѣрно, и наконецъ грудныя боли начинаютъ тревожить по ночамъ; а раненая рука, пользуясь этимъ общимъ разстройствомъ въ моемъ тѣлѣ, отзываетсяноемъ и ломотою. Конечно, въ жизни и смерти Богъ воленъ, но совершаемое надо мною убійство генераломъ Нейдгартомъ не должно быть оставлено безъ вниманія. Выгонять человѣка неспособнаго и безполезнаго для службы имѣетъ право всякій начальникъ: но задерживать больного въ пагубномъ для него климатѣ и просящаго объ увольненіи законнымъ порядкомъ -непростительно! тѣмъ болѣе, что просьбу мою не доводятъ до свѣдѣнія Того, на чье имя она подана.

Такъ какъ человѣкъ до послѣдняго вздоха не теряетъ надежды, что онъ еще будетъ жить, то и я мечтаю еще иногда о томъ, какъ и куда я отсюда выѣду, и могу на вопросъ твой объ этомъ отвѣчать утвердительно, съ условіемъ только, если доживу. Получивши отпускъ или отставку, я поѣду прямо въ Богородицкъ и, устроивъ тамъ свое мѣстопребываніе, съѣзжу въ Петербургъ на самое короткое время, или лучше сказать на 200 цѣлковыхъ, которые постараюсь для этого предмета имѣть въ запасѣ. Если вопросъ мой къ начальнику штаба подѣйствуетъ, то отпускъ я еще могу получить мѣсяца черезъ три; но если я буду вынужденъ подать прошеніе объ отставкѣ, то до освобожденія моего отсюда пройдетъ не менѣе пяти или шести мѣсяцевъ. Итакъ, я въ Богородицкѣ или въ январѣ, или въ апрѣлѣ, а въ Петербургѣ черезъ мѣсяцъ послѣ того.

Необыкновенная дѣятельность и заботливость, которой требуетъ отъ меня настоящее положеніе здѣсь дѣлъ, дѣйствуетъ на меня въ видѣ крѣпительныхъ капель, даваемыхъ безнадежно больнымъ, дабы они могли совершить какой-нибудь актъ или высказать какое-нибудь признаніе передъ смертью; но эти же капли разстроиваютъ послѣднія жизненныя силы и ускоряютъ кончину. Отложивъ мечты въ сторону и разбирая свое положеніе съ медицинскою холодностью, я могу надѣяться на спасеніе только въ

[1] Муравьева—его родственника, впослѣдствіи Виленскаго генералъ-губернатора.

случаѣ самаго поспѣшнаго отсюда отъѣзда и какъ можно далѣе отъ Кавказа и отъ береговъ Чернаго моря. Впрочемъ, да будетъ воля Божія! я готовъ ко всему, что̀ случится. По обыкновенію азіатцевъ, я бы долженъ былъ завѣщать братьямъ моимъ мщеніе надъ убійцею моимъ, но я въ душѣ христіанинъ и скажу: «прости имъ, Господи, не вѣдаютъ, что̀ творятъ.» Внѣ служебной дѣятельности я существую совершенно монашески; прочитываю иногда газеты, когда придетъ почта, чтобъ прогнать безсонницу, иногда книгу, какая попадется, но все для той же цѣли; и съ ранняго утра принимаюсь за предписанія, отношенія и рапорты; потомъ за личныя распоряженія, потомъ за выговоры, угрозы, аресты, наконецъ за увѣщанія и безконечные толки съ горцами. Но къ чести моего болѣзненнаго состоянія долженъ сказать, что дѣло кипитъ и на сушѣ, и на морѣ, и въ горахъ и на равнинахъ.

Къ брату Валеріану съ этой почтой не пишу, а съ слѣдующею надѣюсь его увѣдомить для общаго вашего свѣдѣнія объ отвѣтѣ Траскина.[1] Всѣмъ поклонъ; дядю Александра Николаевича[2] увѣрь во всегдашнемъ, постоянномъ и неизмѣнномъ моемъ къ нему уваженіи. Писалъ бы къ нему, да полагаю, что ему это ненужно; онъ и безъ красивыхъ словъ на доброе дѣло готовъ.»

25-го октября 1843 года, Бомборы. «Предыдущее письмо мое къ тебѣ довольно рѣзко представило мое положеніе; спѣшу нѣсколько успокоить и тебя и всѣхъ тѣхъ, которые принимаютъ во мнѣ участіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснить мою рѣшимость не возвращаться на Кавказъ, вопреки мнѣнію всѣхъ тѣхъ, которые, желая мнѣ добра, полагали это поприще мнѣ наиболѣе полезнымъ и сроднымъ. Благопріятная осень въ Абхазіи есть дѣло весьма рѣдкое, но и лучшее лѣкарство для пострадавшихъ отъ лѣта; сухой и теплый октябрь спасаетъ отъ смерти болѣе больныхъ, чѣмъ всѣ медики и лѣкарства. Къ общему нашему здѣсь счастію, нынѣшній годъ представляетъ эту рѣдкость; и я, вмѣстѣ со многими другими, начинаю оживать; лихорадка возвращается ко мнѣ правильными пароксизмами; кашель уменьшается, постоянный внутренній жаръ прекращается, и я надѣюсь пережить это послѣднее испытаніе, если только во-время избавлюсь отъ ѣдкихъ заботъ и безполезныхъ трудовъ, каменною горою надо мной тяготѣющихъ. Ты довольно коротко знаешь мою древнюю, среднюю и

---

[1] Флигель-адъютантъ.

[2] Муравьева.

новѣйшую исторію, заключающіяся въ послѣднихъ 4-хъ годахъ: еще короче знаешь мой образъ мыслей, наклонности и недостатки; а, дополнивъ всѣ эти свѣдѣнія письмами моими, конечно, можешь составить себѣ понятіе, почему я, больной или здоровый, но долженъ оставить Кавказъ и до новой эпохи сюда не возвращаться. Но здѣсь подведу всему этому итогъ, для свѣдѣнія другимъ моимъ роднымъ и доброжелателямъ, которыхъ мнѣніемъ я дорожу, и которые бы могли меня обвинить за какое-нибудь рѣшительное съ моей стороны дѣйствіе.

Къ древней исторіи причисляю я 1840 и 1841 года, періодъ полнаго ко мнѣ довѣрія со стороны правительства, т. е. высшаго начальства, и предоставляю отыскивать въ архивахъ послѣдствія этого порядка вещей. Средняя исторія заключаетъ въ себѣ 1842 годъ, до возвращенія моего въ отдѣленіе изъ отпуска. Рана и болѣзни заставляли меня, по свойственному всякому человѣку чувству самосохраненія, искать не только лѣченія и отдохновенія, но и желать перемѣны мѣста на Кавказѣ же, чтобъ избавиться только отъ губительнаго абхазскаго климата; мнѣ дали отпускъ, въ теченіе котораго возстановились физическія мои силы, а въ нравственномъ отношеніи я пріобрѣлъ еще болѣе: я утвердился въ понятіяхъ о благихъ намѣреніяхъ Государя для Кавказа вообще, а для племенъ береговой линіи въ особенности. Сколь ни тяжко было мнѣ по чувству самосохраненія возвращаться въ Абхазію, но я безпрекословно исполнилъ священную волю и возвратился къ берегамъ Чернаго моря. На пути еще рана и лихорадка возобновились, но надежда быть полезнымъ меня поддерживала, и я добрался до Керчи, и отсюда начинается послѣдняя эпоха, т. е. новѣйшая моя исторія. Немного надо было проницательности, чтобъ видѣть невыгодное вліяніе для 3-го отдѣленія отъ ожидаемыхъ тогда перемѣнъ въ главномъ начальствѣ на Кавказѣ; а между тѣмъ неудачныя выходки и предпріятія въ Цебельдѣ и Абхазіи, въ отсутствіи моемъ, требовали возвращенія начальника, облеченнаго полною властью и довѣріемъ. Обыкновенное мое обращеніе съ туземцами, нѣсколько энергическихъ донесеній и приближеніе зимы пріостановили волненіе; но я видѣлъ тучу, которая висѣла надъ моею головою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ 3-мъ отдѣленіемъ, и приказъ по корпусу 21-го декабря возвѣстилъ о вступленіи въ командованіе генерала Нейдгардта! Я былъ вызванъ въ Тифлисъ еще Евгеніемъ Александровичемъ, но засталъ тамъ только новаго начальника. Участь 3-го отдѣленія была рѣшена; я убѣдился, что мнѣ придется безъ пользы для службы умереть отъ лихорадки въ Абхазіи; но не терялъ надежды быть еще полезнымъ на Кав-

казѣ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ управленіе проще и менѣе зависитъ отъ расположенія начальства: я просилъ перемѣщенія и располагалъ для руки поѣхать лѣтомъ полѣчиться на Кавказскія минеральныя воды. Ты видишь изъ этого, что несмотря ни на страданія отъ раны, ни на болѣзнь, ни на пріемы, я цѣплялся за Кавказъ до крайности; но по возвращеніи изъ Тифлиса я нашелъ уже оффиціальныя доказательства невозможности держаться за скалу, на которой нѣтъ ни одной былинки, кромѣ остроконечныхъ камней, и подалъ въ февралѣ прошеніе объ отпускѣ на годъ за границу. Все совершившееся въ 3-мъ отдѣленіи и со мною съ тѣхъ поръ есть уже послѣдствіе предвидѣннаго. Среди борьбы моей съ Джигетами противъ Хаджи-Магомета, получилъ я повелѣніе дарить не болѣе, какъ по 6 руб. сер., и притомъ подробно доносить, за какое именно свѣдѣніе или заслугу эти деньги подарены! Прежде я требовалъ для Цебельды 600 человѣкъ пѣхоты съ сотнею милиціи и подъ начальствомъ извѣстнаго мнѣ штабъ-офицера, именно Званбая; въ противномъ случаѣ не ручался за спокойствіе Абхазіи; мнѣ дозволили собрать 300 и тѣхъ именно войскъ, на которыхъ менѣе всѣхъ другихъ можно было положиться, и дали начальника отряда въ томъ же родѣ изъ Тифлиса; начались неудачи, хоть мелкія, но по послѣдствіямъ важныя! Не довѣряя мнѣ издержекъ незначительныхъ, издержали на содержаніе безполезныхъ 300 милиціонеровъ 13 т. руб. сер.; но это по книгамъ, и г. Нейдгардтъ спокоенъ. Дѣло Джигетъ противъ Хаджи-Магомета чуть было не оставили совсѣмъ безъ вниманія, но, къ счастію, поддержалъ Будбергъ,[1] и ихъ представили къ наградамъ, но къ какимъ? Мнѣ же за это дѣло сдѣлали публичную непріятность въ Сухумѣ, подъ предлогомъ, что не было вывѣсокъ на вѣсахъ, по которымъ было отпущено казакамъ 7 четвертей овса; при случаѣ публично же обвинили, что отрядъ составленъ *изъ тѣхъ именно войскъ, на которыя менѣе можно было положиться*. Здѣсь Будбергъ опять, какъ благородный человѣкъ, сказалъ, что я всегда былъ противъ ихъ назначенія въ отрядъ, и что это была ошибка Анрепа; но г. Нейдгардтъ зналъ это изъ моихъ донесеній и хотѣлъ только сдѣлать мнѣ непріятность. По тогдашнимъ обстоятельствамъ я долженъ былъ остаться въ Сухумѣ, и путешествіе г. Нейдгардта по другимъ укрѣпленіямъ моего отдѣленія совершилось безъ меня; я только знаю отъ горцевъ, какое оно произвело невыгодное впечатлѣніе на нихъ, а выраженіе владѣтеля Абхазіи, при первомъ моемъ съ нимъ свиданіи послѣ того—*историческое;*

---

[1] Александръ Ивановичъ, генер.-ад., начальникъ Черноморской береговой линіи.

я теперь объ немъ умалчиваю. Благодаря усиліямъ Будберга, который тогда съ нимъ былъ въ ладахъ, я уже не имѣлъ непріятностей на возвратномъ пути г. Нейдгардта въ Сухумъ; впрочемъ, это—мелочь; а я горевалъ объ участи края. Лихорадка уже начинала ко мнѣ приставать. Иванъ, мой всегдашній спутникъ, умеръ во время проѣзда Нейдгардта. Я просился до разрѣшенія отпуска отправить меня въ Ѳеодосійскій госпиталь —право, которое я имѣлъ наравнѣ съ каждымъ рядовымъ моего отдѣленія! Будбергъ убѣдилъ меня оставаться до назначенія преемника; я чувствовалъ, что въ тогдашнемъ положеніи края присутствіе мое необходимо было, и остался, могу сказать, на смерть. Прошло четыре мѣсяца со времени проѣзда Нейдгардта, и я теперь только имѣю вѣсти изъ Тифлиса, и то это частный слухъ, что меня увольняютъ; а между тѣмъ климатъ, со всею своею губительностью, обрушился на мое здоровье и рану. Въ отношеніи же служебномъ—новая бѣда постигла меня и мое отдѣленіе. Будбергъ выведенъ изъ терпѣнія распоряженіями тифлисскими, и тѣмъ закрылся единственный, хотя отдаленный, путь для крайнихъ, необходимыхъ разрѣшеній. Не мѣсто здѣсь входить во всѣ подробности и исчислять всѣ нелѣпости и несообразности распоряженій съ пользою службы и края, но не могу умолчать о послѣднемъ: съ 1841 года я настаиваю на необходимости Джигетскаго приставства, со штатомъ въ 4 т. руб. сер. ежегодно; по обстоятельствамъ и, конечно, по винѣ Анрепа, это дѣло протянулось до прибытія Нейдгардта: наконецъ онъ утвердилъ штатъ въ 2100 руб. сер., самъ опровергнувъ нѣкоторыя издержки, и приказалъ донести о времени вступленія маіора Званбая въ эту должность, чтобъ отпустить деньги по штату. Мнѣ предписано привести въ исполненіе, и 17-го іюня Званбай принялся за свое дѣло, которое разумѣется, разъ оно въ ходу, остановлено быть не можетъ. Я тотчасъ далъ ему денегъ заимообразно до высылки изъ Тифлиса и только радовался успѣхамъ этого управленія. Вдругъ черезъ 4 мѣсяца высылается только половина денегъ, отмѣняются главныя статьи штата, и дѣлается вопросъ: что такое Джигеты, и какая отъ нихъ польза? Я, разумѣется, написалъ сообразный отвѣтъ, но не знаю, какія будутъ его послѣдствія. Между тѣмъ я убѣждаюсь наконецъ и въ томъ, что служить на Кавказѣ—не значитъ служить Государю, ибо въ Тифлисѣ не понимаютъ и отвергаютъ то, что извѣстно и, могу сказать, опредѣлено самимъ Государемъ, т. е. пользу покоренія кавказскихъ племенъ! Кажется, довольно въ мое оправданіе передъ всѣми и каждымъ, если я въ настоящую эпоху уѣду и не возвращусь на Кавказъ,

и остается только объяснить средства къ исполненію послѣдняго моего намѣренія: если до 1-го января я прочту въ Высочайшемъ указѣ объ увольненіи меня въ отпускъ, то, по прибытіи моего преемника, уѣду въ Богородицкъ; ибо средства мои не позволятъ мнѣ жить въ другомъ мѣстѣ; не думаю, чтобъ меня за раною уволили въ отпускъ безъ всякаго содержанія, но увѣренъ, что не дадутъ столько, чтобъ я могъ лѣчиться за границею, а потому время отпуска придется провести въ Богородицкѣ,[1] гдѣ я хоть и не вылѣчу раненой руки, но, конечно, вылѣчусь отъ лихорадки и отъ другихъ недуговъ, отъ лихорадки происходящихъ. Если во время отпуска меня не признаютъ годнымъ къ другому назначенію, или будутъ требовать моего возвращенія на Кавказъ при нынѣшнемъ корпусномъ командирѣ, то, съ наступленіемъ узаконеннаго времени, я долженъ буду просить увольненія отъ службы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стану устраиваться въ Богородицкѣ навсегда, для чего мнѣ нуженъ будетъ домикъ въ 3 саж. ширины и 6 саж. длины и $^1/_6$ десятины для огорода и проч. Полагаю, что это тамъ можно пріобрѣсти за 2 т. руб. ассигнац.

Если до 1-го января я отпуска своего въ приказѣ не прочту, то подамъ въ отставку нынѣ же, а дальнѣйшія дѣйствія будутъ, какъ выше сказано.»

6-го ноября, Бомборы. «Письмо твое прибыло въ Бомборы во время поѣздки моей съ владѣтелемъ Абхазіи къ Убыхамъ, откуда мы вчера возвратились. Необыкновенный случай этотъ заслуживаетъ нѣсколькихъ словъ: какъ ты знаешь, Убыхи давно сближаются къ покорности, и, несмотря на военныя противъ нихъ дѣйствія Джигетъ, дружественныя сношенія мои со многими изъ нихъ не прекращались. Въ концѣ же прошлаго мѣсяца, г. Будбергъ, проѣзжая по линіи, имѣлъ уже весьма удовлетворительный разговоръ съ Хаджи-Берзекомъ и прислалъ мнѣ пароходъ для того, чтобы я съ владѣтелемъ Абхазіи отправился къ Убыхамъ, такъ какъ они вообще имѣютъ большое довѣріе и уваженіе къ этому князю. Съ прибытіемъ нашимъ въ укрѣпленіе Навагинское, весьма скоро пріѣхалъ Хаджи-Берзекъ и жаловался на своихъ единоплеменниковъ за раздоры и несогласія, между ними существующіе. Владѣтель однако же сказалъ ему, что желаетъ говорить со всѣми почетными Убыхами и надѣется дать имъ весьма полезные совѣты. Гонцы полетѣли во всѣ концы, и Убыхи просили только полутора сутокъ сроку, чтобъ собраться

---

[1] Тульской губерніи — мѣстожительство Василія Ивановича Муравьева, двоюроднаго брата и друга Николая Николаевича.

къ укрѣпленію. Несмотря на всѣ предварительныя дружескія сношенія съ старшинами, я сомнѣвался еще однакожъ, чтобъ желаніе наше исполнилось такъ точно и во всей его силѣ. Въ назначенный срокъ 400 человѣкъ Убыховъ, и большею частію самыхъ почетныхъ, со всѣхъ концовъ собрались на площади, подъ ближайшимъ ружейнымъ выстрѣломъ укрѣпленія. Вспоминая прошедшія времена и недавніе еще безпорядки въ самой Абхазіи, я готовъ былъ не вѣрить своимъ глазамъ. Начались совѣщанія, а потомъ переговоры, по азіатскому обычаю, чрезъ посланныхъ: мы съ владѣтелемъ возсѣли на гласисѣ укрѣпленія; тихо и важно передавалъ князь Михаилъ свои совѣты посланнымъ или депутатамъ, избраннымъ съ обѣихъ сторонъ; голосисто и велерѣчиво толковалъ имъ Хаджи-Берзекъ изъ среды своего сборища. При началѣ же переговоровъ онъ отказывался говорить за другихъ и, полагая, что не пользуется довѣріемъ общества, хотѣлъ удалиться въ сторону, но все общество убѣдило его не покидать ихъ въ столь важномъ случаѣ. Если это комедія со стороны Хаджи, то она была сыграна прекрасно и для насъ отмѣнно полезна. Среди этихъ переговоровъ, докладываютъ владѣтелю, что собственные крестьяне Хаджи-Берзека желаютъ его видѣть, какъ воспитанника ихъ дома, и человѣкъ двадцать подошли, съ величайшимъ подобострастіемъ, приложиться къ его платью и рукѣ, но одинъ старикъ лѣтъ 80-ти бросился на него съ величайшимъ восхищеніемъ, трепалъ его по лицу, обнималъ, цѣловалъ и, припоминая, какъ онъ его ребенкомъ носилъ на плечахъ, спрашивалъ: «неужели онъ его не помнитъ?» Разумѣется, что утвердительный отвѣтъ и приличный подарокъ еще увеличили его восхищеніе. Не буду разсказывать подробности всѣхъ переговоровъ, которые продолжались нѣсколько часовъ, но какъ въ теченіе этого времени стадо крѣпостныхъ свиней спустилось къ Убыхскому сборищу, то немедленно отправились Убыхи загонять ихъ опять въ крѣпость, и здѣсь наши солдаты принимали ихъ какъ бы отъ другой роты.

Наконецъ успѣхъ переговоровъ сдѣлалъ уже излишнимъ посредничество, и все сборище подошло къ намъ, окружило меня съ владѣтелемъ Абхазіи самымъ дружескимъ образомъ, и онъ началъ лично говорить съ Убыхами.

Вотъ непреклонные Убыхи, по храбрости и твердости своей—глава Черкесскихъ народовъ сѣверной и южной покатости хребта: вотъ успѣхи нашей системы снисхожденія и ласки, разумѣется соединенныхъ съ твердостью и настойчивостью, какъ было 7-го мая при укрѣпленіи Св. Духа. Они дали слово быть

покорными, но, прежде чѣмъ присягнутъ и выдадутъ аманатовъ, намѣрены сдѣлать общее и послѣднее совѣщаніе съ Абхазцами и Шапсугами, въ наклонности коихъ къ тому же они совершенно увѣрены. Хаджи-Берзекъ самъ туда на дняхъ отправляется, и есть надежда, что черезъ три мѣсяца дѣла Черкесъ вообще будутъ приведены къ желаемому Государемъ окончанію, и въ какое же время?— когда Хаджи-Магометъ, получивъ самыя ободрительныя извѣстія отъ Шамиля, распространяетъ между ними, въ преувеличенномъ видѣ, самые невыгодные для насъ слухи. Меня здѣсь тогда уже не будетъ, но боюсь только, что неумѣстная скупость, неопытность, недовѣрчивость и упрямство Нейдгардта могутъ испортить все дѣло при самомъ его окончаніи; впрочемъ, да будетъ воля Божія, и не думаю, чтобъ Онъ допустилъ старику поперечить всѣмъ благимъ намѣреніямъ Государя и разрушить всѣ труды и опасности, подъятые здѣсь для достиженія оныхъ въ продолженіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ. Между прочимъ и старикъ Хаджи-Берзекъ не безъ упрямства; онъ, при всемъ своемъ ревностномъ содѣйствіи намъ, утверждаетъ, что его званіе Хаджи препятствуетъ ему служить христіанамъ, но публично объявляетъ, что онъ не сомнѣвается, что сыновья его (изъ коихъ 3 убиты въ сраженіяхъ противъ насъ) будутъ хорошими офицерами.

Отъ души благодарю за участіе въ моихъ дѣлахъ дядей Михаила Николаевича и Александра Николаевича [1] и ожидаю нетерпѣливо увѣдомленія отъ перваго. Въ Нижній Новгородъ я готовъ ѣхать съ большимъ удовольствіемъ, впрочемъ и повсюду, только бы избавиться отъ Нейдгардта и здѣшнихъ лихорадокъ. Едва ли прежде Новаго года я выѣду отсюда: не думаю, чтобъ преемникъ мой такъ скоро собрался, а мнѣ еще предстоитъ экспедиція въ горы въ половинѣ декабря: но какъ только пріѣдетъ Врангель, [2] то я охотно откажусь отъ этой экспедиціи, лишь бы скорѣе выбраться отсюда. Спасибо тебѣ за Одынца, но постоянно не похваляю твое устраненіе отъ дѣятельной службы; это я и говорилъ и писалъ тебѣ нѣсколько разъ. *Твердость*— дѣло вѣрное и достоинство дорогое, но одинъ лишній шагъ, и она переходитъ въ *упрямство*. Изъ письма твоего заключаю, что переименованія теперь не было, если не было прежде. Разставаясь съ Кавказомъ, я неминуемо глубоко вздохну; это было широкое для меня поле, и хоть вылѣчусь отъ раны, хоть избавлюсь отъ лихорадки,—но главнѣйшее препятствіе къ моему воз-

[1] Муравьевыхъ.

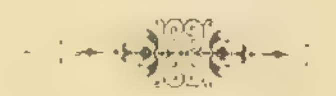
[2] Карлъ Карловичъ, генералъ-маіоръ, командующій 21-ю пѣхотною дивизіею на Кавказѣ.

вращенію, конечно, такъ долго не устранится, что я успѣю состарѣться въ Губернскомъ Правленіи или въ Богородицкѣ.»

26-го декабря 1843 года. Бомборы. «Никакъ не могу дождаться отъ тебя вѣстей и, выступая сейчасъ съ отрядомъ въ горы, спѣшу непремѣнно на тебя посѣтовать. Странствованію моему да будетъ конецъ, повторяю я ежедневно, но кромѣ Высочайшаго приказа отъ 10-го ноября не вижу еще никакого начала къ моему освобожденію изъ этой юдоли лихорадокъ и прочаго тому подобнаго.

Будущее закрыто передъ мудрецами, говорятъ «искони бѣ», а потому и я не распространяюсь ни о послѣдствіяхъ упомянутаго приказа, ни о предлежащемъ мнѣ путешествіи по морю снѣга; на всякій случай посылаю при семъ копію съ рапорта моего къ Нейдгардту предъ выступленіемъ; изъ заключенія онаго ты увидишь источникъ всѣхъ бѣдствій на Кавказѣ: скупость, недовѣріе и нераспорядительность главнаго начальника. Впрочемъ, для вящей предосторожности я не посылаю копіи съ рапорта, ибо не теряю надежды привезти его лично, для показанія, какъ любопытный документъ, *кому слѣдуетъ*. Не думай, однакожъ, какъ братъ Валеріанъ, что я окажусь гдѣ-нибудь на русскомъ горизонтѣ *вслѣдъ за симъ!* даже и въ томъ случаѣ, если мнѣ суждены лѣта житья Маѳусаила: нѣтъ, съ преемникомъ семейнымъ долга пѣсня: я слышу, что онъ выбираетъ время года и проч. и проч. Съ нашимъ братомъ чернорабочимъ вольно поступать всякому какъ хочетъ, и тяжбы этого рода рѣшаетъ только судъ Божій. Между тѣмъ, по пословицѣ «на Бога надѣйся, а самъ не плошай», я уже писалъ оффиціально и о болѣзни моей, и о распоряженіи кому принять отъ меня должность, за неприбытіемъ настоящаго начальника отдѣленія.

Лошадей вьючатъ, выносятъ налой и знамя для молебствія, пушки (но не такія, какъ вы видите въ Петербургѣ, а маленькія, складныя, уютныя) вытягиваются въ строй и ожидаютъ жертвъ, но горе имъ бѣднымъ: по горамъ будемъ таскать ихъ и за уши и за хвостъ. Обнимаю» . . . .

XVI.

Послѣдній годъ службы Н. Н. Муравьева на Кавказѣ. Переписка его съ братомъ Александромъ Николаевичемъ.

1844 г.

1844 годъ былъ послѣднимъ годомъ службы Николая Николаевича Муравьева на Кавказѣ. Онъ прошелъ безъ особенныхъ событій. Домашнія же дѣла его, а также и весь ходъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, весьма тревожили Муравьева, какъ мы увидимъ изъ послѣдующихъ писемъ его къ брату Александру Николаевичу:

Отъ *21-го января 1844 года* онъ писалъ ему изъ Бомборъ: «Три почты сряду не получаю вѣстей отъ тебя: полагаю, что ты прекратилъ переписку, ожидая меня на дняхъ въ Петербургъ, а между тѣмъ, по милости или немилости судебъ, я еще болѣе двухъ мѣсяцевъ долженъ пробыть здѣсь или часть этого времени въ Керчи. Поэтому пиши мнѣ въ Керчь или черезъ Керчь, гдѣ я буду ждать прибытія Врангеля.

Изъ Керчи я располагаю отправиться моремъ въ Таганрогъ, гдѣ я еще никогда не былъ, а оттуда сухимъ путемъ, черезъ Ростовъ, Новочеркасскъ и Воронежъ—въ Богородицкъ: такимъ образомъ значительно сократится почтовая ѣзда моя, но я полагаю, что въ Таганрогѣ удастся быть не ранѣе первыхъ чиселъ апрѣля, а въ Богородицкѣ буду около 20-го того же мѣсяца. Тамъ я надѣюсь получить отъ тебя вѣрныя свѣдѣнія, будетъ ли полезенъ пріѣздъ мой въ Петербургъ, ибо за границу я могу ѣхать и минуя его. Впереди всѣхъ свѣдѣній стоитъ однако же лихорадка,

которая находится теперь при мнѣ почти безотлучно, и если это такъ будетъ продолжаться въ Богородицкѣ, то я, волею или неволею, долженъ буду остаться тамъ безвыѣздно.

Къ Михаилу Николаевичу Муравьеву я писалъ въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ онъ не очень совѣтуетъ мнѣ быть въ Петербургѣ, приглашаетъ туда только въ крайнемъ случаѣ, т. е. еслибъ мнѣ пришлось проситься въ отставку. И признаюсь тебѣ, что, отъ личныхъ посѣщеній Петербурга, я для себя по службѣ ничего не ожидаю, развѣ бы меня вызвали туда, по крайней мѣрѣ, я имѣлъ бы опредѣленную цѣль. Сверхъ того поѣздка въ Петербургъ сопряжена съ большими издержками. Данное мнѣ въ отпуску содержаніе составляетъ 8 т. руб. ассигнац. Суммы этой достаточно, чтобъ жить смирно въ Богородицкѣ и привыкать жить еще смирнѣе, т. е. на 3 т. только ежегоднаго пенсіона; для поѣздки же въ Петербургъ этого, конечно, мало.

Братъ Валеріанъ полагаетъ, что я представляю себѣ житье Богородицкое въ романическомъ видѣ, опираясь на мое выраженіе «маленькій домикъ съ садикомъ»; не знаю, куда ему на это отвѣчать, ибо онъ на нѣсколько мѣсяцевъ странствующій рыцарь; но, по возвращеніи его въ Петербургъ, скажи ему, пожалуйста, что этотъ романизмъ у меня vertu de nécessité, и что я никакъ не прочь жить въ большомъ городѣ, въ большомъ домѣ и съ большимъ садомъ, еслибъ имѣлъ къ достиженію этого матеріальныя и нравственныя средства: но, къ сожалѣнію, вмѣсто первыхъ, Богъ далъ мнѣ кое-какія способности, въ нынѣшнемъ свѣтѣ мало уважаемыя, а вторыя не подходятъ подъ правила, исповѣдываемыя мною въ продолженіе почти 25 лѣтъ. Итакъ, благодаря Ахульго, я буду ѣсть и пить; въ худую погоду подъ маленькою крышею, а въ хорошую—подъ маленькимъ деревомъ; въ большомъ же городѣ я бы умеръ отъ холоду, жажды и голоду.

Ты, между прочимъ, пишешь о какомъ-то правительственномъ распоряженіи на счетъ Стоклишекъ; очень жаль, что Палата будетъ вмѣшиваться въ эти дѣла; Сенатъ рано или поздно, худо или хорошо, но положитъ конецъ дѣлу, а съ Палатою никогда не раздѣлаешься, и половина Стоклишекъ не пойдетъ въ прокъ ни намъ, ни кредиторамъ, ни противной сторонѣ, а проглотится Палатою. Прощай!»

3-го февраля. Бомборы. «При совершенномъ спокойствіи, водворившемся въ моемъ отдѣленіи, особенно послѣ похода нашего въ Цеху, я не могъ не обратиться мысленно къ противоположной сторонѣ Кавказа, гдѣ событія необыкновенныя угрожали послѣдствіями самыми неблагопріятными для владычества нашего

за Кавказомъ. Слышу со всѣхъ сторонъ, что 50 т. новыхъ войскъ двинулись на помощь Кавказскому корпусу: вижу въ этомъ дѣйствіи могучаго Царя, заботящагося о пользѣ и славѣ своей Имперіи, но тяжкое сомнѣніе обременяетъ мою душу, когда, призвавъ всѣ мои воспоминанія объ этомъ краѣ, я убѣждаюсь, что и съ самыми огромными силами можно претерпѣть неудачи отъ неопытности главныхъ вождей, ложнаго направленія понятій и запальчивости предводителей, увлекаемыхъ самонадѣянностью и жаждою военной славы: и горе Кавказу, если эти огромныя силы не достигнутъ цѣли своей. Странныя мои отношенія съ настоящими властями на Кавказѣ лишаютъ меня всякой надежды замолвить здѣсь слово о предпріятіи рѣшительномъ въ странѣ, знакомой мнѣ близко во всѣхъ отношеніяхъ; и знаю, что всякая попытка моя въ этомъ родѣ не только бы осталась безъ вниманія, но даже навлекла бы на меня непріятности. А между тѣмъ совѣсть не дозволяетъ молчать въ дѣлѣ столь важномъ.

Я изложилъ въ запискѣ, [1] при семъ прилагаемой, нѣкоторыя предположенія для предстоящихъ въ этомъ году дѣйствій на лѣвомъ флангѣ и въ Дагестанѣ, и, передумывая всѣ средства *довести эти свѣдѣнія до тѣхъ, которые могутъ имѣть вліяніе на ходъ этихъ дѣйствій*,—рѣшительно не вижу оффиціальнаго пути, по которому бы мнѣніе мое могло *достигнуть своей цѣли*. Со всѣмъ моимъ опытомъ въ политикѣ горской, я самый плохой дипломатъ въ Петербургѣ, и еслибъ, за невозможностью сообщить мои предположенія кому-либо на Кавказѣ, вздумалъ бы обратиться въ столицу безъ твоего посредничества, то непремѣнно бы ударилъ лицомъ въ грязь, или лбомъ прямо въ стѣну. Итакъ, передаю тебѣ въ безусловное и безотчетное распоряженіе этотъ плодъ кавказскаго моего опыта; помни, однако, что онъ можетъ пригодиться только ранней весной, т. е. до апрѣля. Отходящая завтра отсюда почта привезетъ тебѣ эту записку къ 1-му марту и даже ранѣе; не сомнѣваюсь, что ты одинаково со мною желаешь блага общаго и пользамъ службы Государя; я знаю, что ты времени не потеряешь, чтобъ сдѣлать ее извѣстною немедленно съ полученіемъ тому, кто можетъ ей дать надлежащее направленіе. Все это остается на твоей совѣсти и столичномъ опытѣ; скажу только, что нѣтъ никакой надобности дѣлать извѣстнымъ имя автора, напротивъ, должно скрыть его, если это можетъ принести пользу ходу дѣла.

---

[1] Записка эта нами приведена во 2-й книгѣ, гдѣ собраны документы, относящіеся до дѣятельности Н. Н. Муравьева.

Пять лѣтъ тому назадъ обстоятельства наши были въ другомъ видѣ: послѣдствія вполнѣ оправдали мои предположенія, которыя тогда были приведены въ исполненіе съ малыми измѣненіями. Сильный и богатый Симурскій округъ до сихъ поръ и при всѣхъ перемѣнахъ служитъ намъ вѣрою и правдою. Дѣйствія въ Чечнѣ и сѣверномъ Дагестанѣ въ подробностяхъ исполненія несовсѣмъ согласовались съ моими предположеніями, но въ общемъ ходѣ дѣла шли къ одной цѣли. Но кто же ожидалъ зимнихъ движеній г. Пулло, для сбора оружія, денегъ и барановъ со всѣхъ тѣхъ селеній, гдѣ его принимали съ хлѣбомъ и солью? Перваго января 1840 года Владикавказскій комендантъ созывалъ сотню нашихъ приверженцевъ, чтобъ захватить Шамиля, укрывшагося съ 21 человѣкомъ въ землянкѣ, на границѣ одного изъ непокорныхъ намъ обществъ, которое, однакожъ, не давало ему ни помощи, ни пищи, боясь раздражить Русскихъ! А черезъ нѣсколько дней послѣ того вся покорная намъ Чечня, раздраженная дѣйствіями Пулло, пригласила Шамиля быть ея предводителемъ противъ Русскихъ! Быстро возросталъ Шамиль, постоянно пользуясь нашими ошибками и въ управленіи и въ дѣйствіяхъ военныхъ; но, съ начала прошлаго года, неопытность и самонадѣянность наши открыли ему уже широкое поприще. Злой ему противникъ съ 1838 года еще, два года на него подвизавшійся словомъ и дѣломъ, я въ 1840 году, увлекшись опасностями, которымъ подвергалась береговая линія, вызвался занять здѣсь мѣсто, которому наиболѣе угрожали успѣхи Черкесовъ и предводителя ихъ Хаджи-Берзека. Извѣстны послѣдствія этого вызова и назначенія моего; но, разставаясь съ Шамилемъ, я никогда не терялъ его изъ виду и постоянно слѣдилъ за всѣми его и нашими дѣйствіями въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Прежнія мои отношенія съ корпуснымъ штабомъ давали мнѣ возможность получать о нашихъ тамъ дѣйствіяхъ подробныя свѣдѣнія: въ бытность мою въ Петербургѣ меня удостоивали того же довѣрія, и только въ теченіе прошлаго года я лишенъ былъ этихъ способовъ, но, къ несчастію, событія тамъ сдѣлались для насъ такъ неблагопріятны, что и безъ штабныхъ свѣдѣній стали всѣмъ извѣстны. Усилія Шамиля распространить свое вліяніе и на Черкесовъ остались безуспѣшны, смѣло скажу потому, что агентъ его встрѣтилъ здѣсь меня, прежняго и злого его противника. Бой Джигетъ противъ своихъ сосѣдей, единоплеменниковъ, единовѣрцевъ и родственниковъ, ведомыхъ Хаджи-Магометомъ, есть рѣдкій примѣръ въ исторіи Кавказа, даже временъ самыхъ благополучныхъ: это событіе есть послѣдствіе моего управленія 3-мъ отдѣленіемъ и имѣло послѣд-

ствіемъ уничтоженіе всѣхъ замысловъ и всего вліянія здѣсь Шамилева агента. Вотъ права мои разсуждать о предпріятіяхъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. На твоей совѣсти останется, если разсужденія эти останутся безызвѣстными кому слѣдуетъ и вовремя.»

10-го февраля, Бомборы. «Не знаю, что̀ и думать о твоемъ молчаніи. Шесть недѣль нѣтъ отъ тебя извѣстій. Боюсь за твое здоровье, боюсь и въ другомъ отношеніи; но еслибъ ты не могъ самъ писать, то вѣрно кто-нибудь изъ нашихъ о тебѣ написалъ бы; это меня немного утѣшаетъ, но не удовлетворяетъ....

Съ послѣднею почтою я къ тебѣ отправилъ толстое письмо въ огромномъ пакетѣ, надѣюсь, что ты меня увѣдомишь по его содержанію, но только въ Керчь, разумѣется, если Врангель выѣхалъ сюда, что̀ впрочемъ иначе и быть не можетъ; законы для всѣхъ равны, и четыре мѣсяца безнаказанно просрочить не позволяется, а ему этотъ срокъ минетъ 6-го или 10-го марта. Я вижу изъ его формуляра, что у него молодая жена и трое маленькихъ дѣтей; искренно принимаю участіе въ горестномъ его положеніи ѣхать въ 3-е отдѣленіе; но вольно же ему было ввѣрять свою судьбу Нейдгардту; сюда можно бы было назначить другихъ, которые охотно бы приняли это назначеніе; а между тѣмъ и мнѣ не легче: получивши отпускъ, не знаю, когда выѣду, ибо пребываніе Врангеля въ Петербургѣ заставляетъ меня думать, не старается ли онъ избавиться отъ предстоящей ему горькой чаши: и тогда что̀ со мною будетъ? «Verdämmter Streich»,[1] сказалъ бы на моемъ мѣстѣ нѣмецъ, вспоминая, что прошеніе мое объ отпускѣ подано ровно годъ тому назадъ. Наконецъ ровно три мѣсяца, какъ состоялся Высочайшій приказъ объ моемъ увольненіи, а я не могу опредѣлить времени, когда мнѣ можно будетъ выѣхать отсюда; всевозможные штабные крючки, не щадя уже отшествующаго, рвутъ клочками мою бѣдную душу сквозь бренное тѣло мое, истощенное лихорадкой. Картина неутѣшительная, но слово въ слово справедливая, и не въ укоръ тебѣ будь сказано, а молчаніе твое съ 3-го декабря наводитъ еще одинъ слой мрачнаго цвѣта на мои мысли, и подчасъ самый густой. Ѣдкія, но медленныя душевныя и тѣлесныя страданія мои чрезвычайно изнурительны; ощущенія сильныя, но быстрыя, единовременныя, какъ бы онѣ ни были горьки, никогда не могутъ поколебать твердую душу, тогда какъ капля за каплею пробиваетъ камень. Впрочемъ, какъ ты видишь изъ толстаго моего

[1] Экая дьявольщина.

письма, я стараюсь углубляться въ разсужденія о предметахъ отдаленныхъ и забываю въ это время все здѣшнее, не исключая лихорадки; это меня еще спасаетъ. Но все это мнѣ приходится отыскивать внутри себя; ни откуда ни словечка, кромѣ, какъ я говорилъ, крючковатыхъ штабныхъ издѣлій съ булавками, щипчиками, ножичками, а иногда и большими ножами.

На дняхъ тебѣ 25 лѣтъ! правда, что эту первую четверть вѣка своего ты оканчивалъ не въ розовой бесѣдкѣ, но не дай тебѣ Богъ 35-й годъ своей жизни провести такъ, какъ мнѣ пришлось! Жду письма твоего и, если не получу, то отпраздную день твоего рожденія не возліяніями, но омовеніемъ одного слоя черной краски съ бѣднаго чела моего, постепенно поникающаго подъ тягостью мрачной, густой атмосферы, сквозь которую не пробивается ни одинъ животворящій лучъ.

Военно-политическая дѣятельность моя, хотя и продолжается до послѣдняго дня моего здѣсь пребыванія, но уже болѣе года, какъ я встрѣчаю въ этой важной статьѣ такое стѣсненіе со стороны заморскихъ и загорскихъ властей, такое упорное противорѣчіе всѣмъ моимъ предположеніямъ и предпріятіямъ, на долговременномъ опытѣ основаннымъ, что поневолѣ смущаешься и, не теряя увѣренности въ себя, убѣждаешься однако въ невозможности достигнуть пользы государственной.»

9-го апрѣля, Θеодосія. «На дняхъ разстался я съ моимъ отдѣленіемъ и Кавказомъ вообще; ожидалъ получить здѣсь вѣсти отъ тебя, но почта ничего не привезла, и завтра я выѣзжаю въ Богородицкъ. Съ Врангелемъ я встрѣтился и остаюсь въ убѣжденіи, что отдѣленіе мое ничего не потеряло, и если дѣла не всегда пойдутъ успѣшно, то, конечно, не по его винѣ, а по милости тѣхъ же причинъ, которыя, кромѣ болѣзни, заставляютъ меня уѣзжать и не возвращаться на Кавказъ, доколѣ Нейдгардтъ и Трескинъ будутъ тамъ. Здѣсь видѣлся я съ Котляревскимъ; я воображалъ его дряхлымъ старикомъ и съ удовольствіемъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Тяжкая рана обезобразила только его лицо, но душой и тѣломъ онъ крѣпче всѣхъ корпусныхъ командировъ на Кавказѣ, которыхъ я зналъ и знаю; въ послѣдніе 7 лѣтъ онъ меньше страдалъ отъ раны. Онъ не можетъ безъ скорби говорить о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Дагестанѣ, да и кто изъ Русскихъ проститъ виновниковъ этихъ происшествій; но горе имъ, если всѣ усилія, которыя дѣлаетъ правительство въ нынѣшнемъ году, будутъ такъ же употреблены, какъ дѣлалось въ 1842 и 1843 годахъ. Часъ отъ часу я теряю надежду быть въ Петербургѣ; не знаю, что будетъ въ Богородицкѣ, но вижу по всему, что для

службы моей началось потомство. Надобно беречь содержаніе на черный день, а лѣченіе отложить тѣмъ болѣе, что грудь моя такъ разстроена, что минеральныя воды будутъ для нея вредны. Впрочемъ, дѣло мое сдѣлано: меня выжали какъ лимонъ, и бросили; это порядокъ не новый; въ настоящемъ моемъ положеніи я не жалуюсь и не оскорбляюсь, но боюсь только своихъ чувствъ, когда силы мои возстановятся, а мнѣ только 35 лѣтъ, и дѣло это сбыточное. Черезъ двѣ недѣли буду въ Богородицкѣ.»

Бросая общій взглядъ на кавказскую дѣятельность Муравьева, нельзя не замѣтить, что слава, которой онъ заслуженно пользовался, зависѣла не столько отъ блестящихъ военныхъ его подвиговъ, сколько отъ необыкновенныхъ административныхъ способностей, отъ искусства его обращаться съ враждебными намъ горскими племенами; въ краю, гдѣ все дышало войной, онъ, можно сказать, всецѣло слѣдовалъ политикѣ мирныхъ завоеваній; своею благородною личностью онъ умѣлъ внушить къ себѣ неограниченное довѣріе со стороны многихъ владѣтельныхъ и вліятельныхъ лицъ въ средѣ горскихъ племенъ; черезъ нихъ же и самыя племена расположилъ къ добровольной покорности Русскому правительству. Вотъ какъ описываетъ дѣйствія Муравьева въ Абхазіи одинъ изъ его сослуживцевъ—Филипсонъ.[1]

«Въ Абхазіи Муравьевъ началъ съ того, что сблизился съ двумя главными лицами: владѣтелемъ и Кацо-Маргани. Первому онъ оказывалъ особенное уваженіе, и, когда у того родился первый сынъ, приказалъ сдѣлать въ Бомборахъ 101 пушечный выстрѣлъ. Въ сущности, онъ заставлялъ владѣтеля дѣлать все по его указанію. Труднѣе было сблизиться съ Кацомъ, горцемъ умнымъ, хитрымъ и имѣвшимъ огромное значеніе въ Абхазіи. Кацу было уже за 60 лѣтъ, хотя онъ сохранилъ бодрость и прежнюю энергію, но поддался ласкамъ своего начальника и сдѣлался его усерднымъ агентомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ владѣтель и Кацъ вели переговоры и интриги, чтобъ склонить сосѣдей своихъ—Джигетовъ принести покорность Русскому Царю. Дѣло это относительно подчиненія Джигетовъ кончилось тѣмъ, что три прибрежныхъ общества (тысячъ до 10 душъ) согласились принести покорность. Такой успѣхъ въ пріобрѣтеніи новой области безъ оружія можно приписать единственно административнымъ способностямъ Муравьева и его тактикѣ.»—Другой изъ сослуживцевъ Муравьева, М. И. Венюковъ въ своей статьѣ[2] объ немъ, между про-

---

[1] Русск. Арх. 1883 г., стр. 352.
[2] Русск. Стар. 1882 г., февраль, стр. 523.

чимъ, сообщаетъ слѣдующее: «Начальникъ Черноморской береговой линіи генералъ Анрепъ писалъ Головину: «Не могу быть достаточно благодарнымъ вашему высокопревосходительству за назначеніе начальникомъ 3-го отдѣленія линіи (въ Сухумѣ) такого превосходнаго штабъ-офицера, какъ Муравьевъ». «Я самъ читалъ эту бумагу»,—говоритъ г. Венюковъ,—«въ дѣлахъ Кавказскаго штаба и прибавлю, что отзывъ Анрепа оправдывался тѣмъ, что при Муравьевѣ были совершенно покорны Убыхи, т. е. тѣ изъ горцевъ западнаго Кавказа, которые потомъ дольше всѣхъ прочихъ оставались враждебными намъ и никогда не были покорены оружіемъ. Эта административная умѣлость и обратила на Муравьева вниманіе Императора Николая, который произвелъ его въ генералы.»

XVII.

Жизнь Н. Н. Муравьева въ Богородицкѣ.—Письма его къ князю Шарвашидзе и къ брату Александру Николаевичу.—Высочайшая награда Муравьеву.—Смерть его отца и поѣздка въ Петербургъ.—Назначеніе графа Воронцова намѣстникомъ Кавказа.—Предложеніе Муравьева графу Воронцову.—Письмо военнаго министра къ Воронцову.—Письмо Муравьева къ военному министру.—Переписка Н. Н. Анненкова съ Муравьевымъ.—Муравьевъ за границею.—Письма его оттуда къ брату Валеріану Николаевичу.

1844—1845 г.

Наконецъ 20-го апрѣля 1844 года мы видимъ Николая Николаевича уже въ Богородицкѣ (Тульской губ.). Тяжело, думаемъ, отозвалось на сердцѣ Муравьева это первое продолжительное пребываніе въ уѣздномъ городкѣ послѣ кипучей дѣятельности на Кавказѣ. «Разставаясь съ Кавказомъ, я неминуемо глубоко вздохну, это было широкое для меня поле» —такъ писалъ Муравьевъ незадолго до пріѣзда сюда брату своему Александру Николаевичу. Какъ ни старался онъ, повидимому, развлекать себя, но забыть Кавказа не могъ: всѣ мысли его были устремлены къ нему лишь одному; и онъ все-таки не терялъ надежды, по истеченіи срока отпуска, быть еще полезнымъ Кавказу, но только лишь при другихъ обстоятельствахъ, т. е. при другомъ составѣ начальства. Вотъ что писалъ Николай Николаевичъ о своемъ прибытіи въ Богородицкъ владѣтелю Абхазіи, князю Михаилу Георгіевичу Шарвашидзе, въ письмѣ отъ 1-го мая: «Напутствуемый вашими добрыми желаніями, я благополучно доѣхалъ до Богородицка, гдѣ меня давно уже ожидали, и хотя дорога была очень дурная, но здоровье мое нисколько не потерпѣло. Здѣсь расположился я совершенно на покой и, кромѣ визита Ни-

колаю Николаевичу, [1] никуда больше до августа мѣсяца не поѣду, ибо Государь и вся Царская Фамилія уѣзжаютъ скоро за границу и только въ концѣ августа возвратятся въ Петербургъ. Извѣстіе это я получилъ съ послѣднею почтою и спѣшу сообщить и вашей свѣтлости для того, чтобъ вы не спѣшили теперь ѣхать въ Петербургъ. Но если домашнія обстоятельства вамъ дозволятъ ѣхать въ августѣ, то это будетъ очень удобно; сентябрь бываетъ еще очень хорошъ въ Петербургѣ, и Государь, возвратившись изъ-за границы, вѣроятно, будетъ дѣлать гвардейскому корпусу маневры, которые для насъ, Кавказцевъ, очень любопытны, а въ октябрѣ дороги для обратнаго вашего пути будутъ еще очень хороши.

Здѣсь, въ Богородицкѣ, буду я ожидать извѣстій, и никакъ не теряю надежды увидѣться съ вами, хотя черезъ три мѣсяца, и провести вмѣстѣ все время пребыванія вашего въ Петербургѣ. Часто съ глубокимъ чувствомъ вспоминаю я о 3-мъ отдѣленіи, гдѣ, при всѣхъ трудахъ и болѣзняхъ, дружеское ваше расположеніе было мнѣ подпорою и утѣшеніемъ; но радуюсь отъ души, что мѣсто мое занялъ такой достойный и благородный человѣкъ, какъ Егоръ Петровичъ; [2] я съ нимъ давно знакомъ, а теперь въ Ѳеодосіи провели мы вмѣстѣ нѣсколько дней, и я увѣренъ, что 3-е отдѣленіе будетъ имъ довольно.

Покорнѣйше прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе супругѣ вашей и матушкѣ, Александра и Кацо Маргани обнимаю отъ всего сердца и съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій—что̀ у васъ дѣлается.» Затѣмъ отъ 6-го іюля Муравьевъ извѣщалъ своего брата Александра Николаевича о своемъ житьѣ и бытьѣ въ Богородицкѣ такъ: «Вопросъ твой о моихъ занятіяхъ я удовлетворить не могу съ надлежащей ясностью и приличіемъ: ибо долженъ отвѣчать правду, что я просто *бездѣйствую:* читаю кое-что, иногда встрѣчается и порядочное, но это не дѣло; пишу иногда письма, хожу гулять; взялся было за работу корректорскую, но дѣло впередъ не подвигается, частью отъ лѣни, а больше отъ неспособности моей къ этому занятію. Иногда заглядываютъ проѣзжіе съ Кавказа и на Кавказъ. Еще разъ прошу тебя прекратить твои настойчивыя напоминанія Михаилу Николаевичу [3] объ моемъ астраханскомъ намѣреніи; довольно того, что онъ объ этомъ знаетъ; ясно, что дѣло не ладится, и при-

[1] Муравьеву.

[2] Врангель.

[3] Муравьеву.

знаюсь тебѣ, что насильственно я ни за что не хочу получить назначеніе. Если же тебя или брата Валеріана *серьезно* спросятъ обо мнѣ, то скажите: здоровье мое въ эти три мѣсяца значительно поправилось; отъ лихорадки избавился; за границу ѣхать лѣчить раненую руку -поздно, да и средства не дозволяютъ. Отъ службы я никогда не отказываюсь, если въ назначеніи дадутъ мнѣ средства быть полезнымъ, а не въ томъ горестномъ видѣ, въ которомъ я прозябалъ и истлѣвалъ послѣдніе $1^1/_2$ года на Кавказѣ.... Признаюсь, я начинаю скучать безъ дѣла, и только сознаніе и воспоминаніе, отъ какой неблагодарной службы я отдѣлался.—утѣшаютъ меня въ моемъ бездѣйствіи.

Дѣла на Кавказѣ идутъ такъ, какъ этого ожидать должно было: еще въ началѣ 1839 года предсказывалъ я въ Петербургѣ, что будетъ хорошо, и было недурно, за исключеніемъ послѣднихъ дѣйствій Граббе, когда онъ слишкомъ ужъ занесся. Въ началѣ 1842 года я говорилъ, что будетъ дурно, и не ошибся; но все это были цвѣточки; въ началѣ 1844 года я придумывалъ, что надо дѣлать, и полагалъ и полагаю, что будетъ дурно, когда этого не сдѣлаютъ. Но не для Нейдгардта было писано мое предположеніе, и теперь уже, пожалуй, покажутся не цвѣточки, а ягодки; но да будетъ воля Его святая, только бы не было такъ дурно, что и поправить никто не возьмется. Силы наши тамъ такъ велики, что большихъ военныхъ неудачъ, кажется, ожидать нельзя; но при Нейдгардтѣ нельзя ожидать пользы и отъ самыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій. До меня здѣсь доходятъ различныя, весьма неутѣшительныя подробности объ управленіи Кавказомъ, свѣдѣнія вѣрныя и безпристрастныя. Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться съ этимъ порядкомъ вещей, съ одной стороны, и съ Шамилемъ съ другой;—лавры какого-нибудь авангарда далеко недостаточны, чтобъ предотвратить всѣ бѣдствія, угрожающія намъ на Кавказѣ. Впрочемъ, напрасно распространяться о томъ, что̀ до насъ не касается..... Обнимаю тебя....»

Здѣсь, въ Богородицкѣ, Николай Николаевичъ получилъ орденскій знакъ св. Станислава 1-й степени съ Высочайшею грамотою, за отличное мужество и благоразумную распорядительность, оказанныя противъ горцевъ еще въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ 1843 года, при движеніи отряда въ Исху.

Въ началѣ 1845 года постигло Николая Николаевича семейное горе:—онъ лишился отца, что̀ понудило его отправиться въ Петербургъ.

Одновременно съ симъ онъ узналъ о состоявшемся назначеніи графа М. С. Воронцова главнокомандующимъ и на-

мѣстникомъ Кавказа на мѣсто Нейдгардта. Извѣстіе объ этомъ всѣхъ обрадовало, и въ особенности Муравьева: отъ назначенія графа Воронцова ожидали многаго. По прибытіи своемъ въ Петербургъ, за нѣсколько дней до выѣзда графа на Кавказъ, Муравьевъ счелъ долгомъ явиться къ нему и, съ разрѣшенія военнаго министра, предложилъ Воронцову свои услуги быть чѣмъ-либо полезнымъ на Кавказѣ. Графъ чрезвычайно привѣтливо принялъ предложеніе Муравьева и обѣщалъ по сему предмету лично объясниться съ военнымъ министромъ. Муравьевъ же, по случаю похоронъ отца своего, не имѣлъ возможности тотчасъ же доложить министру объ этомъ отвѣтѣ и только лишь послѣ отъѣзда Воронцова объяснилъ все это генералъ-адъютанту Н. Н. Анненкову для доклада военному министру. Князь Чернышевъ былъ удивленъ этимъ и тотчасъ же, изъ сочувствія къ Муравьеву, препроводилъ Воронцову слѣдующее отношеніе отъ 18-го февраля: «Состоящій въ отпуску для излѣченія раны по 7-е апрѣля сего года, бывшій начальникъ 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, генералъ-маіоръ Муравьевъ, желая опредѣлиться снова на службу на Кавказѣ, подъ лестнымъ начальствомъ вашего сіятельства, имѣлъ честь съ моего разрѣшенія являться вамъ за нѣсколько дней передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Петербурга и получилъ отзывъ, что вы, милостивый государь, изволите по сему лично объясниться со мною. Генералъ-маіоръ Муравьевъ, по случаю кончины его отца, не имѣлъ возможности до отбытія вашего довести объ отзывѣ вашемъ до моего свѣдѣнія; нынѣ, по сближеніи срока его отпуска, испрашиваетъ разрѣшенія по означенному предмету. Долгомъ считая сообщить объ этомъ на ближайшее усмотрѣніе вашего сіятельства, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ, угодно ли будетъ вашему сіятельству, чтобы генералъ-маіоръ Муравьевъ былъ употребленъ вновь на службу въ войскахъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса или по управленію Кавказскимъ краемъ, и въ этомъ случаѣ какое изволите вы предполагать дать ему назначеніе.» Вслѣдъ за этимъ отношеніемъ, генералъ-адъютантъ Анненковъ писалъ Муравьеву отъ 19-го февраля: «Согласно желанію вашего превосходительства, я имѣлъ честь доводить до свѣдѣнія г. военнаго министра, что вы, милостивый государь, изволите ожидать разрѣшенія относительно назначенія васъ вновь на службу по Кавказскому корпусу или по управленію симъ краемъ. Князь Александръ Ивановичъ, изъявляя сожалѣніе, что ваше превосходительство не могли доложить его сіятельству полученный вами отъ графа Воронцова отзывъ до отъѣзда его изъ С.-Петербурга, счелъ

долгомъ отнестись о дѣлѣ вашемъ къ нему. По приказанію г. военнаго министра, увѣдомляю о семъ ваше превосходительство.»

Дѣло это, по неизвѣстной намъ причинѣ, затянулось, а здоровье Муравьева ухудшалось, и онъ сталъ просить себѣ отсрочки еще на шесть мѣсяцевъ, чтобы поѣхать на минеральныя воды. По поводу этого написалъ онъ слѣдующее письмо къ военному министру, отъ 29-го марта: «Генералъ-адъютантъ Анненковъ увѣдомилъ меня въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ, что вашему сіятельству угодно было отнестись къ графу Воронцову по предмету о назначеніи меня вновь на службу на Кавказъ, но между тѣмъ положеніе моей раны сдѣлалось хуже, и я не вижу возможности въ скоромъ времени туда возвратиться, особенно, не воспользовавшись лѣченіемъ минеральными водами, которыхъ я въ прошломъ лѣтѣ употреблять не могъ по случаю другихъ болѣзней, бывшихъ послѣдствіями абхазской лихорадки; а такъ какъ срокъ моего отпуска оканчивается 7-го апрѣля сего года, то я пріемлю смѣлость покорнѣйше просить ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ у Государя Императора отсрочку на шесть мѣсяцевъ за границу, съ сохраненіемъ получаемаго мною содержанія, ибо, не имѣя никакого состоянія, содержаніе это составляетъ мнѣ единственное средство къ существованію.» Вскорѣ послѣ этого письма къ министру, Муравьевъ получилъ отсрочку на шесть мѣсяцевъ; но по разнымъ обстоятельствамъ не могъ скоро выбраться изъ Петербурга за границу. Тогда снова Н. И. Анненковъ, по приказанію князя Чернышева, пишетъ Муравьеву слѣдующую записку отъ 24-го апрѣля: «Военный министръ поручилъ мнѣ узнать отъ вашего превосходительства, не измѣнили ли вы предположенія вашего воспользоваться даннымъ вамъ отпускомъ. Исполняя симъ приказаніе князя Александра Ивановича, ожидаю по оному отзыва вашего превосходительства.»

На эту записку Муравьевъ отъ 25-го апрѣля отвѣчалъ Анненкову такъ: «Для раны лѣченіе минеральными водами рано или поздно необходимо, но въ теченіе пяти лѣтъ я откладывалъ это пять разъ, какъ только видѣлъ надобность въ моей службѣ [1]

. . . .

. . . .

Чувство безпредѣльной покорности волѣ Государя Императора и преданности къ пользамъ службы Его Величества вполнѣ неиз-

---

[1] Далѣе, къ сожалѣнію, нельзя было воспроизвести въ точности это мѣсто записки, которое обозначено нами точками, такъ какъ мы пользовались черновымъ подлинникомъ, въ которомъ это мѣсто было залито чернилами.

мѣнно, и если только можетъ встрѣтиться надобность дать мнѣ дѣятельное назначеніе въ настоящее время, то я безпрекословно готовъ отказаться отъ отпуска, Всемилостивѣйше мнѣ дозволеннаго, и отложить лѣченіе до времени болѣе свободнаго.»

На это письмо Н. Н. Анненковъ отвѣтилъ слѣдующее, отъ 27-го апрѣля: «Je m'empresse de vous avertir, mon général, que vous pouvez faire vos publications de voyage et vos préparatifs de départ en toute sûreté: l'affaire du Caucase est coulée à fond. On dira que vos blessures s'étant rouvertes, vous avez demandé et reçu un semestre pour l'étranger et le tout sera dit.»[1]

Итакъ, изъ всей этой переписки мы видимъ, что желаніе Николая Николаевича служить на Кавказѣ почему-то не осуществилось, и онъ, чтобы не потерять времени даромъ, отправился къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ, для возстановленія своего здоровья. Но мысль служить на Кавказѣ, какъ мы увидимъ, не оставляла его. Вотъ что писалъ онъ изъ Ахена къ брату Валеріану Николаевичу, отъ $^{11}/_{23}$ іюня: «Вотъ мы и расположились на кантониръ-квартиры: сестры тебѣ, вѣроятно, сообщили письма наши отъ $^{7}/_{19}$ числа, въ которыхъ разсказаны причины и самая поѣздка наша до Бонна, а также и данный намъ совѣтъ ѣхать сюда. На другой день, т. е. 8-го числа, мы отправились изъ Бонна по желѣзной дорогѣ опять въ Колонь или Кёльнъ, гдѣ провели нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть знаменитую католическую церковь, заложенную 600 лѣтъ тому назадъ и донынѣ еще строющуюся. Не стану тебѣ описывать это зданіе: это было бы слишкомъ долго, да и Богъ знаетъ, когда еще оно достроится, ибо ежегодно собирается на это только 80 т. талеровъ, а для окончанія ея вполнѣ потребно еще около 8 милліоновъ талеровъ же, хотя вообще уже въ 600 лѣтъ построено по крайней мѣрѣ $^{3}/_{4}$ всего, слѣдовательно, она будетъ стоить слишкомъ 30 милліоновъ талеровъ, т. е. 100 м. ассигнац., не включая различныхъ богатыхъ приношеній, всей внутренности и пышныхъ гробницъ множества знаменитыхъ людей, начиная съ 13-го вѣка. Сверху этой церкви прекрасный видъ, но это неново для того, кто былъ на Иванѣ Великомъ, на Воробьевыхъ горахъ и въ Симоновомъ монастырѣ. И Николай Васильевичъ со своею слабою ногою взбирался на половину высоты, а потомъ мы отпра-

---

[1] Спѣшу увѣдомить васъ, генералъ, что вы вполнѣ можете публиковать въ газетахъ объ отъѣздѣ своемъ за границу и готовиться къ отъѣзду. Дѣло о Кавказѣ кануло въ воду. Будетъ заявлено, что ваши раны раскрылись; что вы просились въ шестимѣсячный отпускъ и получили его. Этимъ все будетъ сказано.

вились обѣдать, а въ 3 часа по желѣзной дорогѣ сюда. Отмѣнно пріятно проѣзжать большія пространства такъ быстро; сюда изъ Колоніи 9 миль, т. е. слишкомъ 60 верстъ; мы останавливались 6 разъ по нѣсколько минутъ, и даже одинъ разъ на 10, а все-таки прибыли сюда въ $5^1/_2$ часовъ и расположились первоначально въ Hôtel de l'Empereur, а потомъ, т. е. вчера, переѣхали въ Hotêl a l'aigle noir. Насъ вмѣстѣ трое, т. е. Николай Васильевичъ, я и поручикъ князь Голицынъ;—здѣсь имѣемъ мы квартиру окнами въ садикъ, въ нижнемъ этажѣ, что̀ необходимо для Николая Васильевича, и, что̀ еще для него лучше, подъ одною крышею съ назначенными для него ваннами. Квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ и стоитъ съ постелями 7 франковъ въ сутки, т. е. $1^3/_4$ руб. сер.: вообще мы не можемъ похвалиться дешевизною жизни и, чтобъ не издерживать лишняго, приноравливаемся къ заграничнымъ обычаямъ, противъ которыхъ Николай Васильевичъ вопіетъ постоянно. Ему и мнѣ назначены *души;* это разорительно: съ каждаго по три франка за разъ, т. е. ежедневно, но дѣлать нечего; кромѣ того мы натощакъ пьемъ воду прямо изъ источника—онъ теплую, а я—простуженную. Есть всякое вѣроятіе, что лѣченіе это будетъ ему полезно, и было бы даже полезно и для моей руки, но вліяніе сѣрнаго воздуха и водъ нехорошо для моей разстроенной груди; посмотримъ, до какой степени это вліяніе будетъ помогать рукѣ и вредить груди; въ 10 дней это опредѣлится ясно, и тогда, если нельзя будетъ мнѣ продолжать лѣчиться, то я поѣду прогуляться и отдохнуть къ другимъ водамъ, можетъ быть, въ Пиринеи, какъ говорятъ здѣшніе медики.

Надобно сдѣлать извѣстнымъ въ Военномъ Министерствѣ, что я лѣчусь здѣсь, на случай могущаго встрѣтиться назначенія, и еслибъ я даже отсюда и выѣхалъ, то Николай Васильевичъ будетъ знать, куда я поѣду; черезъ мѣсяцъ во всякомъ случаѣ я готовъ возвратиться и ѣхать на Кавказъ, если меня тамъ благопристойно помѣстятъ; полагаю, что удобнѣе всего Михаилу Николаевичу сообщить обо мнѣ Веймарну, когда онъ увидится съ нимъ въ Комитетѣ, или тебѣ заѣхать къ Анненкову засвидѣтельствовать ему мое почтеніе и сказать только, что я въ Aix-la Chapelle, по совѣту извѣстнаго профессора *Носсе*. Русскихъ насъ здѣсь очень немного, а именно: насъ трое, какъ выше сказано, и нѣкто *Дурново*, зять князя Петра Михайловича Волконскаго, генералъ-контролеръ морскихъ отчетовъ и проч. и проч.; всѣ мы вмѣстѣ каждый день и покуда еще не скучаемъ. Заграничныя газеты, по обыкновенію, врутъ о Кавказѣ; у васъ, вѣроятно, есть вѣсти болѣе правдивыя.»

Далѣе, отъ 26-го іюня, Николай Николаевичъ пишетъ: «Страннымъ образомъ остался я здѣсь,[1] вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Лондонъ; одинъ день отсрочки передѣлалъ направленіе моего вояжа, и я уже не буду въ Лондонѣ: впрочемъ и не жалѣю, ибо это сохранитъ мои денежныя средства, которыя бы много потерпѣли отъ этой поѣздки. Теперь я рѣшился ожидать здѣсь вашихъ извѣстій, въ которыхъ надѣюсь найти болѣе любопытнаго, чѣмъ дѣйствительно найду; письма ваши могутъ сюда дойти въ субботу, т. е. 1-го іюля; посмотримъ, что онѣ скажутъ, и тогда я могу пуститься въ дорогу съ большею основательностію; но желалъ бы имѣть побудительный поводъ возвратиться къ дѣлу, ибо скучно безъ дѣла даже и за границею. Разумѣется, что я никогда не буду жалѣть о поѣздкѣ моей сюда и за границу вообще; можетъ быть, не безъ пользы будетъ и нѣкоторое пребываніе въ Парижѣ, куда я теперь располагаю ѣхать прямо отсюда; ибо это очень близко и удобно по желѣзной дорогѣ; теперь, однакожъ, я чувствую, что для понятій моихъ полезнѣе; лучше видѣть мало, но основательно, чѣмъ много и—мелькомъ. Монументы, башни и церкви не могутъ удовлетворить моему любопытству; картины, музыка и виды прельщаютъ меня только на короткое время; но страсть углубиться въ человѣческое сердце усиливается во мнѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я встрѣчаю новыхъ людей; страсть узнавать кущеныя причины дѣйствій, страсть къ истинѣ, во всей ея наготѣ, развивается во мнѣ болѣе и болѣе, и болѣе и болѣе я убѣждаюсь, что поверхностныя сужденія всегда ошибочны, и что только опытъ и наблюденіе раскрываютъ передъ нами пути Провидѣнія. Пожалуй, ты сомнительно улыбнешься, прочитавши эти философическія строки, и подумаешь, что я не выспался или слишкомъ много спалъ. Нѣтъ, я теперь очень часто курю сигарку и запиваю пивомъ, въ ожиданіи обѣда, который намъ сегодня даетъ Дурново: онъ человѣкъ придворный, прежде вспомнилъ объ этомъ днѣ, но за то мы ему отплатимъ 1-го іюля.

Жара нестерпимая напоминаетъ мнѣ Кавказъ и мою тамъ независимость. Это покажется тебѣ странно, но оно именно справедливо: при всѣхъ трудахъ и отвѣтственности по службѣ, мы въ мелочныхъ отношеніяхъ тамъ болѣе независимы, чѣмъ даже за границею. Впрочемъ, при всемъ желаніи написать тебѣ что-нибудь любопытное, я не могу придумать: все здѣсь очень однообразно, жарко, пахнетъ сѣрою, какъ въ Пятигорскѣ, смирно, скромно, всѣ лица знакомыя, и пора бы ѣхать, еслибъ не ожидалъ

[1] Въ Ахенѣ.

вашихъ писемъ. Рука опять шалитъ, рана хочетъ открыться; это придется лѣчить въ Парижѣ: мнѣ здѣсь обѣщаютъ, что тамъ непремѣнно меня вылѣчатъ; посмотримъ, и тогда, можетъ быть, я останусь въ Парижѣ до конца отпуска, но разумѣется, если буду убѣжденъ, что лѣченіе полезно. Чувствую однакожъ, что еслибъ Богу угодно было устроить меня на Кавказѣ, то я бы тамъ лучше вылѣчился, чѣмъ гдѣ-либо; разумѣется, только не съ лихорадками 3-го отдѣленія. Недостатокъ дѣятельности ничѣмъ замѣниться не можетъ;—странно, очень странно, что подобное расположеніе оставлено безъ пользы, безъ употребленія: лично я смиряюсь передъ неизмѣнными путями Провидѣнія, но не могу себѣ растолковать холодности другихъ. Мысль оставить службу совсѣмъ безпрестанно у меня является и развивается, когда я думаю, что на Кавказѣ употребить меня не хотятъ по принадлежности. Я убѣжденъ, что Имеретинская область существовать не можетъ и не должна; но уже ни въ какомъ случаѣ не слѣдъ меня туда запирать, а между тѣмъ это истинная fatalité и для меня и для Кавказа, что мнѣ не хотятъ дать Дагестанъ, или, по крайней мѣрѣ, 21-ю дивизію, которую тамъ располагаютъ.

Странное впечатлѣніе дѣлаетъ на меня Европа, впечатлѣніе совсѣмъ неожиданное и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Русскому, очень пріятное: у насъ все велико, здѣсь все—мало; здѣсь въ подробности все хорошо, удобно, устроено, гладко, расчитано, исчислено, соображено, пригнано въ мѣру и вѣсъ; люди все знаютъ, чего, кажется, и знать бы нельзя, а потому здѣсь нѣтъ будущаго; здѣсь всѣ живутъ въ настоящемъ, бываютъ порывы надеждъ и словъ, но минуются скоро, утопаютъ въ существенности. Здѣсь говорятъ и пишутъ объ неизвѣстномъ, de l'inconnu, какъ о разсужденіи, доказывающемъ степень развитія мыслей въ нынѣшнемъ вѣкѣ, степень преимущества передъ 18-мъ вѣкомъ, а между тѣмъ это только на словахъ, ибо здѣсь tout est connu, au moins tout le monde tâche de prouver, qu'il connait tout:[1] ничего не оставлено воображенію; скажу сильнѣе, ничего не оставлено сердцу, которое должно наслаждаться въ неизвѣстномъ. Здѣсь говорятъ que les Russes n'ont pas de coeur, mais qu'ils ont beaucoup d'intelligence; et bien, je crois que ceux qui le disent, prononcent un jugement bien sévère sur eux mêmes, c'est qu'ils ne comprennent pas ce que c'est que le coeur et que leur intelligence est très bornée.[2] Il

[1] Все знаютъ, или, по крайней мѣрѣ, всякій хочетъ показать, что онъ все знаетъ.

[2] Что Русскіе безсердечны, но за то умны очень; по моему мнѣнію, тѣ, которые это утверждаютъ, не понимаютъ, что̀ такое сердце, и умъ ихъ весьма ограниченъ; они этимъ подписываютъ строгій приговоръ самимъ себѣ.

наконецъ свое пребываніе въ Парижѣ Николай Николаевичъ заключаетъ, въ письмѣ своемъ отъ $^{1}/_{13}$ августа такъ: «Вчера послѣ полудня, въ 5 часовъ, былъ я наконецъ выведенъ изъ крайняго недоразумѣнія письмомъ вашимъ. Отсрочки просить я и не могу и не намѣренъ: довольно уже я покатался и насмотрѣлся въ этой знаменитой Европѣ; лучше двумя недѣлями ранѣе возвратиться, чтобъ пробыть нѣсколько болѣе въ Петербургѣ, а уже октябрь я тамъ ни за что не останусь, и во всякомъ случаѣ на всю зиму отправлюсь куда-нибудь, если не отправятъ на Кавказъ. Любопытно мнѣ очень знать, что ты пишешь въ твоихъ прежнихъ письмахъ; но не имѣю надежды ихъ получить: онѣ бы давно дошли до моихъ рукъ, еслибъ не случилось съ ними какого-либо несчастія.

Письмо Александра отъ 21-го дошло сюда въ 10 дней; поэтому я имѣю надежду получить отъ тебя отвѣтъ на это недѣли черезъ три, и все это время пробуду въ Парижѣ, разумѣется, разъѣзжая по окрестностямъ и по желѣзнымъ дорогамъ до Орлеана и до Руана. Вообще же располагаю я выѣхать отсюда на обратный путь въ концѣ нашего августа или 1-го сентября.»

XVIII.

Возвращеніе Муравьева изъ-за границы.—Отношеніе военнаго министра къ министру внутреннихъ дѣлъ о причисленіи Муравьева къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.—Командировка Муравьева на ревизію Новгородской губ.—Письма его къ брату.—Назначеніе Муравьева исправляющимъ должность военнаго губернатора и гражданскаго губернатора г. Тулы.—Письмо его брату по этому поводу.

1845—1846 г.

Заграничное путешествіе и пользованіе тамошними минеральными водами возстановили здоровье Николая Николаевича. По возвращеніи изъ-за границы, онъ былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ при слѣдующемъ отношеніи военнаго министра къ министру внутреннихъ дѣлъ, [1] отъ 12-го декабря 1845 года: «Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Его Величеству отношенія вашего высокопревосходительства. Высочайше соизволяетъ на причисленіе состоящаго по арміи генералъ-маіора Муравьева къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ для исполненія порученій, по случаю предполагаемаго назначенія его впослѣдствіи въ должность военнаго губернатора, съ сохраненіемъ военнаго чина. О таковомъ Монаршемъ соизволеніи, объявленномъ генералъ-маіору Муравьеву, имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство къ зависящему распоряженію.»

Вскорѣ послѣ сего причисленія къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а именно въ началѣ 1846 года, Николай Николаевичъ былъ командированъ для ревизіи въ Новгородскую губернію. О

---

[1] Графу Л. А. Перовскому.

ревизіи этой мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ переписки Николая Николаевича изъ Новгорода съ братомъ его Валеріаномъ Николаевичемъ. Воспроизводимъ ее въ извлеченіяхъ:

21-го января. «За новую мою службу я принялся понемножку съ Губернскаго Правленія и въ промежуткѣ обревизовалъ и одинъ станъ, именно Тихвинскій, но рѣшительно не могу опредѣлить, когда окончу: это зависитъ отъ степени порядка или безпорядка, который я найду въ дѣлопроизводствѣ.

Конечно, мнѣ любопытно знать, куда меня назначаютъ или назначили; но если въ Новгородъ, паче чаянія, то необходимо было бы знать тотчасъ же, ибо и самая ревизія моя была бы въ другомъ видѣ, не относительно донесенія, а относительно присутственныхъ мѣстъ; ибо теперь я, какъ человѣкъ посторонній, и на основаніи инструкцій не дѣлаю никакихъ распоряженій и только записываю; а какъ самъ хозяинъ, то я бы на самомъ мѣстѣ и дѣлѣ исправлялъ безпорядки, и тогда ревизія эта была бы не только полезна для меня, но и для дѣла.

Вообще объ отчисленіи Зурова [1] и моемъ назначеніи куда-либо я буду ожидать отъ тебя положительныхъ извѣстій; во всякомъ случаѣ я могу ускорить мою ревизію, если мое назначеніе воспослѣдуетъ куда бы то ни было; но въ отдаленные уѣзды, т. е. Бѣлозерскій, Устюжинскій, Череповскій и Кирилловскій ранѣе іюня, какъ говорятъ, ѣхать очень трудно. Теперь я въ одно время ревизую Губернское Правленіе и Новгородскій Земскій Судъ, и въ одно время представлю или привезу донесеніе мое объ этихъ двухъ предметахъ.»

23-го января. «Для исполненія надлежащимъ образомъ моего порученія я имѣю инструкцію, а не одно только секретное предписаніе, слѣдовательно, никакъ не могу ограничиться одними свѣдѣніями о чиновникахъ, но признаюсь тебѣ, что вопросъ объ увольненіи Зурова и о собственномъ моемъ назначеніи -именно куда?—для меня необходимо долженъ разрѣшиться и будетъ служить масштабомъ краткости или обширности моей ревизіи. Есть множество подробностей, въ которыя я вникаю, но которыя могутъ быть помѣщены и не помѣщены въ самомъ донесеніи, а покуда служатъ собственно для меня наукою.»

31-го января. «По окончаніи ревизіи Губернскаго Правленія, т. е. недѣли черезъ двѣ, я полагаю необходимымъ побывать въ

---

[1] Новгородскій губернаторъ. Вслѣдствіе обнаруженныхъ ревизіей упущеній въ гражданскомъ управленіи Новгородской губ., Зуровъ былъ впослѣдствіи смѣщенъ, хотя Муравьевъ, по присущему ему чувству справедливости, и былъ его защитникомъ.

Петербургѣ и объясниться съ Львомъ Алексѣевичемъ [1] по дѣламъ Новгородской губерніи и особенно города Новгорода.»

Дѣйствительно, по окончаніи ревизіи Губернскаго Правленія, Николай Николаевичъ отправился въ Петербургъ, откуда идетъ цѣлый рядъ писемъ къ брату Валеріану Николаевичу.

17-го апрѣля. «Мнѣ разрѣшено было на праздники сюда пріѣхать, и я, окончивши ревизію въ Новгородѣ, пріѣхалъ сюда наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, но теперь разболѣлась опять *раненая рука*, и я по уѣздамъ ѣхать не могу; вѣроятно, это повлечетъ за собою необходимость оставить и службу, но дѣлать нечего,—я этому невиноватъ.

Объ острогѣ Новгородскомъ я представилъ только краткую записку, которая не можетъ тебѣ служить къ руководству; я обратилъ вниманіе только, что арестанты содержатся неопрятно, не получаютъ казеннаго бѣлья, ихъ не водятъ еженедѣльно въ баню, и пищу они получаютъ только по положенію, и всѣ деньги, вынимаемыя изъ кружекъ и поступающія отъ благотворителей, отправляются въ Попечительный Комитетъ о тюрьмахъ. Я именно для того не посылаю тебѣ этой записки, что она можетъ тебя вовлечь въ искушеніе писать также кратко, а отъ тебя требуется гораздо подробнѣе; я же и въ рапортѣ упомянулъ, что видѣлъ острогъ только поверхностно.

Всѣ наши здѣсь, кромѣ меня, здоровы, и моя болѣзнь временная, но она можетъ меня заставить ѣхать за границу, а такъ какъ въ отпускъ, можетъ быть, нельзя, то придется оставить службу; а потому я ничего тебѣ сказать о Тулѣ не могу, ибо съ этимъ назначеніемъ поздравилъ меня только военный министръ, а министръ внутреннихъ дѣлъ объ назначеніи для меня еще не думаетъ; Государь же отъѣзжаетъ скоро за границу.

Недѣли черезъ двѣ я тебѣ буду писать въ Воронежъ обо всемъ подробно poste restante и о томъ, что̀ будетъ съ моею рукою. Я ни объ чемъ не жалѣю,—все къ лучшему.»

Валдай, $^1/_3$ *мая.* «Вчера собрался я наконецъ сюда послѣ обозрѣнія Демьянскаго и Крестецкаго уѣздовъ и пробуду всего трое сутокъ, какъ для составленія донесеній, такъ и въ ожиданіи извѣстій изъ Петербурга отъ сегодняшняго числа. Пользуюсь однако первою свободною минутою, чтобъ написать тебѣ поподробнѣе о разныхъ дѣлахъ, до насъ относящихся.

Мои дѣла въ слѣдующемъ положеніи: Перовскій желаетъ безъ всякаго основанія, чтобъ я обревизовалъ всю губернію: я

[1] Графъ Перовскій.

ему сказалъ, что у меня болитъ рука, и что мнѣ приходится ѣхать на перекладной при нынѣшнихъ дорогахъ въ Новгородской губерніи; онъ принялъ участіе въ моей рукѣ; но два раза спросилъ, когда я выѣзжаю изъ Петербурга; я уѣхалъ на другой день и дѣйствительно на перекладной объѣзжаю губернію, и, по начертанному мною маршруту, буду непремѣнно 20-го мая въ Петербургѣ. Но это не все. М. Н. [1] говоритъ, что и тогда еще, можетъ быть, меня не тотчасъ назначатъ!

Государь уѣзжаетъ за границу на дняхъ и возвратится не ранѣе 1-го іюня; слѣдовательно, если я теперь не назначенъ, то ранѣе іюня никакъ уже назначенъ не буду; а между тѣмъ Воронцовъ просилъ меня въ губернаторы въ Грузію; но ему отвѣчали по Высочайшему повелѣнію, что я уже предназначенъ въ Тулу! Возвратившись въ Петербургъ, я увижу, что мнѣ остается дѣлать, но опредѣлить объ себѣ ничего не могу. Еслибъ съ моей стороны было только одно простое нетерпѣніе, то могли бы меня обвинять, но я привыкъ держать мое слово и вѣрить, когда мнѣ его даютъ; со мною же поступаютъ неблагопристойно; безъ сомнѣнія, благоразуміе требуетъ покоряться обстоятельствамъ, но то же благоразуміе говоритъ, что покоряться полезно только до извѣстной степени. Безъ сомнѣнія, частныя мои дѣла не могутъ входить въ расчетъ правительства; но, повторяю, должно же быть нѣкоторое вниманіе къ службѣ, а заставлять безъ всякой надобности и пользы раненаго на перекладной кататься по болотамъ Новгородской губерніи, а между тѣмъ оставлять назначенную мнѣ губернію безъ губернатора—странно! Ревизію мою хвалятъ,—немудрено, потому что я дѣлаю по совѣсти и крайнему моему уразумѣнію; но нельзя же забывать, что я служу безъ содержанія, и что, наконецъ, могли бы меня назначить и тогда требовать, чтобъ я продолжалъ ревизію хоть годъ;—впрочемъ, презрѣніе мое такъ велико ко всѣмъ этимъ продѣлкамъ, что оно только меня и поддерживаетъ. Валдай меня утѣшилъ: я здѣсь нашелъ все въ большемъ порядкѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; люблю я и горы, нравится мнѣ и монастырь на островѣ; въ сущности вѣрить можно только природѣ.»

Труды Николая Николаевича по ревизіи Новгородской губерніи, показавшіе его обстоятельное знакомство съ дѣлами и ходомъ гражданскаго управленія, не остались однакожъ безъ послѣдствій. 16-го іюня 1846 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора города Тулы и Тульскаго

[1] Муравьевъ.

гражданскаго губернатора, съ оставленіемъ по арміи. Объ этомъ назначеніи своемъ, Николай Николаевичъ немедля извѣщаетъ своего брата слѣдующимъ письмомъ отъ 14-го іюня. изъ Петербурга. «Только сегодня могу я тебя увѣдомить о себѣ положительно, любезный другъ и братъ Валеріанъ. Вчера, въ Петергофѣ, Государь подписалъ указъ о назначеніи меня въ должность военнаго губернатора города Тулы и Тульскаго гражданскаго губернатора; въ приказѣ это будетъ еще дня черезъ три; желаніе твое. чтобъ мы пріѣхали съ сестрою въ Тулу не ранѣе 4-го іюля такъ и сбудется: мы будемъ не ранѣе 1-го іюля въ Москвѣ.... Если же ты будешь имѣть свободную минутку. чтобъ найти мнѣ временное помѣщеніе, куда и самъ поселись, то я буду тебѣ очень благодаренъ; а по пріѣздѣ мы бы вмѣстѣ взглянули и на постоянное. Если же не успѣешь, то я остановлюсь и въ трактирѣ. Надобно однакожъ, чтобъ временное помѣщеніе было достаточно. чтобъ всѣмъ намъ помѣститься на нѣсколько дней.»

XIX.

Пріѣздъ Муравьева въ Тулу.—Дѣятельность его тамъ.—Ревизія губерніи.—Отчетъ его объ этой ревизіи.—Административная дѣятельность его въ Тулѣ.—Вопросъ, поднятый Муравьевымъ, объ освобожденіи крѣпостныхъ.—Письма его къ брату.—Екатерина Николаевна де-Ришемонъ.—Женитьба Муравьева.—Письма его къ брату.—Новое назначеніе Муравьева въ Восточную Сибирь.—Письмо къ брату по поводу встрѣчи его съ Государемъ на станціи Сергіевской.

—

1846—1847 г.

—

Въ первыхъ числахъ іюля 1846 года, Николай Николаевичъ Муравьевъ прибылъ въ Тулу, уже съ званіемъ Тульскаго военнаго и гражданскаго губернатора. Пріѣздъ его въ Тулу, согласно его желанію, прошелъ скромно, безъ всякой встрѣчи. Вступивъ въ управленіе ввѣренной ему губерніей, Николай Николаевичъ съ обычною ему горячностью принялся дѣятельно за новое ему дѣло. Хотя служебная его дѣятельность на этомъ посту, какъ мы увидимъ, была и кратковременна, но онъ своимъ умомъ, образованіемъ и широкимъ взглядомъ на дѣло успѣлъ сдѣлать многое и пріобрѣсти всеобщую любовь и уваженіе. Строгая законность распоряженіи, постоянная заботливость о нуждахъ Тулы и Тульской губерніи, вниманіе къ трудамъ и заслугамъ другихъ, готовность помочь каждому въ его нуждѣ, общедоступность, умѣнье избѣгать всякаго рода столкновенія, вотъ тѣ качества, которыми отличался новый Тульскій военный губернаторъ.

Первымъ дѣломъ Николая Николаевича было обревизовать свою губернію, чтобы тѣмъ изучить ее наглядно во всѣхъ подробностяхъ. И вотъ, послѣ перваго объѣзда, имъ представленъ былъ въ министерство отчетъ, въ которомъ особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія статьи: [1]

[1] Изъ дѣла Комитета министровъ по управленію Тульской губ.

1) *О тюрьмахъ.* Всѣ тюремные замки губерніи признаны по ветхости и тѣснотѣ негодными, и, по мѣстнымъ соображеніямъ, признано необходимымъ построить во всѣхъ городахъ новые замки. На это представленіе обращено было Высочайшее вниманіе Государя Императора, положившаго собственноручную резолюцію: «Спросить объ этомъ графа Клейнмихеля.»

2) *О неумѣренномъ и нерасчетливомъ истребленіи лѣсовъ* по всей губерніи, угрожающемъ величайшимъ бѣдствіемъ для народонаселенія. По поводу этого Муравьевъ, выражая, что, безъ особыхъ мѣръ правительства къ ограниченію непомѣрнаго истребленія лѣсовъ и поощренія къ поддержкѣ ихъ или разведенію вновь, вскорѣ настанетъ время великой нужды для цѣлаго населенія губерніи, указываетъ, что необходимо обратить особенное вниманіе на иріиски каменнаго угля, во многихъ мѣстахъ губерніи найденные, о чемъ имъ своевременно будутъ представлены соображенія. Противъ этой статьи, на полѣ, Государь Императоръ написалъ: «На этотъ важный предметъ обратить вниманіе Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.»

3) *О торговлѣ* Муравьевъ пишетъ: Успѣху торговли въ губерніи вообще препятствуетъ недостатокъ водяныхъ сообщеній, ибо судоходная рѣка Ока омываетъ только окраины губерніи, а Бѣлевская пристань, будучи удалена отъ главныхъ торговыхъ путей губерніи и находясь въ сторонѣ, мало способствуетъ сбыту внутреннихъ произведеній. Но имѣется въ виду предположеніе объ устройствѣ пристаней въ городахъ Одоевѣ и Новосилѣ, для сплава по рѣкамъ Упѣ и Зушѣ, впадающимъ въ Оку, о чемъ своевременно будутъ представлены соображенія господину министру внутреннихъ дѣлъ, и наконецъ

4) Относительно *сельскаго хозяйства*—Муравьевъ указываетъ на то, что раціональное хозяйство, развиваясь слабо, требуетъ поощреній. Мысль объ учрежденіи въ Тулѣ губернскаго Общества Сельскаго Хозяйства не встрѣтила достаточнаго сочувствія со стороны дворянъ; поэтому онъ, Муравьевъ, предполагаетъ въ предстоящемъ 1847 году войти въ ближайшія сношенія съ дворянствомъ къ осуществленію этой мысли, дѣйствуя въ данномъ случаѣ подъ руководствомъ министра государственныхъ имуществъ.

Не переставая совершать свои объѣзды по уѣздамъ, Николай Николаевичъ находилъ однакожъ время заниматься не только текущими дѣлами, но и собственноручно составлялъ различные планы, касающіеся до благоустройства не одной только Тулы, но и всей Россіи. Такъ «онъ первый изъ всѣхъ русскихъ губерна-

торовъ», пишетъ М. И. Венюковъ, [1] — «поднялъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Девять помѣщиковъ, въ томъ числѣ князь Голицынъ и одинъ изъ Норовыхъ, подписали приготовленный по внушенію Муравьева адресъ Государю объ освобожденіи крестьянъ. Императоръ былъ очень доволенъ, но повелѣлъ продолжать дѣло съ крайнею осторожностью и прежде всего добиться бóльшаго числа помѣщичьихъ подписей подъ адресомъ; а какъ таковыхъ собрать не удалось, то дѣло кануло въ воду. Только Государь не забылъ «либерала и демократа», т. е. попросту «благороднаго, человѣколюбиваго губернатора.»

Между всѣми этими служебными дѣлами Николай Николаевичъ не прекращалъ и своей обычной переписки съ братомъ Валеріаномъ Николаевичемъ. Отъ 2-го ноября онъ писалъ: «Я счастливъ, и здоровье мое день ото дня улучшается; сожалѣю только, что новое твое направленіе не приведетъ тебя въ Тулу. Но теперь, какъ я наслаждаюсь нравственнымъ блаженствомъ, необходимо думать и объ матеріальномъ: сдѣлай дружбу, *выбери мнѣ имѣніе* и не для меня одного, а также для нашего общаго пріятеля Вилькена; [2] а я тотчасъ, какъ получу твое увѣдомленіе, войду съ просьбою къ министру государственныхъ имуществъ. Разумѣется, эти имѣнія должны быть въ такомъ положеніи, чтобъ мы могли вступить въ управленіе оными 12-го апрѣля будущаго года. Никогда не забуду дружбы твоей въ дѣлѣ, которое такъ близко моему сердцу, и въ счастьѣ помню, чтò меня ожидало, еслибъ все не сбылось.

Милая, прекрасная, умная и всего болѣе любящая Е. Н. обворожила всѣхъ: Александра, Зарина, [3] Вилькена и жену его; чрезвычайно сожалѣю, что тебѣ не удалось еще съ нею познакомиться. О себѣ я говорить не буду: меня можно считать пристрастнымъ.

На ревизію поѣдетъ со мною и Вилькенъ. Я располагаю выѣхать около 10-го ноября и возвратиться въ началѣ декабря къ выборамъ, и къ тому же времени надѣюсь получить твое письмо объ имѣніяхъ, чтобъ тотчасъ же просить Киселева; [4] не забудь написать, въ какой губерніи и уѣздѣ и какая оцѣнка. Я не боюсь оброчныхъ, пусть будетъ только земля хороша!»

Упоминаемая въ письмѣ *Е. Н.* была Екатерина Николаевна де-Ришемонъ, вскорѣ сдѣлавшаяся женою Николая Николаевича

[1] Русск. Старина. 1882 г., февраль, стр. 524.

[2] Поручикъ 3-й гвардейской артиллерійской бригады.

[3] Капитанъ, бывшій адъютантъ Е. А. Головина.

[4] Графъ Павелъ Дмитріевичъ, министръ государственныхъ имуществъ.

Муравьева. Она принадлежала къ дворянскому французскому роду de Richemond изъ Лотарингіи; имѣніе ея родителей находилось близъ г. По, на югѣ Франціи. Встрѣтившись съ нею за годъ передъ тѣмъ за границею, Муравьевъ полюбилъ ее и, какъ только служебное его положеніе улучшилось, написалъ ей, предлагая свою руку. Предложеніе было принято, и Екатерина Николаевна пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ была встрѣчена сестрой Николая Николаевича, Е. Н. Моллеръ, и его братомъ Александромъ Николаевичемъ, а В. Н. Заринъ проводилъ ее въ г. Богородицкъ (Тульск. губ.), гдѣ и былъ совершенъ бракъ, передъ которымъ Екатерина Николаевна перешла въ православіе. Эта женитьба Муравьева имѣла большое вліяніе на всю его будущность. По свидѣтельству знавшихъ Екатерину Николаевну, она была чрезвычайно красива, умна и образована. Характера она была мягкаго, ровнаго, добрая сердцемъ и отличалась любовью къ своему новому отечеству. При безграничной любви къ женѣ, Муравьевъ поддавался ея вліянію, не ослабѣвшему и въ послѣдніе годы его жизни, и нельзя не сказать, что, при пылкости характера Муравьева, это вліяніе было всегда въ своихъ результатахъ хорошимъ, подчасъ умиротворяющимъ.

«Благодарю тебя искренно за поздравленіе и прошу полюбить мою милую Катеньку»,—писалъ Николай Николаевичъ къ брату отъ 11-го февраля 1847 года,—«по уму и душевнымъ ея качествамъ она истинно этого заслуживаетъ; а по тому, что̀ сдѣлала изъ любви ко мнѣ, она выше всякой похвалы и одобренія. Свадьба наша была въ Богородицкѣ 19-го января, и я тотчасъ поѣхалъ ревизовать четыре уѣзда, а жена оставалась съ сестрою Парасковьею Николаевною; тамъ же, по моемъ возвращеніи, мы провели и масляницу, а сюда пріѣхали на первой недѣлѣ. Къ Михаилу Николаевичу [1] я буду завтра писать и благодарить его за истинно дружескіе совѣты; а дядя Александръ Николаевичъ, [2] вѣроятно, сердится, ибо ничего не пишетъ. Катенька моя теперь въ классѣ русскаго языка; съ ея способностями есть надежда, что она скоро будетъ говорить и писать.

Не нападай на губернаторовъ за рѣшенія Уголовныхъ Палатъ; имъ, право, некогда самимъ вникать, а надобно бы расшевелить Министерство Юстиціи вообще, которое у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи по губерніямъ.» Далѣе, въ письмѣ отъ 10-го апрѣля, Николай Николаевичъ сообщаетъ о своей дѣятель-

---

[1] Муравьевъ.
[2] Муравьевъ.

почти такъ: «Я къ тебѣ послалъ оффиціальную записку о наймѣ почтовыхъ станцій; теперь хлопочу съ моими почтами и чрезвычайно сожалѣю, что у меня не вездѣ по губерніи вольныя!»

28-го апрѣля. «1-го мая я ѣду съ женою осматривать трактъ новый Воронежскій и заѣдемъ къ Н. Н. Муравьеву (Карскому), а потомъ ревизовать Новосильскій и Чернскій уѣзды, и 8-го мая *будемъ* ночевать въ домѣ князя Шаховскаго, близъ большой Скуратовской станціи.»

28-го іюня, Тула. «Спасибо тебѣ за всѣ твои вѣсти, онѣ меня очень успокоили. На дняхъ я было сгорѣлъ, а со мною и Тула; прочти объ этомъ мое донесеніе Государю и министру. Теперь, благодаря Бога, въ домѣ моемъ все приходитъ въ порядокъ.»

12-го іюля, Тула. «Глазъ мой перестаетъ болѣть, но еще выѣзжать мнѣ не позволяютъ. Изъ Петербурга я никакихъ благопріятныхъ вѣстей не имѣю: сдѣлай одолженіе, сообщи, что узнаешь отъ Оржевскаго и пр. Оставаться мнѣ исправляющимъ должность, будучи слишкомъ 6 лѣтъ генераломъ, два года при министерствѣ и одинъ годъ губернаторомъ, неблагопристойно. Здѣсь могутъ понимать, что я не прочень, особенно, когда не удаляютъ людей, мною представляемыхъ къ тому, и не награждаютъ тѣхъ, кого я представилъ къ наградамъ. Напиши мнѣ подробно изъ Петербурга *обо всемъ* и откровенно.»

31-го іюля. «Не перестаю тебя благодарить за все твое для меня устройство въ Тулѣ, а теперь большое тебѣ спасибо и за извѣстія о трактѣ. Безъ тебя мнѣ довольно плохо, но всего хуже, что никто не покупаетъ Елагина дома, а поэтому и я не могу приступить къ найму онаго: а между тѣмъ средства мнѣ даны, и Левъ Алексѣевичъ (Перовскій) очень благосклоненъ; мнѣ дано 5 т. руб. сер., и за вычетомъ 10% останется 4500 руб.; изъ этихъ денегъ я вышлю тебѣ мой долгъ въ 320 руб. сер., а остальныя слишкомъ 4 т. руб. сер. намѣренъ распредѣлить такъ: 3 т. издержать на мебель, лошадей, сбрую, посуду и проч., а тысячу оставить въ запасѣ на случай необходимости поѣздки за границу или вообще перемѣщенія; а безъ копѣйки оставаться нельзя и не должно. Занятій у меня много, бываютъ и пожары, особенно сегодня презнаменитый; но отличное состояніе команды и дѣйствіе трубъ показали рѣдкій примѣръ: въ узкой деревянной улицѣ сгорѣлъ въ срединѣ одинъ домъ съ пристройками, и потушили; хотя бы въ столицѣ! Заринъ въ Москвѣ, но возвратится сюда на дняхъ, проѣдетъ по тракту и въ концѣ августа будетъ въ Петербургѣ, а потому, вѣроятно, вы съѣдетесь въ одно время, а онъ тебѣ разскажетъ о моемъ житьѣ и бытьѣ. Теперь у меня дня на два

Толстой—нашъ однокашникъ, и вообще безъ проѣзжихъ не бываетъ, и развлеченіе это мнѣ очень кстати.

Грудь болитъ поменьше; впрочемъ, объ этихъ мелочахъ говорить нечего: суженаго конемъ не объѣдешь. Барановичемъ я доволенъ: онъ ѣдетъ на августъ въ отпускъ, а послѣ его возвращенія я уже отправлюсь по губерніи на весь сентябрь и половину октября, а въ это время мнѣ отдѣлаютъ квартиру. Съ 15-го же октября буду уже сидѣть въ Тулѣ и ожидать выборовъ.»

9-го августа. «Вчера получилъ я письмо твое и отъ Михаила Николаевича[1] изъ Москвы, къ которому и отправляемся сегодня же въ Москву дней на пять, а потому прошу тебя писать ко мнѣ все-таки въ Тулу, гдѣ я, послѣ ревизіи Каширы и Алексина, все-таки буду 18-го числа. Очень и очень благодарю тебя за всѣ вѣсти и покупки; пожаръ меня немного разорилъ, и просить по этому поводу вспоможенія было бы неумѣстно; а, можетъ быть, поблагодарятъ за спасеніе города, особенно тѣхъ, кого я поименовалъ.

Желая сберечь Рудича, я его не представлялъ въ Ефремовъ, а *съ недѣлю* тому назадъ просилъ туда Насѣкина изъ Тамбовской губерніи. Рудичу же будетъ лучше въ Каширѣ; тамошняго городничаго, вѣроятно, Сенатъ скоро отрѣшитъ. О штатахъ я вторично писалъ ко Льву Алексѣевичу и убѣдительно прошу его ничего не уменьшать;—сообщи, что будетъ по этому письму. ты увидишь, что Дьяковъ попросится въ годовой отпускъ! такъ удобнѣе, а что̀ будетъ по суду, то впереди.»

20-го августа. «Вчера возвратился я изъ Москвы и нашелъ всѣ твои посылки; кланяюсь за нихъ въ поясъ; ты сдѣлалъ изъ меня порядочнаго человѣка, но не знаю, какъ я отдѣлаюсь при всемъ этомъ отъ тѣхъ хлопотъ, которыя мнѣ предстоятъ. Ты вѣдь успѣешь написать ко мнѣ еще въ отвѣтъ на это до 3-го сентября, когда именно проѣздъ, и будетъ ли Государь останавливаться по губернскимъ городамъ, особенно въ Тулѣ. Между тѣмъ у меня присовокупились хлопоты и по земской полиціи.

Михаилъ Николаевичъ работаетъ безъ устали: онъ просилъ меня напомнить тебѣ *объ яблоняхъ* и проситъ твоего увѣдомленія объ этомъ предметѣ къ нему въ Москву, гдѣ онъ пробудетъ до 5-го сентября и жительство имѣетъ *на Армянскихъ прудахъ, въ д. Иваненко.* Катенька сама тебѣ пишетъ: мы были съ нею вмѣстѣ въ Москвѣ, гдѣ она и познакомилась съ Пелагеею Васильевною[2]

---

[1] Муравьева.

[2] Муравьевой.

и Катериною Павловною Головиною; послѣдняя просто отъ нея въ восхищеніи. Въ концѣ сентября я опять буду въ Москвѣ съ Михаиломъ Николаевичемъ для окончательныхъ совѣщаній по предмету земскихъ же полицій. Кого-то назначаютъ вмѣсто Руперта [1] въ Восточную Сибирь? О сигарахъ я тебѣ сообщу, когда всѣ перепробую.

Прежде полученія письма твоего я уже представилъ въ Ефремовъ Насѣкина, ибо полагаю Рудича все-таки въ Каширу: впрочемъ, если въ министерствѣ перемѣнятъ и назначатъ Рудича по прежнему моему представленію въ Ефремовъ, то я опять буду радъ, а отъ Каширскаго мнѣ непремѣнно надобно избавиться, и я ожидаю теперь сенатскаго рѣшенія по моему объ немъ представленію. Я черезъ нѣсколько часовъ ѣду до Орловской губерніи осматривать дороги для Высочайшаго проѣзда.»

30-го августа. Ты, конечно, догадываешься, что я въ большихъ теперь хлопотахъ; но Богъ милостивъ, все будетъ благополучно, и Государь, вѣроятно, будетъ доволенъ своимъ городомъ Тулою, кромѣ развѣ мостовыхъ, которыя перемостить въ двѣ недѣли рѣшительно невозможно, а камень нашъ какъ сахаръ, таетъ въ теченіе года. Жаль будетъ, если штатъ полиціи уменьшатъ. Я писалъ къ Л. А., [2] почему этого дѣлать не должно; впрочемъ, съ моей стороны все сдѣлано для достиженія доброй цѣли: а между тѣмъ я не знаю высшихъ соображеній и, можетъ быть, ошибаюсь въ моихъ предположеніяхъ. Сенатскаго рѣшенія о Каширскомъ городничемъ еще нѣтъ, но, вѣроятно, будетъ скоро, и тогда я тотчасъ войду съ представленіемъ объ Рудичѣ, котораго знаю очень давно. Казакевича въ Бѣлевъ я не могу представить, ибо нѣтъ причины удалить прежняго городничаго. Онъ человѣкъ хорошій, хотя очень старый, а другого городническаго мѣста долго у меня въ виду не будетъ, развѣ старики пойдутъ въ Елисейскія поля. Сообщи мнѣ однакожъ о Казакевичѣ, семейный ли онъ человѣкъ или нѣтъ; можетъ быть, найдутся другія мѣста.»

Вскорѣ послѣ этого письма, Николаю Николаевичу пришлось покинуть Тулу навсегда, такъ какъ 5-го сентября послѣдовалъ Высочайшій приказъ о назначеніи его исправляющимъ должность Иркутскаго и Енисейскаго генералъ-губернатора и командующаго войсками, расположенными въ Восточной Сибири. Назначеніе это состоялось вслѣдствіе высокаго мнѣнія Государя Николая

[1] Генералъ-губернаторъ Восточной Сибири.

[2] Л. А. Перовскій.

Павловича объ административныхъ способностяхъ Муравьева. Для управленія такимъ далекимъ краемъ требовался человѣкъ твердый, энергичный, честный, неуклонно идущій къ разъ намѣченной цѣли и вполнѣ знакомый съ гражданскимъ управленіемъ. Ревизія Новгородской губерніи и Тульское губернаторство доказали, что Николай Николаевичъ Муравьевъ вполнѣ обладалъ тѣми качествами, какія были нужны для генералъ-губернатора Восточной Сибири, и вотъ почему выборъ палъ на относительно молодаго генералъ-маіора Муравьева. Николай Николаевичъ былъ назначенъ на мѣсто Вильгельма Яковлевича Руперта, который былъ отрѣшенъ отъ должности послѣ неблагопріятнаго для него результата ревизіи сенатора И. Н. Толстаго. Говорили, что Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ отчетъ о ревизіи, полагалъ предать Руперта суду, но Государь положилъ на журналъ резолюцію: «Уволить по прошенію.» [1]

О таковомъ назначеніи и объ встрѣчѣ съ Государемъ—вотъ что писалъ Николай Николаевичъ къ брату своему Валеріану Николаевичу въ письмѣ отъ 9-го сентября: «Вѣроятно, ты уже прочиталъ въ приказахъ объ моемъ назначеніи: спѣшу теперь сообщить тебѣ, что къ 25-му сентября я располагаю быть въ Петербургѣ, чтобы имѣть время, съ возвращеніемъ Государя, ознакомиться тамъ съ Сибирью; но двухъ мѣсяцевъ я у васъ пробыть не намѣренъ; впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; только жаль, что на все время моего пребыванія въ Петербургѣ ты собираешься ѣхать въ деревню; нельзя ли это какъ-нибудь перемѣнить или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе твое сократить, вѣдь послѣ того мы далеко и надолго разъѣдемся. Государь проѣхалъ черезъ Тулу ночью, и такъ пропали всѣ наши приготовленія и ожиданія; только мнѣ было приказано выѣхать на первую станцію за Тулу; но такъ какъ Онъ почивалъ и на первой и на второй станціи, то я могъ Ему представиться только на третьей, т. е. въ Сергіевскомъ, гдѣ я съ вами въ прошломъ году прощался. Это было въ 7 часовъ утра. Государь тотчасъ объявилъ мнѣ объ моемъ назначеніи и говорилъ объ этомъ предметѣ много въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ;—распрашивалъ потомъ о Тулѣ въ общихъ выраженіяхъ, говорилъ, что Ему некогда было останавливаться не только въ Тулѣ, но и въ Орлѣ, ибо путь предстоитъ далекій: приказалъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ дастъ мнѣ подробныя наставленія, и простился. Не входя въ подробности Его разговора, скажу только,

[1] Литературный Сборникъ. Восточное обозрѣніе. С.-Пб. 1885 г., стр. 277—280.

что Онъ заставилъ меня прослезиться, и, покуда Онъ говорилъ мнѣ обо мнѣ и Сибири, я не нашелся отвѣчать Ему ничѣмъ, кромѣ слезъ.

Такимъ образомъ исполнились всѣ мои живѣйшія желанія: я на поприщѣ огромномъ и вдали отъ всѣхъ интригъ и пересудъ вашего общества и свѣта,—убѣжденъ въ неизмѣнности благосклоннаго ко мнѣ расположенія Государя, которое сохранить сумѣю, если только Богъ дастъ здоровья.»

XX.

Толки о назначеніи Н. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ въ Сибирь.— Разговоръ съ нимъ Государя Николая Павловича на станціи Сергіевской.— Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ для ознакомленія съ сибирскими дѣлами.— Знакомство его съ Невельскимъ.— Представленіе Государю передъ отъѣздомъ въ Сибирь.— Характеристика Муравьева.— Двѣ группы государственныхъ дѣятелей 1848 года.— Письмо Е. А. Головина къ Муравьеву.— Прибытіе Муравьева въ Красноярскъ.

—

1847—1848 г.

—

«Назначеніе такого молодого генералъ-губернатора Восточной Сибири, какимъ былъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, было».— какъ пишетъ М. И. Венюковъ, [1] — «своего рода событіе. Разные gros bonnets въ Петербургѣ находили, что это скандалъ. Въ Омскѣ, когда генералъ-губернаторъ Западной Сибири, князь Горчаковъ узналъ, что у него сосѣдомъ будетъ молодой человѣкъ 38 лѣтъ, то пришелъ въ азартъ. Увидавъ явившагося на дежурство чиновника Б-ва, онъ закричалъ ему: «Поздравляю тебя, Б-въ,—ты министръ.» А когда Б-въ, молодой человѣкъ, вытаращилъ отъ удивленія глаза, то прибавилъ: «Ты не вѣришь? Вотъ тебѣ доказательство: Муравьевъ, такой же мальчишка, какъ ты, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ..... Это тотъ самый князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, что̀ былъ удаленъ изъ Сибири по ревизіи генералъ-адъютанта Анненкова и потомъ подвизался подъ Альмой и Инкерманомъ.»

Другой современникъ Муравьева, Б. В. Струве, въ своихъ воспоминаніяхъ о Сибири, [2] разсказываетъ слѣдующее о назна-

[1] Русск. Старина, 1882 г., февраль, стр. 524.

[2] Русск. Вѣстн. 1888 г., стр. 151—152.

ченіи Муравьева генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь: «Необычайно быстрое, по тогдашнему времени, повышеніе Муравьева составляло предметъ всеобщаго разговора въ столицѣ. Съ 14-го декабря 1825 года Императоръ Николай, какъ извѣстно, не очень жаловалъ фамилію Муравьевыхъ и не назначалъ ихъ на высшія административныя должности. Если Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и былъ назначенъ въ 1833 году Гродненскимъ губернаторомъ, по личному выбору Императора, то единственно потому, что изъ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ, онъ былъ извѣстенъ юному царю, какъ ярый полонофобъ по принципу, а такого-то именно онъ искалъ послѣ польскаго возстанія 1831 года для Гродненской губерніи. Поэтому служилая аристократія не мало была поражена извѣстіемъ, что Государь, проѣздомъ черезъ Тулу, нежданно-негаданно назначилъ молодого генералъ-маіора Н. Н. Муравьева, только годъ еще состоявшаго въ должности Тульскаго губернатора, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Догадкамъ и пересудамъ не было конца. Дошли до такой нелѣпости, что приписывали это назначеніе невозможной ошибкѣ со стороны графа Орлова, которому будто бы было повелѣно вызвать въ Тулу бывшаго корпуснаго командира Н. Н. Муравьева (Карскаго), для назначенія его генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь, а онъ подставилъ Тульскаго губернатора Муравьева. Между тѣмъ дѣло просто объясняется тѣмъ несомнѣннымъ вліяніемъ, которымъ Великая Княгиня Елена Павловна пользовалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ у Императора Николая. Выборъ Н. Н. Муравьева на эту должность принадлежалъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому: провелъ же онъ задуманное имъ дѣло съ помощью Великой Княгини Елены Павловны, оказывавшей постоянно искреннее благорасположеніе Муравьеву съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ея камеръ-пажемъ. Великая Княгиня, отличавшаяся просвѣщеннымъ умомъ и глубокимъ пониманіемъ современнаго положенія Россіи, которую она любила, какъ второе свое отечество, видѣла въ Муравьевѣ именно такого дѣятеля, какимъ онъ оказался впослѣдствіи.»

Государь Николай Павловичъ, во время своего путешествія по Россіи, проѣздомъ черезъ г. Тулу, 6-го сентября 1847 года, изволилъ, какъ намъ извѣстно, принимать Муравьева на станціи Сергіевской. Послѣ нѣсколькихъ словъ Государь объявилъ Муравьеву, что онъ назначилъ его генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, при чемъ упомянулъ о развитіи тамъ нашей золотопромышленности, о нѣкоторыхъ безпорядкахъ по этой части, о кяхтинской торговлѣ, объ отношеніяхъ нашихъ къ Китаю, и въ

заключеніе своихъ разсужденій изволилъ прибавить слѣдующія знаменательныя слова: «Что же касается до Русской рѣки Амуръ, то объ этомъ рѣчь впереди.»

Напутствуемый такою высокою мыслію и желая скорѣе исполнить державную волю Монарха, Николай Николаевичъ поспѣшилъ оставить Тулу и, въ концѣ сентября 1847 года, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ, не теряя времени, приступилъ къ ознакомленію съ тѣмъ положеніемъ сибирскихъ дѣлъ, въ которомъ онѣ находились въ то время, и особенно дѣла объ Амурѣ. По управленію Восточной Сибири стояли тогда на первомъ планѣ вопросы о восточномъ прибрежьи нашемъ на Тихомъ океанѣ, въ связи съ дѣятельностью Сѣверо-Американской Компаніи, вопросы о кяхтинской торговлѣ и о злоупотребленіяхъ по части золотопромышленности, акцизно-откупнаго коммиссіонерства и провіантскихъ заготовленій. Нужна была настойчивая сила воли Муравьева, чтобы въ сравнительно короткое время разобраться въ этомъ хаосѣ мнѣній, свѣдѣній обо всемъ этомъ и предположеній объ Амурѣ: Николай Николаевичъ вполнѣ понялъ, на что намекалъ покойный Государь, когда сказалъ ему: «à bon entendeur peu de paroles.»[1]

«Еще въ апрѣлѣ 1846 года»,— пишетъ въ своихъ запискахъ П. В. Шумахеръ,[2] «было поручено командиру брига „Великій князь Константинъ", корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручику Гаврилову 2-му (состоящему на службѣ въ Россійско-Американской Компаніи), производство гидрографическихъ работъ въ Охотскомъ морѣ; причемъ замѣчено, что экспедиція эта предназначается по Высочайшему повелѣнію, и что Государю Императору угодно, чтобы въ исполненіи ея была избѣгаема всякая гласность. Поэтому Гаврилову предписано было взять все на себя и устранить даже помощниковъ своихъ отъ извѣстности, въ какомъ мѣстѣ онъ будетъ плавать. Въ инструкціи Гаврилову сказано было, что отъ Тунгусовъ, скитающихся по берегамъ Охотскаго моря, правительство наше извѣстилось, что многіе изъ Русскихъ перебѣжчиковъ или бродягъ-бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ закономъ, пробрались на устье р. Амура и основали тамъ свои поселенія точно такъ, какъ подобные же имъ люди основали когда-то Албазинъ; поэтому Гаврилову велѣно было соблюдать строжайшее инкогнито, выдавая себя за *нерусскаго* рыболова, со всѣми малѣйшими предосторожностями, имѣя на суднѣ даже табакъ *виргинскій*,

---

[1] Для смышленаго слушателя не нужно много словъ.

[2] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 257.

а не *русскій*. Ему было предписано войти такимъ образомъ въ лиманъ Амура и отыскать его устье: а въ случаѣ встрѣчи Русскихъ поселенцевъ, говорить имъ, что по-русски научился на берегу Охотскаго моря отъ Русскихъ, гдѣ ловилъ рыбу. Гавриловъ встрѣтилъ мели, и изслѣдованія его не только не привели ни къ какимъ результатамъ, но скорѣе, если можно такъ выразиться, закрыли Амуръ.»

Начало и выполненіе вопроса объ отысканіи и занятіи устьевъ Амура, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, принадлежитъ одному Николаю Николаевичу Муравьеву.

Такъ, еще во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Муравьевъ познакомился съ капитанъ-лейтенантомъ Невельскимъ, находившимся въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ», для періодическаго обыкновеннаго доставленія въ Камчатку различныхъ грузовъ и припасовъ отъ морского вѣдомства. Сильно заинтересованный запутаннымъ вопросомъ о доступности для судовъ устья Амура, Муравьевъ сообщилъ Невельскому *свое мнѣніе о необходимости болѣе правильнаго изслѣдованія* устья этой рѣки, гдѣ, по словамъ, сказаннымъ ему Государемъ, будто бы только три фута глубины при входѣ.[1] Невельской и самъ былъ сильно заинтересованъ вопросомъ объ Амурѣ, почему горячо принялъ заявленія Муравьева, и впослѣдствіи онъ явился дѣятельнымъ исполнителемъ указаній Муравьева къ осуществленію завѣтной мысли послѣдняго—завладѣть устьями Амура и тѣмъ открыть Россіи свободный путь къ Тихому океану.

«Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга»,—пишетъ Б. В. Струве.[2]—«Николай Николаевичъ представлялся Государю, и на обращенныя къ нему слова, что онъ, Муравьевъ, вѣроятно, не будетъ въ Камчаткѣ, потому что туда затруднительно ѣхать, и потребуется слишкомъ много времени, онъ отвѣтилъ Его Величеству: «Я постараюсь и туда добраться.»—Кто зналъ характеръ Николая Николаевича Муравьева, тому понятно, что вмѣстѣ съ отвѣтомъ Царю, въ его умѣ уже было рѣшено при первой возможности непремѣнно отправиться въ Камчатку, чтобы получить право подкрѣпить всѣ свои ходатайства въ будущемъ словами: «я самъ видѣлъ, я лично убѣдился.»

Отправляясь въ Сибирь, Муравьевъ вполнѣ сознавалъ трудность своего положенія. «Въ руководящихъ правительственныхъ

---

[1] Такъ донесло Государю правленіе Россійско-Американской Компаніи.

[2] Русск. Вѣстн. 1888 г.

сферахъ и въ средѣ высшей интеллигенціи проявлялось тогда», продолжаетъ Б. Струве, «два совершенно противоположныхъ политическихъ направленія: одни тяготѣли къ Западу, считали своею обязанностію возиться съ нимъ, прикрывая свою подчасъ постыдную уступчивость указаніемъ на необходимость руководствоваться макіавеллевско-меттерниховскою системою, свободною отъ всякаго нравственнаго закона, для поддержанія существующаго порядка вещей и во избѣжаніе опасности нарушенія установившагося равновѣсія. Представителемъ этого направленія былъ графъ К. В. Нессельроде, къ которому, ради финансовыхъ соображеній, примыкалъ министръ финансовъ Ѳ. П. Вронченко, а поддерживалъ ихъ всею своею силою графъ В. Н. Панинъ. Другую группу, къ которой присоединился Муравьевъ со своею энергіею, составляли князь А. С. Меньшиковъ съ своимъ сотрудникомъ по морскому вѣдомству Вас. Ал. Перовскимъ, графъ П. Д. Киселевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій. Они держались строго Русской политики: никому не наступать на ногу, но и не уступать безъ надобности, изъ боязни какихъ-то мнимыхъ опасностей. Военное Министерство, сначала въ лицѣ своего ревностнаго исполнителя Царской воли, князя А. И. Чернышева, а потомъ, по безошибочно-расчитанной уклончивости князя Вас. Андр. Долгорукова, относилось какъ бы безучастно къ этимъ проявленіямъ жизни въ высшей правительственной сферѣ и ограничивалось строго лишь своею отраслью администраціи, не вдаваясь въ политику ни внутреннюю, ни внѣшнюю. Графъ П. А. Клейнмихель соблюдалъ тотъ же образъ дѣйствія, ревниво сторожа только, чтобы никто не заглядывалъ въ дѣла его Главнаго Управленія путями сообщенія и публичными зданіями. Государственный контроль тогда не имѣлъ еще никакого значенія. Среди этихъ-то двухъ теченій велъ свой корабль мощною рукою Императоръ Николай, съ необычайною твердостью, рѣдкимъ умѣньемъ и прозорливостью, направляя его къ той цѣли, которую онъ считалъ задачею Русскаго Царя, съ именемъ котораго слава Россіи неразлучна. Между этими теченіями приходилось лавировать и Муравьеву. Его спасло довѣріе, котораго его удостоивалъ Самодержецъ, покровительство Великой Княгини Елены Павловны и рѣдко искреннее расположеніе къ нему тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго.» Здѣсь нельзя не упомянуть еще объ одномъ изъ ряду выходящемъ совѣтѣ, который далъ молодому генералъ-губернатору, при самомъ назначеніи его, старый другъ и начальникъ его генералъ Е. А. Головинъ, къ которому Муравьевъ питалъ дѣтскую привязанность, такъ какъ на рукахъ Головина возмужала его

юность, и Головинъ былъ первымъ свидѣтелемъ развивавшихся въ немъ на службѣ способностей, обратившихъ теперь на него вниманіе Государя Императора и всѣхъ, искренно любившихъ Россію. По назначеніи своемъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, Николай Николаевичъ немедленно сообщилъ объ этомъ своему старому доброжелателю Е. А. Головину, передъ опытностію котораго онъ благоговѣлъ. Муравьева страшила трудность дѣла, къ которому онъ былъ призванъ; опасался онъ козней завистниковъ при отдаленности поля дѣйствія отъ центра государственной дѣятельности; при этомъ онъ выразилъ, что вся его надежда на помощь свыше. На это письмо Е. А. Головинъ отвѣтилъ ему слѣдующими словами: «Не мудрено, что у тебя есть и будутъ завистники. Немного было такихъ, кто бы, какъ теперь ты, не имѣлъ передъ собою на такомъ важномъ мѣстѣ лѣтъ тридцать постоянной дѣятельности. Если Богъ продлитъ жизнь твою, ты будешь имѣть время для пріобрѣтенія опытности. Мнѣ остается только пожелать, чтобы надежда твоя на помощь свыше не осталась тщетною; а она навѣрное не будетъ тщетною тогда только, когда будетъ основана на живой вѣрѣ по точному смыслу ученія Евангельскаго, т. е. Христова. Свѣтъ этотъ, открывающійся въ сердцѣ, одинъ только можетъ вывести человѣка изъ толпы vulgaire, ибо разумъ нашъ, свѣтомъ живой вѣры неозаренный, самъ по себѣ останется всегда vulgaire, какими бы способностями одаренъ ни былъ и какія бы ни вмѣщалъ въ себѣ познанія. Такая голова можетъ много возвыситься надъ другими, но не выйдетъ изъ толпы, «вюльгера», и самыя свѣтоносныя истины будутъ для нея буйствомъ, безуміемъ или глупостью. Паче всего не желаю тебѣ увлечься раболѣпнымъ уваженіемъ къ такъ называемому progrès, кумиру, передъ которымъ *мнимо* просвѣщенная Европа преклоняетъ колѣна.»

Познакомившись, насколько возможно, съ своею предстоящею дѣятельностію, Николай Николаевичъ Муравьевъ выѣхалъ въ Сибирь. Послѣ его отъѣзда Невельской, согласно даннымъ ему Муравьевымъ указаніямъ, сталъ хлопотать какъ о назначеніи своемъ командиромъ судна, идущаго въ Камчатку (что не было еще рѣшено въ бытность Муравьева въ Петербургѣ), такъ и о скорѣйшемъ окончаніи строющагося транспорта и вооруженіи его, чтобы имѣть возможность прійти весною 1849 года въ Петропавловскъ, сдать тамъ грузъ и остающееся время навигаціи употребить на опись и изслѣдованіе юговосточныхъ береговъ Сибири и Амурскаго лимана. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ въ Иркутскъ къ генералу Муравьеву въ февралѣ 1848 года письмо, въ кото-

ромъ прямо сознавался, «что безъ его ходатайства въ Петербургѣ никто объ Амурѣ и думать не хочетъ, а безъ предписанія, самъ собою, онъ дѣйствовать не посмѣетъ.

Въ Красноярскъ Муравьевъ прибылъ 27-го февраля 1848 года, вечеромъ. Его ожидали съ трепетомъ и съ замирающимъ сердцемъ: что-то будетъ? спрашивалъ каждый самого себя. Встрѣтилъ его тамъ одинъ только губернаторъ Василій Кирилловичъ Падалка, и кромѣ его Муравьевъ никого въ этотъ вечеръ не принималъ. Свиданіе съ губернаторомъ было самое короткое. Въ это время много шуму надѣлало пресловутое дѣло объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ и еще нѣкоторыя другія золотопромышленныя дѣла, въ особенности о такъ называемыхъ казенныхъ остаткахъ, раздававшихся въ видѣ особой Монаршей милости различнымъ, близъ престола стоявшимъ, лицамъ. «Это было дѣло самой гнусной, постыдной спекуляціи», - пишетъ Б. В. Струве.[1] «Никогда и нигдѣ подкупъ не проявлялся въ такой нахальной формѣ и въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ дѣлѣ золотопромышленномъ. Самыя высокопоставленныя лица не гнушались участвовать въ подобныхъ спекуляціяхъ. Цѣлыя шайки безчестныхъ людей были заняты подыскиваніемъ причинъ для зачисленія того или другого пріиска, на основаніи закона, казеннымъ остаткомъ. Сегодня это зачисленіе совершилось, а завтра уже поступаетъ къ Царю ходатайство о предоставленіи права разработки этого пріиска какому-либо высокопоставленному лицу или компаніи, въ которой эти лица негласно участвуютъ. 28-го февраля, утромъ, Муравьевъ отправилъ въ Петербургъ всеподданнѣйшій рапортъ о вступленіи своемъ въ управленіе Восточною Сибирью и въ командованіе войсками, въ ней расположенными. Послѣ сего онъ приступилъ къ обзору всѣхъ дѣлъ, обращающихъ на себя особое вниманіе. Разсмотрѣніе въ Красноярскѣ дѣла объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ и еще другихъ подобныхъ дѣлъ имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ своего рода легкую демонстрацію со стороны Муравьева по отношенію къ богачамъ. До разсмотрѣнія этихъ дѣлъ Муравьевъ обѣщалъ было богачамъ Машаровымъ, что на пути изъ Красноярска въ Иркутскъ онъ приметъ отъ нихъ обѣдъ въ городѣ Канскѣ, гдѣ они владѣли великолѣпно устроеннымъ домомъ. Прочитавъ эти дѣла, онъ пришелъ къ убѣжденію, что поклоненіе богатству составляетъ отличительную черту не только чиновниковъ, но и присутственныхъ мѣстъ въ Сибири. Поэтому, желая съ перваго вступленія въ управленіе этимъ краемъ доказать,

[1] Русск. Вѣстн. 1888 г.

что богатство не должно давать никакихъ преимуществъ передъ закономъ и властью, онъ поручилъ передать гг. Машаровымъ, что онъ къ нимъ не заѣдетъ въ Канскѣ. Это страшно озадачило Машаровыхъ, которые ласкали себя надеждою извлечь изъ этого посѣщенія немалыя для себя выгоды. Канскъ былъ центромъ найма рабочихъ на золотые промыслы; отсюда уходили на промыслы, сюда выходили изъ тайги бѣдные труженики со своимъ заработкомъ: здѣсь пропивали они свои трудовые рубли и здѣсь же опять нанимались на промыслы; отсюда же отправлялись въ тайгу всѣ запасы на время лѣтнихъ работъ.» Поэтому вполнѣ понятно, какое важное значеніе для Машаровыхъ могло бы имѣть вниманіе къ нимъ *грознаго* генералъ-губернатора, еслибъ онъ пожелалъ воспользоваться ихъ гостепріимствомъ.

Послѣ смотра войскъ и объѣзда въ теченіе пяти дней всѣхъ городскихъ и общественныхъ заведеній, мѣстъ заключенія и т. д., Муравьевъ выѣхалъ изъ Красноярска и остановился на нѣсколько часовъ въ Нижнеудинскѣ, гдѣ безпорядки по управленію округомъ обратили на себя вниманіе генералъ-губернатора. Живо и рѣшительно распорядился Муравьевъ, чтобы водворить довѣріе къ власти, которое за послѣднее время было тамъ совершенно утрачено, и затѣмъ уже отправился въ Иркутскъ.

XXI.

Пріѣздъ Муравьева въ Иркутскъ.—Общій пріемъ у него.—Увольненіе Иркутскаго губернатора Пятницкаго отъ должности.—Характеристика Муравьева. Мнѣніе его по вопросу, поднятому Морскимъ Министерствомъ о перенесеніи Охотскаго порта.—Муравьевъ командируетъ своего адъютанта въ Кяхту для изслѣдованія нашей торговли съ Китайцами. Всеподданнѣйшій рапортъ Муравьева Государю о золотопромышленности.

1848 г.

Задолго до пріѣзда Муравьева, въ Иркутскѣ носились очень выгодные для него слухи. «Говорили».—пишетъ В. Вагинъ,[1]—«что онъ человѣкъ еще молодой, но чрезвычайно дѣятельный, справедливый и строгій. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ отъ ревизіи сенатора Толстого встревожились; но вообще населеніе радовалось, что наконецъ у него будетъ хорошій правитель. На другой день по пріѣздѣ своемъ, Муравьевъ назначилъ общій пріемъ въ 10 часовъ утра. Къ этому времени генералъ-губернаторская зала была уже полна. Военныхъ въ то время было еще немного, всѣ они стояли у стѣны къ р. Ангарѣ, старшіе, разумѣется, впереди. Остальная часть залы была наполнена гражданскими чиновниками до столоначальниковъ Главнаго Управленія включительно. Впрочемъ и гражданскихъ чиновниковъ тогда было гораздо меньше нынѣшняго. Купечество, дума и цехи собрались въ гостиной.

[1] Литературн. Сборникъ. Изд. редакц. «Восточное Обозрѣніе». С-Пб. 1885 г., стр. 277—280.

Вышелъ адъютантъ генералъ-губернатора, его родственникъ и однофамилецъ, [1] повертѣлся въ залѣ, поговорилъ кое съ кѣмъ и скрылся.

Черезъ минуту растворились двери, и появился человѣкъ не высокаго роста, съ краснымъ и моложавымъ лицомъ, съ курчавыми свѣтлорусыми, слегка рыжеватыми, волосами. На немъ былъ общій армейскій мундиръ; правая рука, раненая при штурмѣ Ахульго, висѣла на перевязи. Это было особаго рода франтовство, потому что впослѣдствіи Муравьевъ одинаково свободно размахивалъ обѣими руками. [2]

Началась длинная процедура представленій ординарцевъ. Затѣмъ бригадный генералъ Щетининъ сталъ представлять военныхъ. Онъ, видимо, робѣлъ, говорилъ вполголоса и даже путался; Муравьевъ переходилъ отъ одного представляемаго къ другому молча, не кланяясь и никому не подавая руки. Только при представленіи бригаднаго адъютанта, онъ спросилъ Щетинина: «Вашъ адъютантъ?» Муравьевъ быстро обошелъ первый рядъ старшихъ военныхъ. Пришла очередь гражданскихъ. Муравьевъ сухо принялъ почетный рапортъ отъ предсѣдательствовавшаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія, Пятницкаго, и началъ, также молча, обходить первый гражданскій рядъ. Тутъ же былъ и Н. Е. Тюменцевъ: [3] онъ стоялъ красный, какъ ракъ. Муравьевъ и его прошелъ молча, хотя онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ мѣстнаго управленія.

Обойдя главныхъ гражданскихъ чиновниковъ, Муравьевъ быстро направился въ сосѣднюю комнату, принялъ отъ городского общества хлѣбъ-соль и тотчасъ же возвратился въ залу. Въ толпѣ нельзя было разсмотрѣть, кто ему представлялся, и не было слышно, говорилъ ли онъ что-нибудь. Затѣмъ онъ раскланялся и скрылся. Весь пріемъ продолжался минутъ *двадцать*. Тотчасъ послѣ его ухода, въ залу возвратился адъютантъ и объявилъ, что генералъ-губернаторъ приглашаетъ начальниковъ отдѣленій остаться. «Пріемъ былъ важный, серьезный и оставилъ во всѣхъ непріятное впечатлѣніе», — отмѣчаетъ Тюменцевъ въ своемъ дневникѣ. Муравьевъ, когда хотѣлъ, былъ обворожителенъ; но на этотъ разъ онъ, повидимому, не захотѣлъ быть любезнымъ и въ

[1] Василій Михайловичъ Муравьевъ. Онъ былъ сынъ графа Михаила Николаевича Муравьева и Пелагеи Васильевны, старшей дочери Надежды Николаевны Шереметевой, урожденной Тютчевой.

[2] Это неточно: перевязь на правой рукѣ Муравьевъ носилъ не въ видѣ франтовства, а носилъ ее по временамъ, когда чувствовалъ боль въ рукѣ, что бывало преимущественно при перемѣнѣ погоды.

[3] Совѣтникъ Главнаго Управленія Восточной Сибири.

частной бесѣдѣ, для которой, въ числѣ другихъ начальниковъ отдѣленій, оставался у него и Тюменцевъ.

«Мнѣ», продолжаетъ В. Вагинъ,—«новичку, въ генералъ-губернаторскихъ пріемахъ, мало было дѣла до общаго впечатлѣнія. Меня занимала только личность Муравьева: по своей моложавости и юркости, она составляла совершенный контрастъ съ личностью Руперта. Вечеромъ въ разныхъ мѣстахъ стали собираться кружки, комментировать пріемъ и передавать его подробности. Разсказывали между прочимъ, что одинъ изъ самыхъ бойкихъ Рупертовскихъ чиновниковъ по порученіямъ, чуть-ли не самый вліятельный по своимъ связямъ, дотого растерялся, что на какой-то вопросъ Муравьева отвѣчалъ совершенною нелѣпостью. Но особенно занимала всѣхъ исторія съ Мангазеевымъ.

Мангазеевъ былъ столоначальникомъ золотого стола въ Горномъ отдѣленіи. Кромѣ общаго всѣмъ тогдашнимъ чиновникамъ взяточничества, онъ придумалъ себѣ спеціальное ремесло: онъ указывалъ разнымъ лицамъ выгодные казенные остатки отъ пріисковъ и помогалъ имъ оттягивать эти остатки у другихъ претендентовъ. Такого рода услуги онъ оказывалъ между прочимъ и К° Безобразова, Танѣева и графа Орлова, во время пребыванія въ Иркутскѣ М. А. Безобразова. Онъ надѣялся выслужиться предъ ревизорами, но едва-ли не эта услужливость и повредила ему. «Стою,—разсказывалъ потомъ Мангазеевъ,—а возлѣ меня стоитъ Савинскій. Онъ и моложе меня по службѣ и завѣдывалъ-то всего солянымъ столомъ. Представляютъ его Муравьеву. «Я такъ много слышалъ объ васъ хорошаго»,—и пошла писать: разсыпался въ комплиментахъ.... Потомъ вдругъ спрашиваетъ: «А гдѣ же Мангазеевъ?»—Ну думаю, если ужъ Савинскаго такъ расхвалилъ, то меня просто расцѣлуетъ. Кланяюсь. «Я надѣюсь, что вы не станете со мной служить.»—Вотъ тебѣ и похвала!»

Но Мангазееву нельзя было выйти въ отставку: онъ принадлежалъ Горному вѣдомству, и служба была для него обязательна. Доложили объ этомъ Муравьеву. «Такъ пусть возьметъ медицинское свидѣтельство.»—Мангазеевъ былъ здоровъ какъ быкъ. По приказанію блюстителя законности въ краѣ, Врачебная Управа выдала Мангазееву ложное свидѣтельство. Это вызвало новые толки. Но какова бы ни была форма увольненія Мангазеева,—увольненіе это было совершенно справедливо и необходимо.

Такъ началось управленіе Муравьева. Появились новые люди, пошли новые порядки. Рупертовское время кануло въ вѣчность.»

Конецъ служебной карьеры Пятницкаго былъ гораздо печальнѣе Руперта. Николай Николаевичъ Муравьевъ предложилъ А. В.

Пятницкому также подать прошеніе объ увольненіи отъ должности, такъ какъ онъ, Муравьевъ, не считаетъ возможнымъ продолжать службу совмѣстно съ нимъ. Независимо отъ многихъ другихъ причинъ, окончательно побудило Муравьева къ этому рѣшительному шагу убѣжденіе, вынесенное имъ изъ разсмотрѣнія дѣла объ Ольгинскомъ и Платоновскомъ пріискахъ, и вообще характеръ дѣятельности по золотопромышленнымъ дѣламъ, производившимся въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири, въ которомъ, за отсутствіемъ генералъ-губернатора, предсѣдательствовалъ Иркутскій губернаторъ Пятницкій въ теченіе продолжительнаго времени.

Приступая къ описанію служебной дѣятельности такого выдающагося общественнаго дѣятеля, какимъ былъ Николай Николаевичъ Муравьевъ въ Сибири, мы считаемъ не лишнимъ предварительно отмѣтить здѣсь изъ воспоминаній Б. В. Струве[1] -замѣчательныя три черты его характера: «во первыхъ, какъ онъ крайне незаносчиво и несамонадѣянно обрисовывалъ самому себѣ и передъ высшими правительственными лицами и учрежденіями границы того, чего желалъ достигнуть своею дѣятельностію: поэтому Муравьевъ всегда больше дѣлалъ, чѣмъ самъ надѣялся и обѣщалъ; во вторыхъ, съ какою настойчивостью и послѣдовательностью онъ проводилъ задуманныя имъ преобразованія, какъ онъ дѣйствовалъ въ широкомъ смыслѣ предусмотрительно и подготовительно; наконецъ, въ третьихъ, какъ благоразумно оцѣнивая значеніе того или другого возбужденнаго имъ вопроса, онъ не затруднялся сдѣлать подчасъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы совершить съ тѣмъ большею увѣренностью дѣйствіе, которое онъ считалъ необходимымъ для достиженія опредѣленной цѣли. Этими тремя благородными чертами отличалась вся его жизнь: таковъ онъ былъ на полѣ брани, таковъ въ семейномъ быту, таковымъ онъ явился на длинномъ поприщѣ своей гражданской дѣятельности.

По пріѣздѣ въ Сибирь, познакомившись нѣсколько съ чиновниками и дѣлами этого богатаго края и пораженный ужасающимъ положеніемъ, въ которомъ засталъ этотъ край, Муравьевъ мечталъ только объ одномъ и ставилъ это предѣломъ своей дѣятельности, а именно: хотя бы привести все въ движеніе, дать всему толчекъ, соотвѣтствующій будущему назначенію этой громадной окраины великой Руси. Этою мыслью онъ одушевлялся, отнюдь не увлекаясь увѣренностью, что онъ достигнетъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыми увѣнчались его труды, а только живя надеждою,

[1] Русск. Вѣстн. 1888 г.

что если не онъ, то послѣдующіе за нимъ дѣятели довершатъ дѣло, коль скоро оно будетъ поставлено на прочныхъ основаніяхъ. Первымъ условіемъ для этого онъ считалъ, что Царь долженъ знать всю истину. Въ этихъ видахъ онъ, прежде всего, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ январѣ 1848 года, лично исходатайствовалъ себѣ Высочайшее соизволеніе писать Государю съ полною откровенностію обо всемъ, что сочтетъ нужнымъ, въ собственныя Его Величества руки. Вотъ тотъ талисманъ, которому онъ обязанъ, какъ мы увидимъ, всѣмъ успѣхамъ въ подъятыхъ имъ дѣлахъ.»

Вскорѣ по пріѣздѣ Муравьева въ Иркутскъ, Морское Министерство спрашивало его мнѣнія относительно перенесенія Охотскаго порта въ новооткрытую на Сегнекинскомъ полуостровѣ, у Тугурской губы, Константиновскую бухту и проведенія сухопутнаго сообщенія отъ этой бухты въ Забайкалье, предложеннаго начальникомъ Охотскаго порта, капитаномъ Вонлярлярскимъ. По этому поводу возникла переписка. Муравьевъ воспользовался этимъ, чтобъ скорѣе вызвать капитанъ-лейтенанта Невельскаго изъ Петербурга на опись и изслѣдованіе Амурскаго лимана, и отвѣчалъ начальнику главнаго морского штаба князю Александру Сергѣевичу Меньшикову, что проектированная Вонлярлярскимъ сухопутная дорога къ Константиновской гавани невозможна, и что, по его мнѣнію, предварительно слѣдовало бы подробнѣе осмотрѣть и описать юговосточный берегъ Сибири, отъ Тугурскаго залива до устья Амура; почему онъ и проситъ дать приказаніе командиру отправляющагося изъ Кронштадта въ Камчатку судна, сдавъ грузъ въ Петропавловскѣ, отправиться къ описи означенныхъ береговъ, снабдивъ его для этого надлежащими инструкціями. Князь Меньшиковъ нашелъ это ходатайство уважительнымъ, и по его настоянію и содѣйствію, предъ отправленіемъ капитанъ-лейтенанта Невельскаго въ кругосвѣтное плаваніе, ему дано было приказаніе — по сдачѣ груза въ Петропавловскѣ, осмотрѣть юговосточный берегъ Охотскаго моря отъ Тугурской губы, *между тѣми мѣстами, которыя были видимы или усмотрѣны прежними мореплавателями*, и, по приходѣ въ Сибирскіе порта, состоять въ распоряженіи генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева. Въ связи съ предположеніемъ о новомъ изслѣдованіи Амурскаго лимана состоялось Высочайшее повелѣніе о приведеніи въ подвижное состояніе 4-хъ баталіоновъ 3-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Восточной Сибири, и о передвиженіи ихъ въ Забайкальскій край. Съ этою цѣлью было предпринято новое устройство Иркутскаго и Енисейскаго городовыхъ

казачьихъ полковъ. Предположеніе объ этомъ устройствѣ составлялъ, командированный по Высочайшему повелѣнію въ Сибирь, полковникъ Генеральнаго штаба Александръ Ивановичъ Веригинъ, [1] и имъ оно было представлено по начальству съ заключеніемъ и дополненіями Муравьева, которыя онъ съ своей стороны считалъ необходимыми по мѣстнымъ потребностямъ и настоящему положенію дѣлъ.

Послѣдующіе за пріѣздомъ въ Иркутскъ дни посвящены были Николаемъ Николаевичемъ на самыя разнообразныя дѣла; такъ, съ самаго въѣзда Муравьева въ Иркутскую губернію, къ нему посыпались вопіющія жалобы отъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ низшаго класса на притѣсненія, дѣлаемыя имъ чиновниками. Въ особенности поражали Николая Николаевича жалобы инородцевъ—Бурятъ Иркутскаго округа, которые толпами приходили въ губернскій городъ. Въ эти жалобы онъ всегда вникалъ лично. Затѣмъ слѣдовали: смотръ войскъ, посѣщеніе присутственныхъ мѣстъ и разсмотрѣніе, вечеромъ до ночи и рано утромъ, съ замѣчательною проницательностью и быстротою, главнѣйшихъ дѣлъ по управленію краемъ.

Относительно Кяхтинской торговли Муравьевъ получилъ еще проѣздомъ черезъ Москву подробную записку отъ торгующаго на Кяхтѣ московскаго купечества за подписью городского головы Лепешкина. Какъ эта записка, такъ и другія неблагопріятныя о Кяхтинской торговлѣ свѣдѣнія побудили генералъ-губернатора немедленно командировать въ Кяхту своего адъютанта Василія Михайловича Муравьева для негласнаго и по возможности точнаго изслѣдованія всѣхъ изворотовъ нашей торговли съ Китайцами. По соображенію собранныхъ адъютантомъ Муравьевымъ данныхъ, Николай Николаевичъ въ письмѣ отъ 19-го мая 1848 года къ Ѳ. П. Вронченко [2] заявилъ, что, хотя онъ и затрудняется высказать свое *рѣшительное* мнѣніе по вопросу о необходимости измѣненія правилъ 1800 года о Кяхтинской торговлѣ, по кратковременности управленія имъ Восточною Сибирью, но тѣмъ не менѣе онъ находитъ и теперь уже, что «по мѣстному взгляду «на этотъ предметъ, столь важные интересы отечественныхъ «мануфактуръ и промышленности нельзя оставлять въ рукахъ и «безотвѣтственномъ распоряженіи такихъ людей, у какихъ они «теперь находятся.» [3]

---

[1] Нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.
[2] Министръ финансовъ.
[3] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

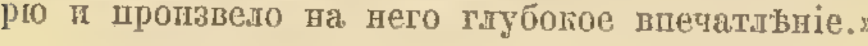
Ознакомившись такимъ образомъ съ дѣлами своего управленія и сдѣлавъ предварительныя распоряженія, Николай Николаевичъ Муравьевъ 25-го марта препроводилъ Государю всеподданнѣйшій рапортъ, съ приложеніемъ особой записки, надѣлавшей много шуму въ высшей административной сферѣ, по новому взгляду на золотопромышленность, высказанному въ этой запискѣ.[1]

«Золотопромышленность, недавно еще возбудившая всеобщее вниманіе къ неисчерпаемымъ богатствамъ Восточной Сибири,» — писалъ Муравьевъ, — «клонится уже къ упадку: пріиски бѣднаго содержанія оставлены безъ разработки по чрезмѣрной дороговизнѣ въ содержаніи рабочихъ; богатые пріиски выработываются, а новыхъ значительныхъ открытій не дѣлается. По всѣмъ вѣроятіямъ однакожъ можно заключить, что въ Восточной Сибири золотыя розсыпи дѣйствительно неисчерпаемы. Не смѣю разрѣшить вопроса, полезно ли для государства, чтобы частная золотопромышленность распространялась, но я убѣжденъ въ томъ, что доколѣ она существуетъ и дозволена, то Вашему Величеству угодно, чтобъ богатства эти распредѣлялись болѣе справедливо и правильно, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлается. А между тѣмъ существующій порядокъ способствуетъ къ захватамъ одними лицами большихъ золотоносныхъ пространствъ, къ захватамъ чужихъ открытій и къ разоренію золотопромышленниковъ, не имѣющихъ розсыпей чрезмѣрно богатаго содержанія. Соображая различныя законоположенія, по этому предмету существующія, мѣстное по нимъ исполненіе, порядокъ судопроизводства, составъ правленія присутственныхъ мѣстъ, я осмѣливаюсь сказать, что въ настоящемъ видѣ, при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ Вашего Величества, предметъ этотъ, возбуждающій до высшей степени наиболѣе свойственную человѣку слабость — корысть и любостяжаніе, — будетъ источникомъ несправедливостей, неправосудія и общаго развращенія нравовъ во всѣхъ состояніяхъ, до него касающихся. Если бы споры и тяжбы между частными открывателями и владѣльцами пріисковъ, обыкновенно о старшинствѣ и неопредѣлительности первоначальныхъ заявокъ и неправильности въ измѣреніи отведенныхъ площадей,» — говоритъ далѣе Муравьевъ, — «могли оканчиваться въ пользу одной или другой стороны, то дѣла эти подходили бы подъ общій порядокъ судопроизводства въ цѣломъ государствѣ; на золотоносныхъ же розсыпяхъ, при всякомъ спорѣ, возникающемъ между частными лицами отъ вышесказанныхъ причинъ, является,

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

въ силу существующихъ узаконеній, третья сторона со своими уже правами на открытую розсыпь—*это казна!* и дѣло неминуемо запутывается болѣе и болѣе. По всей строгости существующихъ узаконеній, весьма рѣдкій золотой пріискъ могъ бы оставаться за настоящимъ своимъ открывателемъ или владѣльцемъ. Почти вездѣ есть отступленія достаточныя для того, чтобы по законамъ пріискъ обратить въ казну, но казна до сихъ поръ объявляла обыкновенно свои права на пріиски *богатаго содержанія и по особымъ только случаямъ*. Ваше Величество! я здѣсь, какъ старшій блюститель законовъ и первый защитникъ казны, долженъ бы, не ожидая доносовъ, искательствъ и споровъ, сдѣлать строгую провѣрку по первоначальнымъ заявкамъ всѣмъ золотоноснымъ площадямъ, отведеннымъ въ частное владѣніе, *и большая часть ихъ*, на основаніи узаконеній, были бы зачислены въ казну; но я уже сказалъ выше, что новыя открытія не дѣлаются, и частная золотопромышленность клонится къ упадку, вслѣдствіе тѣхъ *особыхъ случаевъ*, которыми казна воспользовалась, чтобы отобрать отъ частныхъ лицъ только *нѣкоторые* пріиски.»

По словамъ Б. В. Струве, «это откровенное, рѣдкобезкорыстное и вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно смѣлое, въ виду бури страстей, которая неминуемо должна была подняться въ высшихъ сферахъ, изложеніе передъ Вѣнценосцемъ положенія золотопромышленнаго дѣла—разумѣется, не могло не понравиться Государю и произвело на него глубокое впечатлѣніе.»

XXII.

Декабристы и отношеніе къ нимъ Муравьева.—Доносъ на Муравьева и чиновниковъ его по поводу сближенія ихъ съ декабристами.—Объясненіе по этому предмету Муравьева.—Резолюція Государя и письмо Л. А. Перовскаго Муравьеву.—О мѣрахъ противъ злоупотребленій откупа и объ уничтоженіи винокуренія и солеваренія отъ казны.—Письмо Л. А. Перовскаго Муравьеву.—Англичане въ Иркутскѣ.—Письмо Л. А. Перовскаго Муравьеву, съ планомъ дѣйствій для борьбы съ противниками.—Недостатокъ финансовыхъ средствъ.—Необходимость сбереженій.—Заключеніе главы.

1848 г.

Въ Иркутскѣ и другихъ мѣстахъ Восточной Сибири проживали, какъ извѣстно, въ то время декабристы. Приводимъ здѣсь нѣсколько подробностей о нихъ, такъ какъ отношенія къ нимъ Н. Н. Муравьева освѣщаютъ нѣкоторыя стороны его характера. Находившіеся къ пріѣзду Муравьева въ окрестностяхъ Иркутска декабристы размѣщались такимъ образомъ: въ селеніи Урикъ — С. Г. Волконскій, А. А. Быстрицкій; въ селеніи Усть-Куда — А. В. Поджіо, П. А. Мухановъ; въ селеніи Оекъ — С. П. Трубецкой; въ деревнѣ Хамутовой — А. П. Сутгофъ; въ деревнѣ Смоленщиной—В. А. Бечасновъ, А. А. Веденяпинъ и друг. Только княгиня М. Н. Волконская и княгиня Е. И. Трубецкая жили въ городѣ, получивъ на то право для воспитанія своихъ дѣтей. Всѣ же остальные для пріѣзда въ городъ должны были каждый разъ заручаться особымъ разрѣшеніемъ подлежащихъ властей, что крайне ихъ стѣсняло, въ случаѣ болѣзни и разныхъ домашнихъ обстоятельствъ. На переѣзды ихъ изъ одной волости въ другую также требовалось разрѣшеніе. Муравьевъ немедленно положилъ конецъ этимъ стѣсненіямъ и тѣмъ самымъ облегчилъ нравственную и матеріальную стороны ихъ жизни.

Супруга Сергія Григорьевича Волконскаго, княгиня Марія Николаевна, была дочь извѣстнаго генерала Н. Н. Раевскаго, героя 1812 года, умершаго въ 1827 году, унаслѣдовавшая его умъ и высокое образованіе. Она была идеально красива; ее воспѣвалъ нашъ поэтъ А. С. Пушкинъ, вдохновенно напутствовавшій ее въ Москвѣ, когда она отправлялась въ добровольную ссылку за своимъ мужемъ: а другой поэтъ, князь Одоевскій, написалъ ей въ альбомъ, въ день ея рожденія 25-го декабря 1829 года, слѣдующіе стихи: [1]

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ томъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены,
И вѣстницы благія Провидѣнья
Явилися какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ, лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Супруга Сергія Петровича Трубецкаго, княгиня Екатерина Ивановна, урожденная графиня Лаваль, была также женщина высокаго ума и образованія.

У Волконскихъ были тогда сынъ Михаилъ, [2] ученикъ старшаго класса Иркутской гимназіи, и дочь Елена, 13-ти лѣтъ; [3] у

---

[1] Записки Н. В. Басаргина. Девятнадцатый вѣкъ. Кн. I, стр. 136.

[2] Князь Михаилъ Сергѣевичъ, нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

[3] Впослѣдствіи была три раза въ замужствѣ: за Д. В. Молчановымъ, Н. А. Кочубеемъ и А. А. Рахмановымъ.

Трубецкихъ—три дочери: Александра, уже взрослая, Елизавета и Зинаида, воспитывавшіяся въ Иркутскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, [1] и сынъ Иванъ 7-ми лѣтъ.

Жены декабристовъ всегда стояли высоко въ мнѣніи мѣстнаго общества: онѣ пользовались всеобщимъ уваженіемъ и любовью; но сближались съ ними во времена генералъ-губернатора Руперта не многіе: большая же часть общества, симпатизируя имъ, держалась однакожъ въ сторонѣ, избѣгая отвѣтственности.

Генералъ-губернаторъ Муравьевъ и супруга его Екатерина Николаевна познакомились съ княгинями Волконской и Трубецкой, и этимъ самымъ указали, какое мѣсто послѣднія должны занимать въ обществѣ, и своимъ личнымъ примѣромъ какъ бы поощрили сближеніе съ декабристами мѣстнаго служебнаго персонала. Сами декабристы вели себя по отношенію къ Муравьевымъ и къ чиновникамъ, какъ къ лицамъ оффиціальнымъ, съ утонченною деликатностью, не давая ни малѣйшаго повода къ какимъ-либо нареканіямъ. Тѣмъ не менѣе губернаторъ Пятницкій, изъ досады, что ему было предложено оставить службу въ Сибири, еще до увольненія своего отъ должности, счелъ своею обязанностью послать въ Петербургъ доносъ, въ которомъ онъ въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовывалъ предосудительность сближенія Муравьева и ближайшихъ къ нему чиновниковъ съ декабристами, надѣясь, вѣроятно, этимъ поправить свое положеніе въ служебномъ мірѣ.

Въ доносахъ на Муравьева участвовалъ и бывшій въ то время въ Иркутскѣ жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Горашковскій. Оба они съ Пятницкимъ, не имѣя никакого понятія о геральдикѣ, какъ говорили тогда въ Иркутскѣ, въ доносахъ своихъ ставили Николаю Николаевичу въ вину самую печать его, указывая, что на ней, по своимъ либеральнымъ воззрѣніямъ, онъ даже самую корону проткнулъ мечемъ. Горашковскій былъ смѣненъ одновременно съ Пятницкимъ и замѣненъ Апостоломъ-Кегичемъ. Отъ шефа жандармовъ, графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, доносъ этотъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ присланъ къ

[1] Старшая впослѣдствіи вышла замужъ за Н. Р. Ребиндера (Кяхтинскаго градоначальника, а потомъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа и директора Департамента Народнаго Просвѣщенія), вторая была за П. В. Давыдовымъ, сыномъ декабриста Василія Львовича, и третья—за Николаемъ Дмитріевичемъ Свербеевымъ, чиновникомъ по дипломатической части при генералъ-губернаторѣ Н. Н. Муравьевѣ. Сынъ—Иванъ Сергѣевичъ былъ женатъ на княжнѣ В. С. Оболенской, скончался въ молодыхъ лѣтахъ въ С.-Петербургѣ.

генералъ-губернатору Муравьеву для доставленія соотвѣтственнаго объясненія. «Николай Николаевичъ»,—пишетъ Б. В. Струве, [1]— отвѣтилъ на этотъ доносъ приблизительно слѣдующее: «Что онъ убѣжденъ, что такъ называемые декабристы, искупивъ заблужденія своей юности тяжелою карою, принадлежатъ къ числу лучшихъ подданныхъ Русскаго Царя; что никакое наказаніе не должно быть пожизненнымъ, такъ какъ цѣль наказанія есть исправленіе, а это вполнѣ достигнуто по отношенію къ декабристамъ, и что нѣтъ основанія оставлять ихъ изверженными навсегда изъ общества, въ составѣ котораго они имѣютъ право числиться по своему образованію, своимъ нравственнымъ качествамъ и теперешнимъ политическимъ убѣжденіямъ.» На объясненіи, данномъ Муравьевымъ въ этомъ смыслѣ, Императоръ Николай I написалъ: «Благодарю», и при этомъ сказалъ: «Нашелся человѣкъ, который понялъ Меня, понялъ, что Я не ищу личной мести этимъ людямъ, а исполняю только государственную необходимость и, удаливъ преступниковъ отсюда, вовсе не хочу отравлять ихъ участь тамъ.» [2]

Губернаторъ Пятницкій за доносъ на генералъ-губернатора былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія. По поводу этого доноса и многихъ другихъ, полученныхъ въ Петербургѣ, Л. А. Перовскій 25-го іюля 1848 года написалъ Николаю Николаевичу Муравьеву слѣдующее: [3] «Вы, безъ сомнѣнія, увѣрены въ дружескомъ моемъ къ вамъ расположеніи и въ томъ, что я отъ души «желаю вамъ добра и успѣха; посему мнѣ кажется, что полная «откровенность должна быть необходимымъ условіемъ взаимныхъ «нашихъ отношеній. Въ этомъ убѣжденіи я буду вамъ говорить «всегда то, что̀ мыслю, и вызываю васъ поступать со мною такъ же. «Здѣсь распускаютъ слухи о вашей вспыльчивости, которая будто «выходитъ часто изъ дозволенныхъ границъ; о поспѣшности, съ «которою вы осуждаете людей, прежде чѣмъ имѣли время ихъ «узнать или даже выслушать и проч. Нѣтъ сомнѣнія, что чиновники вредные для службы, отъ которой вы ихъ удалили, суть «распространители этихъ слуховъ, не менѣе того не теряйте изъ «вида, что у изгнанныхъ есть здѣсь всегда болѣе или менѣе «покровители, которые готовы вторить своимъ кліентамъ, т. е., «громко сожалѣть о мнимыхъ жертвахъ, осуждать ваши дѣйствія, «жаловаться на нихъ и кричать. Я совершенно понимаю ваше

[1] Русск. Вѣстн. 1888 г., стр. 169—173.
[2] Гражданинъ. 1888 г., № 301.
[3] Архивъ князя М. С. Волконскаго.

«положеніе, вы не любите злоупотребленій, которыхъ во ввѣрен-«номъ вамъ краѣ бездна, и потому принимаете все къ сердцу. «Въ ваши лѣта я преслѣдовалъ всякій безпорядокъ и всякую не-«справедливость или злоупотребленіе съ горячностью и настой-«чивостью; теперь та же настойчивость у меня осталась, но го-«рячности уже нѣтъ, и едва-ли послѣдняя метода не лучше «прежней. Это ведетъ меня къ тому, чтобы дать вамъ дружескій «совѣтъ: дѣйствуйте, сколь можно, осмотрительнѣе, хладнокровнѣе, «безъ шума, и отдаляйте всякій поводъ къ нареканіямъ и жало-«бамъ. У насъ есть общіе знакомые: М. Н. М.[1] и В. В. С..[2] «которыхъ вы можете увѣдомить, когда не будете писать ко мнѣ, «о всякомъ случаѣ, выходящемъ изъ обыкновенной колеи: это «дастъ возможность опровергать ложные слухи и сплетни. По «свѣдѣніямъ, которыя вы мнѣ сообщили о Пятницкомъ, я видѣлъ, «что онъ человѣкъ несовсѣмъ чистый, но теперь убѣдился, что «онъ, сверхъ того, и глупъ и золъ; это ясно видно изъ поступка «его противъ васъ, о чемъ пишу къ вамъ оффиціально съ буду-«щею почтою. Если Пятницкій еще въ Иркутскѣ, и это письмо «дойдетъ къ вамъ, какъ полагаю, прежде моего отношенія, то «прошу остановить выѣздъ Пятницкаго впредь до полученія ска-«занной бумаги.»

Еще за мѣсяцъ до полученія отъ Л. А. Перовскаго этого письма, Н. Н. Муравьевъ сообщилъ ему о своихъ распоряженіяхъ противъ злоупотребленій откупщиковъ и въ особенности о мѣрахъ, принятыхъ имъ для сопровожденія рабочихъ при выходѣ съ золотыхъ пріисковъ до мѣстъ ихъ постояннаго жительства, съ цѣлью удержанія ихъ отъ пьянства и сохраненія у нихъ заработанныхъ денегъ, въ томъ предположеніи, что они, по прибытіи въ мѣста ихъ водворенія съ немалыми средствами, употребятъ таковыя на домообзаведеніе и устройство своего быта на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ ежегодные заработки на пріискахъ, тамъ же пропиваемые безъ остатка. Въ то же время Муравьевъ написалъ Перовскому и о своихъ предположеніяхъ упразднить винокуреніе и солевареніе отъ казны и о возможности извлечь изъ этого значительныя выгоды, какъ для правительства, такъ и для края, съ передачею этого производства въ частныя руки. На эти сообщенія Л. А. Перовскій немедленно отвѣтилъ

---

[1] Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

[2] Валерій Валеріевичъ Скрипицынъ, директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностраннаго Исповѣд. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ которымъ Муравьевъ сохранилъ и впослѣдствіи дружескія отношенія за границею.

письмомъ, отъ 5-го сентября, такъ: [1] «Я раздѣляю ваше мнѣніе, «что откупщики будутъ происками и деньгами стараться дать «своему неправому дѣлу благопріятный оборотъ, но сомнѣваюсь, «чтобы они успѣли въ своемъ замыслѣ, доколѣ вы не выйдете «за черту законности, т. е., если всѣ ваши распоряженія будутъ «основаны на буквальномъ смыслѣ откупныхъ условій. Вообще «о всякомъ новомъ распоряженіи по сему предмету нелишнимъ «будетъ писать сюда, чтобы можно было опровергнуть ложные «доносы. Вы поступили очень осторожно, поставляя въ извѣст«ность графа Орлова и Киселева о теперешнихъ вашихъ отно«шеніяхъ къ откупщикамъ; первый, т. е. графъ Орловъ, со«общилъ мнѣ о содержаніи вашего письма, какъ скоро его полу«чилъ. Кажется, никто не можетъ оспаривать той истины, что, «для одной денежной выгоды, не слѣдуетъ жертвовать благоден«ствіемъ цѣлаго края, тѣмъ не менѣе министръ финансовъ до «такой степени нуждается въ деньгахъ, что, для пріобрѣтенія «ихъ, онъ часто принужденъ смотрѣть на вещи съ другой точки «зрѣнія. Какъ откупщики непремѣнно будутъ увѣрять министра «финансовъ, что ваши распоряженія разорительны для откупа, и «при новыхъ торгахъ, можетъ быть, не только не возвысятъ «плату, но будутъ стараться понизить ее, то весьма бы жела«тельно доказать противное посредствомъ цифръ, хотя это и до«вольно трудно, потому что расчеты откупщиковъ сохраняются «въ глубокой тайнѣ. Если вы успѣете, посредствомъ строгаго «надзора за чиновниками, которые у васъ подъ рукою, прервать «тѣсную связь между полиціею и откупщиками, то не знаю, «въ какой степени удастся вамъ то же самое въ отношеніи «служащихъ въ отдаленіи отъ васъ? Мнѣ извѣстно, что васъ «озабочиваетъ введеніе новыхъ штатовъ, и потому вы можете «быть увѣрены, что я съ своей стороны употреблю все мое ста«раніе, чтобы дать ходъ этому дѣлу, но не скрою отъ васъ, что «къ успѣшному окончанію его я предвижу большое затрудненіе «при теперешнихъ финансовыхъ обстоятельствахъ. Если вы встрѣ«тите слишкомъ большое препятствіе къ уничтоженію винокурен«ныхъ и солеваренныхъ заводовъ, несмотря на выгодность того «для казны и для края, то совѣтую подробно объяснить ваши «предположенія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ вашемъ; Государь «Императоръ всѣ отчеты изволитъ читать съ большимъ внима«ніемъ и, если убѣдится приводимыми доводами мѣстныхъ на«чальствъ, то нерѣдко выражаетъ въ собственноручныхъ отмѣт-

[1] Архивъ князя М. С. Волконскаго.

«кахъ столь положительно свое мнѣніе, что это самое можетъ «дать дѣлу желанный оборотъ.»

28-го августа Муравьевъ представилъ Государю проектъ *единой* компаніи золотопромышленности въ Восточной Сибири, съ подробною объяснительною запискою. Министру же внутреннихъ дѣлъ онъ сообщилъ, что въ послѣднее время иностранцы, путешествующіе по Сибири, собираютъ свѣдѣнія о Камчаткѣ, объ Амурѣ и о сообщеніи этихъ мѣстъ съ Восточною Сибирью.

Иркутскъ тогда въ дѣйствительности часто былъ посѣщаемъ Англичанами, которые, прикрываясь званіемъ туристовъ, тайно слѣдили за всѣми дѣлами, касающимися вопроса объ р. Амурѣ. По пріѣздѣ своемъ Николай Николаевичъ засталъ тамъ Англичанина Гилля (Hill), который проживалъ тамъ уже нѣсколько мѣсяцевъ и успѣлъ втереться во всѣ слои общества и развѣдывалъ съ такимъ кажущимся простодушіемъ, какъ будто онъ путешествуетъ только для себя и никакихъ другихъ цѣлей не преслѣдуетъ. Чтобы сблизиться съ обществомъ, онъ, какъ бы изъ любезности, давалъ уроки англійскаго языка въ домѣ Трубецкихъ и Волконскихъ. Вслѣдъ за нимъ, въ Иркутскѣ явился Англичанинъ Остенъ (Austin), путешествующій для производства будто бы геологическихъ изслѣдованій.

Появленіе Остена въ Иркутскѣ совпало съ отсутствіемъ генералъ-губернатора. Николай Николаевичъ конецъ 1848 года посвятилъ преимущественно ознакомленію съ губерніями Енисейскою и Иркутскою и въ особенности съ Забайкальскимъ краемъ, и имъ были собираемы всѣ свѣдѣнія, необходимыя для составленія предположенія о поѣздкѣ въ Камчатку, которая должна была совершиться въ кратчайшій по возможности срокъ. Остенъ, долго не думая, переправился черезъ Байкалъ и далѣе почтовымъ трактомъ чрезъ Верхнеудинскъ и Читу въ Нерчинскъ, гдѣ онъ немедленно приступилъ къ постройкѣ большого плота, на которомъ предполагалъ спуститься внизъ по Шилкѣ и Амуру къ устьямъ этой рѣки, надѣясь найти тамъ китобойное или иное судно, чтобы добраться черезъ Тихій океанъ до материка Америки или и прямо до Европы.

Николай Николаевичъ узналъ о проѣздѣ Остена въ Нерчинскъ только на обратномъ пути изъ Цурухайтуя, по пограничной линіи казачьихъ станицъ чрезъ Кяхту, въ Верхнеудинскѣ. При Муравьевѣ тогда состоялъ корпуса топографовъ поручикъ В. В Вагановъ, который сопутствовалъ ему во время перваго объѣзда Забайкальской области.

«Отправить Ваганова», пишетъ Б. В. Струве,[1] «обратно въ Нерчинскъ въ догоню за Остеномъ, съ приказаніемъ ни подъ какимъ видомъ не допустить его до исполненія своего намѣренія, и живого или мертваго возвратить его въ Иркутскъ, было для Муравьева дѣломъ момента. Вагановъ чрезвычайно ловко исполнилъ данное ему порученіе и не дальше, какъ черезъ десять дней, вернулся въ Иркутскъ въ сопровожденіи Остена. Обо всемъ Муравьевъ немедленно донесъ въ Петербургъ и, разумѣется, въ письмѣ къ Л. А. Перовскому, отъ 25-го августа, далъ волю своимъ сужденіямъ объ опасности, угрожающей дѣлу занятія Амура отъ тѣхъ непрошенныхъ гостей, которые, подъ видомъ безхитростныхъ туристовъ или невинныхъ ревнителей науки, развѣдываютъ все, что нужно знать Англійскому правительству,—и о своемъ предположеніи въ 1849 году *непремѣнно* отправиться въ Камчатку.»

Перовскій и тутъ опять является со своими совѣтами, изображая цѣлый планъ дѣйствія для борьбы неспѣшной, но вѣрной съ противниками патріотическихъ стремленій Муравьева, и свидѣтельствующими объ антагонизмѣ, существовавшемъ въ высшей правительственной сферѣ. «Не безъ основанія вы изволите «полагать»,—пишетъ Л. А. Перовскій отъ 14-го октября 1848 года,[2] «что надобно предупредить Англичанъ, и что уже наступило время «*не откладывать;* я съ своей стороны вполнѣ раздѣляю ваше «мнѣніе, но не такъ думаетъ графъ Нессельроде; онъ будетъ «всѣми силами стараться отклонить всякую рѣшительную мѣру, «и въ этомъ отношеніи поддержитъ его непремѣнно министръ «финансовъ; первый поставитъ на видъ опасеніе разрыва дружескихъ сношеній съ Англіею, второй упрется на вредныя послѣдствія для нашей внутренней мануфактурной торговой промы«шленности отъ разрыва съ Китаемъ; посему безошибочно можно «сказать, что сочувствія со стороны тѣхъ, отъ кого настоящій «предметъ наиболѣе зависитъ, вы ожидать не можете. Не пожа«лѣютъ и васъ, скажутъ, что вы слишкомъ скоры, легкомы«слены, самонадѣянны, что не успѣли еще ознакомиться ни съ «краемъ, которымъ управляете, ни съ тою идеею, которую осуще«ствить желаете; что вы не приняли въ соображеніе ни затруд«неній, ни послѣдствій затѣваемаго вами предпріятія и проч. и «проч. Такія и подобныя рѣчи неминуемо повредятъ вамъ, а «слѣдовательно и самому дѣлу, и потому вотъ мой дружескій

---

[1] Русск. Вѣстн. 1888 г.

[2] Архивъ князя М. С. Волконскаго.

«совѣтъ: отложите вашу поѣздку на годъ, а покуда не упускайте «ни одного случая въ донесеніяхъ Государю Императору, знакомить Его Величество съ предметомъ; говорите, но издалека, о «необходимости дѣйствовать и о вредныхъ послѣдствіяхъ въ будущемъ, если мы будемъ предупреждены: выражайтесь сильно, но «хладнокровно; запаситесь мѣстными свѣдѣніями, чтобы вооружиться ими, когда дѣло дойдетъ до личныхъ объясненій, и докажите въ свое время, что, при осторожныхъ дѣйствіяхъ, торговля съ Китаемъ не пострадаетъ; сдѣлайте смѣту расходамъ, «которыхъ потребуютъ ваши предположенія, старайтесь, чтобъ «эти расходы были какъ можно умѣреннѣе, и отнесите ихъ, если «можно, на мѣстные способы.»

У Муравьева всегда стоялъ на первомъ планѣ казенный интересъ: сбереженіе въ расходахъ и правильность дѣйствій въ заготовленіяхъ для продовольствія войскъ, для содержанія ссыльно-каторжныхъ и рабочихъ на заводахъ и въ рудникахъ, и для винокуренія. Постоянныя напоминанія Л. А. Перовскаго о затруднительности нашего финансоваго положенія и о томъ, чтобы стараться, для исполненія представляемыхъ со стороны Муравьева предположеній, изыскивать мѣстные способы, заставили Муравьева съ большею еще энергіею взяться за эту часть мѣстнаго государственнаго хозяйства. При самомъ вступленіи въ командованіе войсками, въ Восточной Сибири расположенными, Муравьевъ сначала отстранилъ отъ должности, а затѣмъ и предалъ суду оберъ-провіантмейстера, несмотря на сильную его поддержку со стороны графа В. А. Перовскаго; а когда наступило время торговъ на поставку продовольственныхъ предметовъ для войскъ и зерноваго хлѣба для Александровскаго винокуреннаго завода, находящагося въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска, онъ поручилъ провіантскую часть своимъ избраннымъ, которымъ зналъ цѣну и которыми умѣлъ пользоваться.[1]

Въ дѣлѣ сбереженія и охраненія казеннаго интереса по управленію краемъ, незамѣнимымъ помощникомъ Муравьеву былъ вновь назначенный въ Иркутскъ губернаторъ Владиміръ Николаевичъ Заринъ, человѣкъ безукоризненной честности и твердости. «Съ Зариными мы живемъ какъ одно семейство, и это немалое утѣшеніе въ этой отдаленной сторонѣ».—писалъ Николай Николаевичъ брату Валеріану Николаевичу, который въ то время былъ

[1] Изъ такихъ лицъ можемъ назвать Б. В. Струве, чиновника особыхъ порученій при Муравьевѣ. Ему Муравьевъ преимущественно поручалъ дѣла о Бурятскихъ родахъ и закупку хлѣба въ Якутской губ. и Забайкальской области.

вице-губернаторомъ въ Ярославлѣ. Заслуга Зарина состояла именно въ томъ, что онъ своимъ хладнокровіемъ и нѣкоторою даже медлительностію уравновѣшивалъ горячность и пылкость Муравьева. Какъ старый сослуживецъ и товарищъ Муравьева по Кавказу, онъ имѣлъ право и возможность откровенно высказывать ему свое мнѣніе и свои взгляды на тотъ или другой вопросъ и, для пользы дѣла, нерѣдко пользовался этимъ правомъ.

Вообще, появленіе Муравьева въ Сибирь, по разсказамъ современниковъ, было какъ бы громомъ, который прогремѣлъ послѣ нависшей мрачной тучи надъ Сибирью,—разсѣялъ эту тучу и очистилъ воздухъ. Муравьевъ, по своей честной натурѣ, круто положилъ конецъ всѣмъ хищеніямъ и всякаго рода неслыханнымъ злоупотребленіямъ. Въ Сибири до него долго держались пословицы: «до Бога высоко, до Царя далеко»; при появленіи же его, все пошло иначе, и занялась заря новаго, свѣтлаго будущаго.

XXIII.

Высочайше утвержденный Комитетъ въ Петербургѣ по вопросу объ Амурѣ.— Рѣшеніе Комитета. Командировка М. С. Карсакова въ Охотское море съ секретными наставленіями Муравьева Невельскому.

1849 г.

1849 года, 29-го января, въ Петербургѣ назначенъ былъ по Высочайшему повелѣнію Комитетъ, въ которомъ возбуждался вопросъ объ Амурѣ. Въ 8-й день февраля Высочайше утверждено положеніе Комитета *о морской экспедиціи* для изслѣдованія устьевъ этой рѣки. «На счетъ ея изслѣдованія и плаванія по ней съ этою цѣлью рѣшено было», пишетъ П. В. Шумахеръ, [1] «воздержаться отъ подобнаго предпріятія, могущаго встревожить Китайцевъ. А какъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по Высочайшему повелѣнію, составлялось предположеніе установить сношенія съ Гиляками, обитающими на сѣверной сторонѣ устьевъ Амура, и наблюдать въ тѣхъ мѣстахъ за дѣйствіями и происками иностранцевъ: то Комитетъ выразился, что желательно, *чтобы лѣвый берегъ устья Амура и находящаяся противъ него часть Сахалина* не были заняты никакою постороннею державою. Но, чтобы предупредить это, не давъ повода къ притязаніямъ или разрыву съ Китаемъ, графъ Нессельроде полагалъ отправить въ тѣ мѣста изъ Аянскаго порта моремъ небольшую экспедицію, подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, поручивъ начальство надъ нею лицу, заслуживающему довѣрія, и на благоразуміе и осторожность котораго можно бы вполнѣ положиться; снабдить его разными вещами,

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 258—259.

для торговли съ Гиляками и съ прочими обитателями тѣхъ мѣстъ, и наставленіями. въ видахъ привлеченія къ намъ Гиляковъ, тѣснѣйшаго съ ними сближенія и упроченія тамъ нашего вліянія. Въ этомъ же Комитетѣ постановлено, чтобъ для наблюденія за могущими появиться въ Охотскомъ морѣ иностранными судами учредить въ тѣхъ мѣстахъ временное крейсерство, которое могло бы содѣйствовать также и къ поддержанію торговыхъ и пріязненныхъ связей съ тамошними жителями.

Въ случаѣ какихъ-либо со стороны Англичанъ или другого народа покушеній на островъ Сахалинъ или прилегающую къ устью Амура мѣстность, предоставлено генералу Муравьеву немедленно, по полученіи о томъ извѣстія и не ожидая разрѣшенія отъ высшаго правительства, сообщить о замѣченномъ чрезъ Иркутскаго губернатора Ургинскимъ пограничнымъ правителямъ, дабы такимъ образомъ обратить вниманіе Китайцевъ на подобныя покушенія иностранцевъ и *отклонить всякія на нашъ счетъ подозрѣнія.*

Приведеніе въ исполненіе этихъ предварительныхъ мѣръ полагалъ Комитетъ предоставить морскому вѣдомству или, лучше того, возложить на Россійско-Американскую Компанію, принявъ на счетъ казны потребные на то расходы, а между тѣмъ отстраняя явное участіе правительства въ этомъ дѣлѣ.

Чтобы все это привести въ исполненіе, *«безъ шума и съ должною осторожностью»*, графъ Нессельроде находилъ удобнѣйшимъ — отправленному еще 21-го августа 1848 года къ берегамъ Охотскаго моря съ военнымъ судномъ капитанъ-лейтенанту Невельскому поручить сдѣлать осмотръ береговъ отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура, а также осмотръ сѣверныхъ береговъ Сахалина и отысканіе, на означенномъ пространствѣ и по возможности въ недальнемъ разстояніи отъ устья Амура, удобнаго и выгоднаго пункта для занятія, *еслибы* впослѣдствіи найдено было своевременнымъ приступить и къ сему предпріятію. Если морское начальство признаетъ возможнымъ возложить на капитанъ-лейтенанта Невельского подобное порученіе, то предписать ему, при произведеніи осмотра, не возбуждать подозрѣній и вниманія Китайцевъ; свѣдѣнія же, какія онъ соберетъ, укажутъ дальнѣйшій планъ дѣйствія. Въ видахъ установленія сношеній съ Гиляками рѣшено было предоставить Американской Компаніи, чтобы она сдѣлала опытъ подобныхъ съ ними сношеній сухимъ путемъ изъ Аяна, собравъ подробныя свѣдѣнія о *Гилякахъ* и объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю, и чтобы на основаніи этихъ свѣдѣній, которыя будутъ собраны предполагаемою сухопутною экспедиціею, можно было потомъ сообразить дальнѣйшія средства упроченія нашего вліянія

надъ этимъ народомъ. Издержки, которыя должны быть весьма незначительны, графъ Нессельроде полагалъ принять на счетъ казны.»

«На основаніи таковыхъ заключеній особаго Комитета», говоритъ Д. Романовъ: [1] «главное правленіе Россійско-Американской Компаніи получило предложеніе послать изъ Аяна сухимъ путемъ небольшую торговую экспедицію въ землю Гиляковъ, обитающихъ къ сѣверу отъ устья Амура, о чемъ въ февралѣ же государственный канцлеръ увѣдомилъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева—о предпринятомъ по Высочайшему повелѣнію, отысканіи близъ устья Амура, на сѣверъ отъ этой рѣки, удобнаго пункта и о посылаемой Россійско-Американской Компаніей въ эту страну торговой экспедиціи, прося при этомъ Муравьева оказывать этой экспедиціи, въ случаѣ надобности, свое содѣйствіе.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе положенія особаго Комитета, капитану Невельскому послано было наконецъ то предписаніе, котораго онъ добивался въ бытность свою въ С.-Петербургѣ. Морское Министерство препроводило къ генералъ-губернатору въ Иркутскъ инструкцію капитану Невельскому на изслѣдованіе устья Амура и выборъ пункта къ сѣверу отъ него, удобнаго для занятія и устройства торговаго поселенія; но такъ какъ зимняя Камчатская почта [2] изъ Охотска въ Петропавловскій портъ въ это время уже отправилась, то Муравьевъ, получивъ помянутую инструкцію, послалъ ее съ своими секретными наставленіями изъ Иркутска съ нарочнымъ курьеромъ, штабсъ-капитаномъ Карсаковымъ, которому приказано было, по прибытіи въ Охотскъ, дождаться тамъ открытія навигаціи и тотчасъ, по очищеніи льда, отправиться на суднѣ моремъ въ Петропавловскій портъ, стараясь застать тамъ Невельского съ транспортомъ «Байкалъ». Но Карсаковъ, бывъ задержанъ въ Охотскѣ льдами до іюня, вышелъ въ началѣ этого мѣсяца на ботѣ «Кадьякъ» въ море и направился прямо къ сѣвернымъ берегамъ Сахалина: онъ расчитывалъ, что въ это время не можетъ уже застать транспорта «Байкалъ» въ Петропавловскомъ портѣ. Разошедшись съ нимъ у сѣверныхъ береговъ острова Сахалина и выдержавъ здѣсь нѣсколько свѣжихъ вѣтровъ, ботъ «Кадьякъ» крейсировалъ между этимъ островомъ и матерымъ берегомъ, два раза заходилъ въ Константиновскую гавань, но, не отыскавъ транспорта «Байкалъ», отправился въ обратный путь и пришелъ въ Аянъ. Между тѣмъ въ маѣ капи-

---

[1] Русское Слово. 1859 г., іюль, стр. 103—108.

[2] Единственная въ году.

танъ Невельской былъ уже въ Петропавловскѣ, гдѣ нашелъ письмо отъ генерала Муравьева, въ которомъ онъ предлагалъ ему идти къ описи устья Амура, увѣдомляя, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, объ этомъ скоро послѣдуетъ Высочайше утвержденная инструкція изъ Петербурга; но капитанъ-лейтенантъ Невельской рѣшился дѣйствовать, не ожидая этой инструкціи. Чтобы не терять времени, онъ сдалъ въ Петропавловскѣ грузъ и 31-го мая направился со своимъ транспортомъ «Байкалъ» къ восточному берегу острова Сахалина, съ цѣлью оттуда начать свои изслѣдованія; онъ обогнулъ сѣверную оконечность острова и затѣмъ направился съ сѣвера въ проливъ между матерымъ берегомъ и островомъ; заходилъ въ заливъ Обмана, назвалъ его именемъ своего транспорта и, продолжая путь далѣе къ Ю.-З., 24-го іюня встрѣтилъ у мыса Головачева отмели, сталъ на якорь, спустилъ шлюпку и послалъ на ней мичмана Грота [1] и подпоручика Попова отыскивать фарватеръ. Но поиски были неудачны. Отъ мыса Головачева онъ поворотилъ на С.-З. вдоль песчаной отмели къ матерому берегу. Здѣсь, при прочистившемся туманѣ, увидали гористый берегъ Маньчжуріи; не доходя до него около 4-хъ миль, обогнули банку [2] и, слѣдуя въ дальнемъ разстояніи отъ этого берега къ югу, между нимъ и банкою, 28-го іюня *вошли въ лиманъ Амура.* Здѣсь капитанъ Невельской сталъ на якорь и на шлюпкахъ началъ промѣръ и изслѣдованіе сѣверной части лимана. Мичманъ Гротъ пошелъ вдоль Сахалинскаго берега, а лейтенантъ Казакевичъ вдоль матерого. Послѣдній открылъ устье Амура, вошелъ въ рѣку и, слѣдуя лѣвымъ ея берегомъ, присталъ къ Гиляцкой деревнѣ Чадбахъ. Потомъ самъ Невельской заходилъ въ устье Амура и, слѣдуя изъ него далѣе по лиману на югъ, чрезъ нѣсколько дней подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ матерый берегъ сближается съ противоположнымъ западнымъ берегомъ острова Сахалина, и здѣсь, у мысовъ, названныхъ имъ *Лазаревымъ* и *Муравьевымъ*, вмѣсто воображаемаго Лаперузомъ, Броутономъ, Крузенштерномъ и Гавриловымъ перешейка, оказался проливъ, въ которомъ глубина была 5 саженъ. Пройдя южнѣе параллели, до которой въ прошломъ столѣтіи доходилъ капитанъ Броутонъ, отъ мыса матерого берега Невельской поворотилъ обратно на сѣверъ. Пройдя тѣмъ же открытымъ имъ проливомъ, а послѣ того слѣдуя вдоль Сахалинскаго берега по глубокому каналу, возвратился послѣ 30 дней отсутствія на транс-

---

[1] Гротъ, послѣ нѣсколькихъ кругосвѣтныхъ плаваній, окончилъ жизнь въ Швейцаріи, сорвавшись въ пропасть при подъемѣ на ледяныя горы.

[2] Банкою называется подводная отмель.

портъ «Байкалъ» (который въ это время занимался изслѣдованіемъ лимана), и послѣ 45-тидневныхъ тщетныхъ усилій войти съ транспортомъ въ Амуръ, направился обратно къ сѣверу въ Охотское море.»

Въ это время Россійско-Американская Компанія отправила прапорщика корпуса штурмановъ Орлова на двухъ байдаркахъ [1] изъ Аяна къ югу, вдоль берега моря. Ему, между прочимъ, поручено было отыскать транспортъ «Байкалъ», который между тѣмъ, выйдя изъ лимана и слѣдуя матерымъ берегомъ около Гиляцкой деревни Искай, открылъ заливъ, закрытый съ моря песчаною низменною косою. Капитанъ Невельской назвалъ его *заливомъ Счастія*. Зазимовавъ у мыса Мухтеля, онъ былъ найденъ Орловымъ, который, слѣдуя вдоль берега, доходилъ до деревни Коль, лежащей въ 20-ти миляхъ къ С.-З. отъ залива Счастія, и вступилъ въ сношенія съ туземцами.

Обратимся снова къ постановленію Комитета 8-го февраля 1849 года, которымъ, вмѣстѣ съ экспедиціею капитанъ-лейтенанта Невельского, разрѣшена была сухопутная экспедиція къ устьямъ Амура.

«Въ концѣ 1848 года, [2] безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ генераломъ Муравьевымъ, была уже составлена секретная экспедиція подъ начальствомъ подполковника Генеральнаго штаба Ахте, подъ видомъ изслѣдованія Забайкальскаго края. Въ отношеніи по этому случаю генералъ-адъютанта князя Долгорукова къ генералъ-квартирмейстеру Бергу сказано было, что Государь Императоръ, имѣя въ виду недовольно точное опредѣленіе нашей границы съ Китайскими владѣніями, полагалъ бы необходимымъ, для подробнаго означенія ея, составить коммиссію изъ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ и путей сообщенія, подъ руководствомъ одного штабъ-офицера Генеральнаго штаба, присоединивъ къ коммиссіи одного или двухъ офицеровъ корпуса топографовъ и нѣсколькихъ топографовъ. Экспедиціи этой поручалось изслѣдовать пограничный край и въ минералогическомъ отношеніи, для открытія тамъ драгоцѣнныхъ металловъ и другихъ ископаемыхъ.

Въ январѣ 1849 года департаментъ Генеральнаго штаба представилъ всѣ соображенія объ экспедиціи и между прочимъ свѣдѣнія о границѣ нашей съ Китаемъ, изъ которыхъ убѣдились, что о мѣстности отъ р. Горбицы, впадающей въ Шилку, и до Охот-

[1] Камчадальская лодка, покрытая кожею моржа.

[2] П. В. Шумахеръ. Русскій Архивъ. 1878 г., кн. III, стр. 266—268.

скаго моря, нѣтъ никакихъ положительныхъ топографическихъ свѣдѣній, и все, показанное по картамъ на этомъ пространствѣ, не заслуживаетъ никакого довѣрія. На счетъ этой неизвѣстной границы, названной въ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ *предварительною*, сообщены были академикомъ Миддендорфомъ, посланнымъ Академіею Наукъ въ Сибирь въ 1844 и 1845 годахъ, кое-какія смутныя свѣдѣнія. Возвращаясь изъ Удскаго края, онъ видѣлъ четыре столба, поставленные Китайцами, и принялъ ихъ за пограничные на основаніи послѣдняго пункта трактата 1689 года.

Описывая затѣмъ богатства Пріамурскаго края по всѣмъ царствамъ природы, записка, составленная въ Генеральномъ штабѣ, упоминаетъ о выгодахъ, какихъ должно ожидать отъ учрежденія свободнаго судоходства по Амуру, какъ единственному пути сообщенія Сибири съ Востокомъ, необходимаго намъ для упроченія владѣнія Охотскимъ краемъ, Камчаткою и Сѣверо-Американскими колоніями. Приведено было указаніе того же академика Миддендорфа на необходимость рекогносцировки теченія рѣки Амура и на опасное соперничество Англичанъ, которые могли предупредить насъ на устьѣ Амура основаніемъ твердаго пункта въ землѣ Гиляковъ и тѣмъ захватить въ свои руки всѣ выгоды отъ сообщенія по Амуру, что подтверждалось попытками Англичанина Остена, который, подъ предлогомъ геогностическихъ изслѣдованій и пользуясь гостепріимствомъ Россіи, стремился къ изслѣдованію р. Амура и ея притоковъ. Что же касается до Гиляковъ, то они считали себя отъ Китая независимыми и охотно, какъ надо думать, уступятъ за безцѣнокъ часть своей земли, для основанія при самомъ устьѣ Амура складочнаго торговаго мѣста.

Докладъ, съ представленными департаментомъ Генеральнаго штаба свѣдѣніями, по Высочайшей волѣ, переданъ былъ министру иностранныхъ дѣлъ, который донесъ Государю, что осмотръ пространства между Горбицею и Удью, по отдаленности отъ обитаемыхъ мѣстъ Китая, можетъ быть допущенъ безъ особенныхъ неудобствъ въ политическомъ отношеніи, но съ однимъ условіемъ, чтобъ осмотръ этотъ былъ сдѣланъ съ *осторожностію*, и чтобы начальнику экспедиціи постановлено было въ непремѣнную обязанность *не приближаться къ р. Амуру* и избѣгать всякихъ столкновеній съ Китайцами; отъ дѣйствій же по изслѣдованію р. Амура, какъ могущихъ встревожить Китайцевъ, *должно воздержаться до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ.*

Такъ какъ предназначавшаяся экспедиція имѣла связь съ составлявшимся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ предположеніемъ объ установленіи сношеній съ Гиляками, обитающими близъ

устья Амура, и о наблюденіи въ тѣхъ мѣстахъ за движеніями и пропусками иностранцевъ: то государственный канцлеръ испрашивалъ повелѣнія о разсмотрѣніи обоихъ дѣлъ въ особомъ Комитетѣ, который и былъ составленъ изъ графа Нессельроде, князя Чернышева, князя Меньшикова, графа Перовскаго и генералъ-адъютанта Берга; и 8-го февраля 1849 года подписано Высочайшее повелѣніе отправить сухопутную экспедицію подъ начальствомъ подполковника Ахте. Экспедиціи велѣно было ограничиться точнымъ опредѣленіемъ той части границы нашей съ Китаемъ по трактатамъ, которая оставлена безъ ближайшихъ изысканій, *отнюдь не посягая на земли, намъ не принадлежащія*, дабы, на основаніи точныхъ свѣдѣній, можно было ясно опредѣлить, по какому именно направленію горъ должна слѣдовать наша съ Китаемъ граница на основаніи Нерчинскаго трактата. При этомъ начальнику экспедиціи поставлено въ непремѣнную обязанность производить изслѣдованія съ *крайнею осторожностію* и избѣгать всего того, что̀ можетъ встревожить Китайцевъ и подать поводъ къ какимъ-либо съ ними столкновеніямъ. Въ инструкціи сказано, что *осторожность въ дѣйствіяхъ въ сихъ видахъ* должна быть главнымъ и первымъ его правиломъ. Графъ Нессельроде до того простеръ свою мнительность, что даже самыя изслѣдованія по горной части предписалъ *лучше* производить на сѣверной покатости горъ, т. е. въ мѣстахъ, неоспоримо принадлежащихъ Россіи: что же касается до земель южной покатости, *то положительно воспрещено было приближаться къ Амуру* и къ населеннымъ мѣстамъ Китая. Дабы самыя распоряженія объ отправленіи экспедиціи не могли подать повода къ толкамъ, ей велѣно было именоваться *«экспедиціею для изслѣдованія Забайкальскаго края»*. Въ случаѣ встрѣчи съ Китайцами (чего, какъ сказано было, *впрочемъ никакъ ожидать нельзя*), велѣно было на спросы ихъ отвѣчать, что люди зашли съ *промышленною цѣлію*, для отысканія звѣриныхъ промысловъ. И предъ туземцами, состоящими въ русскомъ подданствѣ, приказано было выдавать себя за *частныхъ промышленниковъ*. Срокъ дѣйствій экспедиціи опредѣленъ былъ на три года; китайскіе пограничные столбы, которыми такъ пугалъ академикъ Миддендорфъ, поручено осмотрѣть лишь на третій годъ, *и то въ такомъ случаѣ*, если начальникъ экспедиціи *успѣетъ* собрать достовѣрныя свѣдѣнія, что совершить это можно съ успѣхомъ, *не возбуждая подозрѣнія Китайцевъ*.

Вся эта экспедиція была слѣдствіемъ записки, поданной въ 1845 году академикомъ Миддендорфомъ на Высочайшее воззрѣніе. Указывая на необходимость рекогносцировки всего теченія

Амура. Миддендорфъ самъ вызывался спуститься, въ сопровожденіи двухъ топографовъ и четырехъ казаковъ, на лодкѣ, особенно для этой цѣли устроенной, внизъ по теченію Амура въ море, намѣреваясь выплыть къ Аянскому порту Охотскаго моря. Генералъ-адъютантъ Бергъ предлагалъ послать Миддендорфа черезъ Якутскъ и Аянъ моремъ къ Гилякамъ для *дипломатическихъ* съ ними переговоровъ объ уступкѣ намъ земли *за нѣсколько пудовъ табаку*, утверждая, что никто лучше Миддендорфа не въ состояніи исполнить этого порученія: ибо ему одному извѣстна мѣстность, онъ уже свелъ съ Гиляками знакомство, былъ со многими изъ нихъ въ дружескихъ отношеніяхъ и сверхъ того *знаетъ* (?) ихъ языкъ. Генералъ Бергъ видѣлъ даже возможность по пріобрѣтеніи отъ Гиляковъ земли *за весьма недорогіе подарки*, поселить на ней, для удержанія ея за нами, *два* или *три семейства*, по мѣрѣ возможности увеличивая это поселеніе. Такія незрѣлыя предложенія могли только поддержать упорство графа Нессельроде, который объ Амурѣ не хотѣлъ и слышать. Военнаго же министра, князя Чернышева, экспедиція вовсе не интересовала, что̀ ясно обнаружилось изъ того, что онъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отправленія этой экспедиціи, спрашивалъ собственноручной запиской департаментъ Генеральнаго штаба, что̀ послужило началомъ къ секретной экспедиціи Ахте, было ли дѣло это разсмотрѣно въ Азіатскомъ Комитетѣ, и гдѣ теперь подполковникъ Ахте? Онъ позабылъ, что дѣло это было кончено Комитетомъ, въ которомъ самъ же присутствовалъ.»

Вотъ какъ рѣшались тогда дѣла по Амурскому вопросу! Но не такъ и не то думалъ въ это время Николай Николаевичъ Муравьевъ, дѣйствовавшій на мѣстѣ и лично собиравшійся на устье Амура.

XXIV.

Петербургскія интриги противъ дѣйствій Муравьева. —Письмо его къ брату. —Намѣреніе Муравьева объѣхать Камчатку. —Письмо къ брату по этому поводу.—Всеподданнѣйшая записка Муравьева Государю. —Письма его къ графу Л. А. Перовскому и брату.—Приготовленія къ поѣздкѣ въ Камчатку. —Записка Муравьева на случай гибели его въ морѣ.—Всеподданнѣйшій его рапортъ.—Письма къ министрамъ: иностранныхъ дѣлъ и финансовъ.

—

1848—1849 г.

—

Несмотря на неутомимую административную дѣятельность генералъ-губернатора Восточной Сибири, —«въ Петербургѣ все было вооружено противъ Муравьева», пишетъ П. В. Шумахеръ.[1] «Министръ финансовъ Вронченко писалъ министру иностранныхъ дѣлъ, что изъ Москвы графъ Закревскій передалъ ему, что Маймачинскіе[2] Китайцы сообщили нѣкоторымъ проживающимъ на Кяхтѣ торговцамъ нашимъ, будто бы усилія Муравьева къ открытію плаванія по Амуру возбудили ропотъ и неудовольствіе Китайскаго правительства. Объ этомъ подана была Государю всеподданнѣйшая докладная записка, на которую, къ счастію, Его Величество не обратилъ особеннаго вниманія. Генералъ-губернаторъ Западной Сибири, князь Горчаковъ, тоже выразилъ свои опасенія за будущность ввѣреннаго ему края. Онъ конфиденціально сообщилъ князю Чернышеву, что Амуръ для Россіи лишнее, что неизмѣримыя дебри отъ Якутска до Камчатки и къ Охотскому прибрежью являютъ собою границу, не требующую охраненія,

---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 261—262.

[2] Маймачинъ—пограничный китайскій городъ рядомъ съ Троицкосавскомъ,

и, что всего важнѣе, отстраняютъ жителей Сибири отъ непосредственнаго прикосновенія къ иностранцамъ, которое *легко* могло бы обратиться въ дѣло *пагубной пропаганды* и въ путь существеннаго вспомоществованія безпорядку. Положеніе это князь Горчаковъ считалъ тѣмъ опаснѣе, что жители Сибири отнюдь не питаютъ къ Россіи той привязанности, которою льститъ себя генералъ Муравьевъ. Одно уже то, что въ Сибири Петрашевскій, [1] убѣждало князя Горчакова въ сомнительномъ состояніи Зауралья. Но что будетъ, спрашивалъ онъ, если народонаселеніе сблизится съ Англичанами и Американцами, которые примутъ на себя легкій трудъ внушить народу, что ему за свое золото удобнѣе получать отъ нихъ то, что донынѣ доставлялось изъ Россіи, и что въ случаѣ нужды они поддержатъ эту сдѣлку оружіемъ? Князь сослался на современную и даже древнюю исторію, свидѣтельствующую, что «*духъ крамолы принимаетъ всякія формы и сверхъ ожиданія заводитъ людей далеко.*» Онъ кончаетъ письмо желаніемъ, чтобы все, сказанное имъ, сохранилось въ тайнѣ, предоставляя впрочемъ сдѣлать изъ письма то употребленіе, котораго потребуетъ служба.

Князь Чернышевъ не преминулъ воспользоваться этимъ нелѣпымъ пугаломъ и доложилъ письмо Государю, прося учредить Комитетъ для обсужденія *вопроса о возможности отложенія Сибири отъ Россіи.* Государь, прочитавъ письмо, изволилъ сдѣлать слѣдующую резолюцію: «*Будемъ имѣть въ виду, по пріѣздѣ генерала Муравьева.*»

«Жаль мнѣ будетъ Восточной Сибири»,— писалъ Николай Николаевичъ брату Валеріану Николаевичу въ письмѣ своемъ,— «жаль великой ея будущности, которая уничтожается петербургскими интригами, потомство проклянетъ ихъ, и въ томъ числѣ и милыхъ друзей моихъ. Жаль мнѣ Государя, котораго такъ дерзко обманываютъ, какъ я вижу по дѣламъ. Возрожденіе Сибири довершило бы славу его великаго царствованія, но приближеннымъ его это не нужно, имъ нужны деньги, деньги, деньги. Имъ не нужно, чтобъ кто-нибудь мимо ихъ что-нибудь сдѣлалъ; я не гожусь для нихъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи.»

Но несмотря на всѣ петербургскія интриги, Муравьевъ продолжалъ неуклонно идти къ достиженію разъ намѣченной имъ цѣли. Въ первыхъ числахъ мая 1849 года онъ намѣревался выѣхать изъ Иркутска для путешествія въ Камчатку. «Поѣздку въ Камчатку», писалъ Николай Николаевичъ брату Валеріану

[1] Сосланный въ 1848 году.

Николаевичу,—«я считаю у себя на совѣсти. т. е. ни за что не хотѣлъ бы оставить края, не побывавши тамъ, какъ для пользы службы, такъ и лично для себя,—страна эта будетъ современемъ много значить для великой Россіи, и гдѣ бы я ни былъ, я буду уже судить о ней и знать ее какъ очевидецъ, повѣрившій на мѣстѣ всѣ тѣ многочисленныя свѣдѣнія, которыя я объ ней уже имѣю на бумагѣ и на словахъ.»

Но прежде чѣмъ предпринять такое трудное путешествіе, Муравьевъ желалъ получить отъ Государя тѣ повелѣнія, которыя, можетъ быть, Его Величеству благоугодно было бы дать ему по случаю отправленія его для обозрѣнія Якутской области, Охотска и Камчатки, вслѣдствіе чего онъ рѣшился 25-го февраля послать всеподданнѣйшій рапортъ и при немъ приложить особую докладную записку, гдѣ снова обращалъ вниманіе Государя на положеніе золотопромышленности и кяхтинской торговли, на вѣроятность совершеннаго ея упадка отъ соперничества Англичанъ и на неразлучныя съ этимъ послѣдствія. При этомъ возникло предположеніе, что эти иностранцы займутъ устье Амура, поставятъ тамъ свою крѣпость, и пароходы ихъ пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы. Однимъ изъ такихъ послѣдствій представлялось опасеніе, что Сибирь можетъ отложиться отъ Россіи. «Не разъ случалось мнѣ слышать въ Петербургѣ опасеніе», писалъ Муравьевъ въ своей всеподданнѣйшей докладной запискѣ,—«что Сибирь рано или поздно можетъ отложиться отъ Россіи; но прежде прибытія моего сюда я считалъ это опасеніе неосновательнымъ. не умѣя себѣ объяснить, отъ какого бы источника опасность эта могла проистекать: здѣсь, Государь, я убѣдился, что опасеніе это весьма естественно и отъ такихъ причинъ, которыя совершенно чужды соображеніямъ столичнымъ. Я нашелъ здѣсь весь народъ подъ вліяніемъ и въ рукахъ, такъ сказать, богатыхъ торговцевъ, промышленниковъ и откупщиковъ и всѣхъ чиновниковъ правительственныхъ, почти безъ исключенія, на содержаніи и въ услугахъ тѣхъ же богатыхъ людей. Я строго и твердо принялся дѣйствовать противъ этого направленія, ни законами, ни совѣстью неоправдываемаго, сначала одинъ, потомъ съ помощью нѣсколькихъ сотрудниковъ, прибывшихъ сюда за мною на службу; но всѣ усилія наши, можетъ быть, и несовсѣмъ безуспѣшныя, возбудили однакожъ опасную для насъ борьбу съ золотомъ, опасную не внутри края, гдѣ твердость моя внушаетъ страхъ и уваженіе самому золоту, а въ столицѣ, гдѣ рѣдкій департаментъ не вооруженъ противъ настоящаго управленія Восточной Сибирью. Я осмѣлился сказать это только для того, чтобъ доказать, сколь

слаба надежда уничтожить вліяніе богатаго промышленнаго и торговаго класса на все народонаселеніе, и что въ тѣхъ же видахъ я опасаюсь сосредоточенія богатствъ въ немногихъ рукахъ при настоящемъ учрежденіи о золотопромышленности; богатый же классъ этотъ и болѣе образованный, по происхожденію своему и по отдаленности отъ центра имперіи, вовсе не имѣетъ чувствъ той преданности къ Государю и отечеству, которыя внутри имперіи всасываются съ молокомъ,—онъ ко всему равнодушенъ, кромѣ своихъ выгодъ, и, за немногими только исключеніями, нѣтъ почти и надежды возбудить въ нихъ тѣ высокія чувства, которыми гордится и славится всякій Русскій; а между тѣмъ они не только не лишены свойственнаго Русскимъ смысла и предпріимчивости, но и превосходятъ въ этомъ жителей внутреннихъ губерній, что̀ весьма естественно по самому роду ихъ занятій для полученія своихъ выгодъ на здѣшнихъ огромныхъ и дикихъ пространствахъ. Этотъ смыслъ и эта предпріимчивость указываетъ имъ ясно, что настоящій истокъ сибирскихъ произведеній, что все будущее благоденствіе Восточной Сибири заключается въ вѣрномъ и удобномъ сообщеніи съ Восточнымъ океаномъ, и что Кяхта рано или поздно потеряетъ для нихъ свое значеніе по соперничеству Англичанъ, и что всякій другой промыселъ ничтоженъ и не можетъ принять желаемыхъ размѣровъ безъ плаванія по Амуру. И вотъ въ послѣдніе годы, а особенно въ прошломъ, возникло не безосновательное предположеніе, что Англичане займутъ устье Амура. Наружно многіе изъ нихъ изъявляютъ въ этомъ свои опасенія и сожалѣніе; внутренно имъ все равно, кто бы ни открылъ Амуръ, но какихъ тогда потребуется силъ и средствъ отъ правительства, чтобы Восточная Сибирь не сдѣлалась англійскою, когда въ устьѣ Амура станетъ англійская крѣпость, и англійскіе пароходы пойдутъ по Амуру до Нерчинска и даже до Читы? Что безъ устья Амура Англичане не довершатъ своего предпріятія на Китай,—это естественно, ибо съ правой стороны впадаютъ въ Амуръ большія судоходныя рѣки, протекающія до тысячи верстъ по населеннымъ сѣверо-восточнымъ китайскимъ провинціямъ; что восточная оконечность Сибири въ послѣдніе годы занимаетъ Англичанъ—это несомнѣнно. Если бы вмѣсто англійской крѣпости стала въ устьѣ Амура русская крѣпость, равно какъ и въ Петропавловскомъ портѣ въ Камчаткѣ, и между ними ходила флотилія, а для вящей предосторожности, чтобъ въ крѣпостяхъ этихъ и на флотиліи гарнизоны, экипажъ и начальство доставляемы были извнутри Россіи,—то этими небольшими средствами на вѣчныя времена

было бы обезпечено для Россіи владѣніе Сибирью и всѣми неисчерпаемыми ея богатствами и особенно золотомъ, которое сдѣлалось уже для нея необходимостью, и котораго еще богатѣйшіе источники обѣщаетъ весь лѣвый берегъ Амура, по самымъ вѣрнымъ признакамъ, лично мною въ прошломъ году въ Нерчинскомъ округѣ и по пограничной рѣкѣ Горбицѣ видѣннымъ.» [1]

«Представляя Государю эту картину»,—пишетъ Б. В. Струве, [2] «Муравьевъ, понятно, самъ не допускалъ и мысли о возможности отложенія Сибири когда-либо отъ Россіи, но имѣлъ цѣлью во первыхъ, объяснить, изъ какихъ соображеній и сопоставленій естественно могла возникнуть въ извѣстномъ кругѣ эта идея, а во вторыхъ, онъ хотѣлъ, такъ сказать, осязательно изобразить необходимость безотлагательнаго занятія устьевъ Амура, въ подкрѣпленіе всѣхъ предпринимаемыхъ имъ для этого подготовительныхъ мѣръ.»

Одновременно съ посланнымъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ Государю, Николай Николаевичъ Муравьевъ написалъ слѣдующее письмо изъ Иркутска къ графу Л. А. Перовскому: «Съ прошедшею почтою обратился я къ вамъ оффиціальнымъ письмомъ о предсѣдательствѣ въ Совѣтѣ Главнаго Управленія по случаю предполагаемаго отъѣзда моего въ Охотскъ и Камчатку: съ нынѣшнею, доводя до свѣдѣнія Государя въ собственныя руки объ этой поѣздкѣ моей, я счелъ моимъ долгомъ доложить Его Величеству, что на случай отъѣздовъ генералъ-губернатора полезно было бы Иркутскому губернатору быть военнымъ, для того, чтобъ, вступая въ предсѣдательствованіе Совѣтомъ Главнаго Управленія, онъ въ то же время принималъ и командованіе войсками, въ Восточной Сибири расположенными. Заринъ совершенно соотвѣтствуетъ этому назначенію по прежней своей службѣ, и я смѣю надѣяться, что вы не изволите встрѣтить препятствій по настоящей его службѣ къ этому переименованію, если только будетъ признано полезнымъ мое мнѣніе о соединеніи въ одномъ лицѣ гражданскаго и военнаго управленія и въ отсутствіи генералъ-губернатора. Я уже видѣлъ на опытѣ недостатокъ прежняго въ этомъ случаѣ порядка, прибывъ сюда послѣ семимѣсячнаго раздѣленія этихъ двухъ властей.

Я просилъ князя А. С. Меньшикова о прикомандированіи ко мнѣ одного чиновника его министерства, по случаю поѣздки моей въ Камчатку; вы изволите меня спрашивать объ источни-

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

[2] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 55.

кахъ для его содержанія: морскихъ источниковъ я никакихъ указать не могу; по другимъ министерствамъ—для посторонняго не смѣю, ибо это дѣло не общее, а частное къ одному лишь лицу относящееся. Я бы охотно помѣстилъ этого чиновника на штатное мѣсто, но тогда бы онъ уже не былъ Морского Министерства, и если онъ захочетъ только служить въ Восточной Сибири, то охотно приму его, разумѣется, если не будетъ препятствій со стороны настоящаго его начальства. Но теперь уже во всякомъ случаѣ, онъ едва-ли поспѣетъ къ отъѣзду моему въ Камчатку, если не выѣхалъ еще изъ Петербурга, до полученія отвѣта моего на отзывъ вашъ, который здѣсь полученъ мною съ послѣднею почтою; а потому лучше ему оставаться на мѣстѣ до возвращенія моего изъ Камчатки, куда онъ никакъ догнать меня не можетъ. А такъ какъ несомнѣнно въ новыхъ штатахъ образованіе Камчатскаго управленія должно будетъ получить измѣненія, то Филипповъ [1] очень пригодится тогда, когда штаты эти удостоятся разсмотрѣнія и утвержденія.

Новыя частныя свѣдѣнія изъ Пекина весьма неудовлетворительны: тамъ предстоитъ правительству банкротство, и хотя противъ этого принимаются чрезвычайныя мѣры, но только по-китайски—на бумагѣ. Могу только сожалѣть, что мнѣ не дозволено имѣть никакихъ сношеній съ нашею миссіею въ Пекинѣ, или, лучше сказать, что миссія не имѣетъ обязанности увѣдомлять меня о всемъ томъ, что̀ тамъ происходитъ; на однихъ же частныхъ слухахъ никакъ основываться нельзя.

Калифорнійскія золотыя розыски заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія, и какъ бы онѣ ни были богаты и обширны, но я все-таки видѣлъ бы въ нихъ болѣе пользы для Восточной Сибири, чѣмъ вреда, если мы своевременно и надлежащимъ образомъ воспользуемся разными обстоятельствами.»

Въ письмѣ же къ брату Валеріану Николаевичу Н. Н. Муравьевъ, между прочимъ, писалъ: «Доставленныя тебѣ Демидовымъ свѣдѣнія о моемъ проектѣ не безпристрастны; онъ, конечно, изъ числа враждебныхъ противъ моей системы, которая уничтожаетъ монополію богатыхъ и предоставляетъ золотой промыселъ на пользу всей Россіи. Не знаю, чѣмъ кончатся сужденія объ этомъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но покуда я имѣю надежду, что, вопреки Бенардаки и прочимъ, еще можетъ быть рѣшено и въ *общую пользу*, которую я всегда отстаиваю впереди всего. Для себя я, разумѣется, ничего не желаю, кромѣ успѣха

[1] Прибывшій на службу изъ С.-Петербурга чиновникъ.

моихъ предположеній и представленій, т. е. довѣрія, и если его не будетъ, то непремѣнно оставлю поприще, на которомъ я. безъ полнаго довѣрія, полезенъ быть не могу.»

«Къ Пасхѣ 1849 года», говоритъ Б. В. Струве,[1] «во-очію сказалась интрига, которая велась въ Петербургѣ около Царя противъ Муравьева. Министръ Перовскій въ началѣ марта въ разговорѣ съ Государемъ упомянулъ вскользь о награжденіи Муравьева. Его Величество изволилъ отозваться, что Онъ предполагаетъ произвести Муравьева къ Святой недѣлѣ въ генералъ-лейтенанты, о чемъ тогда же отдалъ приказаніе военному министру; 3-го апрѣля вышелъ Высочайшій приказъ о наградахъ къ Пасхѣ. Имени Муравьева тамъ не было. Перовскій немедленно обратился къ графу В. Ѳ. Адлербергу за разъясненіемъ этого обстоятельства. Изъ отвѣта Адлерберга видно, что нельзя было толку добиться, кто виноватъ, кто забылъ, кто ошибся,—кончилось тѣмъ, что 12-го апрѣля, post factum, явился особый Высочайшій приказъ о производствѣ Муравьева въ генералъ-лейтенанты со старшинствомъ съ 3-го апрѣля, но безъ утвержденія его въ должности генералъ-губернатора, какъ это обыкновенно водится въ этихъ случаяхъ. Перовскій былъ возмущенъ, но не счелъ однако возможнымъ тотчасъ же еще разъ поднять пыль. По этому поводу Муравьевъ писалъ: «Мнѣ наградъ не нужно, я служу по убѣжденію, съ сознаніемъ долга Царю и отечеству. мнѣ нужны награды для поддержанія моего авторитета въ краѣ, какъ знакъ довѣрія ко мнѣ съ высоты Престола.» Эту идею онъ проводилъ въ теченіе своей долголѣтней дѣятельности; между тѣмъ многіе говорили,—въ томъ числѣ и Филиппсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—что Муравьевъ былъ въ высшей степени честолюбивъ. Это положительно невѣрно.»

Въ концѣ апрѣля приготовленія къ путешествію въ Камчатку были въ полномъ разгарѣ..... «Я собираюсь въ Камчатку», извѣщалъ Муравьевъ брата Валеріана Николаевича,— «и чтобъ удовлетворить твоему желанію знать о маршрутѣ нашего путешествія, совѣтую купить карту Азіатской Россіи въ топографическомъ Депо въ Петербургѣ: у меня только одинъ экземпляръ, и потому прислать къ тебѣ не могу. а стоитъ она всего 4 руб. сер. По этой картѣ ты найдешь изъ Иркутска дорогу въ Якутскъ и на этой дорогѣ *Качугскую пристань* (на Ленѣ); до этой пристани мы поѣдемъ въ тарантасахъ: тамъ сядемъ на лодки. которыя нарочно для насъ строятся (и довольно дорого намъ

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 55—56.

обходятся), и поплывемъ по Ленѣ мимо городовъ Киренска, Олекминска и до Якутска; путь этотъ совершится дней въ 10—14. *Якутскъ* областной городъ; тамъ пробудемъ съ недѣлю и около 1-го іюня отправимся верхами въ Охотскъ; этотъ путь совершается дней въ 10—20. Въ Охотскѣ медлить не будемъ, сядемъ на судно и поплывемъ въ Камчатку, т. е. въ Петропавловскій портъ; этотъ путь совершается отъ одной до трехъ недѣль; принявъ же среднее, будетъ полмѣсяца, а потому въ Камчаткѣ будемъ въ первыхъ числахъ іюля и пробудемъ недѣли двѣ въ различныхъ поѣздкахъ по полуострову; въ концѣ іюля пойдемъ въ обратный путь въ Охотскъ, въ половинѣ августа выѣдемъ обратно изъ Охотска въ Якутскъ и не позже 10-го сентября поплывемъ вверхъ по Ленѣ въ Иркутскъ.»

О приготовленіяхъ къ этому путешествію, Б. В. Струве[1] разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Муравьевъ желалъ, чтобъ число вьючныхъ лошадей, по тракту изъ Якутска въ Охотскъ, было по возможности сокращено. Онъ приказалъ, чтобъ комплектъ всего каравана не превышалъ 40 лошадей, въ томъ числѣ и всѣ лошади для самихъ путешествующихъ, коихъ было 16 человѣкъ, со включеніемъ казаковъ и погонщиковъ, 20 лошадей подъ вьюками и 4 запасныя, на всякій случай, чтобъ отнюдь не могла быть остановка въ переходѣ за недостаткомъ лошадей. На 40 лошадей платились прогонныя деньги. Якутское начальство и сами Якуты ожидали, что генералъ-губернаторъ потребуетъ для своего похода не менѣе 150 лошадей на каждую станцію, соображаясь съ числомъ лошадей, которое занималъ каждый отдѣльный частный путешественникъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ были удивлены, получивъ требованіе всего на 40 лошадей. Для того, чтобъ себя и всѣхъ ему сопутствовавшихъ такъ стѣснить и заставить всѣхъ ограничиться только крайне необходимѣйшими предметами для дороги, нужно было быть Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, который первый во всемъ давалъ примѣръ. На Качугской пристани р. Лены были съ осени еще заказаны три паузка (большія палубныя лодки), по образцу всегда прежде строившихся для плаванія по Ленѣ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ. Это были какіе-то неуклюжіе, неповоротливые уроды, вовсе несоотвѣтствовавшіе живости характера Муравьева, положительно требовавшаго, чтобъ онъ могъ владѣть по своему усмотрѣнію предметомъ, предназначеннымъ для его употребленія. Тутъ вышло совершенно наоборотъ: ника-

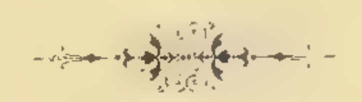
[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 56—59.

кія усилія веслами, никакое увеличеніе искусно поставленной парусности не могли помочь горю, когда теченіе или направленіе вѣтра прижимало всѣхъ къ тому или другому берегу, или загоняло въ вовсе нежелапный рукавъ огромной рѣки, или малѣйшее противное дуновеніе уравновѣшивало силу теченія. Надводная часть была слишкомъ высока въ сравненіи съ подводною, длина ихъ не соотвѣтствовала ширинѣ. Словомъ, эти паузки явились первымъ препятствіемъ, грозившимъ разстроить всѣ расчеты Муравьева, если бы онъ не шелъ, какъ говорится, съ запасомъ.

15-го мая было назначено выѣхать изъ Иркутска. Въ виду возможности, что путешествіе въ Камчатку, по непредвидѣннымъ препятствіямъ, продолжится болѣе, чѣмъ было предназначено, и даже на случай гибели въ морѣ или внезапной смерти, Муравьевъ приготовилъ ко дню своего отъѣзда изъ Иркутска пространную записку о своихъ соображеніяхъ, на мѣстныхъ данныхъ основанныхъ, относительно Забайкальскаго края и находящагося въ немъ Нерчинскаго горнозаводскаго округа. Эту записку онъ представилъ Государю Императору при рапортѣ отъ 15-го мая. Въ той же запискѣ Муравьевъ излагалъ на Монаршее усмотрѣніе слѣдующее: «Упадокъ кяхтинской торговли свидѣтельствуетъ уже положительно о томъ, что предпріятія Англичанъ на Китай не могутъ быть для насъ благопріятны: въ первые годы послѣ войны ихъ это не могло быть для насъ замѣтно и ощутительно: ибо Китайцы, руководимые ненавистью къ Англичанамъ, предпочитали обращаться къ намъ, добрымъ и снисходительнымъ ихъ сосѣдямъ; но время и матеріальныя пользы смягчаютъ порывы ненависти, умѣряютъ и пламень дружбы, непредставляющей существенныхъ выгодъ. Въ этомъ положеніи отношеній нашихъ къ Китайцамъ намъ остается только одно средство: поддержать необходимое для Азіатской Россіи вліяніе надъ ними, представивъ слабымъ и боязливымъ сосѣдямъ нашимъ уважительныя военныя силы тамъ, гдѣ ближе, и для помощи имъ, и для страху, и нигдѣ условія эти не достигаются лучше, какъ въ Забайкальскомъ краѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ прилегаетъ и къ Амуру. Что для вящаго и полнаго обладанія торговлею въ Китаѣ, Англичанамъ нужно устье Амура и плаваніе по этой рѣкѣ,—это неоспоримо; еслибъ Амуръ не была единственная рѣка, текущая изъ Сибири въ Восточный Океанъ, то мы могли бы еще къ предпріятіямъ ихъ быть снисходительнѣе, но плаваніе по Амуру, какъ по единственному удобному пути къ Востоку, есть вѣковая мечта здѣшнихъ жителей всѣхъ состояній, можетъ быть, для многихъ инстинктивная, но тѣмъ не менѣе справедливая, и я, по соображенію всѣхъ извѣстныхъ мнѣ на мѣстѣ

обстоятельствъ, дерзаю сказать, что кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью, по крайней мѣрѣ до Байкала, и владѣть прочно, ибо достаточно имѣть устье этой рѣки и плаваніе по оной подъ ключемъ, чтобъ Сибирь, болѣе населенная и цвѣтущая земледѣліемъ и промышленностью, оставалась неизмѣнною данницею и подданною той державы, у которой будетъ этотъ ключъ.»

Почти одновременно съ вышеупомянутымъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, Муравьевъ написалъ два письма: одно къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбою, чтобы на пристава, отправлявшейся тогда въ Пекинъ, новой миссіи была возложена обязанность увѣдомлять его, генералъ-губернатора, изъ Пекина во всякомъ случаѣ обо всемъ, что тамъ происходитъ, и чтобы этому приставу не было дано, до возвращенія его изъ Камчатки, никакого особаго порученія для сношенія съ Китайскимъ правительствомъ, доколѣ не объяснятся главные вопросы, и самъ приставъ не ознакомится съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Китаѣ; другое — къ министру финансовъ отъ 27-го апрѣля, которымъ онъ счелъ своею обязанностью вновь обратить его вниманіе на неудовлетворительное положеніе кяхтинской торговли, указывая, что торговые наши интересы въ Китаѣ приняли невыгодный оборотъ и годъ отъ году будутъ клониться къ упадку, если мы не обратимся къ *новымъ направленіямъ и предпріятіямъ*. «Для поддержанія и распространенія ихъ Китайская имперія», писалъ Муравьевъ Ѳ. П. Врончѣнко, «при всемъ желаніи своемъ сохранить вѣковую *свою неподвижность*, которая и для насъ была очень выгодна, получила, къ сожалѣнію, такой толчекъ отъ Англіи, который поневолѣ заставляетъ и насъ приходить здѣсь въ *подвижность*. Съ полною осторожностью и осмотрительностью, особенно къ сохраненію государственныхъ финансовыхъ выгодъ, приготовляюсь къ этому *новому здѣсь порядку вещей*, но не могу скрыть опасеній за успѣхъ различныхъ предположеній и соображеній моихъ, которыя уже не могутъ согласоваться *съ прежнимъ порядкомъ вещей*, если ваше высокопревосходительство не удостоите меня личнымъ вашимъ довѣріемъ.»

XXV.

Выѣздъ Муравьева изъ Иркутска въ Камчатку.—Смерть его адъютанта В. М. Муравьева.—Плаваніе Н. Н. Муравьева по Ленѣ до Якутска.—Высочайшее повелѣніе о назначеніи экспедиціи подъ начальствомъ Ахте.—Приказъ Муравьева остановить эту экспедицію.—Донесеніе его Государю.—Недовольство противъ Муравьева князя Чернышева и графа Вронченко.—Резолюція Государя.—Распоряженіе Муравьева относительно экспедиціи Ахте.—Переѣздъ Муравьева изъ Якутска въ Охотскъ.—Пребываніе въ Охотскѣ.—Письма Муравьева къ графу Л. А. Перовскому и къ брату.—Переходъ на транспортѣ «Иртышъ» изъ Охотска въ Петропавловскій портъ.—Указаніе Муравьева, гдѣ ставить батареи.—Встрѣча его съ архіепископомъ Иннокентіемъ.—Обратное плаваніе и посѣщеніе острова Сахалина.—Письмо къ графу Л. А. Перовскому.

—

1849 г.

—

15-го мая 1849 года генералъ-лейтенантъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Иркутска. Такимъ образомъ Николай Николаевичъ, какъ мы видимъ, былъ первый изъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, рѣшившійся посѣтить Камчатку и Петропавловскій портъ. До него всѣ считали это весьма труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, а можетъ быть, и безполезнымъ. Новый же генералъ-губернаторъ этого отдаленнаго края, омываемаго водами Ледовитаго и Восточнаго океановъ, граничащаго на пространствѣ шести тысячъ верстъ съ Китайскою имперіею, приступилъ къ дѣлу личнымъ обзоромъ Камчатки, острова Сахалина, Охотска и Аяна и, прежде чѣмъ привести въ исполненіе свое намѣреніе относительно перенесенія Охотскаго порта въ другое мѣсто и предпринять какія-либо мѣры касательно самой Камчатки и Петропавловскаго порта, -онъ хотѣлъ все видѣть своими глазами и лично во всемъ убѣдиться.

Для поѣздки въ Камчатку былъ предназначенъ адъютантъ его Василій Михайловичъ Муравьевъ: но ему не суждено было отправиться въ этотъ многотрудный путь: онъ умеръ, и вотъ что по этому поводу писалъ Николай Николаевичъ брату Валеріану Николаевичу въ письмѣ отъ 18-го апрѣля: «Насъ съ Катенькою поразило жестокое горе: Вася Муравьевъ скончался 13-го числа, а мы любили его какъ сына, и онъ такъ много обѣщалъ для Сибири! Судьбы Божіи неисповѣдимы: умершему, конечно, лучше чѣмъ остающимся,—это говорилъ въ прекрасной надгробной рѣчи и общій духовникъ нашъ, но сердце невольно страдаетъ, и мы долго не утѣшимся отъ этой потери. Труды, заботы и хлопоты не могутъ меня развлечь,—ѣдемъ въ Камчатку: развѣ поѣздка успокоитъ, но и тамъ воспоминаніе, что онъ долженъ былъ ѣхать съ нами, не оставитъ насъ. Болѣзнь покойнаго, по увѣренію медиковъ, давно гнѣздилась въ мозгу и окончилась жестокими нервическими припадками, неоднократно возобновлявшимися, но еще за 12 часовъ до кончины онъ былъ веселъ, хотя въ постелѣ, и прощался съ надеждою увидѣться въ Камчаткѣ съ Карсаковымъ.»—«Переѣздъ Муравьева до Качугской пристани на Ленѣ»,—пишетъ Б. В. Струве, [1] «совершился съ необыкновенною быстротою, въ сопровожденіи массы Бурятъ верхами съ ихъ тайшами [2] во главѣ. На Качугѣ, послѣ молебствія и окропленія св. водою павозковъ, всѣ вещи были вскорѣ погружены, и мы отвалили, какъ говорится, вслѣдъ за льдами, при громкихъ криках «ура» собравшихся на пристани купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ, привѣтствовавшихъ новаго генералъ-губернатора съ невиданнымъ радушіемъ. Для усиленія рабочей силы на павозкахъ, кромѣ гребцовъ изъ обывателей, перемѣнявшихся на каждой станціи (лѣтомъ съ Якутскомъ въ то время не существовало никакого сообщенія, кромѣ какъ на почтовыхъ лодкахъ, отъ станціи до станціи, оплачиваемыхъ установленными прогонными деньгами по числу забираемыхъ гребцовъ),—по павозкамъ были распредѣлены 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, отправлявшихся изъ Иркутска въ Охотскъ для укомплектованія тамошней морской команды. Павозокъ № 1-й занялъ генералъ-губернаторъ съ супругою и m-lle Христіани. [3] На этомъ павозкѣ была устроена сравнительно большая столовая, гдѣ вся свита собиралась ежедневно два

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб., стр. 65—66.

[2] Главные начальники каждаго изъ бурятскихъ вѣдомствъ, изъ которыхъ каждое дѣлится на роды, управляемые родовыми начальниками—шуленьгами.

[3] Извѣстная віолончелистка, испросившая разрѣшеніе сопутствовать Екатеринѣ Николаевнѣ Муравьевой.

раза къ завтраку и обѣду, и гдѣ Муравьевъ, за особымъ столомъ, занимался дѣлами и выслушивалъ доклады каждаго по своей части. Послѣ завтрака и обѣда все общество обыкновенно выходило на палубу, и тамъ велись оживленныя бесѣды. Вездѣ головы прибрежныхъ волостей встрѣчали генералъ-губернатора съ хлѣбомъ-солью просто, безъ затѣй: большая коврига ржаного или ячменнаго хлѣба съ кучкою соли. Обыватели съ удовольствіемъ привозили на павозки много провизіи, за которую приказано было щедро расчитываться непремѣнно звонкою монетою. «Но едва успѣлъ Муравьевъ доплыть до Якутска»,— пишетъ П. В. Шумахеръ,[1] «какъ получилъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи экспедиціи подъ начальствомъ подполковника Ахте. Объ этой экспедиціи, какъ мы уже знаемъ, не было никакихъ предварительныхъ сношеній съ Муравьевымъ; ей строго вмѣнялось въ обязанность не доходить, не касаться Амура, что одно и могло бы быть полезно, и наконецъ ей назначено было дѣйствовать именно въ то время, въ то самое лѣто, въ которое генералъ-губернаторъ отправлялся въ Камчатку, и что въ Петербургѣ давно было извѣстно. Генералъ Муравьевъ, предусматривая помѣху, которую могла экспедиція эта сдѣлать въ настоящихъ видахъ на Амурѣ и въ то самое время, когда безъ огласки производилось изслѣдованіе его устья, рѣшился не исполнить Высочайшаго повелѣнія и предписалъ предсѣдательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія въ Иркутскѣ остановить въ этомъ городѣ экспедицію до возвращенія своего изъ Камчатки, и изъ Якутска же донесъ о томъ Государю въ собственныя руки. Онъ убѣждалъ Государя, что, если съ нашей стороны имѣются какіе-либо виды на занятіе устьевъ р. Амура, то всякое секретное предпріятіе по ту сторону р. Горбицы неумѣстно до тѣхъ поръ, покуда не будетъ занято устье Амура, и не возбуждено будетъ съ Китайцами приличныхъ переговоровъ о возвращеніи въ наше владѣніе лѣваго берега этой рѣки; что изслѣдованіе неопредѣленныхъ нашихъ границъ съ Китаемъ за р. Горбицею неоднократно было предпринимаемо, и что послѣ путешествія академика Миддендорфа въ этомъ отношеніи едва-ли представляется надобность, тѣмъ болѣе, что единственною цѣлью нашихъ предпріятій въ этой странѣ можетъ быть обладаніе р. Амуромъ, какая бы ни была почва земли на лѣвомъ ея берегу; что простое изслѣдованіе сѣверной покатости Станового хребта до Олекмы и Якутска, а также Удскаго края, можетъ быть сдѣлано изъ Иркутска съ несравненно меньшими издержками и—людьми,

---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 269—270.

гораздо опытнѣйшими въ краѣ; что движеніе экспедиціи за Горбицу непремѣнно дойдетъ до свѣдѣнія и возбудитъ вниманіе Китайцевъ, тѣмъ болѣе для насъ неудобное, что мы не можемъ представить имъ никакой уважительной причины этому дѣйствію,— и потому генералъ Муравьевъ, по лежащей на немъ отвѣтственности, не смѣя скрыть своихъ опасеній въ этомъ дѣлѣ, особенно, когда долговременное и отдаленное отсутствіе лишаетъ его всякой возможности наблюдать за ходомъ экспедиціи, поставленной въ независимое отъ него положеніе, просилъ Государя повелѣть отложить изслѣдованіе, по крайней мѣрѣ, до возвращенія его изъ Камчатки, присовокупляя, что онъ принялъ смѣлость пріостановить экспедицію въ Иркутскѣ до полученія дальнѣйшихъ повелѣній.

Князь Чернышевъ и графъ Вронченко, задѣтые за живое, употребляли всѣ усилія, чтобы доказать неосновательность самовольныхъ распоряженій генерала Муравьева по дѣлу экспедиціи; но Государь Императоръ положилъ Высочайшую резолюцію: *«оставить дѣло это до прибытія въ С.-Петербургъ генералъ-лейтенанта Муравьева.»*

Въ ожиданіи разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе пріостановленной въ Иркутскѣ экспедиціи, Ахте, съ согласія предсѣдательствующаго въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: двухъ офицеровъ, штабсъ-капитана Ковалько и поручика Меглицкаго, командировать въ Нерчинскій округъ на тамошніе золотые промыслы, для подробнаго изученія мѣстности оныхъ, такъ какъ данныя, представляемыя этою мѣстностію, и направленіе горъ заставляло предполагать, что пространство, предстоявшее обзору экспедиціи, заключаетъ въ себѣ одинаковыя условія съ пространствомъ Нерчинскаго округа, причемъ офицерамъ этимъ поручено было составить полное геогностическое описаніе нерчинскихъ золотыхъ розсыпей. Астронома Шварца,[1] состоявшаго въ этой экспедиціи, съ топографами, Ахте послалъ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ и производства наблюденій въ уѣздахъ Иркутской губерніи и на Байкалъ.

Между тѣмъ Н. Н. Муравьевъ продолжалъ свое путешествіе. Преодолѣвъ всѣ трудности верховой ѣзды между Якутскомъ и Охотскомъ, на пространствѣ болѣе 1100 верстъ, по тропинкамъ, тундрамъ и болотамъ, Николай Николаевичъ 25-го іюня достигъ Охотска. Всѣ наши занятія здѣсь»,—писалъ Муравьевъ графу Л. А. Перовскому изъ Охотска.—«будутъ только служить для убѣ-

[1] Нынѣ профессоръ астрономіи въ Дерптскомъ Университетѣ.

жденія отдаленныхъ невѣрующихъ, что Охотску сто лѣтъ тому назадъ не должно было бы уже существовать.» Къ брату же своему Валеріану Николаевичу вотъ что писалъ Муравьевъ отъ 28-го іюня: «..... всѣ здоровы и благополучны, совершивши довольно быстро одно изъ самыхъ труднѣйшихъ путешествій. т. е. отъ Якутска сюда. Поѣздка эта должна имѣть важныя послѣдствія, впрочемъ посмотримъ.... Описывать путешествія не стану: теперь оно слишкомъ занимательно и необыкновенно, чтобъ могло помѣститься въ обыкновенномъ письмѣ.»

Изъ Охотска Муравьевъ отправился 4-го іюля на транспортѣ «Иртышъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта В. К. Поплонскаго, въ Петропавловскій портъ, куда прибылъ 25-го іюля. Муравьевъ сразу увидѣлъ, что̀ такое былъ для Россіи Петропавловскій портъ на Восточномъ океанѣ. и какую цѣну нужно было ему придавать. Англичане уже слишкомъ много вниманія обратили тогда на превосходную Авачинскую губу; поэтому Муравьевъ приказалъ немедленно устроить нѣсколько батарей на избранныхъ имъ мѣстахъ. Одна изъ этихъ батарей, съ усиленнымъ, можетъ быть. вооруженіемъ, была именно та (№ 6 озерная), которая. какъ мы увидимъ впослѣдствіи, навела паническій страхъ на англо-французскій десантъ въ 1854 году и спасла для Россіи Петропавловскій портъ. «Въ случаѣ дессанта непріятеля въ обходъ Никольской горы», говорилъ Муравьевъ начальнику Камчатки. капитану Р. Г. Машину,—«вы его встрѣтите картечью отсюда», при этомъ Николай Николаевичъ, съ обычною своею живостью. показывалъ. гдѣ и какъ онъ долженъ поставить батарею.

Въ Петропавловскомъ портѣ съѣхался съ генералъ-губернаторомъ преосвященный Иннокентій, епископъ Алеутскій и Камчатскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій. «Не мнѣ описывать высокій умъ и христіанскія добродѣтели этого апостола сѣвера, какъ его тогда уже называли въ иностранной печати»,—пишетъ Б. В. Струве.[1]—«необыкновенные его труды и подвиги всемірно извѣстны. Во время пребыванія Муравьева въ Петропавловскомъ портѣ онъ имѣлъ ежедневно по вечерамъ продолжительныя бесѣды и совѣщанія съ нимъ. однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій коихъ было присоединеніе Якутской области къ Алеутской епископской каѳедрѣ, которую предполагалось возвести во 2-й классъ и перенести въ Петропавловскій портъ. и назначеніе В. С. Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. На эту должность непремѣнно нужно было выбрать лицо, знакомое съ

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 76—78.

мѣстными условіями, не говоря о другихъ качествахъ, обусловливавшихъ выборъ. Муравьевъ колебался между П. В. Вонлярлярскимъ и В. С. Завойко. Обоихъ преосвященный Иннокентій хорошо зналъ. Высказывать свое мнѣніе о лицахъ этотъ архипастырь не любилъ; онъ съ осторожностью уклонялся отъ этого не по скрытности характера и не изъ опасенія какихъ-либо непріятныхъ послѣдствій, а по присущей ему скромности: онъ не довѣрялъ своему сужденію, боялся ошибиться. Долго пыталъ его Муравьевъ, чтобы узнать его мнѣніе о двухъ, имѣвшихся у него въ виду, кандидатахъ на должность Камчатскаго военнаго губернатора. Наконецъ преосвященный Иннокентій, вскакивая со своего кресла, выпрямился во весь ростъ и, съ казавшимся въ его голосѣ нетерпѣніемъ, сказалъ: «почто вызываете: за Лярскаго я руки не подставлю, а за Завойко я постою обѣими руками, всѣмъ тѣломъ и всею душею.» Этотъ рѣшительный отзывъ со стороны лица вообще уклончиваго, но несомнѣнно въ высшей степени опытнаго, тутъ же указалъ Муравьеву, на кого долженъ пасть его выборъ.»

2-го августа Николай Николаевичъ со своею свитою выбылъ изъ Петропавловскаго порта и Авачинской губы. Но лишь только выбрался въ открытое море, какъ всѣ заштилѣли и качались при страшной мертвой зыби Тихаго океана 10 сутокъ на пространствѣ 200 миль до Курильской гряды. Наконецъ насталъ попутный вѣтеръ, который сравнительно быстро пронесъ всѣхъ черезъ 4-й проливъ по Охотскому морю къ сѣверной оконечности острова Сахалина, гдѣ Муравьевъ надѣялся встрѣтиться съ транспортомъ «Байкалъ», на которомъ Невельской долженъ былъ произвести опись лимана и устьевъ р. Амура. Вотъ что писалъ Николай Николаевичъ съ своего пути, отъ 7-го августа, къ графу Л. А. Перовскому: [1] «Я былъ въ Камчаткѣ и вышелъ оттуда 2-го числа сего мѣсяца; иду теперь къ Сахалину, а письмо это отдаю для отправленія изъ Охотска на транспортъ «Курилъ», который со мною встрѣтился и долженъ къ первымъ числамъ сентября возвратиться въ Охотскъ, сдавши свой грузъ въ Петропавловскомъ портѣ. Если Богъ приведетъ благополучно возвратиться черезъ Аянъ по Ленѣ и Алдану въ Якутскъ, то представлю мое обозрѣніе и соображенія съ надлежащими подробностями, но на всякій случай обязуюсь сказать: 1) что Охотскій портъ надобно упразднить и все, что тамъ находится, перевести въ Авачинскую губу. Медлить этимъ нельзя по двумъ причинамъ: а) цынга безъ надобности

[1] Русск. Вѣстникъ. 1888 г., стр. 413—418.

и пользы истребляетъ охотскій гарнизонъ: б) Англичане уже слишкомъ много обратили вниманія на превосходную Авачинскую губу. 2) Съ упраздненіемъ Охотскаго порта, надобно устроить складочные магазины для предметовъ, поставляемыхъ сухимъ путемъ въ Аянъ, гдѣ нынѣ факторія Американской Компаніи. 3) Съ упраздненіемъ Охотскаго порта, упразднить и Охотское приморское управленіе, а подвѣдомственные ему округи: Охотскій, съ однимъ исправникомъ, подчинить Якутскому областному начальнику, а Гижигинскій—Камчатскому военному губернатору: вмѣсто Охотскаго же окружнаго суда, вѣдающаго нынѣ дѣлами Ситхи, Камчатки и Гижиги, учредить окружный судъ въ Камчаткѣ, подчинивъ его въ судебномъ порядкѣ прямо Иркутскому губернскому суду. Служащихъ въ Камчаткѣ всѣхъ вѣдомствъ судить военнымъ судомъ, а приговоры утверждать, по степени предоставленной власти, Камчатскому военному губернатору, или генералъ-губернатору Восточной Сибири, или, наконецъ, представлять Его Величеству. 4) Камчатскую область, съ присоединеніемъ Гижигинскаго округа, возвести на степень губерніи, съ назначеніемъ военнымъ губернаторомъ контръ-адмирала и подчинивъ его непосредственно генералъ-губернатору Восточной Сибири, ему же быть и командиромъ камчатскихъ портовъ (считаю наиболѣе способнымъ для этого назначенія, какъ дѣятельнаго и усерднаго исполнителя, капитана 1-го ранга Завойко, котораго Американская Компанія приглашаетъ быть главнымъ правителемъ Американскихъ нашихъ владѣній: тамъ онъ получитъ содержанія 10 т. руб. сер., правительство можетъ ему дать безъ новыхъ издержекъ около 7 т. руб. сер., т. е. совокупное содержаніе Охотскаго и Камчатскаго приморскихъ начальниковъ, а чинъ контръ-адмирала заключитъ остальное). Всѣ прочіе штаты и учрежденія въ Камчаткѣ могутъ оставаться въ настоящемъ видѣ, и всякія новыя коллегіи были бы только вредны: а когда увеличится тамъ народонаселеніе, то военный губернаторъ самъ будетъ просить необходимаго увеличенія числа чиновниковъ и писцовъ: и я увѣренъ, что предлагаемый мною лишняго не попроситъ, только бы ему дали право дѣйствовать такъ же свободно въ хозяйственномъ отношеніи, какъ онъ нынѣ дѣйствуетъ въ Аянѣ подъ вѣдѣніемъ Американской Компаніи. 5) Американскую епископскую каѳедру перевести въ Авачинскую губу, присоединить къ ней Якутскую область и возвести во 2-й классъ, *а преосвященнаго Иннокентія—въ званіе архіепископа; о его умѣ, способностяхъ и христіанскихъ правилахъ извѣстно и безъ моей рекомендаціи: но я могу сказать о томъ, что мнѣ близко: о возвышенной степени любви его къ*

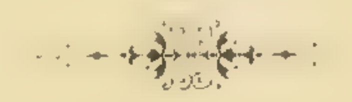
Государю и отечеству и о необыкновенныхъ его трудахъ и подвигахъ по своему назначенію. 6) Во что бы то ни стало завести пароходное сообщеніе Камчатки съ берегами Охотскаго моря: каменный уголь есть въ Тигилѣ и около Аяна. 7) Обратить достодолжное вниманіе на китобойство въ нашемъ Охотскомъ морѣ; въ этомъ заключаются милліоны самаго справедливаго дохода для нашего правительства: на это я имѣю неоспоримые факты отъ самихъ китобоевъ, съ которыми я встрѣчался въ Охотскомъ морѣ, въ Восточномъ океанѣ и Камчаткѣ. Только два года какъ китобои всею массою обратились въ Охотское море, и нынѣ ихъ тамъ уже нѣсколько сотъ судовъ и будетъ еще болѣе въ сѣверной части этого моря; и такимъ образомъ въ пять лѣтъ богатство это, намъ принадлежащее, истребится безъ всякой пользы для Россіи, доставивъ нѣсколько сотъ милліоновъ предпріимчивымъ людямъ всего свѣта, исключая Русскихъ. (Всякое китобойное судно въ Охотскомъ морѣ набираетъ на 300 т. франковъ товару, такъ сказать, навѣрняка.) Я могу объ этомъ судить по собственному моему взгляду на количество китовъ здѣсь плавающихъ, а главное ихъ гнѣздо въ Пенжинской губѣ. 8) По учрежденіи пароходнаго сообщенія по Охотскому морю, назначить ежегодное количество переселенцевъ съ семействами для Камчатки и доставлять ихъ водою до Нелькана,[1] а скотъ и лошадей сухимъ путемъ вдоль того же воднаго сообщенія, но покупая таковой у Якутовъ, гдѣ скотоводство и коневодство въ огромномъ размѣрѣ: на каждое семейство нужно двѣ лошади и двѣ коровы, а на десять семействъ одного быка; при пароходномъ сообщеніи все это легко высаживать въ Большерѣцкѣ, а оттуда направлять уже по Камчаткѣ, гдѣ будетъ нужно. 9) Авачинскую губу укрѣпить, а безъ этого она будетъ игралищемъ самой незначительной враждебной эскадры; тамъ нынѣ уже были два англійскихъ военныхъ судна въ одно время: на нихъ было 200 человѣкъ экипажа (шлюпъ и шкуна, путешествующіе подъ видомъ отыскиванія Франклина). Лучшая карта этой губы составлена Англичаниномъ Бичемъ, я ею руководствовался въ моихъ обозрѣніяхъ и повѣрялъ ее; у меня же сдѣланы при этомъ инструментальныя съемки тѣхъ пунктовъ, которые должно укрѣпить. Я много видѣлъ портовъ въ Россіи и въ Европѣ, но ничего подобнаго Авачинской губѣ не встрѣчалъ: Англіи стоитъ сдѣлать умышленно двухнедѣльный разрывъ съ Россіею, чтобъ завладѣть ею и потомъ заключить миръ, но уже Авачинской губы она намъ

[1] Станція на р. Маѣ, откуда начинается переволокъ черезъ Яблоновый хребетъ (Джугджуръ) къ Охотскому морю.

не отдастъ, и сеибо даже заплатила намъ милліонъ фунтовъ за нее при заключеніи мира, то выручитъ его въ самое короткое время отъ китобойства въ Охотскомъ и Берииговомъ моряхъ: Англія, разумѣется, никого не пуститъ въ эти моря безплатно! Всѣ сужденія о Камчаткѣ и Авачинской губѣ въ Петербургѣ относятся ко временамъ здѣсь давно прошедшимъ: но со времени утвержденія Французовъ и Англичанъ на Сандвичевыхъ островахъ, потомъ китайской войны, потомъ открытія золотоносности Калифорніи и китобойства въ Охотскомъ морѣ, -никто здѣсь не былъ изъ нашихъ голосистыхъ политиковъ, и даже увѣряли, что я сумасбродничаю, отправляясь въ Камчатку! Я даже боялся. что мнѣ запрещена будетъ эта поѣздка, но все умолкло передъ волею Государя, и Онъ давно уже смотритъ на Камчатку не петербургскимъ глазомъ. Покуда я приказалъ въ Петропавловскомъ портѣ устроить батареи на приличныхъ мѣстахъ изъ 30 орудій. тамъ имѣющихся (6 и 3 фунтовыхъ), но онѣ могутъ только защищать входъ въ нынѣшнюю Малую губу, гдѣ портъ, а Авачинская открыта со всѣми другими гаванями, и благоразумный непріятель оставитъ нынѣшній портъ безъ всякаго вниманія, съ горстью людей, тамъ обитающихъ. 10) Переселить въ Камчатку до 3 т. семействъ Русскихъ земледѣльцевъ, порядкомъ вышеизложеннымъ въ 8 пунктѣ. (Разумѣется, что, съ плаваніемъ по Амуру. переселеніе это совершалось бы очень скоро и дешево, но такъ какъ предметъ этотъ зависитъ отъ особыхъ соображеній. мнѣ неизвѣстныхъ и неподвѣдомственныхъ, то я долженъ расчитывать помимо Амура.) Хлѣбопашество въ Камчаткѣ, съ нѣкоторымъ выборомъ мѣстности, не только возможно, но и обѣщаетъ богатые плоды. Первыя 300 семействъ должны быть поселены въ окрестностяхъ Авачинской губы, вторыя—въ окрестностяхъ Большерѣцка, 400 семей скотоводовъ-огородниковъ — на путяхъ между Авачинской губой и Большерѣцкомъ и съ вершинъ р. Камчатки, остальныя же 2000 — по обѣ стороны рѣки Камчатки до ея устья. Переселеніе каждаго семейства съ вышеизложенными средствами и полутарагодовымъ запасомъ продовольствія обойдется отъ Иркутска до Камчатки въ 450 руб. сер., если сдѣлать это вдругъ; но если раздѣлить на 10 лѣтъ, то только первые три года семейство (считая среднимъ числомъ пять душъ мужского и женскаго пола) потребуетъ этой издержки, а тысячу семействъ 450,000 руб. сер., а послѣдующія будутъ уже имѣть хлѣбъ въ Камчаткѣ, по крайней мѣрѣ въ пятую долю дешевле противъ привознаго, и слѣдственно, общая издержка на переселеніе уменьшится въ половину. Изложивъ главныя черты предстоящихъ намъ въ Камчаткѣ дѣй-

ствій, я не входилъ въ подробности по краткости времени,—мнѣ нельзя задерживать судно, которое и безъ того ходитъ очень медленно;—огромныя средства Восточной Сибири все бы исправили, все бы устроили, еслибъ......

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю получить извѣстія изъ Петербурга въ Аянѣ и Якутскѣ; надѣюсь, что и ваше сіятельство не забыли меня своими совѣтами. У меня довольно твердости и постоянства, чтобы выполнить все то, что я вижу и представляю, но я не умѣю бороться противъ неблагонамѣренности; всѣ дѣла Камчатки и Охотскаго моря, особенно послѣ всеобщаго европейскаго мира въ 1815 году, положительно свидѣтельствуютъ, что въ послѣдніе 35 лѣтъ враждебный духъ руководствовалъ всѣми нашими дѣйствіями въ этой сторонѣ! Обвинять моихъ предшественниковъ, т. е. генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, было бы несправедливо—но грѣхъ Сперанскому, ибо тотъ, кто собирался быть председателемъ временнаго правленія, не могъ не понимать важности Восточнаго океана, и умалчивать объ этомъ передъ Государями своими, зная духъ и средства Сибири, было преступленіе свойственное впрочемъ Сперанскому, который любилъ болѣе свои *идеи*, чѣмъ государей и отечество, и конечно болѣе простительное ему, чѣмъ тѣмъ, которые любятъ однѣ *гинеи*. Я охотно забываю всѣ личныя мнѣ оскорбленія и самую рѣзкую невнимательность, которую часто встрѣчаю въ различныхъ сношеніяхъ по моему настоящему мѣсту, но и не увлекаюсь самыми лестными и деликатными фразами дипломатіи, когда вижу на дѣлѣ, что ими прикрывается измѣна моему Государю и отечеству. У меня передъ глазами послѣдній ко мнѣ отзывъ министра финансовъ изъ Москвы, гдѣ, по Высочайшему повелѣнію, сдѣланъ мнѣ вопросъ объ нашей Американской Компаніи. Я не защитникъ торгашей, подъ какимъ бы они титуломъ ни предавались исключительно коммерческимъ расчетамъ, но долженъ сказать правду объ этомъ предметѣ, когда меня спрашиваютъ; но не знаю, пріятна ли она будетъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ.»

XXVI.

Прибытіе Муравьева въ портъ Аянъ.—Приходъ туда же транспорта «Байкалъ».—Донесеніе Невельского Муравьеву.—Результаты изслѣдованіи Невельского.—Возвращеніе Муравьева въ Якутскъ.—Пребываніе его тамъ.—Письма къ графу Л. А. Перовскому и брату.

—

1849 г.

—

Обратный путь въ Якутскъ Муравьевъ совершилъ 22-го августа не чрезъ Охотскъ, а чрезъ Аянъ, чтобы видѣть этотъ портъ и Аянскій трактъ и сравнить ихъ съ Охотскимъ портомъ и трактомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ расчитывалъ, спустившись къ сѣверной оконечности Сахалина, встрѣтиться съ Невельскимъ, шедшимъ на транспортѣ «Байкалъ»; но ни у сѣверной оконечности Сахалина, ни у Шантарскихъ острововъ, къ которымъ Муравьевъ подходилъ по пути въ Аянъ,—транспорта «Байкалъ» онъ не встрѣтилъ. Николай Николаевичъ былъ этимъ очень недоволенъ и вошелъ въ портъ Аянъ въ весьма невеселомъ настроеніи духа. Это тяжелое настроеніе еще усугубилось встрѣчею въ Аянѣ съ М. С. Корсаковымъ, который донесъ о безуспѣшности своего плаванія, и предположеніемъ вслѣдствіе всего этого, что «Байкалъ», вѣроятно, погибъ или на пути изъ Петропавловска, или въ Амурскомъ лиманѣ, окруженномъ, по свѣдѣніямъ В. С. Завойко, опасными банками.

Но каково же было удивленіе въ Аянѣ, когда транспортъ «Байкалъ», считавшійся погибшимъ, показался утромъ 3-го сентября, передъ входомъ въ Аянскій заливъ! Транспортъ былъ встрѣченъ катеромъ, въ которомъ прибылъ на транспортъ генералъ Муравьевъ со своимъ штабомъ, желавшій узнать результатъ порученія; но не пристававая еще къ транспорту, Муравьевъ нетерпѣливо

спросилъ Невельского: откуда онъ явился? На это Невельской отвѣчалъ такъ: «*Господь Богъ намъ помогъ.... Главное кончено.... все благополучно.... Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и р. Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга! Вѣковое заблужденіе положительно разсѣяно. Истина обнаружилась; доношу вамъ объ этомъ нынѣ.*» Это извѣстіе было отвѣтомъ на завѣтныя мечты Муравьева о свободномъ входѣ въ устья Амура. Можно себѣ представить его радость!

Изъ этихъ изслѣдованій, въ противоположность существовавшему до сего мнѣнію относительно устья р. Амура, ея лимана и Сахалина, оказалось: а) что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, б) что входъ въ лиманъ изъ Татарскаго залива, чрезъ открытый 22-іюля 1849 года проливъ, доступенъ для мореходныхъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера изъ Охотскаго моря, а равно и сообщеніе чрезъ лиманъ Татарскаго залива съ этимъ моремъ,—для судовъ, сидящихъ въ водѣ до 23 футовъ, и наконецъ, в) что въ устье р. Амура изъ Татарскаго залива могутъ проходить суда съ осадкою до 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря—суда, сидящія въ водѣ до 12 футовъ. Такимъ образомъ разрѣшились главные вопросы объ устьѣ р. Амура, ея лиманѣ и Сахалинѣ. [1]

Муравьевъ, послѣ разговора съ Невельскимъ, передавъ ему свои соображенія и наставленія, приказалъ прибыть ему въ Иркутскъ, куда самъ намѣревался вскорѣ пріѣхать. Изъ Аяна Н. Н. Муравьевъ со своимъ штабомъ 5-го сентября поѣхалъ аянскимъ трактомъ въ Якутскъ, чтобы ожидать зимняго пути по р. Ленѣ. Здѣсь Муравьевъ сдѣлалъ распоряженіе Завойко о посылкѣ зимнимъ путемъ изъ Аяна въ Удской край, а оттуда на устье р. Амуръ, прапорщика Орлова для наблюденія надъ вскрытіемъ льда въ заливѣ Счастія и въ устьѣ рѣки.

Не доѣзжая Якутска, Николай Николаевичъ со станціи на р. Алданѣ писалъ графу Л. А. Перовскому, отъ 12-го сентября, слѣдующее: «На возвратномъ пути изъ Камчатки, мы вошли въ портъ Аянъ и плывемъ оттуда (или, лучше сказать, изъ урочища Нелькана) по рѣкамъ Маѣ и Алдану въ Якутскъ, куда надобно еще будетъ подниматься верстъ 200 по Ленѣ; но встрѣчая въ этомъ плаваніи Алданскую станцію Охотскаго тракта, я поспѣшаю отправить отсюда письмо это, чтобы довести до свѣдѣнія вашего сіятельства съ послѣднею изъ Якутска лѣтнею почтою (отходящею 15-го сентября) о возвращеніи моемъ на твердую

[1] Невельской. Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ 1849—1855 гг. С.-Пб. 1878 г., стр. 90.

землю и о томъ, что въ Якутскѣ я надѣюсь быть черезъ недѣлю, а въ Иркутскѣ черезъ мѣсяцъ или не позже какъ черезъ шесть недѣль, т. е. въ октябрѣ мѣсяцѣ. Во всемъ этомъ путешествіи я видѣлъ все, что мнѣ было нужно, видѣлъ и Сахалинъ, встрѣтился и съ Невельскимъ, который превосходно исполнилъ свое порученіе и съ такою полнотою, быстротою, добросовѣстностью и смысломъ, что ему могутъ позавидовать и безсмертный Крузенштернъ и всевѣдущій Миддендорфъ. Невельской отправился въ Охотскъ сдавать команду и судно и вычерчивать на-чисто свои брульоны; предварительное же общее донесеніе его къ князю Александру Сергѣевичу Меньшикову съ картами находится у меня запечатанное и зашитое, но съ почтою я отправить его не рѣшаюсь, а, вѣроятно, отправлю съ нарочнымъ изъ Якутска прямо въ Петербургъ.

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, отъ 30-го апрѣля, я имѣлъ честь получить въ Аянѣ; я такъ много *осмотрѣлъ* во ввѣренномъ мнѣ краѣ, что обвиненіе Военнаго Министерства въ *неосмотрительности* никакъ уже ко мнѣ относиться не можетъ, но такъ какъ жиды и Христа распяли за *безбожіе*, то меня ни мало не удивляютъ и не удивятъ никакими гоненіями изъ Петербурга. О назначеніи Зарина военнымъ губернаторомъ въ Иркутскъ я не дѣлалъ представленія; но говоря въ донесеніи моемъ Государю о поѣздкѣ моей въ Камчатку, не могъ по совѣсти скрыть своего мнѣнія, что нуженъ въ Иркутскъ *военный* губернаторъ, который бы могъ заступать мое мѣсто и по гражданской и по военной части; не могъ я по совѣсти же умолчать, что нынѣшній Иркутскій гражданскій губернаторъ вполнѣ соотвѣтствуетъ этому назначенію; — я доносилъ объ этомъ прямо Государю, отъ котораго вполнѣ зависятъ не только чины наши, но и все наше существованіе. Примѣровъ подобныхъ переименованій я не считалъ себя вправѣ приводить во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, но я знаю ихъ много, и у вашего сіятельства есть одинъ генералъ-губернаторъ, который прямо переименованъ въ генералъ-лейтенанты и съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ, хотя въ военной службѣ едва-ли былъ полковникомъ; производство же статскаго совѣтника въ генералъ-маіоры по манифесту 1762 года, т. е. давая ему только полковничье старшинство, ничего въ себѣ особеннаго не заключаетъ, тѣмъ болѣе, когда онъ уже удостоенъ званія губернатора. А еслибъ Военное Министерство пожелало добросовѣстно сдѣлать докладъ свой Государю о Заринѣ, то оно бы нашло въ своихъ дѣлахъ неоднократныя представленія Кавказскаго начальства въ 1840, 1841 и 1842 годахъ о производ-

ствѣ подполковника Зарина въ полковники; оно бы вспомнило, что, при переходѣ Зарина въ гражданскую службу, оно умѣло имъ дорожить, какъ военнымъ офицеромъ. Заринъ не зналъ о донесеніи моемъ объ немъ Государю отъ 25-го февраля, до отъѣзда моего изъ Иркутска 15-го мая, когда, передавая ему дѣла, я передалъ и это донесеніе; ибо отвѣтъ онъ уже долженъ былъ получить вмѣсто меня,—и признаюсь откровенно, что, когда я писалъ это донесеніе, то не думалъ объ немъ, а только о пользѣ службы! Ваше сіятельство, неужели же нѣтъ никакихъ средствъ убѣдить правительство, что есть люди, которые служатъ Государю и отечеству безотчетно, безъ интригъ и личныхъ видовъ? Развѣ бы я поѣхалъ въ Камчатку (когда доброжелатели мои называютъ это *сумасбродствомъ*), еслибъ расчитывалъ *свои* выгоды; развѣ бы я издержалъ *12—15 тысячъ руб.* сер. на это путешествіе и перенесъ всѣ лишенія и опасности, сопряженныя съ этимъ путешествіемъ, еслибъ не надѣялся, что мое обозрѣніе принесетъ пользу службѣ Государевой! Не подумайте, ваше сіятельство, чтобъ я писалъ это для вознагражденія меня,—оно было бы личною для меня обидою, которой я не совѣсти не заслужилъ. Я желаю только одного довѣрія—и того только для огражденія правъ Россіи въ этихъ отдаленныхъ странахъ.

Не знаю, что меня ожидаетъ въ Якутскѣ; тамъ скопилось нѣсколько почтъ изъ Иркутска и Петербурга; но, по слабости человѣческой, приближаюсь къ нимъ неравнодушно: тамъ лежитъ вся будущность восточныхъ оконечностей Россіи! Лично для себя я безъ сожалѣнія готовъ прямо проѣхать изъ Якутска въ дѣйствующую армію хоть солдатомъ, ибо настоящій постъ мой кромѣ трудовъ, заботъ и непріятностей ничего не представляетъ, но жаль мнѣ будетъ Восточной Сибири!

Ваше сіятельство въ заключеніе письма вашего, отъ 30-го апрѣля, изволите сообщать мнѣ о движеніи нашихъ армій; изъ публичныхъ вѣдомостей я вижу, что онѣ уже и двинулись и дѣйствуютъ; что Франція подавляетъ римскіе и внутренніе свои мятежи; что Ледрю-Ролленъ съ товарищами уже выскочили въ форточку; что Прусскій король образумился и также дѣйствуетъ противъ знаменитаго германскаго сейма. Не могу не восхищаться этому обороту европейскихъ дѣлъ и нашему дѣятельному въ немъ участію, но теряюсь въ догадкахъ: какъ это мы рѣшились дѣйствовать безъ спросу у Англіи, которой не можетъ нравиться это согласіе на материкѣ Европы; теряюсь потому особенно, что у насъ, за отсутствіемъ Нессельроде 1-го, управляетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ Нессельроде 2-й!

Въ этомъ путешествіи моемъ я нашелъ прекрасное мѣсто для житья Минусинскимъ и всѣмъ другимъ скопцамъ Восточной Сибири и увѣренъ, что ваше сіятельство согласитесь на мое представленіе объ этомъ предметѣ; я его сдѣлаю изъ Якутска или изъ Иркутска, когда соображу всю прежнюю переписку, а данныя заключаются въ личномъ моемъ обозрѣніи мѣстъ и соображеніи всѣхъ удобствъ и выгодъ этого поселенія въ различныхъ и матеріальныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ.

Военное Министерство скрыло, кажется, отъ Государя представленіе мое отъ 14-го февраля о сбереженіяхъ, сдѣланныхъ въ Восточной Сибири при заготовленіи продовольствія на 1849 годъ, ибо ни офицеры командуемыхъ мною войскъ не получили добавочнаго содержанія, которое изъ этого сбереженія по Высочайшей волѣ должно было проистекать, ни чиновники, участвовавшіе въ достиженіи этого сбереженія, не получили заслуженныхъ ими по истинѣ наградъ. Если и г. министръ финансовъ поступилъ такъ же съ представленіемъ моимъ о сбереженіяхъ по Министерству Финансовъ (посланнымъ 15-го мая), то я уже, право, не знаю, чѣмъ могутъ мои подчиненные заслужить вниманіе этихъ господъ.

Ваше сіятельство не изволили разрѣшить жалованье, назначенное мною на 1849 годъ добавочнымъ засѣдателямъ въ Иркутскій и Верхнеудинскій земскіе суды, изъ 50 т. руб. сер., предоставленныхъ въ мое распоряженіе на добавочное жалованье чиновникамъ; если дѣло это останется въ настоящемъ его положеніи, то деньги эти должно будетъ вычесть изъ моего содержанія, ибо добавочные временные чиновники получаютъ уже назначенное мною жалованье и работаютъ для очистки годами накопившихся дѣлъ въ этихъ судахъ. Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ году мнѣ уже заплатить имъ не изъ чего, а надобно будетъ вычесть изъ содержанія будущаго года, и, такъ какъ это будетъ остатокъ изъ суммы, уже находящейся въ моемъ распоряженіи, то, я полагаю, все равно для правительства, будетъ ли онъ взысканъ съ меня въ январѣ или въ маѣ.

Не зная, какъ я сказалъ выше, что меня ожидаетъ въ Якутскѣ, я не могу говорить здѣсь положительно о дальнѣйшей моей службѣ; ибо въ приказѣ о производствѣ моемъ ничего не сказано *ни объ утвержденіи*, ни *объ оставленіи* меня въ должности; но на случай, если я остаюсь въ Восточной Сибири, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство не отказать мнѣ въ благосклонномъ вашемъ совѣтѣ: слѣдуетъ ли мнѣ, по возвращеніи въ Иркутскъ, испрашивать разрѣшенія ѣхать въ Петербургъ, или

полезнѣе будетъ для дѣла, ожидать приказанія пріѣхать или, по крайней мѣрѣ, окончанія западныхъ смутъ.»[1]

Въ Якутскъ Николай Николаевичъ Муравьевъ прибылъ 22-го сентября. Отсюда съ нарочно посланнымъ въ Петербургъ штабсъ-капитаномъ М. С. Карсаковымъ, Муравьевъ донесъ Государю о своемъ возвращеніи изъ Камчатки и представилъ князю А. С. Меньшикову двѣ записки о предположеніяхъ своихъ по предмету перенесенія Охотскаго порта въ Петропавловскъ и о назначеніи капитана Завойко военнымъ губернаторомъ Камчатки. Открытія Невельского составляли предметъ особаго рапорта Муравьева къ начальнику Главнаго морского штаба, въ которомъ онъ писалъ, что *множество предшествовавшихъ экспедицій (къ берегу сахалинскому) достигали европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, съ которымъ дѣйствовалъ Невельской.* Въ этомъ же рапортѣ Муравьевъ настаивалъ на необходимости учрежденія «*русскаго*» китоловства въ Охотскомъ морѣ и въ Восточномъ океанѣ. Графу же Л. А. Перовскому Н. Н. Муравьевъ въ письмѣ своемъ, отъ 25-го сентября, доносилъ слѣдующее: «Читая на возвратномъ пути моемъ изъ Камчатки III книжку «Записокъ Географическаго общества», я встрѣтилъ тамъ, въ весьма любопытной статьѣ о заслугахъ Петра Великаго по части распространенія географическихъ познаній, нѣкоторое недоразумѣніе, къ крайнимъ оконечностямъ Восточной Сибири относящееся. По службѣ моей въ этомъ краѣ, я могу пояснить это недоразумѣніе и пріемлю смѣлость приложить здѣсь краткую статью, которая можетъ служить дополненіемъ къ 222-й страницѣ вышеозначенной книжки: но такъ какъ предметъ этотъ заключаетъ въ себѣ политическое значеніе, то я не рѣшаюсь послать статью мою въ Географическое общество прямо, а считаю долгомъ представить предварительно на благоусмотрѣніе вашего сіятельства.

Обвиненіе въ томъ, что будто бы Россіею уступлена р. Амуръ, такъ тяжко, что я считаю моимъ долгомъ его опровергнуть. Амуръ весь никогда намъ не принадлежалъ—не принадлежалъ и Китайцамъ—покуда онъ никѣмъ еще и не захваченъ,—но почему 30 слишкомъ лѣтъ Азіатскій Департаментъ Иностранныхъ Дѣлъ оставлялъ предметъ этотъ безъ вниманія, при всѣхъ представленіяхъ мѣстныхъ начальниковъ? Почему Лавинскому[2] *приказано* было остановиться всякими изслѣдованіями въ этомъ отношеніи и пред-

---

[1] Архивъ князя М. С. Волконскаго.

[2] Бывшій Иркутскій губернаторъ.

ставленіе Руперта *осмъяли?* тогда какъ нисколько не воспрепятствовали Англичанамъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ на Китай; это уже, безъ сомнѣнія, лежитъ на отвѣтѣ Азіатскаго Департамента. Смѣю думать, что и самая экспедиція г. Ахте пущена для того, чтобъ задѣть Китайцевъ, чтобы они жаловались, и чтобъ можно было доложить Государю, какъ опасно задѣвать ихъ на этомъ пунктѣ. А между тѣмъ не можетъ быть безызвѣстно, что англійскія экспедиціи для отысканія Франклина — отыскиваютъ въ то же время и Амуръ! что г. Остенъ пробирается къ его устью отъ Нерчинска; что Китайцы давно уже шляются въ этихъ мѣстахъ (всѣ эти обстоятельства мнѣ лично извѣстны). Но великъ Богъ земли Русской! Государь Императоръ Николай Павловичъ не допуститъ восторжествовать проискамъ и обману!

Прилагаемая статья [1] кратко излагаетъ этотъ предметъ въ настоящемъ его положеніи: но если по обстоятельствамъ исполненіе *различныхъ* предположеній, мною представленныхъ, *отлагается*, то лучше ея не печатать; ибо въ три года отъ настоящаго числа, по крайнему моему разумѣнію, мы потеряемъ уже всѣ наши права на устье Амура, а можетъ быть и на Камчатку. Что же касается Охотскаго моря, то мы уже и нынѣ теряемъ 20.000.000 руб.

---

[1] Статья Н. П. Муравьева, приложенная къ приведенному письму: «Въ Запискахъ Географическаго общества, въ книжкѣ III, на стр. 222-й, сказано, что плодоносныя страны Амура потеряны были для Россіи во время царствованія дома Романовыхъ. Не оспаривая правдоподобія этого заключенія, ибо дѣйствительно русская крѣпость Албазинъ на Амурѣ была Нерчинскимъ трактатомъ уступлена Китаю и срыта, должно, однакожъ, пояснить, что Албазинъ еще не заключалъ въ себѣ владѣнія рѣкою Амуромъ, и что, по всѣмъ мѣстнымъ свѣдѣніямъ, русскіе казаки никогда при устьяхъ ея вооруженною рукою не бывали, а выходили только неоднократно на эту рѣку и въ различныхъ мѣстахъ въ 17-мъ столѣтіи, переваливаясь изъ Якутской области черезъ Становой хребетъ или Яблоновый, и, можетъ быть, строили временные острожки и пахали землю около нихъ; но никогда не доходили до устьевъ Амура, который и донынѣ извѣстенъ болѣе былъ Американцамъ и Англичанамъ, чѣмъ сосѣднимъ съ нимъ государствамъ: Россіи и Китаю.

Очевидцы говорятъ, что еще недавно (въ 1847 году) двухмачтовый пароходъ проходилъ Курильскую гряду отъ W, а въ другомъ проливѣ видно было въ нынѣшнемъ 1849 году трехмачтовое военное судно, шедшее въ Восточный океанъ изъ Охотскаго моря. Ни пароходовъ, ни трехмачтовыхъ судовъ военныхъ — ни Россія, ни Китай въ Охотскомъ морѣ еще не имѣютъ, и должно заключить изъ этихъ (вполнѣ достовѣрныхъ) свѣдѣній, что другія морскія державы осматриваютъ и знакомятся съ устьемъ Амура и островомъ Сахалиномъ, лежащимъ вдоль югозападнаго берега Охотскаго моря, хотя владѣніе грядою Курильскихъ острововъ, отдѣляющею это море отъ Восточнаго океана, даетъ полное право Россіи называть Охотское море своимъ и не допускать сотни китобойныхъ судовъ, плавающихъ по оному во всѣхъ направленіяхъ, истреблять эти морскія сокровища наши, не менѣе цѣнныя, можетъ быть, чѣмъ сибирское золото.

Обращаясь къ историческимъ свѣдѣніямъ объ этихъ странахъ, оказывается, что съ начала только нынѣшняго столѣтія Камчатка и берега Охотскаго моря остались забытыми или безъ вниманія. Въ царствованіе Императора Петра Великаго, Екатерины II и блаженной памяти Императора Павла I, восточныя оконечности эти постоянно и дѣятельно

принадлежащихъ намъ въ немъ сокровищъ *ежегодно* и, по крайней мѣрѣ, 10-ю часть этой суммы ежегодно же для казны государственной—въ китоловствѣ. Въ заключеніе осмѣливаюсь доложить мое соображеніе, что если уже существуетъ означенное препятствіе къ напечатанію моей статьи, то полезно было бы не дозволять печатать и то, что сказано въ статьѣ г. Бера объ Амурѣ. Она написана, безъ сомнѣнія, въ самыхъ благонамѣренныхъ видахъ; конечно, и всѣ мои *представленія* дѣлаются въ томъ же смыслѣ, но мы не знаемъ видовъ правительства—и если устье Амура, а можетъ быть и самая Камчатка, будутъ уступлены по *высшимъ политическимъ соображеніямъ*, такъ какъ донынѣ уступлено китобойство въ Охотскомъ морѣ, и самая Камчатка предоставлена на произволъ желающимъ,—то статья эта въ печати будетъ *очень не умѣстна. Желательно* было бы также, чтобъ мѣстному начальству Восточной Сибири было предписано дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, не вовлекая его въ излишнія *обозрѣнія и переписку*.»

Вслѣдъ затѣмъ, отъ 28-го сентября, Н. Н. Муравьевъ такъ писалъ брату Валеріану Николаевичу объ окончаніи камчатскаго своего путешествія: «Мы совершили наше камчатское путешествіе и прибыли благополучно обратно въ Якутскъ, и хотя до Иркутска еще слишкомъ 2700 верстъ, но можно считать, что мы уже дома, ибо предстоящій намъ путь совершается на саняхъ въ 10—15 дней по благоустроеннымъ почтовымъ станціямъ. Съѣздить въ Камчатку дѣйствительно не шутка, какъ я теперь убѣдился, и производитъ такое впечатлѣніе, что ужъ въ Петербургъ и не хочется ни подъ какимъ предлогомъ, а лучше спуститься изъ Иркутска къ юго-западу, т. е. на отдыхъ въ окрестности Одессы; впрочемъ, это разсужденіе впереди; посмотримъ, подумаемъ и рѣшимъ тогда, когда наступитъ время, а теперь надо еще попол-

---

занимали правительство, и особенно въ послѣднее, когда въ Камчатку былъ посланъ баталіонъ пѣхоты и генералъ для начальствованія этою областью; тогда тамъ началось и земледѣліе и войны сильныя для защиты края; начинали уже и кормиться трудами рукъ своихъ. Все измѣнилось для крайняго Востока Россіи въ XIX вѣкѣ. Сначала, т. е. до 1815 года, некогда было заниматься отдаленнымъ Востокомъ, и самое кругосвѣтное путешествіе Крузенштерна, въ этотъ промежутокъ совершонное, не принесло никакой существенной пользы и не доставило намъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о берегахъ Охотскаго моря (какъ оказывается по послѣднимъ описаніямъ). Но почему съ 1815 года и донынѣ дѣла наши тамъ оставались въ томъ же положеніи,—это можетъ быть извѣстно Азіатскому Департаменту Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ибо мѣстныя въ Сибири начальства неоднократно порывались, въ мѣру своихъ средствъ и правъ, ознакомиться съ этими любопытными краями.

Мудрый и Великій Самодержецъ Россіи, обезпечивъ ее отъ Запада, обратилъ вниманіе и на восточныя ея оконечности; съ Божіимъ благословеніемъ устранятся всѣ расчеты, 35 лѣтъ жертвовавшіе здѣсь пользами Россіи, и уничтожится даже и правдоподобіе, чтобъ во время царствованія дома Романовыхъ что-либо утратилось для Россіи.»

ж

нить камчатскія *брегии*. Катенька совсѣмъ здорова и, несмотря на всѣ трудности путешествія, гораздо веселѣе здѣсь, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ. Славный малый Миша Карсаковъ,—онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ у насъ въ Россіи цѣнить не умѣютъ, т. е. un homme d'action et non de paroles, а у насъ, какъ и вездѣ впрочемъ, говоруны берутъ верхъ.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Петербурга, тамъ ничего не понимаютъ и знать не хотятъ, что̀ до здѣшней страны относится; трудно будетъ разсуждать съ ними при этомъ расположеніи: еслибъ еще не мѣшали дѣйствовать, то я бы и безъ нихъ обошелся, но вездѣ тычки и подножки, какъ будто нарочно, а въ сущности я думаю, какъ Христосъ: «прости имъ, Господи,— не вѣдаютъ, что̀ творятъ!» Съ особеннымъ удовольствіемъ могу я сказать о краѣ, который я обозрѣлъ, что нашелъ его гораздо лучшимъ, чѣмъ объ немъ писали и говорили, исключая только $^2/_3$ Охотской дороги и самаго Охотска, который, можно сказать, къ стыду правительства, существуетъ такъ давно, хотя уже 113 лѣтъ продолжается переписка о его уничтоженіи.»

XXVII.

Дѣятельность Муравьева въ Якутскѣ. — Письма его къ графу Л. А. Перовскому. — Возвращеніе въ Иркутскъ. — Распоряженія его тамъ относительно экспедиціи Ахте. — М. С. Карсаковъ въ Петербургѣ съ порученіями Муравьева. — Письмо графа Л. А. Перовскаго къ Муравьеву. — Утвержденіе представленій Муравьева. — Непосредственныя послѣдствія поѣздки его въ Камчатку. — Увеличеніе состава служащихъ.

1849 г.

Въ ожиданіи зимняго пути, Муравьевъ прожилъ въ Якутскѣ болѣе мѣсяца. Якутскія присутственныя мѣста были имъ обревизованы въ подробности, а поручикъ Вагановъ составилъ, подъ руководствомъ самого Муравьева, описаніе Якутскаго казачьяго городового полка, на тѣхъ же основаніяхъ и въ тѣхъ же видахъ, какъ таковое было составлено въ 1848 году по Высочайшему повелѣнію Енисейскому и Иркутскому полкамъ, полковникомъ А. И. Вергинымъ.

О дальнѣйшихъ предположеніяхъ Николая Николаевича касательно устройства края узнаемъ изъ слѣдующихъ писемъ его къ графу Л. А. Перовскому.

28-го сентября. «Окончивъ мое путешествіе возвращеніемъ въ Якутскъ, я самъ остаюсь здѣсь до перваго зимняго пути, а капитана Карсакова отправляю въ Петербургъ къ князю Меньшикову съ донесеніями Невельского и моими. Карсаковъ будетъ имѣть честь вручить вашему сіятельству при письмѣ этомъ нѣкоторые экземпляры здѣшнихъ минераловъ, а съ серебрянкою [1]

[1] Серебрянка — караванъ, ежегодно отправляемый изъ Сибири съ серебромъ и золотомъ на Монетный дворъ въ С.-Петербургъ.

надѣюсь выслать и болѣе отсюда же какъ минераловъ, такъ и другихъ предметовъ. Минералы эти—образчики того, что̀ можно добывать въ Вилюйскомъ округѣ, и отъ вашего сіятельства буду ожидать рѣшенія, заслуживаетъ ли это дальнѣйшихъ розысканій.

Государю я доношу вмѣстѣ съ симъ о возвращеніи моемъ въ Якутскъ и о томъ, что Невельской окончилъ свое порученіе, и что обо всемъ я донесъ и сообщилъ начальнику Главнаго морского штаба. Князю же Александру Сергѣевичу приложилъ при письмѣ записку о важнѣйшихъ предметахъ, не терпящихъ отлагательства, относительно Охотска и Камчатки.

Здѣсь нашелъ я распоряженіе по Военному Министерству о перемѣщеніи всѣхъ 4-хъ линейныхъ баталіоновъ Восточной Сибири въ Забайкальскій край, совершенно согласно сдѣланному мною представленію; не знаю, чему приписать это согласіе съ моимъ предположеніемъ, но боюсь еще радоваться за дальнѣйшее. Виноватъ ли я, что попалъ въ такую сторону, гдѣ новое дѣло на всякомъ шагу, и по совѣсти кажется откладывать не должно. Въ Тулѣ я никакихъ предположеній не дѣлалъ, и если заводилось что̀ и новое, то было по предписанію вашего сіятельства, а отнюдь не моя выдумка, какъ многіе воображаютъ.

Дѣла Американской Компаніи приводятъ меня въ затрудненіе: вы изволите увидѣть изъ письма моего къ Врангелю, [1] въ копіи при семъ прилагаемаго, мнѣніе мое объ этомъ учрежденіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уклончивость, чтобъ ихъ не обнадеживать, ибо сомнѣваюсь, удостоятъ ли вниманіемъ не только Американскія наши владѣнія, но и ближайшія; я готовъ ѣхать въ Петербургъ,

---

[1] Копія съ письма генералъ-лейтенанта Муравьева, отъ 26-го сентября 1849 года, къ председателю Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи, вице-адмиралу Врангелю: «Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства, отъ 5-го сего мая, я имѣлъ честь получить въ Аянѣ 28-го августа, по возвращеніи моемъ туда изъ Камчатки; изъ Аяна въ Якутскъ я проѣхалъ компанейскимъ путемъ, т. е. черезъ Нельканъ по Маѣ и Алдану, и такимъ образомъ имѣлъ случай ознакомиться съ пользою и исполненіемъ новаго предпріятія Компаніи въ краѣ, ввѣренномъ моему управленію. Не знаю, въ какой степени я могу быть полезенъ Компаніи въ тѣхъ отношеніяхъ, о которыхъ изволите упоминать въ письмѣ вашемъ; но понимая всю важность этого полезнаго отечественнаго учрежденія, я считаю, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Восточномъ океанѣ, дальнѣйшее развитіе есть необходимое условіе существованія этого учрежденія: понимаю вполнѣ и то, что достигнуть этого развитія можетъ Россійско-Американская Компанія только при содѣйствіи и особомъ покровительствѣ правительства; а потому, если только мнѣнія мои, вообще до странъ этихъ относящіяся, удостоятся вниманія, то я не могу умолчать и объ Американскихъ владѣніяхъ Россіи, въ управленіи Компаніи находящихся.

Между тѣмъ не могу еще разъ не вспомнить съ особеннымъ удовольствіемъ объ Аянѣ и пролагаемомъ оттуда до Нелькана пути; конечно, главная заслуга принадлежитъ исполнителю г. Завойко, но не менѣе того достойны всякой похвалы и уваженія дѣйствія и Главнаго Управленія, которое умѣло выбрать такого исполнителя, умѣетъ довѣрять ему и умѣетъ не стѣснять во всѣхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ его предпріятіяхъ.»

если прикажутъ, т. е. захотятъ выслушать; впрочемъ буду ожидать благосклоннаго совѣта вашего сіятельства.

Предположенія мои о дѣлахъ европейскихъ сбываются довольно вѣрно, но еще гораздо удачнѣе, чѣмъ я думалъ; кто бы могъ сначала угадать, что Французская республика возстановитъ папу? и что французскія газеты будутъ желать успѣха нашему оружію? Но тѣмъ болѣе полагаю, надобно намъ быть осторожными и готовыми противъ всякой пакости со стороны Англіи, и конечно мнѣ достанется прежде всѣхъ, если, по принятому обычаю—не вѣрить мѣстному начальнику, отдавать будутъ всѣ мои предположенія въ совѣты и комитеты. Я предлагаю золото, предлагаю войска, предложу китовъ; кажется, не разоряю финансовъ въ расходованіи,—нѣтъ основательной причины не разрѣшать;—если недовѣріе ко мнѣ, то когда же я его на дѣлѣ заслужилъ? Десять лѣтъ начальствую и всегда исполнялъ то, что обѣщалъ или представлялъ. Карсаковъ не доѣхалъ до Амура, но онъ можетъ разсказать, если прикажете, много любопытнаго объ Охотскѣ, Ленѣ, плаваніи у Сахалина и въ проливѣ, о Гилякахъ, о Маѣ и объ Алданѣ.»

13-го октября. «Лена, говорятъ, замерзаетъ, но ранѣе двухъ недѣль ѣхать по ней нельзя, и я, вооружась терпѣніемъ, знакомлюсь между тѣмъ съ управленіемъ Якутскою областью.

Душевно радуюсь, что кончилась война въ Венгріи, какъ вижу изъ телеграфическаго извѣстія и частныхъ писемъ, и съ большимъ любопытствомъ ожидаю свѣдѣній о подробностяхъ. Не менѣе радуюсь и согласію, водворяющемуся между нами и Франціей: пора, кажется, континентальнымъ государствамъ понять общія свои выгоды и общаго своего врага. Послѣднее соображеніе дастъ, можетъ быть, большую дѣятельность Восточной Сибири, и я объ этомъ не пожалѣю: но если отвѣты изъ Петербурга будутъ приходить съ тою же медленностью, какъ донынѣ, то ни за что нельзя поручиться:—почта въ Камчатку ходитъ все-таки одинъ разъ во всю зиму, а въ другое время проѣхать туда нельзя, покуда мы не будемъ имѣть южнаго сообщенія, гдѣ можно ходить моремъ даже и зимою, за исключеніемъ, можетъ быть, только 2-хъ мѣсяцевъ.

Со времени обладанія Камчаткою, мы не разъ имѣли разрывы съ Англіею; но тогда никто не обращалъ вниманія на этотъ полуостровъ и на Авачинскую губу. Можетъ быть, найдутся и теперь люди въ столицѣ, которые будутъ ссылаться на прошедшее; найдутся другіе, которые будутъ обнадеживать словами: «пусть возьмутъ, мы послѣ сухимъ путемъ отнимемъ.» Опи-

бочно и несбыточно. Авачинскую губу, а за нею и Камчатку, непремѣнно возьмутъ въ первую руку и съ самыми незначительными силами; а покуда мы успѣемъ съ величайшими усиліями и пожертвованіями провести въ Камчатку сухимъ путемъ войска, до тѣхъ поръ успѣютъ воздвигнуть тамъ укрѣпленія (въ Авачинской губѣ) и легко снабдить такимъ гарнизономъ, который будетъ равняться всѣмъ тѣмъ силамъ, которыя мы только провезти можемъ; ибо надобно три лѣта, чтобъ привезти войска сухимъ путемъ изъ Иркутска къ Петропавловскому порту: три зимы, чтобы провести артиллерію, и до 1000 руб. на продовольствіе каждаго человѣка.

Я могу ошибаться о предметѣ мнѣ не близко извѣстномъ, то есть, о политическихъ отношеніяхъ нашихъ съ Англіею *въ настоящее время;* но можетъ ли кто-нибудь поручиться, что разрыва не будетъ? черезъ годъ, три, пять, десять лѣтъ? Въ годъ я успѣю сдѣлать *что-нибудь*, въ пять лѣтъ—*много*, а въ десять—*все, что нужно* для Камчатки и прочаго. Но надобно начать сейчасъ и не ожидать разрѣшеній шесть мѣсяцевъ: надобно дозволить мнѣ добывать золото и употреблять его на этотъ предметъ; добывать или обложить пошлиною охотскихъ китовъ и употреблять деньги на тотъ же предметъ, съ надлежащимъ, разумѣется, отчетомъ въ приходѣ и расходѣ, а содержанія моего, какъ оно ни велико, не достанетъ на это, какъ приходится нынѣ содержать и награждать изъ него чиновниковъ.»

Спустя нѣкоторое время послѣ этого письма, а именно въ началѣ ноября, Лена наконецъ встала, и Николай Николаевичъ Муравьевъ тотчасъ же пустился въ обратный путь въ Иркутскъ.

Это путешествіе Николая Николаевича по Камчаткѣ принесло большую пользу краю. Онъ обратилъ вниманіе на устройство быта казаковъ; ознакомился съ жизнью и промыслами инородцевъ, что̀ послужило началомъ мѣръ къ огражденію пушной торговли отъ монополіи захватившихъ ее нѣсколькихъ торговыхъ домовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ рядъ мѣръ для улучшенія экономическаго положенія Восточной Сибири: облегчилъ участь ссыльныхъ и основалъ нѣсколько благотворительныхъ учрежденій. Результаты этой дѣятельности не замедлили сказаться.

Въ Иркутскъ Николай Николаевичъ прибылъ 20-го ноября. Здѣсь онъ нашелъ подполковника Ахте съ другими членами экспедиціи и, чтобы извлечь изъ нея хоть нѣкоторую пользу безъ вреда, который бы могъ произойти отъ первоначальнаго ея направленія, рѣшилъ, что признаетъ возможнымъ и полезнымъ, съ наступленіемъ весны 1850 года, направить дѣйствія экспедиціи для

обозрѣнія и описанія пространства между р. *Удью*, Охотскимъ моремъ, Амурскимъ лиманомъ и *рѣкою Амуромъ*, несмотря на то, что въ инструкціи г. Ахте запрещено было и приближаться къ этой рѣкѣ.

Но подполковникъ Ахте, не желая отрѣшаться отъ первоначально возложеннаго на него въ Петербургѣ порученія, изложилъ въ поданномъ генералу Муравьеву проектѣ, будто бы подробный и основательный осмотръ вышеупомянутой мѣстности можетъ представить возможность разъяснить обстоятельства о границѣ нашей съ Китаемъ. «Генералъ Муравьевъ»,—пишетъ П. В. Шумахеръ,[1]—«не могъ понять, какъ можно искать границы тамъ, гдѣ ея по трактату нѣтъ, и доказывалъ всю ошибочность взгляда подполковника Ахте: и дѣйствительно, во всѣхъ трактатахъ нашихъ съ Китаемъ, пространство между Удью и Охотскимъ моремъ было оставляемо *неразграниченнымъ*, и, конечно, съ благонамѣренною цѣлію со стороны Россійскихъ уполномоченныхъ, которые всегда уклонялись отъ китайскихъ предложеній въ этомъ отношеніи. А потому всякое покушеніе частнаго лица или даже экспедиціи, правительствомъ отправленной, искать границу въ неразграниченномъ пространствѣ было неумѣстно, неблагоразумно и противно государственнымъ пользамъ. Не слѣдовало даже и вмѣнять въ обязанность экспедиціи разъяснять вопросъ о несуществующей границѣ, дабы не подавать повода впослѣдствіи къ какимъ-либо превратнымъ толкованіямъ о какихъ-либо пограничныхъ знакахъ, кѣмъ-либо насыпанныхъ и кѣмъ-либо видѣнныхъ, но не могущихъ имѣть никакого значенія, когда *все* это пространство *не разграничено*.»

Здѣсь позволяемъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и на время перенестись въ Петербургъ. Командированный Муравьевымъ Карсаковъ былъ въ это время уже тамъ и представилъ князю А. С. Меньшикову двѣ записки Муравьева о его предположеніяхъ касательно благоустройства Спбпри и рапортъ его о дѣйствіяхъ Невельского. Князь въ свою очередь все это доложилъ Государю. Государь повелѣлъ рапортъ Муравьева, касавшійся устья Амура, передать на разсмотрѣніе особаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Нессельроде, а обѣ записки немедленно утвердилъ *собственноручно* и съ большимъ довѣріемъ отнесся къ представленіямъ Муравьева. Одновременно съ симъ графъ Перовскій рѣшился доложить Государю объ утвержденіи Муравьева въ должности генералъ-губернатора. При этомъ случаѣ Государь изволилъ

[1] Русскій Архивъ, 1878 г., кн. III, стр. 270—271.

отозваться, какъ сообщилъ графъ Перовскій Муравьеву въ письмѣ своемъ отъ 7-го декабря: «Я ожидаю донесенія Муравьева объ обозрѣніи ввѣреннаго ему края. До сихъ поръ я знаю объ его путешествіи только изъ двухъ записокъ къ князю Меньшикову. Когда онъ представитъ мнѣ свое донесеніе, то пусть въ то же время проситъ дозволенія сюда пріѣхать. Муравьевъ, *кажется, не можетъ жаловаться, что Я его представленій долго не разрѣшаю;* конечно, я убѣжденъ, что это дѣло полезное, но спрашивается, можно ли будетъ обойтись безъ расходовъ? Хотя, впрочемъ, онъ обѣщаетъ, что мѣстныхъ способовъ достаточно для приведенія въ исполненіе его предположеній.» И дѣйствительно, всѣ представленія Муравьева, посланныя въ Петербургъ съ Корсаковымъ, какъ мы видимъ, не замедлились исполненіемъ: такъ въ исходѣ декабря 1849 года [1] пришло въ Иркутскъ Высочайшее повелѣніе: Охотскій портъ перенести въ Петропавловскъ, который долженъ быть главнымъ и укрѣпленнымъ нашимъ портомъ на Восточномъ океанѣ, почему онъ долженъ быть усиленъ командами, матеріалами и орудіями, доставленными на транспортахъ изъ Кронштадта. Начальника Аянской факторіи Завойко назначить губернаторомъ Камчатки, изъ которой образовать отдѣльную Камчатскую область. Для развитія въ Камчаткѣ земледѣлія, переселять туда ежегодно по 25 семей крестьянъ. Принять на счетъ казны окончательное устройство и содержаніе Аянскаго тракта, а Аянскую факторію возвести на степень правительственнаго порта, усиливъ ее воинскими командами. Наконецъ по р. Маѣ и между Нельканомъ и Аяномъ сдѣлать земледѣльческія поселенія, для поддержанія Аянскаго тракта. Это Высочайшее повелѣніе предписывалось привести на мѣстахъ въ исполненіе генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву, въ распоряженіи котораго должны находиться и всѣ суда въ Охотскѣ и Камчаткѣ, подъ названіемъ Сибирской флотиліи; точно также въ распоряженіи генералъ-губернатора было посылать изъ Кронштадта въ Охотское и Камчатское моря военныхъ крейсеровъ для уничтоженія насилій, производимыхъ китобоями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставленную въ Иркутскѣ экспедицію Ахте не посылать для опредѣленія границы, а направить, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, для изслѣдованія Удскаго края.»

Кабинетныя же занятія Муравьева ни на минуту не прекращались; такъ, по возвращеніи изъ Камчатки, онъ занялся составленіемъ всеподданнѣйшаго донесенія о сдѣланныхъ имъ

[1] Невельской. Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ. С.-Пб. 1878 г., стр. 102.

обозрѣніяхъ и новыхъ предположеніяхъ своихъ по устройству Восточной Сибири; все это онъ, по обыкновенію, писалъ своею рукою, требуя къ себѣ только дѣла и справки. Его усиленныя занятія въ это время становятся еще болѣе осязательными, если припомнить письмо къ нему графа Перовскаго отъ 7-го декабря, съ изложеніемъ Высочайшей воли относительно этого предмета и вопроса о пріѣздѣ его въ Петербургъ.

Въ предстоящемъ 1850 году предвидѣлась ожесточенная борьба съ финансовымъ міромъ изъ-за устройства въ Восточной Сибири на новое четырехлѣтіе, съ 1851 года, акцизно-откупного дѣла, противъ злоупотребленій котораго Муравьевъ такъ рѣшительно выступилъ, и основанія котораго возбуждали въ немъ отвращеніе. Въ своихъ письмахъ къ министру финансовъ графу Ѳ. П. Вронченко, Муравьевъ не обинуясь заявлялъ, что онъ признаетъ дѣйствія тогдашнихъ откупщиковъ (они были вмѣстѣ съ тѣмъ изъ числа самыхъ крупныхъ золотопромышленниковъ) вредными для края, избавленіе котораго отъ нихъ было бы, по его мнѣнію, благодѣтельно. «Всѣ хлопоты и заботы Министерства Финансовъ клонились и клонятся», писалъ Муравьевъ Л. А. Перовскому, «не къ пользамъ казны, а къ поощренію злоупотребленій и незаконныхъ выгодъ откупщиковъ. Нравственное здѣсь (въ Сибири) развращеніе народа заключается не въ одномъ пьянствѣ, но въ подвластности откупщику. Указывая далѣе на необходимость отдѣленія откуповъ отъ золотопромышленныхъ дѣлъ, Муравьевъ выражалъ, что онъ этому соединенію *двухъ могуществъ* не находитъ другого названія, какъ *монополія*, а съ этимъ словомъ связано понятіе вреда: золотопромышленникъ заманиваетъ работника къ усиленному и изнурительному труду денежнымъ вознагражденіемъ, которое онъ увѣренъ воротить, какъ откупщикъ. Не должно жертвовать зародышемъ народонаселенія для выгодъ откупщиковъ, а не казны и даже не откуповъ, являющихся финансовою операціею, необходимою при существующемъ порядкѣ. Необходимо увеличить выгоды казны, сокративъ безнравственныя злоупотребленія откупщиковъ, и этимъ облегчить народъ.»

Много, очень много предвидѣлось Муравьеву дѣла, и дѣла тяжелаго. «Въ виду этого», говоритъ Б. В. Струве,[1] «Муравьевъ счелъ необходимымъ сдѣлать одну важную перемѣну въ составѣ ближайшихъ его сотрудниковъ. Вновь открытымъ въ 1848 году V Отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, представлявшимъ, по роду переданныхъ туда дѣлъ, собственную канце-

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 86.

лярію генералъ-губернатора, завѣдывалъ А. О. Стадлеръ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Муравьева. Его наблюдательность была замѣчательна, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не щадилъ никого своимъ острымъ языкомъ; своими насмѣшками онъ нажилъ себѣ множество враговъ. Къ тому же онъ, во время отсутствія Муравьева для обозрѣнія Камчатки, пооблѣнился и не выполнилъ тѣхъ работъ, которыя были ему заданы Муравьевымъ. Все это побудило Муравьева дать Стадлеру новое назначеніе въ Красноярскъ, и на его мѣсто былъ назначенъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Училища Правовѣдѣнія Д. В. Молчановъ. Одновременно съ этимъ перемѣщеніемъ поступили на службу къ Муравьеву: И. С. Мазаровичъ, Ѳ. А. Беклемишевъ, Н. Д. Свербеевъ, В. И. Якушкинъ, А. И. Бибиковъ, Н. Н. Моллеръ, князь А. Е. Енгалычевъ, А. П. Нохвисневъ, А. Н. Шелашниковъ, А. И. Заборинскій, Б. К. Кукель и сынъ декабриста Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій,[1] окончившій въ 1849 году курсъ въ Иркутской гимназіи съ чиномъ XIV класса и золотою медалью. Тогдашній шефъ жандармовъ и главноуправляющій 3-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи графъ Орловъ отнесся къ Муравьеву письмомъ, которымъ просилъ его обратить вниманіе на этого молодого человѣка и занять его дѣятельною службою подъ ближайшимъ его надзоромъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ, вмѣстѣ съ прежде избранными, Муравьевъ составилъ ту школу служебныхъ дѣятелей, въ которой воспиталъ для себя будущихъ сотрудниковъ. По свидѣтельству современниковъ, этотъ новый составъ служащихъ внесъ въ сибирскую жизнь какое-то особенное вѣяніе, до тѣхъ поръ Сибирякамъ незнакомое.

[1] Нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

XXVIII.

Командировка Невельского въ Петербургъ съ предположеніями Муравьева касательно Амура.—Письма Муравьева къ графу Л. А. Перовскому.

—

1850 г.

—

1-го января 1850 года Н. Н. Муравьевъ командировалъ въ Петербургъ капитанъ-лейтенанта Невельского съ своими предположеніями касательно дальнѣйшихъ дѣлъ по Амуру и вручилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ графу Л. А. Перовскому такого содержанія: «Вчера съ почтою имѣлъ я честь представить вашему сіятельству штаты для чиновниковъ Восточной Сибири; они не заключаютъ въ себѣ ни новаго, предполагаемаго мною и совершенно необходимаго раздѣленія края, ни измѣненія въ составѣ присутственныхъ мѣстъ: ибо подобныя нововведенія возбудятъ, безъ сомнѣнія, много вопросовъ и промедлили бы увеличеніе содержанія чиновникамъ, не терпящее отлагательства. Штаты Камчатской области въ новомъ ея составѣ и Благотворительнаго Совѣта Восточной Сибири, какъ предметы уже разрѣшенные, я буду имѣть честь представить въ самомъ непродолжительномъ времени.

Письмо это будетъ имѣть честь представить вашему сіятельству Невельской, отправляющійся съ полнымъ отчетомъ о порученіи, которое было на него возложено.

Вчера же съ почтою представилъ я г. военному министру составленное мною положеніе о *Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ*, а на прошлой недѣлѣ отправилъ отчетъ за 1848 годъ: прошу прощенія вашего сіятельства, что копія съ этого отчета не поспѣла для васъ въ одно время; у насъ большой недостатокъ въ хорошихъ писцахъ, а письма множество вдругъ скопилось. Впро-

чемъ и подлинный отчетъ, вѣроятно, прямо поступилъ къ вашему сіятельству. Между прочимъ я принялъ въ немъ смѣлость сказать нѣсколько словъ въ пользу несчастнаго Трескина, давно умершаго, бывшаго здѣсь до Сперанскаго губернаторомъ: еслибъ онъ не былъ тогда смѣненъ, то, конечно, Восточная Сибирь давно бы занимала ту степень, на которой ей быть слѣдуетъ для пользы Россіи. Имѣя нѣкоторое право судить объ этомъ краѣ, которымъ исключительно занимаюсь слишкомъ два года, я убѣждаюсь день ото дня болѣе, сколько здѣсь былъ полезенъ Трескинъ и вреденъ Сперанскій со своимъ учрежденіемъ: впрочемъ не въ первый уже разъ приходится мнѣ соболѣзновать вмѣстѣ съ цѣлымъ краемъ о неумѣстныхъ законодательныхъ подвигахъ, на одной теоріи основанныхъ. Кавказъ тоже долго будетъ помнить барона Гана: только тамъ скорѣе открылись послѣдствія, нашлись люди, которые въ первый же годъ рѣшились объ нихъ представлять, а здѣсь—тридцать лѣтъ въ этомъ отношеніи никто не смѣлъ или не хотѣлъ говорить,— и тридцать лѣтъ Сибирь стояла неподвижно. Простите, ваше сіятельство, откровенности моихъ сужденій, которыя вырываются невольно передъ вами, зная, какое участіе вы изволите принимать во всемъ томъ, что̀ относится къ пользамъ Россіи.

Относительно прибытія моего въ С.-Петербургъ я ожидаю извѣстій отъ Карсакова: оно сдѣлалось теперь необходимымъ по случаю различныхъ перемѣнъ, утвержденныхъ и утверждаемыхъ, а главное по тому, что Государь изволилъ приказать оставить два дѣла до моего прибытія. Но такъ какъ я до-сегодня разрѣшенія на это еще не просилъ, не имѣя отвѣта вашего сіятельства на письмо мое съ Алдана, то придется, можетъ быть, выѣхать отсюда не получивши разрѣшенія оффиціальнаго, чтобъ успѣть доѣхать зимнимъ путемъ.

У насъ цѣлую недѣлю продолжались неслыханные здѣсь морозы въ 40°. Благодаря Бога, несчастій никакихъ отъ этого пока не происходитъ, но даже въ рѣдкомъ домѣ можно согрѣться; простужающихся множество, въ томъ числѣ и я съ жестокимъ кашлемъ.»

О дальнѣйшей жизни и дѣятельности Н. Н. Муравьева, по управленію Восточной Сибирью, будемъ продолжать повѣствованіе собственными его словами, приводя въ извлеченіяхъ письма его изъ Иркутска къ графу Льву Алексѣевичу Перовскому.

8-го января. «Утвержденіе мое [1] есть тотъ единственный знакъ Монаршей ко мнѣ милости, котораго я со времени назначенія мо-

[1] 6-го декабря 1849 года Н. Н. Муравьевъ былъ Высочайше утвержденъ въ должности генералъ-губернатора Восточной Сибири.

его въ Восточную Сибирь ожидалъ и душевно желалъ, ибо онъ выражаетъ для всѣхъ и каждаго, и особенно для меня, что Государь службу мою здѣсь находитъ полезною. Награда лучшему и ближайшему моему сотруднику Зарину—есть истинное и пріятнѣйшее для меня поощреніе и утѣшеніе во всемъ томъ, что я долженъ переносить, слѣдуя путемъ, указаннымъ мнѣ Государемъ и совѣстью моею; ибо и Заринъ, вмѣстѣ со мною, вѣроятно, подвергается нареканіямъ той партіи, которая не любитъ чистаго и прямого направленія дѣлъ Восточной Сибири.

Лично для него я радуюсь, что весеннее мое предположеніе не сбылось, [1] и что онъ остался непосредственно и нераздѣльно подчиненнымъ вашего сіятельства. Впрочемъ, я очень доволенъ и назначеннымъ сюда новымъ бригаднымъ командиромъ Г. М. Запольскимъ; кажется, выборъ этотъ сдѣланъ самимъ Государемъ и, вполнѣ удовлетворяя потребностямъ здѣшнихъ войскъ и нынѣшнему благородному здѣсь направленію, много облегчаетъ мнѣ трудъ нравственнаго здѣсь *преобразованія, необходимаго даже и въ войскахъ здѣшнихъ.*

Не осудите меня, ваше сіятельство, въ самонадѣянности, когда я говорю о нравственномъ преобразованіи; это не относится ни къ массѣ здѣшняго народонаселенія, ни къ нижнимъ чинамъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ —ихъ нравственность хороша, а только къ нѣсколькимъ сотнямъ купцовъ, чиновниковъ и офицеровъ; впрочемъ и въ этихъ я уже вижу успѣхи новаго направленія, только въ Петербургъ-то ѣздятъ не лучшіе; да и здѣсь обрисовываются нѣкоторые неисправимые, которыхъ полезно будетъ для края выпроводить отсюда, особенно изъ бывшихъ чиновныхъ.

Вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ отъ 6-го декабря, я имѣлъ честь получить оффиціальное увѣдомленіе ваше, что *Государь Императоръ изволилъ ожидать донесенія моего о сдѣланныхъ мною обозрѣніяхъ Восточной Сибири.* Я поспѣшаю составленіемъ этого донесенія, но долгомъ поставлю довести до свѣдѣнія вашего, что *послѣдствія* этихъ обозрѣній заключаются частью во всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, которыя мною лично на мѣстахъ сдѣланы и словесно и письменно, а большею частью въ тѣхъ *проектахъ* и *предположеніяхъ,* которые постепенно у меня составляются и своевременно представляются иногда въ Собственныя руки Его Величества, но большею частью къ гг. министрамъ по принадлежности, а потому годовой отчетъ мой за 1849 годъ представитъ Государю въ наибольшей совокупности послѣдствія означенныхъ обозрѣній.

---

[1] О переименованіи въ генералъ-маіоры.

Въ Охотскъ, Аянъ и Якутскъ уже отправлены предварительныя мои распоряженія къ приведенію въ исполненіе Высочайшей воли о Камчаткѣ: теперь ожидаю возвращенія Карсакова, чтобы направить и его туда же; потомъ буду ожидать высшихъ распоряженій по донесеніямъ моимъ, съ Невельскимъ посланнымъ.»

14-го января. «Сейчасъ приготовилъ я къ отправленію *положенія о Камчатской области;* въ немъ все то сказано, что̀ необходимо для напечатанія, а инструкція должна быть особо, ибо въ ней все будутъ временныя указанія, а между тѣмъ важныя для края; подчинить же теперь Камчатскую область общимъ правиламъ — значило бы все дѣло испортить и лишніе только расходы развести.

Не удивитесь, ваше сіятельство, значительному содержанію, которое я полагаю военному губернатору: оно все меньше того, какое получаетъ главный правитель въ Ситхѣ. Впрочемъ, весь штатъ Камчатской области и, съ Охотскимъ округомъ, Якутской (о которомъ вы уже знаете изъ донесенія моего отъ 31-го декабря) гораздо меньше того, что̀ предполагалъ Рупертъ для приморскихъ управленій Камчатскаго и Охотскаго. Я посылаю копіи со всего этого къ князю Александру Сергѣевичу,[1] такъ какъ въ положеніи этомъ упоминается и *о флотскомъ вѣдомствѣ,* которое въ Камчаткѣ должно быть нераздѣльно. *Положеніе и штаты* соображалъ я по крайнему моему уразумѣнію и взвѣшивая все, что̀ необходимо для Камчатки въ настоящее время; жаль было бы, еслибъ стали перемѣнять; можно ошибиться и испортить дѣло. Осмѣливаюсь убѣдительнѣйше просить васъ о сохраненіи представляемыхъ мною цифръ. Что же касается мѣстопребыванія военнаго губернатора, то оно съ намѣреніемъ сказано не въ Петропавловскомъ портѣ, а въ Авачинской губѣ: ибо, при распространеніи тамъ флота нашего, займутся и другіе пункты въ этой губѣ, укрѣпится входъ во всю эту губу, и флагъ нашъ встрѣтитъ пришельцевъ на первыхъ высотахъ Авачинской губы.

Относительно *медицинскихъ чиновъ* въ Камчаткѣ и вообще этой части, подробно въ бытность мою тамъ изслѣдованной, настоящимъ штатомъ устранятся и разрѣшатся всѣ вопросы; а въ инструкціи сказано будетъ о медикахъ и о больницахъ. Сверхъ того я буду имѣть честь особо представить вашему сіятельству мое заключеніе по каждому дѣлу, возникшему въ этомъ отношеніи, для окончательнаго дѣлъ этихъ прекращенія.

Проектъ Попечительнаго Совѣта Восточной Сибири, съ этою почтою отправляемый, пересматривался и передѣлывался мною

---

[1] Меньшикову.

неоднократно; кажется, настоящая его форма наиболѣе соотвѣтственна благодѣтельнымъ видамъ правительства; учрежденіе его также было бы полезно скорѣе, ибо значительные капиталы остаются безъ употребленія и движенія, въ ожиданіи этого учрежденія; а приказы между тѣмъ все въ убытокъ, да въ убытокъ.

Въ оффиціальныхъ моихъ отзывахъ къ вамъ и къ князю Меньшикову я не смѣлъ назначить срока, съ котораго положеніе и штаты о Камчатской области должны уже возымѣть свою силу и дѣйствіе; но здѣсь считаю обязанностью доложить вашему сіятельству, что *это непремѣнно необходимо съ 1-го іюля сего года*, ибо въ это время и новый военный губернаторъ Камчатки долженъ отправиться къ своему мѣсту, получивши еще въ Аянѣ, гдѣ онъ находится нынѣ, утвержденное положеніе; въ это же время оканчивается срокъ нынѣшняго Охотскаго приморскаго начальника Вонлярлярскаго; а потому особенно было бы полезно, чтобы утвержденное положеніе и штаты получены были мною для разсылки и распоряженій по принадлежности къ маю мѣсяцу, т. е. ко вскрытію Лены, а для этого надобно было бы ихъ отправить изъ Петербурга въ концѣ марта, ибо тогда уже начинается распутица; срокъ же 1-го іюля, смѣю думать, слѣдуетъ помѣстить и въ самомъ указѣ Правительствующему Сенату. Что же касается *инструкціи*, то она требуетъ подробныхъ соображеній и изложенія. Я всю ее самъ пишу, какъ дѣло совершенно новое; оно можетъ утвердиться и послѣ и отправиться къ Камчатскому военному губернатору по зимней почтѣ, т. е. въ началѣ ноября сего года изъ Иркутска, а въ концѣ сентября изъ Петербурга.

Простите, что обременяю васъ этими подробностями, которыя въ Петербургѣ не замѣтны, а здѣсь, и особенно для меня, побывавшаго въ Камчаткѣ, *очень важны*, ибо вижу на дѣлѣ и опытѣ, какъ много вредитъ пропустить иногда одну недѣлю въ распоряженіяхъ тамъ, гдѣ сообщенія такъ отдаленны и рѣдки. Вся надежда моя въ успѣхѣ этого дѣла основывается на томъ, чтобы сношенія были быстрѣе и чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшенія.

Собираюсь дѣлать поиски въ Янскомъ хребтѣ, что̀ за Алданомъ и Леною, преимущественно *металлургическія*. По отношенію министра финансовъ, я обратилъ особенное вниманіе въ бытность мою въ Якутскѣ на прежнія тамъ открытія, которыя полстолѣтія уже брошены. Досталъ образчики *рудъ серебро-свинцовыхъ*, послалъ на Колывано-Воскресенскіе заводы, гдѣ ихъ испытали и прислали мнѣ самыя удовлетворительныя донесенія. Такъ какъ добываніе тамъ этихъ рудъ и въ административномъ отношеніи очень удобно, при великомъ ихъ богатствѣ, то я съ сею же

почтою сообщилъ министру финансовъ объ успѣхѣ моихъ изысканій, прошу его разрѣшить употребить 3 т. руб. сер. для надлежащей развѣдки изъ суммъ, въ распоряженіи моемъ остающихся. Можетъ быть, и въ этомъ отношеніи поѣздка моя будетъ не безполезна; конечно, намъ очень полезно имѣть богатые запасы серебро-свинцовыхъ рудъ и даже выработывать ихъ, только не въ убытокъ казнѣ и не въ разореніе краю, какъ это дѣлается въ Нерчинскѣ. Надобно, чтобы это былъ хлѣбъ бѣднымъ Якутамъ по добровольному найму, и если тамъ много такой руды, какъ я посылалъ испытывать, то всѣ эти цѣли достигнутся: но я уже буду просить оставить это на нашемъ попеченіи, безъ участія Горнаго Департамента и всякаго Горнаго правленія: горные офицеры и чиновники употребятся только въ искуственномъ отношеніи, а администрація должна быть общая въ непосредственномъ вѣдѣніи Якутскаго областного губернатора. Полагаю, что въ этомъ видѣ не обойдется тамъ и безъ минералогическихъ открытій, ибо вообще страны тѣ, какъ направо, такъ и налѣво по Ленѣ, имѣли минералогическую славу; но обыкновенно уже, гдѣ заведется Горное правленіе и управленіе, то всѣ открытія прекращаются даже и на законномъ основаніи. Тамъ это такъ же было, и, поработавши пять лѣтъ, даже рудники закрыли, но не на томъ основаніи, на которомъ я стараюсь закрыть нерчинскіе. Для свинца важны будутъ удобства сообщенія по Алдану и Ленѣ, хотя и противъ воды; но тогда мы не замедлимъ выстроить *пароходъ*; потомъ отъ Усть-Куты небольшой волокъ *на Ангару ниже пороговъ*, а оттуда въ Енисей.

Считая себѣ за особенную честь и пользу для ввѣреннаго мнѣ края доводить до свѣдѣнія вашего сіятельства подробно о различныхъ здѣсь предпріятіяхъ, я прошу васъ покорнѣйше простить меня, если я обременяю длинными моими письмами, которыя, впрочемъ, не суть порожденія праздности, ибо я никогда еще не былъ такъ занятъ въ кабинетѣ, какъ теперь: *положеніе о казакахъ*, со всѣми для того соображеніями, *передвиженіе войскъ, перенесеніе порта*,[1] *раздѣленіе края и донесеніе Государю по обозрѣнію края* такъ мало оставляютъ мнѣ свободнаго времени, при довольно обширныхъ текущихъ занятіяхъ, что я по пяти и шести дней не выхожу и не выѣзжаю изъ дому: докторъ сердится, но всѣмъ угодить нельзя; а я полагаю, что здѣсь ничего откладывать не должно, ибо уже слишкомъ много времени было потеряно.

Сегодня принесли мнѣ совершенно оконченную записку, из-

---

[1] Охотскаго.

влеченную изъ самыхъ положительныхъ данныхъ, *«о границахъ нашихъ съ Китаемъ»* и проч. Работа эта продолжалась полтора года подъ моимъ руководствомъ и заслуживаетъ особаго вниманія, но не рѣшаюсь посылать ее. Вообще въ послѣдніе два года здѣсь много скопилось матеріаловъ, и я употребляю ихъ покуда для моихъ соображеній, но жаль будетъ, если этимъ только и кончится: на всякій случай однакожъ я завожу *архивъ* и *музеумъ*, чтобъ тамъ, по крайней мѣрѣ, осталось для моихъ преемниковъ все то, что я не успѣю употребить въ дѣло.

Англичане продолжаютъ снаряжать экспедицію для отысканія Франклина, и признаюсь, я не люблю тѣхъ, которые отправляются по Восточному океану въ Берингов проливъ; но Богъ милостивъ къ Государю и Россіи, *когда-нибудь перестанемъ и этого бояться.*

О срокѣ и о предметахъ *по морскому вѣдомству* я вмѣстѣ съ симъ пишу также письмо и князю Меньшикову: смѣю думать, что со стороны его свѣтлости не будетъ препятствій къ осуществленію всѣхъ излагаемыхъ мною оффиціально и частно предположеній. Но можетъ, гг. министры по принадлежности моими *судебными и казначейскими правилами* для Камчатки не будутъ удовлетворены? Но такъ какъ Камчатка вообще состоитъ подъ особымъ покровительствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, а съ другой стороны непосредственно подчинена морскому вѣдомству, то я и полагаю, что мнѣнія вашего сіятельства и его свѣтлости будутъ имѣть особенное значеніе къ утвержденію представляемыхъ предположеній.

Съ Невельскимъ отправилъ я князю донесеніе *о послѣдствіяхъ экспедиціи транспорта «Байкалъ»*; тамъ упоминается и *о китобояхъ въ Охотскомъ морѣ*. Мнѣ неизвѣстно, чтобъ мы отказались отъ принадлежности намъ этого моря; если же это было, то была бы явная измѣна Министерства Иностранныхъ Дѣлъ пользамъ государственнымъ; но я надѣюсь, что *этого* не сдѣлали и оставили возможность Государю исправить ошибки Азіатскаго Департамента. Я, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ отъ китобоевъ, чтобы они ходили и ловили китовъ въ Охотскомъ морѣ по какому-нибудь праву; а ходятъ и ловятъ потому только, что никто имъ этого не воспрещаетъ. Вообще о предметахъ, которые я излагалъ въ донесеніи моемъ къ князю съ Невельскимъ, я принялъ за правило по почтѣ не писать, но еслибъ угодно было вашему сіятельству потребовать къ себѣ Невельского, то онъ бы разсказалъ всѣ извѣстныя ему подробности собственно для вашего свѣдѣнія.

О лапись-лазури я довожу до свѣдѣнія вашего оффиціальнымъ письмомъ съ этою же почтою, а образчики придутъ въ

Петербургъ съ серебрянкою въ мартѣ; мѣсто-рожденія его существуютъ, кажется, гнѣздами, а потому разысканія и пріобрѣтенія его сопряжены съ большимъ трудомъ и издержками.

Военное Министерство, сколько я замѣчаю изъ переписки, ко мнѣ очень не расположено; я понимаю отчасти и причины этому, и одной изъ нихъ, къ несчастію, и устранить не могу. Я уже испыталъ подобное на Береговой линіи. Конечно, здѣсь положеніе мое иное, а лично мнѣ бояться нечего: но предположенія мои страждутъ, и въ особенности донесеніе отъ 15-го мая прошлаго года, которое попалось къ нимъ въ руки и, вѣроятно, тамъ и погибнетъ. Смѣю убѣдительнѣйше просить ваше сіятельство, не будете ли имѣть возможности внушить имъ нѣкоторую степень того участія, которое изволите принимать въ дѣлахъ Восточной Сибири, и хоть нѣкоторое довѣріе ко мнѣ: тѣмъ болѣе, что главнѣйшая причина, и, конечно, необнаруживаемая, этого нерасположенія, принадлежитъ вполнѣ вашему сіятельству, т. е. разница времени между 3 апрѣля и 7 августомъ. Не довольны они также за свою экспедицію, [1] но это во второй степени, и еслибъ не было первой, а удалось бы меня обойти, то сами бы еще и похвалили меня за то, что̀ я остановилъ. Теперь, разумѣется, опять новое неудовольствіе: зачѣмъ курьеръ къ морскому министру? но какъ же мнѣ было сдѣлать, когда онъ именно по этому дѣлу и посланъ; развѣ просить, чтобъ Карсакова переименовали во флотъ? хотя въ существѣ Карсаковъ числится по вашему министерству.

Въ заключеніе этого огромнаго письма я пріемлю смѣлость сказать нѣсколько словъ о себѣ: до глубины души тронутъ я благосклоннымъ ко мнѣ вниманіемъ и заботливостью вашего сіятельства обо мнѣ лично и осмѣливаюсь доложить, что послѣ всего того, что̀ для меня сдѣлано, начиная съ 1847 года, *мнѣ рѣшительно ничего болѣе не нужно*, кромѣ, разумѣется, довѣрія, безъ котораго я не могу быть полезенъ службѣ, а въ случаѣ смерти моей, вниманія къ женѣ моей, спутницѣ въ Камчатку и единственному лицу, о которомъ я въ этомъ мірѣ заботиться обязанъ. Я не говорю о моихъ подчиненныхъ, ибо всякая для нихъ награда и наказаніе, мною испрашиваемыя, относятся не къ лицу моему, а къ пользамъ службы. Вы и въ этихъ отношеніяхъ изволили доставить мнѣ полнѣе удовлетвореніе.»

Января 21. «На дняхъ я слышалъ что извѣстный Бенардаки имѣетъ большія поставки по Военному Министерству. Я знаю.

[1] Полковника Ахте.

какъ цѣнятся эти услуги. и едва-ли мнѣ предстоитъ надежда успѣвать въ личныхъ объясненiяхъ о дѣлахъ Восточной Сибири, когда онъ ворочаетъ капиталами Военнаго Министерства, ибо нельзя забыть, что онъ въ то же время откупщикъ Восточной Сибири, а здѣсь издревле признано существованiе двухъ властей, т. е. откупщика и генералъ-губернатора. Было время, что это сравненiе мнѣ бы казалось обиднымъ, но опытъ—великое дѣло; теперь я сознаюсь, что власть Бенардаки больше моей: онъ имѣетъ даже власть или влiянiе на меня лично, а я на него не имѣю. Предмѣстники мои, послѣ двухъ лѣтъ, приходили къ этому же заключенiю, хотя тогда и не вмѣшивалось Военное Министерство въ это дѣло:—только между ними и мною разница въ томъ, что они покорялись и поспѣшали изъ покорности этой извлечь свою пользу; а я привыкъ только покоряться властямъ, Богомъ и законами установленнымъ; пользы же для себя лично никогда и ни изъ чего не извлекалъ, въ чемъ даже и не вижу достоинства; ибо говорится: la charité bien ordonnée commence par soi-même;[1] но есть упрямыя новгородскiя головы, которыя, каковы въ колыбелькѣ, таковы и въ могилкѣ. По всему этому выходитъ, что извѣстныя министерства ни за глаза, ни въ глаза меня не полюбятъ; донесенiя мои «въ Собственныя руки» поступаютъ въ эти же министерства, поощренiе по службѣ большей части моихъ подчиненныхъ зависитъ отъ нихъ же, и такимъ образомъ, хотя Государь лично меня оградитъ отъ нихъ, но предположенiя и подчиненные мои остаются всегда въ ихъ рукахъ, и самая удачная поѣздка въ Петербургъ измѣнить этого не можетъ. Могу ли я забыть, что мнѣ даже отказано было въ назначенiи адъютанта, котораго я желалъ, тогда какъ право это принадлежитъ исключительно всякому генералу, и съ тѣхъ поръ у меня вмѣсто 4-хъ адъютантовъ только два; вмѣсто 2-хъ военныхъ чиновниковъ особыхъ порученiй только одинъ. Мнѣ люди крайне нужны; они выбываютъ, а я новыхъ не представляю на ихъ мѣсто по Военному Министерству, во первыхъ потому, что боюсь отказа, а во вторыхъ потому, что ихъ и не награждаютъ, когда я представляю; не награждаютъ именно тѣхъ, которые при мнѣ, а этимъ-то больше всего служить достается, да и кто же ихъ представитъ къ наградамъ, кромѣ меня? Придумываю одно еще средство: просить флотскихъ офицеровъ въ адъютанты, да просить о переводѣ и прежнихъ во флотъ.

Нѣсколько экземпляровъ минераловъ представляю вашему сiятельству въ особомъ ящикѣ; *ставролиты*, кажется, замѣча-

---

[1] Благотворенiе, хорошо организованное, начинается съ самого себя.

тельны; впрочемъ, намъ необходимъ здѣсь строгій объ этомъ судъ вашъ, и мы пріучимся отыскивать истинно достойное.»

Января 30. «Новое огромное пожертвованіе извѣстнаго почетнаго гражданина Кузнецова обязываетъ меня обратиться къ вамъ съ просьбою о содѣйствіи приличному его вознагражденію. Кузнецовъ, по ходатайству вашего сіятельства, имѣетъ орденъ Владиміра 3-й степени. Смѣю думать, что только слѣдующая степень этого ордена могла бы соотвѣтствовать его заслугѣ. Теперь всѣ, сдѣланныя имъ въ мое уже время, пожертвованія составляютъ *два милліона пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ.*

Въ особенности обязываетъ меня ходатайствовать о наградѣ Кузнецову передъ вами сдѣланное имъ нынѣ же мнѣ предложеніе пожертвовать значительную сумму для *первоначальнаго устройства пароходовъ и прочаго на Амуръ, еслибъ правительство возымѣло намѣреніе учредить тамъ наше плаваніе.* Благодаря его за усердіе, я, разумѣется, отвѣчалъ, что правительство не имѣетъ теперь этого въ виду; но предложеніе его остается въ своей силѣ. Между тѣмъ я убѣжденъ, что, кромѣ желанія общей пользы, Всемилостивѣйшія награды особенно поощряютъ Кузнецова къ огромнымъ его пожертвованіямъ.

Наконецъ я нашелъ удобнымъ и даже необходимымъ сдѣлать представленія многихъ чиновниковъ по Восточной Сибири, и особенно по Иркутской губерніи. Одной строгости и взыскательности недостаточно для достиженія здѣсь цѣлей, высшею властію указанныхъ,—необходимо и поощреніе для тѣхъ, которые понимаютъ благородное направленіе и трудятся. Представленія Иркутскаго губернатора предварительно мною разсмотрѣны и сдѣланы по соглашенію со мною, а потому и отправляются въ подлинникѣ.

Не всѣ наши представленія подходятъ подъ всѣ установленныя правила, но всѣ онѣ строго взвѣшены съ заслугами и особенно въ сравненіи заслугъ; особенныхъ отступленій *отъ правилъ нѣтъ:* есть только такія же, которыя были допущены при награжденіяхъ, за ревизію сенатора сдѣланныхъ. Смѣю надѣяться, что мое управленіе заслуживаетъ не менѣе довѣрія. Для Сибири, впрочемъ, необходимы исключенія, и, желая уничтожить корыстное направленіе, надобно, по крайней мѣрѣ, поощрять крестами и повышеніями.

Между прочими чиновниками Главнаго Управленія, я представляю къ чину статскаго совѣтника Тюменцова: [1] онъ—самый

[1] Николай Егоровичъ Тюменцовъ—совѣтникъ Главнаго Управленія, сибирякъ родомъ, котораго Муравьевъ засталъ на этомъ мѣстѣ, пріѣхавъ въ Сибирь.

дѣльный изъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій. Я былъ предупрежденъ противъ него сенаторомъ Толстымъ, слѣдственно и наблюдалъ за нимъ болѣе, и теперь, черезъ два года, убѣжденъ, что Тюменцовъ есть только дѣльный и опытный исполнитель воли и направленія своего непосредственнаго начальника генералъ-губернатора: нѣтъ никакого основанія винить его за волю и направленіе Руперта; особаго вліянія Тюменцовъ никогда не искалъ и не имѣлъ: а тѣхъ, которые его имѣли, я давно уже выгналъ. Смѣю убѣдительно просить ваше сіятельство о производствѣ Тюменцова.

Енисейскаго губернатора[1] я не представляю къ утвержденію потому, что мнѣ давно извѣстно его желаніе оставить Сибирь по семейнымъ его дѣламъ; но я его удерживалъ здѣсь, покуда могъ самъ ознакомиться съ дѣлами, и еще удерживаю, покуда при личномъ докладѣ вамъ объясню о его замѣщеніи: а между тѣмъ онъ трудится добросовѣстно и пять лѣтъ уже исправляетъ должность губернатора, и производство его въ дѣйствительные статскіе совѣтники будетъ справедливо.

Оффиціально обратился я также съ убѣдительнѣйшею просьбою къ вамъ *о разрѣшеніи учредить нынѣ же нѣсколько новыхъ станцій по Якутскому тракту.* По личному моему удостовѣренію, это *совершенно необходимо,* а между тѣмъ въ теченіе 1848 и 1849 годовъ мы достигли огромныхъ пониженій въ цѣнахъ на почтовую гоньбу по обѣимъ губерніямъ;—до новой смѣты я не находилъ надобности объ этомъ особо представлять; но смѣю увѣрить ваше сіятельство, что возложенное на васъ Высочайшею волею попеченіе объ уменьшеніи расходовъ Восточной Сибири по этому предмету вполнѣ достигнуто, и смѣта на слѣдующее трехлѣтіе, которую будемъ представлять въ будущемъ году,—это покажетъ. Вообще я лишняго расхода ни въ чемъ не допущу, но объ необходимомъ убѣдительнѣйше ходатайствую.»

11-го февраля. «Представляя съ послѣднею почтою г. военному министру объ *успѣхѣ заготовленія продовольствія для войскъ* на текущій годъ, я опять, и съ особеннымъ удовольствіемъ, свидѣтельствую о Заринѣ, которому принадлежатъ всѣ распоряженія по этому заготовленію и вся честь новаго успѣха; ибо въ отсутствіи моемъ я поручалъ ему же и продовольственную часть по войскамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это представленіе, если удостоится вниманія, то будетъ обращено къ вашему сіятельству, а потому пріемлю смѣлость сказать, что служба и будущность Сибири всегда примутъ съ благодарностью всякое повышеніе Зарина, которое

[1] В. К. Падалка.

теперь можетъ заключаться только въ орденахъ, послѣ милостиваго исходатайствованія вашего ему чина; завидовать ему никто не имѣетъ права, ибо, опять повторяю, что товарищи его и младшіе на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ давно генералами и нѣкоторые въ лентахъ.

Я продолжаю писать донесеніе мое о Восточной Сибири вслѣдствіе сдѣланныхъ мною обозрѣній: огромныя кипы свѣдѣній лежатъ подлѣ меня, но я сжимаю строки мои сколь можно болѣе, чтобъ донесеніе было кратко, для того, чтобъ Государю можно было его прочесть. Однакожъ топографъ до сихъ поръ еще изъ Камчатки не воротился. Начинаю уже ожидать отвѣта по рапорту моему, съ Невельскимъ посланному: надѣюсь, что онъ доѣхалъ до Петербурга гораздо скорѣе почты, и что князь Александръ Сергѣевичъ не оставитъ меня долго безъ увѣдомленія о послѣдствіяхъ этого важнаго дѣла; а равно нетерпѣливо ожидаю изъ Военнаго Министерства извѣстій о представленномъ мною положеніи о *Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ*.»

18-го февраля. «Отзывъ вашъ, въ которомъ изволили объявить мнѣ Высочайшую волю о представленіи донесенія по сдѣланному мною обозрѣнію, въ высшей степени меня заботитъ и тревожитъ, тѣмъ болѣе, что на дняхъ возвратился изъ Камчатки и топографъ, который тамъ оставался для съемокъ и описаній, а потому все у меня въ рукахъ; но къ донесенію моему столько приложеній, что отдѣлка ихъ требуетъ времени, а самое мое донесеніе, основывающееся не только на личномъ моемъ обозрѣніи, но и на огромныхъ томахъ и кипахъ, изъ которыхъ я дѣлаю самое краткое извлеченіе, требуетъ моей личной усиленной работы: надѣюсь, что черезъ двѣ недѣли все будетъ кончено и отправлено, такъ что въ Петербургъ бумаги эти поспѣютъ въ началѣ апрѣля; но дозвольте мнѣ утруждать ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою, въ случаѣ Высочайшаго Его Величества вопроса объ этомъ предметѣ, ходатайствовать о Всемилостивѣйшемъ снисхожденіи къ невольной медленности моей въ этомъ дѣлѣ.

Изъ полученнаго мною увѣдомленія г. министра финансовъ видно, что *предполагаемыя мною мѣры къ прекращенію провоза золотой монеты въ Китай*, по Высочайшей волѣ, переданы на разсмотрѣніе въ Азіатскій Комитетъ. Ваше сіятельство изволите быть членомъ этого Комитета, а потому пріемлю смѣлость сказать нѣсколько словъ здѣсь о важности этого предмета, не говоря уже о преступности лицъ, провозящихъ золото и вообще металлы за Китайскую границу: главнѣйшая выгода для Россіи отъ кяхтинской торговли заключается въ сбытѣ своихъ мануфактурныхъ

произведеній: особенная выгода для Сибири — есть провозъ этихъ произведеній, а контрабандисты замѣняютъ ихъ золотомъ! а безнаказанность распространила эту контрабанду до огромныхъ размѣровъ, потому что Китайцы берутъ золото гораздо въ высшей цѣнѣ, чѣмъ оно у насъ идетъ, и большая часть его переходитъ въ руки Англичанъ. Смѣю думать, что если намъ нужно, чтобъ золото наше переходило къ симъ послѣднимъ, то лучше же пусть оно идетъ прямымъ и кратчайшимъ путемъ изъ западныхъ нашихъ портовъ и не подрываетъ въ конецъ сбыта нашихъ мануфактурныхъ произведеній на Кяхтѣ, безъ того уже упадающаго, при успѣшномъ соперничествѣ англійскихъ. Мысль поддержать золотомъ кяхтинскую нашу мѣну была бы явнымъ ущербомъ для государства, хотя бы и споспѣшествовала къ поддержанію кяхтинской таможенной пошлины, взимаемой съ чаевъ, и еслибъ дѣло шло только объ одной пошлинѣ съ чаевъ, жертвуя сбытомъ произведеній, то выгоднѣе было бы открыть привозъ чаевъ на западной границѣ, гдѣ пошлину эту можно было бы и возвысить противъ нынѣшней; но тогда надобно уже забыть о Кяхтѣ и поспѣшить открыть для Сибири новый путь сбыта и движенія.»

Едва-ли что можно прибавить къ этимъ письмамъ: они достаточно наглядно свидѣтельствуютъ о неутомимой заботливости Муравьева о внутреннихъ преобразованіяхъ ввѣреннаго ему края, о его настойчивости къ осуществленію своихъ полезныхъ плановъ, и въ общемъ даютъ намъ ясное представленіе о положеніи дѣлъ Восточной Сибири въ извѣстный періодъ времени.

XXIX.

Послѣдствіе командировки Невельского.—Письмо М. С. Карсакова къ Муравьеву.—Отзывъ Государя Николая Павловича о Муравьевѣ.—Всеподданнѣйшее донесеніе Муравьева по обозрѣнію Восточной Сибири.—Его письма къ графу Л. А. Перовскому.—Прозорливость Муравьева относительно возможнаго нападенія Англичанъ на Камчатку и предлагаемыя имъ мѣры защиты.—Письмо его къ графу Нессельроде.—Болѣзнь Муравьева.

1850 г.

Командированный Н. Н. Муравьевымъ капитанъ Невельской, по прибытіи своемъ въ Петербургъ, явился къ князю Меньшикову и представилъ ему всѣ журналы и карты изслѣдованій и открытій относительно р. Амура, а также и рапортъ генералъ-губернатора Муравьева о необходимости занятія устья р. Амура. Эти изслѣдованія и открытія капитана Невельского обратили на себя вниманіе высшаго правительства и побудили его не откладывать далѣе исполненіе предположенныхъ Муравьевымъ видовъ на южное прибрежье Охотскаго моря. Для этого, по представленію Муравьева же, была утверждена особая *Амурская экспедиція*, имѣвшая главною цѣлью, подъ видомъ торговаго предпріятія Россійско-Американской Компаніи, основать на берегахъ Охотскаго моря, близъ лимана Амура, зимовье въ заливѣ *Счастія*, для установленія сношеній и торговли съ Гиляками и для развѣдыванія края, *не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья Амура*. При этомъ капитанъ Невельской назначенъ былъ состоять по особымъ порученіямъ при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сдѣланъ начальникомъ Амурской экспедиціи.

Вмѣстѣ съ этими предначертаніями представленіе Муравьева о перенесеніи Охотскаго порта и объ устройствѣ Аянскаго тракта было утверждено.

Въ то время М. С. Карсаковъ все еще проживалъ въ Петербургѣ по различнымъ порученіямъ Муравьева и посылалъ оттуда Николаю Николаевичу длинныя, но весьма сдержанныя, письма. «Не вините меня».— писалъ онъ въ нихъ,— «что я пишу вамъ слишкомъ осторожно: всѣхъ подробностей нельзя писать, нѣкоторыя надо разсказывать съ глазу на глазъ; почтѣ я ихъ не довѣряю.» При этомъ онъ извѣщалъ его: «Государь весьма доволенъ вашею поѣздкою въ Камчатку и результатами оной. Графъ Орловъ пожелалъ меня видѣть, онъ разспрашивалъ меня о Камчаткѣ и китобояхъ. Я здѣсь обласканъ властями до-нельзя.»— «Эти послѣднія слова»,— пишетъ Б. В. Струве,[1] — «относились въ особенности къ князю А. С. Меньшикову и графу Л. А. Перовскому, которые и въ Высочайше учрежденномъ Комитетѣ для разсмотрѣнія представленій Муравьева объ устьѣ р. Амура выступили *рѣшительными* защитниками дѣйствій Невельского и полагали необходимымъ не только утвердить представленія Муравьева, но даже усилить ихъ учрежденіемъ крейсерства въ Амурскомъ лиманѣ и въ Татарскомъ заливѣ. Вслѣдствіе этого послѣдовало 3-го февраля 1850 года Высочайшее повелѣніе на имя генералъ-губернатора Муравьева.» Одновременно съ утвержденіемъ представленій Муравьева относительно дѣйствій на устьѣ Амура, Императоръ Николай I изволилъ отозваться графу Перовскому: «Муравьеву не только можно, но должно сюда прибыть для многихъ объясненій: жаль только, что онъ пріѣдетъ въ такое время, когда Я не совсѣмъ свободенъ; хотя, можетъ быть, обстоятельства Европы и не заставятъ Меня быть въ отлучкѣ, но въ это время года Я всегда занятъ войскомъ. Впрочемъ, все-таки напиши Муравьеву, чтобы сюда пріѣхалъ.»

Наконецъ, 4-го марта, былъ отправленъ Н. Н. Муравьевымъ въ Петербургъ и всеподданнѣйшій рапортъ съ приложеніемъ подробной записки[2] по обозрѣнію Восточной Сибири; о чемъ Николай Николаевичъ того же числа не преминулъ извѣстить графа Л. А. Перовскаго такимъ письмомъ изъ Иркутска: «Представляя всеподданнѣйшее мое донесеніе съ нынѣшнею почтою, я спѣшу довести о томъ до свѣдѣнія вашего сіятельства и доложить, что, съ донесеніемъ этимъ представляются *проекты новаго раздѣленія края и соединенія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ* на томъ основаніи, о которомъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ. Убѣдившись наконецъ опытомъ, личными обозрѣніями и всѣми подробными мѣстными соображеніями о *необходимости этихъ пре-*

[1] Русск. Вѣстн. 1888 г., іюль, стр. 98.

[2] Къ сожалѣнію, до насъ не дошедшей.

образованій, могущихъ преимущественно встрѣтить затрудненіе въ департаментахъ Министерства Финансовъ, я рѣшился повергнуть все это на Высочайшее благоусмотрѣніе въ *«Собственныя руки»*. О раздѣленіи Иркутскаго округа имѣю честь особо представить вамъ, ибо это къ другимъ министерствамъ не относится.

Между прочими вопросами, которые могутъ возникнуть при разсмотрѣніи представляемыхъ Государю проектовъ, можетъ быть одинъ наиболѣе дѣльный и безпристрастный: *будетъ ли Главное Управленіе Восточной Сибири, въ настоящемъ своемъ видѣ и составѣ, соотвѣтствовать предполагаемому раздѣленію края?* Я могъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ и отсюда, но предметъ этотъ слишкомъ близко касается лично меня, чтобъ мнѣ рѣшиться писать объ немъ, не спросивши лично мнѣнія вашего сіятельства; а между тѣмъ нѣтъ препятствій разсматривать и разсуждать о представляемыхъ преобразованіяхъ, не касаясь Главнаго Управленія, которое можетъ временно оставаться въ прежнемъ положеніи, доколѣ всѣ другія преобразованія приведены уже будутъ въ исполненіе, и новыя присутственныя мѣста откроются, и прежнія закроются. Въ донесеніи моемъ къ Государю, изливая мою благодарность за вниманіе, которое Его Величество соизволилъ оказать мнѣ по представленіямъ моимъ объ Охотскѣ и Камчаткѣ, я принялъ также смѣлость ходатайствовать о производствѣ въ слѣдующіе чины чиновниковъ и топографа, бывшихъ со мною при обозрѣніи этихъ отдаленныхъ странъ;—въ числѣ ихъ два гражданскихъ,—оба вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; смѣю надѣяться, что ваше сіятельство, во вниманіе къ исключительности заслуги, не изволите встрѣтить затрудненія къ производству ихъ, хотя они и не выслужили узаконенныхъ лѣтъ къ представленію за отличіе, тѣмъ болѣе, что единственная для меня награда есть—приличное и достойное поощреніе моихъ подчиненныхъ. Въ рапортѣ моемъ Его Величеству, я поставилъ себѣ обязанностію испрашивать разрѣшеніе прибыть по дѣламъ службы въ Петербургъ. Угодно ли это будетъ Государю или нѣтъ, но я исполняю свой долгъ, ибо есть много и весьма важныхъ предметовъ, по которымъ я долженъ получить повелѣнія и указанія Его Величества. Донесеніе мое есть только краткое извлеченіе изъ всѣхъ письменныхъ и лично почерпнутыхъ мною при обозрѣніи свѣдѣній; оно не можетъ сдѣлать пріятнаго впечатлѣнія, и я, признаюсь, желалъ имѣть счастіе лично доложить Государю обо всемъ, что̀ въ немъ изложено; но вслѣдствіе объявленнаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ Высочайшаго повелѣнія, я написалъ и счелъ долгомъ не скрыть даже тѣхъ впечатлѣній и разсужденій, которыя

возбуждались положеніемъ дѣлъ. Въ личномъ докладѣ все это было бы легче, на бумагѣ выходитъ очень рѣзко, какъ я ни смягчалъ выраженія. По совѣсти и убѣжденію моему, я ничего не могу скрыть передъ Государемъ, ни въ личномъ докладѣ, ни въ донесеніи, хотя и понимаю, что первое неудовольствіе падетъ прямо на меня. Видно, такъ суждено; такъ сложились обстоятельства; боюсь въ особенности, чтобъ успѣхъ дѣла отъ этого не пострадалъ, при постоянной готовности извѣстныхъ лицъ пользоваться всѣми удобными случаями, чтобъ назвать представленіе или мнѣніе мое неосновательнымъ; но за всѣмъ тѣмъ, мнѣ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ положиться на милость Божію и хладнокровно ожидать послѣдствій. Изъ глубины души изливаю я передъ Государемъ чувства благодарности за утвержденіе моихъ предположеній о перенесеніи Охотскаго порта; это именно поддержало мои нравственныя силы и даетъ теперь еще надежду къ благополучному по возможности исходу моего донесенія и приложеній.

Теперь остаются у меня къ исполненію: *проектъ положенія о городовыхъ казачьихъ полкахъ*, который, надѣюсь, въ теченіе этого мѣсяца представить по принадлежности; а потомъ и *проекты преобразованій медицинской, строительной и межевой части*, изъ коихъ два первые я полагаю лучше оставить до прибытія моего въ столицу, равно какъ и инструкцію Камчатскому губернатору.

Преобразованіе Нерчинскаго Горнаго правленія въ непосредственной зависимости отъ проектовъ преобразованія Забайкальскихъ казаковъ и области, а потому надобно ожидать, чѣмъ разрѣшатся эти послѣдніе. *Проектъ о ссыльныхъ* требуетъ особыхъ соображеній и предварительныхъ разсужденій и объясненій въ Петербургѣ, и хотя числится за мною въ недоимкѣ, но я объ этомъ предметѣ теперь представлять еще не могу.

Мнѣніе мое по положенію комитета Главнаго Управленія путей сообщенія я вслѣдъ за симъ представлю по принадлежности, теперь я его составляю; — у меня вѣдь нѣтъ огромной канцеляріи, какъ въ Тифлисѣ, и все составляется мною съ управляющимъ IV отдѣленіемъ и однимъ адъютантомъ; впрочемъ, мнѣ это и не тягостно, только бы былъ успѣхъ; — я завидую князю Воронцову въ томъ только, что преобразованія его не долго разсматриваются въ Петербургѣ и, по моему мнѣнію, всѣ, кажется, дѣльны. Когда-то и я полагалъ, что на Кавказѣ нужно больше губернаторовъ и меньше присутственныхъ мѣстъ, и онъ ихъ не мало уже сдѣлалъ и не мало закрылъ; еслибъ Богъ далъ и здѣсь то же.

Слышу, что въ Западной Сибири приняли также здѣшнее устройство этапныхъ и инвалидныхъ командъ въ гарнизонные

баталіоны; это меня радуетъ тѣмъ особенно, что моя метода сосредоточенія силы и власти не отвергается.»

Николай Николаевичъ Муравьевъ, какъ бы предусматривая, что въ случаѣ войны съ морскими державами восточное прибрежье и его передовой пунктъ, Петропавловскій портъ, могутъ скорѣе всего подвергнуться нападенію непріятеля, принялся за образованіе новыхъ казачьихъ войскъ и артиллеріи и сосредоточеніе всѣхъ подвижныхъ войскъ Восточной Сибири въ верховьяхъ Амура, который вытекаетъ изъ Забайкальской области. По этому поводу онъ писалъ къ графу Л. А. Перовскому въ письмѣ отъ 6-го марта: «Дерзость Англійскаго правительства, проявляющаяся безпрестанно въ сношеніяхъ и дѣйствіяхъ, заставляетъ меня думать, что недолго могутъ продолжаться дружескія наши отношенія съ этимъ государствомъ; слѣдственно намъ должно быть вездѣ готовыми отразить силу силою, и особенно въ странахъ отдаленныхъ, куда помощь можетъ приходить только въ годовые сроки. Въ донесеніяхъ моихъ Государю и въ различныхъ представленныхъ уже предположеніяхъ, изложены всѣ соображенія, *къ усиленію военныхъ средствъ Восточной Сибири клонящіяся.* Но все это, если и утвердится, то исполнится въ теченіе нѣсколькихъ только лѣтъ, а между тѣмъ Камчатка и берега Охотскаго моря вообще остаются беззащитными.

Я не смѣю оффиціально указывать мѣры, которыя бы должно принять къ отвращенію угрожающей тамъ опасности, но полагаю, что откладывать ихъ нельзя, а потому пріемлю смѣлость доложить, что необходимо было бы въ лѣто нынѣшняго же года снарядить *два фрегата* и съ ними одно большое транспортное судно для отправленія въ Камчатку. Судамъ этимъ вмѣсто балласта должно взять возможное количество крѣпостной артиллеріи и артиллерійскихъ для нихъ снарядовъ. При всей поспѣшности снаряженія и плаванія они, разумѣется, поспѣютъ въ Камчатку изъ Кронштадта или Севастополя не ранѣе, какъ ко вскрытію льдовъ въ будущемъ 1851 году; по крайней мѣрѣ, съ того времени мы уже тамъ будемъ въ безопасности.

А между тѣмъ должно замѣтить, что въ теченіе нынѣшняго лѣта соберутся въ Камчатскихъ водахъ четыре англійскихъ корабля, вооруженныхъ, какъ военные, и два парохода, т. е. обѣ экспедиціи для отыскапія Франклина, къ Берингову проливу направленныя: первая, состоящая изъ шлюпа «*Геральда*» и шкуны «*Нанси*», заходившихъ въ прошломъ году въ Петропавловскій портъ; и вторая, отправленная нынѣ изъ Вулича, изъ кораблей «*Инвестигатора*» и «*Антрепризъ*» съ двумя пароходами.

Все, что я могу сдѣлать противъ этой близкой опасности, состоитъ въ личномъ моемъ тамъ присутствіи; ибо перенесеніе Охотскаго порта начнется только въ концѣ іюня или даже въ іюлѣ; но и эти средства, безъ особыхъ энергическихъ распоряженій, не будутъ соотвѣтствовать вышеозначеннымъ англійскимъ силамъ, а потому имѣю честь покорнѣйше просить васъ удостоить меня откровеннымъ и положительнымъ отвѣтомъ, имѣютъ ли опасенія мои на счетъ отношеній съ Англіею основаніе и въ столицѣ, и могутъ ли тамъ утвердительно сказать, что обѣ Франклиновскія экспедиціи не направятся на Камчатку или другія мѣста Охотскаго моря? Еще отъ 12-го сентября 1848 года я имѣлъ честь писать о сомнѣніяхъ моихъ въ этомъ отношеніи, и тогда было опровергнуто предположеніе, чтобъ англійскіе пароходы скоро могли показаться въ этихъ моряхъ. Впрочемъ, безсиліе наше въ Охотскомъ морѣ извѣстно и прежде моего обозрѣнія и даже прежде моего назначенія сюда; не мое дѣло судить о прошедшемъ: теперь же я обращаюсь съ вопросомъ къ вашему сіятельству потому, что если и въ столицѣ наконецъ родятся сомнѣнія на счетъ Англичанъ, то мнѣ должно въ маѣ ѣхать не въ Петербургъ, а къ Охотскому морю и быть самому въ Камчаткѣ все то время, покуда минуетъ наша тамъ слабость или угрожающая опасность, т. е. до зимы сего года, въ надеждѣ, что къ веснѣ будущаго года наши фрегаты устранятъ это критическое положеніе. При этомъ мнѣ необходимо повторить общій взглядъ мой и соображенія къ защитѣ восточныхъ оконечностей имперіи, требующей, мнѣ кажется, мѣръ и распоряженій болѣе быстрыхъ, чѣмъ донынѣ.

Камчатка и Охотское море могутъ быть нами обороняемы и подъ владычествомъ Россіи сохранены только при обладаніи ею Амуромъ или, по крайней мѣрѣ, плаваніемъ по этой рѣкѣ. Мнѣніе это давно было излагаемо, но умѣрялось надеждою на дружескія наши отношенія съ другими морскими державами, и мы довольствовались сообщеніями съ Охотскимъ моремъ по Якутской области, т. е. сухопутнымъ. Возрастающая дерзость Англіи едва-ли дозволяетъ намъ питаться означенною надеждою; возрастающее вліяніе ея въ Китаѣ освобождаетъ насъ, кажется, отъ всякой надежды уступчивостью и покорностью предъ этимъ государствомъ сохранить торговыя наши съ нимъ выгоды. Если англійскій флотъ на Средиземномъ морѣ рѣшился, не говоря никому ни слова, блокировать Грецію, состоящую подъ покровительствомъ Россіи и Франціи, то кто же воспретитъ англійскимъ кораблямъ занять устье Амура и, при малѣйшемъ заявленіи негодованія нашего, захватить Петропавловскій портъ? Когда до 1845 года не было въ

Восточномъ океанѣ англійскихъ морскихъ силъ, мы могли еще надѣяться поспѣть къ защитѣ этихъ мѣстъ во-время. Но и послѣ того не принято было здѣсь надлежащихъ предосторожностей, полагая, можетъ быть, что Англичане не обращаютъ вниманія на Охотское море и Камчатку; кажется, мнѣніе это продолжалось и до конца 1848 года. Въ 1849 году англійскіе корабли снуютъ по Охотскому морю: къ 1850 году оффиціально извѣстно, что четыре корабля и два парохода отправились въ камчатскія воды. Пусть служитъ предлогомъ несчастный Франклинъ: пусть печатаютъ въ газетахъ, что всѣ вооруженія послѣдней экспедиціи, изъ Вулича отправленной, сдѣланы противъ льдовъ: пусть увѣряютъ, что всѣ англійскіе путешественники по Сибири катаются изъ одной любознательности; пусть соображаютъ его различныхъ причинъ упадка кяхтинской торговли, тогда какъ дѣло это весьма просто переходитъ въ руки Англичанъ,—но можемъ ли мы медлить рѣшительными приготовленіями и даже дѣйствіями въ присутствіи столькихъ, хотя бы сомнительныхъ, опасеній за цѣлость границъ нашихъ и сношеній съ Китайскою имперіею; медлить началомъ даже этихъ приготовленій, когда извѣстно, что всякое исполненіе по пространствамъ можетъ совершиться только въ сроки годовые и болѣе? Я смѣю думать: *1) что снаряженіе фрегатовъ, 2) образованіе казачьяго Забайкальскаго войска, 3) отправленіе для него оружія и артиллеріи, 4) заказъ въ Екатеринбургѣ паровыхъ машинъ для двухъ пароходовъ на Шилкѣ и 5) занятіе устья Амура должны бы сдѣлаться немедленно.*

Еслибъ по вышеизложеннымъ опасеніямъ мнѣ должно было отправиться къ Охотскому морю, то конечно образованіе казачьяго войска нѣсколько бы замедлилось, ибо при дѣлѣ этомъ мнѣ также должно находиться лично: но всѣ остальныя распоряженія могли бы дѣлаться, и даже самое образованіе войска, еслибъ только безотлагательно открыта была Забайкальская область, и назначенъ туда военный губернаторъ и атаманъ войска по собственному выбору Государя Императора и съ личными Его Величества указаніями. Сегодняшнія газеты подтвердили только о дѣйствіяхъ англійскаго флота въ Греціи.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Н. Н. Муравьевъ писалъ и графу Карлу Васильевичу Нессельроде слѣдующее: «Вы изволили почтить меня двумя отношеніями, отъ 20-го февраля прошедшаго и 3-го февраля текущаго года, по предмету сношеній нашихъ съ Гиляками, обитающими при устьяхъ Амура, посредствомъ начальства Аянскаго порта Россійско-Американской Компаніи; я принялъ къ надлежащему исполненію объявленныя мнѣ въ означенныхъ

отзывахъ Высочайшія Государя Императора повелѣнія и наставленія вашего сіятельства, и потому только не доводилъ до вашего свѣдѣнія о послѣдствіяхъ этихъ распоряженій, что имѣлъ надежду, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Камчатки, отправиться въ Петербургъ и лично доложить обо всемъ вашему сіятельству.

Сношенія наши съ Гиляками дѣйствительно идутъ очень хорошо, что мнѣ и лично очень извѣстно; въ половинѣ же прошлаго февраля долженъ былъ туда вторично отправиться агентъ Россійско-Американской Компаніи коллежскій регистраторъ Орловъ, человѣкъ весьма способный къ этому дѣлу. Между тѣмъ, вслѣдствіе представленія капитана 1-го ранга Завойко, я своевременно распорядился, чтобъ зимующій въ Петропавловскомъ портѣ транспортъ «Байкалъ» прибылъ въ Аянъ тотчасъ по вскрытіи льдовъ и увѣдомилъ о томъ г. Завойко, дабы Орловъ зналъ передъ отправленіемъ своимъ сухопутно, въ февралѣ, что транспортъ этотъ съ товарами придетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ заливъ близъ селенія Коль, гдѣ стоять ему весьма удобно; окончательныя однакожъ по всему этому распоряженія располагаю я отправить въ Аянъ въ концѣ лишь нынѣшняго мѣсяца, откладывая таковыя до полученія разрѣшеній на представленія мои, по морскому вѣдомству сдѣланныя, и тогда же доведу до свѣдѣнія вашего о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла.

Относительно особенной осторожности, въ дѣлѣ этомъ необходимой, я постоянно внушаю ее всѣмъ ближайшимъ исполнителямъ; и дабы съ Гиляками сношенія наши всегда велись къ пріобрѣтенію ихъ довѣрія, то я, въ бытность мою еще въ Якутскѣ, строжайше воспретилъ тамошнимъ купцамъ и приказчикамъ, проникавшимъ въ землю Гиляковъ и дѣйствовавшимъ изъ одной корысти, заходить туда изъ Удскаго края и поручилъ наблюденіе за этимъ Якутскому областному начальству Аянскаго порта. Если же узнаю, что, вопреки этому распоряженію, извѣстныя уже мнѣ по этому дѣлу лица, распространяющія даже и невыгодныя для насъ слухи между Гиляками, опять туда проникнутъ, то я приму противъ этого самыя строгія мѣры и вышлю виновныхъ на жительство изъ Якутской области въ противоположную сторону Восточной Сибири. Свѣдѣній же объ этомъ буду ожидать отъ вышеупомянутаго Орлова.

Что же касается избѣжанія шума и толковъ по дѣлу этому вообще, о чемъ изволите упоминать въ обоихъ отношеніяхъ ко мнѣ, то я не излишнимъ считаю доложить вамъ, что Охотское море такъ нынѣ наполнено китоловами всѣхъ европейскихъ націй, и англійскія военныя суда такъ учащаютъ посѣщенія свои въ тѣ страны, что наши скромныя торговыя предпріятія съ Гиляками

едва-ли могутъ обратить какое-либо вниманіе Китайцевъ, развѣ Англичане же (что̀ и вѣроятно) станутъ ихъ возбуждать противъ насъ и внушать имъ различныя на нашъ счетъ опасенія и даже неправильныя дѣйствія, какъ было въ Шанхаѣ, откуда судно Россійско-Американской Компаніи было выслано, хотя портъ этотъ открытъ для всѣхъ европейскихъ націй.»

Обратимся снова къ перепискѣ Н. Н. Муравьева съ графомъ Л. А. Перовскимъ.

11-го марта. «Вчера получилъ я извѣстіе, что Китайскій императоръ скончался на 69-мъ году отъ рожденія и на 30-мъ царствованія, что наслѣдовать будетъ ему, вѣроятно, старшій сынъ его, юноша 18-ти лѣтъ, почему и будетъ находиться подъ вліяніемъ Верховнаго Опекунскаго Совѣта,—вѣсть эту, хотя и требующую еще оффиціальнаго подтвержденія, поспѣшаю я однакожъ съ нынѣшнею же почтою довести до свѣдѣнія канцлера, какъ важное для насъ событіе.

Не время теперь мнѣ входить въ разсужденіе о послѣдствіяхъ этой кончины, но сожалѣю только, что при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ для Китая нѣтъ у насъ въ Пекинѣ надежнаго человѣка; ибо приставъ миссіи, въ прошломъ лѣтѣ туда отправившійся (котораго, впрочемъ, я не видалъ по случаю поѣздки моей въ Камчатку), пріобрѣлъ въ бытность свою здѣсь не совсѣмъ выгодную славу: его считаютъ говоруномъ, хвастуномъ, неосновательнымъ и даже трусливымъ. Какъ бы то ни было, но жаль, что для подобныхъ порученій не дѣлается особенно строгій выборъ. Впрочемъ, по моему мнѣнію, если только подтвердится извѣстіе о смерти Дао-Гуана, то мы можемъ и должны воспользоваться этими обстоятельствами, чтобъ покончить наши пограничныя съ Китаемъ сомнѣнія. Предыдущее письмо мое къ вашему сіятельству получаетъ еще болѣе настоятельности, и изложенныя въ немъ распоряженія высшаго правительства никакъ не должно откладывать; а между тѣмъ необходимо было бы здѣсь, на мѣстѣ, мнѣ или другому имѣть нѣкоторыя указанія и уполномочія въ случаѣ секретныхъ сношеній съ Китаемъ. Теперь же все это остается для мѣстныхъ властей тайною. Я даже полагаю такъ, что необходимо было бы прямо поручить здѣшнему главному начальнику всѣ эти сношенія, такъ какъ въ распоряженіи его и войска и край, и прислать къ нему, какъ совѣтника, дипломатическаго чиновника; разумѣется, что всѣ тѣ предметы, которые будутъ терпѣть двухмѣсячное отлагательство, будутъ посылаемы на разрѣшенія въ Петербургъ, гдѣ однакожъ,—смѣю сказать мнѣніе мое,—полезно было бы судить объ этихъ предметахъ именно въ Азіатскомъ Комитетѣ, но не въ одномъ департаментѣ.

Я твердо убѣжденъ, что благоразумными и самостоятельными распоряженіями мы при этомъ случаѣ можемъ достигнуть здѣсь самыхъ благопріятныхъ результатовъ; и наоборотъ, что мы надолго испортимъ все дѣло, если будемъ слишкомъ осторожны и не соблюдемъ надлежащей твердости.

Теперь я говорю: laissons venir les événements,[1] и никому ничего въ Петербургъ не пишу, но имѣю честь покорнѣйше просить васъ о благосклонномъ содѣйствіи къ *скорѣйшему отдѣленію Забайкальской области, утвержденію положенія о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ и къ назначенію военнаго губернатора-атамана.*»

28-го марта:[2] «Получивъ и оффиціальное извѣстіе о смерти Китайскаго императора, я рѣшился написать въ «собственныя руки Государя», своею рукою, письмо объ опасеніяхъ моихъ на счетъ Англичанъ въ Китаѣ и о необходимости намъ озаботиться о своихъ границахъ, разумѣется, по Амуру. Меня бы совѣсть замучила, еслибъ я этого не написалъ, и лучше пусть Государь меня обвинитъ, что я излишне Его безпокою о такихъ предметахъ, которые и безъ меня извѣстны Его Величеству, чѣмъ бы впослѣдствіи пало на меня обвиненіе, что я слишкомъ поздно сказалъ.

Съ слѣдующею почтою вы изволите получить отъ меня оффиціальныя представленія о новыхъ огромныхъ пожертвованіяхъ почетнаго гражданина Кузнецова. Онъ за сорокъ тысячъ сереб. купилъ домъ для помѣщенія губернатора и далъ 100 т. сер. на постройку каменнаго дома для института дѣвичьяго. Мы были въ величайшемъ затрудненіи по обоимъ этимъ предметамъ и не знали, что̀ дѣлать; ибо, несмотря на огромныя сбереженія, которыя мы постоянно дѣлаемъ, намъ никогда не разрѣшаютъ во-время и вполнѣ необходимыхъ расходовъ изъ Петербурга, и даже не принимаютъ основательныхъ, дѣльныхъ и взвѣшенныхъ во всѣхъ отношеніяхъ предположеній къ увеличенію приходовъ, какъ, напримѣръ, по институту. Что̀ бы намъ оставалось дѣлать, еслибъ не было такого необыкновеннаго благотворителя, какъ г. Кузнецовъ? Къ несчастію, ему слишкомъ 80 лѣтъ; не знаю, что̀ мы будемъ дѣлать, если онъ скончается. Молю Бога, чтобы Онъ продлилъ эту жизнь, по крайней мѣрѣ, до разрѣшенія плавать по Амуру, для чего онъ также обѣщалъ значительную сумму на постройку парохода.»

По возвращеніи Невельского изъ Петербурга, Н. Н. Муравьевъ писалъ къ графу Л. А. Перовскому, отъ 23-го марта

[1] Подождемъ событій.

[2] На этомъ подлинномъ письмѣ надписано сверху: *«весьма секретно.»*

слѣдующее: «Хоть Невельской и засталъ меня въ лихорадкѣ, но я поспѣшаю на почтеннѣйшее письмо ваше, имъ мнѣ доставленное, нынѣ же отвѣчать: 8-го ноября 1848 года, за № 115, писалъ я министру финансовъ объ *откупахъ* и вашему сіятельству имѣлъ честь представить копію съ этого отзыва. Тамъ изволите усмотрѣть условія, на которыхъ я основывалъ свои расчеты и соображенія. Съ тѣхъ поръ, конечно, обстоятельства нѣсколько измѣнились: чаю изъ Кяхты привозятъ очень мало, т. е. вмѣсто 150 т. мѣстъ, только 40 и 50 т. (по милости соперничества Англичанъ); золота на пріискахъ добывается менѣе и работъ также; воды откупщики стали лить больше, когда мы стали строже наблюдать за цѣною, а потому г. министръ финансовъ правъ, что осталось много невыпроданнаго вина: правъ и въ томъ, что 800 т. возвышенія не можетъ быть, если и всѣ условія мои будутъ приняты: но развѣ я причиною, что чай изъ Китая пошелъ въ море вмѣсто Кяхты; что, по милости неумѣстныхъ законоположеній, частная золотопромышленность упадаетъ, и что комитетъ о золотопромышленности даже посмѣялся надо мною, когда я это сказалъ: а князь Горчаковъ, кажется, и въ Государственномъ Совѣтѣ говорилъ въ томъ же смыслѣ.

Въ одномъ лишь мы здѣсь виноваты, что допускаемъ 30% воды, которую льютъ нынѣ откупщики! Можно было бы нѣсколько цѣловальниковъ въ этомъ поймать, но къ чему это поведетъ? Откупщики будутъ кричать еще больше, министръ финансовъ будетъ еще больше сердиться, а кончится только тѣмъ, что десятокъ цѣловальниковъ попадутъ въ острогъ; по милости же беззаконнаго покровительства его сіятельства самимъ откупщикамъ, тѣ отнюдь не перестанутъ лить воду. Конечно, одно средство здѣсь, чтобы ни г. министръ, ни его департаментъ не принимали никакого участія въ здѣшнихъ откупахъ. Замѣчательно, какъ выгодно въ департаментахъ отдаютъ здѣсь вино на выкурку частнымъ лицамъ; между прочимъ въ Канскѣ, гдѣ хлѣбъ дешевле здѣшняго, отдано ведро по 1 руб. 45 коп. сер., а здѣсь на казенномъ заводѣ, со всѣми казенными расходами, оно обходится по 70 коп. сер.! Простите, ваше сіятельство, лихорадочному моему состоянію; я только могу сказать о г. министрѣ финансовъ, что еслибъ онъ искалъ *однѣхъ выгодъ казны*, то не могъ бы быть мною недовольнымъ; у него остаются и пріобрѣтаются милліоны по моему управленію: и давно ли поднесъ онъ Государю смѣту, что по распоряженіямъ моимъ должно получиться на Нерчинскихъ заводахъ слишкомъ 800 т. руб. сер. новой выгоды? за что же онъ на меня сердится?

Съ Невельскимъ получилъ я разныя бумаги по Министерствамъ Морскому и Иностранному; Богъ не милостивъ на насъ; конечно, я пріѣду самъ и положу голову,—этимъ, вѣроятно, кончатся всѣ переговоры. Я спѣшилъ прежде всего представить, по возвращеніи моемъ изъ Камчатки, *проектъ Забайкальскаго казачьяго войска*, ибо Государь требовалъ его, и между тѣмъ—это главное основаніе всей нашей силы здѣсь; а теперь о проектѣ этомъ никто и слова не пикнетъ изъ Военнаго Министерства.

Приложенная вашимъ сіятельствомъ выписка изъ нѣмецкой газеты *Ausland* не мало, можетъ быть, способствовала къ усиленію лихорадочнаго моего пароксизма, хотя я и давно ожидалъ и Государю въ донесеніи моемъ отъ 15-го мая 1849 года писалъ, что плаваніе по Амуру нужно Англичанамъ; но огорчило меня равнодушіе, съ которымъ извѣстіе это, или хоть просто предположеніе, принято. Рапортъ мой отъ 15-го мая 1849 года, кажется, забытъ: а тамъ ясно и откровенно изложено, что насъ ожидаетъ, если мы не позаботимся своевременно объ Амурѣ; а между тѣмъ Сенявинъ и Нессельроде полагаютъ, что Амуръ для насъ по Нерчинскому трактату потерянъ! Удивляюсь, какъ никто имъ не скажетъ, что слова эти приличны только Пальмерстону и его министерству,—удивляюсь, какъ никто не сказалъ Нессельроде, что у насъ въ Забайкальскомъ краѣ можетъ быть 20 т. штыковъ и 6 т. кавалеріи, если только разрѣшатъ генералъ-губернатору привести въ исполненіе его предположеніе: но если страхъ Англичанъ уже такъ великъ, а вліяніе ихъ въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ такъ сильно, что Сенявину и Нессельроде, какъ бы Бломфильду, этого и говорить нельзя, то чтожъ я сдѣлаю? А между тѣмъ у насъ уходятъ дни за днями и мѣсяцы за мѣсяцами, а Англичане безъ сомнѣнія и часовъ не теряютъ;—вотъ чѣмъ я доказываю выраженіе, что Богъ не милостивъ на насъ. Я рѣшительно теряюсь куда писать, чтобъ достигать цѣли, и простите ваше сіятельство, что утруждаю васъ моими разсужденіями объ этомъ предметѣ, ибо до сихъ поръ только черезъ ваше посредство возбуждались эти важные вопросы.»

Откупное дѣло очень тревожило Н. Н. Муравьева и до такой степени разстроило, что онъ сильно заболѣлъ: мучительныя страданія печени свалили его въ постель; онъ вынужденъ былъ сдать управленіе краемъ заступавшему его мѣсто по гражданскому вѣдомству В. Н. Зарину, а по военному—генералъ-маіору П. И. Запольскому.

XXX.

Командированіе Муравьевымъ Невельского и Карсакова. Письмо графа Л. А. Перовскаго къ Муравьеву.—Выдающіяся указанія Муравьева во всеподданнѣйшемъ его отчетѣ.—Письма Муравьева къ графу Л. А. Перовскому и брату Александру Николаевичу.

—

1850 г.

—

Въ апрѣлѣ 1850 года Н. Н. Муравьевъ, послѣ своего выздоровленія, командировалъ по Высочайшему разрѣшенію капитана 1-го ранга Невельского и М. С. Карсакова по двумъ важнымъ дѣламъ. Первому поручалось основать на берегахъ Охотскаго моря, близъ лимана Амура, зимовье; а второму поручалось упраздненіе Охотскаго порта, съ перенесеніемъ его въ Петропавловскій портъ на полуостровѣ Камчатки. 15-го апрѣля Невельской, вмѣстѣ съ Карсаковымъ, выѣхали изъ Иркутска и, послѣ ужаснѣйшихъ затрудненій, добрались черезъ Якутскъ, каждый по своему назначенію: Карсаковъ до Охотска, а Невельской до Аяна.

Всѣ мѣропріятія Муравьева къ переносу Охотскихъ учрежденій въ Камчатку и прочія предположенія по морскому управленію симъ краемъ, Государь изволилъ вполнѣ одобрить, какъ извѣщалъ Муравьева князь А. С. Меньшиковъ: Императорское Географическое общество, съ адмираломъ Литке во главѣ, также весьма сочувственно отнеслось къ упраздненію Охотскаго порта.

Одновременно съ такими обнадеживающими извѣстіями, Н. Н. Муравьевъ получилъ письмо отъ графа Л. А. Перовскаго такого содержанія: «Первое извѣстіе о вашемъ отчетѣ»,—писалъ графъ отъ 9-го мая 1850 года,—«я получилъ отъ Цесаревича, который сказывалъ мнѣ, что Государь нашелъ его весьма интереснымъ.

хотя въ немъ и есть мечты. Его Высочество, которому Государь передавалъ вашъ отчетъ, равнымъ образомъ изволилъ отозваться: «что читаетъ его и находитъ чрезвычайно занимательнымъ»; причемъ Наслѣдникъ присовокупилъ, что не всѣ предположенія считаетъ удобоисполнимыми. Дня два спустя послѣдовало Высочайшее повелѣніе сдѣлать экстренное засѣданіе Комитета министровъ для прочтенія сказаннаго отчета. Комитетъ собирался 15-го апрѣля въ полномъ составѣ, т. е. *въ немъ присутствовалъ и графъ Нессельроде, который въ немъ засѣдалъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ.* О различныхъ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ членовъ послѣ чтенія скажу вамъ при личномъ свиданіи. Впрочемъ направленіе, данное этому дѣлу, не допускало критическаго разбора онаго; очевидно было, что Государю угодно двинуть его впередъ. Высочайшая воля выражена была повелѣніемъ передать копіи съ отчета всѣмъ министрамъ, до коихъ касаются предположенія ваши, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ изготовилъ свои замѣчанія ко времени вашего пріѣзда, дабы вы не были по сему поводу удержаны здѣсь долѣе, чѣмъ нужно. Я могу вамъ сказать личное мое мнѣніе о вашемъ отчетѣ: я нашелъ его въ высшей мѣрѣ интереснымъ, административныя предположенія изложены отчетливо и представляются полезными, редакція отличная, заключеніе такое точное, какъ я его желалъ: но я могу сказать, что вы лучше бы сдѣлали, еслибъ отложили до вашего сюда пріѣзда всякое представленіе на счетъ приведенія въ оборонительное положеніе Петропавловскаго порта и снабженія укрѣпленія тремя стами орудій большого калибра. Это-то и названо Государемъ мечтою; другими лицами—фантазіею и почти всѣми приписано пылкости вашего воображенія.»

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ по обозрѣнію Восточной Сибири, отъ 3-го марта, Муравьевымъ, по словамъ Б. В. Струве, [1] были сдѣланы слѣдующія выдающіяся указанія: «1) Учрежденіемъ 1822 года, составленнымъ генералъ-губернаторомъ, впослѣдствіи графомъ Сперанскимъ, Восточная Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи Енисейскую и Иркутскую, а къ послѣдней причислены: Якутская область, Охотское и Камчатское приморскія и Троицкосавское пограничное управленія. Въ обѣихъ губерніяхъ одинаковые чины и губернскія присутственныя мѣста, тогда какъ въ Енисейской 230 тысячъ, а въ Иркутской 800 тысячъ жителей, а площадь Иркутской губерніи въ 10 разъ болѣе Енисейской. Трудно въ настоящее время объяснить причины неуравнительности этого

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 89—93.

раздѣленія. Замѣтно, что учредитель не считалъ значительными ни Забайкальскій край, ни Якутскую область, ни Охотскъ, ни Камчатку, и причислилъ ихъ къ Иркутскому губернскому управленію, *какъ не требующіе особеннаго вниманія*. Вслѣдствіе этого *бумажное управленіе* краемъ развилось по учрежденію 1822 года до огромныхъ размѣровъ и вездѣ замѣнило въ Восточной Сибири *настоящую администрацію*, до того времени существовавшую.

2) Городъ Троицкосавскъ и кяхтинская торговая слобода, гдѣ собиралось товаровъ на десятки милліоновъ рублей, преданы были совершенному безначалію. Тамъ дѣйствовали три власти, одна отъ другой независимыя.

3) Берега Дауріи и Сахалина представляютъ и климатъ и растительность прекрасные; Камчатка въ томъ же положеніи: устья рѣкъ изобилуютъ прекрасною рыбою; словомъ сказать, природа ни въ чемъ не отказала Охотскому морю, оставалось только приложить руку и знаніе человѣческое; между тѣмъ множество иностранныхъ китобойныхъ судовъ, тамъ плавающихъ, не могли этого не замѣчать, равно какъ *безсилія и равнодушія нашего въ этой сторонѣ, какъ будто въ чужомъ для насъ владѣніи*. Китобойство распространилось въ Охотскомъ морѣ недавно: прежде суда эти опасались тамъ льдовъ и *насъ*, и нѣкоторые только смѣльчаки заходили туда и, получая знатную добычу безъ всякихъ препятствій, скрывали это отъ другихъ; но тайна не могла долго храниться, и постепенно число ихъ увеличивалось. Въ 1849 году, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и разспросамъ у самихъ же китобоевъ, можно умѣренно исчислять, что ихъ было до 250 судовъ собственно въ Охотскомъ морѣ; всѣ большого ранга и съ многочисленными экипажами,—мы не видали ни одного менѣе трехмачтоваго и менѣе 500 тоннъ грузу. Одинъ французскій китобой, котораго мы настигли уже въ Восточномъ океанѣ и потомъ видѣли въ Петропавловскомъ портѣ, разсказывалъ, что въ одинъ день іюня мѣсяца онъ въ сѣверной части Охотскаго моря встрѣтился вдругъ съ 22-мя китобойными судами разныхъ націй, и всѣ они окружали массу плывшаго льда, близь коего было много китовъ и набили ихъ, по словамъ его, безчисленное множество; на другой день они разошлись. Это можетъ служить мѣрою количества этихъ судовъ, плавающихъ во всемъ морѣ, когда въ одинъ день, въ одномъ пунктѣ, сошлось ихъ 22. Одинъ изъ американскихъ китобоевъ, встрѣченный нами у Сахалина разсказывалъ, что они предпочитаютъ Охотское море Берингову по умѣренности климата, и самъ онъ намѣренъ былъ оставаться тамъ часть октября мѣсяца, а потомъ полагалъ испытать пройти *между Сахалиномъ*

и материкомъ. Онъ при насъ посылалъ три лодки на берегъ Сахалина, гдѣ онѣ съ жителями-Гиляками имѣли сношенія. Наши же суда Охотскія и Американской Компаніи никогда себѣ этого не позволяли и никогда не подходили къ Сахалину, исключая тѣхъ, которымъ это было *особенно* приказано.

4) Вовсе неукрѣпленный маленькій Петропавловскій портъ и ничтожное число частныхъ домовъ, называвшихся городомъ, Муравьевъ предполагалъ перевести въ Тарьинскую губу, если бы военно-морскія средства въ Камчаткѣ были усилены въ томъ размѣрѣ, какъ онъ считалъ необходимымъ.[1] Тарьинская губа, представляя всѣ удобства для большого порта, могла бы имѣть связь съ главными батареями, которыя, по мнѣнію Муравьева, должны были быть устроены для защиты входа въ Авачинскую губу. Для этого требовалось не менѣе 300 орудій большого калибра, и преимущественно бомбическихъ. Тарьинскую губу Муравьевъ предполагалъ соединить каналомъ для гребныхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ съ Ягодною губою, внѣ входа уже находящеюся, съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ блокады входа, гребная флотилія могла этимъ каналомъ выходить изъ Авачинской губы помимо главнаго направленія атаки. Всѣ эти предположенія были нанесены на представлявшіяся при всеподданнѣйшемъ донесеніи карты. Впрочемъ, всѣ эти соображенія,— писалъ Муравьевъ Государю,— зависятъ отъ тѣхъ военныхъ средствъ, которыя Вашему Величеству угодно будетъ расположить въ Восточномъ океанѣ и Охотскомъ морѣ и *тѣхъ послѣдствій, которыя Вамъ угодно будетъ дать открытіямъ, сдѣланнымъ капитаномъ Невельскимъ.* Во всякомъ случаѣ я смѣю думать, что въ Камчаткѣ и Охотскомъ морѣ намъ должно имѣть военныя средства, соотвѣтственныя тѣмъ, которыя имѣютъ Англичане у китайскихъ береговъ и Сандвичевыхъ острововъ.

5) Наша Сѣверо-Американская Компанія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи, во первыхъ потому, что кяхтинская торговля не представляла ей уже вѣрнаго сбыта ея произведеній, во вторыхъ потому, что при сдѣлавшейся чрезмѣрной дороговизнѣ въ Калифорніи, колоніи лишились средства пріобрѣтать хлѣбъ для продовольствія по выгоднымъ цѣнамъ. Оба эти обстоятельства отнюдь не могли быть поставлены въ вину Компаніи, но должны были имѣть вліяніе на отношенія ея къ подвѣдомственнымъ ей племенамъ и на прочность ея существованія. Существованіе Россійско-Американской Компаніи для правительства, по крайней

---

[1] Вся наша Тихоокеанская флотилія состояла тогда изъ трехъ жалкихъ небольшихъ транспортовъ и одного полугнилого бота.

мѣрѣ до времени, было необходимо. Правительству слѣдовало бы оказать содѣйствіе Компаніи въ настоящемъ трудномъ ея положеніи: она слишкомъ отдалена была отъ всякой правительственной опоры. Весною 1848 года Компанія отправила судно съ товарами для опытной расторжки въ одномъ изъ открытыхъ для европейской торговли китайскихъ портовъ Шань-гай. Судно благополучно туда пришло, шкиперъ былъ ласково принятъ мѣстнымъ китайскимъ начальствомъ и допущенъ къ промѣну товаровъ, но вскорѣ ему было предложено, по распоряженію уже областного начальника, прекратить всѣ сношенія и оставить Шань-гай. Въ дѣлѣ этомъ принималъ дѣятельное участіе англійскій консулъ, чрезъ котораго производились всѣ сношенія нашего шкипера съ Китайскимъ правительствомъ. Неизвѣстно, чѣмъ разрѣшился вопросъ объ удаленіи русскаго судна изъ Шань-гая; едва-ли даже доведено было объ этомъ до свѣдѣнія высшаго нашего правительства. Это обстоятельство между тѣмъ не могло быть оставлено безъ вниманія, и неудобно было намъ, въ сношеніяхъ съ Китайцами, посредничество Англичанъ и явное передъ нами ихъ тамъ преимущество.»

На основаніи этихъ указаній можно судить, насколько важны были предположенія Муравьева о раздѣленіи края на новыя области и губерніи и о преобразованіи губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Что же касается представленія о приведеніи въ оборонительное положеніе Петропавловскаго порта, то оно, основанное на личномъ обозрѣніи, что̀ само собою очевидно, едва-ли можетъ быть приписано пылкости воображенія Муравьева.

Николай Николаевичъ, продолжая неустанно дѣлиться съ графомъ Л. А. Перовскимъ своими мыслями о Восточной Сибири, писалъ ему изъ Иркутска отъ 19-го іюля: «Слишкомъ часто уже безпокою я васъ своими письмами, но вы по благосклонности вашей и по вниманію ко всему тому, что̀ дѣлается въ Восточной Сибири, можетъ быть, мнѣ это простите.

Особенно важнаго я теперь ничего не имѣю сообщить, исключая возвращенія миссіи нашей изъ Пекина, что̀, впрочемъ, не только къ важнымъ, но даже и къ замѣчательнымъ событіямъ причислять бы не слѣдовало; но, къ сожалѣнію, въ Петербургѣ всему вѣрятъ и ожидаютъ этой миссіи и ея пристава, какъ людей необходимыхъ для движенія нашей политики съ Китаемъ.

Я не видалъ г. пристава ни теперь, ни въ проѣздъ его въ Пекинъ, но имѣлъ честь доводить до вашего свѣдѣнія о томъ мнѣніи, которое онъ здѣсь по себѣ оставилъ въ первый проѣздъ свой и пребываніе въ Иркутскѣ и въ Кяхтѣ. Не знаю и не узнаю, въ чемъ будутъ заключаться донесенія его въ Министер-

ство Иностранныхъ Дѣлъ, но глубоко сожалѣю, что единственное сношеніе Россіи съ Китаемъ поручается людямъ этого разряда. Судя по сочиненіямъ его, онъ пишетъ не дурно; судя по письмамъ, которыя онъ писалъ сюда изъ Пекина, онъ умѣетъ выдавать себя за человѣка всезнающаго; судя по другимъ свѣдѣніямъ, онъ, хотя и былъ въ Пекинѣ, но знаетъ весьма мало, что, впрочемъ, и не можетъ быть ему осужденіемъ, ибо Русскому въ Пекинѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, трудно что-нибудь узнать. Я жалѣю о томъ, что въ Петербургѣ собираются основываться на свѣдѣніяхъ отъ возвращающейся миссіи; одно лишь вѣрно, что они въ Пекинѣ видѣли русское золото и узнали, что оно продается даже пудами. Впрочемъ, мы это знаемъ и здѣсь и въ Кяхтѣ; но, къ сожалѣнію, не получаемъ разрѣшенія принимать надлежащія строгія противъ этого мѣры, т. е. противу перевода золотой нашей монеты въ Китаи значительными количествами. Азіатскій Комитетъ разсматриваетъ мои по этому представленія шесть мѣсяцевъ.

Сколько мнѣ извѣстно, то достоинство Россіи весьма унижено въ Китаѣ нашими тамъ представителями, и, кажется, Ковалевскому не удалось измѣнить мнѣнія этого. Теперь остается надежда на архимандрита Палладія, который показался мнѣ человѣкомъ порядочнымъ; впрочемъ, много зависитъ и отъ того направленія, которое имъ дано въ Петербургѣ. Ковалевскій, еще въ первое время своего пребыванія въ Пекинѣ, писалъ сюда въ частныхъ письмахъ такія свѣдѣнія, будто бы въ Пекинѣ имъ почерпнутыя, которыя онъ самъ получалъ изъ Иркутска и Кяхты,— это тогда же заставило меня сомнѣваться въ справедливости его донесеній въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, и я имѣлъ честь сообщать вашему сіятельству мою мысль: a beau mentir qui vient de loin; не измѣняю моего мнѣнія и теперь по новымъ, имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, и желалъ бы только, чтобъ въ Петербургѣ не смѣло полагались на его слова и донесенія.

Онъ доноситъ мнѣ, что скоро будетъ въ Иркутскѣ; я не имѣю большого любопытства его видѣть, но приму, разумѣется, хорошо, какъ принимаю всѣхъ гостей и даже Остена! но буду съ нимъ не менѣе и осторожень, какъ съ этимъ Англичаниномъ, который писалъ мнѣ еще изъ Петербурга, передъ отъѣздомъ своимъ въ Англію, благодарственное письмо.

Жаль, душевно жаль, что азіатскія дѣла наши, и особенно сношенія съ Китаемъ, находятся въ такомъ видѣ и въ такихъ рукахъ; впрочемъ посылка корвета въ Камчатку нѣсколько меня успокоила, какъ по существу дѣла, такъ и потому, что моя лепта для Россіи не пропадаетъ.

Не излишнимъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что петербургская корреспонденція съ послѣднею почтою здѣсь не получена, исключая *секретныхъ* и *страховыхъ* писемъ и бумагъ. Говорятъ въ почтовой конторѣ, что она заслана ошибкою въ Петропавловскъ въ Западной Сибири. На всякій случай поспѣшаю увѣдомить ваше сіятельство, что отъ васъ я нынче получилъ только одинъ печатный циркуляръ съ надписью: *по секрету*. Если кромѣ неотвратимой уже отдаленности принять въ соображеніе и подобные случаи, которые въ мою здѣсь бытность случаются не въ первый разъ то можно посудить, какой медленности подвергаются здѣсь самыя необходимыя для насъ разрѣшенія изъ Петербурга; и не должно удивляться, что Восточная Сибирь 200 лѣтъ почти не двигается впередъ, что здѣшнія власти получаютъ вредное равнодушіе къ дѣлу, а люди, живо чувствующіе,—нервно-желчную горячку.»

Неудовольствіе свое относительно почтъ и дѣйствій Азіатскаго департамента Муравьевъ выражаетъ также и въ письмѣ къ брату Александру Николаевичу: «На сей разъ письмо твое очень удачно послано было страховымъ,»—писалъ онъ, «вообрази себѣ: всю нашу обыкновенную почту, кромѣ страховыхъ и секретныхъ писемъ, заслали вмѣсто Иркутска въ Петропавловскъ (въ Запад. Сиб.), и мы получимъ ее Богъ знаетъ когда; впрочемъ, это не въ первый разъ въ мою здѣсь бытность: я радуюсь только тому, что не заслали въ Петропавловскъ Камчатской области, что̀ также легко можетъ случиться съ этою безначальственною командою, какова почтовая. Удивительная страсть у этихъ департаментовъ дѣйствовать отдѣльно и независимо за 6 и за 14 тысячъ верстъ. Но всего смѣшнѣе въ этомъ отношеніи Азіатскій департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, который признаетъ генералъ-губернатора Восточной Сибири рѣшительно владѣтельною властью, кроется отъ него во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и скрываетъ отъ него все то, что̀ дѣлается въ Китаѣ: а ввѣренный мнѣ край прилегаетъ на 6-ти тысячахъ верстахъ къ Китаю и живетъ торговлею съ этимъ государствомъ.

Всѣмъ имъ хороши были генералъ-губернаторы, которые любили ѣсть, пить, волочиться и наживаться, но когда Государю угодно было назначить сюда меня, то они воображали, что обойдутся красными словами. На бѣду ихъ Богъ далъ мнѣ молодость и глубокую преданность Россіи и Государю; съ молодостью сопряжена дѣятельность, и преданность моя не щадитъ никого, кто забываетъ пользу Государя и Россіи. Вотъ и пошли на меня войной, конечно, кабинетною, чернильною, дипломатическою, костическою, а департаменты—Горный и Азіатскій—кажется, за-

ключили между собою союзъ и объявили меня въ осадномъ положеніи. Сомнѣваюсь, чтобъ вашъ министръ былъ въ этомъ союзѣ; онъ мнѣ всегда казался человѣкомъ, преданнымъ дѣйствительнымъ пользамъ службы, но горное дѣло для него чуждо; сомнѣваюсь также, чтобъ нынѣшній директоръ Азіатскаго департамента участвовалъ въ этой войнѣ,—ему также китайскія дѣла чужды. Постараюсь отдѣлаться отъ этихъ препятствій; но напрасно ты убѣждаешь меня беречь мое здоровье: это все равно, какъ солдата, идущаго на приступъ, убѣждать беречь свою жизнь. Никакая борьба не обходится безъ сильныхъ сотрясеній, и когда, Богъ дастъ, я доберусь до Петербурга, то разскажу, какимъ непріятностямъ я былъ подверженъ по милости этой странной войны.»

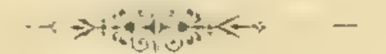
Наконецъ въ письмѣ къ графу Л. А. Перовскому отъ 27-го іюля находимъ слѣдующія интересныя сообщенія Муравьева: «Возвратившись только-что изъ такъ называемаго Тункинскаго края, [1] я спѣшу представить дополненіе къ проекту раздѣленія Иркутскаго уѣзда. Край этотъ изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ Восточной Сибири оставался мнѣ неизвѣстнымъ до сего времени, и, основываясь на мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, я полагалъ прежде возможнымъ оставить его въ завѣдываніи Иркутскаго Земскаго суда; но личное теперь обозрѣніе его указало мнѣ совершенную необходимость учрежденія тамъ особаго земскаго управленія, по примѣру малолюдныхъ округовъ Якутской области и предположеннаго мною въ Баргузинѣ. Кромѣ самаго мѣстоположенія Тункинскаго, обѣщающаго значительное увеличеніе народонаселенія и пограничности этого края, немаловажно также, что новая въ Кяхту дорога пролегаетъ самыми трудными мѣстами по горамъ, принадлежащимъ къ Тункѣ, и требуетъ ближайшаго надзора высшей земской власти, т. е. исправника; впрочемъ и нынѣ народонаселеніе этого края простирается до 12 т. душъ мужескаго и женскаго пола. Со временемъ, и вѣроятно скоро, тамъ придется заложить и городъ, вмѣсто бывшей прежде Тункинской крѣпости, тѣмъ болѣе, что и самыя окрестныя горы, мало еще извѣданныя, подаютъ однакожъ надежду на открытія минералогическія и металлургическія. [2] Проѣздомъ имѣлъ я случай встрѣтиться съ однимъ практическимъ минералогомъ, крестьяниномъ изъ поселенцевъ, который живетъ тамъ около 50 лѣтъ, и отправляю нынѣ же небольшую партію для открытій въ этомъ

[1] Тункинскій край облегаетъ южную часть Байкальскаго озера.

[2] Въ Тункинскомъ краѣ открытъ былъ Ляпись-лазурь, а впослѣдствіи Алиберомъ—залежи русскаго графита.

отношеній подъ руководство его, собственно для гранильной петергофской фабрики, о которой я имѣлъ честь съ послѣдней почтою получить распоряженія вашего сіятельства и министра Двора. По словамъ старика должны быть богатыя мѣсторожденія анатитовъ, аматистовъ и байкалитовъ ему извѣстныя; объ успѣхѣ розысканій буду имѣть честь донести въ концѣ будущаго мѣсяца.

Дозвольте мнѣ указать вамъ замѣчательную статейку о китайской политикѣ въ журналѣ «La Presse», отъ 15-го іюня 1850 года. Статья эта показываетъ, что писалъ ее человѣкъ знающій, и до такой степени сходна она въ главныхъ чертахъ съ тѣми свѣдѣніями, которыя я имѣю и даже представлялъ Государю, что я готовъ былъ бы подозрѣвать не изъ Восточной ли Сибири она туда попала; но, къ счастію, здѣсь теперь нѣтъ такихъ лицъ, на которыхъ бы подозрѣніе это могло остановиться. Съ послѣднею Якутскою почтою, на дняхъ прибывшею, я получилъ извѣстія и изъ Камчатки: тамъ стекаются китобойныя суда и англійскія за различными поисками; а между тѣмъ и у насъ дѣло кипитъ въ Охотскѣ и въ Аянѣ. Карсаковъ и Невельской благополучно доѣхали до морского берега еще въ маѣ и дѣйствуютъ; къ послѣднему пришло судно изъ Камчатки по назначенію моему довольно рано; а другое отправилъ къ нему съ запасами и людьми Карсаковъ изъ Охотска, и наконецъ велѣдъ за симъ отправляемъ третье въ Аянъ же. А между тѣмъ на самыхъ большихъ транспортахъ отправляется изъ Охотска въ Камчатку портовое имущество и люди, а съ ними и самъ Карсаковъ. Незамѣтна была эта отдаленность въ теченіе 200-лѣтняго летаргическаго сна Восточной Сибири, но за то какъ она ощутительна теперь для меня. Не знаю, поможетъ ли Богъ сократить ее во время и въ мѣру крайней необходимости нынѣшняго положенія Восточной Сибири. Казаки, овладѣвшіе всѣми этими отдаленными пространствами и Амуромъ въ 15 лѣтъ времени передъ 1650 годомъ, взяли все это на Царя и за Царя, но не были стѣсняемы ни Сенатомъ, ни департаментами, а когда стали вмѣшиваться въ эти распоряженія отдаленные трибуналы, то и пришлось отдавать. Къ числу прочихъ любопытныхъ свѣдѣній у меня принадлежитъ свѣдѣніе о *нашей духовной миссіи въ Пекинѣ*. Я сообщу эти свѣдѣнія лично вашему сіятельству, а теперь боюсь писать, чтобъ не обидѣть Азіатскаго департамента, который, кажется, и знаетъ le dessous des cartes, но по дипломатической системѣ скрываетъ все даже и отъ Государя.»

XXXI.

Прибытіе Невельского въ заливъ Счастія.—Заложеніе Русскими перваго заселенія въ преддверіи рѣки Амура.—Гиляки и расположеніе ихъ къ Русскимъ.—Письма Муравьева къ графу Л. А. Перовскому.—Дѣятельность Невельского.

1850 г.

21-го іюля капитанъ Невельской, на транспортѣ «Байкалъ», прибылъ къ устью Амура, въ заливъ Счастія. «Тамошніе жители».—пишетъ П. В. Шумахеръ, [1] «приняли его съ радушіемъ и лаской. Здѣсь онъ нашелъ, прибывшаго еще зимнимъ путемъ, прапорщика Орлова и вмѣстѣ съ нимъ, по тщательномъ изслѣдованіи мѣстности. нашелъ наиболѣе удобнымъ для устройства зимовья пунктъ противъ острова Лутковскаго.

При этомъ принято было въ соображеніе, чтобы подходъ судна къ селенію былъ простъ и безопасенъ, чтобы изъ селенія во всякое время можно было подать помощь входящему съ моря судну. чтобы у селенія можно было грузиться и наливаться водою и. въ случаѣ нужды. зимовать судну, и наконецъ, чтобы изъ селенія можно было достигнуть сухопутьемъ береговъ р. Амура. Избранное мѣсто удовлетворяло всѣмъ этимъ потребностямъ и земля была доброкачественная.

Жители селенія Гиель-во, находившагося въ 200 саженяхъ отъ нашего зимовья, предложили добровольно для устройства поста свои услуги; лѣсъ къ первоначальной закладкѣ тотчасъ былъ приготовленъ, и 29-го іюня, помолясь Богу, Русскіе заложили первое въ преддверіи р. Амура заселеніе, которое, во имя св.

---

[1] Русск. Архивъ. 1878 г., стр. 261.

апостолъ первоверховныхъ Петра и Павла и въ память Петра Великаго, названо *Петровское* зимовье Россiйско-Американской Компанiи, послужившее основнымъ, опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствiй въ низовьяхъ Амура.»

«Гиляки [1] сообщили, что этою весною, еще до вскрытiя лимана, изъ Татарскаго залива подходило и стояло долгое время судно, мѣряя землю и море, и просили капитана Невельского, чтобы Русскiе защитили ихъ отъ своеволiя тѣхъ иностранцевъ. Они говорили: «земли Тунгусовъ наши и родовичей нашихъ Нейдальцевъ, Негра, Самогира, по берегамъ рр. Амура и Аргуни и другихъ живущихъ, однѣ и тѣ же; Тунгусовъ никто не обижаетъ и не трогаетъ, то и мы, Гиляки, желали бы, чтобы вы такъ сдѣлали, чтобы и мы были спокойны; чтобы насъ Манджуры не били и женъ не хватали, и чтобъ съ моря чужiе не насильничали и не обижали. Когда вы здѣсь, то насъ не тронутъ, мы вѣдь также не обижаемъ васъ и ничего у васъ не украли. Димитрiй (Орловъ) одинъ былъ здѣсь и съ нимъ было много товаровъ: мы товары хранили и ничего ему не сдѣлали.»

Когда Невельской объявилъ имъ съ своей стороны сомнѣнiе, что такъ же ли точно думаютъ о Русскихъ жители прочихъ селенiй, то они объявили ему, что у Гиляковъ умъ одинъ, и что всѣ они думаютъ о насъ не худо.

30-го iюня, наканунѣ отъѣзда капитана Невельского въ Аянъ,—куда онъ долженъ былъ съѣздить временно за потребными вещами,—до 60 Гиляковъ, пришедшихъ изъ разныхъ селенiй, собрались около нашего зимовья и спрашивали Невельского, куда и насколько дней онъ ѣдетъ отъ нихъ. Узнавъ, что онъ отправляется къ начальнику (дженги) на Аянъ, и что дней черезъ 10 или 12 опять къ нимъ вернется, они, перетолковавъ между собою, избрали двухъ представителей и просили Невельского взять ихъ съ собою къ дженги, которому они также заявятъ свою преданность и выберутъ какiе имъ нужно товары. Просьбу эту они убѣдительно повторяли, говоря: «вѣдь, ты видишь, что у насъ добрый умъ.»

Желанiе это, доказывавшее лестное къ намъ довѣрiе народа незнакомаго, а равно благонамѣренность и благоразумiе нашего съ нимъ обращенiя, удовлетворено было капитаномъ Невельскимъ тотчасъ же, и онъ, оставивъ въ землѣ Гиляковъ Орлова и снабдивъ его надлежащею инструкцiею, отправился съ двумя довѣренными изъ Гиляковъ: Позвейномъ и Падхинымъ въ Аянъ, гдѣ

---

[1] Архивъ князя М. С. Волконскаго. (Ненапечатанная записка П. В. Шумахера.)

представилъ ихъ исправлявшему должность Камчатскаго военнаго губернатора, капитану 1-го ранга Завойко, и находившемуся въ то время въ Аянѣ Камчатскому архіепископу Иннокентію.[1] При свиданіи съ ними, архіепископъ спросилъ ихъ прежде всего, по своей ли охотѣ и волѣ они пришли сюда къ намъ; они отвѣчали, что сами захотѣли побывать у насъ въ гостяхъ и видѣть юрты Дмитрія Ивановича (такъ называли они Орлова, произнося очень чисто); Иннокентій замѣтилъ, что, по всему судя, они очень не глупы, словоохотливы, веселы и въ обращеніи совершенно свободны, безъ малѣйшаго нарушенія приличія, и вообще очень довольны, что пришли къ намъ.

Предполагая весьма основательно, что иностранное судно подходило къ землѣ Гиляковъ раннею весною для того, вѣроятно, чтобъ узнать о времени и образѣ вскрытія лимана, что поэтому оно можетъ подойти и осенью, чтобы узнать состояніе и время его закрытія, и что, наконецъ, по собраніи этихъ свѣдѣній, оно можетъ прійти на будущій годъ тоже раннею весною, чтобы занять какой-либо пунктъ на Сахалинѣ или на матеромъ берегу близъ южнаго пролива, и можетъ даже пройти съ подобнымъ намѣреніемъ въ маѣ мѣсяцѣ въ рѣку свободно, занять и утвердиться въ ней на любомъ мѣстѣ прежде, чѣмъ какое-либо судно изъ портовъ нашихъ можетъ достигнуть этого пункта,—капитанъ Невельской призналъ полезнымъ оставить на зимовку въ заливѣ Счастія одно судно Охотской флотиліи.»

Объ этихъ дѣйствіяхъ Невельского, вотъ что сообщалъ Н. Н. Муравьевъ графу Л. А. Перовскому въ письмѣ своемъ, отъ 7-го августа, изъ Иркутска: «Получивъ съ нарочнымъ изъ Аяна различныя свѣдѣнія о дѣлахъ нашихъ на Амурѣ, я поспѣшаю препроводить къ вашему сіятельству письмо на ваше имя, отъ Невельского полученное; онъ, вѣроятно, доводитъ до вашего свѣдѣнія объ успѣхѣ нашихъ сношеній съ Гиляками и о новомъ проходѣ изъ Охотскаго моря въ лиманъ и устья Амура.

Гиляки просятъ нашего покровительства и защиты и усердно помогаютъ нашимъ строить Петровское зимовье въ заливѣ Счастія; кажется, тамъ же останется зимовать и одно изъ судовъ Охотской флотиліи. Но не отстаютъ отъ насъ и иностранцы: съ юга лимана нынче весною приходило судно, которое, по словамъ Гиляковъ, мѣряло воду и землю. Дѣлежъ этотъ намъ отнюдь не кстати, и, безъ сомнѣнія, надобно поспѣшить воспользоваться просьбою Гиляковъ; а если бросимъ ихъ на обиды китобоямъ и

---

[1] Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Манджурамъ, то они скоро найдутъ другихъ покровителей, и намъ такъ же придется распроститься съ устьемъ Амура, какъ 25 лѣтъ тому назадъ мы, по милости Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, распростились съ Калифорніею, съ тою лишь разницею, что Калифорнія отъ насъ далеко и другихъ послѣдствій за собою не влечетъ, а устье Амура повлечетъ много. Я доношу Государю о всѣхъ полученныхъ мною изъ Аяна свѣдѣніяхъ и о тѣхъ приготовленіяхъ, которыя я сдѣлалъ въ Охотскомъ морѣ на случай особыхъ мнѣ Высочайшихъ повелѣній въ Петербургѣ: туда же, вслѣдъ за мною, пріѣдутъ съ окончательными свѣдѣніями: съ устья Амура — Невельской, изъ Камчатки — Карсаковъ, и если только будетъ что̀ приказано, то оба они изъ Петербурга могутъ отправиться прямо опять къ Охотскому морю *для дѣйствій*. Это два драгоцѣнные чиновника: ихъ дѣятельность и способности изгладили 4 т. верстъ разстоянія между Иркутскомъ и Охотскимъ моремъ.

Конечно, и здѣсь надобно быть на все готовымъ, т. е. въ Нерчинскѣ и въ Забайкальскомъ краѣ вообще; не знаю, до какой степени пріѣздъ мой въ Петербургъ подвинетъ эти дѣла, но еслибъ Государь изволилъ знать всю чистоту и безкорыстіе моихъ намѣреній, предположеній и дѣйствій по восточнымъ оконечностямъ великой Его Имперіи, то, можетъ быть, и предпочелъ бы доставляемыя мною свѣдѣнія всему тому, что̀ противъ этого могутъ Ему представлять изъ разныхъ вѣдомствъ; а послѣдствія доказали бы (какъ во многомъ уже и доказали), что предположенія мои проистекаютъ не изъ пылкости моего воображенія, но прямо изъ существа дѣла, объясняемаго лишь мною болѣе и правдивѣе другихъ, потому что при молодости и нѣкоторой дѣятельности я больше могъ видѣть, чѣмъ мои предмѣстники, а по безпредѣльной моей преданности Государю и отечеству, я рѣшительно никакихъ другихъ видовъ не имѣю, кромѣ пользы службы ихъ. Всякая личность и всѣ внутренно-дипломатическія соображенія всегда были чужды моимъ понятіямъ, но ошибочно будутъ думать, что мнѣ незнакомы внѣшне-политическія отношенія Россіи, по крайней мѣрѣ, во ввѣренномъ мнѣ краѣ, а оказываемое мнѣ въ этомъ отношеніи недовѣріе, конечно, не можетъ меня глубоко не трогать; опять однакожъ не въ отношеніи ко мнѣ лично, но къ существу дѣла, мало извѣстнаго и даже скрываемаго.»

Въ письмѣ же отъ 24-го августа, Н. Н. Муравьевъ извѣщалъ графа Перовскаго о слѣдующемъ: «Торги на откупа въ Иркутскѣ не состоялись, какъ и ожидать должно было по всѣмъ тѣмъ причинамъ, которыя изложены были мною въ представленіи моемъ г. министру финансовъ, отъ 8-го мая сего года. Не буду затруд-

нять ваше сіятельство изложеніемъ другихъ еще причинъ, которыя парализировали всѣ мои усиленныя убѣжденія нѣкоторымъ лицамъ, здѣсь на лицо находившимся: но скажу только вообще, что, если еще возможно соединить пользу народную съ интересами казны, то только тогда, когда не вмѣшаются въ это дѣло интересы сильныхъ и богатыхъ частныхъ лицъ.

Всѣ бумаги къ Вроченко отправляю я съ нарочнымъ, адъютантомъ моимъ Мазаровичемъ, [1] который будетъ имѣть честь представить и это письмо вамъ. Самъ я выѣзжаю отсюда на будущей недѣлѣ, но въ Петербургъ пріѣду не ранѣе, какъ черезъ три недѣли послѣ него, ибо по пути я долженъ остановиться въ Красноярскѣ, въ Омскѣ и въ Екатеринбургѣ; Мазаровичу же приказалъ возвратиться ко мнѣ на встрѣчу въ Москву, а потому, если угодно будетъ вамъ что-либо мнѣ приказать, то онъ исполнитъ ваше порученіе въ Москвѣ.

Съ бывшимъ приставомъ Пекинской нашей миссіи, полковникомъ Ковалевскимъ, я познакомился при проѣздѣ его черезъ Иркутскъ въ Петербургъ. Какъ мнѣ кажется, онъ находится подъ вліяніемъ какого-то предубѣжденія, внушеннаго ему въ Петербургѣ еще передъ отъѣздомъ его въ прошломъ году, и еслибъ это относилось только лично ко мнѣ, то меня бы это нисколько не озаботило; но изъ всѣхъ его разговоровъ я замѣчаю, что онъ будетъ докладывать въ Петербургѣ, что Англичане никакого вліянія въ Китаѣ не имѣютъ, и что даже торговля ихъ тамъ упадаетъ. Понятно, что подобное свѣдѣніе будетъ пріятно для тѣхъ, кто допустилъ Англичанъ безпрепятственно въ Китай: но оно рѣшительно противно всему тому, что̀ мы знаемъ и даже ощущаемъ, и самому здравому разуму: а между тѣмъ кто-жъ провѣритъ слова Ковалевскаго въ Пекинѣ.

Мысли о бездѣйствіи и малозначеніи Англичанъ въ Китаѣ внушаемы были и прежде, потому-то я особенно боюсь, чтобъ онѣ не утвердились: ибо поздно будетъ принимать мѣры, когда мы уже увидимъ дѣйствія Англичанъ съ этой стороны.»

«Между тѣмъ капитанъ Невельской, имѣя намѣреніе занять пунктъ на самомъ берегу Амура, какъ для ознакомленія съ жителями, такъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія самой рѣки, плавалъ на вельботѣ верстъ на 100 вверхъ по Амуру, и въ 25-ти верстахъ отъ устья, 6-го августа, въ день Преображенія Господня, онъ впервые поднялъ на свободныхъ берегахъ Амура *Русскій военный флагъ*, при крикахъ «ура!» бывшихъ съ нимъ матросовъ, и объ-

[1] Иванъ Семеновичъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ.

явилъ притомъ Гилякамъ сосѣдней деревни Куэгды, что отнынѣ они поступаютъ подъ Русскую защиту и покровительство. Такъ совершилось первое занятіе Русскими устья Амура. Оставивъ здѣсь *постъ* изъ 5 человѣкъ своихъ гребцовъ, капитанъ Невельской назвалъ его *Николаевскимъ*.» [1]

По исполненіи сего порученія, капитанъ Невельской отправился обратно въ Иркутскъ, для личнаго доклада генералъ-губернатору Муравьеву, гдѣ съѣхался вмѣстѣ съ капитаномъ Карсаковымъ, также окончившимъ свое порученіе. По прибытіи ихъ въ Иркутскъ, они уже не застали тамъ Муравьева: онъ выѣхалъ въ Петербургъ; но, по оставленному имъ распоряженію, какъ Невельской, такъ и Карсаковъ должны были немедленно отправиться туда же курьерами съ своими донесеніями.—

[1] Д. Романовъ, Русское слово, 1859 г., стр. 118.

XXXII.

Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ.— Пріѣздъ туда же Невельского и Карсакова. — Аудіенція Муравьева у Государя. — Гиляцкій комитетъ и его послѣдствія.— Вторичный Гиляцкій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника, и рѣшеніе комитета.— Выѣздъ Невельского и Карсакова изъ С.-Петербурга.— Борьба по вопросу объ устройствѣ продажи вина въ Восточной Сибири.— Пренія объ обращеніи приписныхъ крестьянъ Нерчинскихъ заводовъ въ казаки.— Политическія отношенія наши къ Китаю.— Выѣздъ Муравьева изъ С.-Петербурга.

1850—1851 г.

Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Петербургъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и остановился въ гостинницѣ Hôtel Napoleon Bocquin, на Малой Морской. Много работы предстояло ему здѣсь. Съ твердостью взялся онъ за борьбу, которая во всякомъ случаѣ была ему легче въ Петербургѣ, лицомъ къ лицу съ противниками, чѣмъ изъ-за шести тысячъ верстъ. Вскорѣ за нимъ прибыли Невельской и Карсаковъ съ своими донесеніями. Разсмотрѣвъ дѣйствія и предположенія Невельского, Н. Н. Муравьевъ исходатайствовалъ себѣ по этому случаю докладъ у Государя въ Царскомъ Селѣ. Государь, изволивъ со вниманіемъ выслушать словесныя изложенія Муравьева о дѣйствіяхъ Невельского на Амурѣ, о свѣдѣніяхъ, собранныхъ имъ о независимости обитающихъ на устьяхъ Амура Гиляковъ, объ основаніи тамъ Николаевскаго поста и проч.,—остался всѣмъ этимъ доволенъ и приказалъ Муравьеву представить Ему о всѣхъ предположеніяхъ на Амурѣ особую записку, которая была немедленно составлена и доложена Государю 20-го ноября, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія, при чемъ было сказано, что Невельской поставилъ на Амурѣ *флагъ и пушку*. [1]

---

[1] Вскорѣ послѣ этого представленія, Н. Н. Муравьевъ удостоился получить двѣ Высочайшія награды: 6-го декабря онъ пожалованъ былъ орденомъ при слѣдующей грамотѣ:

«Вслѣдствіе этой записки [1] и личнаго доклада назначенъ былъ Гиляцкій комитетъ, въ которомъ участвовали: графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, князь Меншиковъ, графъ Перовскій, графъ Бергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и самъ Муравьевъ.

Въ комитетѣ этомъ господствующею мыслью графа Нессельроде было не допускать занятія *устья Амура;* заливъ Счастія совершенно его удовлетворялъ, соотвѣтствуя его видамъ, такъ какъ устье Амура оставалось свободнымъ. Графъ Нессельроде находилъ, что возводить постройки въ Гиляцкой землѣ опасно и рановременно. Касательно же пункта, занятаго на Амурѣ, онъ полагалъ, что торжественное занятіе это не можетъ не встревожить Китайцевъ, и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому предмету вопросовъ и жалобъ отъ Китайскаго правительства, «чѣмъ избѣгнемъ *крайней опасности* (!)...» Кто можетъ поручиться,—заявлялъ осѣдѣлый дипломатъ, что Китайцы не придутъ туда въ значительной силѣ, не вытѣснятъ горсть нашихъ людей, не разорятъ въ глазахъ Гиляковъ наши постройки и не попрутъ *самаго флага?* Все это, по словамъ его, произведетъ вреднѣйшее для насъ вліяніе на Гиляковъ, нежели добровольное оставленіе нами порта. Итакъ, для сохраненія чести и достоинства нашего правительства, гораздо лучше, говорилъ онъ, теперь же удалиться оттуда, нежели продолжать занимать этотъ пунктъ на Амурѣ въ ожиданіи, что̀ напишетъ Китайское правительство.

Н. Н. Муравьевъ доказывалъ необходимость этого занятія, для того чтобы предупредить иностранцевъ, которые могли занять это пустынное мѣсто.

Въ особенности были противъ занятія устья Амура, послѣ графа Нессельроде, Сенявинъ и князь Чернышевъ. Послѣдній имѣлъ даже неосторожность обратиться къ Н. Н. Муравьеву съ упрекомъ, сказавъ ему: «*вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ!*» Говоря это, онъ, конечно, и не воображалъ, что слова его будутъ пророчествомъ....

Засѣданіе кончилось безъ всякаго опредѣленнаго заключенія: но графъ Перовскій, уходя вмѣстѣ съ Н. Н. Муравьевымъ, ска-

---

«Въ ознаменованіе особеннаго Нашего къ вамъ благоволенія за неутомимую дѣятельность и полезные труды при исполненіи важныхъ и многосложныхъ обязанностей вашихъ, по управленію обширнымъ краемъ Восточной Сибири, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны первой степени, желая вознаградить симъ отлично-усердную вашу службу, постоянно обращающую на васъ Монаршее вниманіе Наше.» Затѣмъ 31-го декабря онъ получилъ св. Георгія четвертой степени.

[1] Н. В. Шумахеръ. Русскій Архивъ. 1878 г., кн. II, стр. 262—264.

залъ ему, что постановленіе, вѣроятно, будетъ неблагопріятно для занятія Амура. Такъ и случилось. Черезъ нѣсколько дней прислали Н. Н. Муравьеву подписать журналъ, который прежде ужъ былъ подписанъ всѣми членами, исключая Сенявина. Въ журналѣ этомъ доказывалось неудобство занятія устья Амура, выражены опасенія о разрывѣ съ Манчжурами, и въ заключеніе сказано было, что *«призванный въ засѣданіе, генералъ-губернаторъ Муравьевъ согласился съ этимъ мнѣніемъ»*. Курьеръ, привезшій протоколъ для подписи къ генералу Муравьеву, объявилъ ему отъ имени графа Нессельроде, что его просятъ только подписать и требуютъ немедленно журналъ возвратить. Это было вечеромъ; у Муравьева были гости. Онъ не рѣшился исполнить этого настоятельнаго требованія графа Нессельроде и, предложивъ курьеру стаканъ чаю, поспѣшилъ написать особое свое мнѣніе, покуда тотъ пилъ чай, такъ что, не задерживая курьера, онъ однакожъ въ весьма краткихъ, но сдержанныхъ выраженіяхъ, заявилъ рѣшительное свое несогласіе на содержаніе этого протокола.

Князь Чернышевъ былъ страшно недоволенъ и выразилъ даже это неудовольствіе Н. Н. Муравьеву на другой день въ Комитетѣ министровъ, но тѣмъ не менѣе журналъ съ мнѣніемъ Муравьева былъ доложенъ Государю, и онъ велѣлъ собраться комитету вновь, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Александра Николаевича и изъ всѣхъ прежнихъ членовъ.

Государь Наслѣдникъ, прежде назначенія засѣданія, призвалъ генералъ-губернатора Муравьева и взялъ отъ него пояснительную записку по всему этому дѣлу; а въ засѣданіи, которое состоялось 19-го января 1851 года, рѣшительнымъ своимъ мнѣніемъ въ пользу занятія устья Амура, убѣдилъ нѣкоторую часть членовъ; но графъ Нессельроде, князь Чернышевъ, Сенявинъ и Врonченко остались при прежнемъ своемъ мнѣніи. Тѣмъ не менѣе Государь, прочитавъ это новое постановленіе, повелѣлъ военный постъ, постановленный капитаномъ Невельскимъ на устьѣ Амура, оставить тамъ и еще усилить содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время. Постъ этотъ долженъ былъ быть въ видѣ лавки Россійско-Американской Компаніи; затѣмъ постановлено продолжать дальнѣйшія дѣйствія черезъ эту же Компанію, въ указанныхъ видахъ на Гиляковъ.

Такъ рѣшено было, послѣ немалыхъ затрудненій и борьбы, занятіе нами устья Амура. Брандвахту на Амурѣ, какъ рѣкѣ намъ не принадлежащей, учреждать нашли излишнимъ. Такимъ образомъ городъ Николаевскъ, при самомъ зарожденіи своемъ, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ уничтоженія протесту Муравьева и высо-

кому покровительству въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Съ Китайскимъ правительствомъ положено было снестись обычнымъ порядкомъ, съ приглашеніемъ войти съ нами въ объясненія касательно обезпеченія устьевъ Амура отъ всякихъ покушеній иностранныхъ державъ, предоставивъ въ то же время Россійско-Американской Компаніи и нашему крейсеру, въ случаѣ появленія близъ устья Амура иностранныхъ судовъ и обнаруженія ими намѣренія занять какой-либо тамъ пунктъ, дѣлать имъ объявленіе, что, безъ согласія Россійскаго и Китайскаго правительствъ, никакія распоряженія въ тѣхъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы, и что послѣдствія такихъ самовольныхъ поступковъ могутъ пасть на ихъ отвѣтственность. 5-го февраля былъ посланъ о семъ листъ отъ нашего Сената въ Китайскій Трибуналъ внѣшнихъ сношеній.»

Вскорѣ послѣ этого комитета были отправлены изъ Петербурга Невельской и Карсаковъ. Снова пришлось имъ ѣхать вмѣстѣ до Якутска, такъ какъ послѣднему было поручено въ теченіе лѣта 1851 года избрать мѣста поселенія для вновь устраиваемаго Якутско-Аянскаго тракта.

«Затѣмъ первымъ дѣломъ,[1] подлежавшимъ немедленному разрѣшенію, былъ вопросъ объ устройствѣ продажи вина въ губерніяхъ и областяхъ Восточной Сибири. Отъ разныхъ лицъ были поданы министру финансовъ проекты объ устройствѣ этого дѣла; даже прежніе откупщики, дѣйствія которыхъ Муравьевъ признавалъ положительно вредными для края, позволили себѣ сдѣлать еще разъ попытку, чтобы остаться тамъ при этомъ дѣлѣ. Со всѣхъ сторонъ были пущены въ ходъ происки съ протекціею высокаго и высочайшаго давленія. Муравьевъ стоялъ твердо, но одинъ. Министръ финансовъ отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность, какъ по краткости времени, такъ и по новости дѣла, послѣдствія котораго онъ отказывался предусмотрѣть, и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ Государю, который повелѣлъ представленный Муравьевымъ проектъ разсмотрѣть въ Комитетѣ министровъ, въ присутствіи генералъ-губернатора Восточной Сибири. Новости, за введеніе которыхъ графъ Врончепко не считалъ возможнымъ принять на себя отвѣтственность состояли въ томъ во первыхъ, что Муравьевъ, во избѣжаніе злоупотребленій при продажѣ полугарнаго вина, не допускалъ раздѣленія онаго на обыкновенное и улучшенное, и во вторыхъ, что онъ предпо-

---

[1] Б. В. Струве. Русскій Вѣстникъ. 1888 г., іюнь, стр. 108—109.

лагалъ допустить, по выпускѣ вина изъ магазиновъ контрагента, *свободную* продажу онаго, со взносомъ патентнаго сбора, въ назначенныхъ мѣстахъ и заведеніяхъ, но не иначе, какъ на вынос и притомъ въ запечатанной посудѣ. Мѣра эта должна была быть особенно полезна тѣмъ, что откроетъ соперничество въ продажѣ вина и поведетъ къ уменьшенію числа тѣхъ мѣстъ, гдѣ производится распивочная продажа, чего надо было желать, по убѣжденію Муравьева. Этотъ взглядъ Муравьева на вопросъ о продажѣ хлѣбнаго вина въ Россіи, проведенный черезъ высшее правительственное учрежденіе, является основаніемъ всѣхъ преобразованій по этой части законодательства впослѣдствіи времени. Комитетъ министровъ призналъ объясненіе Муравьева во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяющимъ, и вслѣдствіе этого состоялось наконецъ положеніе, удостоившееся Высочайшаго утвержденія.»

Скажемъ теперь нѣсколько подробно о важномъ дѣлѣ, предпринятомъ Н. Н. Муравьевымъ, которое также рѣшилось въ бытность его въ Петербургѣ,—*объ обращеніи приписныхъ крестьянъ Нерчинскихъ заводовъ въ казаки.*

«Съ 1848 года,[1] т. е. съ самаго начала прибытія въ Восточную Сибирь генерала Муравьева, приготовлялись и придумывались имъ соединенія сколько возможно бо̀льшихъ военныхъ силъ въ Забайкальской области и при верховьяхъ Амура. На всемъ огромномъ пространствѣ Восточной Сибири, въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской, было всего 4 линейныхъ баталіона. Генералъ Муравьевъ представилъ о сформированіи двухъ батарей полевой артиллеріи, такъ какъ тогда тамъ не было ни одного подвижного орудія.

Н. Н. Муравьевъ полагалъ, что сообразное съ мѣстностію и обстоятельствами образованіе пограничнаго казачьяго войска должно было необходимо воспослѣдовать для порядка, не входя даже въ разсужденіе о будущихъ видахъ на Забайкальскій край и присоединеніе Амура. Сомнѣнія выраженныя въ Петербургѣ, будто бы это могло встревожить Китайское правительство, были до того сильны и упорны, что генералу Муравьеву большого стоило труда бороться съ ними. Онъ, между прочими доводами, указывалъ на то военное образованіе, которое введено было между пограничными казаками генераломъ Броневскимъ и поддерживаемо генераломъ Рупертомъ: всѣ пограничные казачьи караулы получили при нихъ военную одежду и вооруженіе, равно какъ и командующіе частями чиновники, такъ что Китайцы давно при-

[1] Статья П. В. Шумахера. Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

выкли видѣть по границѣ и въ Кяхтѣ штабъ и оберъ-офицерскія эполеты на приставахъ и сотенныхъ командирахъ и строевыя ученья казаковъ посылаемыми отъ генералъ-губернатора адъютантами. Самый пограничный начальникъ нашъ въ Кяхтѣ всегда именовался Китайцами *маіоромъ*, и не иначе ѣздилъ въ Маймачинъ, какъ въ сопровожденіи военнаго конвоя.

Графъ Нессельроде продолжалъ упирать на то, что Китайцевъ встревожатъ перемѣны въ пограничныхъ нашихъ учрежденіяхъ, чинахъ и даже въ формеиности сношеній съ ними. Муравьевъ доказывалъ, что Китайцы слишкомъ благоразумны и основательны, чтобъ эти мелочи могли ихъ тревожить; онъ убѣждалъ, что усиленіе подвижныхъ военныхъ средствъ нашихъ въ Забайкальскомъ краѣ, если бы тогда и было замѣчено Китайцами, то скорѣе могло дать имъ надежду на всегда ожидаемую ими помощь отъ насъ, чѣмъ наводить сомнѣніе объ измѣненіи дружескихъ нашихъ къ нимъ отношеній.

Муравьевъ не соглашался на построеніе крѣпостей, о чемъ такъ сильно хлопотали его предмѣстники. Онъ доказывалъ, что Забайкальскій край, имѣя 2000 верстъ границы съ Китайскою имперіею, силою самихъ обстоятельствъ *будетъ ея имѣть гораздо болѣе,* и еслибъ по неблагопріятнымъ условіямъ распространеніе границъ этого края [1] сдѣлалось для насъ невозможнымъ, то вооруженіе Забайкалья должно было быть еще необходимѣе.

Не могъ также согласиться Муравьевъ съ мнѣніями о необходимости формированія новыхъ регулярныхъ войскъ для Восточной Сибири вообще и для Забайкальскаго края въ особенности, ибо мѣра эта была бы обременительною и для государства и для казны; тогда какъ она гораздо удобнѣе могла быть замѣнена мѣстными средствами.

Видя сильную оппозицію, Муравьевъ перемѣнилъ тактику и согласился съ опасеніями, что Китайская имперія, движимая чуждымъ ей элементомъ, можетъ и потревожить насъ; имѣя же въ виду неуклонное намѣреніе руководить ея политикой, еще болѣе давалъ значенія Забайкальскому краю, гдѣ у насъ 2000 верстъ границы съ Китаемъ вездѣ удобопроходимой; откуда шли два главные пути въ середину Китайской имперіи, т. е. чрезъ Кяхту и Цурухайтуй, и гдѣ главное — судоходныя вершины рѣки Амура, подъ названіемъ рѣкъ Онона и Шилки, представляющія свободное плаваніе внизъ отъ г. Нерчинска для пароходовъ даже большого размѣра. Все это было поставлено на видъ, какъ

---

[1] Разумѣя въ распространеніи этомъ пріобрѣтеніе Амура.

побужденіе дать военнымъ средствамъ Забайкалья тотъ видъ и образованіе, которые, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, могли бы быть ему свойственны и въ государственномъ отношеніи необходимы.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Муравьевъ, обративъ безпристрастное хозяйственное вниманіе на мѣстныя средства, положилъ образовать *Забайкальское казачье войско*, въ составъ котораго включить 1) все пограничное казачье войско, 2) Забайкальскій городовой казачій полкъ, 3) всѣ инородческіе, Тунгусскіе и Бурятскіе полки, 4) всѣхъ станичныхъ казаковъ Забайкальскаго края и 5) *всѣхъ крестьянъ горнаго вѣдомства Нерчинскаго округа.*

Изъ первыхъ четырехъ разрядовъ генералъ Муравьевъ полагалъ составить конную часть Забайкальскаго войска; пятый же разрядъ, т. е. крестьяне горнаго вѣдомства, должны были быть обращены въ пѣхоту. Сихъ послѣднихъ на лицо было слишкомъ 25 т. душъ мужескаго пола, представлявшихъ возможность сформировать 12 поселенныхъ казачьихъ баталіоновъ, комплектныхъ (т. е. по 1000 человѣкъ), для защиты края, и которые, въ случаѣ дѣйствій за предѣлами онаго, могли бы безъ особеннаго обремененія войти туда въ половинномъ составѣ, т. е. по 500 человѣкъ каждый. Муравьевъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ благодѣтельномъ вліяніи, которое полагаемая имъ мѣра перемѣны состоянія произведетъ на бытъ и нравственное положеніе 50 т. душъ обоего пола, находившихся тогда въ *горномъ вѣдомствѣ и управленіи.* [1]

И дѣйствительно, положеніе крестьянъ Нерчинскаго горнаго вѣдомства было болѣе чѣмъ тягостно. Платя подати и оброки по 3 руб. 15 коп. съ души, они имѣли сверхъ того обязанностію перевозить руду и доставлять дрова и уголь на сереброплавильные заводы, за что и получали по горнымъ смѣтамъ плату, изъ которой приходилось на каждую душу въ годъ отъ 1 руб. до 1 руб. 40 коп., т. е. плату значительно меньшую, чѣмъ обходилась имъ на самомъ дѣлѣ эта тяжелая повинность, доходившая до 12 руб. сер. въ годъ.

Не говоря уже о системѣ управленія этими крестьянами, при которой не могло быть и мысли о какой бы то ни было основѣ для развитія гражданственности этихъ людей, о сохраненіи

---

[1] Горное Правленіе, находившееся въ г. Нерчинскѣ, завѣдывало всѣми горными заводами Забайкальской области. Предсѣдатель Правленія, горный начальникъ, пользовался правами губернатора въ Забайкальскомъ краѣ.

неприкосновенными даже тѣхъ правъ, которыя даны имъ были законами,—довольно упомянуть еще объ одной повинности, лежавшей на этомъ населеніи, по имени *общей для всего государства*, но фактически *совершенно исключительной* и дѣлавшей положеніе горнозаводскихъ крестьянъ *невыносимымъ*. Такою была для нихъ рекрутская повинность. Особенность ея заключалась въ томъ, что рекруты изъ горнозаводскихъ крестьянъ поступали не въ военное вѣдомство, а въ горнозаводскіе же рабочіе, которыхъ обязанности и работы были *одинаковыя съ ссыльно-каторжными*. Положеніе ихъ во время работъ въ горнозаводской зависимости, при ничтожной платѣ за трудъ, было до такой степени тяжело, что положительно можно сказать—ни одно сословіе въ имперіи не испытывало ничего подобнаго. Самые преступники, ссыльно-каторжные, были болѣе свободны, и работы ихъ легче той, которую несли заводскіе рабочіе честнаго имени. Самый большой срокъ работы для ссыльно-каторжнаго назначался въ 20 лѣтъ; пробывъ его, ссыльный поступалъ въ посленцы, т е. становился свободнымъ и за себя и за дѣтей, которыя поступали въ крестьяне. Горные же служители, люди честнаго имени, ни въ чемъ невиновные, находясь въ заводской зависимости, несли съ двѣнадцатилѣтняго возраста работу наравнѣ съ каторжными, но не 20, а 35 или 40 и болѣе лѣтъ, имѣвши въ году только 25 дней свободныхъ для своихъ домашнихъ потребностей. Дѣти же ихъ и внуки должны были оставаться въ этомъ положеніи съ отцами и дѣдами своими, и несли тоже эту службу 35 лѣтъ, не имѣя въ виду ни свободы, ни облегченія, ни надежды на освобожденіе. За всѣ эти работы и лишенія, горный служитель получалъ деньгами и хлѣбомъ менѣе 2 руб. въ мѣсяцъ, которыхъ не доставало на жизнь, и онъ входилъ въ неоплатные долги казенные и частные. И вотъ въ какомъ состояніи, населеніе Нерчинскихъ заводскихъ крестьянъ должно было давать изъ среды своей съ потомствомъ навсегда по 5 человѣкъ съ тысячи каждые два года, т. е. среднимъ числомъ по 125 человѣкъ. А потому не удивительно, что въ лѣтописяхъ заводскихъ не рѣдки были случаи преднамѣренныхъ уголовныхъ преступленій, совершонныхъ горнозаводскими служителями единственно съ цѣлью попасть на каторгу, слѣдовательно на срочную работу, изъ которой предвидѣлся исходъ для преступника лично—поселенческое званіе, а для потомства его—свободное крестьянское состояніе.»

Наконецъ, послѣ долгихъ преній, къ большой радости Муравьева, Государь соизволилъ утвердить журналъ особаго по сему случаю комитета 27-го апрѣля 1851 года объ обращеніи при-

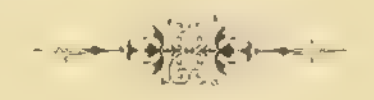
писныхъ крестьянъ Нерчинскихъ заводовъ въ казаки, а 21-го іюня того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе по этому предмету, и утверждено было Государемъ положеніе о пѣшихъ баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Формируя казачье войско, Муравьевъ указывалъ и на тогдашнія политическія отношенія наши къ сопредѣльному Китаю, европейское вліяніе на который стало въ то время уже развиваться, и какъ онъ предвидѣлъ, вскорѣ развилось до угрожающихъ намъ размѣровъ; а съ другой стороны — на виды наши относительно пріобрѣтенія Амура, которые могли не только парализироваться означеннымъ вліяніемъ, но даже быть имъ совершенно подавленными. Въ такомъ положеніи отношеній нашихъ къ Китаю, оставалось одно только средство поддержать необходимое для Азіатской Россіи вліяніе надъ Китаемъ тѣмъ, чтобы показать слабымъ и боязливымъ сосѣдямъ нашимъ уважительныя военныя силы и для помощи имъ, и для страха.

Въ то самое время начинали уже оправдываться слухи о предпріятіяхъ Англичанъ, которые, для обладанія торговлею въ Китаѣ, имѣли виды на устье рѣки Амура. Если бы Амуръ не былъ единственною рѣкою, текущею изъ Сибири въ Восточный океанъ, то на предпріятія эти можно было бы смотрѣть равнодушно; но плаваніе по Амуру, какъ по единственному удобному пути къ Востоку, имѣло для Россіи ту еще политическую важность, что вопросъ заключался въ томъ: кто будетъ владѣть устьями Амура, тотъ будетъ владѣть и Сибирью, по крайней мѣрѣ до Байкала. Затѣмъ, пріобрѣтеніе Амурской страны имѣло не малое значеніе и *въ вопросѣ объ участіи нашемъ во всемірныхъ интересахъ на Восточномъ океанѣ*, вступившихъ въ то время въ эпоху замѣчательнаго развитія.

А потому Амурскій вопросъ состоялъ первоначально въ обезпеченіи нашего юговосточнаго прибрежья, для чего необходима была постановка на устьяхъ Амура русскаго знамени хотя съ небольшою военною защитою, а потомъ — въ занятіи лѣваго берега рѣки на всемъ ея протяженіи вооруженнымъ казачьимъ заселеніемъ.

Достигнувъ утвержденія давно желаемаго проекта объ обращеніи приписныхъ крестьянъ Нерчинскихъ заводовъ въ казаки, Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Иркутскъ.

XXXIII.

Прибытіе Муравьева въ Иркутскъ.—Результатъ его пребыванія въ Петербургѣ. Основаніе Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.—Объѣздъ Забайкальской области Муравьевымъ. Рескриптъ Его Высочества. Письма Муравьева къ графу Перовскому.

—

1851 г.

—

12-го августа 1851 года Н. Н. Муравьевъ вернулся въ Иркутскъ. «Результатъ его почти восьмимѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ былъ самый блистательный, какъ по существу разрѣшенныхъ дѣлъ, такъ и по краткости времени, въ теченіе котораго удалось провести черезъ министерства и высшія законодательныя инстанціи всѣ тѣ преобразованія, которыми обусловливалось дальнѣйшее развитіе обширнаго края, имъ управляемаго. Твердая воля Государя проявилась тутъ во всей своей силѣ: Онъ повелѣлъ, *«чтобы Муравьевъ, по поводу разсмотрѣнія его предположеній, не былъ задержанъ въ Петербургѣ долѣе, чѣмъ нужно»*, и никакой антагонизмъ въ высшей сферѣ правительственныхъ лицъ и учрежденій, никакія усилія бюрократіи не были въ состояніи затормозить ходъ дѣлъ Сибирскаго преобразованія, потому что Государь хотѣлъ его двинуть впередъ. Состоялось и Высочайше было утверждено положеніе о Забайкальскомъ казачьемъ войскѣ на тѣхъ основаніяхъ и въ томъ видѣ, какъ Муравьевъ ходатайствовалъ; области Забайкальская и Якутская были отдѣлены отъ управленія Иркутскою губерніею, и мѣстное управленіе этими областями, на правахъ самостоятельнаго губернскаго, должно было внести новую жизнь въ эти забытыя окраины; учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства открыло возможность бли-

жайшихъ сношеній съ китайскими властями, чтобы болѣе внушительно показать имъ цѣль нашихъ стремленій на Востокѣ и вселить въ нихъ довѣріе къ нашей силѣ; затѣмъ открытіе *Сибирскаго* отдѣла Императорскаго Географическаго Общества въ Иркутскѣ доказало, какъ это Общество понимало свое географическое призваніе, какъ оно должно быть не только географическимъ, но именно *русскимъ* обществомъ, не просто лишь ученое общество, а общество *учено-патріотическое*. Оно признало важнѣйшимъ событіемъ 1851 года, въ отношеніе своей дѣятельности, учрежденіе Сибирскаго отдѣла подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Открывая дѣйствія Сибирскаго отдѣла, Муравьевъ прекрасно очертилъ предстоявшую этому отдѣлу дѣятельность, обращаясь къ только-что избраннымъ новымъ членамъ общества: «Три вѣка тому назадъ,—говорилъ Николай Николаевичъ,—достославные наши предки завоевали Сибирь въ вѣчное достояніе Россіи, не многочисленностью дружинъ своихъ, но твердостью въ своихъ начинаніяхъ, постоянною ревностью къ дѣлу и стремленіемъ заслужить похвалу Царя и отечества. Такъ предстоитъ нынѣ нашему отдѣлу пріобрѣсть страну эту для Россіи въ ученомъ отношеніи, не многочисленностью ученой нашей дружины, но постоянными трудами и ревностнымъ стремленіемъ исполнить Высочайшую волю и оправдать довѣріе Августѣйшаго предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича.» [1]

Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Иркутскъ, Муравьевъ предпринялъ объѣздъ вновь образуемой Забайкальской области и обозрѣніе станицъ, имѣющихъ войти въ Забайкальскія казачьи войска въ новомъ ихъ составѣ. Цѣлью Муравьева было лично убѣдиться въ дѣятельности Забайкальскаго областного управленія, только-что учрежденнаго, въ осмотрѣ вновь сформированныхъ казачьихъ войскъ, въ провѣркѣ дѣйствій мѣстной администраціи на золотыхъ промыслахъ Карѣ и Шахтамѣ; а главнымъ образомъ онъ желалъ на мѣстѣ сообразить средства для задуманной экспедиціи на Амуръ. Во время этого объѣзда, бывшимъ горнозаводскимъ крестьянамъ объявляли освобожденіе ихъ отъ тяжелаго крѣпостного положенія. Все населеніе Нерчинскаго горнаго округа съ неподдѣльнымъ восторгомъ встрѣчало виновника своего освобожденія отъ горнозаводскихъ работъ и повинностей: съ чувствомъ глубокой благодарности Государю въ различныхъ мѣстахъ были отправляемы крестьянами молебствія. Эта благодѣтельная мѣра, конечно, возстановила угнетенное народонаселеніе. Обо всемъ этомъ Муравьевъ донесъ во

---

[1] Б. В. Струве. Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 114—116.

всей подробности Государю и въ то же время писалъ частно вновь назначенному военному министру князю Василію Андреевичу Долгорукому, который не замедлилъ увѣдомить Муравьева, что полученныя извѣщенія были *«весьма пріятны Его Величеству»*. Эти слова имѣли тѣмъ большее значеніе, что невѣжество и заблужденіе многихъ, какъ писалъ генералъ-маіоръ (нынѣ генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта) А. И. Веригинъ, не переставали преслѣдовать Муравьева упреками за образованіе Забайкальскаго атаманства и отдѣльнаго областного управленія и за переводъ линейныхъ баталіоновъ въ Забайкалье. Въ подкрѣпленіе своей агитаціи противъ Муравьева злые языки, болѣе чѣмъ за десять тысячъ верстъ отъ мѣстъ, о которыхъ они повѣствовали, распускали нелѣпые, но упорно повторяемые слухи, будто Китайцы выставили 100 т. войска на границѣ и заперли входъ въ Маймачинъ, вслѣдствіе посланной Муравьевымъ экспедиціи для изслѣдованія береговъ Амура; и выражали опасеніе, что Китайцамъ не понравится учрежденіе Кяхтинскаго градоначальства, и что Ургинскіе правители, можетъ быть, даже не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто Иркутскаго губернатора. Всѣ эти слухи были плодомъ празднаго воображенія и злорадства по отношенію къ Муравьеву.

Вернувшись послѣ объѣзда Забайкальской области въ Иркутскъ, Муравьевъ удостоился получить отъ Великаго Князя Константина Николаевича слѣдующій милостивый рескриптъ,[1] отъ 2-го октября 1851 года: «Полагая, что вамъ пріятно узнать о ходѣ работъ, имѣющихъ цѣлью устройство и улучшеніе нашихъ морскихъ силъ, посылаю вамъ экземпляръ проектовъ III и IV раздѣла морского устава, составленныхъ особымъ комитетомъ подъ моимъ предсѣдательствомъ и разосланныхъ гг. адмираламъ и командирамъ судовъ для разсмотрѣнія. Въ половинѣ сего мѣсяца я отправляюсь, по требованію врачей, на всю зиму въ Венецію, гдѣ намѣренъ продолжать составленіе морского устава, на основаніи собранныхъ уже матеріаловъ. Мнѣ было бы особенно пріятно получать по временамъ, на берегахъ Адріатическаго моря, извѣстія о трудахъ вашихъ на пользу обширнаго края, ввѣреннаго вашему управленію. Всякое извѣстіе о томъ, что̀ дѣлается для блага Россіи утѣшительно для Русскаго, а тѣмъ болѣе вдали отъ отечества. Съ удовольствіемъ вспоминая ваши любопытные разсказы о дѣлахъ Восточной Сибири, и въ особенности объ

[1] Сообщено князю М. С. Волконскому статсъ-секретаремъ Головнинымъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

экспедиціи Невельского, дѣйствіяхъ Завойко и проч., я прошу васъ продолжать иногда эти сообщенія на письмѣ съ тою же откровенностью, которая была въ устной бесѣдѣ.»

Съ этого времени, какъ мы увидимъ, начинается постоянный обмѣнъ мыслей между Его Высочествомъ и Муравьевымъ по дѣлу Амурскому, развитію котораго Его Высочество оказывалъ свое неизмѣнное высокое покровительство и содѣйствіе.

Путешествіе по Забайкальской области, равно какъ и дальнѣйшую дѣятельность свою въ 1851 году, Николай Николаевичъ Муравьевъ такъ описываетъ въ письмахъ къ графу Л. А. Перовскому.

14-го октября. «Возвратившись сюда изъ-за Байкала двѣ недѣли тому назадъ, поспѣшаю писать вамъ. Забайкальскій объѣздъ мой я окончилъ весьма удовлетворительно: новые казаки благодарятъ Бога и Государя за избавленіе ихъ отъ ига горнаго: горные инженеры и чиновники въ уныніи, ибо потерять 30 т. душъ крестьянъ не бездѣлица, и теперь я ожидаю съ нетерпѣніемъ изъ Министерства Финансовъ проекта положенія, по которому для этого управленія потребуется гораздо меньше чиновниковъ; во первыхъ потому, что имъ рѣшительно дѣлать нечего въ настоящемъ ихъ составѣ и численности, а во вторыхъ, что послѣ перечисленія этихъ 30 т. душъ въ казачье войско, горнымъ и жить нечѣмъ, и вся эта масса, смѣю сказать дармоѣдовъ, обрушится на ежегодную смѣту заводскихъ расходовъ, средствами и законными и незаконными. Конечно, имѣя военнаго губернатора въ Читѣ, легче будетъ наблюдать за дѣйствіями горнаго вѣдомства, но во всякомъ случаѣ сотня безполезныхъ чиновниковъ есть тяжкое бремя для администраціи и для казны или Кабинета. Результатъ благодѣяній, оказанныхъ Государемъ Забайкальскому краю всѣми тамъ новыми учрежденіями, намъ здѣсь уже видѣнъ, а, можетъ быть, никогда не замѣтится въ Петербургѣ, куда доходитъ голосъ лишь того класса, которому нововведенія эти не нравятся. Иркутскъ пріунылъ не менѣе горныхъ: за отдѣленіемъ Байкальской и Якутской областей и Кяхтинскаго градоначальства, прекратилось все незаконное вліяніе здѣшняго купечества на дѣла тѣхъ странъ,—вліяніе, которымъ оно пользовалось давно черезъ здѣшнія губернскія власти; да и тамъ, на мѣстахъ, въ присутствіи новыхъ, дѣятельныхъ и благонамѣренныхъ начальниковъ губерній, купеческая монополія потерпитъ большой уронъ. Напротивъ же, кяхтинское купечество очень радуется и понимаетъ всю пользу учрежденія градоначальства, собственно для него учрежденнаго, и на первый случай при открытіи градоначальства,

въ бытность мою тамъ, поднесено 5 т. руб. сер. для учрежденія дѣтскаго пріюта.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю назначенія, по распоряженію вашему, губернатора Якутскаго; но еслибъ, паче чаянія, вы не изволили сдѣлать этого распоряженія, то ожидаю увѣдомленія вашего на письмо мое изъ Москвы отъ 8-го іюля, для дальнѣйшаго уже съ моей стороны представленія, какого изволите потребовать.

За Байкаломъ, въ окрестностяхъ Нерчинска, ѣздилъ я на турмалиновыя [1] копи и, въ доказательство моихъ тамъ работъ, честь имѣю представить нѣкоторыя мелочи, самимъ мною найденныя. Но, къ сожалѣнію и стыду нашему, я все-таки долженъ сказать, что нигдѣ казенными средствами ничего порядочнаго не добыто, исключая того, что̀ найдено командированнымъ вами чиновникомъ Пермикинымъ, который вполнѣ заслуживаетъ вниманія и одобренія вашего сіятельства; онъ при поискахъ своихъ дѣйствовалъ даже съ самопожертвованіемъ: самъ чуть не утонулъ, и одного рабочаго и одинъ камень утопилъ; весьма полезно было бы, еслибъ ваше сіятельство отправили его въ Вилюйскъ. Вообще я убѣждаюсь, что должно отмѣнить запрещеніе по Нерчинскому округу искать и добывать цвѣтные камни частнымъ людямъ: это, кажется, сдѣлалось по распоряженію и представленію Чевкина, и съ тѣхъ поръ новыя открытія стали весьма рѣдки. Должно, напротивъ, разрѣшить всѣмъ искать и добывать, и назначить даже преміи за важныя открытія; когда же такимъ образомъ развѣдается весь Шилкинскій хребетъ, тогда развѣ запретить частнымъ людямъ дальнѣйшія разработки, а Кабинету приступить уже къ добычѣ, но подъ вѣдѣніемъ мѣстнаго губернскаго начальства, а отнюдь не горнаго, которое ничего не открываетъ, а всегда все закрываетъ.»

29-го октября. «Хотя не имѣю извѣстія о возвращеніи вашемъ съ водъ, но зная, что въ сентябрѣ васъ ожидали въ Петербургѣ, продолжаю туда писать въ надеждѣ, что здѣшнія свѣдѣнія по участію, которое изволите принимать въ дѣлахъ Восточной Сибири, будутъ вашему сіятельству любопытны. Можетъ быть, изволите припомнить, что въ преніяхъ, бывшихъ по различнымъ преоброзованіямъ Восточной Сибири, *возбуждено было сомнѣніе* о возможности предоставить Кяхтинскому градоначальнику по пограничнымъ сношеніямъ всѣ права и обязанности, принадлежащія въ этомъ отношеніи губернатору Иркутскому; старались доказывать,

[1] Турмалинъ—минералъ.

что это можетъ быть непріятно Ургинскимъ правителямъ, а вслѣдствіе этого сомнѣнія, даже и въ положеніи о Кяхтинскомъ градоначальствѣ не выражено положительно, что эти обязанности на него возлагаются.

Я не могу никакъ обвинять въ этой сомнительности высшія власти Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которыя только руководствовались и давали вѣру свѣдѣніямъ прежняго пограничнаго начальства Кяхтинскаго и наѣзжихъ туда чиновниковъ своихъ. Впрочемъ, сомнѣніе это ничему и не помѣшало: Ребиндеръ, [1] вступивъ въ должность градоначальника, вошелъ прямо въ сношенія съ Китайскими властями, какъ заступившій въ этомъ отношеніи мѣсто Зарина, и сообщилъ, что постоянное ему мѣстопребываніе назначено въ Троицкосавскѣ; я былъ тогда въ Кяхтѣ, а послѣ съ эстафетою получилъ отъ него донесенія, оффиціальныя и частныя, изъ которыхъ оказывается, что не только Ургинскіе правители не оскорбились этою перемѣною у насъ, но приняли ее съ удовольствіемъ и надеждою, что отъ этого сближенія нашего губернатора къ границѣ, всѣ пограничные вопросы, возникать могущіе, будутъ разрѣшаться скорѣе. И Ребиндеръ и я доводилъ объ этомъ оффиціально до свѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и, сверхъ того, я сообщаю конфиденціально графу Карлу Васильевичу, [2] прося его объ увеличеніи содержанія для китайскихъ и нашихъ курьеровъ, изъ Урги и въ Ургу посылаемыхъ, а также и о сообщеніи мнѣ содержанія листовъ изъ Трибунала въ нашъ Сенатъ препровождаемыхъ, [3] такъ какъ мы здѣсь ихъ не распечатываемъ и не читаемъ: а между тѣмъ при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Китаѣ и при тѣхъ сношеніяхъ, въ которыя мы вошли съ Трибуналомъ изъ Петербурга въ февралѣ нынѣшняго года, кажется, необходимо было бы здѣсь знать тремя мѣсяцами ранѣе и *смыслъ и духъ* китайскихъ къ намъ листовъ.

Болѣе писать къ графу Нессельроде я не рѣшился, ибо убѣдился горестнымъ опытомъ, какъ превратно могутъ быть истолкованы и представляемы соображенія и представленія, выходящія изъ обыкновеннаго порядка; а между тѣмъ обстоятельства возбу-

[1] Николай Романовичъ, женатый на княжнѣ А. С. Трубецкой, дочери декабриста, былъ впослѣдствіи директоромъ Департамента Народ. Просвѣщ. и попечителемъ Кіевскаго Учеб. Округа.

[2] Нессельроде.

[3] Странно было положеніе, въ какое былъ поставленъ генералъ-губернаторъ: бумаги Пекинскаго Трибунала внѣшнихъ сношеній къ нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, называвшемуся для Китая Сенатомъ, проходили черезъ его руки въ запечатанныхъ конвертахъ и становились ему извѣстны только спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

ждают здѣсь весьма важный вопросъ: возмущеніе въ Китаѣ можетъ побудить Китайское правительство обратиться съ просьбою о помощи съ нашей стороны; если же, къ несчастію, возмущеніе это будетъ распространяться такъ быстро, что Трибуналъ, кромѣ листа въ нашъ Сенатъ, войдетъ въ какія-либо по этому сношенія съ здѣшнимъ мѣстнымъ главнымъ начальникомъ, то дерзать ли мнѣ ему отвѣтствовать? Разумѣется, что отвѣтъ мой былъ бы основанъ на томъ убѣжденіи, что наше правительство, и по древнимъ дружескимъ отношеніямъ къ Китайскому, и въ духѣ всѣхъ нашихъ внѣшнихъ отношеній поддержитъ *законное правительство* противъ возмутителей;—но былъ ли бы отвѣтъ этотъ въ духѣ лорда Пальмерстона, а слѣдственно былъ ли бы угоденъ нашему Департаменту Азіатскому, —я не знаю и спрашивать не смѣю. Хорошо, еслибъ догадались безъ моего вопроса дать мнѣ инструкцію въ этомъ отношеніи, ибо и въ Петербургѣ не безызвѣстно, въ какомъ положеніи находятся дѣла Китайскаго правительства, которое можетъ быть вынуждено прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ»...

5-го ноября. «Въ бытность мою въ Петербургѣ, потребованъ былъ отъ меня проектъ новаго положенія для Нерчинскихъ горныхъ заводовъ. Я его составилъ и представилъ къ военному министру; но такъ какъ дѣло о перечисленіи горнозаводскихъ крестьянъ рѣшилось безъ соображенія этого проекта, а Нерчинскіе горные заводы оставлены въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, то и проектъ этотъ остался въ Министерствѣ Финансовъ, гдѣ его разсматриваютъ уже съ большею внимательностью, потому именно, что заводы не перешли въ военное вѣдомство, а остались въ вѣдѣніи Кабинета. Графъ Ѳедоръ Павловичъ[1] обѣщалъ мнѣ, что этотъ проектъ будетъ ко мнѣ присланъ съ его замѣчаніями, но уже болѣе полугода, какъ дѣло это —въ Министерствѣ Финансовъ и ко мнѣ не возвращается; я опасаюсь, чтобъ министръ финансовъ не внесъ этотъ проектъ съ своими замѣчаніями прямо въ Комитетъ министровъ или въ Государственный Совѣтъ; опасаюсь въ особенности измѣненій, которыя могъ сдѣлать въ проектѣ Горный департаментъ, поэтому покорнѣйше прошу ваше сіятельство обратить ваше вниманіе на это дѣло, еслибъ оно поступило въ Комитетъ или Совѣтъ; и еслибъ ему дано было это направленіе, то уже очевидно, что Горное вѣдомство желало избѣгнуть моего взгляда на тѣ измѣненія, которыя оно уже сдѣлало.

---

[1] Вронченко.

Ни Комитету, ни Совѣту не могутъ быть извѣстны подробности нашего управленія по горной части, и единственное средство было бы, чтобъ не сдѣлать ошибки въ этомъ случаѣ, поручить министру финансовъ проектъ съ своими замѣчаніями и измѣненіями отправить къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, отъ кого воспослѣдовало по Высочайшей волѣ начало этого дѣла, для соображенія всего съ мѣстными обстоятельствами, которыя въ настоящее время значительно измѣнились съ учрежденіемъ Забайкальской области и назначеніемъ тамъ военнаго губернатора; хотя въ проектѣ своемъ генералъ-губернаторъ и упоминалъ о губернскомъ начальствѣ за Байкаломъ, но тогда таковое еще учреждено не было и, слѣдственно, не могло быть въ подробности излагаемо объ отношеніяхъ этого начальства къ Горному вѣдомству, среди Забайкальской области находящемуся. Простите, что обремепяю васъ этимъ дѣломъ, но въ настоящее время оно осталось здѣсь едва-ли не важнѣйшимъ, и я въ особенности опасаюсь, чтобъ какимъ-нибудь рѣшеніемъ, въ духѣ Горнаго вѣдомства, не испортили всего дѣла по Забайкальской области, гдѣ теперь, благодаря Бога, все обѣщаетъ успѣхи, а Горное вѣдомство приводится къ одному знаменателю.

Душевно желаю, чтобъ здоровье вашего сіятельства послѣ кавказскаго лѣченія побѣждало всѣ предстоящіе ему въ Петербургѣ враждебные элементы, оно драгоцѣнно для пользы дѣла и вездѣ, но особенно для Восточной Сибири. Въ этомъ случаѣ я выражаюсь совершенно безъ эгоизма, ибо долженъ присовокупить, что дѣйствіе ваше на Восточную Сибирь будетъ еще необходимѣе, когда меня здѣсь не будетъ....»

8-го ноября. «Сейчасъ получилъ я радостную вѣсть о вашемъ возвращеніи въ Петербургъ и спѣшу принести вашему сіятельству искреннее мое поздравленіе, которое, впрочемъ, очень похоже на поздравленіе гвардейскихъ солдатъ, поздравляющихъ своихъ начальниковъ съ собственными именинами.

Съ тою же почтою получилъ я весьма милостивое письмо отъ Великаго Князя Константина Николаевича. Его Высочество, препровождая ко мнѣ экземпляры морского устава, увѣдомляетъ меня о поѣздкѣ своей на зиму въ Венецію и изъявляетъ желаніе, чтобъ я доводилъ до его свѣдѣнія о дѣлахъ Восточной Сибири, преимущественно по дѣйствіямъ въ Камчаткѣ и на устьѣ Амура.»

XXXIV.

Донесеніе Муравьева къ Великому Князю Константину Николаевичу. – Рескриптъ Великаго Князя къ Муравьеву.

—

1851 г.

—

На рескриптъ Великаго Князя Константина Николаевича, отъ 2-го октября, Муравьевъ, во исполненіе желанія Его Высочества получать подробныя и откровенныя свѣдѣнія о Восточной Сибири, доносилъ изъ Иркутска отъ 12-го ноября слѣдующее: [1] «Осчастливленный рескриптомъ Вашего Высочества, я не нахожу словъ изъяснить глубочайшей благодарности, которою преисполнено мое сердце за высокое участіе Вашего Императорскаго Высочества въ дѣлахъ Восточной Сибири и милостивѣйшее вниманіе, которымъ соизволили меня удостоить.

Послѣднія извѣстія имѣлъ я изъ Камчатки отъ августа, а съ устьевъ Амура отъ сентября мѣсяцевъ; вездѣ было тогда въ общихъ видахъ благополучно, но вездѣ ощутительна ограниченность морскихъ средствъ: дальнѣйшія извѣстія отъ Невельского я надѣюсь получить здѣсь въ январѣ, въ мартѣ и въ іюлѣ, ибо онъ устроилъ такъ, что изъ Петровскаго зимовья въ Аянъ почта отправится три раза въ зиму.

Всего моего вниманія требуетъ Забайкальская область, какъ по исполненію тамъ преобразованій, Высочайшею волею указанныхъ, такъ и по непріятнымъ событіямъ въ Китаѣ. Ваше Высочество изволите знать, что за Байкалъ сдвигаются всѣ четыре

---

[1] Это донесеніе и послѣдующія, а равно рескрипты Его Высочества, сообщены покойнымъ статсъ-секретаремъ Головнинымъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, князю М. С. Волконскому, съ предоставленіемъ ему права какъ эти документы, такъ и другіе ему сообщенные, помѣстить въ нашемъ трудѣ.

линейные баталіона Восточной Сибири; что при нихъ назначено сформировать бригаду артиллеріи; что пограничное казачье войско получитъ новое образованіе, значительно усиливающее число служащихъ и вооруженныхъ казаковъ; что, наконецъ, 29 т. душъ Нерчинскихъ горныхъ крестьянъ обращены въ казачье сословіе, и изъ нихъ формируются 12 пѣшихъ баталіоновъ. Государю угодно было все это повелѣть исполнить и образовать Забайкальскую область, и какъ все это оказывается во-время и кстати: иностранныя газеты толкуютъ, что китайскіе перевороты заставятъ Россію удѣлять значительныя силы въ Сибирь для защиты границы и что тѣмъ ослабятъ ея вліяніе на дѣла Германіи; а мы, безъ всякихъ усилій и безъ всякаго отвлеченія средствъ отъ западныхъ границъ имперіи, становимся здѣсь такъ сильны, что, не только никакіе перевороты въ Китаѣ не могутъ имѣть вліянія на наши границы, но что, въ случаѣ надобности, мы сами можемъ быть полезны дружественному намъ Китайскому Двору.

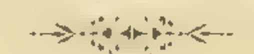
При учрежденіи Кяхтинскаго градоначальства въ Петербургѣ опасались, что Китайцамъ не понравится эта перемѣна, и что Ургинскіе правители, можетъ быть, не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ, вмѣсто Иркутскаго губернатора; опасенія эти, какъ и многія другія, остались тщетными, ибо Ургинскіе правители вошли уже въ сношеніе со вновь назначеннымъ въ Кяхту градоначальникомъ, и присланные ими въ Троицкосавскъ курьеры изъявляли удовольствіе своимъ начальникамъ по случаю этой перемѣны, въ убѣжденіи, что сближеніе нашей губернской власти къ границѣ послужитъ лишь къ скорѣйшему разрѣшенію могущихъ возникать по пограничнымъ дѣламъ вопросовъ. Опасенія неудовольствія Китайцевъ за занятіе нами въ 1850 году торговаго пункта при устьяхъ Амура также не подтверждаются, и чайная наша съ ними торговля въ нынѣшнемъ году на Кяхтѣ шла еще лучше, чѣмъ въ прошломъ году, а къ расторжкѣ въ началѣ будущаго года приготовлено было въ китайскомъ городѣ Калганѣ, находившемся внѣ театра возмущенія, весьма удовлетворительное для насъ количество чаевъ. Но я не могу скрыть теперь моихъ уже опасеній относительно этой торговли, если возмущенія въ Китаѣ будутъ продолжаться и распространяться, и убѣжденъ вообще, что всякій переворотъ въ Китаѣ можетъ быть только крайне невыгоденъ для нашей торговли и всѣхъ сношеній съ этимъ государствомъ: а потому душевно желаю Китайскому императору побѣду надъ возмутителями и крамольниками и возстановленія порядка, нарушеннаго, конечно, подъ вліяніемъ иностранцевъ.

Отъѣздъ Вашего Императорскаго Высочества на всю зиму въ Венецію лишаетъ, кажется, Восточную Сибирь надежды удостоиться Вашего высокаго посѣщенія въ будущемъ 1852 году; но, по различнымъ и у насъ недостаткамъ и преобразованіямъ, которыя теперь только въ самомъ началѣ, даже удобнѣе будетъ для Вашего Высочества и для Восточной Сибири предпринять эту поѣздку въ 1853 году, разумѣя, что ваше Высочество, пожаловавши однажды сюда, не изволите ограничиться посѣщеніемъ только Иркутска, который самъ по себѣ этого и не заслуживаетъ и теряетъ здѣсь прежнее свое значеніе съ того времени, какъ правительство обратило дѣятельное вниманіе на восточныя оконечности Восточной Сибири. Въ лѣто будущаго 1852 года идутъ у насъ охотники-переселенцы на избранныя и назначенныя для нихъ въ нынѣшнемъ году мѣста, на берегахъ рѣкъ Алдана и Маи по Аянскому тракту; въ теченіе того же 1852 года будетъ строиться опытный пароходъ для рѣки Шилки; надѣюсь, наконецъ, что къ маю мѣсяцу 1853 года усилятся изъ Кронштадта и морскія средства наши въ Камчаткѣ однимъ или двумя транспортными судами, а между тѣмъ Россійско-Американская Компанія снабдитъ зимовье свое каботажными судами. Такимъ образомъ къ лѣту 1853 года сдѣлаются удобными и возможными всѣ обозрѣнія, которыя бы Вашему Высочеству въ этомъ краю угодно было предпринять. Я долженъ однако присовокупить, что намъ здѣсь необходимо было бы знать осенью будущаго года о поѣздкѣ Вашего Высочества въ лѣтѣ 1853 года, чтобы успѣть въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ приготовить и сосредоточить во-время водяныя перевозочныя средства на рѣкахъ и моряхъ. Распространяясь затѣмъ подробнѣе въ этомъ утѣшительномъ для меня соображеніи, я пріемлю смѣлость доложить, что если Ваше Императорское Высочество изволите предпринять поѣздку въ Восточную Сибирь съ тѣмъ, чтобъ окончить ее въ одно лѣто съ обозрѣніемъ и Петропавловскаго порта, вполнѣ заслуживающаго Вашего вниманія, то необходимо прибыть въ Иркутскъ въ концѣ мая мѣсяца; іюнь пройдетъ для достиженія черезъ Якутскъ Аянскаго порта; іюль—въ морскихъ плаваніяхъ; въ концѣ августа изволите возвратиться въ Иркутскъ, а сентябрь мѣсяцъ весьма удобенъ, какъ для поѣздки въ Забайкальскую область, такъ и для возвращенія въ лѣтнихъ еще экипажахъ въ С.-Петербургъ; поэтому не болѣе какъ въ пять мѣсяцевъ, послѣ отъѣзда изъ С.-Петербурга, Ваше Высочество можете туда возвратиться, удостоивъ своимъ посѣщеніемъ и обозрѣніемъ всѣ губерніи и области Восточной Сибири въ самыхъ замѣчательныхъ ихъ мѣстахъ.

На сей разъ, не смѣя болѣе утруждать Ваше Высочество, я буду всегда считать себѣ за особенную милость дарованное мнѣ соизволеніе Ваше представлять иногда Вашему Высочеству свѣдѣнія о дѣлахъ Восточной Сибири.»

На это донесеніе Н. Н. Муравьева послѣдовалъ отъ Его Высочества слѣдующій рескриптъ отъ 24 декабря / 5 января: «Письмо ваше изъ Иркутска, отъ $^{12}/_{24}$ ноября, я получилъ въ Венеціи 23 декабря / 4 января. Благодарю васъ искренно за удовольствіе, которое вы доставили мнѣ сообщеніемъ многихъ любопытныхъ и утѣшительныхъ извѣстій. Вы не ошиблись въ желаніи моемъ посѣтить Восточную Сибирь, но я ничего не могу сказать, когда желаніе это осуществится. Кромѣ обстоятельствъ, которыя сдѣлали бы подобное путешествіе возможнымъ, необходимо время, чтобы достаточно приготовиться къ оному, дабы оно точно могло быть полезно. Между тѣмъ мнѣ пріятно знакомиться съ Сибирью черезъ ваши письма, и я душевно буду признателенъ за сообщеніе мнѣ всего, что̀ касается состоянія края. Я просилъ бы васъ познакомить меня ближе съ слѣдующими предметами: административныя учрежденія покойнаго Сперанскаго пользуются большою извѣстностью и почитались долго превосходными; я желалъ бы знать, въ чемъ именно состояло это превосходство, что̀ въ нихъ было особеннаго, и въ какой степени онѣ въ послѣднее время приличествовали краю. Другой предметъ есть кяхтинская торговля. Упадокъ оной приписываютъ недостатку единодушія въ нашихъ купцахъ, участію въ оной мелочныхъ торговцевъ изъ бывшихъ обозныхъ приказчиковъ и проч. Желалъ бы я имѣть краткій очеркъ порядка производства этой торговли, съ указаніемъ средствъ поднять ее въ будущемъ. Наконецъ, третій предметъ есть система налоговъ. Этотъ предметъ вездѣ весьма важенъ, а въ Сибири, при такомъ отдаленіи отъ столицы и при особенностяхъ края, пріобрѣтаетъ еще большее значеніе.

Предметы сіи столько вамъ извѣстны, что для васъ не можетъ быть трудно составить для меня краткія объяснительныя записки; посему только я утруждаю васъ. Здѣсь разнеслись слухи, будто бы возмущеніе въ Китаѣ, о которомъ вы говорите, достигло такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что императоръ отказался отъ престола и бѣжалъ, и что главный мятежникъ владычествуетъ въ Пекинѣ. Я желалъ бы знать, есть ли въ этихъ извѣстіяхъ что-либо правдоподобнаго, или это выдумка газетчиковъ?»

XXXV.

Дѣйствія Амурской экспедиціи подъ начальствомъ Невельского. —Лейтенантъ Бошнякъ въ Николаевскѣ.—Донесеніе Невельского Муравьеву объ экспедиціи.—Распоряженіе Муравьева по этому поводу.—Донесеніе его о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургъ.—Отвѣтъ на его донесеніе. Безпорядки въ Китаѣ и интриги въ Петербургѣ.—Нравственное состояніе Муравьева.—Письмо его къ родственнику Муравьеву (Карскому) и отвѣтъ послѣдняго.—Взглядъ архіепископа Иннокентія на Амурскія дѣла. Донесеніе Муравьева Великому Князю Константину Николаевичу.—Дѣятельность Невельского.

—

1851—1852 г.

—

Амурская экспедиція Невельского въ началѣ 1851 года снова возвратилась въ Охотскъ и отсюда, на транспортѣ «Байкалъ», въ сопровожденіи баркаса Россійско-Американской Компаніи «Шелеховъ», отправилась въ Петровское зимовье. Баркасъ «Шелеховъ», подойдя къ берегамъ залива Счастія, почти въ виду Петровскаго, сталъ тонуть вслѣдствіе мгновенно открывшейся течи, и только благопріятный вѣтеръ къ берегу и близость мели дозволили немедленно спуститься на послѣднюю и тѣмъ избавить всѣхъ отъ угрожавшей опасности потопленія. Въ то же время сопровождавшій Невельского транспортъ «Байкалъ», предъ входомъ въ заливъ Счастья, сѣлъ на мель.

Въ Петровскомъ зимовьѣ было всего три домика и почти развалившійся транспортъ «Охотскъ» на берегу залива Счастія. Прибывъ въ Петровское на высланныхъ оттуда двухъ шлюпкахъ, Невельской употребилъ сначала всю свою команду изъ 50-ти человѣкъ вмѣстѣ съ командою подошедшаго тогда изъ Камчатки корвета «Оливуца» на разгрузку затонувшаго баркаса. Управившись съ этимъ дѣломъ, онъ 5-го августа на вельботѣ, въ сопровожденіи байдары, съ лейтенантомъ Бошнякомъ и 25-ю человѣками команды, отправился изъ Петровскаго въ устье Амура для основанія селе-

нія близъ мыса Куегда, на мѣстѣ, гдѣ годомъ раньше былъ поставленъ имъ Николаевскій постъ. Подойдя къ мысу Куегда, капитанъ Невельской 9-го августа занялъ окончательно пунктъ на берегу залива Лчи-ду. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ обратно въ Петровское, оставивъ въ Николаевскѣ лейтенанта Бошняка съ 25-ю человѣками команды, замѣченной еще въ Охотскѣ въ неоднократныхъ попыткахъ къ побѣгу. Лучшаго состава команды не изъ кого было выбрать. Провизіи и сухарей было на мѣсяцъ. Въ Петропавловскомъ зимовьѣ не было ни одной лишней шлюпки, а для зимы всего только 4 пары собакъ, и то истощенныхъ и измученныхъ. Надо было нанять Гиляковъ для доставленія продовольствія. Въ октябрѣ построены были въ Николаевскомъ посту двѣ юрты, срублена баня, а также сдѣланы были помѣщеніе и защита отъ Гиляковъ, которыхъ тогда еще боялись.

Двухгодичное пребываніе Русскихъ на Амурѣ показало свои послѣдствія: всѣ туземные продукты, доставлявшіеся прежде за ничтожныя цѣны, поднялись въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ вдесятеро, и содержаніе нарты [1] собакъ стоило уже до 30 руб сер. въ мѣсяцъ. За то и прибыль пушныхъ товаровъ, особенно соболей, возросла значительно. Вліяніе наше на окрестныхъ жителей было очевидно. «Между тѣмъ изъ донесеній капитана Невельского, посланныхъ въ ноябрѣ 1851 года изъ Петровскаго зимовья,» пишетъ П. В. Шумахеръ, [2] «Н. Н. Муравьевъ усмотрѣлъ, что при постепенномъ распространеніи нашего вліянія и заселенія въ землѣ Гиляковъ открываются и новыя потребности въ командахъ и каботажныхъ средствахъ, а съ другой стороны, изъ отзывовъ Россійско-Американской Компаніи онъ заключилъ, что экспедиція эта, особенно послѣ крушенія около зимовья баркаса «Шелеховъ», уже отяготительна для нея: поэтому, сознавая всю важность занятія устьевъ рѣки Амура, какъ дѣла государственнаго, онъ желалъ воспользоваться успѣшными послѣдствіями двухлѣтнихъ тамъ нашихъ дѣйствій и заботился болѣе всего о томъ, чтобъ при занятіи этихъ мѣстъ соблюдался стройный порядокъ, безъ котораго самое лучшее начало можетъ быть испорчено. Въ виду этого онъ полагалъ необходимымъ дать этой Амурской экспедиціи слѣдующее правильное образованіе: 1) въ землѣ Гиляковъ имѣть одну изъ четырехъ ротъ 46-го флотскаго экипажа съ приличнымъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ и мастеровыхъ, священника, доктора и отдѣленіе Камчатскаго госпиталя. 2) Имѣть тамъ же полсотни казаковъ

[1] Сани съ запряжкою.

[2] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 264—266.

съ офицеромъ. 3) Всѣмъ этимъ командамъ предоставить преимущества и содержаніе по особо имъ составленному проекту штата и подчинить непосредственно особому начальнику экспедиціи изъ состоящихъ при генералъ-губернаторѣ морскихъ штабъ-офицеровъ. 4) Россійско-Американскую Компанію освободить отъ всѣхъ обязанностей, которыя на нее возложены въ отношеніи къ описанію и заселенію тамошнихъ мѣстъ и 5) вознаградить ее за понесенные ею убытки.

Это образованіе, облекая экспедицію въ правильные размѣры и давая ей стройное утвержденіе, не представляло въ то же время и никакихъ неудобствъ и измѣненій въ отношеніи политическомъ, ибо двухлѣтнее пребываніе командъ нашихъ въ тѣхъ мѣстахъ извѣстно было уже какъ Китайцамъ, такъ и другимъ иностранцамъ: ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали даже, что команды эти числились компанейскими, а не правительственными. Между тѣмъ дружественныя наши сношенія съ Китаемъ на тамошнихъ границахъ укрѣплялись болѣе и болѣе.

Поспѣшая удовлетворить требованіе капитана 1-го ранга Невельского, Муравьевъ въ то же время распорядился объ отправкѣ къ нему медикаментовъ и прочаго на 12 больничныхъ кроватей, и, съ открытіемъ навигаціи 1852 года, распорядился командировать къ нему изъ Охотска нижнихъ чиновъ морского вѣдомства и казаковъ, въ дополненіе къ находившимся уже въ Петровскомъ зимовьѣ,—сколько могло оказаться изъ Охотска возможнымъ, и на всѣхъ продовольствіе до навигаціи 1853 года.

Обо всемъ Н. Н. Муравьевъ представилъ въ Петербургъ. Ему отвѣтили, что «при постоянномъ желаніи Государя, чтобъ въ распространеніи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами восточнаго азіатскаго края соблюдалась *крайняя осторожность и постепенность*, предлагаемыя нынѣ генералъ-губернаторомъ по этому предмету мѣры и *распоряженія* признаются при настоящихъ обстоятельствахъ разновременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены.»

Вопросъ же о вознагражденіи Россійско-Американской Компаніи велѣно было передать на рѣшеніе Комитета о Гилякахъ. Все, на что рѣшились въ Петербургѣ,—это послать на устье Амура священника.

Безпорядки же въ Китаѣ и петербургскія интриги продолжались, что̀ чрезвычайно озабочивало и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожило Муравьева. Графъ Нессельроде, какъ и всегда, возставалъ, на сколько могъ, противу всѣхъ предположеній Николая Николаевича относительно скорѣйшаго овладѣнія Амуромъ. Всѣ эти обстоятель-

ства убивали Муравьева, и онъ нравственно болѣлъ. Мысль о томъ, не лучше ли было бы для дѣлъ, еслибы его замѣнили въ Восточной Сибири другимъ лицомъ, пользующимся большимъ довѣріемъ, не оставляла его. «Переживу или нѣтъ будущую зиму», писалъ онъ въ 1852 году къ своему дядѣ Муравьеву (Карскому), съ которымъ онъ велъ задушевную, откровенную переписку,—«Богъ вѣдаетъ, а что гаснетъ священный огонь, то чувствую ежедневно: бываютъ еще вспышки, но рѣже и рѣже. Мнѣ было сказано при 10-ти сановникахъ, что я все дѣлаю изъ честолюбія и хочу себѣ воздвигнуть памятникъ; мысль эта, какъ вижу, укоренилась, и всякое дѣло черезъ нее процѣживается: люди менѣе рѣзкіе говорятъ, что я тороплюсь. Если все это оттого, что здѣсь генералъ-губернаторомъ я, то не слѣдуетъ ли мнѣ или умереть или уйти, чтобъ не помѣшать вѣковымъ предпріятіямъ: при другомъ повѣрятъ, что надобно дѣйствовать, чтобы не потерять своего на цѣлые вѣка. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сожалѣю, что нѣтъ ко мнѣ довѣрія. Вы пишете, что я буду въ затрудненіи, куда дѣться:—извините меня, я и теперь не затрудняюсь, насъ съ женою только двое, и оба не прихотливы!»—«Надобно бороться, любезный Николай Николаевичъ», писалъ ему въ отвѣтъ Муравьевъ (Карскій),—«безцвѣтна была бы и жизнь наша безъ борьбы.»

Но не одинъ Н. Н. Муравьевъ скорбѣлъ такъ объ Амурскихъ дѣлахъ: былъ и другой, сочувствовавшій ему,—это извѣстнѣйшій миссіонеръ нашъ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій (впослѣдствіи митрополитъ Московскій), пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ Муравьева. Проживая въ то время въ Аянѣ, преосвященный Иннокентій, какъ дальнозоркій государственный человѣкъ, понимавшій даже отдаленныя пользы Россіи, еще съ 1843 года внимательно слѣдилъ за положеніемъ нашихъ дѣлъ касательно Амура, имѣя въ виду не одни политическія цѣли, но и успѣшное распространеніе свѣта Евангельскаго ученія между пограничными подданными Китая. До какой степени болѣзненно отзывалось въ преосвященномъ Иннокентіи всякое препятствіе, всякое замедленіе въ присоединеніи Амурскаго края къ Россіи, мы видимъ изъ слѣдующей его записки къ Н. Д. Свербееву:[1] «Перебѣгая мыслью съ одного мѣста на Амурѣ на другое и соображая, что̀ можетъ быть со временемъ на Амурѣ, и въ то же время зная, что есть люди,

[1] Николай Дмитріевичъ Свербеевъ былъ въ то время чиновникомъ особыхъ порученій по дипломатической части при Н. Н. Муравьевѣ.

которые явно не хотятъ и даже противодѣйствуютъ Амурскому дѣлу,— невольно приходишь къ мысли: ужели эти люди превозмогутъ?... а если такъ, то, конечно, такъ угодно Господу; а что̀ Ему угодно, то и полезно: слѣдовательно надобно покориться. Видно не пришло еще время владѣть намъ Амуромъ.... или видно не намъ владѣть имъ.... Но со всею вѣроятностію можно сказать, что лишь только мы оставимъ Амуръ, то или Американцы или Англичане немедленно завладѣютъ имъ, и уже не будутъ такъ вѣжливы съ сосѣдями нашими: они какъ разъ и самымъ Айгунцамъ покажутъ мѣсто за горами (лежащими вдоль отъ береговъ Амура), а потомъ, пожалуй, и подалѣе.... но да будетъ во всемъ воля Бога Вседержителя!...»[1]

О дѣлахъ въ Китаѣ вотъ что доносилъ Н. Н. Муравьевъ Великому Князю Константину Николаевичу 11-го февраля 1852 г. изъ Иркутска: «Со вчерашней почтой имѣлъ я счастіе получить милостивѣйшій рескриптъ Вашего Высочества изъ Венеціи, отъ 24-го декабря, и постараюсь на этой же недѣлѣ приготовить объяснительныя записки по предметамъ, о которыхъ Вашему Высочеству угодно было меня спросить: а между тѣмъ, получивъ вчера же Пекинскую почту, я поспѣшаю безотлагательно довести до вашего свѣдѣнія о содержаніи оффиціальныхъ и частныхъ оттуда извѣстій; изъ Пекина пишутъ отъ 24-го ноября, «что мятежъ на югѣ еще не укрощенъ и принялъ противодинастійное направленіе; что возмущенія и грабежи появляются уже и въ Пекинской губерніи: что пираты безнаказанно дѣлаютъ высадки на китайскіе берега; что хищныя племена дѣлаютъ набѣги на западныя границы Китая: что неспокойно даже и въ Манджуріи: что все это очень тревожитъ Китайское правительство, которое впрочемъ приняло весьма строгія полицейскія мѣры; а въ то же время Англичане на пароходахъ таинственно объѣзжаютъ китайскіе берега съ загадочными и, какъ говорятъ, непріязненными намѣреніями.

Прежде этой почты прибылъ въ Маймачинъ (китайская торговая слобода подлѣ Кяхты) нарочный изъ Калгана (китайскій городъ въ 400 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Пекина) съ коммерческими извѣстіями изъ этого города, отъ 20-го января, и не привезъ никакихъ, особенно вѣрныхъ и особенно неблагопріятныхъ извѣстій изъ этого города и Пекина. Изъ этихъ свѣдѣній можно только заключить, что Китайское правительство находится

[1] См. книгу: «Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ», Ивана Барсукова. Москва 1883 г., стр. 321—322.

въ затруднительномъ положеніи, которое еще болѣе для него тревожно отъ англійскихъ, вѣроятно, намѣренныхъ демонстрацій, но что еще никакого переворота не совершилось; а между тѣмъ всѣ свѣдѣнія, до чайной нашей торговли относящіяся, весьма благопріятны. Мѣсяцъ тому назадъ получилъ я первую зимнюю почту отъ Невельскаго, отъ 2-го ноября; тамъ все было по прежнему благополучно, но по справедливымъ требованіямъ его и по соображеніи обстоятельствъ, я вынужденъ былъ войти съ представленіемъ о вящемъ упроченіи этого дѣла съ нѣкоторыми денежными пожертвованіями со стороны правительства.

Вообще я съ крайнею и, можетъ быть, излишнею осторожностію дѣйствую и излагаю мое мнѣніе во всѣхъ пограничныхъ отношеніяхъ съ Китаемъ; но Ваше Императорское Высочество изволите знать, сколь ограниченъ кругъ дѣятельности моей по всѣмъ предметамъ, относящимся до Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и, безъ сомнѣнія, желательно было бы для пользы Россіи, чтобъ при настоящихъ обстоятельствахъ въ Китаѣ, – здѣсь начальствовало лицо, облеченное бо̀льшимъ довѣріемъ.»

«Между тѣмъ энергическая дѣятельность капитана 1-го ранга Невельского не ослабѣвала: патріотъ въ душѣ, ободряемый настойчивостію генералъ-губернатора Муравьева, онъ съ твердостію шелъ впередъ и, не взирая ни на какія противодѣйствія, продолжалъ изслѣдованія. Такъ, въ февралѣ Невельской послалъ на нартѣ лейтенанта Бошняка на островъ Сахалинъ, приказавъ ему пересѣчь островъ и выйти на берегъ Охотскаго моря, гдѣ находились, по слухамъ, хорошія гавани. Въ проводники данъ былъ ему Гилякъ Позвейнъ, провизія сухарей на мѣсяцъ и маленькій ручной компасъ.

Лейтенантъ Бошнякъ отправился по лиману Амура къ мысу Лазарева, пересѣкъ самое узкое мѣсто Татарскаго пролива (7 верстъ) и вошелъ въ селеніе Погоби. Собаки были утомлены, провизіи было мало. Бошнякъ взялъ съ собой крайне необходимое, пошелъ на перевалъ, достигъ р. Тымы, произвелъ глазомѣрную ей опись до самаго устья на протяженіи 85-ти миль, до впаденія ея въ заливъ Ный.

Прибывши въ селеніе Талги, Бошнякъ былъ почти не въ состояніи ходить отъ образовавшихся на ногахъ нарывовъ; весь ободранный, голодный, онъ былъ радъ, что нашелъ у Позвейна нѣсколько сухарей. Надо было возвращаться, а собаки, исхудалыя отъ недостатка корма, не шли. Припайки льда отъ береговъ оторвало, надо было пробираться по острымъ утесамъ. Дней черезъ пять Бошнякъ добрался до селенія Тыкъ въ самую Пасху, гдѣ

разговѣлся кускомъ свѣжей осетрины, купленной у случайно прибывшаго амурскаго Гиляка, который и доставилъ его 3-го апрѣля въ Николаевскъ. Баня, свѣжій хлѣбъ и русскія щи освѣжили его. Бѣлье, которое онъ не скидáвалъ 40 дней,—развалилось. Въ то же время были составлены карты и отчетъ объ экспедиціи на Сахалинѣ.

18-го апрѣля Невельской отправилъ экспедицію на Амуръ, которая черезъ мѣсяцъ дошла до селенія Ухтръ, нынѣшняго Богородскаго. 29-го мая экспедиція поднялась выше по Амуру, гдѣ правый берегъ уже былъ обслѣдованъ мичманомъ Чихачевымъ и топографомъ Поповымъ до селенія Кетово.» [1]

Донося Муравьеву объ этихъ изслѣдованіяхъ лейтенанта Бошняка и мичмана Чихачева, Невельской представлялъ, что для ближайшаго наблюденія надъ судами, подходящими съ юга, и для изслѣдованія Татарскаго (Манджурскаго) берега необходимо занять заливъ де-Кастри и сосѣдственное съ нимъ на Амурѣ селеніе Кызи.

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

XXXVI.

Донесенія Муравьева Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу по дѣламъ Восточной Сибири. - Вторичный объѣздъ его по Забайкальской области.— Рескрипты Его Высочества на донесенія Муравьева.

—

1852 г.

—

Какъ высоко понималъ Н. Н. Муравьевъ свою задачу при управленіи ввѣреннымъ ему краемъ, съ какою неусыпною заботливостью радѣлъ онъ объ обезпеченіи естественныхъ границъ Восточной Сибири, чтобъ упрочить будущность ея для Россіи, - это ясно выражается въ слѣдующихъ донесеніяхъ его Великому Князю Константину Николаевичу, котораго Муравьевъ обстоятельно знакомитъ съ положеніемъ дѣлъ нашихъ на крайнемъ Востокѣ.

20-го февраля. «Не дерзая обременять Ваше Высочество многосложными подробностями о предметахъ, по которымъ изволили меня спрашивать, я изложилъ главныя черты учрежденій Сперанскаго, Кяхтинской торговли и системы налоговъ въ Сибири, прямо падающихъ на народъ, въ краткой запискѣ, которую имѣю счастіе повергнуть при семъ на благоусмотрѣніе Вашего Высочества. [1] Главнѣйшее мое стремленіе при управленіи Восточной Сибирью клонилось только къ внутреннему устройству края и преимущественно къ обезпеченію благосостоянія народнаго, которое, къ сожалѣнію, въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, имѣло второстепенное значеніе здѣсь; однакожъ при общемъ взглядѣ на Восточную Сибирь и будущность ея для Россіи должно сказать, что главнѣйшею заботою и занятіемъ здѣсь правительства дол-

[1] Къ сожалѣнію, записка эта для насъ утрачена.

жно бы быть обезпеченіе естественныхъ границъ имперіи, предметъ, который, къ сожалѣнію, и Сперанскимъ, и до него, и послѣ него оставленъ былъ безъ всякаго вниманія. Камчатка, Восточный океанъ, Охотское море, устье Амура, вся рѣка эта и прилегающая къ ней Забайкальская область недавно вошли въ разсужденіе, но еще далеко не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало по вниманію, обращаемому иностранцами на эти моря. Китай и Японія дѣлаются постепенно добычею Англичанъ и Американцевъ; мысли этихъ предпріимчивыхъ народовъ быстро осуществляются: объ англійскихъ пароходахъ я уже говорилъ прежде: американскіе, по проекту Пальмера, въ будущемъ уже лѣтѣ понесутся по океану въ Японію, вооруженные и готовые къ бою. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ мореплавателей указывалъ на Японію, но теперь, конечно, она уже для насъ потеряна. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что по географическому своему положенію Россія, владѣя судоходными вершинами Амура, еще могла бы имѣть надежду получить хоть второстепенное значеніе въ тѣхъ моряхъ, если откроетъ себѣ плаваніе по этой рѣкѣ, но въ настоящемъ положеніи Китая событія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, что нельзя ручаться, кто будетъ владѣть или распоряжаться этою навигаціею черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

21-го апрѣля. «По всѣмъ извѣстіямъ изъ Камчатки отъ 11-го декабря и Петровскаго зимовья отъ 21-го февраля, тамъ все благополучно. Невельской распространяетъ свои изслѣдованія, вліяніе и торговлю, и уже заключилъ условіе съ манджурскими торговцами на привозъ къ нему для мѣны чаю и другихъ товаровъ.

Сомнѣніе о принадлежности земли Гиляковъ теперь совершенно разъяснено, на мѣстѣ и на дѣлѣ: но вооруженныя иностранныя суда, подходящія постоянно въ Татарскій заливъ и гавань его де-Кастри, и Американская пароходная экспедиція въ Японію заслуживаютъ особеннаго нашего вниманія и требуютъ поспѣшнѣйшаго учрежденія ближайшаго съ Невельскимъ сообщенія изъ Иркутска, ибо по всему видно, что сосѣди наши предоставляютъ однимъ намъ защиту устьевъ рѣки, а мѣстные жители обоихъ береговъ только на насъ и надѣются. Невельской пишетъ также о весьма замѣчательномъ свѣдѣніи отъ Манджуръ, что вверхъ по лѣвому берегу рѣки находится Русское селеніе въ 900 верстахъ отъ устья, и другое весьма горестное извѣстіе отъ Гиляковъ, что на Японскомъ островѣ Iезо находятся четыре Русскихъ въ плѣну съ разбившагося у тѣхъ береговъ нашего судна. И то и другое весьма правдоподобно; здѣсь давно носится слухъ о бѣглыхъ изъ Нерчинскихъ заводовъ, поселившихся на этой рѣкѣ: а плѣнные

въ Японіи должны быть съ несчастнаго транспорта «Курила», который, вышедши 14-го сентября 1850 года изъ Охотска, пропалъ безъ вѣсти; и то и другое возлагало бы повсюду на мѣстнаго генералъ-губернатора обязанности, которыя я однакожъ исполнить не въ правѣ.»

Съ наступленіемъ лѣта, Муравьевъ, имѣя при себѣ чиновниковъ Б. В. Струве и М. С. Волконскаго, вновь объѣхалъ Забайкальскую область на всемъ ея протяженіи, осмотрѣлъ заводы и пріиски и верхомъ, вдоль р. Шилки, доѣзжалъ до Горбицы; на возвратномъ пути онъ оставилъ М. С. Волконскаго въ Нерчинскомъ заводѣ, назначивъ его членомъ учрежденной тогда подъ предсѣдательствомъ полковника Соллогуба слѣдственной коммисіи надъ Нерчинскимъ Горнымъ правленіемъ. Дѣло это, поведшее къ раскрытію злоупотребленій по Горному вѣдомству, увеличило еще болѣе число враговъ Николая Николаевича. Въ Петровскомъ заводѣ, гдѣ онъ также былъ, строился пароходъ «Аргунь» для предстоявшей экспедиціи.

Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о дѣятельности Муравьева по отношенію къ инородческому населенію Сибири. Такъ, по словамъ Я. П. Шишмарева, [1] «онъ въ первое же свое обозрѣніе Забайкалья, вскорѣ по пріѣздѣ изъ Петербурга въ Сибирь, посѣтилъ въ Троицкосавскѣ Русско-Монгольскую школу (существовавшую на счетъ Бурятскаго капитала, составленнаго изъ добровольныхъ пожертвованій), приказавъ ввести въ ней такія улучшенія, которыя принесли впослѣдствіи полезные результаты, и во всѣхъ другихъ школахъ по улусамъ ввелъ преподаваніе Русскаго языка. Когда же Забайкальскій край получилъ реформы, образована была самостоятельная область и во главѣ управленія явился губернаторъ, то Муравьевъ поручилъ послѣднему заняться Бурятскими дѣлами, главнымъ образомъ разбирательствомъ дѣлъ о поземельномъ владѣніи, тяжбъ и жалобъ о поборахъ и злоупотребленіяхъ Бурятскихъ мѣстныхъ властей. Права на владѣніе поземельными угодьями были запутаны съ давнихъ временъ, хотя большая часть Бурятъ—выходцы изъ Монголіи—получили надѣлы по указамъ Царскимъ или коллегій. Такого рода запутанность въ правовыхъ отношеніяхъ служила поводомъ къ наживѣ мѣстныхъ властей, старавшихся не приводить, по возможности, къ концу разбирательствъ и рѣшеній дѣлъ. Еще больше поступало жалобъ на законные и темные поборы Бурятскими родоначальниками, и только энергическими распоряженіями и

[1] Россійско-Императорскій генеральный консулъ въ Ургѣ.

данною Н. Н. Муравьеву властью можно было уничтожить зло. Вмѣстѣ съ тѣмъ это же послужило причиною и къ уничтоженію родового начала Бурятскаго управленія, съ замѣною его выборнымъ.

Земледѣліе у Бурятъ, также благодаря заботамъ Муравьева, стало распространяться и достигло удовлетворительнаго состоянія. Николай Николаевичъ проводилъ свои желанія относительно благоустройства Бурятъ не только въ предписаніяхъ и приказаніяхъ подлежащимъ властямъ при проѣздахъ по Забайкалью, но, доступный каждому, давалъ совѣты лично родоначальникамъ Бурятскихъ родовъ. Бурятамъ-ламаитамъ дано Высочайше утвержденное положеніе о ихъ духовенствѣ, по которому Хамба-лама утверждается Высочайшею грамотою: число же ламъ, отправляющихъ богослуженіе, ограничено штатомъ.

Не касаясь хорошей или дурной стороны положенія, надобно сказать, что оно вызвано желаніемъ Муравьева, если не уничтожить, то до извѣстной степени парализовать религіозную зависимость Ламаитовъ-Бурятъ отъ Монголіи и Тибета: во всякомъ случаѣ, оно было необходимо, какъ временное, до выработки путемъ практики болѣе цѣлесообразнаго.—О заботахъ Николая Николаевича о Бурятскомъ населеніи ввѣреннаго ему края свидѣтельствуетъ также и то, что онъ приблизилъ къ себѣ окончившаго тогда образованіе въ Казанскомъ университетѣ ясачнаго Бурята Нерчинскаго вѣдомства Банцзарова, назначивъ его своимъ чиновникомъ особыхъ порученій. Чрезъ Банцзарова Муравьевъ предполагалъ знакомиться съ бытомъ, положеніемъ и нуждами Бурятъ и возлагать на него Бурятскія дѣла.—Впослѣдствіи отправленъ имъ въ С.-Петербургъ Агинскій Бурятскій лама Бадмаевъ, врачъ, который находился на испытаніи, кажется, при Обуховской больницѣ чернорабочихъ, и которому затѣмъ разрѣшена была практика по способу Тибетской медицины. Вообще среди Бурятъ до сихъ поръ сохранилось о Муравьевѣ самое теплое и благодарное воспоминаніе какъ объ администраторѣ правдивомъ и твердомъ.

Съ своей стороны, мы должны прибавить къ этому краткому очерку Я. П. Шишмарева, что Бурятское населеніе Восточной Сибири постоянно привлекало къ себѣ сочувственное вниманіе Н. Н. Муравьева, и вліяніе административной его дѣятельности благотворно отразилось какъ на матеріальной жизни и общественномъ устройствѣ Бурятъ, такъ и на упорядоченіи ихъ мѣстной гражданской и духовной администраціи. Особенное попеченіе о Бурятахъ Иркутской губерніи онъ возлагалъ на своего чиновника Б. В. Струве и на Иркутскаго исправника Чайков-

скаго, а по Забайкальской области—на Верхнеудинскаго исправника Ѳ. А. Беклемишева.[1]

Во время этого вторичнаго объѣзда Муравьевымъ Забайкалья, онъ получилъ два рескрипта отъ Великаго Князя Константина Николаевича—одинъ изъ Венеціи, а другой съ парохода «Владиміръ» въ виду Тріеста,—и въ отвѣтъ на нихъ отъ 2-го іюня такъ доносилъ Его Высочеству о результатѣ осмотра своего вновь сформированныхъ изъ горно-заводскихъ крестьянъ казачьихъ войскъ: «Въ прошломъ году я имѣлъ счастіе докладывать Вашему Высочеству, что въ числѣ важныхъ предметовъ, подлежавшихъ сужденіямъ въ С.-Петербургѣ, были дѣла о преобразованіи пограничнаго казачьяго войска и объ обращеніи 30 т. душъ горныхъ крестьянъ въ пѣшихъ казаковъ; нынѣ я уже видѣлъ составленные изъ сихъ послѣднихъ 12 баталіоновъ, которые встрѣчали меня въ мѣстахъ своихъ сборовъ, построенные въ дивизіонныя колонны, давали довольно чистые повороты, развертывали фронтъ, нѣкоторые даже маршировали колонною, и все это послѣ нѣсколькихъ только дней ученія, прямо изъ своихъ избъ и изъ-за сохи, ибо и всѣ сборы пѣшему войску продолжались въ нынѣшнемъ году не болѣе, какъ по десяти дней, по крайнему у нихъ недостатку въ хлѣбѣ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая и опустошенія ихъ магазиновъ прежнимъ ихъ горнымъ начальствомъ. Кавалерія же превзошла всѣ мои ожиданія, и тамъ, гдѣ считалось до половины прошлаго года на службѣ 300 лишь казаковъ, я нашелъ бригаду въ 2000 человѣкъ, обученную кавалерійскому строю въ такой степени, что для боя этого достаточно; другой конной бригады я видѣлъ только двѣ сотни человѣкъ, почти столько же стройныя, а на дняхъ увижу бригаду Бурятскую, которая, какъ слышу, учится съ большимъ усердіемъ, до нынѣшняго же года никакого строя не знала.

Ваше Императорское Высочество изволите увидѣть въ октябрѣ нынѣшняго года въ С.-Петербургѣ команды этихъ войскъ, отправляемыя нынѣ отсюда въ образцовый полкъ. Смѣю покорнѣйше просить обратить особенное вниманіе на пѣхоту, формированную прямо изъ крестьянъ; но команды эти не могутъ еще послужить въ Петербургѣ къ убѣжденію о всемъ составѣ войскъ своихъ, и я бы считалъ себя особенно счастливымъ, еслибъ могъ

[1] Въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ хранится большое число дѣлъ, возбужденныхъ Муравьевымъ и свидѣтельствующихъ о широкой его дѣятельности по отношенію къ инородцамъ Сибири; но желаніе не задерживать появленія въ печати нашего труда остановило насъ, къ сожалѣнію, отъ подробныхъ изслѣдованій въ этомъ архивѣ касающихся настоящаго предмета документовъ.

въ будущемъ лѣтѣ представить Вашему Императорскому Высочеству всѣ войска эти въ мѣстахъ ихъ расположенія. Удивительны смышленность и способности здѣшняго Русскаго народа, но, безъ сомнѣнія, наиболѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи бывшіе пограничные казаки, составляющіе нынѣ конную часть Забайкальскаго войска, потомки древнихъ покорителей Сибири, Амура, прибрежьевъ Охотскаго моря и Восточнаго океана.

Изъ Камчатки и Петровскаго зимовья я ожидаю извѣстій не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ съ лѣтними почтами, и поспѣшу довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества обо всемъ томъ, что̀ будетъ заслуживать вниманія Вашего Императорскаго Высочества.»

На это донесеніе послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ Его Высочества, отъ 14-го августа: «Прочитавъ съ большимъ любопытствомъ письмо ваше, отъ 2-го іюля, полученное мною 9-го августа, я искренно порадовался успѣшному осуществленію предположеній вашихъ о преобразованіи въ казачьи войска горныхъ крестьянъ. Когда будутъ въ Петербургѣ отправленныя вами команды, я обращу на нихъ особенное вниманіе. Желая полнаго успѣха вашимъ предначертаніямъ, я прошу васъ сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ предположеніи, которое очень занимаетъ меня. Нынѣ, по случаю назначенія меня членомъ Сибирскаго Комитета, Сибирскій край получилъ для меня еще бо̀льшую важность. Искренно желая быть полезнымъ оному, я съ удовольствіемъ прочту все, что̀ вы сообщите мнѣ по всѣмъ частямъ вашего управленія.»

На этотъ рескриптъ, Николай Николаевичъ доносилъ Его Высочеству изъ Иркутска, отъ 7-го августа, такъ: «Рескриптъ Вашего Императорскаго Высочества, отъ 22-го іюля, я имѣлъ счастіе получить въ концѣ прошлаго мѣсяца, по возвращеніи сюда изъ Забайкальскаго края, и ожидалъ со дня на день Аянской почты, чтобъ доложить Вашему Высочеству о послѣднихъ свѣдѣніяхъ отъ Невельского и Завойко. На дняхъ получены донесенія изъ Камчатки отъ 7-го числа, а изъ Петровскаго зимовья отъ 30-го іюня. Вездѣ все благополучно; Невельской по прежнему больше всего занятъ дѣлами службы и настаиваетъ всеусиленно на занятіи Кизи и залива де-Кастри. Доводы его основательны, и исполненіе не представляетъ никакихъ препятствій, тѣмъ болѣе, что по приглашенію самихъ Манджуръ промышленники наши отправляются для мѣны съ ними товаровъ въ Кизи (на Амурѣ, близъ де-Кастри). Невельской уже построилъ ботикъ, который отправился для описи и крейсерства въ лиманѣ, южномъ проливѣ

и заливѣ де-Кастри: вообще дѣла тамъ идутъ успѣшно, и не представляется никакихъ затрудненій отъ Китайцевъ, но за то опасеній отъ иностранцевъ тамъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ вдали, ибо суда ихъ являются въ заливахъ Татарскомъ и де-Кастри въ самое сомнительное время и, кажется, военныя. Я согласенъ съ Невельскимъ въ этихъ его соображеніяхъ и представляю всѣ его донесенія на благоусмотрѣніе высшаго правительства.» [1]

[1] Эти документы сообщены Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ князю М. С. Волконскому.

XXXVII.

Представленіе Муравьева о необходимости занять де-Кастри и селеніе Кизи.—Неутвержденіе этого представленія Государемъ. Письмо графа Л. А. Перовскаго къ Муравьеву. Донесеніе послѣдняго Великому Князю Константину Николаевичу.—Выѣздъ Муравьева изъ Иркутска въ С.-Петербургъ.

—

1852—1853 г.

—

О донесеніяхъ Невельского о необходимости занять заливъ де-Кастри и ближайшее къ нему на рѣкѣ Амурѣ селеніе Кизи,[1] Николай Николаевичъ Муравьевъ сдѣлалъ представленіе князю А. С. Меньшикову, указывая съ своей стороны на то, что де-Кастри представляетъ ближайшую къ Николаевску, на берегу Татарскаго залива, мѣстность, изъ которой было бы удобно наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ судовъ въ Татарскомъ заливѣ, въ то время, когда Амурскій лиманъ бываетъ еще покрытъ льдомъ, вслѣдствіе чего Муравьевъ просилъ разрѣшенія снарядить осенью сплавъ по Амуру подъ командою капитана Казакевича, для укомплектованія морскихъ силъ на устьяхъ Амура. На это представленіе Муравьевъ получилъ увѣдомленіе отъ князя, что «Государь Императоръ, *вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде,* не утвердилъ занятія селенія Кизи, и залива де-Кастри и сплава по Амуру, а повелѣлъ еще повторить вамъ, о необходимости крайней осторожности и неспѣшности въ этомъ дѣлѣ.» Эта медленность и опасенія въ такомъ важномъ для Россіи дѣлѣ страш-

[1] Гилядкое селеніе Кизи находилось на притокѣ р. Амура къ озеру Кизи, которое отъ Амура вдается во внутрь страны и подходитъ такимъ образомъ къ заливу де-Кастри, раздѣляемому отъ него переволоками въ 20 верстъ.

по волновали Муравьева. Одновременно съ этимъ увѣдомленіемъ, графъ Л. А. Перовскій, письмомъ отъ 5-го сентября, сообщилъ Муравьеву, что Государь Императоръ повелѣлъ ему прибыть въ Петербургъ въ теченіи предстоявшей зимы. Этимъ же письмомъ графъ Перовскій увѣдомлялъ Муравьева, что онъ, послѣ одиннадцатилѣтняго управленія Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, перемѣнилъ прежнія тяжкія занятія на новый кругъ обязанностей, менѣе обременительный, принявъ должность председателя Департамента Удѣловъ, выражая при этомъ, что онъ съ грустью разстается съ прежними сослуживцами, которыхъ привыкъ любить и уважать. Понятно, какое потрясающее впечатлѣніе произвело это извѣстіе на Муравьева въ первый моментъ. Ему казалось, что онъ терялъ, съ выходомъ графа Перовскаго изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, одну изъ главныхъ опоръ для борьбы съ тѣми препятствіями, которыя ему ставили въ высшихъ сферахъ Петербурга по дѣламъ Восточно-Сибирскимъ вообще, а по Амурскимъ въ особенности. Мы не будемъ говорить о томъ впечатлѣніи, какое произвело это письмо на Муравьева; скажемъ только, что одно лишь ободряло и успокоивало Николая Николаевича,— это постоянное милостивое вниманіе къ нему Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, и въ особенности Его готовность: *«быть всегда полезнымъ Сибири»*— не отымала у Муравьева энергіи; и онъ продолжалъ, несмотря на всѣ Петербургскія интриги, неуклонно работать на пользу ввѣреннаго ему края и въ то же время обо всемъ не переставалъ доносить Его Высочеству. «Милостивѣйшій рескриптъ Вашего Высочества отъ 14-го августа», писалъ Николай Николаевичъ отъ 22-го сентября, «я имѣлъ счастіе получить съ последнею почтою тотчасъ послѣ отправленія всеподданнѣйшаго донесенія моего о различныхъ обозрѣніяхъ, сдѣланныхъ мною въ краѣ въ теченіе нынѣшняго года. Обозрѣніе это главнѣйше имѣло предметомъ казачьи войска, и вышесказанное донесеніе можетъ въ нѣкоторой степени соотвѣтствовать желанію Вашего Высочества, въ рескриптѣ изъявленному, имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о сихъ войскахъ. Все будущее значеніе и благосостояніе Сибири зависитъ отъ степени вниманія, которое благоугодно высшему правительству на нее обращать; и участіе, принимаемое въ дѣлахъ Сибирскаго Комитета Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ, несомнѣнно обѣщаетъ этому краю самыя благопріятныя послѣдствія, особенно Сибири Восточной, которая, по географическому своему положенію, заключаетъ столь важныя пользы для всей имперіи.

Милостивымъ дозволеніемъ Вашего Императорскаго Высочества, представлять Вамъ свѣдѣнія по всѣмъ частямъ ввѣреннаго мнѣ управленія, я почту себѣ за счастіе воспользоваться и пріемлю смѣлость принести Вашему Высочеству благоговѣйную благодарность.»

Обратимся теперь къ экспедиціи подполковника Ахте, занимавшейся въ это время изслѣдованіями, указанными ей Муравьевымъ. Она кончила свои дѣйствія, и въ концѣ 1852 года подполковникъ Ахте возвратился въ Иркутскъ и доставилъ весьма важныя и полезныя свѣдѣнія по вопросу о пограничныхъ съ Амуромъ мѣстностяхъ. Согласно съ этими свѣдѣніями, почерпнутыми имъ и членами его экспедиціи какъ на сѣверной, такъ и на южной покатости Становаго хребта, подполковникъ Ахте составилъ даже карту, на которой было обозначено, какое именно пространство на лѣвомъ берегу Амура мѣстные жители, подданные Китайской имперіи, называютъ имъ принадлежащимъ и съ какого мѣста считаютъ земли на Амурѣ же принадлежащими Россіи. Подполковникъ Ахте привезъ также нѣкоторыя свѣдѣнія и о теченіи рѣки Амура и о важности плаванія по всему ея протяженію, о чемъ до того времени извѣстно было лишь изъ показанія ссыльнаго бѣглеца Гурія Васильева, проплывшаго черезъ весь Амуръ.

Муравьевъ, по возвращеніи Ахте, предположилъ отправиться опять въ Петербургъ въ началѣ 1853 года, но по разнымъ обстоятельствамъ нашелъ однакожъ нужнымъ, чтобъ подполковникъ Ахте съ подробными донесеніями о своей экспедиціи отправился въ Петербургъ прежде, и отпустилъ его.

Государь Николай Павловичъ, по прибытіи подполковника Ахте, приказалъ доложить Себѣ обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, когда пріѣдетъ генералъ Муравьевъ. [1]

О дѣятельности подполковника Ахте и о своемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ не преминулъ донести Великому Князю Константину Николаевичу отъ 9-го октября слѣдующее: «На прошедшей недѣлѣ полученъ здѣсь приказъ о вступленіи Вашего Высочества въ исправленіе должности начальника Главнаго морского штаба, а потому я имѣю счастіе представить съ сею же почтою къ Вашему Императорскому Высочеству выписку изъ рапортовъ Невельского о китобойныхъ судахъ, посѣщающихъ окрестности гавани «Счастія». Разрѣшеніе вопросовъ, предложенныхъ Невельскимъ, въ существѣ было бы весьма просто, если бы не было предшествовавшей

---

[1] П. В. Шумахеръ. Русскій Архивъ. 1878 г., кн. III, стр. 272—273.

тактики, которая меня стѣсняетъ. Многія обстоятельства разъясняются донесеніемъ ко мнѣ Генеральнаго штаба подполковника Ахте, которое онъ, вмѣстѣ съ картою, представилъ также къ генералъ-квартермистру Бергу отъ 22-го сентября сего года. Что оба берега при устьѣ р. Амура не принадлежатъ Китайцамъ, мнѣ давно извѣстно. Невельской и Ахте доказываютъ это положительно, равно какъ и трехлѣтнее безспорное пребываніе тамъ нашихъ командъ, находящихся между тѣмъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Манджурами. Но я не смѣю уже излагать моего мнѣнія, послѣ всей той переписки, которая была по этимъ предметамъ; думаю однакожъ, что нельзя оставлять надолго столь важное дѣло въ настоящемъ его двусмысленномъ и сомнительномъ положеніи. Въ теченіе нынѣшней зимы, по Высочайшему разрѣшенію, я надѣюсь прибыть въ С.-Петербургъ и тогда буду имѣть счастіе подробно доложить Вашему Высочеству объ этомъ дѣлѣ.»

Въ январѣ 1853 года Николай Николаевичъ, окончивъ по управленію всѣ необходимыя распоряженія, сталъ приготовляться къ путешествію въ Петербургъ: получивъ въ это время извѣстія отъ Невельского, онъ счелъ долгомъ по этому поводу донести Его Высочеству о дѣлахъ Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить о выѣздѣ своемъ изъ Иркутска въ С.-Петербургъ. «Получивъ на дняхъ первую зимнюю почту отъ Невельского», — писалъ Муравьевъ отъ 30-го января 1853 года. «я поспѣшаю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что въ Петровскомъ зимовьѣ и въ Николаевскомъ постѣ — все благополучно; но Невельской не безъ основанія жалуется, что Американская Компанія не доставляетъ ему всѣхъ необходимыхъ предметовъ, какъ для распространенія торговли между Гиляками и Манджурами, такъ и для дальнѣйшаго нашего тамъ устройства. Къ сожалѣнію, я не могу ему помочь, покуда экспедиція эта не будетъ признана правительственною, и единственная моя теперь надежда по всѣмъ предметамъ, до того края касающимся, на адмирала Путятина, чѣмъ я и Невельского ободряю, но сомнительно, чтобъ Путятинъ, [1] при другихъ своихъ порученіяхъ, успѣлъ въ нынѣшнемъ году побывать въ Татарскомъ заливѣ и Амурскомъ лиманѣ.

Послѣднія извѣстія изъ Камчатки были уже очень давно и ничего замѣчательнаго не заключали, зимняя же оттуда почта придетъ сюда въ апрѣлѣ. Постройка на Шилкѣ парохода Аргуни

---

[1] Адмиралъ Путятинъ былъ отправленъ кругомъ свѣта въ Японію и къ берегамъ Сибири съ эскадрою, состоящею изъ фрегата «Паллада», «Діана», «Аврора» и шкуны «Востокъ».

идетъ весьма успѣшно. Я былъ тамъ въ концѣ прошлаго года и въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ видѣлъ приготовляемую для этого парохода машину, и надѣюсь, что пароходъ будетъ совершенно готовъ для плаванія въ іюлѣ.

Окончивъ всѣ необходимыя здѣсь распоряженія, особенно по обезпеченію продовольствіемъ войскъ и заводовъ на текущій годъ, что̀ по прошлогоднему неурожаю было не безъ труда, я могу наконецъ выѣхать отсюда въ С.-Петербургъ въ половинѣ будущаго февраля мѣсяца.»

Когда Муравьевъ отправлялся въ Петербургъ, «я», — вспоминаетъ Б. В. Струве, [1] — «проводилъ его до первой станціи Зуевой, по Иркутско-Московскому тракту. Тутъ, въ повозкѣ, со мною съ глазу на глазъ, онъ прямо высказался, что едва-ли вернется опять въ Восточную Сибирь, потому что высшее правительство ему не довѣряетъ, а быть на своемъ мѣстѣ безмолвнымъ свидѣтелемъ того, что̀ творится въ ущербъ государственному вопросу первостепенной важности, онъ не желаетъ и считаетъ преступнымъ. «*Лучше уйти, другому, можетъ быть, повѣрятъ.*» Съ этими словами онъ простился.»

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 152.

XXXVIII.

Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ и дѣятельность его тамъ.—Его записки о тогдашнемъ политическомъ положеніи Восточной Сибири и о необходимости тѣсной связи Россіи съ Сѣверо-Американскими Штатами.—Переименованіе Амурской экспедиціи изъ торговой въ правительственную.—Высочайшія повелѣнія о занятіи Сѣверо-Американскою Компаніею острова Сахалина.—Докладъ Муравьева Государю объ экспедиціи полковника Ахте.—Разговоръ Государя съ Муравьевымъ.—Грамота Муравьеву о награжденіи его орденомъ Бѣлаго Орла.—Поѣздка Муравьева за границу.—Нота Азіатскаго Департамента въ Пекинъ.—Пріѣздъ Н. В. Буссе въ Иркутскъ вѣстникомъ милостей Государя.

—

1853 г.

—

Ожидаемый разрывъ съ Европой понудилъ Н. Н. Муравьева въ концѣ марта 1853 года прибыть въ Петербургъ для обсужденія различныхъ предположеній о защитѣ ввѣреннаго ему края, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. Не весело было на душѣ Муравьева: онъ нравственно страдалъ, полагая, что всѣ предположенія его, касающіяся до благосостоянія Восточной Сибири, замрутъ въ министерствахъ; тѣмъ не менѣе онъ твердо шелъ къ достиженію той цѣли, съ какой пріѣхалъ въ Петербургъ. Тотчасъ же, по пріѣздѣ своемъ, онъ представилъ Государю записку, въ которой, со свойственной ему проницательностью, изложилъ свои взглядъ на тогдашнее политическое положеніе Восточной Сибири и на могущія произойти для насъ послѣдствія ожидаемой войны Англичанъ съ Китайцами. Приводимъ со словъ Б. В. Струве содержаніе этой записки: [1]

[1] Къ сожалѣнію нашему, и эта записка Муравьева не дошла до насъ, равно какъ и многіе другіе изъ архивныхъ документовъ, добытыхъ княземъ М. С. Волконскимъ. Такимъ образомъ мы должны волею или неволею удовольствоваться здѣсь только тѣми данными, которыя находимъ въ «Воспоминаніяхъ о Сибири» Б. В. Струве (стр. 152—156).

«Дѣйствія Англичанъ во всѣхъ частяхъ свѣта»,—писалъ Муравьевъ,—«имѣютъ одну цѣль: пользу Великобританіи! а въ выборѣ средствъ, для достиженія этой цѣли, она никогда не останавливается. Какимъ предлогомъ оправдывалась Англія въ войнѣ своей противъ Китая извѣстно, конечно, изъ дипломатическихъ ея нотъ: но для Россіи по Восточной Сибири важны не предлоги, а существо дѣла и результаты этой войны, въ началѣ которой Китайское правительство уже чувствовало свою слабость и охотно бы приняло совѣты и помощь Россіи. Еслибы мы и нынѣ остались неподвижными, какъ были прежде, или ограничились бы только отыскиваніемъ ближайшихъ западныхъ сообщеній съ Китаемъ и открытіемъ новыхъ таможенъ на западной съ нимъ границѣ, оставляя всю восточную, на шести тысячахъ верстахъ, и Сибирь тому же политическому направленію и порядку, которые существовали въ теченіи 150 лѣтъ; еслибы не обратились къ особымъ мѣрамъ въ Восточномъ океанѣ,—то, конечно, результаты Англійской войны въ Китаѣ и распространеніе морскихъ силъ ихъ въ тамошнихъ моряхъ могли бы имѣть безвозвратныя вредныя послѣдствія не только для торговли нашей съ Китаемъ, но и для самаго владычества нашего въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ и навсегда прекратить всѣ будущіе тамъ виды Россіи, которая между тѣмъ, по давности обладанія сѣверными берегами Восточнаго океана, имѣетъ болѣе правъ и болѣе средствъ, чѣмъ всякая другая держава, господствовать, по крайней мѣрѣ, на азіатской его сторонѣ. Россія въ послѣдніе 150 лѣтъ сдѣлала столь быстрые успѣхи на западныхъ своихъ границахъ, что только отдаленность восточныхъ ея оконечностей можетъ служить оправданіемъ неподвижности ея въ тѣхъ странахъ и моряхъ. Однакожъ нельзя сказать, чтобы въ продолженіе этого времени не было проявленія правительственной дѣятельности даже до Камчатки и Японіи; *но послѣ 1812 года тамъ все остановилось, и никакія событія въ Китаѣ и въ Восточномъ океанѣ не могли поколебать этого усыпленія, доколѣ нынѣ Державная власть не заставила насъ обратиться къ этому предмету и не дала права излагать объ немъ мнѣніе свое тѣмъ, которые имѣютъ возможность ближе видѣть и знать это дѣло*, а по своему служебному положенію подлежать и отвѣтственности предъ Государемъ за невыгодныя послѣдствія, которыя, по настоящему положенію дѣла, могла бы уже имѣть наша неподвижность. —»Въ силу такихъ соображеній[1] Муравьевъ считалъ главнѣйшимъ вопросомъ—опредѣленіе нашей

[1] Воспоминанія о Сибири Б. В. Струве. С.-Пб. 1889 г., стр. 153—154.

границы съ Китаемъ на крайнемъ Востокѣ, но, по отдаленности этихъ мѣстъ отъ Петербурга, онъ находилъ, что едва-ли этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ, особенно по наблюденію за ходомъ дѣлъ въ Китаѣ, можетъ быть разрѣшенъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При тѣхъ преобразованіяхъ, которыя тогда по Высочайшей волѣ совершались въ Забайкальскомъ краѣ, несомнѣнно было бы полезнѣе, чтобы мѣстному главному начальнику было предоставлено *войти въ непосредственныя сношенія съ Китайскимъ Трибуналомъ и нашею духовною миссіею въ Пекинѣ*, которая обязывалась бы вести всю свою переписку съ министерствомъ черезъ генералъ-губернатора и принимать къ исполненію его отношенія. При этомъ измѣненіи имѣлось въ виду главнымъ образомъ, чтобы генералъ-губернаторъ, получая ближайшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Китаѣ и о томъ впечатлѣніи, которое тамъ производили наши преобразованія въ краѣ Забайкальскомъ и другія предпріятія, могъ безъ потери времени истолковать виды и желанія нашего правительства Китайскому и, соображаясь съ отвѣтами послѣдняго, приготовляться къ исполненію повелѣній нашего высшаго правительства также безъ потери времени, столь драгоцѣннаго, когда надобно пользоваться обстоятельствами, и еще болѣе драгоцѣннаго, когда необходимо предупреждать дѣйствія дѣятельныхъ соперниковъ, дававшихъ повсюду полномочіе мѣстнымъ своимъ агентамъ. Затѣмъ, *вторымъ*, но въ то же время болѣе обширнымъ, вопросомъ являлись дѣйствія наши на Восточномъ океанѣ.» — «Двадцать пять лѣтъ тому назадъ», продолжалъ Муравьевъ, «Россійско-Американская Компанія обращалась къ правительству съ просьбою о занятіи Калифорніи, которой тогда еще никто почти не владѣлъ, сообщая при томъ свои опасенія, что скоро область эта сдѣлается добычею Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ Петербургѣ не вѣрили этому опасенію и утверждали, что это можетъ случиться развѣ черезъ сто лѣтъ. Компанія утверждала, что это случится черезъ двадцать пять лѣтъ, и вотъ уже болѣе года, какъ Калифорнія составляетъ одинъ изъ Штатовъ Сѣверо-Американскихъ. Нельзя было не предусматривать быстраго распространенія владычества Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Сѣверной Америкѣ, нельзя было и тогда же не предусматривать, что Штаты эти, утвердившись однажды на Восточномъ океанѣ, скоро будутъ тамъ первенствовать передъ всѣми другими морскими державами и будутъ имѣть надобность во всемъ сѣверо-западномъ берегѣ Америкѣ. Владычество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во всей Сѣверной Америкѣ такъ натурально, что намъ очень и жалѣть не должно, что двадцать пять

лѣтъ тому назадъ мы не утвердились въ Калифорніи,—пришлось бы рано или поздно уступить ее: но уступая *мирно*, мы бы могли взамѣнъ получить другія выгоды отъ Американцевъ. Впрочемъ теперь, съ изобрѣтеніемъ и развитіемъ желѣзныхъ дорогъ, болѣе еще, чѣмъ прежде, должно убѣдиться въ мысли, что Сѣверо-Американскіе Штаты неминуемо распространятся по всей Сѣверной Америкѣ, и *намъ нельзя не имѣть въ виду, что рано или поздно придется имъ уступить Сѣверо-Американскія владѣнія наши.* [1] Нельзя было однакожъ при этомъ соображеніи не имѣть въ виду и другого: что весьма натурально и для Россіи если не владѣть всею Восточною Азіею, то господствовать на всемъ Азіатскомъ прибрежьи Восточнаго океана. По обстоятельствамъ мы допустили вторгнуться въ эту часть Азіи Англичанамъ, которые, весьма натурально въ ущербъ и въ упрекъ всей Европѣ, изъ небольшого острова своего предписываютъ законы свои во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая Америки, и законы, клонящіеся отнюдь не въ пользу человѣчества, а въ удовлетвореніе лишь коммерческихъ интересовъ Великобританіи съ нарушеніемъ спокойствія и благосостоянія другихъ народовъ,—но дѣло еще можетъ поправиться *тѣсною связью нашею съ Сѣверо-Американскими Штатами.* Англія употребляетъ всѣ усилія, чтобы не допустить этой связи; агенты ея вездѣ и всѣми средствами стараются отдалять Америку отъ Россіи. Къ самымъ существеннымъ условіямъ Англіи въ этомъ отношеніи должно принадлежать: овладѣть Камчаткою или оставить ее пустынною и господствовать на Восточныхъ берегахъ Китая и Японіи и такимъ образомъ, такъ сказать, *отрѣзать Россію отъ Восточнаго океана.* Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту же систему должно входить овладѣніе Сахалиномъ и устьемъ Амура. Дабы съ одной стороны пріуготовить, въ вышеизложенныхъ соображеніяхъ, для нашей Американской Компаніи твердое и удобное владѣніе, вмѣсто Сѣверо-Американскаго берега, а съ другой стороны быстрѣе и вѣрнѣе развить наше владычество на принадлежащемъ намъ берегу Восточнаго океана, необходимо нынѣ же разрѣшить Россійско-Американской Компаніи утвердиться на Сахалинѣ, откуда неминуемо торговля ея разовьется съ Японіею и съ Кореею.» — «Затрудняюсь опредѣлить», заключаетъ Б. Струве, «въ какой мѣрѣ тогдашнія сношенія съ Китаемъ повели бы къ достиженію главной въ той странѣ правительственной

——

[1] Какая дальновидность! восклицаетъ Струве. Стран. 155. Въ 1867 году наше правительство уступило всю нашу Сѣверо-Американскую территорію Сѣверо-Американскимъ Штатамъ.

цѣли, а именно къ плаванію по Амуру и къ распространенію Сибирскихъ нашихъ предѣловъ до устья этой рѣки, Муравьевъ положительно заявилъ, что существовавшій порядокъ сношеній съ Китаемъ и постоянное опасеніе Англичанъ не приведутъ къ желаемому результату, и самыя дѣйствія, по Высочайшей волѣ уже предпринятыя, легко могутъ остаться безъ пользы и послѣдствій, если сношенія останутся въ прежнемъ порядкѣ и въ прежнемъ духѣ.»

Ближайшимъ послѣдствіемъ поданной записки Муравьева о дѣлахъ Восточной Сибири было Высочайшее утвержденіе штатовъ для Амурской экспедиціи, ставшей засимъ уже исключительно *правительственною*, съ окончаніемъ всѣхъ расчетовъ съ Россійско-Американскою Компаніею собственно по вопросу о занятіи устьевъ Амура. Вопросъ о занятіи острова Сахалина былъ немедленно подвергнутъ Его Высочествомъ генералъ-адмираломъ тщательному обсужденію съ участіемъ Муравьева и членовъ правленія Сѣверо-Американской Компаніи, и составленныя этимъ порядкомъ предположенія были препровождены Великимъ Княземъ къ государственному канцлеру Нессельроде, съ требованіемъ повергнуть таковыя на Высочайшее воззрѣніе, непремѣнно въ присутствіи Его Высочества. 11-го апрѣля воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о предоставленіи Россійско-Американской Компаніи занять островъ Сахалинъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ она владѣла другими землями, упомянутыми въ ея привилегіяхъ, съ тѣмъ, чтобы не допускать на Сахалинѣ никакихъ иностранныхъ заселеній. ни произвольныхъ, ни по взаимному соглашенію. Сахалинская экспедиція была совершенно отдѣлена отъ Амурской, сдѣлавшейся исключительно правительственною; только при первоначальномъ занятіи Сахалина, до назначенія туда отъ Компаніи особаго правителя, она пользовалась, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, чинами и средствами Амурской экспедиціи, но въ политическомъ отношеніи она должна была состоять подъ начальствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, который имѣлъ командировать въ ея распоряженіе необходимое число офицеровъ и нижнихъ чиновъ. [1]

Вслѣдъ затѣмъ Государь приказалъ доложить себѣ объ изысканіяхъ, произведенныхъ полковникомъ Ахте. «Докладъ этотъ»,— пишетъ П. В. Шумахеръ, [2] «былъ назначенъ 22-го апрѣля въ присутствіи Наслѣдника Престола, Великаго Князя Константина Николаевича и военнаго министра. Къ докладу потребованы были

---

[1] Б. В. Струве. Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 156—157.

[2] Русскій Архивъ. 1878 г., кн. II, стр. 273—274.

Муравьевъ и полковникъ Ахте. Въ то же время были представлены Государю всѣ съемки и карты Восточной Сибири, составленныя, какъ экспедиціею полковника Ахте, такъ и другими членами Генеральнаго штаба Восточной Сибири. Докладъ 22-го апрѣля былъ сдѣланъ Муравьевымъ съ свойственными ему энергическими и основательными объясненіями, что и побудило Государя сдѣлать повелѣніе о занятіи залива де-Кастри и сосѣдняго съ нимъ озера Кизи. Государь очень милостиво обошелся съ полковникомъ Ахте, разсматривалъ всѣ карты, разспрашивалъ его подробно о его путешествіи и свѣдѣніяхъ, имъ собранныхъ, и по разсмотрѣніи карты и соображеніи ея съ Нерчинскимъ трактатомъ, изволилъ сказать о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ рѣки Буреи къ морю: «*Итакъ это наше!*» Обратившись къ военному министру, Государь сказалъ: «*Такъ и снестись объ этомъ съ Китайцами.*»

Потомъ, подозвавъ къ общей картѣ Амура Муравьева, говоритъ ему: «*Все это хорошо, но я, однако, долженъ посылать защищать это изъ Кронштадта* (указывая на устьѣ Амура).» —Тогда Муравьевъ отвѣтилъ ему: «*Кажется, нѣтъ надобности, Государь, такъ издалека*», и, проводя рукою по теченію Амура изъ Забайкальскаго края, прибавилъ: «*можно и ближе подкрѣпить.*»

Государь при этихъ словахъ положилъ ему руку на голову и сказалъ: «*Эхъ, Муравьевъ, ты, право, когда-нибудь сойдешь съ ума отъ Амура!*» Муравьевъ отвѣчалъ: «*Государь! сами обстоятельства указываютъ этотъ путь.*» Государь, ударивъ его по плечу, сказалъ: «*Ну, такъ пусть же обстоятельства къ этому и приведутъ: подождемъ.*»

Съ этими словами Государь отпустилъ Муравьева, не предполагая, разумѣется, что не пройдетъ и года, какъ онъ будетъ вынужденъ силою обстоятельствъ осуществить слова Муравьева.

Что же касается до того, что Государь былъ очень доволенъ докладомъ и всѣми тѣми свѣдѣніями, которыя онъ получилъ отъ Муравьева, ясно было потому, что на другой же день послѣ доклада Муравьевъ получилъ награду при слѣдующей грамотѣ, отъ 23-го апрѣля: «Примѣрно-ревностные и неутомимые труды ваши къ развитію благосостоянія обширнаго края, ввѣреннаго управленію вашему, и быстрые успѣхи по устройству казачьихъ сословій Восточной Сибири, согласно Нашимъ видамъ и указаніямъ, пріобрѣли вамъ право на особенное благоволеніе Наше.

Въ справедливое воздаяніе за столь полезную службу, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего Бѣлаго Орла, знаки коего при семъ пре-

провождая, пребываемъ Монаршею Нашею милостью къ вамъ благосклонны. «Николай».

Разсматривая 22-го апрѣля подробную карту, составленную полковникомъ Ахте, Государь Императоръ, какъ мы уже знаемъ, сказалъ военному министру, чтобы снестись съ Китайцами о томъ пространствѣ Пріамурья, которое лежитъ отъ р. Буреи къ морю. „Но въ Азіатскомъ департаментѣ это приказаніе, въ томъ смыслѣ и направленіи, какъ думалъ Государь, было», — продолжаетъ П. В. Шумахеръ,[1] — «замято; тамъ тянули и тянули отправлять это сношеніе до тѣхъ поръ, пока генералъ Муравьевъ не уѣхалъ въ отпускъ за границу для излѣченія болѣзни, и отправили свою ноту въ Пекинъ въ то время, когда уже Муравьева не было въ Петербургѣ, и въ такомъ смыслѣ, который могъ только вредить Амурскому дѣлу. Послѣдствіемъ этого, какъ мы увидимъ, было то, что возникли весьма трудно одолѣваемыя осложненія въ переговорахъ нашихъ съ Китайскимъ правительствомъ.» Ходатайство же Муравьева о сплавѣ по рѣкѣ Амуру запасовъ, оружія, продовольствія и войскъ было передано на разсмотрѣніе особаго комитета.

Вѣсть о Высочайшемъ разрѣшеніи занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и озеро Кизи, какъ о новомъ знакѣ довѣрія Царя и высшаго правительства къ Муравьеву, привезъ въ Иркутскъ, принятый имъ въ Петербургѣ на сибирскую службу, маіоръ Н. В. Буссе. Н. Н. Муравьевъ, устроивъ такимъ образомъ всѣ дѣла на пользу Восточной Сибири, могъ уѣхать за границу для отдохновенія, послѣ той тяжелой борьбы, которую онъ вынесъ въ Петербургѣ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Онъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ и отправился прежде всего къ Маріенбадскимъ водамъ.

[1] Русскій Архивъ. 1878 г., кн. III, стр. 274.

XXXIX.

Дѣйствія Амурской экспедиціи подъ начальствомъ Невельского. Дальнѣйшія изслѣдованія его послѣ полученія Высочайшаго повелѣнія.—Геройскія дѣйствія и послѣдствія экспедиціи.—Лица, участвовавшія въ ней.

1853 г.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ экспедиціи капитана Невельского, для котораго Высочайшее разрѣшеніе занятія залива де-Кастри и сосѣдняго съ нимъ мѣстечка Кизи должно было имѣть существенно важное значеніе, въ виду дальнѣйшихъ изслѣдованій Пріамурскаго края. Припомнимъ, что представленіе Муравьева о необходимости занятія помянутыхъ пунктовъ сдѣлано было еще въ началѣ 1852 года; можно было заранѣе предвидѣть всѣ тѣ мытарства, какія суждено будетъ пройти этому представленію въ Петербургѣ, прежде чѣмъ удастся привести дѣло къ желаемому результату: во всякомъ случаѣ, даже при счастливомъ ходѣ дѣла, экспедиціи Невельского пришлось бы очень долго ожидать разрѣшенія изъ Петербурга, по самой отдаленности края. А между тѣмъ весной 1852 года экспедиція эта была уже на мѣстѣ своего назначенія, и капитанъ Невельской, не желая упустить благопріятнаго времени, рѣшился дѣйствовать вопреки инструкціи: ободряемый хорошо извѣстными ему личными планами Муравьева, а равно и собственною увѣренностью въ томъ, что разрѣшеніе на занятіе столь важныхъ пунктовъ, какъ де-Кастри и Кизи, рано или поздно послѣдуетъ, онъ заложилъ въ этихъ мѣстахъ Русскія поселенія.

«Съ лѣта 1852 года».—пишетъ Д. Романовъ,[1] «Невельской счелъ необходимымъ имѣть въ селеніи Кизи постоянно приказчика Россійско-Американской Компаніи съ небольшимъ числомъ запасовъ и товаровъ, а въ заливѣ де-Кастри устроить зимовье. Исполненіе послѣдняго дѣла возложено было на лейтенанта Бошняка.

Бошнякъ, согласно съ данными ему приказаніями, поставилъ въ заливѣ де-Кастри зимовье и прозимовалъ въ немъ; 2-го мая 1853 года отправился на гиляцкой лодкѣ съ 3-мя человѣками, вдоль матерого берега на югъ, производя опись. 23-го мая онъ достигъ бухты *Хаджи*, лежащей по его наблюденіямъ въ широтѣ 49°, и назвалъ ее заливомъ *Императоръ Николай I* (Императорская гавань), а внутреннія ея развѣтвленія — заливами *Крестовымъ, Маріи, Ольги, Александры и бухтами Александровскою, Константиновскою, Владимірскою, Алексѣевскою и Михайловскою.* Недостатокъ провіанта не дозволилъ лейтенанту Бошняку продолжать свой путь далѣе къ югу, и потому онъ, собравъ свѣдѣнія отъ жителей бухты Хаджи, что южнѣе ихъ на 12 дней пути въ лодкѣ, впадаетъ въ море большая рѣка *Самальга*, при устьѣ которой есть закрытая бухта, а далѣе къ югу другой заливъ; что по берегамъ этой рѣки растетъ дубовый лѣсъ, и что вершины ея близко подходятъ къ рѣкѣ Уссури, — возвратился обратно въ заливъ де-Кастри, пославъ донесеніе капитану Невельскому.

Вскорѣ послѣ исполненія этого порученія Бошнякомъ, а именно 12-го іюля 1853 года, прибылъ изъ Аяна въ Петровское транспортъ «Байкалъ» и передалъ капитану Невельскому, при предписаніи Н. Н. Муравьева, Высочайшее повелѣніе занять островъ Сахалинъ, заливъ де-Кастри и селеніе Кизи. Это повелѣніе, конечно, чрезвычайно обрадовало и успокоило Невельского, давъ теперь ему возможность смѣлѣе продолжать свои дальнѣйшія изслѣдованія.

Занятіе острова Сахалина было предложено министромъ иностранныхъ дѣлъ чрезъ посредство Россійско-Американской Компаніи, которой на этотъ предметъ было выдано 50.000 р., за что она обязалась содержать тамъ безсрочно не менѣе 100 человѣкъ. По этому поводу и по предложенію Муравьева, капитанъ Невельской на томъ же транспортѣ «Байкалъ» отправился къ острову Сахалину, для обзора его береговъ и выбора на нихъ удобнаго для занятія пункта, прошелъ съ сѣвера вдоль восточнаго берега Сахалина и, обогнувъ южную его оконечность, чрезъ проливъ Лаперуза, на обратномъ пути къ сѣверу подошелъ къ самой уз-

---

[1] Русское Слово. 1859 г., іюль, стр. 128—133.

кой части, именно къ устью р. Кусунай. Находя этотъ пунктъ удобнымъ для наблюденія за дѣйствіями ожидаемой американской эскадры, капитанъ Невельской 21-го іюля поставилъ здѣсь постъ *Ильинскій* и оставилъ въ немъ 6 человѣкъ съ гиляцкой лодкой. Отправившись отсюда въ Императорскую гавань и находя, что она представляетъ весьма важный пунктъ въ Татарскомъ проливѣ, капитанъ Невельской счелъ необходимымъ немедленно занять этотъ заливъ. Такимъ образомъ, 1-го августа 1853 года, въ самой большой изъ внутреннихъ гаваней, именно Константиновской, онъ поднялъ военный флагъ и поставилъ постъ, названный имъ въ честь генерала-адмирала *Константиновскимъ*. Слѣдуя далѣе къ сѣверу, капитанъ Невельской зашелъ въ заливъ де-Кастри и на берегу его, 5-го августа, поднялъ флагъ и поставилъ постъ, названный имъ *Александровскимъ*. Перейдя послѣ того на озеро Кизи, онъ, 7-го августа, у деревни *Котовъ*, при выходѣ изъ озера поднялъ флагъ и поставленный здѣсь постъ назвалъ *Маріинскимъ*. Такимъ образомъ построенный капитаномъ Невельскимъ въ Гельсингфорсѣ и приведенный въ 1849 году изъ Кронштадта транспортъ «Байкалъ» положилъ въ 1853 году первое начало плаванію русскихъ судовъ по Татарскому проливу.

На обратномъ пути изъ залива де-Кастри транспортъ «Байкалъ», подойдя къ Ильинскому посту, высадилъ здѣсь подпоручика Орлова съ 8-ю человѣками и, черезъ проливъ Лаперуза, прибылъ кругомъ острова Сахалина въ Петровское. Прибывшій сюда изъ залива де-Кастри, чрезъ Кизи, капитанъ Невельской, получивъ отъ Н. Н. Муравьева увѣдомленіе, что весною слѣдующаго 1854 года прибудутъ въ составѣ Амурской экспедиціи еще 250 человѣкъ, счелъ нужнымъ озаботиться заготовленіемъ для нихъ продовольствія, а потому предписалъ транспорту «Байкалъ» идти въ Аянъ, а оттуда въ Петропавловскій портъ, тамъ зимовать и раннею весною, нагрузившись провіантомъ, прибыть въ заливъ де-Кастри. Такимъ образомъ транспортъ «Байкалъ», прибывъ въ Аянъ, взялъ тамъ грузъ, заготовленный для Камчатки, и отправился на зимовку въ Петропавловскій портъ. Транспортъ «Иртышъ», взявъ въ Аянѣ грузъ для Сахалинской экспедиціи, направился, согласно предписанію капитана Невельского, въ заливъ Аниву, на островѣ Сахалинѣ.

Между тѣмъ, состоящій для особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, маіоръ Буссе, прибывъ на кораблѣ Россійско-Американской Компаніи «Николай» изъ Аяна въ Петропавловскъ, взялъ тамъ команду, назначавшуюся для Сахалина, и на томъ же суднѣ прибылъ въ Петровское 26-го августа. Здѣсь капитанъ

Невельской, найдя, что взятое маіоромъ Буссе въ Петропавловскомъ портѣ продовольствіе для Сахалинской команды весьма недостаточно, отправился вмѣстѣ съ нимъ на кораблѣ «Николай» сначала въ Аянъ для пополненія запасовъ, а послѣ того къ южной оконечности острова Сахалина, въ заливъ Аниву. Здѣсь, у селенія Томара-Анива, были свезены 80 человѣкъ Сахалинской команды, продовольствіе и другіе предметы. Маіоръ Буссе и лейтенантъ Рудановскій, оставшіеся здѣсь со своею командою на зимовку, построили близъ этого селенія деревянный острожекъ съ башнями, названный Муравьевскимъ постомъ. По позднему времени года, корабль «Николай» нашелся вынужденнымъ зайти въ Императорскую гавань и тамъ зимовать въ Константиновской бухтѣ.

Оставленный въ Ильинскомъ посту подпоручикъ Орловъ, по инструкціи капитана Невельского, долженъ былъ отсюда идти въ лодкѣ вдоль западнаго Сахалинскаго берега на югъ къ мысу Крильонъ, въ проливѣ Лаперуза, и здѣсь ожидать нашего судна, которое должно было идти изъ Анивы, и здѣсь его взять. Но подпоручикъ Орловъ, проведя въ Ильинскомъ посту около мѣсяца, занимаясь изслѣдованіями окрестной мѣстности и жителей, расчиталъ, что по позднему времени онъ не можетъ застать нашего судна у мыса Крильонъ, и свѣдавъ кромѣ того отъ жителей объ иностранномъ судпѣ, крейсирующемъ около южныхъ береговъ Сахалина, перевалилъ черезъ узкую часть этого острова—отъ устья Кусупая на восточной берегъ, купилъ тамъ у жителей лодку и въ ней направился въ заливъ Аниву. Не доходя мыса Анива, онъ изъ залива Мордвинова перетащилъ свою лодку черезъ материкъ въ заливъ Буссе, и самъ съ частію команды пѣшкомъ пришелъ въ Муравьевскій постъ 30-го сентября. 1-го октября сюда пришелъ транспортъ «Иртышъ», слѣдовавшій изъ Аяна въ Камчатку, принялъ къ себѣ подпоручика Орлова и, выйдя изъ Анивы, за позднимъ осеннимъ временемъ и сильными противными вѣтрами, не могъ попасть въ Петропавловскій портъ, почему и спустился на зимовку въ Императорскую гавань. Отсюда подпоручикъ Орловъ на собакахъ отправился зимою по рѣкамъ: Тумджинъ, Хаянь и Яй (Ай) на озеро Кизи и прибылъ благополучно въ Маріинскій постъ.»

Таковы были первыя дѣйствія первыхъ сподвижниковъ занятія устьевъ Амура, положившія прочное начало русскому вліянію въ низовьѣ той рѣки и сопредѣльныхъ ей берегахъ Татарскаго пролива. Горсть людей, выброшенная въ 1850 году въ дикую пустыню на Петровской кошкѣ, вмѣсто предназначеннаго ей основанія простого зимовья для расторжки съ Гиляками, успѣла, несмотря

на всевозможныя лишенія и нужды, въ теченіе двухъ лѣтъ обслѣдовать пустынную мѣстность низовья Амура, утвердиться на главныхъ пунктахъ и распространить русское вліяніе на все окрестное народонаселеніе. И это совершилось, несмотря на всѣ интриги въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Такъ напримѣръ, какъ свидѣтельствуетъ П. В. Шумахеръ,[1] «капитанъ Невельской, по возвращеніи своемъ въ октябрѣ 1853 года въ Петровское зимовье, узналъ, что туда заходилъ, во время его отсутствія, командиръ шкуны «Востокъ», Римскій-Карсаковъ,[2] и передалъ, что вице-адмиралъ Путятинъ рѣшительно противъ всякихъ занятій на материкѣ, противъ всякихъ видовъ на Амуръ; запретилъ ему, Римскому-Карсакову, входить въ эту рѣку, такъ какъ это мѣсто принадлежитъ Китаю; протестовалъ противъ настоящаго занятія Сахалина, увѣряя, что это помѣшаетъ переговорамъ его съ Японцами, и что впослѣдствіи онъ Сахалинъ займетъ самъ. Вліяніе графа Нессельроде было явное. Но въ это время генералу Муравьеву было не до антагонизма Путятина съ Невельскимъ: ему предстояло спасать страну отъ другого непріятеля. Онъ самъ хорошо понималъ, насколько намъ нужно заботиться о Сахалинѣ. Несмотря на все это, твердость духа и отчаянная рѣшимость начальника экспедиціи, постоянно руководимаго необычайнымъ тактомъ и мудрыми указаніями Муравьева, привели къ тому, что, по истеченіи только двухъ лѣтъ, Русскіе стали твердою ногою въ устьѣ Амура на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Николаевскъ,— открыли, что рѣка, въ 300 верстахъ выше устья, весьма близко подходитъ къ единственному близъ лимана заливу де-Кастри, почему и заняли Кизи и составляющій какъ бы второе устье Амура заливъ де-Кастри, сдѣлавшійся въ настоящее время непремѣнною станціею для судовъ, идущихъ съ юга въ устье Амура. Вмѣстѣ съ этимъ открыты были мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ и одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ —заливъ Императора Николая I; собраны были положительныя данныя о независимости жителей матерого берега и острова Сахалина, доставлены свѣдѣнія о рѣкѣ Уссури и ея важности въ отношеніи близкаго сосѣдства ея съ незамерзающими портами Маньчжурскаго берега, и получены были основательныя доказательства того, что край, отъ меридіана верховьевъ рѣки Уды къ востоку до моря, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ что сдѣлали въ Пріамурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта

---

[1] Неизданныя его записки, взятыя изъ архива князя М. С. Волконскаго.

[2] Воинъ Андреевичъ, впослѣдствіи былъ директоромъ Морского Кадетскаго Корпуса.

«Байкалъ» въ 1849 году и горсть людей, брошенная въ 1850 году на дикое прибрежье среди непроходимыхъ пустынь за 10.000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія, зимою холодъ, часто и голодъ отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки, подвергаясь опасности быть потопленными наводненіемъ, эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжкихъ трудовъ и испытаній; руководимые своимъ достойнымъ начальникомъ, дѣйствовавшимъ часто внѣ повелѣній, подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвергнуться строгой отвѣтственности, они во всѣхъ случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпляемые упованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго и сознаніемъ высокихъ общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества.»

Перечислимъ же здѣсь съ признательностью эти историческія имена, по времени ихъ поступленія въ составъ Амурской экспедиціи:

Въ 1850 и 1851 годахъ: капитанъ 1-го ранга Невельской, начальникъ экспедиціи: подпоручикъ Орловъ, лейтенантъ Бошнякъ, мичманъ Чихачевъ, докторъ Орловъ, подпоручикъ Воронинъ, подпоручикъ Семеновъ, приказчикъ Россійско-Американской Компаніи Березинъ; нижнихъ чиновъ 50 человѣкъ.

Въ 1852 году: исключая Семенова и Чихачева, всѣ остальные и кромѣ того: мичманъ Петровъ, мичманъ Разградскій, приказчикъ Россійско-Американской Компаніи Бауровъ; нижнихъ чиновъ 65 человѣкъ.

Въ 1853 году, кромѣ помянутыхъ: состоящій для особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ, маіоръ Н. В. Буссе, священникъ Гавріилъ (сынъ Иннокентія, впослѣдствіи митрополита Московскаго), капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, лейтенантъ Рудановскій; нижнихъ чиновъ 75 человѣкъ.

XL.

Лѣченіе Муравьева въ Маріенбадѣ.—Письмо его къ М. С. Карсакову. Остановка торговли въ Кяхтѣ.—Письма Муравьева къ брату Валеріану Николаевичу. Возвращеніе его въ Петербургъ и письмо къ брату.—Дѣятельность Муравьева въ Петербургѣ и заявленіе его министру финансовъ о необходимости сдѣлать Кяхтинскій торгъ свободнымъ.—Нравственное состояніе Муравьева и его письмо къ брату. Недоброжелательство къ нему Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Внушеніе Муравьева Ребиндеру.—Заботливость его о внутреннихъ дѣлахъ въ Сибири. Докладъ Государю о добычѣ золота.

—

1853 г.

—

Лѣченіе Николая Николаевича Муравьева въ Маріенбадѣ шло очень успѣшно: оно возстановило его здоровье, и по окончаніи курса лѣченія Муравьевъ путешествовалъ по Франціи, Италіи и Бельгіи. «Поѣздка эта была для меня».—писалъ Муравьевъ къ М. С. Карсакову,—«чрезвычайно полезна не только физически, но и нравственно,—я продолжаю учиться, по пословицѣ: вѣкъ живи, вѣкъ учись..» Франціи я не узнаю и не могу повѣрить, чтобы здѣсь былъ 48-й годъ; всѣ такъ скромны, такъ покорны, такъ почтительны къ своему правительству и разсуждаютъ только въ томъ духѣ и даже словами, которыя оно указываетъ, и поэтому обвиняютъ насъ въ восточномъ вопросѣ. Здѣсь, болѣе чѣмъ когда-либо, я убѣждаюсь, какъ вредна Англія для блага Европы: не мытьемъ, такъ катаньемъ она достигаетъ своей цѣли и владычествуетъ вездѣ единственно въ свою пользу. Господи, Господи! сердце Царево въ руцѣ Твоей, просвѣти его, да сброситъ съ себя Россія иго этихъ островитянъ, которое тяготѣетъ надъ нами 53-й годъ и препятствуетъ ей, матушкѣ, развиваться. Не Турокъ, не Черкесъ, не Французъ, не Нѣмецъ, не демократъ, не демагогъ—

главные враги Россіи и великаго ея Государя: они болтаютъ, но смиряются.—одни Англичане повелѣваютъ! Торговля на Кяхтѣ совсѣмъ остановилась, можетъ быть, впрочемъ и это къ лучшему.» Остановка торговли на Кяхтѣ одинаково тягостно отзывалась, какъ на нашей промышленности, такъ и торговыхъ оборотахъ Китайцевъ. Ургинскій амбань Бейсэ (губернаторъ), игравшій впослѣдствіи немаловажную роль при переговорахъ Муравьева объ опредѣленіи границъ между Россіею и Китаемъ, со времени сокращенія торговли на Кяхтѣ съ начала 1853 года, сталъ искать сближенія съ нашимъ Кяхтинскимъ градоначальникомъ съ видимою цѣлью, если возможно, разъяснить причины ненормальныхъ торговыхъ отношеній, установившихся за послѣднее время на Кяхтѣ, и этимъ воочію опровергъ опасеніе, пущенное въ ходъ членами Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что Китайцамъ не понравится учрежденіе въ 1851 году Кяхтинскаго градоначальства, и что Ургинскіе правители, можетъ быть, даже не захотятъ сноситься съ Кяхтинскимъ градоначальникомъ вмѣсто Иркутскаго губернатора.

О подробностяхъ пребыванія своего за границей и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ сообщаетъ въ письмахъ къ брату Валеріану Николаевичу [1] изъ Маріенбада, отъ 15 іюля, такъ: «Оканчивая на дняхъ лѣченіе наше здѣсь, мы [2] отправляемся черезъ Франкфуртъ на Майнѣ во Францію: Маріенбадъ обоимъ намъ принесъ большую пользу.... Изъ письма твоего я вижу, что ты уѣхалъ изъ Петербурга, успокоенный на счетъ твоего служебнаго положенія. Слава Богу, по помни, что все-таки энергическихъ дѣйствій не желаютъ; отчетъ первоначальнаго обозрѣнія губерніи можно вовсе не писать и ограничиться однимъ годовымъ, который пойдетъ въ мартѣ;—чѣмъ меньше будутъ объ тебѣ читать оффиціальнаго, тѣмъ лучше.

Маріенбадъ—мѣсто очень глухое, хотя и есть до 3 т. посѣтителей, но большею частію все Нѣмцы, Поляки, Молдаване и нѣсколько Русскихъ:—политическія вѣсти мы почерпаемъ изъ трехъ только французскихъ газетъ.»

$^{14}/_{26}$ *августа, Мадридъ.* «... Въ Испанію я поѣхалъ, чтобы посмотрѣть на эту страну, такъ мало намъ извѣстную, а черезъ двѣ недѣли съѣдемся опять съ женою въ *По.* Мадридъ — большой и чистенькій городъ; я видѣлъ на прогулкѣ въ *Прадо* большое и

[1] Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ былъ въ то время Олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ.

[2] т. е. вмѣстѣ съ своею супругою Екатериною Николаевною.

очень порядочное общество, но, къ сожалѣнію, ничего не понимаю, что̀ они говорятъ; впрочемъ, здѣсь все на французскій манеръ: и ходятъ, и ѣдятъ, и одѣваются, а потому здѣсь въ городѣ еще не видно настоящей Испаніи, и для этого я черезъ три дня отправлюсь въ Валенцію, на берегу Средиземнаго моря, оттуда въ Барцелону, оттуда переѣду опять Пиринейскія горы сухимъ путемъ въ Перпиньянъ, а оттуда въ Марсель, гдѣ назначили мы съ Булычевымъ [1] съѣхаться 5-го или 6-го сентября новаго стиля, а 9-го новаго же стиля буду обратно въ По. Кстати о Булычевѣ. Четыре дня тому назадъ, я гуляю на Баіоннѣ, и вдругъ передо мною Иванъ Демьяновичъ.—«Откуда вы и зачѣмъ здѣсь?» — Я въ Пиринеяхъ лѣчусь на сѣрныхъ водахъ и пріѣхалъ въ Баіонну посмотрѣть бой быковъ; не хотите ли вы?»—«Такъ и быть, съ вами пойду.» И не хотѣлъ было смотрѣть на эту рѣзню, но вотъ мы съ Булычевымъ на бычачьемъ бою.

Вообще я очень доволенъ настоящимъ моимъ путешествіемъ, оно разсѣяло меня отъ вѣчныхъ трудовъ и заботъ, разсѣяло многія непріятныя впечатлѣнія по службѣ и оставило во мнѣ лишь необходимое для службы, т. е. твердое намѣреніе употребить всѣ мои силы и способы на пользу Государя и отечества, и укрѣпило убѣжденіе, что въ Россіи лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Европы.

Послѣзавтра только, т. е. $^{17}/_{29}$, я ѣду въ Валенцію; оттуда $\frac{20 \text{ августа}}{1 \text{ сентября}}$ въ Барцелону, а $\frac{24 \text{ августа}}{5 \text{ сентября}}$ буду въ Марселѣ; изъ Марсели черезъ Тулузу буду $\frac{28 \text{ августа}}{9 \text{ сентября}}$ въ По, а оттуда выѣду $^{1}/_{13}$ сентября черезъ Бордо въ Парижъ вмѣстѣ съ женою. Изъ Парижа поѣду на Рейнъ и въ Англію, а $^{6}/_{18}$ октября возвращусь въ Петербургъ

Выполнивъ этотъ маршрутъ по Европѣ, какъ онъ выполнялъ свои маршруты по Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ возвратился въ Петербургъ. Отсюда онъ писалъ брату Валеріану Николаевичу, отъ 15-го октября, слѣдующее: «На прошлой недѣлѣ возвратились мы въ Петербургъ; не писалъ я тебѣ до сихъ поръ потому, что еще не устроился и не зналъ даже, долго ли здѣсь пробуду. На дняхъ же былъ я у Государя, и хотя Его Величеству угодно, чтобъ я возвращеніемъ въ Иркутскъ поспѣшилъ, но угодно также, чтобъ и главнѣйшія дѣла были здѣсь при мнѣ окончены; это возьметъ времени около двухъ мѣсяцевъ, и я полагаю выѣхать отсюда въ половинѣ декабря и быть въ Иркут-

---

[1] Н. Д. Булычевъ, одинъ изъ чиновниковъ входившихъ въ составъ ревизіи сенатора Толстого. Ему, вмѣстѣ съ княземъ Георгіемъ Львовымъ, было поручено обревизовать Охотскъ и Камчатку.

скѣ въ половинѣ января. Восточный вопросъ продолжаетъ занимать высшее правительство. но мы объ немъ почти ничего здѣсь не знаемъ:—въ случаѣ войны съ Англичанами, дѣло коснется, конечно, и до моихъ странъ,—надѣюсь, что тогда пригодятся и вновь устроенныя мною войска.

Совершенно положительнаго о себѣ я ничего еще сказать не могу, ибо по нѣкоторымъ обстоятельствамъ положеніе мое весьма неблагопріятно; если это такъ продолжится, то необходимо будетъ принять рѣшительныя мѣры, какъ для пользы службы, такъ и для собственнаго моего огражденія.»

Съ пріѣздомъ въ Петербургъ. Н. Н. Муравьевъ тотчасъ приступилъ къ своимъ Сибирскимъ дѣламъ. Такъ, не дождавшись наступленія трехгодичнаго срока, въ теченіе котораго, въ видѣ опыта, назначено было дѣйствовать по правиламъ, изданнымъ въ 1851 году для Кяхтинской торговли, онъ поспѣшилъ въ началѣ ноября заявить министру финансовъ П. Ф. Броку, что наступило время измѣнить правила, установленныя въ 1800 году для нашей торговли съ Китайцами на Кяхтѣ, а именно: «*сдѣлать Кяхтинскій торгъ свободнымъ для всѣхъ и каждаго на общихъ правилахъ внѣшней торговли имперіи, не стѣсняя оного никакими исключеніями, ни рѣшительными совѣщаніями какого-либо общества, ни какою-либо общею расцѣнкою, и затѣмъ, въ отмѣну нынѣшнихъ таможенныхъ постановленій, разрѣшить на Кяхтѣ производство торговли мѣною или чистыми деньгами только въ монетѣ, а не въ пескѣ и слиткахъ, и даже кредитными билетами столь охотно принимаемыми въ китайскомъ мѣстечкѣ Маймачинѣ.*» Тогда же, по Высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ въ Петербургѣ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ товарища министра финансовъ, изъ свѣдущихъ по торговой части членовъ трехъ министерствъ: Финансовъ, Иностранныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ, для разрѣшенія вопросовъ, касающихся нашей азіатской торговли вообще и Кяхтинской въ особенности. Московско-Кяхтинскіе купцы и фабриканты также считали для себя стѣснительнымъ и для торга вреднымъ установленный правилами 1800 года порядокъ предварительнаго опредѣленія цѣнъ на товары, внѣ которыхъ мѣна *товаровъ на товаръ* ни подъ какимъ видомъ не разрѣшалась, и только въ этомъ отношеніи добивались свободы, отнюдь не допуская мысли *о торгѣ на монету и кредитные билеты.* Муравьевъ же, убѣжденный въ невозможности бороться съ контрабандою драгоцѣннымъ металломъ и денежными знаками, требовалъ полнаго освобожденія торговли на Кяхтѣ отъ всякихъ ограниченій, кромѣ, разумѣется, пошлинъ въ пользу казны. Но

Министерство Финансовъ, несмотря на то, что Муравьевъ еще въ началѣ 1849 года заявилъ, что необходимо по дѣламъ кяхтинскимъ обратиться къ новымъ направленіямъ, несогласнымъ съ прежнимъ порядкомъ вещей, не очень торопилось разрѣшеніемъ этого вопроса. [1]

Эта медленность разрѣшенія всѣхъ представляемыхъ Муравьевымъ дѣлъ чрезвычайно возмущала его, и въ письмѣ его къ брату Валеріану Николаевичу, отъ 10-го ноября, отражается какое-то безотрадное его положеніе въ Петербургѣ, потрясающее его впечатлительную душу, что, конечно, не могло не пробудить въ немъ грустныхъ размышленій. «Ты спрашиваешь объ моихъ дѣлахъ:—до сихъ поръ я объ нихъ ничего положительнаго сказать не могу и до сихъ поръ еще никакихъ распоряженій къ моему обратному отъѣзду не дѣлаю: можетъ быть, Богъ поможетъ еще избавиться отъ горькой чаши, которая мнѣ тамъ предстоитъ, если не произойдетъ никакихъ перемѣнъ.

О дѣлахъ военныхъ ты кое-что читаешь въ газетахъ; здѣсь же мы знаемъ не много больше, а толковъ и пересудовъ въ городѣ безъ конца, но правды ни отъ кого не узнаешь,—таковъ Петербургъ, таковъ точно и Иркутскъ, только оттуда пишутъ на меня доносы сюда, а отсюда некуда доносовъ писать.

Англія по прежнему къ намъ враждебна и ждетъ весны, чтобъ дѣйствовать противъ насъ и въ Черномъ и въ Балтійскомъ морѣ, а теперь забавляетъ насъ переговорами; надѣемся однакожъ, что Государь не дастся въ обманъ и услышитъ мольбу Россіи, которая понимаетъ, что пора ей сбросить англійское иго, тяготѣющее надъ нею болѣе 30 лѣтъ; въ Петербургѣ же очень боятся войны съ Англіею по всѣмъ тѣмъ же причинамъ, какъ и прежде, и теперь извѣстные люди въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ англійскимъ посланникомъ. Они и знать не хотятъ, что съ Англіею поладить мы можемъ только, унизивъ Россію и утративъ все ея вліяніе въ Европѣ и даже ея самостоятельность, что, напротивъ, война съ Англіею погубитъ ее; но повторяю, надежда на Государя, который не дастъ себя обмануть ни Англичанамъ, ни друзьямъ ихъ въ Петербургѣ.

Катенька [2] моя все прихварываетъ, то лихорадкою, то другими недугами: ей здѣшній климатъ вовсе не способенъ, а потому, если не поѣдемъ обратно, то уѣдемъ куда-нибудь въ глушь, гдѣ бы можно было и жить съ нашими малыми средствами;—на

[1] Б. В. Струве. Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 161.

[2] Супруга Николая Николаевича.

этотъ случай я храню мою заграничную штатскую одежду, которой будетъ достаточно на первый случай.

Непріятно быть въ этомъ двусмысленномъ положеніи, и еслибъ не предстояло мнѣ въ Восточной Сибири исполнить окончательно начатое дѣло, то я бы давно уже удалился:—увѣряю тебя, что никто еще въ такомъ странномъ положеніи, какъ я, не находился, и причина простая: меня выхватилъ изъ рядовъ самъ Государь и поставилъ такъ высоко, что замѣтили меня и другіе, съ которыми я однакожъ ничего общаго имѣть не могу; я иначе люблю моего Государя и отечество, чѣмъ они; я иначе понимаю пользы ихъ, чѣмъ они; я съ ними не родня, не сватъ и круга ихъ не ищу, и поэтому я для нихъ не сносенъ, а отъ Государя очень далекъ: правда, меня любятъ Его сыновья, но не передъ кѣмъ изъ нихъ хорошаго никто за меня не замолвитъ, а, напротивъ, при случаѣ всякій наброситъ тѣнь;—а дѣло у меня важное, гдѣ бы надо *явное неограниченное довѣріе*, а допустить до этого всѣ окружающіе Его и царственную семью Его не хотятъ;—вотъ мое положеніе, въ которомъ ближе всего примѣняется русская пословица: «Богъ высоко, царь далеко.»

И дѣйствительно, недоброжелательство лицъ къ Николаю Николаевичу было очевидно. «Такъ, возвратившись изъ-за границы въ октябрѣ мѣсяцѣ, Николай Николаевичъ Муравьевъ», пишетъ П. В. Шумахеръ, [1] «поспѣшилъ переговорить съ директоромъ Азіатскаго департамента Сенявинымъ и спрашивалъ его, нѣтъ ли ему надобности по сношеніямъ съ Китаемъ отправиться поскорѣе въ Восточную Сибирь? Сенявинъ ему отвѣтилъ, что *нѣтъ никакихъ особыхъ сношеній* съ Китайцами, и что по ихъ вѣдомству ему нѣтъ никакой надобности спѣшить теперь возвращаться въ Восточную Сибирь. Успокоенный такимъ отвѣтомъ, Муравьевъ уже не торопился, такъ какъ имѣлъ еще другія дѣла, рѣшенія которыхъ онъ долженъ былъ непремѣнно дождаться въ Петербургѣ, и потому преспокойно остался: какъ вдругъ, въ концѣ декабря мѣсяца, прискакалъ къ нему изъ Иркутска курьеръ съ весьма экстреннымъ донесеніемъ изъ Кяхты, что Китайскіе уполномоченные собираются въ Ургѣ и будутъ на дняхъ въ Маймачинѣ близъ Кяхты для трактованія о дѣлахъ Амура, *вслѣдствіе ноты Русскаго правительства*. Муравьевъ, возмущенный этою неожиданностію, послалъ донесеніе это прямо къ Сенявину; *тогда только сей послѣдній сказалъ ему, что дѣйствительно было подобное сношеніе, и что они имѣли уже отвѣтъ изъ Пекина, и что*

---

[1] Русскій Архивъ. 1878 г., кн. III, стр. 275—276.

трактованіе это съ Китайцами возлагается на него, генералъ-губернатора.

Недобросовѣстность вышеуказанной ноты въ Китайскій Трибуналъ очевидна, и цѣль Министерства Иностранныхъ Дѣлъ была достигнута. Нота эта дала поводъ Китайскому правительству уклоняться отъ мысли, которую Муравьевъ постоянно внушалъ Китайскимъ пограничнымъ властямъ, что лѣвый берегъ Амура долженъ намъ принадлежать: въ нотѣ этой указывалось преимущественно на необходимость постановки пограничныхъ столбовъ *по лѣвому берегу Амура;* а объ опредѣленіи границъ въ восточныхъ оконечностяхъ, вовсе неразграниченныхъ, говорится какъ о вопросѣ второстепенномъ.

Китайское пограничное начальство, пользуясь этимъ оборотомъ нашей ноты, вызвалось послать своихъ чиновниковъ для постановки столбовъ по лѣвому берегу Амура, начиная отъ рѣки Горбицы, и приглашало выслать туда же нашихъ уполномоченныхъ; но такъ какъ это основаніе было совершенно противно пользамъ Россіи, и постановка столбовъ на лѣвомъ берегу отъ Горбицы, при добровольномъ согласіи съ нашей стороны, положительно заперла бы для насъ Амуръ,—то Муравьевъ отъ этого уклонился и просилъ Трибуналъ разъяснить недоразумѣнія и разнорѣчія, *«въ этой перепискѣ возникшія»*. Подробныя обстоятельства дѣла были слѣдующія: Пекинское правительство, получивъ нашъ листъ отъ 16-го іюня 1853 года, поручило предварительное разсмотрѣніе предмета старшему Ургинскому правителю амбаню Бейсэ, съ тѣмъ, чтобъ онъ затребовалъ всѣ нужныя свѣдѣнія о мѣстности по Амуру и вызвалъ изъ Сахалянъ-Ула-Хотона Амурскаго амбаня, подъ предсѣдательствомъ котораго коммиссія должна была отправиться сперва въ Кяхту, для разъясненія требованій нашего правительства.

Въ ноябрѣ 1853 года Китайская коммиссія для разсужденія по вопросу о разграниченіи съѣхалась въ Ургѣ. Кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ, ничего объ этомъ дѣлѣ не знавшій, немедленно донесъ въ Иркутскъ и, желая, вѣроятно, поиграть въ дипломаты, просилъ поскорѣе прислать ему всѣ дѣла, планы и документы по этому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ командировать къ нему *полковника Генеральнаго штаба Зиборинскаго*.[1] Не ограничиваясь этимъ, Ребиндеръ, помимо Муравьева, *донесъ прямо отъ себя* графу Нессельроде, что происшествія въ Китаѣ могутъ отразиться волненіями въ Монголіи, и что какой-то лама Навакъ

---

[1] Начальникъ штаба.

Чопжинъ, подвыпивъ, проболтался ему о сочувствіи Монголовъ къ Русскимъ и желаніи ихъ принять Россійское подданство. Обстоятельство это было принято Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ за дѣло великой важности, и графъ Нессельроде затѣялъ объ этомъ веселомъ дѣлѣ съ г. Ребиндеромъ серьезную переписку.

Пока Ребиндеръ готовился приступить къ рѣшенію дипломатическаго вопроса, Муравьевъ написалъ ему изъ Петербурга строгое внушеніе: «что, такъ какъ никакіе вопросы о разграниченіи съ нашей стороны не могутъ быть не только рѣшаемы, но даже и начинаемы безъ Высочайшаго повелѣнія, то если бы Китайскіе коммисары изъ Урги пріѣхали въ Кяхту, то отвѣчать имъ, что онъ, Ребиндеръ, при всемъ желаніи, удовлетворить ихъ не можетъ, не получивъ приказанія отъ высшаго начальства; что Муравьевъ самъ еще не получилъ по означенному предмету никакихъ распоряженій, а потому Ребиндеру нѣтъ причины къ особой поспѣшности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Муравьевъ приказывалъ ему въ разговорахъ съ Китайскими чиновниками ограничиваться лишь обыкновенными учтивостями, не излагая даже своего мнѣнія о какихъ-либо предположеніяхъ нашего правительства.»

Таково было положеніе, въ которомъ находились дѣла наши на Амурѣ къ концу 1853 года.

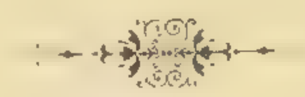
За это пребываніе свое въ Петербургѣ, Муравьевъ, несмотря на то, что былъ занятъ важными дѣлами, кои его туда привлекли, не переставалъ однакоже внимательно слѣдить за тѣмъ, что̀ происходило въ Сибири. Это можно между прочимъ видѣть изъ указанія, даннаго имъ генералу Венцелю, замѣщавшему его въ Иркутскѣ, относительно командированія изъ Иркутска въ Западную Сибирь чиновника для содѣйствія къ свободному хутеслѣдованію переселенцевъ, шедшихъ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ Минусинскій край Восточной Сибири. Переселенцы эти были двинуты по распоряженію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и шли въ очень большомъ количествѣ, многолюдными партіями. Былъ холерный годъ, переселенческія партіи захватили эпидемію и понесли ее съ собою по Сибири — странѣ, не знавшей до этого времени холеры. Мѣстные крестьяне были въ ужасѣ отъ этой болѣзни, называя ее «*Черною немочью*», выходили изъ своихъ селъ на встрѣчу поселенцевъ съ топорами и дрекольями и не впускали въ селенія, требуя чтобъ партіи объѣзжали кругомъ. Лишенные такимъ образомъ возможности подъѣзжать къ церквамъ селеній, переселенческія партіи по чувству благочестія не хоронили умершихъ по дорогѣ и везли до послѣдней крайности прокаженные и разла-

гавшіеся трупы въ своихъ телѣгахъ. Естественно, что зараза развивалась отъ того еще болѣе.

Въ сентябрѣ генералъ Венцель командировалъ въ Западную Сибирь, на встрѣчу этихъ переселенцевъ, чиновника особыхъ порученій М. С. Волконскаго, который встрѣтилъ первую переселенческую партію въ двухъ стахъ верстахъ за Томскомъ, при переправѣ ея черезъ рѣку Обь. Въ большомъ селеніи «Дубровномъ» М. С. Волконскій остановилъ дальнѣйшее слѣдованіе переселенцевъ, при содѣйствіи мѣстныхъ властей сдѣлалъ распоряженіе, чтобы переселенцы были размѣщены по квартирамъ, а больныхъ приказалъ помѣстить въ особыя отведенныя имъ избы, обращенныя во временные лазареты. Сюда были вызваны: исправникъ, засѣдатель и два врача.

Не лишено интереса то обстоятельство, что въ это время, по крайней мѣрѣ въ Сибири, лѣчили отъ холеры *кровопусканіемъ*, къ которому врачи и обращались немедленно по принесеніи каждаго больного. Процентъ смертности доходилъ до ужасающихъ размѣровъ. Для пресѣченія заразы, переселенческія партіи, такимъ образомъ, были задержаны на пути къ Томску, пока, съ наступленіемъ сильныхъ холодовъ, эпидемія не прекратилась.

Въ Петербургѣ, въ концѣ года, Муравьевъ былъ порадованъ полученнымъ изъ Иркутска донесеніемъ о добычѣ золота болѣе противу смѣтнаго исчисленія на 55 пудовъ 27 фунтовъ 11 золотниковъ. Объ этомъ Муравьевъ доложилъ Государю такъ: «Получено мною донесеніе отъ исправляющаго должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, подполковника Разгильдѣева о добычѣ въ нынѣшнемъ году на этихъ заводахъ золота 171 пудъ 17 фунтовъ и 13 золотниковъ. Дерзаю о семъ повергнуть на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе.» За это послѣдовала Муравьеву Высочайшая благодарность, изъясненная въ отзывѣ министра удѣловъ.

XLI.

Вторичное предписаніе Муравьева Кяхтинскому градоначальнику Ребиндеру относительно Китайскихъ дѣлъ. —Всеподданнѣйшее донесеніе Муравьева Государю.—Письмо его къ брату.—Постройка парохода «Аргунь» и паровой машины для этого парохода.—Изысканіе Муравьевымъ средствъ на расходы по дѣламъ восточныхъ окраинъ.—Предоставленіе права Муравьеву вести непосредственно переговоры съ Китайскимъ правительствомъ и права распоряжаться всѣми остаточными суммами.—Высочайшее повелѣніе *«плыть по Амуру»*.—Оффиціальное замѣчаніе Невельскому.—Пріѣздъ Карсакова въ Иркутскъ.—Письмо Муравьева къ брату изъ Москвы.—Посѣщеніе митрополита Филарета.—Письмо послѣдняго къ Муравьеву въ Сибирь.

1854 г.

«Въ январѣ 1854 года, Николай Николаевичъ Муравьевъ послалъ другое предписаніе Кяхтинскому градоначальнику Н. Р. Ребиндеру, чтобы онъ далъ знать Китайцамъ неоффиціальными путями, что, для приступленія къ разсужденіямъ по предмету границъ, Трибуналу ихъ необходимо отнестись листомъ къ генералу Муравьеву, т. е. *къ главному начальнику края и войскъ* въ Восточной Сибири, и сообщить ему, куда они намѣрены выслать своихъ уполномоченныхъ: въ Иркутскъ ли, или въ другое мѣсто Забайкальской области и къ какому именно времени? Предположеніе же Ребиндера, ѣхать по этому предмету въ Ургу, Муравьевъ не одобрилъ, не находя причины дѣлать въ этомъ случаѣ и въ настоящихъ обстоятельствахъ Китайскому правительству авансы.

Для пользы дѣла, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и на будущее время, Муравьевъ призналъ совершенно необходимо сохранить существующія издревле пограничныя сношенія между нашимъ губернаторомъ и Ургинскими правителями; но считалъ полезнымъ, чтобы въ то же время учредить сношенія о предметахъ болѣе важ-

ныхъ между Китайскимъ Трибуналомъ и генералъ-губернаторомъ, а не Сенатомъ, чтобы Китайцы отнюдь не смѣшивали званія градоначальника со званіемъ генералъ-губернатора, котораго они до сихъ поръ знали только по наслышкѣ: онъ желалъ, чтобъ они знали, что лицу этому подчинены и всѣ сухопутныя и морскія войска, отъ отдаленныхъ западныхъ границъ до Восточнаго океана, и что ему же подчиненъ непосредственно губернаторъ. Мысль эта была высказана впервые, достигнута впослѣдствіи Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ вполнѣ и послужила главнымъ основаніемъ успѣха дальнѣйшихъ переговоровъ.

По тогдашнему положенію дѣлъ въ Китаѣ, всѣ эти обстоятельства принимали особенную важность, и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій отъ высшаго правительства, Муравьевъ просилъ Ребиндера сдѣлать объ этомъ, кому слѣдуетъ, надлежащія внушенія и излишнею поспѣшностью не испортить въ самомъ началѣ такого дѣла, которое обдумывалось и приготовлялось многіе годы.»[1]

По этому дѣлу Муравьевъ представилъ всеподданнѣйшее донесеніе Государю, въ которомъ и указывалъ на недобросовѣстность, руководившую тогдашнимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, при составленіи вышеуказаннаго документа, отправленнаго въ Китайскій Трибуналъ. Вслѣдствіе этого донесенія, было повелѣно составить комитетъ для разсмотрѣнія всего дѣла.

«Служебныхъ хлопотъ у меня много и не безъ комитетовъ»,—писалъ Н. Н. Муравьевъ, нѣсколько успокоившись, къ брату своему Валеріану Николаевичу отъ 8-го января,—«но все кончится лучше, чѣмъ я ожидалъ: однакожъ выѣхать изъ Петербурга ранѣе не поспѣю, какъ еще черезъ двѣ недѣли.»

Между тѣмъ дѣятельность за Байкаломъ, на Шилкѣ и въ Петровскомъ желѣзо-дѣлательномъ заводѣ кипѣла. П. В. Казакевичъ, по распоряженію Муравьева, на пожертвованные еще въ 1850 году Е. А. Кузнецовымъ 100 т. рублей, былъ занятъ постройкою на Шилкѣ плоскодоннаго парохода, при закладкѣ названнаго «Аргунь», для ожидавшаго Высочайшаго разрѣшенія сплава по Амуру. На Петровскомъ заводѣ строилась паровая машина для этого парохода. Въ виду значительныхъ машино-строительныхъ и вообще желѣзо-дѣлательныхъ работъ для Восточной Сибири, Муравьевъ еще въ 1850 году приблизилъ къ себѣ горнаго инженера Оскара Александровича Дейхмана, управлявшаго въ то время Петровскимъ заводомъ, который, при первомъ обозрѣніи Муравьевымъ Забайкальской области, былъ найденъ въ жалкомъ

[1] П. В. Шумахеръ. Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 276—277.

состоянiи. Признавъ въ Дейхманѣ способнаго и энергичнаго человѣка, Муравьевъ командировалъ его въ Петербургъ для представленiя министру финансовъ и Горному департаменту различныхъ своихъ предположенiй по горнозаводскимъ дѣламъ. Затѣмъ Муравьевымъ были прiобрѣтены въ Екатеринбургѣ всѣ необходимыя части для устройства машиннаго производства на Петровскомъ заводѣ, и такимъ образомъ открылась въ Восточной Сибири судостроительная промышленность, которая впослѣдствiи осталась, къ сожалѣнiю, безъ должной поддержки. Муравьевъ, которому предстояло рѣшить *государственный вопросъ*, конечно въ правѣ былъ надѣяться, что правительство въ виду государственной важности предпринятаго *Амурскаго дѣла* не откажетъ ему удѣлить хоть бы частичку изъ получаемыхъ доходовъ съ Сибирской золотопромышленности,—но его представленiя по этому поводу встрѣтили удивительное равнодушiе со стороны морского вѣдомства, которое всецѣло предоставило ему изобрѣтать средства самому изъ собственной экономiи. «Преданiе свѣжо, но вѣрится съ трудомъ,» говоритъ Струве,[1] «предполагалось съ 1853 года имѣть постоянные крейсеры у береговъ Сибири. Генералъ-адмиралъ, озабочиваясь необходимыми по сему предмету соображенiями, нашелся вынужденнымъ препроводить составленный по его повелѣнiю расчетъ стоимости содержанiя фрегата и корвета, по внутреннему и заграничному положенiю, къ генералъ-губернатору Восточной Сибири, такъ какъ Морское Министерство не было въ состоянiи принять этотъ расходъ на свои смѣты, предлагая ему сообщить Его Высочеству, какую часть этого расхода онъ полагалъ бы отнести на *Сибирскiя* суммы. Въ виду этого Муравьевъ волей не волей долженъ былъ, иногда въ ущербъ мѣстнымъ потребностямъ, составлять экономiю изъ смѣтъ Восточно-Сибирскихъ, успокоивая свою совѣсть тѣмъ, что это неизбѣжная временная жертва, которую должна принести страна для укрѣпленiя владычества нашего на Амурскомъ прибрежьѣ.»

Въ это время уже началась Турецкая война, и стало извѣстно, что Англiя и Францiя заключили оборонительный и наступательный союзъ съ Турцiею. Поэтому Муравьеву, прежде выѣзда изъ Петербурга, необходимо было получить надлежащiя инструкцiи и разрѣшенiя отъ высшаго правительства въ отношенiи защиты береговъ нашихъ на Восточномъ океанѣ отъ непрiятельскихъ флотовъ и на счетъ плававшихъ въ тѣхъ странахъ нашихъ военныхъ судовъ. Въ Петербургѣ однакожъ, кромѣ самого

[1] Воспоминанiя о Сибири. С.-Пб. 1889 г., стр. 166—167.

Муравьева, никто объ этомъ не думалъ, не заботился: впрочемъ и не мудрено: тамъ готовились бороться на Западѣ съ могущественнымъ непріятелемъ.

Муравьевъ, соображая способы къ защитѣ отдаленныхъ и обширныхъ странъ, вѣдѣнію его подлежащихъ, находилъ, что дѣлать это съ успѣхомъ можно было только открывши плаваніе по Амуру и этимъ путемъ снабдить береговые пункты наши на Восточномъ океанѣ и самую Камчатку войсками. Всѣми другими путями это было бы или невозможно или такъ медленно, что непріятель всегда бы предупредилъ насъ морскимъ путемъ. Еще при отправленіи Муравьева на генералъ-губернаторство, въ послѣдній докладъ его у Государя Николая Павловича 8-го января 1848 года, Государь, слушая его докладъ, сказалъ ему между прочимъ: *«такъ у тебя возьмутъ Камчатку, и ты только черезъ полгода объ этомъ узнаешь.»*

Въ этомъ смыслѣ Муравьевъ представилъ собственноручную, весьма секретную записку генералъ-адмиралу Великому Князю Константину Николаевичу, испрашивая разрѣшенія сплавить по Амуру необходимое число войскъ для защиты какъ устьевъ этой рѣки, такъ и Камчатки, и, дабы не обременить во время войны государственной казны новыми расходами, испрашивалъ право распоряжаться всѣми остаточными суммами отъ смѣтныхъ исчисленій по всѣмъ вѣдомствамъ Восточной Сибири. Записку эту прочитали Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Наслѣдникъ Престола, который доложилъ и Государю. Муравьеву велѣно было представить формальное по всѣмъ этимъ предметамъ донесеніе съ надлежащими данными и справками. Донесеніе это повелѣно было разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника.

Теперь перейдемъ къ рѣшеніямъ комитетовъ на представленные Муравьевымъ разные его проекты и соображенія касательно Сибирскихъ дѣлъ. Такъ, 11-го января 1854 года. Высочайше было утверждено положеніе, въ силу котораго предоставлялось генералъ-губернатору Муравьеву всѣ сношенія съ Китайскимъ правительствомъ о разграниченіи восточной нашей окраины *вести непосредственно*, о чемъ и былъ посланъ листъ отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Пекинскій Трибуналъ 6-го февраля, и назначенъ былъ къ Николаю Николаевичу секретарь по дипломатической части и переводчикъ Китайскаго и Манчжурскаго языковъ для переписки съ Китайскимъ правительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дано Муравьеву право распоряжаться всѣми остаточными суммами отъ смѣтныхъ исчисленій по всѣмъ вѣдомствамъ

Восточной Сибири. Отчетъ въ израсходованіи этихъ суммъ Муравьевъ прямо представлялъ Государю; и наконецъ, къ радости Муравьева, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, настала та рѣшительная минута, которой Россія ожидала болѣе 150 лѣтъ. Рѣшено было: *«плыть по Амуру»*, если бы даже и не получено было отвѣта Китайскаго правительства на сдѣланный запросъ, произвесть сплавъ грузовъ для Камчатки по Амуру. Государь, утвердивъ таковое рѣшеніе, изволилъ лично прибавить генералу Муравьеву: *«но чтобы и не пахло пороховымъ дымомъ.»*

Несмотря на всѣ стремленія такого энергичнаго, дѣятельнаго генералъ-губернатора, какимъ былъ Муравьевъ, дѣло о пріобрѣтеніи Амура, быть можетъ, долгое время пребывало бы in statu quo, еслибъ не подвинула его къ окончательному рѣшенію возгорѣвшаяся Восточная война. Послѣ рѣшенія «плыть по Амуру», Николай Николаевичъ тотчасъ же отправилъ въ Иркутскъ подполковника Карсакова курьеромъ съ порученіемъ, ускорить распоряженія по Амурскому сплаву, которыя, впрочемъ, всѣ уже были заранѣе подготовлены Муравьевымъ, въ твердой увѣренности на непремѣнный успѣхъ.

Николай Николаевичъ, живя въ Петербургѣ, обо всемъ имѣлъ свѣдѣнія изъ Сибири. Такъ онъ получилъ секретное донесеніе изъ правленія Россійско-Американской Компаніи на Невельского за разныя его незаконныя вмѣшательства въ ея дѣла. Не взирая на свои хорошія отношенія къ Невельскому, Муравьевъ, соблюдая строгую законность въ своихъ распоряженіяхъ, немедленно препроводилъ ему слѣдующее оффиціальное замѣчаніе, которое мы для характеристики Николая Николаевича приводимъ здѣсь въ подлинникѣ: «Вслѣдствіе полученнаго мною секретнаго письма и сообщенія мнѣ различныхъ оффиціальныхъ бумагъ вашихъ въ Главное правленіе, я, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить вашему высокоблагородію, что выраженіе и самый смыслъ этихъ бумагъ выходитъ изъ границъ приличія, и по моему мнѣнію содержаніе оныхъ кромѣ вреда для общаго дѣла ничего принести не могло: въ заключеніи этомъ вы убѣдитесь сами, прочитавши прилагаемую при семъ въ подлинникѣ записку Главнаго правленія Россійско-Американской Компаніи, препровождаемую къ вамъ и для руководства.—Неудовольствія ваши не должны были ни въ какомъ случаѣ давать вамъ право относиться неприлично въ Главное правленіе, мѣсто, признаваемое правительствомъ наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами. Не сомнѣваюсь, что вы сами, по благонамѣренности вашей, почувствуете неправильность вашихъ дѣйствій и впредь воздержитесь отъ всякой подобной пере-

писки: но не могу не повторить съ сожалѣніемъ, что неумѣстныя бумаги ваши въ Главное правленіе и неосновательныя требованія нарушили уже навсегда то довѣріе, которое бы Главное правленіе для пользы службы должно было имѣть къ власти, поставленной на устьяхъ Амура отъ правительства.» Въ виду такого непріятнаго донесенія, Карсакову, кромѣ прямого порученія, касавшагося государственнаго дѣла, сплава по Амуру, приказано было вникать лично во все, что совершается въ Главномъ Управленіи Восточной Сибири, слѣдить за внутреннею жизнью и обо всемъ важномъ писать Муравьеву въ Петербургъ и Красноярскъ.

«Пріѣздъ Карсакова въ Иркутскъ», пишетъ Б. В. Струве въ своихъ «Воспоминаніяхъ,»—произвелъ всеобщій страхъ: онъ сообщилъ, что Николай Николаевичъ очень недоволенъ всѣмъ, что происходило въ Иркутскѣ въ его отсутствіе: всѣ были въ ожиданіи и недоумѣніи, какой имъ будетъ пріемъ отъ грознаго начальника края. Карлъ Карловичъ Венцель, Иркутскій военный губернаторъ, предсѣдательствовавшій въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири и командовавшій войсками за отсутствіемъ генералъ-губернатора, былъ человѣкъ высоко честный и благонамѣренный, но въ то же время крайне мягкій и уклончивый, положительно не могъ быть на высотѣ своего положенія: хорошій губернаторъ подъ рукою у энергичнаго генералъ-губернатора, онъ, въ должности главнаго начальника края, терялся и шелъ ощупью, а Сибирскіе офицеры и чиновники этимъ пользовались.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Карсакова и самъ Муравьевъ выѣхалъ изъ Петербурга черезъ Москву въ Иркутскъ. «Въ Петербургѣ мнѣ рѣшительно не было времени писать тебѣ объ моемъ отъѣздѣ,» сообщалъ Н. Н. Муравьевъ брату своему Валеріану Николаевичу изъ Москвы отъ 12-го февраля:—«изъ Петербурга мы выѣхали 10-го, отсюда ѣдемъ 13-го, т. е. завтра. Дѣла мои я кончилъ довольно благополучно, увидимъ теперь, что будетъ въ Сибири: во всякомъ случаѣ я ѣду теперь далеко, почти прямо въ Камчатку, съ весьма малымъ только отдыхомъ въ Иркутскѣ.»

Въ этотъ проѣздъ свой черезъ Москву Н. Н. Муравьевъ не преминулъ явиться къ маститому архипастырю Московскому, митрополиту Филарету, и просить его святительскаго благословенія. Святитель первопрестольной Москвы съ глубокимъ сочувствіемъ отнесся къ подъятому Муравьевымъ дѣлу, благословилъ его въ далекій путь, а вслѣдъ за его отъѣздомъ написалъ ему слѣдующее письмо отъ 3-го марта: «Пользуюсь случаемъ для слова къ вамъ, имѣя мало времени для слова съ вами. Богъ

да благословляетъ попеченія ваши о прочномъ благѣ ввѣреннаго вамъ края. Да просвѣщаетъ Онъ взоръ вашъ къ усмотрѣнію праваго и полезнаго и къ изысканію средствъ для общеполезныхъ цѣлей: и необходимыя средства да явитъ сильными чрезъ посиѣшествованія Своего Провидѣнія. Да укрѣпляетъ васъ противъ трудностей со стороны природы *и людей, недовольно способныхъ или расположенныхъ понимать и принимать усовершенія.* Да увѣнчиваетъ ваши труды и подвиги вожделѣнными успѣхами.» Напутствуемый этимъ архипастырскимъ благословеніемъ, Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Москвы.

XLII.

Пріѣздъ Муравьева въ Красноярскъ и его тамъ распоряженія. —Донесеніе его Великому Князю Константину Николаевичу. —Рескриптъ Его Высочества на это донесеніе.—Пріѣздъ Муравьева въ Иркутскъ и письмо его къ брату. —Дѣятельность Муравьева въ Иркутскѣ. —Письмо его къ Карсакову. —Предупрежденіе Китайскаго правительства о сплавѣ по Амуру. —Порученіе, данное М. С. Волконскому. —Поѣздка его чрезъ Якутскъ къ Охотскому морю. —Съѣздъ трехъ архіереевъ въ Иркутскѣ. —Впечатлѣніе, произведенное на Иркутянъ снаряженіемъ экспедиціи на Амуръ. —Обѣдъ, данный Иркутскимъ купечествомъ Муравьеву.—Проводы его.—Письмо его изъ Кяхты къ Карсакову.—Стихи, сказанные Муравьеву на обѣдѣ въ Кяхтѣ.

—

1854 г.

—

Въ концѣ февраля, Николай Николаевичъ Муравьевъ прибылъ въ Красноярскъ и оттуда написалъ Иркутскому губернатору Венцелю, что такъ какъ на дняхъ долженъ былъ листъ въ Китайскій Трибуналъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, то чтобы этотъ листъ былъ задержанъ въ Иркутскѣ до дальнѣйшаго распоряженія.

Изъ Красноярска же Николай Николаевичъ донесъ Великому Князю Константину Николаевичу, отъ 2-го марта, слѣдующее о занятіи Сахалина и о другихъ Амурскихъ дѣлахъ: «Получивъ въ Красноярскѣ бумаги Невельского, хотя и давнишнія, но заключающія любопытныя подробности о занятіи имъ Сахалина, я поспѣшаю представить оныя Вашему Высочеству при моемъ рапортѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріемлю смѣлость ходатайствовать о награжденіи офицеровъ Амурской экспедиціи, согласно справедливой о томъ просьбѣ Невельского.

Весьма замѣчательно обращеніе Невельского съ Японскими властями и жителями Сахалина, а въ особенности то, что и тѣ

и другіе собираются покойно спать подъ защитою нашей батареи и команды. Все это доказываетъ довѣріе и уваженіе, пріобрѣтенныя Амурскою экспедиціею, несмотря на всегдашнія въ томъ сомнѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; оно не можетъ повѣрить, чтобъ прямыми и добросовѣстными дѣйствіями, съ надлежащею энергіею, можно было успѣвать; тогда какъ оно всѣми своими хитростями и страхомъ Англичанъ никогда ничего полезнаго для Россіи не достигло, развѣ только нынѣшней войны, но и той безъ намѣренія. Здѣсь же получилъ я и письмо адмирала Путятина изъ Нангасаки, отъ $^{17}/_{29}$ августа; онъ сообщаетъ мнѣ свои опасенія на счетъ Американцевъ и полагаетъ полезнымъ сосредоточить все наше вліяніе на Сахалинѣ; тогда онъ не зналъ еще всего, что у насъ сдѣлано на Сахалинѣ и на Амурѣ, и не вѣрилъ, вѣроятно, въ разрывъ съ Англіею, а находился подъ вліяніемъ мнѣній Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое всегда охотно ссорило насъ съ Американцами въ угоду Англичанамъ; надѣюсь, что теперь понятія адмирала измѣнились; дай Богъ только, чтобъ онѣ измѣнились въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Отъ подполковника Карсакова я получилъ здѣсь же извѣстіе, что пароходъ «Аргунь» будетъ совершенно готовъ къ плаванію 1-го мая, а встрѣченный мною въ пути горный офицеръ Петровскаго завода сообщилъ, что тамъ вчернѣ готова и другая паровая машина; если это подтвердится, то, съ открытіемъ навигаціи будущаго года, у насъ будутъ на Амурѣ два плоскодонные парохода. Всѣ команды и артиллерія двинуты уже Карсаковымъ съ разныхъ концовъ Забайкальской области къ Шилкинскому заводу, и туда же направляется слишкомъ 25 т. пудъ провіанта для сплава съ ними.»

На это донесеніе послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ Его Высочества, отъ 2-го апрѣля: «Письмо ваше отъ 2-го марта изъ Красноярска и рапорты съ донесеніемъ капитана 1-го ранга Невельского и о наградахъ чинамъ его экспедиціи я получилъ 26-го марта. Весьма благодарю васъ за сообщенныя вами любопытныя извѣстія и вполнѣ сочувствую выраженнымъ въ письмѣ вашемъ желаніямъ. Государь изволилъ читать подлинное донесеніе Невельского съ видимымъ удовольствіемъ и собственноручно написалъ на немъ: *«весьма любопытно»*. Я отправилъ оное для прочтенія Наслѣднику Цесаревичу. Его Величество соизволилъ на всѣ представленныя вами награды чинамъ Амурской экспедиціи, и я поручаю вамъ поздравить ихъ съ Монаршею милостью.»

Вскорѣ послѣ этого рескрипта, Муравьевъ выѣхалъ изъ Красноярска и, по прибытіи своемъ въ Иркутскъ, такъ описы-

валъ брату Валеріану Николаевичу это путешествіе свое отъ Москвы до Иркутска: «До Красноярска мы доѣхали благополучно на полозу, потомъ еще 500 верстъ проѣхали на полозу же съ грѣхомъ пополамъ. Наконецъ послѣднія 500 верстъ доѣхали мы на колесахъ довольно дурно. Пріѣхали сюда здоровыми, и теперь жена оправляется отъ петербургской жизни и отъ пути, а я собираюсь въ путь новый, отдаленный и весьма интересный, т. е. на Амуръ. Радуюсь, что мы рѣшились воспользоваться настоящими нападеніями на насъ Европы, чтобъ дѣлать наше дѣло въ Азіи, и употреблю всѣ мои способы, чтобы упрочить это дѣло навѣки для Россіи. Эти обстоятельства могутъ меня задержать здѣсь еще на нѣсколько лѣтъ, пожалуй, докончу и десятилѣтіе, до котораго остается еще три съ половиною года.

Война съ Англичанами можетъ коснуться и до меня на Восточномъ океанѣ, но я думаю, что мы тамъ будемъ сильнѣе ихъ и, по крайней мѣрѣ, прочнѣе при своихъ гаваняхъ и портахъ; во всякомъ случаѣ образованныя мною вновь войска теперь куда какъ пригодились.

Министрамъ, я думаю, теперь не до того, чтобъ заниматься губерніями, по крайней мѣрѣ внутренними; я понимаю это потому, что и мнѣ даже некогда внутренними дѣлами заниматься.»

Въ Иркутскѣ Николай Николаевичъ чрезвычайно дѣятельно продолжалъ свои распоряженія относительно приготовленія сплава и во все входилъ самъ лично, даже въ мелочахъ видна была его заботливость, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія письма его къ М. С. Карсакову.

16-го марта. «Только три дня, какъ я въ Иркутскѣ, любезный Миша, и въ день пріѣзда встрѣтилъ здѣсь Згибнева.[1] Спасибо вамъ съ Казакевичемъ за усердіе и успѣхъ. Флаги непремѣнно нужно; разрѣшаю покупать, но не знаю, гдѣ вы достанете. Ордеръ баталіи составьте — это нужно для порядка: за отправленіе Софронова спасибо, только бы его не обогнали мы сами. Пѣхоту я, кажется, и говорилъ раздѣлить на двѣ части для хозяйства и счета: но строевой расчетъ долженъ быть батальонный изъ всѣхъ 700 человѣкъ; какъ только всѣ сойдутся, такъ тотчасъ расчитай на восемь взводовъ и раздѣли на два полубатальона для управленія и хозяйства, и на суда расчитывать должно изъ батальоннаго же порядка. Офицеровъ для пѣхоты четырехъ довольно: въ каждой сотнѣ два, потому что она останется и тамъ въ полномъ составѣ, и батальонъ сводный временный. Лодки компанейскія

---

[1] Морской офицеръ, бывшій потомъ въ Амурской экспедиціи.

пойдутъ въ Камчатку: я напишу объ этомъ и въ Главное Управленіе, а въ Аянъ мнѣ ихъ отправлять нельзя, пусть возьмутъ изъ Петропавловскаго порта. Плоты, вѣроятно, пойдутъ съ ними не долго; и какъ придутъ на глубину, т. е. за Албазинъ, то все погрузится на лодки. Соловьевъ [1] жертвуетъ разныя вещи для похода, но всего лучше обратить это въ деньги, а заготовленіе сдѣлать намъ самимъ, разумѣется, кромѣ спирта, который ему обходится дешевле. Покупай и заготовляй все, что̀ нужно: т. е. скотъ и прочее; деньги требуй изъ Читы, куда на дняхъ отправляется Творовскій. [2] Я необходимо долженъ пробыть здѣсь около трехъ недѣль еще и переѣду Байкалъ по послѣдней возможности. Хотѣлъ было отправить къ вамъ нѣсколько пушекъ изъ здѣшняго депо, но никуда не годятся; видно, этимъ добромъ намъ придется снабжаться уже по океану.

Кукель [3] все закупилъ, что̀ требовалось для Невельского, а для васъ флаги и на одежду каждаго парохода; успѣете ли только сшить?

Лапину я отказалъ, ибо со мною отправляется П. И. Кузнецовъ изъ Красноярска: на первый разъ этого довольно, а впослѣдствіи и всякому хорошо открыть торговлю по Амуру. Берсзина [4] я отправлю къ тебѣ; онъ намъ вообще можетъ пригодиться; но, кажется, Невельской былъ имъ не совсѣмъ доволенъ; впрочемъ тамъ узнаемъ. Поздравляю тебя съ орденомъ св. Анны 2-й степени и препровождаю орденъ съ лентой; впрочемъ, это еще не казенный.»

23-го марта. «....Пользуясь отходомъ почты, спѣшу сообщить тебѣ нѣкоторыя подробности, до нашего дѣла относящіяся. Во 1-хъ, жена остается въ Иркутскѣ, ибо здоровье ея не позволяетъ ей предпринимать столь дальнее и трудное путешествіе. Во 2-хъ, изъ Иркутска я могу выѣхать не ранѣе, какъ на Святой недѣлѣ, т. е. между 15-мъ и 18-мъ апрѣля, а поѣду отсюда, какимъ путемъ Богъ приведетъ. Буду въ Кяхтѣ, гдѣ дипломатическія сношенія очень важны, и ранѣе 1-го мая въ Читѣ быть не надѣюсь. Въ 3-хъ, отсюда отправляются для сплава съ нами: командиръ 47-го флотскаго экипажа, капитанъ 1-го ранга Арбузовъ и Шмургинскій, подполковникъ, на мѣсто Алексѣева на-

---

[1] Степанъ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи С.-Петербургскій городской голова. Отецъ его держалъ откупа въ Восточной Сибири.

[2] Окружный интендантъ Восточной Сибири.

[3] Въ то время есаулъ, состоявшій при генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ, впослѣдствіи начальникъ штаба и атаманъ Забайкальскаго казачьяго войска.

[4] Прикащикъ Американской Компаніи.

значенный. Эти господа не будутъ безполезны для плаванія, а между тѣмъ прибудутъ гораздо раньше въ Камчатку, гдѣ они необходимо нужны. Въ 4-хъ, со мною отправляются на Амуръ: 1) Казакевичъ, 2) Корсаковъ; 3) Бибиковъ, 4) Свербеевъ, 5) Герцфельдъ чиновники особыхъ порученій: 6) инженеръ-поручикъ Мравинскій, 7) Рейнъ, 8) Ш. А. Клюшкинъ, 9) переводчикъ Манджурскихъ языковъ Сычевскій, 10) Красноярскій голова Кузнецовъ для торговыхъ соображеній и съ товарами, 11) подпоручикъ топографовъ Литвиновъ. Сообщи обо всемъ Казакевичу. И сверхъ того -нижнихъ чиновъ: 1 топографъ. 14 музыкантовъ. т. е. трубачи Иркутскаго полка. и мѣщанинъ Березинъ. Соловьевъ даетъ деньги и, сверхъ того, кирпичный чай, табакъ, водку; слѣдственно, эти вещи заготовлять не должно, а въ деньгахъ послѣ расчитаемся. Для Камчатки надо еще везти сто пудовъ хорошаго свинцу. По вышеизложенному ты видишь, что всѣ приготовленія должны быть окончены вами безъ меня, а пароходъ надобно тотчасъ испытать, не ожидая моего прибытія, если можно, до Усть-Стрѣлки и обратно, или до Бянкиной: [1] впрочемъ предоставляю это совершенно усмотрѣнію Казакевича, и если пароходъ годенъ, то я охотно прошелъ бы на немъ изъ Бянкиной, гдѣ бы уже окончательно погрузился на него. Не знаю, какъ поѣдетъ Згибневъ съ молодою женой въ нашей холостой компаніи; не придется ли ему имѣть особую лодку, а на пароходѣ распоряжаться самому адмиралу, т. е. Казакевичу?»

3-го апрѣля. «.....Съ тобою Бакшевичъ, которому однакоже надобно быть на своемъ мѣстѣ, т. е. въ Горномъ отдѣленіи; временно и по важности твоего порученія можно было бы его отвлечь отъ настоящихъ его занятій; но теперь, когда дѣло приходитъ къ концу, надо его вернуть сюда. Лишнихъ чиновниковъ вамъ съ собою вдаль брать не слѣдуетъ, и особенно, когда они нужны на своихъ мѣстахъ. Со мною отправляются три чиновника особыхъ порученій, именно: Бибиковъ, Свербеевъ, какъ Англичанинъ, и Герцфельдъ, какъ ученый натуралистъ (сей послѣдній служитъ безъ жалованья), и переводчикъ Сычевскій, а болѣе никого. Всѣ эти господа не отвлекаются отъ другого дѣла, но исполняютъ настоящую свою обязанность, отправляясь со мною на Амуръ. Бакшевичъ же безъ жалованья служить не можетъ, и еслибъ я вздумалъ взять его съ собою, то онъ лишится жалованья и, еще хуже, прерветъ занятія, въ которыхъ онъ долженъ

[1] Станица, на рѣкѣ Шилкѣ.

пріобрѣтать опытность для всей будущей своей карьеры. Сообщаю тебѣ все это на тотъ конецъ, если ты воображалъ, что Бакшевичъ можетъ съ нами ѣхать далѣе, и если нѣтъ какой-либо въ немъ крайней необходимости, то возврати его въ Иркутскъ; если же по какой-либо особой крайности онъ нуженъ еще надолго въ Забайкальской области, то поспѣши меня увѣдомить для назначенія на его мѣсто другого лица въ Горное отдѣленіе, а его придется тогда просто причислить безъ жалованья. Мнѣ все это нужно знать до выѣзда отсюда, ибо я при себѣ *дѣлаю всѣ назначенія,* чтобъ послѣ не перепутали.»

18-го апрѣля. «Удивляюсь, что отъ тебя нѣтъ ни Бакшевича, ни вѣстей другимъ путемъ, а, кажется, наступили послѣдніе дни переѣзда черезъ Байкалъ. Отправляю это съ Поповымъ, который ѣдетъ съ нами въ даль, и полагаю, что изъ Иркутска ты болѣе отъ меня вѣстей не получишь. По сказанному прежде, я выѣзжаю отсюда 20-го, въ Кяхтѣ пробуду до 29-го, въ Читѣ буду 1-го и не позже 2-го; въ Бянкинѣ 4-го или 5-го, въ Шилкинскомъ заводѣ 6-го мая. Тамъ я буду смотрѣть нашъ сводный баталіонъ (700 человѣкъ) и при немъ казаковъ, какіе есть; слѣдовательно, батальонъ может быть расчитанъ на роты и взводы; должны быть назначены и стрѣлки. На время же нашего плаванія порядокъ будетъ въ ротныхъ колоннахъ, такъ и на суда садиться. Для 150 человѣкъ, которые безъ ружей, надо взять оныя изъ 15-го батальона, а такъ какъ батальонъ въ концѣ іюня поплыветъ туда же, то онъ найдетъ тамъ свои ружья.

Не полагаю застать тебя въ Читѣ, гдѣ, послѣ сплава разныхъ командъ и хлѣба для нашей экспедиціи, тебѣ дѣлать нечего: а, вѣроятно, ты будешь въ Шилкинскомъ заводѣ, въ такомъ случаѣ оставь мнѣ въ Читѣ записку о предметахъ, которые бы мнѣ пришлось еще тамъ взять или замѣнить. Заборинскій ѣдетъ со мною въ Кяхту, а оттуда поѣдетъ въ Ургу и въ Пекинъ. Казачьимъ отдѣленіемъ будетъ заправлять Рыкачевъ, а послѣ его отъѣзда въ Омскъ—Кукель.»

Изъ административныхъ распоряженій Муравьева, сдѣланныхъ имъ до выѣзда своего изъ Иркутска для отплытія на Амуръ, заслуживаетъ вниманія данное имъ М. С. Волконскому порученіе — отправиться въ Якутскую область и Аянскій портъ. Мы должны остановиться на этомъ порученіи въ особенности и потому, что обстоятельства, связанныя съ этимъ дѣломъ, могутъ освѣтить одну изъ сторонъ характера Муравьева.

Лѣтній путь отъ Якутска къ Аянскому порту былъ таковъ: отъ Якутска до Усть-Маи 350 верстъ верхомъ, отъ Усть-Маи

до Пелькана 600—700 верстъ въ лодкахъ бичевой, и отъ Нелькана до Аяна около 250 верстъ опять верхомъ. Для почтовой гоньбы выставлялись изъ другихъ мѣстностей лошади и лодки, а зимою собаки и олени; лѣтнія станціи выставлялись лишь къ концу іюня. Сознавая неудобства такого порядка, лишающаго край постояннаго сообщенія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Муравьевъ озабочивался устройствомъ поселеній на этомъ трактѣ и испросилъ въ 1849 г. Высочайшее соизволеніе на устройство Русскихъ поселеній вдоль рѣки Маи. Дѣло это было поручено М. С. Карсакову, который, приготовивъ переселенцевъ изъ Забайкальской области и изъ Иркутской губерніи, въ количествѣ 102 семействъ, спустился съ ними весною 1851 г. по р. Ленѣ до Якутска и затѣмъ размѣстилъ ихъ по рѣкѣ Маѣ въ 27 пунктахъ. На слѣдующій годъ стали доходить въ Иркутскъ извѣстія, что мѣста, занятыя переселенцами, тѣсны и непригодны для хлѣбопашества. Муравьевъ сначала не довѣрялъ этимъ слухамъ, тѣмъ болѣе, что они противорѣчили оффиціальнымъ донесеніямъ; но потомъ рѣшился ихъ провѣрить на мѣстѣ и съ этою цѣлью командировалъ туда М. С. Волконскаго. Кромѣ этого Муравьевъ имѣлъ въ виду и другую цѣль. Какъ извѣстно, онъ всегда смотрѣлъ на Англичанъ, какъ на враговъ Русскаго дѣла на Востокѣ, и, наоборотъ, видѣлъ въ Американцахъ людей, дружески къ намъ расположенныхъ. Вслѣдствіе этого, онъ стремился къ сближенію съ ними, въ чемъ ему много способствовали торговыя сношенія на Камчатскомъ полуостровѣ, Ситхѣ и на прибрежьѣ Охотскаго моря, гдѣ Американцы имѣли свои торговые склады. Муравьевъ, узнавъ, что Сѣверо-Американское правительство отправляетъ къ нашимъ берегамъ эскадру подъ начальствомъ командора Перри (Perry), поручилъ М. С. Волконскому встрѣтить эскадру въ Аянскомъ портѣ и склонить командора къ свиданію. Если бы это удалось, Волконскій долженъ былъ направить и проводить его немедленно къ устью Амура или черезъ сѣверный входъ въ Татарскій проливъ, или черезъ южный, обогнувъ островъ Сахалинъ. Для этого Муравьевъ настаивалъ на пріѣздѣ Волконскаго въ Аянъ *непремѣнно* ко вскрытію порта, что̀ обыкновенно бываетъ въ началѣ іюня. Выше же было сказано, что станціи на Аянскомъ трактѣ выставлялись не ранѣе, какъ въ концѣ этого мѣсяца, а потому не представлялось никакой возможности поспѣть къ указанному сроку. Когда объ этомъ доложено было Муравьеву, тотъ, хотя и зналъ всѣ эти обстоятельства, рѣзко отвѣтилъ: *«если нельзя доѣхать, то пѣшкомъ дойдетъ»*....Отчасти такъ и вышло.

Кромѣ порученія относительно командора Перри, на М. С.

Волконскаго было возложено: 1) осмотрѣть 27 поселеній по р. Маѣ съ правомъ немедленнаго, въ крайнемъ случаѣ, перемѣщенія нѣкоторыхъ изъ нихъ и представленія соображеній объ окончательномъ устройствѣ прочихъ, съ оставленіемъ ихъ на мѣстѣ, или же переселеніемъ на другія мѣста, и 2) осмотрѣть почтовый трактъ отъ Якутска до Аяна, вмѣстѣ съ поручикомъ путей сообщенія Лейманомъ, и представить подробныя смѣты объ устройствѣ пути, въ особенности же перевала черезъ Яблоновый хребетъ между Нельканомъ и Аяномъ.

Выѣхавъ изъ Иркутска въ концѣ апрѣля 1854 г. и пріѣхавъ въ Якутскъ въ срединѣ мая, М. С. Волконскій прибылъ въ первое изъ этихъ поселеній, Усть-Майское, лишь въ концѣ этого мѣсяца, такъ какъ на разстояніи отъ Якутска до этого пункта, за неимѣніемъ станцій, пришлось ѣхать безъ перемѣны верховыхъ лошадей. Въ Усть-Маѣ оказалось, что станціи вверхъ по рѣкѣ еще не выставлены; пришлось взять небольшую лодку, двухъ ямщиковъ—Якутовъ и такимъ образомъ подниматься 600—700 верстъ противъ теченія на бичевѣ. Въ послѣднемъ селеніи, Нельканѣ, лошади и олени оказались павшими: пришлось идти пѣшкомъ до перевала черезъ хребетъ Джугъ-Джуръ, гдѣ переселенческія лошади уцѣлѣли. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій, М. С. Волконскій и Лейманъ прибыли въ Аянъ только 22-го іюня.

Командоръ Перри, занятый заключеніемъ трактата съ Японіей и учеными изслѣдованіями въ Китайскихъ и Японскихъ водахъ, въ Аянъ не пришелъ. Что же касается до поселеній, то онѣ найдены были вообще въ неудовлетворительномъ состояніи. Крестьяне второй уже годъ питались хлѣбомъ, отпускавшимся имъ изъ казны; скотъ рогатый и лошади въ большомъ количествѣ пали; пахотныя поля были въ весьма ограниченномъ количествѣ; переселенцы, за отпускаемые имъ предметы первой необходимости, задолжали правительству болѣе 16 т. рублей, и только почтовая гоньба, содержаніе трехъ перевозовъ на р. Маѣ, да незначительный пушной промыселъ поддерживали ихъ матеріальное состояніе. Причины такого положенія были слѣдующія: 1-ое, болѣзни—тифъ и цынга, какъ его послѣдствіе, разразившіяся въ первое же лѣто и продолжавшіяся до наступленія слѣдующаго; 2-ое, падежъ скота, происшедшій отъ недостатка въ кормѣ и дурного его качества: 3-ье, небывалый разливъ р. Маи въ 1853 г., потопившій сѣнокосы, часть полей и даже огородовъ; 4-ое, крайняя трудность корчеванія крупнаго лѣса для приготовленія пахотныхъ участковъ, и наконецъ 5-ое, упадокъ духа въ самихъ поселянахъ, какъ слѣдствіе предыдущихъ причинъ. Къ хорошей сторонѣ ихъ

быта можно было отнести: устройство складочныхъ магазиновъ, изъ которыхъ имъ отпускалось хлѣбное довольствіе, прекрасно выстроенныя ими помѣщенія и ихъ хорошіе огороды. Кромѣ того, 5 поселеній оказались вполнѣ хорошими, какъ по качеству, такъ и по достатку земли и сѣнокосовъ, и по другимъ условіямъ. Такимъ образомъ только нѣкоторыя изъ поселеній, размѣщенныя въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, при удобствѣ мѣстности, хлѣбопашество могло поддерживаться,—стоило сохранить, остальныя же могли бы существовать лишь на постоянномъ иждивеніи правительства. Изъ 27 поселеній одно уже было перенесено ранѣе, четыре были немедленно переведены Волконскимъ къ другимъ, лучшимъ поселеніямъ на той же рѣкѣ: затѣмъ пять были имъ перемѣщены осенью, а объ остальныхъ представлены Муравьеву подробныя соображенія.

Тутъ сказалось еще разъ безпристрастное и лишенное личнаго расчета отношеніе Муравьева ко всякому серьезному дѣлу: настоявъ съ трудомъ въ Петербургѣ на заселеніи Аянскаго тракта и поручивъ это дѣло своему ближайшему сотруднику Карсакову, онъ не могъ не желать его упроченія, и тѣмъ не менѣе, всмотрѣвшись въ представленные ему доводы, сразу отказался отъ одной изъ своихъ завѣтныхъ мыслей, откровенно признавъ, какой дорогой цѣной она покупается.

Въ отношеніи устройства Якутско-Аянскаго тракта. М. С. Волконскимъ представлены были Муравьеву слѣдующія соображенія: указаніе работъ, необходимыхъ для улучшенія тракта: описаніе пути, которымъ должны слѣдовать по рѣкѣ Маѣ лодки при разныхъ горизонтахъ воды; описаніе новаго объѣзда почтовой дороги при перевалѣ черезъ хребетъ Джугъ-Джуръ, [1] и проектъ инженеръ-поручика Леймана объ устройствѣ колеснаго сообщенія между Нельканомъ и Аянскимъ портомъ. [2]

Изъ этихъ предположеній нѣкоторыя приведены были въ исполненіе; что же касается до устройства колеснаго пути, то оно, вмѣстѣ съ другими проектами, требовавшими большихъ затратъ, осталось безъ послѣдствій, такъ какъ съ открытіемъ

---

[1] На этотъ новый объѣздъ указывалъ Б. В. Струве въ своихъ «Воспоминаніяхъ», какъ на путь болѣе удобный. По изслѣдованіи же его спеціалистомъ, инженеромъ Лейманомъ, при участіи М. С. Волконскаго, онъ оказался менѣе отвѣчающимъ цѣли, по причинѣ несравненно большихъ издержекъ на его устройство.

[2] По смѣтамъ, представленнымъ генералъ-губернатору, исчислялось: *а)* на устройство почтоваго пути между Якутскомъ и Усть-Маей—121.931 р.; *б)* на устройство бичевника по р. Маѣ—5.440 р.; *в)* на устройство дороги между Нельканомъ и Аяномъ—18.071 р. и *г)* на устройство спуска съ Джугъ-Джура—3.000 р., а всего 148.442 р.

Амурскаго пути къ океану и съ закрытіемъ Аянской факторіи, путь на Аянъ утратилъ свое прежнее значеніе. [1]

Для предупрежденія же Китайскаго правительства о сплавѣ по Амуру, Муравьевъ послалъ съ полковникомъ Заборинскимъ въ Пекинъ тотъ самый листъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, который былъ, по распоряженію его же изъ Красноярска, задержанъ Венцелемъ въ Иркутскѣ; но поѣздка эта не состоялась, по случаю непропуска полковника Заборинскаго Ургинскими правителями, почему листъ этотъ изъ Кяхты былъ отправленъ въ Ургу и Пекинъ обыкновеннымъ порядкомъ. Въ этомъ листѣ между прочимъ заключалось, что, по случаю открывшихся у насъ военныхъ дѣйствій съ другими державами, генералъ-губернаторъ, вслѣдствіе полученнаго имъ приказанія, отправляется съ приличнымъ числомъ чиновниковъ и войска на судахъ по рѣкѣ Амуру, на подкрѣпленіе нашихъ приморскихъ владѣній, и спрашиваетъ, къ какому времени и куда будутъ высланы уполномоченные Дайцынскаго государства для опредѣленія границы.

Незадолго до выѣзда Муравьева изъ Иркутска, тамъ случайно съѣхались вмѣстѣ три архіепископа: Нилъ, назначенный къ переводу въ Ярославль, Аѳанасій, прибывшій на мѣсто Нила, и извѣстный нашъ миссіонеръ Иннокентій, который, послѣ своего продолжительнаго путешествія по Якутской области, черезъ Иркутскъ пролагалъ себѣ и православной вѣрѣ путь на Амуръ, и вслѣдствіе этого пріѣхалъ для совѣщанія съ Муравьевымъ о присоединяемой къ имперіи Амурской области.

17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Наслѣдника Александра Николаевича, архіепископъ Иннокентій совершалъ молебствіе въ Иркутскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи съ Иркутскимъ преосвященнымъ Аѳанасіемъ. Заутреня Свѣтлаго Христова Воскресенья была совершена тремя архіепископами. Св. Евангеліе читалось на 11 языкахъ, въ томъ числѣ на Алеутскомъ, Бурятскомъ и Якутскомъ.

О впечатлѣніи, произведенномъ въ Сибири извѣстіемъ объ Амурской экспедиціи, могутъ свидѣтельствовать слѣдующія слова протоіерея Нерчинско-заводскаго Богоявленскаго собора Боголюбскаго: [2] «При первомъ извѣстіи о снаряженіи экспедиціи на Амуръ».— пишетъ онъ, «во всѣхъ сословіяхъ Забайкалья пробудились былыя воспоминанія объ отважныхъ подвигахъ Амурскихъ удальцовъ.

[1] Извлеченіе изъ оффиціальныхъ отчетовъ, представленныхъ кн. М. С. Волконскимъ Н. Н. Муравьеву.

[2] Рукопись изъ архива князя М. С. Волконскаго.

казаковъ, еще не умершихъ въ памяти народной: воскресли блистательныя надежды на возвращеніе богатаго и плодоноснаго Амурскаго края и Албазина (уступленныхъ Китайцамъ въ 1689 г.), на лучшую будущность, на развитіе торговли и промышленности, при открытіи водяного сообщенія съ океаномъ. Амуръ это путь прямой изъ свѣта стараго въ новый: Амуръ—для Россіи дѣло великое! Всѣ поняли важность и благотворность предпріятія, изъявили живое сочувствіе великой и благодѣтельной идеѣ доблестнаго ревнителя и сподвижника Государя, неутомимаго двигателя, генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева.»

«Столица Восточной Сибири и представитель всей ея умственной и промышленной жизни, Иркутскъ, ликовалъ и пировалъ, торжествуя побѣду Муравьева надъ вѣковыми заблужденіями, оковавшими представителей высшей власти въ Петербургѣ тѣснымъ кругозоромъ, изъ котораго высвободиться не хватало у нихъ силъ. Только орлиный взоръ и полетъ Муравьева могли внести свѣтъ во тьму дальней окраины и разоблачить истину. Я не умѣю передать»,—пишетъ Б. Струве,[1]—«какое это было всеобъемлющее состояніе радости! Всякій силился и спѣшилъ принести свою лепту. Купечество, которое знало, какого невыгоднаго мнѣнія былъ Муравьевъ о немъ, по достоинству оцѣнило заслуги Муравьева и, изъявляя готовность сдѣлать значительныя денежныя пожертвованія на сплавъ по Амуру, старалось, такъ сказать, съ нимъ помириться. Со всѣхъ сторонъ посыпались приношенія: торжественный, роскошный обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія былъ доказательствомъ примиренія Муравьева съ купечествомъ: это былъ первый обѣдъ, который Муравьевъ, со времени своего назначенія генералъ-губернаторомъ, принялъ отъ Иркутскаго купеческаго общества.» Однимъ словомъ, скажемъ мы, вся Сибирь встрепенулась при вѣсти объ открытіи плаванія по Амуру.

19-го апрѣля Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Иркутска по Кругобайкальской дорогѣ, по пути, сопряженному съ большими трудностями. По пріѣздѣ своемъ въ Кяхту, онъ писалъ М. С. Корсакову отъ 26-го апрѣля: «Пользуюсь отъѣздомъ лейтенанта Купріянова,[2] чтобъ отвѣчать, любезный другъ, на письма твои, отъ 18-го и 22-го апрѣля, и сказать, что я здѣсь съ 24-го числа и пробуду, вѣроятно, до 30-го въ ожиданіи нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ Урги; но 6-го мая я во всякомъ случаѣ непремѣнно буду въ Бянкинѣ: лучше всего, еслибъ туда пришелъ за мною

[1] Воспоминанія о Сибири. Стр. 174.

[2] Яковъ Ивановичъ, нынѣ вице-адмиралъ.

пароходъ: тогда мы были бы уже увѣрены, что онъ можетъ ходить противъ теченія.

Молебствіе надо будетъ отслужить торжественно на Шилкѣ или въ Горбицѣ [1] (гдѣ будетъ дневка). Къ пріѣзду моему приготовь между прочимъ списокъ всѣмъ чинамъ, отправляющимся съ нами, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ, съ обозначеніемъ, кто при какой должности или просто пассажиромъ. Я полагаю, что твои плоты пойдутъ и на Амуръ, по крайней мѣрѣ съ того мѣста, гдѣ можно будетъ болѣе удобно нагрузить баржи, лодки и самый пароходъ. На плотахъ можно и дрова везти, даже и очень далеко.»

На пути въ Кяхту и Шилкинскій заводъ, вездѣ встрѣчали Николая Николаевича съ восторгомъ, давали въ честь его обѣды, сочиняли стихи и пѣсни. Вотъ стихи, сказанные Муравьеву на обѣдѣ въ Кяхтѣ 27-го апрѣля однимъ изъ членовъ купечества, Ксенофонтомъ Кандинскимъ:

Пируя праздникъ возвращенья,
Сподвижникъ Царскій, твоего,
Не можемъ чувства восхищенья
Вполнѣ мы выразить всего.

Отъѣздъ твой скорый предвѣщаетъ
Сибири новую зарю;
Онъ свѣжи лавры обѣщаетъ
Руси и Бѣлому Царю.

Сибирь съ надеждой несомнѣнной
Глядитъ на рдѣющій Востокъ
И ждетъ, что трудъ твой вдохновенный
Богатствамъ нашимъ дастъ истокъ;

Амуромъ путь ты имъ проложишь,
Движенье силамъ нашимъ дашь,
Добра начало тѣмъ положишь—
И край счастливый будетъ нашъ.

Быть можетъ, нашъ орелъ двуглавый
Пробудитъ дремлющій народъ
И, озарившись новой славой,
Его онъ къ жизни призоветъ.

Счастливъ, кого судьба избрала
Орудьемъ помысловъ благихъ,
Счастливъ, кому она сказала:
Ступай впередъ!.. Исполни ихъ!..

---

[1] Т. е. въ Шилкинскомъ заводѣ, который, по мѣстному обычаю, называли просто Шилкою, именемъ рѣки, на которой онъ стоитъ. Горбица—станица на рѣкѣ Шилкѣ, прежній граничный пунктъ съ Китайской имперіей.

Свершить вѣковъ опредѣленье
Тебѣ назначено судьбой,
И Богъ Свое благословенье
Пошлетъ на подвигъ трудный твой!

И вся Сибирь изъ рода въ родъ
Прославитъ смѣлый твой походъ!
И мы воскликнемъ всѣ тогда:
Ура, нашъ Муравьевъ!—Ура! [1]

[1] Д. Романовъ. Русское Слово. 1859 г., августъ, стр. 111—112.

XLIII.

Медленность Китайскаго правительства въ отношеніи дипломатическихъ переговоровъ. Прибытіе Муравьева въ Шилкинскій заводъ. - Съѣздъ туда представителей властей для проводовъ Муравьева. Поднесеніе ему иконы Знаменія Божіей Матери. - Напутственный молебенъ.— Оживленіе Шилкинскаго завода.— Праздникъ въ честь Муравьева. - Описаніе праздника. Стихи, сочиненные по этому поводу ссыльно-каторжнымъ Макѣевымъ.— Заключеніе праздника.

1854 г.

Китайское правительство, по принятому имъ обычаю въ отношеніи дипломатическихъ съ нами переговоровъ, медлило отвѣтомъ касательно разрѣшенія сплава по Амуру. Между тѣмъ время уходило, и дальнѣйшее ожиданіе и промедленіе могло бы для насъ быть гибельно. А потому Муравьевъ, изучивъ характеръ Китайцевъ, положилъ дѣйствовать рѣшительно и, не дожидая болѣе отвѣта Пекинскаго Двора, онъ 7-го мая 1854 года прибылъ въ Шилкинскій заводъ на лодкѣ, изъ станицы Бянкиной, и остановился въ лагеряхъ линейнаго Сибирскаго, № 15, батальона на противоположномъ, или правомъ берегу рѣки Шилки, гдѣ въ то время квартировалъ линейный сводный батальонъ и артиллерія, назначенные въ экспедицію на Амуръ. «Берега Шилки»,— пишетъ Н. Д. Свербеевъ, [1] — «оживились. На самой срединѣ рѣки стоялъ на якорѣ «Аргунь» — пароходъ въ 60 силъ. У лѣваго берега рѣки тянулись баржи, плашкоуты и плоты, нагруженные хлѣбомъ, мясомъ, виномъ и множествомъ другихъ припасовъ, необходимыхъ для дальняго плаванія.»

Когда всѣмъ стало извѣстно, что Н. Н. Муравьевъ уже въ Шилкинскомъ заводѣ, то къ нему поспѣшили явиться туда для проводовъ главные мѣстные начальники Забайкальской области и всѣ представители сословій. Такъ, изъ г. Читы прибылъ военный

---

[1] Плаваніе по р. Амуру.

губернаторъ и наказный атаманъ казачьяго войска, генералъ-маіоръ П. И. Запольскій; изъ Верхнеудинска командиръ 24-й пѣхотной дивизіи отдѣльнаго Сибирскаго корпуса, генералъ-маіоръ Михайловскій; изъ Нерчинска исправляющій должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, инженеръ-подполковникъ И. Е. Разгильдѣевъ со старшими заводскими чиновниками. Представителемъ духовенства явился изъ Нерчинскаго завода благочинный, протоіерей Симеонъ Боголюбскій съ причтомъ, причемъ сей послѣдній поднесъ Муравьеву въ даръ и благословеніе воинству, отправляющемуся въ экспедицію на Амуръ, отъ Нерчинско-заводскаго Богоявленскаго собора древнюю св. икону Знаменія Божіей Матери, вынесенную, по преданію, выходцами изъ уступленнаго Китайцамъ Албазина, въ серебряномъ, чеканной работы, окладѣ и съ серебрянымъ же вѣнцомъ, въ деревянномъ наборномъ оклеенномъ кіотѣ за стекломъ, а при ней въ ящикѣ 3 фунта ладону и 5 фунтовъ восковыхъ свѣчъ и молитвенникъ со святцами.

Муравьевъ это приношеніе отъ духовенства принялъ съ чувствомъ глубокаго христіанскаго благоговѣнія, попросилъ протоіерея благословить его этою иконою и передалъ ее войску. Затѣмъ былъ отслуженъ, по приглашенію Муравьева, напутственный молебенъ. «Къ этому достопамятному дню съѣхались въ Шилкинскій заводъ», — пишетъ очевидецъ протоіерей С. Боголюбскій,[1] «представители и другихъ сословій Забайкалья, какъ-то: купцы, мѣщане и разночинцы, такъ что, въ продолженіе пребыванія Муравьева, Шилкинскій заводъ, украшенный флотиліею, оживленный наплывомъ народонаселенія, кипучею жизнью и дѣятельностью, говоромъ и движеньемъ, представлялъ изъ себя видъ какъ бы портоваго города; а разнообразіемъ мундировъ — флотскихъ, армейскихъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ, казачьихъ и т. д. — походилъ вполнѣ на военный лагерь. Были принесены денежныя и другія пожертвованія въ пользу Амурской экспедиціи отъ купечества Иркутскаго и другихъ лицъ, а, исправляющій должность горнаго начальника Нерчинскихъ заводовъ, подполковникъ Разгильдѣевъ пожелалъ устроить въ честь Н. Н. Муравьева праздникъ съ иллюминаціей, фейерверкомъ и русскимъ хлѣбосольствомъ, для чего была сдѣлана единодушная подписка между офицерами и чиновниками, служащими на заводахъ. Когда все уже было приготовлено, къ Муравьеву явилась депутація съ просьбою принять приглашеніе на этотъ праздникъ. Муравьевъ, съ свойственною ему любезностью, принялъ

[1] Рукопись изъ архива князя М. С. Волконскаго.

это приглашеніе. Праздникъ былъ назначенъ 9-го мая, въ день святителя Николая.

Вечеромъ этого дня главная улица завода, на полторы версты въ длину, по обѣимъ сторонамъ обставлена была деревьями, въ видѣ большой аллеи, и при нихъ на подмосткахъ стояли плошки. На этой же улицѣ возвышался храмъ «Славы» съ боковыми пирамидами, украшенными плошками и разноцвѣтными фонарями; въ центрѣ помѣщенъ былъ транспарантъ съ вензелевымъ изображеніемъ Государя Императора подъ короною: вверху былъ парящій орелъ, а внизу написано:

Ура! нашъ мудрый Николай!
Твои орлы парятъ высоко....
Молчи Монголъ! Не спорь Китай:
Для Русскаго и Пекинъ недалеко!

Посреди улицы, на нагорной площадкѣ, въ параллель съ лѣвою стороною, устроенъ былъ изъ деревьевъ—лиственницы, черемухи, березы, сосны, багульника[1] и мелкаго кустарника—полукруглый садикъ съ аллеею, обставленною такими же деревьями. Въ полукружіи возвышались: посрединѣ—храмъ, а по бокамъ—пирамиды. Все это сооруженіе связывалось арками легко и красиво, а пирамиды, кромѣ огней, украшены были цвѣтами. Въ глубинѣ этихъ арокъ, или храмиковъ, вставлены были три транспаранта. На среднемъ транспарантѣ была написана аллегорическая картина—рыцаря, стоящаго на Стрѣлкѣ, гдѣ соединяются Шилка и Аргунь; рыцарь стоялъ на пьедесталѣ изъ военныхъ доспѣховъ. Въ одной рукѣ рыцаря былъ щитъ, въ другой мечъ. Этимъ мечемъ витязь показываетъ на Востокъ; а тамъ, вдали, видны: крестъ, поклоненіе Ему Монгольскихъ племенъ, восходящее солнце и т. д.; надъ рыцаремъ паритъ двуглавый орелъ: надъ устьемъ Амура тоже. Въ срединѣ между орлами, въ облакахъ, является на торжественной колесницѣ, везомой двумя лошадьми, Марсъ. Внизу, по берегамъ Амура, видны: пажити, нивы, церкви, сельскія работы, горное дѣло; равно показана фауна края: звѣри, китъ, рыбы, птицы и т. д. На устьѣ Амура, въ глубинѣ картины, видѣнъ городъ, а на взморьѣ—корабли, суда, пароходы, лодки и т. п. Подъ картиною помѣщены слѣдующіе стихи:

Туда, нашъ витязь полунощный,
Туда, гдѣ царствовалъ Чингисъ,
Какъ исполинъ Сибири мощный,
Возьми Амуръ и укрѣпись!

---

[1] Rododendrum.

Орломъ лети черезъ твердыни,
По волнамъ лебедемъ плыви,
Промчися вихремъ по пустынѣ
И мысль Великаго сверши!

Та мысль была—Отца-Петра:
Она, какъ океанъ, глубока,
Сильна, какъ крылія орла,
Богата, какъ страна Востока!

Узрѣвъ тебя, и океанъ
Смиренно ляжетъ подъ стопами;
Толпа Гилякъ-островитянъ
Придетъ съ покорными главами.

Иди же съ миромъ, нашъ герой,
Иди, куда звѣзда ведетъ...
Тѣнь генія страны родной
Изъ лавръ вѣнецъ тебѣ сплететъ!

Въ правой боковой пирамидѣ на транспарантѣ написаны были историческія событія, совершившіяся во время управленія Восточною Сибирью Н. Н. Муравьевымъ:

Въ достославное царствованіе Государя Императора Николая I. въ управленіе Восточною Сибирью генералъ-лейтенанта Муравьева, совершилось:

I.

«Въ лѣтѣ 1851 года—преобразованіе Забайкальскаго края.»

II.

«Въ лѣтѣ 1852 года—Забайкальскому казачьему войску розданы знамена, въ командованіе войскомъ наказнаго атамана генералъ-маіора Запольскаго.»

III.

«Въ лѣтѣ 1853 года—по рѣкамъ Шилкѣ и Ундѣ добыто 171 пудъ золота.»

IV.

«Въ лѣтѣ 1854 года—на воды рѣкъ Шилки и Аргуни спущена легкая флотилія, для плаванія по Амуру. Главнымъ строителемъ флотиліи былъ капитанъ 2-го ранга Казакевичъ.»

Съ лѣвой стороны, въ пирамидѣ вставлена была клеевая картина, на которой изображена рѣка и по ней плывущая лодка съ тремя штабъ-офицерами, а внизу написано:

Хвала и вамъ, отважные пловцы,
Карсаковъ, Невельской и Казакевичъ!
Такъ, встарь, Яицкіе ходили удальцы,
И такъ ходилъ Ермакъ нашъ Тимофеичъ.

За этими арками, въ глубинѣ панорамы, на возвышеніи, поставленъ былъ щитъ, на которомъ, бенгальскимъ огнемъ, горѣли буквы: Н. Н. (вензель Муравьева).

Однимъ словомъ, иллюминація пылала и блистала во всемъ чудномъ своемъ великолѣпіи на всѣхъ рѣшительно пунктахъ.

Въ $8^1/_2$ часовъ вечера прибылъ изъ-за рѣки Муравьевъ со своею свитою. Пріѣздъ гостей возвѣщенъ былъ пушечнымъ выстрѣломъ и 100 ракетами, пущенными вверхъ. Хозяинъ праздника И. Е. Разгильдѣевъ, со своею свитою и горными чиновниками, встрѣтилъ Муравьева на берегу и провелъ его сначала по улицѣ, а потомъ въ садъ, гдѣ разставлена была военная кавалерійская и инструментальная заводская музыка и русскіе пѣвцы (изъ каторжныхъ).

Муравьевъ со всею свитою отправился смотрѣть иллюминацію, и когда они подошли къ Царскому щиту съ вензелемъ Государя, тотчасъ громкое «ура!» раздалось повсюду. Взлетѣли на воздухъ сотни ракетъ, бураковъ, загремѣли горныя пушки, и военная музыка огласила воздухъ народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни!» Затѣмъ Муравьевъ пошелъ далѣе внизъ по улицѣ къ тріумфальнымъ воротамъ, замыкающимъ иллюминацію. Осмотрѣвъ ихъ, онъ обратился вверхъ по улицѣ, а когда поровнялся съ садикомъ, его встрѣтили два шумящіе фейерверочные фонтана. Въ это время поплыли по рѣкѣ двѣ лодки, сражавшіяся одна съ другой ракетами: видъ огней на водѣ былъ очарователенъ.... Муравьевъ, посмотрѣвъ это сраженіе, возвратился въ садъ казеннаго дома, гдѣ по-очередно играла военная музыка, и пѣвцы пѣли русскія пѣсни. Между прочимъ были пропѣты слѣдующіе стихи, сочиненные карійскимъ ссыльно-каторжнымъ Макѣевымъ изъ Калужскихъ купцовъ:

Какъ за Шилкой за рѣкой,
Въ деревушкѣ грязной,
Собрался народъ толпой
И народъ все разный.

Ни чу-чу,
Ни гу-гу!
Мы молчимъ,
Не говоримъ—
Безъ насъ!

Новобранцы казаки
Собрались толпами
И градскіе торгаши
Съ ихними женами.

Посмотрѣть всѣ хочутъ балъ
Въ Шилкинскомъ заводѣ;
Каждый шелъ и разсуждалъ
Все о пароходѣ.

Вдругъ на Шилкѣ на рѣкѣ
Волны заиграли,
И чуть видно, вдалекѣ,
Лодки выплывали.

Раздалось: «ура! ура!» —
Всѣ засуетились,
И изъ каждаго двора
Къ Шилкѣ торопились.

И всѣ съ радостью живой
«Ура!» повторили,
И пошелъ вдругъ пиръ горой—
Обо всемъ забыли.

Жданный всѣми генералъ,
Громкій по державѣ,
Ободряя всѣхъ, сказалъ
О походной славѣ:

«Не жалѣть своихъ трудовъ!
«Подвигомъ гордиться!
«Съ нами Богъ и рой штыковъ!
«Нечего страшиться!

«Кто со мною?» онъ сказалъ,
Обратясь къ народу.
—Всѣ готовы, генералъ,
Хоть въ огонь, хоть въ воду!—

Вдругъ раздался пѣсенъ хоръ,
Пушки загремѣли—
И по Шилкѣ, между горъ,
Лодки полетѣли.

Затѣмъ былъ данъ роскошный ужинъ, за которымъ провозглашены были тосты: 1-й — за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи; 2-й — за здравіе Кавказскаго героя и исполнителя идеи Петра Великаго, генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева. Потомъ были тосты за гостей и наконецъ за здравіе и благополучіе сподвижниковъ Муравьева и всей экспедиціи, отправляющейся въ путь. Ужинъ окончился въ часъ по полуночи, и всѣ разъѣхались.

Первый и единственный въ Шилкинскомъ заводѣ, этотъ великолѣпный праздникъ въ честь Н. Н. Муравьева удался, какъ нельзя лучше.»

XLIV.

Первая военная экспедиція по Амуру. — Выступленіе изъ Шилкинскаго завода и дальнѣйшее плаваніе экспедиціи. - Прибытіе въ Айгунъ. Встрѣча съ офицеромъ Разградскимъ. — Представленіе Невельского въ Маріинскомъ посту. Результатъ первой военной экспедиціи.

—

1854 г.

—

14-го мая, рано утромъ, Муравьевымъ былъ отданъ по лагерю приказъ выступить въ походъ послѣ полудня. «День былъ чудный», — пишетъ Н. Д. Свербеевъ. [1] — «солнце ярко освѣщало берега Шилки; и хребты, и долины, озаренные его свѣтомъ, казалось, радовались тому, что происходило на рѣкѣ. Около 4-хъ часовъ пробили тревогу. Изъ лагеря вышелъ Муравьевъ со своей свитой, и всѣ мы двинулись къ берегу.

Здѣсь на полянѣ стоялъ небольшой столъ, покрытый скатертію: на немъ икона Божіей Матери (изъ Албазина), которою мѣстный священникъ благословилъ насъ.

Изъ-за рѣки, изъ церкви Шилкинскаго завода понесли хоругви и иконы: раздался благовѣстъ съ колокольни: духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ шло по направленію къ перевозу и пѣло канонъ Св. Пасхи, такъ какъ сорокадневный церковный праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова еще не кончился. Святое шествіе перешло въ лодку, чтобы переплыть къ лагерному мѣсту, и тихо понеслось по рѣкѣ его молитвенное пѣніе: «*Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его*».. Хоругви осѣнили лагерный берегъ. Муравьевъ со всею свитою встрѣтилъ св. иконы съ крестнымъ знаменіемъ и поклономъ, а войска отдали надлежащую по уставу воинскую честь. Затѣмъ Муравьевъ обратился къ войску и сказалъ: «Дѣти! настало время отправиться въ походъ; помолимся Господу Богу и попросимъ Его благословенія на наше путешествіе.» — Рады стараться! — единогласно отвѣчало войско.

---

[1] Плаваніе по р. Амуру. Стр. 25.

Всѣ сняли шапки, замолкли сборы и говоръ, и дьяконъ обычнымъ порядкомъ началъ служеніе. *О плавающихъ* возносилось моленіе Господу, о ниспосланіи свыше благословенія.

Послѣ молебна совершонъ былъ *чинъ освященія* воинскихъ судовъ ратныхъ и благословенія воинамъ, въ нихъ плыть хотящимъ, съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ этого протоіерей, въ сопровожденіи Муравьева и командира экспедиціи полковника Карсакова, со св. крестомъ и водой, отправился на берегъ къ флотиліи, окропилъ св. водой всѣ лодки, карбасы, баржи и плоты, начиная съ первой до послѣдней, съ установленною молитвою. По освященіи флотиліи, протоіереемъ С. Боголюбскимъ было произнесено войску прочувствованное слово. Затѣмъ, послѣ произнесенія протоіереемъ обычнаго отпуска съ крестомъ, дьяконъ провозгласилъ многолѣтіе, и тѣмъ церковное служеніе окончилось. Генеральская лодка подняла на мачтѣ флагъ. Всѣ стали по лодкамъ, скомандовали отвалъ.» [1]

«Впереди всѣхъ», — продолжаетъ Н. Д. Свербеевъ, — «понеслась лодка Муравьева, а за нею всѣ прочія суда. Запестрѣли передъ нами берега Шилки, оглашаемые громкими криками «ура!» съ берега и рѣки и плескомъ веселъ. Великолѣпна была Шилка въ эту свѣтлую минуту! Гордо катились воды ея: ей, казалось, нравилась, полюбилась свѣжая флотилія, которая неслась передъ ея берегами къ свѣжему дѣлу.

Заводская пушка привѣтствовала нашу флотилію; горныя пади [2] вторили ей, и все населеніе Шилки кидало шапки на воздухъ при крикѣ «ура!» Это было восторженное, единодушное, радостное привѣтствіе, предзнаменованіе благого исхода новому пути.

По излучинѣ рѣки въ этомъ мѣстѣ, на двѣ слишкомъ версты растянулась флотилія. Впереди ея открывала плаваніе высокая мачта съ генеральскимъ флагомъ; за ней, перегоняя другъ друга, неслись три офицерскія лодки, а за ними цѣлой массой слѣдовали баржи, плоты и плашкоуты. Рѣка плещетъ подъ ударами веселъ, дымятся на носахъ лодокъ огоньки, музыка играетъ. Береговые утесы, высящіеся надъ причудливыми изгибами Шилки, окаймляютъ эту живую сцену; солнце освѣщаетъ вершины ихъ, и подъ

[1] Экспедиція поднялась при весьма неблагопріятныхъ слухахъ, шедшихъ изъ Китая. Говорили, что къ Амуру Китайцы выставили войска, и что противъ города Сахалянъ-Ула-Хотонъ протянуты съ одного берега до другого цѣпи, о которыя должны разбиться суда. Муравьевъ этимъ слухамъ не вѣрилъ; но нельзя было отрицать того, что экспедиція отправлялась по пути, совершенно неизвѣстному и неразвѣданному.

[2] Долины между горъ,—Сибирское выраженіе.

яркими лучами его блещетъ вода, и зеленѣютъ рощи, лѣса и луга первымъ расцвѣтомъ весеннимъ.

Но вотъ вечерѣетъ. «Вѣтка» [1] примчала курьера изъ Иркутска. Вельботъ шмыгаетъ по рѣкѣ къ лодкамъ съ письмами, протягиваются руки получателей. Флотилія несется впередъ. Смотрите влѣво на берегу: дома, избы, народъ. Восьмой часъ вечера. Солнце скрывается за вершинами горъ. Голосъ съ первой лодки командуетъ на привалъ: *давай влѣво, стой! Тяжелыя суда къ правому берегу!* Въ 18-ти верстахъ отъ Шилкинскаго завода находятся складочные магазины Усть-Карійскіе, новаго золотого казеннаго промысла, подвѣдомственные Нерчинскому горному начальству. На этой Усть-Карійской равнинѣ былъ первый ночной привалъ экспедиціи. На зеленомъ лугу разостлали коверъ со скатертью, около котораго расположился Муравьевъ со штабомъ для походнаго ужина; заиграла музыка трубачей.

За этимъ ужиномъ, лучшимъ блюдомъ была огромная бѣлуга, гостья съ Амура, заплывшая въ нашу Шилку. Когда совсѣмъ уже стемнѣло, засвѣтились огоньки на лѣвомъ и правомъ берегахъ, задымились солдатскіе котлы, и денная суета, шумъ и хлопоты уступили мѣсто тишинѣ, изрѣдка прерываемой окликомъ часового. Не забуду я этой чудной майской ночи, Усть-Карійскаго привала и цѣлаго этого дня, столь полнаго радостными впечатлѣніями, столь увлекательнаго ожиданіемъ дальнѣйшаго плаванія по краю неизвѣстному, о которомъ такъ много толковали въ Сибири и котораго, между тѣмъ, никто не видалъ во-очію.

Съ ранней зарей слѣдующаго дня мы отвалили отъ Усть-Карійскаго ночлега. Въ 2 часа утра, при звукахъ генералъ-марша, на лодкахъ все ожило; въ 3 часа суда отчалили и понеслись далѣе по Шилкѣ.

Берега Шилки весьма живописны. Лѣвый образуется горной грядой известковой породы; онъ покрытъ хвойнымъ лѣсомъ, какъ вообще бо́льшая часть береговъ Сибирскихъ рѣкъ; на правомъ господствуетъ болѣе характеръ равнины. Первое заселенное мѣсто послѣ Кары — с. Половинкинское; далѣе слѣдуютъ: Куларская станица, селеніе довольно большое, и Усть-Черпинская. Мы миновали ихъ всѣ, не останавливаясь, и съ лодокъ видѣли, какъ любопытное населеніе деревень выходило полюбоваться небывалымъ зрѣлищемъ. За деревней Черной, построенной у устья соименной рѣчки, на лѣвомъ берегу Шилки, расположена Горбица (отъ Шилкинскаго завода 70 верстъ), предпослѣдняя наша казачья станица. Горбица —

[1] Лодка.

большое селеніе съ церковью. Здѣсь живетъ сотенный командиръ Горбиченской сотни. Мы причалили къ селенію подъ звуки музыки. Куча казачекъ и мальчишекъ окружила трубачей. Отъ мѣстныхъ казаковъ представленъ былъ почетный караулъ генералу. Около полудня отвалила флотилія отъ берега. Ниже Горбицы, въ разстояніи одного дня плаванія, на лѣвомъ берегу, въ береговомъ утесѣ, Горбиченскіе казаки показывали намъ большую пещеру. По разсказамъ туземцевъ, Китайцы, подымаясь вверхъ по рѣкѣ къ Горбицѣ, здѣсь останавливаются и приносятъ жертву богамъ своимъ. Немного далѣе этого мѣста, береговой характеръ Шилки нѣсколько измѣняется: гряда утесовъ тянется по правому берегу, долины показываются на лѣвомъ; лѣсъ на берегу большею частію хвойный. Не доходя 5 верстъ до Усть-Стрѣлки, Шилка дѣлится на три рукава, и со всѣхъ сторонъ открываются равнины, покрытыя березовыми рощицами. Одинъ изъ рядовыхъ на нашей лодкѣ замѣтилъ о стройномъ ростѣ деревьевъ, что онѣ, какъ будто, въ одинъ годъ были посажены. Здѣсь расширяется горизонтъ, горныя цѣпи Амурскихъ горъ разступаются шире и даютъ раздолье берегамъ рѣки. Обогнувъ острова, Шилка еще разъ собираетъ свои воды въ одно широкое русло и въ послѣдній разъ является самобытной рѣкой, широкой и быстрой; еще нѣсколько далѣе она встрѣчается съ теченіемъ Аргуни, и обѣ передаютъ первенство другому, болѣе громкому имени. Справа виднѣется Аргунская долина и широкое русло Амура. Передъ вступленіемъ въ воды Амура нужно было осмотрѣться, привести флотилію въ порядокъ, распредѣлить ея слѣдованіе. Это было 17-го мая вечеромъ. Экспедиція подошла къ Усть-Стрѣлкѣ. Послѣдній привалъ на берегу былъ весьма живописенъ. Всю ночь не умолкала бесѣда вокругъ огоньковъ, расположенныхъ по берегу; до 3-го часа пополудни длились на другой день (18-го мая) сборы къ отходу. Съ утра полилъ дождь. Около 2-хъ часовъ данъ былъ сигналъ, и лодки снялись съ якоря. Въ $2^1/_2$ часа гребныя суда и пароходъ «Аргунь» вступили въ воды Амура. Трубачи играли «Боже, Царя храни!» Всѣ встали на лодкахъ, сняли шапки и осѣнились крестнымъ знаменіемъ. Муравьевъ, зачерпнувъ въ стаканъ воды Амурской, поздравилъ всѣхъ съ началомъ плаванія по Амуру; раздалось «ура!» Торжественна была эта минута, послѣ двухвѣковаго промежутка повторившаяся для Русскихъ на Амурѣ! Весело было смотрѣть на суда, которыя неслись по гладкой поверхности рѣки.»

20-го мая экспедиція подошла къ бывшему Албазинскому острогу. Причаливая къ пустынному мѣсту, священному по преданіямъ, музыка играла «*Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*»; по

всѣмъ судамъ скомандовали на молитву, всѣ встали и сняли шапки. За молитвой слѣдовалъ народный гимнъ. Первымъ взошелъ на Албазинскій валъ Муравьевъ, за нимъ послѣдовали всѣ.

Продолжая плаваніе далѣе за Албазинъ, на разстояніи 400 верстъ, экспедиція не встрѣтила ничего особенно замѣчательнаго. Ровное теченіе Амура, мѣстами однимъ русломъ, мѣстами нѣсколькими протоками или каналами, идетъ между пологими берегами. Первая замѣчательная мѣстность—песчаный утесъ *Чагаянъ* на правомъ берегу. Экспедиція остановилась близъ самаго утеса для обѣденнаго привала.

28-го мая экспедиція прибыла къ устью Зеи, откуда посланы были Муравьевымъ впередъ въ Айгунъ чиновники съ извѣщеніемъ о прибытіи. Это извѣстіе, совершенно неожиданное, какъ бы громомъ поразило начальника Айгуна, который, не получивъ никакого распоряженія отъ своего правительства о сплавѣ, и вообще ничего объ этомъ не вѣдая, началъ представлять свои доводы о невозможности пропуска; но появленіе никогда невиданнаго Манджурами парохода и огромнаго числа плывущихъ по рѣкѣ баржъ и лодокъ экспедиціи до того перепугало Манджурскихъ чиновниковъ, что они только одного желали—скорѣйшаго удаленія Русскаго военнаго отряда изъ-подъ стѣнъ ихъ города. 30-го мая экспедиція достигла устья р. Буреи, проплыла устье р. Сунгари 2-го іюня и 5-го числа миновала устье Уссури.

За неимѣніемъ никакихъ картъ р. Амура, длину пути считали по генеральной картѣ Азіи, и 9-го іюня, находясь 200 верстъ ниже Уссури, полагали, что подходятъ къ озеру Кизи, по сходству мѣстности, какъ увѣряли бывалые тамъ. Въ этотъ день внезапно налетѣла буря, въ нѣсколько минутъ затопила суда и экспедиція едва не потеряла весь свой грузъ. Два дня сушили провіантъ у низменнаго острова, названнаго островомъ св. Кирилла, въ память святого, празднуемаго въ этотъ день. 10-го іюня, вечеромъ, замѣчена была на рѣкѣ лодка, идущая подъ парусомъ противъ теченія, и въ ней морской офицеръ. Всѣ столпились на берегу кругомъ Муравьева, съ нетерпѣніемъ ожидая извѣстій. Еще лодка не успѣла подойти къ берегу, какъ Муравьевъ крикнулъ: «Далеко ли до Маріинскаго поста?» Офицеръ—это былъ Разградскій—отвѣчалъ: «500 верстъ.» Затѣмъ Разградскій вручилъ Муравьеву письмо отъ Невельского, въ которомъ онъ указывалъ на необходимость оставить на устьѣ Хутари конную сотню казаковъ, чтобы войти оттуда въ сношеніе съ Императорскою гаванью.

До этого пункта экспедиція находила бо̀льшую часть прибрежныхъ деревень пустыми, потому что жители бѣжали отъ

страха; но отсюда начали встрѣчаться Гольды, съ любопытствомъ разсматривавшіе Русскихъ: изъ числа ихъ явились лоцманы и проводники, приготовленные Разградскимъ, которыхъ до того времени нельзя было достать нигдѣ, чрезъ что плаваніе по неизвѣстной рѣкѣ еще болѣе затруднялось и замедлялось. Приваливъ въ одной деревнѣ къ берегу для обѣда, Муравьевъ, по обыкновенію, началъ раздавать жителямъ серебро и разныя бездѣлушки; это ободрило Гольдовъ, и они поочередно съ женами и дѣтьми подходили къ кресламъ, въ которыхъ сидѣлъ Муравьевъ, и кланялись ему.

Продолжая свое плаваніе по Амуру, Муравьевъ, не доходя Маріинскаго поста, отправилъ впередъ пароходъ «Аргунь», который и прибылъ туда 12-го іюня. Находившійся тогда въ заливѣ де-Кастри капитанъ Невельской, получивъ объ этомъ извѣстіе, немедленно прибылъ въ Маріинскій постъ, откуда отправился въ байдаркѣ на встрѣчу генералъ-губернатору. Въ 7 верстахъ отъ поста онъ встрѣтилъ экспедицію и здѣсь донесъ Муравьеву о благополучномъ состояніи нашихъ постовъ на Амурѣ и островѣ Сахалинѣ, о прибывшихъ въ заливъ де-Кастри судахъ— «Двина», «Иртышъ», «Байкалъ» и «Востокъ», о соединеніи всѣхъ судовъ адмирала Путятина въ Императорской гавани, и представилъ на выборъ Муравьева защищаться съ нашими судами или въ Петропавловскомъ портѣ, или въ Императорской гавани, упоминая, что всѣ войска и припасы, назначенные въ Камчатку, возможно теперь же переправить изъ Маріинскаго поста прямо въ заливъ де-Кастри, гдѣ, посадивъ и погрузивъ на пришедшія суда, отправить къ избранному для обороны пункту.

Къ полудню 14-го іюня экспедиція прибыла въ Маріинскій постъ, гдѣ всѣ баркасы и лодки вошли въ заливъ (курью) Амурскаго протока, на берегу котораго стояли тогда только двѣ избы, гдѣ помѣщалось пять человѣкъ, содержавшихъ посты, и сохранялись товары и продовольствіе. Въ этотъ день, за обѣдомъ у Муравьева, собрались всѣ его спутники, и дружно и радостно поздравляли другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ первой военной Русской экспедиціи по рѣкѣ Амуру.

Успѣхъ нашей первой военной экспедиціи составляетъ важную эпоху въ исторіи пріобрѣтенія Амура: эта экспедиція окончательно познакомила насъ съ берегами судоходной рѣки и показала намъ пригодность ея для сплава, удобство и возможность заселенія береговъ Амура, при малонаселенности страны, миролюбіе мѣстныхъ ея жителей и слабость Китайцевъ, словомъ: она проложила Россіи путь къ Восточному океану.

XLV.

Пребываніе Муравьева въ Маріинскомъ посту и дѣятельность его тамъ. — Переговоры въ Императорской гавани съ Путятинымъ о вводѣ судовъ въ Амурскій лиманъ. Прибытіе Муравьева въ Петровское. — Путешествіе его на оленяхъ изъ Петровскаго въ Николаевскъ. — Отвѣтъ Китайскаго Трибунала на посланный Муравьевымъ листъ. — Пріѣздъ Муравьева въ Аянъ и выѣздъ оттуда. — Дѣйствія непріятеля противъ Камчатки. Отраженіе непріятеля и командировка въ Петербургъ князя Максутова съ этимъ извѣстіемъ.

1854 г.

Оставаясь въ Маріинскомъ посту, Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе для защиты Петропавловскаго порта противъ нападенія непріятеля: 350 человѣкъ нижнихъ чиновъ, сплывшихъ по Амуру, отправить изъ Маріинскаго поста черезъ озеро Кизи въ заливъ де-Кастри на укомплектованіе находящагося въ Камчатской флотиліи 47-го флотскаго экипажа; а изъ залива де-Кастри на транспортахъ «Иртышъ» и «Двина», пришедшихъ кругомъ свѣта изъ Кронштадта въ Камчатку съ орудіями, направить въ Петропавловскій портъ. Эти транспорты, какъ намъ извѣстно, успѣли во-время прибыть въ Петропавловскій портъ и доставить туда подкрѣпленіе и провіантъ до непріятельскаго нападенія. Сотню же казаковъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, Муравьевъ приказалъ оставить въ Маріинскомъ посту, а остальныхъ сплавить внизъ по Амуру въ Николаевскій постъ.

Въ это время былъ командированъ полковникъ Карсаковъ въ Петербургъ съ донесеніемъ къ Государю о благополучномъ проплытіи экспедиціи къ устьямъ Амура и о другихъ распоряженіяхъ Муравьева.

Самъ же Николай Николаевичъ отъ озера Кизи пѣшкомъ прошелъ просѣку въ де-Кастри, откуда на шкунѣ «Востокъ» отправился въ Императорскую гавань для переговоровъ съ адмираломъ Путятинымъ, вслѣдствіе полученнаго Высочайшаго повелѣнія, чтобы суда наши, находящіяся въ Японіи, были на время войны введены въ устье Амура. Условившись въ Императорской гавани съ Путятинымъ о вводѣ фрегата «Паллада» въ устье Амура, Муравьевъ отправился обратно въ заливъ де-Кастри и отсюда черезъ лиманъ въ Петровское. На этомъ пути Муравьевъ осмотрѣлъ мысъ Лазарева, оставилъ на немъ нѣсколько матросовъ для указанія имѣющему прибыть изъ Императорской гавани фрегату «Паллада» мѣста для разгрузки, и, слѣдуя Сахалинскимъ фарватеромъ далѣе къ сѣверу, пробовалъ на пути открыть средній фарватеръ въ устье Амура, но эти отрывочныя изслѣдованія не повели ни къ какимъ результатамъ. По прибытіи въ Петровское, Муравьевъ большую часть своего штаба отправилъ на шкунѣ «Востокъ» въ Аянъ, а самъ съ капитанами Невельскимъ и Казакевичемъ, на оленяхъ, сухопутьемъ доходилъ до Николаевскаго поста, для осмотра низовья рѣки Амура и выбора мѣста для укрѣпленій. Въ то время въ Николаевскомъ посту было три дома и компанейскій магазинъ.

Въ эту бытность свою въ Николаевскомъ посту, Муравьевъ получилъ отвѣтъ на посланный имъ предъ отправленіемъ по Амуру листъ Китайскому Трибуналу о разграниченіи земель. Отвѣтъ этотъ заключался въ присланномъ изъ Кизи письмѣ отъ Цзиринскаго (Гиринскаго) Гусайды Фуняиги, въ которомъ увѣдомлялось, что, по указу Богдыхана, онъ назначенъ для осмотра и разграниченія мѣстъ, сопредѣльныхъ съ Россіею, и что поэтому онъ изъ города Сань-Сина отправился въ лодкахъ внизъ по Сунгари-ула, но узнавъ, что генералъ проплылъ внизъ, онъ остановился въ деревнѣ *Мылки*, откуда и отправляетъ чиновниковъ Тэйхень, бошховъ (капраловъ) Далинь и Сичень съ товарищами для извѣщенія о таковомъ указѣ Богдыхана, а самъ, по прибытіи нашихъ чиновниковъ, отправится осматривать пограничныя мѣста.

По возвращеніи шкуны «Востокъ» изъ Аяна въ Николаевскій постъ, Муравьевъ съ остальною частью своего штаба отправился 9-го августа на этой же шкунѣ въ Аянъ. Отсюда онъ отправилъ нѣкоторыхъ изъ слѣдовавшихъ въ Камчатку чиновниковъ и часть почты на кораблѣ Россійско-Американской Компаніи «Ситха» въ Большерѣцкъ, но корабль направился прямо въ Петропавловскій портъ и здѣсь, при входѣ въ Авачинскую губу, былъ взятъ въ плѣнъ непріятельскою эскадрою, возвращавшеюся послѣ дѣла подъ

Петропавловскомъ. Шкуна же «Востокъ», отправленная Муравьевымъ также съ почтою въ Петропавловскъ, выйдя изъ Аяна 17-го августа, 26-го вошла въ Авачинскую губу и, встрѣтившись при входѣ съ ботомъ № 1, была предупреждена командиромъ онаго, боцманомъ Новограбленымъ, о нахожденіи здѣсь непріятельскихъ судовъ, почему и повернула обратно. Починившись на одномъ изъ сѣверныхъ Курильскихъ острововъ (Поромуширѣ) и передавъ почту на встрѣченный транспортъ «Байкалъ», который направлялся къ Большерѣцку, шкуна «Востокъ» прибыла туда же 20-го сентября и черезъ 8 дней отправилась обратно въ Петровское, куда и прибыла на зимовку 10-го октября.

20-го августа Муравьевъ выѣхалъ изъ Аяна, предварительно давъ капитану Невельскому распоряженіе производить постройки въ Николаевскомъ посту, имѣя въ виду, что туда соберется на зимовку до 800 человѣкъ, и снабдить этотъ постъ продовольствіемъ на гребныхъ судахъ изъ Петровскаго.

Разсмотримъ теперь дѣйствія непріятеля, направленныя на Камчатку. [1] «Въ началѣ войны силы наши на Амурѣ были очень незначительны, и только сплавленными генераломъ Муравьевымъ войсками усилены Петропавловскій портъ и устье Амура. 18-го августа военная эскадра изъ 6-ти французскихъ и англійскихъ судовъ стала на якорь на рейдѣ Авачинской губы съ явными враждебными намѣреніями.

Въ Малой губѣ находился фрегатъ «Аврора» подъ командою капитанъ-лейтенанта Изыльметьева и транспортъ «Двина» подъ командою капитанъ-лейтенанта Васильева. Первый пришелъ въ Авачу 19-го іюня, а 350 человѣкъ линейныхъ солдатъ прибыли на транспортѣ «Двина» изъ де-Кастри. Люди эти довели оборону Петропавловска до того, что приходъ Англо-Французской эскадры засталъ насъ далеко не врасплохъ. Устроены были семь батарей. Гарнизонъ состоялъ изъ 42 офицеровъ и 879 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 350 линейныхъ солдатъ и 18 волонтеровъ.

Силу непріятеля составляли: французскій фрегатъ «La Forte» — 60 пушекъ; корветъ «Eurydice» — 32 пушки; бригъ «Obligado» — 18 пушекъ; англійскій фрегатъ «Président» — 52 пушки; корветъ «Pique» — 44 пушки; корветъ «Amphitrite» — 24 пушки, и пароходъ «Virago» въ 300 силъ съ 6 пушками.

17-го августа, въ половинѣ пятаго, увидали входящій въ Авачинскую губу трехмачтовый пароходъ подъ американскимъ флагомъ, который остановился, не доходя мили три до сигнальнаго

[1] П. В. Шумахеръ. Русскій Арх. 1878 г., кн. 8-я.

мыса. На встрѣчу ему посланъ былъ вельботъ для осмотра судна; но пароходъ, завидя шлюпку, тотчасъ поворотилъ назадъ. Въ это время на немъ показалось много народа. Было очевидно, что эскадра, крейсерующая у входа, есть непріятельская. Американцы, проживавшіе въ Петропавловскомъ портѣ изъявили сильное негодованіе на то, что пароходъ воспользовался флагомъ ихъ націи. Французскій адмиралъ Гальи, въ статьѣ своей «L'expédition de Petropawlowsk», напечатанной въ «Revue des deux mondes», подтверждаетъ, что англійскій адмиралъ хотѣлъ воспользоваться американскимъ флагомъ, чтобы съ возможною безопасностью проникнуть на рейдъ.

20-го августа замѣчено было, что непріятель намѣренъ сдѣлать рѣшительное нападеніе. Утромъ, въ 8 часовъ, служили молебенъ на батареѣ № 1. Во время чтенія св. Евангелія непріятель началъ стрѣлять въ батарею бомбами и ядрами, которыя, пролетая надъ головами бывшихъ на батареѣ, падали вблизи берега въ Малую губу, не причиняя никому вреда. Непріятель приближался медленно, и ровно въ 9 часовъ началось сраженіе. Непріятель расположилъ фрегаты такимъ образомъ, что фрегатъ нашъ «Аврора» и транспортъ «Двина», равно какъ и батарея № 3, не могли дѣйствовать по нимъ; ядра съ батареи № 2 едва долетали. Двѣ батареи наши, №№ 1 и 4, были совершенно открытыми, имѣли только 8 орудій и дѣйствовали противъ 80 орудій 3-хъ фрегатовъ и парохода, на которомъ были бомбическія орудія и мортиры. Батарея № 1 болѣе другихъ вредила фрегатамъ. Командиръ батареи, лейтенантъ Гавриловъ, былъ раненъ; изъ команды, кромѣ убитыхъ, было нѣсколько раненыхъ каменьями, которыхъ съ находившейся въ тылу батареи стѣны утеса на платформу навалило столько, что дѣйствовать орудіями было невозможно, почему ихъ и заклепали.

24-го числа, въ 4 часа утра, замѣтили движеніе на пароходѣ: непріятель приготовлялъ десантные боты, баркасы и шлюпки. Въ шестомъ часу пароходъ взялъ на буксиръ два фрегата и повелъ по направленію къ перешейку. Первый огонь открыла батарея на перешейкѣ. «Президентъ», будучи еще на буксирѣ, отвѣчалъ батальнымъ огнемъ. Батарея продолжала дѣйствовать скоро и успѣшно: первыми ядрами сбитъ на фрегатѣ «Президентъ» гафель, и англійскій флагъ упалъ. Такъ какъ на этотъ разъ фрегатъ сталъ на якорь близко отъ батареи, надѣясь, вѣроятно, уничтожить ее немедленно, то наши выстрѣлы попадали безъ промаха; однакожъ команда, осыпанная ядрами и лишась уже многихъ убитыми и ранеными, дрогнула; но, под-

держанная геройскимъ мужествомъ командира, продолжала гибельный для непріятельскаго судна огонь и утопила одну шлюпку съ десантомъ. Командиръ князь Максутовъ явилъ себя героемъ этого дня: осыпанный ядрами и бомбами, онъ одушевлялъ команду, лично наводилъ орудія до тѣхъ поръ, пока не палъ съ оторванной рукой. На фрегатѣ «Ла-фортъ» раздалось «ура!»—такъ дорого цѣнилъ непріятель нашу потерю; онъ продолжалъ бить въ батарею изо всѣхъ орудій и привелъ ее въ невозможность дѣйствовать.

Батарея № 7 держалась нѣсколько долѣе и вредила, сколько могла, фрегату и пароходу. Командиръ ея, капитанъ-лейтенантъ Кораллов, оставался на батареѣ даже послѣ того, какъ орудія были сбиты и завалены землею и фашинникомъ. Ушибленный дресвою въ голову, онъ былъ уведенъ съ батареи, а команда присоединилась къ отрядамъ.

Сбивъ батареи, непріятель отправилъ десантъ въ 2-хъ десантныхъ ботахъ и 23-хъ гребныхъ судахъ по направленію къ батареѣ № 7, подъ защитою орудій фрегата «Президентъ» и парохода, обстрѣливавшихъ Никольскую гору. За десантомъ слѣдовалъ французскій контръ-адмиралъ съ обнаженной саблей, отдавая приказанія. Десанта послано было, судя по числу гребныхъ судовъ, до 700 человѣкъ. Для отраженія ихъ у насъ было только 204 человѣка.

Часть непріятельскаго авангарда выстроилась на кошкѣ, обошла Никольскую гору и показалась противъ озерной батареи. Непріятель, встрѣченный картечью, отступилъ, унося съ собою убитыхъ и раненыхъ. Вторая попытка броситься на батарею имѣла то же послѣдствіе. Десантныя войска быстро взошли на гору и открыли ружейный огонь по командамъ фрегата и транспорта. Отряды наши были посланы занять сѣверную оконечность Никольской горы и прогнать оттуда непріятеля штыками. Другой десантъ былъ свезенъ къ перешейку. Еще нашихъ 108 человѣкъ были посланы на гору. Стрѣлки наши скрыты были кустами; батарейная команда отстрѣливалась изъ рвовъ и изъ-за орудій; резервъ, сдѣлавъ по непріятелю залпъ, сталъ подъ защиту порохового погреба; полевое орудіе встрѣтило спускавшагося непріятеля картечью. Малочисленные отряды наши дружно и безостановочно шли впередъ, стрѣляя въ непріятеля, и потомъ, съ крикомъ «ура!»—почти въ одно время ударили въ штыки. Несмотря на свою сравнительную многочисленность, непріятель держался не долго, побѣжалъ въ безпорядкѣ, стараясь добраться до гребня. Здѣсь его ожидала вѣрная гибель: одни были сброшены съ утеса штыками, другіе сами бросались внизъ, надѣясь спуститься къ

берегу. Утесы Никольской горы, крутые сверху, далѣе опускаются почти перпендикулярно, и потому на берегъ падали только обезображенные трупы. Отступленіе непріятеля съ сѣверной оконечности горы и около перешейка совершалось въ безпорядкѣ. Спустившись внизъ, непріятель бѣжалъ къ шлюпкамъ, унося трупы товарищей. Отступленіе на гребныхъ судахъ было еще бѣдственнѣе: отряды наши, занявъ высоты, стрѣляли по сплоченной массѣ людей: убитые и раненые падали въ воду или въ шлюпки; отовсюду раздавались стоны; многіе брели по горло въ водѣ, стараясь догнать удаляющіяся гребныя суда, пускались вплавь и не находили спасенія. Съ фрегатовъ и парохода били вверхъ ядрами и бомбами; но отряды, избравшіе хорошія позиціи, не потерпѣли отъ нихъ нисколько.

Сраженіе кончилось въ 12 часовъ дня. Отряды, убравъ раненыхъ, построились въ каре, отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, пропѣли *«Боже царя храни!»* и вновь загремѣло громкое *«ура!»* У насъ убито нижнихъ чиновъ 31; ранено: оберъ-офицеровъ 2 и нижнихъ чиновъ 63.

Въ Петропавловскомъ портѣ найдено 38 непріятельскихъ труповъ, въ томъ числѣ 4 офицера; въ плѣнъ взято 4. Вся потеря непріятеля до 350 человѣкъ. Взято англійское знамя, 7 офицерскихъ сабель и 56 ружей. На обоихъ фрегатахъ замѣчены пробоины въ корпусѣ, и перебиты винты, и вообще сдѣланы многія поврежденія.

Передъ самымъ началомъ дѣла, англійскій контръ-адмиралъ Прайсъ застрѣлился. Видѣли, какъ въ это самое время разорвало на «Президентѣ» русское ядро. Командованіе эскадрою принялъ французскій контръ-адмиралъ Февріе-де-Пуантъ.

25-го августа пароходъ «Вираго» отправился въ Тарьинскую губу хоронить убитыхъ; онъ велъ на буксирѣ 3 баркаса; прочія суда чинились. 26-го онъ возвратился ночью. Въ 5 часовъ показался во входѣ въ губу ботъ нашъ № 1 и былъ уже въ виду эскадры, но, предупрежденный людьми съ дальняго маяка, ушелъ въ море и передалъ извѣстіе о непріятельской эскадрѣ встрѣтившейся съ нимъ шкунѣ «Востокъ», шедшей въ Петропавловскъ съ депешами отъ генералъ-губернатора и почтою. Шкуна ушла, какъ мы уже сказали выше, въ Большерѣцкъ, а ботъ, перескочивъ черезъ рифъ, скрылся въ Жировой бухтѣ.

27-го августа, въ 8-мъ часу утра, эскадра снялась съ якоря, вышла въ море и скрылась изъ виду. Ботъ прибылъ въ Петропавловскъ 1-го сентября, а 2-го—корветъ «Оливуца». По уходѣ эскадры, люди были отпущены по казармамъ, отслужили благо-

дарственный молебенъ, панихиду по убитымъ, и затѣмъ полетѣли гонцы съ извѣщеніемъ объ окончаніи блокады. Семьи, удалившіяся за 10, 15 и 20 верстъ, возвратились въ свои дома. Князь Максутовъ 2-й умеръ 10-го сентября.

Съ извѣстіемъ о такомъ достославномъ отраженіи непріятеля и съ трофеями посланъ былъ лейтенантъ князь Максутовъ 1-й, тоже раненый. Въ Иркутскѣ онъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ всѣми и отправленъ Муравьевымъ, въ то время уже возвратившимся изъ экспедиціи, съ донесеніемъ въ С.-Петербургъ.

Итакъ, непріятель разрѣшилъ наконецъ всѣ наши сомнѣнія на счетъ Петропавловскаго порта и оправдалъ тѣхъ, которые заботились о Камчаткѣ.

«Занятіе нами устьевъ Амура и совершонный по этой рѣкѣ сплавъ разнаго рода припасовъ, пришедшихъ заблаговременно въ Камчатку»,—пишетъ Францъ Шперкъ, [1]— «были причиной счастливаго отраженія нами нападенія Англо-Французовъ въ 1854 году на Петропавловскій портъ, а также послужили впослѣдствіи спасеніемъ нашему военному флоту, находившемуся въ водахъ Тихаго океана и нашедшему себѣ вѣрное убѣжище отъ непріятеля въ лиманѣ Амура, доступъ къ которому не былъ извѣстенъ Англо-Французамъ. Узнавъ объ отбитіи нападенія непріятельской эскадры на Петропавловскій портъ, Муравьевъ ясно предвидѣлъ, что врагъ не захочетъ остаться въ долгу и, вѣроятно, готовится къ новому нападенію; поэтому, по распоряженію Муравьева, новыя батареи росли съ удивительною быстротою, и заготовлялись станки и лафеты.»

Благодаря дальновиднымъ соображеніямъ Муравьева, домогавшагося разрѣшенія на сплавъ по Амуру, и его настойчивымъ убѣжденіямъ о снабженіи Камчатки войсками и орудіями, Петропавловскій портъ спасенъ; иначе онъ былъ бы обреченъ на несомнѣнную гибель, и Русская военная исторія не записала бы на своихъ страницахъ одного изъ блестящихъ подвиговъ этой войны. Слова Муравьева, высказанныя имъ въ письмѣ къ брату Валеріану Николаевичу изъ Петербурга еще отъ 15-го октября 1853 года оправдались: «въ случаѣ войны съ Англичанами дѣло коснется, конечно, и до моихъ странъ; надѣюсь, что тогда пригодятся и вновь устроенныя мною войска.»

[1] Россія дальняго Востока. Записки Императорск. Русск. Географ. Общ., т. XIV. С.-Пб. 1885 года.

XLVI.

Выѣздъ Муравьева изъ Аяна въ Якутскъ.—Встрѣча его съ М. С. Волконскимъ и новая командировка послѣдняго.—Письмо Муравьева къ Карсакову.—Дѣятельность М. С. Волконскаго по водворенію первыхъ Русскихъ крестьянъ на Амурѣ.—Письмо Карсакова къ Муравьеву изъ Петербурга.—Возвращеніе Муравьева въ Иркутскъ.—Письма его къ М. С. Карсакову и къ брату.—Безпримѣрное распоряженіе Муравьева о снятіи Петропавловскаго порта.—Письмо Муравьева къ брату.—Письмо архіепископа Иннокентія къ Муравьеву.—Письмо Муравьева къ Карсакову о приготовленіи ко второму сплаву.—Переписка Муравьева съ Пекинскимъ Трибуналомъ.—Впечатлѣніе И. А. Гончарова о Муравьевѣ.

1854 г.

20-го августа Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Аяна въ Якутскъ, куда и прибылъ 30-го августа. Здѣсь онъ нашелъ своего чиновника особыхъ порученій М. С. Волконскаго, уже исполнившаго возложенное на него порученіе въ Якутской области и Аянскомъ портѣ. Николай Николаевичъ, утвердивъ всѣ своевременно представленные М. С. Волконскимъ соображенія относительно перемѣщенія поселеній по рѣкѣ Маѣ, вновь командировалъ его въ Иркутскъ, поручивъ заняться приготовленіемъ первыхъ крестьянскихъ поселеній на Амурѣ. Вопросъ этотъ Муравьевъ рѣшилъ во время своего пребыванія въ Аянѣ и заранѣе опредѣлилъ занять переселенцами правый берегъ рѣки на трехсотверстномъ протяженіи между Маріинскимъ постомъ и городомъ Николаевскомъ.

Въ Иркутскъ же съ М. С. Волконскимъ Н. Н. Муравьевъ отправилъ слѣдующее письмо отъ 2-го сентября къ М. С. Карсакову: «Рапортъ твой изъ Иркутска я получилъ здѣсь и насчиталъ въ немъ 32 длинныя строчки, которыя ты, конечно, самъ писалъ: не узнаю тебя. По прежнему, ты, бывало, напишешь 32 строки партикулярныхъ, которыя мнѣ гораздо были бы инте-

россіѣ, а теперь *ты какъ будто бы не хотѣлъ мнѣ ничего объ Иркутскѣ разсказывать,* да и къ другимъ ничего не пишешь: сдѣлай дружбу, объясни *откровенно хоть издалека;* что же касается рапорта, то самъ знаешь, что онъ не нуженъ. Впрочемъ, я его передалъ Якутскому губернатору. Въ Аянъ я прибылъ 15-го августа, заболѣлъ и заработался; отправилъ Казакевича и Криднера [1] 17-го, а самъ выѣхалъ 20-го, сюда прибылъ 30-го, выѣзжаю завтра, т. е. 3-го, опять по причинѣ и работъ и болѣзни: въ Иркутскѣ надѣюсь быть 25-го сентября и, вѣроятно, получу уже тамъ отъ тебя вѣсти изъ Петербурга; письмо это отправляю въ Иркутскъ на почту съ Волконскимъ, который ѣдетъ сюда и опередитъ меня, вѣроятно, въ Иркутскѣ нѣсколькими днями. Ты теперь, вѣрно, уже знаешь, что пришли всѣ наши фрегаты; но «Аврора» съ 20-ю больными, а потому и оставлена зимовать въ Камчаткѣ. Сдѣлай дружбу, объясни мнѣ со всею откровенностью твой *рапортъ* изъ Иркутска и твое жестокое молчаніе обо всемъ другомъ, въ отвѣтъ на это же письмо.»

По прибытіи въ Иркутскъ, М. С. Волконскій тотчасъ же приступилъ къ дѣлу. По соображеніи всѣхъ данныхъ, имъ сдѣланъ былъ по Иркутской губерніи и Забайкальской области вызовъ желающихъ переселиться на Амуръ.

Переселенцамъ предоставлялись между прочимъ слѣдующія льготы: 1) Освобожденіе отъ воинской повинности всѣхъ переселенцевъ съ ихъ дѣтьми, родившимися до отправки въ путь; 2) передвиженіе на казенныя средства со всѣмъ принадлежащимъ имъ имуществомъ; 3) казенное пайковое довольствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, и 4) снабженіе ихъ разнаго рода хозяйственными предметами, цѣнностью до 50 руб. на семейство. На сдѣланный вызовъ заявило желаніе переселиться на Амуръ 150 семействъ, въ количествѣ около 2.000 душъ, а такъ какъ предполагалось переселить только около 50 семей, то М. С. Волконскій въ октябрѣ того же года объѣхавъ и осмотрѣвъ всѣхъ, изъявившихъ желаніе переселиться, какъ въ Иркутской губерніи, такъ и въ Забайкальской области, выбралъ изъ нихъ 51 семейство, въ количествѣ 481 души. При этомъ выборѣ принималось во вниманіе здоровое состояніе семьи, ея матеріальный достатокъ и количество рабочихъ рукъ, необходимыхъ для прокормленія и поддержанія крестьянскаго семейства. Въ началѣ февраля 1855 года, переселенцы изъ разныхъ деревень двинулись на земскихъ подводахъ къ рѣкѣ Шилкѣ. Передвиженіе совершалось подъ начальствомъ

[1] Адъютантъ Великаго Князя Константина Николаевича.

партіонныхъ старостъ, по маршруту, выданному каждому изъ нихъ. Къ концу зимы всѣ партіи стянулись къ селу *Кулярки*, въ 35 верстахъ ниже Шилкинскаго завода, откуда и долженъ былъ начаться сплавъ. Зима прошла въ приготовленіяхъ къ сплаву и къ снабженію крестьянъ необходимыми имъ предметами. Для сего были заготовлены: въ Петровскомъ заводѣ желѣзные и чугунные инструменты, необходимые въ домашнемъ быту и для хлѣбопашества: въ Нерчинскомъ округѣ и частью въ Иркутскѣ — принадлежности для рыбной ловли, мука, крупа гречневая, и ячневая, масло, хлѣбныя сѣмена всѣхъ сортовъ, крестьянское сукно, пенька, кислая капуста въ сыромъ и сухомъ видѣ, картофель, солонина, соль, чай, спиртъ, сухари на время сплава, табакъ, хрѣнъ, свинецъ, порохъ, оконныя стекла, вѣсы, безмѣны, и проч. Однимъ словомъ, продовольствіе и вся домашняя обстановка переселенцевъ были вполнѣ обезпечены.[1] Весьма важнымъ подспорьемъ явилось пожертвованіе Бурятъ Хоринской Степной думы, состоявшее изъ 500 головъ рогатаго скота и особаго племенного стада изъ 62 головъ. М. С. Волконскій, на которомъ лежала, кромѣ того, заготовка части провіанта, скота, пеньки и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ для экспедиціи 1855 года, принялъ въ Хоринской думѣ этотъ скотъ, который, съ наложеннымъ на немъ клеймомъ Амурской экспедиціи, и былъ доставленъ на мѣсто ко времени сплава. Онъ предназначался для войскъ, шедшихъ на Амуръ, но часть его и племенное стадо были отданы переселенцамъ. Кромѣ того, въ теченіе зимы строились въ Ку-

---

[1] Заготовленія были сдѣланы въ слѣдующемъ количествѣ: 1) хлѣбныя и огородныя сѣмена: рожь озимая (500 п.) и яровая (380 п.), ячмень (122 п.), пшеница (86 п.), овесъ (170 п.), греча (30 п.), картофель (31 п.), просо, льняное сѣмя; сѣмена: капустное, морковное, огуречное, брюквенное, табачное, горчичное, рѣпное, рѣдечное, горохъ. 2) 50 кобылицъ и 3 жеребца, пожертвованныхъ крестьяниномъ Гладкихъ, 20 коровъ и 4 быка—изъ числа пожертвованныхъ Бурятами Ачинскаго вѣдомства. 3) рыболовныя орудія: 8 большихъ неводовъ (80—150 саж. длины) отдѣльными столбами, для сокращенія и удлиненія по мѣрѣ надобности. 4) для ружейнаго промысла: 40 винтовокъ, пороху 5 пуд., свинцу 15 пудовъ. 5) изъ одежды: холста 2.000 арш., бараньихъ шубъ 18, сукна крестьянскаго 509 арш., шерсти бараньей для чулокъ и варегъ 25 пуд., рукавицы, шапки, юфтевые сапоги. 6) Изъ металлическихъ принадлежностей сельскаго и домашняго быта куплено въ Иркутскѣ: косъ 150, серповъ 22, струговъ 32, пилъ 14, подпилковъ 20, заслонокъ 10, косъ горбушъ 50; заготовлено въ Петровскомъ заводѣ: сошниковъ большихъ 92 и малыхъ 121, зубьевъ бороньихъ 780, топоровъ дроворубныхъ 20, плотничныхъ 45, петель желѣзныхъ 24, желѣзныхъ лопатъ 50, долота, расшпили, скобели, клещи, молотки, ножи, клинья, ухваты, сковородки, пазники, наковальни, молоты, тиски, буравчики, котлы чугунные, вьюшки, ковши, чаши и горшки чугунные, стали топленой 12 п. 5 ф.; изъ Усть-Карійскаго складочнаго магазина: желѣза полосового 100 п., шиноплющильнаго 5 п.; изъ Бянкинскаго складочнаго магазина: стали 12 п. и пр. *(Свѣдѣнія взяты изъ оффиціальнаго отчета, представленнаго Муравьеву М. С. Волконскимъ.)*

ларкахъ, отчасти самими же переселенцами, баржи для сплава; плотники были вызваны на мѣсто въ началѣ зимы; въ работахъ этихъ участвовали и нижніе чины 15-го линейнаго батальона.

Въ Иркутскѣ М. С. Волконскій не засталъ М. С. Карсакова, который былъ задержанъ въ то время въ Петербургѣ съ донесеніями Муравьева Государю о первомъ сплавѣ по Амуру.

«Изъ письма Карсакова отъ 23-го августа къ Муравьеву, можно видѣть,» пишетъ Б. В. Струве, [1] «насколько интересовались въ Петербургѣ результатами *перваго* сплава по Амуру, какъ вопросомъ первостепенной важности. «Выхожу изъ вагона», — сообщалъ Карсаковъ, «и тутъ же встрѣчаю фельдъегеря, который, видя мою небритую бороду и длинные волосы, говоритъ: «Вы курьеромъ?» — «Курьеромъ.» — «Такъ сейчасъ же ѣдемте къ дежурному генералу.» Я ему показываю свой туалетъ (солдатская шинель въ рукава сверхъ изодраннаго почти дотла сюртука): «Дайте мнѣ переодѣться.» — «Нѣтъ, такъ, какъ есть, и поѣдемте.» — «Но вещи мои?» — «Оставьте ихъ кому-нибудь, а ужъ сами со мною къ дежурному генералу: такъ мнѣ приказано.» Въ нѣсколько минутъ Карсаковъ, взявъ съ собою портфель съ бумагами и оставивъ вещи находившемуся при немъ, одурѣвшему отъ труднаго долгаго пути на перекладной урядинку, вмѣстѣ съ фельдъегеремъ поѣхалъ къ Катенину, а отъ него къ военному министру князю В. А. Долгорукову, которому вручилъ письмо отъ Муравьева. Военный министръ отправилъ Карсакова на той же фельдъегерской телѣжкѣ къ Государю Наслѣднику и къ Великому Князю Константину Николаевичу въ Петергофъ и въ Стрѣльну. Разспросамъ не было конца. Цесаревичъ, читая конецъ рапорта Муравьева — «мы стали твердою ногою на Амурѣ; я надѣюсь, что никто его у насъ больше не отниметъ», остановился и, устремивъ свой взоръ на Карсакова, сказалъ: «да, ужъ надѣюсь»: а потомъ, продолжая далѣе: «вся честь этого дѣла принадлежитъ Невельскому, Казакевичу, Карсакову», — «а себя Муравьевъ забылъ?» воскликнулъ Наслѣдникъ Цесаревичъ: «ему вся честь! Завтра же утромъ представлю васъ Государю.» На другой день утромъ Карсаковъ имѣлъ счастіе представиться Государю. Царь обнялъ и поцѣловалъ Карсакова, нѣсколько разъ выразилъ свою благодарность за безпримѣрно успѣшный сплавъ по Амуру и повелѣлъ всѣхъ спутниковъ Муравьева представить къ наградамъ. «Говорятъ, что всѣ будутъ награждены слѣдующимъ чиномъ,» продолжалъ Карсаковъ, «но я уже вполнѣ награжденъ Царскою ласкою!»

---

[1] Воспоминанія о Сибири. С.-Пб. 1889 г. стр. 176—177.

Все время отсутствія Муравьева для сплава по Амуру, супруга его Екатерина Николаевна жила въ Иркутскѣ на дачѣ, на такъ называемой Кузнецовской заимкѣ, и только когда получила извѣстіе, что Николай Николаевичъ уже ѣдетъ обратно изъ Якутска, она отправилась внизъ по Ленѣ ему на встрѣчу и вернулась въ Иркутскъ вмѣстѣ съ нимъ 26-го сентября. «Письма твои отъ 23-го и 26-го августа я получилъ тотчасъ по возвращеніи моемъ вчера ночью и сегодня утромъ,» писалъ Муравьевъ М. С. Карсакову изъ Иркутска отъ 27-го сентября, «вотъ какъ я запоздалъ: а жену встрѣтилъ въ Киренскѣ; поѣду ли я въ Петербургъ — это вопросъ; безъ надобности я не предприму этого путешествія, а потому, согласно нашему условію, ты отправляйся въ Иркутскъ по первому зимнему пути, если не задержатъ тебя по службѣ. Поздравляю тебя отъ души со всѣми твоими успѣхами: радуюсь, что угодили мы Государю и Великимъ Князьямъ: вижу, что Государь къ нашей экспедиціи болѣе милостивъ, чѣмъ она того заслуживаетъ. Ты угадалъ, что второе донесеніе къ Великому Князю будетъ съ Криднеромъ: оно съ нимъ и отправлено. Теперь я думаю только о томъ, какъ бы скорѣе дать знать Невельскому, что онъ контръ-адмиралъ: я воображаю радость его и жены его. Къ Катенину я уже написалъ и отправляю сегодня; но не могъ писать подробно; ибо времени нѣтъ: утро прошло въ представленіяхъ и молебствіи и нѣкоторыхъ визитахъ; за обѣдомъ будемъ пить здоровье вновь произведенныхъ, а почта отходитъ послѣ обѣда...» — «Спѣшу тебѣ сообщить,» продолжаетъ писать Муравьевъ къ Карсакову отъ 8-го октября, «если ты еще не уѣхалъ изъ Петербурга, что я сегодня пишу къ Великому Князю Константину Николаевичу о многихъ важныхъ предметахъ, а потому ты зайди къ нему еще, если даже и откланялся: не будетъ ли какихъ-либо по этому тоже приказаній, а особенно наградъ Завойко. Я полагаю, что я вовсе не успѣю пріѣхать въ Петербургъ: здѣсь слишкомъ много дѣла, а тамъ, что̀ нужно, Великій Князь лучше меня сдѣлаетъ. Къ 6-му декабря ѣздятъ молодцы за наградами: моя же — въ исторіи; — слѣдовательно ѣхать незачѣмъ. Я понимаю, что мнѣ надобно здѣсь остаться еще лѣтъ шесть, и принесу эту жертву для Россіи.»

Можно просто удивляться, скажемъ мы, неутомимой дѣятельности Н. Н. Муравьева, судя по его огромной разнообразной перепискѣ, не говоря уже о массѣ дѣловыхъ бумагъ, которыя онъ самъ всѣ лично составлялъ, — даже формулярные списки и представленія не проходили мимо его рукъ.

«Вотъ уже близко двухъ недѣль, какъ я здѣсь», писалъ

Муравьевъ брату Валеріану Николаевичу, отъ того же 8-го октября, «и теперь только могъ удосужиться, чтобъ тебѣ написать: такъ много дѣла вообще и письма въ особенности. Плаваніе мое я совершилъ благополучно и на будущій годъ опять собираюсь. Въ Петербургѣ очень всѣ довольны; Карсакова произвели въ полковники, Невельского — въ адмиралы, Казакевича — въ 1-й рангъ: велѣли сдѣлать мнѣ представленіе о другихъ и пожаловали по 3 руб. сер. на человѣка всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ со мною въ экспедиціи; всему этому я душевно радуюсь и вижу, что дѣло пойдетъ на ладъ. Но трудна борьба и до сихъ поръ, несмотря на всѣ успѣхи: причина простая: завистниковъ много. Впрочемъ и Христофоръ Колумбъ боролся съ такими же трудностями, а все-таки исполнилъ главное — открылъ Америку, которую, однако же, назвали не по его имени.

Письмо твое я получилъ на устьѣ Амура, гдѣ пробылъ съ разъѣздами сухимъ путемъ и моремъ два мѣсяца не безъ пользы для службы. На старость лѣтъ останется у меня много замѣчательныхъ воспоминаній; но вижу, что пять лѣтъ еще надобно прослужить, а безъ того заглохнетъ Амуръ: надѣюсь, что послѣ этихъ пяти лѣтъ меня выпустятъ на свободу: одно, чего могу желать, а повышеній для меня уже нѣтъ.

Бибиковъ [1] поступаетъ и со мною нехорошо; онъ, конечно, можетъ мнѣ и вредить, но за меня отомститъ исторія, которая упомянетъ о всѣхъ моихъ врагахъ и врагахъ моего Амурскаго дѣла. Мнѣ разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ въ случаѣ необходимости; но я не поѣду, потому что болѣе необходимости здѣсь приготовляться къ будущему плаванію. Карсаковъ въ Петербургѣ былъ очень хорошо принятъ Государемъ, Великими Князьями и Великою Княгинею Еленою Павловною. Служба его идетъ довольно успѣшно, и, можетъ быть, онъ заступитъ мое мѣсто въ Восточной Сибири. Пиши къ намъ въ Иркутскъ, гдѣ мы пробудемъ до первыхъ чиселъ апрѣля, а потомъ уѣдемъ на Востокъ.»

По полученіи въ С.-Петербургѣ извѣстія объ отбитіи нападенія Англо-Французской эскадры на Петропавловскій портъ, общественное мнѣніе на Западѣ сильно заговорило о понесенномъ пораженіи и требовало, чтобы соединенныя эскадры въ Тихомъ океанѣ на слѣдующій годъ шли опять къ Петропавловску и уничтожили бы его. Муравьевъ, получивъ изъ С.-Петербурга извѣстіе объ этихъ слухахъ, послалъ немедленно курьеромъ своего

---

[1] Министръ внутреннихъ дѣлъ.

адъютанта эсаула Мартынова снять Петропавловскій портъ. Командировка эта была даже для приближенныхъ къ Муравьеву лицъ величайшею тайною, и приказаніе о снятіи порта застало Русскихъ «въ самомъ развитіи приготовленій», какъ доносилъ своему правительству англійскій адмиралъ Брюсъ.

Итакъ, не спрашивая даже предварительнаго разрѣшенія Государя, Н. Н. Муравьевъ рѣшился оставить Петропавловскъ и перевести эскадру и всѣ учрежденія на Амуръ. Вслѣдствіе такой замѣчательной находчивости, непріятель, какъ мы увидимъ далѣе, былъ чрезвычайно озадаченъ, не найдя нашей эскадры ни у береговъ Камчатки, ни у береговъ Татарскаго пролива. Это дѣйствіе ярко обрисовываетъ характеръ Муравьева, который, зная хорошо Государя Николая Павловича, осмѣлился, не спросившись Его, взять на свою отвѣтственность такую важную мѣру, какъ бросить на произволъ судьбы цѣлую страну, чтобы спасти то, что̀ должно было спасти. Это рѣшеніе его можно назвать, по истинѣ, геройскимъ.

О военныхъ дѣйствіяхъ въ Камчаткѣ, Н. Н. Муравьевъ извѣщалъ своего брата Валеріана Николаевича, въ письмѣ отъ 19-го октября, такъ: «Ты, вѣроятно, уже прочелъ въ газетахъ о пораженіи, нанесенномъ непріятелю въ Камчаткѣ, и, конечно, порадовался этому—прежде, какъ Русскій, а потомъ, какъ братъ мой, что и мои труды и хлопоты не остаются безъ существеннаго вознагражденія, т. е. успѣха. Конечно, Россія мнѣ обязана сохраненіемъ Камчатки, но война продолжится—должно и мнѣ продолжать заботиться и приготовляться. По причинѣ этихъ-то занятій я тебѣ такъ долго не отвѣчалъ на твое письмо, хотя въ послѣднее время и отправилъ двухъ курьеровъ въ С.-Петербургъ; а черезъ недѣлю ожидаю сюда оттуда Карсакова съ различными приказаніями мнѣ правительства, которыя и опредѣлятъ окончательно мои занятія на будущій годъ.

Такъ какъ теперь не время думать объ увольненіи отъ должности, то я и не вхожу здѣсь ни въ какія разсужденія о себѣ и моемъ здоровьѣ; оно должно все переносить безъ отговорокъ и разсужденій: польза отечества этого требуетъ. По той же причинѣ я не вхожу ни въ какія разсужденія и о твоемъ положеніи.»

Извѣстіе объ отбитіи нападенія Англо-Французской эскадры на Петропавловскій портъ, какъ искра, облетѣла всю Восточную Сибирь; дошло и до преосвященнаго Иннокентія, и вотъ онъ, обрадованный этимъ, посылаетъ Н. Н. Муравьеву изъ Якутска такой архипастырскій привѣтъ: «Съ искреннею величайшею радостью честь имѣю поздравить васъ съ дивною, славною и нечае-

мою побѣдою надъ сильнѣйшимъ врагомъ, нападавшимъ на нашу Камчатку.

Прежде всего слава и благодареніе Господу Богу, даровавшему силу и крѣпость нашимъ Камчатскимъ героямъ и благословляющему всѣ ваши благія намѣренія и начинанія! Кто теперь не видитъ, что если бы вы не сплыли и не сплавили съ собою по Амуру хлѣбъ и людей, *то теперь въ Петропавловскѣ были бы только головни и пепелъ. И потому не знаешь, чему болѣе радоваться? Открытію ли Амура, столь благовременному, или спасенію Камчатки, такъ ясно доказывающему пользу открытія Амура?* Затѣмъ честь и слава вамъ, какъ главному виновнику всего этого... Слава Богу за все и про все!

Любопытно крайне, что̀ вы намѣрены теперь дѣлать относительно сохраненія Камчатки, людей и славы защиты, ибо я увѣренъ, что Государь Императоръ вполнѣ предоставитъ это вамъ, а мнѣ кажется, что гордые и упрямые враги наши во что бы то ни стало постараются уничтожить Камчатку...Призывая на васъ и на всѣ ваши благія дѣла, начинанія и намѣренія благословеніе Божіе....»

Относительно же приготовленій Муравьева ко второму сплаву по Амуру въ слѣдующемъ году, вотъ что читаемъ мы въ его письмѣ къ Карсакову отъ 20-го ноября: «Завтра Казакевичъ ѣдетъ съ различными моими донесеніями и письмами къ Великому Князю, а потому прошу тебя отправиться тотчасъ въ Петергофъ и, получивъ тамъ приказанія Его Высочества и военнаго министра, поспѣшить возвращеніемъ твоимъ въ Иркутскъ, гдѣ я буду тебя ожидать въ концѣ ноября. Работы много для будущаго сплава, и времени намъ терять нельзя. Будущій годъ будетъ еще важнѣе нынѣшняго, особенно, если исполнятъ всѣ мои просьбы. Я же намѣренъ плыть по Амуру съ женою, которая никакъ не хочетъ отъ меня отстать. Въ представленіяхъ моихъ я помѣщу многихъ, а также тѣхъ, о комъ ты просишь; но они отправятся не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, ибо не успѣлъ ранѣе собрать формуляры и все подготовить. Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія, какъ поколотятъ Французовъ въ Крыму: весело будетъ читать!

Мы здѣсь приготовляемся къ будущему плаванію не на шутку: 100 т. пудовъ муки, 500 штукъ рогатаго и другого скота и прочія мелочи отправляются на 60-ти плашкоутахъ. Я пишу обо всемъ Его Высочеству и прошу отправить Казакевича въ Америку для заказа пароходовъ и винтовыхъ корветовъ; а ты привезешь мнѣ сюда необходимые чертежи для здѣшнихъ построекъ и, можетъ быть, корабельнаго инженера: безъ этого мы не

можемъ приступить ни къ машинѣ, ни къ пароходу. Вотъ почему прошу тебя прибыть скорѣе, однакожъ не иначе, какъ съ полными приказаніями Его Высочества.»

Въ теченіе этой же зимы, съ 1854 на 1855 годъ, происходила переписка Муравьева съ Пекинскимъ Трибуналомъ Внѣшнихъ Сношеній о непропускѣ Ургинскими правителями нашего курьера, полковника Заборинскаго, въ Пекинъ и о назначеніи мѣста для съѣзда уполномоченныхъ для разграниченія. Въ этихъ бумагахъ Муравьевъ, между прочимъ, увѣдомляетъ Китайское правительство, что весною онъ снова отправится съ войсками по Амуру къ морю, для защиты его отъ Англичанъ, почему и просилъ извѣстить его о мѣстѣ назначенномъ для съѣзда уполномоченныхъ, и отвѣтъ объ этомъ прислать въ Иркутскъ или на Амуръ.

Возвратимся здѣсь нѣсколько назадъ. Въ бытность Н. Н. Муравьева въ Аянѣ въ началѣ августа 1854 года, съ нимъ провелъ нѣсколько дней нашъ извѣстный, нынѣ маститый, писатель И. А. Гончаровъ,[1] и вотъ какое впечатлѣніе осталось у него о Муравьевѣ: «Въ бесѣдахъ съ нимъ я успѣлъ вглядѣться въ него, наслушаться его мыслей, намѣреній, цѣлей! Какая энергія! Какая широта горизонтовъ, быстрота соображеній, неугасающій огонь во всей его организаціи, воля, боровшаяся съ препятствіями, съ «bâtons dans les roues», какъ онъ выражался, которыми тормозили его ретивый пылъ! Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталаго взгляда, ни вялаго движенія я ни разу не видалъ у него. Это и боевой отважный борецъ, полный внутренняго огня и кипучести въ рѣчи, въ движеніяхъ.

Его угадалъ Императоръ Николай Павловичъ, и изъ гражданскаго губернатора Тулы призвалъ на постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири. Ни тотъ, ни другой не были чиновниками и поняли другъ друга. У меня еще такъ свѣжъ въ памяти образъ настоящаго піонера-бойца съ природой, съ людьми на мѣстѣ съ инородцами, разными Тунгусами, Орочами, сосѣдними съ Сибирью Китайцами, чтобъ отвоевать отъ нихъ Амуръ,—и въ то же время бороться за хребтомъ съ графомъ Нессельроде, о которомъ онъ не могъ говорить хладнокровно и обо всѣхъ, кто кидалъ ему «bâtons dans les roues»—въ Петербургѣ съ одной стороны, съ другой, тамъ на мѣстѣ: онъ одолѣвалъ природу, оживлялъ, обработывалъ, и населялъ безконечныя пустыни.—Но его въ свою очередь одолѣвали чиновники.

---

[1] Русское Обозрѣніе, январь, 1891 года, стр. 9—10.

Пылкій, предпріимчивый духъ этого энергическаго борца возмущался: человѣкъ не выдерживалъ, скрежеталъ зубами, и изъ обыкновенно ласковаго, обходительнаго, приличнаго и любезнаго онъ превращался на мгновеніе въ рыкающаго льва. И тогда плохо было нарушителю закона. Онъ со мной на Амурѣ былъ откровененъ, не стѣснялся въ бесѣдахъ, какъ съ лицомъ постороннимъ тамошнимъ дѣламъ.

Я увлекся воспоминаніемъ о Муравьевѣ. Но кто не увлекался этою яркою личностью, кто сколько-нибудь зналъ ее: только враги ея!»

XLVII.

Письмо Муравьева къ брату.—Приготовленія его ко второму сплаву. Письмо къ Карсакову.—Смерть Государя Николая Павловича.—Письма Муравьева къ брату и къ Карсакову.

1855 г.

«Поздравляю тебя съ Новымъ Годомъ, любезнѣйшій другъ и братъ Валеріанъ», писалъ Н. Н. Муравьевъ изъ Иркутска отъ 1-го января 1855 года: «ты любопытствуешь знать о нашемъ плаваніи по Амуру? потерпи, все узнаешь, но теперь мнѣ неловко сообщать подробности, когда правительство этого не желаетъ: а если, Богъ дастъ, пріѣду къ будущей зимѣ въ Петербургъ, то узнаешь и прочитаешь.

Карсаковъ привезъ мнѣ много разныхъ писемъ и вѣстей изъ Петербурга съ недѣлю тому назадъ, привезъ и Александровскую ленту: скоро, нечего сказать: двухъ лѣтъ не прошло отъ послѣдней награды и ровно только четыре отъ предпослѣдней: я радуюсь, что Государь мною доволенъ—это главное, а впереди Богъ поможетъ, будемъ защищаться противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, а теперь со всѣхъ сторонъ на меня собираются, и все за Камчатку и за Амуръ! Ты не можешь себѣ представить, сколько препятствій я встрѣчаю во всемъ; но чѣмъ ихъ болѣе, тѣмъ болѣе усиливается мое желаніе ихъ побороть.

Въ Севастополѣ я вполнѣ надѣюсь на князя Меньшикова, и успѣховъ ему я желаю, конечно, отъ всей души, и готовъ бы тамъ положить и свою голову, только бы онъ разгромилъ союзниковъ на голову; по моему тамъ, т. е. въ Крыму, вся развязка, а дипломаты все силятся доказать, что дѣло отъ нихъ зависитъ: когда-то Богъ избавитъ насъ отъ нихъ!»

Въ этомъ году должно было ожидать еще большихъ непріятельскихъ усилій, и особенно нужно было опасаться, что онѣ будутъ направлены къ устью р. Амура; поэтому Муравьевъ въ началѣ года еще усиленнѣе сталъ приготовлять значительныя военныя средства ко второму сплаву: крѣпостная артиллерія со снарядами была уже доставлена къ верховьямъ Амура изъ Тобольска и Екатеринбурга (за 4.000 верстъ); и при такихъ неутомимыхъ занятіяхъ съ утра до поздней ночи онъ не переставалъ слѣдить за севастопольскими дѣлами. «Наконецъ пришла и Indépendance Belge, но я всѣхъ номеровъ еще не успѣлъ прочесть», писалъ Муравьевъ къ Карсакову отъ 13-го февраля; «вздору много и черномыслящимъ широкое поле устрашаться. Литке изъ Кронштадта писалъ мнѣ о своемъ племянникѣ и сынѣ, и готовится встрѣчать непріятеля по-севастопольски. Приготовляю войско, чтобы и намъ также распорядиться... Завойко строитъ батареи; онъ расчитываетъ, что непріятель прежде придетъ въ де-Кастри въ концѣ мая или въ началѣ іюня, такъ и я думаю... Здѣсь есть купеческая эстафета изъ Шилки, въ которой пишутъ, что подъ Севастополемъ все въ такомъ же положеніи, только смертность въ непріятельскомъ лагерѣ дошла до страшныхъ размѣровъ... Сеславинъ [1] не хорошо началъ формировать свой полубаталіонъ: назначилъ туда по *личности*. Ради Бога, внуши ему, что *личности* всегда вредятъ.»

18-го февраля не стало Государя Николая Павловича, почти тридцать лѣтъ стоявшаго на стражѣ чести и славы Россійской имперіи. Вѣсть объ этомъ горестномъ событіи не успѣла еще дойти до Сибири и Муравьева, и онъ, ничего не зная, продолжалъ свою громадную переписку съ разными лицами, и между прочимъ извѣщалъ брата Валеріана Николаевича, какъ о своихъ дѣлахъ, такъ и о дѣлахъ севастопольскихъ, въ письмѣ отъ 18-го февраля, такъ: «Мнѣ дѣйствительно мало времени писать особенно потому, что среди многостороннихъ моихъ занятій меня часто посѣщаютъ разныя болѣзни: то горячки, то грудная боль съ одышкою, то желчные припадки, и отнимаютъ драгоцѣнное время. Благодарю тебя за участіе въ дѣлахъ камчатскихъ, благодарю за заботу о снабженіи насъ артиллеріею, благодарю за поздравленіе съ орденомъ; мнѣ его привезъ Карсаковъ 25-го декабря, и я дѣйствительно порадовался, убѣждаясь, что Государю угодны здѣшнія дѣла; мнѣ только это и нужно знать, ибо съ этою увѣренностію я могу смѣлѣе дѣйствовать на огромномъ моемъ поприщѣ. Славно награ-

---

[1] Личный адъютантъ Н. Н. Муравьева.

діли и моихъ камчатскихъ героевъ: дай Богъ впрочемъ нашимъ войскамъ и вездѣ такихъ успѣховъ, какъ въ Камчаткѣ, а послѣдствія зависятъ уже не отъ частныхъ начальниковъ, а отъ высшихъ соображеній. Не малое вліяніе имѣютъ на мое здоровье вѣсти изъ Европы, и особенно о мирныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ: но надежда, что Богъ не допуститъ униженія Россіи, меня не оставляетъ, и я убѣжденъ, что только одно продолженіе войны съ кѣмъ бы то ни было можетъ возстановить наше значеніе въ Европѣ, поколебленное не существомъ дѣла, но газетами и дипломатами.

Мы тридцать лѣтъ готовились къ войнѣ съ Европою и приготовились, ибо во всей Европѣ въ совокупности нѣтъ такой сильной арміи, какъ наша: въ прошломъ году мы испытали, какъ Европа безсильна противъ насъ, несмотря на важныя ошибки, сдѣланныя нами въ передвиженіи войскъ, и всегдашнюю нашу ошибку не умѣть пользоваться временемъ. Текущій годъ намъ стóитъ только руководствоваться опытомъ прошедшаго и не впадать въ тѣ же ошибки распоряженій и передвиженій. Я не увлекаюсь славянскою поэзіею, но знаю, что первый нашъ успѣхъ надъ Австрійцами будетъ послѣднимъ ударомъ этой имперіи: она сама это знаетъ и потому только давно не открыла дѣйствій противъ насъ; *стóитъ намъ только перестать ее жалѣть*; это труднѣе всего, когда 40 лѣтъ мы ее берегли: благодѣтель привязывается всегда къ облагодѣтельствованному: но есть надежда, что польза Россіи возьметъ верхъ,— я въ этомъ не сомнѣваюсь, лишь бы не заключали мира, который можетъ погасить въ Россіи всѣ тѣ прекрасныя чувства, которыя она проявляла въ послѣдніе полтора года.»

Затѣмъ Муравьевъ пишетъ изъ Иркутска же нѣсколько писемъ къ М. С. Карсакову, изъ которыхъ узнаемъ о его приготовленіяхъ ко второму сплаву по Амуру и вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ его заботливость относительно этого похода.

22-го февраля. «Неожиданно вся артиллерія изъ Тобольска и изъ Екатеринбурга (исключая большого калибра 40 орудій) поспѣваетъ къ нынѣшнему сплаву изъ Читы, и слѣдственно въ твое отдѣленіе: —это, конечно, весьма кстати, хотя она и безъ лафетовъ, но мы успѣемъ ихъ устроить и на устьѣ, когда оковка будетъ съ нами взята и уже дѣлается въ Петровскомъ заводѣ. Теперь же пошлю къ тебѣ по зимнему пути 600 пудъ пороху пушечнаго и мушкетнаго — этотъ пойдетъ уже со мною, а въ твое отдѣленіе пойдетъ весь остальной порохъ изъ Казани и прочихъ мѣстъ, количествомъ также до 1000 пудовъ. Найди воз-

можность помѣстить эти 600 пудовъ въ хорошемъ мѣстѣ, т. е. сухомъ, но отъ огня безопасномъ впредь до сплава. Назимовъ [1] работаетъ чудесно.»

Къ этому времени относится неудовольствіе Муравьева на губернатора Забайкальской области атамана Запольскаго. Муравьевъ находилъ, что тотъ не только не исполняетъ его распоряженій, но и противодѣйствуетъ имъ во всемъ, что касается Амурской экспедиціи, и рѣшился съ нимъ разстаться. Объ этомъ обстоятельствѣ и говорится, между прочимъ, въ слѣдующемъ письмѣ Николая Николаевича къ Карсакову отъ 25-го февраля: «Два письма твои изъ Читы и изъ Кайдаловой я получилъ сейчасъ и спѣшу тебѣ отвѣчать, что я съ Волконскимъ же пишу атаману [2] полуоффиціально, по словамъ его сына, что онъ можетъ проситься въ продолжительный отпускъ по болѣзни, и когда отправитъ ко мнѣ это прошеніе, то разрѣшаю сдать должность и пріѣхать въ Иркутскъ лѣчиться въ ожиданіи разрѣшенія изъ Петербурга. Лучше этого я ничего придумать не могъ, а объясняться мнѣ съ нимъ нечего, ибо дѣла и переписка идутъ часъ отъ часу хуже, а твои слова о подчиненныхъ довершаютъ мысль о необходимости выѣхать ему оттуда немедленно, безъ всякихъ предварительныхъ со мною объясненій.

Удивляюсь, почему ты ко мнѣ такъ форменно написалъ письмо отъ 18-го февраля изъ Кайдаловой, когда оно должно остаться только между нами?! Я его изорвалъ тотчасъ по этимъ двумъ причинамъ.

Тебѣ новые труды по оковкѣ для орудій, слѣдующихъ изъ Тобольска, по послѣднимъ оттуда свѣдѣніямъ: я поручаю Дейхману съѣздить въ заводы и взять всѣхъ кузнецовъ изъ Нерчинскаго завода — они тамъ никакого казеннаго дѣла не дѣлаютъ — и отправить ихъ частію въ Шахтому, и частію на Кару (эта статья отмѣняется, и калить будемъ здѣсь, ибо въ заводахъ кузнецовъ мало). Н. П. Аносовъ [3] очень хорошо исполнилъ свое порученіе на Карѣ: обними его за меня и обрати особенное вниманіе, гдѣ работаютъ 195 человѣкъ, откомандированныхъ для постройки судовъ; я думаю, бо́льшая часть на купеческихъ? Это непростительное самовольство Разгильдѣева посылать горныхъ рабочихъ на частную работу.

Вчера, наконецъ, получилъ я первую зимнюю почту отъ

[1] Подполковникъ, командиръ 15-го линейнаго баталіона, завѣдывавшій на Шилкинскомъ заводѣ постройкою сплавныхъ судовъ для экспедиціи.

[2] Запольскому.

[3] Горный инженеръ, открывшій первое золото на Амурѣ.

Невельского: шкуна «Востокъ» пришла 13-го октября въ Петровское и тамъ зимуетъ. Путятинъ дѣйствительно ушелъ на «Палладѣ», а между тѣмъ Невельской проситъ меня не обездолить его народомъ и строитъ батарею въ Николаевскомъ портѣ на увалѣ, кажется, противъ своего дома, а не тамъ, гдѣ приказано — противъ входа въ рѣку. Онъ оказывается такъ же вреденъ, какъ и атаманъ: вотъ къ чему ведетъ честныхъ людей *излишнее самолюбіе и эгоизмъ!*

Я получилъ также письмо отъ Путятина, но старинное, все еще отъ мыса Лазарева, но передъ отходомъ; въ газетахъ нѣсколько разъ говорили, что «Діану» взяли, а потомъ этотъ слухъ опровергали. Путятинъ все предлагаетъ укрѣпляться и становиться въ Императорской гавани! Я посылаю копіи съ его письма къ Великому Князю сегодня съ моими разъясненіями и карточкой де-Кастри.

Бибиковъ [1] 29-го января пріѣхалъ въ Москву, проѣхавши туда изъ Иркутска 15 сутокъ $13^1/_2$ часовъ: это пишетъ мнѣ его братъ, а нашъ совсѣмъ оледенѣлъ и оттаиваетъ. Оболенскій [2] рвется въ Шилкинскій заводъ, но здоровье его еще плохо и ему надобно полѣчиться. Енгалычевъ [3] отдохнулъ и ѣдетъ въ Читу: Заборинскій [4] работаетъ сильно, но опять надулся, потому что Каленбергу [5] дали Владиміра 3-й степени.

Пиши мнѣ проще, безъ заглавій и окончаній форменныхъ: лишнее время, чернила и бумага: любви и преданности твоей я давно вѣрю, а титулъ мой мнѣ давно надоѣлъ. Надѣюсь, что и во мнѣ ты не сомнѣваешься.

По газетамъ ты увидишь, что къ намъ собираются отъ 15 до 20 судовъ французскихъ и англійскихъ; что Фабріе де-Пуантъ, атаковавшій Камчатку, смѣненъ, но назначенный на его мѣсто адмиралъ былъ еще 15-го января въ Брестѣ, слѣдовательно ранѣе конца іюня или іюля къ намъ не поспѣетъ, и мы всѣ успѣемъ приплыть и приготовиться. Буссе [6] не поѣдетъ ко мнѣ для назначенія, которое я ему предполагалъ: онъ останется, до проѣзда моего, въ Верхнеудинскѣ и поѣдетъ уже съ тобою. Енгалычевъ вернулся дня четыре назадъ: онъ слеталъ очень быстро, и на

[1] Чиновникъ особыхъ порученій.

[2] Князь А. В. Оболенскій, капитанъ-лейтенантъ.

[3] Князь А. Э. Енгалычевъ, личный адъютантъ Н. Н. Муравьева.

[4] Подполковникъ, управляющій частью Генеральнаго штаба.

[5] Каленбергъ — полковникъ Генеральнаго штаба.

[6] Николай Васильевичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ. Впослѣдствіи, въ качествѣ военнаго губернатора, управлялъ Амурскою областью.

дняхъ отправится въ Читу къ своимъ двумъ ротамъ. Запольскій (сынъ) [1] ѣдетъ въ Красноярскъ и Ачинскъ для препровожденія артиллеріи, которая вся успѣетъ перейти Байкалъ въ мартѣ.

До сихъ поръ нѣтъ отъ тебя писемъ изъ Читы; ожидаю нетерпѣливо: нѣтъ и прошенія атамана. Скоро я отправлю въ Шилкинскій заводъ князя Оболенскаго. Сплавъ изъ Читы съ двумя ротами 14-го баталіона и штабомъ онаго все увеличивается: наберется до 10 т. пудовъ артиллеріи и снарядовъ, 2 т. п. чугуна изъ Петровскаго завода и пудовъ до тысячи пороху; я думаю, что къ тому времени Буссе поспѣетъ въ Читу и доставитъ все это къ тебѣ во-время: во всякомъ случаѣ ты поплывешь никакъ не позже 15-го мая и поспѣешь въ Кызи 5-го іюня, т. е. гораздо раньше непріятеля.

Для успокоенія Невельского я полагаю назначить его при себѣ исправляющимъ должность начальника штаба; Завойко — начальникомъ всѣхъ морскихъ силъ, а тебя — всѣхъ сухопутныхъ, разумѣется, по прибытіи твоемъ въ Кызи; для дѣла же будутъ при мнѣ: дежурный штабъ-офицеръ по морской части Оболенскій и по сухопутной — не знаю еще, кто: такимъ образомъ Невельской съ громкимъ названіемъ не будетъ никому мѣшать и докончитъ свое тамъ поприще *почетно*.»

1-го марта. «Спасибо тебѣ за всѣ благоразумныя распоряженія и добрыя вѣсти, сообщенныя мнѣ съ Раевскимъ, [2] котораго я оставляю здѣсь до завтрашняго утра.

Нѣкоторыя сомнѣнія твои о готовности всѣхъ плашкоутовъ совпадаютъ съ моими послѣдними предположеніями о движеніи нашемъ по Амуру, а между тѣмъ слова Скобельцына [3] о раннемъ вскрытіи рѣкъ подаютъ надежду *первымъ отправляющимся за льдами* быть очень рано на устьѣ; поэтому я рѣшаюсь раздѣлить флотилію *на три части, и со мною въ первой* пойдутъ одни казаки конные и пѣшіе; *во второй части*, если поспѣетъ, 15-й баталіонъ (Назимова), поселенцы (Волконскаго) и большая часть скота; *въ третьей*, которой предполагается отправиться 15-го мая подъ твоимъ наблюденіемъ, двѣ роты 14-го баталіона (князя Енгалычева) и всѣ остальные. Непріятель, по всѣмъ свѣдѣніямъ и расчетамъ, ранѣе 15-го іюня никакъ къ намъ не поспѣетъ,

---

[1] А. П. Запольскій, личный адъютантъ Н. Н. Муравьева.

[2] Юнкеръ.

[3] Г. Д. Скобельцынъ, простой Сибирскій казакъ станицы Горбицы, доведенный Муравьевымъ до чина подполковника, человѣкъ замѣчательной энергіи и отваги, превосходно знавшій край и Амурскихъ инородцевъ и оказавшій большія услуги дѣлу пріобрѣтенія Амура.

а арріергардъ твой придетъ въ Кызи во всякомъ случаѣ 5-го іюня, слѣдственно, не опасайся опоздать къ дѣлу. Въ предписаніи объ этомъ объяснены всѣ подробности, но главное, чѣмъ ранѣе я буду тамъ, тѣмъ лучше, ибо Невельской все дѣлаетъ ошибки. О Назимовѣ я тебѣ уже писалъ, но если онъ стѣсняется какими-либо соображеніями, то ему лучше остаться въ 14-мъ баталіонѣ, а Языкова я назначу въ 15-й баталіонъ, ибо, конечно, лучше имѣть тамъ желающаго, чѣмъ претендующаго; а за постройку флотиліи я представлю Назимова въ полковники передъ отплытіемъ моимъ по Амуру: въ противномъ же случаѣ я никакъ не могу взять съ собою Языкова, ибо въ Шилкинскомъ заводѣ долженъ остаться баталіонный командиръ вполнѣ благонадежный для всего того, что̀ тамъ будутъ дѣлать послѣ нашего отплытія.

Гаупта (В. В.) [1] на Амуръ взять не могу, ибо ожидаю только его возвращенія, чтобы поручить ему 5-е отдѣленіе Главнаго Управленія, и для пользы дѣла, и въ награду за его всегдашнюю усердную службу. Полторацкій не имѣетъ никакого права идти на Амуръ, а лишніе люди, какъ ты видѣлъ на опытѣ, рѣшительно только въ тягость; еще бы лишній военный — то занялъ бы мѣсто убитаго, а гражданскіе намъ совсѣмъ не нужны; я и такъ беру Фуругельма по просьбѣ твоей, но роль онъ будетъ играть простого писца; для успокоенія Полторацкаго, назначу его чиновникомъ особыхъ порученій къ Венцелю, который очень этого желаетъ.

Князь Енгалычевъ назначенъ командиромъ 2-хъ ротъ 14-го баталіона; онъ ѣдетъ въ Читу 3-го марта, т. е. послѣзавтра, тотчасъ приметъ эти роты и отправится съ ними въ Шилкинскій заводъ, куда прибудетъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Для письма тебѣ я посылаю одного изъ лучшихъ писарей дежурства, а Венюковъ не завиденъ для писарской должности: онъ, говорятъ, хорошая *прачка* только, тебѣ же надо въ Шилкинскомъ заводѣ такого писца, который бы умѣлъ хорошо писать, и чтобъ не надобно было *стирать*. Тупальскаго [2] я велѣлъ отправить въ 14-й баталіонъ для принятія одной изъ ротъ.

Что ты приказалъ Языкову имѣть хорошіе паромы - это дѣльно: они пригодятся для пушекъ, но на Амуръ съ нами не пойдутъ; развѣ только, если понадобится ставить на нихъ еще рогатаго скота; на приготовленныхъ же Назимовымъ плашкоутахъ все помѣстится, при надлежащемъ распредѣленіи груза, т. е.

[1] Чиновникъ особыхъ порученій.

[2] Строевой офицеръ.

когда къ легкому грузу будетъ прибавленъ тяжелый. Ты пишешь, что для меня построилъ хорошій плашкоутъ — весьма благодаренъ, но боюсь, чтобъ не перехитрили во внутреннемъ раздѣленіи.

Оболенскаго я еще держу для разныхъ морскихъ приготовленій, но на дняхъ все кончится, и онъ уѣдетъ въ Шилкинскій заводъ. Обращусь опять къ новому распредѣленію: оно выгоднѣе еще и потому, что если всѣми силами грузить не 70 плашкоутовъ вдругъ, а только 22, и такъ же спускать ихъ на воду, то не трудно будетъ выдти на третій день, какъ разойдется ледъ. А чѣмъ ранѣе я съ авангардомъ буду въ Кызи, тѣмъ лучше, чтобъ успѣть авангарду устроить путь въ де-Кастри и ознакомиться съ мѣстностію этой бухты, а мнѣ — чтобъ распорядиться насчетъ судовъ и размѣщенія морскихъ командъ; словомъ сказать, мнѣ весьма полезно быть въ де-Кастри прежде Завойко и Путятина: 15-му баталіону можно придти и недѣлей послѣ меня, такъ какъ онъ никуда не тронется на первый случай изъ Кызи, ибо я для него уже выберу мѣсто и разобью подъ строенія.»

Эти письма знакомятъ насъ не только съ одними распоряженіями и приготовленіями Муравьева относительно второго сплава по Амуру, но и даютъ намъ личную характеристику нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, что̀ составитъ богатый матеріалъ исторіи пріобрѣтенія Амура, такъ какъ эти письма писаны не къ высшему начальству, а къ другу и родственнику, слѣдовательно, онѣ прежде всего — душевны и искренни.

XLVIII.

Прибытіе эсаула Мартынова въ Петропавловскій портъ и дѣйствія его тамъ. —Письма Муравьева къ Карсакову и къ брату.—Выѣздъ Муравьева изъ Иркутска.

—

1855 г.

—

Командированный Муравьевымъ еще въ концѣ прошлаго года въ Петропавловскій портъ эсаулъ Мартыновъ, прибылъ туда 3-го марта. Онъ привезъ награды за дѣло 24-го августа 1854 года и предписаніе снять портъ съ его укрѣпленіями, вооружить всѣ суда, забрать гарнизонъ, все казенное имущество, присутственныя мѣста и должностныхъ лицъ, принять на транспорты всѣ семейства, изготовиться, сколько возможно, поспѣшнѣе и съ ранней весной выйти въ море—*куда именно*—въ то время знали немногіе. 30-го марта было готово вооруженіе и погрузка, и 1-го апрѣля все было готово къ выходу на большой рейдъ. 5-го апрѣля, по выпиленіи изъ малой губы льда, суда флотиліи, ввѣренной контръ-адмиралу Завойко, благополучно вышли въ море для слѣдованія въ гавань де-Кастри: непріятельскія суда, Encounter и Barracoute, 2-го апрѣля крейсеровали еще по близости порта для наблюденія и пропустили эскадру.

Петропавловская эскадра состояла изъ фрегата «Аврора», корвета «Оливуца», транспортовъ «Двина», «Иртышъ», «Байкалъ» и бота № 1. По оставленіи Камчатки, гражданское управленіе передано земскимъ начальствамъ; команда надъ казаками и ополченіемъ лежала на обязанности адъютанта Н. Н. Муравьева—эсаула Мартынова. На случай прихода непріятеля, Завойко предписалъ—все оставшееся казенное имущество, запасъ провіанта и частную собственность вывезти во-внутрь страны, куда должны были отправиться больные, и гдѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Петро-

павловска, въ селѣ Авачѣ, сосредоточивались военныя команды, способныя дѣйствовать. Для сообщенія съ заселеніями на Амурѣ, куда переходило главное населеніе края, отъ эскадры отдѣленъ ботъ «Кадьякъ», которому велѣно было идти въ Большерѣцкъ и быть тамъ въ готовности въ каждое время выйти въ море. Отъ Петропавловска до Большерѣцка устроена цѣпь казачьихъ пикетовъ.

Между тѣмъ дальнѣйшія распоряженія Муравьева о 2-мъ сплавѣ по Амуру шли своимъ порядкомъ, и о каждомъ изъ нихъ онъ неуклонно извѣщалъ Карсакова, что̀ мы видимъ изъ слѣдующихъ его писемъ изъ Иркутска.

8-го марта. «Наконецъ завтра отправляется Оболенскій, и я прошу его заняться особенно первымъ отдѣленіемъ, т. е. 22-мя или 23-мя плашкоутами, которые пойдутъ съ казаками со мною въ такомъ числѣ; самъ выѣзжаю 29-го марта, чтобъ быть въ Шилкинскомъ заводѣ *5-го апрѣля.* Маршрутъ мой посылается сегодня къ властямъ Забайкальской области; слѣдовательно, черезъ четыре недѣли надѣюсь тебя обнять и поселиться всѣмъ моимъ домомъ недѣли на двѣ въ Шилкинскомъ заводѣ, и тогда только отдохнуть отъ отяготительныхъ здѣшнихъ письменныхъ работъ. Суди о Казакевичѣ, какъ знаешь, но я начинаю сожалѣть, что далъ ему порученіе: не умѣлъ выѣхать ранѣе 30-го декабря изъ Петербурга, а теперь, съ 12-го февраля, живетъ въ Бременѣ, а пароходы намъ нужны на Амуръ въ августѣ и не позже первыхъ чиселъ сентября; онъ все это знаетъ и лѣнится.

Количество тяжестей для сплава изъ Читы съ первою водою, слѣдовательно съ твоимъ арріергардомъ, все увеличивается. Теперь неожиданно пришли сюда снаряды изъ Златоустскаго завода до 5000 пудъ, а такъ какъ съ артиллеріею и снарядами, уже отправленными, и съ тѣми, которые еще отправятся черезъ Байкалъ черезъ недѣлю, у тебя наберется этого груза пудовъ 20 тысячъ, да хлѣба, сплавляемаго изъ Читы, 30 т. пуд., то соображай, чтобъ было достаточно плашкоутовъ, имѣя въ виду, что, сверхъ этого, пойдетъ съ тобою одинъ плашкоутъ соли и до 1000 пудъ пороху.

Въ отношеніи 1-го отдѣленія, т. е. моего, слѣдуетъ все такъ приготовить, чтобъ въ день прохода льда всѣ плашкоуты были на водѣ непремѣнно, а въ два слѣдующіе дня всѣ были погружены, разумѣется, всѣми силами и людьми, которые будутъ въ то время на Шилкинскомъ заводѣ, оставивъ на это время всѣ другія работы. Расчетъ и размѣщеніе груза должны быть сдѣланы для этого предварительно, и Оболенскій будетъ полезенъ для этихъ

приготовленій. Казаки будутъ расчитаны по плашкоутамъ еще ранѣе спуска оныхъ на воду, и каждая команда должна не только знать свой плашкоутъ, но и весь грузъ, который пойдетъ на него; тогда для спуска плашкоутовъ и погрузки оныхъ посланы будутъ отъ другихъ частей только чернорабочіе, т. е. сила, а хозяева плашкоутовъ должны уже примѣняться, чтобъ вся эта сила употреблена была впрокъ.

Послѣ отправленія 1-го отдѣленія, должно то же сдѣлать всѣми остающимися силами и для 2-го отдѣленія, т. е. для 15-го баталіона. Наконецъ, 3-е отдѣленіе погрузится и спустится на воду 14-мъ баталіономъ. Я полагаю, что, кромѣ Оболенскаго, со мною никто изъ морскихъ офицеровъ не пойдетъ, развѣ только Бошнякъ, если поспѣетъ. Во 2-мъ же отдѣленіи надо оставить двухъ, по многочисленности судовъ.

Въ отношеніи расходнаго запаса для перваго отдѣленія, слѣдуетъ просто раздать на руки частямъ, т. е. Скобельцыну и Сеславину, всю пропорцію на 20 дней плаванія со дня отправленія для ѣдущихъ въ Кызи и для идущихъ на Бурею, вмѣстѣ со всѣмъ ихъ годовымъ запасомъ: въ расходный запасъ этотъ должно входить: сухарей по 2 фунта, крупъ вдвое противъ узаконенной пропорціи, солонины по $^1/_2$ ф. въ день, чаю по одному кирпичу на 5 человѣкъ, сушеной капусты по $^1/_2$ ф. на человѣка и масла по фунту на каждаго на все плаваніе; полугарнаго вина имѣть на каждомъ плашкоутѣ боченокъ въ 8 ведеръ, а свѣжее мясо будетъ выдаваться въ пути, по удобству бить скотину; разумѣется, что съ мѣста мы возьмемъ трехдневный запасъ говядины, ибо можно будетъ сохранять ее со льдомъ, который еще въ то время будетъ и, можетъ быть, даже сохранитъ запасъ этотъ до самой Буреи, чтобы тамъ уже вновь на берегу бить скотину. Этимъ порядкомъ мнѣ не нужно будетъ и расходнаго чиновника.»

Горестная вѣсть о кончинѣ Государя Николая Павловича наконецъ дошла и до Спбпрп. и чрезвычайно какъ поразила и вмѣстѣ съ тѣмъ опечалила Муравьева, который по поводу этого писалъ Карсакову отъ 12-го марта: «Не стало великаго нашего Государя! Эта вѣсть поразила меня, какъ громомъ! Конечно, и съ тобою то же будетъ. Флигель-адъютантъ Ахматовъ[1] пріѣхалъ сюда съ этимъ извѣстіемъ. Господи! Будь милостивъ на Россію, укрѣпи нашего молодого, добраго и честнаго Государя, помоги ему оправдать слова манифеста и возвести Россію на ту степень величія, которую предполагали ей Петръ I, Екатерина II, Ни-

[1] Впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода.

колай I.»—«Горестное событіе въ Петербургѣ не измѣнило моихъ намѣреній и назначеній», писалъ Муравьевъ къ Корсакову отъ 20-го марта, «я 29-го числа выѣзжаю отсюда и 5-го надѣюсь быть на Шилкинскомъ заводѣ, а тамъ, какъ сказано, на 23-хъ плашкоутахъ поплыву на третій день по вскрытіи рѣкъ. На дняхъ пріѣхалъ ко мнѣ инженеръ корабластроительный Бурачекъ:[1] ѣдетъ въ Петровскій заводъ сегодня. Онъ берется построить пароходъ въ 4 мѣсяца: слѣдовательно, если машина будетъ въ это время готова, то пароходъ 15-го августа можетъ отплыть на устье, а 1-го сентября насъ тамъ взять; это тѣмъ болѣе нужно, что на Казакевича уже никакой надежды быть не можетъ. Онъ едва лишь въ половинѣ марта прибылъ въ Америку, но главное, что онъ по прежнему ко всему равнодушенъ. Артиллерія медленно подвигается къ Читѣ, но къ сплаву будетъ.»

О своемъ предположеніи относительно выѣзда изъ Иркутска, Н. Н. Муравьевъ не забылъ извѣстить и брата Валеріана Николаевича письмомъ отъ 21-го марта, въ которомъ, между прочимъ, открываетъ ему свои чувства относительно кончины Николая Павловича и надежды на новаго Государя: «Письмо твое я получилъ послѣ роковой уже вѣсти о кончинѣ Государя Николая Павловича. Это горестное событіе душевно меня разстроило, и я еще теперь не могу опомниться. Но польза отечества и служба Царская требуютъ дѣятельности: предаваться горю не время, и въ обширномъ моемъ краѣ все двигается и приготовляется, а черезъ 8 дней, т. е. на третій день Святой, и мы съ женою выѣзжаемъ изъ Иркутска къ Амуру, и черезъ мѣсяцъ надѣемся уже плыть, а черезъ шесть недѣль буду приготовляться на берегу моря.

О Севастополѣ постоянно ожидаемъ вѣстей окончательныхъ, и думаю, что въ февралѣ должно было кончиться, но вообще въ настоящую минуту Европейскія дѣла должны принять особый оборотъ. Кончина нашего великаго Государя есть событіе такое, которое должно имѣть огромное вліяніе на все: что̀ теперь укажетъ Господь Богъ—загадочно!

Молодая Чета, вступившая на Престолъ, обѣщаетъ много хорошаго для Россіи: я имѣлъ случай близко въ этомъ убѣдиться и давно уже радовался, что Россія изъ рода въ родъ можетъ надѣяться на свой Царствующій Домъ,—но признаюсь, не ожидалъ пережить покойнаго Государя.»

Затѣмъ Н. Н. Муравьевъ снова шлетъ цѣлый рядъ писемъ

---

[1] Служилъ въ Морскомъ Министерствѣ и впослѣдствіи издавалъ журналъ «Маякъ».

къ М. С. Корсакову изъ Иркутска, преисполненныхъ заботами о сплавѣ по Амуру.

«Ровно черезъ недѣлю выѣзжаю, а черезъ двѣ надѣюсь быть въ Шилкинскомъ заводѣ», писалъ Н. Н. Муравьевъ отъ 22-го марта, «Буссе я, вѣроятно, оставлю въ Читѣ, чтобъ онъ сплавилъ къ тебѣ все, что слѣдуетъ. Ушаковъ [1] пойдетъ въ отдѣленіе Назимова; надобно, чтобъ вездѣ былъ запасный начальникъ на случай болѣзни настоящаго. По всѣмъ даннымъ явствуетъ, что мы безъ парохода не останемся, и съ прибытіемъ Бурачка надежда моя возвратиться — ожила. Пароходъ будетъ построенъ, если не здѣсь, то на устьѣ, а машины есть, или лучше сказать, есть главное для нихъ — котлы, еслибъ Дейхманъ не успѣлъ сдѣлать новыхъ.

Въ моемъ отдѣленіи пойдутъ лишь самые необходимые для первыхъ распоряженій лица при мнѣ, а именно:

1) Князь Оболенскій.
2) Рейнъ, 3) Егоровъ, 4) Ледантю — инженеры.
5) Казариновъ — по продовольственной части.
6) Свербеевъ, 7) Сычевскій — дипломаты.
8) Бибиковъ, 9) Якушкинъ, 10) Фуругельмъ — канцелярія.
11) Касаткинъ — лѣкарь.

Вѣроятно, пріѣдутъ ко второму рейсу Максутовъ и Бошнякъ, и чѣмъ болѣе будетъ въ этомъ рейсѣ морскихъ, тѣмъ лучше: они будутъ стоять вахту, слѣдовательно вѣрнѣе дойдутъ, не становясь на мель: въ первомъ же рейсѣ будетъ много людей бывалыхъ, а у тебя также будетъ много моряковъ». — «1-й рейсъ можно отправить, откуда хочешь», продолжаетъ писать Муравьевъ отъ 25-го марта, «только надобно, чтобъ передніе ожидали подходу заднихъ и входили въ назначенные имъ ряды. Я совершенно обчелся, назначивъ въ этотъ рейсъ только 23 плашкоута; разумѣется, надо 26; но въ отношеніи втораго рейса — нѣтъ надобности тамъ такой силы гребцовъ; напротивъ же твой 3-й рейсъ долженъ быть такъ же силенъ, какъ и мой. Если провіантъ не поспѣетъ, чтобъ въ первыхъ двухъ рейсахъ было 120 т. пудовъ, то доволь-

[1] А. М. Ушаковъ, подполковникъ, состоящій при Н. Н. Муравьевѣ по особымъ порученіямъ.

но и 110 т. пудовъ, находящихся уже на лицо въ Шилкинскомъ заводѣ. Паромовъ, кажется, вовсе не нужно: по моему расчету весь грузъ помѣстится на плашкоутахъ. Посылаю тебѣ рѣчь Государя къ Петербургскому дворянству.»

Письмомъ же отъ 29-го марта Муравьевъ извѣщаетъ Карсакова о слѣдующемъ: «Сегодня ѣдутъ къ тебѣ Венцель [1] и унтеръ-офицеръ Тюринъ; главное — Тюринъ: онъ присланъ изъ Петербурга учить стрѣлять изъ штуцеровъ и лить штуцерныя пули; съ нимъ ѣдутъ всѣ формы и 60 т. пистоновъ. Онъ долженъ по прибытіи тотчасъ приступить къ литью пуль штуцерныхъ, а также и простыхъ, и къ дѣланію патроновъ: а дабы это дѣло шло порядкомъ и съ пользою для другихъ, то немедленно назначь къ нему изъ каждой роты 15-го баталіона, сводпаго казачьяго и 14-го, по скольку понадобится, самыхъ смышленыхъ людей, пули же для простыхъ ружей лить безостановочно въ баталіонахъ и ротахъ. Необходимыя вещи для литья тотчасъ же для него устроить, а которыя есть — исправить. Тюринъ потомъ и поступитъ въ казачій баталіонъ, куда раздадутся по большей части штуцера. Бибиковъ прикатилъ молодцомъ и привезъ намъ самую главную вещь — штуцера, которые и пошлются до Срѣтенска, а тамъ разберутъ ихъ тѣ части, которымъ они назначаются. Окончательный расчетъ я сдѣлаю на мѣстѣ самъ, а теперь, главное, вылить какъ можно болѣе пуль и сдѣлать патроновъ. Новыя пули для простыхъ ружей имѣютъ то преимущество, что бьютъ на 800 шаговъ; это дальше картечи. Пріѣздъ мой, я думаю, замедлится отъ дурныхъ дорогъ и остановокъ; я переѣду черезъ Байкалъ только 31-го марта, выѣду изъ Верхнеудинска 2-го апрѣля и буду въ Нерчинскѣ не ранѣе 5-го, хотя въ Читѣ вовсе не остановлюсь; изъ Нерчинска я, вѣроятно, поѣду въ моемъ тарантасѣ до Срѣтенска, гдѣ жена, вѣроятно, останется до вскрытія рѣки, а я, вѣроятно, прямо пріѣду въ Шилкинскій заводъ; но если подморозитъ, то оставлю тарантасъ въ Срѣтенскѣ и подвезу жену на санкахъ.»

30-го марта Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Иркутска для дальнѣйшаго своего путешествія по Амуру.

---

[1] Юнкеръ.

XLIX.

Письма Муравьева Карсакову.— Пріѣздъ его въ Шилкинскій заводъ для осмотра судовъ.— Продолженіе писемъ къ Карсакову.— Дѣйствія Петропавловской эскадры по выходѣ ея изъ порта.— Прибытіе Муравьева къ устью Амура и принятіе имъ главнаго начальства надъ морскими и сухопутными силами.— 2-й Амурскій сплавъ.— Прибытіе въ низовье Амура первыхъ Русскихъ переселенцевъ-земледѣльцевъ подъ распоряженіемъ чиновника особыхъ порученій М. С. Волконскаго.— Основаніе деревень.— Поселеніе казаковъ.

1855 г.

6-го апрѣля Николай Николаевичъ былъ въ Нерчинскѣ и оттуда писалъ М. С. Карсакову: «Спѣшу сообщить тебѣ съ Раевскимъ, я завтра ѣду въ Бянкино, гдѣ находится много грузовъ, и подойдутъ еще другіе для сплава съ первымъ рейсомъ: судя по льдамъ на Ингодѣ и Шилкѣ, нельзя думать, чтобъ можно было плыть ранѣе 15-го, а потому я и назначаю слѣдующій затѣмъ день, т. е. 16-е, къ которому все поспѣетъ безъ натуги. Къ 1-му рейсу приготовь 26 плашкоутовъ. Отправившись 16-го, мы пріѣдемъ къ 6-му мая въ Кизи; ранѣе не нужно, потому что тамъ Амуръ еще не пройдетъ. Во избѣжаніе прошлогодняго безпорядка мною предназначено было, чтобъ люди 1-го рейса были распредѣлены по плашкоутамъ предварительно, и чтобъ былъ назначенъ *старшій* завѣдывающимъ плашкоутомъ. Судя по моему плашкоуту, это не было сдѣлано, и явившіеся сюда казаки не смѣютъ даже взойти на плашкоутъ, а сегодня предполагаютъ плыть!

Ко мнѣ на плашкоутъ предназначался большой грузъ, но окончательно ограничились 400 или 500 пудовъ свинцу, однакожъ и того до сихъ поръ нѣтъ, и никто о немъ не знаетъ. Судя по моему плашкоуту, должно быть, и нигдѣ никто ничего

не знаетъ, и неизвѣстно, кто, гдѣ и чѣмъ распоряжается. Если этотъ безпорядокъ можетъ быть устраненъ временемъ, то лучше потерять время, но устроить порядокъ; еслижъ это вещь непоправимая и безвозвратная, то надобно прислать ко мнѣ Сеславина, которому я самъ отдамъ приказанія. Князю Оболенскому можно было бы передать занятія въ портѣ другимъ морскимъ офицерамъ, а самому озаботиться 1-мъ рейсомъ, который нисколько не готовъ къ отплытію.» Пріѣхавши въ Бянкино, Муравьевъ продолжалъ письменно сообщать М. С. Карсакову свои распоряженія. Письма эти, кромѣ своего прямого интереса, отлично характеризуютъ Муравьева, какъ дальновиднаго, заботливаго, дѣятельнаго начальника. Онъ дѣйствовалъ и руководилъ, какъ мы видимъ, всѣмъ лично. Такъ, въ письмѣ отъ 8-го апрѣля мы читаемъ: «*Постройка парохода рѣшена окончательно*, только съ тѣмъ, чтобъ взять котлы отъ пожертвованныхъ Соловьевымъ и Кузнецовымъ машинъ. Поэтому бумага моя, съ Бурачкомъ тебѣ отправленная, тебѣ необходима. Бурачекъ долженъ быть въ Шилкинскомъ заводѣ 15-го или 16-го, лѣсъ и мастеровые должны быть къ тому времени готовы для того, чтобъ онъ немедленно могъ приступить къ работѣ. Кромѣ парохода онъ будетъ строить баржу для груза отъ 3 до 5 тысячъ пудовъ; баржа эта пойдетъ съ пароходомъ внизъ и возвратится вверхъ.

Теперь я не вижу причины спѣшить мнѣ въ Шилкинскій заводъ, не отправивши отсюда грузовъ, подлежащихъ 1-му рейсу, и не дождавшись изъ Иркутска Якушкина и Бибикова; впрочемъ, еслибъ я и хотѣлъ спѣшить, то нельзя: Шилка не пуститъ: надобно два или три теплыхъ дня, чтобы плыть. Въ Нерчинскѣ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ всѣ грузы направлялись въ Бянкино, и чтобы прислали сюда 60 человѣкъ гарнизоннаго баталіона для работъ по сплаву; по всему этому не огорчайся, если я и замедлю: въ Шилкинскомъ заводѣ вы сладите и безъ меня, а здѣсь некому ладить и разбирать.

По моему расчету настоящій холодъ долженъ былъ наступить именно въ это время и можетъ продержаться дня три: береги людей; чтобъ были большіе огни. Пришли мнѣ расторопнаго офицера или урядника, который бы отъ самаго завода осмотрѣлъ всю рѣку и сказалъ, какія есть препятствія къ проплыву и гдѣ именно: онъ долженъ проѣхать все пространство верхомъ, чтобы видѣть все *своими глазами*. Дейхманъ послалъ по почтѣ на имя Назимова въ Шилкинскій заводъ *муфту* для шкуны «Востокъ». Справься о ней—вещь важная, вѣсомъ фунтовъ 12. Если не найдется у васъ, то я пошлю за ней въ Нерчинскій заводъ: это непремѣнно должно

идти въ 1-й рейсъ. Обрати, пожалуйста, въ работу всѣхъ пріѣзжихъ, чтобъ не гуляли, а главное—прінщи лѣсу для пароходовъ и приготовь адмиралтейство.

Твой рейсъ пойдетъ скорѣе прочихъ, ибо весь тяжелый грузъ, скотъ и лошади уйдутъ ранѣе. Но выйти раньше 15-го мая тебѣ нельзя, ибо срокъ этотъ извѣстенъ уже въ Петербургѣ, и 10-го отправится къ тебѣ изъ Иркутска послѣдній курьеръ; но вышедши 15-го мая, ты поспѣешь въ Кизи въ первыхъ дняхъ іюня. Разбери, пожалуйста, всѣ аптеки—это грузъ важный, дорогой и требующій опытности; лучше всего отправить ихъ съ 1-мъ рейсомъ, чтобы скорѣе сдать ихъ по принадлежности. Такъ какъ я пріѣду въ Шилкинскій заводъ *не ранње*, какъ *за три дня* до отплытія 1-го рейса, то увижу въ первый же день сводный полубаталіонъ, во второй день—15-й и двѣ роты 14-го баталіона, а въ третій сяду и поплыву.»

Вскорѣ послѣ этого письма, въ самый разгаръ приготовлений ко второму сплаву, Н. Н. Муравьевъ получилъ печальное извѣстіе, что трое топографовъ, которые были посланы имъ ранѣе для съемки мѣстностей, потонули, и вотъ по этому поводу онъ писалъ изъ Бянкина же отъ 10-го апрѣля А. И. Заборинскому слѣдующее: «Какое несчастіе нашему Генеральному штабу: три лучшихъ топографа ушли подъ ледъ и съ ними весь инструментъ: опрометчивость и неосторожность очевидная: плыть ночью по рѣкѣ, когда ледъ идетъ, и когда по берегу есть верховая дорога! Но ужъ этого не воротимъ; остается только по возможности снабдить экспедицію полными средствами по вашей части: поэтому поспѣшите немедленно, съ полученіемъ сего, отправить двухъ топографовъ, вмѣсто трехъ утонувшихъ, и со всѣми инструментами для трехъ, ибо, какъ видно, и Грошевскаго [1] инструментъ утонулъ; бѣда, если утонулъ и Попова! [2] Топографовъ этихъ отошлите какъ можно скорѣе, если еще есть переѣздъ черезъ Байкалъ, ибо тогда они поспѣютъ къ 1-му отдѣленію; но если имъ надо ѣхать по кругоморской дорогѣ, [3] то едва-ли поспѣютъ и ко 2-му рейсу. Я во всякомъ случаѣ возьму съ собою Попова и Грошева и кантониста, а уже высланными вами распредѣлятся на прочія отдѣленія, и одинъ изъ нихъ останется на Буреѣ, и кого вы для сей цѣли назначите, напишите къ Карсакову.

Курьеромъ посылается Тульскій унтеръ-офицеръ, который

[1] Топографъ унтеръ-офицерскаго званія.

[2] Армейскій офицеръ изъ топографовъ,

[3] Кругомъ Байкала.

долженъ былъ возвращаться за прогоны на одну лошадь изъ артиллерійскаго вѣдомства, а я ему велѣлъ добавить на другую и дать курьерскую подорожную: не знаю, поспѣетъ ли и онъ прямо черезъ Байкалъ. Мы живемъ здѣсь въ ожиданіи возможности сплава, ибо здѣсь и бо̀льшая часть грузовъ, отправленныхъ изъ Иркутска даже 22-го февраля, такъ напримѣръ: здѣсь оба транспорта моихъ собственныхъ вещей, изъ которыхъ послѣдній пришелъ только сейчасъ,—это урокъ полагаться на доставку подрядчиковъ. Я еще забираю инструменты и машины изъ Бянкинскаго горнаго магазина..»

Затѣмъ Н. Н. Муравьевъ продолжалъ письменно давать свои распоряженія М. С. Карсакову. *11-го апрѣля.* «Намъ должно еще отложить срокъ отплытія, ибо морозы продолжаются и задерживаютъ ледъ на всемъ пространствѣ до Усть-Кары, а, можетъ быть, и далѣе. Вмѣсто утонувшихъ топографовъ и геодезическихъ инструментовъ я потребовалъ отъ Заборинскаго новыхъ; надѣюсь, что они поспѣютъ къ 2-му рейсу и во всякомъ уже случаѣ къ 3-му.

400 штуцеровъ я раздѣлю слѣдующимъ образомъ: въ стрѣлковый полубаталіонъ 200, въ 15-й баталіонъ 100 и въ двѣ роты 14-го баталіона—также 100. Поэтому Сеславинъ можетъ оставить здѣсь свои 200 ружей, а также и 2 роты 14-го баталіона свои 100; но 15-й баталіонъ будетъ имѣть штуцера сверхъ комплекта. Распредѣленіе штуцеровъ я дѣлаю на томъ основаніи, что стрѣлковый баталіонъ долженъ большею частію дѣйствовать ружейнымъ огнемъ и мѣткою стрѣльбою; 2 роты 14-го баталіона будутъ отдѣльны и потому должны имѣть штуцеровъ болѣе, а 15-й баталіонъ, составляя corps de bataille казаковъ, долженъ болѣе дѣйствовать штыками. Поэтому распорядись, чтобъ наиболѣе пуль для простыхъ ружей было заготовлено для 15-го баталіона: для казаковъ ихъ вовсе не нужно, а въ двѣ роты 14-го баталіона ихъ успѣютъ наготовить во время плаванія.»

12-го апрѣля. «Нарѣзныя ружья наконецъ здѣсь:— совершенно обыкновенное солдатское ружье, только съ прицѣломъ и шомполомъ по пулѣ: но главное, что̀ для нихъ нужно, это—1 т. пуд. лишняго свинцу: а потому, если у васъ въ Шилкинскомъ заводѣ таковаго нѣтъ, то надобно выписать изъ другихъ мѣстъ къ 3-му рейсу.»

13-го апрѣля. «Я потому не ѣду далѣе, что хочу при себѣ сплавить все, что̀ здѣсь есть грузу, безъ котораго 1-му рейсу трогаться нельзя, ибо весь этотъ грузъ нуженъ въ первую же руку. Удивляюсь и крайне сожалѣю, что карты и инструменты Рейна попались къ топографамъ—ихъ уже не воротишь: а то, что̀ по Генеральному штабу, то возвратится или, лучше сказать, возмѣстится. Обѣдъ откупа Амурскимъ войскамъ непремѣнно дайте,

хотя бы меня еще и не было. Надобно этотъ день (17-го апрѣля) праздновать, никакихъ работъ не производить. Пусть всѣ знаютъ, что это день рожденія новаго Государя, и пусть помнятъ его.—Если плашкоутъ мой готовъ, то я прямо къ нему подплыву и выгружусь, чтобъ не терять времени на двойную выгрузку и не занимать никакой на берегу квартиры: это всего лучше и удобнѣе. Всѣ штабные могутъ наблюдать за ходомъ работъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ для бо́льшаго успѣха, и, право, Назимову тутъ обижаться нечего: вѣдь, онъ одинъ вездѣ не поспѣетъ.»

15-го апрѣля. «О плашкоутахъ слѣдующее: ты говоришь объ одномъ моемъ, а надобно знать *о всѣхъ трехъ штабныхъ*—готовы ли они? На всѣ три штабные надо положить чугунныхъ и желѣзныхъ вещей, чтобы ихъ осадить; я буду смотрѣть въ Шилкинскомъ заводѣ, что̀ *можно*, то прошу отнюдь не измѣнять сдѣланныхъ распоряженій для моего смотра, а только для обѣда 17-го апрѣля собрать всѣхъ. Мнѣ нужны въ Кизи баталіонный командиръ и рабочія руки для проложенія дорогъ, рубки лѣсу и закладки зданій. О порохѣ, находящемся въ Нерчинскѣ, не забудь: я не буду дѣлать о немъ никакихъ распоряженій, а его лучше отправить со 2-мъ рейсомъ: въ 3-мъ же пойдетъ порохъ, находящійся на Шилкинскомъ заводѣ. Компанейскія и купеческія клади должны присоединиться ко 2-му и 3-му рейсамъ въ Усть-Стрѣлкѣ, а дотуда пускай ихъ свободно, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.»

17-го апрѣля. «Ѣдетъ наконецъ къ тебѣ и Бурачекъ, а мнѣ все еще нельзя тронуться. Помѣсти его въ адмиралтействѣ, дай ему осмотрѣться и взглянуть на всѣ заведенія и запасы, которые для него останутся, покажи ему мастеровыхъ, и чтобъ онъ къ пріѣзду моему былъ совершенно готовъ со всѣми тѣми вопросами, которые будутъ требовать моего разрѣшенія. Если плашкоутъ встрѣтится сегодня, то предупредить его, чтобъ шелъ со всевозможною быстротою и остановился на противномъ берегу Шилки, у Горбицъ: чтобъ немедленно прислалъ на баркѣ людей, принадлежащихъ къ другимъ плашкоутамъ, и капитана Ледантю къ своимъ мѣстамъ. Если же плашкоутъ этотъ встрѣтится еще на мели, то объяви ему, что онъ пойдетъ со 2-мъ рейсомъ: барки же со всѣми людьми, принадлежащими къ 1-му рейсу, капитана Ледантю и подпоручика Васильева тотчасъ отослать за нами въ догонку безостановочно, для чего взять имъ провизіи на три дня. Привести въ ясность количество пороха, доставленнаго изъ горныхъ заводовъ по зимнему пути, ибо цифра пороху по вѣдомости кажется неудовлетворительна.»

Въ Шилкинскомъ заводѣ этимъ временемъ строились суда, предназначенныя къ экспедиціи. Стройка производилась 15-мъ баталіономъ и ссыльно-каторжными, подъ наблюденіемъ полковника Назимова. Вся рабочая команда состояла изъ 1000 человѣкъ. Всѣхъ судовъ было построено до 130, которыя были уже готовы и могли поднять груза до 400.000 пудовъ.

Для осмотра этихъ судовъ прибылъ Муравьевъ въ Шилкинскій заводъ изъ Срѣтенска верхомъ съ однимъ проводникомъ-казакомъ по горной тропѣ, всегда опасной для проѣзда, и тѣмъ болѣе весной. «Тропа эта», разсказываетъ К. Б. Чаплеевскій, [1] «часто пролегаетъ по узкимъ карнизамъ отвѣсныхъ скалъ; есть по ней много мѣстъ, гдѣ одно стремя касается скалъ, а другое виситъ надъ пропастью въ 70 и болѣе саженей. Горныя рѣки, дно которыхъ покрыто въ это время льдомъ, а сверху съ пѣной мчатся потоки, катя съ громомъ камни, ледъ и лѣсъ, останавливаютъ даже и привычнаго къ такимъ переправамъ Сибиряка,—не задержали Муравьева, и онъ явился прямо верхомъ на гавань, гдѣ стучало до 1000 топоровъ и конопатокъ. Увидѣвъ, что суда готовы, Муравьевъ тутъ же обнялъ и разцѣловалъ Назимова и офицеровъ, собралъ всѣхъ работавшихъ и сердечнымъ, простымъ, могучимъ словомъ поблагодарилъ ихъ за трудъ, такъ что толпа эта, при громкихъ крикахъ, подняла его на воздухъ и ликовала безшабашно, позабывъ долгій и тяжелый трудъ свой, и готовая теперь бодро идти съ нимъ, какъ говорится, и въ огонь и въ воду. Сила рѣчи Муравьева въ такихъ случаяхъ была какая-то жгучая, увлекала она самую разнохарактерную толпу, превращая ее въ одну лавину, готовую ринуться, куда бы ни вздумалось ему толкнуть ее. Изъ Шилкинскаго завода Муравьевъ на другой же день и по такимъ же тропамъ горнымъ отправился осматривать постройку судовъ на Усть-Карѣ и въ Куларкахъ и, всѣмъ довольный и веселый, отправился въ Усть-Стрѣлку.»

Письмомъ изъ Усть-Стрѣлки отъ 5-го мая, Н. Н. Муравьевъ извѣщаетъ Карсакова о своемъ выѣздѣ на устье Амура и шлетъ ему такія свои распоряженія: «Только сегодня отправляюсь я отсюда: все мое отдѣленіе на меляхъ, и первый примѣръ этому показалъ мой штабъ. Надобно повторить еще разъ тебѣ и Назимову, чтобъ у васъ не было такого безпорядка, какъ у меня. Я уѣду отсюда только съ 13-ю плашкоутами, не дождавшись ни Сеславина, ни штаба, и поручаю ему, дождавшись прочихъ, вести остальные плашкоуты 1-го отдѣленія. Надѣюсь, онъ пере-

[1] Рукопись изъ архива князя М. С. Волконскаго.

станетъ судить и рядить, когда отвѣтственность будетъ на немъ лежать.

Ради Бога, требуй порядка, чтобъ баржи равнялись въ затылокъ и сохраняли данную дистанцію, которую назначай, сколь можно короче, отъ 20 до 30 саженъ; я на опытѣ вижу, какъ вредно отступленіе отъ порядка.

Ночи иди непремѣнно съ фонарями и пріучись не спать, какъ я теперь: сплю три часа послѣ обѣда, а потомъ ложусь въ 4 часа утра до 9 часовъ: ночью непремѣнно должно наблюдать своимъ глазомъ, не полагаясь *ни на князя, ни на сына человѣческаго.* Ты будешь здѣсь, вѣроятно, 18-го, и ночи будутъ свѣтлыя и вода большая: къ 1-му іюня успѣешь долетѣть до Кизи, и чѣмъ раньше придешь, тѣмъ лучше, ибо я приду 2-мя недѣлями позже, и слѣдственно настолько меньше будетъ сдѣлано, и всѣ твои средства будутъ необходимы намъ поскорѣе.»

Обратимся къ Петропавловской эскадрѣ и прослѣдимъ ея дѣйствія, направленныя къ защитѣ восточнаго нашего побережья отъ покушеній непріятеля. Эскадра эта, какъ намъ уже извѣстно, должна была, по распоряженію Муравьева, идти изъ Петропавловскаго порта въ де-Кастри.—«Не легко было ей», пишетъ Н. В. Шумахеръ,[1] «слѣдовать въ де-Кастри, если взять въ соображеніе климатическія затрудненія, ничтожныя средства страны, сырость, холодъ, оледенѣвшія снасти и экипажъ 400 человѣкъ, истощенный годовымъ походомъ и тяжелыми работами.

25-го апрѣля фрегатъ «Аврора» былъ передъ входомъ въ Императорскую гавань, а 26-го числа отдалъ якорь вмѣстѣ съ корветомъ «Оливуца». Тутъ застали фрегатъ «Палладу», смѣненный (по ветхости) для экспедиціи въ Японію фрегатомъ «Діана» и отведенный въ Императорскую гавань послѣ самыхъ энергическихъ, но тщетныхъ, усилій провести его черезъ бары Амурскаго лимана. При фрегатѣ былъ оставленъ корпуса штурмановъ поручикъ Кузнецовъ съ 10-ю человѣками команды, чтобы, въ случаѣ входа непріятеля въ гавань, сжечь фрегатъ.

Командиръ «Оливуца», капитанъ-лейтенантъ Назимовъ, на переходѣ изъ Петропавловска, опрашивалъ китобойное судно, оказавшееся американскимъ, и узналъ, что непріятельская эскадра изъ 7 парусныхъ судовъ и 1 парохода, подъ командою капитана Фредерикса, 26-го января вышла изъ Гонолулу въ Санъ-Франциско, чтобы запастись провизіей, пополнить команду и немедленно идти въ Петропавловскій портъ. Принявъ въ соображеніе, что непріятель

---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. 8-ая, стр. 404—408.

не встрѣтитъ сопротивленія въ Петропавловскомъ портѣ и, узнавъ отъ китобоевъ о прослѣдованіи нашей эскадры въ Охотское море и оттуда въ Татарскій проливъ, онъ могъ отправиться за нею въ погоню, и если какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства не задержали непріятеля въ С.-Франциско, то могъ онъ показаться здѣсь въ самомъ непродолжительномъ времени,—Завойко нашелъ невыгоднымъ оставаться въ Императорской гавани и, согласно рѣшенію военнаго совѣта, оставилъ корпусъ «Паллады» въ Императорской гавани, а самъ съ фрегатомъ «Аврора» и корветомъ «Оливуца» отправился далѣе, и 1-го мая сталъ на якорь въ де-Кастри, гдѣ уже находились транспорты «Двина» и «Иртышъ». Затѣмъ прибыли фрегатъ «Аврора», транспортъ «Байкалъ» и ботъ № 1-й, который посланъ къ мысу Лазарева для наблюденія за очищеніемъ отъ льда.

Въ де-Кастри прибылъ начальникъ Амурской экспедиціи контръ-адмиралъ Невельской, который объявилъ, что очистку отъ льда лимана можно ждать не ранѣе, какъ между 20-мъ мая и 1-мъ іюня. Такъ какъ было положительно извѣстно, что Англичане отдѣлили часть Китайской эскадры для блокады Охотскаго моря и Татарскаго пролива, то суда наши были въ постоянной готовности къ бою, и 7-го мая командующій эскадрою отдалъ приказъ объ усиленіи бдительности и о диспозиціи на случай сраженія.

8-го мая показались 3 судна, спѣшившія подъ всѣми парусами ко входу въ заливъ. Впереди шелъ фрегатъ большого ранга, за нимъ винтовой корветъ и сзади бригъ. Два изъ нихъ держались въ морѣ за Клостеркампомъ, а корветъ, промѣривъ пространство залива внѣ нашихъ выстрѣловъ, въ 6 часовъ вечера вошелъ въ губу и поднялъ англійскій флагъ. Подойдя къ «Оливуцу» на разстояніе 10 кабельтовыхъ, Англичане открыли огонь изъ носового орудія: три ядра просвистали мимо нашего корвета, съ котораго немедленно отвѣчали выстрѣлъ за выстрѣломъ. Ядро, пущенное съ «Оливуца», попало въ пароходъ. На транспортѣ «Двина» во все время команда пѣла пѣсни. Корветъ поворотилъ назадъ и быстрымъ ходомъ вышелъ изъ залива. Всѣ думали, что командоръ откладываетъ нападеніе до разсвѣта. Тяжела была ночь съ 8-го на 9-е мая, но 9-го мая всѣ непріятельскія суда ушли; 10-го они виднѣлись еще за Клостеркампомъ, а 11-го уже не показывались. Но впослѣдствіи оказалось, командоръ Эллiотъ 10-го числа вечеромъ отошелъ отъ Клостеркампа на столько, чтобъ съ берега его не было видно, и потомъ, отрядивъ отъ своей эскадры бригъ, отправилъ его съ донесеніемъ къ адмиралу Стерлингу, находившемуся въ то время съ фрегатомъ «Винче-

стеръ» въ Хакодаде, и испрашивалъ подкрѣпленій и инструкцій: а самъ съ оставшимися фрегатомъ и корветомъ началъ крейсеровать южнѣе Клостеркампа. О возможности же пройти изъ де-Кастри на сѣверъ онъ ничего не зналъ. Этимъ-то временемъ и воспользовалась наша эскадра и вышла изъ де-Кастри. «Отчего Элліотъ,» ставитъ вопросъ Шумахеръ, «имѣя 3 корабля противъ нашихъ двухъ, не напалъ на насъ, отыскавъ эскадру, надѣлавшую Англичанамъ такъ много хлопотъ? отчего онъ послалъ за нѣсколько сотъ миль спрашивать у адмирала разрѣшеній? Не доказываетъ ли это, что моральныя силы Британскаго флота уже не тѣ, и что въ отношеніи къ намъ Восточный океанъ представляетъ обширное поле надеждъ, предположеній и большое раздолье для крейсерства?»

Оплошность Элліота возбудила сильное негодованіе парламента и всей Англійской націи. Пресса въ одинъ голосъ предала его поруганію. Вотъ выписка изъ United Service Gazette: Извѣстно, что кавалеръ ордена Бани, командоръ Чарльзъ-Джильбертъ-Джонъ-Брайдонъ Элліотъ $\frac{20}{8}$ мая въ Татарскомъ заливѣ, въ бухтѣ де-Кастри открылъ Русскую эскадру, имѣя подъ своимъ начальствомъ 40-ка пушечный фрегатъ Sybille, 17-ти пушечный винтовый корветъ Horlet и 12-ти пушечный бригъ Bittern; что Русская эскадра была именно та, которая незадолго передъ тѣмъ ушла изъ Петропавловской гавани: что, пробывъ въ заливѣ въ виду непріятеля до $\frac{23}{11}$ числа, командоръ Элліотъ отправилъ бригъ Bittern отыскивать адмирала сэра Джемса Стерлинга, а самъ снялся съ якоря, чтобъ выманить, какъ увѣряютъ защитники командора, Русскихъ изъ ихъ позиціи. Изъ распоряженій командора, напротивъ, видно, что какъ фрегатъ, такъ и корветъ удалились на нѣсколько дней въ море изъ виду береговъ. По возвращеніи $^{29}/_{17}$ числа въ заливъ, командоръ не засталъ уже тамъ Русскихъ: они исчезли. Намъ больно разсматривать случай, касающійся чести британскаго флага и долженствующій быть непремѣнно подвергнутымъ военному суду. Если бы Русскіе и во всемъ превосходили насъ, то все-таки обязанностію англійскаго командора было не выпустить ихъ изъ виду и, не вдаваясь въ сраженіе, слѣдить за ними до прибытія вскорѣ ожидаемаго подкрѣпленія. Это исчезновеніе цѣлой эскадры изъ нашихъ глазъ, такъ дурно рекомендующее нашу бдительность, будетъ пятномъ на британскомъ флагѣ. Всѣ воды океана не будутъ въ состояніи смыть это гнусное безчестье.»

На корветѣ «Оливуца» собрался военный совѣтъ, членами котораго были Завойко, Невельской, командиръ фрегата «Аврора» Изыльметьевъ, командиръ корвета «Оливуца» Назимовъ, коман-

диръ транспорта «Двина» Чичаговъ, командиръ транспорта «Иртышъ» Гавриловъ. Между прочими пунктами совѣщанія, на вопросъ, какъ поступить въ случаѣ нападенія непріятеля на эскадру, члены совѣта, начиная съ младшаго, Гаврилова, собственноручно, одинъ за другимъ, подписали свои мнѣнія, въ которыхъ единодушно было постановлено дѣйствовать согласно Морскому Уставу—драться до послѣдней крайности. По выслушаніи всѣхъ мнѣній, Завойко считалъ неудобнымъ, какъ начальникъ эскадры, вписать туда же, за всѣми, свое мнѣніе или объявить тутъ же свое рѣшеніе. Надо было торопиться къ Лазареву мысу. 14-го мая прибылъ посланный на рекогносцировку мичманъ Овсянниковъ и сообщилъ, что ледъ въ лиманѣ прошелъ, и путь до Лазарева мыса свободенъ. 15-го мая, на разсвѣтѣ, эскадра, пользуясь туманомъ, вышла. Непріятеля нигдѣ не было видно. 18-го присоединился къ ней американскій бригъ «Уильямъ Пеннъ», съ котораго съѣхалъ на шлюпкѣ лейтенантъ Энквистъ и сообщилъ о крушеніи у Японскихъ береговъ фрегата «Діаны», на которомъ основывали такъ много надежды и на помощь котораго такъ постоянно расчитывали. На бригѣ былъ капитанъ-лейтенантъ Лѣсовскій, бывшій командиръ «Діаны», который прибылъ сначала на случайно зафрахтованной шкунѣ въ Петропавловскъ съ 8 офицерами и 150 нижними чинами, составлявшими часть экипажа «Діаны», нашелъ портъ упраздненнымъ и, пересѣвъ на бригъ «Уильямъ Пеннъ», зашелъ въ заливъ де-Кастри на другой день по выходѣ оттуда нашей эскадры; узнавъ же, что она отправилась къ мысу Лазарева, тотчасъ же поспѣшилъ вслѣдъ за нею.

Между тѣмъ 16-го мая, тотчасъ по уходѣ нашей эскадры изъ де-Кастри, англійскій командоръ Элліотъ съ фрегатомъ и винтовымъ корветомъ опять подошелъ къ бухтѣ де-Кастри, но увы—поздно! Послано было нѣсколько шлюпокъ съ дессантомъ, которыя осмотрѣли постовые дома и захватили имущество Камчатскаго аптекаря Лыткина, не успѣвшаго перевезти его въ Кизи, куда отправлены были всѣ пассажиры, больные, почта и казначейство.»

«Этотъ-то безнаказанный дессантъ Англичанъ на берегъ де-Кастри», пишетъ К. Б. Чаплеевскій, [1] «и былъ причиной гнѣва Муравьева на командира поста въ Кизи эсаула Имберга. Имбергъ былъ преданъ военному суду, но не успѣлъ судъ собраться, какъ дѣло разъяснилось и оказалось, что Имбергъ лежалъ въ то время въ страшной цынгѣ и, не получивъ ни отъ Невельского, ни отъ Завойко приказанія идти въ де-Кастри, не зналъ о появле-

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

нія непріятеля. Впослѣдствіи онъ былъ награжденъ наравнѣ съ другими. Съ этого именно времени возможно считать охлажденіе Муравьева какъ къ Завойко, такъ и къ Невельскому.» Но это не совсѣмъ вѣрно, скажемъ мы по отношенію къ Невельскому: нѣкоторое охлажденіе къ нему Муравьева, основывавшееся на неточности въ исполненіи его распоряженій, мы видѣли и ранѣе въ его письмахъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Муравьевъ никогда не могъ ни простить, ни забыть того факта, что непріятельскій дессантъ, спущенный въ де-Кастри въ маѣ мѣсяцѣ, не нашелъ тамъ отпора, ни войскъ, которыхъ слѣдовало выдвинуть къ этому пункту изъ Кизи,—какъ это сдѣлалъ самъ Муравьевъ, лишь только пришелъ въ Маріинскъ. Результатомъ такого распоряженія и было отбитіе осенью того же года второго дессанта, описываемое нами далѣе.

«Петропавловская эскадра,» продолжаетъ Н. В. Шумахеръ, «испытавъ много невзгодъ и часто бывъ на волоскѣ отъ гибели, по случаю тумановъ и мелей, свѣжихъ вѣтровъ и сильныхъ теченій въ узкомъ фарватерѣ, 24-го мая стала на якорь у Лазарева мыса, гдѣ, согласно распоряженію Муравьева, укрѣпила позицію и могла бы встрѣтить съ успѣхомъ непріятельскія силы, но непріятель туда идти не сообразилъ. Непріятельскія суда бросились на югъ. Англійскіе пароходы мчались по разнымъ направленіямъ и перебывали повсюду, исключая того мѣста, куда имъ слѣдовало заглянуть. Непріятель недоумѣвалъ, гдѣ русскія суда, вышедшія изъ Петропавловска? Онъ былъ убѣжденъ, какъ говоритъ одна изъ статей Journal des Débats, что Сахалинъ южнѣе устья Амура и соединенъ съ материкомъ, что между материкомъ и Сахалиномъ, южнѣе перешейка, находится Татарскій заливъ, а сѣвернѣе перешейка—заливъ Сахалинскій. Песчаный баръ помѣшалъ фрегату «Эмфитрайтъ» проникнуть въ рѣку. Высланныя для промѣра гребныя суда, поднявшись довольно далеко по рѣкѣ, не встрѣчали ни русскихъ судовъ, ни укрѣпленій. Непріятель вывелъ заключеніе, что, если баръ не дозволилъ союзнымъ военнымъ судамъ войти въ рѣку, то какъ же могли Русскіе провести свои? поэтому вѣроятно, они скрылись въ какой-нибудь бухтѣ Татарскаго залива, или сожгли свои суда и удалились въ глубь Сибири.

25-го мая работы кипѣли на Лазаревомъ мысу. Эскадра тамъ застала 200 человѣкъ изъ команды фрегата «Паллады», которые, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова,[1] съ

[1] Ив. Ив. Бутаковъ, впослѣдствіи вице-адмиралъ, былъ женатъ на В. В. Давыдовой, дочери декабриста В. Л. Давыдова.

капитанъ-лейтенантами Бирюлевымъ [1] и Шварцемъ, [2] добрались до мыса съ чрезвычайными затрудненіями и большими опасностями. Общее завѣдываніе работами поручено было Лѣсовскому.

28-го мая уже 8 орудій были готовы открыть огонь; на всѣхъ выходящихъ мысахъ поставлены были телеграфы; всѣхъ больныхъ свезли на берегъ. Утромъ 27-го мая пришелъ изъ Николаевска «Аргунь», первый пароходъ, проплывшій по Амуру, и на немъ курьеръ отъ Н. Н. Муравьева, лейтенантъ Бошнякъ, съ приказаніемъ погрузить орудія на транспорты; вскорѣ прибылъ и другой, капитанъ-лейтенантъ князь Максутовъ, съ приказаніемъ все очистить съ Лазарева мыса; и такъ какъ фрегату «Аврора» и корвету «Оливуца» трудно держаться противъ сильнаго непріятеля у этого мыса, то приготовляться ко вводу всѣхъ судовъ нашихъ въ рѣку Амуръ.

Тотчасъ же приступлено къ съемкѣ батарей и погрузкѣ. Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ приказъ у мыса Лазарева, по которому Муравьевъ, прибывшій въ это время къ устью Амура изъ Усть-Стрѣлки, принималъ главное начальство надъ всѣми морскими и сухопутными силами, расположенными по берегамъ Восточнаго океана. Камчатскій губернаторъ, контръ-адмиралъ Завойко, назначался командующимъ морскими силами, въ устьяхъ Амура сосредоточенными; вслѣдствіе чего поступали въ непосредственное его распоряженіе всѣ посты, учрежденные на Амурѣ, исключая Маріинскаго и Александровскаго въ Кизи и де-Кастри (гдѣ, на время военныхъ дѣйствій, должны были находиться сухопутныя войска подъ личнымъ начальствомъ Н. Н. Муравьева), всѣ посты, какіе будутъ учреждены по Амуру между Маріинскимъ и Николаевскимъ, Императорская гавань и Аянскій портъ. По отбытіи же Муравьева, Маріинскій и Александровскій посты должны были поступить въ распоряженіе Завойко. Бывшій начальникъ Амурской экспедиціи контръ-адмиралъ Невельской назначенъ былъ начальникомъ штаба къ генералъ-губернатору.»

Палладскую команду и команду съ фрегата «Уильямъ Пеннъ» предписывалось послать въ Николаевскъ для постройки укрѣпленій и устройства казармъ на зиму.

До ухода эскадры отъ Лазарева мыса присоединилась къ ней 4-го іюня парусная шкуна Хеда, на которой пришелъ изъ Японіи графъ Путятинъ съ капитаномъ 1-го ранга Посьетомъ. [3]

---

[1] Впослѣдствіи флигель-адъютантъ, умершій.

[2] Нынѣ вице-адмиралъ, главный командиръ Кронштадтскаго порта.

[3] Бывшій министръ путей сообщенія.

Надо удивляться смѣлости графа Путятина, рѣшившагося идти въ такое трудное время. Однажды, темною ночью, онъ наткнулся было на англійское судно; Англичане думали, что это свои, подняли крикъ и спасли его тѣмъ только, что посвѣтили ему фонаремъ и дали возможность уйти. Другой разъ онъ завидѣлъ цѣлую непріятельскую эскадру и съ большимъ рискомъ прошелъ подъ самымъ берегомъ. По выходѣ изъ Лаперузова залива гнались за нимъ 3 судна; но онъ, давъ шкунѣ хорошій ходъ, къ разсвѣту ушелъ изъ виду: только три выстрѣла долетѣли до его слуха.

Путятинъ, окончивъ кругосвѣтное свое плаваніе, прибылъ къ Муравьеву въ Николаевскъ съ тѣмъ, чтобы подняться вверхъ по Амуру и слѣдовать въ Петербургъ. Въ распоряженіи Н. Н. Муравьева имѣлось тогда только два рѣчныхъ парохода: «Аргунь», сдѣланный на Петровскомъ заводѣ, который при быстромъ теченіи не могъ идти вверхъ по рѣкѣ, и маленькій пароходъ «Надежда» около 6-ти нарицательныхъ силъ. Муравьеву оставалось предоставить Путятину этотъ послѣдній и, такимъ образомъ, лишить себя единственной возможности возвратиться въ Сибирь по Амуру. Съ Путятинымъ ушли: лейтенантъ Пещуровъ, [1] капитанъ 1-го ранга Посьетъ, лейтенантъ Колокольцовъ, [2] юнкера: Литке и Лазаревъ. [3]

Путешествіе Путятина было сопряжено съ большими затрудненіями. Мѣстами слабосильный пароходъ «Надежда» не выгребалъ противъ теченія, почему иногда приходилось тянуть его на бичевѣ, какъ это было въ такъ называемыхъ щекахъ Амура,—мѣстѣ, которое на протяженіи 150 верстъ пересѣкается скалистымъ хребтомъ Хингана.—Очень можетъ быть, что затруднительность этого пути и лишенія оставили дурное впечатлѣніе въ Путятинѣ и повліяли въ нѣкоторой степени на его взглядъ на Амурское дѣло вообще. Изъ послѣдующаго мы убѣдимся, что онъ относился къ этому дѣлу недовѣрчиво и недоброжелательно.

Послѣ всего вышеизложеннаго ясно, что 2-й Амурскій сплавъ былъ вызванъ тогдашними военными обстоятельствами и необходимостью увеличить наши силы на устьяхъ Амура, гдѣ предположено было сосредоточить суда наши, находившіяся въ Японіи и Камчаткѣ. Сплавъ этотъ раздѣленъ былъ на три рейса и отдѣленія. 1-е состояло изъ 26 баржъ, подъ начальствомъ самого Муравьева; 2-е изъ 64 баржъ, подъ начальствомъ командира

[1] Впослѣдствіи управляющій Морскимъ Министерствомъ и главный командиръ флота и портовъ Чернаго и Каспійскаго морей; нынѣ членъ Государственнаго Совѣта.

[2] Впослѣдствіи контръ-адмиралъ.

[3] Впослѣдствіи адъютанты Великаго Князя Константина Николаевича.

15-го линейнаго баталіона, полковника Назимова, и 3-е изъ 35 баржъ, вмѣстѣ съ купеческими, подъ начальствомъ полковника Карсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту Пріамурскаго края: 13-й, 14-й линейные полубаталіоны и сводный казачій полубаталіонъ. Дивизіонъ линейной горной артиллеріи былъ сплавленъ сюда еще въ 1854 году. Главный грузъ при настоящемъ сплавѣ состоялъ изъ тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій, предназначаемыхъ для укрѣпленія Николаевскихъ фортовъ. Муравьевъ выписалъ эти орудія изъ Западной Сибири. Нельзя представить себѣ, съ какими затрудненіями ихъ везли, впрягая до 60 лошадей на орудіе. Въ Забайкальѣ везли ихъ лошадьми и быками. При спускѣ съ горъ, кромѣ поддержки сзади канатами, впрягали въ корень быка, который, сопротивляясь натиску, вскорѣ обыкновенно падалъ и служилъ живымъ тормазомъ. Въ концѣ спуска, конечно, оказывался уже его трупъ, который Буряты тутъ же и съѣдали. Сплавъ орудій по Амуру былъ не менѣе затруднителенъ. Пушки проламывали днища баржъ, баржи садились на мель, и подымать при этомъ 150-ти пудовыя пушки, особенно въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ вблизи лѣсу, было дѣломъ мучительнымъ до крайности.

При третьемъ рейсѣ этого сплава находилась первая ученая Амурская экспедиція, снаряженная Сибирскимъ отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на счетъ члена соревнователя отдѣла, почетнаго гражданина Степана Ѳедоровича Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амура полпуда золота. Экспедиція состояла изъ членовъ: натуралиста Маака, [1] астронома Межевого, инженера Рожкова, магистра Дерптскаго Университета Герстфельда, прапорщика корпуса топографовъ Зондгагена и чиновника Министерства Финансовъ Кочетова.

Съ этимъ же сплавомъ прибыли въ низовье Амура, подъ распоряженіемъ чиновника особыхъ порученій при Муравьевѣ М. С. Волконскаго, первые русскіе переселенцы — земледѣльцы изъ Иркутскихъ и Забайкальскихъ крестьянъ для водворенія въ мѣстахъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ.

Этотъ первый сплавъ Амурскихъ поселенцевъ сопряженъ былъ съ немалыми затрудненіями и даже бѣдствіями. Переселенцы размѣщены были на 12 баржахъ, управляемыхъ старостами. Скотъ шелъ на отдѣльныхъ баржахъ, и кромѣ того двѣ баржи были нагружены сѣномъ (7.000 пуд.), такъ какъ, въ виду военной необходимости, расчитывалось идти сколь возможно долѣе, не причаливая къ берегу.

[1] Впослѣдствіи членъ Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія.

При партіи переселенцевъ состоялъ врачъ и 2 фельдшера, которыми передъ отплытіемъ былъ произведенъ медицинскій осмотръ всѣмъ переселенцамъ. Рейсъ тронулся изъ Куларокъ и Шилкинскаго завода 14-го мая 1855 года. Теченіе Шилки въ это время было чрезвычайно быстрое, и весенняя вода успѣла значительно обмелѣть, что и было причиною первой неудачи, постигшей переселенческій сплавъ: баржи безпрестанно становились на мель, другія уносились впередъ теченіемъ. Сѣно, развозимое на лодкахъ, не могло быть доставляемо на тѣ баржи, которыя стояли на мели, вслѣдствіе чего скотъ былъ лишенъ пищи, падалъ, и, когда рейсъ собрался у Албазина, то не досчитались 280 головъ рогатаго скота.

Начальнику рейса—полковнику Назимову постоянно докладывалось о необходимости приваливать къ берегу для корма скота каждый вечеръ, или о предоставленіи переселенческому отряду идти особо; но Назимовъ, связанный приказаніями Н. Н. Муравьева, вести войска на Амуръ сколько возможно быстрѣе, не рѣшался на первое и не хотѣлъ допустить второго.

Это бѣдствіе прекратилось лишь тогда, когда достигли Албазина, ниже котораго фарватеръ рѣки не представлялъ болѣе затрудненій, и вода была такъ высока, что баржи проходили надъ островами и растущимъ на нихъ лѣсомъ, покрытыми водою. Кромѣ того и Назимовъ, вынужденный обстоятельствами, рѣшился, послѣ Албазина, дѣлать ночные привалы къ берегу и тѣмъ сохранилъ остальной скотъ, принадлежавшій экспедиціи. Между тѣмъ еще одно бѣдствіе, несравненно болѣе тяжкое, постигло переселенцевъ,—тифъ, который появился, несмотря на самыя благопріятныя гигіеническія условія, какъ-то: теплую и сухую весну, крытыя баржи, горячую мясную пищу, свѣжіе овощи, чай и каждодневную порцію водки. Все это, казалось, должно было оградить ихъ отъ этой болѣзни, но на дѣлѣ вышло иначе: на 5-й или 6-й день плаванія, тифъ началъ развиваться между переселенцами, быстро распространяясь по всѣмъ баркамъ.

13-го іюня, потерявъ 2 баржи, разбитыя бурей, но со спасенными съ нихъ людьми, переселенческій отрядъ пришелъ въ Маріинскій постъ. При отправленіи переселенцевъ въ путь, партія заключала въ себѣ:

рабочихъ душъ мужского пола.	167
нерабочихъ — — —	104
рабочихъ душъ женскаго пола	119
нерабочихъ — — —	91
Всего. .	481

Во время путешествія умерло отъ болѣзней—мужского пола 1 и женскаго пола 1. Родилось во время пути мужского пола 2 и женскаго пола 2.

На трехсотверстномъ разстояніи между Маріинскимъ постомъ и г. Николаевскомъ были выбраны Невельскимъ мѣста для поселеній. но М. С. Волконскій испросилъ разрѣшеніе Муравьева осмотрѣть ихъ предварительно съ выбранными изъ крестьянъ стариками, съ которыми и проѣхалъ до Николаевска и обратно на гиляцкихъ лодкахъ.

Изъ выбранныхъ мѣстъ оказалось пригоднымъ лишь одно, остальныя пришлось занять согласно указаніямъ крестьянъ. Переселенцы были размѣщены въ пяти пунктахъ и образовали *пять* слѣдующихъ поселеній, изъ которыхъ первыя 4 на правомъ берегу Амура, а послѣднее на лѣвомъ:

1) *Иркутское*, близъ озера Іоме.

2) *Богородское*, при впаденіи въ Амуръ р. Тенджи.

3) *Михайловское*, въ которомъ сосредоточилось 25 семействъ, какъ въ мѣстности наиболѣе удобной для сельскаго хозяйства.— близъ Гиляцкой деревни Хилькъ.

4) *Ново-Михайловское*. въ пяти верстахъ ниже предыдущаго и

5) *Сергіевское*, при впаденіи въ Амуръ рѣки Личи, въ 6-ти верстахъ отъ г. Николаевска.

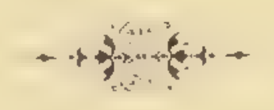
По приходѣ на новыя мѣста, переселенцы размѣстились въ землянкахъ и, прежде чѣмъ приступили къ постройкѣ домовъ и расчисткѣ лѣса,—обязаны были выстроить въ каждомъ пунктѣ общественныя: баню, пекарню и больницу, необходимыя въ санитарномъ отношеніи. Избы были выстроены къ осени, въ теченіе же лѣта была расчищена земля подъ огороды, и въ маломъ количествѣ и подъ озимый посѣвъ хлѣба. Несмотря на всѣ принятыя мѣры: свѣжій хлѣбъ и мясную пищу, запасы хрѣна, лука и кислой капусты,—тифозная эпидемія не прекращалась; не унося много жертвъ, она переходила въ цынгу и обезсиливала крестьянскія семьи. Оба фельдшера, бывшіе при переселенцахъ, умерли. Эпидемія прекратилась по миновании зимы съ наступленіемъ теплаго времени. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть справедливость общепринятаго мнѣнія даже въ Англіи, гдѣ переселенія совершаются при наибольшемъ умѣніи,—что первое поколѣніе никогда не обходится безъ повальной болѣзни, и лишь второе пользуется вполнѣ плодами переселенія.

Для снабженія крестьянъ предметами ихъ домашняго и земледѣльческаго быта, въ виду предоставленнаго Волконскому права распредѣленія между ними заготовленныхъ предметовъ не равно-

мѣрно, а смотря по достатку каждой семьи,—была сдѣлана перепись всего наличнаго имущества, и, согласно ей, семейства снабжали тѣмъ, въ чемъ дѣйствительно нуждались. Столярные инструменты, кузнечные и слесарные раздавались мастерамъ по принадлежности. Тутъ же было прикуплено у казаковъ еще 25 лошадей, такъ что на каждое семейство пришлось не менѣе двухъ головъ, всего же къ осени у переселенцевъ оставлено: лошадей 176, рогатаго скота 217, овецъ и барановъ 92, козы, свиньи и домашняя птица въ достаточномъ количествѣ. [1]

Въ концѣ сентября 1855 года, переселенцы были переданы Волконскимъ въ завѣдываніе Камчатскаго военнаго губернатора Завойко. Намъ остается прибавить, что, по свѣдѣніямъ за слѣдующіе годы, эти первые піонеры крестьянскаго землевладѣнія на Амурѣ обжились, устроились и достигли извѣстной степени благосостоянія, чему не мало способствовали и торговые обороты, заведенные ими съ туземнымъ населеніемъ.

И такъ Амуръ дѣлается Русскою рѣкою. По ней пошло движеніе вверхъ и внизъ; на берегу ея, посреди земель, считавшихся еще Китайскими, явились Русскія селенія, склады провіанта и казеннаго имущества. «Замѣчательно,» пишетъ А. Максимовъ, [2] «что Н. Н. Муравьевъ рѣшился покончить съ Амурскимъ вопросомъ въ самое критическое для Россіи время, когда, имѣя уже дѣло съ сильнѣйшими врагами, ей должно было быть особенно осторожной съ сосѣднимъ государствомъ, имѣющимъ съ ней болѣе пяти тысячъ верстъ общей границы и состоявшимъ уже подъ вліяніемъ нашихъ европейскихъ враговъ. Занятіемъ Амура въ эту самую минуту Н. Н. Муравьевъ указалъ тотъ единственный способъ дѣйствія, который можетъ имѣть успѣхъ при сношеніяхъ съ Китаемъ.»

[1] Изъ оффиціальнаго отчета чиновника особыхъ порученій Волконскаго генералъ-губернатору.

[2] Русск. Вѣстн. 1888 г., январь.

L.

Дипломатическія сношенія наши съ Китаемъ по Амурскому вопросу.—Ожиданіе непріятеля.—Листъ изъ Пекина и отвѣтъ Муравьева.—Встрѣча его близъ Кумарскаго караула съ Китайскими чиновниками.—Листъ чиновниковъ Муравьева къ Мейренъ-Джангину города Сахалянъ-Ула.—Сомнѣніе графа Нессельроде.—Настойчивость Муравьева.—Рѣшеніе Государя.—Приготовленія наши къ отраженію непріятеля.—Дѣйствія Муравьева.—Продолженіе дѣйствій Англо-Французовъ противъ Камчатки.—Непріятели въ Аянѣ и встрѣча ихъ съ архіепископомъ Иннокентіемъ.—Дѣятельность Муравьева въ Николаевскѣ.—Положеніе Николаевска.—Распоряженія Муравьева.—Письмо генерала Дайцынскаго государства къ Муравьеву.—Протоколъ перваго засѣданія съ Китайскими уполномоченными.—Требованіе Муравьева.—Второе засѣданіе.—Выѣздъ Муравьева изъ Николаевска.—Его инструкція.

—

1855 г.

—

Дипломатическія сношенія наши съ Китаемъ по Амурскому вопросу, относительно опредѣленія восточныхъ границъ, доселѣ остававшихся неопредѣленными, продолжались. Такъ, въ началѣ 1855 года, а именно въ февралѣ мѣсяцѣ, Н. Н. Муравьевъ предложилъ Трибуналу отсрочить время переговоровъ до осени по тому случаю, что продолжавшіяся военныя дѣйствія наши съ Англіей обнаружили замыселъ Англичанъ завладѣть нашими приморскими восточными мѣстами, прорваться чрезъ устье Амура и проникнуть въ самую рѣку. Въ листѣ своемъ къ Трибуналу Муравьевъ писалъ:[1] «Англичане въ лѣтѣ минувшаго 1854 года, на шести военныхъ корабляхъ, уже нападали на нашу Камчатку, но были отражены и прогнаны. Великій нашъ Государь Императоръ, не только пекущійся о своихъ владѣніяхъ и своемъ народѣ, но и

[1] П. В. Шумахеръ. Русск. Арх. 1878 г., кн. 8-ая.

желающій сохранить выгоды сосѣдней Дайцынской державы, болѣе 200 лѣтъ съ нами въ дружбѣ состоящей, недавно изданнымъ указомъ повелѣлъ мнѣ, какъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, взять достаточное количество войска, большихъ и малыхъ пушекъ и прочихъ припасовъ, тотчасъ по вскрытіи рѣкъ отправиться къ морю и истребить коварныхъ и своекорыстныхъ Англичанъ. Исполняя волю Монарха, я обязанъ отправиться въ экспедицію на устье Амура и возвратиться оттуда могу только въ октябрѣ: и если Трибуналу угодно будетъ прислать отвѣтъ на сіе на устье Амура, то я съ радостью займусь тамъ этимъ важнымъ дѣломъ (т. е. вопросомъ о территоріальномъ разграниченіи).

Въ ожиданіи же непріятеля на устьяхъ рѣки Амура, Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ были приняты всѣ энергическія мѣры для его встрѣчи. Главная оборона сосредоточена была на мысѣ Лазарева.

Въ это время посланъ былъ изъ Пекина листъ съ требованіемъ, чтобы Китайскіе и Русскіе уполномоченные сошлись въ Ургѣ и отправились къ Горбицѣ. Муравьевъ отвѣтилъ 8-го мая Трибуналу, что листъ этотъ онъ получилъ нынѣ на Амурѣ и, чтобъ не было замедленія, отправляетъ отвѣтъ черезъ городъ Сахалянъ-Ула-Хотонъ. Въ отвѣтѣ своемъ Муравьевъ упоминалъ, что переговариваться съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи предоставлено Великимъ нашимъ Государемъ ему, а онъ, какъ увѣдомлялъ ихъ въ февралѣ, плыветъ теперь съ войсками на устье Амура для защиты его отъ непріятелей. Но желая, сколь можно, поспѣшить совѣщаніями о разграниченіи, готовъ принять Китайскихъ уполномоченныхъ для предварительныхъ о томъ переговоровъ на устьѣ Сунгари-Ула, гдѣ онъ пробудетъ до сентября. Муравьевъ кончилъ свой отвѣтъ тѣмъ, что онъ совершенно согласенъ съ Трибуналомъ, что, по дружескимъ обоихъ государствъ сношеніямъ, въ этомъ важномъ дѣлѣ медленности и проволочки допускать не должно.

Слѣдуя по рѣкѣ Амуру, Муравьевъ близъ Кумарскаго караула встрѣтилъ 12-го мая 4 джонки; на нихъ было нѣсколько Китайскихъ чиновниковъ, отправленныхъ отъ правительства изъ прибрежныхъ Амурскихъ областей на Горбицу для постановленія столбовъ и совѣщаній съ нами о разграниченіи. Муравьевъ объявилъ имъ, что ему необходимо плыть поспѣшно къ устьямъ Амура, и предложилъ чиновникамъ плыть обратно въ Сахалянъ-Ула-Хотонъ, гдѣ и дожидаться дальнѣйшихъ распоряженій изъ Пекина, вслѣдствіе листа, посланнаго имъ въ Трибуналъ: на что они отозвались, что не смѣютъ не исполнить указанія Богды-

хана, т. е. не плыть въ Горбицу, причемъ однако полагаютъ получить вскорѣ повелѣніе слѣдовать для совѣщаній на устье Амура. Тогда Муравьевъ, предоставивъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію и долгу своему, снабдилъ ихъ охранительнымъ билетомъ къ нашимъ начальникамъ, а самъ отправился далѣе по Амуру.

15-го мая чиновники, состоявшіе при Муравьевѣ, послали Мейрень-Джангину города Сахалянъ-Ула листъ, которымъ сообщали, что въ настоящее время генералъ-губернаторъ Муравьевъ направляется къ Восточному морю на устье Амура для защиты его отъ Англичанъ; что при немъ слѣдуютъ 104 большихъ судна, въ числѣ коихъ 1 пароходъ; что съ Амура обратно вверхъ пойдутъ три парохода; что малыхъ судовъ къ устью Амура идетъ 50; что на большихъ судахъ 300 слишкомъ лошадей, 300 головъ рогатаго скота и слишкомъ 8000 людей обоего пола. На большихъ же судахъ помѣщаются пушки, ружья, порохъ и всякое военное оружіе и припасы. Суда, имѣющія билеты, просили не задерживать. Можно себѣ представить, какое сдѣлало это впечатлѣніе на Китайцевъ!

Графъ Нессельроде видѣлъ, что дѣло Амурское ушло изъ его рукъ; онъ написалъ 31-го мая Его Высочеству генералъ-адмиралу, что ему сомнительно, чтобы Китайцы уступили лѣвый берегъ Амура безъ войны, а война къ добру не поведетъ. Но Муравьевъ взялся исправить дипломатическую ошибку графа Нессельроде: онъ твердо рѣшился, если Китайцы будутъ требовать постановки столбовъ отъ рѣки Горбицы, объявить имъ, что не имѣетъ на это полномочія Государя Императора; что подобное разграниченіе совершенно безполезно, когда рѣка Амуръ представляетъ естественную границу, и что если въ листѣ 16-го іюня и упомянуто о постановкѣ столбовъ отъ Горбицы, то ему, Муравьеву, предоставлено было прежде удостовѣриться о возможности исполненія сего, и что, найдя это, по мѣстности, совершенно невозможнымъ, онъ, Муравьевъ, такъ и донесъ Государю и ожидаетъ Высочайшаго повелѣнія трактовать о разграниченіи *возможномъ и удобномъ* для обоюдныхъ пользъ Россійскаго и Дайцынскаго государствъ, особенно въ видахъ защиты рѣки Амура отъ вторженія иностранцевъ.

Въ іюлѣ Его Высочество генералъ-адмиралъ писалъ Муравьеву, что Государь Императоръ соизволилъ признать необходимымъ, въ видахъ развитія Сибирскаго края, «утвердить за Россіею весь лѣвый берегъ Амура» и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи. Потому Государь по-

ручаетъ Муравьеву вступить съ Китаемъ въ сношенія и заключить формальный договоръ.»

Что же касается нашего положенія при 2-мъ сплавѣ, въ виду военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, то оно было таково: контръ-адмиралъ Завойко, по пріѣздѣ Муравьева на устье Амура, былъ командированъ имъ въ Николаевскъ, и эскадра противъ непріятеля осталась въ завѣдываніи Изыльметьева.

Самъ Н. Н. Муравьевъ отправился въ де-Кастри для личныхъ распоряженій надъ отправленными туда войсками, состоявшими изъ своднаго пѣшаго казачьяго полубатальона, части конной сотни и дивизіона горной артиллеріи. Войска эти Муравьевъ расположилъ лагеремъ совершенно скрыто въ лѣсу, поручивъ командованіе оными адъютанту своему, подполковнику Сеславину, и давъ ему надлежащія наставленія въ случаѣ появленія непріятельскихъ судовъ и высадки ими дессанта, съ постоянною цѣлью вызывать таковой, сколь можно болѣе, на берегъ. 25-го и 26-го іюня, у сѣверной оконечности Сахалина, показывались непріятельскія суда и опять скрывались.

Теперь перейдемъ къ Аяну. 2-го іюня четыре американскіе корабля сообщили въ Аянскій портъ, что въ Охотскомъ морѣ крейсеруетъ англо-французская эскадра. Начальникъ порта, капитанъ-лейтенантъ Кашеваровъ, приказалъ всѣмъ компанейскимъ служителямъ прекратить работы и собраться на 1-ой верстѣ по Якутскому тракту за горою, гдѣ было спрятано все имущество изъ гавани и продовольствіе на двѣ недѣли.

27-го числа въ Аянѣ увидѣли трехмачтовый непріятельскій пароходъ-фрегатъ, шедшій безъ флага. Это былъ англійскій фрегатъ, который, войдя въ портъ и не нашедши въ Аянѣ ничего, выбылъ изъ него 9-го іюля, въ тотъ самый день, когда туда прибылъ архіепископъ Иннокентій. Владыка нашелъ портъ въ такомъ видѣ: жителей не было никого, такъ какъ они заблаговременно перебрались за 13 верстъ отъ Аяна въ лѣсъ, предварительно закопавши въ землю находившіяся здѣсь нѣсколько пушекъ для салютовъ и сигналовъ. Непріятелемъ же были сорваны всѣ замки отъ амбаровъ, также и отъ церкви, гдѣ были разбросаны прокламаціи. Преосвященный Иннокентій, несмотря на такое печальное зрѣлище, не упадалъ духомъ и продолжалъ заниматься своими дѣлами и ежедневно совершалъ съ полнымъ благоговѣніемъ богослуженіе, посѣщалъ жителей Аяна, скрывшихся въ лѣсу, ободрялъ ихъ, и, за неимѣніемъ священника, исполнялъ всѣ требы и даже крестилъ новорожденныхъ. 21-го іюля владыка въ Аянской церкви Казанской Божіей Матери совершалъ молебенъ съ колѣно-

преклоненіемъ о дарованіи побѣды надъ непріятелемъ, какъ вдругъ неожиданно вторично прибылъ въ Аянъ англійскій фрегатъ «Барракута» съ командоромъ, а на другой день, 22-го, пришелъ еще фрегатъ «Пикъ» съ офицерами и командою до 1000 человѣкъ, и съ ними находился плѣнный священникъ миссіонеръ Маховъ. По выходѣ на берегъ съ фрегата «Барракута», офицеры узнали, что здѣсь находится архіерей: тотчасъ же отправились къ нему на домъ, но, не заставши его, направились толпой въ церковь, съ шумомъ и крикомъ вошли въ нее въ то самое время, когда преосвященный Иннокентій стоялъ на колѣняхъ и съ благоговѣніемъ, нисколько не смутившись и какъ бы никого не замѣчая, заканчивалъ громко и ясно слѣдующую молитву: «Владыко Господи! услыши насъ, молящихся Тебѣ! Укрѣпи силою Твоею Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя нашего Императора Александра Николаевича, благослови Его дѣла, умножи славу Его побѣдами надъ противоборствующими Православной церкви, утверди всесильною Твоею десницею царство Его, сохрани воинство Его, посли Ангела Твоего, укрѣпляюща ихъ, отыми отъ нихъ всякъ гладъ и пагубу и избави я отъ огня и меча и нападенія врагъ, и отъ всякаго возстанія противнаго» и т. д. Эту молитву Иннокентій произносилъ съ такимъ чувствомъ и одушевленіемъ, что произвелъ необычайное впечатлѣніе на Англичанъ; а его невозмутимо спокойное и притомъ благоговѣйное выраженіе лица окончательно смутило ихъ и заставило смиренно выжидать конца его службы. Послѣ молебна Англичане съ полнымъ уваженіемъ подошли къ преосвященному и объявили ему, что они, по долгу службы, должны будутъ взять его въ плѣнъ; на что преосвященный, засмѣясь и съ своимъ обычнымъ юморомъ, отвѣтилъ имъ, что дескать онъ имъ ни на что не нуженъ, что онъ человѣкъ не военный, слѣдовательно пользы отъ него имъ никакой не будетъ, а, напротивъ, они причинятъ себѣ только убытокъ: «вѣдь, меня кормить надо», добавилъ онъ. Англичане освободили его, но предварительно пригласили его къ себѣ на фрегатъ, потребовали шампанскаго, и первый тостъ провозглашенъ былъ ими за здоровье Иннокентія; и тутъ же сняли съ него портретъ: такъ понравился онъ имъ. Священника Махова также освободили, по просьбѣ Иннокентія. Затѣмъ непріятель занимался подробнымъ осмотромъ мѣстности, съемкой и промѣромъ гавани, перевозкой на суда лѣса, досокъ и разнаго желѣза съ парохода, который зарыть не успѣли: и, налившись въ теченіе нѣсколькихъ дней водою и нагрузившись лѣсомъ, уже не столь густыми толпами посѣщали Аянъ, какъ въ первые дни. 30-го іюля утромъ

показался французскій фрегатъ «Константинъ». 31-го числа въ Ситху ушло 10 французскихъ судовъ. 1-го августа англійскій пароходъ взялъ на буксиръ фрегатъ и ушелъ въ море. На рейдѣ остался французскій фрегатъ «Constantin». Французы объявили, что Англичане искали не столько пушекъ, сколько милліона казенныхъ денегъ, будто бы здѣсь спрятанныхъ, и при этомъ выражали, что взять пушки съ батарей вооруженною рукою они считаютъ дѣломъ понятнымъ, а рыться и искать ихъ въ землѣ—считаютъ для себя унизительнымъ. Они снимали виды окрестностей. 3-го августа, къ вечеру, фрегатъ ушелъ въ море, и на рейдѣ не осталось ни одного непріятельскаго судна.

Всего судовъ въ Охотскомъ морѣ было: 22 французскихъ и 34 англійскихъ.

Дѣла же съ Китайцами шли своимъ чередомъ. Такъ, 12-го августа генералъ Дайцынскаго государства, охраняющій всѣ мѣста по рѣкѣ Амуру, приближенный къ государю сановникъ, князь 6-й степени *И*, послалъ Муравьеву письмо, которымъ извѣщалъ, что посланные Китайскіе чиновники имѣютъ прибыть на Сунгари-Ула для переговоровъ. По требованію Муравьева, Трибуналъ приказалъ имъ быть на устьѣ Сунгари-Ула къ 3-му сентября.

8-го сентября Китайскіе уполномоченные прибыли къ Маріинскому посту. Четверо изъ нихъ были тѣ же самые, которыхъ Муравьевъ встрѣтилъ у Кумарскаго караула въ маѣ мѣсяцѣ. Они были на Горбицѣ, гдѣ долго ожидали повелѣній отъ своего Двора, и потомъ, получивъ таковыя, пошли въ городъ Сахалянъ-Ула, гдѣ къ нимъ присоединились еще четыре чиновника изъ Урги.

9-го сентября въ Маріинскомъ посту составленъ протоколъ перваго засѣданія по случаю совѣщанія съ Китайскими уполномоченными о разграниченіи земель. Муравьевъ, по случаю болѣзни, предоставилъ председательствовать вмѣсто себя контръ-адмиралу Завойко. Китайскимъ чиновникамъ выставлены на видъ быстрыя завоеванія Англіи въ разныхъ частяхъ свѣта, распространившей свои виды и на здѣшнія владѣнія, увлекшей съ собою и Францію и угрожающей Россіи, которая должна принимать всѣ мѣры противъ соединенія вражескихъ силъ.

Китайскимъ уполномоченнымъ сказано было, что правительство наше, вслѣдствіе появленія военныхъ иностранныхъ судовъ у устья Амура, писало въ Китайскій Трибуналъ, что оно не потерпитъ, чтобъ устье Амура было занято какою бы ни было иностранною державою, такъ какъ вершины этой рѣки находятся во владѣніи Россіи, и земли, къ востоку по Амуру лежащія, до-

селѣ остаются неразграниченными. Имъ объявили, что Государь Императоръ повелѣлъ Муравьеву образовать во ввѣренномъ ему краѣ до 100.000 постояннаго войска, имѣя въ виду съ одной стороны необходимость охраненія и защиты рѣки Амура отъ вторженія иностранцевъ, а съ другой возникшія въ то время въ дружескомъ Дайцынскомъ государствѣ смуты, произведенныя, конечно, тѣми же иностранцами. Чиновникамъ Китайскимъ внушено, что защита Амура, дѣятельно и съ огромными издержками предпринятая Россіей, не можетъ быть временной мѣрой. Сосредоточенныя на устьяхъ Амура военныя наши силы и воздвигнутыя укрѣпленія на вѣчныя времена должны еще усиливаться и охранять эту страну отъ всякаго чуждаго вторженія, а потому Муравьевъ требовалъ слѣдующаго:

1. Всѣ мѣста, для этой цѣли занятыя нами тамъ, и *весь приморскій край* должны окончательно остаться во владѣніи Россіи.

2. Для необходимаго и безпрерывнаго лѣтомъ и зимою сообщенія войскъ и крѣпостей нашихъ, на устьѣ Амура находящихся, со внутренними областями нашими (такъ какъ сообщеніе горами, по всѣмъ изслѣдованіямъ, рѣшительно невозможно ни зимою, ни лѣтомъ), намъ должно имѣть свои поселенія на всемъ лѣвомъ берегу Амура, который вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ самую естественную и безспорную границу между обоими государствами. Такимъ только образомъ внутреннія области Восточной Сибири будутъ вполнѣ обезпечены отъ всякаго покушенія иностранцевъ со стороны моря, и такимъ только разграниченіемъ оба государства Китайское и Россійское—устранятъ всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между собою, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ времени возникнуть могущимъ.

Засѣданіе окончилось въ 8 часовъ вечера. Китайскіе уполномоченные просили дать имъ прочтенный протоколъ письменно, такъ какъ иначе они упомнить не могутъ и не могутъ поэтому сдѣлать своихъ замѣчаній.

Второе засѣданіе было 11-го сентября. Уполномоченные явились въ $12^1/_2$ часовъ. По докладѣ о томъ, на засѣданіе прибыли Муравьевъ и Завойко.

Н. Н. Муравьевъ спросилъ уполномоченныхъ, все ли сказанное въ первомъ засѣданіи находится въ бумагѣ, вчера имъ переданной и имъ подписанной? На это уполномоченные заставили младшаго чиновника прочесть на Манджурскомъ языкѣ бумагу: это оказался знаменитый листъ нашего Сената отъ 16-го іюня 1853 года.

Муравьевъ сказалъ имъ, что, единовременно съ отправленіемъ вышепрочтеннаго листа въ Китайскій Трибуналъ, ему,

Муравьеву, было повелѣно Государемъ сначала имѣть совѣщаніе о земляхъ неразграниченныхъ и уже послѣ того приступить къ самому разграниченію. Муравьевъ кончилъ слѣдующими словами: «Сообщая мысли мои, вамъ прочитанныя, прошу представить ихъ Китайскому правительству и быть увѣренными, что главною мыслію нашего правительства есть сохраненіе мира для обоюдныхъ пользъ двухъ великихъ сосѣдственныхъ державъ—Дайцынской и Россійской—на вѣчныя времена.» При этомъ Муравьевъ просилъ поспѣшить отвѣтомъ изъ Трибунала, такъ какъ—время военное, и будущею весною онъ снова долженъ будетъ сплавить по Амуру значительное количество орудій и войска для подкрѣпленія крѣпостей, а также учредить постоянное лѣтомъ и зимою сообщеніе крѣпостей и войскъ нашихъ на рѣкѣ Амурѣ со внутренними областями. Послѣ этого совѣщанія Муравьевъ послалъ о томъ листъ въ Китайскій Трибуналъ отъ 12-го сентября, и просилъ въ то же время ходатайства Его Высочества генералъ-адмирала, чтобы Сенатъ немедленно отнесся въ Трибуналъ, что, дескать, генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву дано повелѣніе, по военнымъ обстоятельствамъ, еще значительнѣе усилить въ будущемъ году защиту устьевъ Амура и снабдить продовольствіемъ тамошнія войска изъ внутреннихъ областей Восточной Сибири, и притомъ просилъ сообщить Китайцамъ, что все, доводимое до свѣдѣнія ихъ Муравьевымъ, основано на данныхъ ему Высочайшихъ повелѣніяхъ.

Н. Н. Муравьеву хотѣлось, чтобы Сенатъ подтвердилъ Китайскому Трибуналу все то, что̀ сообщено имъ. Листъ 5-го года, 4-й луны, 25-го дня говоритъ, что плаваніе судовъ могло быть не иначе, какъ по взаимному соглашенію съ Сенатомъ, то, чтобъ не оставить 4.000 человѣкъ, защитниковъ устьевъ Амура безъ продовольствія, отъ Сената долженъ былъ быть отзывъ; иначе, имѣя въ виду листъ 16-го іюня 1853 года, Китайское правительство могло думать, что Сенатъ иначе видитъ вещи, чѣмъ Муравьевъ и особенно въ отношеніи разграниченія.

Между тѣмъ время приближалось къ осени. Муравьевъ, имѣя въ виду зимовки судовъ нашихъ, нашелъ нужнымъ возвести скорѣе въ Николаевскѣ зданія для помѣщенія 47-го флотского экипажа и госпиталей и, сверхъ того, хотя временныя зданія для зимовки экипажей фрегатовъ—«Паллада», «Діана» и «Аврора»; но такъ какъ расходъ людей для провода судовъ въ рѣку по мелководнымъ мѣстамъ былъ очень значителенъ, то Муравьевъ велѣлъ немедленно соорудить, какъ выше сказано, батареи на Чныррахѣ, Мео и Куэгда въ устьяхъ Амура. Четвертую же батарею, Кон-

стантиновскую, среди Амура, на островѣ, приказалъ начать строить зимою, когда рѣка покроется льдомъ, что представляло удобство для вбитія свай. Въ то же время, при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ, Муравьевъ полагалъ, что никакимъ образомъ не должно удалять силъ нашихъ отъ укрѣпленій, для защиты которыхъ онѣ назначены, а потому распорядился поставить большія суда въ протокѣ Пальво, оставивъ при нихъ только незначительную команду для караула; всѣмъ же мелкимъ судамъ назначилъ зимовать у мыса Куэгда, у Николаевска. Артиллерію съ фрегата «Аврора» Муравьевъ приказалъ отправить осенью въ де-Кастри.

Такимъ образомъ Николаевскъ, два года тому назадъ представлявшій пустынное и дикое мѣсто, теперь, по измѣнившимся военнымъ и политическимъ обстоятельствамъ, сдѣлался вдругъ средоточіемъ нашихъ силъ на Восточномъ океанѣ: а потому неминуемо долженъ былъ привлечь на себя удары непріятеля; вслѣдствіе сего, укрѣпленія его, по распоряженію Муравьева, воздвигались съ лихорадочною поспѣшностью. Онѣ должны были состоять изъ трехъ отдѣльныхъ фортовъ, вооруженныхъ 53 орудіями. Для артиллеріи, доставленной по Амуру, Муравьевъ велѣлъ изготовить лафеты, дабы немедленно замѣнять орудія, которыя будутъ непріятелемъ подбиты.

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ необходимыя приготовленія, Муравьевъ отправился въ Маріинскій постъ; а до появленія непріятеля онъ приказалъ увѣдомлять его еженедѣльно о занятіяхъ въ Николаевскѣ и его окрестностяхъ; съ появленіемъ же непріятельскихъ судовъ у Петровскаго зимовья—ежедневно.

При размѣщеніи же войскъ на зимнія квартиры, Муравьевъ въ приказѣ отозвался о нихъ такъ: «Войска, на устьяхъ Амура сосредоточенныя и имъ распредѣленныя, нигдѣ отъ непріятеля не отступаютъ, въ плѣнъ не сдаются, а побѣждаютъ на своихъ мѣстахъ или умираютъ, памятуя слова Великаго Князя нашего Святослава: *«ту ляжемъ костьми: мертвіи бо срама не имутъ.»*—Герои Петропавловскаго порта», продолжалъ Муравьевъ, «покажутъ намъ примѣръ самоотверженія, Русской силы и безусловнаго повиновенія.» Затѣмъ, въ концѣ сентября, Муравьевымъ были сдѣланы самыя подробнѣйшія распоряженія насчетъ возможной встрѣчи непріятеля весною будущаго 1856 года и относительно продовольствія войскъ и прочаго. Морскія и сухопутныя войска, находившіяся на Амурѣ, также продолжали устроивать для себя зимнія помѣщенія казармами различной величины; въ нѣкоторыя изъ этихъ зданій въ Николаевскомъ, Маріинскомъ и Александровскомъ постахъ войска были уже введены; остальныя должны были быть введены въ половинѣ октября.

LI.

Готовность Муравьева къ отраженію непріятеля.—Прибытіе непріятельскихъ судовъ въ заливъ де-Кастри.—Наши дѣйствія противъ непріятеля. Критическое положеніе Муравьева на баркѣ «Пальметто» и его распорядительность.—Результатъ военныхъ дѣлъ къ концу 1855 года.—Возвращеніе войскъ на зимовку.—Письма Муравьева къ А. И. Заборинскому.—Переговоры Муравьева съ Китайскими уполномоченными.—Муравьевъ въ Аянѣ и выѣздъ его въ Иркутскъ.—Письмо къ Карсакову.

—

1855 г.

—

Надо было ожидать, что непріятель, уже разъ посѣтивши, хотя и безуспѣшно, Камчатку и Аянъ, непремѣнно обратить въ слѣдующемъ году всѣ свои силы къ устьямъ Амура, начиная съ бухты де-Кастри. Имѣя все это въ виду, Муравьевъ усилилъ войска, дабы отразить непріятельскій десантъ, который вознамѣрился бы тамъ утвердиться или проникнуть до Амура: а самъ думалъ подняться изъ Маріинскаго поста вверхъ по Амуру: но пароходъ «Аргунь», послѣ ввода фрегата «Аврора» въ Амуръ, потерпѣлъ поврежденія и, бывъ исправленъ, сѣлъ между Маріинскомъ и Николаевскомъ на мель: шкуна «Востокъ», кромѣ течи въ винтѣ, за осеннимъ мелководіемъ оставлена у Маріинскаго поста; пароходъ «Надежда» еще въ началѣ іюля ушелъ вверхъ по Амуру съ Путятинымъ и не возвращался; пароходъ «Шилка», заложенный въ Шилкинскомъ заводѣ, въ апрѣлѣ спускаясь по Амуру, сѣлъ на мель близъ Кутоманды;—такъ что Муравьевъ принужденъ былъ отправиться черезъ Аянъ, зафрахтовавъ американскій баркъ «Пальметто». Уѣзжая 1-го октября изъ Николаевска, онъ оставилъ мѣстному начальнику, контръ-адмиралу Завойко, собственноручно написанную инструкцію насчетъ занятія

войскъ строевою службою, преимущественно стрѣлковымъ ученіемъ, стрѣльбою въ цѣль и артиллерійскимъ ученьемъ; сдѣлалъ также распоряженія насчетъ возведенія батарей, улучшенія помѣщеній для войскъ, заведенія обширныхъ огородовъ; далъ нужныя наставленія въ отношеніи военныхъ дѣйствій, приказалъ составить гидрографическую карту лимана и его фарватеровъ, опредѣлить астрономическіе пункты, какъ по берегу, такъ и на островѣ Сахалинѣ; сдѣлалъ распоряженіе насчетъ войскъ, имѣвшихъ прибыть въ будущемъ году по Амуру, о пароходахъ, заказанныхъ въ Америкѣ, объ отправленіи частей войскъ вверхъ по Амуру, и, если бы не получилось до ноября съ Амурскою почтою извѣстія о заключеніи мира, фрегатъ «Палладу» велѣлъ затопить въ Императорской гавани, а команду перевести въ Маріинскій постъ.

Между тѣмъ въ де-Кастри ждали непріятеля до конца сентября и наконецъ думали, что онъ ужъ не можетъ придти, а потому одну роту отправили для зимнихъ работъ, оставивъ другую на мѣстѣ,— какъ вдругъ, спустя нѣсколько дней по уходѣ Муравьева изъ Николаевска, именно 3-го октября, показались изъ-за Клостеркампа 3 непріятельскихъ трехмачтовыхъ судна безъ флаговъ, изъ которыхъ 1 парусный фрегатъ и 2 винтовыхъ корвета.

Тотчасъ была пробита въ лагерѣ тревога, и немедленно былъ посланъ нарочный въ Маріинскій постъ съ донесеніемъ къ подполковнику Сеславину о приходѣ непріятеля. Рота, въ числѣ 120 человѣкъ, предназначенная зимовать въ де-Кастри, была разсыпана по опушкѣ лѣса Александровскаго поста. Два горныхъ единорога, подъ прикрытіемъ команды казачьихъ штуцерныхъ, въ числѣ 40 человѣкъ, поставлены были на мысѣ надъ Лаперузовой аркой. Отрядомъ командовалъ, за отсутствіемъ Сеславина, эсаулъ Пузино; первымъ взводомъ лейтенантъ А. М. Линденъ,[1] вторымъ корпуса штурмановъ подпоручикъ Самохваловъ, взводомъ горной артиллеріи — мичманъ Ельчаниновъ. Въ 9 часовъ эскадра, войдя безъ флага на рейдъ, стала на якорь возлѣ американскаго купеческаго судна «Берингъ». Черезъ полчаса вошли на рейдъ фрегатъ и другой винтовой корветъ подъ англійскимъ флагомъ. Спустили гребныя суда, погрузили на нихъ орудія и начали сажать десантъ. Семь вооруженныхъ шлюпокъ, имѣя десанту до 400 человѣкъ, построились въ двѣ колонны и направились къ Александровскому посту на рѣчкѣ Нелли. Гребныя суда, приближаясь къ берегу, были встрѣчены огнемъ нашихъ орудій

[1] Нынѣ контръ-адмиралъ.

и штуцерныхъ: войска, занявъ закрытыя мѣста по опушкѣ лѣса, встрѣтили непріятеля батальнымъ огнемъ. Отвѣтивъ намъ картечью, Англичане немедленно отступили въ совершенномъ разстройствѣ. При отступленіи, одинъ изъ баркасовъ коснулся кормою мели, былъ осыпанъ нашею картечью и съ трудомъ отошелъ изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ.

Въ 2 часа фрегатъ и корветъ приблизились къ берегу и начали осыпать берега наши по всѣмъ направленіямъ бомбами. Отрядъ нашъ былъ поставленъ, по возможности, внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Въ 6 часовъ фрегатъ и корветъ отошли отъ берега. На ночь по берегу оставленъ былъ нашъ наблюдательный пикетъ изъ 30 казаковъ. У насъ убитъ 1 казакъ и 3 ранено.

4-го октября, въ 8 часовъ, непріятельскія суда начали бомбардировку, направляя выстрѣлы на недостроенныя казармы, куда уже перешла часть людей, находившихся въ то время въ лагерѣ; но ядра и бомбы ложились и разрывались, не долетая до казармъ.

Въ 3 часа десантъ, на четырехъ вооруженныхъ баркасахъ, направился къ бухтѣ Сомонъ и началъ дѣлать внѣ выстрѣловъ промѣръ, обстрѣливая берегъ изъ коронадъ. Когда баркасы подошли на выстрѣлъ, эсаулъ Пузино открылъ по нимъ штуцерный огонь, и они поворотили назадъ. Убитъ у насъ одинъ и одинъ раненъ.

Въ тотъ же день прибылъ подполковникъ Сеславинъ и принялъ начальство надъ отрядомъ.

5-го октября пріѣхалъ на берегъ шкиперъ съ «Беринга» и сообщилъ, что непріятельскія суда были: 52-хпушечный фрегатъ «Сибиллъ» и винтовые корветы «Энкаунтеръ» и «Горнетъ» подъ начальствомъ командора Эллiота, изъ эскадры контръ-адмирала Стерлинга. Вооруженные баркасы и вельботъ отправились за мысъ Спасенія въ сѣверную бухту и начали бросать гранаты, находясь сами внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Тотчасъ туда былъ посланъ штуцерный взводъ. Баркасы вернулись на рейдъ. Въ этотъ же день прибыла рота казачьяго полубатальона.

6-го числа «Энкаунтеръ» ушелъ. Фрегатъ открылъ огонь по казармамъ, но вреда намъ не причинилъ: войска изъ нихъ вывели. 7-го числа фрегатъ открылъ сильную канонаду ядрами по берегу, а бомбами и гранатами по казармамъ. Ядра ложились близъ дороги въ лагерь. Того же дня Скобельцынъ привелъ еще 40 казаковъ коннаго Амурскаго полка и 160 рядовыхъ.

8-го октября, въ ночь, послали въ бродъ черезъ бухту Сомонъ 10 казаковъ для занятія пикета у каскада въ бухтѣ «Арбатъ», чтобы предупредить налитіе изъ него водою, а также

и потому. что въ бухту «Арбатъ», повидимому, ходили непріятельскія шлюпки, на которыхъ Англичане охотились. По всему лагерю солдаты наши пѣли пѣсни.

9-го и 10-го числа происходило легкое обстрѣливаніе береговъ, безъ малѣйшаго для насъ вреда. Позиція наша, прикрытая густымъ лѣсомъ, оказалась очень удобною; 17-го октября, послѣ нѣсколькихъ дней стоянки, непріятельская эскадра снялась съ якоря и ушла въ море.

Н. Н. Муравьевъ, вышедшій 1-го октября изъ Николаевска на баркѣ «Пальметто» въ Аянъ, 9-го октября находился въ Сахалинскомъ каналѣ и, ничего не зная о нападеніи непріятеля въ гавани де-Кастри, писалъ Завойко, что ботъ № 1, посланный имъ въ де-Кастри, онъ оставилъ при себѣ въ лиманѣ, для сопровожденія его до выхода въ Охотское море, откуда ботъ возвратится въ Николаевскій постъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ посылать ему свѣдѣнія отъ Сеславина по сѣверному фарватеру.

«Пальметто» былъ небольшой парусный американскій баркъ, съ семью лицами экипажа, включая и капитана, привезшій для экспедиціи сыръ, сельди, окорока и другую бакалейную провизію. Зафрахтовавъ его для переѣзда въ Аянъ, Муравьевъ занялъ съ женою единственную на палубѣ капитанскую каюту, а въ трюмъ, изъ котораго выгрузили означенную провизію, помѣстилъ на соломѣ своихъ штабныхъ офицеровъ и чиновниковъ. При немъ, между прочимъ, были: капитанъ-лейтенантъ князь Оболенскій, подполковникъ Ушаковъ; чиновники: М. С. Волконскій, Н. Д. Свербеевъ, А. И. Бибиковъ, адъютантъ князь Енгалычевъ, докторъ Вейрихъ, офицеръ Медвѣдевъ, чиновникъ Казариновъ, юнкеръ Раевскій и др.; всего 30 человѣкъ, и столько же нижнихъ чиновъ.

Выйдя къ островамъ Хагимифъ, баркъ заштилѣлъ; несмотря на холодъ и обледенѣлыя снасти, Муравьевъ приказалъ верповаться;[1] а такъ какъ команды было мало, то, по его предложенію, работали всѣ, отъ старшаго офицера до солдата. Этимъ онъ подвинулся на нѣсколько кабельтовыхъ, затѣмъ подулъ маленькій вѣтерокъ, который помогъ пройти нѣсколько миль къ ночи: такимъ образомъ перешли на Сахалинскій фарватеръ, гдѣ бросили на ночь якорь, а къ разсвѣту, пользуясь легкимъ вѣтромъ, пошли вдоль Сахалина въ Охотское море. На другой день утромъ береговой пикетъ, слѣдившій за движеніемъ «Пальметто», былъ крайне удивленъ, увидѣвъ передъ собой вмѣсто этого барка непріятельскій пароходъ.

[1] Тянуться, завозя верпъ (маленькій якорь).

«Вотъ что значитъ», пишетъ Н. В. Шумахеръ. [1] «не терять въ критическихъ обстоятельствахъ времени: не будь энергическихъ распоряженій Муравьева на баркѣ «Пальметто», непріятель захватилъ бы всѣхъ живьемъ.»

При входѣ въ Охотское море, Муравьева встрѣтила новая неожиданность: французскій трехмачтовый корабль лавировалъ противъ пролива, блокируя его съ сѣвера. Увидя баркъ «Пальметто», онъ тотчасъ же погнался за нимъ, но стоявшіе на Охотскомъ морѣ октябрьскіе туманы спасли «Пальметто». Оба судна были парусныя, противные вѣтры не дозволяли прямолинейнаго пути, и непріятельскій корабль, лавируя, постоянно терялъ баркъ изъ виду. «Когда туманъ разсѣивался,» говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, «мы видѣли непріятеля то впереди, то позади, то въ сторонѣ отъ себя, и затѣмъ опять скрывались отъ его глазъ. Эта погоня продолжалась 10 дней. На морѣ стояли осеннія бури и сильные морозы. Волны бросали маленькій баркъ какъ скорлупу: перекатываясь черезъ него, онѣ обледеняли палубу и снасти, такъ что ходить по обмерзшей палубѣ было невозможно, и мы почти все время должны были сидѣть въ трюмѣ, лишенномъ дневного свѣта. Наконецъ, 18-го числа «Пальметто» вошелъ въ портъ Аянъ. Но и тутъ не сразу Муравьевъ оказался въ безопасности: на второй день съ обсерваціоннаго пункта дано было знать, что непріятельскій корабль показался на высотѣ порта и держитъ на него курсъ. Аянъ, какъ факторія частной компаніи, не имѣлъ ни укрѣпленій, ни орудій; войска не было вовсе. Муравьевъ приказалъ отступить въ горы. Въ темную ночь, при падавшемъ хлопьями снѣгѣ, кто верхомъ на оленѣ, кто, за неимѣніемъ оленя, пѣшкомъ, его штабъ и военныя лица, находившіяся въ факторіи, выступили по дебрямъ къ перевалу черезъ Джугъ-Джуръ, у подножья котораго остановились, ожидая дальнѣйшихъ извѣстій. Черезъ сутки пришла вѣсть, что непріятельскій корабль не рѣшился войти въ портъ и ушелъ въ море. Всѣ возвратились въ Аянъ, гдѣ каждый занялся подъ руководствомъ Муравьева своимъ дѣломъ.

Между тѣмъ контръ-адмиралъ Завойко, получивъ свѣдѣнія о появившемся непріятельскомъ пароходѣ и о томъ, что у Петровскаго зимовья, около выхода въ Сахалинскій каналъ, видѣнъ былъ непріятельскій корабль, рѣшилъ, что Муравьевъ взятъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ штабомъ, и тотчасъ командировалъ съ донесеніемъ о дѣлѣ въ де-Кастри Чихачева сухимъ путемъ, через Удскій острогъ, на Якутскъ, въ Иркутскъ и Петербургъ, адресо-

---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. 8-ая.

валъ конвертъ на имя Муравьева, а въ случаѣ его плѣна—Его Высочеству генералъ-адмиралу Константину Николаевичу.

«Итакъ мы видѣли», продолжаетъ Н. В. Шумахеръ, «что край, о которомъ не думали впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, является мѣстомъ пристанища нашей эскадры въ самый критическій моментъ войны, требовавшей напряженія всѣхъ силъ и поглощавшей всѣ средства государства. Если, какъ инымъ кажется, были ошибки и увлеченія, то онѣ объяснятся со временемъ дальновидными цѣлями, неразрывно связанными съ совершившимися уже фактами.

Союзники въ 1854 и 1855 гг. располагали громадными силами; подкрѣпленіе за подкрѣпленіемъ стремилось къ нимъ изъ Европы; предписанія—одно другого рѣшительнѣе, одно другого настойчивѣе, посылались Англійскимъ адмиралтействомъ и Французскимъ правительствомъ; отъ адмираловъ требовалось, чтобы въ этихъ моряхъ не было и помину о нашихъ крейсерахъ, чтобы всѣ укрѣпленія и учрежденія наши были разрушены; и что же? Какъ бы наперекоръ, ничего не сдѣлано. Успѣхи непріятеля ограничились тѣмъ, что онъ завладѣлъ въ Петропавловскѣ разоруженнымъ судномъ «Аянъ», взялъ купеческій корабль «Ситху», сжегъ въ Петропавловскѣ рыбный сарай и захватилъ баркасъ съ брига «Охотскъ».

Попытки непріятеля въ сѣверномъ и южномъ проходахъ въ Амуръ остались безуспѣшны. Въ де-Кастри и Аянѣ дѣйствія союзниковъ были безъ послѣдствій. «По уходѣ Англичанъ изъ де-Кастри», пишетъ К. Б. Чаплеевскій, [1] «войска возвратились въ Кизи и расположились спокойно на зимовку. Сеславинъ съ казаками и 2-мя ротами 14-го батальона расположился въ Александровскомъ посту, а Назимовъ съ 15-мъ батальономъ—въ Маріинскомъ ($1^1/_2$ версты одинъ отъ другого). Кромѣ того въ Кизи зимовали: экипажъ со шкуны «Востокъ» съ капитаномъ своимъ В. А. Римскимъ-Корсаковымъ, адмиралъ Невельской съ семействомъ, Н. Н. Бутаковъ, чиновникъ Анненковъ и другіе. Посты были уже порядочно обстроены, а Маріинскій постъ имѣлъ видъ деревни. Кромѣ казармъ, былъ выстроенъ госпиталь со своими службами, цѣлая слободка образовалась изъ офицерскихъ домиковъ и избушекъ семейныхъ нижнихъ чиновъ.

Какъ только сталъ Амуръ, и началась рыбная ловля, были пріобрѣтены ротами ѣздовыя собаки; на нихъ разъѣзжали артельщики подъ наблюденіемъ офицеровъ для закупа у Гилякъ рыбы

[1] Записки изъ архива князя М. С. Волконскаго.

и звѣрпнаго мяса. Хотя рыба давалась нижнимъ чинамъ въ изобиліи, но все-таки цынга развивалась все болѣе и болѣе: ни примѣсь ко щамъ *черемши* (родъ дикаго чеснока), разысканной съ неимовѣрными усиліями по указанію Гилякъ, ни частыя винныя порціи, ни разныя развлеченія, придумываемыя офицерами въ видѣ театровъ, игръ, маскарадовъ, чтеній и проч., ничто не могло помочь—все оказалось безсильнымъ. Изнуренные двухгодовымъ трудомъ по снаряженіи экспедицій, солдаты 15-го баталіона страдали больше другихъ. Къ веснѣ усилилась значительно и смертность: бодрость духа въ войскѣ, поддерживаемая наиэнергичнѣйшимъ образомъ всѣми офицерами, работавшими въ этомъ случаѣ и сознательно и систематично, стала все-таки слабѣть: тоска есть, между прочимъ, прямое свойство этой ужасной болѣзни. Здоровыхъ людей почти-что не было, но ложились только тѣ, у кого болѣзнь свела уже члены, и движеніе становилось невозможнымъ.

Е. И. Невельская и г-жа Назимова принимали самое живое, почти самоотверженное, участіе въ поддержаніи энергіи въ офицерскомъ обществѣ. По вечерамъ собиралось все общество у нихъ. Гостепріимный А. А. Назимовъ, жившій вмѣстѣ съ Невельскимъ, былъ всегда всѣмъ радъ. Танцовали часто, причемъ, за недостаткомъ дамъ (ихъ было только двѣ), переодѣвались въ женскіе костюмы молодые офицеры: В. А. Римскій-Корсаковъ, И. И. Бутаковъ и друг.

Посѣщалъ зимующихъ въ Кизи и архіепископъ Иннокентій. Его простое, христіанское, ко всемъ одинаковое отношеніе, высокая любовь къ ближнему и гуманная снисходительность къ людямъ, при строгости только къ себѣ лично, внушали всѣмъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданій, какое-то особое теплое чувство: всѣ шли къ нему одинаково и за помощью, и за совѣтомъ, и такъ просто побесѣдовать: всѣхъ онъ принималъ одинаково, со всѣми велъ длинные разговоры, и всякій уходилъ отъ него, освѣжившись. Онъ былъ изъ ряда выходящихъ архипастырей въ чистомъ, идеальномъ, христіанскомъ духѣ.»

Н. Н. Муравьевъ, послѣ всѣхъ своихъ неудачъ подняться изъ Николаевска вверхъ по Амуру, и послѣ своего критическаго положенія при плаваніи на американскомъ баркѣ «Пальметто», рискуя попасться или въ плѣнъ непріятелю, или быть затертымъ льдами, 18-го октября, какъ намъ извѣстно, прибылъ въ Аянъ и на другой день своего пріѣзда, подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ отъ своего путешествія, писалъ завѣдывающему казачьимъ отдѣленіемъ Главнаго Управленія Восточной Сибири подполковнику А. И. Заборинскому слѣдующее: «Всѣ мы въ Аянѣ,

а Карсаковъ и Буссе ѣдутъ въ Иркутскъ: первый съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же отправиться въ Петербургъ, а второй—въ Забайкальскую область для снаряженія третьей экспедиціи по Амуру основательно, какъ написано отъ меня Карлъ Карловичу [1] съ Сухотинымъ, и пишется триплакатъ теперь. Не знаю, кто виноватъ, что не пришла «Шилка», но теперь этотъ грѣхъ обошелся, а если бъ всѣ мы были затерты льдами или взяты въ плѣнъ, или даже я долженъ былъ остаться зимовать на Амурѣ, то отвѣтъ на виновныхъ палъ бы тяжкій. На Амурѣ я лично убѣдился въ недобросовѣстности работы Петровскаго завода: они свинцомъ заливали раковины въ чугунѣ: правду сказать, что во всей Россіи только одни Горные способны на подобную штуку.

Такъ какъ я не ранѣе поспѣю въ Иркутскъ, какъ черезъ шесть недѣль, то, не теряя времени, распоряжайтесь снаряженіемъ 3-й Амурской экспедиціи и постройкой парохода въ 50 силъ по чертежу «Шилки».

Я имѣю здѣсь извѣстія изъ Петербурга только отъ 30-го іюня послѣднія, а потому знаю весьма мало о Европейскихъ дѣлахъ; но то, что̀ знаю, весьма неутѣшительно, и вижу только, что мы падаемъ, падаемъ и падаемъ.» Послѣ этого письма, Муравьеву пришлось еще долго проживать въ Аянѣ въ ожиданіи снѣга, такъ какъ пути не было. «Снѣгъ не идетъ,» писалъ Муравьевъ къ Заборинскому отъ 30-го октября, «и я невольно долженъ откладывать выѣздъ мой отсюда; но, дабы не терять времени, отправляю Попова съ топографами и картами: они сумѣютъ проѣхать и безъ снѣга, а въ Иркутскѣ надобно ихъ тотчасъ посадить за работу, отдѣлать все то, что̀ было снято въ нынѣшнемъ году на Амурѣ. Вы увидите, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, изъ бумагъ, которыя къ вамъ Раевскій привезетъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ Карсакова, что̀ у насъ дѣлается на Амурѣ въ отношеніи политическомъ: разумѣется, что всѣ эти бумаги, хотя и адресованныя на имя Его Высочества, но останутся въ Иркутскѣ, ибо Карсаковъ уже повезъ къ Его Высочеству подлинныя. Для пользы Россіи желать надобно, чтобы переговоры съ Китайцами окончились дружелюбно, ибо трудно ожидать, чтобы въ Петербургѣ рѣшили окончить *ихъ иначе*, если Китайское правительство не согласится на мои предложенія *добромъ;* тѣмъ не менѣе я долженъ быть готовъ на всѣ случайности и, по крайней мѣрѣ, во-время показать Китайцамъ нашу готовность двинуться въ Монголію и Манджурію, если они вздумаютъ препятствовать нашему сплаву въ будущемъ году по Амуру.

[1] Вендель.

Надобно тотчасъ написать къ Безаку, чтобы намъ выслали какъ можно болѣе формъ для французскихъ пуль, которыя изъ простыхъ нашихъ ружей бьютъ очень хорошо на 900 шаговъ; у насъ была всего одна такая форма и оставлена на Амурѣ, гдѣ всѣ пули въ нее переливаютъ. Сообщаю вамъ всѣ эти соображенія для надлежащихъ съ вашей стороны справокъ и доклада мнѣ обо всемъ, когда я пріѣду въ Иркутскъ.»

Китайскія же дѣла наши были въ такомъ положеніи: ровно черезъ три мѣсяца послѣ письма генерала Дайцынскаго государства князя 6-ой степени *И* къ Н. Н. Муравьеву отъ 12-го августа, Китайскій главнокомандующій Великой Хуанди писалъ 12-го ноября Сахалянъ-Уласскому джангину (помощнику дивизіоннаго командира) Фуль-Хунгѣ о томъ, что *вышелъ указъ Богдыхана, чтобы въ будущемъ, 1856 году, не позволялось Русскимъ судамъ спускаться по рѣкѣ.*

Муравьевъ не сомнѣвался, что мѣра эта измѣнится вслѣдствіе переговоровъ его, бывшихъ въ Маріинскомъ посту съ Китайскими уполномоченными. Дружескій тонъ послѣднихъ листовъ доказывалъ, что Китайское правительство, несмотря на изложенное въ нихъ запрещеніе, отнюдь не желаетъ поставить себя во враждебныя отношенія съ нами и, говоря о неприкосновенности рѣки Амура, какъ своего достоянія, защищаетъ его (какъ полагалъ Муравьевъ) только потому, что доселѣ ясно и опредѣленно нами не была высказана необходимость, заставляющая Русское правительство поставить Амуръ граничною чертою между двумя государствами.

Въ послѣднемъ листѣ 25-го числа, 4-й луны, Трибуналъ обѣщалъ намъ, въ случаѣ нужды, позволить плаваніе по Амуру послѣ взаимной переписки обоихъ правительствъ. Причина такой явной уступки Китайскаго правительства заключалась единственно въ опасеніи разрыва съ Россіей, которое, при безпокойствахъ внутреннихъ и энергическихъ настояніяхъ Муравьева, безъ всякаго сомнѣнія должно было дать уступчивое направленіе Китайской политикѣ съ нами. Относительно же вышеупомянутаго указа о недозволеніи намъ плаванія въ 1856 году, —Фуль-Хунга, изъ личнаго уваженія къ Муравьеву, рискуя на себя навлечь гнѣвъ своего начальства, оказывалъ содѣйствіе и пособіе нашимъ запоздавшимъ лицамъ и командамъ, подымавшимся вверхъ по Амуру, снабжалъ ихъ лошадьми и провизіей, отказываясь отъ всякой за то платы и вознагражденія, а въ письмѣ своемъ отъ 1-го ноября къ Муравьеву писалъ: «Вы, почтеннѣйшій, великій главнокомандующій Муравьевъ, своею справедливостью, точностью и не-

обыкновенною твердостью навсегда оставили такую по себѣ славу, что обитатели нашей Черной рѣки вѣчно будутъ превозносить васъ похвалами.»

Муравьевъ, какъ намъ извѣстно, проживалъ въ Аянѣ въ ожиданіи снѣга, пользуясь тѣмъ временемъ для изготовленія своихъ распоряженій относительно Амурской экспедиціи слѣдующаго года. Лица, составлявшія его штабъ, были отправляемы имъ въ Иркутскъ. Онъ распредѣлилъ ихъ отъѣздъ заранѣе, смотря по спѣшности лежавшаго на каждомъ изъ нихъ порученія. Отъ Аяна до Нелькана приходилось ѣхать верхомъ на оленяхъ, а оттуда, вдоль по р. Маѣ,—болѣе удобнымъ путемъ, на собачьихъ нартахъ. При недостаткѣ оленей и собакъ, положено было выѣзжать по очереди изъ Аяна черезъ каждые три дня по три человѣка вмѣстѣ. Эта очередь была установлена, чтобы дать оленямъ и собакамъ время для обратнаго возвращенія на станцію и отдыха, и не будь ея установлено, могли бы всѣ зазимовать въ Аянѣ. Однимъ изъ послѣднихъ выѣхалъ Муравьевъ съ женою и, прослѣдовавъ черезъ Якутскъ, прибылъ въ Иркутскъ въ концѣ декабря. Оттуда онъ писалъ къ М. С. Карсакову въ Петербургъ отъ 20-го декабря: «Вернувшись въ Иркутскъ только 15-го декабря, я уже не полагалъ возможнымъ письму моему застать тебя въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, что пріѣздъ твой въ Петербургъ долженъ былъ быть очень кстати, ибо, по письму Ребиндера, тамъ какія-то являются затѣи на Амуръ, мнѣ или неизвѣстныя, или слишкомъ извѣстныя. Пріѣзжай, разскажи—что̀ и какъ, но, по моему мнѣнію, западныя дѣла наши въ самомъ отчаянномъ видѣ, если не совершились общія перемѣны въ военной администраціи. Теперь я ничего не жду и распечатываю русскія газеты не съ любопытствомъ, а съ огорченіемъ.»

LII.

Слухи о недозволеніи Китайскимъ правительствомъ болѣе сплавовъ по Амуру. — Командировка по сему случаю М. С. Волконскаго въ Монголію и результатъ этой командировки. — Выѣздъ Н. Н. Муравьева изъ Иркутска. — Повелѣніе Государя о пріостановкѣ сношеній съ Китайскимъ Трибуналомъ. — Пріѣздъ Муравьева въ Петербургъ. — Его докладъ о необходимости дарованія ему формальнаго уполномоченія для переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. — Опроверженія имъ всѣхъ доводовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. — Командировка подполковника Моллера съ предписаніемъ Карсакову относительно сплава экспедиціи. — Письма Муравьева къ Карсакову и отъѣздъ его за границу. — Спускъ Карсакова по Шилкѣ въ Амуръ. — Встрѣча его съ Манджурскими чиновниками и переговоры съ амбанями. — Постановка Русскихъ постовъ по Амуру и спускъ 3-го Амурскаго рейса подъ начальствомъ Буссе. — Письмо Свербеева къ Карсакову. — Письма Муравьева къ брату, Свербееву и Карсакову изъ-за границы.

1856 г.

Въ Иркутскѣ Муравьева встрѣтили недобрыя вѣсти изъ Китая, доходившія преимущественно чрезъ посредство Китайскихъ купцовъ, торговавшихъ съ нашими на границѣ. Утверждали, что Китайское правительство вознамѣрилось не допускать болѣе сплавовъ по Амуру, и что съ этою цѣлью двинуты были къ теченію рѣки войска изъ южной Монголіи. Между тѣмъ 3-я экспедиція Муравьевымъ была рѣшена, и сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія для ея приготовленія. Онъ счелъ нужнымъ провѣрить эти слухи, отъ справедливости которыхъ могли зависѣть размѣры приготовляемой экспедиціи.

Сдѣлать это было не легко, такъ какъ въ предѣлы Китая въ то время впускались только курьеры, отправляемые съ бумагами, слѣдовавшими изъ Петербурга въ Пекинъ, и пріискать другой способъ представлялось невозможнымъ. Неожиданно, 12-го

января, полученъ былъ изъ Петербурга листъ въ Китайскій Трибуналъ Внѣшнихъ Сношеній, которымъ Муравьевъ и воспользовался. Онъ тотчасъ вызвалъ къ себѣ М. С. Волконскаго и приказалъ ему въ тотъ же вечеръ выѣхать въ Монголію, вручивъ ему для передачи правителямъ—Амбаню-Бэйсе и амбаню означенный листъ. Въ данномъ Волконскому предписаніи, отъ 12-го января 1856 года, ничего не говорится о главной цѣли его посылки, но Н. Н. Муравьевъ тутъ же самъ ему продиктовалъ особую инструкцію. Приводимъ ее, какъ документъ, характеризующій наши отношенія того времени къ Китаю: [1] «Хотя вы и отправляетесь въ Ургу, какъ посланный отъ Кяхтинскаго градоначальника къ Амбаню-Бэйсе, но не должны скрывать, что состоите при мнѣ лично, были со мною на Амурѣ, и отправлены изъ Иркутска прямо въ Ургу, по важности бумагъ изъ Сената въ Трибуналъ, немедленно по полученіи таковыхъ въ Иркутскѣ, и вслѣдствіе сего можете разсказать, что я долженъ былъ оставаться на устьѣ Амура по случаю нападеній непріятеля, что непріятельскія суда были отбиты съ большимъ урономъ, и что вслѣдствіе этого отбитія я благополучно возвратился *внѣшнимъ моремъ*, такъ какъ по Амуру было идти уже поздно.

Амбаню-Бэйсе передайте отъ меня дружественный поклонъ и скажите, что, не имѣя права вести съ нимъ письменныхъ сношеній, я, отправляя васъ, состоящаго при мнѣ чиновника, поручилъ вамъ сказать ему это лично.

Разсказывайте о нашихъ дружественныхъ сношеніяхъ на Амурѣ и объ особенномъ благоволеніи, которымъ пользуется отъ меня находящійся въ г. Айгунѣ Мейрень-Джангинъ Фуль-Хунга, который оказываетъ такое усердное содѣйствіе всѣмъ нашимъ людямъ, по Амуру проходящимъ, о чемъ я писалъ и въ Пекинскій Трибуналъ и въ нашъ Сенатъ. Онъ совсѣмъ иначе дѣйствуетъ, чѣмъ его предмѣстникъ, отозванный два года назадъ.

При *вопросѣ*—но лишь при вопросѣ—о войскахъ, скажите, что я собираю въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири огромныя силы, ибо ожидаю, что непріятели будутъ увеличивать свои средства. Что же касается Китая, то, кромѣ дружескаго расположенія нашего правительства къ Китайскому, я лично дружески расположенъ ко всему ихъ государству, и, если придется, то скажите, что нашъ главнокомандующій очень дорожитъ милостью Богдыхана и очень бы желалъ, чтобы Богдыханъ о немъ нашему Государю хорошо сказалъ.

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

Намекните, что главнокомандующій готовъ и помогать Китаю противъ кого угодно Англичанъ ли или Французовъ, лишь бы Китайское правительство попросило о томъ наше правительство. Старайтесь почерпнуть, сколько можно, свѣдѣній объ ихъ мнѣніи и понятіяхъ о нынѣшней войнѣ, о насъ и нашихъ непріятеляхъ и внушать недовѣріе къ Англичанамъ, захватившимъ Индію (Енеткэкъ), которая не меньше самого Китая. Скажите, что я на самое короткое время поѣхалъ для личнаго свиданія съ Государемъ въ Петербургъ, куда вы должны немедленно ко мнѣ пріѣхать.

Главное же, выясните, если возможно, изъ разговоровъ съ амбанями на аудіенціи и соберите изъ-подъ руки подробныя данныя о томъ, справедливы ли приносимыя къ намъ изъ Китая вѣсти, точно ли правительство намѣрено воспрепятствовать нашему сплаву, и дѣйствительно ли заготовляются имъ для сего военныя силы. Исполните все это, сколько можно быстрѣе и даже вопреки установившихся правилъ китайскаго этикета.»

Съ добытыми свѣдѣніями Муравьевъ приказалъ М. С. Волконскому пріѣхать прямо изъ Манджуріи курьеромъ въ Петербургъ, куда самъ и отправился.

М. С. Волконскій, взявъ съ собою въ Кяхтѣ опытнаго переводчика Шишмарева и нѣсколькихъ казаковъ, знакомыхъ съ Монгольскимъ языкомъ, и получивъ отъ Кяхтинскаго коммисара Деспотъ-Зеновича, замѣнившаго Ребиндера, препроводительное письмо къ амбанямъ и подарки для Ургинскихъ властей, отправился верхомъ въ Ургу. Быстрое исполненіе порученія представило значительныя затрудненія, такъ какъ зима стояла холодная, и Китайскіе чиновники *Бошхо* и *Дзангинъ* (смотритель станцій), назначенные съ верховыми конвойными провожать курьера до Урги и обратно, жаловались на то, что не могутъ выносить большихъ переѣздовъ при глубокихъ снѣгахъ и морозѣ въ 32°; равно и этикетъ, требовавшій, чтобы аудіенція была назначаема на третій день по пріѣздѣ, и чтобы между первой и прощальною аудіенціями проходило не менѣе трехъ сутокъ,—долженъ былъ удлинить поѣздку; однако же не только сопутствовавшіе чиновники, но и амбани, видя настоянія, исходившія изъ словесныхъ указаній генералъ-губернатора его посланному, оказались чрезвычайно уступчивыми и внимательными. Амбанемъ-Бэйсе былъ *Дилэка-Дарджи*, родомъ Монголъ, по происхожденію князь и считавшійся въ свойствѣ съ Богдыханомъ, съ которымъ онъ и воспитывался. Онъ слылъ за дѣльнаго и образованнаго человѣка, такъ что, при его достоинствахъ и связяхъ, ни одно изъ пограничныхъ дѣлъ не рѣшалось въ Пекинѣ безъ его мнѣнія. Должность амбаня занималъ Манджуръ

Сектунга, бывшій дзаргучей въ Кяхтинскомъ Маймачинѣ, повышенный по рекомендаціи Русскаго правительства. Амбанямъ были вручены: два листа изъ Правительствующаго Сената (Министерства Иностранныхъ Дѣлъ) въ Пекинскій Трибуналъ и одинъ отъ генералъ-губернатора и два пакета на имя тогдашняго начальника Пекинской духовной миссіи архимандрита Палладія. Разговоръ на аудіенціи, сначала сдержанный и несущественный, перешелъ мало-по-малу въ совершенно необычный и коснулся всѣхъ вопросовъ, намѣченныхъ Муравьевымъ. Правители долго разспрашивали о Восточной войнѣ и ея причинахъ, причемъ Амбань-Бэйсе замѣтилъ, что никакъ не можетъ понять, почему, «когда Россія ведетъ войну съ Турціею, Англія и Франція въ нее вмѣшиваются, тогда какъ это совсѣмъ ихъ не касается....»;—объ отраженіи союзниковъ въ Камчаткѣ и на устьѣ Амура: о томъ, куда ушли ихъ корабли послѣ этого; о томъ, оказываютъ ли намъ содѣйствіе Китайскіе чиновники во время плаванія по Амуру: говорили, что они смотрятъ на два нашихъ плаванія, какъ на новое средство скрѣпить дружбу между обоими государствами. Но какъ только вопросъ коснулся предстоящаго плаванія, какъ уже рѣшеннаго генералъ-губернаторомъ, они обошли его молчаніемъ. Тѣмъ не менѣе, впослѣдствіи, изъ долгой бесѣды со старшимъ Монгольскимъ секретаремъ и любимцемъ Амбаня-Бэйсе *Тотти*, съ начальникомъ почтоваго округа (*Тусулакчи*) и другими чиновниками, удалось вывести заключеніе, что препятствовать сплаву войскъ по Амуру, для войны съ Англичанами и Французами, Китайцы не намѣрены; а въ то же время, благодаря переводчику Шишмареву, имѣвшему въ Ургѣ большія связи, и казакамъ, нѣсколько разъ тамъ бывавшимъ, были собраны отъ купечества и ламайскаго [1] духовенства свѣдѣнія о томъ, что никакихъ военныхъ приготовленій въ Монголіи не дѣлается. [2]

Запасшись всѣми этими данными, М. С. Волконскій, послѣ прощальной аудіенціи, получивъ богатые подарки и суточныя деньги въ формѣ кирпичей чая для себя и для лицъ, ему сопутствовавшихъ, тѣмъ же верховымъ путемъ выѣхалъ изъ Урги въ Кяхту, оттуда отправился прямо въ Петербургъ и привезъ Муравьеву собранныя свѣдѣнія, послужившія нѣкоторымъ образомъ къ опредѣленію размѣровъ снаряжаемой 3-й экспедиціи на Амуръ.

Въ Петербургѣ между тѣмъ происходило иное. Государь Императоръ повелѣлъ пріостановиться всякими сношеніями съ

[1] Въ Ургѣ сосредоточивалось до 10 т. ламъ.

[2] Изъ подлиннаго донесенія М. С. Волконскаго.

Китайскимъ Трибуналомъ до полученія отъ него отвѣта на листъ Сената; а листъ, который проектировалъ Муравьевъ, велѣно было оставить, не предъявляя Китайцамъ никакихъ новыхъ домогательствъ.

Все это было слѣдствіемъ представленій Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, которое испугалось листа, полученнаго въ Петербургѣ въ началѣ февраля 1856 года. Листъ этотъ былъ отъ трехъ главныхъ начальниковъ Китайскихъ пограничныхъ областей, амбаней — Гиринскаго, Амурскаго и Ургинскаго. Они ссылались на Нессельродовскій листъ 16-го іюня 1853 года о постановкѣ столбовъ. «Мы», говорятъ они, «выслали чиновниковъ; но вашъ генералъ-губернаторъ, для защиты отъ нападенія англійскаго флота, занялъ на р. Сунгари отъ моря *нѣсколько городовъ* и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева.»

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ считало крайнимъ предѣломъ дипломатическаго искусства «испросить у Китайцевъ права плаванія по Амуру и учрежденія на сей рѣкѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, станцій для склада нужныхъ заготовленій провизіи и топлива.

«Къ счастію», пишетъ П. В. Шумахеръ,[1] «въ это время прибылъ въ Петербургъ самъ Муравьевъ. Онъ доказалъ необходимость дарованія ему формальнаго уполномочія для переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ при заключеніи новаго трактата, опровергъ всѣ доводы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и убѣжденія его до того были ясны и сильны, что Государь Императоръ повелѣлъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ снабдить генерала Муравьева полномочіемъ для переговоровъ съ Китайцами и заключенія съ ними условій по тѣмъ требованіямъ, которыя уже были сообщены имъ отъ него; плаваніе по Амуру велѣно продолжать, и Китайцамъ, за требуемыя уступки, предложить артиллерію въ такомъ числѣ орудій, какое заранѣе будетъ опредѣлено, воздерживаться, впрочемъ, отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, употребляя открытую силу только для освобожденія изъ плѣна Русскихъ, въ случаѣ задержанія ихъ Китайцами, имѣя въ виду, что въ подобномъ случаѣ нужны скорыя и рѣшительныя мѣры, и что всякая переписка, которая, по Китайскимъ обычаямъ, продолжается цѣлые годы, была бы вредна.»

По полученіи Муравьевымъ вышесказаннаго уполномочія для переговоровъ съ Китайцами, онъ немедленно отправилъ въ

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III.

Иркутскъ своего новаго адъютанта, подполковника Моллера, съ предписаніемъ полковнику Карсакову энергически стоять въ отношеніи сплава экспедиціи 1856 года и, кромѣ того, онъ поручилъ извѣстить его и о томъ, что миръ въ Парижѣ подписанъ.

Но Николай Николаевичъ Муравьевъ не довольствовался однимъ оффиціальнымъ предписаніемъ Карсакову: онъ, по своему личному къ нему влеченію и по своей обычной заботливости о дѣлахъ Сибири, писалъ ему цѣлый рядъ душевныхъ писемъ, содержаніе которыхъ преимущественно касалось сплава по Амуру. Заботливость эта еще болѣе усилилась, когда онъ. вслѣдствіе дѣлъ въ Петербургѣ, не могъ лично участвовать въ этой экспедиціи и долженъ былъ отправить ее безъ себя. Такъ, онъ писалъ отъ *19-го марта:* «Отправляю къ тебѣ новаго адъютанта моего подполковника Моллера, одного изъ храбрѣйшихъ кавказскихъ офицеровъ: онъ везетъ новости о подписаніи въ Парижѣ мира вчерашняго, т. е. 18-го числа; пробудетъ въ Иркутскѣ не болѣе сутокъ и отправится туда, гдѣ ты находишься. Съ нимъ я отправляю различныя распоряженія на устья Амура: главное дѣло, чтобъ войска наши оттуда пораньше возвратились; 15-й же батальонъ останется тамъ совсѣмъ и поступаетъ въ 48-й экипажъ.

Казакевичъ пріѣхалъ и долженъ отправиться на Амуръ, но весьма неохотно и, конечно, не болѣе, какъ на два года; но онъ и на это время тамъ совершенно необходимъ для устройства механическаго заведенія, имъ купленнаго, и для учрежденія кораблестроенія, а также для первоначальныхъ сношеній съ Американцами, которые его знаютъ и уважаютъ. Я думаю, что онъ будетъ къ 15-му мая на Шилкѣ; для сплава его надо приготовить особую хорошую лодку.

Полагаю, что плаванье твое до Айгуна не будетъ продолжительно при большой водѣ и двойномъ числѣ людей на судахъ, и, конечно, этимъ надобно воспользоваться, чтобъ Чихачевъ послѣ, съ малымъ числомъ людей, поспѣлъ какъ можно ранѣе въ Маріинскій постъ, а оттуда въ Николаевскій, и чтобъ скорѣе изготовилъ тамъ къ обратному плаванію казачій батальонъ и полубатальонъ 14-го. Все это можетъ взять на буксиръ пароходъ-корветъ «Америка»[1] и доведетъ, по крайней мѣрѣ, до устьевъ Зеи, откуда войска могутъ идти на манджурскихъ лодкахъ веслами и бичевою.

Думаю, что около 20-го мая ты поставишь отрядъ на назначенное ему мѣсто у Зеи и пропустишь 1-е отдѣленіе мимо Айгуна; а около 1-го іюня успѣешь возвратиться въ свою область, конечно,

[1] Заказанный въ Соединенныхъ Штатахъ Казакевичемъ, по распоряженію Н. Н. Муравьева.

если будутъ по пути заготовлены для «Надежды» дрова: на этомъ пароходѣ не надо оставлять морскихъ: ихъ всѣхъ надо отправить на «Шилкѣ» къ устью, а пріучить казаковъ и въ кочегары и въ рулевые, или даже линейныхъ или рабочихъ Нерчинскихъ заводовъ. «Надежду», если можно, приведи въ Бянкино для меня: но если вода будетъ значительно убывать, то отправь ее въ Усть-Стрѣлку.

Выѣхать мнѣ изъ Петербурга ранѣе мая оказывается невозможно: кромѣ дѣла, которое только теперь начнется, т. е. послѣ заключенія мира, мнѣ необходимо знать и самыя условія мира и получить для будущихъ временъ Высочайшія указанія. Итакъ, отправившись отсюда въ первыхъ числахъ мая, я располагаю быть въ Иркутскѣ къ 1-му іюня и, нимало не медля, отправлюсь въ Забайкальскую область и надѣюсь встрѣтить Моллера съ извѣстіями отъ тебя въ Верхнеудинскѣ. Извѣстія эти будутъ имѣть вліяніе на дальнѣйшее мое путешествіе. Если къ 1-му рейсу готово будетъ болѣе судовъ, чѣмъ половина, то бери ихъ съ собою, а съ ними и необходимое число людей изъ 14-го баталіона, но самое ограниченное, по числу судовъ, и прикомандируй ихъ къ казачьему батальону; не забывай, что самыя трудныя мѣста ты пройдешь съ помощью отряда Хилковскаго, [1] а далѣе не придется снимать съ мелей, даже грести почти не нужно.

Не сомнѣваюсь, что ты сумѣешь обойтись съ Китайцами согласно Высочайшей волѣ, и даже, еслибъ они вздумали загородить тебѣ дорогу своими джонками, то продолжай идти безостановочно, не дѣлая имъ никакого вреда; а если они станутъ стрѣлять, то скажи, что они будутъ отвѣчать за это передъ своимъ правительствомъ, и письменно объяви объ этомъ въ городѣ; но по всему полагать должно, что они до такой крайности дойти не осмѣлятся, и вѣроятно, что ты еще передъ отплытіемъ получишь изъ Иркутска извѣстіе, что они разрѣшаютъ плаваніе и на нынѣшній годъ: это должно быть въ отвѣтъ на Сенатскій листъ, привезенный тобою и посланный въ Ургу съ Волконскимъ, ибо согласно съ ихъ собственнымъ требованіемъ, чтобъ о необходимости плаванія Сенатъ вошелъ въ сношенія съ Трибуналомъ. Объ отрядѣ Хилковскаго и другихъ постовъ нашихъ на лѣвомъ берегу Амура объясни имъ положительно, что это для того, чтобъ проплывающія суда и войска наши не безпокоили и начальства и жителей своими просьбами о продовольствіи и другихъ пособіяхъ.

[1] Полковникъ, командиръ конной казачьей бригады въ Цурухайтуѣ, Забайкальской области.

Если же станутъ спрашивать, надолго ли наши посты и отряды тамъ останутся, то отвѣчай, что не знаешь, ибо это зависитъ отъ воли генералъ-губернатора, находящагося въ Петербургѣ. О заключеніи мира также отзывайся невѣдѣніемъ, если станутъ спрашивать: но о плаваніи по Амуру скажи положительно, какъ начальникъ сосѣдней области, что оно будетъ продолжаться ежегодно, и что тебѣ объ этомъ отъ генералъ-губернатора, по Высочайшей волѣ, давно предписано, а изъ Сената написано и въ Трибуналъ.

Обращаюсь теперь къ моимъ здѣшнимъ дѣламъ: меня встрѣтили подъ вліяніемъ Путятинскихъ разсказовъ о негодности Амура; но теперь, кажется, смотрятъ на дѣло правильно. Впрочемъ Государь и всѣ члены Его семейства весьма ласковы со мною, а Великій Князь Константинъ Николаевичъ возвращается къ прежнему довѣрію. Сегодня рѣшено, что Казакевичъ назначается Камчатскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ портовъ нашихъ въ Восточномъ океанѣ. Великій Князь даритъ для Амура шесть винтовыхъ корветовъ и шесть же винтовыхъ клиперовъ съ 48 экипажемъ: все это придетъ къ намъ въ началѣ навигаціи будущаго года, и 15-й батальонъ останется гарнизономъ для тамошнихъ нашихъ укрѣпленій. Въ теченіе нынѣшней навигаціи придутъ пароходы Казакевича изъ Америки, изъ коихъ большой деревянный, въ 250 силъ, ходитъ 14 узловъ въ часъ и теперь уже близокъ къ де-Кастри.»

29-го марта. «Вотъ и послѣдній курьеръ до отплытія твоего съ различными распоряженіями на устья Амура. Да поможетъ вамъ Богъ мирно и безпрепятственно совершить ваше плаваніе! Надѣюсь, что у тебя больше порядку, чѣмъ было у меня; не упускай только первую высокую воду — и долетишь гладко до Зеи, а судовъ бери съ собою какъ можно больше; но оставь двѣ или три крытыя хорошія лодки для Казакевича и Посьета, которые вскорѣ должны отправиться отсюда и поплывутъ въ концѣ мая. Хорошо было бы, еслибъ пароходъ «Шилка» былъ готовъ и шелъ съ тобою: тогда бы, пройдя г. Айгунъ, Чихачевъ могъ на немъ отправиться впередъ и быстро доплыть съ разными распоряженіями на Маріинскій и Николаевскій посты; но парохода «Надежда» ни въ какомъ случаѣ не отдавай ему, а самъ на немъ воротись. Щеголева [1] съ командою непремѣнно отправь при первомъ рейсѣ, оставивъ только пять или шесть благонадежныхъ казаковъ этой команды для второго рейса. Деньги и подарки постарайся отдать

[1] Сотникъ казачьяго коннаго войска.

въ Айгунѣ, но не навязывай насильно, чтобъ не оскорбить подобно тому, какъ сдѣлалъ Путятинъ. На буксирѣ парохода «Надежда» возьми очень легкую лодку, чтобъ не встрѣтить при обратномъ плаваніи тѣхъ же препятствій, которыя встрѣтилъ Путятинъ, и чтобъ доказать, что можно хорошо плавать по рѣкѣ даже и на этомъ пароходѣ. Не забудь заготовить дрова для себя и для другихъ потомъ пароходовъ: тамъ, гдѣ «Шилка» стоитъ, гдѣ «Надежда» зимовала, и далѣе — вездѣ приказать то же, гдѣ посты наши будутъ.

Странно мнѣ отправлять Амурскую экспедицію безъ себя, но я очень хорошо сдѣлалъ, что остался здѣсь до мая: во первыхъ дождался окончательныхъ извѣстій о заключеніи мира, а во вторыхъ буду свидѣтелемъ всѣхъ перемѣнъ, которыя должны совершиться въ теченіе будущаго мѣсяца: Нессельроде уйдетъ, Долгорукій — тоже, Брокъ — тоже, но неизвѣстно, кто назначится на эти мѣста. Увидимъ все скоро, и тогда я вернусь въ Сибирь, по крайней мѣрѣ, съ извѣстностью, что̀ дѣлать и съ кѣмъ имѣть дѣло, а до сихъ поръ все очень неопредѣленно: nous sommes tous dans le vague.»[1]

5-го мая. «Наконецъ Казакевичъ ѣдетъ сегодня и, конечно, встрѣтитъ тебя; потому пользуюсь случаемъ, чтобъ сообщить тебѣ все главнѣйшее о здѣшнихъ дѣлахъ. Я останусь здѣсь до коронаціи, которая будетъ во второй половинѣ августа, а въ промежутокъ этого времени съѣзжу въ Маріенбадъ полѣчиться съ женой, потомъ вернусь въ Москву: жена пріѣдетъ туда въ сентябрѣ, и оба отправимся въ Сибирь по послѣднему лѣтнему и лучшему пути.

Изъ Забайкальскаго войска Государь повелѣлъ отправить на коронацію двухъ депутатовъ; я же распредѣляю ихъ по одному изъ коннаго и пѣшаго войска, но избраніе поручаю мѣстному начальнику; люди должны быть почетные изъ войсковаго сословія, не стѣсняясь чинами, хотя бы и простые казаки, особенно изъ пѣшаго войска; не мѣшаетъ однакожъ, чтобъ представители войска были благовидны лицомъ и, разумѣется, безукоризненной нравственности. Къ 15-му августа они непремѣнно должны быть въ Москвѣ, гдѣ, вѣроятно, и меня найдутъ, ибо буду въ Москвѣ къ тому же времени; но оффиціально ихъ долженъ будетъ адресовать Венцель къ дежурному генералу Александру Андреевичу Катенину.

Тебѣ надобно войти въ самыя ближайшія сношенія съ Казакевичемъ по всѣмъ подробностямъ ввѣренной ему области и флота, ибо впредь все пойдетъ уже черезъ тебя и твое Областное Правленіе; слѣдственно, надо теперь уже опредѣлить, чѣмъ именно

[1] Мы всѣ въ потьмахъ бродимъ.

Забайкальская область можетъ снабдить Приморскую, и что̀ въ ней развести должно для будущаго времени.

На будущій годъ я полагаю учинить сплавъ одними пароходами съ ихъ причалками, такъ какъ провіанта будетъ завезено много въ нынѣшнемъ году и прибавлять не придется для будущаго года, если всѣ назначенныя къ возвращенію войска возвратятся; затѣмъ я полагаю возможнымъ для сплава будущаго года не употреблять войскъ, кромѣ тѣхъ командъ, которыя будутъ находиться на пароходахъ; въ случаѣ же надобности для сплава скота на плотахъ, людей нанимать, пожалуй, изъ тѣхъ же казаковъ, но съ условіемъ, чтобы ихъ осенью непремѣнно возвращать на пароходахъ хоть до Усть-Стрѣлочнаго караула. Надобно также сообразить объ учрежденіи зимней почты по Амуру, первоначально хоть черезъ Тунгусовъ. Какъ только ты возвратишься изъ Айгуна, то посылай съ подробными донесеніями обо всемъ въ Иркутскъ Александра Моллера, который оттуда, вѣроятно, поѣдетъ курьеромъ и въ Петербургъ, а ко мнѣ напиши подробное письмо, которое отсюда отошлютъ мнѣ за границу, гдѣ я находиться буду. Извѣстія съ Амура не совсѣмъ благопріятны: тамъ, говорятъ, цынга въ 14-мъ и 15-мъ батальонахъ.»

Сдѣлавъ такимъ образомъ всѣ письменныя распоряженія, какъ по настоящему, такъ и будущему сплавамъ по Амуру, Н. Н. Муравьевъ отправился за границу въ Маріенбадъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья.

Между тѣмъ полковникъ Карсаковъ, напутствуемый письменными совѣтами и распоряженіями своего начальника Н. Н. Муравьева, спустился въ половинѣ мая по Шилкѣ въ Амуръ.

21-го мая, около 9 часовъ утра, русскій отрядъ изъ 10-ти баркасовъ, одной канонирской лодки и парохода «Надежда», имѣвшаго на буксирѣ лодку полковника Карсакова, подходилъ къ лѣвому берегу противъ города Айгуна и былъ встрѣченъ Манджурскими чиновниками, которые просили полковника Карсакова отъ имени трехъ амбаней пристать къ городу въ томъ мѣстѣ, гдѣ приготовлена палатка, говоря, что тамъ они его ожидаютъ. Полковникъ Карсаковъ приказалъ поблагодарить амбаней за вниманіе ихъ и велѣлъ сказать, что сначала пристанетъ противъ города къ лѣвому берегу рѣки, чтобъ видѣть свой отрядъ, который приставалъ къ берегу противъ города, а потомъ пріѣдетъ къ амбанямъ. Чиновники отправились. Осмотрѣвъ на пароходѣ суда отряда, полковникъ Карсаковъ присталъ къ берегу и тотчасъ же послалъ чиновника и переводчика въ Айгунъ на пароходѣ дать знать амбанямъ о пріѣздѣ своемъ и сказать, что онъ, спустя нѣсколько времени,

будетъ къ нимъ самъ. Подойдя къ городу, наши бросили якорь и, сѣвъ на шлюпку, съѣхали на берегъ. На берегу, въ городѣ была раскинута палатка и окружена разнаго званія народомъ, впереди по обѣимъ сторонамъ входа въ палатку стояли Манджурскіе чиновники. Начальникъ города, старикъ лѣтъ 60-ти слишкомъ, стоялъ въ палаткѣ (прочихъ амбаней тутъ не было); чиновникъ и переводчикъ подошли къ нему и засвидѣтельствовали почтеніе отъ лица своего губернатора Забайкальской области полковника Карсакова. Спустя немного времени пришли одинъ за другимъ остальные амбани. Начальникъ города просилъ ихъ передать полковнику Карсакову, что они (три амбаня) будутъ ожидать его тутъ въ палаткѣ, и что они особо пошлютъ своихъ чиновниковъ поздравить его съ пріѣздомъ и просить къ себѣ.

Чиновники Манджурскіе были у полковника Карсакова, поздравили его отъ имени амбаней съ пріѣздомъ и просили въ городъ. Спустя часъ, Карсаковъ отправился въ Айгунъ въ сопровожденіи своей свиты. Амбани встрѣтили его при входѣ въ палатку, спрашивали о здоровьѣ, благополучно ли совершаетъ путь, просили сѣсть на лѣвую руку Куй-Фу, подали вина, чаю и конфектъ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, полковникъ Карсаковъ объявилъ амбанямъ, что онъ прибылъ сюда, по распоряженію генералъ-губернатора Муравьева, проводить наши суда, идущія на устье Амура, и встрѣтить у города Айгуна нашъ большой пароходъ, который долженъ быть съ устья Амура, и, передавъ для него разныя распоряженія генерала Муравьева, возвратиться въ Читу. Онъ предупредилъ ихъ, кромѣ того, что будутъ ходить въ теченіе всего лѣта вверхъ и внизъ по рѣкѣ наши суда и пароходы, а также и команды возвращаться съ устьевъ Амура, для чего генералъ-губернаторъ приказалъ оставить на нѣкоторыхъ мѣстахъ по лѣвому берегу Амура продовольствіе, съ людьми для храненія онаго и оказыванія, въ случаѣ нужды, помощи проходящимъ нашимъ судамъ и командамъ.

Амбани, подумавъ, сказали, что о пропускѣ Русскихъ, для плаванія по рѣкѣ, они никакого разрѣшенія не имѣютъ отъ своего начальства, но, уважая дружбу двухъ государствъ, пропускаютъ насъ и боятся, не получить бы за это отъ правительства своего непріятность; поэтому, по мнѣнію ихъ, не слѣдовало бы оставлять продовольствія и команды. Карсаковъ отвѣчалъ, что онъ это дѣлаетъ по приказанію Муравьева, предоставивъ амбанямъ во избѣжаніе отвѣтственности, донести объ этомъ въ Пекинъ.

На вопросъ, сколько у насъ войскъ на устьѣ Амура, полковникъ Карсаковъ отвѣчалъ: около десяти тысячъ, и въ нынѣшнемъ году пройдетъ еще тысячъ пять. А когда онъ сказалъ, что на Зейскомъ посту будетъ около 500 человѣкъ, то амбани и чиновники съ безпокойствомъ значительно переглянулись между собою. Амбани просили дать имъ записку о числѣ чиновниковъ, находящихся при Карсаковѣ, имена ихъ, о числѣ проходящихъ въ теченіе лѣта внизъ и вверхъ нашихъ судовъ и пароходовъ, а также о количествѣ людей. При этомъ амбани просили внушить нашимъ людямъ, чтобы они не обижали ихъ людей, равно какъ и они внушаютъ своимъ не обижать нашихъ. Простившись съ Карсаковымъ, амбани провожали его.

Полковникъ Карсаковъ возвратился на пароходѣ «Надежда» тою же весною обратно и, несмотря на большую осадку этого парохода въ водѣ, именно $4^{1}/_{2}$ фута, успѣлъ подняться на немъ по Шилкѣ до Срѣтенска, откуда начинается сухопутная дорога. Вскорѣ послѣ этихъ переговоровъ съ амбанями, поставлены были по Амуру Русскіе посты: Камарскій (противъ устья р. Камары), Зейскій (близъ устья р. Зеи) и Хинганскій (при входѣ въ щеки Малаго Хингана).

Въ этомъ же году спустился по Амуру 3-й Амурскій рейсъ, подъ начальствомъ подполковника Буссе, состоящій изъ 110 баржъ и плотовъ.

«Честь вамъ и слава за полный успѣхъ плаванія, за переговоры, которыми вы поставили втупикъ тріумвиратъ Айгунскихъ амбаней, и въ особенности за учрежденіе постовъ,» писалъ Н. Д. Свербеевъ къ М. С. Карсакову отъ 8-го іюля; «противъ которыхъ не посмѣли протестовать Амурскіе начальники. Все это крайне благопріятные факты. Получили мы почту изъ Китая отъ архимандрита Палладія: его вѣсти столь же утѣшительны, какъ ваши, хотя нѣтъ листа изъ Трибунала. Оказывается, что Китайское правительство совершенно обезсилено; возмущеніе растетъ, все болѣе и болѣе угрожаетъ царствующей династіи; Пекинскій Кабинетъ предчувствуетъ свою скорую гибель, а за нею и раздѣленіе Небесной имперіи.

Медленность его по Амурскому вопросу естественна: онъ не смѣетъ говорить о немъ, боится поспѣшить согласіемъ на наши требованія: видя невозможность и безполезность отказа, страшится, въ случаѣ согласія на уступку намъ Амура, новыхъ притязаній другихъ державъ и хранитъ въ тайнѣ это дѣло. Все, что пишетъ Палладій, должно побудить наше правительство дѣйствовать рѣшительно, не дожидаясь отвѣта Китайскаго, и предложить ultima-

ten. Я писалъ Н. Н. Муравьеву, просилъ его воспользоваться этой благопріятной минутой.

Палладій, несмотря на свою дипломатическую хитрость, пишетъ, что посольство въ Пекинѣ по поводу Амурскаго дѣла и веденіе тамъ переговоровъ о разграниченіи *дѣло совершенно безполезное*: это мнѣніе очень важно, какъ опроверженіе проекта графа Путятина, а, можетъ быть, и прежняго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Я увѣренъ, что Николай Николаевичъ будетъ очень доволенъ вашими и Пекинскими извѣстіями и воспользуется временемъ коронаціи, чтобъ подвинуть и убѣдить наше правительство къ рѣшительному дѣйствію; теперь это не такъ трудно: князь Горчаковъ—человѣкъ новый и, какъ говорятъ, объявилъ о необходимости совершенно измѣнить систему Нессельроде въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ; слышно же, что онъ хорошъ съ Н. П. Муравьевымъ. Извѣстно, что Николай Николаевичъ выѣхалъ изъ Петербурга 16-го мая и черезъ 5 сутокъ былъ въ Маріенбадѣ. М. С. Волконскій отправился за границу 26-го іюня и повезъ Муравьеву бумаги, посланныя отъ насъ съ фельдъегеремъ.

О лѣченіи своемъ въ Маріенбадѣ, вотъ что писалъ Николай Николаевичъ Муравьевъ къ брату Валеріану Николаевичу отъ 29-го мая: «Я уже двѣнадцать дней здѣсь и лѣчусь очень прилежно, ибо съ болѣзнію моею шутить нельзя: но есть надежда, что воды источника принесутъ мнѣ пользу, однакожъ не безъ труда и нѣкоторыхъ опасностей, ибо здѣсь легко получить ударъ, особенно мнѣ, отъ прилива крови къ груди, чѣмъ я особенно страдаю.

Мнѣ нѣтъ другого исхода, какъ это лѣченіе, если я долженъ возвратиться въ отечество и продолжать служить. Чтобъ продолжать только жить, есть, конечно, другое и очень простое средство: оставить службу и удалиться, какъ можно далѣе, отъ источниковъ всѣхъ бѣдствій моего отечества: тогда я буду покоенъ, кровь и желчь меня тревожить не станутъ, и я вылѣчился бы временемъ, безъ всякихъ водъ: но я оставляю этотъ способъ до будущаго времени, утѣшаясь еще надеждою, что мы не останемся въ томъ унизительномъ состояніи, въ которомъ мы нынѣ находимся.»

«Въ отношеніи Китайскихъ дѣлъ я очень радъ, что я здѣсь и что возвращусь въ Иркутскъ только въ концѣ года,» писалъ Н. Н. Муравьевъ изъ Маріенбада же къ Н. Д. Свербееву отъ 12/24 іюня; «надобно терпѣніе, а будь я на мѣстѣ—пожалуй бы и не вытерпѣлъ. За себя я очень сердитъ на Китайцевъ: они меня заставляютъ приносить самыя чувствительныя жертвы сво-

ими глупыми хитростями, а потомъ молчаніемъ, которымъ только ведутъ къ промедленію: они меня заставляютъ возвратиться, когда чувство собственнаго достоинства требовало бы отъ меня противнаго, не говоря уже о здоровьѣ, которое, конечно, недолго вынесетъ *положеніе* мое въ Сибири; но нѣтъ худа безъ добра, если не для меня, то для другихъ. Богъ, можетъ быть, мнѣ поможетъ быть до конца полезнымъ для многихъ.

Я кончаю мое здѣшнее лѣченіе и послѣзавтра ѣду въ По, гдѣ жена меня давно ожидаетъ: тамъ я буду уже зависѣть не отъ себя и не знаю, куда поѣдемъ, а въ началѣ августа возвращусь въ Петербургъ, оттуда въ Москву на коронацію и потомъ возвращусь опять въ Петербургъ, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ, и, вѣроятно, по первому зимнему пути пущусь въ Иркутскъ, чтобъ быть тамъ въ половинѣ декабря.»

Пріѣхавши въ По, Н. Н. Муравьевъ не забылъ и М. С. Карсакова и шлетъ ему оттуда слѣдующее, преисполненное любви и родственныхъ наставленій, письмо отъ *25-го іюля:* «Ты дѣйствуешь прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, но старайся не требовать увеличенія штатовъ, а Фуругельма возьми съ собою для особыхъ порученій: тогда онъ будетъ всегдашній твой секретарь и правитель путевой канцеляріи. Канцелярія твоя есть первое отдѣленіе Областного Правленія: то же учрежденіе существуетъ для генералъ-губернатора, и я, по восьмилѣтнему опыту, нахожу его очень хорошимъ, т. е. не желаю имѣть особой канцеляріи и особаго правителя оной: пусть все дѣлается въ Областномъ Правленіи; а для путешествій очень радъ бы имѣть чиновника особыхъ порученій, который бы всегда завѣдывалъ путевою канцеляріей, но разныя перемѣны всегда этому препятствовали. Не буду тебѣ говорить объ управленіи областными войсками, тебѣ ввѣренными: ты сумѣешь вести это дѣло, какъ прямую твою обязанность, къ наилучшей цѣли; когда увижу самъ, то и скажу тебѣ мои замѣчанія и совѣты.

Теперь же обращаюсь къ предмету весьма важному въ твоей области, но не совсѣмъ тебѣ подчиненному, т. е. къ дѣлу горному; я очень радъ, что ты обратилъ вниманіе на Кару и Коншарова;[1] обрати то же вниманіе на всѣ заводы и Дейхмана, и *будь посредникомъ между ими и мною.* По родственнымъ нашимъ отношеніямъ, тебѣ легко заставить ихъ бояться себя; по свойственной же тебѣ благосклонности, они несомнѣнно будутъ любить тебя, а по основательности твоей—уважать. Общія требованія для

---

[1] Горный инженеръ.

заводскихъ управленій слѣдующія: 1) беречь людей; 2) добывать болѣе золота, и 3) уменьшать расходы. Внушай это имъ всѣмъ, а въ особенности Дейхману. [1] Я совершенно согласенъ съ Кокшаровымъ о возможности уменьшенія числа горныхъ чиновниковъ не только на Карѣ, но и вообще. Желалъ бы, чтобъ Дейхманъ встрѣтилъ меня подобнымъ преобразованіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшеніемъ расхода на рабочихъ. Казаки должны быть общіе подрядчики всѣхъ заводовъ: они же должны быть перевозчики всѣхъ предметовъ по заводамъ. и такимъ образомъ всѣ почти деньги, отпускаемыя на расходы по заводамъ, останутся у казаковъ; сумма не маловажная—до 25 т. руб. сер. ежегодно; но для этого нужны взаимное довѣріе и общая добросовѣстность.

Подчиненіе заводовъ сихъ Областному Правленію, кажется, невозможно оффиціальнымъ порядкомъ; но лицо военнаго губернатора подчинитъ ихъ себѣ нравственно, когда они будутъ его любить, уважать и бояться. Наблюденіе за благосостояніемъ рабочихъ по заводамъ и за сохраненіемъ казеннаго интереса —принадлежитъ губернатору военному, по общимъ законамъ. во всей ввѣренной ему области, чьи бы ни были эти рабочіе, и въ чьихъ бы рукахъ ни находились эти заводы, такъ какъ съ этимъ соединенъ казенный интересъ: но особенно принадлежитъ тебѣ надзоръ за ссыльно-каторжными.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія о твоемъ возвращеніи съ Амура; надѣюсь получить его здѣсь недѣли черезъ три по телеграфу изъ Петербурга. Донесенія твои прочту въ Петербургѣ, куда думаю возвратиться въ началѣ августа. Желалъ бы имѣть случай порадовать Государя къ коронаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить тебѣ вознагражденіе, приличное за труды твои.»

[1] Вновь назначенный начальникъ горныхъ заводовъ.

LIII.

Приказъ Муравьева о возвращеніи войскъ съ устья Амура по случаю заключенія мира въ Парижѣ.—Правдивое изображеніе всѣхъ подробностей обратнаго похода войскъ вверхъ по Амуру.

1856 г.

По полученіи въ Сибири извѣстія изъ Петербурга о заключеніи мира въ Парижѣ, Муравьевымъ, какъ намъ извѣстно, былъ отданъ приказъ о возвращеніи войскъ съ устьевъ Амура обратно. «Объ этомъ-то возвращеніи войскъ», говоритъ П. В. Шумахеръ,[1] «нельзя пройти молчаніемъ: это необходимо потому именно, что потеря людей и бѣдствія въ дорогѣ, по случаю поздняго возвращенія вверхъ по рѣкѣ, преувеличены до безобразія досужною молвою и даже перешли въ иностранную печать.

Равенштейнъ, въ прибавленіи къ книгѣ своей *«The Russians on the Amur»*, говоритъ, что берега Амура не были еще заселены, зима застала людей за 1.200 верстъ ниже Нерчинска, и они умерли отъ холода, голода и истощенія. Оставшіеся въ живыхъ одиннадцать человѣкъ питались мясомъ своихъ умершихъ товарищей. Ихъ потомъ куда-то сослали, а бывшаго съ ними прапорщика заставили молчать, наградивъ слѣдующимъ чиномъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ дѣло это обнаружилось.

Намъ не привыкать читать нелѣпыя вѣсти иностранцевъ и ихъ друзей, проживающихъ въ Россіи. Вотъ подробныя обстоятельства дѣла, взятыя изъ оффиціальныхъ данныхъ.

По сдѣланной свѣркѣ именныхъ списковъ отправленныхъ на Амуръ нижнихъ чиновъ съ такими же списками возвратив-

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. 8-ая, стр. 420—425.

шихся изъ нихъ въ Забайкалье, можно съ достовѣрностью опредѣлить число убылп возвращавшихся людей.

21-го марта 1856 года, Муравьевъ предписалъ изъ Петербурга предсѣдательствовавшему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, по случаю заключенія мира, возвратить съ устьевъ Амура, вверхъ по рѣкѣ, всѣ находившіяся тамъ и сплывавшія туда сухопутныя войска, исключая 15-го линейнаго баталіона, причемъ сообщилъ и всѣ нужныя предположенія къ возвращенію войскъ.

Прежде всѣхъ долженъ былъ быть возвращенъ весь сводный казачій полубаталіонъ подъ начальствомъ адъютанта Муравьева, полковника Сеславина, немедленно по прибытіи къ Маріинскому посту 1-го отдѣленія сплава 1856 г.; а когда сводный батальонъ этотъ достигнетъ Усть-Стрѣлочнаго караула, то казаки прямо оттуда должны были быть распущены по домамъ. Приказано было облегчить пароходъ «Америку» до 8 футовъ, чтобы онъ былъ въ состояніи дойти, если не до Стрѣлки, то хотя до устьевъ Зеи. Пароходъ этотъ долженъ былъ отправиться какъ можно поспѣшнѣе, дабы не упустить большой воды; а для того, чтобы скорѣе дошло о томъ распоряженіе до устьевъ Амура, немедленно послѣ проплытія 1-го отдѣленія сплава мимо Хингана, велѣно было отдѣлить легкую лодку съ нужными предписаніями въ Николаевскій постъ. Если бы пароходъ «Америка» дошелъ только до Зеи, то далѣе войска должны были идти вверхъ бичевою или на гребляхъ.

Генералъ-лейтенантъ Венцель, получивъ это предписаніе въ Иркутскѣ 14-го апрѣля за № 897, предложилъ полковнику Карсакову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ Забайкальской области, [1] чтобы на постахъ, которые будутъ учреждены на рѣкѣ Амурѣ, было достаточное количество продовольствія для возвращающихся командъ, причемъ просилъ его употребить для этого всевозможныя средства и принять самыя энергическія мѣры; а такъ какъ о возможности слѣдовать по Амуру пароходу «Америка» ничего утвердительнаго сказать нельзя было, то сдѣлано распоряженіе о доставкѣ сколь возможно большаго числа легкихъ гребныхъ судовъ на посты къ отряду на Зеѣ и на устья Амура для обратнаго слѣдованія означенныхъ частей войскъ.

Полковникъ Карсаковъ распорядился *на всѣхъ постахъ* сложить крѣпкіе сараи изъ коры для храненія въ нихъ оставленнаго на постахъ продовольствія для возвращавшихся людей.

[1] М. С. Карсаковъ въ концѣ 1855 г. былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Первый грузъ съ продовольствіемъ былъ отправленъ 4-го іюня, второй 9-го, а третій 12-го числа. Припасовъ заготовлено было въ складѣ на 2.700 человѣкъ, назначенныхъ къ возвращенію изъ Маріинскаго и Николаевскаго постовъ. На постахъ Усть-Стрѣлочномъ и Кутомандскомъ на 5 дней, въ Кумарскомъ караулѣ и на устьѣ Зеи на 10 дней, на устьяхъ Сунгари — на 20 дней. Всего отправлено тремя транспортами: быковъ 52, сухарей 5.906 п. 10 ф., крупы 843 п. 30 ф., соли 187 п. 20 ф. и 675 ведеръ спирту.

Въ началѣ мая полковникъ Карсаковъ спустился по Амуру и въ Кумарскомъ посту приказалъ начальнику сплава Буссе, чтобы, кромѣ 76 заготовленныхъ имъ Манджурскихъ лодокъ, прибавить еще, по крайней мѣрѣ, до 50. Сверхъ продовольствія на постахъ, еще половинное количество противу Кумарскаго запаса оставлено было на Кутомандѣ, гдѣ стоялъ на мели пароходъ Шилка. Туда же въ началѣ сентября доставлено было въ запасъ еще 500 пуд. муки, 60 пуд. крупы, 15 пуд. соли, 30 пуд. масла, 20 ведеръ спирту и 10 головъ скота.

Амуръ отъ Маріинскаго поста до Усть-Стрѣлки представлялъ тогда пустыню до 2.300 верстъ длиною, въ которой было трудно, а мѣстами и вовсе невозможно найти какое-либо продовольствіе, кромѣ выставленныхъ складовъ на постахъ, и трудно себѣ представить что-либо подобное походу 1856 года Забайкальскихъ казаковъ и линейныхъ баталіоновъ вверхъ по Амуру. Подниматься по громадной, мало извѣстной, пустынной рѣкѣ, вверхъ противъ ея теченія. 2.300 верстъ массѣ войскъ съ оружіемъ, походной и боевой аммуниціей и провіантомъ — было дѣломъ, выходящимъ изъ круга обыкновенныхъ событій.

Казаки и линейцы потянули лодки вверхъ по Амуру бичевою. Надобно было идти скоро, дѣлать большіе переходы, чтобъ дойти въ Усть-Стрѣлку до замерзанія.

Казаки успѣли до замерзанія рѣки достигнуть Забайкалья, линейцы въ глухую осень достигли до Кумарскаго караула, приняли здѣсь 10-тидневный провіантъ до слѣдующаго Кутомандскаго поста, но, отойдя нѣсколько верстъ, были застигнуты льдомъ, и лодки тянуть было невозможно. Солдаты выгрузили затертыя льдомъ лодки на островъ и въ прутяныхъ шалашахъ 16 дней ждали, пока станетъ рѣка. Продовольствіе доставляли имъ изъ сосѣдняго Кумарскаго поста. Наконецъ, когда ледъ окрѣпъ, солдаты подѣлали санки, положили въ нихъ всю аммуницію и провіантъ и двинулись въ путь. Отсюда начались ихъ бѣдствія: холодъ, глубокій снѣгъ и сильные вѣтры и метели замедляли слѣдованіе; усталость

и изнуреніе развили тифъ. Въ припасахъ началъ открываться недостатокъ. Къ счастію, линейцы увидали стоявшую на мели баржу съ провіантомъ, а затѣмъ ихъ встрѣтила помощь и продовольствіе, высланныя изъ Кутомандскаго поста, гдѣ больные положены были въ лазаретъ, а здоровые отдохнули и благополучно пришли въ Забайкалье.

Большіе переходы въ это время навигаціи были необходимы: иначе надо было отказаться отъ возможности вернуться домой до рѣкостава. Переходы были дѣйствительно велики, но казаки доказали, что они были возможны.

Между Кумарою и Кутомандой, на пространствѣ 403 верстъ, 50 верстъ не доходя до послѣдняго поста, зимовала, какъ извѣстно, сѣвшая лѣтомъ на мель баржа съ провіантомъ. Если бы линейцы, получивъ въ Кумарѣ продовольствіе на 10 дней, успѣвали дѣлать по 35 верстъ въ день, то они могли бы безъ голода достигнуть баржи и здѣсь запастись новымъ провіантомъ. Но медленность была единственною причиною ихъ бѣдственнаго слѣдованія.

Приведемъ теперь оффиціальныя цифры и данныя: командовавшій своднымъ казачьимъ полубаталіономъ, полковникъ Сеславинъ прибылъ въ Усть-Стрѣлку 7-го октября. 1-я рота, съ эсауломъ Пузино, прибыла туда 25-го, а 2-я, съ сотникомъ Яннау, 30-го сентября. Есаулъ Шимановскій прибылъ 8-го октября. Затѣмъ остальной отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Облеухова и эсаула Пряжевскаго, замедлилъ.

Подполковникъ Облеуховъ,[1] слѣдуя съ командою нижнихъ чиновъ линейныхъ баталіоновъ № 13 и 14, былъ остановленъ льдомъ въ 5 верстахъ выше Кумары; 3-я рота № 13 баталіона вернулась въ Кумарскій караулъ, а 3-я рота № 14 баталіона, подъ командою поручика д'Астора, остановилась въ 15 верстахъ выше, тоже по причинѣ густого льда. Рота № 13 имѣла провіанта на 24, а рота № 14 — на 18 сутокъ; на случай поздняго покрытія рѣки Облеуховъ взялъ для обѣихъ ротъ изъ восьмимѣсячнаго запаса казаковъ, находившихся въ Кумарскомъ караулѣ, десятидневную пропорцію провіанта, а именно: сухарей 32 пуда, муки 99 пд. 25 ф., крупы 14 пд. 35 ф., и 26-го октября двинулся съ отрядомъ изъ Кумарскаго караула. У него умерло, преимущественно отъ тифа, 98 человѣкъ.

У маіора Языкова,[2] изъ отряда его, умерло отъ разныхъ болѣзней 52 человѣка.

---

[1] Донесеніе его 23-го октября, № 1475.

[2] Донесеніе его отъ 9-го ноября, № 1088, изъ Шилкинскаго завода.

Взводъ артиллеріи, отправленный съ Усть-Зеи 29-го іюня, былъ уже въ сентябрѣ съ поручикомъ Панинымъ въ Шилкинскомъ заводѣ.

Урядникъ Полуполтинный, [1] командовавшій отрядомъ казаковъ 2-го своднаго казачьяго пѣшаго полубаталіона, 10-го октября вышелъ изъ Кутоманды, но, по случаю льда, вернулся и пробылъ на посту до 27-го числа. Прибылъ въ Усть-Стрѣлку 2-го ноября. *Во всю дорогу у него не было ни больныхъ, ни умершихъ, и всѣ люди пришли благополучно.*

У эсаула Пряжевскаго, [2] изъ отряда умерли отъ эпидемической горячки 33 человѣка.

Вотъ правдивое изображеніе потери людей въ настоящемъ походѣ 1856 года.

Излишне было бы говорить, что приняты были всевозможныя мѣры къ облегченію участи запоздавшихъ солдатъ: теплая одежда и медицинская помощь не заставили себя ожидать.»

Одинъ изъ участниковъ сего историческаго событія, подпоручикъ 15-го линейнаго баталіона К. Б. Чаплеевскій, разсказываетъ объ этомъ возвращеніи войскъ вверхъ по Амуру такъ: [3] «Въ двадцатыхъ числахъ мая прибылъ посланецъ отъ чиновника особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ Н. М. Чихачева, начальника 1-го эшалона Амурскаго сплава, съ оффиціальнымъ извѣстіемъ о заключеніи мира и съ предписаніемъ о возвращеніи войскъ въ предѣлы имперіи. Возвратиться въ Забайкальскую область должны были слѣдующія части войскъ: двѣ сотни пѣшихъ казаковъ Сеславина со своими сотенными командирами Пузино и Забѣло, двѣ роты 14-го баталіона маіора Языкова и безсрочно-отпускные 15-го линейнаго баталіона. Начальникомъ возвращавшихся войскъ назначенъ подполковникъ Сеславинъ. 15-му линейному баталіону велѣно было оставаться въ Кизи.

Быстро, чуть не день и ночь, стали готовиться къ возвращенію на родину казаки; спѣшили и линейные, какъ только могли, но нужно было пріобрѣсти легкія лодки. Казаки, разсѣявшись по Гилякамъ, накупили ихъ скоро и въ серединѣ іюня отправились вверхъ по Амуру изъ Кизи. Роты 14-го баталіона должны были собрать казенное имущество въ Николаевскѣ, выстроить наскоро лодки и выждать сбора безсрочно-отпускныхъ, прикомандированныхъ къ нимъ; съ этимъ отрядомъ пошелъ и я,

[1] Донесеніе его 3-го ноября, № 23.

[2] Донесеніе его 30-го ноября, № 157.

[3] Рукопись изъ архива князя М. С. Волконскаго.

по приказу Сеславина. Через двѣ недѣли по уходѣ казаковъ, потянулся вверхъ по Амуру и Языковскій отрядъ. Всѣ эти войска забрали провизіи, сколько могли; никто не только не препятствовалъ этому, но даже требовалось начальствомъ взять ее столько, сколько возможно было поднять на лодкахъ. Быстро подвигались отряды противъ теченія то на парусахъ при попутныхъ вѣтрахъ, то бичевой, гдѣ былъ удобный берегъ, то на веслахъ, гдѣ берега были низкіе или скалистые.

Отойдя отъ Кизи уже болѣе 150 верстъ, встрѣтили мы,— продолжаетъ Чаплеевскій,—сплавъ подполковника Облеухова съ двумя ротами 13-го линейнаго баталіона, который тоже долженъ былъ, сдавъ грузъ въ Кизи, возвратиться въ Шилкинскій заводъ въ ту же навигацію. Спустя нѣсколько дней послѣ встрѣчи рейса Облеухова, встрѣтили мы адмирала П. В. Казакевича, шедшаго на пароходѣ «Надежда» въ Николаевскъ для вступленія въ должность губернатора Приморской области.

Казакевичъ ободрилъ насъ и совѣтовалъ запастись въ Айгунѣ, сколько возможно болѣе, пшеномъ и вообще провизіей, такъ какъ, по его мнѣнію, въ верховьяхъ Амура подъемъ будетъ тяжелъ, а запасовъ продовольствія на постахъ доставать не будетъ. Возвращенія назадъ, въ ту же навигацію, Облеухова Казакевичъ не допускалъ и говорилъ прямо, что постарается задержать его на зимовкѣ въ Николаевскѣ, если только это отъ него будетъ зависѣть; я самъ былъ при этомъ разговорѣ П. В. Казакевича, и никакихъ сомнѣній для меня въ этомъ случаѣ быть не можетъ. Всѣ были увѣрены, что Облеуховъ, потерявъ много времени для сплава и запоздавъ почти на мѣсяцъ противъ предположенія, послушаетъ совѣта Казакевича и останется зимовать въ Николаевскѣ, но вышло иначе. Облеуховъ, какъ объяснилось потомъ, заявилъ Казакевичу, что онъ получилъ рѣшительное приказаніе отъ Карсакова возвратиться въ ту же навигацію въ Шилкинскій заводъ, и что онъ исполнитъ это во что бы то ни стало.

Пройдя устье рѣки Хунгари (за 400 верстъ отъ Кизи), вода въ Амурѣ стала сильно подыматься, подули противные вѣтры, подъемъ сдѣлался медленнѣе, прибыль же воды все росла и росла. Долина Амура, отъ устья его и до впаденія Зеи, т. е. почти на протяженіи 2.000 верстъ, часто достигаетъ шириною 30 верстъ; только въ такъ-называемыхъ Хинганскихъ щекахъ онъ, сжатый скалами съ обѣихъ сторонъ, течетъ однимъ глубокимъ и быстрымъ русломъ на протяженіи болѣе 100 верстъ. Въ малую и въ среднюю воду легко возможно опытному въ дѣлѣ плаванія по рѣкамъ, идя противъ теченія и по теченію, не те-

рять изъ виду главнаго русла, но въ половодье никакая опытность и сметка не избавитъ отъ удаленія отъ русла совершенно въ сторону. Случалось часто, что отряды, незамѣтно отойдя отъ главнаго русла, входили въ устья впадающихъ рѣкъ и, уже пройдя по нимъ верстъ 20 и болѣе, замѣчали свою ошибку: приходилось возвращаться назадъ, потерявъ даромъ дорогое время и изнуривъ напрасно солдатъ. Такимъ образомъ весь отрядъ нашъ подымался цѣлый день по рѣкѣ Кумарѣ; ошибка только тогда была замѣчена, когда рѣка эта вступила въ горы и пошла прямо на югъ, тогда какъ направленіе Амура въ этой части—на сѣверо-западъ. Пока мы проходили среднюю часть Амура, отъ устья Хунгари до Албазина, вода въ Амурѣ подымалась далеко выше средняго уровня, берега были покрыты водой, идти бичевой было невозможно, часто нельзя было найти сухого мѣста, чтобы сварить людямъ обѣдъ. Подвигались мы впередъ медленно, люди стали изнуряться. Прежде всѣхъ пострадали казаки отъ захваченной ими изъ де-Кастри горячки. На устьѣ р. Сунгари войска потеряли своего офицера, стараго воина эсаула Забѣлло. Офицеръ этотъ, бывшій въ молодости на медицинскомъ факультетѣ въ Виленскомъ университетѣ, зналъ медицину и съ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, до того, что заболѣлъ самъ той же горячкой и умеръ. Казаки сдѣлали ему гробъ изъ лодки и, при рыданіяхъ цѣлой сотни, опустили тѣло своего благодѣтеля въ могилу на высокомъ островѣ, противъ устья р. Сунгари. Въ Хинганѣ схоронили мы и другого хорошаго офицера, капитана Туловскаго: умеръ онъ отъ чахотки.

Первыя 2.000 верстъ всѣ войска поднялись благополучно и никакихъ голодовокъ не испытали; люди изнурились, но все же проходили въ день, при общемъ расчетѣ, отъ 20-ти до 25-ти верстъ. Послѣднія же 700 верстъ, считая отъ устья р. Зеи, походъ сдѣлался болѣе тяжелымъ, стали подвигаться впередъ все медленнѣе. Произошло это отъ многихъ причинъ: течетъ Амуръ въ этой своей части сильнѣе, дни стали короче, былъ уже сентябрь мѣсяцъ, люди изнурились, а въ довершеніе всего, разстояніе между постами, на которыхъ войска получали провизію, было далеко неровное. Особенно тяжелымъ достался всѣмъ подъемъ между постами Кумарой и Кутомандой: получая провизіи на 10 дней, всѣ войска проходили это пространство не менѣе, чѣмъ въ 15 дней, а многіе шли и 20 дней; здѣсь всѣ прихватили голода, но, какъ казаки, такъ и отрядъ Языкова немного, сравнительно, потеряли тутъ людей, и то больше отъ воспаленія легкихъ и отъ изнурительной горячки, которая насъ не покидала до самыхъ Русскихъ

предѣловъ. Отъ голода, въ полномъ значеніи этого слова, никто не умеръ. Къ счастію войскъ, не доходя до Кутомапды верстъ 50, была оставлена сплавомъ Облеухова сѣвшая на мель баржа съ мукой: эта-то случайность избавила, можетъ быть, отъ значительной потери людей.

Въ концѣ сентября начала появляться на рѣкѣ шуга и ледяные заберегн. Хотя движеніе еще болѣе затруднилось, но за то близость цѣли подняла духъ солдатъ, и они, напрягая всѣ оставшіяся силы, въ первыхъ числахъ октября прибыли въ Усть-Стрѣлочный караулъ, т. е. были уже въ предѣлахъ Россійской имперіи и въ жиломъ мѣстѣ.

Маіоръ Облеуховъ вышелъ изъ Кизи болѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, послѣ насъ, т. е. въ концѣ почти іюля, несмотря на предостереженія Казакевича и предложеніе взять на себя отвѣтственность за его зимовку на устьѣ Амура. Облеуховъ былъ въ это время женихомъ красивой и очень богатой дѣвушки А. О. Курбатовой, свадьба его была отложена до возвращенія; кромѣ того, онъ не хотѣлъ упустить случая отличиться болѣе другихъ, сплывъ на устье Амура и возвратясь въ Шилку въ ту же навигацію. Приказаніе Карсакова касательно своего возврата получилъ онъ условное: ему было приказано идти обратно, если онъ придетъ со сплавомъ въ Кизи рано. Шелъ онъ тоже сначала скоро, но въ томъ же мѣстѣ, гдѣ помучились и мы, т. е. передъ Кутомандой, застигъ его рѣкоставъ; начались сильные морозы, отсталые, разумѣется, погибли отъ ознобовъ и отъ голода. На встрѣчу его отряду были посланы Усть-Стрѣлочные казаки, везя съ собою на саночкахъ провизію: благодаря этому распоряженію, Облеуховскій отрядъ все-таки добрался до Усть-Стрѣлочнаго караула, потерявъ небольшую все-таки часть людей своихъ.

Возвратъ войскъ, не совсѣмъ удачный, вызвалъ множество преувеличенныхъ донельзя разсказовъ и обвиненій противъ Н. Н. Муравьева его врагами; надѣлали даже шуму и за границею. Раздули неудачи этого возврата войскъ 1856 г. до такихъ размѣровъ, что намъ, свидѣтелямъ и участникамъ этого похода, становится невѣроятнымъ, кому нужна была эта ложь?

Походъ этотъ былъ дѣйствительно тяжелый, это безусловно вѣрно; подняться противъ теченія по неизвѣстной, громадной рѣкѣ почти что 3.000 верстъ на веслахъ—дѣло нелегкое—всѣ сознавали это: но этотъ возвратъ войскъ, по заключеніи мира, былъ совершенно необходимъ: необходимо было доказать Китайцамъ фактическимъ образомъ, что Амуромъ мы владѣемъ и движемся по нему,

какъ дома: казаки, отслуживъ свое время, имѣли право на льготу въ своихъ семьяхъ; роты 14-го и 13-го баталіоновъ должны были возвратиться къ мѣсту своему по дизлокаціи; безсрочно-отпускные должны были воспользоваться своимъ правомъ отпуска. Затѣмъ, самъ Муравьевъ былъ въ это время за границею; всѣ же распоряженія по движенію на Амурѣ дѣлалъ Карсаковъ, который самъ съ войсками доходилъ до Айгуна въ томъ же году. Если и произошла ошибка въ расположеніи постовъ и снабженіи ихъ не въ должномъ количествѣ припасами, то это вина уже никакъ не Муравьева; да и Карсакова винить очень нельзя, такъ какъ онъ легко могъ придти въ нѣкоторое заблужденіе, благодаря тому обстоятельству, что шелъ съ проводниками и со свѣжими людьми кратчайшими протоками и могъ не замѣтить значительной разницы въ разстояніяхъ между постами. Катастрофа съ Облеуховымъ произошла всецѣло по винѣ его самого: онъ долженъ былъ остаться зимовать на устьѣ Амура, какъ то предлагалъ ему Казакевичъ, тогда возвратъ войскъ былъ бы вполнѣ удачный. Но спрашивается: что̀ значать эти жертвы, даже если и счесть за правду всю ложь, брошенную въ глаза Муравьева его врагами, въ сравненіи съ грандіозностью всего дѣла занятія Амура? Я самъ,» заключаетъ свою записку Чепясевскій, «участникъ этого дѣла, стыжусь и до сей поры говорить и о трудностяхъ и о лишеніяхъ, какія пришлось перетерпѣть, можетъ быть, и не меньше другихъ, находя ихъ совершенно обыкновеннымъ свойствомъ всякаго крупнаго военнаго похода и всякой войны. Однѣ Зеленыя высоты подъ Плевной въ одинъ день стоили 5.000 человѣкъ, и всѣ находятъ это дѣломъ обыкновеннымъ; почему же такъ несчастливъ Муравьевъ, которому не хотятъ простить несвоевременной гибели 2-хъ—3-хъ сотенъ людей въ продолженіе двухъ лѣтъ, при занятіи ненаселеннаго края въ 3.000 верстъ по одной длинѣ только?»

LIV.

Возвращеніе Муравьева изъ-за границы въ Петербургъ.—Письмо его къ брату.—Дѣятельность Муравьева въ Петербургѣ.—Письма его къ Свербееву и Карсакову.—Приготовленія къ коронаціи въ Москвѣ.—Прибытіе Царской Фамиліи въ Останкино.—Письмо Муравьева къ Карсакову.—Торжественный въѣздъ Государя въ Москву.—Письмо Муравьева къ брату.—Муравьевъ въ Москвѣ.—Всемилостивѣйшій манифестъ объ освобожденіи политическихъ преступниковъ и декабристовъ.—Командировка М. С. Волконскаго въ Сибирь курьеромъ съ этимъ манифестомъ.—Пожалованіе Муравьева орденомъ св. Александра Невскаго.—Нравственное состояніе его въ Москвѣ.—Прошеніе его объ отставкѣ.—Разговоръ Суворова съ Муравьевымъ во дворцѣ.—Письмо Моллера къ Карсакову.—Письмо Муравьева къ П. А. Сухозанету.—Продолженіе письма Моллера къ Карсакову.—Письмо Муравьева къ Карсакову.

1856 г.

«Третьяго дня вечеромъ возвратился я сюда на почтовомъ пароходѣ, и спѣшу тебя увѣдомить;» писалъ Н. Н. Муравьевъ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы въ Петербургъ, брату Валеріану Николаевичу отъ 2-го августа: «я поспѣшилъ пріѣхать по нѣкоторымъ Амурскимъ дѣламъ, но не располагаю очень скоро ѣхать въ Москву, гдѣ мнѣ, я думаю, достаточно быть за три дня до коронаціи.

Н. Н. Муравьевъ [1] сошелъ съ Кавказской сцены; жаль во многихъ отношеніяхъ; но не удивляюсь и за него даже радуюсь: новый главнокомандующій [2] молодъ, вѣроятно будетъ дѣятеленъ, а главное—близокъ къ Государю: это будетъ полезно для края.

Рѣшительно ничего не знаю, что̀ будетъ со мною послѣ коронаціи, но во всякомъ случаѣ вернусь въ Петербургъ. Руковод-

[1] Карскій.

[2] Князь Барятинскій.

ствуясь примѣромъ прежнихъ лѣтъ, ибо исторія прошедшаго есть зеркало будущаго, я полагаю, что мы будемъ имѣть нѣсколько лѣтъ мира: дай Богъ, чтобъ ихъ употребили съ пользою, а особенно, чтобъ приготовили генераловъ и свойственные Россіи союзы. Сколь ни горестно настоящее наше положеніе, но, сравнивая его съ 1807 годомъ, я вижу, что мы далеко ушли впередъ, по сравненію, чѣмъ тогда были наши непріятели въ отношеніи къ намъ, а Наполеонъ III гораздо менѣе твердъ во Франціи, чѣмъ I.

Впрочемъ не буду тебя обременять политикою; скажу только, что путешествіе мое въ нынѣшній разъ по Европѣ было весьма не непріятно въ нравственномъ отношеніи, но и весьма поучительно: я болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣдился, что вся будущность принадлежитъ Россіи, лишь бы мы не слишкомъ падали духомъ; но сердце Царево въ руцѣ Божіей, а Богъ милостивъ, поддержитъ Его: на людей же надѣяться нечего, особенно на окружающихъ.»

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Н. Н. Муравьевъ принялся съ горячностью за Амурскія дѣла. Онъ имѣлъ намѣреніе писать въ Трибуналъ, чтобы уполномоченные отъ Китайскаго правительства были отправлены въ Кяхту къ бѣлому мѣсяцу,[1] для трактованія съ нимъ и окончанія всѣхъ дѣлъ, и чтобъ, во избѣжаніе безполезной траты времени, чиновники сіи были снабжены надлежащими полномочіями, какъ и онъ, Муравьевъ, на этотъ предметъ уполномоченъ отъ великаго Государя своего.

«Въ присылкѣ Китайскихъ уполномоченныхъ я никакъ не отчаиваюсь,» писалъ Н. Н. Муравьевъ Н. Д. Свербееву отъ 8-го августа, «съ слѣдующимъ курьеромъ пришлю листъ въ Трибуналъ, которымъ я требую ихъ къ бѣлому мѣсяцу: я еще ни разу положительно ихъ не требовалъ и срока имъ не назначалъ, а между тѣмъ мы будемъ безостановочно дѣлать свое дѣло. Мартыновъ ѣдетъ на Амуръ съ предписаніемъ моимъ оставить тамъ посты наши на зиму, а весною поведемъ весь Амурскій полкъ.

Архимандритъ Палладій (изъ Пекина) чрезвычайно дипломатически пишетъ.»

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ добилось, что упоминаемый въ письмѣ этомъ листъ въ Трибуналъ не былъ посланъ.

Проживая въ Петербургѣ, Муравьевъ посылалъ оттуда свои предписанія и распоряженія, по дѣламъ Амурскимъ, М. С. Корсакову: такъ отъ 9-го августа онъ шлетъ ему слѣдующее предписаніе: «По разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ мнѣ съ адъютантомъ подполковникомъ Моллеромъ бумагъ отъ генералъ-маіора Венцеля

---

[1] Новый годъ.

и отъ васъ, я нахожу, что не встрѣчается никакого особеннаго препятствія оставить учрежденные вами на лѣвомъ берегу Амура посты на всю зиму, если только не будетъ особеннаго затрудненія къ помѣщенію тамъ людей во время зимы. Оставленіе этихъ постовъ на зиму совершенно было бы согласно и съ волею Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала, прочитавшаго съ удовольствіемъ ваше донесеніе: а потому, расчитывая, что командируемый къ вамъ съ симъ адъютантъ мой, войсковой старшина Мартыновъ, можетъ прибыть на мѣсто сплава въ первыхъ числахъ сентября, и что главнѣйшій постъ, находящійся на устьѣ рѣки Зеи, не можетъ быть еще снять прежде второй половины сентября, т. е. когда пройдутъ тамъ послѣднія войска съ устьевъ Амура; я прошу васъ послать немедленно предписаніе войсковому старшинѣ Хилковскому оставить на устьѣ рѣки Зеи не менѣе 50-ти человѣкъ казаковъ изъ желающихъ поступить въ Амурскій конный полкъ, расположивъ ихъ тамъ сколь возможно удобнѣе, съ тѣмъ, что съ первымъ сплавомъ будущей весны будутъ къ нимъ доставлены ихъ семейства и все домашнее обзаведеніе для окончательнаго тамъ поселенія.

Сомнительно, чтобъ приказаніе это могло достигнуть къ дальнѣйшимъ постамъ, въ вѣдѣніи войскового старшины Хилковскаго находящимся, но на постахъ Кумарскомъ и Кутомандскомъ, во всякомъ случаѣ, посты должны быть учреждены на всю зиму.

Вмѣсто войскового старшины Хилковскаго, который непремѣнно долженъ возвратиться для окончательнаго сформированія Амурскаго полка и отправленія онаго по сплаву будущаго года, я предлагаю вамъ назначить въ Усть-Зейскій постъ вполнѣ благонадежнаго оберъ-офицера, который бы въ особенности зналъ мѣстный языкъ и былъ уже знакомъ съ тамошними жителями. Къ властямъ города Чернорѣцка (Сахалянъ-Ула-Хотона) вы не имѣете надобности писать объ этомъ особаго листа, ибо достаточно уже того, что было вами имъ написано въ листѣ отъ 21-го мая, а офицеру, который будетъ оставленъ на Усть-Зейскомъ посту, дайте предписаніе отвѣчать на вопросы Китайскихъ чиновниковъ, что они остаются тамъ по приказанію начальства для храненія казеннаго имущества и для содержанія зимней почты съ войсками нашими, на устьяхъ Амура находящимися.

Капитанъ 1-го ранга Казакевичъ увѣдомляетъ меня, что онъ имѣлъ намѣреніе войти въ сношеніе съ вами объ учрежденіи сей зимней почты. Вполнѣ соглашаясь съ мыслію г. Казакевича, я предлагаю вамъ учредить это сообщеніе сколь возможно чаще, установивъ для онаго начальный пунктъ въ станицѣ Горбиченской.

Предлагая вамъ сдѣлать по разсужденію уже вашему всѣ подробнѣйшія, во исполненіе сего предписанія, распоряженія, я сообщаю вмѣстѣ съ симъ съ онаго копію для зависящихъ распоряженій председательствующему въ Совѣтѣ Главнаго Управленія генералъ-лейтенанту Венцелю, и поручаю вамъ отправить всѣ ваши распоряженія на Усть-Зею съ адъютантомъ же моимъ Мартыновымъ, если возможно, на пароходѣ «Надежда», дабы онъ могъ наипоспѣшнѣе прибыть къ мѣсту своего назначенія и возвратиться еще водою по р. Амуру.»

Въ Москвѣ же тѣмъ временемъ шли большія приготовленія къ коронаціи. Государь и вся Царская Фамилія были уже тамъ, проживая въ Останкинѣ, гдѣ графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ предложилъ гостепріимныя свои палаты Государю для отдохновенія отъ царственныхъ заботъ. Здѣсь Государь и Государыня говѣли, готовясь къ воспріятію Царскаго вѣнца.

«Я остался здѣсь», писалъ Н. Н. Муравьевъ М. С. Карсакову, отъ 18-го августа, изъ Петербурга, «очищать Сибирскія бумаги и ѣду въ Москву на будущей недѣлѣ, чтобъ быть ко дню коронаціи, такъ какъ между въѣздомъ и коронованіемъ мнѣ никакой тамъ обязанности не предстоитъ. Изъ письма моего съ Мартыновымъ ты уже знаешь, что я сдѣлалъ, не получая вашихъ представленій, и самое письмо Буссе я получилъ только послѣ отъѣзда Мартынова; но что не сдѣлается въ коронацію, можно сдѣлать послѣ: я останусь здѣсь до ноября, чтобъ покончить всѣ дѣла Сибирскія, здѣсь находящіяся. Успѣхъ этихъ дѣлъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ степени довѣрія, которымъ я здѣсь пользуюсь, а я самъ еще этой степени до сихъ поръ не знаю. Но во всякомъ случаѣ надлежащія объясненія по всѣмъ предметамъ могутъ воспослѣдовать только послѣ коронаціи, въ которую, какъ говорятъ, должны совершиться разныя важныя перемѣны.

Весьма сожалѣю, что Казакевичъ мнѣ ничего не написалъ, отплывая изъ твоей области, то есть изъ Усть-Стрѣлки или Шилкинскаго завода; между тѣмъ мнѣ было бы очень пріятно и любопытно имѣть отъ него вѣсти послѣ свиданія его съ тобою.

Я бы сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ ты заготовилъ сплавъ будущаго года, по соглашенію съ Казакевичемъ, но во первыхъ, самъ не знаю положительно, что туда въ будущемъ году будетъ нужно, а во вторыхъ и самъ Казакевичъ этого еще не знаетъ. Одно только могу сказать, что не нужно ни хлѣба, ни пороху, ни пушекъ, ни войскъ, а потому я желалъ бы, чтобъ весь сплавъ совершился одними пароходами съ ихъ причалками и съ морскими лишь командами или, наконецъ, съ людьми 15-го батальона, ко-

торымъ на зиму не слѣдуетъ возвращаться. Тебѣ же предстоитъ на будущій годъ сплавлять три или всѣ пять сотенъ Амурскаго полка съ ихъ семействами, и какъ можно ранѣе, чтобъ они успѣли обзавестись. Я буду ожидать твоего отвѣта, кому поручить Амурскую линію: Сеславину или Хилковскому: послѣдній, я думаю, лучше схозяйничаетъ и заведетъ торгъ съ сосѣдями, а это тамъ нужно. Изъ Москвы отправится съ моими распоряженіями курьеромъ въ Иркутскъ М. С. Волконскій, который долженъ на дняхъ возвратиться изъ-за границы, и поѣдетъ вмѣстѣ со мною въ Москву.

Не могу догадаться, кто «остается вѣрнымъ своимъ обязанностямъ, скрѣпя сердце»; объясни мнѣ это при свиданіи въ Иркутскѣ, но будь увѣренъ, что въ 9 лѣтъ управленія Восточной Сибирью я такъ много слышалъ и видѣлъ, что, право, сталъ глухъ и слѣпъ; это не риторическая фигура, а истина: зрѣніе и слухъ сдѣлались у меня очень слабы, хотя мнѣ на дняхъ только минуло 47 лѣтъ.

Зимою пріѣдутъ въ Иркутскъ Американцы, желающіе завести торговлю съ Сибирью; имъ особенно нужны: пенька, масло, кожи, мясо и наконецъ пшеница. Заводи все это.

По мнѣнію здѣшнихъ дипломатовъ, мы теперь дружимся съ Наполеономъ, а онъ яко бы уже не такъ друженъ съ Англіею. Мое же мнѣніе теперь не скажу: оно никому не пригодно: знаю только, что намъ полезно быть вездѣ готовыми къ войнѣ.»

За недѣлю до коронаціи былъ торжественный въѣздъ Государя въ Москву. «Въѣздъ Государя въ Москву совершился благополучно вчера, т. е. 19-го числа,» писалъ Н. Н. Муравьевъ брату Валеріану Николаевичу отъ 20-го августа, «а мнѣ нѣтъ надобности тамъ быть прежде, какъ только къ самому дню коронованія, ибо при въѣздѣ даже не было для меня мѣста. Я ѣду отсюда 22-го и буду въ Москвѣ 23-го, явлюсь 24-го и 25-го кому слѣдуетъ, 26-го буду въ Успенскомъ соборѣ. 27, 28, 29 и 30-го во всѣхъ представленіяхъ и выходахъ, 31, 1 и 2-го для окончательныхъ поклоновъ, а 3-го сентября полагаю выѣхать обратно, ибо не вижу никакой причины терять время въ Москвѣ, тогда какъ у меня множество дѣла въ Петербургѣ, гдѣ остается и моя канцелярія.»

И дѣйствительно, 26-го августа, въ самый день коронаціи, Н. Н. Муравьевъ присутствовалъ въ Успенскомъ соборѣ. Въ служеніи первенствовалъ маститый Московскій митрополитъ Филаретъ, въ золотомъ саккосѣ и пурпурномъ омофорѣ. Во время чтенія молитвы, предъ возложеніемъ порфиры и короны, Государь низко наклонилъ голову, которую Филаретъ покрылъ концомъ

омофора. «Этого не было при коронаціи Николая Павловича», замѣчаетъ очевидецъ, графъ М. В. Толстой. [1]

Въ коронацію помилованы были и возвращены политическіе преступники, въ томъ числѣ и декабристы. Вѣстникомъ ихъ свободы былъ М. С. Волконскій. [2] Въ день коронаціи Муравьевъ отправилъ его въ Сибирь курьеромъ съ милостивымъ манифестомъ по повелѣнію Государя, который самъ указалъ на него для этой цѣли Муравьеву.

«Поздравляю съ Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ препровождаю къ Венцелю», писалъ Н. Н. Муравьевъ къ Н. Д. Свербееву отъ 26-го августа; «теперь больше ничего не скажу, а черезъ двѣ недѣли потомъ буду о многомъ писать опредѣлительно. Поздравьте за меня Сергѣя Петровича.» [3]

Въ день 26-го августа Н. Н. Муравьевъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго, украшеннымъ брилліантами, при слѣдующемъ рескриптѣ, который мы приводимъ здѣсь вкратцѣ: «Постоянно отлично усердная служба ваша и вполнѣ успѣшное исполненіе предначертаній Нашихъ въ краѣ, вами управляемомъ, пріобрѣли вамъ право на истинную признательность Нашу.»

Но нравственное состояніе Николая Николаевича въ Москвѣ за это время было крайне тяжелое: ему пришлось пережить много огорченій, благодаря недружелюбію и несправедливости къ нему лицъ, близко стоявшихъ къ Государю: они всячески старались отдалить его отъ Государя, сдѣлать менѣе замѣтнымъ участіе его въ различныхъ коронаціонныхъ торжествахъ и умалить значеніе достигнутыхъ имъ результатовъ на пользу Россіи. Но что̀ особенно сильно потрясло Муравьева, доказавъ ему самымъ очевиднымъ образомъ, какъ мало обращали вниманія на его заслуги, и обнаруживъ несомнѣнное, во вредъ ему направленное, вліяніе его враговъ на Государя, — это возвышеніе князя Барятинскаго, который, хотя по спискамъ генералъ-лейтенантовъ стоялъ и ниже Муравьева, былъ однако произведенъ въ полные генералы.

«Николай Николаевичъ», какъ пишетъ М. И. Венюковъ [4] «тотчасъ подалъ въ отставку, и того же попросилъ другой, не менѣе извѣстный правдивостью, генералъ-губернаторъ и генералъ-

[1] Русск. Арх. 1881 г., стр. 127—128.

[2] 31-го августа 1856 г. Михаилу Сергѣевичу Волконскому было возвращено княжеское достоинство.

[3] Трубецкого.

[4] Русск. Стар. 1882 г., стр. 525.

лейтенантъ, князь С.[1] Государь не принялъ этихъ просьбъ: онѣ были единственными изъ всѣхъ обойденныхъ Барятинскимъ, и князь С., при встрѣчѣ съ Муравьевымъ во дворцѣ, рѣзко выразился по этому поводу. Князю С., издавна извѣстному рѣзкими выходками, это прошло; но на Муравьева нѣкоторое время косились.»

Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ письмѣ[2] адъютанта Муравьева А. Моллера къ М. С. Карсакову: «Возвратившись изъ Москвы послѣ перенесенныхъ тамъ многочисленныхъ огорченій, я ожившился, получивъ изъ Читы ваше доброе письмо. Я началъ свое письмо съ нашихъ московскихъ огорченій. Вы должны понять, что здѣсь идетъ рѣчь въ особенности о Николаѣ Николаевичѣ. Было бы въ настоящее время слишкомъ долго разсказывать всѣ подробности: поэтому я ограничусь начертаніемъ вамъ наскоро самаго главнаго. Безчисленные обманы, постоянное нарушеніе принятаго порядка — вотъ что ожидало Муравьева въ Москвѣ: наконецъ, возвышеніе Барятинскаго было послѣднею каплею, переполнившею уже полную чашу, доказавъ ему этимъ, какъ мало цѣнили его дѣла и заслуги; равно какъ многіе предшествовавшіе факты слишкомъ доказали, какъ мало ему довѣряли. Его положеніе становилось невозможнымъ: удаленный по своей службѣ въ предѣлы Азіи, Муравьевъ чувствовалъ тамъ себя связаннымъ, будущее представлялось ему ограниченнымъ и даже опаснымъ съ той минуты, когда онъ не могъ болѣе расчитывать на полное довѣріе того, для славы котораго онъ предпринималъ столько великихъ дѣлъ въ ущербъ своему благосостоянію и рискуя своею будущностію. Несмотря на дѣйствительное и глубокое огорченіе, какое я испытывалъ, видя, какъ вдругъ помрачается столь блестящая карьера, я слишкомъ хорошо понималъ это положеніе, чтобы позволить себѣ какое-нибудь возраженіе противъ крайности рѣшительнаго поступка. 30-го августа Н. Н. Муравьевъ подалъ прошеніе Государю объ отставкѣ.» — Прерываемъ это письмо и скажемъ, что Государь Императоръ, какъ намъ уже извѣстно, не принялъ отъ Муравьева отставки и соизволилъ чрезъ военнаго министра[3] объявить лично Муравьеву, чтобы онъ продолжалъ свою полезную дѣятельность. Сильно потрясенный нравственно всѣмъ предшествующимъ, Николай Николаевичъ не могъ переговорить обо всемъ съ Н. А. Сухозанетомъ при личномъ свиданіи, а потому вынужденъ былъ

---

[1] Суворовъ.

[2] Письмо это мы предлагаемъ въ переводѣ съ французскаго. Подлинникъ этого письма хранится въ архивѣ князя М. С. Волконскаго.

[3] Н. А. Сухозанета, замѣнившаго князя Долгорукова.

послать ему слѣдующее письмо отъ 1-го сентября: «Ваше высокопревосходительство изволили мнѣ лично объявить Всемилостивѣйшее желаніе Его Величества, чтобъ я оставался служить генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, и я имѣлъ честь доложить вамъ, какія, кромѣ болѣзни, причины заставляли меня просить объ увольненіи отъ службы. Желаніе Государя было, есть и будетъ для меня всегда закономъ, я не въ такой степени боленъ, чтобъ не могъ доѣхать до Иркутска, но смѣю и долженъ повторить здѣсь, что, безъ особеннаго довѣрія Государя Императора, я буду тамъ для края безполезенъ, а для себя вреденъ; слабое здоровье мое легче перенесетъ трудные пути и лишенія. чѣмъ непріятности, проистекающія или отъ неполноты довѣрія ко мнѣ, или отъ незначительности положенія моего, или наконецъ отъ желанія уменьшить достоинство того, что въ девять лѣтъ сдѣлано въ Восточной Сибири: я все это испыталъ въ послѣдній годъ моего управленія, и нѣсколько жестокихъ болѣзненныхъ припадковъ чуть-чуть не положили меня въ гробъ, а я смѣю думать, что для пользы службы лучше, чтобъ я умеръ здѣсь, чѣмъ тамъ, въ полномъ исполненіи моихъ обязанностей.

Особенное довѣріе Государя къ генералъ-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя по обстоятельствамъ облечь тѣми званіями, коихъ требуетъ важность этого мѣста; но званія эти ограждаютъ отъ отвѣтственности предъ закономъ, слѣдственно генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, неимѣющій этого огражденія, долженъ, по крайней мѣрѣ, быть убѣжденъ, что Государь его не обвинитъ и не предастъ суду законовъ.

По безпредѣльной любви моей къ Престолу и отечеству и по свойственному мнѣ самоотверженію, я преодолѣвалъ и это чувство страха, но лѣта и болѣзни ослабили духъ мой, я уже не въ состояніи повторить то, что я дѣлалъ прежде, и чтобъ быть еще полезнымъ въ Восточной Сибири, я ищу выраженія особеннаго довѣрія Государя, я чувствую необходимость быть избавленнымъ отъ тѣхъ непріятностей, которымъ я подвергался: онѣ убьютъ меня или заставятъ сдѣлаться слѣпымъ исполнителемъ *буквы* закона, что̀ для пользы службы въ Восточной Сибири было бы еще хуже.

То, что̀ я излагаю здѣсь, я излагалъ въ запискѣ, которая передъ войною еще удостоилась быть прочитанною Государемъ Императоромъ; я говорилъ тамъ по убѣжденію, что главный начальникъ Восточной Сибири долженъ быть облеченъ особенною степенью довѣрія и значенія,—теперь послѣднее невозможно.

Смѣю надѣяться, что ваше высокопревосходительство не усумнитесь въ искренности всего мною вамъ доложеннаго и

написаннаго, но, къ сожалѣнію, могу сказать, что никто не могъ испытать въ этомъ отношеніи того, что̀ я испыталъ, ибо никто не былъ въ томъ исключительномъ положеніи служебномъ, въ которомъ я нахожусь девять лѣтъ.»

«Послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ свиданій Муравьева съ министрами, бывшими и настоящими,» продолжаемъ письмо А. Моллера къ М. С. Карсакову, «Николая Николаевича вызвали къ Великому Князю Константину Николаевичу, которому удалось подѣйствовать на сердце Муравьева и убѣдить его не оставлять своего мѣста. По возвращеніи домой отъ Великаго Князя, Муравьевъ разразился страшнымъ гнѣвомъ на самого себя, упрекая себя въ слабости. Мало кто въ Москвѣ понялъ побудительную причину поступка Муравьева: узкіе умы, мелкіе характеры не могли понять негодованія оскорбленнаго достоинства, справедливаго отвращенія непризнаннаго таланта, оскорбленнаго достоинства честнаго человѣка, какимъ былъ Муравьевъ. Какъ и нужно было ожидать, они увидѣли во всемъ, что̀ произошло, только капризъ мелкой подозрительности, припадокъ несчастной зависти. Это вездѣ довольно распространенное мнѣніе было верхомъ московскихъ огорченій. Я вамъ говорю все это только наскоро и въ общихъ чертахъ. Черезъ три мѣсяца я буду въ Иркутскѣ и тогда буду имѣть возможность познакомить васъ со всѣми подробностями этого послѣдняго случая.»

«Я остаюсь генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и возвращусь въ Иркутскъ къ 15-му декабря», писалъ Н. Н. Муравьевъ къ М. С. Карсакову отъ 3-го сентября: завтра я возвращусь изъ Москвы въ Петербургъ: здѣсь мнѣ дѣлать нечего, а тамъ работы пропасть, а до ноября надо все покончить. А. А. Моллеръ ѣдетъ во Францію и возвратится съ женою моею, которая не думала уже ѣхать въ Сибирь, ожидая меня на зиму во Францію; но сердце не камень: я остался, можетъ быть, на свою гибель, но что̀ дѣлать, если у меня сердце часто беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Штубендорфъ [1] назначается губернаторомъ въ Якутскъ, вмѣсто Григорьева, который увольняется отъ службы съ 2.000 р. пенсіона.

Съ Сашею Карсаковымъ [2] мы видѣлись и много толковали: онъ по-христіански утѣшаетъ меня, что я остался въ Сибири, а я по-человѣчески ничего хорошаго въ этомъ не вижу ни для Сибири, ни для себя, ни для тѣхъ, которые убѣдили меня остаться.»

---

[1] Юлій Ивановичъ, докторъ медицины, чиновникъ особыхъ порученій при Н. Н. Муравьевѣ.

[2] А. С. Карсаковъ, флигель-адъютантъ, женатый на дочери П. Н. Муравьева (Карскаго).

LV.

Возвращеніе Муравьева послѣ коронаціи въ Петербургъ и дѣятельность его тамъ. Письмо его къ Карсакову.—Выѣздъ Муравьева въ Иркутскъ.—Высочайшее утвержденіе Приморской области Восточной Сибири.—Прибытіе къ устью Амура корвета «Америка» и двухъ купеческихъ судовъ: барка «Берингъ» и корабля «Европа».—Постройка станціи между Маріинскомъ и Николаевскомъ.—Открытіе перваго зимняго почтоваго сообщенія по Амуру.—Переписка съ Китайскимъ правительствомъ.—Назначеніе Путятина посланникомъ въ Китаи.—Письма Муравьева къ Карсакову.

—

1856 г.

——

По прибытіи въ С.-Петербургъ, Н. Н. Муравьевъ продолжалъ еще усиленнѣе заниматься тѣми Амурскими дѣлами, которыя требовали его присутствія въ Петербургѣ, спѣша покончить ихъ къ отъѣзду своему обратно въ Сибирь; а въ то же время онъ неустанно давалъ письменныя свои приказанія и наставленія М. С. Карсакову.

Что̀ особенно заботило Муравьева—такъ это развитіе поселеній по Амуру, какъ то видно изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Карсакову.

«Завтра или послѣзавтра отправляю я курьера въ Иркутскъ:» писалъ Н. Н. Муравьевъ отъ 21-го сентября: «письмо твое я получилъ и выписку изъ него, касающуюся до Амура, тотчасъ же послалъ къ Великому Князю. Благодарю тебя отъ души и радуюсь искренно твоему хорошему началу въ Забайкальской области: осмотрѣть, узнать вещи въ подробности своими глазами, снисходительно исправить ошибки прежняго управленія, отдавать справедливость людямъ въ томъ, что̀ они дѣлаютъ хорошаго при нѣкоторыхъ недостаткахъ въ другихъ отношеніяхъ, заботиться вообще о сути, но не о наружности—суть истинныя достоинства

администратора способнаго и благонамѣреннаго. Но за намѣреніе твое продать атаманскій домъ Областному Правленію не могу похвалить: надобно не забывать и своего покоя, а ты тогда останешься и безъ дома, и даже безъ денегъ на наемъ, которыя назначить атаману нельзя, и будешь жить въ гадкой квартирѣ, что̀ даже военному губернатору и неприлично.

Пусть Провіантская Коммиссія (разумѣется, не иначе, какъ чрезъ военнаго губернатора) озаботится заготовленіемъ предметовъ, потребныхъ для войскъ на устья Амура, тѣмъ болѣе, что она должна расчитать, сколько чего туда нужно на будущій годъ. Тебѣ же предстоитъ важное дѣло и забота—это сплавъ и снабженіе Амурскаго полка; оффиціальное объ этомъ предписаніе я дамъ только въ Иркутскѣ, послѣ личныхъ съ тобою объясненій и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя доставитъ Хилковскій, когда возвратится оттуда. Но теперь озаботься получить вѣрныя свѣдѣнія, сколько наберется у насъ охотниковъ-казаковъ въ этотъ полкъ, причисливъ къ нимъ и тѣхъ, которые переселяются изъ Верхнеудинскаго округа. Свѣдѣнія эти покажутъ, сколько можно сформировать сотенъ собственно въ будущемъ году, т. е. 3, 4 или всѣ 5. Чѣмъ скорѣе мы заселимъ ими лѣвый берегъ, тѣмъ лучше. Теперь же хлѣбъ дешевъ, мы можемъ снабдить ихъ двухгодовымъ запасомъ онаго, покуда успѣютъ свои поля обработать. Надобно также положительно и окончательно рѣшить въ Иркутскѣ въ декабрѣ, гдѣ расположить сотенные штабы и наибольшую массу казаковъ. На устьѣ Зеи я полагаю быть двумъ сотнямъ, отъ коихъ посты будутъ сзади, т. е. до Усть-Стрѣлки; на устьѣ Буреи—одна сотня, противъ Сунгари—также одна, противъ Уссури—одна и наконецъ шестая—противъ Маріинскаго поста. Если въ будущемъ году пойдутъ только 3 сотни, то надобно двѣ поставить прямо на Усть-Зею и одну на устье Буреи, такъ какъ отъ сей послѣдней будутъ посты къ низу и войдутъ въ связь съ постами 6-й сотни.

Кромѣ сготовленія Амурскаго полка, предпишемъ тебѣ также имѣть въ готовности все твое пѣшее и конное войско, а также и казачью артиллерію, ибо Китайское правительство весьма не прочно, и легко можетъ статься, что намъ придется идти въ Китай сухимъ путемъ. Это обстоятельство столь возможно, что я даже не намѣренъ и въ будущемъ лѣтѣ плыть на Амуръ, а останусь въ Иркутскѣ и поѣду только къ тебѣ за Байкалъ на время майскихъ сборовъ.

Много предметовъ привлекаютъ меня въ Сибирь, хотя и просилъ отставку: но скажу, что по сердцу мнѣ всего болѣе хочется

видѣть тамъ тебя, побесѣдовать съ тобою о здѣшнихъ и тамошнихъ дѣлахъ, полюбоваться твоею административною опытностью, посмотрѣть наше родное Забайкальское войско, которое я такъ давно не видалъ, и возвратиться, если я тамъ болѣе не нуженъ.»

Затѣмъ, въ письмѣ отъ 10-го октября Н. Н. Муравьевъ писалъ: «Жду Сеславина: онъ со дня на день долженъ явиться ко мнѣ съ донесеніемъ о благополучномъ возвращеніи казачьяго батальона и другихъ войскъ вверхъ по Амуру. Богъ вѣсть, когда все это меня порадуетъ. Во вторыхъ, объ Амурѣ: я опять, какъ неисправимый грѣшникъ въ этомъ отношеніи, вошелъ съ новымъ представленіемъ объ учрежденіи Амурской линіи и особаго для нея начальника, подъ начальствомъ, разумѣется, военнаго губернатора Забайкальскаго. Основаніемъ же къ этому учрежденію служитъ то, что я предполагаю переселить на Амуръ, кромѣ Амурскаго коннаго полка, и цѣлую пѣшую бригаду казаковъ, которая должна быть избрана изъ всего пѣшаго казачьяго войска, и затѣмъ въ Забайкальскомъ войскѣ останутся двѣ только пѣшихъ бригады. Если тамъ удастся въ будущемъ 1857 году поселить весь Амурскій полкъ, то потомъ ежегодно должно сплавлять по одному пѣшему батальону. Благо у васъ теперь урожай хорошій, то это и можно, особенно когда всѣ хлѣбные запасные магазины будутъ у тебя наполнены. Однакожъ, кстати о магазинахъ, озаботься, чтобъ у тебя не только казачьи, но и всѣ магазины наполнились, а также и тѣ, которые наполняются на счетъ особаго капитала по 3-му отдѣленію Главнаго Управленія, и всѣ были розданы въ долги. Наконецъ, въ третьихъ, дѣло горное; Л. А. Перовскій съ великимъ неудовольствіемъ говорилъ мнѣ на дняхъ, что наши каторжные страшно бѣгутъ, и что его увѣдомили частнымъ образомъ, что ихъ въ послѣдній годъ бѣжало 1.000 человѣкъ, что число горныхъ служителей также постоянно уменьшается, что все это голодно и голо, и что по всему этому необходимо имѣть горныхъ крестьянъ. Заключеніе это, разумѣется, указываетъ мнѣ, откуда эти вѣсти и въ какой степени онѣ правдоподобны. Но тѣмъ не менѣе, прошу тебя переговорить съ Дейхманомъ обо всѣхъ этихъ случаяхъ, которые можно опровергнуть только фактами. Не сомнѣваюсь, что въ его управленіе устранятся многіе недостатки, которые гнѣздились прежде, ибо у него съ Петровскаго завода всегда менѣе бѣжало рабочихъ, а число служителей частнаго званія тамъ не уменьшалось. Скажи Дейхману, чтобъ онъ подготовилъ къ декабрю дѣльный мнѣ обо всемъ этомъ докладъ и пріѣхалъ бы въ Иркутскъ къ Рождеству, причемъ полезно было бы имѣть и общую вѣдомость убыли и бѣжавшихъ

въ теченіе послѣдняго года, такъ, напримѣръ, съ 1-го сентября прошлаго по 1-е сентября нынѣшняго, чтобъ сообщить Перовскому, какъ только я возвращусь въ Иркутскъ. Помни, что бѣглецы и у тебя на душѣ, ибо твои казаки ихъ караулятъ, и увеличеніе числа бѣглыхъ падаетъ прямо на дурной караулъ.

Я постоянно твержу Великому Князю, что ты долженъ современемъ заступить мое мѣсто въ Восточной Сибири: это мысль моя, по убѣжденію, на пользу края и Россіи. Поэтому тебѣ слѣдуетъ себя къ этому готовить, и лучшее средство — опытъ, а лучшаго опыта имѣть нельзя, какъ вся твоя служба въ Восточной Сибири и въ особенности настоящее твое назначеніе. Устрой Забайкальскую область и войско — тогда поведешь хорошо и дѣла всей Восточной Сибири, а дѣло Амурское никто лучше тебя продолжать не сумѣетъ. Отказываться тебѣ отъ этой будущности было бы грѣшно и передъ отечествомъ и передъ самимъ собою.»

Въ этомъ письмѣ мы въ первый разъ видимъ слѣдъ оффиціальныхъ настояній Муравьева на назначеніе въ будущемъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Карсакова, котораго онъ такъ давно и настойчиво готовилъ себѣ въ преемники. Затѣмъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, Н. Н. Муравьевъ пишетъ М. С. Карсакову отъ 29-го октября уже слѣдующее: «Государь Императоръ, по личному моему докладу, приказалъ произвести тебя въ генералъ-маіоры по манифесту 6-го декабря. Вмѣстѣ съ тѣмъ я доложилъ Государю, что ты долженъ быть моимъ преемникомъ, и Онъ принялъ это съ одобреніемъ. Итакъ, ты долженъ посвятить себя службѣ въ Сибири надолго. Но для того, чтобъ все это могло совершиться, я самъ остаюсь на нѣсколько лѣтъ.

Государь утвердилъ переселеніе на Амуръ, кромѣ Амурскаго полка, еще одной пѣшей бригады; при этомъ утвержденъ маленькій штатъ управленія этою линіею, которая остается подъ твоимъ начальствомъ. Дѣло это я начну: конный полкъ пойдетъ въ 1857 году, а одинъ пѣшій баталіонъ въ 1858 году переселится при мнѣ, а остальные три уже при тебѣ. Все это остается между нами.»

Вскорѣ послѣ этого письма Н. Н. Муравьевъ выѣхалъ въ Иркутскъ черезъ Москву.

Въ это пребываніе Муравьева въ Петербургѣ, именно въ концѣ 1856 года, вслѣдствіе личныхъ его ходатайствъ, Высочайше была утверждена Приморская область Восточной Сибири, въ составъ которой вошла прежняя Камчатская область, Удской край и Пріамурскій край. Мѣстопребываніемъ военнаго губернатора назначенъ Николаевскъ на устьѣ Амура, имя котораго по этому случаю въ первый разъ было объявлено печатно въ оффиціальныхъ

актахъ. Вмѣсто же прежней Камчатской флотиліи была Высочайше учреждена Сибирская флотилія на Восточномъ океанѣ. Исправлявшій должность Камчатскаго военнаго губернатора Казакевичъ былъ вмѣстѣ съ этимъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Приморской области Восточной Сибири и командиромъ Сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана. Такимъ образомъ, учрежденіемъ новой области явно признавалась зависимость устья Амура отъ Россіи, и Пріамурскій край съ этого времени оффиціально присоединялся къ Русскимъ владѣніямъ въ Азіи.

«Странно,» замѣчаетъ по этому поводу Ф. Шперкъ, [1] «что постепенное занятіе Амурскаго края совершилось помимо воли и желанія Китая и даже безъ всякаго съ его стороны сопротивленія. А потому заслуга Муравьева въ этомъ случаѣ велика именно тѣмъ, что онъ сумѣлъ поставить себя къ Китайскимъ властямъ на Амурѣ такъ, что онѣ его сильно побаивались и, видя въ немъ распорядителя крайне энергичнаго, а въ случаѣ необходимости и готоваго рѣшиться на все, боялись его прогнѣвить и часто помимо своего желанія соглашались съ его доводами.»

Въ навигацію того же года прибыли къ устью Амура изъ Соединенныхъ Штатовъ военный пароходъ-корветъ «Америка» и два купеческихъ судна: баркъ «Берингъ» съ грузомъ товаровъ и корабль «Европа», доставившій заказанные капитаномъ Казакевичемъ въ Соединенныхъ Штатахъ механическое заведеніе и рѣчные желѣзные пароходы, названные «Сунгари» и «Уссури», а въ Петербургѣ переименованные въ «Амуръ» и «Лена».

Осенью между Маріинскомъ и Николаевскомъ были построены, по распоряженію Н. Н. Муравьева, почтовыя станціи; на каждую было поставлено по 4 лошади, нѣсколько казаковъ и крестьянъ, и зимою открыто было первое по Амуру почтовое сообщеніе на лошадяхъ, тройками и въ кибиткахъ. Въ эту же зиму совершено было Паргачевскимъ первое путешествіе по льду Амура на собакахъ и лошадяхъ изъ Николаевска въ Забайкальскую область.

Въ то же время возникла переписка съ Китайскимъ правительствомъ о назначеніи въ Пекинъ новой миссіи, и въ отвѣтахъ Китайцевъ иногда проявлялись замѣтки объ Амурѣ. Такимъ образомъ, до этого времени сношенія наши съ Китаемъ ограничивались маловажною перепискою о разграниченіи и сожженіи нашей факторіи въ Чугучакѣ;—но при всемъ этомъ, смыслъ листа нашего Сената, посланнаго въ 1853 году о томъ, что разграниченіе поручено генералъ-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Мура-

[1] Записки Импер. Русск. Географ. Общ., т. XIV, С-Пб. 1885 г.

вьеву, оставался неизмѣннымъ. Послѣ отъѣзда Николая Николаевича изъ С.-Петербурга въ Сибирь, былъ назначенъ посланникомъ въ Китай графъ Путятинъ, по случаю особенныхъ обстоятельствъ, возникшихъ между Россіею и Китаемъ. какъ было сказано въ извѣщеніи объ этомъ Пекинскому Трибуналу.

Несмотря, однако. на всѣ препятствія, какія ставились Муравьеву со стороны Петербургскихъ его недоброжелателей, на дѣло Амура повѣяло, наконецъ. благопріятнымъ вѣтромъ, и оно двинулось впередъ, какъ то мы усматриваемъ изъ слѣдующаго письма Муравьева къ М. С. Карсакову отъ 1-го декабря изъ Москвы: «Не думаю, чтобъ мнѣ можно было выѣхать отсюда ранѣе недѣли, и потому хочу еще разъ письменно побесѣдовать съ тобою. Дѣло Амура, какъ ты видишь уже изъ бумагъ. явно и рѣшительно поддерживается правительствомъ: теперь не только Государь и Великій Князь, но и всѣ министры въ пользу его. Наконецъ. въ глазахъ и мнѣніи Государя, Великаго Князя и военнаго министра, ты преемникъ мой къ приведенію въ исполненіе этого дѣла. которое должно вознаградить Россію за все то, что она терпитъ отъ Запада. Крѣпись же ты въ этой мысли и отстрани всякія лишнія побужденія, которыя бы могли быть ей противны. Я сдѣлалъ величайшую жертву для Амура. возвращаясь въ Сибирь, ибо и мнѣ и женѣ *необходимо* было бы жить въ умѣренномъ климатѣ. особливо зимою. Я сдѣлалъ ее для того, чтобы не поставить правительство въ затрудненіе выбирать новаго человѣка на мое мѣсто и чтобы приготовить моего преемника, и кромѣ тебя никого въ виду не имѣю. Девять лѣтъ предположенія мои исполнялись; не вижу никакихъ естественныхъ причинъ, чтобъ онѣ не могли исполняться еще въ слѣдующія пять или шесть лѣтъ. Но самъ я, по причинамъ чисто физическимъ, едва-ли могу оставаться болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, а, можетъ быть. и менѣе. Остальное предстоитъ тебѣ окончить и продолжать. что самъ уже придумаешь, на пользу и славу Россіи.

У тебя есть въ Иркутскѣ и друзья, и враги; ты ихъ знаешь лучше меня. Послѣдніе изъ зависти: они не заслуживаютъ никакого вниманія: они трусливы. будутъ тебѣ дѣлать маленькіе крючки, даже за моею подписью: не обращай на это никакого вниманія — не стоитъ это сердца: я долженъ держать и трусовъ, способныхъ къ канцелярской работѣ, т. е. людей. которыхъ я не уважаю, ибо выборъ въ Сибирь не такъ удобенъ, какъ въ другое мѣсто. а сибирскій опытъ труднѣе пріобрѣсть. чѣмъ всякій другой.

Добрый нашъ Венцель—прекрасное орудіе, чтобы главное дѣло шло своимъ порядкомъ; я молю Бога, чтобы онъ могъ еще

два-три года, со мною вмѣстѣ и въ моихъ отсутствіяхъ, смягчать порывы мелкихъ честолюбцевъ и поддерживать безъ потрясеній главныя черты даннаго мною направленія. Я предпочитаю его всякому другому и радъ, что Богъ далъ мнѣ его помощникомъ. Будь съ нимъ особенно почтителенъ и друженъ и сохраняй твои дружескія отношенія съ Казакевичемъ; со всѣми другими поступай, какъ сердце и благоразуміе твое укажутъ, памятуя только, что польза дѣла должна предшествовать всякой личности.

Избери себѣ въ Иркутскѣ порядочное Областное Правленіе и составь предположеніе о штабѣ Амурской линіи, такъ чтобъ по пріѣздѣ моемъ мнѣ оставалось только утвердить. Кукель долженъ быть въ твоихъ рукахъ и знать, что казачье отдѣленіе никогда не подчинится штабу, пока я въ Сибири. Штабъ—дѣло временное, а отдѣленіе—навсегда.»

Вотъ въ какихъ сердечныхъ выраженіяхъ и какъ твердо высказываетъ Муравьевъ взглядъ свой на служебныя обязанности, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ отеческое наставленіе своему желаемому преемнику М. С. Карсакову. Онъ хотѣлъ быть увѣреннымъ, что дѣло, столь близкое его сердцу, не погибнетъ, а будетъ идти по пути, имъ указанному: только передавъ въ надежныя руки завершеніе всего, имъ начатаго. Муравьевъ могъ спокойно покинуть свой постъ,—примѣръ столь рѣдкій, къ сожалѣнію, среди государственныхъ людей!

Николай Николаевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ практическихъ администраторовъ, которые стремятся къ достиженію своей цѣли самыми простыми, уже испытанными и для всѣхъ ясными средствами. Обдумывая свои мѣропріятія, Муравьевъ болѣе всего заботился объ устраненіи всѣхъ недоумѣній и случайностей, чтобы осуществленіе было для всѣхъ удобно и легко, а неисполненіе невыгодно. Но бывали случаи, когда Муравьевъ быстро принималъ самыя смѣлыя, рѣшительныя мѣры и, нисколько не задумываясь, шелъ на встрѣчу всякимъ случайностямъ. Не можемъ не упомянуть здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ, ярко рисующемъ эту черту характера Муравьева,—обстоятельствѣ, сообщенномъ намъ однимъ изъ близкихъ свидѣтелей происшествія, Я. П. Шишмаревымъ: «Въ пятидесятыхъ годахъ произошелъ бунтъ между старовѣрами Забайкальской области, Бичурскаго селенія. Причиною бунта послужило преслѣдованіе земской администраціей раскольничьяго попа, привезеннаго изъ Москвы и скрываемаго Бичурскими крестьянами. Когда земскій засѣдатель Ч-ій хотѣлъ арестовать на дорогѣ попа, котораго раскольники развозили по селеніямъ, то собравшаяся толпа отняла его, засѣдателя избила, увезла въ

Бичуру и тамъ, послѣ новыхъ истязаній, бросили въ подполье Волостного Правленія.—Получивъ объ этомъ извѣстіе, въ осеннее время, когда чрезъ Байкалъ не было сообщенія, Муравьевъ тотчасъ же поскакалъ верхомъ вокругъ Байкала, и затѣмъ на перекладной одинъ пріѣхалъ въ Бичуру. Здѣсь онъ нашелъ собравшихся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ раскольниковъ, вооруженныхъ ружьями, топорами, рогатинами и дубинами, а не въ далекомъ отъ нихъ разстояніи стояла рота линейнаго батальона подъ командою капитана Лыткина. Выйдя изъ деревенской, какъ называютъ въ Сибири, «перекладушки» и принявъ рапортъ отъ начальника роты, а затѣмъ выслушавъ объясненія земскаго исправника, Муравьевъ пошелъ одинъ по направленію къ шумѣвшимъ бунтовщикамъ. Отважный, энергичный видъ быстрыми шагами приблизившагося главнаго начальника края, оглянувшаго толпу грознымъ взглядомъ и крикнувшаго рѣзкимъ, не допускающимъ ослушанія, голосомъ: «*Смирно, бросить оружіе!*»—привелъ въ смятеніе раскольниковъ; они притихли и положили оружіе на землю. «*На колѣни!*» крикнулъ графъ Н. Н. Муравьевъ. Вся толпа опустилась на колѣни и поклонилась въ землю. Тогда Муравьевъ приказалъ бунтовщикамъ выдать немедленно лже-попа и зачинщиковъ, сказалъ толпѣ раскольниковъ назиданіе и, увѣренный въ непремѣнномъ исполненіи своихъ приказаній, уѣхалъ обратно. Онъ не ошибся: лже-попъ и пятеро главныхъ зачинщиковъ были выданы полиціи и отправлены въ Верхнеудинскую тюрьму, а возстаніе утихло.» Что же касается вообще энергичной дѣятельности Муравьева въ Сибири, то нашъ маститый писатель И. А. Гончаровъ [1] мѣтко обрисовалъ это въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: «Муравьевъ, кажется, нарочно созданъ для совершенія переворотовъ въ пустомъ безлюдномъ краѣ! онъ и совершилъ ихъ не мало. Объ этомъ скажетъ исторія.»

«Жди меня непремѣнно въ Иркутскѣ хотя бы до половины декабря,» такъ писалъ Н. Н. Муравьевъ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы отъ 5-го декабря къ М. С. Карсакову: «а чтобы время не пропадало, приготовляй Амурское дѣло, какъ бы самъ я былъ въ Иркутскѣ. На дняхъ я получилъ письмо отъ Сухозанета; онъ пишетъ мнѣ о нарѣзныхъ ружьяхъ, коихъ я просилъ еще 1.600 штукъ; говоритъ, что сдѣлаетъ распоряженіе, но разрыва не ожидаетъ.

Ружья должно отправить на устье Амура; жаль, что Сеславинъ ихъ взялъ оттуда. Въ каждый изъ твоихъ баталіоновъ я

---

[1] Русское Обозрѣніе, январь, 1891 г., стр. 9.

дамъ по 100 штукъ, по 800 должны остаться у Казакевича; поэтому привезенныя Сеславинымъ надобно возвратить съ первою навигаціею на Амуръ. Постарайся убѣдить любителей легкой войны съ Китайцами, что ея не будетъ, а что если будемъ драться, то *съ Англичанами на смерть;* c'est à dire: on n'aura pas de gloire *à bon marché.*

Пожалуйста, пиши Казакевичу, чтобъ онъ не огорчался мелкими штабными крючками: не досмотрѣть же мнѣ за всякимъ словомъ.—Прощай: готовься къ новому будущему своему назначенію; я пробуду столько, сколько нужно, чтобъ ты укрѣпился. Казакевичъ произведенъ въ контръ-адмиралы.»

Не доѣзжая до Иркутска, Н. Н. Муравьевъ остановился на Тельминской фабрикѣ: «Наконецъ я подъ Иркутскомъ и пользуюсь раннимъ сюда пріѣздомъ, чтобъ осмотрѣть здѣшніе заводы,» извѣщалъ онъ М. С. Карсакова оттуда отъ 12-го декабря; «въ Иркутскъ пріѣду къ самому обѣду, между 3-мя и 4-мя часами, а потому распорядись, чтобы у насъ обѣдъ былъ на славу, и пригласи Карла Карловича [1] и Александра Викторовича; [2] затѣмъ ты, я, Александръ Петровичъ [3] и адъютантъ Наслѣдника—мы вшестеромъ разопьемъ бутылокъ 6 шампанскаго за различныя здоровья.

Если кто пожелаетъ встрѣтить меня у меня дома, то прошу въ залу наверхъ, а внизу у насъ будетъ столъ накрытъ и дверь заперта. Почетнаго караула не нужно, ординарцевъ также: я, вѣдь, не начальникъ штаба, да и морозъ великъ. Гермогенъ Трапезниковъ [4] чтобъ былъ непремѣнно.»

[1] Генералъ Венцель.
[2] Декабристъ Поджіо.
[3] Рыкачевъ, эсаулъ, состоящій для особыхъ порученій.
[4] Экзекуторъ Главнаго Управленія.

LVI.

Мнѣніе Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича о необходимости послать довѣренное лицо въ Китай.—Сообщеніе Его Муравьеву изъ Дрездена о намѣреніи Англичанъ и Французовъ.—Назначеніе графа Путятина полномочнымъ въ Китай.—Возвращеніе Муравьева въ Иркутскъ и его занятія.—Письмо Муравьева къ Карсакову и донесеніе его Великому Князю Константину Николаевичу.

—

1857 г.

—

Въ 1857 году, въ январѣ, Его Высочество генералъ-адмиралъ писалъ изъ Ганновера князю Горчакову о необходимости послать довѣренное лицо въ Китай для окончательнаго разрѣшенія возникшаго вопроса о границахъ нашихъ, дабы непремѣнно предупредить прибытіе въ Пекинъ Англійскаго и Французскаго резидентовъ. Его Высочество указывалъ на адмирала Путятина, который заявилъ въ Японіи свои способности и выговорилъ выгодный для насъ трактатъ.

Изъ Дрездена онъ же сообщилъ Н. Н. Муравьеву отъ 24-го января, что Англичане и Французы намѣрены послать въ Китайскія моря значительныя силы и резидентовъ въ Пекинъ, и что изъ Петербурга думаютъ послать графа Путятина для выговоренія лѣваго берега Амура и прибрежнаго края.

Въ февралѣ назначеніе графа Путятина полномочнымъ въ Китай состоялось, и отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ послано съ фельдъегеремъ оффиціальное о томъ извѣщеніе къ Китайскому правительству, которому написали, что, желая поскорѣе кончить всѣ возникшіе между Россіею и Китаемъ вопросы и не желая, чтобы внутреннее волненіе въ Китаѣ и нападенія на него извнѣ отразились на нашихъ границахъ, какъ сухопутныхъ, такъ

особенно морскихъ, Государь Императоръ призналъ за благо послать немедленно лицо, пользующееся полною Его довѣренностью, собственнаго генералъ-адъютанта графа Путятина, предоставивъ ему полную власть условиться и рѣшить по всѣмъ дѣламъ, до Россіи и Китая относящимся.

Но такъ какъ это дѣлалось тайно, то предлогомъ поѣздки Путятина избрано было порученіе — осмотръ береговъ Восточной Сибири и избраніе мѣста для новаго порта. При этомъ нашли неудобнымъ заселеніе лѣваго берега Амура казаками, такъ какъ оно могло вредно отразиться на переговорахъ; въ случаѣ же успѣха переговоровъ, переселеніе казаковъ должно было опредѣлиться трактатомъ.

Графъ Путятинъ, *снабженный надлежащими инструкціями*, собирался къ выѣзду изъ Петербурга.

«Петербургскія распоряженія», пишетъ И. В. Шумахеръ, [1] «ничуть не парализировали настойчивой дѣятельности Н. Н. Муравьева; онъ видѣлъ, что Китайское правительство становится *тѣмъ неразумнѣе*, чѣмъ затруднительнѣе его положеніе, и убѣждался все болѣе и болѣе, что много разговаривать съ нимъ безполезно; а всѣ сомнительные вопросы надобно намъ разрѣшать самимъ, ибо дѣйствіямъ нашимъ оно препятствовать не смѣетъ и не препятствуетъ. Онъ помнилъ слова покойнаго Государя, сказанныя ему въ 1853 году: «Китайцы должны исполнять справедливыя наши требованія, и если не захотятъ, то у тебя теперь есть войско: мы можемъ ихъ *заставить*.» И дѣйствительно, если бы переговоры повели къ пушечнымъ выстрѣламъ, Н. Н. Муравьевъ былъ готовъ и къ нимъ.»

По возвращеніи въ Иркутскъ, Н. Н. Муравьевъ всецѣло предался Амурскимъ дѣламъ. Въ цѣломъ рядѣ писемъ его къ М. С. Карсакову онъ сообщалъ ему свои военныя соображенія и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ различныя предписанія на случай неудачи дѣйствій Путятина съ Китайцами. Какая прозорливость и политическій тактъ видны въ этихъ письмахъ!

Воспроизводимъ ихъ здѣсь по порядку — такъ онѣ ярко освѣщаютъ политическую и административную дѣятельность Николая Николаевича за это время.

«Послѣ твоего отъѣзда я писалъ къ военному министру», сообщалъ Н. Н. Муравьевъ изъ Иркутска М. С. Карсакову отъ 6-го марта, «и просилъ объ укомплектованіи трехъ здѣшнихъ линейныхъ баталіоновъ, предполагая, что они намъ понадобятся

[1] Русск. Арх. 1878 г., стр. 286—287.

въ августѣ, т. е. когда получатся свѣдѣнія отъ графа изъ Пекина.

Я готовъ мириться съ этимъ посольствомъ, если у насъ рѣшились въ случаѣ неудачи его дѣйствовать силою, что впрочемъ и весьма правдоподобно, по приготовленіямъ Военнаго Министерства. Если мы придемъ къ такому результату, то я полагаю, что намъ придется начать дѣйствія нынѣшнею же осенью, т. е. въ сентябрѣ, двумя отрядами — одинъ на Уру, а другой на Чернорѣцкъ, а третій, безъ пѣхоты, долженъ пройти изъ Цурухайтуя за Аргунь, на Кайларъ, Маргжь и Чигиляръ. Постройку баржъ не надо останавливать: можетъ быть, онѣ понадобятся въ сентябрѣ; но пѣшихъ казаковъ я не намѣренъ трогать въ нынѣшнемъ году ни въ какомъ случаѣ: будемъ дѣйствовать одними линейными баталіонами и конницею. Пѣшіе же баталіоны, т. е. 6-й, долженъ будетъ оставаться для кампаніи 1858 года. Кажется, обозъ для нихъ надобно готовить, не стѣсняясь образцами. Въ 25-й конной бригадѣ надо имѣть въ готовности не менѣе 500 вьючныхъ сѣделъ, а въ 1-й хоть 300; лошади подъ вьюкъ должны быть изъ табуновъ. Провіанту надобно имѣть въ виду тысячъ 50 пудовъ на сплавахъ въ разныхъ магазинахъ, изъ которыхъ, при потребности, можно было бы потомъ взять. Въ Троицкосавскѣ особо: тамъ большое количество не потребуется и всегда найдется.

Послѣ пріѣзда Путятина многое объяснится, и тогда сообщу тебѣ свои соображенія подробнѣе. На всякій случай тебѣ не худо встрѣтиться со мною въ Верхнеудинскѣ, когда я своевременно извѣщу тебя о выѣздѣ своемъ изъ Иркутска за Байкалъ. Мартъ подкрѣпитъ Байкалъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ѣзда по немъ не прекратится до половины апрѣля.»

9-го марта. «Обращаюсь опять къ своимъ военнымъ соображеніямъ. Я полагаю, что если мы уже будемъ вынуждены употребить противъ Китайцевъ силу, то базисомъ нашихъ главныхъ дѣйствій будетъ Амуръ, и въ Чернорѣцкѣ дессантъ; оттуда ведутъ хорошіе пути, и по населеннымъ мѣстамъ, въ южную часть Манджуріи и Пекинъ. Хилковскій много знаетъ объ этой странѣ и путяхъ, ведущихъ туда изъ Цурухайтуя; при случаѣ разспроси его и поручи еще подробнѣе обо всемъ узнать. Во всякомъ случаѣ въ нынѣшнемъ году мы разошлемъ только авангарды, а со вскрытіемъ рѣкъ и подножнаго корма въ будущемъ году двинемся впередъ съ главными силами. Разумѣется, что на все время этихъ дѣйствій переселеніе пріостановится; но это не бѣда, если утвердимся въ Манджуріи и Монголіи, которыя должны отдѣлиться

отъ Китая и составить два отдѣльныя княжества, подъ покровительствомъ Россіи.

Теперь наступаетъ время возвращенія разныхъ лицъ изъ отпусковъ и утвержденій въ Петербургѣ различныхъ моихъ представленій; любопытно, какъ все это устроится. Съ пріѣздомъ Путятина разъяснятся многія сомнѣнія, и тогда мы будемъ приготовляться къ движенію нынѣшней осенью, а ожидать его должно не позже второй половины этого мѣсяца, т. е. по послѣднему зимнему пути.»

12-го марта. «Спасибо тебѣ за Американца: ихъ надо ласкать, а то по частнымъ письмамъ говорятъ и въ газетахъ пишутъ, что надвигаются на насъ отъ Европы тучи за Амуръ: впрочемъ я многому не вѣрю.

Отъ болвана Ургинскаго амбаня получилъ я вчера же затруднительное письмо нашему посольству, въ томъ же видѣ, какъ было для Заборинскаго въ 1854 году, и разрѣшеніе его вопросовъ мнѣ невозможно; главное я боюсь, чтобъ послѣ не сказали, что я нарочно затруднилъ поѣздку посланника; но вольно же ему сидѣть въ Петербургѣ, не спѣшить сюда и даже не писать.

Не знаю, почему ты чуешь, что нужны будутъ военныя приготовленія, но изъ письма моего ты увидишь мои соображенія и согласишься, что въ нынѣшнемъ году нѣтъ еще причины прибѣгать къ экстренным мѣрамъ для продовольствія, т. е. къ казачьимъ запаснымъ магазинамъ; но не мѣшаетъ привести въ извѣстность весь хлѣбъ, который хранится въ разныхъ магазинахъ, послѣ отправленія 4-й Амурской экспедиціи, отъ Читы и до Шилкинскаго завода. Потребные въ семъ году, въ случаѣ военнаго движенія, 50 т. пудовъ крупы и муки для сплава въ Айгунъ, вѣроятно, въ немъ и найдутся, и мы возьмемъ именно тотъ хлѣбъ, который слѣдуетъ освѣжить. Сейчасъ пріѣхалъ отъ Великаго Князя курьеромъ Моллеръ. Есть письма отъ Великаго Князя и Путятина; новостей много, но я еще не успѣлъ разспросить.»

14-го марта. «Пользуюсь сообщить тебѣ подробно о вѣстяхъ съ Моллеромъ. Онъ былъ вызванъ Великимъ Княземъ за границу въ Штутгардтъ и оттуда ко мнѣ отправленъ. Великій Князь въ одномъ письмѣ, которое было впрочемъ отправлено съ Путятинымъ и уже симъ послѣднимъ передано Моллеру, увѣдомляетъ меня о желаніи своемъ, чтобъ Путятинъ ѣхалъ въ Пекинъ, и убѣждаетъ, чтобъ я содѣйствовалъ этому посольству. Къ этому письму Государь прибавилъ своею рукою, на особой запискѣ: *чтобъ Путятинъ сообщилъ мнѣ основанія, на которыхъ ему поручено переговариваться.* Изъ письма же Великаго Князя видно,

что главный предметъ — Амуръ. Второе письмо Великаго Князя о Посьетѣ, который былъ у него за границей, возвратившись изъ Японіи. Въ этомъ письмѣ Великій Князь разсказываетъ, что Англичане желаютъ войны съ Японіею для того, чтобъ взять у нихъ какой-нибудь пунктъ и укрѣпиться вблизи владѣній нашихъ на Амурѣ. Третье письмо -отъ Путятина, который пишетъ о своей поѣздкѣ и проситъ о средствахъ къ скорѣйшему переѣзду до Кяхты и за Кяхту. Съ Моллеромъ же получилъ разныя бумаги отъ Чихачева, который очень много выхлопоталъ у Морского Министерства для устьевъ Амура и тамошней флотиліи.

Моллеръ сообщилъ мнѣ, что Путятинъ выѣхалъ изъ Москвы въ одинъ день съ нимъ, 24-го февраля, и обѣщалъ доѣхать сюда въ 30 дней, а также, что Путятинъ желаетъ, чтобъ пароходъ «Америка» шелъ въ Печелійскій заливъ для содѣйствія ему при переговорахъ его въ Пекинѣ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ извѣстій, я посылаю Моллера навстрѣчу Путятина и съ эстафетою къ Чихачеву, котораго вызываю сюда немедленно для командованія «Америкою». Путятину же предлагаю взять Моллера съ собою въ Пекинъ и сообщаю ему затрудненія, которыя дѣлаютъ Ургинскіе правители къ его проѣзду. Но дурно то, что никто въ Петербургѣ не думаетъ о возможности отказа и о томъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать впослѣдствіи съ Китайцами. Видно, мнѣ уже думать за всѣхъ; посмотрю, какъ разсуждаетъ объ этомъ Путятинъ,—это теперь едва-ли не самое главное.

Тебѣ я пишу оффиціально приготовить въ Усть-Стрѣлкѣ или Кутомандѣ легкую лодку съ 6-ю гребцами для отправленія съ курьеромъ, который туда доѣдетъ по льду, а оттуда со вскрытіемъ льда. Курьеръ этотъ можетъ поспѣть къ устью Амура даже къ 1-му мая, что̀ будетъ очень своевременно для тѣхъ приготовленій, которыя долженъ сдѣлать Казакевичъ. Я полагаю, что Путятинъ, пріѣхавши сюда около 20-го марта, останется до 4-го апрѣля, 5-го переѣдетъ Байкалъ и будетъ въ Верхнеудинскѣ: прошу тебя его тамъ встрѣтить, тѣмъ болѣе, что съ нимъ будутъ и различныя отъ меня распоряженія; впрочемъ обо всемъ этомъ я сообщу тебѣ съ нарочнымъ, когда Путятинъ пріѣдетъ сюда.

Между тѣмъ я велѣлъ перевести полупаркъ въ Верхнеудинскъ временно, а впослѣдствіи, конечно, въ Читу же. Это для того, чтобы снаряды были у насъ за Байкаломъ, когда понадобятся.

Самъ я поѣду въ Кяхту на Святой, чтобъ проводить Путятина за границу. Распорядись, пожалуйста, чтобъ почтовыя ло-

шади были въ порядкѣ, а на станціяхъ по возможности чисто и прилично, а также, чтобъ вездѣ являлись Путятину начальники съ ординарцами.»

Одновременно съ этимъ письмомъ, Н. Н. Муравьевъ сдѣлалъ донесеніе Его Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу такого содержанія: «Милостивые рескрипты Вашего Высочества, отъ 24-го января и 9-го февраля, доставлены мнѣ на дняхъ адъютантомъ моимъ Моллеромъ, который, по обыкновенію, пріѣхалъ чрезвычайно быстро и выѣхалъ изъ Москвы въ одинъ день (24-го февраля) съ графомъ Путятинымъ; поэтому я ожидаю сюда Ефима Васильевича черезъ недѣлю, а между тѣмъ посылаю ему навстрѣчу того же Моллера, чтобъ сообщить ему о встрѣченныхъ уже Ургинскими правителями затрудненіяхъ къ его проѣзду по Монголіи; впрочемъ, должно ожидать отвѣта изъ Пекина и тогда уже сдѣлать заключеніе. *Не могу скрыть отъ Вашего Высочества, что я и теперь еще не раздѣляю мнѣнія о пользѣ посольства нашего въ Пекинѣ*, но, конечно, никто горячѣй меня не желаетъ ему самаго полнаго успѣха, и я бы готовъ самъ провожать туда графа Путятина съ сотней казаковъ, но отнюдь не быть дѣйствующимъ лицомъ въ переговорахъ. Мнѣ кажется, что въ глазахъ западныхъ державъ настоящее спорное наше положеніе съ Китайцами на Амурѣ, продолжающееся 200 лѣтъ, болѣе уважительно, чѣмъ трактатъ уступки, который бы заключили въ нынѣшнемъ году; но самое заключеніе этого трактата весьма сомнительно, по извѣстному упрямству Китайцевъ, а, можетъ быть, и по расчету ихъ уступать намъ негласно, чтобъ другіе не требовали такихъ же уступокъ.

Впрочемъ, теперь всѣ эти соображенія принадлежатъ къ прошедшему, и надобно думать о послѣдствіяхъ. Я полагаю, *во первыхъ*, что, въ случаѣ *уступокъ* Китайцевъ, должно писать ихъ не иначе, какъ *разрѣшеніемъ старинныхъ пограничныхъ вопросовъ, а во вторыхъ*, въ случаѣ несогласія Китайцевъ на предложенное имъ разграниченіе и продолженія упорства—считать Амуръ своимъ, намъ необходимо будетъ заставить ихъ признать наше право силою: ограничиться же ихъ отказомъ послѣ столь гласнаго предложенія—значило бы отказаться отъ правъ нашихъ на Амуръ; поэтому-то я и готовлюсь къ дѣйствіямъ уже немирнымъ.

Въ сущности, можетъ быть, и лучше, если мы будемъ вынуждены заставить ихъ силою принять наши предложенія, и почему же намъ не имѣть того же права, которое присвоиваютъ себѣ Англичане и Французы, заставляющіе Китайцевъ силою принимать ихъ предложенія?

Я думаю, что, проводивши графа Путятина за Кяхту и сдѣлавши всѣ приготовленія къ предположеннымъ мной движеніямъ, мнѣ было бы весьма полезно тотчасъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ возвратиться сюда къ тому времени, когда посланникъ нашъ будетъ возвращаться изъ Пекина, т. е. въ августѣ.

Съ Англичанами, кажется, намъ нѣтъ другого способа бороться, какъ сдѣлать положительную сухопутную угрозу на Индію и даже двинуться туда; отъ Америки же врядъ-ли дождемся когда вооруженнаго содѣйствія. Что же касается устьевъ Амура, то наше оборонительное тамъ положеніе весьма прочно, даже не менѣе прочно, чѣмъ въ Кронштадтѣ, по сравненію, конечно, средствъ, которыя непріятель можетъ употребить въ томъ и другомъ мѣстѣ.

Моллеръ мнѣ сказалъ, что Ваше Высочество изволите возвратиться въ Петербургъ 12-го іюня: я былъ бы весьма счастливъ, еслибъ могъ туда явиться къ тому же времени и представить всѣ мои соображенія, какъ на случай отказа Китайцевъ нашему посольству, такъ и на случай паденія нынѣшней Богдыханской династіи.»

LVII.

Письма Муравьева къ Карсакову.—Письмо архіепископа Иннокентія къ Муравьеву.—Прибытіе графа Путятина въ Кяхту и его дѣятельность тамъ.—Письмо Муравьева къ Карсакову.—Выѣздъ графа Путятина изъ Кяхты и путешествіе его съ Муравьевымъ.—Муравьевъ на Зейскомъ посту.—Письмо Кукеля къ Карсакову.—Графъ Путятинъ и Китайскія дѣла.—Инструкція, данная Муравьевымъ завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи.

—

1857 г.

—

«Вчера наконецъ пріѣхалъ Путятинъ, и я спѣшу вызвать тебя за Байкалъ», писалъ Н. Н. Муравьевъ М. С. Карсакову отъ 22-го марта изъ Иркутска. «Судя по всѣмъ его рѣчамъ, дѣло Амурское составляетъ главную цѣль и желаніе его посольства, и я начинаю предвидѣть нѣкоторую пользу отъ этого, лишь бы мы продолжали дѣйствовать согласно, какъ начали. Путятинъ не хочетъ оставаться долго въ Иркутскѣ и, опасаясь Байкала, намѣренъ переѣхать его на будущей же недѣлѣ въ твою сторону и тамъ уже поджидать въ Верхнеудинскѣ или Селенгинскѣ; поэтому тебѣ, какъ хозяину, необходимо тотчасъ же отправиться въ Верхнеудинскъ, и я постараюсь задержать его здѣсь столько времени, чтобы ты поспѣлъ его тамъ встрѣтить.

Адъютанта моего Моллера я отправляю съ нимъ въ Пекинъ, это будетъ не безъ пользы для обоихъ.

Разумѣется, что разсужденія объ успѣхѣ или неуспѣхѣ посольства его возбуждаютъ разные военные вопросы, въ которыхъ, конечно, важнѣйшую роль играетъ твое Забайкальское войско, а слѣдовательно ты лично лучше всѣхъ можешь разъяснить ему тѣ средства, которыми ты можешь располагать на разные случаи и въ различное время. Итакъ, въ походъ, сначала дипломатиче-

скій, а потомъ что Богъ дастъ! Я полагаю, что 27-го числа ты можешь быть въ Верхнеудинскѣ, гдѣ и встрѣтишь посланника, въ томъ домѣ, гдѣ ему отведена будетъ квартира, какъ это дѣлалось въ Красноярскѣ и здѣсь. Изготовь ему почетный караулъ и прочія принадлежности.

Если онъ останется при своемъ намѣреніи переѣхать въ Селенгинскъ и тамъ говѣть, то прикажи тамъ устроить приличное для него помѣщеніе; прими его и тамъ какъ хозяинъ, и когда онъ начнетъ говѣть, то самъ пріѣзжай въ Иркутскъ на Пасху, а потомъ мы, вѣроятно, вмѣстѣ съ тобою поѣдемъ въ Кяхту, проводить посланника за границу, что должно быть сдѣлано съ величайшею пышностью, ибо этимъ только можемъ мы возвысить его въ глазахъ Китайцевъ, а это необходимо. — Напишу тебѣ все, что было условлено между мною и Путятинымъ.»

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Карсакову, отъ 25-го марта, Н. Н. Муравьевъ продолжаетъ дѣлать свои распоряженія относительно пріема, встрѣчи и проводовъ посланника. «По всѣмъ соображеніямъ признаю необходимымъ приготовить изъ 1-й бригады три конныя сотни казаковъ, на случай необходимости провезти посланника до Урги силою. Сегодня я посылаю Моллера съ предписаніемъ объ этомъ къ бригадному командиру. Путятинъ все хотѣлъ ѣхать въ Селенгинскъ, но я убѣдилъ его остаться въ Верхнеудинскѣ; жить въ Селенгинскѣ, такъ близко отъ Кяхты, — это значитъ показать, что онъ ожидаетъ разрѣшенія ѣхать въ Монголію: а въ Верхнеудинскѣ онъ можетъ имѣть и другія причины остановиться. Лучше всего, конечно, было бы ему подождать въ Иркутскѣ, но я никакъ не могу убѣдить его въ этомъ. Итакъ вотъ тебѣ гость, встрѣть его, обласкай..... Къ 9-му апрѣля жди меня въ Кяхту. Тамъ между 9-мъ и 15-мъ рѣшится, какимъ образомъ Путятинъ поѣдетъ въ Монголію, и для этого намъ всѣмъ надобно быть вмѣстѣ, чтобъ, не теряя времени, окончить распоряженія къ 1-му мая. Если онъ поѣдетъ безъ конвоя, то его проводятъ за границу тотчасъ, какъ получится отвѣтъ изъ Пекина; если же съ конвоемъ, — то пошлемъ въ сотни приказанія собираться въ Кяхтѣ съ двумя орудіями конной артиллеріи. Начальствовать конвойнымъ отрядомъ будетъ Моллеръ до Урги, и если Путятинъ оттуда поѣдетъ далѣе въ Пекинъ, то обратный походъ сотни могутъ сдѣлать подъ начальствомъ старшаго изъ сотенныхъ казаковъ, ибо Моллеръ поѣдетъ съ Путятинымъ. Самъ я располагаю здѣсь отговѣть и въ субботу выѣду за Байкалъ.

Разумѣется, что если Путятинъ поѣдетъ въ Ургу съ конвоемъ, то сплавъ нашъ на Амуръ пойдетъ до Айгуна тоже съ

конвоемъ, т. е. съ двумя линейными батальонами, 13-мъ и 14-мъ, и тронется изъ Шилкинскаго завода между 9-мъ и 15-мъ числомъ мая. Все это разрѣшится въ Кяхтѣ, и тогда мы съ тобою увидимъ, какія ко всему этому принять мѣры. Если же все это кончится мирно, и Байкалъ еще будетъ держаться, то мы съ тобою съѣздимъ въ Иркутскъ, въ противномъ случаѣ поѣдемъ въ Читу и далѣе.

Путятинъ, кажется, вообще проникнутъ весьма добрыми намѣреніями къ Амуру, и поэтому ему всегда играютъ Амурскій маршъ, и пьютъ за успѣхъ его посольства на пользу Россіи и Сибири.

Я и самъ не могу положительно сказать, чтобъ онъ не успѣлъ; можетъ быть, въ Пекинѣ и добьется толку. Третьяго дня онъ отправилъ въ Ургу своего чиновника переводчика, бывшаго Чугучакскаго Котули Татаринова, и отъ этого-то въ особенности мы будемъ ожидать извѣстій въ Кяхтѣ на Святой, если еще не будетъ отвѣта изъ Пекина.— Если мы проводимъ Путятина благополучно за границу около 15-го апрѣля, безъ конвоя, то намъ останется свободныхъ три мѣсяца до полученія отъ него извѣстій изъ Пекина, и въ это время намъ должно приготовиться на всякій случай,— если переговоры въ Пекинѣ пойдутъ неудачно,— къ тому осеннему движенію, о которомъ я тебѣ писалъ.

Изъ Петербурга, кромѣ мелочной перебранки ничего нѣтъ. Въ газетахъ пишутъ, что Китайскій флотъ, соединившись въ Кантонѣ съ мятежничьимъ (?), атаковалъ англійскій и въ порядкѣ отступилъ, а между тѣмъ взялъ одинъ англійскій пароходъ, вырѣзалъ экипажъ и сжегъ его.

Прошеніе твое объ отпускѣ я получилъ, но отправлю его въ Петербургъ въ приличное время, т. е. по возвращеніи изъ Кяхты, если Путятинъ уйдетъ мирно въ Пекинъ. Если же ему придется силою прочищать себѣ дорогу, то едва-ли тебѣ будетъ удобно проситься въ отпускъ. Сегодня пріѣхалъ Анненковъ.» [1]

«Завтра поутру выѣзжаетъ отсюда посланникъ и 29-го марта поутру будетъ въ Верхнеудинскѣ, гдѣ начнетъ говѣть», извѣщаетъ Н. Н. Муравьевъ Карсакова въ письмѣ отъ 27-го марта.— «Ты знаешь, какъ встрѣчать старшаго, такъ и сдѣлай; если можно, дай ему почетный караулъ отъ казаковъ, впрочемъ и отъ артиллеріи не дурно; на другой же день, т. е. 30-го марта, когда убѣдишься, что онъ рѣшительно остается въ Верхнеудинскѣ, можешь отправиться въ 1-ую бригаду для надлежащихъ распоряженій къ при-

---

[1] Ѳедоръ Александровичъ, чиновникъ особыхъ порученій.

готовленію 3-хъ походныхъ сотенъ, и старайся вернуться въ Кяхту на второй день праздника, т. е. 8-го числа. ибо, между нами будь сказано, я намѣренъ туда пріѣхать въ этотъ день, т. е прежде Путятина, который пріѣдетъ туда 9-го числа. Не худо. если въ Верхнеудинскѣ ты оставишь при Путятинѣ кого-нибудь изъ своихъ адъютантовъ, кромѣ исправника, долженствующаго постоянно быть тамъ, гдѣ онъ будетъ въ Забайкальской области.

На пути въ 1-ую бригаду заѣзжай въ Кяхту и посмотри свою сотню, тамъ находящуюся, чтобъ она была въ надлежащемъ видѣ для встрѣчи посланника, и скажи Михайловскому, чтобъ пѣхота и артиллерія были также въ полной исправности; можно на страстной недѣлѣ сдѣлать всѣмъ этимъ войскамъ нѣсколько ученій.

По пріѣздѣ моемъ въ Кяхту, я тотчасъ сдѣлаю всѣ распоряженія къ встрѣчѣ посланника. Встрѣча эта должна быть громка и пышна, и желательно было бы, чтобъ Китайцы пришли посмотрѣть, ибо все это дѣлается именно для нихъ. О моемъ пріѣздѣ никому не говори и прикажи только одному засѣдателю быть въ Посольскомъ (у Байкала), съ 5-го числа.

Когда будешь уѣзжать изъ Верхнеудинска, спроси у Путятина. не имѣетъ ли онъ чего приказать въ Кяхту, гдѣ ты будешь проѣздомъ; скажи ему, что ты ѣдешь въ 1-ую бригаду формировать сотни.—Музыка наша отправится въ Кяхту въ концѣ этой недѣли.

Чѣмъ болѣе будетъ при встрѣчѣ Путятина грома и пышности, тѣмъ больше это будетъ имѣть впечатлѣнія на нашихъ глупыхъ сосѣдей. Въ день его пріѣзда надо, чтобы городъ былъ иллюминованъ; у дома будетъ его ожидать рота со знаменемъ и музыкою и двумя батарейными орудіями; у таможни — казачья сотня, также съ двумя батарейными орудіями; когда же онъ взойдетъ въ домъ, гдѣ будутъ его ожидать всѣ чины и купечество, тогда изъ роты останутся офицерскій корпусъ и два орудія. Моллеру скажи, чтобы онъ досталъ себѣ верховую лошадь, ибо онъ будетъ играть роль въ этой встрѣчѣ, какъ мой адъютантъ.

Въ Кяхтѣ сказывай, что посланникъ представляетъ лицо Государя, пусть знаютъ объ этомъ Китайцы.»

«Путятинъ дѣйствительно недурной человѣкъ, *но жаль, что вмѣшался въ Амурскія дѣла*, которымъ можетъ и повредить:» писалъ Н. Н. Муравьевъ отъ 2-го апрѣля М. С. Карсакову,—«теперь мы говѣемъ и постничаемъ, слѣдственно, всякія разсужденія побочныя будутъ неумѣстны, но при христосованіи я буду многословенъ.»—

«Не могу не радоваться тому, что наконецъ наше правительство принялось за Амурское дѣло,» писалъ архіепископъ Камчат-

скій Иннокентій изъ Якутска Н. Н. Муравьеву, «и судя по обстоятельствамъ, въ какихъ находится Китай,—кажется, нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ переговоровъ г. Путятина. Но странное дѣло? Съ прошедшею почтою здѣсь многіе получили извѣстія, куда именно и для чего посылается гр. Путятинъ, тогда какъ вы передавали мнѣ подъ глубокимъ секретомъ, что я и исполняю вѣрно. Видно правду говорятъ, что когда знаетъ одинъ,—то однажды одинъ вѣчно одинъ; а когда скажетъ другому,—то, значитъ, знаютъ уже *два;* а когда скажетъ еще другому,—то знаютъ *три*».

29-го марта графъ Путятинъ выѣхалъ изъ Иркутска въ Верхнеудинскъ и въ апрѣлѣ прибылъ въ Кяхту, гдѣ встрѣча его, по приказанію Н. Н. Муравьева, была дѣйствительно «громка и пышна». Отсюда графъ послалъ ноту Китайскому правительству, требуя пропуска въ Пекинъ и увѣдомляя, что онъ будетъ ожидать отвѣта до такого-то времени, послѣ чего отправится въ Китай Амуромъ и моремъ. Китайцы медлили отвѣтомъ до мая и наконецъ прислали ему увѣдомленіе, въ которомъ отзывались, что у нихъ нѣтъ никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіею, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь въ Пекинъ. Графъ Путятинъ, отправивъ Китайцамъ, соотвѣтствующій ихъ увѣдомленію отвѣтъ и видя, что ему въ Кяхтѣ болѣе дѣлать нечего, послалъ министру иностранныхъ дѣлъ депешу, предлагая взять Китайскій городъ Айгунъ.

«Углубляясь въ размышленія о предположенномъ походѣ въ Айгунъ,» -писалъ Н. Н. Муравьевъ къ М. С. Карсакову,—«я усматриваю, что послѣдствіемъ этого похода должна быть зимовка тамъ не только баталіоновъ, но и нѣсколькихъ сотенъ Амурскаго коннаго полка. Путятинъ полагаетъ, что, если ему не позволятъ идти и черезъ Манджурію, то надобно занять Айгунъ и безъ разрѣшенія изъ Петербурга, но я полагаю иначе: Айгуна занимать безъ разрѣшенія изъ Петербурга нельзя, а селиться во всякомъ случаѣ должно, если только не дадутъ ему разрѣшенія изъ Пекина идти обыкновеннымъ путемъ черезъ Монголію. Все это необходимо не только въ политическомъ отношеніи, но и для сообщенія зимою Усть-Зейскаго отряда съ Забайкальскою областью. Такимъ образомъ мы обратимъ совершенно въ нашу пользу упрямство Китайцевъ и возведемъ укрѣпленіе на острову, противъ самаго Айгуна.»

Графъ Путятинъ 16-го мая выѣхалъ изъ Кяхты и отправился на Амуръ съ Н. Н. Муравьевымъ, куда тотъ поѣхалъ съ двумя

баталіонами пѣхоты и дивизіономъ полевой артиллеріи. Графъ Путятинъ хотѣлъ остановиться въ городѣ Сахалянъ-Ула (Айгунъ), чтобы спросить, получено ли тамъ разрѣшеніе пропустить его черезъ Манджурію. Н. Н. Муравьевъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ. Оно такъ и оказалось, какъ мы увидимъ ниже, а потому графу Путятину оставалось только отправиться къ устью Амура, а оттуда, сѣвъ на пароходъ «Америка», плыть въ Печелійскій заливъ. Н. Н. Муравьевъ расчиталъ остаться на Зейскомъ посту, чтобъ прикрывать переселеніе казаковъ на лѣвый берегъ рѣки; ибо, послѣ бывшей о посольствѣ переписки и неблагопріятнаго результата оной, необходимо было принять нѣкоторыя военныя предосторожности. Николай Николаевичъ никакъ не ожидалъ, чтобы Китайцы были до такой степени упрямы и невѣжливы: онъ думалъ, что посольство будетъ принято, хотя не ожидалъ, что оно въ Пекинѣ достигнетъ своей цѣли.

Такимъ образомъ оправдалась на дѣлѣ необходимость всѣхъ мѣръ, принятыхъ заранѣе Муравьевымъ въ виду упорства Китайцевъ, дабы посольство графа Путятина достигло своей цѣли. Переселенцы Амурскаго коннаго казачьяго полка, въ числѣ 450 семей, были двинуты внизъ по рѣкѣ Амуру подъ личнымъ распоряженіемъ Муравьева и заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до щекъ Малаго Хингана, образовавъ казачьи станицы. Кромѣ того, при Усть-Зеѣ стали лагеремъ: 14-й линейный баталіонъ и дивизіонъ линейной легкой батареи. На поселеніе же въ Николаевскъ, по неимѣнію тамъ женской прислуги, послано было по распоряженію Н. Н. Муравьева 60 женщинъ изъ ссыльно-каторжныхъ, что̀ практиковалось и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ устье Амура вошло въ этомъ же году семь иностранныхъ судовъ. Сплавъ казеннаго имущества произведенъ былъ въ первый разъ съ подряда купцами, и въ первый разъ на пароходахъ «Амуръ» и «Лена» было доставлено по Амуру въ Сибирь небольшое количество иностранныхъ товаровъ.

Относительно этого переселенія, вотъ что писалъ Б. Кукель въ письмѣ своемъ къ М. С. Корсакову: «Въ Пекинѣ о посольствѣ нашемъ и объ отказѣ на оное держали въ секретѣ. Въ народѣ не знаютъ. Всѣ тамъ удивляются, какъ Русскіе смѣлы, что ходятъ по Амуру, поселяются на немъ и строятъ города. Противодѣйствовать этому не смѣютъ, потому что боятся и слабы. Правительство близко къ банкротству. Н. Н. Муравьева боятся, какъ огня, и говорятъ, что этотъ генералъ все сдѣлаетъ, что̀ захочетъ, и если ему вздумается имъ вредить, то трудно

имъ будетъ спастись. Нравственное настроеніе очень въ нашу пользу.» Изъ всѣхъ послѣднихъ отношеній къ графу Путятину Китайскаго Трибунала и Ургинскихъ пограничныхъ начальниковъ, гдѣ они рѣшительно ничего объ Амурѣ не упоминаютъ, несмотря на весьма ясное занятіе лѣваго его берега нашими постами, и даже говорятъ, что, кромѣ Чугучакскаго дѣла, никакихъ другихъ дѣлъ съ нами для переговоровъ не имѣютъ,—Н. Н. Муравьевъ вывелъ гр. Путятину прямое заключеніе, что Китайское правительство полагаетъ Амурское дѣло конченнымъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ имъ Муравьевымъ было предложено ихъ уполномоченнымъ 10-го сентября 1855 года въ Маріинскомъ посту, и что, послѣ всей позднѣйшей съ ними переписки, оно даже потеряло всякое право протеста на большее или меньшее занятіе нами лѣваго берега Амура. Что же касается заключенія новаго съ Китаемъ пограничнаго трактата, то весьма естественно, что Китайское правительство, не препятствуя намъ занимать лѣвый берегъ Амура и всѣ приморскія мѣста, не желаетъ заключать по этому новаго трактата, опасаясь гласности передъ собственными своими подданными. Н. Н. Муравьевъ могъ настойчиво идти къ цѣли уже и потому, что на границахъ Маньчжуріи и Монголіи у него было достаточное количество войска.

Графъ Путятинъ проплылъ городъ Сахалянъ-Ула 5-го іюня. Въ городѣ онъ посылалъ спрашивать у амбаня, не имѣетъ ли онъ отъ высшаго Китайскаго правительства повелѣній провезти его въ столицу черезъ Маньчжурію, но отвѣтъ былъ, какъ предупреждалъ Н. Н. Муравьевъ, отрицательный: и, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій черезъ чиновниковъ, графъ Путятинъ отплылъ далѣе. Н. Н. Муравьевъ въ это время былъ близъ Айгуна, поэтому и проводилъ графа съ двумя канонирскими лодками нѣсколько верстъ за городъ, и на другой день, 6-го іюня, отправившись на этихъ же лодкахъ вверхъ по Амуру, возвратился 7-го числа на Усть-Зейскій постъ, куда въ то же время прибыли съ верху рѣки главныя силы сосредоточеннаго имъ здѣсь военнаго отряда. Здѣсь Н. Н. Муравьевъ далъ инструкцію завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи, какъ держать себя относительно Китайцевъ. Онъ просилъ сохранять дружескія отношенія съ властями города Айгуна (Сахалянъ-Ула-Хотонъ) и вообще со всѣмъ народонаселеніемъ осѣдлымъ и кочующимъ, находящимся на берегахъ Амура; посѣщать по временамъ амбаня и принимать всегда ласково его самого и чиновниковъ, которые отъ него присылаемы будутъ, и поручить одному изъ казачьихъ офицеровъ при отрядѣ принимать также тѣхъ чиновниковъ, которые будутъ

пріѣзжать для мѣстныхъ сношеній. Сотенныя команды обязалъ онъ также ласково принимать чиновниковъ, которые будутъ пріѣзжать къ нимъ въ штабы, и приказалъ посылать въ городъ офицеровъ для наблюденія, не производятъ ли тамъ какихъ-либо военныхъ приготовленій.

Затѣмъ Н. Н. Муравьевъ приказалъ оказывать жителямъ во всѣхъ случаяхъ покровительство и даже помощь, внушая обращеніемъ нашимъ полное къ намъ довѣріе и тѣмъ доказывая, что наше владычество въ этихъ странахъ для нихъ выгоднѣе, чѣмъ нынѣшнее ихъ правительство.

Въ разговорахъ съ чиновниками и жителями велѣно объявлять, что жители, остающіеся на лѣвомъ берегу, поступятъ съ будущей навигаціей совершенно въ наше распоряженіе, а потому тѣ, которые этого не пожелаютъ, должны во-время перейти на правый берегъ Амура. Во всѣхъ разговорахъ съ амбанемъ или присланными отъ него чиновниками, Н. Н. Муравьевъ приказалъ завѣдывающему 1-мъ отдѣленіемъ Амурской линіи сообщать имъ и стараться внушить, что, имѣя отъ него приказанія сохранять съ ними по всей линіи дружбу и согласіе, онъ въ то же время обязанъ, въ случаѣ малѣйшаго вида недружелюбія съ ихъ стороны или скопленія военныхъ силъ, перейти на правый берегъ рѣки, забрать все ихъ оружіе и расположиться въ самомъ городѣ съ войсками и артиллеріею, внушая имъ вообще, что мѣстный начальникъ во всемъ исполняетъ лишь волю Государя, и что, если они имѣютъ какія-либо неудовольствія противъ дѣйствій мѣстнаго начальника на Усть-Зеѣ, то могутъ жаловаться генералъ-губернатору Муравьеву въ Иркутскъ и Сенату нашему въ Петербургъ. Если бы жители лѣваго берега Амура стали, по распоряженію своего начальства, переходить на правый, то Муравьевъ велѣлъ имъ объявить, чтобъ они не безпокоились за свои дома, что они будутъ сохранены въ цѣлости, и что съ открытіемъ навигаціи они могутъ продать ихъ нашимъ переселенцамъ; если такимъ образомъ опустѣютъ цѣлыя деревни—то велѣлъ занять ихъ постами для охраненія отъ огня; а если бы опустѣли всѣ селенія противъ города, то послать цѣлую роту, которая и должна расположиться въ селеніяхъ противъ города, имѣя съ Усть-Зейскимъ постомъ ежедневное сообщеніе. Если бы амбань или чиновники его стали входить въ разсужденія о правахъ своихъ на лѣвый берегъ Амура, то Н. Н. Муравьевъ приказалъ объявить имъ разъ навсегда, что это до начальника линіи не касается, и что они обо всемъ этомъ могутъ объяснять генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву.

LVIII.

Листъ Китайскаго Трибунала о недозволеніи нашему послу слѣдовать въ Пекинъ.— Несогласія между графомъ Путятинымъ и китайскимъ сановникомъ.—Жалоба Трибунала нашему Сенату на графа Путятина.—Протестъ Китайскаго правительства противъ занятія нами лѣваго берега Амура.—Отвѣтъ на это Муравьева.—Возвращеніе Муравьева въ Иркутскъ и поѣздка въ Петербургъ.—Отъѣздъ за границу.—Жалоба Трибунала въ Петербургъ на своеволіе Муравьева.—Рапортъ графа Путятина генералъ-адмиралу.—Намѣренія Англичанъ овладѣть Кантономъ.—Неудавшееся посольство графа Путятина.—Вызовъ Муравьева изъ-за границы.—Назначеніе графа Путятина начальникомъ отдѣльной эскадры и Императорскимъ коммиссаромъ.—Настойчивость Муравьева на продолженіи заселенія Амура.—Сношеніе съ Китайцами.—Назначеніе Муравьева генералъ-адъютантомъ.—Письмо Муравьева къ брату.—Предположенія начать переселеніе на Амуръ въ большихъ размѣрахъ.

1857 г.

Въ іюлѣ полученъ былъ на Амурѣ листъ отъ Китайскаго Трибунала отъ 12-го іюля, въ которомъ сообщается Сенату, что ему писано уже, что въ дѣлѣ усмиренія смутъ, производимыхъ злоумышленниками, срединное государство никогда не пользовалось помощью иностранныхъ державъ, и что поэтому нашему высокому посланнику нѣтъ нужды слѣдовать въ Пекинъ. Нынѣ же, получивъ отъ графа Путятина другія сообщенія, что онъ намѣренъ прибыть къ Тянь-Цзину, Трибуналъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что Тянь-Цзинъ тѣмъ болѣе не мѣсто для переговоровъ между подданными обѣихъ имперій. Вслѣдствіе чего въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ Петербурга еще разъ написали Пекинскому Двору о принятіи нашего посла. Графъ Путятинъ 1-го іюля вышелъ изъ Николаевска и 24-го числа прибылъ къ устью рѣки Пей-хо, впадающей въ заливъ Джилійскій, или Печели, куда 4-го августа

прибылъ китайскій сановникъ и былъ принятъ съ почетомъ, слѣдующимъ его сану. Послѣ привѣтствія онъ объявилъ, что хотя не обязанъ, *но изъ пріязни* и подъ большою отвѣтственностью, пришлетъ бумагу съ тѣмъ, что отвѣтъ на нее будетъ присланъ въ Кяхту или на Амуръ къ генералу Муравьеву. Узнавъ же, что графъ Путятинъ этого условія не допускаетъ, китайскій сановникъ отказался принимать дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ и объявилъ, что онъ сообщитъ обо всемъ генералъ-губернатору приморскихъ областей, отъ котораго отвѣтъ можетъ быть полученъ черезъ 8 дней. 12-го августа дѣйствительно прибылъ товарищъ генералъ-губернатора и принялъ пакетъ съ условіемъ доставить отвѣтъ въ Печели, но принялъ не прежде, какъ употребивъ всѣ усилія, чтобы отклониться отъ этого. «Между тѣмъ»,—пишетъ П. В. Шумахеръ, [1]—«Трибуналъ жаловался Сенату, что Путятинъ прислалъ листъ изъ Кяхты, увѣдомляя о намѣреніи прибыть въ Пекинъ для совѣщаній о важныхъ дѣлахъ; что посланники, слѣдующіе въ Пекинъ, обыкновенно имѣютъ цѣлью доставить дань и лично представиться Богдыхану. Если же случатся дѣла, требующія взаимныхъ совѣщаній, то эти совѣщанія непремѣнно должны производиться на границѣ; а допустивъ посла въ столицу, затруднительно было бы принимать его.

Поэтому изъ Палаты отправленъ былъ листъ въ Кяхту о томъ, что Путятину нѣтъ нужды ѣхать въ Пекинъ.

Вопреки ожиданію Китайскаго правительства, Путятинъ, хотя и получилъ отвѣтный листъ, но все-таки прибылъ въ Тянь-Цзинъ и передалъ листъ, въ которомъ жалуется, что въ серединной имперіи не оказываютъ ему должнаго пріема. Но надо вспомнить, что въ дѣлѣ переговоровъ между двумя имперіями необходимо съ той и съ другой стороны условиться о мѣстѣ свиданія; тогда только можно приготовить все необходимое для пріема. Въ настоящемъ случаѣ мы вовсе не условились назначать мѣстомъ совѣщанія Тянь-Цзинъ; какимъ же образомъ мѣстныя власти могли сдѣлать къ тому приготовленія? Въ помянутомъ мѣстѣ нельзя принимать собственно и бумагъ изъ иностранныхъ державъ; но такъ какъ Путятинъ прибылъ издалека и находился тамъ уже долгое время, то тамошнее начальство приняло отъ него листъ и доставило къ намъ. *Палата въ общемъ собраніи вскрыла листъ* и прочла его содержаніе. Въ семъ листѣ вы говорите, что нашъ отвѣтный листъ прибылъ къ вамъ позже назначеннаго срока. По расчету условный срокъ не былъ промедленъ, и отвѣтъ прибылъ въ 5-й лунѣ.

[1] Русск. Арх. 1878 г., книга III, стр. 291—292.

какъ желалъ и ожидалъ Путятинъ. Но онъ, по полученіи сего листа, прибылъ въ Тянь-Дзинъ, который не есть проѣздное мѣсто, и тамошнія власти никакъ не могли знать о его пріѣздѣ,—слѣдовательно нельзя говорить, что посланнику оказано невниманіе. Но у Путятина нѣтъ грамоты отъ вашего высокаго правительства, то и нѣтъ надобности дѣлать ему пріема, какъ посланникамъ, пріѣзжающимъ съ данью и для представленія нашему государю. Притомъ онъ самъ именуетъ себя сановникомъ высшей степени, *графомъ;*—тѣмъ болѣе нельзя обойтись съ нимъ какъ съ простымъ человѣкомъ, пріѣзжающимъ по дѣламъ неважнымъ: въ случаѣ какого-либо невниманія къ нему могло бы нарушиться наше доброе согласіе. Потомъ, такъ какъ Путятинъ не объяснилъ предмета требуемыхъ совѣщаній, то мы при отвѣтѣ своемъ еще не могли понимать сущности дѣла. Теперь же изъ вновь полученнаго листа оказывается, что дѣло идетъ о взаимныхъ переговорахъ касательно еще неопредѣленной границы. Границы обоихъ государствъ опредѣлены въ правленіе Канъ-хи; границами постановлены р. Горбица и большой Хинганскій хребетъ. *Тогда поставили пограничные столбы* на вѣчныя времена нерушимо. Посему объ этомъ не нужно трактовать. Остаются неразграниченными только мѣста, прилегающія къ р. Уди и бывшія издавна промежуточнымъ пространствомъ между обоими государствами.

Въ третьемъ году настоящаго правленія, по желанію вашего высокаго правительства, мы поручили Гиринскому, Амурскому и Ургинскому правителямъ командировать чиновниковъ для освидѣтельствованія границъ вмѣстѣ съ вашими уполномоченными; съ тѣхъ поръ прошло много времени, а результатовъ никакихъ еще не было. Въ настоящее время, пользуясь присутствіемъ здѣсь сановника вашего Путятина, Палата можетъ испросить у великаго вашего государя повелѣніе назначить особаго сановника, который вмѣстѣ съ Путятинымъ осмотритъ Удскую страну и, сообща съ нимъ, опредѣлитъ тамъ границу. Хайланъ-Омо, поселеніе Когунь и Цзинькари суть пограничныя мѣста серединной имперіи: а Муравьевъ, во главѣ множества людей, объявляя, что они всѣ отправлены вашимъ правительствомъ, завладѣлъ тѣми мѣстами и построилъ тамъ зданія. Вѣроятно, это было безъ вѣдома вашего Государя. Такъ какъ Путятинъ прибылъ въ первый разъ и издалека, то Палата сдѣлала отвѣты на всѣ пункты листа посланника; повелѣно также Тянь-Цзинскимъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ при отправленіи посланника лично проводить его по морскому берегу, для совершеннаго исполненія закона гостепріимства, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить листъ въ высокій Сенатъ

для предупрежденія, что, если кто снова прибудетъ въ Тянь-Цзинъ или другой приморскій портъ, Палата, согласно установленному порядку, не иначе будетъ имѣть письменныя сношенія, какъ черезъ Ургинскихъ правителей, *и не будетъ сноситься съ посланникомъ*.

Китайское правительство, должно быть, было въ то время въ храбромъ настроеніи», — продолжаетъ П. В. Шумахеръ.[1] — «оно рѣшилось протестовать противъ занятія нами лѣваго берега Амура. Н. Н. Муравьевъ получилъ листъ отъ мейрень-джангина города Сахалянъ-Ула, въ которомъ, послѣ обычныхъ напоминаній о двухсотлѣтней дружбѣ Россіи съ Китаемъ, говорится, что суда пропущенныя на устье Амура *яко бы для отраженія Англичанъ*, достигнувъ до мѣста Хотонь, стали тамъ дома строить и поселились. Муравьевъ спускался на многихъ судахъ, и при проплытіи Сахалянъ-Ула ему помогали исправить разбившееся судно. Послѣ того, зимою, болѣе ста человѣкъ Русскихъ, возвращаясь изъ мѣстечка Хотонь, достигли до Сахалянъ-Ула, снабжены были провизіей и лошадьми отъ города. Нынѣ генералъ-губернаторъ Муравьевъ, прибывши съ судами и людьми, не имѣлъ свиданія взаимнаго, говоря, что спѣшитъ: и, проплывши городъ, на другой день возвратился, остановился въ мѣстечкѣ Хайланъ-Омо, при устьѣ Зеи. Были посланы чиновники спросить о причинѣ построекъ, но ничего положительнаго не узнали. «Изъ этого предвидимъ, что вы завладѣваете насильственно мѣстами серединнаго государства и, какъ кажется, вовсе *не для отраженія Англичанъ*, и кажется, нѣтъ повелѣнія вашего Императора. Что же касается до торговыхъ сношеній, то пункты для этого опредѣлены трактатами. Мѣста наши Гиринскія и Сахалянъ-Уласскія — холодныя и бѣдствующія, ничего не производятъ, самимъ едва хлѣба и овощей достаетъ: гдѣ же взять для продажи? Кромѣ того люди здѣшніе крѣпкаго сложенія и надменны, къ спорамъ и дракамъ охотники, и поэтому вамъ слѣдуетъ пораньше возвратить всѣхъ людей и поддержать этимъ дружеское согласіе съ нами. Генералъ-губернаторъ! ты, нарушившій дружественныя отношенія, сряду четыре года отъ Сахалянъ-Ула ѣздилъ вверхъ и внизъ и построилъ много домовъ въ мѣстечкѣ Хайланъ-Омо. Какая этому непремѣнная причина? Объяснить надо для донесенія высшему правительству и для рѣшенія по обстоятельствамъ. Просимъ тебя, генералъ-губернаторъ, тщательно размысливши высокими мыслями твоими, не разрушать добраго согласія двухъ государствъ, но разъяснивши настоящее истинное дѣ-

---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 293.

ло, написать лист на Маньчжурском языкѣ и прислать намъ, по разсмотрѣніи котораго, мы бы посовѣтовались и рѣшили, и тѣмъ избавили бы отъ хлопотъ и безпокойства *войско* двухъ государствъ.»

Н. Н. Муравьевъ отвѣчалъ, что изъ листа этого онъ усматриваетъ, что амбанямъ вовсе неизвѣстна переписка его еще съ 1855 года съ Высокимъ Трибуналомъ, на всю нашу переписку отъ высшаго Китайскаго правительства никакого противорѣчія не было, и, когда въ нынѣшнемъ году, по Высочайшей волѣ нашего Великаго Государя, посланъ былъ въ Пекинъ посланникъ, то онъ Трибуналомъ туда пропущенъ не былъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы нѣтъ предмета для переговоровъ. «По всему этому, почтенные амбани»,—продолжаетъ Муравьевъ,—«и я не считаю себя въ правѣ принять вашъ листъ и входить по оному въ какіе-либо переговоры и вынужденъ листъ вашъ при семъ возвратить. Посланникъ же нашъ теперь въ Печелійскомъ заливѣ, и правительство ваше можетъ обо всемъ съ нимъ переговорить въ Пекинѣ, куда ему назначено было отправиться. По дружественнымъ же отношеніямъ обоихъ государствъ, прошу васъ обращаться со всѣми словесными объясненіями къ г. Языкову, назначенному на Усть-Зею и по всему лѣвому берегу Амура начальникомъ равностепеннымъ съ амбанемъ. Письменныхъ же листовъ онъ принимать отъ васъ не можетъ, ибо не имѣетъ при себѣ переводчика, который бы умѣлъ читать и писать.»

Затѣмъ Н. Н. Муравьевъ, пробывшій все лѣто на Усть-Зеѣ, въ августѣ возвратился въ Иркутскъ, а оттуда отправился въ Петербургъ, гдѣ пробывъ нѣкоторое время и очень дурно себя чувствуя, уѣхалъ за границу для поправленія разстроеннаго здоровья.

Между тѣмъ Внѣшній Трибуналъ послалъ въ Сенатъ листъ въ томъ же духѣ, какъ былъ листъ амбаней, прося о своевольныхъ распоряженіяхъ Муравьева доложить Властителю нашего высокаго государства. Черезъ недѣлю пришелъ еще листъ въ Сенатъ съ жалобой, что Муравьевъ заселяетъ Амуръ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на протесты мѣстныхъ Китайскихъ властей; что срединное государство съ нами въ давнишней дружбѣ, а потому *низшія лица* не должны были бы произвольно занимать земли срединнаго государства, и потому хорошо было бы, если бы Русское правительство поспѣшило приказать Муравьеву отвести обратно людей и суда, и тѣмъ предотвратить большія непріятности.

Обиженный графъ Путятинъ, получивъ отказъ отъ Трибунала, послалъ изъ Шанхая въ Петербургъ рапортъ генералъ-адмиралу, предлагая остановить Кяхтинскую торговлю. Онъ писалъ,

между прочимъ, что увѣренность Китайскаго правительства въ необходимости этой торговли для Россіи есть одна изъ главныхъ причинъ неудачи нашихъ политическихъ сношеній съ Пекиномъ, что если бы правительство наше не пожалѣло ассигновать отъ 3 до 5 милліоновъ на взятку, то посольство имѣло бы полный успѣхъ. Далѣе онъ сообщалъ, что страхъ и смятеніе произведены во всей прибрежной странѣ до самаго Пекина появленіемъ нашего парохода при устьяхъ р. Бай-хэ, основывая достовѣрность этой вѣсти на разсказахъ католическихъ миссіонеровъ. Онъ успокоивалъ Россію тѣмъ, что надменный тонъ, принимаемый Китайскимъ правительствомъ въ оффиціальныхъ своихъ сношеніяхъ, есть только одна уловка, чтобъ прикрыть внутреннее свое безсиліе.

Между тѣмъ Англичане приняли рѣшительное намѣреніе овладѣть Кантономъ и ожидали только прибытія нѣкоторыхъ судовъ, отправленныхъ изъ Англіи съ морскими солдатами, чтобы сдѣлать нападеніе на этотъ городъ. Баронъ Гро, пріѣзжавшій въ Гонъ-Конгъ изъ Макао для совѣщанія съ лордомъ Эльгиномъ, посѣтилъ графа Путятина на пароходѣ «Америка» и сообщилъ ему, что Французская эскадра объявитъ блокаду Кантонской рѣки за нарушеніе трактата, заключающееся въ сильныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Франціи въ лицѣ ея миссіонеровъ. Адмиралъ Риго-де-Женульи прислалъ графу Путятину съ письмомъ оффиціальную декларацію блокады Кантонской рѣки. Американскій министръ, г. Ридъ, просившій свиданія съ генералъ-губернаторомъ Иэ, получилъ на это отказъ и сказалъ посему, что Соединенные Штаты принуждены будутъ употребить силу противъ Китайцевъ, если имъ будутъ отказывать въ привилегіяхъ, которыя будутъ предоставлены Европейцамъ.

Сношенія наши съ Американцами, какъ писалъ графъ Путятинъ, *доселѣ* весьма дружелюбны и откровенны; съ Англичанами же и Французами *весьма вѣжливы*, пріязнены, но ограничиваются *нѣкоторою осторожностью*.

Неудавшееся посольство графа Путятина не подавало и въ будущемъ никакой особенной надежды. Депешею изъ Гонъ-Конга, отъ 17-го декабря, онъ извѣщалъ, что вышелъ декретъ Богдыхана для отраженія вторженія Русскихъ въ Амурскій край, что одни дипломатическія настоянія недостаточны для убѣжденія Китайцевъ измѣнить образъ сношеній съ другими государствами, и что безъ сильныхъ понудительныхъ мѣръ нельзя достигнуть никакого результата. Какъ самое дѣйствительное средство, графъ Путятинъ полагалъ учредить блокаду обоихъ устьевъ рѣки Пей-хо, ограничивая оную недопущеніемъ Китайскихъ джонокъ вхо-

дить въ рѣку, пока не будетъ высланъ въ Печелійскій заливъ министръ Пекинскій, уполномоченный для переговоровъ объ опредѣленіи границъ, *дарованныхъ* Россіи, и преимуществъ, равныхъ съ прочими націями. Эту блокаду графъ Путятинъ считалъ весьма удобоисполнимою судами шедшаго туда отряда, и остановка подвоза риса и другого зернового хлѣба въ Пекинъ скорѣе всего, какъ онъ полагалъ, заставитъ Китайцевъ *бросить свое упорство.* Въ случаѣ же перенесенія союзниками войны на сѣверъ, графъ Путятинъ признавалъ выгоднымъ и полезнымъ *своевременно* предложить Франціи и Англіи содѣйствіе нашихъ морскихъ силъ въ здѣшнихъ моряхъ для достиженія и общихъ цѣлей и частныхъ, касающихся одной Россіи. Иначе,—такъ кончаетъ свою депешу графъ Путятинъ,—трудно предвидѣть, какими путями дипломатическими можно достигнуть рѣшенія нынѣшнихъ нашихъ споровъ съ Китаемъ.

Вслѣдствіе такого взгляда и веденія дипломатическихъ дѣлъ графомъ Путятинымъ, немедлено былъ вызванъ въ Петербургъ изъ Парижа П. Н. Муравьевъ; и, по совѣщаніи съ нимъ, графу Путятину написали въ концѣ декабря 1857 года, что, такъ какъ званіе посланника въ Китаѣ дѣлается уже *безполезнымъ*, то онъ, по волѣ Государя Императора, назначается начальникомъ отдѣльной эскадры и Императорскимъ коммиссаромъ, дабы имѣть возможность слѣдить за дѣйствіями западныхъ державъ въ отношеніи къ Китаю. Въ этомъ совѣщаніи Н. Н. Муравьевъ настоялъ, чтобы продолжать заселеніе Амура и вести переговоры въ миролюбивомъ духѣ, что̀ и было ему предоставлено.

Китайцамъ же написали, что они напрасно послали своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ въ Сахалянъ-Ула, между тѣмъ какъ посланникъ нашъ графъ Путятинъ, не получивъ никакого удовлетворительнаго отвѣта, отправился въ другія страны на встрѣчу нашей флотиліи, которая идетъ къ устьямъ Амура. Въ заключеніе Китайцевъ извѣстили, что *самъ* генералъ Муравьевъ вызванъ Государемъ Императоромъ въ Петербургъ для особыхъ пограничныхъ дѣлъ, гдѣ и получитъ всѣ приказанія отъ Его Величества относительно того, *какъ* ему переговариваться и *какъ* дѣйствовать на границѣ.

Мѣры, которыя предлагалъ графъ Путятинъ, повели бы за собою отозваніе миссіи, закрытіе Кяхтинской торговли и прервали бы всѣ сношенія съ Китайцами, что̀ вполнѣ согласовалось бы съ видами и желаніями Китайскаго правительства.

Послѣ всѣхъ этихъ совѣщаній по Китайскимъ дѣламъ, Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и по

поводу такого назначенія вотъ что писалъ онъ брату Валеріану Николаевичу отъ 11-го декабря: «Въ приказахъ ты, конечно, уже прочелъ о моемъ новомъ званіи; Государю угодно было сдѣлать мнѣ пріятное, а вниманіе это дороже всякой награды:—вообще Его Величество чрезвычайно ко мнѣ милостивъ, и это, конечно, служитъ мнѣ утѣшеніемъ въ моей семейной разлукѣ, которую я могу переносить только по важности обстоятельствъ ввѣреннаго мнѣ края и вопросовъ, возникшихъ на крайнемъ востокѣ; но не могу похвастаться успѣшнымъ здѣсь ходомъ моихъ дѣлъ, безпрестанно получаю отказы и встрѣчаю препятствія, какъ по мелочнымъ, такъ и по важнымъ дѣламъ,—все это приходится сносить.

Жаловаться Государю не стану, ибо послѣ только будетъ хуже для дѣлъ ввѣреннаго мнѣ края. Я по многимъ причинамъ желалъ бы скорѣе уѣхать въ Сибирь, но множество мелочныхъ дѣлъ задержатъ меня до Крещенія.»

Въ эту бытность Н. Н. Муравьева въ Петербургѣ, былъ утвержденъ уставъ Амурской компаніи, составленный для торговли въ Пріамурскомъ краѣ гг. Бенардаки и Рукавишниковымъ.

Въ этомъ же году предполагалось начать переселеніе на Амуръ въ большомъ видѣ, а именно цѣлой пѣшей бригады Забайкальскаго казачьяго войска (т. е. около 12-ти тысячъ душъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ); но неопредѣленность отношеній къ Китаю замедлила это переселеніе; зато къ концу года открылся зимній трактъ изъ Николаевска вверхъ по Амуру до Усть-Стрѣлки. До Маріинскаго поста устроена была почтовая ѣзда, удобная и исправная до того, что не остается ничего желать лучшаго. Выстроенные станціонные домы теплы и чисты; у подъѣздовъ поставлены, по приказанію Муравьева, столбы съ двуглавыми орлами, названіями станцій и означеніемъ числа верстъ.

LIX.

Дипломатическія сношенія графа Путятина съ Пекиномъ.—Донесеніе его въ Петербургъ о приготовленіи Китайцевъ къ войнѣ съ нами.—Дѣятельность Муравьева по отношенію къ Китаю.—Письмо его къ брату.—Выѣздъ его изъ Иркутска на Амуръ.—Письмо къ Карсакову.—Путешествіе Муравьева совмѣстно съ архіепископомъ Иннокентіемъ во время ледохода по рѣкѣ Амуру.—Сношенія его съ Китайскими властями по вопросу о разграниченіи.—Письмо Муравьева къ Карсакову.—Первое свиданіе Муравьева съ Дзянь-Дзюномъ въ Айгунѣ.—Проектъ Муравьева о разграниченіи.—Порученіе Перовскому вести дальнѣйшіе переговоры съ Китайцами.—Уловки Китайскихъ чиновниковъ.—Перовскому удается склонить Китайцевъ на заключеніе договора.—Второе свиданіе Муравьева съ Дзянь-Дзюномъ.—Заключеніе трактата и подписаніе его.—Прибытіе Муравьева въ Усть-Зейскій постъ.

1858 г.

«Насталъ 1858 г.—Графъ Путятинъ»,—пишетъ П. В. Шумахеръ.[1]—«продолжая дѣйствовать на дипломатическомъ поприщѣ, писалъ ноты въ Верховный Государственный Совѣтъ въ Пекинѣ, выражая въ нихъ общія требованія, для всѣхъ государствъ и для Россіи въ особенности, отвергая въ дѣлѣ разграниченія Хинганскій хребетъ и предлагая рѣку Амуръ границею болѣе приличною, для чего вызывалъ въ Шанхай полномочныхъ изъ Пекина. Между тѣмъ Амурскій Комитетъ обсудилъ и заключилъ въ февралѣ, что графъ Путятинъ долженъ оставаться въ Китайскихъ моряхъ въ наблюдательномъ положеніи, не принимая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, ибо Англія и Франція торжественно объявили, что всѣ выгоды, которыя будутъ выговорены для нихъ въ мирномъ трактатѣ съ Китаемъ, должны простираться и на прочія Европейскія государства.»

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III.

Немало надѣлало страху въ Петербургѣ донесеніе графа Путятина, что Китайцы заготовляютъ порохъ для нападенія на насъ; но Н. Н. Муравьевъ, уже въ то время возвратившійся въ Иркутскъ, успокоилъ встревожившихся. Хотя въ Маньчжуріи и производились сборы войскъ, но Муравьевъ приписывалъ всѣ эти приготовленія тревожному состоянію, въ которомъ находилось Китайское правительство по случаю войны съ Англо-Французами, и естественному опасенію, что и мы можемъ предпринять противъ нихъ враждебныя дѣйствія.

Николай Николаевичъ Муравьевъ ждалъ только минуты, чтобъ вслѣдъ за льдами поплыть къ устью Зеи, предварительно предписавъ генералъ-маіору Карсакову поспѣшить приготовленіемъ къ сплаву частей войскъ, слѣдующихъ на Амуръ, и въ особенности обратить вниманіе на поспѣшный сплавъ крѣпостныхъ орудій и всѣхъ принадлежностей для возведенія батарей. Затѣмъ немедленно послалъ въ Ургу Кяхтинскаго пограничнаго коммиссара [1] для подробнѣйшихъ объясненій съ тамошними правителями и чтобы сообщить имъ, что графъ Путятинъ приметъ на себя даже посредничество между Китайскимъ правительствомъ и западными державами, если Пекинскій Кабинетъ будетъ объ этомъ просить графа, и что если онъ этого пожелаетъ, то долженъ послать къ графу Путятину начальника, одного изъ членовъ Пекинской духовной миссіи. Въ отношеніи же заселеній нашихъ на Амурѣ, Муравьевъ предупредилъ Ургинскихъ правителей, что будетъ продолжать и въ нынѣшнемъ году заселять различныя мѣста по Амуру и Уссури, на основаніи данныхъ ему Высочайшихъ повелѣній, но что дѣйствія эти ничего враждебнаго къ нимъ не заключаютъ, а напротивъ клонятся къ общимъ пользамъ обоихъ государствъ.

Въ то же время отправилъ Муравьевъ на устье Зеи курьера, приказавъ ему, когда будетъ въ Айгунѣ, сказать амбаню, что Муравьевъ будетъ на Амурѣ тотчасъ по вскрытіи льдовъ, но что не можетъ медлить въ верховьяхъ рѣки, а долженъ спѣшить къ устью, и что если онъ желаетъ съ Муравьевымъ переговариваться, то это будетъ удобнѣе на возвратномъ его пути отъ устья Амура. Предупрежденіе это онъ сдѣлалъ во первыхъ въ надеждѣ, что на устьѣ Амура получитъ извѣстіе отъ графа Путятина, а во вторыхъ, чтобъ показать Китайцамъ, что съ его стороны нѣтъ особаго стремленія съ ними переговариваться.

---

[1] А. И. Деспотъ-Зеновичъ, впослѣдствіи Тобольскій губернаторъ и членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

«На дняхъ я отправлюсь на Амуръ мѣсяца на четыре;»—пишетъ Н. Н. Муравьевъ изъ Иркутска брату Валеріану Николаевичу отъ 3-го апрѣля,—«исключительная моя теперь забота состоитъ въ томъ, чтобъ заселять Амуръ, развивать по немъ пароходство и торговлю, учредить города, архіепископскую каѳедру и открыть золото, которое необходимо для многихъ расходовъ по всему вышеизложенному, тѣмъ болѣе, что въ устьяхъ Амура и окрестныхъ морскихъ берегахъ надобно соорудить укрѣпленные порты и сообщеніе съ ними *желѣзными дорогами.*

Занятія, какъ ты видишь, многосложныя и немаловажныя, требуютъ времени и опытнаго направленія и добросовѣстныхъ исполнителей. Между тѣмъ борьба Китая съ Англо-Французами не безъ заботы и для насъ; замыслы нашихъ бывшихъ непріятелей всегда намъ враждебны: Англія вся, а во Франціи правительство неизмѣнно желаютъ намъ вредить, въ мирѣ ли мы или въ войнѣ. По дѣламъ этимъ назначается въ Китайскихъ моряхъ графъ Путятинъ; но онъ въ сношеніяхъ только съ Англо-Французами, а съ Китайцами всѣ сношенія черезъ меня. Понимая всю важность моихъ обязанностей по всему вышесказанному и необходимость мнѣ оставаться въ Восточной Сибири, я безропотно покоряюсь тяжелой своей участи. Два года тому назадъ я могъ свободно проситься вонъ отсюда и сдѣлалъ это, а теперь это невозможно по совѣсти. Высшее правительство можетъ меня отозвать или выгнать какими-нибудь несвоевременными распоряженіями или мѣрами, но, изъ собственныхъ видовъ или для собственнаго спокойствія, я отсюда проситься не стану, покуда самъ не буду убѣжденъ, что въ лицѣ моемъ здѣсь нѣтъ крайней необходимости.

Здоровье мое въ странномъ положеніи, я не могу за него поручиться и на двѣ недѣли, ибо меня посѣщаютъ такіе припадки, которые въ нѣсколько дней могутъ свести въ могилу. Надѣюсь однакожъ, что лѣтнее путешествіе меня поправитъ; воздухъ и движеніе лучшіе лѣкаря.»

6-го апрѣля Н. Н. Муравьевъ снова выѣхалъ изъ Иркутска на Амуръ, еще по льду проѣхавъ озеро Байкалъ, и продолжалъ дальнѣйшій путь свой до Срѣтенска на колесахъ. Съ этого пути онъ писалъ М. С. Карсакову отъ 10-го апрѣля изъ Читы:—«Сейчасъ пріѣхалъ сюда. 11-го выѣду отсюда въ обѣдъ и спѣшить не буду. Радуюсь, что ты самъ понимаешь необходимость застать меня въ Усть-Зеѣ; а потому и расчитывай свое отплытіе не позже 25-го апрѣля, чтобы 1-го мая быть тамъ. По моему учреждать почту на Амурѣ нельзя, это бы стоило 80 т. рублей сер.

въ годъ, но надобно придумать другія средства и не увлекаться старинными порядками, ибо 80 т. взять негдѣ и никто не дастъ. 19-го числа надѣюсь быть въ Бянкинѣ или Срѣтенскѣ.»

26-го апрѣля Н. Н. Муравьевъ въ сопровожденіи архіепископа Иннокентія Камчатскаго выѣхалъ изъ Срѣтенска и поплылъ во время ледохода по рѣкѣ Амуръ на особыхъ баржахъ съ двумя вооруженными катерами. Не доходя устья рѣки Зеи, еще за 80 верстъ Н. Н. Муравьевъ былъ встрѣченъ Китайскими чиновниками, обратившимися къ нему съ вопросомъ, долго ли онъ можетъ пробыть въ этихъ мѣстахъ, и съ просьбою обождать хоть нѣсколько дней, прибытія въ Айгунъ ихъ главнокомандующаго изъ Цицигара. На другой же день, т. е. 6-го мая, послѣ прибытія Муравьева въ Усть-Зею, пріѣхалъ къ нему изъ Айгуна амбань съ извѣстіемъ, что главнокомандующій ихъ уже прибылъ въ городъ и проситъ его, хоть на нѣсколько дней, отложить дальнѣйшее плаваніе, чтобъ поговорить о разграниченіи на Амурѣ, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, и пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ своихъ занятій. Н. Н. Муравьевъ согласился, и пошелъ 10-го мая въ Айгунъ съ 2-мя канонирскими лодками и *въ 6 дней*, какъ мы увидимъ, *заключилъ договоръ съ Китайцами*. «Третьяго дня наконецъ доплылъ я сюда», писалъ Муравьевъ изъ Усть-Зеи М. С. Карсакову отъ 7-го мая,—«на постахъ я очень мало останавливался, а нѣкоторые прошелъ мимо ночью. Тебѣ же надобно останавливаться на каждомъ, чтобы назначить мѣсто для новыхъ переселенцевъ. Цицикорскій главнокомандующій Дзянь-Зюня прибылъ вчера въ Айгунъ для переговоровъ со мною; сегодня же я принимаю амбаня: вообще Маньчжуры очень желаютъ со мной поболтать.» «На первомъ свиданіи, бывшемъ 11-го мая въ Айгунѣ съ Дзянь-Зюнемъ, Н. Н. Муравьевъ, изложивъ на словахъ все, что неоднократно было уже писано Китайскому правительству, о необходимости опредѣлить границу обоихъ государствъ по теченію р. Амура, объ обоюдной пользѣ окончанія этого дѣла, присовокупилъ, что въ настоящее время Китайскому правительству тѣмъ болѣе должно бы кончить это дѣло, что Китай въ войнѣ съ Англичанами, которые могутъ обнаружить желаніе завладѣть устьемъ Амура и мѣстами, отъ него къ югу вдоль морского берега лежащими; что мы можемъ имъ въ томъ воспрепятствовать только въ случаѣ, если на основаніи заключеннаго договора — можемъ показать означенныя мѣста намъ принадлежащими.

На это Китайскій главнокомандующій возразилъ также въ смыслѣ прежде писанныхъ изъ Трибунала по этому дѣлу листовъ;

подписалъ всѣ трактаты, Горбицу, Удь и неразграниченныя земли. Затѣмъ послѣдовали съ той и другой стороны пренія, которыя не подвигали дѣла, а какъ засѣданіе продолжалось уже четыре часа, то Н. Н. Муравьевъ прекратилъ оное, передавъ Китайскому уполномоченному заранѣе изготовленный проектъ трактата, и просилъ по разсмотрѣніи онаго объявить его мнѣніе въ засѣданіи на слѣдующій день.

Проектъ этотъ, составленный Муравьевымъ, заключался въ слѣдующемъ: 1. Границѣ между обоими государствами быть по р. Амуру такъ, чтобы лѣвый берегъ до устья принадлежалъ Россійскому, а правый до рѣки Уссури—Китайскому государству, затѣмъ по рѣкѣ Уссури до ея истоковъ, а отъ оныхъ до полуострова Кореи.

2. Плаваніе по рѣкамъ, составляющимъ границу, дозволяется только судамъ двухъ государствъ.

3. По симъ рѣкамъ—свободная торговля.

4. Китайскимъ подданнымъ, находящимся на лѣвомъ берегу—переселиться на правый, въ теченіе трехъ лѣтъ.

5. Пересмотръ (чрезъ нарочно назначенныхъ для сего съ обѣихъ сторонъ лицъ) прежнихъ трактатовъ для постановленія новыхъ правилъ по всѣмъ предметамъ, касающимся до пользы и славы обоихъ государствъ, и

6. Настоящій договоръ считать дополненіемъ прежнихъ трактатовъ.

Изъ этого перваго засѣданія было вынесено убѣжденіе такого рода, что Китайское правительство, хотя и желаетъ непремѣнно сохранить дружбу съ нами (ибо объ этомъ уполномоченный нѣсколько разъ упоминалъ), но что оно упорно будетъ придерживаться прежнихъ столь часто выраженныхъ имъ мнѣній о пограничномъ дѣлѣ, и что переговоры могутъ такимъ образомъ продолжаться весьма долго.

Напротивъ того, Муравьевъ желалъ привести дѣло къ окончанію какъ можно скорѣе; однако, чтобы не высказать этого желанія, а также съ цѣлью имѣть въ сбереженіи высшій авторитетъ, къ окончательному рѣшенію котораго можно было бы прибѣгнуть на случай какихъ-либо недоразумѣній, Муравьевъ на другой день, т. е. 12-го мая, отправилъ своего переводчика объявить, что генералъ-губернаторъ Муравьевъ, по причинѣ болѣзни, не можетъ продолжать переговоры, а поручаетъ оные г. Перовскому, [1] котораго онъ представилъ, какъ служащаго въ томъ самомъ Сенатѣ, изъ котораго пишутся наши листы, и что въ предвидѣніи могущихъ быть переговоровъ, на основаніи послѣд-

[1] Петръ Николаевичъ Перовскій, приставъ духовной миссіи нашей въ Пекинѣ.

няго листа изъ Трибунала, поручено Перовскому сопровождать генерала Муравьева до Айгуна.

Начавшіяся же затѣмъ ежедневныя свиданія Перовскаго то съ амбанями, то съ главнымъ переводчикомъ и другими лицами, продолжались по 3 и по 4 часа утромъ и вечеромъ. Трудно изложить всѣ хитрости, всѣ уловки Китайскихъ чиновниковъ съ цѣлью передать слушателю убѣжденіе объ ихъ славѣ, о неоспоримомъ превосходствѣ ихъ надъ другими народами; но трудно было имъ выдерживать постоянно эту роль и скрыть собственное сознаніе въ своемъ безсиліи, шаткомъ положеніи дѣлъ въ ихъ государствѣ, страхѣ, чтобы мы не дѣйствовали противъ нихъ вмѣстѣ съ Англичанами, которыхъ они столько же не любили, сколько боялись.

Н. Н. Муравьевъ поручилъ Перовскому не упустить удобнаго случая, чтобы дать имъ почувствовать, что положеніе ихъ вполнѣ намъ извѣстно. Поэтому, когда, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, Перовскій замѣтилъ, что упорство ихъ не ослабѣваетъ, то объявилъ имъ, по приказанію генералъ-губернатора Муравьева, что только великодушію нашего Монарха обязаны они сохраненіемъ дружественныхъ сношеній между обоими государствами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали бы намъ полное право дѣйствовать иначе; что напрасно они упираются на прежніе трактаты для опредѣленія границъ, къ востоку отъ рѣки Горбицы и въ мѣстахъ около р. Уди лежащихъ, ибо при заключеніи трактата въ 1689 году они поступили недобросовѣстно: изъ Пекина было писано, что свита ихъ уполномоченныхъ будетъ не многочисленна, тогда какъ на самомъ дѣлѣ къ мѣсту переговоровъ выслали цѣлую армію; съ нашей же стороны нашему посланнику дана была только необходимая свита; что, наконецъ, Китайцы сами нарушили трактаты тѣмъ во первыхъ, что брали ясакъ съ жителей въ мѣстахъ неразграниченныхъ, на что они не имѣли никакого права, а во вторыхъ тѣмъ, что нынѣ не приняли посланника, отправленнаго по повелѣнію Государя Императора съ дружескимъ привѣтствіемъ къ ихъ Богдыхану, и что таковое обстоятельство между всѣми просвѣщенными государствами влечетъ за собою обыкновенно разрывъ и непріязненныя дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Перовскій упомянулъ, что они возбудили еще одно непріятное дѣло, въ которомъ поступили несправедливо, а именно дѣло о сожженіи и разграбленіи факторіи нашей въ Чугучакѣ.

Эти слова произвели на Китайцевъ сильное впечатлѣніе: они согласились на заключеніе договора.» [1]

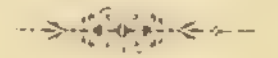
---

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 297—299.

«И вотъ, наконецъ, наступилъ и достопамятный день 16-го мая. Трактатъ назначено было подписывать въ 12 часовъ, но, за перепиской бѣловыхъ экземпляровъ на Русскомъ и Манджурскомъ языкахъ, время протянулось до вечера. Въ 6 часовъ Н. Н. Муравьевъ со своею свитою, въ парадной формѣ, вышли на берегъ Айгуна и пѣшкомъ отправились къ Дзянь-Дзюню, гдѣ тотчасъ же началось подчиванiе чаемъ и сластями. Послѣ краткаго привѣтствiя, Н. Н. Муравьевъ сказалъ Дзянь-Дзюню, что онъ очень радъ, что наконецъ они кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутора столѣтiя и давно заботившее ихъ правительства, послѣ чего приступили къ чтенiю и повѣркѣ текста на Манджурскомъ языкѣ. За тѣмъ началось подписыванiе трактата [1] на Русскомъ и Манджурскомъ языкахъ— Муравьевымъ, Дзянь-Дзюнемъ, Перовскимъ, амбанемъ, Шишмаревымъ и Айжиндаемъ. [2] Послѣ подписи Н. Н. Муравьевъ и Дзянь-Дзюнь взяли каждый въ одну руку по два подписанныхъ экземпляра на Русскомъ и Манджурскомъ языкахъ, въ одно время обмѣнялись ими и передали другъ другу со взаимнымъ поздравленiемъ.

Окончивъ весь церемонiалъ заключенiя трактата, Н. Н. Муравьевъ 17-го мая отправился на своемъ катерѣ въ обратный путь въ Усть-Зейскiй постъ. По прибытiи на катеръ, спутники Николая Николаевича, по русскому обычаю, съ шампанскимъ въ рукахъ, поздравили его съ совершившимся великимъ событiемъ, открывшимъ Сибири удобный водяной путь къ океану, оправдавшимъ блестящимъ образомъ дальновидныя соображенiя и предположенiя Муравьева и увѣнчавшимъ, достойнымъ образомъ, его многолѣтнiе труды и усилiя.» [3]

Итакъ Амуръ, съ миллiонами квадратныхъ верстъ и приморскимъ берегомъ, составилъ однимъ почеркомъ пера генералъ-адъютанта Н. Н. Муравьева законную собственность Россiи. Въ письмѣ своемъ къ Его Высочеству генералъ-адмиралу, Муравьевъ между прочимъ писалъ: «...Если же господа невѣрующiе станутъ и теперь еще утверждать, что договоръ не облеченъ всѣми дипломатическими формами, то ошибутся, какъ ошибались и прежде въ сношенiяхъ своихъ съ Китаемъ.»

[1] Содержанiе трактата помѣщено во второй книгѣ нашего труда.

[2] Перо, которымъ Николай Николаевичъ Муравьевъ подписалъ возвращенiе Амура, взялъ къ себѣ на сохраненiе оберъ-квартирмейстеръ подполковникъ Будогосскiй.

[3] Д. Романовъ. Русское Слово. 1859 г., стр. 153—154.

LX.

Донесеніе Муравьева Государю о заключеніи договора съ Китайцами.—Заложеніе храма въ Усть-Зеѣ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.—Переименованіе Усть-Зейскаго поста въ городъ Благовѣщенскъ.—Благодарственное молебствіе.—Рѣчь архіепископа Иннокентія къ Муравьеву.—Обѣдъ у Муравьева.—Приказъ его.—Отплытіе Муравьева съ архіепископомъ Иннокентіемъ къ устью Амура для основанія новыхъ поселеній по Амуру и установленія сообщеній.—Основаніе Хабаровскаго поселенія.—Письмо Муравьева къ Корсакову.—Осмотръ Муравьевымъ Маріинскаго поста и прибытіе его въ Николаевскъ.—Торжественное молебствіе, совершонное архіепископомъ Иннокентіемъ.—Обратный путь Муравьева вверхъ по Амуру.—Первый православный храмъ на берегахъ Амура, въ Маріинскомъ посту.—Заложеніе храма св. Софіи у мыса Джай.—Муравьевъ на пароходѣ «Амуръ» первый полагаетъ начало Русскому судоходству по рѣкѣ Сунгари.—Прибытіе Муравьева въ Айгунъ.—Муравьевъ въ Благовѣщенскѣ.—Пріемъ, сдѣланный имъ амбаню.—Непринятіе Муравьевымъ правилъ, представленныхъ Китайцами для торговли ихъ съ Русскими.—Продолженіе его путешествія вверхъ по Амуру.—Донесеніе графа Путятина генералъ-адмиралу о заключеніи трактата въ Тянь-Дзинѣ.—Графъ Путятинъ извѣщаетъ Китайцевъ объ утвержденіи Богдыханомъ Русско-Китайской границы, а Н. Н. Муравьева о заключеніи Тянь-Дзинскаго договора.

1858 г.

Н. Н. Муравьевъ, вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Усть-Зейскій постъ, а именно 21-го мая, донесъ Государю Императору о заключеніи договора съ Китайцами, и въ тотъ же день заложенъ былъ архіепископомъ Иннокентіемъ храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; одновременно съ этимъ Усть-Зейскій постъ переименованъ былъ Муравьевымъ въ городъ «Благовѣщенскъ», въ память того, что одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его сподвѣжниковъ, преосвященный архіепископъ Иннокентій Камчатскій, первоначально, въ санѣ священника, служилъ въ Иркутскѣ при Благовѣщенской церкви. Послѣ заложенія храма, по желанію

Н. Н. Муравьева, было совершено преосвященнымъ Иннокентіемъ благодарственное молебствіе о радостномъ и великомъ событіи, и послѣ молебна владыка Иннокентій обратился къ Н. Н. Муравьеву съ слѣдующею рѣчью: [1] «Наконецъ Господь помогъ вамъ совершить одно изъ вѣковыхъ дѣлъ. Благословенъ Господь Богъ нашъ, вложившій въ сердце Монарха нашего такую мысль и избравшій тебя, богоизбранный мужъ, въ орудіе такого великаго дѣла, и укрѣплявшій и укрѣпляющій тебя Своею силою! Благословенъ Господь Богъ твой, и благословенъ ты Богомъ Вышнимъ, устроившимъ это дѣло такъ вожделѣнно, мирно, дружелюбно и безъ посредства оружія!

Нѣтъ надобности говорить здѣсь о томъ, какія выгоды, какія блага могутъ произойти отъ этого края для Россіи. Это очевидно при самомъ простомъ взглядѣ. Скажемъ только, что это есть вмѣстѣ благо и счастіе для самыхъ сосѣдей нашихъ, ибо рано или поздно они чрезъ насъ просвѣтятся свѣтомъ Христовымъ, а этого какое благо можетъ быть выше и прочнѣе? Не время также и не мѣсто, да и не по нашимъ силамъ исчислять или оцѣнять всѣ твои заботы, усилія, труды, боренія, твои подвиги, понесенные тобою къ достиженію этой одной изъ главнѣйшихъ твоихъ цѣлей. Ихъ вполнѣ можетъ оцѣнить только будущее населеніе сего края и исторія. Но если бы, паче чаянія, когда-нибудь и забыло тебя потомство, и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша православная церковь, всегда вспоминающая даже создателей храмовъ; а ты, богоизбранный мужъ, открылъ возможность, надежды и виды къ устроенію тысячи храмовъ въ семъ неизмѣримомъ бассейнѣ Амура. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ настоящее время, если и не вся Россія, то вся Сибирь и всѣ благомыслящіе Россіяне и всѣ твои сподвижники съ радостію, съ благодарностію и съ восторгомъ примутъ извѣстіе о совершонномъ тобою нынѣ дѣлѣ.»

Послѣ молебствія всѣ чины, бывшіе въ Благовѣщенскѣ, обѣдали у Муравьева. Въ тотъ же день, на церковномъ парадѣ, Муравьевъ отдалъ слѣдующій приказъ: «Товарищи! Поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы: Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая православная Церковь молитъ за васъ! Россія—благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ II, и да процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!»

[1] См. книгу нашу: «Иннокентій митрополитъ Московскій и Коломенскій.» М. 1883 г., стр. 423—424.

Для того, чтобы вполнѣ воспользоваться выгодами Айгунскаго трактата, надо было колонизировать Пріамурскій край, распространить въ немъ въ большихъ размѣрахъ Русское поселеніе, развить пароходство по Амуру, т. е. сдѣлать изъ этой рѣки то, къ чему она предназначена самою природою: быть великимъ торговымъ путемъ для Восточной Сибири. Начало этому, какъ мы видѣли, уже было положено. Съ этою давно задуманною мыслію и цѣлью, Н. Н. Муравьевъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Иннокентіемъ и своимъ штабомъ, 22-го мая отплылъ въ дальнѣйшій путь къ устью Амура. Во время этого плаванія, оберъквартирмейстеръ подполковникъ Будогосскій, по приказанію Муравьева, избиралъ мѣста для поселеній Амурскаго пѣшаго баталіона, который въ этомъ году занялъ своими станицами лѣвый берегъ Амура, отъ начала хребта Малаго Хингана до устья Уссури. При впаденіи этой послѣдней рѣки въ Амуръ было основано поселеніе 13-го линейнаго баталіона, названное Хабаровскимъ.[1] Отъ этого поселенія дальнѣйшій путь свой Н. Н. Муравьевъ продолжалъ на ожидавшемъ его здѣсь пароходѣ «Амуръ», въ сопровожденіи прибывшаго сюда навстрѣчу военнаго губернатора Приморской области Казакевича. «Сейчасъ сажусь на пароходъ «Амуръ», а Будогосскій отправляется на лодкахъ вверхъ со всѣми людьми 14-го баталіона», писалъ Н. Н. Муравьевъ съ Буреи отъ 3-го іюня М. С. Карсакову. «Мы шли ужасно долго отъ сильныхъ противныхъ вѣтровъ, которые, вѣроятно, задержали и прочіе всѣ сплавы,—и пришли на устье Уссури только 31-го мая. Тамъ я нашелъ Казакевича. Казаки, славу Богу, здоровы, у нихъ на посту все хорошо; строятъ домъ, магазинъ, огороды засажены, и времени вообще даромъ не теряли. Устье Уссури совершенно въ глуши, въ 4-хъ верстахъ отъ главнаго русла Амура. Вслѣдствіе сего я становлю 13-й баталіонъ весь на Буреѣ, т. е. на главномъ руслѣ,[2] чтобъ онъ могъ удобнѣе во всякое время спускаться и подыматься къ устью Амура, а въ протоки въ мелководье пароходы ходить не могутъ. Около устья Уссури весьма немного мѣстъ для поселенія; вслѣдствіе сего я отправляю во 2-ю роту только 150 семействъ, а 350 будутъ въ 1-й ротѣ, т. е. въ Амурскомъ баталіонѣ, для котораго мѣста довольно.

Огромность пространства и затрудненіе проѣзда безъ пароходовъ заставляетъ меня опять обратиться къ мысли, что учрежденіе начальства надъ всею линіею было бы безполезно, особенно

---

[1] Нынѣ областной городъ.

[2] Амура.

для Уссурійскаго баталіона, который протянется еще на 700 верстъ (разумѣется, въ будущемъ году) вверхъ по рѣкѣ Уссури и до моря; поэтому я нахожу единственнымъ способомъ подчинить этотъ баталіонъ, а также и 13-й, военному губернатору Приморской области, который на всѣхъ своихъ пароходахъ, даже и на «Аргуни», можетъ доходить вверхъ до Буреи. Теперь тебѣ остается только хлопотать объ Амурскомъ баталіонѣ и объ Амурскомъ полку, но и это дѣло не малое, особенно когда, по мелководію, всѣ они придутъ на мѣста довольно поздно; что же касается снабженія 13-го баталіона и Уссурійскихъ казаковъ, то я увѣренъ, что ты ихъ надѣлишь еще лучше, чѣмъ тѣхъ, которые остаются въ твоемъ вѣдѣніи. Я буду съ Казакевичемъ на Уссури или на Буреѣ къ 1-му іюля, а около 15-го надѣюсь быть въ Благовѣщенскѣ, гдѣ окончательно устроимъ всѣ дальнѣйшія предположенія.»

8-го іюня Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ онъ посвятилъ этотъ день обзору церкви, казармъ и другихъ зданій, выстроенныхъ здѣсь въ теченіе 2-хъ лѣтъ послѣ его отсутствія. Въ это время приступлено было къ постройкѣ почтовыхъ станцій между постами Маріинскимъ и Уссурійскимъ, для установленія почтоваго сообщенія на тройкахъ съ колокольчиками отъ Балтійскаго моря до Восточнаго океана.

10-го числа Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Николаевскъ, при салютахъ съ береговыхъ батарей. Послѣ 1855 года, когда Муравьевъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ, Николаевскъ, изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ, протянулся на $1^1/_2$ версты по берегу Амура, и въ немъ тогда однихъ частныхъ домовъ считалось уже до двухъ сотъ. Н. Н. Муравьевъ остался здѣсь на нѣсколько дней. 15-го іюня въ госпитальной церкви Николаевска было совершено благодарственное молебствіе о заключеніи договора. При этомъ архіепископъ Иннокентій произнесъ краткое, соотвѣтственное торжеству, слово, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что онъ радуется, видя себя среди дѣятелей этого края въ такую минуту, когда труды ихъ вознаграждены возвращеніемъ Амура къ Россіи. Въ заключеніе молебствія было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчная память Императору Николаю I, многолѣтіе генералъ-губернатору Н. Н. Муравьеву, вѣчная память всѣмъ положившимъ животъ свой за Амурскій край и многолѣтіе всѣмъ подвизавшимся и подвизающимся въ здѣшнемъ краѣ дѣятелямъ. При возглашеніи многолѣтія Императорской Фамиліи, съ береговыхъ батарей былъ произведенъ салютъ.

Отправившись изъ Николаевска, на пароходѣ «Амуръ», въ обратный путь вверхъ по Амуру 19-го іюня, Муравьевъ 21-го прибылъ въ Маріинскій постъ, гдѣ на другой день въ воскресенье, 22-го іюня, въ его присутствіи былъ освященъ владыкою Иннокентіемъ первый на берегахъ Амура православный храмъ. Остальныя церкви, строящіяся въ Николаевскѣ и селеніи Михайловскомъ, еще не были окончены. Выйдя 24-го числа изъ Маріинска въ сопровожденіи парохода «Шилка», Муравьевъ остановился у мыса Джай (въ 35-ти верстахъ выше Маріинска), гдѣ въ присутствіи его, на избранномъ здѣсь пунктѣ для поселенія, преосвященный Иннокентій заложилъ храмъ во имя св. Софіи (премудрости Божіей) и тѣмъ положилъ основаніе будущему городу Софійску.

Н. Н. Муравьевъ каждому новому заселенію на Амурѣ усвоялъ названіе, заимствуемое большею частію или отъ имени его жены (Екатерино-Никольская станица), или же отъ фамиліи сподвижниковъ своихъ на Амурѣ (Михайловское,[1] Свербеевка, Карсакова, Казакевича и т. д., станицы: Буссе, Невельская, Скобельцына, Игнатьева[2] и т. д.).

Изъ Софійска архіепископъ Иннокентій съ военнымъ губернаторомъ Казакевичемъ отправились, на пароходѣ «Шилка», обратно въ Николаевскъ, а Н. Н. Муравьевъ, продолжая плаваніе на пароходѣ «Амуръ», 28-го іюня прибылъ въ Хабаровское, а 2-го іюля подошелъ къ устью рѣки Сунгари. Здѣсь, взявъ изъ Манджурскаго поста начальника съ его свитою, Муравьевъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднялся по ней до 20 верстъ. Такимъ образомъ пароходъ «Амуръ» былъ первый, который показался на рѣкѣ Сунгари и положилъ 2-го іюля 1858 года первое начало Русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго Айгунскимъ трактатомъ права. Обозрѣвъ пройденную часть рѣки и ея низменные берега, приведя въ изумленіе жителей двухъ деревень, видѣнныхъ на берегу, пароходъ вернулся обратно въ Амуръ, открывъ при устьѣ р. Сунгари баръ съ наименьшею глубиною 15-ти футъ.

«Продолжая путь далѣе вверхъ по Амуру, 8-го іюля Н. Н. Муравьевъ», пишетъ Д. Романовъ,[3] «прибылъ въ Айгунъ. Начиная съ устья Уссури, ежедневно встрѣчали цѣлыми десятками баржи и плоты, спускавшіеся внизъ по рѣкѣ съ провіантомъ, съ

---

[1] По имени князя Михаила Сергѣевича Волконскаго, устроившаго крестьянскія поселенія на Амурѣ.

[2] Въ память Н. П. Игнатьева.

[3] Русское Слово, 1859 г., стр. 157—160.

переселенцами, различными тяжестями, съ рогатымъ скотомъ, лошадьми и проч., такъ что рѣка, несмотря на свои пустынные берега, представляла въ это время довольно оживленное зрѣлище. Въ Айгунѣ Муравьевъ съ своею свитою отправился пѣшкомъ въ домъ амбаня, находившійся въ крѣпости, гдѣ хозяинъ принялъ его съ распростертыми объятіями у наружныхъ дверей. Послѣ краткихъ привѣтствій и разспросовъ о здоровьѣ, амбань, по приглашенію Муравьева, отправился пѣшкомъ вмѣстѣ съ нимъ на пароходъ, на которомъ его прокатили съ музыкой вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

По прибытіи Н. Н. Муравьева 9-го іюля въ Благовѣщенскъ, 12-го числа туда же прибылъ на трехъ большихъ джонкахъ амбань съ огромною свитою. Его джонка, съ каютою на верху, подошла къ самой пристани; для встрѣчи его были посланы на нижнюю площадку пристани нѣкоторыя лица изъ штаба генералъ-губернатора, и при его выходѣ музыка, стоявшая у балкона дома, заиграла маршъ. Шествіе открывали по лѣстницѣ пристани 6 нойоновъ (офицеровъ) съ бѣлыми шариками и павлиньими перьями на шапкахъ (за храбрость); за ними слѣдовалъ церемоніймейстеръ съ голубымъ шарикомъ, и сзади его амбань, остальная свита котораго слѣдовала въ безпорядкѣ. Поднявшись по лѣстницѣ на верхъ берега и подойдя къ балкону, шедшіе впереди разступились, стали по обѣимъ сторонамъ дороги и пропустили впередъ церемоніймейстера и амбаня, котораго на порогѣ балкона встрѣтилъ Н. Н. Муравьевъ. Войдя въ гостинную, амбаня усадили на диванъ за столомъ: слѣва отъ него помѣстился Муравьевъ, справа Карсаковъ, сбоку стола, въ креслахъ, комендантъ города Айгуна и еще два гусайды (штабъ-офицера) съ голубыми шариками на шапкахъ. Прочая свита амбаня стояла въ комнатѣ, а секретарь его вмѣстѣ съ Шишмаревымъ помѣстились у стола. Подали угощеніе, состоявшее изъ чая, варенья, разныхъ сластей, орѣховъ, шампанскаго, наливокъ, папиросъ и сигаръ. Манджуры вообще не церемонились и не заставляли себя долго просить: амбань горстями раздавалъ своимъ приближеннымъ бѣлые сухари и хлѣбъ, поданные къ чаю; свита его горстями же забирала поданныя сигары и папиросы и прятала по карманамъ. Цѣль пріѣзда амбаня состояла въ представленіи Н. Н. Муравьеву составленнаго Дзянь-Дзюнемъ объясненія статей трактата, въ которомъ между прочимъ заключались правила для обоюдной между Русскими и Манджурами торговли на Амурѣ. Это объясненіе состояло изъ 14-ти пунктовъ, заключавшихъ въ себѣ большею частію мелочные и стѣснительные обряды трусливой Китайской админи-

страціи относительно жителей лѣваго берега и торговли по Амуру. Между прочимъ въ нихъ упоминалось о необходимости назначенія особыхъ сборныхъ пунктовъ для взаимной торговли. подъ тѣмъ предлогомъ, что торговля должна быть подъ надзоромъ особыхъ чиновниковъ, которые будутъ слѣдить за правильностью ея и установлять обоюдныя цѣны. Муравьевъ не принялъ этихъ правилъ, доказывая Манджурамъ, что торговля тогда только можетъ развиваться и быть выгодною для обѣихъ странъ, когда она производится свободно, безъ всякихъ стѣсненій и надзора, и въ числѣ своихъ возраженій упомянулъ, что незачѣмъ чиновниковъ утруждать частными дѣлами. На это Манджуры, желая какимъ бы то ни было доводомъ поставить на своемъ, отвѣчали, что это не составитъ препятствія, потому что у нихъ столько чиновниковъ, что они не знаютъ, что съ ними дѣлать. Всѣ ихъ доводы и убѣжденія явно клонились къ тому, чтобы поставить торговлю въ зависимость отъ чиновниковъ, чтобы дать послѣднимъ возможность наживаться на счетъ мѣстныхъ жителей, производящихъ торговлю.

Н. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ этимъ не соглашался на предложеніе Манджуровъ, чтобы на всемъ протяженіи Амура былъ назначенъ только одинъ пунктъ для торговли, а требовалъ, чтобы жители обоихъ береговъ производили свободно взаимную торговлю, гдѣ пожелаютъ, безъ всякаго стѣсненія и надзора чиновниковъ. Наконецъ, послѣ долгихъ преній, постановили, что на первое время, чрезъ каждые восемь дней, будетъ открываться семидневная ярмарка поочередно въ Благовѣщенскѣ и въ Айгунѣ, а жители обоихъ береговъ могутъ производить между собою свободную торговлю на всемъ протяженіи рѣки. Послѣ этого амбань со свитою, получивъ богатые подарки и отдаривъ съ своей стороны кусками простой шерстяной съ шелкомъ матеріи, грубыми вѣерами, трубками, связками простого табаку (махорки), китайскими сухими сластями и проч., тѣмъ же порядкомъ вернулся со своею свитою обратно на джонкахъ въ Айгунъ.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Н. Муравьевъ, отправивъ 20-го іюля пароходъ «Амуръ» обратно въ Николаевскъ, самъ, на пришедшемъ изъ Усть-Стрѣлки пароходѣ «Лена», отправился въ дальнѣйшій путь вверхъ по Амуру.

Во время этого плаванія Николая Николаевича вверхъ и внизъ по Амуру, графъ Путятинъ 7-го іюля донесъ Его Высочеству генералъ-адмиралу, что заключилъ трактатъ въ городѣ Тянь-Дзинѣ 1-го іюня.

Китайцы, заключая съ графомъ Путятинымъ трактатъ въ

Тянь-Дзинѣ, *знали уже объ Айгунскомъ договорѣ* и 3-го іюня извѣстили графа, *что Богдыханъ утвердилъ, послѣдовавшее у генералъ-губернатора Муравьева съ Хейлунцзянскимъ главнокомандующимъ, соглашеніе о проведеніи границы отъ Уссури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли на Амурѣ.*

О заключеніи Тянь-Дзинскаго трактата, генералъ-лейтенантъ Венцель послалъ 11-го іюля на Амуръ курьера къ Муравьеву съ письмомъ отъ графа Путятина и съ копіей заключеннаго имъ договора. Н. Н. Муравьевъ встрѣтилъ этого курьера 22-го іюля у станицы Карсакова, идя вверхъ на пароходѣ «Лена». Команда была вызвана на верхъ; ей объявили о заключенномъ графомъ Путятинымъ договорѣ, дали по чаркѣ водки, и всѣ бывшіе на пароходѣ поздравили Муравьева и другъ друга съ окончаніемъ Китайскаго вопроса.

Пароходъ «Лена» 1-го августа прибылъ въ Усть-Стрѣлку и въ тотъ же день вышелъ въ Шилку, 5-го августа достигъ Горбицы, а 7-го — Шилкинскаго завода. Н. Н. Муравьевъ продолжалъ свое плаваніе еще далѣе и 12-го достигъ Срѣтенска, гдѣ пароходъ «Лена» и остался на зимовку. Отсюда Н. Н. Муравьевъ отправился сухопутьемъ въ Иркутскъ.

LXI.

Письмо Муравьева къ Карсакову.—Прибытіе его въ Читу; обѣдъ въ честь его.—Письмо къ Карсакову.—Мѣры Муравьева для облегченія переселенія казаковъ на Амуръ.—Устройство переселенцевъ на мѣстѣ.—Письмо Муравьева изъ Верхнеудинска къ Карсакову.—Встрѣча по дорогѣ къ Иркутску.—Прибытіе въ Иркутскъ.—Молебствіе въ Богоявленскомъ соборѣ.—Торжества въ честь Муравьева.—Результатъ трехъ сплавовъ Муравьева по Амуру.—Высочайшій рескриптъ на имя Муравьева о возведеніи его въ графское достоинство.

—

1858 г.

—

«Сегодня ночью я буду въ Читѣ», писалъ Н. Н. Муравьевъ со станціи Береговой отъ 14-го августа М. С. Карсакову. «Ты долженъ объявить во всѣхъ бригадахъ, въ которыхъ ты будешь по пути, что всѣ переселенцы, на Амуръ назначенные, должны *сжать озимый хлѣбъ и приготовлять паръ:* я по дорогѣ замѣтилъ, что они не дѣлаютъ ни того, ни другого. Распоряженіе это требуетъ величайшей поспѣшности, и для 200 семействъ, которыя еще пойдутъ, исключенія дѣлать не слѣдуетъ: занятіе и обработка и послѣ не пропадутъ. Ты видишь, что я времени не теряю, ѣду быстро, но осматриваю все и разспрашиваю по сторонамъ. Къ сожалѣнію, урожай очень плохъ, и болѣе 200 семействъ переселить нельзя, ибо и 20 т. лишнихъ будетъ доставить трудно. Завтра къ тебѣ отправится курьеръ прямо въ Срѣтенскъ: дождись его тамъ, ибо я полагаю, что даже и для Амурскихъ сплавовъ твое присутствіе гораздо полезнѣе тамъ, чѣмъ въ Читѣ.

15-го августа Н. Н. Муравьевъ прибылъ въ Читу ночью и хотѣлъ было выѣхать рано утромъ далѣе; но Читинское общество прислало къ нему своихъ депутатовъ съ просьбою сдѣлать

имъ честь — принять отъ нихъ обѣдъ. Муравьевъ, при всей своей усталости, долженъ былъ принять ихъ предложеніе и вслѣдствіе этого остался въ Читѣ до 6 ч. вечера.

Между тѣмъ мысль Н. Н. Муравьева о переселенцахъ не покидала его, и вотъ онъ въ промежутокъ времени до назначеннаго обѣда писалъ по поводу этого М. С. Карсакову: «Прилагаю тебѣ здѣсь всѣ свѣдѣнія о томъ, что̀ отправлено было на Амуръ въ разное время послѣ сплава: прилагаю также свѣдѣнія о количествѣ провіанта въ различныхъ военныхъ магазинахъ области для переселенцевъ, и если ты признаешь нужнымъ отправить еще нынѣ же провіантъ на Амуръ, то лучше всего взять его изъ Шилкинскаго завода.

Нерчинскую гарнизонную роту я полагаю лучше всего оставить тамъ впредь до расформированія того батальона и только выслать въ Читу тѣхъ людей, которые не пойдутъ на Амуръ. Въ Нерчинскѣ и Кайдаловѣ все еще слишкомъ много конныхъ казаковъ: ихъ тамъ по 25 въ каждомъ мѣстѣ — этого много собственно для этапной и городовой службы: но, упраздняя полубаталіонъ, можно обойтись этимъ числомъ, т. е. 50-ю, на всѣ военныя потребности. *По секрету:* откупъ взялъ, вмѣсто Бенардаки, Кокоревъ, и съ ужасною надбавкою: подробностей пока не знаю; боюсь, не включили ли въ откупъ и Амуръ.»

Когда настало время обѣда, Н. Н. Муравьевъ явился въ положенный часъ. На обѣдѣ этомъ, однимъ изъ Читинскихъ жителей прочитаны были Муравьеву слѣдующіе стихи:

«Здравствуй гость, давно желанный,
Нашъ любимый генералъ!
Честью, славою избранный,
Ты насъ всѣхъ очаровалъ!

Дивнымъ Промысломъ хранимый,
Въ край далекій ты ходилъ.
Лишь умомъ руководимый,
Край ты этотъ покорилъ.

Безъ пролитья крови Русской
Ты великое свершилъ!
Ты внутри страны Манджурской
Сообщенія открылъ.

Средства скудныя имѣя,
Войско стройное создалъ,
Предъ которымъ врагъ, блѣднѣя,
Такъ безславно отступалъ!

Тускнетъ умъ, уста нѣмѣютъ
Всѣ дѣянья передать:
Только геній лишь сумѣетъ
Все подобное создать!

Будь же счастливъ, незабвенный,
Нашъ любимый генералъ!
Конченъ подвигъ безпримѣрный:
Ты Амуръ завоевалъ!
Ура!!...»

Стихи эти показываютъ, какъ вообще былъ любимъ Муравьевъ. И дѣйствительно, Николай Николаевичъ заслужилъ эту любовь общества не за одинъ свой административный умъ и совершонные имъ подвиги: онъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца, какъ человѣкъ, своими особенными, личными качествами.

Разсмотримъ теперь его заботливость по отношенію къ переселенцамъ-казакамъ. Для переселенія ихъ были приняты Н. Н. Муравьевымъ, со свойственною ему осмотрительностію, всѣ мѣры, какія могли облегчить переселеніе, при чемъ были взяты за основаніе правила, по которымъ совершилось снабженіе, передвиженіе и сплавъ первыхъ крестьянъ-переселенцевъ, водворенныхъ на Амурѣ въ 1855 году М. С. Волконскимъ. Казакамъ недостаточнымъ отпущено было отъ войска въ пособіе, для выхода на службу, безденежно полное обмундированіе. Сотенные командиры, какъ ближайшіе начальники самыхъ небольшихъ участковъ, объѣзжали свои сотни и, осматривая казачьи семейства, предназначенныя къ переселенію, въ самыхъ домахъ ихъ, требовали, чтобы они готовили надлежащее платье и обувь, необходимыя въ зимнее время, какъ для себя, такъ и для семействъ своихъ, чтобы они готовили къ сплаву и приводили въ надлежащую исправность хозяйственныя свои принадлежности и домашнюю утварь. У переселяемыхъ казаковъ были взяты съ собою не только необходимыя земледѣльческія орудія, но даже колеса, жернова для мельницъ, точила и проч. Каждому мастеровому казаку велѣно было забирать съ собою инструменты своего мастерства и привести ихъ въ надлежащій порядокъ; для пріобрѣтенія наличныхъ на сей предметъ денегъ, казакамъ приказано было продать излишнихъ лошадей и рогатый скотъ, которые негодны для работъ и домашняго хозяйства; велѣно было взять съ собою къ сплаву домашнюю птицу, поросятъ для расплода и проч. Зная, какъ затруднительно и невыгодно казакамъ пріобрѣтать на мѣстѣ предметы первой необходимости для собственной, женской и дѣтской одежды и прочія мелочи, особенно въ то время, когда казаки должны были употребить съ

пользою для себя каждую собственную копѣйку, сдѣланъ былъ закупъ для выдачи переселенцамъ въ счетъ слѣдующихъ имъ 15 руб. и для продажи за наличныя деньги: ситцу, равендуку, сарпинки, тику, трико, коленкору, миткалю, платковъ головныхъ, шейныхъ и ручныхъ, лентъ, тесьмы, шнуру, иголокъ, шильевъ, крючковъ, ножницъ, наперстковъ и проч. и проч., по цѣнамъ, значительно дешевле мѣстныхъ продажныхъ цѣнъ. Казаки-переселенцы, не имѣвшіе лошадей, снабжались ими изъ экономическихъ табуновъ.

Замѣна по подпискамъ однихъ казаковъ другими допускалась въ видахъ облегченія казаковъ въ хозяйственныхъ и семейныхъ ихъ соображеніяхъ, но съ тѣмъ, чтобы казакъ, замѣняющій по собственному желанію другого, былъ непремѣнно здороваго тѣлосложенія и способенъ во всѣхъ отношеніяхъ къ переселенію, а также, чтобы казакъ, замѣняющій другого, жеребьеваго, былъ непремѣнно женатъ; а потому холостые должны были до сплава жениться, преимущественно на дѣвицахъ изъ семействъ, не подлежащихъ переселенію; въ противномъ же случаѣ замѣняемые казаки должны были слѣдовать на Амуръ сами.

Сплавъ собственно казачьяго скота дозволенъ былъ въ такомъ размѣрѣ: на каждое семейство полагалось взять не болѣе, какъ по 4 лошади и по 4 головы рогатаго скота; лошади и быки допускались исключительно рабочіе и способные для приплода, а коровы дойныя. Остальной затѣмъ скотъ долженъ былъ быть затаврованъ хозяевами и оставленъ по описямъ на попеченіе родственниковъ или общества, съ тѣмъ, что въ слѣдующемъ году, по испытаніи мѣстныхъ условій новаго края для скотоводства, онъ будетъ, по требованію хозяевъ, или доставленъ къ нимъ на Амуръ, или проданъ, съ возвратомъ хозяевамъ вырученныхъ денегъ. Цыфра собственной тяжести казачьей для сплава казенными средствами ограничивалась 50-ю пудами. Для превышающаго количества клади казаки должны были строить паромы собственными средствами. Родственниковъ не раздѣляли, а селили въ одно мѣсто, а также селили по возможности вмѣстѣ казаковъ-переселенцевъ изъ одного и того же караула. Казачье переселеніе во время сплава было снабжено медикаментами и фельдшерами, а при скотѣ находился ветеринаръ. Передъ отправкою, за мѣсяцъ, лѣкарь свидѣтельствовалъ предназначенныхъ къ переселенію казаковъ и семейства ихъ, исключая изъ списка одержимыхъ болѣзнями.

Съ половины лѣта 1858 года, переселенцы успѣли устроить свои помѣщенія, вспахали и засѣяли озими и подняли пашни подъ яровой хлѣбъ; заготовили кормъ для скота и значительное коли-

чество лѣса для будущихъ построекъ въ станицахъ, вообще успѣли придать пустыннымъ мѣстамъ видъ давнишней осѣдлости. Вдобавокъ сообщеніе зимою по Амуру не прекращалось, такъ что почты и курьеры нигдѣ не имѣли задержки.

Возвратимся къ путешествію Н. Н. Муравьева: 15-го августа онъ выѣхалъ изъ Читы, 17-го былъ уже въ Верхнеудинскѣ и оттуда писалъ М. С. Карсакову слѣдующее: «Наконецъ, здѣсь только я получилъ первыя извѣстія о трактатѣ нашемъ изъ Петербурга; спѣшу тебѣ ихъ сообщить въ копіяхъ, но Министерство Иностранныхъ Дѣлъ молчитъ. Вообще, кажется, все происходило въ Петербургѣ такъ, какъ я тебѣ разсказывалъ, по характеру и способностямъ дѣйствующихъ лицъ; посмотримъ теперь, что̀ будутъ отвѣчать Горчаковъ и Долгоруковъ.

Я прибылъ сюда вчера вечеромъ, несмотря ни на какія намѣренныя остановки; а сегодня долженъ былъ волей или неволей принять обѣдъ, потому что принялъ таковой въ Читѣ. Завтра утромъ ѣду къ Байкалу, а въ ночь надѣюсь уйти на пароходѣ съ тѣмъ, чтобъ послѣ завтра быть уже въ Иркутскѣ, гдѣ все сдѣлается по программѣ, мною посланной. Ворота тріумфальныя не ломаютъ, но продолжаютъ строить въ честь Айгунскаго договора. Я же въ нихъ не въѣду. Венцель затѣялъ объ этихъ воротахъ оффиціальную переписку съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Когда будешь проѣзжать черезъ Верхнеудинскъ, сдѣлай дружбу, посвяти хоть дня два на разборъ просьбъ: *это—священная обязанность губернатора.* Препровождаю къ тебѣ двѣ бумаги по раскольничьему дѣлу; прошу тебя по бумагамъ этимъ сообщить мнѣ только твое мнѣніе оффиціально и частно, но до рѣшенія моего мѣръ не принимать.

Меня здѣсь встрѣтило Кяхтинское общество съ поздравленіемъ; всѣ утверждаютъ, что поздравленія эти, а равно и всѣ другія, совершенно искренни; дай Богъ, чтобъ всѣ они понимали, что̀ Богъ для нихъ сдѣлалъ; всегда пріятно видѣть, когда люди понимаютъ, что̀ для нихъ дѣлается; но это бываетъ очень рѣдко, а обыкновенно стараются перетолковывать такъ, что это сдѣлано не для нихъ, а для себя; конечно, въ этомъ есть и доля правды, ибо во всякомъ нашемъ дѣйствіи участвуетъ много причинъ; но зачѣмъ же всегда стараться отыскать не настоящую? Признаюсь откровенно, что всѣ эти изъявленія благодарности и преданности мнѣ всегда подозрительны; не даромъ я прожилъ 50 лѣтъ— сомнѣніе сдѣлалось нормальнымъ направленіемъ моего разсудка, по опыту.

Великій Князь [1] понимаетъ дѣло, говоря объ устройствѣ на Амурѣ; я буду писать ему, въ какой степени и мѣрѣ считаю себя вправѣ устроивать, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаю жестокое возраженіе на счетъ настоящаго административнаго и законодательнаго порядка въ Россіи.»

По всей дорогѣ до Иркутска, во всѣхъ деревняхъ, встрѣчали Н. Н. Муравьева съ колокольнымъ звономъ; толпы крестьянъ и казаковъ вездѣ привѣтствовали его криками «ура!»—въ городахъ являлись депутаціи разныхъ сословій съ поздравленіями, давали обѣды, дѣлали денежныя пожертвованія на пользу новаго края, словомъ, всякій хотѣлъ принять какое-нибудь участіе въ общей радости всей Сибири, чѣмъ-нибудь выразить свою признательность Н. Н. Муравьеву за совершонный имъ великій подвигъ и свое сочувствіе къ Амурскому краю, такъ блистательно возвращенному имъ снова въ составъ областей Сибири. Въ Иркутскъ Николай Николаевичъ прибылъ 20-го августа, въ первомъ часу пополудни. Здѣсь ему готовилась торжественная встрѣча: «У городского шлагбаума, по Амурскому тракту», пишетъ В. Толстой, [2] «выстроены были тріумфальныя ворота, изукрашенныя флагами и зеленью, гдѣ предполагали встрѣтить Муравьева всѣ высшіе чины и граждане Иркутска и отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ, для принесенія благодарственнаго молебна. Но Николай Николаевичъ, узнавъ объ этомъ, не пожелалъ торжественной встрѣчи и съ послѣдней станціи къ Иркутску, стоящей на берегу рѣки Ангары, отправился въ лодкѣ прямо къ дому генералъ-губернатора, находящемуся тамъ же на берегу Ангары. Между тѣмъ преосвященный Иркутскій Евсевій, по условію съ городскими властями, ожидалъ уже въ каѳедральномъ Богоявленскомъ соборѣ, со всѣмъ причтомъ, прибытія Николая Николаевича, а на соборной колокольнѣ шелъ благовѣстъ въ большой колоколъ. Надо было отправиться уже изъ дома въ соборъ, куда собрались всѣ начальствующіе въ полной формѣ, граждане и много публики. Преосвященный Евсевій, въ полномъ облаченіи и со крестомъ въ рукахъ, встрѣтилъ Николая Николаевича при самомъ входѣ въ церковь, сказалъ привѣтственную рѣчь и затѣмъ отслужилъ благодарственный молебенъ за благополучно совершонное путешествіе и счастливое окончаніе Амурскаго дѣла.

По окончаніи молебствія, преосвященный Евсевій благословилъ Муравьева иконою Спасителя. Собравшіяся кругомъ собора

[1] Константинъ Николаевичъ.

[2] Русск. Стар. 1890 г., январь, стр. 126—127.

толпы народа, по выходѣ Муравьева на крыльцо, привѣтствовали его криками «ура», сопровождавшими его до самаго дома. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, а на площади противъ штаба выставлены военные музыканты и пѣвчіе; на штабѣ искусно выведены были изъ горящихъ плошекъ слова: *«Амуръ нашъ.»* Затѣмъ начался рядъ праздниковъ, заключавшихся въ роскошныхъ обѣдахъ, блестящей иллюминаціи, великолѣпномъ фейерверкѣ, парадномъ спектаклѣ и проч., которыми городъ Иркутскъ желалъ выразить сочувствіе своему правителю и совершонному имъ дѣлу.»

Такъ кончилось путешествіе по Амуру Н. Н. Муравьева въ 1858 году. Это было *третье* его плаваніе къ устью рѣки; изъ этихъ трехъ плаваній каждое имѣло знаменательное значеніе для совершившихся событій.

Въ первое, въ 1854 году, Н. Н. Муравьевъ *открылъ Амуръ; во второе,* въ 1855 году, *защитилъ его отъ враговъ; и въ третье,* въ 1858 году, *возвратилъ Амуръ Россіи.* Не дерзаемъ лично судить о такой колоссальной заслугѣ Н. Н. Муравьева—это принадлежитъ исторіи, а намъ всего достойнѣе будетъ здѣсь привести подлинныя слова Высочайшаго рескрипта, даннаго въ Москвѣ 26-го августа 1858 года, которымъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ почтить многолѣтніе старанія, труды и подвиги Н. Н. Муравьева:

«Графъ Николай Николаевичъ! Примѣрно ревностное и полезное служеніе ваше, неоднократно ознаменованное военными подвигами и особыми отличіями на поприщѣ гражданскаго управленія, обратили на себя вниманіе въ Бозѣ почившаго Родителя Моего. Справедливо оцѣняя ваши достоинства, Онъ ввѣрилъ начальствованію вашему обширный край въ отдаленнѣйшихъ предѣлахъ имперіи. Вы вполнѣ оправдали довѣріе Наше одиннадцатилѣтними неутомимыми трудами на пользу и благоустройство ввѣренной управленію вашему Восточной Сибири.

Просвѣщеннымъ дѣйствіямъ вашимъ обязанъ этотъ край началомъ своего гражданственнаго возрожденія: благоразумными и настойчивыми мѣрами, вами принятыми, упрочены наши мирныя сношенія съ сосѣднимъ Китаемъ, и заключеннымъ вами трактатомъ дарованъ Сибири новый торговый путь по рѣкѣ Амуру, служащій залогомъ будущему промышленному развитію государства. Столь счастливое для Россіи событіе даетъ вамъ справедливое право на искреннюю Мою признательность. Въ воздаяніе за таковыя заслуги ваши, Я возвелъ васъ, указомъ сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, въ графское Россійской

имперіи достоинство, съ присоединеніемъ къ имени вашему названія *Амурскаго*, въ память о томъ краѣ, которому въ особенности посвящены были, въ послѣдніе годы, настоятельные труды ваши и постоянная заботливость.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклоннымъ и навсегда доброжелательнымъ.»

Одновременно съ возведеніемъ Н. Н. Муравьева въ графское достоинство, онъ былъ Всемилостивѣйше награжденъ чиномъ генерала отъ инфантеріи.

LXII.

Письмо графа Муравьева къ Карсакову изъ Иркутска.—Выраженіе сочувствія со стороны Русскаго общества къ дѣятельности графа Муравьева.—Письма къ нему Филарета, митрополита Московскаго, и А. Н. Муравьева.—Отправленіе Карсакова съ донесеніями въ Петербургъ касательно устройства Амурскаго края.—Докладъ графа Муравьева Великому Князю Константину Николаевичу.—Вторичное донесеніе его Великому Князю.—Письмо графа Муравьева къ Карсакову.—Третье донесеніе его Великому Князю.—Два рескрипта Великаго Князя графу Муравьеву.

1858 г.

Жизнь графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ Иркутскѣ, послѣ продолжительнаго путешествія по Амуру, судя по его письмамъ къ М. С. Карсакову и донесеніямъ Великому Князю Константину Николаевичу, представляетъ снова необыкновенную, неугомонную дѣятельность, посвященную на этотъ разъ исключительно на благоустройство Амурскаго края.

«До сихъ поръ я еще мало за что принялся по милости пріемовъ и праздниковъ», такъ начинаетъ Н. Н. Муравьевъ свое письмо изъ Иркутска къ М. С. Карсакову отъ 26-го августа. «Чѣмъ скорѣе ты сюда пріѣдешь, тѣмъ лучше, ибо много предметовъ и для Петербурга безъ тебя рѣшиться не могутъ. Привези въ особенности всѣ необходимыя свѣдѣнія къ расформированію гарнизоннаго полубатальона и къ наградамъ за Амуръ. О поселеніяхъ хлопотать теперь много нечего, ибо самое большее, что пойдутъ 300 семействъ, т. е. 250 на Уссури и 50 къ станицѣ «Пузино»; даже и штрафные не поспѣютъ болѣе, чѣмъ на это число, къ сплаву. Закупъ хлѣба я пріостановилъ даже и въ Верхнеудинскомъ округѣ и велѣлъ только открыть пріемку по извѣстнымъ цѣнамъ въ извѣстные магазины. Для рѣшенія разныхъ

вопросовъ къ устройству Амурскаго края, я составилъ *Комитетъ* изъ начальника штаба, начальниковъ 3-го и 4-го казачьяго отдѣла и капитана Рейна; завтра примемся, подъ моимъ предсѣдательствомъ, за работу. Когда пріѣдешь, то и тебѣ придется работать; пріѣдетъ Казакевичъ, и ему придется засѣдать. Комитетъ этотъ останется постоянно, до моего отъѣзда лѣтомъ въ Петербургъ.

Ты слишкомъ скоро уѣхалъ изъ Срѣтенска и, вѣроятно, не сдѣлалъ тамъ никакихъ распоряженій по письму моему изъ Читы; значитъ, хлѣбъ на Амуръ не отправленъ; а, право, это все лучше бы сдѣлать при себѣ, *а по бумагамъ никогда во-время не дойдетъ.* Тоже опасаюсь и за дорогу къ Срѣтенску, если ты положительно при себѣ не назначилъ работъ; увѣряю тебя, что всегда и вездѣ личныя распоряженія дѣйствительнѣе бумажныхъ.

Принимаясь за дѣло, вижу, какъ мнѣ трудно будетъ обойтись безъ начальника штаба: издали все кажется легче; я давно уже отвыкъ отъ деспотическихъ распоряженій, на одномъ капризѣ основанныхъ. Разбери всѣ просьбы и дай имъ надлежащее направленіе. Ты жалѣешь, что лишился *удовольствія* видѣть войско и маневры, а по моему, разборъ просьбъ—*святая обязанность,* и мы должны дѣлать прежде должное, а потомъ уже пріятное.»

Многосторонняя общественная и государственная дѣятельность графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, возбуждавшая столько разнообразныхъ толковъ, споровъ, порицаній и ожесточенныхъ клеветъ, въ то же время пріобрѣла ему восторженное сочувствіе и славу во всѣхъ слояхъ Русскаго общества. И дѣйствительно, слава эта достигла размѣровъ необычайныхъ: со всѣхъ концовъ Россіи посылались къ нему благодарственныя письма, поздравительные адресы, писались стихи, учреждались стипендіи и т. д. Такъ, когда дошла вѣсть до митрополита Московскаго Филарета о присоединеніи Амура къ Россіи, то и онъ остался не безмолвенъ, и сердце его отозвалось въ слѣдующемъ привѣтствіи изъ Москвы отъ 6-го сентября: «Первую вѣсть о желанномъ довершеніи вами пограничнаго дѣла получилъ я съ радостію о семъ и не безъ опасенія, чтобы сдѣланное вами не было потрясено на другомъ краю Китая. Потомъ съ полною радостію узналъ, что сдѣланное совершенно утвердилось, и что Благочестивѣйшій Государь Императоръ достойно почтилъ вашъ подвигъ.

Съ искреннимъ участіемъ привѣтствую васъ, ваше сіятельство, и молю Бога, чтобы благословилъ продолженіе вашего подвига, да на положенномъ основаніи совершится прочное благоустроеніе края ко благу отечества. Да просвѣтится тамъ свѣтъ Христовъ на сѣдящихъ во тьмѣ, и да водворится все полезное и для

временной жизни. Да поможетъ также вамъ Богъ насаждаемое доброе охранить отъ примѣшенія суеты и отъ заразы недобрыхъ нравовъ.»

Привѣтствіе же Андрея Николаевича Муравьева было выражено въ такихъ словахъ: «Прежде твоихъ *Амурныхъ* странствій я желалъ написать тебѣ, любезный другъ, и еще однажды тебя увѣрить въ искренней пріязни, которую къ тебѣ питаю, и въ томъ участіи, какое принимаю въ твоихъ именно отечественныхъ предпріятіяхъ. Дай Богъ тебѣ успѣха, и чтобы навсегда закрѣпилось славное пріобрѣтеніе, которымъ ты подарилъ Россію и прославилъ свое имя.»

Между тѣмъ графъ Муравьевъ, озабочиваемый мыслію объ административномъ и внутреннемъ устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго Амурскаго края, командировалъ въ Петербургъ М. С. Карсакова съ оффиціальными своими донесеніями по этому поводу, какъ Государю Императору, такъ и Великому Князю Константину Николаевичу. Но вмѣстѣ съ вопросомъ объ устройствѣ Амурскаго края, графа Муравьева не менѣе занимали и другіе вопросы, относящіеся ко внутреннимъ учрежденіямъ и порядкамъ Восточной Сибири, вопросы, благопріятное разрѣшеніе которыхъ должно было имѣть существенно важное значеніе для благосостоянія всего ввѣреннаго ему края. Вотъ что писалъ графъ Муравьевъ въ докладѣ Великому Князю отъ 25-го сентября: [1]

«Я пріемлю смѣлость къ оффиціальнымъ моимъ представленіямъ доложить Вашему Высочеству еще о разныхъ предметахъ, въ тѣсной связи съ устройствомъ Амурскаго края находящихся, но подлежащихъ только особому воззрѣнію и разрѣшенію Государя Императора, и о которыхъ я не считаю себя вправѣ дѣлать оффиціальныхъ представленій.

Первое мѣсто въ этомъ случаѣ занимаютъ, конечно, Нерчинскіе заводы, которые не разъ уже возбуждали самыя щекотливыя для меня, не всегда умѣстныя и всегда неправильныя, разсужденія горнаго вѣдомства, какъ въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества, такъ и въ другихъ мѣстахъ: а между тѣмъ участь этихъ людей на этихъ заводахъ, въ особенности носящихъ честное имя, и число коихъ простирается до 15 т. душъ мужескаго и женскаго пола, по одному существу учрежденія о нихъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ отвратительнѣйшихъ видовъ крѣпостного состоянія, несравненно болѣе отяготительный, чѣмъ состояніе преступниковъ, осужденныхъ на самые продолжительные сроки въ каторжныя работы, ибо вышесказанные работники честнаго имени

[1] Эти и послѣдующія донесенія Его Высочеству и отвѣтные рескрипты взяты изъ архива князя М. С. Волконскаго.

находятся въ той же каторжной работѣ, но только гораздо долѣе и изъ роду въ родъ, и дѣти ихъ начинаютъ эту работу съ 12-тилѣтняго возраста. Не могу умолчать также и о томъ, что самые преступники, на заводахъ сихъ работающіе, не получая достаточной пищи и одежды и находясь въ управленіи горнаго вѣдомства, на которое ни мѣстныя губернскія и земскія власти, ни прокуроръ, ни жандармы никакого вліянія не имѣютъ, отягощены, конечно, болѣе, чѣмъ строгость закона того требуетъ. Существующія же горнозаводскія учрежденія, столь явно несовременныя, и постоянное вмѣшательство въ распоряженія мѣстнаго главнаго начальства высшихъ горныхъ властей, въ Петербургѣ пребывающихъ, не только парализуютъ единственную власть, которая въ этомъ отдаленномъ краѣ имѣетъ право надъ Нерчинскими заводами, т. е. власть генералъ-губернатора, но отнимаетъ у этого лица возможность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственное расположеніе предпринять существенныя и рѣшительныя мѣры къ исправленію этого дѣла, какъ на пользу человѣчества, такъ и въ отношеніи экономическомъ. А между тѣмъ заводы эти, несчастные эти рабочіе и безпутное ихъ управленіе находятся въ верховьяхъ Амурскаго воднаго пути и, лежа между Сибирью и Амуромъ, угрожаютъ, какъ язва, заразою всему краю! и заводы эти суть собственность Его Императорскаго Величества!

Смѣю думать, что Великій Государь, дарующій милліонамъ своихъ подданныхъ новые права и законы, освобождающіе ихъ отъ стѣсненія частныхъ людей, не остановится освободить принадлежащихъ ему 15 т. душъ отъ каторжной работы горныхъ учрежденій и вѣдомства! Не остановится облегчить тѣмъ и участь преступниковъ, тамъ находящихся, чтобъ они не несли кары строже той, которая имъ назначена закономъ, оставаясь въ непосредственномъ деспотическомъ управленіи горныхъ учрежденій и вѣдомства; не остановится тѣмъ болѣе, когда узнаетъ, что все это преобразованіе стоило бы Государственному Казначейству только 260 т. р. ежегоднаго и не безвозвратнаго расхода, для внесенія этой суммы на вѣчныя времена въ Кабинетъ Его Величества *въ замѣнъ Нерчинскихъ заводовъ*. Особую записку [1] по этому предмету для всеподданнѣйшаго доклада дерзаю при семъ приложить, а генералъ-маіоръ Карсаковъ можетъ лично доложить Вашему Высочеству всѣ тѣ подробности по этому дѣлу, которыя бы потребовались для большаго объясненія онаго; мнѣ же остается только сказать, что другого, лучшаго разрѣшенія этого тягост-

[1] Записки этой, къ сожалѣнію, въ числѣ документовъ намъ не найдено.

наго для меня вопроса. я, при всемъ одиннадцатилѣтнемъ опытѣ моемъ въ здѣшнемъ краѣ, не могу придумать; предлагаемая мною мѣра требуетъ только личнаго соглашенія г. министра финансовъ, который просвѣщеннымъ взглядомъ своимъ, конечно, оцѣнитъ всѣ нравственныя, экономическія и политическія выгоды. отъ преобразованія этого послѣдовать долженствующія, но отнюдь не горнаго вѣдомства, которому взглядъ этотъ недоступенъ: а Высочайшее утвержденіе представляемаго преобразованія Нерчинскихъ заводовъ будетъ новымъ доказательствомъ Высочайшаго ко мнѣ довѣрія, которое поддержало меня въ десятилѣтней. столь успѣшно оконченной, борьбѣ по Амурскому дѣлу.

Ваше Высочество! дѣло это такъ важно для всей здѣшней страны, получающей совершенно новый видъ съ окончательнымъ возвращеніемъ Амура, что оно заслуживаетъ высокаго вниманія Вашего и того же покровительства, которымъ Вы удостоиваете Амурское дѣло, -тѣмъ болѣе, что борьба противъ него Кабинета и горнаго вѣдомства еще менѣе основательна, но болѣе упорна и едва-ли не болѣе опасна, чѣмъ была борьба противъ Амура.

Облегченіе личнаго труда главнаго начальника Восточной Сибири, которому предстоитъ теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, занятій по устройству Амурскаго и Приморскаго края. доколѣ страны эти остаются еще нераздѣленными въ Главномъ Управленіи оными, должно также обратить вниманіе высшаго правительства. Труды его необходимо должны быть облегчены сокращеніемъ сношеній съ высшими правительственными мѣстами и лицами. предоставивъ ему право дѣлать свои представленія только Комитету по всѣмъ вѣдомствамъ, исключая одного морского, которое не можетъ не имѣть прямаго, непосредственнаго вліянія на вновь образуемые флотъ и порты въ Восточномъ океанѣ.

Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить занятіе генералъ-губернатора и по внутреннему управленію, давъ ему въ помощь такое лицо, которое бы могло всегда, по его усмотрѣнію, заступать его мѣсто въ Совѣтѣ и по всему текущему дѣлопроизводству; но такъ какъ мѣра эта можетъ быть только временная, до предстоящаго раздѣленія Восточной Сибири, то, во избѣжаніе затрудненій и измѣненій въ существующемъ учрежденіи. всего было бы удобнѣе назначить военнаго губернатора города Иркутска генералъ-лейтенанта Венцеля сенаторомъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія (чего онъ, по долговременной и отлично полезной своей службѣ, вполнѣ достоинъ), и оставить его временно въ Восточной Сибири мнѣ на помощь, съ предоставленіемъ мнѣ права поручать ему председательствованіе въ Совѣтѣ и командо-

ваніе войсками, когда я найду это нужнымъ и въ присутствіе мое въ краѣ и въ Иркутскѣ, а также инспекціи войскъ и ревизіи областей и губерній, съ правами, мнѣ предоставленными: такимъ образомъ, новое назначеніе Венцеля сдѣлалось бы только Высочайшимъ указомъ, а о временномъ оставленіи его въ Восточной Сибири могло бы быть объявлено ему и мнѣ Высочайшее повелѣніе министромъ, по принадлежности.

Весьма странно, что въ Пекинѣ признаютъ границею нашею по Айгунскому договору рѣку Уссури, а Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ первой статьѣ своей объ этомъ въ Journal de St.-Pétersbourg допускаетъ намъ одинъ только лѣвый берегъ Амура.

До сихъ поръ я не получаю никакихъ инструкцій и никакихъ мнѣній къ исполненію Тянь-Дзинскаго трактата, а мнѣ бы казалось, что не надо терять времени и снабдить по всему этому наставленіями пристава миссіи Перовскаго и кончить все черезъ него въ Пекинѣ нынѣшнею же зимою, ибо весною пріѣдутъ туда посланники Французскій и Англійскій и, конечно, будутъ намъ стараться во всемъ вредить. Нельзя при этомъ не пожалѣть, что мы не умѣемъ или не хотимъ сблизиться съ Америкою до союза!

Представленія мои къ наградамъ за Амуръ я дерзаю повергнуть особому покровительству Вашего Императорскаго Высочества; я имѣлъ въ виду, кромѣ истинно высокихъ заслугъ представляемыхъ, и важность пріобрѣтеннаго ихъ трудами успѣха, которымъ Россія обязана исключительно Государю Императору и Вашему Высочеству вопреки мнѣніямъ министровъ; а потому смѣю надѣяться, что и награды будутъ утверждены безъ ихъ участія.»

Вскорѣ послѣ этого донесенія графъ Н. Н. Муравьевъ узналъ изъ частнаго письма, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ уѣзжаетъ въ продолжительный отпускъ за границу: извѣстіе это было для него очень непріятно, такъ какъ съ отсутствіемъ Великаго Князя онъ не могъ расчитывать на успѣхъ своихъ плановъ, связанныхъ съ пріобрѣтеніемъ Амурскаго края: поэтому, въ надеждѣ застать еще Великаго Князя въ Петербургѣ, графъ Муравьевъ отправилъ ему новое донесеніе отъ 1-го октября.

«Ваше Высочество изволите знать отношенія всѣхъ министровъ, а въ особенности Кабинета, къ Амурскому дѣлу; изволите знать, сколько и вообще министерскій порядокъ и формальности не сообразны съ дѣломъ, выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка, а всѣ представленія мои къ Вашему Высочеству сдѣланы въ такомъ духѣ и смыслѣ, что могли бы имѣть успѣхъ только въ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Вашего Высочества или при

непосредственномъ утвержденіи Государя Императора: всякое же разсматриваніе этихъ представленій въ другомъ Комитетѣ, или въ Совѣтѣ или въ министерствахъ, и докладъ Государю Императору не Вашимъ Высочествомъ -неминуемо исказитъ мои представленія и можетъ изуродовать возвращенныя Россіи ея Амурскія владѣнія. Откладывать утвержденіе этихъ представленій не менѣе пагубно для дѣла; ѣхать теперь въ Петербургъ мнѣ самому невозможно, да было бы и безполезно, ибо мнѣ все-таки пришлось бы имѣть дѣло съ министерствами, которыя никакъ не измѣнятъ коренныхъ своихъ понятій и направленія моими убѣжденіями, точно такъ, какъ и я не измѣню моихъ убѣжденій ихъ доводами, а въ особенности доводами и справками ихъ департаментовъ. Въ этой крайности я рѣшаюсь писать Карсакову, чтобы онъ испросилъ Высочайшее соизволеніе представить въ собственныя руки Государю Императору всѣ тѣ бумаги мои, которыя представлялись въ собственныя руки Вашему Высочеству, если Вы уже изволили уѣхать изъ Петербурга, и тогда, по крайней мѣрѣ, участь Амура и моего дальнѣйшаго здѣсь служенія рѣшится волею Государя, ибо я убѣжденъ, что лучше совсѣмъ его потерять, чѣмъ подчинить обще-существующему у насъ порядку и правиламъ или оставить представленія мои безъ быстраго необходимаго движенія.

Съ Карсаковымъ я имѣлъ счастіе писать въ собственныя руки Его Величества письмо, въ которомъ всеподданнѣйше докладывалъ, что сдѣлалъ большую часть представленій моихъ Вашему Высочеству, какъ предсѣдателю особаго Комитета, во избѣжаніе медленности обыкновеннаго порядка.

Ваше Высочество! я исполняю волю Вашу и стремлюсь съ полною энергіей къ окончательному упроченію и устройству Амурскихъ владѣній Россіи; но если къ устройству этому, по моему убѣжденію, встрѣтятся непреодолимыя препятствія, то не благоразумно будетъ съ моей стороны продолжать жертвовать здоровьемъ моимъ и семейнымъ счастіемъ для потеряннаго дѣла.»

Но эти оба донесенія графа Муравьева не застали уже Великаго Князя въ Петербургѣ и были препровождены ему въ Ниццу.

Съ отсутствіемъ Великаго Князя графъ Муравьевъ предполагалъ, что лишился всякой поддержки въ ходѣ Амурскихъ дѣлъ, а на сколько-нибудь благопріятное отношеніе министровъ къ его представленіямъ не могъ расчитывать, въ виду постояннаго недовѣрія, съ какимъ они относились къ его дѣятельности. Не имѣя продолжительное время никакихъ извѣстій изъ Петербурга, онъ испытывалъ тревожное состояніе духа, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Карсакову отъ 11-го ноября:

«Ты знаешь, что продолженіе моей службы здѣсь зависитъ отъ тѣхъ извѣстій, которыя я получу отъ тебя, въ отношеніи сдѣланныхъ мною различныхъ представленій,» писалъ графъ Муравьевъ; «но сверхъ того, одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ оставаться здѣсь или уѣхать—будетъ степень довѣрія ко мнѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, такъ какъ пограничныя дѣла наши съ Китаемъ и Японіею принимаютъ теперь самые обширные размѣры. А потому я убѣдительно прошу тебя сообщить мнѣ о взглядѣ на здѣшнія дѣла Горчакова и Ковалевскаго. [1] и если, по прежнему, они намѣрены препятствовать развитію здѣсь Русской силы и достоинства, а въ особенности хитрить со мною, какъ съ иностранцемъ, и вмѣсто полнаго довѣрія тѣшить меня пустыми фразами, а въ Совѣтѣ говорить, что я вредный человѣкъ,—то мнѣ, конечно, здѣсь оставаться нельзя. Я предлагаю имъ устроить необходимый телеграфъ именно для того, чтобы они всегда могли получать отъ меня нужныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и давать мнѣ своевременно инструкціи по ходу Европейскихъ дѣлъ—это весьма важно; но если они оставятъ страну безъ телеграфа, а генералъ-губернатора безъ полнаго довѣрія, какъ было донынѣ, подъ вліяніемъ Нессельродовскихъ чиновниковъ, то Россія здѣсь пропадетъ, а я не хочу оставаться свидѣтелемъ этого. Полная неограниченная довѣренность можетъ быть только залогомъ успѣха въ нашихъ отношеніяхъ, а они даже не предоставили мнѣ права сообщить Перовскому мое мнѣніе въ отношеніи предстоящихъ ему въ Пекинѣ переговоровъ. Я это долженъ былъ опять взять на себя. Развѣ этакъ благодарятъ за пріобрѣтеніе Амура? Развѣ такъ заботятся о крайнемъ Востокѣ нашемъ, который давно пересталъ быть глушью? Я считаю необходимымъ, чтобы всѣ распоряженія министерства къ консуламъ и посланникамъ въ здѣшней сторонѣ дѣлались не иначе, какъ черезъ меня, или, по крайней мѣрѣ, присылать ко мнѣ незапечатанными: существо и польза дѣла этого требуютъ, иначе они все пріобрѣтенное погубятъ и потеряютъ. Скажи, пожалуйста, всѣмъ и каждому, кто только слушать хочетъ, что для пользы дѣла я все перенесу и, кажется, доказываю это на дѣлѣ, оставаясь въ тяжкой разлукѣ съ семействомъ, можетъ быть, еще на цѣлый годъ, когда убѣжденъ, что присутствіе мое здѣсь необходимо. Но если увижу, что не имѣютъ ко мнѣ достаточнаго довѣрія для того, чтобъ я могъ приносить эту пользу, то, конечно, не стану жертвовать ни здоровьемъ, ни семейнымъ счастіемъ для такихъ рас-

[1] Директоръ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

распоряженій, которыя будутъ несходны съ моими убѣжденіями. Надѣюсь, что ты хорошо понимаешь мое положеніе въ настоящее время въ Иркутскѣ: я положительно одинъ: кромѣ подчиненныхъ нѣтъ никого. Разъ-два въ недѣлю ѣзжу къ Венцелямъ, гдѣ вру вздоръ безъ всякаго ограниченія; но больше сижу дома, занимаюсь очень много—въ этомъ еще мое спасенье. Душевной отрады нѣтъ ни съ кѣмъ, а сильныя ощущенія бываютъ только непріятныя, ибо даже самыя письма жены моей, которая весьма тяготится разлукою, всегда скучныя. Чтеніе иногда меня развлекаетъ, но на это мало времени. Честолюбіе мое находится въ такомъ положеніи, что для него я бы не пожертвовалъ и чашкою чая; слѣдственно, все это я теперь дѣлаю прямо только по долгу передъ отечествомъ и совѣстью, и готовъ продолжать безъ ропота, если не будутъ мѣшать мнѣ исполнять этотъ долгъ.

Послѣ бала моего 14-го октября [1] я ѣздилъ въ Кяхту для отправленія курьеровъ, чтобъ больше придать этому дѣлу вѣса въ Ургѣ; такъ и случилось: поѣздка эта имѣла надлежащій результатъ и успѣхъ; а между тѣмъ Кяхта была рада моему пріѣзду, дала между прочимъ балъ, на который собрались всѣ туземцы, и самъ я протанцовалъ vis à vis съ Бусее 8 кадрилей сряду. Это было нужно для того, чтобъ оживить тамошнія женскія собранія; было нужно и для того, чтобъ показать, что графъ Амурскій все тотъ же Муравьевъ; но я не скажу, чтобы это было для меня трудно; я провелъ этотъ вечеръ съ удовольствіемъ, ибо всякая важность была изгнана, и я былъ рѣшительно, какъ въ семейномъ кругу. Послѣ бала мы сейчасъ сѣли съ Бусее въ тарантасъ и поѣхали обратно въ Иркутскъ.»

Не получая все еще извѣстій ни отъ Карсакова, ни отвѣта на первые два донесенія свои Великому Князю Константину Николаевичу, графъ Муравьевъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ обращаться къ нему со своими донесеніями. «Получивъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ ратификацію Тянь-Дзинскаго трактата и уполномочіе Перовскому для размѣна оной въ Пекинѣ,» писалъ графъ Муравьевъ отъ 16-го ноября, «я предназначилъ отправить туда эти бумаги съ двумя нашими курьерами; но предусматривая, что въ этомъ встрѣтятся въ Ургѣ затрудненія, я отправился самъ въ Кяхту, гдѣ курьеры меня предупредили, и самъ отправилъ ихъ въ Ургу съ Кяхтинскимъ коммиссаромъ нашимъ, Деспотъ-Зеновичемъ, которому и поручилъ непремѣнно отправить курьеровъ нашихъ изъ Урги въ Пекинъ.

[1] День ангела Николая Николаевича.

Тамошніе амбани, хотя и отзывались невѣдѣніемъ Тянь-Дзинскаго трактата, но, послѣ долгихъ переговоровъ и различныхъ убѣжденій Зеновича, исполнили мое желаніе, и первые наши курьеры съ этой стороны отправились въ Пекинъ изъ Урги. Между прочими переговорами съ Ургинскими амбанями, я предложилъ объ устройствѣ телеграфа между Пекиномъ и Кяхтою на счетъ обоихъ правительствъ. Князю же Горчакову я давно уже писалъ о необходимости проведенія телеграфа отъ С.-Петербурга до Николаевска, полагая это дѣйствіе первымъ и главнѣйшимъ со стороны Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ послѣдствіе трактата, заключеннаго Англичанами съ Китаемъ. Любопытно мнѣ будетъ знать, кто скорѣе приметъ мое предложеніе: Китайское или наше министерство?

Къ Перовскому въ Пекинъ я писалъ о необходимыхъ условіяхъ для нашей сухопутной торговли, которая въ Тянь-Дзинскомъ трактатѣ была забыта; впрочемъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ упомянуло ему о томъ же въ своей инструкціи; сверхъ того, я прошу Перовскаго, чтобъ для опредѣленія границъ отъ вершинъ р. Уссури до моря была выслана Китайская коммиссія въ апрѣлѣ, къ тому же времени будетъ туда выслана наша коммиссія. Объ опредѣленіи нашей границы я получилъ отношеніе (послѣ письма моего къ Перовскому) и отъ Айгунскаго амбаня, который сообщаетъ, что ихъ чиновники будутъ высланы къ устью Уссури и къ устью рѣки Суй-Фуна, впадающей въ море: но намъ желательно было бы имѣть границу до бухты Посьета, что около ста верстъ южнѣе впаденія Суй-Фуна: тогда бы мы владѣли всѣмъ приморскимъ берегомъ до Кореи, и я надѣюсь, что убѣжденія Перовскаго въ Пекинѣ и нашихъ коммиссаровъ на мѣстахъ приведутъ къ этому результату.

Для исполненія всего этого, я назначаю многочисленную экспедицію офицеровъ Генеральнаго штаба съ топографами, подъ начальствомъ оберъ-квартирмистра, въ Приуссурійскій край: часть этой экспедиціи будетъ устанавливать границу съ Китайскими чиновниками, а другіе будутъ производить съемку Приуссурійскаго края съ сухого пути и съ моря, откуда должно также быть сдѣлано описаніе всѣхъ заливовъ по этому берегу до бухты Посьета включительно. Необходимо все это дѣло покончить какъ можно скорѣе, покуда не вмѣшались Англичане: необходимо было бы покончить и съ Японіею о Сахалинѣ, чтобъ и тамъ они намъ не помѣшали. Къ счастію, эскадра наша соберется къ устью Амура, и весною будущаго года мы будемъ располагать порядочными морскими паровыми средствами для всѣхъ

этихъ предпріятій, но, можетъ быть, окажется необходимымъ и мнѣ самому отправиться опять по Амуру вслѣдъ за льдами и оттуда моремъ въ Печели и въ Японію. Я исполню и этотъ долгъ, если только борьба съ министерствами не заставитъ меня прежде того удалиться изъ Сибири, а въ отсутствіе Вашего Высочества это послѣднее соображеніе весьма вѣроятно.

Переселеніе казаковъ на Амуръ назначено для будущаго года небольшое и не окончательное—по неурожаю въ Забайкальской области хлѣба, а также и потому, что вверхъ по Уссури трудно подтягивать большое число переселенцевъ безъ мелко сидящихъ пароходовъ, а два подобныхъ парохода будутъ готовы только въ концѣ лѣта будущаго года, и только втеченіи будущаго же лѣта будутъ подходить рѣчные пароходы Амурской компаніи, такъ что полное развитіе плаванія по Амуру и Уссури будетъ только по навигаціи 1860 года, и въ томъ же году должно окончиться переселеніе туда казаковъ.

Всѣ эти распоряженія и много внутреннихъ въ Сибири устройствъ лишили меня возможности отлучиться въ Петербургъ, куда я и отправилъ вмѣсто себя по дѣламъ Карсакова, какъ имѣлъ счастіе доносить Вашему Высочеству; но Казакевичъ едва-ли можетъ теперь оставить Николаевскъ, когда собираются у него суда, требующія разныхъ исправленій и приготовленій къ плаванію будущаго года. По послѣднему письму его ко мнѣ отъ 16-го сентября, онъ затрудняется выѣхать, и мнѣ осталось только благодарить его за это, хоть я самъ вызывалъ его въ Иркутскъ и намѣренъ былъ послать въ Петербургъ. У него нѣтъ въ Николаевскѣ надежнаго помощника, который бы могъ его въ подобныхъ случаяхъ замѣнить, и, я думаю, пріискать будетъ трудно и въ Петербургѣ.

Одинъ судостроитель Американецъ сдѣлалъ предложеніе завести на устьяхъ Амура судостроеніе: я послалъ его письмо въ Петербургъ къ Карсакову, чтобъ переговорить объ этомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, но вообще въ отсутствіе Вашего Высочества не смѣю надѣяться на разрѣшеніе важныхъ и полезныхъ вопросовъ; а здѣсь, мнѣ кажется, нельзя терять времени, и еслибъ мы его теряли прежде, какъ министерство того требовало, то Амуръ не былъ бы нашимъ, и если бы Ваше Высочество не приняли это дѣло подъ особое Ваше покровительство, то время было бы потеряно. Теперь же, съ водвореніемъ Англичанъ въ Китаѣ, нужно еще болѣе быстроты въ нашихъ распоряженіяхъ и еще болѣе энергіи.

Всегдашнее милостивое вниманіе Вашего Высочества къ

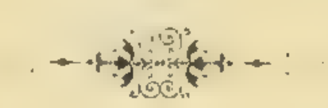
моимъ просьбамъ даетъ мнѣ смѣлость выразить на этотъ разъ еще одну и самую убѣдительную: сократите, сколь возможно, отсутствіе Ваше изъ Петербурга: по моему глубокому убѣжденію, этого требуютъ обстоятельства не только здѣшнія, но и внутреннія въ Россіи, о которыхъ я, какъ далеко ни живу, но получаю иногда частныя свѣдѣнія отъ людей истинно благонамѣренныхъ, и убѣждаюсь болѣе и болѣе, что долговременное отсутствіе Ваше можетъ быть въ настоящее время пагубно для Россіи; мнѣ пишутъ между прочимъ: «Никто въ Петербургѣ, кромѣ Государя и брата его, не желаетъ освобожденія крестьянъ.» Можетъ быть, это мнѣніе и ошибочно, но если оно уже существуетъ въ провинціи между людьми, близкими къ народу, то, конечно, существуетъ и въ народѣ. Простите меня, Ваше Высочество, что я рѣшился вамъ это высказать, но, въ безпредѣльной моей любви къ отечеству, я бы сказалъ то же и Государю, еслибъ имѣлъ счастіе Его видѣть, ибо никогда не скрою глубокаго моего убѣжденія, когда оно касается пользы Россіи.»

Наконецъ, послѣ долгихъ, тревожныхъ ожиданій, графъ Муравьевъ былъ утѣшенъ слѣдующими двумя рескриптами отъ Великаго Князя Константина Николаевича: «Любезнѣйшій графъ Николай Николаевичъ! Ваши письма отъ 25-го сентября и 1-го октября я получилъ въ Ниццѣ», писалъ Его Высочество изъ Парижа отъ $^{10}/_{22}$ декабря. «Сожалѣю душевно, что не былъ въ Петербургѣ въ то время, когда пришли всѣ ваши представленія относительно Амурскаго края. Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что вполнѣ сочувствую вашимъ благимъ предпамѣреніямъ, искренно желаю имъ успѣха и готовъ всячески содѣйствовать вамъ по мѣрѣ силъ и возможности. Но я убѣжденъ, что главное условіе успѣха состоитъ въ томъ, чтобы вы не теряли энергіи духа, вслѣдствіе множества встрѣчаемыхъ вами препятствій, и чтобъ продолжали вашу полезную дѣятельность на томъ поприщѣ, куда призваны волею Государя, и для той страны, благоденствіе коей связано съ вашею славою. Оставайтесь въ Амурскомъ краѣ, любезный графъ, какъ можно долѣе, и да укрѣпитъ васъ Провидѣніе на новые подвиги, хотя бы сопряженные съ новою борьбою. На васъ смотритъ и Европа и Америка, и всѣ истинно Русскіе люди признательны вамъ.»

Затѣмъ, въ рескриптѣ Его Высочества изъ Палермо, читаемъ: «Ваше письмо отъ 16-го ноября, любезнѣйшій графъ Николай Николаевичъ, я прочелъ съ величайшимъ любопытствомъ. Въ то же время я получилъ свѣдѣніе о бывшемъ въ Петербургѣ собраніи Амурскаго Комитета, *подъ личнымъ предсѣдательствомъ Госу-*

даря, и о рѣшеніяхъ, которыя послѣдовали по многоразличнымъ вашимъ представленіямъ. Искренно благодарю васъ за чувства, вами выраженныя ко мнѣ, и которыя я умѣю цѣнить: но считаю нужнымъ объяснить вамъ, что отсутствіе мое изъ Россіи не можетъ имѣть предполагаемаго вами вреднаго вліянія на дѣла ввѣреннаго вамъ края, ибо самъ Государь расположенъ къ этому краю, имѣетъ къ вамъ полное довѣріе и высоко цѣнитъ и уважаетъ васъ. Результатъ вашихъ представленій, состоявшійся при моемъ отсутствіи, это доказываетъ. Я полагаю даже, что для вашихъ дѣлъ отсутствіе мое имѣетъ свою полезную сторону, ослабляя силу недоброжелателей, которые убѣдятся, что Государь дѣйствуетъ въ пользу Сибири и Амурскаго края по собственному влеченію и ясному глубокому сознанію, а не вслѣдствіе, будто бы, моихъ докладовъ. Помянутыя лица не рѣшатся идти противъ Его воли, тогда какъ они могли противодѣйствовать мнѣ, утверждая, что я молодъ, неопытенъ, горячъ и нахожусь подъ вашимъ вліяніемъ.

Дѣло Амурское можетъ такимъ образомъ только выиграть. Но я имѣю полное убѣжденіе, что, для преуспѣянія Амурскаго края и постепеннаго осуществленія вашихъ предначертаній, необходимо, чтобъ вы еще долго оставались въ Сибири. Всякое новое лицо не можетъ имѣть ни вашего знанія дѣла, ни вашей опытности, ни горячей привязанности къ краю, ни того вѣса, который вы имѣете въ Петербургѣ, несмотря на всѣхъ недоброжелателей. Посему ваше удаленіе съ нынѣшняго поприща дѣятельности было бы истиннымъ несчастіемъ для Восточной Сибири, и я весьма прошу васъ, для пользы Россіи и собственной вашей славы, отбросить всякую мысль о возможности оставить Сибирь. Временныя отлучки и отдохновенія—другое дѣло: онѣ необходимы каждому трудящемуся, но это не значитъ бросить Сибирь. Отъ всей души желаю вамъ здоровья, силъ нравственныхъ и физическихъ и терпѣнія. Будьте увѣрены въ моемъ всегдашнемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи.»

LXIII.

Трудности, съ которыми сопряжены были удержаніе за Россіею Пріамурскаго края и его внутреннее устройство.—Вліяніе личности Муравьева на молодежь.—Общее впечатлѣніе, произведенное присоединеніемъ Амура.

1859 г.

Начало новаго 1859 года ознаменовалось для графа Муравьева тѣмъ, что тревоги и опасенія за судьбу вновь пріобрѣтеннаго Амурскаго края, какія онъ испытывалъ въ прошломъ году, уступили мѣсто полному душевному успокоенію и надеждамъ на свѣтлое будущее для всей Восточной Сибири. Государь утвердилъ всѣ его представленія, касавшіяся до устройства и процвѣтанія Амура; это придало еще болѣе энергіи графу Муравьеву, которому, въ виду удержанія за нами новопріобрѣтеннаго края, равно какъ и внутренняго его устройства, предстояло побороть еще не мало всякаго рода затрудненій.

Устройство всякаго новаго края есть, конечно, дѣло сложное и нелегкое, а тѣмъ болѣе не легко это было по отношенію къ Амурской странѣ при условіяхъ ея географическаго, экономическаго и политическаго положенія, а главное—при ограниченности средствъ, потребныхъ для ея устройства.

Пустынная въ эпоху перваго плаванія по Амуру, 1854 г., Амурская страна лишь въ 1858 году настолько политически была закрѣплена Айгунскимъ договоромъ за нами, что можно было начать дѣйствовать въ ней, какъ въ провинціи, составляющей одно цѣлое съ Россіею, и бывшіе на Амурѣ до 1857 года посты и пикеты замѣнять кореннымъ населеніемъ страны.

Между тѣмъ, въ связи съ политическою стороною вопроса, представлялся рядъ неотразимыхъ затрудненій для административ-

ной дѣятельности въ дѣлѣ упроченія за Россіею и устройства новаго края. Чтобъ удержать за собою однажды занятую страну, прилежащую къ судоходной рѣкѣ, вливающей воды свои въ Восточный океанъ, необходимо было учредить и дѣятельно поддержать *сообщеніе* по водяному пути на протяженіи 3.000 верстъ и въ то же время *занять* весь берегъ Амура такъ, чтобы имѣть возможность *охранять* его на всемъ огромномъ протяженіи, если бы потребовалось даже вооруженною силою отъ всѣхъ случайностей неопредѣлившихся въ то время отношеній нашихъ съ сосѣдями. Содержаніе постовъ и карауловъ въ пустынной тогда еще странѣ регулярными отрядами сопряжено было бы для послѣднихъ съ неимовѣрными трудами и лишеніями и требовало бы огромныхъ издержекъ; свободнаго же заселенія въ странѣ, недостаточно еще изслѣдованной для того, чтобы можно было занять всю новую пограничную линію, ожидать было невозможно. А потому соображенія эти привели правительство къ необходимости соединить задачу занятія новой страны прочнымъ и осѣдлымъ заселеніемъ съ задачею военнаго охраненія всей заселенной линіи, что̀ и вызвало необходимость *обязательнаго казачьяго заселенія Амура*, несмотря на многія неудобства таковаго въ сравненіи съ свободнымъ заселеніемъ новой мѣстности.

Политическія событія сложились также не въ пользу мирной гражданской дѣятельности, имѣвшей цѣлію занятіе и упроченіе за Россіею Амурской страны, такъ что въ началѣ еще зимы, предшествовавшей навигаціи, въ которую рѣшено было открыть плаваніе Русскихъ по Амуру, нельзя было опредѣлить исхода Амурскаго вопроса. Вслѣдъ за первымъ появленіемъ рѣчныхъ судовъ нашихъ изъ верховьевъ Амура на его устьяхъ—явилась необходимость защиты береговъ Татарскаго пролива и Камчатки отъ непріятеля сильнаго и имѣющаго въ портахъ Восточнаго океана всѣ средства вести войну съ приморскою страною.

Всѣ внутреннія силы края, прилежащаго къ верховьямъ Амура, которыя могли бы такъ производительно подготовить способы для занятія Амурскаго прибрежья, должны были обратиться для защиты приморскихъ береговъ нашихъ, и громадная, но пустынная и неизслѣдованная еще тогда рѣка, прежде чѣмъ Русскіе стали селиться на ней, сдѣлалась ужъ путемъ сообщенія, необходимымъ для защиты Русскаго имени на отдаленномъ востокѣ и для удержанія за Россіею того ключа мѣстности, отъ обладанія которымъ зависѣло — быть или не быть Русскому значенію на Восточномъ океанѣ.

Затѣмъ, если бросить взглядъ на весь ходъ защиты восточ-

ныхъ береговъ нашихъ и заселенія Амура, станетъ очевиднымъ, что постепенность въ этомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ въ самомъ началѣ его была невозможна. Нужно было разомъ *занимать, заселять и укрѣплятъся* на всемъ огромномъ протяженіи Амура, на устьяхъ этой рѣки и въ гаваняхъ Татарскаго пролива, потому что вся эта задача совпала съ тою именно эпохою, когда была понята Европейцами важность обладанія теперешнимъ восточнымъ прибрежьемъ нашимъ для вліянія на Восточномъ океанѣ и важность обладанія Амуромъ для вліянія въ Китаѣ и Японіи; когда стало понятно врагамъ Россіи, что отъ воспрепятствованія Русскимъ утвердиться въ Пріамурской странѣ зависѣло участіе Русскихъ въ международныхъ интересахъ на Восточномъ океанѣ. А потому всякая прибрежная мѣстность, которая осталась бы незанятою нами, была бы захвачена другими и потеряна для насъ безвозвратно.

Но обладаніе Амуромъ не имѣло бы для Россіи существеннаго значенія, если бы прилегающее къ Амурской странѣ юго-восточное прибрежье Японскаго моря осталось въ чужихъ рукахъ. Русскій флотъ на Восточномъ океанѣ былъ бы бо́льшую часть года замкнутъ въ Николаевскѣ льдами, и чужестранное обладаніе рѣкою Уссури и смежными съ верховьями ея гаванями Японскаго моря — поколебало бы прочность владѣній нашихъ на Амурѣ; для укрѣпленія же за Россіею р. Уссури и Уссурійскаго края, необходимо было слѣдовать той же системѣ дѣйствій на Уссури, какъ дѣйствовали при занятіи Амура. т. е. поддерживать дипломатическія требованія наши фактическимъ занятіемъ страны.

Такимъ образомъ. всѣ административные и матеріальные способы, направленные для устройства заселенія Амурской линіи, имѣющей до 3.000 верстъ протяженія, пришлось раздѣлить и въ то же самое время открыть подобную же дѣятельность на протяженіи новыхъ 800 верстъ для занятія и заселенія р. Уссури и всего пространства до юго-восточныхъ гаваней нашихъ, примыкающихъ къ границамъ Кореи.

Упрекать графа Муравьева-Амурскаго въ нетерпѣливой поспѣшности, какъ упрекали и упрекаютъ его Завалишинъ и подобные ему хулители, — что̀ мы увидимъ ниже, — значитъ не умѣть понять и оцѣнить высокой заслуги его отечеству. Чѣмъ труднѣе шагъ на пользу общаго дѣла, тѣмъ судъ современника долженъ быть возможно снисходительнѣе и принимать въ расчетъ всѣ затрудняющія мелочи, побороть которыя часто бываетъ труднѣе, чѣмъ главнѣйшія препятствія, потому что онѣ встрѣчаются, по бо́льшей части, неожиданно, — и если невыгоды всѣхъ поспѣшныхъ и напряженныхъ

предпріятій падаютъ иногда на современниковъ, за то выгоды ихъ остаются достояніемъ всѣхъ позднѣйшихъ поколѣній.

«Намъ ставятъ въ примѣръ», пишетъ Д. Аѳанасьевъ, [1] «колонизацію Америки и Австраліи, не принимая въ расчетъ разницу климатическихъ и другихъ мѣстныхъ условій тѣхъ странъ и Амура. Для Англіи легко было выбросить въ Ботанибей 800 человѣкъ ссыльныхъ и оставить ихъ на произволъ судьбы, зная, что они не замерзнутъ, и что Сибирская, чуть не полярная, зима не отниметъ у нихъ мѣстныхъ средствъ къ прокормленію. Ни въ Америкѣ, ни въ Австраліи не было надобности дѣлать все разомъ, спѣшно, проводить обзаселеніе одновременно на 3.000 верстъ, создавая въ то же время флотилію и другія административныя учрежденія, по надобностямъ защиты и управленія. Тамъ не создавали страну, и колонизація шла другимъ путемъ, въ виду другихъ потребностей; въ особенности въ послѣднее время она была слѣдствіемъ открытія золотыхъ розсыпей. Къ тому же, ни Англія, ни Соединенные Штаты не имѣли Амура, который долженъ былъ получить колонизацію и первое снабженіе отъ Восточной Сибири, въ свою очередь страны глухой, замкнутой, далекой отъ современныхъ проявленій Европейской цивилизаціи, страны, которая сама нуждалась и нуждается въ содѣйствіи болѣе развернутыхъ Русскихъ областей.»

Итакъ, не лучше ли держаться того мнѣнія, что все сдѣланное не могло быть сдѣлано иначе? Главное — результаты; а результаты таковы, что, если глубже всмотрѣться въ управленіе графа Муравьева Восточной Сибирью за все описанное нами время, то, безъ сомнѣнія, оно составляетъ эпоху въ исторіи этого края, а слѣдовательно и Россіи.

Амурская эпопея была у всѣхъ на языкѣ: личность графа Муравьева была какою-то легендарною, и Сибирь съ того времени привлекала всѣхъ, преимущественно образованную молодежь. Многіе еще въ студенческомъ мундирѣ, за полтора мѣсяца до окончанія курса, являлись къ графу Муравьеву въ Петербургѣ, прося принять ихъ на службу въ Восточную Сибирь. Онъ долго всѣхъ испытывалъ, прежде чѣмъ удовлетворять ихъ ходатайства.

То время было живое, поднявшее общественную жизнь. Присоединеніе Амура произвело сильное впечатлѣніе не въ одной Сибири. Оно, конечно, будило вновь мысли о государственномъ значеніи Сибири, оно послужило и къ умственному возбужденію въ Русскомъ обществѣ. Въ Иркутскѣ было не мало образован-

[1] Морской Сборникъ, № 11, ноябрь 1863 г.

ныхъ людей и писателей, которые, какъ видно, не удовлетворились «Губернскими Вѣдомостями», и пріобрѣтеніе Амура было, такъ-сказать, поводомъ къ основанію первой частной газеты на Востокѣ; приготовлялись къ изданію ея подъ названіемъ «Амуръ», первый № которой вышелъ въ концѣ 1859 года. Редакторомъ ея былъ М. В. Загоскинъ, а цензоромъ графъ Н. Н. Муравьевъ. Кромѣ того, была потомъ цѣлая литература рукописныхъ стихотвореній и статей, принадлежавшихъ нѣсколькимъ, въ томъ числѣ и перу извѣстнаго образованностью и остроуміемъ П. В. Шумахера, много лѣтъ жившаго въ Сибири, сперва въ качествѣ управляющаго частными золотыми пріисками Базилевскаго, а впослѣдствіи состоявшаго чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ М. С. Карсаковѣ.

LXIV.

Донесенія графа Муравьева Государю Императору и Великому Князю Константину Николаевичу.—Дипломатическія дѣла касательно послѣднихъ договоровъ съ Китаемъ.—Цѣль назначенія Игнатьева въ Пекинъ.—Письмо графа Муравьева къ Карсакову. Письмо Великаго Князя къ графу Муравьеву изъ Палермо.—Недопущеніе Китайцами Игнатьева въ Пекинъ.—Поѣздка графа Муравьева съ Игнатьевымъ въ Кяхту.—Мнѣніе Муравьева объ утвержденіи новой нашей границы съ Китаемъ.—Письмо графа Муравьева къ Карсакову.

1859 г.

Въ отвѣтъ на милостивое вниманіе Государя Императора ко всѣмъ представленіямъ, касающимся устройства Амурскаго края, графъ Н. Н. Муравьевъ высказалъ Его Величеству благодарность въ слѣдующемъ донесеніи своемъ отъ 10-го января 1859 г.

«Сибирскій Комитетъ сообщилъ мнѣ всѣ Высочайшія милости, оказанныя Вашимъ Величествомъ моимъ сотрудникамъ на Амурѣ и всѣ Высочайшія Ваши повелѣнія къ устройству этого края. Вездѣ я вижу державное Ваше покровительство, которымъ край этотъ и я съ нимъ имѣемъ счастіе пользоваться уже восемь лѣтъ. Генералъ-маіоръ Карсаковъ сообщилъ мнѣ всѣ словесныя приказанія Вашего Величества; я не смѣю и не могу оправдываться, но умоляю Васъ не усумниться въ моей безпредѣльной къ Вамъ преданности и въ неизмѣнномъ стремленіи къ пользамъ Вашего дѣла. Благоговѣнія и вѣрноподданнической благодарности моей къ Вашему Величеству я не умѣю выразить словами, но молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы доказать на дѣлѣ, что милости, довѣріе и снисхожденіе Ваше ко мнѣ падаютъ не на безплодную почву.»

35*

Въ тотъ же день графъ Муравьевъ препроводилъ донесеніе и Великому Князю Константину Николаевичу въ такихъ выраженіяхъ:

«Государь поддерживаетъ Амуръ, и мнѣ теперь легче будетъ бороться, но министерства вооружились противъ меня болѣе прежняго; я самъ, кажется, этому виноватъ, или, лучше сказать, виноваты неожиданно горестныя для меня обстоятельства. По Сибирскому Комитету дѣла идутъ прекрасно: тамъ безусловно исполняютъ указанія Государевы; въ Амурскомъ Комитетѣ Государь также лично соизволилъ изъявить лестную для меня волю свою, и все въ порядкѣ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы и всѣ дѣла Восточной Сибири шли прямо въ Сибирскій или Амурскій Комитетъ, и особенно дѣла военно-сухопутнаго вѣдомства, гдѣ наиболѣе медленности и безполезной переписки по департаментамъ.

Миссія наша дошла благополучно въ Пекинъ: я получилъ извѣстіе отъ Перовскаго съ почтою, но теперь ожидаю курьера, и вслѣдъ за симъ буду имѣть счастіе довести до свѣдѣнія Вашего Высочества о тамошнихъ дѣлахъ, которыя, по первому впечатлѣнію на миссію, казались не совсѣмъ благопріятны. Китайцы крайне раздражены на Тянь-Дзинскіе трактаты, увѣрены, что мы привели Англо-Французовъ въ Печелійскій заливъ и считаютъ насъ поэтому слабыми и коварными. Я стараюсь ихъ разувѣрить и въ томъ, и въ другомъ, и надѣюсь, Перовскому удастся заключить съ ними необходимую для насъ конвенцію по сухопутной торговлѣ.

Мнѣ прислано уполномочіе для установленія границы съ Японіею въ сторонѣ Сахалина; я самъ вызвался на это дѣло потому въ особенности, чтобы оно кончилось безъ промедленія, покуда Англичане не водворились въ Японіи и не вздумали еще захватить уголокъ на Сахалинѣ. Для успѣшнаго исполненія этого порученія, а также для скорѣйшаго установленія границъ съ Китаемъ, я намѣренъ отправиться изъ Николаевска съ эскадрою, по возможности многочисленною, въ Японію и въ Печелійскій заливъ. Къ счастію, что адмиралъ Казакевичъ остался въ Николаевскѣ— тамъ онъ теперь необходимъ, а въ Петербургѣ имѣлъ бы несчастіе не найти Ваше Высочество.

Ваше Императорское Высочество! неужели несчастіе это будетъ долго продолжаться и для всей Россіи? неужели Вы изволите ограничиться однимъ флотомъ? Болѣе и болѣе убѣждаясь, что Государь совершенно одинъ въ Петербургѣ, я болѣе и болѣе умоляю Васъ не оставлять Его однимъ: Онъ также борется, и Россія, конечно, ни на кого болѣе не можетъ надѣяться, какъ на Авгу-

стѣйшую Фамилію Таково мое давнишнее глубокое убѣжденіе, и я не могу скрыть его предъ Вами.»

На это донесеніе Н. Н. Муравьева, послѣдовалъ отвѣтъ Его Высочества изъ Неаполя отъ $\frac{12}{24}$ марта: «Ваше письмо изъ Иркутска отъ 10-го января я получилъ въ Палермо, наканунѣ моего отъѣзда оттуда, и порадовался всѣмъ хорошимъ извѣстіямъ, которыя оно заключаетъ. Я провелъ время въ Палермо весьма тихо, спокойно наслаждаясь чуднымъ климатомъ, мѣстоположеніемъ и растительностью: много ѣздилъ по окрестностямъ, много читалъ и еще болѣе думалъ. Здѣсь полагаю пробыть недѣли три, а затѣмъ отправлюсь въ Грецію и, если обстоятельства дозволятъ, поѣду въ Іерусалимъ. Въ Россію надѣюсь вернуться въ половинѣ лѣта и желалъ бы быть тамъ по мѣрѣ силъ полезенъ вашимъ благимъ предначертаніямъ. По крайней мѣрѣ, вы можете быть всегда увѣрены въ моемъ горячемъ сочувствіи и посильномъ содѣйствіи.»

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о дипломатическихъ дѣлахъ касательно послѣднихъ договоровъ нашихъ съ Китаемъ. Въ январѣ князь Горчаковъ сообщилъ графу Муравьеву-Амурскому, что для временнаго исполненія обязанности нашего дипломатическаго агента въ Пекинѣ, по отбытіи оттуда Перовскаго, избранъ былъ Государемъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Игнатьевъ. Графъ Муравьевъ выразилъ мнѣніе свое министру иностранныхъ дѣлъ, что, съ назначеніемъ Игнатьева въ Пекинъ политическимъ агентомъ нашимъ, необходимо дать ему званіе посланника для того, чтобы въ глазахъ Китайцевъ, по крайней мѣрѣ, степень его не была ниже степени Брюса, и, конечно, весьма полезно, чтобы свита его состояла преимущественно изъ военныхъ офицеровъ, но не для обученія Китайской арміи, какъ думалъ графъ Путятинъ, ибо Китайцы вовсе этого не желаютъ. Затѣмъ графъ Муравьевъ просилъ князя Горчакова упомянуть въ листѣ къ Китайцамъ, что ему даны отъ Государя надлежащія приказанія на всѣ случайности, и что посланникъ нашъ въ Пекинѣ долженъ находиться съ нимъ въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ. Графъ Муравьевъ полагалъ, что мы, при настоящихъ обстоятельствахъ Китая, должны быть очень осторожны, чтобы преждевременнымъ какимъ-нибудь распоряженіемъ не заставить Пекинскій Дворъ обратиться къ другой помощи вмѣсто нашей, а потому энергическія мѣры съ своей стороны онъ счелъ несвоевременными до полученія новыхъ извѣстій отъ Перовскаго.

Главное назначеніе Игнатьева состояло въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, вспомоществовать разрѣшенію вопросовъ въ Пекинѣ, которые неизбѣжно должны были возродиться при про-

веденіи границы нашей отъ Уссури до моря. Игнатьеву поручено было продолжать дѣйствія Перовскаго, принявъ дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застанетъ, и вполнѣ соображаясь съ тѣми инструкціями, которыя ему даны; не касаясь вопросовъ, которые будутъ приведены къ окончанію Перовскимъ, дать движеніе другимъ, если по какимъ-либо причинамъ они остановились, и попытаться возобновить требованія по тѣмъ, по которымъ правительство Богдыхана уклоняется въ исполненіи; а главное объ окончательномъ опредѣленіи границъ отъ Уссури до моря, соображаясь съ инструкціями, данными Перовскому, а также съ указаніями и личными объясненіями графа Муравьева.

О внутреннихъ же дѣйствіяхъ графа Н. Н. Муравьева по управленію ввѣреннымъ краемъ, мы узнаемъ изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Карсакову изъ Иркутска.

26-го января. «Изъ письма этого ты увидишь, какъ плохи дѣла наши въ Верхнеудинскомъ округѣ, но онѣ еще хуже во всей Забайкальской области, и потому поймешь, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду твоего пріѣзда. Отправляю множество важныхъ бумагъ; но двѣ главнѣйшія: 1-ая объ устройствѣ моего штаба съ назначеніемъ и производствомъ Кукеля, и 2-ая къ министру финансовъ о томъ, что Амуръ не можетъ подлежать откупу. Въ подкрѣпленіе перваго я пишу частное письмо къ Сухозанету, которое ты только прочти, но *непремѣнно* отдай запечатаннымъ; въ подкрѣпленіе второго я пишу къ управляющему Сибирскимъ Комитетомъ офиціально и частно и, сверхъ того, сообщилъ статью въ Иркутскія Губернскія Вѣдомости, которую прилагаю для свѣдѣнія твоего и Буткова.[1] Бенардаки затѣялъ столько непригодныхъ дѣлъ по всѣмъ своимъ вѣдомствамъ, т. е. 1-е по откупу, 2-е—золотопромышленности и 3-е—Амурской компаніи, что я вынужденъ дать ему этотъ урокъ и, разумѣется, ни къ какой наградѣ представлять его не могу.

По безпорядкамъ въ доставкѣ муки, долженъ послать провіантскихъ чиновниковъ. Областное и Войсковое Управленія прикованы къ мѣсту, и послѣднее путается. Изъ письма моего Ковалевскому ты увидишь мое распоряженіе объ усиленіи 1-й конной бригады новыми казаками; а изъ письма къ Сухозанету ты увидишь, какъ я доволенъ этими партіями: главное, что здѣсь съ ними обходятся по-человѣчески и не обкрадываютъ; а въ Россіи нѣтъ человѣковъ: тамъ есть генералы, полковники, капитаны

---

[1] В. П. Бутковъ, статсъ-секретарь, управлявшій дѣлами Сибирскаго и Кавказскаго Комитетовъ.

и проч. и проч., а человѣкъ, кажется, только одинъ — Государь.»

17-го февраля. «Ты знаешь меня очень близко, а потому не могъ и сомнѣваться, что я ни въ какомъ случаѣ не оставлю своего мѣста, не исполнивъ лежащихъ на мнѣ обязанностей, т. е. окончательнаго разграниченія съ Китаемъ и Японіею, а потому, чѣмъ бы ни кончилось Нерчинское дѣло, я все-таки отправлюсь на Амуръ и въ море, вернусь въ Иркутскъ и тогда поѣду въ Петербургъ. Политическія дѣла наши запутываются: Перовскій, подъ вліяніемъ двухъ трусливыхъ архимандритовъ и своей лѣности, не шевелитъ Китайское правительство, какъ бы слѣдовало, а Англичане дѣйствуютъ умно и быстро. Жду Игнатьева и поспѣшу тотчасъ отправить его въ Пекинъ: авось, онъ тамъ все расшевелитъ. Окончательныя на мѣстѣ распоряженія къ сплаву безъ тебя не обойдутся. Буссе уѣзжаетъ въ Бянкино; ему очень много хлопотъ со сплавами.

Теперь масляница: ѣдимъ блины, танцуемъ, маскируемся; а у меня на душѣ камень: по наружности я веселъ; все исполню и тогда поѣду душу отводить.»

Эти два приведенныя нами письма графа Н. Н. Муравьева достаточно ярко обрисовываютъ неутомимое радѣніе его о пользахъ отечества и горячую заботливость о ввѣренномъ ему краѣ. Такія качества въ Муравьевѣ высоко цѣнилъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Въ своемъ письмѣ къ нему изъ Палермо отъ 25 февраля / 9 марта, Его Высочество высказывается такъ: «Любезнѣйшій графъ Николай Николаевичъ! Прочитавъ ваше письмо къ Головнину, я съ искреннимъ удовольствіемъ увидѣлъ, что ваше намѣреніе относительно устройства пріобрѣтеннаго вами края совершенно сходно съ моими убѣжденіями. Вы предположили себѣ утвердить это пріобрѣтеніе и не оставлять края, доколѣ сего не достигнете, и сверхъ того, оставить тамъ людей, которые бы не испортили; учредить самое управленіе такъ, чтобы и испортить было трудно, принимая въ расчетъ и прогрессъ, который не позволитъ идти назадъ.

Въ этихъ словахъ я вижу мысль истиннаго государственнаго человѣка и чувство истинно Русскаго, который горячо любитъ свое отечество, и за что я глубоко уважаю васъ. Сколько могу, буду всѣми силами помогать вамъ. Вы сѣтуете на морское управленіе за уменьшеніе Сибирскаго морского бюджета; но если бы вы были сами въ Петербургѣ, то увидѣли бы, съ какими препятствіями намъ приходилось бороться, и убѣдились бы, что морское управленіе дѣлало все, что могло. Я убѣжденъ, что для

пользы нашего флота намъ необходимо имѣть сколь возможно большее число судовъ въ Восточномъ океанѣ, и что для этихъ судовъ необходимы тамъ береговыя заведенія, и потому, конечно, не сталъ бы жалѣть на нихъ денежныхъ средствъ; но надобно, чтобъ намъ дали эти средства, ибо морское вѣдомство само не можетъ создать себѣ источниковъ дохода. Впрочемъ въ настоящее время считаю ваше присутствіе въ Сибири и усиленную дѣятельность важнѣе самихъ денегъ и душевно желалъ бы обнять васъ на берегахъ Амура въ 1860 году.»

Въ мартѣ князь Горчаковъ писалъ старшему члену Верховнаго Совѣта въ Пекинѣ о назначеніи, вмѣсто Перовскаго, Игнатьева, на основаніи 2-й статьи Тянь-Дзинскаго трактата. Въ этомъ же мѣсяцѣ Ургинскій амбань Бэйсее увѣдомилъ нашего Кяхтинскаго градоначальника, что Богдыханъ запретилъ пропускъ большихъ особъ, кромѣ миссіонеровъ; а потому, имѣя въ виду, что посланникъ Игнатьевъ есть значительное лицо, амбань, до разрѣшенія Трибунала, пропустить его не можетъ, и пусть Игнатьевъ подождетъ въ Кяхтѣ.

Графу Н. Н. Муравьеву поручено было въ этомъ же году отправиться въ Японію для дополненія трактатовъ собственно о южной части острова Сахалина: поэтому онъ въ началѣ апрѣля, дождавшись Игнатьева, сначала отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Кяхту. Эта поѣздка по Амуру и далѣе, въ южныя моря, поглотила у графа Муравьева бо́льшую часть года.

Тѣмъ временемъ, именно 12-го апрѣля, Перовскій наконецъ размѣнялъ ратификаціи Тянь-Дзинскаго трактата. При размѣнѣ ихъ сдѣлано одно только дополнительное условіе въ отношеніи проѣзда посланниковъ нашихъ въ Пекинъ изъ Печелійскаго залива, объ Айгунскомъ же договорѣ не упомянуто, а также и о новой границѣ нашей по Уссури. Графъ Муравьевъ пришелъ къ прежнему заключенію, что утвержденіе новой нашей границы по Амуру и Уссури должно совершиться въ Пекинѣ утвержденіемъ тѣхъ пограничныхъ картъ, которыя будутъ доставлены нашему уполномоченному въ Пекинѣ, по прибытіи его въ Печелійскій заливъ; а для составленія этихъ картъ на мѣстахъ—отправленъ еще въ январѣ оберъ-квартирмейстеръ Будогосскій.

«Пріѣхавши 17-го въ Кяхту», писалъ графъ Муравьевъ уже вернувшемуся въ Читу изъ Петербурга М. С. Карсакову отъ 20-го апрѣля, «мы застали здѣсь листъ изъ Китайскаго Трибунала и бумаги отъ Перовскаго; по бумагамъ этимъ у него затѣяны весьма дѣльные переговоры, и онъ обѣщаетъ окончательный отвѣтъ не далѣе, какъ дней черезъ 10; вотъ почему я невольно

долженъ ждать здѣсь до 27-го или до 28-го апрѣля. между тѣмъ подарки еще не пришли; а море (т. е. Байкалъ) тронулось: вотъ и вторая причина ожиданій: наконецъ третья въ томъ, что амбань Бэйсее безъ разрѣшенія изъ Пекина не можетъ пропустить уполномоченнаго; но этого отвѣта я ожидать не буду, уѣду, какъ получу извѣстія отъ Перовскаго.

Я пишу Буссе, чтобъ онъ спѣшилъ плыть къ своему мѣсту, и прошу тебя отправить всѣхъ, кто меня ожидаетъ, объявивши, что время отплытія моего еще не назначено. Если пароходъ еще не ушелъ въ Стрѣлку, то останови его: мы, конечно, поплывемъ съ большою водою, которую должно ожидать въ началѣ мая: осталась одна только надежда нагнать потерянное время плаваніемъ на пароходѣ, но разумѣется, что при немъ будутъ идти четыре моихъ катера. Посылаю тебѣ бумаги и письма къ Буссе, которому, по моему мнѣнію, не надо терять времени на Шилкѣ, а лучше поскорѣе осмотрѣть верхнія части своей области, а потомъ ждать меня въ Благовѣщенскѣ.[1]

Игнатьевъ очень милъ; надѣюсь, что изъ него выйдетъ хорошій толкъ въ Пекинѣ.»

«Вѣстей изъ Пекина все еще нѣтъ», продолжаетъ графъ Муравьевъ писать къ М. С. Карсакову изъ Кяхты же отъ 26-го апрѣля; «вѣроятно, останусь здѣсь до 2-го мая, а въ Срѣтенскѣ буду 8-го, чтобы отплыть 9-го на пароходѣ. Сплавляй и сплавляй все, что только можно, и не ждите меня нигдѣ, потому что поручиться нельзя ни за что въ отношеніи моего выѣзда, когда онъ зависитъ отъ Китайцевъ: но между тѣмъ я долженъ здѣсь ждать безвыѣздно съ часу на часъ, ибо извѣстія отъ Перовскаго могутъ имѣть такіе многоразличные результаты, что опредѣлительнаго ничего сдѣлать нельзя впередъ, а какъ только получатся извѣстія изъ Пекина, то должно немедленно по нимъ все сообразить и сдѣлать.»

[1] Н. В. Буссе былъ въ это время начальникомъ Амурской области.

LXV.

Выѣздъ графа Муравьева изъ Кяхты въ продолжительное путешествіе по Амуру.—Донесеніе его Великому Князю Константину Николаевичу и письмо М. С. Карсакову.—Разрѣшеніе Игнатьеву проѣзда въ Пекинъ.—Письма графа Муравьева къ Карсакову изъ де-Кастри и Хакодаде.—Графъ Муравьевъ въ заливѣ Посьета.—Извѣщеніе его оттуда М. С. Карсакова по поводу утвержденія нашихъ границъ.—Распоряженія его по этому случаю.—Продолженіе переселеній на Амуръ.—Письмо графа Муравьева къ М. С. Карсакову.—Недовольство Муравьева сплавами и ложными сообщеніями.—Письмо Кукеля къ М. С. Карсакову по этому поводу.

—

1859 г.

—

Графъ Н. Н. Муравьевъ все еще проживалъ въ Кяхтѣ и, наконецъ, 2-го мая выѣхалъ на Амуръ для исполненія Высочайше возложеннаго на него порученія, оставивъ въ Кяхтѣ генерала Игнатьева, и въ день выѣзда послалъ слѣдующее донесеніе Великому Князю Константину Николаевичу: «Милостивѣйшій рескриптъ Вашего Высочества изъ Палермо я имѣлъ счастіе получить только вчера и въ самое то время, когда располагалъ довести до свѣдѣнія Вашего о ходѣ здѣшнихъ дѣлъ передъ отъѣздомъ моимъ на Амуръ. Извѣстіе о скоромъ возвращеніи Вашего Высочества въ Россію и въ особенности желаніе Ваше посѣтить въ будущемъ 1860 году Амуръ несказанно меня обрадовали и ободрили. Долго откладывалъ я писать Вашему Высочеству, желая сообщить свѣдѣнія болѣе любопытныя и опредѣленныя, и могу, наконецъ, доложить, что теперешній курьеръ мой отправляется въ Петербургъ съ заключенною ратификаціею Тянь-Дзинскаго трактата: это важный шагъ въ дипломатическомъ отношеніи и можетъ способствовать къ утвержденію дальнѣйшихъ нашихъ переговоровъ и сношеній съ Китайскимъ правительствомъ. Но, къ сожалѣнію, неизвѣстность, въ

которой мы находимся о предпріятіяхъ другихъ Европейскихъ державъ на Китай, заставляетъ меня всякое окончательное сужденіе объ этомъ откладывать до посѣщенія Печелійскаго залива, гдѣ, вѣроятно, разрѣшатся въ нынѣшнемъ лѣтѣ многіе вопросы между Англіей и Китаемъ. Въ Пекинѣ назначенъ съ нашей стороны уполномоченнымъ, вмѣсто Перовскаго, генералъ-маіоръ Игнатьевъ, съ которымъ мы вмѣстѣ пріѣхали сюда изъ Иркутска. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: образованіе, способности, опытность и молодость Игнатьева служатъ ручательствомъ за успѣхъ возложеннаго на него дѣла, лишь бы только Китайцы опять не вздумали препятствовать проѣзду его въ Пекинъ. Отвѣтъ оттуда не можетъ быть полученъ ранѣе конца этого мѣсяца, а я долженъ немедленно отправиться на Амуръ, чтобъ успѣть своевременно отплыть изъ Николаевска съ эскадрою, которая тамъ приготовляется, въ Хакодаде къ Татарскимъ берегамъ въ Печелійскій заливъ, и опять возвратиться въ Японію для переговоровъ о Сахалинѣ.

Главнѣйшіе предметы этого плаванія моего будутъ: предъявить въ Хакодаде мое уполномочіе на переговоры; въ Суйфунскомъ заливѣ встрѣтить оберъ-квартирмейстера Будогосскаго, который пролагаетъ сухопутную границу между вершинами рѣки Уссури и моремъ; свезти карты новыхъ нашихъ границъ въ Печелійскій заливъ, гдѣ передать ихъ въ Пекинъ для утвержденія, чрезъ нашего уполномоченнаго. Изъ Печелійскаго залива я долженъ возвратиться для переговоровъ въ Японію, и отъ продолжительности оныхъ будетъ зависѣть, успѣю ли я возвратиться вверхъ по Амуру водою, и въ такомъ случаѣ могу быть обратно въ Иркутскѣ къ половинѣ октября, или долженъ буду ждать для возвращенія зимняго пути, а тогда отсутствіе мое можетъ продолжаться до половины ноября.

Эскадру, которая будетъ мнѣ сопутствовать въ этомъ плаваніи, я постараюсь собрать сколь возможно болѣе многочисленную, чтобъ Японцы и Китайцы могли видѣть и морскія наши силы: Англичанъ это не удивитъ, ибо они, конечно, знаютъ на перечетъ всѣ наши суда въ Восточномъ океанѣ; но если я узнаю, подходя къ Печелійскому заливу, что Европейскія эскадры тамъ и угрожаютъ Китайскимъ батареямъ бомбардированіемъ, то я не войду туда, чтобъ не возобновить передъ Китайцами мнѣнія о двуличности нашихъ дѣйствій, какъ было въ прошломъ году.

При ратификаціи Тянь-Дзинскаго трактата въ Пекинѣ 12-го апрѣля, Китайскіе уполномоченные поблагодарили Перовскаго за оружіе, которое имъ было обѣщано графомъ Путятинымъ, и наивно объявили, что теперь они опасаются взять его, чтобъ не отняли

Англичане, а что возьмутъ черезъ два или три года, когда окончатъ свои дѣла съ Англичанами.»

12-го мая графъ Н. Н. Муравьевъ былъ уже на Усть-Стрѣлкѣ. «Путешествіемъ своимъ я очень доволенъ и спутниками вообще», писалъ онъ М. С. Карсакову, «хотя и не сбылись нѣкоторыя мои ожиданія, но я часто бываю доволенъ, когда не сбываются иныя мои желанія, ибо разсудокъ беретъ верхъ, а это всегда пріятно.»

13-го мая пришло отъ Министерства Военныхъ Дѣлъ предписаніе, которымъ, по случаю размѣна ратификацій, генералу Игнатьеву разрѣшенъ проѣздъ въ Пекинъ, куда онъ и отправился.

Каковы бы ни были впослѣдствіи обстоятельства Китая, измѣнится ли существующій въ немъ порядокъ—для насъ всего необходимѣе было бы имѣть свидѣтельства юридическія на право обладанія тѣмъ, чѣмъ мы владѣли въ то время на самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ мая графъ Муравьевъ прибылъ въ Николаевскъ, а 4-го іюня былъ въ де-Кастри, откуда осматривалъ прибережье, лежащее между мысомъ Горнетъ (Муравьевъ назвалъ его Поворотный) и устьемъ р. Тюмень-Ула, составляющей границу Манджуріи съ Кореей. Все это пространство на 120 морскихъ миль Муравьевъ назвалъ заливомъ Петра Великаго.

«Наконецъ я въ морѣ», писалъ графъ Муравьевъ изъ де-Кастри отъ 4-го іюня М. С. Карсакову. «Но всѣ суда не успѣли нагрузиться углемъ, и потому я отправилъ передовыя въ Хакодаде и Суйфунъ: самъ же буду тамъ въ тѣ числа, какъ расчитано по маршруту. Въ Николаевскѣ я пробылъ $2^1/_2$ дня; былъ обѣдъ и балъ, послѣ котораго я тотчасъ уѣхалъ на транспортѣ «Манджуръ», на которомъ пришелъ сюда, и теперь иду въ Дую (на Сахалинѣ) грузиться углемъ. Инженерныя работы начаты только постройкою казармъ и съёмкою мѣстности. Не знаю, сплавляется ли у тебя скотъ для 1000 арестантовъ, которые плывутъ сюда въ нынѣшнюю навигацію, но сплавить необходимо, также и солонины, сколько приходится по расчету. Я увѣренъ, что ты имѣешь въ виду закупъ хлѣба при новомъ урожаѣ, но надобно его сколько можно болѣе какъ для казенныхъ магазиновъ, такъ и для пополненія сельскихъ. Вообще нынѣшнее мое плаваніе въ морѣ, кажется, не на радость; впрочемъ я, по свойству моему, не унываю; бьюсь, какъ рыба объ ледъ, а конецъ дѣло вѣнчаетъ—посмотримъ...»

Въ Хакодаде графъ Н. Н. Муравьевъ прибылъ 24-го іюня. «Пишу тебѣ отсюда передъ отплытіемъ въ Іеддо, послѣдній пунктъ моего продолжительнаго плаванія», извѣщалъ графъ М. С. Кар-

сакова. «Скучно, очень скучно: довольно, очень довольно: пора тебѣ занять мое мѣсто. Я былъ у нашихъ береговъ, былъ въ Кореѣ, былъ въ Печелійскомъ заливѣ; отправилъ Будогосскаго въ Пекинъ. Здѣсь я перехожу на фрегатъ «Аскольдъ» къ Унковскому, гдѣ и подниму свой флагъ, и въ Іеддо у меня соберется порядочная эскадра: конечно, это поможетъ окончить Сахалинскія дѣла, но боюсь медленности Японцевъ, и что придется очень поздно возвращаться въ Амуръ. Изъ Кабинета я получилъ какую-то глупость о каторжныхъ, которая впрочемъ освобождаетъ ихъ отъ крѣпостного состоянія—это уже шагъ впередъ. Посмотримъ, что̀ будетъ дальше по представленіямъ моимъ.

Военное Министерство хочетъ отнять у меня остатки свои; я пишу объ этомъ Сухозанету частно. Жду съ нетерпѣніемъ вѣстей изъ Россіи и Сибири, въ особенности о нашемъ урожаѣ.

Все повторяется теперь, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, когда я ходилъ въ Камчатку, съ тою только разницею, что тогда жена была со мною. Хотѣлъ бы я, какъ тогда, въ концѣ августа вернуться къ своимъ берегамъ, а въ сентябрѣ отплыть изъ Николаевска. А кажется, придется ожидать зимняго пути въ Благовѣщенскѣ и возвратиться въ Иркутскъ въ ноябрѣ.»

По прибытіи въ заливъ Посьета, составляющій южную оконечность залива Петра Великаго, графъ Муравьевъ нашелъ одну изъ лучшихъ въ свѣтѣ гаваней -Новгородскую. Тамъ онъ встрѣтилъ Будогосскаго, который проложилъ границу до Тюмень-Ула, на границѣ Кореи. Оставалось ожидать утвержденія этой границы въ Пекинѣ, куда должна была быть отправлена составленная Будогосскимъ карта, а описаніе къ нашему посланнику.

«Пользуюсь отправленіемъ въ Николаевскъ транспорта «Манджуръ», чтобы сообщить тебѣ о моемъ путешествіи», писалъ графъ Муравьевъ изъ залива Посьета отъ 25-го іюля. «2-го числа я вышелъ изъ Николаевска, 7-го изъ де-Кастри на пароходѣ «Америка», а 11-го пришелъ въ Хакодаде; эскадра вся отстала. Надо было ждать корветовъ въ Хакодаде; но это время не пропало: вошли въ сношенія съ Японскимъ правительствомъ, и я назначилъ, что 20-го числа приду въ Іеддо (столица Японіи). 15-го іюля вышелъ изъ Хакодаде и опять опередилъ всю эскадру въ бухтѣ Посьета, куда пришелъ 19-го, а 20-го соединился съ Будогосскимъ, который ждалъ меня три дня. Будогосскій — молодецъ: прекрасно исполнилъ свое трудное дѣло и во-время кончилъ.

Бухту Посьета мы отмежевываемъ себѣ и границу проводимъ до устьевъ Тюмень-Ула, которая составляетъ границу Кореи съ Китаемъ. Не хотѣлось бы захватывать лишняго, но оказывается

необходимо: въ бухтѣ Посьета есть такая прекрасная гавань, что Англичане непремѣнно бы ее захватили при первомъ разрывѣ съ Китаемъ.

Я увѣренъ, что убѣжденіе это подѣйствуетъ и въ Пекинѣ. При устьѣ рѣки Суй-Фуна, немного сѣверо-восточнѣе бухты Посьета, множество прекрасныхъ заливовъ. Вообще все это пространство морского берега, отъ Посьета до Поворотнаго мыса, верстъ на 200, изобилуетъ прекрасными заливами и гаванями, столь привлекательными для морской державы, что Англичане (еслибъ это оставалось Китайскимъ) все захватили бы, тѣмъ болѣе, что въ 1855 году они всѣ эти мѣста видѣли, описали и даже карты издали. Для насъ мѣстность эта представляетъ возможность учрежденія поселенія мореплавателей, къ чему и должно намъ стремиться; дѣло это я обдумаю въ пути, а между тѣмъ придумываю способъ усилить военно-сухопутныя средства Приморской области, гдѣ нужны руки для работъ и войска для защиты береговъ ея. На первый случай, въ навигацію будущаго года, я переведу сюда Енисейскій гарнизонный батальонъ; а въ 1862 году переведу сюда же и Иркутскій гарнизонный; батальоны эти переименуются въ 5-й и 6-й линейные батальоны Восточной Сибири.

Изъ Хакодаде я отправлюсь сегодня въ Печелійскій заливъ со всею эскадрою, впрочемъ немногочисленною: 3 корвета, 1 транспортъ «Японецъ» и пароходъ «Америка». Собственно на мое плаваніе не могу жаловаться: покуда оно довольно благополучно, только часто бѣсятъ меня моряки, которыхъ я и распекаю, а скоро начну мѣнять и командировъ. Плаваніе мое продолжится до сентября. 20-го сентября буду въ Николаевскѣ, слѣдовательно водою успѣю дойти только до Благовѣщенска, тамъ замерзну и 1-го ноября поѣду уже по льду; дней въ 15 могу быть въ Читѣ (1600 верстъ). Не сомнѣваюсь, что у тебя зимняя почта пойдетъ, какъ слѣдуетъ, до Амурской области, и что *новое* мое распоряженіе о томъ, чтобы легкая почта ходила каждыя двѣ недѣли, а тяжелая каждые два мѣсяца не встрѣтитъ препятствій и замедленія въ Забайкальской области. Я полагаю, что тебѣ лучше всего учредить такъ, чтобы почта эта ходила прямо изъ Читы до Благовѣщенска, а въ Нерчинскѣ принимала только постъ-пакетъ.

Побывавши въ Японіи, я соглашаюсь съ мнѣніемъ Путятина, что съ этимъ народомъ гораздо пріятнѣе имѣть сношенія, чѣмъ съ Китайцами: долженъ также отдать ему справедливость, что сношенія, начатыя имъ съ этимъ народомъ, оставили въ нихъ хорошее впечатлѣніе о Русскихъ: они насъ любятъ больше, чѣмъ

Американцевъ: но и здѣсь не понимаю страсти Путятина *учить!* Выучатся они всему и безъ насъ, особенно морскому дѣлу: а намъ бы лучше самимъ учиться, чѣмъ учить людей, которые скоро насъ перещеголяютъ.

Черезъ недѣлю буду въ Печелійскомъ заливѣ и отправлю Будогосскаго съ картами въ Пекинъ.»

«Наиболѣе слѣдовало ожидать затрудненій въ утвержденіи карты въ Пекинѣ, гдѣ Китайцы не имѣютъ понятія о нашихъ картахъ», пишетъ И. В. Шумахеръ. [1] «Съ другой же стороны представлялось необходимымъ составить эту карту новой границы и требовать ея утвержденія въ Пекинѣ, потому что 9-я статья Тянь-Дзинскаго трактата осталась невыполненною, а Айгунскій договоръ не былъ въ Петербургѣ внесенъ въ Высочайше ратификованный Тянь-Дзинскій трактатъ. По всему этому графъ Муравьевъ и снарядилъ экспедицію на Уссури.

Если бы въ Тянь-Дзинскомъ трактатѣ не было включено никакихъ статей, относящихся до Амура и границъ нашихъ, не возникло бы болѣе никакихъ вопросовъ по этому дѣлу, ибо, вслѣдствіе заключенія Айгунскаго договора, Богдыханъ указомъ своимъ увѣдомилъ графа Путятина, что по трактату, который 16-го мая 1858 года заключенъ на Амурѣ съ Русскими, границею между двумя государствами назначается р. Уссури до морскихъ портовъ; а въ то же время трактатъ уже приводился въ исполненіе на мѣстахъ по Амуру еще съ 1857 года, а по правому берегу Уссури съ 1858 года учреждались казачьи заселенія.

Графъ Муравьевъ, предусматривая всѣ затрудненія къ быстрому окончанію пограничной экспедиціи по Уссури, а въ особенности къ утвержденію пограничной карты въ Пекинѣ безъ особаго личнаго его содѣйствія и настоянія, рѣшился отправиться къ южнымъ гаванямъ въ Манджуріи, куда должна была выйти Уссурійская экспедиція, пролагая новую пограничную черту; а затѣмъ въ Печелійскій заливъ для того, чтобъ доставить кратчайшимъ путемъ въ Пекинъ къ посланнику нашему пограничную карту, которая должна была быть составлена экспедиціею во время самаго похода.

Отдѣлку карты полковникъ Будогосскій оканчивалъ во время плаванія въ Печелійскомъ заливѣ на пароходѣ «Америка», и 2-го іюля пароходъ этотъ, на которомъ графъ Муравьевъ имѣлъ свой флагъ, бросилъ якорь при устьѣ р. Пей-хо, подлѣ Американскаго пароходо-фрегата «Пагаттанъ». Но здѣсь получено было

[1] Русск. Арх. 1878 г., кн. III, стр. 306.

неожиданное извѣстіе, что Китайцы отразили нападеніе Англо-Французской экспедиціи и потопили нѣсколько канонирскихъ ея лодокъ. Хотя, по нѣкоторымъ соображеніямъ, событіе это и не должно было чрезмѣрно тревожить Русское посольство, но, зная хорошо Китайское правительство, можно было безошибочно предусмотрѣть, что, упоенное этимъ успѣхомъ, оно будетъ упорствовать противъ всѣхъ предложеній нашего посланника въ Пекинѣ, какъ бы справедливы и малозначащи онѣ ни были.

Соображая, что послѣ пораженія многочисленной Англо-Французской экспедиціи, имѣвшей въ Печелійскомъ заливѣ до 20 судовъ, въ числѣ коихъ нѣсколько фрегатовъ, присутствіе тамъ нашей маленькой эскадры не произвело бы никакого впечатлѣнія на Китайцевъ, графъ Муравьевъ предпочелъ не вводить туда этой эскадры и оставилъ ее на сборномъ пунктѣ, при входѣ въ Печелійскій заливъ, въ бухтѣ Вей-хай-вей и имѣлъ съ собою только пароходъ «Америка» и клиперъ «Джигитъ». Во время стоянки въ Печелійскомъ заливѣ онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Американскимъ посланникомъ г. Уардомъ, и сношенія ихъ были самыя предупредительныя и дружескія. Уардъ предоставлялъ намъ нѣсколько разъ маленькій пароходъ, при немъ бывшій, для входа въ р. Бейтанъ, куда «Америка», по мелководью, проникнуть не могла; а графъ Муравьевъ снесся съ Игнатьевымъ объ оказаніи Уарду всевозможнаго содѣйствія и предоставилъ Американскому командиру отправить на клиперъ «Джигитъ» депеши въ Шанхай съ своимъ адъютантомъ. Затѣмъ графъ Муравьевъ отправился прямо въ Хакодаде.

Тѣмъ не менѣе графъ Муравьевъ вошелъ въ сношеніе съ мѣстными Китайскими властями объ отправленіи въ Пекинъ къ Игнатьеву полковника Будогосскаго: онъ прибылъ въ Пекинъ 12-го іюля, не испытавъ тѣхъ препятствій и стѣсненій, которымъ подвергался на этомъ же пути и въ то же время Американскій посланникъ.»

Переселеніе же на Амуръ шло своимъ порядкомъ: такъ, въ этомъ году прибыли переселенцы-крестьяне. 240 душъ обоего пола, и образовали четыре селенія, изъ которыхъ въ Новоастраханскомъ поселились Молокане, прибывшіе изъ Таврической губерніи. Въ Приморскую область прибыло 50 д. переселенцевъ. Въ Амурской области продолжалось переселеніе казаковъ изъ Забайкалья, и основано вновь 11 станицъ. Въ казачьихъ станицахъ открыто 8 школъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ чувствовался по всему Амуру, а въ особенности онъ ощутителенъ былъ въ Амурскомъ казачьемъ пѣшемъ батальонѣ. Все населеніе Амурской области состояло изъ 8.572 душъ обоего пола.

Между тѣмъ графъ Муравьевъ продолжалъ свое путешествіе, зорко слѣдя за внутреннимъ управленіемъ своего края, и если замѣчалъ какое-либо упущеніе, то тотчасъ писалъ о томъ, до кого это касалось. Недовольный распоряженіями, дѣлавшимися въ Забайкальской области, онъ со станицы Купріяновой пишетъ Карсакову отъ 18-го октября слѣдующее: «Не стану ничего писать тебѣ о сплавахъ нынѣшняго года и о статьяхъ Завалишина, [1] ибо и то и другое принадлежитъ исключительно чинамъ управленія въ Забайкальской области, которые умѣютъ обо всемъ судить и рядить, а исполнять только на бумагѣ. Скотъ въ Николаевскъ не дошелъ, но не по милости ссыльныхъ, какъ это будутъ утверждать Читинцы словесно и письменно, а по милости Читинскихъ распоряженій. Скотъ, слѣдующій въ Хабаровку, теперь въ станицѣ Купріяновой, идетъ сухопутно также не по милости ссыльныхъ, а я уже не знаю, по чьей милости; а съ нимъ и лошади для переселенныхъ казаковъ; и если все это дойдетъ до мѣста, то единственно по милости *зауряд-хорунжаго Плотникова*. Продовольствіе до Хабаровки доходитъ только по милости Буссе, который отправилъ изъ своихъ запасовъ, но до него не дошло, что̀ ему было необходимо,— по чьей милости, тоже не знаю; но кажется, лѣто было довольно длинно и вода въ Амурѣ не малая.

Я не претендую на Завалишина за его статьи, но за то, что онъ сбилъ съ толку всю Читу; удивляюсь, какъ ты могъ это потерпѣть и не наставить своихъ protégés на путь истинный. Впрочемъ теперь все это совершилось безвозвратно: а исправлять тебѣ придется все это изъ Иркутска за моимъ отсутствіемъ; я полагаю, что, какъ благородный человѣкъ, ты не будешь отъ этого отказываться; всякому свойственно ошибиться, но не простительно отказываться исправлять свои ошибки.

Переселеніе казаковъ въ будущемъ лѣтѣ назначается только для укомплектованія *одного* Амурскаго батальона и въ конницѣ Амурской бригады; въ Уссурійскій же батальонъ ничего не пойдетъ: тамъ и въ нынѣшнемъ году остались безъ всего, даже безъ собственнаго хлѣба; хорошо еще, что мы нашли способъ ихъ прокормить запасами Хабаровскими и съ барокъ, которыя

[1] Дмитрій Иринарховичъ былъ первоначально на службѣ въ Кронштадтѣ. Его сослали въ одинъ годъ съ декабристами, къ которымъ онъ себя причислилъ, но они его чуждались и съ нимъ не водились. (См. записки барона Розена, статьи П. Н. Свистунова, А. П. Бѣляева и др.) При генералъ-губернаторѣ Рупертѣ онъ не сдерживался, но Муравьевъ хотѣлъ обуздать его и отстранилъ отъ вмѣшательства въ дѣла Забайкальской администраціи, и онъ сталъ въ партіи противниковъ: кричалъ, писалъ и доносилъ. (Примѣч. П. В. Шумахера.)

стали на мель ниже Хабаровки. Порядочно дошли сплавы только: Кукеля, [1] Гвоздева [2] и Клейменова: [3] но у васъ въ Читѣ адъютантовъ моихъ не любятъ: оно, пожалуй, и простительно, но не тогда, когда идетъ дѣло о снабженіи людей продовольствіемъ. Поблагодари своихъ Читинскихъ сотрудниковъ за исправную очистку номеровъ и проч. и пр.

Повторяю: благородный человѣкъ долженъ поправлять свои ошибки: а потому вооружись терпѣніемъ и приготовься въ будущемъ году самостоятельно все исправить, а если нужно, то и обвинить меня.»

Ясно, что графъ Муравьевъ былъ крайне недоволенъ и сплавами, и Читинскою администраціею, но еще болѣе ложными сообщеніями Д. П. Завалишина и другихъ, которые не переставали печатать въ газетахъ, журналахъ и даже Колоколѣ (Искандера) возмутительныя небылицы, касающіяся до управленія графа Муравьева. «Читали вы новую статью Завалишина въ іюньской книгѣ Морского Сборника?» — писалъ Б. Кукель М. С. Карсакову; «она до того рѣзко написана и такъ лично задѣваетъ Николая Николаевича (графа Муравьева), что, мнѣ кажется, ее такъ оставить нельзя. Каждое, особенно такое громадное, дѣло, какъ Амурское, имѣетъ свои ошибки, свои недостатки, но несомнѣнно и хорошія стороны. За что же этотъ господинъ такъ страшно преувеличиваетъ первыя и совершенно игнорируетъ послѣднія? Онъ оставляетъ всю суть дѣла, всю важность его и лично оскорбляетъ Николая Николаевича, человѣка, который принесъ въ жертву этому дѣлу самого себя, душу свою въ него вложилъ, лишь бы дать дѣлу направленіе своихъ убѣжденій, честныхъ, рыцарскихъ, гуманныхъ. Странно, что подобная статья могла быть допущена въ оффиціальномъ журналѣ. Страшное зло эти либералы, когда въ нихъ черная душа. Переселеніе казаковъ на Амуръ называетъ вынужденнымъ переселеніемъ съ Аракчеевскими пріемами и т. д. По моему», продолжаетъ Б. Кукель, «всѣ эти господа, которые такъ кричать противъ Николая Николаевича и его управленія, раздѣляются на три разряда: *во первыхъ* — это здѣшнее купечество, мѣстные Сибиряки, люди, которые ничему и никому не довѣряютъ. Имъ по-сердцу прежній порядокъ, когда они, давъ взятку, пріобрѣтали незаконное, получали значеніе и силу между своими: все гнулось передъ ними: и пріобрѣ-

[1] Кукель 2-й, братъ начальника штаба.

[2] Капитанъ, состоявшій при штабѣ генералъ-губернатора.

[3] Сотникъ, состоявшій также при штабѣ.

талось это значеніе не образованіемъ, не честнымъ трудомъ, а просто за наличныя деньги. *Во вторыхъ*—это прежніе чиновники, которые завидуютъ намъ, жалѣютъ прежній порядокъ, приносившій имъ деньги; теперь они боятся взять взятку, а другіе боятся имъ дать. Эти господа всегда дѣйствуютъ изъ-за угла, но, къ счастію, ихъ не такъ много. Наконецъ, *третьи*—это господа, которые, прикрываясь либеральнымъ направленіемъ, хотѣли бы пріобрѣсти весьма нелиберальное вліяніе на ходъ дѣла. Они казнятъ все и вся, но сами первые враги всему порядочному и честному. Такихъ, къ счастію, не очень много, но за то это самые отвратительные люди, потому что прежде всего они лицемѣры.» [1]

[1] Изъ архива князя М. С. Волконскаго.

LXVI.

Письмо графа Муравьева къ М. С. Карсакову изъ Благовѣщенска.— Пріѣздъ Бютнева изъ Петербурга.— Нравственное состояніе Муравьева.— Письмо Кукеля къ М. С. Карсакову по этому поводу.— Распоряженія графа Муравьева, сдѣланныя вслѣдствіе ложныхъ толкованій Китайцами Айгунскаго договора.— Послѣдствіе обозрѣній графомъ Муравьевымъ южныхъ портовъ Манджуріи.— Письмо его къ М. С. Карсакову.— Положеніе дѣлъ въ Китаѣ.— Письмо Кукеля къ М. С. Карсакову.— Мѣры, предпринятыя графомъ Муравьевымъ на случай войны Англіи и Франціи съ Китаемъ.— Письмо графа Муравьева къ М. С. Карсакову.— Выѣздъ его въ Иркутскъ и письмо къ М. С. Карсакову изъ Благовѣщенска.

—

1859 г.

—

Графъ Н. Н. Муравьевъ, на пути своемъ изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, испытывалъ самое тяжелое состояніе духа при видѣ всѣхъ бѣдствій послѣдняго сплава, о чемъ онъ извѣщаетъ М. С. Карсакова слѣдующимъ письмомъ изъ Благовѣщенска, отъ 30-го октября: «Вѣроятно, ты недоволенъ письмомъ моимъ изъ станицы Купріяновой: но я увѣренъ, что, по свойственной тебѣ справедливости, будешь огорченъ еще болѣе меня, когда узнаешь о всѣхъ бѣдствіяхъ нынѣшняго сплава: каково же мнѣ, который всѣ эти бѣдствія встрѣтилъ и плылъ изъ Николаевска, въ которомъ и эскадра и войско остались на всю зиму безъ свѣжаго мяса? Я уже не говорю о недостаткѣ рабочихъ на укрѣпленіяхъ и о томъ, что дорогой и необходимый инструментъ для инженерныхъ работъ замерзъ около Кумары, тогда какъ онъ еще въ августѣ былъ отправленъ изъ Читы, но потерялъ драгоцѣнное время въ Бянкинѣ и Срѣтенскѣ. Слава Богу, что послѣднихъ каторжныхъ остановили въ окрестностяхъ Благовѣщенска, и что въ жильѣ они не перемрутъ безъ одежды, которая также никуда

не поспѣла; наконецъ, мука и соль находятся въ такомъ же положеніи, т. е. вездѣ замерзли по Амуру, гдѣ имъ быть не слѣдуетъ, а куда слѣдовало — не достигли.

Ты самъ помнишь, что въ 1854 и въ 1855 годахъ мы съ баржами и плотами прослѣдовали въ одинъ мѣсяцъ изъ Шилкинскаго завода въ Маріинскъ, и что въ слѣдующіе годы мы обвиняли тѣхъ, которые проходили это пространство два мѣсяца. Впрочемъ, повторяю — прошедшаго не воротишь; поговоримъ о будущемъ.

Для всего сплава на Амуръ назначается въ 1860 году Енисейскій гарнизонный баталіонъ и 500 человѣкъ каторжныхъ; сверхъ того переселяются туда же остальные казаки въ конную бригаду и въ Амурскій батальонъ; въ Уссурійскій же ни одного семейства. Главнѣйшій секретъ успѣха казенныхъ сплавовъ — чтобы они выходили вслѣдъ за льдами, и чтобъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, то есть въ концѣ мая, не было на Шилкѣ ни одного плота, ни одной баржи; второй секретъ — чтобы сплавы отправляли и вели люди опытные и во всякомъ уже случаѣ добросовѣстные, и чтобъ какому-нибудь Стерлигову, который только-что прибылъ изъ Россіи, не поручалось вдругъ 90 паромовъ со скотомъ! съ этимъ бы не справились даже и ты самъ, и всѣ наилучшіе сплавщики. Весьма похвально назначеніе Тимрота [1] главнымъ отправителемъ сплавовъ, и прошу *особенно* ничего не поручать *твоимъ мытнымъ казачьимъ начальствамъ и*, напротивъ, *убѣдительно* прошу назначить въ сплавы твоихъ зауредовъ и, хотя бы за дорогую цѣну, нанять хорошихъ кормщиковъ изъ людей, уже плававшихъ по Амуру. Всѣ мои адъютанты и чиновники порученій къ твоимъ услугамъ; всѣ они — люди съ самолюбіемъ и чувствомъ долга своего и чести; не должно ихъ обѣгать потому только, что они не становятся въ струнку и, какъ говорятъ, избалованы мною. Въ Камчаткѣ онъ, пожалуй, и развалится въ креслѣ, по свѣтскимъ обычаямъ, но при сплавѣ на баржѣ и плотахъ никто изъ нихъ не развалится, а всякій вылѣзетъ изъ кожи, чтобы исполнить свою обязанность.

Мнѣ, конечно, остается сказать тебѣ только въ общихъ чертахъ мое мнѣніе о сплавѣ будущаго года, потому что съ начала января мѣсяца ты самъ сядешь въ предсѣдательское кресло Главнаго Управленія, а я — или вовсе не вернусь изъ Петербурга, или вернусь черезъ годъ; и въ этихъ предположеніяхъ моихъ едва-ли можно видѣть одинъ капризъ или желаніе

[1] Перешедшій въ Забайкалье изъ Семеновскаго полка.

развлеченія. Стóитъ только послушать, какъ я кашляю постоянно. чтобъ позволить мнѣ полѣчиться въ тепломъ климатѣ.

Поспѣшить временемъ моего отъѣзда я не могу и за льдами, и за объясненіями съ Манджурами, о которыхъ пишетъ Игнатьевъ. Дзянь-Дзюна въ Айгунѣ увидимъ. Я не могу выѣхать и изъ Иркутска ранѣе полученія отвѣта изъ Петербурга на депеши, съ Бютцевымъ посланныя, а въ особенности не получивши извѣстія о назначеніи Венцеля (сенаторомъ), чтобъ тебѣ сдать предсѣдательствованіе.»

Въ объясненіе первой части этого письма, относительно сѣтованій Муравьева по поводу совершившагося сплава, нужно замѣтить, что самъ Муравьевъ не могъ лично руководить сплавомъ, такъ какъ находился внѣ предѣловъ Россіи, въ Японіи. Карсаковъ же не успѣлъ прибыть во-время на мѣсто сплава; результаты, какъ мы видимъ, получились печальные, чтó ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ хороши были Забайкальскія распоряженія за отсутствіемъ Муравьева!

Къ довершенію нравственнаго разстройства Николая Николаевича послужили непріятныя сообщенія Бютцева, пріѣхавшаго изъ Петербурга, котораго онъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Въ письмѣ Кукеля къ М. С. Карсакову отъ 12-го ноября читаемъ слѣдующее: «Не порадовалъ насъ пріѣздъ Бютцева. Николай Николаевичъ боленъ, раздраженъ неудачами, которыя онъ слишкомъ близко къ сердцу принимаетъ. Ко всему этому присоединились клеветы Завалишина, которыя также подѣйствовали на него сильнѣе, чѣмъ онѣ того стóятъ, какъ всякіе пасквили! Письма Николая Николаевича къ Венцелю и ко мнѣ исполнены горечи, излившейся подъ вліяніемъ тягостныхъ впечатлѣній. Онъ какъ будто палъ духомъ, говоритъ, что старъ, что пора ему отдохнуть и проч. А главное, онъ собирается уѣхать за границу, и надолго. Все это заставляетъ думать, что онъ готовъ оставить совсѣмъ Сибирь подъ гнетомъ усталости физической и моральной. Одни вы можете ободрить Николая Николаевича; успокойте его, убѣдите смотрѣть хладнокровнѣе на мерзости человѣческія; что касается неудачъ и промаховъ, то, слава Богу, они не непоправимы! Неужели онъ думаетъ, что нѣтъ людей, преданныхъ дѣлу и способныхъ на что-нибудь? Пусть посылаетъ всѣхъ, кто только можетъ работать—я первый пойду на какую угодно работу, лишь бы достигнуть успѣха въ его стремленіяхъ. Теперь дѣло именно въ такомъ кризисѣ, что для окончанія его нужны его энергія, его имя. Вы не повѣрите, какую грусть навели на меня разсказы Бютцева о болѣзни и нравственномъ состояніи этого рѣдкаго человѣка, который изъ

всѣхъ силъ бьется, чтобъ достигнуть всего лучшаго, и въ благодарность находятся люди, благодаря которымъ онъ теряетъ то послѣднее здоровье, которое еще осталось, и убиваетъ въ себѣ невольно энергію... Сегодня снова говоръ по городу. Почта привезла послѣдній № журнала «Вѣстникъ Промышленности», въ которомъ — статья Завалишина. Та же пѣсня, то же изложеніе, тѣ же предметы, чуть не тѣ же фразы. Но самая злостная и лживая выходка — это заглавіе: «*Амуръ, или тотъ бываетъ всегда обманутъ, кто самъ обманываетъ.*» Николаю Николаевичу я не писалъ объ этомъ: зачѣмъ подымать желчь? ему, бѣдному, и такъ не легко. Бѣда, если онъ уйдетъ отъ насъ. Здѣсь не возмешь ни честнымъ трудомъ, ни человѣческими побужденіями; здѣсь можно служить только, упираясь на поддержку энергическую, которая силою воли удерживаетъ всю здѣшнюю мерзость. Что же съ нами будетъ безъ этой крѣпкой воли Николая Николаевича!?»

За это пребываніе свое въ Благовѣщенскѣ, графъ Н. Н. Муравьевъ, вслѣдствіе ложныхъ толкованій Китайцами Амурскаго договора, вынужденъ былъ силою обстоятельствъ, послать казачью сотню объявлять сущность Айгунскаго трактата во всѣ Манджурскія селенія, оставленныя по этому трактату на лѣвомъ берегу Амура, чтобы жители ихъ знали, что живутъ на Русской землѣ и подъ нашимъ покровительствомъ.

Затѣмъ, при неоднократныхъ переговорахъ графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ же съ Айгунскимъ амбанемъ, который старался вызвать его на нѣкоторыя уступки въ отношеніи границы по р. Уссури, объявлено амбаню, что противъ заключеннаго въ Айгунѣ трактата никакихъ уступокъ и измѣненій дѣлать не будемъ, и что всякое нарушеніе этого трактата съ ихъ стороны прерветъ дружественныя наши отношенія, двѣсти лѣтъ существовавшія. По всей Амурской и Уссурійской границѣ показана была Манджурамъ военная готовность наша отразить силу силою, и все пришло въ обычный порядокъ, несмотря на значительныя военныя приготовленія, которыя дѣлалъ еще весною Айгунскій амбань, какъ послѣ оказалось, опасаясь нашего наступательнаго движенія.

Для окончательнаго приведенія въ исполненіе Айгунскаго договора и вслѣдствіе обозрѣнія графомъ Муравьевымъ южныхъ портовъ Манджуріи, имъ признано полезнымъ занять военными постами двѣ лучшія гавани въ заливѣ Петра Великаго, а именно Владивостокъ и Новгородскую. Устройствомъ постовъ въ этихъ гаваняхъ окончилось занятіе всѣхъ пунктовъ новой нашей границы отъ Уссури, а населеніе казаковъ на этой рѣкѣ выражало достаточное ручательство для охраненія границы.

«Вмѣсто военныхъ дѣйствій противъ Китая, я дѣлаю демонстрацію теперешнею остановкою моею здѣсь», писалъ графъ Муравьевъ изъ Благовѣщенска М. С. Карсакову отъ 15-го ноября; «это ихъ ужасно пугаетъ, и вѣстники поѣхали уже въ Пекинъ. Не поможетъ ли это Н. П. Игнатьеву, а воевать намъ не приходится. Казакевича я было вызвалъ въ Иркутскъ съ цѣлью, чтобы онъ ѣхалъ въ Петербургъ; но теперь опять прошу его остаться въ Николаевскѣ, съ чѣмъ и посылаю къ нему Кукеля 2-го, ибо вся эскадра должна опять идти со вскрытіемъ льдовъ на югъ и подъ его начальствомъ, а безъ него кто же снарядитъ? Выйдетъ такая же каша, какъ безъ тебя въ Забайкальѣ.

Пожалуйста, не сѣтуй на меня; если бы ты самъ встрѣтилъ по Амуру въ октябрѣ, что̀ я тамъ встрѣтилъ, то, конечно, разсердился бы еще болѣе меня на все Забайкалье; и дѣйствительно надо сказать, что, кромѣ тебя и безъ тебя, они ни о чемъ тамъ не думаютъ, кромѣ какъ о себѣ.

Мнѣ надо выждать здѣсь еще недѣли двѣ, чтобы Манджуры убѣдились въ томъ, что я приготовляюсь къ войнѣ, и тогда уже пуститься въ обратный путь; мы здѣсь и по всей линіи учимся, маневрируемъ и стрѣляемъ, но пороху очень мало. Я не думаю трогать дрянныхъ твоихъ казачковъ, которые все только пищатъ, а хлѣба не сѣютъ: они тогда только пригодятся въ люди, когда мы ихъ на половину разбавимъ Русскими людьми; вездѣ, и здѣсь на Амурѣ, эти штрафные—молодцы: спасибо за нихъ Сухозанету: это просто учители для казаковъ, даже лодки строить, рыбу ловить и баржи съ мели снимать.

Благовѣщенскъ процвѣтаетъ; но что̀ дѣлается теперь въ Николаевскѣ безъ скота, право, вспомнить страшно. Почтовыхъ же лошадей изъ 100 дошло до Семеновской станицы только 36 въ самомъ отчаянномъ видѣ къ ноябрю: были всѣ дикія, а теперь падаль. Я долженъ приказать продать ихъ тамъ же казакамъ по 7-ми и 10-ти руб. за лошадь, а до Хабаровки по снѣгу онѣ бы и всѣ подохли. Ты понимаешь, каково у меня на душѣ.»

Положеніе дѣлъ въ Китаѣ и медленный ходъ переговоровъ Игнатьева въ Пекинѣ понудили Министерство Иностранныхъ Дѣлъ прислать особую инструкцію графу Муравьеву. При этомъ Государь приказалъ генералу Игнатьеву оставаться въ Пекинѣ, а графу Амурскому имѣть неослабное наблюденіе за тѣмъ, чтобы, на случай какихъ-либо крайнихъ или непредвидимыхъ обстоятельствъ, одно изъ судовъ было въ распоряженіи его у устьевъ Пей-хо.

«Наконецъ дождались мы курьера изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ—Хитрово», извѣщалъ Б. К. Кукель М. С. Карса-

кова отъ 17-го ноября: «онъ ѣдетъ на встрѣчу Николаю Николаевичу, согласно желанію Ковалевскаго, и везетъ депеши Игнатьеву, чтобъ Николай Николаевичъ могъ ихъ дополнить своими соображеніями и указаніями, и тогда уже пошлетъ курьера въ Пекинъ прямо отъ себя. А между тѣмъ я далъ знать объ этомъ Кяхтинскому градоначальнику, который войдетъ въ обычное сношеніе съ Ургинскими правителями объ отправленіи курьера.

Слава Богу. Хитрово порадуетъ, наконецъ, Николая Николаевича хорошими извѣстіями, ибо главная сущность инструкціи, Высочайше утвержденной, есть слѣдующая: «Если вы убѣдитесь «изъ дальнѣйшихъ донесеній нашего полномочнаго въ Пекинѣ, «что Китайцы никакъ не соглашаются на проведеніе границъ, «указанныхъ Богдыханомъ въ повелѣніи, сообщенномъ графу «Путятину въ Тянь-Дзинѣ Китайскими полномочными, то ваше «сіятельство приступите къ фактическому занятію этихъ границъ «нашими войсками—праваго берега Уссури, а судами—портовъ «Манджуріи, коль скоро время года и мѣстныя соображенія до«пустятъ. Послѣ того, какъ правительство Богдыхана, въ про«тивность трактату, не выслало на мѣсто разграниченія своихъ «коммиссаровъ и отказалось вступить въ переговоры по сему «предмету съ генераломъ Игнатьевымъ, такое занятіе дѣлается «уже неизбѣжнымъ послѣдствіемъ упорства и неисполненія при«нятыхъ на себя обязательствъ Пекинскимъ Кабинетомъ.»—Далѣе еще въ инструкціи сказано: «Держаться строгаго нейтралитета во «время непріязненныхъ дѣйствій Французовъ и Англичанъ съ «Китайцами; а потому не предпринимать никакихъ наступатель«ныхъ движеній и ограждать только собственные интересы.» Надо вамъ сказать, что въ 1-мъ пунктѣ инструкціи, кромѣ вышеприведеннаго разрѣшенія дѣйствовать рѣшительно, заключается поясненіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изобличающее ихъ трусость, непониманіе дѣла и непослѣдовательность. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что воля Государя была прямая—развязать руки Муравьеву-Амурскому, предоставить ему дѣлать дѣло, какъ знаетъ. 7-го сентября пріѣхалъ Мартыновъ. Сейчасъ же былъ назначенъ Комитетъ, который, по собственному ли разумѣнію, или по волѣ Царя, положилъ дѣйствовать рѣшительно, и съ этимъ заключеніемъ немедленно былъ посланъ фельдъегерь. Но въ догонку ему дано знать, что вслѣдъ за нимъ будетъ высланъ другой курьеръ. Дѣйствительно, инструкція была тотчасъ же изготовлена, но Государь уѣхалъ, и министерство сейчасъ же затормозило дѣло. Горчаковъ сталъ хлопотать о разъясненіи Муравьеву дѣла. Вотъ и разъяснили, что нужно границу вести

прямо къ морю, а не уклоняться къ югу, чтобы занять Посьетовскую гавань; но, имѣя въ виду волю Государя, тутъ же прибавляютъ, что, въ случаѣ крайности, можно уклониться и на Суй-фунъ; а въ заключеніе дѣлаютъ предостереженіе касательно поддержки нашихъ войскъ на Уссури флотиліею съ моря?! Въ такомъ-то видѣ изготовили инструкцію, но и ту не рѣшились еще послать. 7-го октября уѣхалъ Горчаковъ въ Варшаву съ намѣреніемъ еще доложить это дѣло Государю, оставивши приказаніе тогда только отослать инструкцію Николаю Николаевичу, когда онъ прикажетъ изъ Варшавы, и только 13-го октября послѣдовало по телеграфу это приказаніе. Во всякомъ случаѣ, слава Богу, что Николай Николаевичъ имѣетъ въ рукахъ своихъ основанія для рѣшительныхъ дѣйствій, по собственному усмотрѣнію. Ждемъ теперь съ нетерпѣніемъ его возвращенія; какія-то онъ сдѣлаетъ распоряженія касательно Уссури? Хитрово разскажетъ вамъ о Петербургскихъ меценатахъ. Все тамъ по прежнему, ни шагу къ лучшему. По дѣламъ Сибирскимъ боятся пріѣзда Николая Николаевича, какъ огня, но ждутъ зимою. Враги его симпатизируютъ статьямъ Завалишина, а понимающіе дѣло честно, безъ личностей, даютъ имъ настоящую цѣну. Со всѣмъ тѣмъ всеобщее убѣжденіе, что Николай Николаевичъ долженъ вернуться въ Сибирь съ новыми правами и полномочіями.»

Между тѣмъ значительныя приготовленія, дѣлаемыя въ Англіи и Франціи къ новой войнѣ съ Китаемъ, поставляли и насъ въ необходимость имѣть въ готовности всѣ суда Амурской флотиліи къ выступленію въ море немедленно по вскрытіи льда въ лиманѣ, подъ личнымъ начальствомъ контръ-адмирала Казакевича. Эскадрѣ этой графъ Муравьевъ велѣлъ занять и укрѣпить два пункта для небольшихъ командъ въ гаваняхъ Новгородской и Владивостокѣ въ заливѣ Петра Великаго, крейсеровать около него и описать всѣ берега его отъ границы Кореи съ юга до бухты «Ольга» къ сѣверу, со всевозможною точностію и подробностію. По всей Амурской и Уссурійской линіи графъ Муравьевъ предписалъ быть регулярнымъ войскамъ и казакамъ въ военной готовности и построить двѣ канонирскія лодки. Всѣ военныя приготовленія дѣлались не скрытно, а напротивъ открыто, въ виду Китайцевъ и Манджуровъ.

Въ Айгунѣ опасались военныхъ дѣйствій съ нашей стороны и объясняли враждебно пребываніе графа Муравьева въ Благовѣщенскѣ. Тэ-пу-цынъ уѣхалъ въ Цицикоръ, чтобъ сообщить о своихъ опасеніяхъ въ Пекинъ. Графъ Муравьевъ находилъ полезнымъ дать замѣтить Китайскому правительству, что Тэ-пу-цыну

легко поссорить оба государства своими ложными донесеніями Богдыхану и безконечными отступленіями отъ исполненія трактата. Онъ считалъ полезнымъ, чтобы Тэ-пу-цына смѣнили и не возвращали въ Гиринъ, о чемъ сообщилъ генералу Игнатьеву.

Генералъ Игнатьевъ, со времени прекращенія съ его стороны переговоровъ съ Китайскими полномочными, вслѣдствіе невозможности соглашенія по вопросу о границахъ, не имѣлъ никакихъ сношеній съ Пекинскимъ Кабинетомъ, не видѣлъ исхода бездѣйственному положенію, въ которомъ находился, и считалъ необходимостью принятіе нашимъ правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ. Онъ указывалъ на вредное для насъ въ этомъ дѣлѣ вліяніе Англіи, когда представитель ея будетъ находиться въ Пекинѣ; и предлагалъ два средства для удовлетворительнаго окончанія разграниченія, а именно: ждать въ Пекинѣ исхода войны съ Англо-Французами и воспользоваться пораженіемъ Китайцевъ для склоненія ихъ къ уступкамъ; или же, сдѣлавъ послѣднее предложеніе Китайскому правительству о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата, оставить, въ случаѣ отказа, Пекинъ и перенести переговоры на Амуръ, подкрѣпляя наши домогательства понудительными мѣрами и движеніемъ войскъ на границахъ.

Графъ Муравьевъ предлагалъ согласиться по Китайскимъ дѣламъ съ Европейскими державами, снабдить генерала Игнатьева инструкціями на случай возможнаго посредничества съ его стороны въ Китайскихъ дѣлахъ и предписать ему выѣхать изъ Пекина вмѣстѣ съ Китайскими уполномоченными на мѣсто, гдѣ будутъ ведены переговоры между Китайцами и Англо-Французами, если послѣдніе откажутся отъ занятія Пекина.

Въ случаѣ же паденія Манджурской династіи, властвующей въ Китаѣ, принять рѣшительныя мѣры къ огражденію сосѣднихъ намъ Монголіи и Манджуріи отъ вліянія новаго Китайскаго правленія. Таковы были наши дѣла съ Китаемъ въ концѣ 1859 года.

«Морское Министерство жестоко съ нами поступило», продолжалъ писать графъ Муравьевъ изъ Благовѣщенска М. С. Карсакову отъ 12-го декабря: «не дождавшись нашей смѣты, не сосчитавши нашей флотиліи и ея потребностей, внесло въ государственную смѣту по прошлогоднему 430 т., а намъ нужно 873 т. Смѣту нашу мы отправили 5-го августа: проклятая почта везла ее вѣрно 40 дней, но все-таки къ 15 сентября она была въ Петербургѣ: что же за оказія утвердить въ нынѣшнемъ году смѣту въ началѣ октября, когда ежегодно утверждается въ декабрѣ? Впрочемъ перемѣнить было не трудно: надобно только передоложить Государю Императору: но если этого не сдѣлали и не

хотятъ сдѣлать, то графъ Амурскій поѣдетъ ловить сардинки къ берегамъ Бискайскаго залива.

Одна Восточная Сибирь даетъ, при новомъ откупѣ, лишнихъ 1.600.000. р. къ годъ. Какъ же не назначить хоть четвертой части этихъ Сибирскихъ денегъ на устройство флота и портовъ, чтобы предупредить занятіе ихъ Англичанами.»

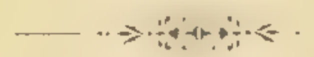
Затѣмъ, послѣ шестинедѣльнаго своего пребыванія въ Благовѣщенскѣ, графъ Н. Н. Муравьевъ сталъ уже собираться въ Иркутскъ, и за недѣлю до своего выѣзда вотъ что писалъ онъ М. С. Карсакову отъ 23-го ноября: «Постепенно отправляя всѣхъ моихъ спутниковъ, я наконецъ и самъ располагаю выѣхать отсюда черезъ недѣлю; довольно демонстрацій для Манджуръ; а между тѣмъ мнѣ необходимо быть и въ Иркутскѣ въ концѣ декабря, чтобъ выѣхать въ Петербургъ.

По всему вижу, что придется вернуться изъ Петербурга, и даже очень скоро, и скажу тебѣ, что мнѣ это такъ страшно, какъ никогда я ничего не боялся. Причиною этого возвращенія отнюдь не будутъ тѣ затрудненія, которыя встрѣчаетъ Игнатьевъ въ окончаніи пограничнаго вопроса, но тѣ послѣдствія, которыхъ мы должны ожидать отъ вторженія въ Китай Англо-Французовъ; и дѣйствительно, мы должны будемъ приготовиться къ маю мѣсяцу для движенія въ Манджурію и Монголію.

При этихъ обстоятельствахъ я весьма сожалѣю, что сплавъ не отданъ Лаврентьеву [1] по 50 коп. съ пуда; тогда бы я могъ располагать Енисейскимъ гарнизоннымъ батальономъ, который въ февралѣ долженъ перейти черезъ Байкалъ. Не знаю, какъ ты строишь теперь баржи для сплава: неужто опять нарядомъ? надѣюсь, что ты не стѣсняешься расходовать деньги на этотъ предметъ и нанимаешь вольныхъ рабочихъ, въ которыхъ не можетъ быть недостатка съ тѣхъ поръ, какъ ссыльные поселенцы пошли за Байкалъ.

Въ отношеніи переселенцевъ-казаковъ на Амуръ — мы можемъ ограничиться одними копными 230-ю семействами, и даже Амурскій баталіонъ комплектовать не нужно, если встрѣтится затрудненіе въ продовольствіи или въ другомъ чемъ-нибудь, благо заняты всѣ наши пограничныя линіи, а станицы можно усиливать постепенно. Про Уссурійскій батальонъ я тебѣ писалъ, что укомплектованіе его откладывается до 1861 года.

Всѣ распоряженія я сдѣлаю передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. До свиданія.»

[1] Подрядчикъ.

LXVII.

Пріѣздъ графа Муравьева въ Иркутскъ. — Пріемъ членовъ Совѣта Главнаго Управленія. — Общій пріемъ у графа Муравьева. — Распоряженія его по поводу Китайскихъ дѣлъ и выѣздъ его изъ Иркутска въ Петербургъ. — Письма графа Муравьева къ М. С. Корсакову изъ Красноярска и Омска. — Прибытіе графа Муравьева въ Петербургъ и представленіе его Государю. — Донесеніе его Государю съ приложеніемъ записки о раздѣленіи Восточной Сибири. — Письмо графа Муравьева къ М. С. Корсакову.

—

1860 г.

—

Иркутянамъ пришлось долго ждать графа Н. Н. Муравьева. По особымъ причинамъ онъ отсрочивалъ возвращеніе, отвергъ готовившійся ему особый праздникъ, а предпочелъ высидѣть въ Посольскѣ [1] и только поздно вечеромъ, 1-го января 1860 года, прибылъ въ Иркутскъ. На другой день графъ Муравьевъ принялъ лишь Совѣтъ Главнаго Управленія.

«Затѣмъ разнеслось въ оффиціальныхъ сферахъ,» пишетъ Б. А. Милютинъ, [2] «что будетъ назначенъ особый пріемъ, и въ томъ числѣ для вновь прибывшихъ. Такъ какъ я имѣлъ опредѣленное мѣсто, слѣдовательно принадлежалъ уже къ составу управленія, къ тому же предвидѣлъ, что мнѣ придется отдать отчетъ, какъ по слѣдствію, такъ и по другому дѣлу, произведенному за Байкаломъ, которое, по странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось направить совершенно не такъ, какъ предполагалъ графъ Муравьевъ, то я и предпочелъ, не дожидаясь общаго пріема,

[1] Пристань на Байкалѣ.

[2] Историч. Вѣстн. 1888 г., стр. 349.

пойти къ нему въ первый день, когда онъ будетъ принимать просителей. Я такъ и сдѣлалъ.

Когда я стоялъ въ пріемной комнатѣ, ожидая выхода Муравьева, я былъ взволнованъ до-нельзя. Стоялъ я третьимъ отъ двери. Народу была масса. Минута въ минуту дверь распахнулась, показался графъ Муравьевъ, окинувъ взоромъ всю залу, принялъ рапортъ отъ полиціймейстера, что-то ему сказалъ и затѣмъ, въ сопровожденіи незнакомаго мнѣ адъютанта, пошелъ по направленію ко мнѣ. Выслушалъ одного, другого; наконецъ, стоитъ передо мною. Я назвалъ свою фамилію. Я видѣлъ графа Муравьева еще бывши студентомъ, за 9 лѣтъ до этой оффиціальной встрѣчи.—«А, здравствуйте», произнесъ онъ, протягивая мнѣ руку. «Съ вами мнѣ нужно побесѣдовать. Останьтесь.»—И онъ перешелъ къ слѣдующему лицу. Какъ бы гора свалилась съ моихъ плечъ. Если будетъ бесѣда, то, чѣмъ бы она ни кончилась,.... она не такъ опасна.

Отпустивъ послѣдняго просителя, графъ Муравьевъ, направляясь къ двери, показалъ мнѣ рукой, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ. Пройдя одну узкую комнату, я очутился въ кабинетѣ. Графъ обернулся ко мнѣ.—«Вы, я слышалъ», началъ онъ, «не даромъ потеряли время. Поработали... Вѣдь, вы производили слѣдствіе?» [1]—«Точно такъ, ваше сіятельство.»—«Что же обнаружили?»—Я пояснилъ, сколько было можно, не вдаваясь въ излишнія подробности. Графъ прослушалъ внимательно, не прерывая. Когда я замолчалъ, онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза и положивъ руку на плечо, сказалъ: «я убѣжденъ, что дѣло вы вели такъ, что комаръ носа не подточитъ.»—«Во всякомъ случаѣ—по совѣсти, графъ.»—И аудіенція кончилась. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого пріема назначенъ былъ общій. О немъ толковали много. Эти пріемы происходили при каждой поѣздкѣ графа Муравьева и при каждомъ возвращеніи его въ Иркутскъ; графъ Муравьевъ умѣлъ придавать имъ жизнь и смыслъ. На этотъ разъ накопилось столько электричества въ воздухѣ, что всѣ инстинктивно чуяли грозу, но дѣйствительность превзошла всѣ ожиданія... Мнѣ живо вспоминается этотъ день», продолжаетъ свой разсказъ Б. Милютинъ; «собрались въ залѣ всѣ власти и служащіе въ городѣ, какъ военные, такъ и гражданскіе. Размѣстились всѣ вдоль справа и слѣва рядами, оставивъ середину свободной. Порядка въ размѣщеніи не было никакого, только къ одному мѣсту приказано

[1] По дѣлу головы Мейера, обвиняемаго въ растратѣ денегъ и жестокомъ обращеніи съ крестьянами.

было поставить вновь прибывшую молодежь. Въ сосѣдней комнатѣ собралось купеческое общество съ Хамиповымъ [1] во главѣ. Лица всѣхъ были обращены къ дверямъ кабинета. Изъ нихъ вышли сперва губернаторъ К. К. Венцель и начальникъ штаба Б. К. Кукель. На лицахъ ихъ нельзя было прочесть ничего, и они послѣ засвидѣтельствовали, что и не заподозрили графа Муравьева въ какихъ-либо намѣреніяхъ—настолько онъ былъ спокоенъ... Прочитавъ на лицахъ вышедшихъ совершенное спокойствіе, нѣкоторые также успокоились. Прошло минуть пять. Изъ кабинета не вышелъ, а какъ-бы вылетѣлъ графъ Муравьевъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ глубь залы, подобравъ саблю, графъ оперся на нее и, окинувъ всѣхъ присутствующихъ не гнѣвнымъ, а грознымъ взоромъ, онъ началъ свою рѣчь. Я не прощаю себѣ, что не записалъ ее тотчасъ же. Рѣчь эта, произнесенная прекрасно, громко, продолжалась не болѣе 20 минутъ, но она произвела сильнѣйшее, и на большинство подавляющее, впечатлѣніе, какъ призывъ къ Немезидѣ. Окончивъ рѣчь, графъ быстро прошелъ залу и остановился передъ молодежью. Ей была сказана не рѣчь, а нѣсколько словъ, но словъ такихъ, которыхъ я не пожелалъ бы слышать и злѣйшему врагу отъ своего начальства. Затѣмъ послѣдовала очередь купечества. Что говорилъ ему графъ—мы не слышали, но голосъ его, постепенно возвышаясь, гремѣлъ. Окончивъ назиданіе купечеству, графъ быстро прошелъ мимо насъ и, подходя къ кабинету, повернулся, сдѣлалъ общій поклонъ и исчезъ.»

Въ числѣ другихъ поводовъ, побудившихъ графа Муравьева отнестись такъ сурово и раздражительно къ Иркутскому обществу, продолжаетъ Б. А. Милютинъ: «была дуэль, происшедшая въ его отсутствіе между лицами, занимавшими видную должность въ Главномъ Управленіи, а именно: Б..... и Н...... Поединокъ этотъ имѣлъ несчастный исходъ: Н..... былъ смертельно раненъ. Высшая администрація знала о предстоящей дуэли и не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію ея. Наконецъ, въ дѣло это вмѣшался присужденный въ качествѣ ссыльно-поселенца Петрашевскій. [2] Надо знать, что въ тѣ времена въ Иркутскѣ существовала частная библіотека, которая, по вечерамъ, замѣняла для извѣстныхъ лицъ клубъ. Въ этотъ клубъ собирались такъ-называемыя интеллигентныя лица, которыя по чему бы то

[1] Иркутскій городской голова.

[2] Онъ былъ въ Иркутскѣ ходатаемъ по ябеднымъ дѣламъ, писалъ пасквили и анонимныя письма, почему и былъ высланъ въ Минусинскъ М. С. Карсаковымъ. (*Примѣчаніе И. В. Шумахера.*)

ни было имѣли зубокъ противъ администраціи, а подобныхъ лицъ было въ то время не мало. Къ этому клубу примыкали вновь прибывающіе, не имѣющіе знакомствъ въ городѣ, чающіе мѣстъ. Первоприсутствующимъ въ клубѣ былъ, конечно, Петрашевскій, типъ агитатора. Какъ было пропустить ему удобный случай! И вотъ онъ является къ Венцелю съ смиренной просьбой: не дозволитъ ли онъ напечатать пригласительные билеты на погребеніе Н....? К. К. Венцелю и не вдомекъ было спросить Петрашевскаго: «да вамъ-то что въ этомъ дѣлѣ? Родственникъ вы что-ли Н....? Другъ его?»—Онъ подмахнулъ разрѣшеніе. И дивное для Иркутска совершилось дѣло: пригласительные билеты появились афишированными на всѣхъ перекресткахъ; ихъ разсылали по домамъ, всовывали въ руки проходящимъ. Цѣлый городъ шелъ за гробомъ. Власти было показались, но предпочли ретироваться. И надъ могилою раздалась рѣчь того же Петрашевскаго.

Дуэлей, нужно замѣтить, до того никогда не бывало въ Восточной Сибири: это была первая дуэль; и хотя она имѣла совершенно обыкновенный характеръ, но произвела удручающее впечатлѣніе по милости Петрашевскаго, который своими воззваніями и рѣчью на могилѣ возбудилъ всѣ слои общества и поднялъ ихъ на ноги съ единственною цѣлью—нанести графу Муравьеву ударъ въ лицѣ приближенныхъ къ нему людей. Обстоятельствомъ этимъ воспользовались противъ Муравьева, бывшаго тутъ не причемъ, и даже отсутствовавшаго, всѣ его недоброжелатели.

Перейдемъ теперь къ Китайскимъ дѣламъ: за это пребываніе графа Н. Н. Муравьева въ Иркутскѣ, въ Пекинѣ шли все лишь одни только ни къ чему не ведущіе переговоры, искажавшіе только смыслъ требованій графа Муравьева, что̀ понудило его, пока шли эти переговоры, издать объявленіе всѣмъ, кто, за установленіемъ Уссурійской границы, будетъ находиться на земляхъ Русской державы, что, къ какому бы кто племени или роду ни принадлежалъ, можетъ свободно жить на Россійскихъ земляхъ и заниматься своими промыслами безпрепятственно. Всѣмъ, проживающимъ на Россійской землѣ, оставляются въ полное ихъ владѣніе обрабатываемыя ими земли и пастбища. Никакихъ податей или сборовъ въ казну производиться съ нихъ не будетъ, а равно никто не имѣетъ права чинить имъ обиды, либо какія притѣсненія. Торговля всѣмъ и всякими товарами разрѣшается свободная, какъ съ людьми Россійскаго государства, такъ и съ сосѣдями. Въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій,

обиженные или нуждающіеся въ чемъ-либо имѣютъ обращаться къ Россійскимъ начальникамъ, поставленнымъ на р. Уссури, при устьѣ Суй-фуна и близъ р. Гаоин-дзянъ. Въ случаѣ же, когда сіи начальники не окажутъ желаемаго правосудія, то обращаться къ губернатору всей области, живущему на устьѣ Амура.

Затѣмъ графъ Муравьевъ черезъ нѣсколько дней оставилъ Иркутскъ безъ всякихъ проводовъ и обѣдовъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы проектъ о ссыльныхъ, по окончаніи, былъ привезенъ къ нему въ Петербургъ Б. Милютинымъ.

По пути изъ Красноярска, графъ Муравьевъ писалъ Карсакову отъ 22-го января: «Вчера утромъ мы добрались сюда, хоть и не легко тащиться въ трехъ экипажахъ, какъ ты знаешь; вечеромъ былъ блистательный балъ въ Собраніи, а сегодня я ѣду далѣе, постоянно усталый и не менѣе грустный, чѣмъ прежде. Когда-то Богъ приведетъ раскланяться съ полосатыми столбами? Странно, а мнѣ кажется, что я до этого не доживу. Все, что я здѣсь вижу и слышу, не подтверждаетъ, чтобъ управленіе Енисейскою губерніею было отмѣнно дурно.

Губернатора [1] я жду сейчасъ для нѣкоторыхъ объясненій; я знаю 12 лѣтъ, что онъ человѣкъ непріятный для многихъ чиновниковъ, и особенно для тѣхъ, которые назначались изъ Иркутска; но это не доказательство, что онъ беретъ взятки. Самъ ты, вѣроятно, убѣжденъ, что Иркутскъ есть бездна лжи и клеветы, и именно противъ этого направленія я хочу тебя поставить въ осторожность.

Сегодня поутру пріѣхалъ сюда Безобразовъ. [2] Ты знаешь оффиціальную причину его проѣзда, а сколько я могу заключить изъ частныхъ разговоровъ, то въ Петербургѣ — масса предположеній и, въ числѣ прочихъ, назначеніе меня на Кавказъ; но ты знаешь мое объ этомъ мнѣніе, а потому будь увѣренъ въ моемъ отвѣтѣ, положительномъ и рѣшительномъ. По прежнему, моя мысль — поклониться Россіи за послѣднею таможенною заставою.»

Затѣмъ графъ Муравьевъ пишетъ ему же изъ Омска отъ 28-го января слѣдующее: «Сегодня, въ 6 часовъ пополудни, отправляюсь далѣе. Различныя размышленія во время пути, и въ особенности извѣстія, полученныя мною съ фельдъ-егеремъ, при-

---

[1] В. К. Падалка.

[2] М. А. Безобразовъ, имѣвшій въ Сибири пріискъ, впослѣдствіи предводитель дворянства С.-Петербургскаго уѣзда.

вели меня къ слѣдующему результату: если я увижу, что Государь искренно желаетъ, à tort ou à raison, чтобъ я пробылъ въ Восточной Сибири нынѣшній годъ, то я на это рѣшусь и возвращусь въ Иркутскъ въ началѣ мая на слѣдующихъ условіяхъ: 1-е, чтобъ Восточная Сибирь была раздѣлена при мнѣ въ Петербургѣ на тѣхъ основаніяхъ, какія тебѣ извѣстны; 2-е, чтобъ главные начальники этихъ новыхъ частей были теперь же назначены, а я освобожденъ отъ званія генералъ-губернатора, и 3-е, чтобъ, если угодно Государю, то былъ бы я командированъ просто въ званіи генералъ-адъютанта въ Сибирь для окончательнаго распредѣленія дѣлъ и отношеній между главными начальниками Приморской области, Восточной и Западной Сибири, для наблюденія за Китаемъ во время Англо-Французской атаки и примѣненія всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя окажутся по обстоятельствамъ нужными, хотя бы и движенія войскъ въ Манджурію и Монголію. Затѣмъ, въ концѣ нынѣшняго года возвратиться мнѣ въ Петербургъ вмѣстѣ съ новымъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и получить безсрочный или весьма продолжительный отпускъ за границу безъ всякаго назначенія. Спѣшу тебѣ сообщить эти соображенія мои для твоего свѣдѣнія; что же касается исполненія этого проекта, то къ 15-му марта ты получишь извѣстія отъ меня изъ Петербурга болѣе подробныя—съ курьеромъ.

Если я возвращусь въ маѣ въ Сибирь, то, конечно, одинъ, и буду вести жизнь кочующую, а потому, кромѣ кабинета, мнѣ ничего не нужно; на всякій случай прикажи мнѣ выстроить обыкновенный катеръ въ Срѣтенскѣ и при немъ крытую, прочную Манджурскую лодку для людей и кухни.

Ты знаешь, что переговоры на Амурѣ я отклонилъ; слѣдовательно, ни тебѣ, ни мнѣ не придется туда ѣхать; но можетъ случиться, что тамъ понадобится личное мое присутствіе для устраненія недоразумѣній: вотъ для чего и катеръ. Пишу Казакевичу убѣдительное письмо, чтобъ снарядилъ хоть одинъ мелкосидящій пароходъ и прислалъ бы его для сообщенія между Благовѣщенскомъ и Срѣтенскомъ...»

15-го февраля графъ Н. Н. Муравьевъ былъ уже въ Петербургѣ, а 16-го онъ явился къ Государю и тутъ же представилъ Ему всѣ доводы относительно раздѣленія Сибири. Государь, выслушавъ, приказалъ ему представить о семъ особую записку, которая и была представлена графомъ Муравьевымъ при слѣдующемъ донесеніи отъ 22-го февраля:

«Всемилостивѣйшій Государь! Исполняя волю Вашего Величества, я имѣю счастіе повергнуть при семъ на Высочайшее

Ваше благоусмотрѣніе записку о раздѣленіи Восточной Сибири. Еслибъ здоровье и домашнія обстоятельства позволили мнѣ продолжать службу въ этомъ отдаленномъ краѣ, то и тогда я бы просилъ объ этомъ раздѣленіи, ибо окончательно и положительно убѣдился, что нѣтъ физической возможности одному человѣку управлять этимъ краемъ въ настоящемъ его объемѣ, особенно съ тѣхъ поръ, когда къ нему присоединяются столь обширныя приморскія владѣнія въ умѣренныхъ широтахъ. Девять лѣтъ тому назадъ я имѣлъ смѣлость докладывать Вашему Величеству, по какимъ другимъ причинамъ полезно будетъ отдѣлить приморскія мѣста при устьѣ Амура отъ Восточной Сибири, и до сихъ поръ я не имѣлъ причины измѣнить тогдашняго моего мнѣнія: теперь же оно совершенно совпадаетъ съ необходимостью дать главнымъ тамъ начальникамъ возможность добросовѣстно исполнять свои обязанности.

Въ запискѣ я дерзнулъ назвать лицъ, которыя приготовлялись мною для этихъ назначеній, и смѣю теперь доложить, что, по крайней мѣрѣ, на первые три года послѣ раздѣленія, необходимы тамъ именно эти лица, какъ по опытности ихъ въ томъ краѣ, такъ и по взаимнымъ ихъ товарищескимъ отношеніямъ, а также и по довѣрію, которое онѣ успѣли пріобрѣсти въ краѣ въ теченіе многолѣтней своей тамъ службы; между тѣмъ оба они—молодые люди: Карсакову около 35 лѣтъ, Казакевичу около 40, и поэтому еще долго могутъ быть полезны службѣ Вашего Величества, съ тою физическою дѣятельностью, которая тамъ необходима.

По крайнему моему разумѣнію, всякій другой способъ управленія краемъ, состоящимъ нынѣ въ моемъ вѣдѣніи, становится уже невозможенъ, даже съ нынѣшняго года; но если Ваше Императорское Величество изволили бы признавать нужнымъ, какъ по политическимъ обстоятельствамъ, такъ и для устраненія могущихъ возникнуть мелкихъ недоразумѣній при новомъ раздѣленіи края между Сибирскими начальствами, то я могу отправиться туда, какъ уже имѣлъ счастіе докладывать Вашему Величеству, въ званіи Вашего генералъ-адъютанта, нынѣшнимъ же лѣтомъ, для чего готовъ отложить до будущаго года необходимое мнѣ продолжительное лѣченіе; но, дабы и эта поѣздка моя принесла надлежащую пользу, то полагаю необходимымъ, чтобъ раздѣленіе края и назначеніе главныхъ начальниковъ ей предшествовали; а я вполнѣ убѣжденъ въ полномъ мнѣ содѣйствіи вышесказанныхъ лицъ, когда и не буду нести званія генералъ-губернатора, которое только бы меня стѣснило въ исполненіи другихъ порученій Вашего Величества, и особенно въ сношеніяхъ по Западной Сибири.»

Записка эта передана была Государемъ статсъ-секретарю Буткову, при слѣдующей резолюціи на ней сверху, написанной собственною Его Величества рукою:

«По важности прилагаемой записки, желаю, чтобы она была обсуждена въ Моемъ присутствіи въ Сибирскомъ Комитетѣ; но, дабы г. члены были къ этому приготовлены, необходимо предварительно сообщить имъ ее для прочтенія и для представленія тѣмъ, кто сочтетъ нужнымъ для письменныхъ своихъ соображеній. Когда все будетъ готово, и вы Меня о томъ увѣдомите, то назначу засѣданіе у Себя.»

Содержаніе этой записки мы воспроизводимъ здѣсь цѣликомъ:

«Восточная Сибирь», писалъ графъ Муравьевъ, «составляетъ самую обширную область Россійской имперіи, и объемъ ея значительно увеличился въ послѣднее время, при распространеніи предѣловъ нашихъ къ юго-востоку. При огромныхъ пространствахъ, на которыхъ размѣщено народонаселеніе Восточной Сибири, при несовершенствѣ въ ней путей сообщенія, при разнообразіи и многосложности интересовъ, представляемыхъ каждою отдѣльною частью этой обширной страны,—управленіе ею однимъ лицомъ, какъ то было до сихъ поръ, стало уже теперь до крайности затруднительнымъ, требующимъ отъ главнаго въ краѣ начальника чрезвычайныхъ физическихъ усилій, здоровья необыкновеннаго, непомѣрной дѣятельности и такого разнообразія свѣдѣній, котораго нельзя предполагать въ одномъ лицѣ. Въ будущемъ же эти затрудненія необходимо должны съ каждымъ годомъ увеличиваться до такой степени, что возлагать управленіе всѣмъ этимъ краемъ на одно лицо—значитъ требовать невозможнаго отъ человѣка.

Въ этомъ убѣдилъ меня долговременный опытъ—двѣнадцатилѣтнее мое управленіе Восточною Сибирью. По моему мнѣнію, самый простой и удобнѣйшій въ разныхъ отношеніяхъ способъ уничтожить это затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы распредѣлить управленіе этимъ краемъ между нѣсколькими главными начальниками и тѣмъ дать каждому изъ нихъ меньшій кругъ дѣятельности и возможность вполнѣ добросовѣстно исполнять возложенныя на него обязанности. По зрѣломъ соображеніи я считаю, что въ настоящее время можно ограничиться слѣдующимъ:

1. Изъявъ Приморскую область изъ-подъ вѣдѣнія Главнаго Управленія и генералъ-губернатора Восточной Сибири, оставить ее подъ управленіемъ мѣстнаго военнаго губернатора, которому даровать всѣ права генералъ-губернатора, не измѣняя въ настоящее время, впрочемъ, ничего во внутреннемъ управленіи этой области и раздѣленія ея на округи. Военному губернатору Приморской области быть съ тѣмъ вмѣстѣ главнымъ командиромъ

портовъ и флотиліи Восточнаго океана, съ правами, которыя были въ прежнее время предоставлены главному командиру Черноморскаго флота. Военному же губернатору этой области имѣть командованіе надъ всѣми сухопутными войсками, въ этой области расположенными. Ему же должны быть поручены политическія сношенія съ Японіею, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ нынѣ онѣ предоставлены генералъ-губернатору Восточной Сибири. Военному губернатору Приморской области находиться въ сношеніяхъ: по управленію краемъ—съ Сибирскимъ Комитетомъ, по политическимъ и пограничнымъ сношеніямъ съ Японіею—съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, по командованію сухопутными войсками—съ Министерствомъ Военнымъ, а по обязанностямъ главнаго командира портовъ и флотиліи—состоять въ непосредственномъ подчиненіи Его Высочества, генералъ-адмирала.

2. Губернія Иркутская, области: Забайкальская, Амурская и Якутская и Кяхтинское градоначальство—остаются подъ начальствомъ Главнаго Управленія и генералъ-губернатора Восточной Сибири, которому находиться въ сношеніяхъ: по управленію краемъ—только съ Сибирскимъ Комитетомъ, по командованію войсками—съ военнымъ министромъ; по пограничнымъ и политическимъ сношеніямъ съ Китаемъ, остающимся въ его лишь вѣдѣніи,—съ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

3. Енисейскую губернію передать подъ вѣдѣніе Главнаго Управленія и генералъ-губернатора Западной Сибири, на томъ же основаніи, какъ она нынѣ находится въ Восточной Сибири; на это генералъ Гасфордъ, [1] при свиданіи со мною, не изъявлялъ никакого препятствія.

Сами по себѣ всѣ эти новыя учрежденія и измѣненія не повлекутъ за собою никакихъ новыхъ издержекъ; но предстоящее увеличеніе флота на Восточномъ океанѣ и устройство тамъ портовъ необходимо потребуютъ нѣкотораго усиленія въ управленіи главнаго командира, а въ особенности назначенія къ нему начальника штаба въ высшемъ чинѣ и съ увеличеннымъ противу нынѣшняго содержаніемъ. Впрочемъ издержки эти вознаградятся посредствомъ упраздненія Морского штаба, въ Иркутскѣ нынѣ находящагося, и перемѣщеніемъ изъ Иркутска въ Николаевскъ другихъ учрежденій Морского вѣдомства.

Значительное распространеніе золотопромышленности въ Восточной Сибири и еще большее ея развитіе тамъ въ будущемъ—не дозволяютъ уменьшить составъ Горнаго отдѣленія, нынѣ су-

---

[1] Въ то время генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

ществующаго при Главномъ Управленіи Восточной Сибири, несмотря даже на отдѣленіе Енисейской губерніи. Для управленія этою частью въ Западной Сибири, при предполагаемомъ присоединеніи Енисейской губерніи, полезно было бы учредить при тамошнемъ Главномъ Управленіи одинъ столъ, въ вѣдѣніи члена Совѣта, иначе придется передать дѣла по золотопромышленности Енисейской губерніи въ завѣдываніе Алтайскаго Горнаго Правленія. Издержки по этому предмету относятся на особый сборъ, по частной золотопромышленности взимаемый.

Одиннадцать лѣтъ я приготовлялъ для высшихъ назначеній въ Сибири Восточной генералъ-маіора Карсакова и контръ-адмирала Казакевича. Первый изъ нихъ, военный губернаторъ Забайкальской области, въ отсутствіи моемъ нынѣ предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири и командуетъ войсками, въ этой части имперіи расположенными; а второй—четыре года уже военнымъ губернаторомъ Приморской области и командиромъ портовъ Восточнаго океана. По пріобрѣтенной ими опытности въ административномъ дѣлѣ, по знакомству ихъ съ нуждами, потребностями и интересами Восточной Сибири, по отличнымъ способностямъ и высокой ихъ благонамѣренности—оба эти лица удовлетворяютъ назначенію быть главными начальниками въ соотвѣтственныхъ имъ частяхъ Восточной Сибири, если Вашему Величеству будетъ это благоугодно.»

На другой день послѣ подачи Государю этой записки, графъ Муравьевъ написалъ такое письмо М. С. Карсакову: «Въ первый день пріѣзда я явился только военному министру и получилъ приглашеніе быть на другой день у Государя. Сухозанетъ убѣждалъ меня оставаться въ моей должности, а я ему доказывалъ, что это не нужно, а необходимо раздѣленіе края, и что при этомъ я могу отправиться лѣтомъ въ Иркутскъ съ однимъ званіемъ генералъ-адъютанта на время окончанія военныхъ дѣлъ Китая и для устраненія недоразумѣній, при самомъ раздѣленіи возникнуть могущихъ. На другой день видѣлъ Государя, которому объяснилъ то же, и что я въ должности болѣе оставаться не могу. Онъ спросилъ меня, между прочимъ, какъ я доволенъ тобою и Казакевичемъ, и я сказалъ, что я, какъ прежде, такъ и теперь предназначаю васъ главными начальниками въ обѣ новыя части Восточной Сибири. Государь принялъ меня поздно, а потому я въ этотъ день никого болѣе оффиціально не видѣлъ. На третій день я былъ у Великаго Князя Константина Николаевича, который мнѣ сказалъ, что его не было здѣсь въ то время, когда печатались статьи Завалишина въ Морскомъ Сборникѣ. Послѣ Великаго Князя

Константина Николаевича я былъ у Наслѣдника: отъ него пошелъ къ Императрицѣ, но она говѣла и принять меня не могла. На другой день схватилъ я Петербургскій гриппъ и слегъ въ постель. Сухозанетъ прислалъ мнѣ своего доктора, который нѣсколько смахиваетъ на гомеопата и держитъ меня въ чистотѣ и въ комнатѣ до сегодняшняго дня. Пока лежалъ, пріѣзжалъ ко мнѣ Сухозанетъ, Долгорукій, [1] дядя Михаилъ [2] и множество другихъ, а вчера я послалъ Государю мою записку о раздѣленіи Восточной Сибири на извѣстныхъ тебѣ основаніяхъ, и заключилъ ее такъ, что я давно подготовлялъ для высшихъ тамъ назначеній тебя и Казакевича. Записка поступитъ, вѣроятно, въ Сибирскій Комитетъ; и на дняхъ, когда докторъ позволитъ мнѣ выѣхать, дѣло рѣшится. Если такъ, какъ я предполагаю, то въ началѣ іюня буду у тебя гостемъ; если же иначе, то есть, если прямо на мое мѣсто будетъ назначенъ Путятинъ (котораго сюда на дняхъ ждутъ), то я попрошу совершеннаго увольненія отъ службы.

Рѣшенія Сибирскаго Комитета о раздѣленіи Сибири—есть главное мое покуда занятіе здѣсь, и не малое, потому что другія, мелочныя, успѣю кончить послѣ.»

---

[1] Шефъ жандармовъ.

[2] Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

LXVIII.

Разрѣшеніе Муравьеву шестинедѣльнаго отпуска за границу.— Письмо его изъ Петербурга М. С. Карсакову.—Пребываніе графа Муравьева за границею и письма его оттуда М. С. Карсакову.—Возвращеніе его въ Петербургъ.—Письма его М. С. Карсакову и брату Валеріану Николаевичу.

1860 г.

Послѣ подачи Государю записки о раздѣленіи Сибири, графъ Н. Н. Муравьевъ испросилъ себѣ шестинедѣльный отпускъ за границу для поправленія своего здоровья, на что и получилъ разрѣшеніе. За нѣсколько дней до выѣзда своего изъ Петербурга, онъ написалъ слѣдующее подробное письмо къ М. С. Карсакову отъ 15-го марта, въ которомъ сообщаетъ ему о разныхъ служебныхъ дѣлахъ, а также даетъ свои наставленія, вслѣдствіе разнесшагося слуха, будто бы онъ не желаетъ оставаться въ Иркутскѣ: «Ты, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ждешь пріѣзда Бютцева, [1] а онъ только 18-го отсюда выѣзжаетъ. Главная причина этой медленности была болѣзнь князя Горчакова, который теперь только поправляется, а былъ при смерти; потомъ же, послѣ пріѣзда фельдъегеря безъ извѣстій изъ Пекина, я сталъ ожидать пріѣзда Хитрово [2] и, наконецъ, третьяго дня получилъ отъ него извѣстіе изъ Свіяжска, что онъ будетъ сюда въ среду съ депе-

[1] Чиновникъ по дипломатической части при генералъ-губернаторѣ, впослѣдствіи посланникъ нашъ въ Японіи, Греціи и нынѣ въ Персіи.

[2] Чиновникъ особыхъ порученій при военномъ губернаторѣ Приморской области, нынѣ умершій.

шами отъ Игнатьева и Казакевича, вслѣдствіе чего я тотчасъ заявилъ военному министру, что я готовъ ѣхать за границу и до рѣшенія Комитета о раздѣленіи Сибири, и возвращусь сюда къ 1-му мая. Сухозанетъ доложилъ Государю, и я уѣзжаю въ четвергъ или въ пятницу; а Бютцевъ поѣдетъ къ тебѣ со всѣми бумагами, а главное съ отвѣтными депешами Игнатьеву и Казакевичу, если это требуется по тѣмъ депешамъ, которыя везетъ Хитрово. Намѣренія мои не измѣнились; возвратившись сюда 1-го мая, я располагаю отправиться не позже 15-го мая по Сибирскому тракту одинъ, а жену возвратить за границу, если она и проводитъ меня до Москвы. 15-го іюня надѣюсь быть въ Иркутскѣ, гдѣ расчитываю тебя застать и оставить, а самъ уѣду въ Кяхту, Срѣтенскъ, а, можетъ быть, и Благовѣщенскъ. Вышли ко мнѣ курьера въ Петербургъ къ 10-му мая, т. е. немедленно, какъ пріѣдетъ къ тебѣ Бютцевъ, но расторопнаго курьера, который бы и по распутицѣ доѣхалъ сюда въ 22 дня. Какъ я ни отдѣлываюсь отъ желающихъ опредѣлиться на службу, но пришлось все-таки опредѣлить многихъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, а о прочихъ посылаются просьбы и записки къ тебѣ.

Не сомнѣваюсь, что до васъ въ Иркутскѣ доходитъ множество слуховъ, и въ самомъ превратномъ видѣ, какъ о моемъ здѣсь пребываніи, такъ и о новыхъ учрежденіяхъ для Восточной Сибири; но ты все отъ меня прежде знаешь и, конечно, никакимъ слухамъ не вѣришь. Все будетъ такъ, какъ я предполагалъ, конечно, съ небольшими варіантами, на которые я самъ соглашусь; но все это остается безъ рѣшенія до моего возвращенія изъ-за границы 1-го мая. Я всегда радуюсь, когда говорятъ о тебѣ Сухозанетъ и Бутковъ: они тебя искренно любятъ и уважаютъ, а это два главныя лица для генералъ-губернатора и командующаго войсками въ Восточной Сибири. Конечно, всѣмъ имъ хотѣлось бы спровадить меня *на вѣкъ* въ Сибирь, но это уже не по чувствамъ желанія пользы краю, но по ревностному ихъ желанію, чтобъ я былъ подальше отъ Петербурга, и даже внѣ телеграфическаго сообщенія со столицей.

Рейнъ [1] ѣдетъ за границу, чтобъ изучить постройку гаваней и пристаней, и возвратится на Амуръ черезъ Америку, вѣроятно, нынче осенью. Онъ уѣзжаетъ со мною. Романовъ [2] также уѣзжаетъ въ Америку, чтобъ ближе изучить тамъ устройство телеграфовъ.

---

[1] Инженеръ, состоялъ при генералъ-губернаторѣ.

[2] Д. И. Романовъ, полковникъ, состоялъ при генералъ-губернаторѣ, устроитель (первой) телеграфной линіи вдоль Амура. Впослѣдствіи застрѣлился въ пескахъ Ташкента.

но этотъ возвратится назадъ черезъ Европу. Дѣло телеграфовъ, за неимѣніемъ денегъ, откладывается, но, можетъ быть, еще найдутъ средства строить его отъ Иркутска до Кяхты и до Срѣтенска. Это будетъ начало!

Забайкальскимъ атаманомъ я еще никого не имѣю въ виду, и выборъ этотъ не легокъ. Подумай и сообщи мнѣ съ первымъ курьеромъ, нельзя ли тамъ найти, а именно: Буссе въ Читу, а Кукеля въ Благовѣщенскъ, или наоборотъ, а начальника штаба легче пріискать.

Сейчасъ пріѣхалъ Хитрово, и, разумѣется, я прежде всего прочелъ твое письмо. Ты не доволенъ «Амуромъ», [1] и разумѣется, когда тамъ главные сотрудники Петрашевскій и Львовъ, [2] то газета и не можетъ идти хорошо. А потому самое простое средство: запретить печатать эту газету военной типографіи, если деньги не взяты впередъ, а также и губернской типографіи не дозволять принимать печатаніе ея; тогда редактору останется только переписывать свою газету черезъ писарей. Мѣру эту я совѣтую принять немедленно: редактору же объявить, что, за сдѣланнымъ ему мною наставленіемъ, ему слѣдовало немедленно устранить отъ сотрудничества обоихъ вышесказанныхъ господъ: а что если наставленія мои на него не дѣйствуютъ, то чтобъ пенялъ самъ на себя, если газета остановится, ибо клеветы и злобы мы не можемъ допускать въ газетѣ, которая находится подъ моимъ покровительствомъ и цензурою. Что же касается до Петрашевскаго и Львова, то если они будутъ продолжать такъ дѣйствовать, то, по возвращеніи моемъ изъ-за границы, будутъ приняты мѣры рѣшительныя, хотя первый изъ нихъ и пишетъ доносы въ 3-е Отдѣленіе.

Извѣстія отъ Игнатьева задерживаютъ меня здѣсь еще на два дня: онъ постоянно проситъ движенія войскъ; но теперь это будетъ поздно, и, конечно, на это не согласятся; но намъ надо быть готовыми двинуться по извѣстнымъ тебѣ направленіямъ въ іюлѣ, т. е. когда Англо-Французы покончатъ свою войну и заключатъ трактатъ. Полагаю, что Кяхтинскій батальонъ достаточно усиленъ, а лошади Благовѣщенской артиллеріи отправятся вслѣдъ за льдами. Сейчасъ ѣду къ Государю, а потомъ буду продолжать писать тебѣ.

---

[1] Газета.

[2] Химикъ. Муравьевъ считалъ его честнымъ человѣкомъ, но безхарактернымъ и подпавшимъ подъ вліяніе товарища своего Петрашевскаго. Львову Муравьевъ часто помогалъ, давалъ ему порученія, посылалъ его на Туркинскія минеральныя воды для ихъ разложенія.

Государь узналъ или услышалъ, что ты тяготишься Иркутскомъ, и спросилъ меня объ этомъ; весьма естественно, что это Его удивило, потому что я предлагаю тебя въ мои преемники оффиціально. Милый другъ, ты погрѣшишь передъ собою и отечествомъ и будешь раскаяваться безъ всякаго для себя оправданія. Твой отказъ можетъ меня связать по рукамъ и по ногамъ, можетъ испортить и многое другое, а послѣ ничего этого не воротишь, а, можетъ быть, и не разъ самъ пожалѣешь.

Постепенно я со многими помирился *здѣсь*, нескоро однакожъ я помирюсь съ Иркутскомъ: между тѣмъ придется тебя просить заказать новую мебель для кабинетика жены, ибо, можетъ быть, и она еще пріѣдетъ въ Иркутскъ; послѣ распространенія слуха о томъ, что и ты не хочешь оставаться тамъ, Государь, который, кажется, совсѣмъ былъ уже готовъ назначить тебя генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, теперь, пожалуй, и не сдѣлаетъ этого, опасаясь, чтобы и ты не попросился тотчасъ прочь.

Нерчинскіе работники будутъ освобождены тѣмъ или другимъ образомъ, но не вдругъ, а года черезъ два.

Напиши мнѣ, пожалуйста, успокоительное письмо съ тѣмъ курьеромъ, котораго припишешь немедленно по пріѣздѣ Бютцева. Бумаги и письмо Казакевичу отправь съ курьеромъ, который непремѣнно долженъ быть къ 15-му мая въ Николаевскѣ, чтобъ застать его тамъ до отплытія съ эскадрою. Пошли къ нему съ этимъ же курьеромъ карту Уссурійской экспедиціи и общую новой нашей границы въ Манджуріи; онъ, можетъ быть, долженъ будетъ показывать эту карту Англо-Французамъ при встрѣчѣ.

Пора, наконецъ, кончить это письмо, отъ котораго меня, въ теченіе 4-хъ дней, отрывали двадцать разъ. Послѣзавтра (19-го) я уѣзжаю. Болѣе писать, по крайней мѣрѣ важнаго, нечего, хотя любопытнаго было бы много.»

Однако мысль, что М. С. Карсаковъ тяготится Иркутскомъ и не желаетъ оставаться тамъ,—такъ глубоко запала въ сердце графа Н. Н. Муравьева, что онъ и хотѣлъ было окончить письмо, но не могъ совладать съ собою и продолжаетъ его, стараясь, сколь возможно, убѣдить Карсакова. «Не могу однакоже окончить письма», пишетъ графъ Муравьевъ, «чтобъ не сказать подробнѣе о томъ письмѣ, которое я у тебя прошу съ курьеромъ. Ты знаешь, что я просилъ о раздѣленіи Восточной Сибири и вмѣстѣ съ тѣмъ о назначеніи тебя генералъ-губернаторомъ главной ея части, т. е. сухопутной, а Казакевича—военнымъ губернаторомъ Приморской области съ правами генералъ-губернатора. Государь лично на это согласенъ; бо́льшая часть министровъ не согласны на раздѣленіе.

а Сухозапетъ говорилъ мнѣ, что еслибъ, наконецъ, и не раздѣлили, то ты можешь быть назначенъ на всю Восточную Сибирь. Въ такомъ видѣ было дѣло до пріѣзда Хитрово, а съ нимъ вдругъ получены письма отъ Д... къ теткѣ, [1] «что Михаилъ Семеновичъ не останется ни одного дня, какъ только не будетъ Николая Николаевича»; отъ тебя къ тетушкѣ — что ты остаешься только до 15-го октября въ Сибири; и наконецъ, письмо твое ко мнѣ, гдѣ ты просишься на покой. Сухозанетъ велѣлъ женѣ прочесть мнѣ письмо Д... и спросилъ меня, что я объ этомъ думаю. Лгать я не люблю, когда приходится отвѣчать, и я сказалъ, что вижу изъ частныхъ писемъ твоихъ, что скучаешь, вѣроятно, потому, что одинокъ, а также упоминаешь объ освобожденіи Нерчинскихъ рабочихъ, но что рѣшительнаго намѣренія твоего оставить Сибирь — я не знаю. Сухозанетъ, однакожъ, поспѣшилъ этимъ воспользоваться, чтобъ запѣть всегдашнюю свою пѣсню, что я непремѣнно долженъ вернуться въ Сибирь генералъ-губернаторомъ и проч. и проч., и доложилъ объ этомъ Государю; такъ что когда я былъ послѣ него у Государя для прощанья, то Онъ мнѣ сказалъ между прочимъ: «Говорятъ, что и Карсаковъ не хочетъ оставаться въ Сибири?» Я Ему на это отвѣчалъ, что Карсаковъ скучаетъ, потому что одинокъ, а безъ единственнаго близкаго друга, т. е. жены, конечно, скучно въ той отдаленной странѣ. Послѣ этого Онъ со мною простился, пожелавъ мнѣ найти мою жену совершенно здоровою.

По возвращеніи моемъ, немедленно будетъ сужденіе о раздѣленіи Сибири, а потомъ и о назначеніяхъ; а потому и прошу тебя — напиши мнѣ такое письмо, которое я бы могъ показать Государю: согласишься ли ты остаться генералъ-губернаторомъ въ Сибири? Предупреждаю тебя только, что если ты на это не согласенъ, то я долженъ буду самъ туда возвратиться, ибо, по совѣсти, не могу предложить никого другого. Убѣждать тебя не отказываться не могу, но повторяю, что современемъ ты, навѣрное, самъ раскаешься, если откажешься. Если же дѣло въ томъ, что тебѣ нуженъ отдыхъ на нѣсколько мѣсяцевъ, то такъ и вырази въ своемъ письмѣ; а о дѣлѣ горныхъ рабочихъ не упоминай: оно устроивается само собою, и во всякомъ случаѣ не можетъ быть передъ Государемъ условіемъ твоего согласія или несогласія быть генералъ-губернаторомъ. Кто будетъ предсѣдательствовать, если мы оба съ тобою выѣдемъ въ Петербургъ — подумай объ этомъ. Я же теперь рѣшительно не знаю, кого пріискивать за Байкалъ, и на какомъ основаніи.

---

[1] Отъ г. Извольской къ генеральшѣ Сухозанетъ.

Отошли всѣ прилагаемыя письма къ Казакевичу съ курьеромъ и къ Игнатьеву съ курьеромъ только до Кяхты, ибо Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отказывается отъ курьерскихъ расходовъ. Внуши курьеру, который будетъ посланъ къ Казакевичу, что онъ непремѣнно долженъ быть въ Николаевскѣ: но пусть онъ въ Маріинскѣ справится, не ушелъ ли уже Казакевичъ въ де-Кастри.»

19-го марта графъ Н. Н. Муравьевъ уѣхалъ за границу, а $^{3}/_{15}$ апрѣля онъ писалъ уже изъ По къ М. С. Карсакову: «Христосъ воскресе! Сегодня я о тебѣ очень пожалѣлъ, а изъ эгоизма порадовался, что я не въ Иркутскѣ. Здѣсь я выспался превосходно, а въ мои лѣта покой нуженъ всего болѣе. Надѣюсь, что ты съ Милютинымъ [1] ничего важнаго мнѣ не писалъ, зная, что я уѣзжаю за границу, а если писалъ, то все будетъ ждать моего возвращенія 1-го мая. Много тамъ должно рѣшиться въ 15 дней, много и отъ тебя получу извѣстій: но теперь не могу ничего писать о дѣлѣ, право, не до того въ своей семьѣ.... Съ Путятинымъ мы неразлучны, и ты, конечно, посмѣешься, когда узнаешь, что мы съ нимъ отъ Ковно до Парижа ѣхали вмѣстѣ и очень дружно, а тамъ тотчасъ побывали съ женами другъ у друга.»

Затѣмъ на возвратномъ пути, графъ Муравьевъ извѣщалъ брата Валеріана Николаевича изъ Парижа отъ $\frac{25 \text{ апрѣля}}{7 \text{ мая}}$ о слѣдующемъ: «Совершенно невольно долженъ былъ я измѣнить мое предположеніе объ обратномъ пути въ Петербургъ и отправляюсь моремъ, какъ и увѣдомилъ тебя объ этомъ телеграфическою депешею. Здоровье жены непремѣнно потребовало этого измѣненія, ибо всякое движеніе внѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ ей строго воспрещается, и еслибъ я возвращался сухимъ путемъ, то долженъ былъ бы разстаться съ нею въ Кенигсбергѣ; она же непремѣнно желаетъ меня проводить до Москвы. Ей особенно непріятно, что она не будетъ у васъ въ Псковѣ; но если это сдѣлать невозможно теперь, то она пріѣдетъ къ вамъ, проводивши меня до Москвы, когда будетъ возвращаться за границу: тогда будетъ у ней много времени свободнаго. Мы отправляемся теперь вмѣстѣ въ Штетинъ, откуда поплывемъ на пароходѣ «Прусскій Орелъ» въ Кронштадтъ $\frac{30 \text{ апрѣля}}{12 \text{ мая}}$ и будемъ въ Петербургѣ $^{3}/_{15}$ мая; я уже писалъ къ Сухозанету, что *опоздаю* два дня.»

3-го мая графъ Н. Н. Муравьевъ возвратился въ С.-Петербургъ. «Желаніе твое исполнилось», писалъ онъ оттуда М. С.

[1] Членъ Совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири.

Карсакову отъ 5-го мая: «ты поѣдешь въ Петербургъ тотчасъ по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, т. е. около 15-го іюня. Я говорилъ объ этомъ Государю и военному министру; дай Богъ, чтобъ эта поѣздка тебя освѣжила и ободрила на Сибирское дѣло. Въ письмѣ твоемъ съ Милютинымъ, которое я получилъ, возвратившись изъ-за границы, третьяго дня, я нашелъ горестное для себя убѣжденіе, что ты искренно скучаешь, и, разумѣется, поспѣшилъ просить Государя объ отпускѣ твоемъ, при первомъ представленіи. Я ѣду отсюда около 20-го мая и, разумѣется, одинъ, ибо женѣ необходимо продолжать лѣченіе за границею, да и вообще едва-ли ей возможно будетъ ѣхать въ Сибирь.

Ты очень хорошо сдѣлалъ, что выслалъ Петрашевскаго за новые его подвиги; съ Милютинымъ я только видѣлся, но дѣла онъ мнѣ еще не представилъ. Оно не готово. О здѣшнихъ новостяхъ говорить не стану; пріѣдешь—все увидишь и услышишь, даже болѣе, чѣмъ я самъ знаю»....

«Сейчасъ возвратился я изъ Царскаго Села, гдѣ былъ Комитетъ, въ присутствіи Государя, о раздѣленіи Сибири», продолжалъ писать графъ Муравьевъ М. С. Карсакову отъ 11-го мая: «Комитетъ призналъ это неудобнымъ, но, для облегченія генералъ-губернатора, постановили: назначить ему помощника съ содержаніемъ въ 8 т. руб. сер. въ годъ. Я тотчасъ же предложилъ тебя въ помощники ко мнѣ и далъ прочесть Государю письмо твое, и тотчасъ же рѣшено новое твое назначеніе, а на мѣсто твое въ Забайкальскую область я предложилъ Стуковскаго,[1] стараго моего сослуживца на Кавказѣ; тутъ же рѣшено и это. Бутковъ пишетъ указы Правительствующему Сенату, а я спѣшу снарядить къ тебѣ курьера, который, вѣроятно, отправится завтра утромъ.

Самому мнѣ тотчасъ же отдѣлаться было невозможно, ибо до рѣшенія Китайскихъ вопросовъ полагаютъ необходимымъ, чтобъ я былъ въ краѣ и въ прежнемъ званіи. Итакъ, все совершается по предначертанію и только съ нѣкоторою постепенностію, и, дѣлать нечего, я еще разъ поѣду въ Иркутскъ, но только до половины ноября, а ты между тѣмъ воспользуешься моимъ пребываніемъ въ Сибири и отдохнешь въ Россіи. Все это устроено и съ Государемъ и съ военнымъ министромъ, и тебѣ остается тотчасъ ѣхать, какъ только я возвращусь въ Иркутскъ; приготовься же къ этой поѣздкѣ: служебный предлогъ будетъ неважный, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ свободы. Но тебѣ надо быть обратно въ Иркутскѣ до половины ноября, чтобъ я могъ по первому

[1] Назначеніе это не состоялось.

зимнему пути ѣхать въ Петербургъ и оттуда тотчасъ же за границу, во исполненіе приказанія медиковъ провести зиму въ тепломъ климатѣ, а съ весною лѣчиться водами.»

«Наконецъ завтра утромъ я уѣзжаю изъ Петербурга», извѣщаетъ графъ Муравьевъ брата Валеріана Николаевича отъ 23-го мая: «о моемъ послѣднемъ пребываніи въ Петербургѣ я ничего тебѣ говорить не буду: оно даже хуже перваго; но тѣмъ не менѣе обязанность передъ Россіею заставляетъ меня еще разъ съѣздить въ Иркутскъ, и уже возвратившись сюда въ концѣ года, я окончательно попрошу моего увольненія.»

LXIX.

Возвращеніе графа Муравьева въ Иркутскъ.— Увольненіе Карсакова въ отпускъ.— Нравственное состояніе графа Муравьева.— Письмо его къ М. С. Карсакову.— Недовольство графа Муравьева дѣйствіями Министерства Финансовъ.— Письмо его по этому поводу къ М. С. Карсакову.— Письмо Кукеля къ М. С. Карсакову.— Донесеніе графа Муравьева Великому Князю Константину Николаевичу и письмо его къ М. С. Карсакову.

1860 г.

По прибытіи графа Н. Н. Муравьева въ Иркутскъ около 15-го іюня, М. С. Карсаковъ былъ тотчасъ уволенъ имъ въ отпускъ, но переписка между ними не прекращалась. Жизнь графа Муравьева за это время въ Иркутскѣ преисполнена была, судя по письму его къ брату Валеріану Николаевичу, различными непріятностями по сношеніямъ съ высшей администраціей. Отказъ Комитета относительно раздѣленія Сибири, медленность Китайскихъ дѣлъ,— все это сильно отражалось на немъ, вслѣдствіе чего онъ страшно скучалъ и болѣлъ нравственно и физически, считая дни, чтобы только оставить Сибирь навсегда. «Теперь я жду у моря погоды или, лучше сказать, выдерживаю карантинъ», писалъ графъ своему брату отъ 8-го іюля; «слава Богу, что теперь лѣто для моего плохого здоровья, а съ наступленіемъ холодовъ будетъ нехорошо, но въ январѣ я надѣюсь отсюда освободиться по возвращеніи Карсакова. Я отжилъ свой вѣкъ и для Сибири, и для Россіи и пребываю здѣсь теперь срочное время, какъ бы въ ссылкѣ; и потому только считаю день за днемъ и принимаю всѣ непріятности, какъ заслуженное наказаніе за то, что переслужилъ.» Кромѣ того, графъ Н. Н. Муравьевъ чрезвычайно былъ взволнованъ дѣйствіями Министерства Финансовъ, которое желало безъ всякой причины, по однѣмъ только интригамъ, отобрать Ново-

маріинскій пріискъ отъ частнаго лица въ казну, и по этому поводу вотъ что писалъ онъ къ М. С. Карсакову отъ 15-го іюля: «Давно я тебѣ не писалъ, чтобъ не тревожить тебя во время отдыха въ Тарусовѣ [1] никакими непріятными мыслями; но теперь наступаетъ время твоей поѣздки въ Петербургъ, гдѣ ты, вѣроятно, будешь въ концѣ августа, а потому прекращаю мое молчаніе и приступаю къ дѣлу. Въ бытность твою въ Петербургѣ ты, вѣрно, будешь имѣть случай говорить съ Государемъ; на этотъ случай посылаю тебѣ копію съ письма моего къ министру финансовъ о Новомаріинскомъ пріискѣ, но въ письмѣ этомъ не сказано главное: о дурномъ вліяніи на золотопромышленность, *когда правительство само хлопочетъ объ отобраніи пріиска въ казну, и хлопочетъ такъ настойчиво*. Григоровъ—негодяй: это вѣрно; но онъ хозяинъ пріиска, и такъ на него смотрятъ всѣ золотопромышленники. Отнимутъ ли у него пріискъ или нѣтъ—я не знаю, ибо дѣло это будетъ и въ Сенатѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ; а между тѣмъ настойчивость правительства распоряженіями Министерства Финансовъ, основанными на Высочайшихъ повелѣніяхъ, чтобъ отобрать этотъ пріискъ въ казну, наводитъ страхъ на всѣхъ владѣтелей пріисковъ. Вѣдь, всѣмъ извѣстно, что казна государственная ничего не выигрываетъ по закону; если пріискъ и зачислятъ въ казну, онъ долженъ по закону поступить къ другому частному владѣльцу, который платитъ въ казну ту же пошлину, какую платилъ и прежній: слѣдовательно, подозрѣвается со стороны правительства желаніе отдать этотъ пріискъ другому лицу по своему усмотрѣнію, отнявши его у прежняго владѣльца! Вотъ гдѣ зло и вредъ для всей золотопромышленности. Подобное дѣло было здѣсь въ началѣ моего назначенія, и покойный Государь чрезвычайно былъ встревоженъ тогдашнимъ направленіемъ своихъ окружающихъ отнимать пріиски у частныхъ лицъ, чтобъ забирать ихъ себѣ, и золотопромышленность остановилась въ своемъ развитіи, доколѣ не возстановилось довѣріе изданіемъ новыхъ законовъ 1851 года, которыми уничтожена раздача остатковъ по Всемилостивѣйшему пожалованію. Но зло собственно не въ томъ, что жалуется *свободный остатокъ*, а въ томъ, что для этого отнимаютъ пріискъ у законнаго владѣльца, и отнимаютъ, конечно, хорошій. Въ сущности, всѣ пріиски частныхъ владѣльцевъ могутъ быть у нихъ отняты въ казну, ибо законы такъ подробны о заявкѣ и разработкѣ, что всегда можно найти причину, чтобъ отчислить пріискъ въ казну. Но въ этомъ вино-

---

[1] Деревня.

ваты законы; польза же казны требуетъ, чтобъ золотопромышленность развивалась: потому не должно принимать доносовъ о неправильности заявки и разработки; въ частныхъ же между собою спорахъ правительство должно предоставлять золотопромышленникамъ разбираться судомъ, *безъ всякаго участія и вмѣшательства административной власти.* Я думаю, что Государь тебѣ повѣритъ, какъ покойный Государь повѣрилъ мнѣ; но если словъ твоихъ мало, то пусть онъ спроситъ у Чевкина: полезно ли, что правительство такъ хлопочетъ, чтобъ отобрать Новомаріинскій пріискъ въ казну. Съ другой стороны, я, какъ генералъ-губернаторъ, вижу въ этомъ административномъ преслѣдованіи частнаго пріиска другое зло: *соблазнъ чиновникамъ, которые употребляются по этому дѣлу;* а между тѣмъ репутація даже и самыхъ честныхъ зависитъ отъ какого-нибудь доносчика, который сидитъ въ Петербургѣ и *по произволу* безпрестанно сообщаетъ Министерству Финансовъ о томъ, что̀ ему не нравится, а Министерство Финансовъ пишетъ генералъ-губернатору, а генералъ-губернаторъ обязанъ принимать все новыя мѣры, которыя, кромѣ общей тревоги, ничего не производятъ. Ужъ еслибъ дѣло шло о спасеніи отечества или края, а то объ отобраніи пріиска у Григорова, чтобъ отдать его другому! Это такъ неприлично, что, право, еслибъ не Китайскія дѣла, для которыхъ я сюда и пріѣхалъ, то я бы, вмѣсто письма Княжевичу, [1] послалъ бы немедленно прошеніе мое объ отставкѣ.

Второе и не менѣе важное дѣло — это у Сухозанета; проси убѣдительно, чтобы прислали скорѣе укомплектованіе для нашихъ регулярныхъ войскъ; его слѣдуетъ до 1.200 челов., и 1.000 изъ нихъ должны вести сплавъ будущаго лѣта, такъ какъ онъ, по несостоятельности Юдина, [2] остался на нашихъ рукахъ. Надо, чтобы люди эти непремѣнно къ намъ прибыли въ теченіе морестава, т. е. въ февралѣ и мартѣ.

Третье дѣло — по письму моему къ Государю о помилованіи Б. и соучастниковъ; [3] всѣ эти люди, какъ благонамѣренные и опытные чиновники, въ краѣ необходимы; а подъ арестомъ употреблять ихъ на службу я не могу; пусть бы ихъ помиловали 30-го августа.

Я ѣду теперь только въ Кяхту и въ Петровскій заводъ, гдѣ мнѣ надо осмотрѣть новыя постройки, и пробуду нѣсколько дней около Селенгинска въ центрѣ Бурятскаго населенія, по дѣлу

---

[1] Министръ финансовъ.

[2] Подрядчикъ.

[3] Осужденные за дуэль.

о Хамбѣ-Ламѣ, чтобъ лично удостовѣриться въ настроеніи Бурятъ по этому дѣлу.»

Объ этомъ путешествіи графа и о его нравственномъ состояніи духа, вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Б. К. Кукеля къ М. С. Карсакову отъ 18-го іюля: «Сегодня Николай Николаевичъ уѣзжаетъ на 12 дней въ Кяхту, въ Бурятскую степь, на Гусиное озеро и въ Петровскій заводъ. Хорошо дѣлаетъ, потому эти послѣдніе дни онъ сталъ что-то хандрить, да и грудь его стала побаливать отъ мѣсяца постоянно сидячей жизни. Уѣзжаетъ Николай Николаевичъ на пароходѣ «Муравьевъ-Амурскій» прямо съ пристани на Ангарѣ противъ Шигаевскаго дома. Сегодня, въ 4 часа, пароходъ этотъ, съ пушечной пальбой, расцвѣченный флагами, торжественно прибылъ въ Иркутскъ и остановился у пристани противъ пароходной конторы. Николай Николаевичъ самъ былъ на пароходѣ поздравить хозяина Рукавишникова [1] съ приходомъ въ Иркутскъ, а на берегахъ все было завалено народомъ.»

По возвращеніи изъ этого путешествія, графъ Муравьевъ не преминулъ донести Великому Князю Константину Николаевичу отъ 5-го августа слѣдующее: «Съ двумя курьерами, пріѣхавшими на дняхъ изъ Николаевска, я получилъ наконецъ извѣстіе объ отплытіи эскадры и Казакевича изъ Николаевска; онъ вышелъ послѣднимъ на пароходѣ «Америка» 18-го іюня. Необходимость дѣльнаго начальника штаба въ Николаевскѣ ощущается все болѣе и болѣе; смѣю надѣяться, что Ваше Императорское Высочество не изволите измѣнить предположенія о назначеніи туда Попова, [2] котораго я здѣсь буду нетерпѣливо ждать, тѣмъ болѣе, что Казакевичъ едва-ли рѣшится ѣхать въ Иркутскъ и Петербургъ прежде пріѣзда въ Николаевскъ Попова; а по моему мнѣнію, поѣздка Казакевича въ столицу, для полученія личныхъ Вашихъ указаній, совершенно необходима.

Смѣю также доложить Вашему Высочеству, что, съ назначеніемъ Попова начальникомъ штаба въ Николаевскъ, слѣдуетъ также назначить ему и приличное содержаніе, ибо прежнее содержаніе начальника штаба весьма неудовлетворительно: оно было установлено для капитанъ-лейтенантовъ, а не для контръ-адмирала.

О плаваніи эскадры Лихачева [3] я не имѣю никакихъ извѣстій: самъ онъ лично, послѣ занятія Новгородской гавани нашимъ постомъ, былъ съ транспортомъ «Японецъ» и клиперомъ «Джигитъ» въ

---

[1] Василій Никитичъ, о которомъ мы упоминали въ предисловіи.

[2] Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ.

[3] Впослѣдствіи контръ-адмиралъ, морской агентъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Печелійскомъ заливѣ, при устьѣ рѣки Бей-Тапги; съ тѣхъ поръ я извѣстій изъ Пекина не получалъ и жду ихъ со дня на день.

Донося Вашему Высочеству рапортомъ по всѣмъ тѣмъ предметамъ, о которыхъ мнѣ пишетъ Казакевичъ, я здѣсь могу только прибавить, что прибытіе въ Николаевскъ 4-хъ мелкосидящихъ пароходовъ для Амура порадовало меня болѣе всего; я ждалъ 2-хъ въ прошломъ году, но они, къ несчастію, потонули, не войдя въ Николаевскъ, вмѣстѣ съ 2-мя же пароходами Амурской компаніи, и это неожиданное несчастіе поставило насъ на Амурѣ и на Уссури въ самое затруднительное положеніе. Теперь эти новые четыре насъ выручатъ, но цѣлымъ годомъ позже, а въ это время сколько наберется пищи зависти, злобѣ и клеветѣ.

За потонувшіе два парохода страховая компанія возвратитъ намъ деньги, и я намѣренъ на эту сумму тотчасъ же заказать другіе два или три парохода у Годефруа и К°, которые такъ хорошо и такъ своевременно доставили намъ послѣдніе четыре: они пришли въ де-Кастри въ первой половинѣ мая.

При всемъ моемъ желаніи побывать послѣдній разъ на Амурѣ — я не могъ и не могу этого исполнить; я прикованъ къ окрестностямъ Кяхты, откуда жду со дня на день Пекинскихъ и Печелійскихъ извѣстій; не могу этого исполнить и потому, что здоровье мое становится день ото дня хуже, и я чувствую себя уже совершенно неспособнымъ къ отдаленнымъ путешествіямъ и къ перенесенію физическихъ трудностей; маленькое путешествіе, которое я сдѣлалъ на дняхъ по Верхнеудинскому округу всего въ 1.800 верстъ, убѣдило меня въ этомъ горестномъ для меня мнѣніи.»

Въ письмѣ отъ 7-го августа, графъ Муравьевъ излагаетъ М. С. Карсакову свои дѣйствія во ввѣренномъ ему краѣ, мысли и предположенія о будущемъ, при чемъ съ большимъ спокойствіемъ разбираетъ положеніе дѣлъ на Амурѣ, приведенныхъ имъ въ стройный порядокъ. «Съ Лавровымъ», пишетъ онъ, [1] «ѣдетъ мнѣніе мое о Нерчинскихъ рабочихъ и копія всего къ тебѣ; я не думаю, чтобъ тебѣ нужно было ждать рѣшенія въ Петербургѣ; но если Комитетъ будетъ немедленно, до полученія моего мнѣнія, то почему же разъ и не посидѣть тамъ для добраго дѣла? Помни, что главная моя забота — прямая выгода Кабинета, который, при настоящемъ порядкѣ, только теряетъ свои доходы, а при новомъ будетъ пользоваться ими вполнѣ. Изъ Пекина нѣтъ никакихъ новыхъ извѣстій и даже никакихъ слуховъ о томъ, что дѣлается въ Печелійскомъ заливѣ; пожалуй, вы объ этомъ прежде узнаете

[1] Адъютантъ генералъ-губернатора.

въ Европѣ, а къ намъ, видно, не пускаютъ почту; наконецъ, я узнаю объ этомъ чрезъ устье Амура. Казакевичъ вышелъ очень поздно по разнымъ причинамъ; но слава Богу, что Лихачевская гавань занята была уже прежде Лихачевымъ. Казакевичъ проситъ значительнаго усиленія средствъ нашихъ военныхъ на вершинахъ Уссури и въ южныхъ портахъ и полагаетъ въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ имѣть по одному регулярному баталіону; это, по моему, лишнее, и совершенно достаточно, если въ обоихъ пунктахъ будетъ современемъ одинъ батальонъ, а теперь по одной ротѣ, какъ это и сдѣлано. Новую дизлокацію войскъ въ этомъ смыслѣ я составлю, покажу тебѣ здѣсь и свезу въ Петербургъ самъ, а къ зимѣ мы получимъ изъ тѣхъ мѣстъ свѣдѣнія, болѣе подробныя.

Съ Амура и Уссури свѣдѣнія теперь благопріятныя; по раннею весною казаки нуждались и въ хлѣбѣ, и въ разныхъ предметахъ, и унывали очень, что̀ всего хуже. Въ этомъ-то неблагопріятномъ видѣ смотрѣлъ ихъ Максимовъ. Онъ ушелъ съ Казакевичемъ въ южные порты.

Я ѣздилъ въ Кяхту, Петровскій заводъ, Кудару и Верхнеудинскъ; мнѣ было нужно лично удостовѣриться о Ламаитскомъ дѣлѣ, а также посмотрѣть урожай въ Верхнеудинскомъ округѣ и работы въ Петровскомъ заводѣ. Вездѣ все благополучно, но теперь неудобно назначать христіанскаго начальника Ламаитскому духовенству, чтобъ Монгольское не сокрушилось, а намъ необходимо нужно, чтобы наши сосѣди, особенно теперь, хорошо о насъ думали; такъ я это дѣло и порѣшилъ и, не назначая Хамбы-Ламы, оставилъ прежнее временное управленіе, а тремъ выбраннымъ кандидатамъ совѣтую выучиться по-русски. Управляющій же временно этимъ духовенствомъ Ванчиковъ нравится обѣимъ сторонамъ, т. е. и отцу Евсевію, который желалъ бы обратить въ нашу вѣру и самого Китайскаго императора, — и Монголамъ, которые знаютъ его за весьма ученаго Ламу.

Вообще извѣстія съ Амура и Уссури весьма миролюбивыя въ отношеніи жителей; но какъ Буссе, такъ и Казакевичъ охотно бы пострѣляли Манджуръ; разумѣется, что я охлаждаю ихъ порывы не только по данной мнѣ инструкціи, но и по собственному убѣжденію, что худой миръ лучше доброй драки; а здѣсь еще главное то, что нашими выстрѣлами мы будемъ убивать простой народъ, который къ намъ не враждебенъ, а мандарины уйдутъ безнаказанно. Впрочемъ, намъ нѣтъ и никакой причины стрѣлять, когда мы все то дѣлаемъ, что̀ хотимъ, и прелагаемъ границу, гдѣ желаемъ, а они только пугаютъ на словахъ и въ глупыхъ прокламаціяхъ, которыхъ никто не читаетъ, и которыя никѣмъ

не подписаны. Для любопытства твоего посылаю тебѣ послѣднюю, присланную мнѣ отъ Буссе. Въ этой прокламаціи ругаютъ меня еще больше съ вершинъ Уссури, чѣмъ Завалишинъ съ вершинъ Амура, т. е. изъ Читы; право, ужъ не сговорились ли они? и откуда это прокламація взяла, что я татарскаго происхожденія? А, вѣдь, это правда: родоначальникъ Муравьевыхъ князь Аляповскій былъ родомъ татарскій мурза. Скажи, пожалуйста, Николаю Онуфріевичу, [1] что, судя по этой прокламаціи, и сосѣди мнѣ не довѣряютъ, а только боятся меня.

Познакомься съ министромъ народнаго просвѣщенія и скажи ему, что необходимо было бы назначить сюда лучшаго директора гимназіи изъ Русскихъ людей, а настоящій нехорошъ во всѣхъ отношеніяхъ; если ты самъ этого не зналъ, то сообщаю тебѣ это съ достовѣрностью: его можно причислить къ министерству и употребить внутри Россіи.

Теперь дерзкихъ жалобъ и доносовъ здѣсь не подаютъ, а посылаютъ прямо въ Петербургъ, гдѣ всѣ они проходятъ безнаказанно, хотя и не относятся къ первымъ двумъ пунктамъ, и хотя бóльшая часть подписаны надлежащими именами; этотъ порядокъ очень нехорошъ, ибо всякій, написавшій дерзкую жалобу и доносъ, самъ здѣсь хвастаетъ и разсказываетъ, что онъ написалъ и подписалъ; а когда дерзость его остается въ Петербургѣ безнаказанною, то слушатели теряютъ уваженіе къ власти, а власть рано или поздно должна будетъ прибѣгнуть къ экстреннымъ мѣрамъ, чтобъ водворить порядокъ между слушателями. Я не вижу никакой пользы 3-му Отдѣленію добровольно уничтожать въ отдаленной сторонѣ кредитъ власти, поставленной отъ правительства; мѣра эта была бы свойственна революціонному обществу, а отнюдь не 3-му Отдѣленію собственной Его Величества Канцеляріи, которое постоянно какъ бы стремится къ этой цѣли, не исключая и поощренія доносовъ Завалишина. Не худо бы поговорить объ этомъ съ княземъ Василіемъ Андреевичемъ Долгорукимъ. За дерзость въ жалобахъ и доносахъ слѣдуетъ предавать подписавшихся тотчасъ же суду, по распоряженію того правительственнаго мѣста, куда доносъ или жалоба поступили, а о справедливости доноса или жалобы сдѣлать законное удостовѣреніе, если признáютъ это нужнымъ, или потребовать объясненія отъ того начальства, на которое принесена жалоба или доносъ. Между прочимъ Подлѣсскій подалъ предерзкую жалобу въ Сенатъ. Сенатъ потребовалъ объясненія, но не предалъ его суду; объясненія я

---

[1] Сухозанетъ.

отослалъ; посмотримъ, что будетъ дальше. Завалишинъ донесъ Долгорукому, что его стѣсняютъ за статьи объ Амурѣ: ты знаешь, что это — совершенная ложь; но 3-е Отдѣленіе никакого распоряженія по этому поводу не сдѣлало, а сообщило только мнѣ для свѣдѣнія, не приславъ даже доноса, который ужъ, конечно, дерзко написанъ.

Самъ я, когда буду въ Петербургѣ, объясню всѣ эти обстоятельства, но сообщаю только тебѣ теперь потому, что можетъ быть разговоръ объ этомъ съ Долгорукимъ или съ Орловымъ.[1] Бѣда не въ томъ, что дерзко говорятъ въ доносѣ о Муравьевѣ или Карсаковѣ, но что высшая власть это не только сноситъ, но и потворствуетъ этому, покуда эти лица занимаютъ мѣста главныхъ начальниковъ въ здѣшней отдаленной сторонѣ. 3-е же Отдѣленіе, какъ око Царево, наиболѣе должно быть осторожно, чтобы не унизить кредита и не ослабить отдаленныхъ властей, Царемъ поставленныхъ; если же изъ пустого любопытства они поощряютъ доносъ, то пусть выбираютъ агентовъ скромныхъ, которые бы не болтали о своемъ занятіи.

Вооружаюсь всевозможнымъ терпѣніемъ, чтобы дождаться твоего возвращенія въ концѣ декабря; не знаю, однакоже, выдержитъ ли мое здоровье, которое при наступающихъ холодахъ быстро упадаетъ; впрочемъ, это не должно мѣшать тебѣ дѣлать дѣло; еслибъ я умеръ или бы такъ заболѣлъ, что не могъ бы заниматься дѣлами, то я передалъ бы управленіе всѣмъ Кукелю, который, вѣроятно, будетъ 30-го августа генераломъ. Ему, какъ члену Совѣта, извѣстно все управленіе и гражданское, а военное принадлежитъ уже безспорно, какъ начальнику штаба. Военный министръ всегда совѣтовалъ мнѣ умереть въ Сибири; можетъ быть совѣтъ его и исполнится; я уже — *прошедшее* и для этого края, и для Россіи, а ты — *будущее;* а потому главное: устрой свои дѣла такъ, чтобы тебѣ здѣсь не было скучно. Зимній путь, кажется, настанетъ нынче рано; холода насъ и теперь одолѣваютъ.

Если послѣ этого письма ты увидишь Государя, то скажи Ему, что мое здоровье, а съ нимъ и нравственныя силы очень упадаютъ; что я безропотно и умру, если не выдержу до декабря, но что, съ возращеніемъ твоимъ, я немедленно уѣду въ Россію, ибо грѣхъ подвизаться на самоубійство, когда къ тому нѣтъ причины, т. е. когда ты возвратишься и вступишь въ обязанность, которую ты будешь исполнять, конечно, лучше меня.»

---

[1] Князь Орловъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

LXX.

Нравственное состояніе графа Муравьева.—Переписка его съ Карсаковымъ.

1860 г.

Мрачное настроеніе духа графа Н. Н. Муравьева и мысль оставить Сибирь навсегда—не покидали его. Человѣкъ своего времени, съ умомъ государственнымъ и проницательнымъ, онъ ясно видѣлъ, что его дѣятельность, направленная исключительно на подъёмъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія ввѣреннаго ему края, не получала ни должной оцѣнки, ни должнаго довѣрія въ Петербургѣ; мало того, такое учрежденіе какъ 3-е Отдѣленіе придавало значеніе и даже поддерживало разные ложные доносы, на его административныя дѣйствія, Завалишина и другихъ; все это сильно подтачивало его здоровье и отнимало у него ту энергію, какую онъ неустанно проявлялъ вначалѣ, и на его долю выпала настолько суровая борьба съ министрами, и настолько она шла въ разладъ съ понятіями нѣкоторой части общества, что онъ невольно приходилъ къ заключенію о своей дѣятельности, выраженному имъ самимъ въ одномъ изъ писемъ къ Карсакову: «*я переслужилъ.*» Но несмотря на все это, заботливость его о краѣ не прекращалась. Насколько это нравственное положеніе графа Муравьева было тяжело, и насколько онъ заботился о благосостояніи края—можно судить изъ слѣдующихъ его писемъ изъ Иркутска къ М. С. Карсакову.

20-го августа. «Сгибневъ [1] ѣдетъ курьеромъ въ Петербургъ и везетъ разныя нужныя бумаги, и въ томъ числѣ смѣты Мор-

---

[1] Морской офицеръ, состоявшій при генералъ-губернаторѣ.

скаго Министерства. Мнѣ страннымъ кажется покровительство Завалишину; не знаю, въ чемъ заключаются ихъ мнѣнія, съ которыми ты *вполнѣ согласенъ*, но я въ эти два послѣдніе мѣсяца въ Иркутскѣ успѣлъ убѣдиться, что ложныя сообщенія, оставляемыя безнаказанными, ведутъ къ результатамъ нехорошимъ; результаты эти не успѣютъ развернуться въ четыре мѣсяца, которые я здѣсь пробуду, но совѣтую тебѣ не такъ скоро *вполнѣ соглашаться* и не вѣрить Петербургскимъ откровенностямъ. Я же рѣшительно признаю неудобнымъ оказывать какія бы то ни было льготы Завалишину, который признается здѣшнимъ обществомъ подъ покровительствомъ 3-го Отдѣленія, а отнюдь не за статьи его объ Амурѣ. Извѣстія изъ Китая очень неутѣшительны. Императоръ собирается бѣжать въ Манджурію подъ предлогомъ осенней охоты; въ другое время я бы призналъ это для Россіи полезнымъ, но съ тѣхъ поръ, какъ я убѣдился въ немощи нашей, не только матеріальной, но и нравственной, то опасаюсь всякаго переворота на границѣ, какъ на восточной, такъ и на западной; опасаюсь еще болѣе внутреннихъ смутъ на Западѣ, т. е. въ Европейской Россіи, и душевно желаю «удалиться отъ зла, чтобы совершить благо» — по словамъ Священнаго Писанія. Можетъ быть, и состояніе моего здоровья внушаетъ мнѣ эти мысли, но сознаюсь откровенно, что я бы желалъ покойно просидѣть въ Иркутскѣ до января, покойно уѣхать изъ Петербурга въ концѣ февраля, и потомъ распрощаться съ Завалишинымъ и *его покровителями*, и притомъ *со всѣми* — навсегда.

Нынѣшній сплавъ по Амуру идетъ чрезвычайно поздно, и я болѣе всего боюсь за участь гражданскихъ переселенцевъ, идущихъ въ Приморскую область: они должны были быть на мѣстѣ въ началѣ іюля, а будутъ только въ концѣ августа: эти шесть недѣль сдѣлаютъ страшную разницу въ постройкѣ жилищъ. Казакевичъ сталъ менѣе дѣятеленъ, и если Великій Князь не пошлетъ сюда немедленно Попова въ начальники штаба, то тамъ добру не бывать. Вообще морское вѣдомство ведетъ себя здѣсь очень дурно, и слѣдуетъ вдругъ все перемѣнить, о чемъ, если можешь, переговори съ Краббе. [1] Я оставилъ ему свои замѣчанія о нѣкоторыхъ офицерахъ, но только имѣю присовокупить, что о комъ я былъ средственнаго мнѣнія, теперь сталъ мнѣнія дурного. Грѣхъ будетъ Великому Князю за флотилію и порты Восточнаго океана, если онъ замедлитъ высылку сюда Попова. Познакомься съ Василіемъ Александровичемъ и скажи ему, какія я возлагаю

[1] Управляющій Морскимъ Министерствомъ.

на него надежды: право, какъ на Спасителя; только пусть онъ тотчасъ выберетъ отличнаго капитана надъ портомъ, вмѣсто Петровскаго, человѣкъ шесть командировъ для судовъ и столько же оберъ-офицеровъ.

Не знаю, гдѣ и въ какомъ обществѣ застанетъ тебя это письмо, потому и не позволяю себѣ распространяться о многомъ, о чемъ хотѣлось бы переговорить съ тобою.

Подумай о губернаторѣ для Красноярска: Падалка ни въ какомъ случаѣ не останется, а здѣсь никто для этого назначенія не годится, развѣ Деспотъ-Зеновичъ, который мастеръ приводить въ христіанскую вѣру мошенниковъ-чиновниковъ, но у него у самого, какъ и у всякаго, есть кое-какіе недостатки; наконецъ, еслибъ ты думалъ, что Извольскій [1] съ пользою занялъ бы мѣсто Падалки, то надобно его замѣнить въ Иркутскѣ, для чего также искать человѣка въ Петербургѣ, а не здѣсь.

Разумѣется, что всѣ эти соображенія я излагаю, какъ совѣты, а твое уже дѣло будетъ рѣшать, когда я уѣду, и ты получишь извѣстіе, что я уволенъ совсѣмъ отъ должности.

Болѣе и болѣе сожалѣю о томъ, что Игнатьевъ выѣхалъ изъ Пекина, гдѣ въ настоящее, трудное для Китайскаго правительства, время, онъ бы имѣлъ большое значеніе. Не мало тебѣ будетъ предстоять новаго и славнаго дѣла въ Восточной Сибири на время твоего управленія. Обстоятельства непремѣнно предадутъ намъ въ руки Монголію и Манджурію, и, конечно, это совершится чрезъ нѣсколько лѣтъ, если Россія оправится отъ своего настоящаго, грустнаго во всѣхъ отношеніяхъ, положенія.»

19-го сентября. «Спроси у Сергѣя Степановича Ланскаго [2] какую просьбу ему написалъ Петрашевскій, и какъ ему было не совѣстно присылать эту просьбу ко мнѣ. Мнѣ, разумѣется, оставалось только возвратить эту просьбу къ Петрашевскому съ надписью: но министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ былъ поступить иначе. Отъ Завалишина и другихъ принимаются въ Петербургѣ просьбы съ самыми дерзкими выраженіями, и прощается имъ все: откуда эта привилегія? Чтожъ бы они сказали, еслибъ кто-либо сталъ писать имъ дерзости и самыя нелѣпыя клеветы на одного изъ нихъ же? Но для Сибири вредно то, что Завалишинъ, Петрашевскій и др. пишутъ оффиціально къ министрамъ самыя дерзкія ругательства и клеветы на мѣстныя въ Сибири власти, не исключая главныхъ, и остаются безнаказанными; разу-

[1] Иркутскій губернаторъ.

[2] Министръ внутреннихъ дѣлъ.

мѣется, что они всѣмъ разсказываютъ и показываютъ, что они написали, ибо подписали имя свое. Вѣдь, до того дошло, что ихъ боятся; на дняхъ редакторъ «Амура» говорилъ мнѣ, что Завалишинъ грозилъ оборвать его (разумѣется, за правдивыя статьи Карпова и Романова). Въ Читѣ давно боятся Завалишина. Въ Минусинскѣ я перемѣнилъ окружнаго начальника и назначилъ такого, который бы не боялся Петрашевскаго: а все оттого, что они стращаютъ доносами своими въ Петербургъ. Сообщаю тебѣ все это для того, чтобы ты могъ предварительно переговорить, съ кѣмъ слѣдуетъ, для устраненія всякихъ недоразумѣній, и въ особенности потому, что тебѣ придется, можетъ быть, много лѣтъ жить въ Сибири, и что къ тебѣ, вѣроятно, есть какое-нибудь довѣріе; мои же слова, какъ я вижу и видѣлъ, не имѣютъ никакого значенія въ Петербургѣ. *Доживаю* мои послѣдніе три мѣсяца въ Сибири.

О производствѣ Кукеля въ генералы хоть къ 6-му декабря— твое дѣло похлопотать; а для меня, навѣрное, ничего не сдѣлаютъ так и скажи Сухозанету. Прежде еще сдѣлали бы что-нибудь, хоть не изъ довѣрія, а изъ того, чтобы я не вышелъ въ отставку; а теперь, когда знаютъ, что уже ничѣмъ меня здѣсь удержать не могутъ, они даже рады будутъ сдѣлать все противное тому, о чемъ я просить буду. Можетъ быть, я ошибаюсь, но ужъ одного глубокаго убѣжденія этого достаточно, чтобы удалиться отъ нихъ окончательно и никогда никакого дѣла съ ними не имѣть. Убѣжденіе это я получилъ не безъ основанія въ послѣдніе два года моего пребыванія здѣсь, почему и говорю, что я здѣсь два года *«переслужилъ»*.

23-го сентября. «Не думалъ было писать тебѣ сегодня, но, написавъ о Китайскихъ дѣлахъ Ковалевскому,[1] не могу не сообщить объ этомъ и тебѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Пекина, союзники были въ іюлѣ въ Печелійскомъ заливѣ, а въ августѣ шли между ними и Богдыханомъ переговоры: по всему этому я жду со дня на день курьера отъ Игнатьева. Тѣмъ не менѣе я послалъ вчера Шишмарева[2] въ Пекинъ и далѣе, гдѣ найдетъ Игнатьева, для полученія достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что тамъ дѣлается. Шишмаревъ возвратится сюда въ ноябрѣ и, можетъ быть, вмѣстѣ съ Игнатьевымъ.

Съ Шишковымъ[3] пойдутъ въ Петербургъ всѣ проекты о

---

[1] Егоръ Петровичъ, директоръ Азіатскаго Департамента.

[2] Яковъ Парѳентьевичъ, переводчикъ.

[3] Адъютантъ атамана Забайкальскаго казачьяго войска.

преобразованіяхъ: о ссыльныхъ, о заселеніи на Амурѣ, —которые оставались за мною въ недоимкѣ. Я посылаю все это впередъ себя за три мѣсяца, чтобы успѣли въ Комитетѣ потребовать мнѣнія, отъ кого слѣдуетъ, и чтобы по пріѣздѣ моемъ въ концѣ января могли тотчасъ рѣшить эти дѣла. Но если Бутковъ [1] тебѣ скажетъ, что всѣ или нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть немедленно разсмотрѣны въ Комитетѣ при тебѣ въ ноябрѣ, то и слава Богу: мнѣ останется только привезти съ собою проектъ окончательнаго военнаго преобразованія, за уничтоженіемъ гарнизонныхъ батальоновъ; это дѣло не можетъ долго задержать меня въ Петербургѣ. Какъ видишь, я, несмотря на болѣзнь, грусть и апатію, занимаюсь дѣломъ и стараюсь очистить всѣ числящіяся за мною недоимки, но это только для успокоенія совѣсти, а сердце мое никакого участія въ этомъ дѣлѣ не принимаетъ; пусть рѣшаютъ, какъ имъ угодно, а моя единственная цѣль — уѣхать изъ Россіи надолго и заботиться только о себѣ, о моемъ семейномъ бытѣ и о здоровьѣ.» [2]

2-го октября. «Всѣ извѣстія изъ Китая вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ одно главное для меня обстоятельство, что союзники не пойдутъ въ Пекинъ; что Игнатьевъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Брюсомъ и Бурбулономъ [3] и, разумѣется, съ Уардомъ; мнѣ также весьма пріятно, но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ сойтись такъ же близко съ Эльфиномъ и Гро, которые только-что пріѣхали въ Шанхай, когда Игнатьевъ отправлялъ свои письма въ Пекинъ и ко мнѣ. Дальнѣйшихъ извѣстій жду изъ Пекина со дня на день и даже ѣду къ нимъ навстрѣчу за Байкалъ, гдѣ мнѣ нужно осмотрѣть артиллерію, а, можетъ быть, проникну до Срѣтенска, гдѣ должны зимовать новые наши два парохода. Поѣздка за Байкалъ мнѣ нужна также, чтобы не праздновать здѣсь мои именины 14-го числа; [4] ты поймешь, почему въ нынѣшнемъ году я этого очень желаю избѣгнуть. Игнатьевъ надѣется застать меня въ Иркутскѣ. Я полагаю, что онъ застанетъ насъ обоихъ, если пріѣдетъ въ декабрѣ; но время его пріѣзда опредѣлить трудно: это будетъ зависѣть отъ окончанія въ Пекинѣ дѣлъ союзными посланниками; теперь же я только жду извѣстій о пріѣздѣ ихъ всѣхъ туда. Мнѣ очень не нравится намѣреніе союзниковъ зимовать въ Тянь-Дзинѣ, но я надѣюсь, что пріѣздъ Эльфина и Гро измѣнитъ это предположеніе. Не знаю,

[1] Государственный секретарь, управляющій дѣлами Сибирскаго Комитета.

[2] Это письмо было подписано не полнымъ титломъ, какъ предыдущія его письма, т. е. графъ Муравьевъ-Амурскій, а просто такъ: «Н. Муравьевъ»; а въ скобкахъ прибавлено: «(прочія титла и названія я отдаю имъ на съѣденіе, такъ жестоко преслѣдующимъ меня за нихъ.)»

[3] Французскій посланникъ въ Пекинѣ.

[4] Ноября.

что̀ будетъ съ эскадрою Лихачева: если она прибудетъ въ октябрѣ или ноябрѣ въ Печелійскій заливъ, то ей придется зимовать въ чужихъ портахъ, а къ намъ въ Николаевскъ она не поспѣетъ до льдовъ. Медленность союзниковъ вгонитъ и насъ въ лишнія издержки и надѣлаетъ путаницу въ распредѣленіи судовъ. Казакевичъ побывалъ только въ южныхъ портахъ и въ Хакодаде и возвратился въ Николаевскъ 5-го августа. Рапортомъ его къ Великому Князю, посланнымъ съ Кукелемъ, я очень недоволенъ: вижу, что онъ до того облѣнился, что не могъ написать обстоятельнаго донесенія. Противъ этого рапорта я пишу Его Высочеству объясненіе, и, хотя это будетъ очень непріятно Казакевичу, котораго я жду сюда на дняхъ, но нельзя же не опровергнуть ложнаго его взгляда на новую страну.

Въ Сибирскій Комитетъ я посылаю съ Шишковымъ нѣсколько проектовъ: 1-й, о земляхъ на Амурѣ вмѣстѣ съ Городскимъ Положеніемъ Амурскихъ городовъ; 2-й, о ссыльныхъ въ Восточной Сибири, и 3-й, преобразованіе губерній Иркутской и Енисейской на образецъ Забайкальской области.

Много бы еще писалъ тебѣ, да не клеятся мысли: въ послѣднее время я чувствую себя хуже прежняго и нравственно и физически; развѣ Забайкальская поѣздка поправитъ, а въ Иркутскѣ мнѣ ужъ очень тошно.

Надѣюсь, впрочемъ, что высшее правительство не будетъ раздѣлять мнѣнія Сухозанета и признаетъ справедливымъ отпустить меня лѣчиться безсрочно. Я готовъ дать подписку, что не вернусь въ Россію столько времени, сколько это имъ будетъ нужно: пожалуй, и писать никогда не стану о томъ, гдѣ находиться буду это время.

Еслибъ Его Высочество, получивъ мой рапортъ объ экспедиціи Казакевича, спросилъ тебя, что̀ это значитъ, то объясни ему, что я болѣе дорожу правильнымъ взглядомъ на вещи, чѣмъ лицами, и потому такъ рѣзко опровергаю своего стариннаго подчиненнаго, которому легко было ошибаться въ своемъ взглядѣ, когда онъ столько лѣтъ не выѣзжалъ изъ Николаевска и окруженъ всякою дрянью, такъ что и поговорить-то порядочно не съ кѣмъ. Это служитъ большимъ доказательствомъ къ тому, что Казакевичу необходимъ такой сотрудникъ, какъ Поповъ, и что полезно ему побывать въ Петербургѣ. Сверхъ того, съ Казакевичемъ плавалъ Максимовъ, а Максимовъ подружился съ Завалишинымъ—вотъ и «гавани и заливы Петра Великаго не нужны, и переговоры съ Японіею только повредили!» А Максимовъ, разъѣзжающій вездѣ отъ имени Его Высочества, производитъ и этимъ уже впечатлѣніе

на всѣхъ, особенно на моряковъ. Что̀ за несчастный этотъ Амуръ! Ни Кавказъ, ни Оренбургскій край никогда не подвергались подобнымъ инквизиціямъ, и нигдѣ оцѣнка дѣйствій высшаго правленія въ краѣ не подчинялась доносамъ Петрашевскихъ, Розенталей и т. п. Если все это для того только, чтобы меня вывести изъ терпѣнія, то этого уже давно достигли и пора перестать.»

4-го октября. «Вчера получены приказы отъ 30-го августа и газеты отъ 2-го сентября изъ Петербурга, но писемъ нѣтъ ни отъ тебя, ни отъ Сухозанета, и ничего по моимъ представленіямъ; ты, конечно, понимаешь, какое это произвело на меня впечатлѣніе; но *я доживаю* мой срокъ и долженъ покуда молчать. Въ концѣ января все объяснится въ Петербургѣ, и чѣмъ проще я выѣду за границу, тѣмъ будетъ *лучше для меня.* Передъ Европою ни Завалишинъ, ни Петрашевскій не могли убить Амура и унизить то уваженіе, которымъ мнѣ обязаны современники. Желаю тебѣ всякаго успѣха и побольше недовѣрія, ибо сомнѣніе есть признакъ мудрости.»

13-го октября. «Спасибо тебѣ за хлопоты объ укомплектованіи нашихъ войскъ; впрочемъ, это особенно нужно для твоего времени, а потому ты хлопоталъ самъ для себя. Конечно, мнѣ не можетъ быть весело мое настоящее здѣсь пребываніе, при всѣхъ тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятностяхъ, которыя приходится переносить; но духомъ я не падаю и только становлюсь все больше и больше золъ, и боюсь, чтобы это не перешло мѣры. Я къ тебѣ о многомъ писалъ съ Шишковымъ, писалъ также, что я уѣзжаю за Байкалъ, но неблагопріятныя обстоятельства на морѣ заставили меня вернуться; а сегодня я ѣду за Ангару до Култука [1] осматривать новыя казачьи поселенія и дорогу около Байкала сухимъ путемъ, но возвращусь сюда въ воскресенье, ибо жду со дня на день Казакевича. Убѣдительно прошу тебя увѣрить всѣхъ и каждаго въ Петербургѣ, что я теперь рѣшительно никуда не годенъ, а прежде всего совѣтую и самому тебѣ въ этомъ увѣриться. Никакія въ свѣтѣ дѣла не могутъ удержать меня на службѣ, прежде чѣмъ я не вылѣчусь радикально за границею и водами и воздухомъ, а на это нужно, по крайней мѣрѣ, два года. Увѣреніе это необходимо для всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ долго видѣть меня въ Петербургѣ, а ихъ очень много. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я тотчасъ буду проситься въ отпускъ безсрочно до излѣченія болѣзни, съ пансіономъ, какъ отставной; а если на это не согласятся, то попрошусь въ чистую отставку также съ пансіономъ; а если въ этомъ откажутъ, то

---

[1] Селеніе на берегу Байкала по Кругоморскому тракту.

уйду и безъ пансіона. Я сталъ дорожить жизнію съ тѣхъ поръ, какъ чувствую, что мнѣ недолго жить. Государь, вѣроятно, обо мнѣ съ тобою говорить не будетъ; но еслибъ спросилъ, то скажи, что я черезъ силу доживаю здѣсь мои послѣдніе три мѣсяца.

Пренебреженіе Сухозанета къ моимъ представленіямъ и письмамъ меня не огорчаетъ и не удивляетъ: въ понятіяхъ ихъ о производствахъ, какъ видно, и Крымская война ихъ не проучила — чтожъ дѣлать? а съ другой стороны, у нихъ есть примѣръ на Кавказѣ, что повышеніе молодого человѣка всегда полезно. Попова не произвели и не назначили въ Восточный океанъ. Если и съ этой стороны дѣлается мнѣ наперекоръ, то, право, это не государственный взглядъ.

Извѣстія отъ Игнатьева вообще порадовали меня; между прочимъ онъ спрашиваетъ меня, пропустятъ ли лорда Эльфина и корреспондента Times черезъ Монголію и Сибирь, какъ они того желаютъ. Но письмо его я получилъ такъ поздно, что отвѣтъ на него поспѣлъ бы въ Пекинъ только въ ноябрѣ, и въ это время конечно, уже никакой лордъ не поѣдетъ по Монголіи, а потому придется ему рѣшить этотъ вопросъ самому, но мнѣ совѣстно было бы принимать въ моемъ домѣ Англичанъ, которые, вѣроятно, воображаютъ, что генералъ-губернаторъ графъ Амурскій живетъ не хуже ихъ Индійскаго генералъ-губернатора.

Больше писать, кажется, нечего; развѣ только попросить принести мое глубочайшее почтеніе Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, если будешь имѣть къ тому случай: она одна, кажется, искренно ко мнѣ расположена въ Петербургѣ и подозрѣваетъ во мнѣ какія-то способности: но въ этомъ рѣшительно ошибается, потому что *теперь* я положительно ужъ ни на что не годенъ.»

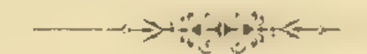
30-го октября. «Хлѣбный закупъ составляетъ теперь мою главную заботу; ранній снѣгъ завалилъ много хлѣба на корню, и отъ этого происходитъ не мало затрудненій и повышеніе въ цѣнахъ. Завалишины и проч. тоже не мало мѣшаютъ дѣлу, внушая всѣмъ и каждому, чтобы не продавали хлѣба казнѣ и чтобъ просили какъ можно дороже. Слава Богу, что намъ не приходится покупать въ Минусинскомъ округѣ, а то бы Петрашевскій тамъ былъ помѣхою. Дорого эти люди обойдутся правительству.

Вчера я получилъ письмо твое отъ 2-го сентября; я, право, не помню, чтобъ въ письмахъ своихъ я нападалъ на тебя, да и причины не было; а совѣтовалъ я тебѣ только не вѣрить всему тому, что тебѣ говорили въ Петербургѣ. Но теперь, изъ послѣдняго письма твоего вижу, что ты требуешь лишняго: формы, правила и канцелярскія придирки будутъ существовать, онѣ не помѣшали мнѣ однакожъ сдѣлать здѣсь все то, что сдѣлалось

въ 13 лѣтъ. Положеніе твое здѣсь будетъ то же самое, какъ было мое съ 1848 и до 1858 года, и даже лучше; слѣдуетъ только себя обезпечить въ отношеніи нравственнаго, а не бумажнаго къ себѣ довѣрія. Министры не имѣютъ причины тебя чернить; тоже и 3-е Отдѣленіе, а мелочные завистники не заслуживаютъ вниманія и не представляютъ никакого опасенія. Просьбы о твоемъ увольненіи я ни въ какомъ случаѣ не могу взять въ Петербургъ: это было бы совершенно несвоевременно, а означало бы только капризъ. Чтобы имѣть право просить увольненія, надобно сначала испытать, какъ будутъ вести себя съ тобою, и ранѣе года просить увольненія неприлично; скажу даже больше: и черезъ годъ-то надобно прежде пріѣхать въ Петербургъ объясниться и тогда уже, если объясненія будутъ неудовлетворительны, просить увольненія. Повѣрь мнѣ хоть на слово: графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій для нихъ тяжелъ, а всякаго другого генералъ-губернатора будутъ они сами поддерживать, не будутъ за нимъ шпіонничать и не будутъ радоваться доносамъ, которые на него будутъ дѣлать; а на меня доносамъ всегда радуются, чтобъ почаще докладывать Государю дурное; они боятся моего титула не въ Сибири, а для Петербурга: боятся въ отношеніи того же самаго Государя, а потому и нужно имъ, чтобъ на этомъ титулѣ были пятна. Всего этого они уже достигли, но это до тебя не касается; лѣтъ пять они тебя бояться не будутъ. Не спорю, что въ письмахъ моихъ много желчи, да и мудрено ли, когда печень такъ распухла, что душитъ меня всякій день; подъ ложечкой гора дѣлается; грудь постоянно болитъ: какъ камень на ней лежитъ. Сомнѣніе мое въ томъ, доживу ли я до выѣзда отсюда совсѣмъ не романическое, а я дѣйствительно такъ плохо чувствую себя физически; наружность моя для всякаго обманчива; но я увѣренъ, что еслибъ меня увидѣлъ теперь мой Маріенбадскій докторъ Зейдлеръ, то, навѣрное, заставилъ бы меня зимою пить воду изъ Крейцбруна и присовѣтовалъ бы никогда и ни за какое дѣло не браться.

Въ отчетѣ моемъ прочти статью дипломатическихъ сношеній; можетъ быть, и Ковалевскій будетъ сю недоволенъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Горчаковъ; но нельзя же мнѣ скрыть факты, хотя это и за прошлое время.

Обнимаю тебя. Пріѣзжай, не пріѣзжай, а съ января я уже не буду управлять, если прежде того не случится какой-нибудь *конорашка*.»

LXXI.

Зимній сезонъ 1860 года въ Иркутскѣ.—Заключеніе Н. П. Игнатьевымъ дополнительнаго Пекинскаго договора.—Его пріѣздъ въ Иркутскъ и проводы въ его честь.—Дѣятельность графа Муравьева въ Иркутскѣ за это время. Письмо его къ М. С. Карсакову. -Возвращеніе Карсакова въ Иркутскъ. Графъ Муравьевъ сдаетъ ему свою должность.—Прощальные обѣды въ честь графа Муравьева.—День его отъѣзда.—Нѣсколько словъ о дѣятельности графа Муравьева-Амурскаго въ Сибири.

—

1860—1861 г.

—

«Благодаря пребыванію въ Иркутскѣ графа Н. Н. Муравьева и измѣнившимся отношеніямъ его къ обществу,» пишетъ Б. Милютинъ, [1] «конецъ 1860 года былъ весьма оживленъ. Графъ Муравьевъ обладалъ драгоцѣннымъ даромъ оживлять всякое общество, въ которомъ онъ показывался. Государственныя заботы, личныя думы—откладывались въ сторону. Пріятнѣйшій собесѣдникъ, ровный со всѣми, онъ не стѣснялъ никого, не нагонялъ гробового молчанія, не принуждалъ сосредоточиваться около него и слушать только его.»

Начало зимняго сезона ознаменовалось историческимъ событіемъ: 2-го ноября былъ заключенъ Н. П. Игнатьевымъ дополнительный Пекинскій договоръ. Китай окончательно призналъ за Россіею право на владѣніе столбовою дорогою въ Великому океану—рѣкой Амуромъ, а также громаднымъ богатымъ Уссурійскимъ краемъ, возбуждавшимъ въ будущемъ блестящія надежды. Этимъ договоромъ окончательно подтвердились всѣ пункты Айгунскаго трактата и Тянь-Дзинскаго договора. Такимъ образомъ Россія, однимъ взмахомъ, перенеслась съ широкаго устья Амура къ Корейскому

[1] Историческій Вѣстникъ. 1888 г., стр. 628.

полуострову и разомъ приблизилась къ кипучему центру Европейской торговли и предпріимчивости въ Великомъ океанѣ—къ Китайскому морю. «Надо помнить,» объясняетъ А. Максимовъ, [1] «что Китай, уступая Амуръ и Уссури, исполнилъ требованія Россіи только благодаря энергіи графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Китайцы, видя такую его настойчивость, никакъ не предполагали, что за нимъ стоитъ всего только нѣсколько сотъ штыковъ; имъ казалось, что рѣшительныя дѣйствія графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго могли опираться лишь на грозную военную силу—и они уступили, но уступили въ намѣреніи и надеждѣ вернуть потерянное. уступили съ затаенною злобою и ненавистью къ Русскимъ пришельцамъ.»

Окончаніе Китайскихъ дѣлъ чрезвычайно успокоило нравственное состояніе графа Муравьева, и онъ, вполнѣ воздавая должное заслугамъ Н. П. Игнатьева. въ проѣздъ его черезъ Иркутскъ, послѣ заключенія этого трактата, устроилъ ему, если не торжественный. то глубоко сочувственный пріемъ. Встрѣтивъ его лично на перевозѣ, графъ Муравьевъ провелъ его въ залу своего дома, гдѣ городское общество поднесло гостю хлѣбъ-соль: затѣмъ, въ другой залѣ, ожидало главное управленіе, т. е. Совѣтъ и чиновники особыхъ порученій. «Это», сказалъ графъ Муравьевъ. «мои ближайшіе совѣтники и товарищи. Они, какъ и я, высоко цѣнятъ заслугу, которую вы оказали Россіи, и въ частности Сибири.» [2] Затѣмъ послѣдовали обѣды. литературный вечеръ, любительскій спектакль. сопровождавшійся ужиномъ, наконецъ проводы. устроенные по подпискѣ. Проводы происходили въ загородномъ домѣ. Началось съ чиннаго обѣда и съ не менѣе чинныхъ спичей: но потомъ все перемѣшалось—пошли спичи другого рода, закончилось пѣніемъ.... Графъ Муравьевъ былъ неизмѣнно ровенъ, веселъ. Его присутствіе не стѣсняло никого.»

Послѣ этихъ проводовъ пошла опять обычная жизнь. Графъ Муравьевъ съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда М. С. Карсакова, чтобы сдать ему свою должность и оставить Сибирь навсегда, такъ какъ многолѣтніе утомительные труды его и постоянныя заботы до такой степени разстроили его здоровье, что онъ не могъ болѣе продолжать службы въ Сибири съ прежнею энергіею; между тѣмъ онъ не переставалъ заботиться о своемъ юномъ краѣ. Переселеніе продолжалось: въ 1860 году прибыли въ Приморскую область 1.806 душъ обоего пола крестьянъ изъ Вятской, Пермской,

---

[1] Русск. Вѣстникъ. 1888 г., стр. 244 и 249.

[2] Историческій Вѣстникъ. 1888 г., стр. 628—629.

Воронежской, Тамбовской и Орловской губерній со скотомъ 946 головъ. Крестьяне эти поселены, по указанію графа Муравьева, между Хабаровкой (на устьѣ Уссури) и Маріинскомъ и составили такимъ образомъ продолженіе поселеній, основанныхъ въ 1855 году М. С. Волконскимъ между Маріинскомъ и г. Николаевскомъ. Первоначально новые поселенцы размѣстились на лѣвомъ берегу р. Амура, но наводненіе 1861 года вынудило ихъ переселиться на правый берегъ рѣки; и въ настоящее время на лѣвомъ берегу Амура, начиная отъ впаденія Уссури и до г. Николаевска, нѣтъ Русскихъ селеній, за исключеніемъ миссіонерскаго стана у озера Болонь и селенія Сергіевскаго, въ 6-ти верстахъ отъ Николаевска. Въ Амурскую область тоже прибыло 524 д. обоего пола крестьянъ, которые и образовали пять новыхъ селеній. Казаковъ въ этомъ году переселено изъ Забайкалья, для укомплектованія казачьяго войска, 3.411 душъ обоего пола, которые образовали на Амурѣ двѣ новыя станицы, что̀ составило съ прежними 61 станицу, а остальная, и бо́льшая, часть казаковъ-переселенцевъ этого года поселена на Уссури и образовала съ прежними 23 станицы. Къ казакамъ въ этомъ году приселено 586 штрафныхъ солдатъ. Населеніе Амурской области въ этомъ году простиралось до 11.629 д. обоего пола.[1]

Наконецъ, узнавши о выѣздѣ М. С. Карсакова изъ Петербурга, графъ Муравьевъ написалъ ему слѣдующее письмо отъ 23-го декабря: «Посылаю Бютцева тебѣ навстрѣчу до Ачинска: вѣрно, ты съ нимъ встрѣтишься 27-го числа, если не задержали тебя въ Петербургѣ; тогда Бютцевъ подождетъ тебя до Крещенья. Новаго ничего у насъ нѣтъ. Пріѣхалъ Штубендорфъ,[2] въ концѣ января пріѣдутъ Жуковскіе[3] и Деспотъ-Зеновичъ. Всѣ хотятъ со мною проститься, а съ новымъ владыкою встрѣтиться.

Письма твои и Сухозанета были мнѣ весьма неутѣшительны, но я все-таки жду лучшихъ извѣстій отъ 6-го декабря. Неужели они не опомнятся? Я Сухозанету не отвѣчалъ, а отвѣчалъ только его женѣ за поздравленіе ея съ именинами моей жены. Они прочатъ Суворова въ Варшаву, и для того хотятъ увѣрить, что я еще необходимъ въ Сибири. Какъ же мало они меня знаютъ! Я отъ души порадуюсь назначенію Суворова въ Царство Польское: онъ честный и благородный человѣкъ: c'est un galant aristocrate, что̀ именно и нужно въ Варшаву; но если Александръ Македон-

[1] Ф. Шперкъ. Записки Импер. Русск. Географ. Общ., стр. 387—388.

[2] Ю. И. Якутскій губернаторъ.

[3] Е. М. Жуковскій, назначенный Читинскимъ губернаторомъ и атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска.

скій — великій человѣкъ, то все же нѣтъ причины хоронить меня въ Сибири. Разумѣется, что я никакихъ приглашеній и предложеній не приму ни въ Сибирь, ни куда; теперь, благодаря Игнатьеву, совѣсть не грызетъ меня за Китайскія дѣла; но главное въ томъ, что они не видятъ и не ощущаютъ, какъ я пересталъ быть годенъ на всякое дѣло; не хотятъ понять, что у меня есть совѣсть, и что *переслуживать* — по моему преступленіе. Впрочемъ, я напрасно трачу время, чернила и бумагу: обо всемъ этомъ мы съ тобою поговоримъ и безъ этихъ посредниковъ.

Гдѣ-то ты встрѣтился съ Игнатьевымъ? Какая горячая душа на пользу Россіи, не говоря уже о его незамѣнимыхъ заслугахъ. Иркутскъ сталъ гораздо лучше: всѣ звѣри присмирѣли. Жду тебя не только для того, чтобъ уѣхать отсюда, но и для того, чтобъ тебя видѣть и отвести съ тобою душу.» Это письмо графа Муравьева было уже послѣднее изъ Иркутска.

По возвращеніи М. С. Карсакова изъ Петербурга, графъ Муравьевъ въ первыхъ числахъ января 1861 года сдалъ ему свою должность. «Насталъ», пишетъ Б. Милютинъ,[1] «и день окончательнаго отъѣзда Муравьева. Ни для кого не было тайной, что онъ уѣзжаетъ навсегда. Отъѣзду предшествовали обѣды, въ томъ числѣ и отъ Совѣта Главнаго Управленія. Обѣдомъ распоряжался, присяжный въ то время устроитель, членъ Совѣта Сельскій, а помогалъ ему докторъ Перешнъ. Обѣдъ обошелся въ 75 р. съ лица. Ужъ это одно говоритъ, что онъ долженъ былъ быть задуманъ на славу; говорились искренніе или неискренніе спичи.

Назначенный для отъѣзда день начался въ соборѣ, въ которомъ, при архіерейскомъ служеніи, графъ Муравьевъ, окруженный обществомъ, отстоялъ напутственный молебенъ. Площадь, или лучше сказать, рядъ площадей, окаймлявшихъ соборъ, кишѣли народомъ. Послѣ молебна всѣ, имѣвшіе на то право, бросились въ близь лежавшее Собраніе. Графъ Муравьевъ дошелъ до него пѣшкомъ; народъ тѣснился около него; слышались прощальные крики. Графу приходилось останавливаться, выслушивать прощальныя напутствія. Наконецъ онъ въ Собраніи. Громадная зала послѣдняго, прилегающія комнаты кишѣли публикой. Тутъ были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшіе изъ сосѣднихъ деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человѣка, которому бы графъ не сказалъ слова. Кончилось это прощаніе. Въ городскихъ экипажахъ, кто только могъ, поѣхали въ Вознесенскій монастырь. Казалось,

[1] Историч. Вѣстн. 1888 г., стр. 634—635.

что туда прибудутъ только избранные, но пока шелъ молебенъ надъ мощами святителя Иннокентія, пока продолжался завтракъ у настоятеля, площадка передъ монастыремъ наполнялась народомъ, буквально прибѣжавшимъ. Чиновники вынесли, по Сибирскому обычаю, на рукахъ графа Муравьева: но только показались въ толпѣ, какъ моментально были отброшены въ сторону, а графъ очутился на рукахъ сперва крестьянъ, а потомъ инородцевъ, также поспѣшно выхватившихъ его у первыхъ. Имъ выпало на долю сказать и послѣднее «прости»... Когда я», продолжаетъ Б. Милютинъ, «протискался сквозь толпу и подошелъ къ экипажу графа, я слышалъ только слѣдующія слова, произнесенныя инородцами: «Мы тебя, графъ, не забудемъ, не забудь ты насъ!»...— «Не забудь насъ!»... подхватилъ народъ. Тронулись повозки: всѣ стояли безъ шапокъ; кто бѣжалъ сзади, кто обратился къ монастырю и крестился, кто набожно благословлялъ отъѣзжающаго. Шибче и шибче двигались повозки. Народъ долго еще стоялъ безъ шапокъ, слѣдя за ними. Стоялъ и я... Невольно пришло въ голову: закатывается зорька Восточной Сибири! И дѣйствительно, она закатилась»....

Оканчивая обозрѣніе послѣднихъ лѣтъ государственной дѣятельности графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ Сибири, воздадимъ и мы справедливую дань удивленія могуществу предпріимчиваго духа графа, который въ такое короткое время успѣлъ оживить первобытныя пустыни Амурскаго края. Имя этого передового вождя, безъ отдыха и безъ устали предупреждавшаго даже духъ времени, внесется безъ сомнѣнія во всемірную лѣтопись.

Нисколько не удивительно, что столь крупная историческая личность имѣла многочисленныхъ противниковъ, которые обвиняли графа Муравьева въ деспотическихъ наклонностяхъ и неудачѣ колонизацій. Но они забываютъ, что въ столь отдаленномъ и обширномъ краю, при неимѣніи достаточнаго количества способныхъ помощниковъ, только и возможенъ рѣшительный образъ дѣйствій; что же касается колонизаціи, то она была еще только въ началѣ и производилась при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которыми онъ могъ располагать. Судя по прежней дѣятельности графа, если бы онъ остался долѣе на своемъ посту, эти недостатки въ заселеніи края, вѣроятно, были бы устранены; но лица, близко знакомыя съ его образомъ дѣйствій и взглядами, не ставятъ ему въ вину этихъ неудачъ. Напротивъ того, Сибиряки высоко цѣнили и цѣнятъ до настоящаго времени заслуги графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго.

«До назначенія графа Муравьева генералъ-губернаторомъ

Восточной Сибири,» говоритъ П. В. Шумахеръ, [1] «въ международныхъ сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ, достоинство Россіи приносилось въ жертву вѣковому убѣжденію въ необходимости уважать невозмутимую замкнутость Китайской имперіи и избѣгать всего, что могло бы ее встревожить. Графъ Муравьевъ блестящимъ образомъ разрѣшилъ всѣ спорные вопросы и успѣхомъ своимъ увѣнчалъ рядъ многолѣтнихъ настойчивыхъ домогательствъ Россіи къ возвращенію владѣній ея на Амурѣ. Безспорно и навсегда утверждены права Россіи на владѣніе прекрасною страною, щедро надѣленною богатствами природы и ожидающею лишь большаго населенія, которое бы воспользовалось ея богатствами и благопріятными географическими и климатическими условіями для прочнаго и успѣшнаго развитія.»

Но къ несчастію, въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій развитіе Амурскаго края не подвигалось впередъ тѣми же быстрыми шагами, какими оно шло во времена Муравьева и Карсакова. Это замедленіе дало возможность Европейскимъ государствамъ пріобрѣсти силу и значеніе тамъ, гдѣ мы въ то время, можно сказать, главенствовали. Они обратили свою политическую дѣятельность на сосѣдніе намъ Китай и Манджурію. «Нѣмцы», пишетъ А. Максимовъ, [2] «стали настойчиво и упорно дѣйствовать, чтобы создать намъ всевозможныя политическія, экономическія и всякія затрудненія. При этомъ дальновидность дѣятелей Германіи заслуживаетъ вниманія. Такъ, въ послѣднее время среди нихъ начало циркулировать весьма откровенное мнѣніе, что естественнымъ союзникомъ Германіи противъ Россіи является также отдаленный Китай. Тотъ же Китай, создавая намъ различныя затрудненія на всемъ громадномъ протяженіи пограничной черты, можетъ-де причинить не меньшія затрудненія и Франціи. Поэтому Китай можетъ-де стать также союзникомъ, но такой Китай, который обладалъ бы солидною, хорошо подготовленною арміею. И вотъ Нѣмцы задались широкой задачей реорганизовать хотя часть Китайской арміи и подготовить ее для наступательныхъ дѣйствій, при энергичномъ содѣйствіи опытныхъ и надежныхъ Нѣмецкихъ инструкторовъ. По состоявшемуся соглашенію, Германія послала значительное количество различныхъ спеціальностей офицеровъ и унтеръ-офицеровъ съ точными инструкціями въ Китай.... Китай», продолжаетъ А. Максимовъ, «въ недалекомъ будущемъ станетъ могущественной военной державой; его силы растутъ у насъ подъ бокомъ съ

---

[1] Изъ неизданной его рукописи.

[2] Русск. Вѣстникъ. 1890 г., іюнь, стр. 234—243.

фантастической быстротой, а наше Тихоокеанское прибрежье принадлежит къ наиболѣе важнымъ владѣніямъ имперіи, и притомъ къ наиболѣе уязвимымъ и угрожаемымъ со стороны нашихъ враговъ, какъ явныхъ, такъ и тайныхъ. Наиболѣе энергичная дѣятельность идетъ именно въ Манджуріи, соприкасающейся съ нашими владѣніями на отдаленномъ востокѣ. Войска, расположенныя въ Манджуріи, постепенно доведенныя до значительныхъ силъ, уже достаточно вымуштрованы, вооружены скорострѣльными ружьями новѣйшихъ системъ, усовершенствованною артиллеріею и ознакомлены съ Европейской тактикой.... Нѣмецкіе инструкторы прибыли именно для этой части Китайской арміи.... Колонизація ведется Китайцами въ широкихъ размѣрахъ..... Несомнѣнно слѣдуя чьимъ-то опытнымъ указаніямъ, здѣсь подготовляютъ прочный базисъ для движенія противъ Россіи...»

Въ какой мѣрѣ справедливы и точны свѣдѣнія, передаваемыя А. Максимовымъ, мы судить не беремся, но, приводя его слова, не можемъ не припомнить, что все это было предвидѣно графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ еще за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ; что еще до начала занятія Амура, только-что ознакомившись съ краемъ, онъ, едва-ли не одинъ изъ первыхъ, постигъ всю громадную важность для Россіи Амурскаго и Тихоокеанскаго побережья въ политическомъ отношеніи и такъ много говорилъ объ этомъ въ своихъ письмахъ уже послѣ занятія Амура, предугадывая то, что̀ рано или поздно должно было совершиться.

LXXII.

Письмо графа Муравьева къ М. С. Карсакову изъ Красноярска.—Пріѣздъ его въ Петербургъ.—Аудіенція его у Государя.—Письмо графа Муравьева М. С. Карсакову.—Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права.—Награжденіе графа Муравьева и увольненіе отъ должности генералъ-губернатора.—Высочайшій рескриптъ.—Два письма графа Муравьева къ М. С. Карсакову.—Часы, поднесенные графу Муравьеву Сибиряками.—Письма его къ М. С. Карсакову и графу П. Д. Киселеву.—Слухи о назначеніи графа Муравьева-Амурскаго намѣстникомъ Царства Польскаго.—Письмо Б. К. Кукеля къ М. С. Карсакову.—Другой слухъ о назначеніи графа Муравьева Кавказскимъ намѣстникомъ.—Письма его къ М. С. Карсакову.

1861 г.

20-го января 1861 года графъ Н. Н. Муравьевъ былъ уже въ Красноярскѣ и вотъ что писалъ онъ оттуда М. С. Карсакову отъ 22-го января: «Сегодня я выѣзжаю отсюда и окончательно прощаюсь съ Восточною Сибирью, ибо ночью проѣду Ачинскъ; вчера былъ балъ, по обычаю, въ Собраніи, и была рѣчь Безобразова, но все это нашло во мнѣ то самое безчувствіе, которое уже давно мною овладѣло. Въ Омскѣ буду 27—28-го, въ Казани 4—5-го, въ Петербургѣ 9—10-го февраля. Я здѣсь все время *одинъ;* описывать чувствъ моихъ по этому случаю я не стану—онѣ слишкомъ грустны. Курьера изъ Петербурга до сихъ поръ нѣтъ; хорошъ бы я былъ, еслибъ дожидался его до сихъ поръ въ Иркутскѣ. Посылаю тебѣ нѣсколько записокъ съ моими замѣтками, а болѣе всего посылаю тебѣ мое глубокое, душевное благословеніе. Кланяйся всѣмъ, кто меня вспоминаетъ, а себя поцѣлуй хоть въ зеркало, какъ бы я хотѣлъ сдѣлать это самъ, да ужъ видно не суждено мнѣ цѣловать тѣхъ, кого искренно люблю. Я боленъ нравственно, но сумѣю сыграть свою роль въ Петербургѣ.»

Въ Петербургъ графъ Н. Н. Муравьевъ прибылъ 11-го февраля и въ тотъ же день представлялся Государю, у котораго

имѣлъ продолжительную аудіенцію. Послѣ этого онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности генералъ-губернатора и о дозволеніи продолжительнаго заграничнаго отпуска для излѣченія болѣзни.

Съ пріѣздомъ графа Николая Николаевича, его представленія стали быстро утверждаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и его душевное настроеніе. Причины такой перемѣны были, конечно — пріемъ, оказанный графу Государемъ, и то вниманіе, которое Онъ изволилъ снова выказать къ Амурскому дѣлу, съ обѣщаніемъ поддержки Карсакову, что̀ мы увидимъ ниже. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и тонъ переписки Муравьева.

О жизни графа Муравьева въ Петербургѣ и о его дѣятельности, узнаемъ изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Карсакову.

13-го февраля. «Вотъ тебѣ первая грамотка изъ Петербурга, а мы пріѣхали сюда только третьяго дня. Благодушество мое окончилось со въѣздомъ въ Москву, а въ Петербургѣ начинается работа, а слѣдовательно и борьба, и продолжится это не мало времени, вѣроятно до апрѣля. Вчера я видѣлъ Государя, хотя вскользь, но главное рѣшено: я не возвращусь въ Восточную Сибирь, и ты займешь мое мѣсто: тебя поддерживаютъ и поддержатъ. Всѣхъ свиданій моихъ до сего дня описывать не буду, хотя многія очень интересны; теперь же ѣду обѣдать къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая — въ прежнихъ ко мнѣ отношеніяхъ; Великій Князь Константинъ Николаевичъ — также, и оба они славные люди въ отношеніи крестьянскаго дѣла, которое такъ славно ведетъ Государь въ Государственномъ Совѣтѣ. Манифестъ будетъ въ посту: это мѣра предосторожности противъ пьянства на масляницѣ; но дѣло будетъ къ 19-му февраля окончено совершенно. Множество разныхъ Сибирскихъ вопросовъ будутъ разрѣшаться въ мою бытность здѣсь; всѣ они тебѣ извѣстны.»

Вскорѣ послѣ того, какъ обѣдалъ графъ Муравьевъ у Великой Княгини Елены Павловны, онъ удостоился получить отъ Ея Высочества слѣдующую собственноручную записку такого содержанія: «La Reine de Prusse désire Vous voir ce soir à 8 h., mon cher comte, faites-vous donc beau et digne de Votre nom.» [1]

19-го февраля былъ подписанъ Высочайшій манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права, и въ этотъ же историческій для Россіи день графъ Муравьевъ былъ Всемилостивѣйше награжденъ и уволенъ отъ должности генералъ-губернатора при слѣдующемъ рескриптѣ: «Графъ Николай Николаевичъ! Тринадцатилѣтними

---

[1] Прусская королева желаетъ васъ видѣть сегодня вечеромъ, въ 8 часовъ, любезный графъ,— разодѣньтесь же и будьте достойны вашего имени.

неусыпными трудами вашими положены прочныя основанія къ утвержденію гражданскаго благоустройства и развитію промышленнаго благосостоянія Восточной Сибири. Необходимыя мѣры къ успѣшному заселенію весьма обширнаго, вами пріобрѣтеннаго, края, въ особенности съ измѣненіемъ юго-восточныхъ границъ онаго, и вызванныя мѣстными условіями расширеніе морскихъ и преобразованіе военно-сухопутныхъ учрежденій—составляли непрестанно предметы неутомимой заботливости вашей. Важныя для успѣховъ торговли нашей благопріятныя отношенія къ сопредѣльнымъ Китаю и Японіи—поддержаны и вновь скрѣплены, при непосредственномъ настойчивомъ участіи вашемъ. Въ справедливомъ уваженіи къ столь отличнымъ заслугамъ вашимъ на пользу управляемаго вами края, Я съ душевнымъ соболѣзнованіемъ снизошелъ на просьбу вашу объ увольненіи васъ, по разстроенному здоровью, отъ должностей генералъ-губернатора Восточной Сибири и командующаго войсками, въ оной расположенными; но, желая сохранить въ васъ просвѣщеннаго дѣятеля въ дѣлахъ высшаго государственнаго управленія, Я призвалъ васъ указомъ, сего числа даннымъ, въ члены Государственнаго Совѣта Моего и, въ воздаяніе долговременной службы вашей Престолу и отечеству, ознаменованной неоднократными подвигами личнаго мужества въ военныхъ дѣйствіяхъ и многолѣтними примѣрно-полезными заслугами на поприщѣ гражданскаго управленія, жалую васъ кавалеромъ ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра первой степени, съ мечами надъ орденомъ, знаки коего при семъ препровождая, пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Всемилостивѣйше назначено графу Муравьеву производить содержаніе по 15 т. руб. сер. въ годъ изъ государственнаго казначейства.

На мѣсто графа Муравьева, по желанію его, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири М. С. Карсаковъ, и вотъ что, по поводу этого назначенія, Николай Николаевичъ писалъ Карсакову отъ 20-го февраля: «Итакъ, все совершилось: ты — генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, но въ генералъ-лейтенанты тебя не произвели, несмотря на мое новое представленіе, а потому и напечатали «исправляющимъ должность», какъ было со мною въ 1847 году и продолжалось до 1849 года. Къ Святой ты, вѣроятно, будешь генералъ-адъютантомъ. Государь въ первое мое съ Нимъ свиданіе порѣшилъ, что ты займешь мое мѣсто, и отвѣчалъ мнѣ: «Я его поддерживалъ и поддержу», а теперь на поддержку Его, послѣ твердаго и настойчиваго дѣйствія въ Государственномъ Совѣтѣ, расчитывать можно. Я — въ Государственномъ Совѣтѣ и

дебютировалъ сегодня по Кяхтинскому вопросу, кажется, правильно; но дѣло отложилось, и просьба, посланная изъ Кяхты по эстафетѣ, поспѣетъ къ разсмотрѣнію. Покуда я стою за совершенную свободу и безпошлинность, но придется сдаться на таможню въ Иркутскѣ съ уменьшенною пошлиною. Всѣ толкуютъ о моемъ назначеніи въ Варшаву, гдѣ на дняхъ были безпорядки и стрѣльба; но я имѣю нѣкоторыя данныя, что мнѣ тамъ не бывать, да и Богъ съ нею! Я доволенъ своимъ положеніемъ, получаю со вчерашняго дня 15 т. руб. сер. содержанія и, по окончаніи Сибирскихъ дѣлъ, буду благодушествовать сперва за границею, а потомъ и въ Петербургѣ, пожалуй. Рѣшеніе крестьянскаго вопроса будетъ здѣсь и по всей Россіи объявлено на первой недѣлѣ поста; Государь во всемъ утвердилъ рѣшеніе меньшинства Государственнаго Совѣта, иногда даже шести человѣкъ противъ 30-ти. Большое Ему спасибо и за вчерашній день, въ который Онъ окончательно все утвердилъ и подписалъ, и меня отпустилъ съ миромъ изъ Сибири, а твоимъ назначеніемъ Сибирь облагодѣтельствовалъ. Такъ я его сегодня и благодарилъ; а Онъ постоянно повторяетъ свою благодарность мнѣ и второй разъ присовокупилъ: «не забывайте, что Я всегда поддерживалъ Амурское дѣло *и часто одинъ его поддерживалъ*—не забудьте это.» А я въ отвѣтъ: «Государь! я уже десять лѣтъ это знаю и чувствую.»—Повѣришь ли ты, что еще до послѣдней минуты все прочили Путятина въ генералъ-губернаторы Восточной Сибири, и только одинъ Государь не раздѣлялъ этого мнѣнія и назначилъ тебя. Тутъ Онъ, такъ же, какъ и въ крестьянскомъ дѣлѣ, поступилъ противъ большинства.»

Затѣмъ отъ 21-го февраля графъ Муравьевъ о себѣ сообщаетъ: «Сибирскія дѣла еще и не начались, но я буду ихъ доканчивать по-прежнему, хотя и не генералъ-губернаторомъ: для этого пробуду здѣсь такъ долго. Съ Игнатьевымъ вижусь нѣсколько разъ въ день; онъ такъ милъ и такой славный человѣкъ даже и въ Петербургѣ, что я рѣшительно зачислилъ его въ нашу троицу. Меня уговариваютъ ѣхать намѣстникомъ на Кавказъ, а не въ Варшаву; вѣроятно, не будетъ ни того, ни другого; но я все-таки предпочелъ бы Варшаву, а всего лучше мой милый Государственный Совѣтъ, гдѣ я, какъ у Христа за пазухой. Я опять наряжаюсь въ ленты и ѣзжу по мытарствамъ, а дорога по городу ужасная—вотъ это только меня уничтожаетъ, и грудь болитъ препорядочно. Пожалуйста, пиши чаще и будь со мною очень откровененъ. Я теперь и по присягѣ долженъ быть гробомъ.»

«Еще задолго до пріѣзда въ Петербургъ графа Николая

Николаевича», разсказываетъ П. В. Ефимовъ,[1] «всѣ содѣйствовавшие пріобрѣтенію Амура, какъ личнымъ участіемъ въ экспедиціяхъ, такъ и служебными дѣйствіями своими, близко касавшимися этого дѣла въ другихъ мѣстахъ, согласились между собою, въ память этого событія и закрѣпленія его Айгунскимъ трактатомъ, а также для выраженія благодарности графу, какъ единственному виновнику присоединенія къ Россіи р. Амура и принадлежащей къ ней громадной территоріи,— поднести ему часы, которые бы напоминали Николаю Николаевичу значеніе и нѣкоторыя подробности совершоннаго имъ подвига.» Часы эти были исполнены по рисунку академика Эпчи и отлиты изъ серебра. Циферблатъ, вмѣсто обычныхъ римскихъ чиселъ, имѣетъ надпись: *16-го мая 1858 года*—день заключенія Айгунскаго договора. Надъ циферблатомъ два генія поддерживаютъ гербъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго; кромѣ того, у одного изъ нихъ маленькій щитъ съ надписью $^{11}/_{13}$ января 1851—1854, означающею годы первыхъ экспедицій Русскихъ на Амуръ. По обѣимъ сторонамъ циферблата двѣ фигуры, изображающія казака и Китайца и напоминающія сближеніе Россіи съ Срединною имперіею. Около этихъ фигуръ разбросаны эмблемы раждающейся дѣятельности во вновь пріобрѣтенной нами странѣ: развитіе торговли и всѣхъ видовъ промышленности, съ присоединеніемъ къ нимъ символовъ ученыхъ трудовъ, предпринятыхъ на Амурѣ. На сторонѣ, противоположной циферблату, вырѣзаны имена поднесшихъ часы графу, въ числѣ до 200 человѣкъ. Съ четырехъ остальныхъ сторонъ призмы расположено четыре барельефа, изображающіе: 1) плаваніе первой экспедиціи по Амуру и первыя Русскія суда въ его лиманѣ; 2) видъ Николаевскаго поста въ 1855 году; 3) заключеніе Айгунскаго трактата съ Китайскими уполномоченными, и 4) молебствіе по заключеніи договора. Наконецъ, верхнюю часть часовъ составляетъ красивая женская фигура, съ Манджурскимъ типомъ лица, лежащая въ дикомъ тростникѣ и представляющая эмблематическое изображеніе рѣки Амура. Для этихъ часовъ былъ сдѣланъ мраморный пьедесталъ съ маленькимъ органомъ, который, между прочимъ, игралъ Амурскій маршъ и другія пьесы, игранныя во время экспедиціи.»[2]

«Часы эти были готовы», продолжаетъ свой разсказъ П. В. Ефимовъ, «къ 1-му марта и въ этотъ же самый день поднесены графу въ томъ домѣ, въ которомъ онъ квартировалъ въ Петербургѣ

[1] Бывшій исправникъ и часто сопровождавшій графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ различныхъ путешествіяхъ по Сибири.

[2] Русскій Художествен. Листокъ. Тимма № 19, 1861 года.

(уголъ Большой Морской и Кирпичнаго переулка; домъ этотъ принадлежалъ тогда Руадзе). Николай Николаевичъ занималъ комнаты, выходящія на Большую Морскую, а въ комнатахъ по Кирпичному переулку жилъ начальникъ штаба Б. К. Кукель. Между квартирами того и другого былъ соединявшій ихъ, никѣмъ незанятый угловой залъ, въ который, проходя черезъ квартиру Кукеля, собирались всѣ наличные въ то время въ Петербургѣ Сибирскіе сослуживцы графа, участвовавшіе въ поднесеніи часовъ, которые были тутъ же поставлены. Когда закончился приливъ участвовавшихъ и некого было уже болѣе ожидать, Карлъ Карловичъ Венцель, какъ старѣйшій по званію и лѣтамъ своимъ, пошелъ въ комнаты графа и, подъ предлогомъ, что бывшіе сослуживцы пришли проститься съ нимъ, пригласилъ его въ залъ. Войдя туда, графъ былъ пораженъ неожиданностію: онъ увидѣлъ многочисленное собраніе старыхъ сослуживцевъ и услышалъ отъ Венцеля, говорившаго отъ имени всѣхъ тутъ бывшихъ, что его просятъ принять часы въ знакъ дорогой для всѣхъ памяти о совершившемся при немъ въ Сибири. Эта теплая, задушевная рѣчь и общее сердечное отношеніе всѣхъ собравшихся, горячее ихъ сочувствіе его дѣятельности, выразившееся въ поднесенномъ подаркѣ, -все это такъ растрогало графа, что на глазахъ у него показались слезы. «Чѣмъ же я-то отблагодарю васъ, господа, за ваше вниманіе и память?» сказалъ графъ. Венцель нашелся и попросилъ на память портретъ его. Графъ съ радостью на это согласился и поручилъ Б. К. Кукелю, по изготовленіи портретовъ въ Парижѣ, куда графъ вскорѣ уѣзжалъ, разослать ихъ всѣмъ тѣмъ, имена которыхъ были вырѣзаны на доскѣ часовъ.»

На другой день, т. е. 2-го марта, Николай Николаевичъ извѣщалъ М. С. Карсакова, какъ объ этомъ поднесеніи, такъ и о своихъ дѣлахъ слѣдующимъ письмомъ: «Сегодня мнѣ поднесли воспоминаніе Амурскаго дѣла. Здѣсь собралось очень много Сибиряковъ и другихъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, и даже нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ первой экспедиціи. Всѣ были у меня, и завтра я съ ними обѣдаю, ибо сегодня званъ къ Наслѣднику Цесаревичу.

Теперь ты спросишь, конечно, что̀ со мною дѣлается? Я постоянно занимаюсь твоими дѣлами, для чего даже выдумали у меня особый бланкъ, и ничего, покуда вездѣ слушаются и исполняютъ. Не сердись, если что̀ не такъ будетъ: я дѣлаю съ полнымъ усердіемъ и по крайнему моему разумѣнію. Между тѣмъ весь Петербургъ назначаетъ меня въ Варшаву, и говорятъ объ этомъ всѣ безъ исключенія; не говоритъ только объ этомъ одинъ Государь, чему я искренно радуюсь, ибо необходимо мнѣ прежде

быть за границей и лѣчиться. Около 20-го числа, по прошлогоднему, я надѣюсь отсюда выѣхать и возвращусь или черезъ годъ, или когда потребуютъ, ежели признаютъ нужнымъ дать вышесказанное назначеніе.

Рѣшеніе крестьянскаго вопроса дѣлаетъ величайшую честь Государю: Онъ показалъ въ этомъ свою твердую волю, ибо всегда соглашался съ меньшинствомъ. Какъ не благоговѣть предъ Нимъ за Его твердую поддержку важныхъ вопросовъ, къ которымъ принадлежитъ и Амурское дѣло!»

Наконецъ, манифестъ объ освобожденіи крестьянъ былъ торжественно объявленъ 5-го марта, при общемъ народномъ восторгѣ, и графъ Муравьевъ, какъ сочувствующій такому важному событію, въ тотъ же день написалъ графу П. Д. Киселеву въ Парижъ слѣдующее: «Великое дѣло совершилось; манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости прочтенъ во всѣхъ церквахъ обѣихъ столицъ сегодня во время обѣдни. Вы, конечно, не удивитесь моему письму и поздравленію, и позавидуете, что мнѣ суждено было быть здѣсь въ это время.»

Между тѣмъ въ Петербургѣ слухи о назначеніи графа Муравьева намѣстникомъ Царства Польскаго не прекращались. Во всѣхъ слояхъ общества только лишь и говорили объ этомъ, что, конечно, доходило и до Николая Николаевича: и вотъ разъ въ интимномъ кружкѣ его спросили: принялъ ли бы онъ эту должность? «Пусть мнѣ скажутъ сначала,» отвѣтилъ онъ, «чего хочетъ правительство въ Варшавѣ: искренняго мира или полицейскаго спокойствія и порядка? уступокъ Полякамъ или усмиренія ихъ?— Тогда я пойду. А вилять—не въ моемъ характерѣ.» —«Это было», пишетъ М. Венюковъ,[1] «въ злополучный періодъ колебаній правительства, когда не одинъ графъ Муравьевъ, отъ природы горячій и рѣзкій, уклонялся отъ назначенія въ Польшу, но и очень мягкій Тучковъ и многіе другіе...» —«Вотъ при какихъ обстоятельствахъ весь городъ ожидалъ назначенія намѣстникомъ въ Варшаву Николая Николаевича», писалъ Б. К. Кукель изъ Петербурга М. С. Карсакову отъ 7-го марта; «но, слава Богу, дѣло разъяснилось, и разъ, что взгляды правительства и Николая Николаевича по этому дѣлу совершенно расходятся, то, слава Богу, что чаша эта его миновала....

1-го марта поднесли мы часы Николаю Николаевичу; они вышли очень изящны, не пестры и полны идеи и красоты. Онъ былъ очень тронутъ. Собрались потомъ мы, всѣ наличные Си-

[1] Русская Старина. 1882 г., стр. 525.

биряки и подписчики на часы. на обѣдъ къ Дюссо. Много было тостовъ, обѣдъ удался; порѣшили и впредь собираться всѣмъ намъ съ этою же цѣлью (т. е. въ память Амурскихъ дѣятелей) и въ этотъ же день.

Николаемъ Николаевичемъ здѣсь всѣ интересуются. О первомъ его участіи Государственнаго Совѣта. по поводу Кяхтинской торговли, говорили во всемъ городѣ. Такъ всѣхъ поразилъ членъ Совѣта говорившій твердо и съ знаніемъ дѣла въ присутствіи цѣлаго сонма маститыхъ старцевъ.»

Затѣмъ, вскорѣ послѣ слуховъ о назначеніи графа Муравьева намѣстникомъ въ Польшу, разнесся снова другой слухъ—о назначеніи графа намѣстникомъ на Кавказъ, когда было рѣшено увольненіе князя Барятинскаго. «Одинъ вліятельный генералъ», пишетъ М. Венюковъ,[1] «получилъ порученіе спросить Николая Николаевича, пойдетъ ли онъ на намѣстническое мѣсто въ Тифлисъ? «Какъ! развѣ князь Барятинскій умеръ?» отвѣчалъ, вскочивъ со стула Муравьевъ.—«Нѣтъ, но онъ увольняется отъ должности.»—«Такъ помилуйте, какъ же я могу быть его преемникомъ? Вѣдь, вліяніе его при Дворѣ сохранится, и здѣсь, въ Петербургѣ. на все Кавказское будутъ смотрѣть его глазами, такъ что я, намѣстникъ, буду пѣшкою.»—«Что же я долженъ сказать тѣмъ, которые мнѣ поручили спросить васъ?»—«А то и скажите. что̀ слышали; да прибавьте, что, по мнѣнію моему, послѣ князя Барятинскаго самостоятельнымъ правителемъ Кавказа можетъ быть только членъ Императорской Фамиліи.» Такъ оно и случилось.

О заботливости графа Муравьева въ Петербургѣ относительно благоустройства Амурскаго края и Сибири свидѣтельствуютъ слѣдующія письма его къ М. С. Карсакову.

14-го марта. «Я ѣду въ Совѣтъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о Кяхтинской торговлѣ и о посессіонныхъ фабрикахъ; то и другое близко до тебя касается. Уничтоженія пошлины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и таможни я достичь не могъ, но я требую непремѣнно перевода таможни въ Иркутскъ съ 1-го же октября нынѣшняго года, безъ дальнѣйшаго разсужденія и разсмотрѣнія этого дѣла въ Министерствѣ Финансовъ, и упраздненія таможни въ Кяхтѣ. Это, разумѣется, облегчитъ значительно наши сношенія съ Китаемъ и избавитъ насъ отъ необходимости учреждать таможню въ Николаевскѣ. Ты самъ знаешь, что Иркутскъ — такой пунктъ, гдѣ гораздо легче оградиться отъ контрабанды, чѣмъ по всей границѣ Забайкальской области и Тункинскаго края. ибо въ

---

[1] Русск. Старина. 1882 г., стр. 525—526.

Иркутскѣ сходятся всѣ дороги. Такимъ образомъ, весь Забайкальскій край, съ Иркутскомъ включительно, будетъ порто-франко; но главное теперь—придумать помѣщеніе для таможни въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся всѣ пути, и учрежденіе стражи тамъ, гдѣ могутъ проѣхать мимо. Мнѣ кажется, что таможню лучше всего учредить въ одномъ изъ общественныхъ домовъ, находящихся на берегу Ангары близъ перевоза, а стражу учредить на Иркутѣ, гдѣ можно было бы провозить контрабанду съ Кругобайкальской дороги отъ Веденщины или Смоленщины; также необходимо будетъ имѣть стражу на Якутскомъ трактѣ, гдѣ есть проселочный путь съ Байкала; но все это гораздо легче, чѣмъ охранять всю границу отъ Тунки до Стрѣлки. Для таможни, впрочемъ, можно употребить и Казначейство или Губернское Правленіе съ Приказомъ, или, наконецъ, Благородное Собраніе; а кладовыя могутъ быть наняты въ пустомъ гостинномъ дворѣ.»

15-го марта. «Вчера, въ общемъ засѣданіи Государственнаго Совѣта, чайный вопросъ окончательно рѣшенъ, и большинствомъ голосовъ постановлено: съ 1-го октября Кяхтинскую таможню перевести въ Иркутскъ. Но должно ожидать утвержденія Государева—и это будетъ черезъ нѣсколько дней, и тогда я окончательно тебѣ обо всемъ напишу передъ отъѣздомъ моимъ за границу, куда я намѣренъ отправиться въ будущій четвергъ, т. е. 23-го числа. Сибирскаго Комитета еще не было, но будетъ на дняхъ, т. е. около 20-го числа, и я приглашенъ. За границу ѣду до тѣхъ поръ, пока меня оттуда не вызовутъ, или на годъ, и потому прошусь безсрочно. Здѣсь затѣвается дѣло о телеграфѣ нашемъ въ Пекинѣ, въ Тянь-Дзинѣ и въ Печелійскій заливъ, и, подъ покровительствомъ Великаго Князя, можетъ быть, удастся это предпріятіе исполнить.

Обращусь теперь къ слухамъ о моемъ назначеніи: по однимъ—я давно уже въ Варшавѣ; по другимъ отказался отъ этого назначенія, по третьимъ -Барятинскій тяжко боленъ, и я назначенъ на его мѣсто. Вотъ что говоритъ городъ и даже иностранные журналы; а я тебѣ скажу, что Варшавы мнѣ никто не предлагалъ, а про Кавказъ я сказалъ, что, покуда живъ Барятинскій, мнѣ тамъ быть нельзя, ибо я привыкъ быть самостоятельнымъ и, подъ вліяніемъ его авторитета, полезенъ тамъ быть не могу.

Нерчинскіе рабочіе люди освобождаются на общемъ основаніи всѣхъ заводскихъ рабочихъ частныхъ владѣльцевъ; это дѣло конченное; но надѣлить ихъ большимъ количествомъ земли будетъ зависѣть отъ тебя.»

23-го марта. «Сегодня я былъ въ засѣданіи Сибирскаго Комитета, гдѣ было главное разсужденіе о заселеніи Амура. Я

долженъ былъ уступить большинству въ отношеніи цѣнъ земель: ихъ положено продавать не по 10 р., а по 3 руб. за десятину. Много дѣлъ рѣшено кромѣ того въ этомъ же Комитетѣ; между прочимъ и по размежеванію казачьихъ земель, и вообще по всѣмъ моимъ представленіямъ. Но о преобразованіи Иркутскаго и Енисейскаго Губернскихъ Управленіи—еще не поспѣло въ этотъ Комитетъ, потому что отъ министровъ не получены отвѣты, и дѣла этого я уже дожидаться не буду, ибо завтра уѣзжаю за границу, а оно ранѣе двухъ мѣсяцевъ не можетъ поступить къ разсмотрѣнію.

Мнѣ необходимо лѣчиться за границею, и я просилъ меня уволить, для излѣченія болѣзни, безъ срока, съ тѣмъ условіемъ, что, если понадобится, то могутъ меня вызвать, и я обязался возвратиться во всякое время. Государь ко мнѣ хорошъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ я уже обозначилъ свой голосъ и надѣюсь, что гг. министры не будутъ имъ пренебрегать, а это, конечно, не безполезно будетъ для Сибири.»

Передъ отъѣздомъ своимъ за границу, графъ Н. Н. Муравьевъ удостоился получить отъ Великой Княгини Елены Павловны порученіе, при такой собственноручной запискѣ: «Voici, mon cher comte, ma lettre pour le comte Kisséleff; veuillez la lui remettre et recevoir encore pour vous-même mes meilleurs voeux qui vous ramèneront bientôt, je l'espère, parmi nous. Hélène.» [1] На такое лестное вниманіе Великой Княгини, графъ Муравьевъ отвѣчалъ Ея Высочеству такъ: «Madame! j'ai eu le bonheur de recevoir le billet bienveillant dont Votre Altesse Impériale a bien voulu m'honorer, ainsi que la lettre pour le comte Kisséleff; je m'empresserai de remplir Vos ordres auprès de lui et ferai tout ce qui dépend de moi pour pouvoir après une courte absence venir déposer mes hommages les plus respectueux aux pieds de Votre Altesse Impériale.» [2] Наконецъ, письмомъ своимъ отъ 24-го марта, графъ Муравьевъ такъ сообщаетъ М. С. Карсакову о днѣ своего выѣзда за границу: «Вотъ и день отъѣзда! Больше сообщить нечего, а главное—некогда: что̀ забылъ—напишу изъ-за границы. Прощай!»

[1] Вотъ вамъ письмо мое къ графу Киселеву, любезнѣйшій графъ; не угодно-ли вамъ будетъ передать его и принять отъ меня еще разъ лучшія пожеланія, чтобы вы скорѣе, какъ я и надѣюсь, опять были съ нами.

[2] Я имѣлъ счастіе получить милостивую записку, которою Вашему Императорскому Высочеству угодно было почтить меня, а также и письмо къ графу Киселеву; я поспѣшу передать ему ваши приказанія, и сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы, послѣ кратковременной отлучки, вернуться и повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Высочества мою почтительнѣйшую преданность.

LXXIII.

Жизнь графа Муравьева за границею.—Толки и мнѣнія о немъ соотечественниковъ.—Думы графа Муравьева объ отечествѣ.—Письма его къ М. С. Карсакову, брату и князю М. С. Волконскому.

1861—1862 г.

Съ отъѣздомъ графа Н. Н. Муравьева за границу, въ Петербургѣ его предали какъ бы забвенію, вслѣдствіе разныхъ недоброжелательныхъ внушеній со стороны нѣкоторыхъ изъ близко стоявшихъ лицъ къ Государю и Великому Князю Константину Николаевичу, и съ этого-то времени собственно начинается его, какъ говорится, волею и неволею недѣятельная жизнь, которая и продолжалась 20 лѣтъ. «Но при всемъ этомъ, въ способностяхъ его къ широкой и плодотворной дѣятельности не сомнѣвались», пишетъ М. Венюковъ, [1] «даже люди, въ сущности его не любившіе: ему было предлагаемо управленіе Польшею и Кавказомъ.» По поводу не оффиціальнаго предложенія относительно Польши, онъ, какъ кажется намъ, отказался; но изъ писемъ его къ М. С. Карсакову замѣчается его желаніе занять этотъ постъ лишь только при извѣстныхъ условіяхъ; по поводу же полуоффиціальнаго предложенія о Кавказскомъ намѣстничествѣ мы видѣли, что онъ окончательно отказался принять его, зная свои отношенія къ князю Барятинскому и отношенія къ послѣднему Государя; и дѣйствительно, послѣдствія оправдали его опасенія: когда Государь намѣтилъ быть намѣстникомъ Кавказа графу Муравьеву-Амурскому, то князь Барятинскій, узнавши это, высказалъ Государю въ своемъ

---

[1] Русская Старина. 1882 г., стр. 525.

донесенія такое мнѣніе о Муравьевѣ: «Мое нетерпѣніе вернуться на Кавказъ становится непреодолимымъ, и, судя по тому, что до меня доходитъ, я вижу, какъ мнѣ необходимо, во что бы то ни стало, быть тамъ къ будущей веснѣ. Хотя лучшаго замѣстителя, на время моего отсутствія, какъ князь Григорій Орбеліани, я не могъ бы желать, но такое положеніе вещей не можетъ долго продолжаться, такъ какъ многіе надѣются и желаютъ замѣстить меня, и это обстоятельство можетъ породить безпорядки въ дѣлахъ. Муравьевъ-Амурскій, *какъ говорятъ*, имѣетъ болѣе всѣхъ правъ на это мѣсто; но смѣю просить Ваше Величество на случай, если бы Вы не пожелали оставить меня, постараться выбрать личность хотя быть-можетъ и менѣе просвѣщенную, но за то *болѣе преданную:* это послѣднее качество есть и будетъ всегда главнымъ и наиболѣе необходимымъ для Вашего представителя на Кавказѣ.» [1] Не ясно ли видѣть изъ этихъ строкъ то недоброжелательное чувство, которое питалъ князь Барятинскій къ графу Муравьеву, и котораго онъ не скрывалъ передъ Государемъ. Мы не беремся доказывать, насколько безпристрастно относился князь Барятинскій къ графу Муравьеву, но сошлемся на всѣ предыдущія и послѣдующія письма Муравьева и дадимъ просторъ читателю самому сдѣлать выводъ, насколько Муравьевъ-Амурскій былъ *преданъ* или *не преданъ* двумъ Государямъ, а равно отечеству и святой Церкви.

Несмотря однако на всѣ прежнія интриги и не вѣдая о новыхъ, графъ Муравьевъ, при своей болѣзни, и изъ-за границы не переставалъ тяготѣть душой къ своему отечеству, и въ особенности интересоваться Сибирью и Амуромъ, гдѣ было такъ много потрачено имъ энергіи и труда, не безъ ущерба для себя лично, на пользу процвѣтанія этого края. Онъ дѣятельно продолжалъ участвовать, хотя и письменно, въ тамошнихъ дѣлахъ: давалъ мудрыя наставленія своему преемнику и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегалъ его отъ всякихъ случайностей, могущихъ произойти отъ его еще недостаточной опытности, дабы, не вредя служебной карьерѣ, онъ могъ удержать за собою самостоятельность, присущую званію генералъ-губернатора, которому нужно много выдержки, стойкости и честнаго отношенія къ дѣлу, чтобы отстаивать свои законныя права. Однимъ словомъ, не было почти ни одного сколько-нибудь важнаго или полезнаго для края дѣла, въ которомъ бы не проявлялось участіе графа Муравьева.

О жизни графа Муравьева за границею и о томъ, насколько

---

[1] Русскій Архивъ. 1889 г., кн. 6-ая, стр. 282—283.

онъ слѣдилъ за дѣлами своего отечества — мы увидимъ изъ слѣдующихъ писемъ его къ М. С. Карсакову, брату его Валеріану Николаевичу и къ князю М. С. Волконскому.

$^{9}/_{21}$ *апрѣля.* «Я въ Парижѣ уже 10-й день; буду здѣсь лѣчиться очень серьезно, а потомъ поѣду на морскія купанья, а потомъ что̀ Богъ дастъ.... желалъ бы прожить всю зиму. Варшавскія событія разсердили на насъ всю Европу: стрѣльба въ народъ никому не нравится. Я знаю, что Польскіе аристократы только и желали жертвъ для того, чтобы возбудить противъ насъ общее мнѣніе; а жертвы-то изъ народа! Какъ бы то ни было впрочемъ, а эти несчастныя Варшавскія столкновенія вооружили нашихъ враговъ въ Европѣ, а всего болѣе Англійскіе журналы, которые уничтожаютъ насъ не на животъ, а на смерть. Французскіе воздерживаются по вліянію здѣсь Киселева, котораго вообще чрезвычайно уважаютъ. Съ Киселевымъ вижусь довольно часто; ему кажется, хочется, чтобъ я скорѣе возвратился къ дѣятельному поприщу: я думаю, что гораздо полезнѣе вылѣчиться совсѣмъ и потомъ развѣ приниматься за новое дѣло. Мнѣ назначены шпанскія мухи на желудокъ, разные пріемы Пиринейскихъ водъ, наконецъ воды St.-Sauveur въ Пиринеяхъ, а потомъ морскія купанья.»

$^{30\ апрѣля}/_{12\ мая}$, По. «Я уже двѣ недѣли лѣчусь здѣсь, а завтра или послѣзавтра ожидаю къ себѣ въ гости князя С. Г. Волконскаго;[1] вся его семья уѣхала въ Россію, а онъ одинъ въ Парижѣ ждетъ времени отправленія въ Виши, гдѣ ему назначили лѣчиться, и въ этомъ выжиданіи пріѣдетъ къ намъ на недѣлю — на двѣ. Потомъ онъ проводитъ меня въ Парижъ, а оттуда отправится уже въ Виши. Онъ мнѣ сообщаетъ изъ Парижа пріятную вѣсть, что Государь съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ ѣдутъ по Россіи до Крыма; поѣздка эта весьма важна въ настоящемъ положеніи дѣлъ, если только они возьмутъ на себя трудъ сблизиться съ народомъ.»

«Сегодня начинаю я второй актъ моего лѣченія и для этого переселился вчера въ глубину Пиринейскихъ ущелій», писалъ графъ Н. Н. Муравьевъ брату своему изъ St.-Sauveur отъ $^{25}/_{13}$ мая; «лѣченіе мое здѣсь продолжится три, а много четыре недѣли; но если я найду, что оно не приноситъ мнѣ прямой пользы, то прекращу его и ранѣе, ибо сѣрныя воды мнѣ всегда были отвратительны, развѣ теперь на старости лѣтъ будутъ пріятнѣе.

«Колоколъ» 1-го мая страшно на тебя напалъ; я увѣренъ, что это кто-нибудь изъ помѣщиковъ сочинилъ клевету и послалъ къ

---

[1] Отецъ князя М. С. Волконскаго.

Герцену, который, какъ ребенокъ, обрадовался случаю обругать потомство Н. Н. Муравьева. Герценъ въ глазахъ моихъ совершенно себя уронилъ своею неосновательностью и диктаторскими своими приговорами; то и другое вмѣстѣ стало уже смѣшно: у него, какъ видно, нѣтъ никакой цѣли; и хотя изрѣдка являются дѣльныя статьи, полезныя тѣмъ, что Государь прочтетъ то, чего другимъ путемъ узнать не можетъ; но эти дѣльныя статьи затемняются множествомъ клеветы, и всякое довѣріе къ нему исчезаетъ.

Итакъ, у насъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ, и выборъ, кажется, хорошъ уже тѣмъ, что Валуеву не болѣе 50-ти лѣтъ: но этого одного министра еще недостаточно, чтобъ дать новое и лучшее направленіе всему нашему правительству: сожалѣю, что Н. Милютинъ сошелъ со сцены, но надѣюсь, что это не надолго и только до возвращенія его изъ-за границы. Плохое учрежденіе это III Отдѣленіе, и трудно благонамѣренному министру внутреннихъ дѣлъ при существованіи III Отдѣленія; помнишь, какъ покойный Левъ Алексѣевичъ [1] всегда возставалъ противъ жандармеріи; у Наполеона она существуетъ, но совершенно въ другомъ видѣ и въ непосредственномъ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, исключая инспекторской части.»

$^{19}/_{31}$ *іюля, Трувиль.* «Давно не писалъ къ тебѣ и не имѣлъ отъ тебя извѣстій. Въ это время успѣлъ я сдѣлать маленькое путешествіе на Рейнъ,» продолжаетъ графъ Муравьевъ писать М. С. Карсакову; «въ Баденѣ я былъ у Великой Княгини Елены Павловны. Не могу нахвалиться любезностью Великой Княгини, которая нисколько ко мнѣ не измѣнилась, несмотря на настоящее *мое политическое положеніе,* о которомъ, впрочемъ, ты не имѣешь настоящаго свѣдѣнія, а слѣдовательно не можешь вѣрно оцѣнить тѣхъ, которые остались по прежнему ко мнѣ расположены.

Въ Трувилѣ я началъ морскія купанья, продолжаю и прочее лѣченье; не знаю, къ чему это поведетъ, но воздухъ и независимость дѣлаютъ свое дѣло; я, наконецъ, чувствую, что одышка моя уменьшается. По всѣмъ вѣроятіямъ, во мнѣ не скоро еще встрѣтится надобность для службы, и у меня будетъ довольно времени, чтобы поздоровѣть настолько, насколько это возможно въ мои лѣта, проведя зиму въ тепломъ климатѣ.»

$^{5}/_{17}$ *сентября, Парижъ.* «Мнѣ любопытно было бы знать, что̀ у васъ въ Иркутскѣ дѣлается. На дняхъ мы освятили здѣсь

[1] Перовскій.

Русскую церковь. Это дѣло, по моему, можетъ имѣть весьма благопріятныя для насъ послѣдствія въ политическомъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, у насъ въ Петербургѣ дѣйствуютъ въ отношеніи Рима въ противоположномъ смыслѣ, а Римъ намъ -закоренѣлый врагъ. Я лѣчусь и отдыхаю, отдыхаю и лѣчусь, и эта свободная жизнь не только не надоѣдаетъ мнѣ, но напротивъ, съ каждымъ днемъ я вкушаю ее все болѣе и болѣе. Въ Россію меня не зовутъ; даже говорятъ, тамъ совсѣмъ не желаютъ скораго моего возвращенія, значитъ, не будутъ сердиться, если проживу всю зиму за границей. Но къ 1-му мая надо вернуться въ Петербургъ, а тамъ посмотримъ, вынесетъ ли мое здоровье сѣверные холода.

О недоброжелателяхъ твоихъ въ Петербургѣ я не слышалъ и теперь не слышу; но завистники всегда у тебя были и будутъ, только не изъ высочайшихъ сановниковъ.»

$^{19}/_{31}$ *октября. По.* «Давно не имѣю отъ тебя извѣстій. Какъ видно, въ Польшѣ необходимость заставила принимать строгія мѣры, послѣдствіемъ которыхъ будетъ множество ссыльныхъ. Совѣтую тебѣ оградить Восточную Сибирь отъ этого новаго нашествія иноплеменныхъ. Польская аристократія и ксендзы безусловно враждебны Россіи (иное дѣло народъ Польскій, который никогда не былъ и не будетъ намъ враждебенъ), а, конечно, ихъ-то и будетъ больше всего въ числѣ ссыльныхъ. Всѣ они довольно образованы и, какъ *несчастные*, скоро получаютъ большое вліяніе въ народѣ, а этого-то вліянія я и боюсь для Восточной Сибири. Они не станутъ осуждать начальственныхъ мѣръ, не станутъ бранить губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, но станутъ медленно, но вѣрно внушать вражду къ Россіи. Это направленіе, по моему, всего опаснѣе для Восточной Сибири. Въ 1850 году, въ самой секретной перепискѣ моей съ графомъ Орловымъ, я просилъ, въ видѣ помилованія, перевести всѣхъ ссыльныхъ Поляковъ изъ Сибири во внутреннія губерніи или, по крайней мѣрѣ, въ Западную Сибирь; тамъ изложены тоже и причины, о которыхъ я здѣсь говорю; эта переписка у тебя въ твоемъ бюро; ты можешь на нее сослаться, если признаешь нужнымъ просить Долгорукова, чтобъ въ Восточную Сибирь не ссылали Польскихъ политическихъ преступниковъ. По моему, это весьма важно потому, что распространеніе въ этой отдаленной странѣ ненависти къ Россіи въ народѣ чрезвычайно опасно; довольно уже и того, что толкуютъ привилегированныя сословія въ Сибири, т. е. купцы, почетные граждане и чиновники; но этихъ народъ еще не такъ слушаетъ: онъ знаетъ, что они толкуютъ для своей пользы, же-

лая надъ нимъ владычествовать: но въ *несчастныхъ* (какъ называютъ въ народѣ ссыльныхъ) они этого чувства не видятъ и подозрѣвать не могутъ. Въ мое время по спискамъ было политическихъ ссыльныхъ до 150 человѣкъ; за исключеніемъ человѣкъ 20-ти всѣ они вышли изъ Сибири, а нѣкоторые перемерли. Еслибъ III Отдѣленіе стало ссылаться на прежніе примѣры и говорить: «почему же прежде это не было опасно?» то, во первыхъ, приведи мою переписку 1850 года, какъ доказательство, что эту опасность уже 12 лѣтъ тому назадъ предусматривали, а во вторыхъ, что время и опытъ доказали это неудобство. Ибо дѣйствительно, я самъ убѣдился, какъ много Польскихъ понятій распространилось не только въ Забайкальской области, но и въ Иркутскѣ и въ окрестныхъ селеніяхъ и заводахъ, гдѣ наиболѣе пребывали Поляки. Я много знаю коренныхъ Сибиряковъ, которые гораздо болѣе расположены къ Польшѣ, чѣмъ къ Россіи, и знаю, что это происходитъ отъ Польскихъ изгнанниковъ, у которыхъ они учились. Въ малонаселенной Восточной Сибири это и замѣтно и опасно, тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и нѣсколько тысячъ ссыльныхъ Поляковъ не произведутъ никакого впечатлѣнія.

Въ настоящемъ Польскомъ вопросѣ намъ особенно противно и враждебно, кромѣ дворянства, и духовенство. Я, право, не понимаю, почему наше правительство какъ-бы поддерживаетъ Римскаго понтифа, а не соединится дружно съ Наполеономъ, который рѣшительно придумываетъ отъ него отдѣлаться. Недавно по этому предмету вышла брошюра де М. С. который проповѣдуетъ, что Франція должна имѣть свое духовное правленіе, совершенно независимое отъ папы.

Здѣсь я поселился на зиму, но въ теченіе зимы все-таки побываю и въ Парижѣ, и въ Италіи.»

27 октября / 8 ноября ? По. «О представленіи твоемъ Куколя въ генералы я уже писалъ въ Петербургъ, но мнѣнія мои тамъ, кажется, не имѣютъ никакого значенія ни въ какомъ смыслѣ и ни въ какомъ вѣдомствѣ. Поэтому, совѣтую тебѣ во всѣхъ случаяхъ снестись съ нашимъ милымъ Николаемъ Павловичемъ, [1] который сумѣетъ объясниться по принадлежности.

Сегодня прочелъ я въ газетахъ, что Ламбертъ уволенъ для излѣченія болѣзни за границу, а мѣсяца два тому назадъ, не больше, онъ произведенъ въ полные генералы и назначенъ въ члены Государственнаго Совѣта, для назначенія его Намѣстникомъ въ Царство Польское.

---

[1] Игнатьевымъ.

Что же касается Польскихъ дѣлъ вообще, то я вижу съ удовольствіемъ, что газеты стали нѣсколько смирнѣе и, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ, особенно правительственныхъ, не возбуждаютъ Варшавскихъ жителей къ новымъ демонстраціямъ. Всего хуже для насъ въ Парижѣ — это Польское аристократическое общество, гдѣ предсѣдательствуетъ Чарторыжскій, второй сынъ Адама и «*наслѣдникъ*» его на Польскій престолъ: въ этомъ обществѣ особенно дѣйствуютъ женщины.

Я думаю, что ты можешь писать ко мнѣ и по почтѣ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ я за границею, на мои письма не обращаютъ никакого вниманія; впрочемъ, пусть читаютъ, если имъ это пріятно; я этого никогда не боялся и не боюсь; разумѣется, непріятно, когда читаютъ семейныя дѣла, какъ это было, когда я былъ еще генералъ-губернаторомъ, но теперь они скоро даже забудутъ и фамилію мою, только бы ты о ней не напоминалъ; это говорю серьезно: если желаешь успѣха какому-нибудь представленію или предположенію своему, то лучше не ссылайся *на предмѣстника* своего для подтвержденія своего мнѣнія; вотъ если придется писать: «хотя предмѣстникъ мой находилъ то и то, но я думаю иначе» — вотъ это будетъ успѣшно и полезно для дѣла. Я часто видаю здѣсь Александра Моллера: онъ сталъ пресерьезнымъ человѣкомъ: пишетъ книгу, въ которой исторически доказываетъ несостоятельность Польскаго элемента въ національномъ отношеніи. Дошла ли до тебя посланная тебѣ его брошюра о Польскомъ вопросѣ? Думаю, что нѣтъ; у насъ такъ распоряжаются, что «Колоколъ» и «Будущность» свободно гуляютъ по всей Россіи, а дѣльныя сочиненія, въ пользу Россіи, никакъ туда проникнуть не могутъ; здѣсь же даже Прудонъ весьма дѣльно доказываетъ, что Польша отдѣльнымъ государствомъ существовать не можетъ и не должна, и что еслибъ даже такое государство существовало въ Европѣ, то Европа должна была бы его уничтожить. Вотъ какъ разсуждаетъ демократъ, и онъ не первый и не послѣдній. Собираюсь въ небольшое путешествіе въ Италію, въ Римъ и потомъ вернусь сюда же»...

29 октября / 10 ноября, По. «Начну съ дѣла. Инспекторъ линейныхъ баталіоновъ въ Приморской области давно необходимъ, но теперь ты долженъ требовать настоятельно учрежденія этой должности, когда всѣ четыре батальона туда уже сосредоточиваются. Я полагаю, что тебѣ слѣдуетъ, не дожидаясь даже утвержденія, послать зимою въ Приморскую область то лицо, которое ты назначаешь на эту должность, со всѣми правами и обязанностями, которыя ему предназначаются, хоть бы съ 1-го января 1862 года, и донести по

принадлежности, что ты сдѣлалъ это по необходимости: но главное выборъ этого лица: нуженъ не только дѣльный, но и въ полномъ смыслѣ порядочный человѣкъ, который бы умѣлъ поставить себя между моряками на высокую ногу и сохранить даже передъ губернаторомъ необходимую самостоятельность; словомъ сказать, это выборъ посланника, и не въ Китай или Японію, а какъ бы въ Константинополь.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ твои представленія, внѣ правилъ, будутъ утверждены; но еслибъ о нѣкоторыхъ и заупрямились, то подожди сердиться до пріѣзда твоего въ Петербургъ.

О Красноярскѣ я и не знаю, кого ты просилъ въ губернаторы; не знаю даже, отчисленъ ли Падалка: но надѣюсь, что ты никакъ не предоставишь дѣлать эти назначенія въ Петербургѣ; это гораздо хуже, чѣмъ отказъ въ награжденіи кого-нибудь. Въ Петербургѣ все протекція, а понятія о потребностяхъ края никто не имѣетъ. Я понимаю, что иногда и генералъ-губернатору можно отказать въ назначеніи какого-нибудь лица, съ объясненіемъ дѣльныхъ причинъ, и за это сердиться не слѣдуетъ; но предоставлять имъ выборъ лица было бы явнымъ вредомъ для края и для службы: сейчасъ пошлютъ протектора золотопромышленныхъ интересовъ.

Въ письмѣ своемъ ты взялъ меня за слабую струнку мою, сказавши, что я помолодѣлъ; но, къ сожалѣнію, въ дѣйствительности этого нѣтъ, и кажусь я моложе только на портретѣ.

Отечества я, повѣрь, не забываю, и если бываютъ у меня горестные часы, то это вслѣдствіе извѣстій, объ немъ получаемыхъ; ибо, по правдѣ сказать, послѣ манифеста 19-го февраля пока ничего не было радостнаго, исключая Восточной Сибири, гдѣ, слава Богу, все идетъ хорошо, и «Свѣтлана» не погибла, хотя всѣ газеты ее давно потопили. Благодарю за память: въ праздничные дни Амурскій маршъ звучитъ у меня въ ушахъ очень часто.»

2/14 *ноября.* По. «Твое письмо писано въ часы огорченія, какъ мнѣ кажется. Часто случались у меня подобные часы въ Иркутскѣ, а потому-то я имѣю право утѣшать тебя. Изъ всѣхъ свѣдѣній, которыя ты мнѣ сообщаешь, я нахожу одно только достойнымъ огорченія—это распоряженіе министра финансовъ о новой таможенной линіи, противное даже Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта, ибо таможня, а съ ней и линія, должны быть въ Иркутскѣ, а не на Байкалѣ.[1] Включеніе или исключеніе самого Иркутска есть дѣло

[1] Вскорѣ затѣмъ таможня и была назначена въ Иркутскѣ.

спорное, требующее особаго разрѣшенія. Тебѣ слѣдуетъ основаться на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта и войти съ представленіемъ въ Сибирскій Комитетъ; но главное — поскорѣе уничтожить таможню въ Кяхтѣ, и чтобъ вообще за Байкаломъ не было и духу таможеннаго. Линія по Иркуту — совершенная безсмыслица и весьма стѣснительна. Министерство Финансовъ, какъ и всѣ другія въ Петербургѣ, никогда и ничего, кромѣ стѣсненія, и въ виду не имѣютъ; онѣ полагаютъ, что онѣ для этого учреждены, и думаютъ, что въ стѣсненіи состоитъ управленіе; разумѣется, подобное направленіе тяжело для управляемыхъ, но имъ и горя мало, а все падаетъ на Государя. Что же касается перемѣнъ въ домашней твоей жизни, то это и своевременно, и естественно: надо искать развлеченій, а постоянно однимъ дѣломъ заниматься нельзя. «Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ — съ ума не сойдешь», говаривалъ дѣдъ нашъ Николай Михайловичъ.

Достойныхъ людей управлять Восточной Сибирью найти чрезвычайно трудно. Игнатьевъ нуженъ въ Петербургѣ, а больше я никого не знаю; золотопромышленники, пожалуй, и нашли бы себѣ человѣка сподручнаго, но для Государя и Россіи послѣдствія были бы нехороши. Ты долженъ самъ себѣ приготовить преемника, а для этого нужно, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, еслибъ даже онъ и носилъ званіе помощника твоего.»

$^9/_{21}$ *ноября,* По. «Который-то изъ твоихъ курьеровъ, не знаю, разсказывалъ въ Петербургѣ, что ты собираешься туда пріѣхать нынѣшней зимою. На всякій случай скажу тебѣ свое мнѣніе, что ни подъ какимъ видомъ и ни по какимъ обстоятельствамъ не слѣдуетъ тебѣ ѣхать въ Петербургъ, не побывавши на Амурѣ, исключая, разумѣется, еслибъ Государь самъ тебя потребовалъ въ Петербургъ; но это невѣроятно.

Ты, конечно, увѣренъ, что совѣтъ мой происходитъ отъ искренняго желанія добра, какъ тебѣ, такъ и дѣлу, и самъ также это понимаешь; потому не стану распространяться о всѣхъ причинахъ, по которымъ преждевременная поѣздка твоя въ Петербургъ была бы вредна для того или для другого. Скажу только что въ извѣстные года и въ государственномъ положеніи человѣкъ не долженъ увлекаться въ своихъ дѣйствіяхъ влеченіемъ одного сердца своего, ибо не принадлежитъ уже одному себѣ, но отечеству. Поѣздка твоя будущимъ лѣтомъ на Амуръ, вѣроятно, будетъ совершенно полная, т. е. ты побываешь въ Николаевскѣ, потомъ на Сахалинѣ, вѣрно, увидишь и заливъ Аниву и даже Хакодаде, а потомъ заливъ Петра Великаго и наши новые тамъ порты. Потомъ,

можетъ быть, переѣдешь сухимъ путемъ на озеро Хонкае, а оттуда спустишься по Уссури. Если ты отправишься изъ Срѣтенска вслѣдъ за льдами и изъ Николаевска около 25-го мая, то успѣешь, осмотрѣвши все подробно, быть обратно въ августѣ, а въ Петербургъ пріѣдешь въ октябрѣ; къ этому времени и я буду тебя тамъ ожидать. Свѣдѣнія твои о краѣ будутъ тогда полныя, и даже морское вѣдомство не вправѣ будетъ ихъ оспаривать, и всѣ предположенія твои къ устройству края будутъ вѣски и *безспорны*. Но и это еще не все: есть много другихъ причинъ, по которымъ ранѣе будущей осени въ Петербургъ тебѣ ѣхать не слѣдуетъ. Извини за настойчивый совѣтъ, но ты вѣришь моей дружбѣ и понимаешь, что никто иной не можетъ тебѣ совѣтовать съ такимъ безпристрастіемъ, какъ я.»

$^5/_{17}$ *декабря, Ио.* «Тебѣ нѣтъ времени писать ко мнѣ такъ часто и много, какъ я пишу тебѣ. Это и неудивительно: ты за дѣломъ, а я бездѣльникъ. Бютцевъ много мнѣ разсказывалъ о Сибири и, конечно, о тебѣ. Не думай, чтобы я былъ равнодушенъ къ непріятностямъ, которыя тебя постигаютъ; я за нихъ часто бываю очень сердитъ; но ты знаешь Русскую пословицу: «сердитъ да не силенъ и т. д.» А тѣмъ не менѣе скажу по прежнему, что тебѣ необходимо оставаться въ Сибири, и даже безъ выѣзда въ Петербургъ до конца будущаго 1862 года.»

20-го декабря, Ио. «Вчера получилъ твое письмо и отчетъ за 1860 годъ. Благодарю за честь; но посылая мнѣ отчетъ при рапортѣ, ты даешь мнѣ право сдѣлать и замѣчаніе. Въ статьѣ объ Амурскихъ укрѣпленіяхъ сказано у тебя, что на эти работы ассигновано 6.200.000 руб., но въ мое время было ассигновано 1.200.000 только; если эта ошибка допущена въ подлинномъ отчетѣ къ Государю, то надобно ее исправить, то есть, написать въ Сибирскій Комитетъ. Сверхъ того, по этой же статьѣ слѣдовало бы упомянуть и объ успѣхѣ этихъ работъ, производящихся уже съ 1859 года.

Любопытно мнѣ знать, какъ устроится Нерчинское Горное Управленіе. Мнѣ кажется, горный начальникъ вовсе не нуженъ, бергмейстеръ по серебряному производству также, управляющій также. Эти люди тѣмъ особенно вредны, что они будутъ требовать людей для серебрянаго производства: будутъ безцѣльные расходы, которые никогда не покроются этимъ производствомъ.

Ждемъ съ часу на часъ войны между Англіею и Америкою; напишу тебѣ тотчасъ, какъ только получу это извѣстіе. Надо въ мутной водѣ рыбу ловить.

Я полагаю, что лѣто буду долѣчиваться за границею, а къ осени вернусь въ Петербургъ. Разумѣется, если до того времени не вызовутъ»....

Наконецъ, въ письмахъ Н. Н. Муравьева къ князю М. С. Волконскому, служившему въ то время помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, отъ $^{29}/_{17}$ декабря 1861 г. и $\frac{2 \text{ февраля}}{21 \text{ января}}$ 1862 г. изъ По читаемъ: «Давно хотѣлъ я къ вамъ писать, любезнѣйшій Михаилъ Сергѣевичъ, но затруднялся и затрудняюсь адресомъ; однако, по письму вашему отъ 29-го ноября догадываюсь, что вы не перемѣнили мѣста службы, а потому адресую черезъ канцелярію Сибирскаго Комитета.

Вамъ сказали правду, что я не получаю почти никакихъ извѣстій изъ Россіи; изрѣдка только Сибиряки, пребывающіе въ Петербургѣ, скажутъ два-три слова и спрячутся; изъ всего этого я заключаю, что боятся перлюстраціи, но думаю, что напрасно, и прошу васъ писать ко мнѣ.

Здоровье мое постоянно улучшается; весною справлюсь въ Парижѣ у доктора, что мнѣ дѣлать, и тогда подумаю о времени возвращенія; но, вѣроятно, приказаны будутъ еще воды и морскія купанья. Впрочемъ, какъ вы знаете, я готовъ во всякое время явиться на службу, съ тѣмъ только, чтобъ быть дѣйствительно полезнымъ Россіи, но до сихъ поръ я еще не вижу этой возможности.

Вы знаете меня давно, знаете и Петербургскія мои отношенія; а потому не должны увлекаться, что совѣты и мнѣнія могутъ быть полезны: ихъ никогда *не спрашивали*, исключая предметовъ, относящихся до Восточной Сибири.

Жаль, что Путятинъ учреждаетъ среднія училища между уѣздными—и гимназіями: надобны училища для народа.

Здѣшнія газеты стали меньше объ насъ говорить, исключая Nord, который иногда сообщаетъ вѣсти изъ Петербурга; но положенія о Совѣтѣ министровъ я не читалъ. Совѣтъ этотъ—не новый: онъ учрежденъ еще въ концѣ 1857 года; ново было бы то, чтобъ министры были согласны между собою въ направленіи, а этого, кажется, ожидать нельзя по нынѣшнему составу министерства.»

«Письмо ваше отъ $^{11}/_{23}$ января я получилъ въ Парижѣ и спѣшу отвѣчать, возвратившись въ По, чтобы исполнить ваше желаніе и приложить двѣ карточки. Даже и въ Парижѣ мнѣ было холодно: я чуть не заболѣлъ; но здѣсь пришелъ опять въ нормальное положеніе и грѣюсь на солнцѣ, безъ котораго мнѣ трудно жить.

Нападки на Карсакова такъ нелѣпы, что нельзя имъ придавать никакого значенія. Государь, при назначеніи его, обѣщалъ поддерживать, и я увѣренъ, что Онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Все то, что я слышу и читаю изъ Сибири и о Сибири, убѣждаетъ меня, что Карсаковъ дѣйствуетъ прекрасно и во всемъ съ бо́льшею умѣренностью, чѣмъ я дѣйствовалъ; менѣе меня и увлекается и меньше горячится; это такъ и нужно; и если нѣкоторое увлеченіе было полезно въ мои 13 лѣтъ, то теперь требуется именно ровность и даже нѣкоторая холодность въ характерѣ генералъ-губернатора; что же касается бѣгства Бакунина, то обвинять Карсакова была бы величайшая несправедливость, было бы явное желаніе только вредить ему. Мало-ли сколько ссыльныхъ бѣжали въ мое время, никто не думалъ никогда и замѣтить мнѣ этого; а Бакунинъ былъ въ Сибири уже не ссыльный, а свободный человѣкъ, которому было дозволено служить и заниматься частными дѣлами во всей Сибири и Восточной и Западной. Всѣмъ этимъ я хочу только доказать вамъ, что обвиненія на Карсакова совершенно нелѣпы; Государь же, конечно, не только ихъ не раздѣляетъ, но даже о нихъ и не слышитъ, ибо Ему не посмѣютъ и доложить о такихъ griefs противъ Карсакова; такъ какъ Государь давно знаетъ, что Карсаковъ *ни для кого и ни для чего не покривитъ душою*, а Ему такіе и нужны генералъ-губернаторы.

По всему этому, присутствіе мое въ Петербургѣ для Сибирскихъ дѣлъ не нужно; а для общихъ оно такъ незначительно, что не стоитъ мнѣ и прерывать мое лѣченіе для этой цѣли.»

Нельзя не удивляться тому, что читаемъ въ этихъ письмахъ Муравьева. Николай Николаевичъ своею личностью, по истинѣ, представляетъ едва-ли не единственный примѣръ государственнаго человѣка, покинувшаго свой постъ, но мыслію и сердцемъ непрестанно на немъ пребывавшаго: столько вниманія ко всѣмъ дѣламъ, касающимся Восточной Сибири, столько серьезной заботливости о внутреннемъ ея преуспѣяніи, столько разностороннихъ полезныхъ совѣтовъ и указаній своему преемнику! Грустно думать, при чтеніи этихъ писемъ, что столь мудрый, богатый опытностью государственный человѣкъ, *способный*, по отзыву же его недоброжелателей, *къ широкой и плодотворной дѣятельности*, преданъ какъ бы забвенію и пребывалъ какъ бы въ изгнаніи на чужбинѣ, какъ разъ въ то трудное время, когда благодѣтельныя реформы начала новаго царствованія требовали для отечества полезныхъ и преданныхъ ему слугъ! Но Муравьева, еще полнаго

силъ, жаждавшаго дѣла и скучавшаго своимъ бездѣльемъ, не считали даже преданнымъ! И все: неподкупный, честный его характеръ, и его государственныя способности, такъ наглядно доказанныя имъ въ теченіе долговременной службы, и, наконецъ, слава совершоннаго имъ подвига, — все было забыто по происками и навѣтамъ лицъ, къ нему не расположенныхъ и желавшихъ отстраненія его отъ дѣлъ; мало того, даже одно упоминаніе имени Муравьева, какъ онъ самъ пишетъ Карсакову, могло только повредить въ Петербургѣ успѣху какого-нибудь дѣла касательно Восточной Сибири!

LXXIV.

Возвращеніе графа Муравьева въ Россію.—Патріотизмъ его.—Обратный отъѣздъ его за границу.—Вызовъ графа Муравьева для присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ.—Его нездоровье.—Письма его къ брату.—Пребываніе Муравьева въ Берлинѣ.—Свиданіе его съ Бисмаркомъ.—Возвращеніе его въ Петербургъ.—Письма его къ брату.

1863—1865 г.

Въ 1863 году, когда Польскій мятежъ далъ поводъ къ вмѣшательству въ наши дѣла западныхъ державъ, графъ Муравьевъ-Амурскій, не дожидаясь вызова, поспѣшилъ вернуться въ Россію, готовый вновь стать, какъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ ея сыновъ, въ ряды защитниковъ отечества. Но единодушное дуновеніе Русскаго народа развѣяло западныя тучи: войны не было, и графъ Амурскій ограничился лишь присутствованіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Интриги противъ него не утихали. Видя къ себѣ недоброжелательство, графъ Муравьевъ, не желая раздражать себя, снова уѣхалъ въ Парижъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ лишь только тогда, когда былъ вызываемъ для присутствованія въ Государственномъ Совѣтѣ. Такъ, въ концѣ 1864 года, онъ былъ вызванъ и, несмотря на свое нездоровье, тотчасъ же явился: но болѣзнь его до такой степени усилилась, что онъ принужденъ былъ остаться въ Петербургѣ на продолжительное время, чтобы укрѣпить свое здоровье, и до 1-го августа 1865 года жилъ сначала одинъ въ самомъ Петербургѣ, а затѣмъ, по пріѣздѣ жены, переѣхалъ съ нею въ Царское Село.

О подробностяхъ пребыванія своего за это время въ Петербургѣ, равно какъ и о состояніи своего здоровья, онъ самъ со-

общаетъ въ письмахъ къ брату Валеріану Николаевичу (жившему въ то время въ Москвѣ и бывшему уже сенаторомъ) слѣдующее.

5-го января 1865 г. «Ты знаешь о причинѣ моего сюда пріѣзда. Соображенія твои о моемъ назначеніи, можетъ быть, отчасти и справедливы, но здоровье мое въ такомъ положеніи, что никакія отдаленныя назначенія, требующія физической дѣятельности, мнѣ недоступны. Послѣдніе три мѣсяца и за границею я чувствовалъ себя нехорошо: удушье мое увеличилось, біеніе сердца также, и я постоянно чувствовалъ боль въ лѣвомъ боку и часто въ правомъ и въ другихъ частяхъ груди; тамъ мнѣ начали ставить шпанскія мушки, но я думаю, что не совсѣмъ понимали существенное начало болѣзни! Пріѣхавши сюда, я тотчасъ пригласилъ Здекауэра. Этотъ осмотрѣлъ меня очень основательно и принялся лѣчить серьезно, обѣщая облегченіе, но не совершенное выздоровленіе, что̀ и для меня весьма понятно; климатъ дѣйствительно здѣсь не хорошъ, но для моей болѣзни, кажется, все равно: мнѣ вездѣ нужно спокойствіе и опытный медикъ, а лучше Здекауэра въ этого рода болѣзняхъ придумать трудно. Итакъ, я инвалидъ — по крайней мѣрѣ, 2-го разряда; но мнѣ 56-й годъ, и удивляться нечего, тѣмъ болѣе, что около 25-ти лѣтъ этой жизни я жилъ вдвое противъ другихъ: болѣзнями, раною, а пуще всего заботами. По наружности я, говорятъ, не очень постарѣлъ, но есть пословица, что маленькая собачка до старости щенокъ; а притомъ, по характеру моему, никакія болѣзни не смиряютъ живости моихъ движеній и разговора.

Я не только доволенъ, но даже очень благодаренъ, что меня сюда вызвали, ибо оказывается, что купанья и путешествія были мнѣ болѣе вредны, чѣмъ полезны, и лѣченіе мое должно быть болѣе комнатное, чѣмъ иное; воздухъ нуженъ, но не съ излишествомъ, а въ особенности вредно много движенія и тряски. Теперь я пріискиваю хорошую квартиру, но надобно подождать, покуда отсюда разъѣдутся гости, которыхъ набралось много къ праздникамъ и Новому году. Не выходя изъ своей комнаты, я, разумѣется, только по слухамъ знаю, что̀ дѣлается въ политическомъ мірѣ, и покуда, мнѣ кажется, все идетъ своимъ обычнымъ путемъ, и никакихъ особенныхъ перемѣнъ въ правительственныхъ сферахъ не воспослѣдовало. Назначеніе Великаго Князя предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта — въ порядкѣ вещей: жаль только, что оно не воспослѣдовало 1-го января 1862 года; но лучше поздно, чѣмъ никогда, говоритъ пословица. Я вообще терпѣть не могу личностей и всегда утверждалъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть очень вреденъ въ одномъ мѣстѣ и очень полезенъ

въ другомъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ у насъ это оказалось на многихъ государственныхъ людяхъ, а искусство высшаго правительства въ томъ и заключается, чтобъ поставить каждаго на то мѣсто, гдѣ онъ можетъ быть полезенъ; и на этомъ основаніи я думаю, что Великій Князь будетъ полезенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ весьма полезенъ въ Западномъ краѣ! И весьма неосновательно дѣлаютъ тѣ, кто кричитъ противъ того или другого назначенія; но въ нынѣшнемъ вѣкѣ трудно заставлять молчать кого-либо, а потому лучше всего оставлять крики эти безъ вниманія.

Невольно заговорился я объ этомъ предметѣ, хоть ты меня и не вызывалъ на него своимъ письмомъ, но это потому, что здѣсь безпрестанно слышишь толки и сужденія по этимъ двумъ предметамъ, и безпрестанно сопоставляютъ этихъ лицъ какъ бы въ противоположность одно другому.»

8-го января. «Я не здѣсь захворалъ, а пріѣхалъ больной, и здѣсь принялся только за серьезное лѣченіе и надѣюсь, что Здекауэръ мнѣ больше поможетъ, чѣмъ заграничные доктора; но лѣченіе это не помѣшаетъ мнѣ заниматься Сибирскими дѣлами, когда придетъ до нихъ очередь, а теперь еще не дошла, ибо еще ждутъ пріѣзда Безака.

Мнѣ кажется, что внутренній заемъ былъ давно нуженъ и въ размѣрахъ гораздо бо́льшихъ; что внутренніе займы преимущественнѣе противъ всѣхъ иностранныхъ, и что при необходимости постройки желѣзныхъ дорогъ намъ не должно бы останавливаться на тѣхъ мелкихъ цифрахъ, которыя теперь для этого предмета употребляются; мы, къ несчастію, уже слишкомъ долго откладывали исполненіе этого необходимаго дѣла въ тѣхъ размѣрахъ, какъ оно потребно въ Россіи.

Рѣшеніе, воспослѣдовавшее въ Комитетѣ, весьма благоразумное, и дѣло только въ деньгахъ: Кіевъ соединяется съ Москвою черезъ Курскъ, Одесса съ Харьковомъ—черезъ Кременчугъ, а Курскъ съ Харьковомъ соединяются еще скорѣе посредствомъ частной компаніи; не сомнѣваюсь, что всѣ эти дороги построятся въ одно время, и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Цензура вообще, и особенно такая, какъ она теперь у насъ существуетъ, учрежденіе ненормальное; но есть надежда, что съ учрежденіемъ новаго цензурнаго устава, это дѣло придетъ въ болѣе нормальное положеніе. Исключенія и монополіи въ дѣлѣ печати, кромѣ вреда, ничего не приносятъ; законы должны быть для всѣхъ одинаковы; я не отрицаю пользы, которую принесли Московскія Вѣдомости въ грустную для насъ годину 1863 года,

не отвергаю, что настоящіе редакторы этой газеты люди очень способные, и что весьма желательно, чтобъ они продолжали издавать эту газету, но не иначе какъ на общихъ основаніяхъ, для всѣхъ другихъ газетъ установленныхъ; а всего вреднѣе въ этомъ случаѣ министерскія распоряженія, всегда произвольныя и отъ взгляда только министра зависящія.

Неппръ[1] говорилъ въ Петербургѣ прошлою весною, что Россію избавилъ отъ войны Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, и съ этимъ нельзя не согласиться; мнѣніе это подтверждается еще злобою, которую питаютъ противъ Муравьева почти всѣ Французскія газеты, которымъ хотѣлось войны и возстановленія Польши! Съ этимъ мнѣніемъ согласны и всѣ благоразумные и безпристрастные люди за границею, гдѣ также отдаютъ полную справедливость нашимъ отвѣтнымъ нотамъ на задорныя ноты Англіи. Франціи и Австріи; наконецъ и не менѣе того остановило порывы забіякъ быстрое сформированіе нашей арміи; но я нигдѣ не слыхалъ, чтобъ собственно Московскія Вѣдомости избавили Россію отъ войны!

Когда ближе и подробнѣе знаешь обстоятельства, то перестанешь преклоняться передъ кумирами и будешь отдавать только должную справедливость заслугамъ и способностямъ, а личности и увлеченія никогда не ведутъ къ справедливому сужденію, а только къ идолопоклонству, что̀ совершенно противно 2-й заповѣди.

Патріотизмъ не есть добродѣтель, а свойство, необходимое для всякаго гражданина какого бы то ни было государства; но это свойство не должно лишать человѣка чувствъ правды и справедливости, ибо тогда оно становится увлеченіемъ.

Въ 1812 году Барклая всѣ называли измѣнникомъ, и онъ рѣшительно искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи; а въ 1814— онъ, за взятіе Парижа, произведенъ въ фельдмаршалы; теперь же монументъ его стоитъ наряду съ Кутузовскимъ противъ Казанскаго собора, и никто не думаетъ отнимать у него права тамъ стоять! Не ясно ли, что въ 12 году только одно увлеченіе называло его *измѣнникомъ!*

Кутузову приписывали и приписываютъ спасеніе Россіи, а Ермоловъ, котораго также любила Россія, объясняетъ въ своихъ запискахъ иное!

Длинна была бы рѣчь моя, еслибъ я сталъ высказывать все то, что̀ дѣлало въ разныя времена временное увлеченіе, которое никогда не должно смѣшивать съ истиннымъ патріотизмомъ.

Я все еще сижу дома, а сегодня съ мушкою на груди, и

[1] Англійскій посолъ.

продолжаю другія лѣкарства: но непремѣнно буду участвовать въ преніяхъ по Сибирскимъ дѣламъ, когда получу приглашеніе; лѣченіе мое будетъ продолжаться еще долго съ надеждою лишь на облегченіе, а не на совершенное выздоровленіе, ибо въ мои лѣта отъ моей болѣзни не вылѣчиваются. Турецкая и Польская войны, Кавказъ, и въ особенности Сибирь—отзываются теперь на моей груди и сердцѣ; ты знаешь, что я никогда себя не жалѣлъ: *Богъ не далъ мнѣ заслужить вниманіе моихъ современниковъ:* не расчитываю я на вниманіе и потомства, но тѣмъ не менѣе жизнь моя проведена и сокращена на службѣ отечеству, и слава Богу еще, что не называютъ меня измѣнникомъ! А Богъ знаетъ, можетъ быть, гдѣ и называютъ!»

13-го января. «Очень тебѣ благодаренъ за твое приглашеніе пріѣхать къ тебѣ на лѣто въ деревню, но еще до того—времени такъ много впереди, что теперь рѣшить трудно; я думаю однакожъ, что во всякомъ случаѣ мнѣ нельзя будетъ быть такъ долго внѣ Петербурга: но, конечно и всенепремѣнно, мы пріѣдемъ къ вамъ въ Никольское лѣтомъ погостить въ вакантное время Государственнаго Совѣта.

Будь увѣренъ, что меня весьма мало тревожитъ все меня окружающее здѣсь, и что Петербургская собственно жизнь вреда мнѣ сдѣлать не можетъ въ отношеніи нравственномъ: мнѣ не хороши разъѣзды по дурнымъ дорогамъ и даже по улицамъ Петербургскимъ; мнѣ не слѣдуетъ имѣть власти и нести на себѣ нераздѣльную съ тѣмъ отвѣтственность; мнѣ не слѣдуетъ разъѣзжать на балы и обѣды, и въ настоящемъ моемъ служебномъ положеніи мнѣ и здѣсь жить можно, даже не мѣшаетъ иногда и поспорить, только бы споръ этотъ не принимался близко къ сердцу; прекрасно было бы, еслибъ я могъ выучиться играть въ коммерческія игры и усовершенствоваться играть въ шахматы, что̀ я впрочемъ и намѣренъ начать дѣлать. Однимъ изъ величайшихъ успѣховъ настоящаго моего лѣченія у Здекауэра это пониженіе пульса до 76 въ минуту; и онъ обѣщаетъ, что больше и не будетъ, а до того у меня онъ шелъ отъ 82 до 86 въ минуту!

Обращаясь опять къ Московскимъ Вѣдомостямъ, я прошу тебя не подумать, чтобъ я не отдавалъ имъ *должной* справедливости и чтобъ я не раздѣлялъ вполнѣ ихъ мнѣнія въ отношеніи единства и цѣлости Россіи: я всю мою жизнь исповѣдую эту святую вѣру и предлагаю даже Драконовы законы противъ тѣхъ, которые печатаннымъ словомъ или дѣломъ стремятся къ сепаратизму; и въ этомъ я вполнѣ согласенъ съ Катковымъ и Леонтье-

вымъ; но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что не *этимъ* пріобрѣли они такую силу въ нашемъ дворянскомъ кругу!

Что же касается избавленія Россіи отъ нашествія Европы въ 1863 и 1864 годахъ, то я убѣжденъ глубоко, что мы этимъ исключительно обязаны дѣйствіямъ, а не печатному слову: и наконецъ, если печатное слово поддакивало дѣйствіямъ, то это такъ натурально, что въ этомъ нѣтъ и великой заслуги. Я все читалъ здѣсь въ 1863 году съ полнымъ безпристрастіемъ, читалъ многое и въ 1864 году и, по совѣсти, не могу сказать, чтобъ однѣ только Московскія Вѣдомости имѣли благодатное дѣйствіе на нашу публику, и даже ненавистный вамъ, Москвичамъ, «*Голосъ*» сообщилъ такія корреспонденціи изъ Польши, что Русскому сердцу нельзя было оставаться равнодушнымъ; словомъ сказать, всѣ наши газеты стремятся къ одной цѣли: соединенію Россіи противъ враговъ Россіи; и если возникали между газетами распри, то только изъ личностей.

Наконецъ, когда дѣло касается цензуры, то мнѣніе мое неизмѣнно: если она существуетъ, то, конечно, должна быть одинаковая для всѣхъ безъ всякихъ исключеній; и въ глубинѣ души своей я увѣренъ, что Катковъ и Леонтьевъ—одного со мною мнѣнія. О настоящемъ же положеніи цензуры и говорить нельзя: это—оскорбительное явленіе для Россіи, продолжающееся, къ несчастію, слишкомъ долго! Но думаю, что даже это оскорбительное явленіе послужило Московскимъ Вѣдомостямъ къ увеличенію ихъ популярности въ извѣстное время, и понимаю, что теперь уже Московскія Вѣдомости цензурной диктатурѣ подвергаться не хотятъ. По моему мнѣнію, если уже существуетъ цензура, то она должна быть учрежденіе совершенно независимое ни отъ какого министерства, ни даже отъ Комитета министровъ, и должна руководствоваться твердыми правилами, ни для кого неизмѣнными, имѣющими силу закона, и весьма кратко изложенными. Существованіе Главнаго Цензурнаго Комитета весьма раціонально, но безъ всякаго отношенія и сношенія съ какимъ-либо министерствомъ, и въ непосредственной подчиненности одного Государя. Предсѣдатель и члены этого Комитета должны быть также лица совершенно независимыя отъ министерствъ, и цензоровъ долженъ избирать и назначать этотъ Комитетъ также изъ людей, совершенно отъ министровъ независимыхъ и даже нерекомендованныхъ. Въ этомъ только видѣ цензура можетъ быть сносна, и я увѣренъ, что всякій добросовѣстный редакторъ съ мнѣніемъ этимъ согласится. Полагаю даже, что мысль эта не противна и верховной власти, которая неоднократно и въ разныя времена учреждала подобные комитеты, но, къ не-

счастію, до сихъ поръ не издала твердыхъ и неизмѣнныхъ законовъ для цензуры, а безъ этихъ законовъ и самое учрежденіе независимаго Главнаго Комитета не принесло бы надлежащей пользы.»

22-го января. «Московскіе выборы надѣлали много шуму въ городѣ: Скарятинъ взялъ, говорятъ, въ Москвѣ 5 т. рублей за напечатаніе рѣчей и адреса въ своей «Вѣсти»: спекуляція удачная—и тѣмъ, вѣроятно, все кончится.

Общественное мнѣніе, о которомъ ты упоминаешь, нигдѣ не имѣетъ существеннаго основанія, а тѣмъ паче у насъ, гдѣ его выражаетъ такая часть общества, которая имѣетъ свои особенные интересы отъ всего государства, и сверхъ того, преисполнена такимъ чувствомъ самодовольствія и самонадѣянности, что ей ничѣмъ не угодишь.

Книгопечатаніе могло бы много способствовать къ образованію всѣхъ другихъ сословій въ нашемъ отечествѣ, но оно подвержено такимъ стѣсненіямъ и произволу, что лучше было бы его совсѣмъ закрыть.»

7-го февраля. «Въ отношеніи моей болѣзни тебя напугали больше, чѣмъ слѣдовало: она дѣйствительно въ сердцѣ и требуетъ жизни покойной, такъ сказать безмятежной, но разговоръ съ пріятелями, иногда и споръ нѣсколько живой, нимало мнѣ не вредятъ; напротивъ, уединенное молчаніе было бы вредно. Нравственное же раздраженіе, котораго ты опасаешься, и которое дѣйствительно наиболѣе мнѣ вредно, происходитъ у меня отнюдь не отъ разговора или даже спора, а часто отъ нѣсколькихъ словъ или нѣсколькихъ строкъ, сильно для меня ощутительныхъ, но вовсе негромкихъ и, можетъ быть, для другого лица нисколько незамѣтныхъ, а между тѣмъ задѣвающихъ меня «за живое», какъ говорится: а этихъ словъ или строкъ не избѣгнешь нигдѣ! и задѣваютъ онѣ еще чаще и сильнѣе въ скукѣ или уединеніи.»

19-го февраля. «Мое здоровье поправляется именно лѣченіемъ, которое на сей разъ оказывается весьма удачнымъ, но и не безъ изъяну, ибо мнѣ открыли на рукѣ фонтанель, которую едва-ли скоро закрыть можно, а, можетъ быть, придется носить и навсегда. Дней черезъ десять я, вѣроятно, явлюсь и на службу, а покуда только гуляю пѣшкомъ, но всѣ большія движенія и дѣятельность мнѣ запрещены навсегда, чѣмъ впрочемъ я очень доволенъ, ибо и самъ по себѣ я сталъ уже отмѣнно лѣнивъ, любитель спокойствія и домосѣдства. Въ письмахъ моихъ ты найдешь не всегда полное выраженіе моей мысли, вслѣдствіе извѣстнаго тебѣ любопытства почтоваго вѣдомства. Господь съ ними! я уже сталъ слишкомъ старъ, чтобъ ссориться изъ-за откровенной письмен-

ной бесѣды, не имѣющей никакихъ добрыхъ послѣдствій; впрочемъ, многое здѣсь кажется и не въ томъ видѣ, какъ въ Москвѣ.»

На праздникъ же Святой недѣли графъ Муравьевъ на нѣкоторое время отправился въ Берлинъ, гдѣ была его жена Екатерина Николаевна, которой Греффе сдѣлалъ въ своей клиникѣ серьезную глазную операцію.

За это пребываніе въ Берлинѣ графъ Муравьевъ навѣстилъ Бисмарка, съ которымъ, должны мы сказать, онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ; и каждый разъ, когда Муравьеву случалось быть въ Берлинѣ, онъ всегда посѣщалъ его и велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды. «Разъ какъ-то», разсказываетъ П. В. Шумахеръ, «графу Муравьеву пришлось быть въ Берлинѣ на масляницѣ; Бисмаркъ устроилъ у себя Русскіе блины для него съ зернистой икрой, которую Муравьевъ привезъ ему въ подарокъ.»

Возвращаемся снова къ перепискѣ графа Муравьева съ его братомъ, по пріѣздѣ изъ Берлина.

14-го апрѣля. «Давно не писалъ я тебѣ по случаю поѣздки моей въ Берлинъ, а возвратившись третьяго дня сюда, я былъ въ такомъ расходѣ, что было не до писемъ. Грустное событіе совершилось для Россіи и для бѣднаго Государя и Императрицы, и, конечно, нѣтъ ни одного человѣка въ имперіи и даже въ Европѣ, который бы о немъ не пожалѣлъ, но видно, такъ угодно было Богу, а мимо воли Его ничего въ мірѣ не совершится. Теперь ѣзжу на панихиды по два раза въ день; это продолжится, говорятъ, до тѣхъ поръ, покуда тѣло покойнаго Цесаревича не отправится изъ Ниццы. Ждемъ манифеста о новомъ Наслѣдникѣ: курьеръ ѣдетъ съ этимъ отъ 12-го числа, значитъ, будетъ здѣсь послѣзавтра: здѣсь ужасно грустно и холодно, и снѣгъ идетъ; кажется, будто сама природа груститъ вмѣстѣ со всѣми.»

5-го мая. «Здѣсь теперь ничего новаго нѣтъ: всѣ грустятъ и ждутъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Государя, который однакожъ, я думаю, охотно остается въ уединеніи послѣ той страшной потери, которую Онъ понесъ. Судьбы Божіи неисповѣдимы, и всякъ долженъ переносить ихъ съ покорностью: но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, а потеря Государева тяжелѣе всякой другой.

Ты, вѣроятно, уже поздравлялъ письменно новаго графа;[1] онъ и семейство его довольны: но я и многіе другіе искренно сожалѣемъ, что его взяли изъ Западнаго края, хотя назначеніе Кауфмана обѣщаетъ много хорошаго и въ особенности продолженіе прежней системы дѣйствій.

---

[1] Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

На дняхъ пріѣхалъ сюда Спѣшневъ.[1] и теперь ѣдемъ вмѣстѣ къ архимандриту Аввакуму, нашему Японскому.[2]

Не буду распространяться здѣсь о политическихъ дѣлахъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ, но не могу согласиться съ тобою, что какъ первыя хороши, такъ вторыя дурны, и что должно ожидать и желать, чтобъ возвращеніе Государя положило конецъ многимъ и многимъ неправильнымъ дѣйствіямъ.»

8-го іюня. «Мы непремѣнно пріѣдемъ къ тебѣ въ Никольское въ первой половинѣ іюля; но сказать положительно, котораго числа мы отсюда выѣдемъ, я никакъ не могу, покуда жена еще за границею; знаю только, что къ 1-му іюля она обѣщаетъ сюда пріѣхать, и хотя я располагаю весьма скоро послѣ ея сюда пріѣзда ѣхать въ Москву, но также не могу опредѣлить, сколько дней мы здѣсь пробудемъ и, наконецъ, сколько дней въ Москвѣ. По всему этому убѣдительно тебя прошу ни въ чемъ о насъ не заботиться до пріѣзда нашего въ Никольское: въ Москвѣ мы остановимся въ Дрезденѣ. Что касается времени пребыванія нашего у васъ въ Никольскомъ, то я не думаю, чтобъ оно могло продолжиться болѣе двухъ недѣль, ибо отлучаться на болѣе продолжительное время и во время вакацій нельзя безъ отпуска: а я никакъ не хочу просить отпуска во время лѣта, ибо, можетъ быть, придется проситься зимою.

О политическихъ предметахъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ я ничего не пишу, ибо нечего писать, особенно послѣ замысловатыхъ статей Московскихъ Вѣдомостей, которыя, какъ видно, все предугадываютъ на самыя отдаленныя времена.»

1-го іюля. «Только-что получилъ достовѣрное свѣдѣніе отъ жены о выѣздѣ ея изъ Парижа и спѣшу сообщить тебѣ о времени нашего къ вамъ пріѣзда. Завтра, 2-го іюля, я ѣду къ ней навстрѣчу до границы, 3-го оба тамъ съѣдемся и 4-го вечеромъ пріѣдемъ въ Петербургъ; 5-го и 6-го намъ необходимо здѣсь пробыть, для ея отдыха, и повидаться съ родными, 7-го выѣдемъ по желѣзной дорогѣ въ Москву, 8-е пробудемъ въ Москвѣ и 9-го поѣдемъ къ вамъ въ Никольское. Въ Москвѣ Михаилъ Илларіоновичъ Бибиковъ, который ѣдетъ туда завтра, обѣщалъ все устроить, какъ въ отношеніи квартиры, такъ и экипажа. Итакъ, до свиданія!»

[1] Н. А. Спѣшневъ, сосланный по дѣлу Петрашевскаго въ 1848 г. и помилованный въ 1856 г., поступившій затѣмъ на службу по Главному Управленію Восточной Сибири и завѣдывавшій не разъ походной канцеляріей графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

[2] Миссіонеръ въ Японіи.

LXXV.

Возвращеніе графа Муравьева изъ имѣнія брата въ Петербургъ.—Переѣздъ его на жительство въ Царское Село.—Письма его оттуда брату.—Переѣздъ графа Муравьева въ Петербургъ.—Прошеніе его Государю о передачѣ титула графа Амурскаго брату его Валеріану Николаевичу съ потомствомъ.—Письмо Муравьева по этому поводу къ брату и отъѣздъ его въ отпускъ за границу.—Письмо архіепископа Иннокентія къ Муравьеву.—Письма графа Муравьева изъ Парижа М. С. Карсакову.

1865—1868 г.

Въ первыхъ числахъ августа, графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій возвратился изъ имѣнія своего брата, с. Никольскаго, въ Петербургъ и тотчасъ переѣхалъ на жительство въ Царское Село, откуда онъ 18-го августа въ письмѣ извѣщаетъ своего брата Валеріана Николаевича объ условіяхъ мѣстной жизни и благодаритъ его за радушный пріемъ. «Мы очень порядочно устроились здѣсь: квартира маленькая, но премиленькая, съ садикомъ и близъ дворца, а главное, что женѣ очень нравится Царское и великолѣпныя здѣсь гулянья; надобно впрочемъ отдать полную справедливость здѣшнему климату, который безъ сомнѣнія лучшій, по крайней мѣрѣ, на 100 верстъ въ окружности. Я думаю, что вслѣдствіе этого опыта мы поселимся окончательно въ Царскомъ Селѣ, и если найдется недорогой домикъ съ садомъ, то и купимъ его, такъ чтобъ на будущую зиму и жена здѣсь оставалась; но нынѣшней ей непремѣнно еще надобно ѣхать въ По для глазъ, которымъ дѣйствіе снѣга опасно послѣ недавней операціи. Всѣ мы вспоминаемъ съ самымъ пріятнымъ чувствомъ пребываніе наше въ Никольскомъ. Милое ваше гостепріимство и славная

хозяюшка, которую я обнимаю отъ всего сердца, будутъ надолго предметомъ нашихъ разговоровъ. Если я заведусь домомъ въ Царскомъ Селѣ, то, конечно, вамъ пріятно будетъ сюда пріѣхать и попользоваться прекрасными здѣшними прогулками, которымъ нѣтъ подобныхъ во всей Европѣ. Завтра будетъ у васъ въ Москвѣ Государь, но не надолго, ибо къ 20-му числу Его ждутъ уже здѣсь и со всѣмъ семействомъ: на Его мѣстѣ я бы постоянно жилъ въ Царскомъ, даже и во всю зиму, а ѣздилъ бы въ Петербургъ только для большихъ пріемовъ; и думаю, что рано или поздно центръ Петербурга будетъ въ Царскомъ.

Въ политическомъ мірѣ нѣтъ, кажется, ничего новаго, но извѣстное дѣло, что до 15-го сентября всѣ у насъ отдыхаютъ. За границею тоже смирно, только папа не унимается. Пиши ко мнѣ въ Царское Село, въ Леонтьевскую улицу, домъ Никитина, и сообщи подробности о пребываніи Государя въ Москвѣ.»

Затѣмъ о послѣдующей своей жизни графъ пишетъ такъ.

12-го сентября. «Мы живемъ здѣсь недурно, ибо и въ дождливое время здѣсь въ Царскомъ паркѣ можно гулять по суху, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ погода стала хорошая, и жаль только, что это не можетъ долго продолжиться, и что не далѣе, какъ черезъ недѣлю надобно ожидать снѣгу и слякоти, ибо въ прошломъ мѣсяцѣ, между 15-мъ и 20-мъ числомъ, было такъ дождливо и холодно, что напоминало намъ зиму въ По. Дѣйствительно, прогулки въ твоемъ дубовомъ паркѣ прекрасны, но не дерзай посыпать дорожекъ пескомъ, даже и скамеечки я думаю лучше сдѣлать дерновыя, чѣмъ деревянныя. Спасибо и за воспоминаніе объ Амурѣ, и сожалѣю весьма, что тебѣ не удастся тамъ побывать: ты бы увидѣлъ, какая это великолѣпная природа.

Скоро начнутся засѣданія наши въ Государственномъ Совѣтѣ, именно въ первый понедѣльникъ послѣ 15-го числа; я признаюсь, что это занятіе меня теперь очень интересуетъ, вѣроятно, оттого, что мы такъ давно не собирались.

Государь и Государыня, кажется, пробудутъ въ своей подмосковной еще съ недѣлю; не будете ли вы, гг. сенаторы, имѣть случай представиться?

Новый вашъ генералъ-губернаторъ [1] — мой старинный и хорошій знакомый, и я думаю, что Москва имъ будетъ довольна: вѣдь, на нее не легко угодить!»

30-го сентября. «Мы по прежнему въ Царскомъ Селѣ, и хотя морозы бываютъ сильные, но погода хороша: снѣгу нѣтъ,

---

[1] Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, и нынѣ занимающій тотъ же постъ.

и жена можетъ всякій день гулять, такъ что еще день отъѣзда ея за границу не назначенъ.

Съ 20-го числа начались засѣданія и нашего Общаго Собранія, и Михаилъ Николаевичъ [1] ихъ посѣщаетъ; не налюбуюсь я его пріятельскимъ отношеніямъ съ Суворовымъ! Право, чудесное это мѣсто—Государственный Совѣтъ: всѣхъ сближаетъ и дружитъ.»

6-го октября. «На дняхъ жена представлялась Императрицѣ; а вчера мнѣ Государыня сказала: «qu' Elle lui a trouvé très bonne mine»,—это дѣйствительно такъ: покуда ей климатъ Царскосельскій очень благопріятствуетъ. Но взаимно и жена моя, которая не видѣла Императрицу съ 1856 года, находитъ, что Она не только въ эти девять лѣтъ не постарѣла, но помолодѣла и чрезвычайно похорошѣла.

Я тебѣ уже писалъ о введеніи судебной реформы; а въ концѣ этого мѣсяца, вѣроятно, будетъ и указъ; дай Богъ! въ добрый часъ! Но сомнѣнія объ успѣшномъ ходѣ собственно мировыхъ судей—повсемѣстны; посмотримъ, что̀ скажутъ первые выборы этихъ судей въ 10-ти губерніяхъ; по моему мнѣнію, учрежденіе это полезно, *но съ гораздо меньшею властію мировымъ судьямъ.*

Ваши Московскіе журналы—«День» и «Московскія Вѣдомости» меня особенно и пріятно занимаютъ: но здѣсь есть какая-то «Вѣсть», которую мнѣ присылаютъ даромъ, безъ подписки и просьбы моей, и которую я прочитываю также отъ нечего дѣлать; но не совѣтую тебѣ читать; впрочемъ, ты о ней уже имѣешь понятіе по 215-му номеру «Московскихъ Вѣдомостей», и спасибо Каткову за его прекрасную статью въ отвѣтъ «Вѣсти». Въ Совѣтѣ я всякій разъ встрѣчаю Михаила Николаевича и любуюсь его пріятельскимъ отношеніямъ съ Суворовымъ: они оба—мои сосѣди, и я вижу съ удовольствіемъ, что брань обратилась въ миръ! О, человѣчество!»

10-го октября. «Мнѣ кажется, что не такъ трудно справляться въ Москвѣ генералъ-губернатору, и не слѣдъ обращать вниманіе на голословные толки въ какомъ бы то ни было Дворянскомъ Собраніи. Бисмаркъ не обращаетъ даже вниманія и на камеру депутатовъ, которая, конечно, болѣе имѣетъ значенія, чѣмъ наши Дворянскія Собранія. Существеннаго вниманія заслуживало бы у насъ финансовое положеніе, которое касается интересовъ всѣхъ сословій, и, кажется, есть способы помочь дѣлу.»

---

[1] Графъ Муравьевъ.

15-го октября. «Вчера обѣдали у Милютиныхъ. На дняхъ мы переѣзжаемъ въ городъ. Холера въ Парижѣ все еще не утихаетъ, и поэтому женѣ лучше подождать своимъ отъѣздомъ за границу; наступятъ и тамъ морозы и прекратятъ эпидемію: тогда она поѣдетъ безопасно.

«Вѣкъ живи, вѣкъ учись» —гласитъ Русское правило, которое я болѣе и болѣе на себѣ испытываю, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаюсь съ каждымъ годомъ, и даже днемъ, болѣе и болѣе въ моемъ коренномъ вѣрованіи, что Провидѣніе безгранично нами руководитъ, что пути Его неисповѣдимы, и что часто кажущееся намъ зломъ ведетъ къ добру. Несомнѣнно, что пути Провидѣнія подчиняются извѣстному закону, но закона этого смертные еще не изучили! Предисловіе это можетъ тебѣ послужить отвѣтомъ на нѣкоторыя твои соображенія по предмету земскихъ учрежденій и мировыхъ судей; но я этимъ не ограничусь, а скажу еще французскую пословицу: la parole est d'argent et le silence est d'or: пословицу эту я давно зналъ, а въ справедливости ея у насъ убѣдился въ послѣдніе два года, почему и говорю: вѣкъ живи, вѣкъ учись!»

26-го октября. «Ты, вѣроятно, читалъ новый законъ (1863 г.) о передачѣ фамиліи и титула? Если не читалъ, то прочти всѣ пункты онаго со вниманіемъ, и ты увидишь между прочимъ, что для передачи таковой требуется согласіе того, кому передается титулъ и фамилія: въ какой формѣ это согласіе пишется, я не знаю, и примѣра еще, кажется, не было: но въ Сенатѣ ты лучше можешь объ этомъ справиться, и пришли мнѣ твое письменное согласіе принять отъ меня фамилію Амурскаго съ графскимъ титуломъ. Какъ только я это получу, то и войду, по установленному порядку, со всеподданнѣйшимъ объ этомъ прошеніемъ. Въ жизни и смерти Богъ воленъ, и лучше, когда дѣло уже будетъ сдѣлано.

Жена уѣзжаетъ въ воскресенье, т. е. 31-го октября, а я въ тотъ же день переѣзжаю въ Петербургъ.»

28-го октября. «О просимомъ, пожалуй, я и напишу къ Кауфману, но толку изъ этого ждать нечего: слова мои вездѣ, какъ къ стѣнѣ горохъ, отскакиваютъ; безвредно впрочемъ и для меня; всѣ эти гг. исполняютъ просьбы только тѣхъ, отъ кого могутъ ожидать взаимнаго одолженія: а отъ меня, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока; даже и голоса въ Совѣтѣ не дождутся, ибо голосъ мой—мой собственный и не подчиняется никакимъ свѣтскимъ соображеніямъ: оттого я чаще всего остаюсь въ меньшинствѣ.

Ты, кажется, забылъ о Провидѣніи, которое незамѣтно ведетъ всѣ наши дѣла по установленнымъ Имъ путямъ, и поэтому ничего неисправимаго нѣтъ въ мірѣ. Иногда и кажется намъ все худо да худо, а выйдетъ все къ лучшему. Ты говоришь, что въ Москвѣ въ Земскомъ Собраніи только воду толкли; а развѣ ты не помнишь отцовскихъ канареекъ?»

По отъѣздѣ графини Екатерины Николаевны 31-го октября за границу, графъ Н. Н. Муравьевъ въ тотъ же день переѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ Демута въ Конюшенной. Здѣсь онъ получилъ отъ брата Валеріана Николаевича требуемое согласіе на принятіе имъ фамиліи Амурскаго съ графскимъ титуломъ, и 9-го ноября онъ подалъ на Высочайшее имя слѣдующее прошеніе: «Всемилостивѣйшій Государь! Въ ознаменованіе присоединенія къ Россіи рѣки Амура, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было мнѣ, исполнителю Вашей воли и указаній, Всемилостивѣйше пожаловать титулъ графа Амурскаго; но у меня нѣтъ дѣтей мужескаго пола, которые бы могли передать потомству память объ этомъ первомъ событіи достославнаго Вашего царствованія, а потому дерзаю, на основаніи Высочайше утвержденныхъ Вашимъ Величествомъ въ 4-й день ноября 1863 года правилъ, всеподданнѣйше просить о передачѣ титула графа Амурскаго родному брату моему сенатору Валеріану Муравьеву съ потомствомъ.» [1]

«Теперь я могу и умереть», писалъ графъ Н. Н. Муравьевъ брату отъ того числа; «а дѣло это сдѣлано: прошеніе съ надлежащимъ документомъ подано еще при жизни, и все зависитъ отъ воли Государевой.

Какъ Катковъ себѣ вредитъ своимъ педантизмомъ о гимназіяхъ и преподаваніи тамъ! Неужели онъ все это дѣлаетъ, чтобъ бросать камни въ Министерство Народнаго Просвѣщенія! А между тѣмъ, какъ хороши его политическія статьи, и какъ были бы хороши финансовыя, еслибъ онъ занялся ими поглубже, сбросивши съ себя колпакъ педагога! Изъ послѣдней его педагогической статьи я въ первый разъ узналъ, что поставить неумѣстно букву *ѣ* есть величайшее невѣжество. Мнѣ очень совѣстно за него, когда попадаются подобныя статьи. Онъ—знаменитый публицистъ и отмѣнно полезный для Россіи; но зачѣмъ же надѣвать на

---

[1] По желаніе графа Муравьева о передачѣ своего графскаго титула измѣнилось, вслѣдствіе смерти брата его Валеріана Николаевича, и 1-го декабря 1870 года, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, дозволено передать титулъ и фамилію его малолѣтнему племяннику Валеріану Валеріановичу Муравьеву. (Отнош. Герольдіи 3-го февраля 1871 г., № 380.)

себя профессорскій колпакъ? Если же это все изъ *личности* къ Головнину, то это еще менѣе похвально, ибо личности еще хуже педантизма; политическимъ его статьямъ всѣ вѣрятъ, а педагогическія со всѣхъ сторонъ оспариваютъ: а мы, простые читатели, совсѣмъ не для того подписываемся на его журналъ, чтобы присутствовать на *диспутъ*: для этого мы можемъ ходить въ Университетъ.

Прочти въ «Днѣ» великолѣпныя письма Самарина противъ іезуитовъ.»

Въ началѣ 1866 года графъ Муравьевъ, какъ мы знаемъ, былъ вновь уволенъ въ отпускъ за границу. Онъ жилъ преимущественно въ Парижѣ почти до половины 1868 года. Здѣсь Николай Николаевичъ не переставалъ получать со всѣхъ концовъ Россіи массу писемъ отъ многочисленныхъ его почитателей. Въ числѣ другихъ не забывалъ его и маститый нашъ просвѣтитель Восточной Сибири, архіепископъ Иннокентій. Слѣдующее письмо его изъ Благовѣщенска, отъ 2-го декабря 1867 года, свидѣтельствуетъ, какъ онъ глубоко уважалъ графа Муравьева:

«Думаю, не безъ удивленія вы встрѣтите это письмо мое. Сколько прошло уже не мѣсяцевъ, а годовъ послѣ того, какъ я писалъ вашему сіятельству! и я не могу и не имѣю права жаловаться на то, если вы уже считаете меня въ числѣ забывшихъ васъ. Эта мысль камнемъ ложилась на мое сердце каждый разъ, когда только она приходила мнѣ; и она приходила при каждомъ взглядѣ на вашъ портретъ или при воспоминаніи васъ. Говорить въ оправданіе то, что я не имѣлъ ничего, о чемъ бы писать вамъ, значитъ не сказать ничего. Правда, нерѣдко меня останавливала писать къ вамъ неизвѣстность, гдѣ вы находитесь. Но и это плохое оправданіе. Если не всегда, то нерѣдко я могъ послать письмо тѣмъ же путемъ, какъ пойдетъ это. Быть можетъ, я и еще отложилъ бы написать вашему сіятельству, если бы не пугала меня мысль, что скоро-скоро я не буду имѣть возможности ни къ кому писать собственноручно: а это потому, что зрѣніе мое стало такъ слабо, что я съ трудомъ могу прочесть и это письмо, и то съ помощію лупки; а здоровье мое, несмотря на то, что 26-го августа мнѣ минуло 70 лѣтъ, очень удовлетворительно; такъ что хоть и еще въ Камчатку. Но несмотря на такое состояніе зрѣнія моего, я не буду проситься на покой дотолѣ, пока могу видѣть мѣсто, гдѣ мнѣ подписаться. Итакъ простите и примите увѣреніе, что я и нынѣ остаюсь неизмѣнно съ тѣми чувствами къ вамъ, какъ былъ, съ тѣмъ же уваженіемъ, съ тою же благодарностью и съ тѣмъ же почтеніемъ.»

Между тѣмъ, въ концѣ 1867 года въ Петербургъ пріѣхалъ М. С. Карсаковъ по дѣламъ Восточной Сибири и, конечно, обо всемъ сообщилъ своему наставнику графу Муравьеву въ Парижъ. Графъ, въ свою очередь, естественно устремлялся всѣми своими помыслами къ любимому краю, которому отдалъ много лучшихъ лѣтъ своей жизни. При всей своей болѣзненности и почти-что отчужденности отъ правительственныхъ дѣлъ, онъ, сколько возможно, еще желалъ быть полезнымъ Восточной Сибири своимъ государственнымъ умомъ, знаніемъ и долголѣтнею опытностью. Графъ Муравьевъ былъ очень озабоченъ тѣмъ, что М. С. Карсаковъ рвался оставить свой постъ въ Сибири, вслѣдствіе разныхъ Петербургскихъ притѣсненій; хотя графъ Муравьевъ и сознавалъ трудность такого положенія, но, изъ любви къ краю, онъ не давалъ Карсакову разрѣшенія тотчасъ оставить Сибирь, изъ боязни, что излюбленный край его перейдетъ къ какому-нибудь несвѣдущему и неопытному лицу, которое не будетъ держаться его системы. Все это ясно мы увидимъ изъ цѣлаго ряда писемъ его изъ Парижа къ М. С. Карсакову.

28 ноября / 10 декабря. «Я знаю, что министръ финансовъ не любитъ Амура: онъ такъ думалъ, когда еще и не былъ министромъ. Ему не нравятся всякіе расходы, хотя бы весьма производительные въ будущемъ. Все финансовое дѣло въ Россіи такъ идетъ: безполезныхъ расходовъ и крестить не умѣютъ и, напротивъ, еще увеличиваютъ, а на полезное дѣло деньги отказываютъ. Я полагаю, что, для успленія заселенія Приморской области, тебѣ слѣдуетъ налечь теперь на удѣлы, которымъ отведенъ даромъ такой огромный и прекрасный край: они могутъ и должны для собственной пользы положить туда большіе капиталы именно на заселеніе, чтобъ получать выгоды съ этой земли; а не заселять, то и выгодъ не получать. Законы о золотопромышленности не должны зависѣть отъ цѣны хлѣба, а то, пожалуй, придумаютъ облегчить пошлину по случаю неурожая, а потомъ опять прибавлять; *а неувѣренность въ этомъ дѣлѣ болѣе всего мѣшаетъ его успѣху*. Я твердо стою на томъ, что золотопромышленность у насъ должна быть поощряема всѣми средствами и предоставлена всѣмъ сословіямъ безъ всякаго стѣсненія или исключенія, и тогда только цифра добываемаго золота достигнетъ нормальной своей точки, а нормальная точка для Восточной Сибири опредѣляется тѣмъ количествомъ рабочихъ, которыхъ можетъ удѣлить для этого дѣла, въ 1-хъ, сама Восточная Сибирь, во 2-хъ, пришельцы изъ Западной Сибири и внутреннихъ губерній; и всѣ эти цифры вмѣстѣ должны опредѣляться количествомъ хлѣба, возможнаго къ продажѣ изъ губерній: Том-

ской, Енисейской, Иркутской—и областей Забайкальской и Якутской, за исключеніемъ, разумѣется, хлѣба, потребнаго для войскъ и винокуренія. На всѣхъ этихъ данныхъ я расчитывалъ, что въ Восточной Сибири могутъ работать на золотыхъ промыслахъ, при среднемъ урожаѣ, 100 т. человѣкъ, а полагая приблизительно 33 человѣка на добычу одного пуда, оказывается, что такъ можно добывать въ годъ 3 т. пудовъ золота, если всѣ другія правительственныя препятствія будутъ устранены. Наши экономисты не хотятъ признать значенія увеличенія добычи золота въ Россіи и поэтому не хотятъ освободить этой промышленности отъ податей и стѣсненій; и такъ какъ въ этомъ я совершенно расхожусь въ мнѣніяхъ съ ними, то я предоставляю здравому разуму рѣшить между нами.»

4 декабря / 22 ноября. «Наши Русскія облигаціи теперь здѣсь въ ходу и въ курсѣ возвышаются; я полагаю, что и правительство безъ убытка продало тѣ, которыя не разобраны были по подпискѣ: развѣ банкиры его обманываютъ и не даютъ отчета въ продажѣ оныхъ съ выгодою!»

$^9/_{21}$ *декабря.* «Дѣло телеграфное надо тебѣ кончить при себѣ, особенно теперь, когда назначается новый министръ почтъ. Впрочемъ, со всѣмъ этимъ положеніемъ вещей, добросовѣстный человѣкъ въ отдаленной странѣ все еще можетъ быть полезенъ человѣчеству, и отечеству: слѣдуетъ лишь сколько можно менѣе обращаться къ Петербургскимъ властямъ и рѣшать всякое дѣло на мѣстѣ, не обременяя ихъ.

$^2/_{14}$ *января 1868 г.* «Мысль твоя о заработкѣ казенныхъ пріисковъ, чтобъ дать занятіе поселенцамъ, недурная; но надобно выбрать удачно, чтобъ имѣть пользу, да порядочнаго офицера назначить, который бы не укралъ ни денегъ, ни золота. Я тебѣ писалъ именно въ томъ смыслѣ, какъ ты мнѣ пишешь относительно продолженія твоего пребыванія въ Сибири, по крайней мѣрѣ, на нынѣшній годъ; но я и самъ понимаю, что долго тамъ тебѣ оставаться нельзя; съ нынѣшнимъ же годомъ ты кстати кончишь 20 лѣтъ Сибирской службы и 8 лѣтъ генералъ-губернаторства, что можетъ тебѣ дать право и на Государственный Совѣтъ. Здѣсь мы мирно поживаемъ, хотя въ странѣ, совершенно намъ враждебной, которая желаетъ даже и съ Пруссіею сойтись съ тѣмъ только, чтобъ намъ напортить; а Катковъ все старается Пруссію отъ насъ оттолкнуть своими выходками, а особенно разсужденіями о крѣпостяхъ на Прусской границѣ; хотя бы онъ въ это-то дѣло не мѣшался.»

$^6/_{18}$ *января.* «Спѣшу отвѣчать особенно относительно рабо-

чихъ. Ты опасаешься, что золотопромышленники на $^1/_3$ наймутъ рабочихъ менѣе прошлогодняго, а Комитетъ, въ виду этого опасенія, назначитъ тебѣ 100 т. рублей, разумѣется, для вспомоществованія тѣмъ рабочимъ, которые, оставаясь безъ работы, будутъ нуждаться въ пропитаніи. Разумѣется, что очень было ошибочно не уменьшить пошлины съ золотопромышленности, но когда уже такое состоялось постановленіе, то это и не перемѣнишь, и остается только сообразить, чтобы не оставалось слишкомъ много людей праздными и безъ пропитанія; и вотъ что̀, мнѣ кажется, было бы полезно для этого сдѣлать немедленно: написать къ губернаторамъ, что опытъ указываетъ, до какой степени хлѣбопашество мало распространено въ губерніяхъ, даже Енисейской и Иркутской, и тѣмъ паче въ Забайкальской области; что между тѣмъ въ нынѣшнемъ году предвидится уменьшеніе работъ на золотыхъ промыслахъ и поэтому много свободныхъ рукъ для хлѣбопашества, которое въ нихъ нуждается и не находило, а потому ты поручаешь губернаторамъ, лично или черезъ довѣренныхъ и вполнѣ благонадежныхъ чиновниковъ, внушить сельскимъ обществамъ воспользоваться этимъ излишествомъ рабочихъ и нынѣшнею же весною сдѣлать сколь возможно больше расчистокъ подъ пашни и сѣнокосы и усилить всемѣрно запашку *сообща, цѣлыми обществами*, примѣрно хоть по $1^1/_2$ десят. на душу пахотной земли; что главное начальство, по надлежащемъ освидѣтельствованіи произведенныхъ такимъ образомъ увеличеній запашки, сдѣлаетъ извѣстнымъ о нихъ общества, которыя наиболѣе въ этомъ дѣлѣ окажутся прилежными; что старшины этихъ обществъ будутъ награждены отличіями, и всѣ таковыя общества удостоятся особаго благоволенія начальства. Мѣра эта будетъ имѣть хорошія послѣдствія—я въ этомъ увѣренъ; и на пространствѣ Иркутской, Енисейской и Забайкальской губерній легко уйдутъ въ наемъ для этого дѣла 10 т. человѣкъ, которые останутся праздными отъ золотопромышленности; а каждый подобный человѣкъ расчиститъ и приготовитъ подъ пашню въ теченіе полугода, по крайней мѣрѣ, по двѣ десятины земли, а 20 т. десятинъ новой пахотной земли представятъ на слѣдующій годъ самымъ среднимъ урожаемъ отъ 50 т. до 70 т. четвертей хлѣба, т. е. считая яровой и озимой слишкомъ 300 т. пудовъ болѣе противъ обыкновеннаго сбора. Мнѣ кажется, что мѣра эта должна удаться; по крайней мѣрѣ, она мнѣ удалась въ 1849 году, при поѣздкѣ моей въ Охотскъ, по Ленѣ и въ Якутской области, гдѣ я лично внушалъ это крестьянамъ и, возвращаясь зимою того же года изъ Камчатки, имѣлъ удостовѣреніе, что расчистки сдѣланы, и съ тѣхъ

поръ по Ленѣ и въ Якутской области хлѣбопашество стало принимать гораздо бо́льшіе противъ прежняго размѣры, хотя климатъ тамъ ему не благопріятствуетъ. Желаю тебѣ благополучно докончить этотъ годъ въ Сибири, а въ будущемъ возвратиться на постоянный уже отдыхъ.»

Въ первые дни Новаго года М. С. Карсаковъ былъ у Государя, который въ разговорѣ съ нимъ отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о Н. Н. Муравьевѣ, изъявивъ при томъ надежду, что графу Амурскому еще придется послужить отечеству. Конечно, М. С. Карсаковъ не замедлилъ извѣстить Муравьева о такомъ милостивомъ къ нему вниманіи Государя, и Муравьевъ по поводу этого писалъ отъ $\frac{25 \text{ января}}{6 \text{ февраля}}$: «Милостивое вниманіе и память обо мнѣ Государя мнѣ очень дороги; я именно только того и желаю, чтобъ Государь помнилъ, что, *въ случаѣ надобности*, я готовъ и не совсѣмъ еще состарѣлся стать въ ряды храбрыхъ Его войскъ, и собственно для этой цѣли берегу свое здоровье; но я не менѣе самого Государя желаю для Россіи, чтобы надобности этой не встрѣтилось, т. е. чтобъ не было войны.

Очень буду радъ, если мысль моя о распространеніи земледѣлія, по случаю дороговизны хлѣба, можетъ тебѣ и Сибири пригодиться.

Я полагаю, что черезъ годъ будетъ 20 лѣтъ твоей Сибирской службы, и желалъ бы всякому изъ нынѣшнихъ государственныхъ сановниковъ имѣть право сказать, что 20 лѣтъ они прослужили съ такою пользою для отечества, какъ ты прослужилъ въ Сибири, и поэтому надѣюсь, что тебя отпустятъ оттуда съ честью, и что въ будущемъ году мы опять засядемъ вмѣстѣ съ тобою въ Государственномъ Совѣтѣ.

Въ нынѣшнемъ министерствѣ нельзя никому изъ главныхъ начальниковъ ожидать искренней поддержки: всѣ они желаютъ лишь умалять значеніе главныхъ начальниковъ и даже всякаго лица, нѣсколько самостоятельнаго; оно и прежде такъ бывало, но мнѣ кажется, что теперь люди стали мельче, хотя многіе и ученѣе, но оттого и мелочное самолюбіе ихъ сильнѣе. Потерпи же, потерпи еще немного, до слѣдующаго пріѣзда своего въ Петербургъ, да и поищи хорошенько себѣ хорошаго преемника, а то, вѣдь, въ Петербургѣ выдумаютъ такого, что въ два года все исковеркаетъ.»

$^{27}/_{15}$ *января.* «О назначеніи преосвященнаго Иннокентія въ Москву митрополитомъ я давно уже читалъ въ здѣшнихъ газетахъ, и такъ и думалъ, что это было завѣщаніе Филарета. Важнѣйшее,

по моему мнѣнію, достоинство Иннокентія—что онъ, подобно Филарету, и можетъ быть еще болѣе, отнесется къ раскольникамъ съ чувствомъ христіанской любви.»

$^{15}/_{27}$ *февраля.* «Любопытно знать, какъ ведутъ себя Поляки, которые здѣсь, въ Парижѣ, чрезвычайно какъ подняли голову и черезъ нѣсколько дней будутъ весьма торжественно праздновать какую-то годовщину.

Начинаю опять пить Виши: это уже приготовленіе къ отъѣзду въ Россію.»

LXXVI.

Графъ Н. Н. Муравьевъ въ Царскомъ Селѣ.— Его послѣднія письма оттуда М. С. Карсакову.— Причины, побудившія графа покинуть отечество и переѣхать въ Парижъ.

—

1868 г.

—

14-го апрѣля 1868 года графъ Н. Н. Муравьевъ снова поселился въ Царскомъ Селѣ. Жизнь его здѣсь и нравственное положеніе за это время ярко обрисовываются имъ самимъ въ слѣдующихъ письмахъ его къ М. С. Карсакову.

16-го апрѣля. «Къ сроку возвратился я сюда и вчера представлялся Государю. Онъ сказалъ мнѣ, что радъ меня видѣть; но, къ несчастію, я попалъ сюда къ новымъ морозамъ и чувствую себя нехорошо; надѣюсь, впрочемъ, что морозы эти продолжатся не долго, и мнѣ опять возможно будетъ продолжать мое воздушное лѣченіе, ибо въ Парижѣ я ходилъ и проводилъ на воздухѣ до 6 часовъ въ день, что̀ меня особенно и поддерживало.

Въ письмѣ твоемъ я нашелъ съ удовольствіемъ письмо архіепископа Камчатскаго Иннокентія, но теперь не знаю, куда ему отвѣчать, ибо не думаю, чтобъ 16-го мая онъ былъ еще въ Иркутскѣ; буду уже отвѣчать въ Москву, когда узнаю объ его туда пріѣздѣ.

Здоровье Н. А. Милютина все болѣе и болѣе возстановляется. Я нарочно заѣзжалъ къ нему въ Баденъ и много съ нимъ говорилъ, гулялъ и даже спорилъ. Ты видишь изъ этого уже, какъ онъ поправился послѣ прошлаго августа.»

26-го апрѣля. «На дняхъ ѣдетъ къ тебѣ графъ Растопчинъ, сынъ того, который сжегъ Москву въ 1812 г., мой однокашникъ въ Пажескомъ Корпусѣ и нынѣ въ должности шталмейстера Двора;

онъ совершенно разорился и ищетъ спасенья на службѣ въ Восточной Сибири. Не сомнѣваюсь, что, въ память знаменитаго отца его, ты сдѣлаешь усиліе, чтобъ дать ему средства къ существованію на службѣ; сынъ его уже служитъ у тебя капитаномъ въ линейныхъ баталіонахъ.

Я прозябаю здѣсь въ полномъ смыслѣ слова, но надѣюсь, что наступятъ же и теплые дни. Завтра—гусарскій праздникъ, т. е. празднуется 50-тилѣтіе шефства Государева надъ этимъ полкомъ, и маленькіе Великіе Князья будутъ на лошадкахъ, вѣроятно, Корейскихъ, при полку. День будетъ трудный, ибо празднество въ три пріема: парадъ, обѣдъ и театръ; но надѣюсь въ воскресенье отдохнуть, а въ понедѣльникъ поѣду, въ первый разъ по возвращеніи, въ Совѣтъ.

Черезъ мѣсяцъ жду сюда Барятинскаго и очень буду радъ его видѣть; онъ, вѣроятно, будетъ на ожидаемыхъ къ тому времени крестинахъ у Наслѣдника Цесаревича.» [1]

11-го мая. «Наконецъ-то телеграфное дѣло получило добрую надежду, и предварительныя условія подписаны. О предположеніи раздѣлить Сибирь—ничего не слыхать, и не думаю, чтобъ тебѣ въ нынѣшнемъ году можно было сюда пріѣхать по какому-либо случаю; но если ты считаешь Тимашева такимъ дѣльнымъ человѣкомъ, то почему бы тебѣ съ нимъ объ этомъ предметѣ не снестись хоть бы неоффиціальнымъ письмомъ? Впрочемъ, я о немъ того же мнѣнія, какъ и ты, что онъ человѣкъ съ убѣжденіемъ и умный.

Носковъ [2] передалъ мнѣ брошюрку для тебя объ Уссурійскомъ краѣ и объ учрежденіи тамъ торговой компаніи; вчера онъ эту брошюру вручилъ лично Великому Князю Константину Николаевичу, равно какъ и другую брошюру о Кяхтинской торговлѣ. Записку твою объ этомъ же предметѣ получили всѣ члены Совѣта, но Рейтернъ не желаетъ, чтобъ это дѣло входило въ Государственный Совѣтъ, развѣ удастся мнѣ черезъ Великаго Князя дѣло это туда подвинуть.

Письмо это ты, вѣроятно, получишь на Амурѣ, и кстати поздравляю тебя съ десятилѣтіемъ этого капризнаго ребенка, за которымъ мы такъ ухаживали еще 10 лѣтъ до его рожденія; тѣмъ не менѣе ребенокъ этотъ мнѣ все-таки дорогъ, и мнѣ весьма лю-

[1] Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ. 6-го мая 1868 г. у Него родился сынъ, Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Престола.

[2] Н. А. Носковъ, Сибирскій чайный торговецъ, переѣхавшій въ Москву.

бопытно знать, какъ онъ растетъ и процвѣтаетъ; напиши, пожалуйста, о немъ подробнѣе.

Митрополиту Московскому Иннокентію я отвѣчалъ на его письмо на встрѣчу съ Растопчинымъ, и если онъ не перемѣнится въ Москвѣ, то поѣду туда повидаться съ нимъ въ іюнѣ, когда наступитъ нашъ вакантъ.»

16-го мая. «Поздравляю съ десятилѣтіемъ Амура, которое ты, вѣроятно, отпраздновалъ тамъ же, гдѣ его крестилъ нынѣшній митрополитъ Московскій Иннокентій, т. е. въ Благовѣщенскѣ. Здѣсь мнѣ его праздновать не приходится, чтобъ не обращать вниманія сосѣдей, а я никогда не уважалъ ни юбилеевъ, ни особенно юбиляровъ.»

27-го мая. «Къ сожалѣнію, я не могъ тебя поздравить ни съ чѣмъ въ прошлый понедѣльникъ, и вообще милости были чрезвычайно ограничены въ эти крестины. [1] Но то далеко, что̀ было въ крестины другого Николая Александровича въ 1843 г., когда, по словамъ Ермолова, изъ 52 худыхъ генераловъ сдѣлано 52 полныхъ.

Здѣсь мы находимся постоянно между миромъ и войною, и никто, даже самые проницательные политики, не могутъ поручиться за сохраненіе мира даже одинъ мѣсяцъ впередъ: положеніе для всей Европы невыносимое, и виновникъ онаго, Наполеонъ, конечно, поплатится за это; но покуда что̀ случится, а всѣ въ тревогѣ, и я весьма кстати пріѣхалъ сюда, чтобъ быть на лицо въ это время, для успокоенія своей совѣсти; но никто другой ни малѣйшаго на меня вниманія не обращаетъ, и хотя я вижусь иногда съ Барятинскимъ, который теперь въ Царскомъ Селѣ, но и отъ него не слышу ни одного слова, которое бы относилось до меня; такъ что рѣшительно не могу сказать, есть-ли какія-либо предположенія на мой счетъ въ случаѣ войны.»

13-го іюня. «Это письмо найдетъ тебя, вѣроятно, уже остепенившимся давно *за письменнымъ твоимъ столомъ:* трудись же и трудись въ этомъ преимущественно занятіи, ибо никогда еще бюрократизмъ не былъ такъ развитъ, какъ нынѣ, и никакой совершившійся фактъ не имѣетъ значенія, если онъ не занесенъ въ журналъ. По правдѣ сказать, оно и гораздо легче управлять на бумагѣ и даже не заботиться о послѣдствіяхъ отданнаго приказанія или сдѣланнаго распоряженія: при этой системѣ намъ все представляется въ томъ благопріятномъ видѣ, какъ намъ угодно: и зачѣмъ же повѣрять, что̀ изъ всего вышло на дѣлѣ? Зачѣмъ

[1] Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

себя тревожить? И окружающіе тебя не потревожатъ: они всегда тебѣ скажутъ: «все благополучно, все превосходно!» Мнѣ скоро 60 лѣтъ, и поэтому система эта очень нравится: раскаяваюсь только, что я прежде любилъ другую систему; зачѣмъ было ломать дворянскія кости и голову, что̀ теперь и отзывается во всѣхъ частяхъ тѣла! Потому-то я и спѣшу дать тебѣ дружескій совѣтъ перестать это дѣлать. Но и новая система имѣетъ свои требованія: *надобно непремѣнно имѣть искусныхъ редакторовъ и сблизиться съ Михаиломъ Никифоровичемъ Катковымъ*, который одною статьею можетъ составить тебѣ всякую репутацію!

Недавно со мною случилось странное дѣло на желѣзной дорогѣ въ Москву: одинъ мой старый товарищъ зазвалъ меня къ себѣ въ верхнюю часть вагона, гдѣ я нашелъ двухъ другихъ гг., разумѣется, разсуждающихъ обо всемъ. Заговорили о Сибири, объ Амурѣ, о желѣзныхъ дорогахъ, и я настаивалъ, что *очень будетъ полезно, когда желѣзная дорога пойдетъ въ эти отдаленныя страны*. Гг. эти меня не знали; только видѣли во мнѣ генералъ-адъютанта, и слѣдственно разсуждали очень осторожно: но когда я ушелъ отъ нихъ внизъ, то одинъ изъ нихъ говоритъ моему старому товарищу: «Ну что̀ этотъ генералъ-адъютантъ говоритъ о тѣхъ странахъ, когда самъ Муравьевъ-Амурскій, опытный уже въ тѣхъ странахъ человѣкъ, видитъ, что онъ ошибся: онъ на Амуръ переселилъ 15 или 20 т. душъ—и все пропало!! Такъ сто̀итъ ли что̀ дѣлать для этой страны!» Тогда мой старый товарищъ говоритъ этому господину: «А знаете ли, кто этотъ генералъ-адъютантъ, который съ нами говорилъ?» Тотъ говоритъ: «нѣтъ, не знаю.»—«Ну, такъ,» говоритъ, «это самъ Муравьевъ-Амурскій.» Тогда только этотъ господинъ понялъ, что газетныя статьи ложны, и что на Амурѣ далеко *не все пропало!*—и перестал ораторствовать. Изъ этого ты можешь заключить, что̀ значатъ журнальныя статьи, а тѣмъ болѣе Каткова! Перестань же ты ломать свои кости! Сойдись съ Катковымъ, пиши въ бумагахъ, что все благополучно, и все будетъ хорошо. Не думай, что я пишу тебѣ иронически: совѣтъ мой основанъ на фактахъ и дѣйствительности вообще, mais si vous avez des scrupules à le suivre, alors, mon cher, quittez votre place, par ce que vous ne convenez pas au systême actuel et que vous serez un jour ou l'autre victime de votre zèle et de la calomnie.[1]

---

[1] Но если ты совѣстишься слѣдовать этому, тогда, мой милый, бросай свое мѣсто, потому что ты не подходишь къ настоящей системѣ, и, рано или поздно, ты сдѣлаешься жертвою своего усердія и клеветы.

Я тебѣ уже писалъ, чтобъ ты адресовалъ ко мнѣ свои письма à Paris, poste restante. Я получилъ уже отпускъ до излѣченія болѣзни и ѣду черезъ недѣлю прямо въ Парижъ, а оттуда поѣду, вѣроятно, въ Виши. Здоровье мое никогда такъ не пострадало отъ трехмѣсячнаго только пребыванія въ Петербургѣ, какъ нынѣшній разъ. Европейскія дѣла приняли весьма мирный оборотъ, и, на нынѣшній годъ по крайней мѣрѣ, уже войны ожидать нельзя, несмотря на разныя статьи Польскихъ газетъ, которыя всѣ свои надежды полагаютъ на поѣздку принца Наполеона въ Австрію и Турцію. Несчастные Поляки! Какъ ихъ надуваютъ Французы почти цѣлое уже столѣтіе, и какія грустныя для нихъ послѣдствія отъ ихъ легковѣрія!»

28-го іюня. «Прежде всего благодарю за телеграмму изъ Благовѣщенска тебя и всѣхъ, ее подписавшихъ. Спасибо, что вспомнили старика, который только и живетъ воспоминаніями того добраго времени, когда онъ съ вами былъ въ Сибири. Благодари за меня и всѣхъ въ Иркутскѣ и въ Нерчинскѣ, которые вспомнили меня въ этотъ день.

Въ Москву я ѣздилъ на три дня повидаться съ митрополитомъ Иннокентіемъ и возвратился сюда только вчера, а теперь буду собираться въ другой путь. Первая моя встрѣча съ митрополитомъ была для меня не совсѣмъ лестна: онъ обнялъ, благословилъ меня и опустилъ руки, съ грустнымъ удивленіемъ сказавши: «Ахъ, какъ вы постарѣли!» Митрополитъ, кажется, радъ былъ со мною видѣться, и долго мы съ нимъ толковали все о прошломъ времени и объ Амурѣ, который оба мы и любимъ, и не забываемъ. Говорили, разумѣется, и о тебѣ, и о твоихъ подчиненныхъ, и всѣхъ онъ васъ любитъ.

Возвращаясь отъ прошедшаго къ настоящему, я могу тебѣ сказать, что войны ожидать нельзя не только въ нынѣшнемъ году, но и далѣе, и даже воинственный Тьеръ въ послѣднихъ рѣчахъ своихъ во Французской Законодательной Палатѣ провозгласилъ, что ранѣе 8 или 10 лѣтъ Франція воевать не должна и не можетъ; а въ теченіе этого времени, конечно, не станетъ ни Наполеона, ни меня, слѣдственно и съ этой стороны ждать мнѣ болѣе нечего. А между тѣмъ пребываніе мое *въ здѣшнемъ климатѣ* такъ пагубно на меня дѣйствуетъ и нравственно, и физически, что, право, умрешь безвременно и въ разлукѣ со всѣмъ тѣмъ, что̀ дорого сердцу; а такъ какъ теперь уже прошли всѣ сроки, т. е. мнѣ 60-й годъ, службы, за вычетомъ отставки,—37-й, и со времени присоединенія къ Россіи Амура минувало благополучно *десятилѣтіе*,—то надѣюсь, что никто не воспрепятствуетъ мнѣ

доживать вѣкъ мой въ климатѣ, болѣе здѣшняго мнѣ благопріятномъ, и на первое время я располагаю ѣхать за границу, гдѣ теперь жена, и гдѣ мнѣ необходимы воды Виши: а потомъ, вѣроятно, поселюсь на югѣ Россіи; къ тому же времени кончится и желѣзная дорога отъ Балтійскаго до Чернаго моря, слѣдственно, и въ случаѣ какой-либо крайности я могу доѣхать оттуда до Петербурга, тѣмъ болѣе, что и Лидерсъ живетъ въ Одессѣ, а его ужъ не разъ на случай войны оттуда вызывали.

Настоящій пріѣздъ мой, можетъ быть, былъ и не совсѣмъ безполезенъ для Россіи, и преимущественно для Сибири, такъ какъ я имѣлъ случай высказаться въ дѣлѣ о Кяхтинской торговлѣ. Государственный Совѣтъ внялъ моимъ словамъ, и большинство было въ пользу этой торговли; но какъ рѣшилъ Государь — я еще не знаю, ибо журналъ мы подписали только въ послѣднее засѣданіе, но болѣе объ этомъ предметѣ мнѣ ужъ и говорить не придется ни въ какомъ случаѣ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и князь Горчаковъ прежде высказали свое мнѣніе въ пользу этой торговли, а я въ Общемъ Собраніи только поддерживалъ ихъ мнѣніе, и—странное дѣло, что въ 1861 году дебютъ мой въ Государственномъ Совѣтѣ былъ Кяхтинскимъ же дѣломъ, и послѣднія мои слова въ этомъ Совѣтѣ были о томъ же предметѣ, и—amen!

Князь Дондуковъ-Карсаковъ опять явился на сцену, вступилъ на службу и причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ тебѣ приходится съ родни, и потому ты самъ его лучше меня знаешь; я же знаю о немъ только по разговорамъ съ фельдмаршаломъ Барятинскимъ, и то по прежнимъ. Теперь же, въ послѣднее пребываніе его здѣсь мѣсяцъ тому назадъ, я хотя и видѣлся съ Барятинскимъ нѣсколько разъ, но нашелъ его весьма мало разговорчивымъ и почти ни разу свободнымъ—такъ много у него было посѣтителей. Онъ поѣхалъ въ свое новое имѣніе, которое наслѣдовалъ отъ Толстыхъ въ Курской губерніи, и мы простились съ нимъ до свиданья опять за границею, куда онъ необходимо долженъ ѣхать на зиму для своего здоровья.»

18-го іюля. «Я не отвѣчалъ ни на одну телеграмму, которыя были мнѣ сдѣланы по случаю десятилѣтія, *по особеннымъ мѣстнымъ причинамъ и соображеніямъ моимъ*, но глубоко чувствую благодарность ко всѣмъ тѣмъ, которые обо мнѣ добромъ вспоминаютъ; пожалуйста, скажи это всѣмъ по принадлежности, а въ особенности Нерчинскимъ гражданамъ, которые не только сдѣлали мнѣ телеграмму, но и напечатали ее и весь праздникъ въ здѣшнихъ газетахъ. Я читаю теперь это описаніе почти наканунѣ

отъѣзда моего отсюда *надолго и, можетъ быть, навсегда!* Я просилъ и получилъ отпускъ *до излѣченія* болѣзни въ южныя губерніи Россіи и за границу; жить мнѣ здѣсь нельзя: климатъ такъ мнѣ вреденъ, что я постоянно разстроенъ не только физически, но и нравственно, а это дѣйствуетъ хуже всего на сердце и печень— двѣ страждущія у меня части тѣла, и всякій разъ, какъ возвращусь сюда на нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ становится хуже. Жаль мнѣ только, что многіе хорошіе люди обвиняютъ меня, что я отказываюсь отъ дѣятельности, что я, будто бы, не хочу употреблять въ пользу отечеству моихъ способностей и т. п.: но никто не подумаетъ и не спроситъ, какую дѣятельность мнѣ предлагали? Да и вообще я слишкомъ цѣню Государевы милости и пожалованные мнѣ чины, чтобъ я могъ въ какомъ-либо положеніи подчиниться младшему въ чинѣ. Вольно же такія учрежденія писать! Министрами, конечно, назначаются не старшіе, а тѣ, которыхъ избираетъ Государь; но министры въ самодержавномъ правленіи не могутъ быть начальниками: начальникъ— одинъ Государь, а министры — только исполнители Его воли. Впрочемъ, зачѣмъ распространяться о всѣхъ этихъ мнѣніяхъ моихъ? Довольно сказать, что я не въ силахъ исполнять приказаній ничьихъ, кромѣ Государевыхъ: такъ, я былъ 13½ лѣтъ въ Восточной Сибири — и лицомъ въ грязь не ударилъ; не на старости же лѣтъ мнѣ учиться ждать по переднимъ благосклоннаго пріема.

Не безъ огорченія пишу я тебѣ это письмо вслѣдствіе упрековъ, которые мнѣ часто дѣлаютъ даже пріятели.

Искренно ты меня порадовалъ всѣми извѣстіями о краѣ, и въ особенности объ окрестностяхъ Благовѣщенска. 21-го числа уѣзжаю за границу, и прошу тебя писать мнѣ о рѣшеніи Государя по Кяхтинскому дѣлу. Ты уже, конечно, знаешь, что пошлину не уменьшили: желаю душевно, чтобъ обстоятельства поблагопріятствовали этой торговлѣ удержаться съ прежнею пошлиною. Теперь прощай! Это послѣднее мое письмо къ тебѣ изъ Царскаго.»

Нельзя не замѣтить общаго грустнаго тона этихъ послѣднихъ приведенныхъ нами писемъ графа Николая Николаевича, исполненныхъ раздражительности и какого-то горькаго предчувствія. Готовясь, быть можетъ, навсегда, какъ онъ выражается, покинуть свою родину, безъ всякой надежды когда-либо вновь сослужить ей новую службу, онъ какъ бы прощается со своимъ прошлымъ, прощается со всѣмъ, что было такъ близко и дорого его сердцу. И въ самомъ дѣлѣ, что оставалось дѣлать ему? О новомъ

какомъ-либо назначеніи, достойномъ его заслугъ и способностей, нечего было и помышлять; не могъ же онъ долѣе сносить того ложнаго положенія, въ которое поставили его недоброжелатели, и, чтобы облегчить сколько-нибудь нравственную тяготу свою, почелъ онъ за лучшее удалиться за границу. Правда, туда призывало его и разстроенное здоровье, для поправленія котораго нуженъ былъ болѣе благопріятный климатъ, но, мощный духомъ, онъ не остановился бы и передъ болѣзнію, не поскупился бы и послѣднія свои силы посвятить службѣ Государевой и пользамъ отечества, еслибъ то было нужно: ибо Николай Николаевичъ принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя, казалось, только и созданы были для кипучей дѣятельности, а внѣ ея—осуждены были страдать отъ нравственной неудовлетворенности и физическихъ недуговъ. Грустное предчувствіе его оправдалось: своимъ отъѣздомъ за границу онъ дѣйствительно *навсегда* разстался съ своею родиною. Не суждено, видно, было наступить для него теплымъ днямъ, на которые онъ сперва выражалъ было слабую надежду въ письмѣ М. С. Карсакову отъ 26-го апрѣля 1868 года. И вотъ онъ въ Парижѣ, который избралъ для своего постояннаго мѣстопребыванія. Здѣсь долженъ былъ онъ, въ невольномъ бездѣйствіи, доживать остатки своей жизни.

«Но полное забвеніе было невозможно», пишетъ М. И. Венюковъ, [1] «несмотря на стараніе многихъ редакторовъ и докладчиковъ номерныхъ бумагъ. За изгнанника rue Miromenil (гдѣ онъ жилъ) не разъ вступался кто-то, кто умнѣе Вольтера, т. е. общественное мнѣніе. А пріѣзжіе въ Парижъ Русскіе искали, какъ особой чести и удовольствія, встрѣчаться со старикомъ-юношей. И онъ высоко цѣнилъ это вниманіе, особенно со стороны Сибиряковъ, иногда привозившихъ ему Байкальскихъ омулей, [2] Китайскія яблоки, и иногда присылавшихъ сочувственныя телеграммы.»

[1] Русская Старина. 1882 г., стр. 526.

[2] Рыба Байкальская.

LXXVII.

Командировка И. В. Шумахера въ Парижъ къ Муравьеву.—Смерть М. С. Карсакова.—Жизнь графа Муравьева въ Парижѣ, по разсказамъ современниковъ.—Кончина графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.—Заключеніе.

1869—1881 г.

Въ маѣ 1869 года М. С. Карсаковъ, по желанію Муравьева, командировалъ въ Парижъ своего чиновника особыхъ порученій П. В. Шумахера, который долженъ былъ представить Муравьеву, для прочтенія и редактированія, составленный имъ историческій трудъ *«О пріобрѣтеніи и занятіи Пріамурской страны и о всѣхъ экспедиціяхъ, которыя для этой цѣли были совершены въ тотъ край»*. Трудъ этотъ, конечно, долженъ былъ живо интересовать Муравьева и потребовать не мало времени для его тщательнаго просмотра. Въ письмѣ своемъ изъ Парижа къ М. С. Карсакову, Шумахеръ даетъ такой отчетъ о своихъ занятіяхъ съ Муравьевымъ: «Имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что занятія мои съ графомъ Николаемъ Николаевичемъ, хотя и довольно медленно, но подвигаются. Настала Страстная недѣля: графъ говѣлъ: на Святой множество визитовъ не позволили ему заняться со мною, и до настоящаго времени онъ могъ мнѣ посвятить только нѣсколько утреннихъ часовъ, въ которые онъ свободенъ. Теперь опять препятствіе: ему велѣлъ докторъ утромъ ѣздить въ Ангенъ брать ванны. Это снова задержитъ наши занятія: но во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что все будетъ кончено къ концу іюня. Безъ лести для себя могу сказать, что его сіятельство очень доволенъ моимъ трудомъ.[1] Литера-

---

[1] Частью трудъ этотъ былъ впослѣдствіи напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» и въ настоящее время намъ любезно предложенъ самимъ авторомъ для пользованія при составленіи нашей книги.

турный людъ Парижа, съ которымъ я сошелся, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ появленія изданія объ Амурѣ и обѣщаетъ ему, на Французскомъ языкѣ, большой успѣхъ. Конечно, все ограничивается между нами бесѣдой, и ни одной главы я имъ не переводилъ и не переведу до того времени, пока не получу разрѣшенія отъ васъ.»

1871 года 16-го марта, къ великому огорченію графа, не стало его преемника Михаила Семеновича Карсакова. Онъ скончался въ С.-Петербургѣ отъ тифа, будучи только-что назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Десятилѣтнее управленіе его Восточною Сибирью отличалось тѣмъ, что имъ не было допущено никакой ломки существовавшаго при Муравьевѣ порядка и никакихъ перемѣнъ. Будучи ближайшимъ свидѣтелемъ и непосредственнымъ исполнителемъ всѣхъ предшествовавшихъ предначертаній правительства, раздѣляя всѣ воззрѣнія и вполнѣ сочувствуя всѣмъ преобразованіямъ своего предшественника, покойный Михаилъ Семеновичъ, со свойственными ему безкорыстіемъ и чистосердечіемъ, понялъ, что самымъ благотворнымъ для края и полезнымъ для государства способомъ дѣйствій будетъ продолженіе, упроченіе и окончательное завершеніе всего начатаго и созданнаго въ Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ. Въ этомъ заключается главнѣйшая его заслуга передъ государствомъ! Покойный снискалъ себѣ теплыя симпатіи и добрую память большинства всѣхъ, знавшихъ его и находившихся подъ его начальствомъ.

Мы же лично, со смертью М. С. Карсакова, лишаемся переписки его съ Муравьевымъ, чѣмъ пресѣкается для насъ возможность слѣдить за дальнѣйшею жизнью послѣдняго по его собственнымъ письмамъ. Въ виду этого, для изображенія послѣднихъ десяти лѣтъ жизни графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, проведенной преимущественно въ Парижѣ, единственнымъ источникомъ для насъ остаются лишь отрывочныя воспоминанія о немъ Венюкова, Филипсона, бывшихъ его сослуживцевъ, и Югорскаго, знавшаго Муравьева именно въ періодъ Парижской его жизни.

По словамъ Венюкова, [1] «Муравьевъ сталъ въ Парижѣ симпатичнѣйшимъ человѣкомъ, какимъ былъ отъ природы. Что, напримѣръ, былъ для него я», говоритъ Венюковъ, «какъ не капризный штабсъ-капитанъ, ушедшій со службы изъ Восточной Сибири довольно рѣзкимъ манеромъ и даже вызвавшій въ 1858 году его замѣчаніе: «онъ со мною не хочетъ служить.» Однако, сколько разъ имѣлъ я удовольствіе въ 1876—1877 годахъ принимать его

[1] Русск. Стар. 1882 г., стр. 526.

у себя въ крошечной комнатѣ скромнаго отеля Saint Roch. И мы часами бесѣдовали не объ одномъ прошломъ, а о современномъ и грядущемъ Россіи, особенно Азіатской, объ ихъ благѣ и счастіи, такъ упорно имъ не дающихся.

Что нѣкоторые соперники старались набросить на Муравьева тѣнь забвенія—это понятно. Онъ кололъ имъ глаза...... Такъ, нѣкто NN., теперь, кажется, умершій, являлся довольно часто въ Парижъ соглядатайствовать въ тамошнемъ высшемъ Русскомъ обществѣ, а вмѣстѣ и развлекаться съ дамами полусвѣта. Николай Николаевичъ не пускалъ его къ себѣ, и, разумѣется, тотъ оглашалъ его потомъ въ Петербургѣ «человѣкомъ непримиримой оппозиціи.»

Югорскій,[1] описывая свое пребываніе въ Парижѣ, между прочимъ вспоминаетъ объ Муравьевѣ слѣдующее: Я знавалъ графа Амурскаго уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Жилъ онъ въ Парижѣ совсѣмъ частнымъ человѣкомъ и служилъ однимъ изъ главныхъ средоточій Русской тамъ колоніи. Масса пріѣзжавшихъ изъ Россіи лицъ считала за особое для себя удовольствіе и честь явиться на поклонъ къ этому достойному человѣку. О Сибирякахъ я уже не говорю; для тѣхъ онъ и въ Парижѣ, хотя и окруженный совершенно частною обстановкой, сохранилъ прежнее необычайное обаяніе.

Мнѣ приходилось въ то время часто его видѣть и пользоваться его хлѣбосольнымъ русскимъ гостепріимствомъ. Въ его кабинетѣ я видѣлся со всѣми выдающимися личностями изъ числа Русскихъ, проживавшихъ въ Парижѣ: въ качествѣ самыхъ близкихъ къ нему лицъ я встрѣчалъ тамъ нашего посла князя Орлова, настоятеля Парижской Русской церкви отца Прилежаева и все семейство покойнаго Н. И. Тургенева (извѣстнаго декабриста). Въ такомъ интимномъ кругу графъ часто разсказывалъ о различныхъ предметахъ, касавшихся и Сибири и всей его государственной дѣятельности. Какъ ни молодъ былъ я еще въ то время, но его разсказы и его тихая, плавная рѣчь оставили на мнѣ неотразимое впечатлѣніе.

Графъ Амурскій первый возбудилъ и донынѣ нерѣшенный вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ Сибири. Время было такое, что о желѣзныхъ путяхъ въ нашемъ отечествѣ еще мало было рѣчи. Тогда дѣйствовали только Царскосельская дорога да, открытая съ 1852 года, Николаевская линія. А Николай Николаевичъ уже въ то время сознавалъ, какое неоцѣнимо благотворное вліяніе окажутъ подобные пути, и даже указалъ на особую важность того участка, который предназначенъ соединить только-что пріобрѣтенный край

[1] Московск. Вѣдом. 1891 г., № 18.

съ коренною Россіей. Въ то время (1859) онъ энергически сталъ ходатайствовать объ устройствѣ желѣзной дороги, но встрѣтилъ особыя препятствія со стороны Петербургскихъ административныхъ инстанцій. Сколько мнѣ помнится, графъ приписывалъ свои неудачи въ этомъ вопросѣ особому вліянію, бывшаго въ то время государственнымъ канцлеромъ, графа Нессельроде, относившагося къ присоединенію Амурскаго края вообще скептически. Муравьевъ обзывалъ это—«нѣмецкою» со стороны Нессельроде политикой. Вообще, по словамъ графа Амурскаго, въ то время находились люди, которые сильно критиковали самую идею присоединенія Амурскаго края. Самъ Нессельроде отзывался, «что отдаленная Сибирь была до того времени для Россіи глубокимъ мѣшкомъ. въ который спускались наши соціальные грѣхи и подонки, въ видѣ ссыльныхъ, каторжныхъ и т. п.; съ присоединеніемъ же Амура, дно этого мѣшка должно было оказаться распоротымъ, и нашимъ каторжникамъ могло представиться широкое поле для бѣгства по Амуру въ Восточный океанъ.» Однако опасенія этой партіи государственныхъ людей ни въ какомъ отношеніи не осуществились: если каторжные и убѣгали съ каторги, то продолжали бѣгать въ Европу черезъ тайгу, на западъ, а за устьемъ Амура образовалась у насъ теперь самая лучшая каторжная колонія на островѣ Сахалинѣ.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о графѣ Николаѣ Николаевичѣ не могу не вспомнить о томъ высокомъ мнѣніи, какое онъ имѣлъ о мощныхъ силахъ Русскаго народа и о самобытности Русскаго національнаго духа.

Русскій народъ, говаривалъ графъ слушавшимъ его,—представляется мнѣ въ видѣ огромнаго, сильнаго слона. Идетъ себѣ этотъ слонъ по своей дорогѣ тихо, спокойно, медленно подвигаясь впередъ и все впередъ. А у головы его, вокругъ ушей. кишатъ кучи мошекъ, мухъ и комаровъ. Всѣ онѣ жужжатъ ему въ уши, садятся ему на голову и вообще безпокоятъ его. Но слонъ идетъ себѣ все впередъ и помахиваетъ хоботомъ направо и налѣво отъ безпокойныхъ мошекъ. Такъ и Россія наша; сколько бы надъ нею ни жужжали разные дѣятели съ общественнаго или частнаго почина, а ей они въ поступательномъ движеніи нисколько не помѣшаютъ. Все она идетъ себѣ впередъ какъ мощная, хотя и тяжелая на подъёмъ, слоновая натура.»

Наконецъ, Г. И. Филипсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1] о послѣднихъ годахъ жизни графа Муравьева говоритъ такъ: «Черезъ много лѣтъ я встрѣтился съ Муравьевымъ въ Брюсселѣ, но жилъ

[1] Русскій Архивъ. 1883 г., стр. 352.

онъ постоянно въ отпуску въ Парижѣ. Мы встрѣтились друзьями, и онъ представилъ меня графинѣ. Мнѣ она показалась женщиной умной. Впослѣдствіи я встрѣчалъ ихъ въ Парижѣ, Висбаденѣ и встрѣчалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что дружеская бесѣда съ Муравьевымъ, сохранившимъ свою живость, напоминала мнѣ нашу общую молодость. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его весной 1877 г. Онъ очень одряхлѣлъ и осужденъ на строгую діэту. Война Турціи была объявлена, и онъ явился въ Петербургъ, чтобы предложить себя правительству, но уѣхалъ ни съ чѣмъ въ Парижъ. Что стало ему поперекъ дороги, совершенно не знаю и не хотѣлъ спрашивать. Говорятъ, его считаютъ *краснымъ*. Плохо же», восклицаетъ Филипсонъ, «различаются у насъ цвѣта!»

Такъ сошелъ съ государственнаго поприща графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Поѣздка въ Петербургъ была послѣднею его попыткою отслужить еще службу отечеству. Но здоровье его уже было надорвано. Еще три-четыре года... и развившаяся острая болѣзнь низвела его въ могилу.

Въ метрическихъ книгахъ Свято-Троицкой Александро-Невской церкви, состоящей при Россійско-Императорскомъ посольствѣ въ Парижѣ, читаемъ:[1] «1881 г., ноября 18-го дня скончался отъ *гангрены* членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Передъ смертію былъ исповѣданъ и пріобщенъ Святыхъ Таинъ протоіереемъ Василіемъ Прилежаевымъ. Тѣло предано землѣ на Монтмартрскомъ кладбищѣ въ Парижѣ.»[2]

[1] Дѣло Арх. Департам. Геральдіи 1882 г., л. 47, шкафъ XIII.

[2] Соотечественники рѣшили воздвигнуть Муравьеву, достойный его заслугъ, памятникъ. Прошло 10 лѣтъ, и эта мысль осуществилась: въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ манежѣ былъ выставленъ этотъ памятникъ, изготовленный для перевозки въ Сибирь. Нечего и говорить, какъ живо интересовались имъ все общество и особенно Сибиряки. Вотъ какъ описываетъ этотъ памятникъ Югорскій: «Графъ представленъ приблизительно въ сорокапятилѣтнемъ возрастѣ, и статуя отлита съ модели академика А. М. Опекушина, руководствовавшагося при изображеніи этого государственнаго дѣятеля извѣстными портретами К. Маковскаго, которые существуютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Лица, знавшія графа въ молодыхъ лѣтахъ, признаютъ въ его фигурѣ несомнѣнное сходство. Графъ изображонъ во весь ростъ. Вышина всей фигуры доходитъ до 7 аршинъ. Онъ стоитъ со скрещенными на груди руками и держитъ въ одной рукѣ свертокъ Айгунскаго трактата, а въ другой—морской бинокль. Памятникъ будетъ поставленъ на берегу Амура, въ городѣ Хабаровкѣ, на высокой природной скалѣ, возвышающейся надъ водой саженъ на двадцать. Этою высотой натуральнаго пьедестала и объясняются колоссальные размѣры памятника. Съ постамента, на которомъ стоитъ фигура, будетъ спускаться по скалѣ цѣпь съ двумя якорями; лѣвой ногой Муравьевъ опирается на вбитую въ землю сваю: то и другое является символомъ упроченія государственной власти на нашемъ крайнемъ Востокѣ.

Памятникъ отправленъ изъ Петербурга черезъ Одессу во Владивостокъ, откуда онъ перевезется на лошадяхъ до озера Ханка и затѣмъ водой по Уссури и Амуру до Хабаровской скалы.» *(Московск. Вѣдом. 1891 г., № 18.)*

До послѣдней минуты графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, по свидѣтельству современниковъ, преисполненъ былъ самыхъ благородныхъ стремленій и горячо сочувствовалъ всѣмъ великимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ отечества. Его государственная дѣятельность оставила по себѣ яркій слѣдъ; но, по неизбѣжной судьбѣ большинства выдающихся дѣятелей, Муравьевъ былъ и остался предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ сужденій.

Не намъ рѣшать эти разнорѣчія; мы, съ своей стороны, изложили все, что дано было намъ источниками, относительно его жизни и дѣятельности; что же касается обсужденія его заслугъ, установленія того или другого взгляда на самую личность Муравьева, то намъ кажется, это совершенно излишне, въ виду цѣлой массы приведенныхъ нами писемъ, въ которыхъ такъ живо отражается образъ ихъ автора. Скажемъ одно: всякій безпристрастный читатель сумѣетъ оцѣнить по достоинству Муравьева, а праведный судъ исторіи произнесетъ надъ нимъ окончательный приговоръ свой.

Конецъ первой книги.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

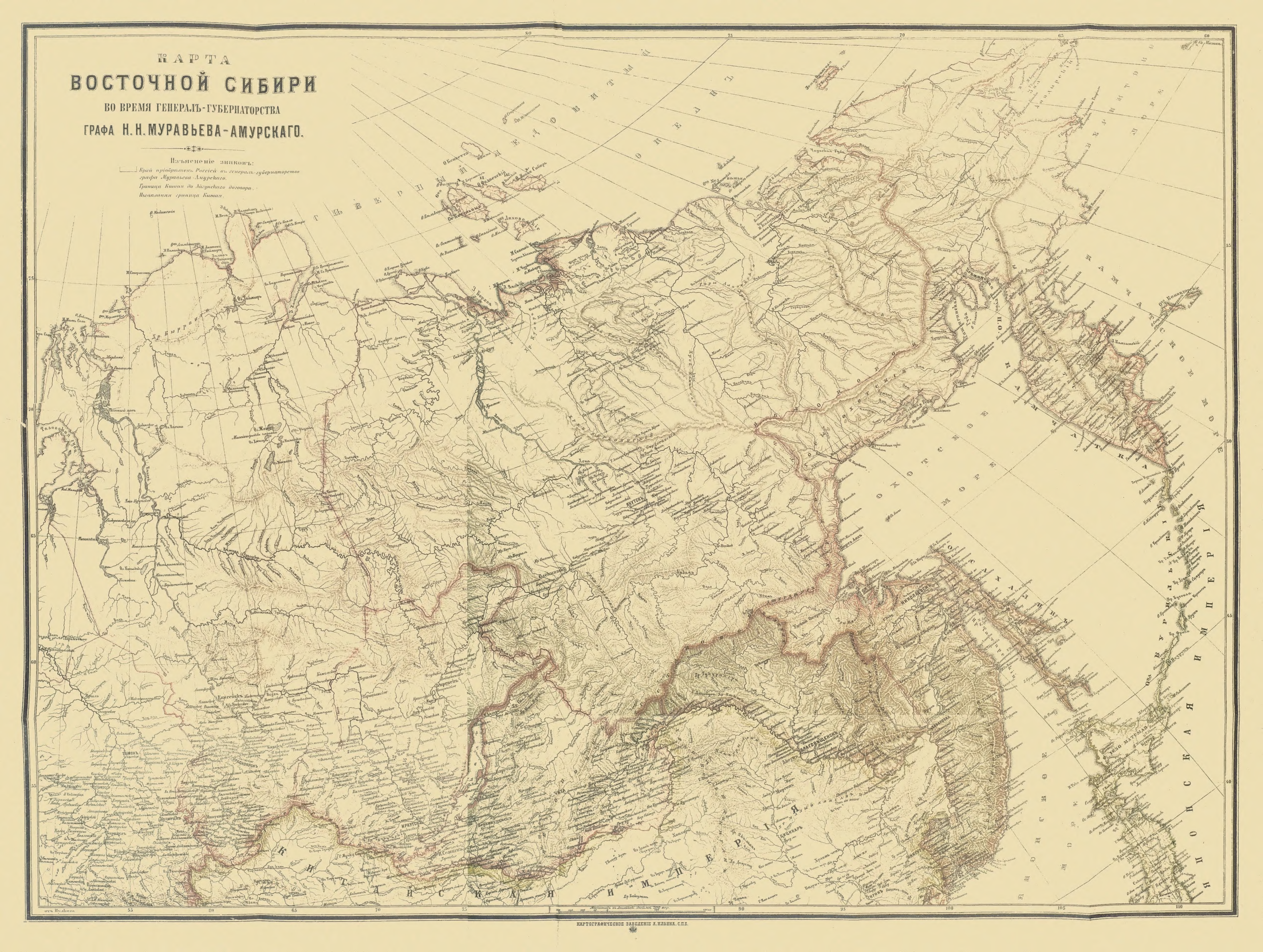
Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

КАРТА
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
ВО ВРЕМЯ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВА
ГРАФА Н. Н. МУРАВЬЕВА-АМУРСКАГО.
Изъясненіе знаковъ:
Край пріобрѣтенъ Россіей въ генералъ-губернаторство графа Муравьева-Амурскаго.
Граница Китая до Айгунскаго договора.
Нынѣшняя граница Китая.
ОХОТСКОЕ МОРЕ
КИТАЙСКАЯ ИМПЕРІЯ
ЯПОНСКАЯ ИМПЕРІЯ
КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА. С.П.Б.

